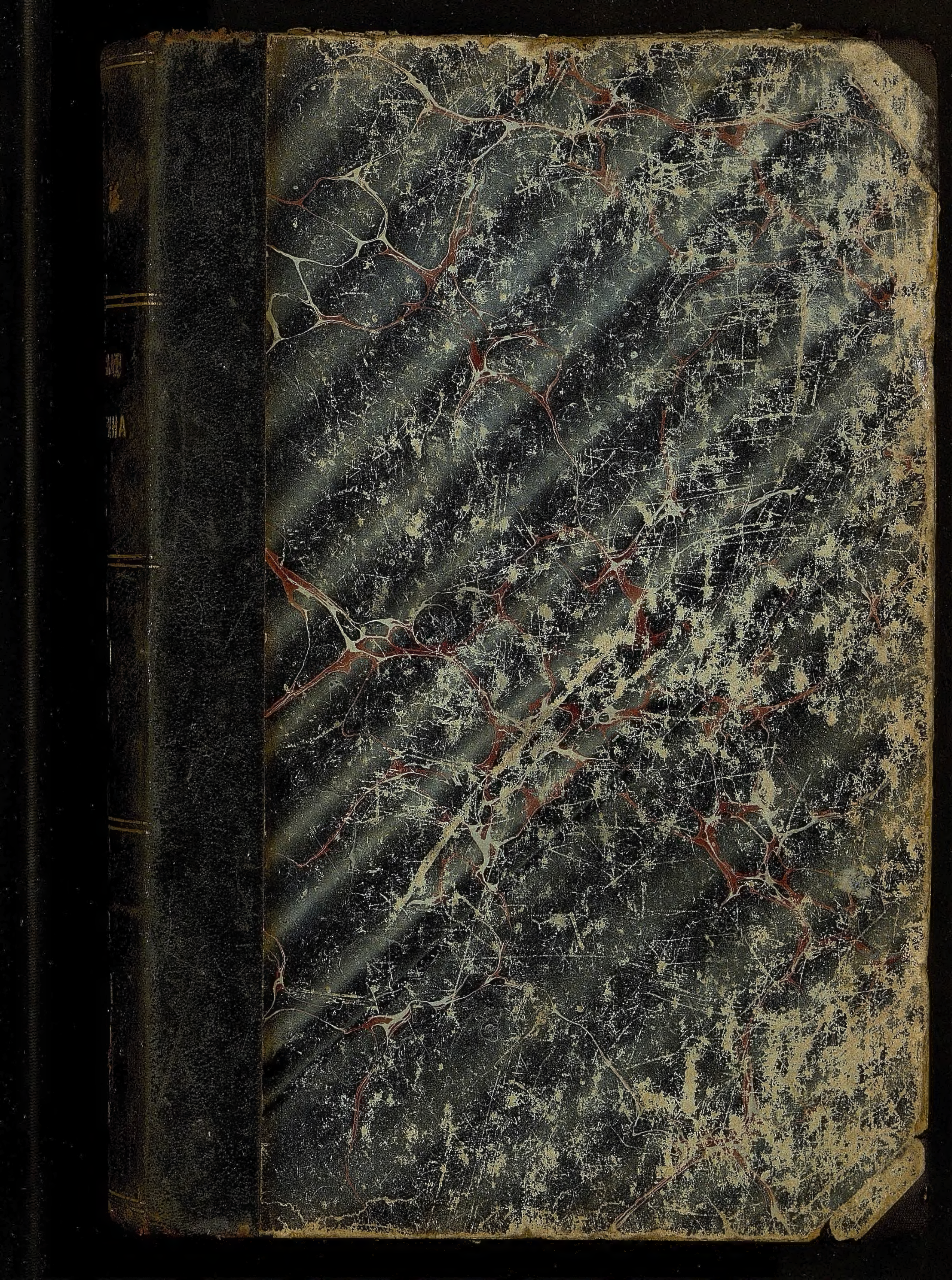
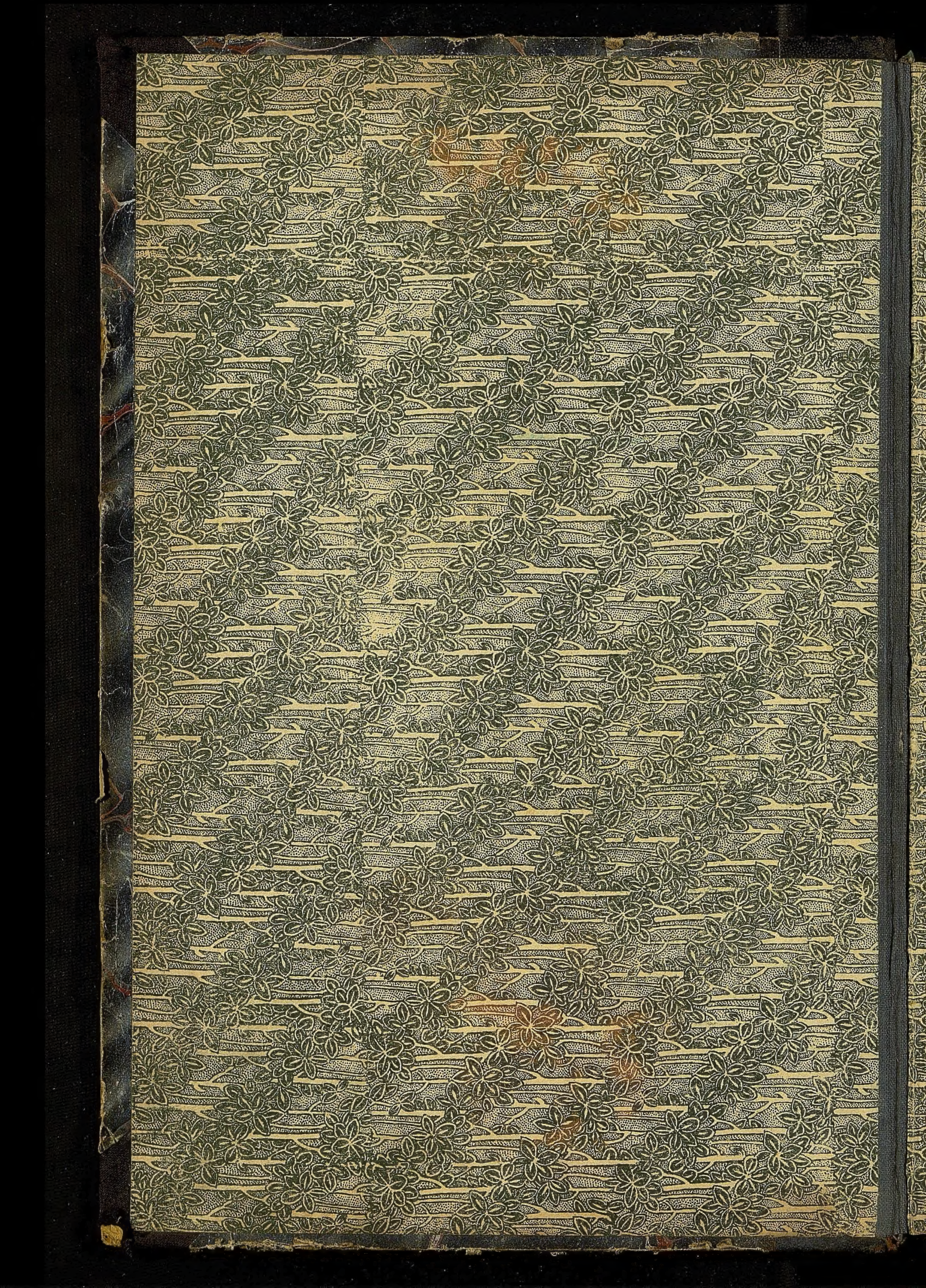
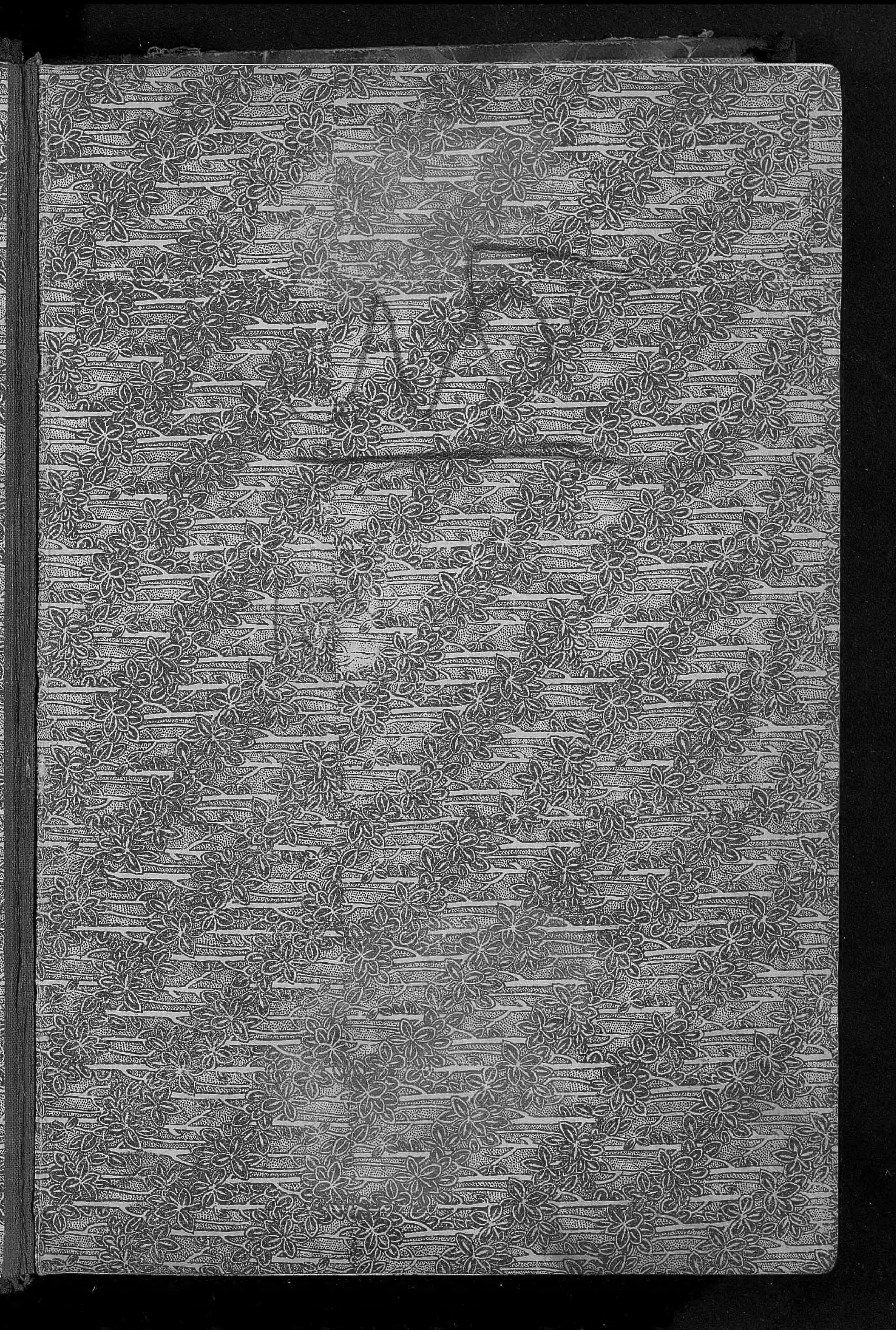

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

1911.

РЮРИКОВИЧИ · РОМАНОВЫ

АРТ. МАТВѢЕВ · БОР. ГОЛИЦЫН · ГОЛОВИНЫ

ПОСОШКОВ · ШАФИРОВ · МАКАРОВ

ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА ПЕРВАЯ

ѲЕОФАН · ПРОКОПОВ · ЯК · ДОЛГОРУКОВ · МЕНШИКОВ · ШЕРЕМЕТЕВ

ИМПЕРАТОРЪ ПЕТРЪ ВТОРОЙ

КАНТЕМИР · ВОЛЫНСКІ

ИМПЕРАТРИЦА АННА-ІОАННОВНА

ЛОМОНОСОВ · ЯК · ШАХОВСК · БЕСТУЖЕВ · РЮМ · ИВ · ШУВАЛОВ

ИМПЕРАТОРЪ ПЕТРЪ-ТРЕТІЙ

Ѳ · ВОЛКОВ · СУМАРОКОВ · КОКОРИНОВ · БОРТНЯНСК · ДЕРЖАВИН · КУЛИБИН · ГОЛ · КУТУЗОВ

ДАШКОВА · ОРЛОВЫ · ПОТЕМКИН · РУМЯНЦОВ · СУВОРОВ · БЕЗБОРОДКО · БЕЦКОЙ · НОВИКОВ

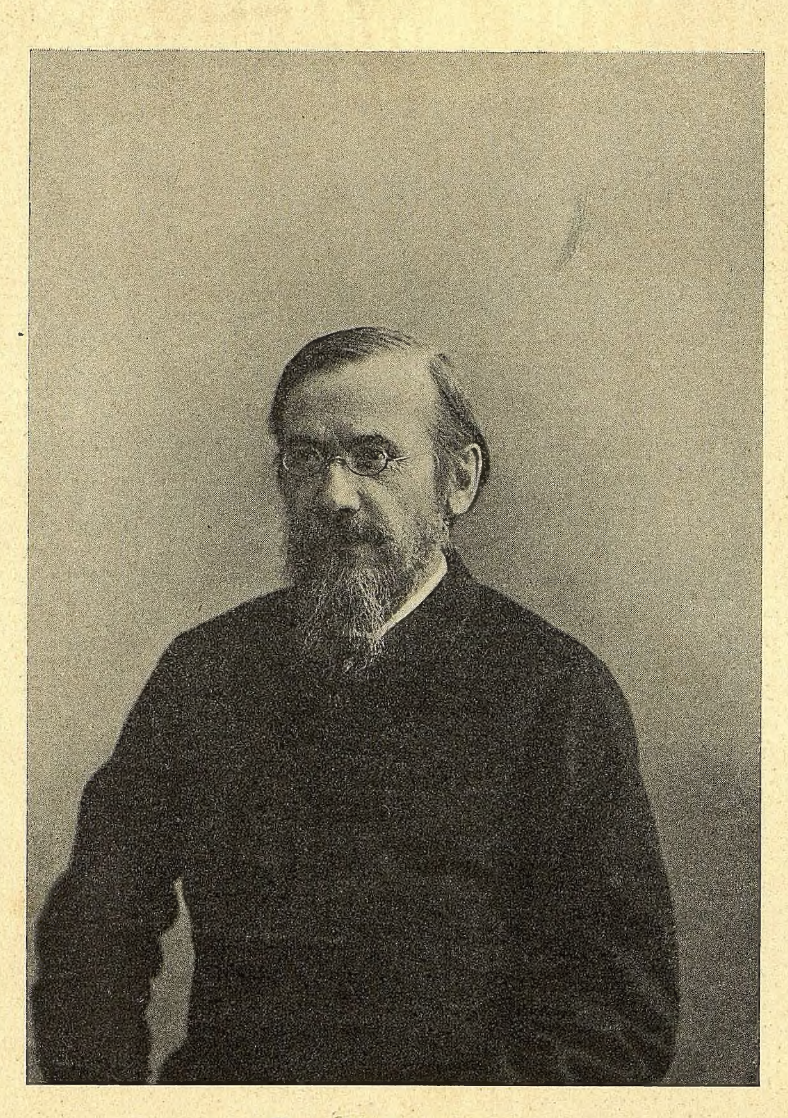
ТАТИЩЕВ · ШЛЕЦЕР · ГЕРАРД-МИЛЛЕР · М · ЩЕРБАТОВ · БОЛТИН · ВИЗИН · РАДИЩЕВ

БѢЛИНСК · ПАСКЕВИЧ · ВОРОНЦОВ · ЛЕРМОНТОВ · ГОГОЛЬ · М · ГЛИНКА · ЖУКОВСК

СПЕРАНСКІЙ · КАРАМЗИН · МОРДВИНОВ · КРЫЛОВ · ЕРМОЛОВ · ГРИБОѢДОВ · ПУШКИН

ЗИМНІЙ ДВОРЕЦЪ и ГЛАВНОЕ АДМИРАЛТЕЙСТВО въ 1753 г.

РИС. К. БРОЖЪ.

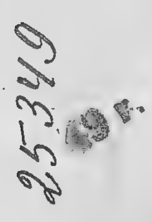
Василій Осиповичъ
Ключевскій.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ,

основанное 1-го января 1870 г.

1911.

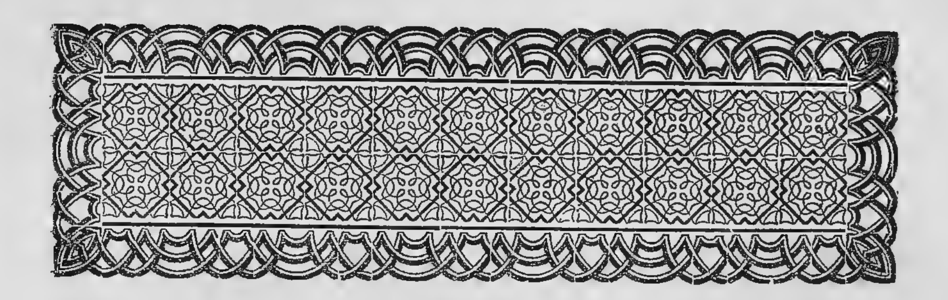
ЯНВАРЬ. — ФЕВРАЛЬ. — МАРТЪ.

СОРОКЪ ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ СТО СОРОКЪ ПЯТЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. т-ва п. ф. «Электро-тип. Н. Я. Стойковой». Знаменская, 27.
1911.

Изъ замѣтокъ и воспоминаній судебнаго дѣятеля.

XII.

Быть можетъ, ни одинъ родъ дѣятельности не представляетъ такого разнообразія живого матеріала, какъ публичная судебная дѣятельность. Она ставитъ лицомъ къ лицу съ судьею, прокуроромъ и присяжнымъ засѣдателемъ обвиняемаго и подсудимаго. Волны жизни выбрасываютъ въ судъ массу свидѣтелей со всѣмъ разнообразіемъ ихъ общественнаго положенія, міросозерцанія, образованія, темперамента и способа выражаться;—предъ судьями плачется на свои обиды потерпѣвшій, и защищаетъ свое право частный обвинитель—и, наконецъ, предъ ними вѣщаютъ техническое знаніе и наука въ лицѣ „свѣдущихъ людей".

Безъ сомнѣнія, самымъ интереснымъ изъ упомянутаго живого матеріала являются *свидѣтели*. Ихъ можно разбить на группы и классифицировать, при чемъ къ показаніямъ и личности ихъ можно относиться гораздо болѣе непосредственно и довѣрчиво, чѣмъ къ обвиняемымъ и ихъ объясненіямъ. Новизна положенія, обстановка судебнаго засѣданія и, наконецъ, отзвуки былого народнаго страха предъ судомъ оказываютъ внѣшнее и часто поверхностное вліяніе на свидѣтеля, не касаясь его показанія. Иначе обстоитъ дѣло съ *обвиняемымъ* или *подсудимымъ*. Для свидѣтеля исходъ дѣла по большей части безразличенъ; для обвиняемаго въ этомъ исходѣ заключается

грозная возможность потери добраго имени, общественнаго положенія и вѣроятность принудительнаго, иногда тяжкаго лишенія свободы. Поэтому понятно, что онъ волнуется, что въ большинствѣ случаевъ нервы его напряжены до крайности, что онъ нерѣдко впадаетъ въ состояніе *панофобіи*, т. е. боязни всего и всѣхъ,—и что поэтому его объясненія, за очень рѣдкими исключеніями, проникнуты желаніемъ обѣлить себя съ ущербомъ для правды. Но въ рядѣ случаевъ событіе преступленія и связь съ нимъ обвиняемаго до такой степени ясны и очевидны, что отрицаніе послѣднимъ своей виновности являлось бы безцѣльною и безплодною ложью. Здѣсь сама собою возникаетъ необходимость признанія своей вины для обвиняемаго передъ слѣдователемъ и для подсудимаго предъ судомъ. Я уже говорилъ, что въ нашемъ старомъ отжившемъ уголовномъ судопроизводствѣ собственное признаніе считалось „лучшимъ доказательствомъ всего свѣта" и играло рѣшающую роль при разсмотрѣніи дѣла. Нашъ новый уголовный процессъ, кладя въ основу рѣшенія внутреннее убѣжденіе судьи, выдвинулъ на первый планъ совокупность косвенныхъ уликъ и отвелъ настоящее мѣсто собственному признанію обвиняемаго, придавая ему значеніе доказательства исключительно въ томъ случаѣ, если оно подтверждается обстоятельствами дѣла. Такимъ образомъ создалась широкая возможность критическаго отношенія къ собственному признанію обвиняемаго и подсудимаго. И дѣйствительно, каждый опытный судебный дѣятель знаетъ какъ разнородны по побужденіямъ и содержанію собственныя сознанія въ совершеніи преступленія, начиная отъ явки съ повинной къ властямъ и кончая сознаніемъ, вынужденнымъ неотразимостью обвиненія. Случаи такъ называемаго чистосердечнаго и искренняго признанія въ сущности чрезвычайно рѣдки. Ихъ приходится, по большей части, наблюдать уже послѣ того какъ произнесенъ обвинительный приговоръ.

Отрицаніе своей виновности обыкновенно выражается двояко. Если совершитель не застигнутъ съ поличнымъ, не захваченъ на мѣстѣ преступленія, не пойманъ или не найденъ со свѣжими неопровержимыми слѣдами послѣдняго или не изобличенъ въ непосредственномъ пользованіи его плодами, то онъ упорно отрицаетъ всякое свое отношеніе къ событію преступленія. Если же наоборотъ такое отношеніе слишкомъ явно и осязательно, то свои объясненія онъ строитъ такъ, чтобы этому отношенію придать наиболѣе благопріятный для себя и мягкій характеръ. Такимъ образомъ при убійствѣ съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ и умысломъ обвиняемый сознается лишь въ умышленномъ убійствѣ, мысль о которомъ возникла у него внезапно, не давъ ему одуматься

и отвергнуть ея соблазнъ; при обвиненіи въ убійствѣ умышленномъ старается придать своимъ дѣйстіямъ характеръ гнѣва, вызваннаго раздраженіемъ, виною котораго былъ самъ потерпѣвшій; обвиненію въ запальчивости противопоставляетъ простую неосторожность и въ крайнемъ случаѣ состояніе необходимой обороны и т. д. Этой своего рода торговлѣ съ правосудіемъ содѣйствуетъ по большей части обученіе въ такъ называемой тюремной академіи, т. е. пребываніе въ предварительномъ заключеніи среди неоднократныхъ тюремныхъ сидѣльцевъ и рецидивистовъ. Тамъ проходится опытный курсъ отрицанія своей виновности, и дѣлаются ссылки на практическую и испытанную полезность его, при чемъ преподавателямъ этого предмета дается со стороны учениковъ обыкновенно болѣе вѣры, чѣмъ указаніямъ добросовѣстнаго защитника на значеніе собственнаго признанія для смягченія наказанія при несомнѣнности вины. Призванный къ слѣдствію *подозрѣваемый* обыкновенно признается въ томъ, въ чемъ сознаться неизбѣжно, и тогда его привлекаютъ, какъ *обвиняемаго*. Въ этомъ положеніи, теряя надежду выпутаться изъ дѣла, онъ сознается болѣе или менѣе подробно. Затѣмъ слѣдуетъ, къ сожалѣнію слишкомъ щедро практикуемое, взятіе подъ стражу. Здѣсь дѣло его, иногда задолго до судебнаго засѣданія, разсматривается бывалыми людьми, и подъ вліяніемъ ихъ совѣтовъ и ободреній предъ нимъ снова возникаетъ надежда и даже увѣренность уйти отъ осужденія. Представъ предъ судомъ въ качествѣ *подсудимаго*, онъ, по выслушаніи обвинительнаго акта, на традиціонный вопросъ предсѣдателя: „признаете ли вы себя виновнымъ?"—отвѣчаетъ уже отрицательно.

Мнѣ вспоминается, въ процессѣ о поддѣлкѣ акцій Тамбовско-Козловской дороги, подсудимый акушеръ Колосовъ, злой геній остальныхъ подсудимыхъ и нѣкоторыхъ свидѣтелей по этому дѣлу, соблазнитель и глубокій развратитель довѣрившейся ему дѣвушки, съ отталкивающимъ цинизмомъ объяснявшій непонятное слово „faregatis" въ своемъ дневникѣ,—втравившій въ поддѣлку молодого поляка Ярошевича и хитраго осторожнаго старика доктора Никитина, библіотекаря медико-хирургической академіи. Боясь, что онъ предастъ ихъ обоихъ вслѣдствіе ссоры съ Ярошевичемъ на почвѣ любовнаго соревнованія, Никитинъ затѣялъ его отравить и снабдилъ на этотъ предметъ Ярошевича ядомъ. На судѣ Колосовъ—представитель мелкой хитрости и обыденнаго опыта,—не могъ отрицать своихъ поѣздокъ въ Брюссель и сношеній съ жившими тамъ лицами, съ замѣчательнымъ искусствомъ поддѣлавшими тамъ акціи,—но, сознаваясь въ этомъ, сочинилъ довольно неискусно длинный разсказъ, въ которомъ хотѣлъ приписать себѣ роль, похожую на роль совре-

меннаго намъ Азефа. Вкрадчивымъ голосомъ, прищуривая маленькіе глазки на измятомъ лицѣ, онъ увѣрялъ присяжныхъ, что ѣздилъ за границу съ цѣлью изобличить русскихъ политическихъ эмигрантовъ, при чемъ раздѣлялъ ихъ на двѣ категоріи: *шаткихъ*, совершающихъ *политическія* преступленія, и *мошенниковъ*, совершающихъ *соціальныя*. Въ числѣ послѣднихъ онъ собирался выслѣдить—excusez du peu!—Карла Маркса и достать откуда-то два чрезвычайно важныхъ, но довольно неопредѣленныхъ, документа, названныхъ имъ „коммуной, которая хуже парижской", и „планомъ бѣгства изъ Сибири". Присяжные ему, однако, не повѣрили.

Гораздо тоньше и искуснѣе было сознаніе ряда подсудимыхъ въ дѣлѣ о лжеприсягѣ въ бракоразводномъ процессѣ З—ныхъ. Въ январѣ 1873 года ко мнѣ, какъ къ прокурору Петербургскаго Окружнаго Суда, пришла довольно пожилая женщина, съ сильной просѣдью и измученнымъ лицомъ. Это была дочь извѣстнаго въ николаевскія времена генерала П., главнаго заправилы въ дѣлахъ инвалиднаго капитала. Онъ далъ за нею очень большое приданое, но таковое затѣмъ было конфисковано, когда обнаружилось, что роскошная жизнь генерала и его большіе расходы имѣли источникомъ суммы инвалиднаго капитала. Потерявъ разжалованнаго въ солдаты отца, застрѣлившагося подъ вліяніемъ позора, г. З—на потеряла и мужа, который, непривлекаемый болѣе возможностью жить на широкую ногу на краденыя у инвалидовъ деньги, сталъ отъ нея отдаляться, завелъ разныя связи и, наконецъ, бросилъ её съ сыномъ на произволъ судьбы, безъ всякихъ средствъ, начавъ, послѣ многихъ лѣтъ разлуки, требовать отъ нея развода съ принятіемъ ею вины на себя. Когда, возмущенная этимъ требованіемъ, она категорически отказалась его исполнить,—въ Консисторіи, по ходатайству ея мужа, занимавшаго видное мѣсто въ судебномъ вѣдомствѣ, возникло дѣло о ея прелюбодѣяніи. Свидѣтели послѣдняго, г.г. Залѣвскій и Грохольскій, дали подъ присягой подробныя показанія о томъ, что присутствовали при той грязной картинѣ, которую, къ стыду нашихъ законовъ о духовномъ судѣ, необходимо было изобразить предъ Консисторіей, чтобы расторгнуть ставшія невыносимыми или невыгодными брачныя узы. Оскорбленная и испуганная этимъ, г-жа З—на обратилась ко мнѣ за помощью. Хотя предо мною было одно лишь ея заявленіе, но видъ несчастной, опозоренной женщины, ея слезы и горячая искренность ея негодованія убѣдили меня въ правдивости ея разсказа — и я немедленно сообщилъ въ Сѵнодъ, куда уже было переслано изъ Консисторіи дѣлопроизводство о расторженіи брака—о томъ, что мною возбуждено слѣдствіе о клятво-преступленіи свидѣте-

лей. Это слѣдствіе велось весьма энергично—и вскорѣ предъ присяжными предстала живая иллюстрація одного изъ частыхъ злоупотребленій, вызываемыхъ нелѣпымъ и приводящимъ къ безнравственнымъ послѣдствіямъ порядкомъ осуществленія развода, вслѣдствіе прелюбодѣянія,—порядкомъ, при которомъ нерѣдко великодушіе обрекалось на позорную плотскую комедію, а низость и подлость находили себѣ „достовѣрныхъ" помощниковъ. Подсудимые — организаторъ всего — Хороманскій и свидѣтели Залевскій и Грохольскій—не смущаясь предъявленнымъ къ нимъ обвиненіемъ, избрали для своей защиты очень ловкій маневръ. Они поняли, что внушающая къ себѣ довѣріе и почтительное состраданіе личность г-жи З—ой и всѣ имѣвшіяся о ней свѣдѣнія—лишаютъ ихъ всякой возможности утверждать, что именно *ее*, эту пожилую, сѣдѣющую и согбенную подъ тяжестью пережитаго женщину, видѣли они въ „бракоразводной" гостиницѣ „Роза" на фактѣ нарушенія супружеской вѣрности. И вотъ, не отрицая дѣйствительности того, что они развязно и убѣжденно показали подъ присягой въ Конситоріи, они признали себя жертвой роковой ошибки, за которую ихъ, будто бы, „наказуетъ совѣсть". Дѣло, по ихъ словамъ, произошло такъ: въ театрѣ нѣкто Карповичъ показалъ Залевскому на даму, сидѣвшую въ бель-этажѣ, и сказалъ, что это дочь знаменитаго расхитителя инвалиднаго капитала П-го, по мужу З—на; Залевскій обратилъ на нее вниманіе Грохольскаго, и подъ этимъ впечатлѣніемъ они пошли въ гостинницу „Роза", чтобы „выпить и закусить". Здѣсь, по ошибкѣ, они попали въ отдѣльные нумера, предназначенные для уединенныхъ свиданій, и увидѣли тамъ ту, которую въ театрѣ разсматривали, какъ З—ну, за занятіемъ, обычнымъ въ такихъ номерахъ въ полночные часы. О своемъ „открытіи" они разсказали нѣкоему Корзуну, а тотъ сообщилъ чуткому къ своей супружеской чести З—ну, и послѣднему ничего не оставалось, какъ обратиться къ „бракоразводному ходатаю" Хороманскому, который и выставилъ указанныхъ Корзуномъ свидѣтелей— т. е. ихъ, бѣдныхъ подсудимыхъ, попавшихъ „какъ куръ во щи", ибо, по предъявленіи имъ г-жи З—ной, они рѣшительно заявили, что она — *не та*... Оказалось, что „къ несчастью для правосудія"— Карповичъ умеръ и не могъ предстать предъ судомъ, чтобы объяснить, на какомъ основаніи онъ ввелъ подсудимыхъ въ столь пагубное для нихъ заблужденіе. Не смущаясь этимъ, они сослались на свидѣтеля Иваницкаго, который слышалъ, какъ Карповичъ въ театрѣ указывалъ Залевскому на даму, сидѣвшую въ бель-этажѣ, и удостовѣрялъ, что это именно З—на. При этомъ подсудимые объяснили суду и свое общественное положеніе: Залевскій, какъ приготовляю-

щійся окончить курсъ въ Технологическомъ Институтѣ, Грохольскій, какъ играющій на фортепьяно въ „разныхъ мѣстахъ“ и Хороманскій, какъ занимающійся тѣмъ, что *скоро собирается уѣхать изъ Петербурга...* Иваницкій, мелкій канцелярскій чиновникъ Министерства Путей Сообщенія, подтвердилъ на судѣ, что онъ слышалъ, какъ умершій Карповичъ въ театрѣ показывалъ одному изъ подсудимыхъ сидѣвшую въ ложѣ даму, называя ее по фамиліи невинно опозоренной женщины. Показаніе было дано опредѣленно и съ горячностью человѣка, будто бы сознающаго, что, свидѣтельствуя истину, онъ спасаетъ людей отъ гибели. Однако пришибленная судьбою наружность свидѣтеля, его засаленный вицъ-мундиръ, обтрепанныя панталоны, отсутствіе видимыхъ признаковъ бѣлья и нервное перебиранье старой форменной фуражки дрожащими, повидимому не отъ одного волненія, руками невольно вызвали съ моей стороны рядъ вопросовъ.—Что давали въ театрѣ? — Оперу.—Какую—итальянскую, или русскую? — Итальянскую. — Гдѣ происходилъ слышанный разговоръ?—Въ проходѣ у третьяго ряда креселъ.—А вы сами часто бываете въ оперѣ?—Да.—А въ какомъ ряду сидите — далеко или близко?—Какъ придется,—такъ, во второмъ или третьемъ.—Вы абонированы?—Что-съ?—Ну, сколько платите за мѣсто? (тогда пѣла Патти, и мѣста доставались по очень дорогой цѣнѣ).—Когда рубль, а когда и полтора.—А сколько получаете по службѣ канцелярскимъ чиновникомъ?—Двадцать три рубля.—А въ какомъ театрѣ это было (итальянскія оперы давались въ Петербургѣ исключительно въ Большомъ театрѣ, гдѣ нынѣ зданіе консерваторіи): Большомъ или Маріинскомъ?—Въ *Мариновскомъ*“... Свидѣтель сѣлъ на мѣсто, бросая безпокойные взгляды на скамью подсудимыхъ, а я посовѣтовалъ присяжнымъ обойтись безъ его показанія, такъ какъ свидѣтель имѣетъ слишкомъ необыкновенныя качества, чтобы пользоваться его разсказомъ при обсужденіи обыкновеннаго дѣла: онъ обладаетъ удивительнымъ свойствомъ дальнозоркости, и для него до такой степени не существуетъ непроницаемости, что изъ 2-го или 3-го ряда креселъ Маріинскаго театра онъ видитъ, кто сидитъ въ бель-этажѣ Большого...

Источникомъ собственнаго признанія на судѣ бываютъ, наконецъ, побужденія, вытекающія изъ особаго душевнаго строя. Сюда, во-первыхъ, относится та явка съ повинной, къ которой въ великодушномъ порывѣ прибѣгаетъ человѣкъ для того, чтобы спасти близкое или дорогое лицо, давъ ему время скрыться или бѣжать— или направивъ изслѣдованіе преступленія на ложный путь. Такіе случаи очень рѣдки, но все-таки существуютъ, и мнѣ въ моей предсѣдательской практикѣ пришлось видѣть мать, которая прини-

мала на себя вину своего внѣбрачнаго сына, заподозрѣннаго въ убійствѣ посредствомъ отравленія. Затѣмъ собственное признаніе можетъ быть дѣлаемо изъ личныхъ видовъ, не лишенныхъ корысти или другихъ разсчетовъ для того, чтобы по пословицѣ „семь бѣдъ— одинъ отвѣтъ", собравъ надъ своей головою рядъ поглощающихъ одно другое обвиненій, освободить отъ преслѣдованія дѣйствительно виновныхъ. Въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ, при производствѣ слѣдствій о лицахъ, оказавшихся оскопленными, большинство послѣднихъ приводило въ объясненіе своего увѣчья одинъ и тотъ же разсказъ о томъ, какъ каждый изъ нихъ шелъ лѣсомъ въ одной изъ великорусскихъ губерній, встрѣтилъ неизвѣстнаго, разговорился съ нимъ и расположился вмѣстѣ закусить, при чемъ выпилъ предложенной тѣмъ стаканъ водки, вина, воды или съѣлъ пряникъ и тотчасъ же потерялъ сознаніе, а когда пришелъ въ себя, то почувствовалъ страшную боль и съ ужасомъ увидѣлъ, что лишенъ неизвѣстнымъ спутникомъ вполнѣ или отчасти половыхъ органовъ, т. е. невѣдомо для себя пріялъ скопческую малую или большую печать, а оскопитель скрылся. Вслѣдъ за этимъ содержавшійся въ Курской тюрьмѣ арестантъ-скопецъ, обвиняемый въ рядѣ оскопленій и не только сознавшійся въ этомъ, но даже явившійся съ повинною, заявлялъ, что онъ припоминаетъ еще, что тамъ-то и тамъ-то онъ опоилъ соннымъ зельемъ или предложеннымъ отравленнымъ пряникомъ встрѣчнаго человѣка и оскопилъ его ad majorem gloriam „батюшки-искупителя Селиванова". Время преступленія совпадало обыкновенно съ временемъ несчастія, приключившагося бѣдному прохожему или проѣзжему. Между послѣднимъ и Курскимъ тюремнымъ сидѣльцемъ дѣлали очную ставку, и они узнавали другъ друга. При недостаточно выработанной экспертизѣ того времени, дѣло кончалось обыкновенно оправданіемъ оскопленнаго, а принявшій вину на себя продолжалъ свои признанія, спокойно проживая въ Курскомъ острогѣ и въ теченіе многихъ лѣтъ не отправляясь въ Сибирь въ виду постоянно возникавшихъ о немъ новыхъ дѣлъ. Таковъ былъ отставной солдатъ Масловъ, сознавшійся въ 114 оскопленіяхъ. Онъ замѣстилъ мѣщанина Чернова, принесшаго разновременно повинную въ пріобщеніи къ „бѣлымъ голубямъ" 106 оскопленныхъ имъ. Есть, наконецъ, между послѣдователями крайнихъ и мрачныхъ сектантскихъ ученій, въ родѣ морельщиковъ, самосожигателей, бѣгуновъ, люди, считающіе, что Царствіе Небесное можетъ быть достигнуто только тяжкими и незаслуженными земными испытаніями, и потому ищущіе „пріять страданіе", возводя на себя небывалыя преступленія или обвиняя себя въ совершеніи преступленія, несомнѣнно содѣяннаго другими. Я помню одного такого старика

принадлежавшаго къ сектѣ бѣгуновъ или странниковъ такъ называемаго сопѣлковскаго согласія, который, будучи задержанъ въ Казани, возводилъ на себя разныя преступленія, съ угрюмымъ упорствомъ отвергая твердо установленныя данныя, указывавшія на его невиновность. Внизу протоколовъ своихъ показаній онъ писалъ полууставомъ: „за истинную православную христіанскую вѣру рабъ Божій Іона Воробьевъ руку приложилъ".

Мнѣ приходилось раза два наблюдать собственное сознаніе подъ вліяніемъ отчаянія. Такъ, тотъ Ярошевичъ, о которомъ сказано выше, человѣкъ способный и въ сущности недурной, вовлеченный въ преступленіе своимъ отцомъ и Колосовымъ, упорно и весьма искусно отрицалъ свою виновность въ провозѣ поддѣльныхъ акцій и въ приготовленіи къ отравленію Колосова. Но когда ему показали переписку дѣвушки, въ которую онъ былъ страстно влюбленъ, съ Колосовымъ, и онъ убѣдился, что она не только играла его чувствомъ и надсмѣхалась надъ нимъ въ своихъ письмахъ, но даже состояла въ связи съ грязнымъ и подозрительнымъ Колосовымъ, онъ впалъ въ глубокое отчаяніе, и у него вмѣстѣ со слезами горькой обиды, вылилось откровенное во всемъ признаніе, на которомъ онъ и стоялъ до конца процесса.

Отсылая моихъ читателей къ характерному поведенію подсудимыхъ по дѣламъ Овсянникова, Ландсберга, Гулакъ-Артемовской и Жюжанъ [1]), считаю нужнымъ замѣтить, что *поведеніе* подсудимыхъ при слѣдствіи и на судѣ бываетъ различно не только въ зависимости отъ значенія ихъ объясненій, но и отъ свойствъ ихъ характера. *Одни* махаютъ на все рукой и какъ бы говоря „будь, что будетъ", вяло реагируютъ на то, что передъ ними и съ ними происходитъ. *Другіе* держатъ себя вызывающе, съ извѣстнаго рода бравадой или рисовкой. *Третьи*—сравнительно рѣдкіе—принимаютъ живое участіе въ перекрестномъ допросѣ и вступаютъ въ словесную борьбу со свидѣтелями. *Четвертые* играютъ заранѣе обдуманную роль и даютъ объясненія, проникнутыя такимъ ловкимъ лицемѣріемъ, которому могъ бы позавидовать Тартюфъ. Наконецъ *пятые*, относясь въ общемъ равнодушно или со спокойной сдержанностью къ своему положенію въ дѣлѣ, вдругъ приходятъ въ волненіе и теряютъ самообладаніе по поводу какого-либо второстепеннаго и не имѣющаго особаго значенія эпизода. Я говорю, конечно, объ общихъ преступленіяхъ, а не о людяхъ, обвиняемыхъ въ политическихъ или религіозныхъ преступленіяхъ. Тамъ ихъ душевный строй и взглядъ на значеніе содѣяннаго совсѣмъ иной, чѣмъ у обвиняемыхъ въ обыкновенныхъ пре-

---

[1]) „Русская Старина" 1907 и 1908 г.г.

ступленіяхъ, не расходящихся съ уголовнымъ закономъ и обществомъ во взглядѣ на преступный характеръ тѣхъ или другихъ дѣйствій. Все сводится у послѣднихъ къ отрицанію событія преступленія или своей виновности или, наконецъ, къ стремленію картиной собственныхъ страданій или испытаній заслонить картину своего преступнаго дѣла. Наоборотъ, въ дѣлахъ о преступленіяхъ политическаго или религіознаго характера, обвиняемые въ большинствѣ случаевъ отрицаютъ цѣли, требованія и самый источникъ карающаго ихъ уголовнаго закона. Они даютъ свои объясненія со страстностью убѣжденія въ своей правотѣ въ дѣлахъ перваго рода или съ оттѣнкомъ мрачнаго фанатизма, не допускающаго возможности поступить „инако“—въ дѣлахъ второго рода. Говоря о поведеніи обвиняемаго на судѣ, я, конечно, разумѣю исключительно людей, находящихся въ здравомъ умѣ, потому что образъ дѣйствій людей, оказавшихся затѣмъ душевно-больными — такъ называемыми маніаками, т. е. страдающими первичнымъ помѣшательствомъ (параноя), внушается имъ болѣзненными представленіями. У этихъ несчастныхъ по большей части является сначала навязчивая идея, чуждая здравой оцѣнки обстоятельствъ и дикая по своему существу. Она возникаетъ все чаще и чаще и пріобрѣтаетъ, наконецъ, насильственно-навязчивый характеръ. Затѣмъ человѣкъ мало-помалу сживается съ нею, теряетъ способность относиться къ ней критически и отдается во власть безумному представленію. Это представленіе составляетъ ядро бреда, вокругъ котораго начинаютъ группироваться всѣ мысли больного, и создается такимъ образомъ безумный кругъ идей, т. е. цѣлое міросозерцаніе. Здѣсь изслѣдователь преступленія и обвиняемый стоятъ не только на разныхъ плоскостяхъ пониманія дѣйствій и побужденій послѣдняго, но и на разныхъ плоскостяхъ представленія о существующемъ въ окружающемъ ихъ мірѣ.

Изъ среды обвиняемыхъ въ обыкновенныхъ преступленіяхъ мнѣ вспоминаются Егоръ Емельяновъ—номерной банщикъ по ремеслу—утопившій свою наскучившую ему жену въ Ждановкѣ, и мѣщанинъ Карагановъ, — выдававшій себя за владѣтельнаго кавказскаго князя, женившійся на прекрасной молодой дѣвушкѣ изъ лучшаго харьковскаго общества и принятый съ большимъ вниманіемъ русскимъ посломъ въ Константинополѣ, — обвинявшійся въ цѣломъ рядѣ грубѣйшихъ мошенничествъ. Оба они держали себя со свидѣтелями, такъ сказать, зубъ за зубъ; первый даже покрикивалъ на нихъ, при чемъ его очень красивое лицо блѣднѣло и искажалось отъ злобы. Замѣчательно, что, защищаясь „unguibus et rostro“ противъ моего обвиненія, построеннаго

на косвенныхъ уликахъ, онъ, послѣ произнесенія обвинительнаго приговора, подалъ заявленіе, въ которомъ совершенно неожиданно, сознаваясь въ своемъ преступленіи, отказался отъ кассаціонной жалобы и просилъ о скорѣйшемъ приведеніи приговора въ исполненіе.

Изъ державшихъ себя съ напускною бравадой, мнѣ особенно вспоминается мѣщанка Разомасцева, обвинявшаяся въ кражѣ цѣпи ордена Андрея Первозваннаго у военнаго министра Милютина и въ кражѣ нѣсколькихъ карманныхъ часовъ (между которыми находились часы, бывшіе на Александрѣ I въ день Аустерлицкаго сраженія) изъ стѣнной витрины въ кабинетѣ великаго князя Константина Николаевича, въ Мраморномъ Дворцѣ. Въ оба помѣщенія она успѣла проникнуть по внутреннимъ ходамъ, никѣмъ незамѣченная, и благополучно скрыться, будучи обнаружена лишь черезъ нѣсколько дней, когда пришла продавать часы Александра I въ часовой магазинъ Буре. Бойкая дѣвушка двадцати двухъ лѣтъ, съ миловиднымъ лицомъ, большими живыми черными глазами и постоянной веселой усмѣшкой, она, улыбаясь, разсказывала про свои похожденія, остроумно описывая свое изумленіе при видѣ, какъ мало охраняются отъ постороннихъ входы и выходы „въ этакіе-то важные дома“. „Ну какъ тутъ было не взять?“ прибавляла она со смѣхомъ: „ужъ очень оно лестно“.—Во время осмотра, по ея указаніямъ, пути, которымъ она проникла въ кабинетъ великаго князя въ Мраморномъ Дворцѣ и въ уборную военнаго министра, ея объясненіе пожелалъ выслушать августѣйшій хозяинъ дворца, и на вопросъ его, какъ у нея хватило смѣлости проникнуть въ кабинетъ, куда онъ могъ войти каждую минуту и застать ее на кражѣ, она отвѣтила, смѣясь: „смѣлымъ Богъ владѣетъ“, и пояснила: „кабы изволили войти до этихъ самыхъ часовъ, такъ я бы сказала, что заблудилась по лѣстницамъ и попросила извиненія, а если бы послѣ часовъ, такъ то же самое сказала бы, да и ушла бы съ часами. Можетъ быть, даже лакея меня проводить послали бы: вѣдь не стали бы смотрѣть на стѣну, всѣ ли тамъ часы. Ну, а когда я ихъ брала, такъ въ кабинетѣ никого не было“. Эти же объясненія повторила она и въ судебномъ засѣданіи, постоянно посмѣиваясь и весело поглядывая на публику.

Напускное спокойствіе и извѣстнаго рода молодечество подсудимаго вспоминаются мнѣ и по дѣлу молодого человѣка Александра Штрама, обвиняемаго въ убійствѣ своего дяди, съ цѣлью грабежа. На судѣ онъ чрезвычайно развязно, посмѣиваясь и покручивая усики, разсказывалъ, не безъ оттѣнка комизма, выдуманную

имъ исторію ссоры съ убитымъ, котораго онъ въ дѣйствительности убилъ соннаго, разрѣзалъ на куски и спряталъ въ сундукъ. Показанія свидѣтелей онъ слушалъ, иронически пожимая плечами и стараясь показать, что ему все нипочемъ. На немъ сказывалось вліяніе кружка разныхъ темныхъ личностей, между которыми особенно выдѣлялся допрошенный въ качествѣ свидѣтеля, опустившійся „на дно" бывшій студентъ, принимавшій, по его словамъ, подъ свое покровительство развитыхъ молодыхъ людей и дававшій имъ аудіенціи въ кабакахъ „покуда не изсякнутъ источники". А между тѣмъ, находясь въ ученьѣ у переплетнаго мастера Бремера, подсудимый былъ старательнымъ, скромнымъ и любимымъ всѣми юношей очень мягкаго характера и отличался большимъ состраданіемъ даже къ животнымъ. Въ судебномъ засѣданіи Бремеръ дрожащимъ голосомъ описалъ всѣ эти его свойства и тономъ невольной нѣжности заявилъ, что просто не можетъ повѣрить, чтобы такой добрый молодой человѣкъ могъ совершить такое злое дѣло. Подсудимый слушалъ его отзывы о себѣ съ презрительной усмѣшкой и на вопросъ предсѣдателя, желаетъ ли онъ дать какія-либо объясненія по поводу показанія свидѣтеля, отвѣтилъ, пожимая плечами: „да что жъ тутъ объяснять? Мало ли чего не наболтаетъ старикъ", и снова сѣлъ на свою скамью. Но когда судебный приставъ пошелъ за новымъ свидѣтелемъ, и въ залѣ наступило молчаніе, онъ вдругъ склонилъ голову на руки и горько заплакалъ. Очевидно, что слова добраго нѣмца пробудили въ его ожесточенномъ сердцѣ лучшія чувства. И затѣмъ онъ не сразу попалъ въ тонъ прежняго молодечества.— „Принципіально, я не желалъ бы быть наказанъ, но въ данномъ конкретномъ случаѣ ничего не имѣю противъ", сказалъ въ своемъ послѣднемъ словѣ одинъ изъ рисовавшихся своимъ объективнымъ отношеніемъ къ самому себѣ подсудимый, обвинявшійся въ присвоеніи себѣ чужого титула и фамиліи.—Въ дѣлѣ о расхищеніи имущества умершаго богатаго купца Солодовникова, оскопленнаго въ дѣтствѣ своимъ дядей и страдавшаго отъ этого нравственно и физически всю жизнь, подсудимый Сусленниковъ, лицемѣрно удивлявшійся своему привлеченію и повѣствовавшій съ поддѣльнымъ умиленіемъ о нѣжной любви къ себѣ покойнаго,—съ которымъ онъ однако ничего не могъ имѣть общаго въ духовномъ отношеніи,— на вопросъ о причинахъ такой дружбы отвѣчалъ, что таковая заключалась въ томъ, что у него очень мягкія руки, удобныя и пріятныя для растираній. Кончая свою обвинительную рѣчь, я выразилъ увѣренность, что присяжные признаютъ Сусленникова имѣющимъ руки не только мягкія, но и длинныя,—и эта увѣренность меня не обманула.

Я говорилъ выше, что бываютъ, наконецъ, отдѣльные эпизоды во время слушанія дѣла, когда обвиняемый, державшій себя спокойно или безучастно на судѣ, вдругъ начинаетъ волноваться или раздражаться и теряетъ свое самообладаніе. Таково было уже описанное мною [1]) волненіе Гулакъ-Артемовской во время ядовитаго показанія противъ нея свидѣтеля Полеваго. Нѣчто подобное произошло на моихъ глазахъ въ процессѣ Янсенъ и Акаръ, обвиняемыхъ въ привозѣ въ Россію изъ-за границы и сбытѣ фальшивыхъ десятирублевыхъ ассигнацій. Ерминія Акаръ, бойкая француженка, содержала въ Михайловской улицѣ въ домѣ, гдѣ нынѣ Европейская гостиница, обширный магазинъ и мастерскую дамскихъ платьевъ и имѣла многочисленныхъ великосвѣтскихъ заказчицъ, сбывая имъ при разсчетахъ, во время любезной болтовни, фальшивыя бумажки, фабрикуемыя Янсенами за границей и привозимыя курьеромъ французскаго посольства Обри. Она упорно отрицала свою вину и защищалась очень искусно, съ большимъ достоинствомъ и спокойствіемъ, такъ что могла произвести впечатлѣніе несчастной жертвы случайныхъ обстоятельствъ. Но это продолжалось лишь до того времени, когда въ залу засѣданія была введена бывшая у ней мастерицей Маргарита Дозьеръ. Послѣдняя пробыла у Акаръ три мѣсяца и, вслѣдствіе ссоры съ нею, была ею разсчитана, при чемъ молодой красивой иностранкѣ, выброшенной на улицу большого, чужого и полнаго соблазновъ города, ея бывшая хозяйка всучила въ слѣдуемые по разсчету тринадцать рублей фальшивую десятирублевку. Черезъ два года послѣ этого Дозьеръ явилась въ залу суда свидѣтельствовать противъ Акаръ, блистая красотою, въ изящномъ дорогомъ нарядѣ и съ большими брилліантами въ ушахъ и на пальцахъ. Ея видъ почему-то—быть можетъ по какимъ-нибудь воспоминаніямъ о распряхъ интимнаго свойства—до того раздражилъ подсудимую, что она потеряла все свое спокойствіе, стала усиленно жестикулировать, постоянно перебивать Дозьеръ и, задыхаясь отъ гнѣва, предлагать той вопросы оскорбительнаго характера. Дозьеръ отвѣчала ей съ благодушной улыбкой и очень мягко, очевидно, давно простивъ ей эти десять рублей и быть можетъ даже считая ихъ первымъ толчкомъ къ своему настоящему эфемерному благополучію. Но Акаръ просто выходила изъ себя и въ своихъ длинныхъ и ненужныхъ объясненіяхъ указывала на такія условія и обстановку въ хозяйствѣ и „дѣлопроизводствѣ" своей мастерской, которыя составляли сами по себѣ улику *противъ нея самой*.—Таковъ же былъ въ своихъ пока-

[1]) „Русская Старина" 1908 г.

заніяхъ Амфилогій Карагановъ, привлеченный къ суду вмѣстѣ съ братьями Мясниковыми за подлогъ завѣщанія отъ имени Бѣляева, въ чемъ онъ и сознался. Кратко и безъ всякихъ подробностей признавалъ онъ свою вину въ томъ, что на предъявленномъ ему Мясниковыми бѣломъ листѣ поддѣлалъ, послѣ нѣсколькихъ пробъ, подпись Бѣляева и апатично относился ко всему во время длившагося много дней дѣла, очень волновавшаго общество. Но лишь ему или кому-либо другому приходилось упомянуть о его семейной жизни съ хористкою, бывшею прежде на содержаніи у одного изъ его патроновъ, какъ онъ приходилъ въ крайнее волненіе, начиная со слезами и безсвязно твердить, что онъ всегда былъ человѣкомъ честнымъ, вѣрнымъ своимъ хозяевамъ и никогда не торговавшимъ женщинами, ни своими, ни чужими. Очевидно, что воспоминаніе о семейной жизни и предшествующемъ ей бракѣ будило въ немъ какія-то болѣзненныя и ѣдкія воспоминанія, овладѣвавшія его мыслью и словомъ.

Былъ однако и случай нѣсколько противоположнаго характера. Судился въ Петербургѣ крестьянинъ Ѳедоръ Дмитріевъ по обвиненію въ умышленномъ поджогѣ своей мелочной лавки съ цѣлью полученія страховой преміи. Какъ всегда въ дѣлахъ о поджогахъ, обвиненіе строилось на косвенныхъ уликахъ, которыя складывались противъ подсудимаго въ довольно неразрывную цѣпь. Человѣкъ робкій и повидимому большой тяжкодумъ, онъ на судѣ только вздыхалъ и крестился, а на предложенія мои, какъ предсѣдателя, дать объясненія по поводу тѣхъ или другихъ показаній говорилъ: „Не виноватъ, вотъ вамъ крестъ святой! Объяснить ничего не могу, просто словно навожденіе какое". Совершенно неожиданно одинъ изъ свидѣтелей упомянулъ о большомъ ежѣ, который жилъ у подсудимаго въ лавкѣ, и дальнѣйшими разспросами выяснилось, что ежъ былъ довольно ручной, расхаживалъ ночью по лавкѣ и забирался въ разныя пустыя хранилища. Оказалось также, что пожаръ начался на разсвѣтѣ въ запертой на ночь лавкѣ, съ того ея угла, гдѣ хранился большой запасъ пачекъ съ сѣрными спичками, и что никакихъ слѣдовъ матеріала для поджога найдено не было. Затѣмъ, чтеніемъ акта осмотра пожарища и допросомъ страхового агента было установлено, что въ томъ мѣстѣ, гдѣ хранились сгорѣвшія и обуглившіяся спички, найденъ былъ трупъ обгорѣлаго ежа. Страховой агентъ на вопросы защитника призналъ возможнымъ, что пожаръ могъ произойти отъ воспламененія спичекъ, между которыми пролѣзалъ куда-либо ежъ, задѣвая ихъ своими иглами. Съ этого момента подсудимый совершенно преобразился. Предъ нимъ мелькнула надежда на спасеніе, и онъ сталъ давать оживлен-

ныя объясненія о привычкахъ рокового для него, злополучнаго ежа. Объясненія эти создали у присяжныхъ мнѣніе о томъ, что ежъ могъ дѣйствительно быть виновникомъ пожара, и это послужило основаніемъ къ сомнѣнію въ виновности подсудимаго, а послѣднее привело къ оправдательному приговору.

Существуетъ мнѣніе, что поведеніе обвиняемаго на судѣ можетъ быть тоже относимо къ числу доказательствъ за или противъ него. Съ этимъ никакъ нельзя согласиться. Никогда не должно забывать, что во время перваго допроса при слѣдствіи обвиняемый, а въ особенности человѣкъ, сидящій на скамьѣ подсудимыхъ въ залѣ судебныхъ засѣданій, съ какимъ бы видимымъ спокойствіемъ онъ себя ни держалъ, не находится во вполнѣ нормальномъ состояніи. Естественное волненіе послѣ долгихъ мѣсяцевъ ожиданія, иногда въ полномъ одиночествѣ тюремнаго заключенія,—страхъ передъ приговоромъ,—стыдъ за себя или близкихъ и раздражающее чувство выставленности „на показъ“ передъ холодно-любопытными взорами публики—на огромное число подсудимыхъ, независимо отъ содержанія ихъ объясненій, дѣйствуетъ подавляющимъ или возбуждающимъ образомъ. Начальственный, отрывистый тонъ предсѣдателя можетъ еще больше запугать или взволновать обвиняемаго. Спокойное къ нему отношеніе, вниманіе къ его объясненіямъ, полное отсутствіе ироніи или насмѣшки, которыми такъ грѣшатъ французскіе президенты суда, а иногда и слово ободренія входятъ въ нравственную обязанность судьи, который долженъ умѣть безъ фарисейской гордыни представить себя въ положеніи подсудимаго человѣка. Говорить о поведеніи на судѣ, какъ объ одномъ изъ *доказательствъ*, невозможно. Иное дѣло, *житейское поведеніе* обвиняемаго, строго провѣренное по не возбуждающимъ сомнѣнія показаніямъ. Изученіе его на судѣ можетъ быть только полезно для правосудія, если имъ разъясняются такія свойства обвиняемаго, которыми вызваны движущія побужденія его преступнаго дѣянія, или, наоборотъ, съ которыми это дѣяніе находится въ прямомъ противорѣчіи. Поэтому, напримѣръ, вспыльчивость человѣка, не разъ проявленная имъ въ жизни, конечно, должна имѣть значеніе при обвиненіи его въ убійствѣ въ запальчивости и раздраженіи, или его чувственное, наглое и грубое отношеніе къ женщинамъ не можетъ быть упускаемо изъ виду при оцѣнкѣ обвиненія его въ насильственномъ поруганіи цѣломудрія дѣвушки. Но, съ другой стороны, расточительность обвиняемаго лишена всякаго значенія при обвиненіи его въ богохуленіи,—и говорить о его вспыльчивости при обвиненіи въ государственной измѣнѣ было бы по меньшей мѣрѣ излишне.

Переходя преимущественно къ *свидѣтелямъ* и *потерпѣвшимъ* отъ преступленія, я затрудняюсь часто приводить отдѣльныя ихъ показанія, несмотря на всю ихъ нерѣдкую характерность. Это заняло бы слишкомъ много мѣста и утомило бы вниманіе читателя. Поэтому приходится, на основаніи многолѣтнихъ наблюденій и судейскаго опыта, ограничиться лишь повтореніемъ указаній общихъ, особенныхъ и исключительныхъ свойствъ свидѣтелей, намѣченныхъ мною въ неоднократныхъ публичныхъ моихъ лекціяхъ о такъ называемой *экспериментальной психологіи*, которой придается преувеличенное и неосуществимое на практикѣ значеніе. Оставляя въ сторонѣ подробный разборъ пріемовъ и методовъ этой новой науки въ примѣненіи ея къ свидѣтельскимъ показаніямъ, я нахожу, что среди *общихъ свойствъ* свидѣтелей, которыя отражаются не только на воспріятіи ими впечатлѣній, но и на способѣ передачи послѣднихъ, видное мѣсто занимаетъ, *во-первыхъ,—темпераментъ* свидѣтеля, различаемый, какъ темпераментъ *чувства* (сангвиническій и меланхолическій) и какъ темпераментъ *дѣятельности* (холерическій и флегматическій). Для опытнаго глаза, для житейской наблюдательности—эти различные темпераменты и вызываемыя ими настроенія обнаруживаются очень скоро во всемъ: въ жестѣ, тонѣ голоса, манерѣ говорить, способѣ держать себя на судѣ. Типическое настроеніе, свойственное тому и другому темпераменту, даетъ возможность представить себѣ и отношеніе свидѣтеля къ обстоятельствамъ, имъ описываемымъ, и понять, *почему* и какія именно стороны въ этихъ обстоятельствахъ должны были привлечь его вниманіе и остаться въ его памяти, когда многое другое изъ нея улетучилось.

Во-вторыхъ, въ оцѣнкѣ показанія играетъ большую роль *полъ* свидѣтеля. Опытъ показываетъ, что чувствительность къ боли, обоняніе, слухъ и въ значительной степени зрѣніе у мужчинъ выше, чѣмъ у женщинъ, и что, наоборотъ, любовь къ жизни, выносливость, вкусъ и вазомоторная возбудимость у женщинъ выше. Вмѣстѣ съ тѣмъ, у женщинъ гораздо сильнѣе, чѣмъ у мужчинъ, развита потребность видѣть *конечные результаты* своихъ дѣяній и гораздо менѣе развита способность къ *сомнѣнію*, при чемъ доказательства ихъ увѣренности въ томъ или другомъ болѣе оцѣниваются чувствомъ, чѣмъ анализомъ. Отсюда преобладаніе впечатлительности передъ сознательною работою вниманія, соотвѣтственно ускоренному ритму душевной жизни женщины. Наконецъ, опытомъ установлено, что мужчинамъ время кажется длиннѣе дѣйствительнаго на 35%, женщинамъ же на 111%, а время вѣдь играетъ такую важную роль въ показаніяхъ. Въ каждомъ изъ этихъ свойствъ содержатся и основанія къ оцѣнкѣ достовѣрности показанія свидѣ-

телей, а также и потерпѣвшихъ отъ преступленія, которые часто подлежатъ допросу въ качествѣ свидѣтелей.

Въ-третьихъ — возрастъ свидѣтеля вліяетъ на его показаніе, особенно, если оно не касается чего-либо выдающагося. Вниманіе дѣтей распространяется на ограниченный кругъ предметовъ, но дѣтская память удерживаетъ иногда нѣкоторыя подробности съ большимъ упорствомъ. Дѣтскія воспоминанія обыкновенно обратно пропорціональны—какъ и слѣдуетъ—протекшему времени, т. е. ближайшіе факты помнятся дѣтьми сильнѣе отдаленныхъ. Наоборотъ, память стариковъ слабѣетъ относительно ближайшихъ обстоятельствъ и отчетливо сохраняетъ воспоминанія отдаленныхъ лѣтъ юности и даже дѣтства. Многіе старики съ большимъ трудомъ могутъ припомнить, гдѣ они были, кого и гдѣ видѣли наканунѣ или нѣсколько дней назадъ—и отчетливо, въ подробности, способны разсказать о томъ, что имъ пришлось видѣть или пережить десятки лѣтъ назадъ.

Въ-четвертыхъ, большой осторожности при оцѣнкѣ показанія требуетъ *поведеніе свидѣтеля* на судѣ, отражающееся на способѣ передачи имъ своихъ воспоминаній. Замѣшательство его еще не доказываетъ желанія скрыть истину или боязни быть изобличеннымъ во лжи, — улыбка и даже смѣхъ при дачѣ показанія о вовсе не вызывающихъ веселости обстоятельствахъ еще не служатъ признакомъ легкомысленнаго отношенія его къ своей обязанности свидѣтельствовать правду,—наконецъ, нелѣпыя заключенія, выводимыя свидѣтелемъ изъ разсказанныхъ имъ фактовъ, еще не указываютъ на недостовѣрность этихъ фактовъ. Свидѣтель можетъ страдать *навязчивыми состояніями безъ навязчивыхъ идей.* Онъ можетъ быть не въ состояніи удержаться отъ непроизвольной и неумѣстной улыбки, отъ судорожнаго смѣха (risus sardonicus), отъ боязни покраснѣть, именно подъ вліяніемъ которой кровь бросается ему въ лицо и уши. Надо въ этихъ случаяхъ слушать, *что* говоритъ свидѣтель, совершенно исключая изъ оцѣнки сказаннаго то, *чѣмъ оно сопровождалось.* Свидѣтель можетъ быть глупъ отъ природы, а глупость отличается отъ ума лишь количественно, а не качественно—и глупецъ прежде всего является *свободнымъ отъ сомнѣній.* Но глупость надо отличать отъ *своеобразности,* которая тоже можетъ отразиться на показаніи.

Обстановка судебнаго засѣданія, ея торжественность, присутствіе публики, сознаніе своей отвѣтственности и предъ закономъ, и предъ собственной совѣстью — все это можетъ иногда очень сильно отражаться на смущеніи свидѣтеля и нѣкоторой его растерянности или взволнованности. Но по этимъ его состояніямъ отнюдь не слѣдуетъ судить о недостовѣрности его показанія. Мнѣ пришлось самому три

раза быть свидѣтелемъ—два у Мирового Судьи и одинъ въ Окружномъ Судѣ — и, несмотря на то, что я самъ былъ много лѣтъ Почетнымъ Мировымъ Судьею, и одинъ изъ допрашивавшихъ меня судей былъ моимъ товарищемъ по Мировому Съѣзду, и на то, что мнѣ пришлось давать показаніе въ той самой залѣ Окружнаго Суда, въ которой я самъ, въ теченіе 10 лѣтъ, допрашивалъ, въ качествѣ прокурора и предсѣдателя Суда огромное число свидѣтелей,—я былъ смущенъ и взволнованъ. Въ одномъ случаѣ дѣло шло о нарушеніи порядка въ судѣ нѣсколькими лицами, желавшими во что бы то ни стало проникнуть въ залу судебнаго засѣданія по дѣлу офицера Ландсберга, обвиняемаго въ убійствѣ; въ другомъ я былъ свидѣтелемъ нарушенія общественной тишины и благопристойности;—въ третьемъ мнѣ пришлось, среди жаднаго любопытства публики, отвѣчать по дѣлу о плагіатѣ въ драматическомъ произведеніи на сыпавшіеся, какъ изъ рога изобилія, вопросы повѣреннаго одной изъ сторонъ, за которыми чувствовалось желаніе получить отъ меня свѣдѣнія о происхожденіи одного изъ романовъ великаго русскаго писателя. Съ грустнымъ чувствомъ вспоминаю я характеръ допроса по второму изъ этихъ дѣлъ, когда мое смущеніе было вызвано обращеніемъ Мирового Судьи, далекимъ отъ того, что мы, старые судебные дѣятели, привыкли видѣть въ лучшіе годы новаго суда.

Затѣмъ, свидѣтель, смущенный непривычною обстановкою судебнаго засѣданія или вопросами сторонъ, можетъ, въ теченіе одного и того же допроса, проявить различныя настроенія. Мнѣ пришлось обвинять въ Харьковѣ крестьянъ Лобойко и Китаева, обвиняемыхъ въ покушеніи на убійство содержательницы постоялаго двора Рулевой, которая заподозрѣла ихъ въ кражѣ спрятанныхъ ими у нея во дворѣ двухъ воловъ, въ чемъ она была совершенно права. Одинъ изъ подсудимыхъ сталъ на стражѣ у дверей, а другой набросился на нее сзади и нанесъ ей около двадцати ранъ, послѣ которыхъ она какимъ-то чудомъ осталась жива. На судѣ она сначала испугалась, увидя подсудимыхъ, но, выпивъ воды, ободрилась и дала толковое и точное показаніе. Защитникъ — частный ходатай съ профилемъ Шиллера, съ развязными ухватками провинціальнаго „сердцеѣда“ и большимъ нахальствомъ въ исполненіи своихъ обязанностей, спросилъ ее, почему она полагаетъ, что обвиняемые хотѣли ее убить?—Да какъ же, батюшка, — отвѣчала она добродушно,—не безъ причины они меня рѣзали... Но почему вы думаете, что они хотѣли именно убить?—Рулева развела руками и молчала.—Я васъ снова спрашиваю, на чемъ вы основываете ваше *умозаключеніе*, что они имѣли намѣреніе васъ убить?—Рулева смущенно оглянулась вокругъ

и молча поникла головой.—Вы не отвѣчаете? Г-да присяжные, обратите вниманіе на то, что свидѣтельница на мои категорическіе вопросы не отвѣчаетъ. Вы молчите, свидѣтельница, вы упорно молчите... г-да присяжные, оцѣните это молчаніе! — Ахъ, отцы мои, внезапно оживившись и всплеснувъ руками, воскликнула Рулева, обращаясь къ суду, — я у *этихъ* подъ ножомъ была, а *этотъ*—и она ткнула пальцемъ въ сторону Шиллеровскаго профиля—спрашиваетъ, хотѣли ли они меня убить! Наконецъ, смущеніе свидѣтеля можетъ вызываться и его личною деликатностью и благовоспитанностью, не позволяющими ему, несмотря на настоянія допрашивающихъ, выразиться рѣзко или въ оскорбительномъ смыслѣ о комъ-либо. Я помню дѣло объ одномъ ходатаѣ по дѣламъ, обвиняемомъ въ разныхъ корыстныхъ преступленіяхъ, который защищался самъ и вызвалъ въ качествѣ свидѣтеля въ свою пользу Предводителя Дворянства, графа Ш., человѣка высокой порядочности. На вопросъ подсудимаго — говорилъ ли свидѣтелю о немъ одинъ его знатный довѣритель, и что именно онъ сказалъ, графъ Ш. смутился и послѣ нѣкотораго колебанія попросилъ избавить его отъ отвѣта на этотъ вопросъ. Но подсудимый настаивалъ и просилъ предсѣдателя указать свидѣтелю на его обязанность давать показаніе. „Я очень просилъ бы васъ избавить меня отъ отвѣта", отвѣчалъ все болѣе и болѣе смущаясь графъ Ш.—Нѣтъ!—воскликнулъ подсудимый—мнѣ очень важно, чтобы присяжные знали мнѣніе обо мнѣ моего многолѣтняго довѣрителя князя N. N. Я настаиваю, чтобы вы показали, что именно сказалъ онъ вамъ..." — „Онъ сказалъ — и графъ Ш. запнулся, взглянувъ умоляюще на подсудимаго,—онъ сказалъ... но я очень прошу васъ избавить меня отъ отвѣта..."— „Нѣтъ-съ! я требую, чтобы вы сказали,—повторилъ свое настояніе въ непостижимомъ ослѣпленіи подсудимый... — „Онъ сказалъ — и лицо графа Ш. залила краска—онъ сказалъ... что вы *мошенникъ!..*"

Въ-пятыхъ, наконецъ, нѣкоторые *физическіе недостатки*, дѣлая показаніе свидѣтеля одностороннимъ, въ то же время, какъ сказать, обостряютъ его достовѣрность въ извѣстномъ отношеніи. Такъ, напримѣръ, извѣстно, что у слѣпыхъ чрезвычайно тонко развиваются слухъ и осязаніе. Поэтому все, что воспринято ими этимъ путемъ, пріобрѣтаетъ характеръ особой достовѣрности. Извѣстный окулистъ Дюфуръ даже настаиваетъ на необходимости имѣть въ числѣ служащихъ на быстроходныхъ океанскихъ пароходахъ одного или двухъ слѣпорожденныхъ, которые, въ виду крайняго развитія своего слуха, могутъ среди тумана или ночью, слышать приближеніе другого судна на громадномъ разстояніи. То же можно сказать и о болѣе рѣдкихъ показаніяхъ слѣпыхъ, основанныхъ на чувствѣ

осязанія, если только оно не обращается въ болѣзненное преувеличеніе числа ощущаемыхъ предметовъ или преувеличеніе ихъ объема. Кромѣ того опытныя изслѣдованія указываютъ на существованіе у слѣпыхъ особаго чувства, своеобразнаго и очень тонко развитаго, — *чувства препятствій*, развивающагося независимо отъ осязанія и помимо его, вслѣдствіе повышенной чувствительности головной кожи. Когда это чувство бываетъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ вполнѣ установлено, ему приходится отводить видное мѣсто по отношенію къ *топографической* части показаній слѣпыхъ.

Обращаясь отъ этихъ общихъ положеній къ тѣмъ *особенностямъ вниманія*, въ которыхъ выражается разность личныхъ свойствъ и духовнаго склада людей, можно отмѣтить, въ общихъ чертахъ, нѣсколько характерныхъ видовъ вниманія, знакомыхъ, конечно, всякому наблюдательному судьѣ. Отражаясь въ разсказѣ о видѣнномъ и слышанномъ, вниманіе прежде всего можетъ быть раздѣлено на *сосредоточенное* и *разсѣянное*. Вниманіе перваго рода, въ свою очередь, представляется ими сведеннымъ почти исключительно къ собственной личности созерцателя или разсказчика, или же, наоборотъ, отрѣшеннымъ отъ этой личности, которая въ ихъ передачѣ отходитъ на задній планъ. Есть люди, которые, о чемъ бы они ни думали, ни говорили, дѣлаютъ центромъ своихъ мыслей и представленій самихъ себя и проявляютъ это въ своемъ изложеніи. Для нихъ—сознательно или невольно—*все* имѣетъ значеніе лишь постольку, поскольку и въ чемъ оно *ихъ* касается. Ничто изъ окружающаго міра явленій не разсматривается ими иначе, какъ сквозь призму собственнаго *я*. Отъ этого маловажные сами по себѣ факты пріобрѣтаютъ въ глазахъ такихъ людей иногда чрезвычайное значеніе, а событія первостепенной важности представляются имъ лишь отрывочными строчками „изъ хроники происшествій". При этомъ житейскій размѣръ обстоятельства, на которое устремлено такое вниманіе, играетъ совершенно второстепенную роль. Важно лишь то, какое отношеніе имѣло оно къ личности повѣствователя. Поэтому обладатель такого вниманія нерѣдко съ большею подробностью и вкусомъ будетъ говорить о вздорѣ, дѣйствительно только его касающемся и лишь для него интересномъ,—будь то вопросы сна, удобства костюма, домашнихъ привычекъ, тѣсноты обуви, сваренія желудка и т. п.—чѣмъ о событіяхъ общественной важности или историческаго значенія, свидѣтелемъ которыхъ ему пришлось быть. Изъ разсказа его всегда ускользаетъ все общее, родовое, широкое въ томъ, о чемъ онъ можетъ свидѣтельствовать— и остается, твердо запечатлѣнное въ памяти, лишь то, что задѣло его непосредственно. Въ памяти свидѣтеля, питаемой подобнымъ

вниманіемъ, напрасно искать болѣе или менѣе подробной, или хотя бы только ясной картины происшедшаго или синтеза слышаннаго и видѣннаго. Но зато она можетъ сохранить иногда цѣнныя, характеристическія для личности самого свидѣтеля, мелочи. Когда такихъ свидѣтелей нѣсколько—судьѣ приходится складывать свое представленіе о томъ или другомъ обстоятельствѣ изъ ихъ показаній, постепенно приходя къ уясненію себѣ всего случившагося. При этомъ необходимо бываетъ мысленно отдѣлить картину того, что въ дѣйствительности произошло на житейской сценѣ отъ подобной словоохотливости свидѣтелей. Надо замѣтить, что разсказчики съ такой памятью не любятъ выводовъ и обобщеній и, въ крайнемъ случаѣ, намѣтивъ ихъ слегка, спѣшатъ перейти къ *себѣ*, къ тому, что *они сами* пережили или ощутили. „Да! ужасное несчастіе,—говоритъ, напримѣръ, такой повѣствователь,—представьте себѣ, только что хотѣлъ *я* войти, какъ вижу... ну, натурально, *я* испугался, думаю, какъ бы *со мною*... да вспомнилъ, что вѣдь *я*... тогда *я* сталъ въ сторонкѣ, полагая, что, быть можетъ, здѣсь *мнѣ* безопаснѣе—и все *меня* такъ поразило, что, при моей впечатлительности, *мнѣ* стало"—и т. д., и т. д. Несчастіе, поразившее сразу рядъ людей, обыкновенно даетъ много такихъ свидѣтелей. Все сводится у нихъ къ описанію борьбы личнаго чувства самосохраненія съ внезапно надвинувшеюся опасностью—и этому описанію посвящается *все* показаніе, съ забвеніемъ о многомъ, чего, *несомнѣнно*, нельзя было не видѣть или слышать. Таковы были почти всѣ показанія, данныя на произведенныхъ подъ моимъ наблюденіемъ слѣдствіяхъ о крушеніи Императорскаго поѣзда въ Боркахъ 17 октября 1888 г. и о крушеніи парохода „Владиміръ" въ августѣ 1894 г. на пути изъ Севастополя въ Одессу. У насъ, на Руси, подъ вліяніемъ печальныхъ воспоминаній о старыхъ судахъ, когда можно было „затаскать человѣка", показаніе очень часто носитъ слишкомъ личный характеръ вслѣдствіе пугливаго отношенія свидѣтеля къ происходившему предъ нимъ и желанія избѣжать возможности видѣть и слышать то, о чемъ, можетъ быть, придется показывать потомъ на судѣ. Изложеніе обстоятельствъ, по отношенію къ которымъ разсказчикъ старался *избѣжать* положенія свидѣтеля, обращается незамѣтно для него самого въ изложеніе того, что онъ дѣлалъ и думалъ, а не того, что случилось предъ нимъ.

Въ полной противоположности съ такимъ показаніемъ находится то, въ которомъ свидѣтель старается понять значеніе явленія и, не останавливаясь долго на его подробностяхъ и мелочахъ, стремится уяснить себѣ смыслъ и важность того и другого событія. Человѣкъ, дающій такого рода показаніе, зачастую совершенно не задумы-

вается надъ тѣмъ, въ какомъ отношеніи къ нему самому находится то или другое обстоятельство, и съ большой легкостью изъ наблюдателя становится мыслителемъ по поводу созерцаемаго или услышаннаго. Такой свидѣтель, опредѣливъ точно, вѣрно, и иногда вполнѣ объективно главныя черты событія, сами собою слагающіяся въ извѣстный выводъ,—не можетъ, однако, указать времени происшествія, мѣста, гдѣ онъ самъ находился, своихъ движеній и даже словъ. Но этого нельзя объяснять простой разсѣянностью или невнимательностью свидѣтеля въ его обычной, повседневной жизни, и считать его человѣкомъ „не отъ міра сего". На простую и привычную обстановку вниманіе его распредѣляется равномѣрно, но если событіе выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ явленій жизни и поражаетъ своею неожиданностью и богатствомъ возможныхъ послѣдствій,—живая работа мысли и чувства свидѣтеля выступаетъ на первый планъ. Способность сосредоточиваться на мелочахъ на время подавляется, и въ памяти свидѣтеля *частное* затемняется *общимъ*, характеръ событія стираетъ его подробности. Опытный судья никогда не станетъ сомнѣваться въ правдивости такого показанія изъ-за того только, что свидѣтель, изложивъ въ подробностяхъ бѣдный впечатлѣніями день, не въ состояніи припомнить многое *лично о себѣ* по отношенію ко дню, полному сильныхъ впечатлѣній. „Этотъ человѣкъ лжетъ,—скажетъ поверхностный и поспѣшный наблюдатель,—онъ съ точностью опредѣляетъ, въ которомъ часу дня и гдѣ именно онъ нанялъ извозчика, чтобы ѣхать съ визитомъ къ знакомымъ, и не можетъ опредѣлительно припомнить, отъ кого именно вечеромъ въ тотъ же день, въ которомъ часу и въ какой комнатѣ онъ услышалъ о самоубійствѣ сына или о трагической смерти жены"... „Онъ говоритъ правду,—скажетъ опытный судья,—и эта правда тѣмъ вѣроятнѣе, чѣмъ больше различія между обыденнымъ фактомъ и потрясающимъ событіемъ, между обычнымъ спокойствіемъ послѣ перваго и ошеломляющимъ вихремъ второго"...

Вниманіе (и память, на немъ основанная) *разсѣянное* есть то, которое не можетъ сосредоточиться на одномъ предметѣ, а развлекается цѣлымъ рядомъ побочныхъ обстоятельствъ. Мысль и наблюденія человѣка, обладающаго такимъ вниманіемъ, никогда не имѣютъ прямого направленія, а заходятъ въ стороны, задѣваютъ второстепенныя данныя, иногда ничѣмъ не связанныя съ предметомъ, который первоначально привлекалъ вниманіе. Нужно не мало терпѣнія и снисхожденія къ свидѣтелю, повѣствованіе котораго идетъ ломанной линіей и постоянно отвлекается въ сторону,—чтобы спокойно выслушивать все ненужное и сохранять нить Аріадны въ лабиринтѣ словесныхъ отступленій и экскурсій по сторонамъ. Таковы свидѣтели,

начинающіе свое повѣствованіе „ab ovo“, не упускающіе случая передать подробныя біографическія о себѣ или другихъ свѣдѣнія и вообще отдающіеся безотчетно и безгранично своимъ воспоминаніямъ; при этомъ изъ существеннаго, случайнаго и второстепеннаго получается въ ходѣ ихъ мышленія одна безформенная масса безъ всякой перспективы. Типъ подобныхъ разсказчиковъ настолько извѣстенъ и, къ сожалѣнію, такъ часто встрѣчается, что нѣтъ нужды приводить примѣры. Но наша русская жизнь представляетъ одну характерную особенность, на которую нельзя не указать. Это—любовь къ генеалогіи и семейнымъ свѣдѣніямъ, тягостная какъ со стороны слушателя, предлагающаго вопросы изъ этой области, такъ и со стороны разсказчика, прибѣгающаго къ ненужнымъ подробностямъ. Случается, что разсказчикъ, взволнованный какимъ-нибудь особеннымъ событіемъ, сжато и послѣдовательно передавая о немъ, бываетъ вынужденъ назвать то или другое имя. Горе ему, если среди слушателей есть человѣкъ съ разсѣяннымъ вниманіемъ... Такой человѣкъ способенъ, среди общаго напряженнаго вниманія слушателей, прервать самое существенное мѣсто повѣствованія и изложеніе внутренняго смысла событія или значенія его, какъ общественнаго явленія, и спросить: „это какой NN? тотъ, что женатъ на ММ?“ или: „это, вѣдь, тотъ NN, который, кажется, служилъ въ кирасирскомъ полку?“ или: „а знаете, я вѣдь съ этимъ NN ѣхалъ однажды на пароходѣ. Это, вѣдь, онъ женился на племянницѣ М. М., который управлялъ Казенной Палатой? — гдѣ только — не помню... ахъ, да! въ Пензѣ или... нѣтъ, въ Тамбовѣ... Нѣтъ, нѣтъ!.. вспомнилъ! — именно въ Пензѣ... а братъ его...“ и т. д. Когда человѣкъ съ такимъ разсѣяннымъ вниманіемъ, направленнымъ на мелкія, незначущія подробности, становится свидѣтелемъ на судѣ, онъ нерѣдко плохо отдаетъ себѣ отчетъ о сущности и центрѣ тяжести своего разсказа. Въ большинствѣ случаевъ умственно ограниченный, педантично исполнительный въ служебномъ или свѣтскомъ обиходѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ полный самодовольства, такой разсказчикъ, помимо экскурсій въ область брачныхъ и родственныхъ отношеній, отличается еще особенной точностью въ названіяхъ и топографическихъ подробностяхъ. Онъ не назоветъ человѣка просто по фамиліи, а непремѣнно прибавитъ чинъ, имя и отчество, не скажетъ: Петербургъ, Нижній, „Исакій“, Сѵнодъ, конка, а всегда—Санктъ-Петербургъ, Нижній-Новгородъ, храмъ Исаакія Далматскаго, Святѣйшій Правительствующій Сѵнодъ, конно-желѣзная дорога и т. д.

Показанія подобнаго рода свидѣтелей могутъ сразу показаться полными и точными, но эта полнота лишь кажущаяся. Педантическое усвоеніе себѣ подробностей, этихъ „выпушекъ и петличекъ“

свидѣтельскаго показанія, не даетъ вниманію возможности сосредоточиться на главномъ и единственно нужномъ. Въ нѣкоторыхъ мемуарахъ разсказывается, что въ прежніе годы воспитанникамъ закрытыхъ казенныхъ учебныхъ заведеній подавали пирожки, которые, при большихъ размѣрахъ, оказывались внутри почти пустыми. Воспитанники прозвали ихъ „пирожками съ ничѣмъ". Съ этими „пирожками съ ничѣмъ" можно сравнить часто очень подробныя и вполнѣ корректныя показанія свидѣтелей, достигшихъ успѣха въ изощреніи разсѣянной памяти. Опытному судьѣ всегда будетъ предпочтительнѣе не полное въ подробностяхъ, съ пробѣлами и „запамятованіями" показаніе свидѣтеля, живо воспринимающаго и различно отзывающагося на впечатлѣнія не одинаковой цѣнности.

Вниманіе можетъ направляться или на процессъ дѣйствій, явленій и собственныхъ мыслей, или же на конечный ихъ результатъ, — такъ сказать, на итогъ ихъ. Способъ изложенія обыкновенно чрезвычайно ярко выражаетъ это. Одни свидѣтели, передавая видѣнное и слышанное, неизбѣжно излагаютъ все въ порядкѣ послѣдовательности; другимъ же, наоборотъ, хочется скорѣе сказать главное. Первыхъ — при допросѣ — приходится нерѣдко просить сократить свой разсказъ, вторыхъ же — приходится отъ конечнаго итога ихъ разсказа возвращать къ подробностямъ мѣста, времени, обстановки и т. п. Но, дѣлая это, не надо забывать осторожности, особенно со свидѣтелями перваго рода, такъ какъ наклонность къ процессуальному изложенію обыкновенно бываетъ связана еще съ другими свойствами или, вѣрнѣе, привычками, при чемъ свидѣтель усиленно цѣпляется за послѣдовательность и постепенность впечатлѣній и путается въ воспоминаніяхъ, если только эта послѣдовательность нарушается чѣмъ-нибудь извнѣ. Эти же свойства и особенности разсказчика проявляются обыкновенно и въ томъ, *какъ* онъ *слушаетъ*. Есть люди, умѣющіе цѣнить логическую и психологическую нить повѣствованія, отдѣльныя части котораго, строго связанныя между собою, содѣйствуютъ наростанію настроенія, достигающаго своего апогея въ заключеніи, въ освѣщающемъ и осмысливающемъ все событіи, картинѣ или лирическомъ порывѣ;— но есть и другіе слушатели — нетерпѣливые, жаждущіе скорѣйшей „развязки", высказывающіе о ней *догадки во всеуслышаніе* или задающіе досадные вопросы... Среди читателей, преимущественно между женщинами, есть такіе, которые, начиная чтеніе повѣсти или романа, заглядываютъ прежде всего въ послѣднюю главу, желая узнать, чѣмъ и какъ все окончилось. Бываютъ и свидѣтели, подобные такимъ читателямъ.

Есть, наконецъ, два рода вниманія сообразно со способностью души реагировать на внѣшнія впечатлѣнія. *Одни* съ полнымъ самообладаніемъ и вполнѣ объективно какъ бы регистрируютъ то, что приходится видѣть или слышать, и внутреннюю, душевную переработку всего этого начинаютъ лишь тогда, когда прекратилось внѣшнее воздѣйствіе на ихъ слухъ или зрѣніе. У такихъ людей все, воспринятое ими, сохраняетъ въ памяти большую ясность и не страдаетъ пробѣлами, являющимися результатомъ перерывовъ вниманія. Это тѣ, которые, „научившись властвовать собою“, по образному выраженію великаго поэта, умѣютъ „держать мысль свою на привязи“ и „усыплять или давить въ сердцѣ своемъ мгновенно прошипѣвшую змѣю“. Не то бываетъ съ *другими,* которые отдаются во власть своимъ душевнымъ движеніямъ. Сразу и безусловно завладѣвая ими, эти движенія прежде всего поражаютъ вниманіе. Нельзя здѣсь говорить о забывчивости человѣка или недостаткѣ вниманія: послѣднее просто не существуетъ вовсе — оно *парализовано.* Таковы люди, по выраженію того же Пушкина, „оглушенные шумомъ внутренней тревоги“, тѣмъ шумомъ, который дѣйствуетъ подавляющимъ образомъ на способность вдумываться въ окружающее и даже просто замѣчать его. Въ такомъ положеніи зачастую бываютъ потерпѣвшіе отъ преступленія, которыхъ допрашиваютъ въ качествѣ свидѣтелей,—бываетъ очень рѣдко и подсудимый, искренно желающій быть добросовѣстнымъ свидѣтелемъ въ дѣлѣ о своемъ преступленіи, о своемъ несчастіи... Чѣмъ внезапнѣе впечатлѣніе, вызывающее сильное душевное движеніе, тѣмъ болѣе оно овладѣваетъ вниманіемъ и тѣмъ быстрѣе *внутреннія* переживанія заслоняютъ собою *внѣшнія* обстоятельства. Весьма рѣдкіе изъ подсудимыхъ, совершившихъ преступленіе подъ вліяніемъ аффекта, въ состояніи изложить подробности *рѣшительнаго момента,* но это не мѣшаетъ имъ помнить быструю смѣну и перекрещиваніе въ ихъ душѣ мыслей, образовъ, чувствъ—до сдѣланнаго ими удара, до оскорбленія, выстрѣла, до расправы ножомъ.

Зачастую человѣкъ, отличающійся сильной душевной воспріимчивостью, бывающій во власти такъ называемой *вспыльчивости* (которую не слѣдуетъ смѣшивать съ *запальчивостью,* являющеюся состояніемъ не внезапнымъ, а наростающимъ, питающимъ само себя, подобно ревности), изъ *потерпѣвшаго* въ началѣ столкновенія становится *преступникомъ* въ концѣ его. Если, однако, онъ овладѣлъ собою послѣ вспышки и затаеннаго гнѣва и подавилъ въ себѣ мстительное движеніе, его вниманіе тѣмъ не менѣе въ большинствѣ случаевъ дѣйствуетъ лишь до опредѣленнаго момента, а затѣмъ являются отдѣльные проблески, не имѣющіе между собой связи. Оскорби-

тельное слово, угрожающій жестъ, вызывающая поза, питающіе давнишнее негодованіе, тайную ненависть, прочно сложившееся презрѣніе,—заставляютъ взоръ и слухъ „вспылившаго" обращаться *внутрь* и терять способность воспринимать *внѣшнее*. Этимъ надо объяснять то, что возмущенный до послѣдней степени обиженный не тотчасъ же „выходитъ изъ себя" послѣ оскорбленія, а лишь спустя нѣкоторое время, въ теченіе котораго обидчикъ успѣлъ уже спокойно обратиться къ другому разговору или занятію. Это затишье передъ грозой. Внезапно прорывается въ самой рѣзкой формѣ протестъ противъ словъ, движеній, личности обидчика. Не слѣдуетъ думать, что человѣкъ, промолчавшій первоначально и только черезъ извѣстный промежутокъ времени проявившій свое негодованіе крикомъ, изступленіемъ, ударами, могъ въ этотъ перерывъ наблюдать и направлять на что-либо свое вниманіе... Въ такой моментъ онъ ничего не видитъ и не слышитъ: онъ весь во власти охватившаго его вихря внутреннихъ вопросовъ: „да какъ *онъ* смѣетъ?! да что же *это* такое? да неужели *я это* перенесу?" и т. д. Но если даже ему удастся овладѣть собою, принявъ рѣшеніе пропустить слышанное „мимо ушей" или представившись непонявшимъ изъ уваженія къ той или иной обстановкѣ или въ разсчетѣ на будущую месть, требующую еще обдумыванія, потерпѣвшему все-таки требуется столько силъ на внутреннюю борьбу съ закипѣвшими въ немъ чувствами, что его вниманіе *на время* совсѣмъ подавлено. Этимъ объясняются разныя неловкости или отвѣты невпопадъ внезапно оскорбленнаго—что каждому приходилось наблюдать въ жизни. Изъ показаній такого потерпѣвшаго надо брать то, что сохранилось въ его памяти до наступленія внутренней борьбы, и не сомнѣваться въ правдивости его словъ лишь оттого, что вниманіе потомъ измѣнило ему. Но не одинъ потерпѣвшій бываетъ свидѣтелемъ, а и лицо постороннее столкновенію или печальному стеченію обстоятельствъ. Если оно не лишено впечатлительности и нервности и одарено способностью чувствовать и страдать, а слѣдовательно и сострадать, то видъ нарушеннаго душевнаго равновѣсія въ другомъ—иногда въ близкомъ и дорогомъ человѣкѣ — производитъ на него самое тяжелое впечатлѣніе. Будучи заразительно, волненіе этого человѣка отражается на вниманіи свидѣтеля, ослабляя его или дѣлая его одностороннимъ. Кому не приходилось въ жизни быть въ такомъ положеніи, когда хочется „провалиться сквозь землю" за *другого* и когда неожиданное душевное смущеніе кого-либо вызываетъ собственную растерянность? Въ такихъ случаяхъ человѣкъ, одаренный чуткимъ сердцемъ, страдая за другого, безсознательно *не хочетъ* быть внимательнымъ...

Сильные приливы чувства, являющіеся результатомъ сложнаго процесса душевнаго переживанія скорби, утраты, разочарованія и т. д. также нужно отнести къ числу причинъ, затемняющихъ въ памяти или устраняющихъ изъ области вниманія отдѣльныя, находящіяся между собою въ связи части того событія, о которомъ приходится свидѣтельствовать. Обращаясь мысленно къ неуловимымъ для постороннягo взора подробностямъ отношеній къ дорогому человѣку, вспоминая невозвратно ушедшій милый образъ во всѣхъ его проявленіяхъ или переживая оказанную кому-либо и когда-либо жестокость или несправедливость — человѣкъ вынужденъ бываетъ остановиться иногда въ самомъ, *казалось бы,* безразличномъ мѣстѣ своего повѣствованія... Волненіе охватываетъ его, къ горлу подступаютъ слезы и тоска безвыходная и жгучая, уснувшая лишь на время, вновь начинаетъ терзать сердце, а какой-нибудь звукъ или слово, вызывающіе цѣлую цѣпь воспоминаній, такъ овладѣваютъ вниманіемъ, что все послѣдующее погружается въ тѣнь и обрывается вслѣдствіе физической (слезы, дрожь голоса, судороги личныхъ мускуловъ) и нравственной невозможности продолжать разсказъ. Въ подобномъ положеніи, я помню, находилась жена весьма достойнаго человѣка Рыжова, убитаго на глазахъ ея и трехъ маленькихъ дѣтей за то, что онъ вступился за честь обольщаемой братомъ жены дѣвушки. Съ достоинствомъ и твердостью защищая честь своего мужа отъ полныхъ клеветы оправданій брата, Рыжова и при слѣдствіи и на судѣ, при повторныхъ показаніяхъ, сравнительно спокойно разсказывала про событіе, но едва она доходила до словъ покойнаго мужа: „стрѣляй, если смѣешь!“, сказанныхъ въ отвѣтъ ея брату, когда онъ угрожалъ стрѣлять, какъ черты ея искажались и, несмотря на всѣ усилія овладѣть собою и не прерывать нити своихъ тяжелыхъ воспоминаній, она не могла продолжать разсказа отъ внезапно подступавшихъ горькихъ слезъ и рыданій.

Къ *исключительнымъ* свойствамъ свидѣтелей нужно отнести особую склонность иныхъ людей обращать исключительное и даже болѣзненное вниманіе на какую-нибудь отдѣльную часть тѣла человѣка, въ особенности же на его *уродливость.* Нѣкоторые свое вниманіе направляютъ на глаза человѣка, другіе—на походку, третьи —на цвѣтъ волосъ и т. п. Случается, что люди не въ состояніи сохранить въ памяти черты чьего-либо лица, но одновременно съ этимъ съ большой отчетливостью представляютъ себѣ голосъ того же человѣка, со всѣми его особенностями въ оттѣнкахъ, вибраціи и произношеніи. Свидѣтель, вниманіе котораго привлекаютъ во всей физіономіи человѣка глаза, опишетъ съ точностью ихъ цвѣтъ, форму и выраженіе, но станетъ втупикъ или дастъ неопредѣленный отвѣтъ,

если его спросить, о цвѣтѣ волосъ или о ростѣ обладателя этихъ самыхъ глазъ. Разныя уродливости, какъ косоглазіе, кривоглазіе, горбъ, болѣзненные наросты на лицѣ, шестипалость, проваливавшійся носъ и т. п. производятъ на многихъ особенное, гипнотизирующее впечатлѣніе. Помимо воли и даже противъ желанія взоръ направляется постоянно на этотъ прирожденный или пріобрѣтенный недостатокъ и почти не въ силахъ отъ него оторваться. Нарушеніе иногда безсознательнаго чувства эстетики и стремленія къ симметріи и гармоніи, свойственныхъ человѣку, усиливаютъ протестующее вниманіе, и тогда другія черты и свойства наблюдаемаго человѣка отходятъ на второй планъ и стушевываются. Изучивъ подробно тѣлосложеніе горбуна или отлично запомнивъ движенія человѣка съ искалѣченными, скрюченными или вообще уродливыми ногами, свидѣтель вполнѣ добросовѣстно можетъ оказаться не въ состояніи сказать что-нибудь объ одеждѣ, цвѣтѣ глазъ или волосъ тѣхъ же самыхъ людей...

Подобная же *связанность* вниманія является и тогда, когда чувство отвращенія или ужаса заставляютъ—наоборотъ—отворачиваться отъ предмета, вызывающаго такое чувство. Есть люди, которые не въ силахъ заставить себя глядѣть на трупъ вообще, а тѣмъ болѣе на трупъ обезображенный, покрытый зіяющими ранами, съ вывалившимися внутренностями и т. п. Вниманіе ихъ привлекается всѣмъ, что находится вокругъ и около предмета, наводящаго ужасъ, но съ упорствомъ обходитъ этотъ самый предметъ. Конечно, это не можетъ не отразиться на ихъ показаніяхъ. Бываетъ наоборотъ, что такіе именно предметы производятъ на нѣкоторыхъ то, гипнотизирующее вліяніе, о которомъ упоминалось выше. Чувство ужаса и отвращенія дѣйствуютъ на иныхъ такъ, что они не въ силахъ отвести взора отъ зрѣлища, отъ котораго, по народному выраженію, „тошнитъ на сердцѣ“. Глаза неизмѣнно устремляются къ тягостной и отталкивающей картинѣ и помимо воли память впитываетъ въ себя съ необыкновенной пытливостью и изощренностью подробности, отъ которыхъ возмущается душа и которыми вызывается чувство мурашекъ въ спинѣ и нервная дрожь въ конечностяхъ. Слѣдуетъ признать, примѣняя эти замѣчанія къ свидѣтельскимъ показаніямъ, что обостренность вниманія, направленнаго на картины, вызывающія отвращеніе и ужасъ, роковымъ образомъ ведетъ за собою притупленность вниманія къ побочнымъ и особенно къ послѣдующимъ впечатлѣніямъ. Это, несомнѣнно, отражается на неодинаковой полнотѣ и вѣсѣ различныхъ частей показанія. Однако, не слѣдуетъ усматривать въ этомъ неправдивость свидѣтеля или намѣренное съ его стороны умолчаніе. Часто бываетъ, что о ка-

комъ-либо выходящемъ изъ ряда обыкновенныхъ событіи или рѣзкомъ столкновеніи, о полномъ трагизма положеніи или несчастномъ происшествіи имѣются нѣсколько показаній разныхъ лицъ, находящихся внѣшнимъ образомъ въ одинаковыхъ условіяхъ относительно ихъ; они показываютъ каждый неполно, но всѣ вмѣстѣ даютъ, въ своей совокупности, весьма полную, соотвѣтствующую дѣйствительности картину. Одинъ изъ свидѣтелей опишетъ всѣ мелочи обстановки, въ которой найденъ трупъ, но не сумѣетъ сказать, въ какомъ положеніи лежалъ убитый, что на немъ было и т. д., другой же разскажетъ подробно про выраженіе лица убитаго, пѣну на губахъ, были ли глаза открыты или закрыты, въ какомъ направленіи шли раны, какъ расположены и въ какомъ количествѣ кровавыя пятна на бѣльѣ и одеждѣ, въ какомъ положеніи были конечности— но не сможетъ опредѣлить, висѣли ли на стѣнѣ часы, на дверяхъ портьеры, сколько оконъ было въ комнатѣ и т. д. Такимъ образомъ одинъ и тотъ же предметъ, отталкивая отъ себя вниманіе перваго свидѣтеля, привлекаетъ вниманіе второго...

Къ *индивидуальнымъ* особенностямъ отдѣльныхъ свидѣтелей, отражающимся на содержаніи ихъ показаній, нужно отнести—помимо разныхъ физическихъ недостатковъ, какъ-то: тугого слуха, близорукости, дальтонизма, амбіопліи и т. п.—также и *пробѣлы* памяти, пополненіе которыхъ невозможно даже при самомъ напряженномъ вниманіи. Прекрасная въ общемъ память бываетъ развита односторонне и можетъ давать на своей прочной и цѣльной ткани трудно объяснимые разрывы при показаніяхъ о спеціальнаго рода предметахъ. Въ эти, если можно такъ выразиться, *дыры памяти* чаще всего проваливаются числа и собственныя имена, однако нерѣдко то же самое дѣлается съ внѣшнимъ обликомъ человѣка, съ его физіономіей. Человѣкъ съ сильной, но дырявой памятью будетъ совершенно напрасно напрягать все свое вниманіе съ цѣлью удержать у себя въ умѣ число или какую-нибудь фамилію или запечатлѣть чьелибо лицо, разбирая отдѣльныя его черты и силясь представить себѣ каждую изъ нихъ отдѣльно и всѣ въ совокупности. Будучи допрошенъ въ качествѣ свидѣтеля—онъ почти несомнѣнно забудетъ имена и числа, если предъ глазами у него не будетъ бумажки, на которой они записаны; въ житейскомъ же обиходѣ онъ всегда будетъ безсильно недоумѣвать, когда явится необходимость связать то или другое лицо съ опредѣленнымъ именемъ. При этомъ память двоякимъ образомъ коварно отказывается служить: или, удержавъ имя, теряетъ образъ соединенной съ нимъ личности, или, сохранивъ ясное представленіе объ обликѣ, утрачиваетъ безнадежно присвоенное ему прозваніе. Бываютъ другіе случаи

когда изъ памяти людей одновременно исчезаютъ и личность и имя, но въ то же самое время чрезвычайно отчетливо рисуются жесты, слова, тонъ и звукъ рѣчи, связанные съ этимъ именемъ и личностью. Съ перваго взгляда показаніе свидѣтеля съ такой особенностью памяти можетъ вызвать недоумѣніе и даже недовѣріе, такъ какъ, не зная подобныхъ свойствъ памяти иныхъ людей, нельзя не найти очень страннымъ—какимъ образомъ, передавая, напримѣръ, съ мельчайшими подробностями чей-либо разсказъ со всѣми оттѣнками, манерой и даже интонаціями рѣчи, человѣкъ не въ состояніи назвать имени и фамиліи говорившаго или затрудняется сказать, кто это такой, будучи поставленъ съ нимъ „съ очей на очи"... И тѣмъ не менѣе свидѣтель безусловно правдивъ во всѣхъ подробностяхъ своего показанія и въ ссылкахъ на свою плохую память. Позволю себѣ привести личный примѣръ. Занимая много лѣтъ должность прокурора и предсѣдателя окружнаго суда въ Петербургѣ, я былъ способенъ, по отзыву всѣхъ знавшихъ меня, къ самому тщательному и проницательному вниманію и, тѣмъ не менѣе, всегда былъ „безпамятный" на имена и лица. Мнѣ необходимо было видѣть мною разъ подъ рядъ одно и то же лицо, чтобы при встрѣчѣ узнать его; при этомъ самая небольшая перемѣна—отпущенная борода, надѣтая шляпа, очки, другой костюмъ—дѣлали изъ этого встрѣченнаго новое и незнакомое лицо въ моихъ глазахъ. То же бывало и съ именами и фамиліями. А между тѣмъ я произносилъ безъ письменныхъ замѣтокъ большія, длившіяся по нѣсколько часовъ, обвинительныя рѣчи и руководящія напутствія присяжнымъ по самымъ сложнымъ дѣламъ и лишь изрѣдка, въ крайнихъ случаяхъ, пользовался полоскою бумажки съ разными условными знаками. Будучи обязанъ, въ качествѣ предсѣдателя суда, разсказать удаленному изъ залы засѣданія по какой-либо причинѣ подсудимому, что происходило въ его отсутствіе, я, желая, чтобы у подсудимаго были, согласно требованію Судебныхъ Уставовъ, всѣ средства къ оправданію, передавалъ ему на память *все содержаніе* прочитанныхъ въ его отсутствіе протоколовъ и документовъ и излагалъ, повторяя почти дословно, показанія свидѣтелей. И тѣмъ не менѣе я не разъ бывалъ въ неловкомъ положеніи изъ-за своей забывчивости на собственныя имена въ такіе моменты процесса, когда наводить справки въ спискѣ свидѣтелей было не только стѣснительно, но даже невозможно. Однажды, начавъ обвинительную рѣчь по обширному, длившемуся нѣсколько дней, дѣлу о подлогѣ нотаріальнаго завѣщанія Сѣдкова, я, несмотря на всѣ старанія, никакъ не могъ вспомнить фамилію одного свидѣтеля, а между тѣмъ безъ ссылки на его показанія было невозможно обойтись, такъ какъ онъ былъ очень важнымъ изъ *впервые*

вызванныхъ въ судъ, по просьбѣ защиты, свидѣтелей. У свидѣтеля на шеѣ была медаль на анненской лентѣ. За эту медаль я и ухватился. Неоднократно возвращаясь къ разбору показанія этого свидѣтеля, правдивости котораго я довѣрялъ безусловно, я сталъ ссылаться, въ самыхъ осторожныхъ и уважительныхъ выраженіяхъ, на этотъ внѣшній признакъ. Во время перерыва засѣданія, послѣ рѣчей защиты, этотъ свидѣтель обратился ко мнѣ въ залѣ для публики, выражая свою крайнюю обиду. „Я, милостивый государь,—говорилъ онъ,—имѣю чинъ, имя, отчество и фамилію; я былъ на государственной службѣ; я не „свидѣтель съ медалью на шеѣ", какъ вамъ угодно меня называть,—я этого такъ не оставлю!" Пришлось извиняться, ссылаясь на свою „дырявую" память и на невозможность справляться во время рѣчи съ дѣловыми отмѣтками. Но „свидѣтель съ медалью", иронически смѣясь, сказалъ: „ну, ужъ этому-то я никогда не повѣрю; я прослушалъ всю вашу рѣчь и видѣлъ какая у васъ чертовская память—вы чуть не три часа цѣлыя показанія на память говорили, а передъ вами ни листочка! только мою фамилію изволили забыть!—вы меня оскорбили нарочно, и я желаю удовлетворенія"... Нашъ разговоръ былъ прерванъ возгласомъ судебнаго пристава о томъ, что „судъ идетъ!"—„Я къ вашимъ услугамъ, если вы считаете себя оскорбленнымъ,—сказалъ я, торопясь на свое мѣсто,—и во всякомъ случаѣ сейчасъ же, начиная возраженія защитѣ, публично извинюсь передъ вами и, объяснивъ, что вы считаете для себя обиднымъ имѣть медаль на шеѣ, назову ваше званіе, имя, отчество и фамилію"... „То-есть, какъ же это?! Нѣтъ, ужъ лучше оставьте по-старому и пожалуйста не извиняйтесь—еще хуже, пожалуй, выйдетъ,—нѣтъ, ужъ пожалуйста, прошу васъ"... И инцидентъ, вызванный пробѣломъ памяти, разрѣшился благополучно...

Въ свидѣтельскихъ показаніяхъ очень важную роль играютъ *бытовыя* и *племенныя* особенности свидѣтеля, *языкъ* той среды, въ которой онъ живетъ, и затѣмъ его обычныя *занятія*. Показанія, безусловно добросовѣстныя и точныя, данныя по одному и тому же обстоятельству свидѣтелями, принадлежащими къ разному племени, будутъ несомнѣнно сильно отличаться одно отъ другого по формѣ, яркости, сопровождающимъ ихъ жестамъ, по живости передачи. Можно представить себѣ изложеніе событія нанесенія раны „въ запальчивости и раздраженіи", свидѣтелями котораго сдѣлались случайно обитатель „финскихъ хладныхъ скалъ" и уроженецъ пламенной Колхиды. Послѣ перекрестнаго допроса разсказъ въ отношеніи фактовъ окажется въ обоихъ случаяхъ тождественъ, но какъ велика будетъ разница въ передачѣ фактовъ, въ отношеніи къ нимъ свидѣтеля, какіе

оттѣнки въ краскахъ! На сѣверянина, съ его спокойнымъ созерцаніемъ, наибольшее впечатлѣніе произведетъ смыслъ дѣйствія обвиняемаго, которое получитъ краткую и точную характеристику („ударилъ ножомъ, кинжаломъ“...); южанинъ проявитъ свою пылкую натуру въ картинномъ описаніи дѣйствія („выхватилъ кинжалъ и вонзилъ его въ грудь“...); въ повѣствованіи любящаго порядокъ нѣмца-колониста или мирнаго обывателя срединной Россіи будетъ слышаться осужденіе кровавой расправѣ;—въ показаніи еврея нервная впечатлительность передъ такимъ дѣломъ; горецъ или любящій подраться обитатель земель старыхъ „сѣверно-русскихъ народоправствъ“ будетъ разсказывать не безъ нѣкотораго сочувствія „молодцу“, который умѣлъ постоять за себя...

Сказываются также и бытовыя особенности, образъ жизни и родъ занятій. Тѣ, кому, какъ мнѣ, случалось имѣть дѣло со свидѣтелями въ Великороссіи и Малороссіи, несомнѣнно уловили разницу въ формѣ, свободѣ и живости показаній людей, принадлежащихъ къ этимъ двумъ вѣтвямъ русскаго племени. Великороссъ обыкновенно разсказываетъ все, или почти все самъ; малоросса же, въ большинствѣ случаевъ, нужно спрашивать, такъ сказать вытягивая изъ него показаніе. Великороссъ въ своихъ показаніяхъ пользуется обыкновенно *описаніями*, — въ вяломъ и неохотно данномъ показаніи малоросса встрѣчаются зато гораздо чаще блестки тонкихъ и остроумныхъ *опредѣленій*. Въ моихъ воспоминаніяхъ о мировомъ судѣ [1]) я приводилъ примѣры такого остроумія и живой находчивости. Разсказъ простой великорусской женщины, въ большинствѣ случаевъ, болѣе безцвѣтенъ, чѣмъ мужской: въ немъ замѣтна иногда ея забитость и подчиненность; разсказъ же хохлушки, „жинки“ всегда красочнѣе, полнѣе и опредѣленнѣе разсказа мужчины. Это особенно ярко выступаетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда по однимъ и тѣмъ же обстоятельствамъ даютъ показанія мужъ и жена. Здѣсь наглядно проявляется бытовая разница семейныхъ отношеній и характеръ взаимной подчиненности супруговъ. Въ Великороссіи жена, давая показаніе, оглядывается на мужа, сидящаго на скамьѣ свидѣтелей;—въ Малороссіи наоборотъ—мужъ поглядываетъ тревожно и подчасъ безпомощно на жену. Стоитъ ли говорить, что городской и сельскій жители, фабричный рабочій и кустарь, чиновникъ и матросъ, поваръ и пастухъ, при разсказѣ объ одномъ и томъ же событіи, подчеркнутъ непремѣнно въ своихъ воспоминаніяхъ тѣ особенности, которыя находились въ какомъ-либо отношеніи съ ихъ обычными занятіями и родомъ жизни и прошли для другихъ не-

[1]) „Вѣстникъ Европы“ 1909.

замѣченными, не привлекая особеннаго вниманія,—или то, что составляетъ больное мѣсто этихъ обычныхъ занятій. Извѣстно, до какой степени у насъ часты и, къ сожалѣнію, по нашей привычной *сентиментальности на чужой счетъ*, недостаточно строго осуждаемы растраты, совершаемыя довѣренными, приказчиками, артельщиками и т. п. лицами, ссылающимися обыкновенно въ свое оправданіе на игру въ карты, на увлеченіе такою покровительствуемою у насъ, развращающею народъ мерзостью, какъ тотализаторъ и т. д.

Мнѣ вспоминается дѣло о растратѣ приказчикомъ денегъ изъ „выручки“ у своего хозяина, разбиравшееся въ семидесятыхъ годахъ въ Петербургскомъ окружномъ судѣ. Какъ „свидѣтель къ оправданію“ (temoin à decharge) былъ вызванъ прежній хозяинъ подсудимаго, который, по словамъ послѣдняго, долженъ былъ дать о немъ наилучшую аттестацію. Старичекъ съ сѣдою бородой, въ длинномъ кафтанѣ и въ сапогахъ „бутылками“, будучи введенъ въ залу засѣданія, помолился на образъ, истово поклонился суду и сталъ ждать вопросовъ защитника.—Подсудимый служилъ у васъ?—Этотъ самый: какже служилъ.—Что вы можете сказать о немъ хорошаго?—Да ничего хорошаго, окромѣ дурного!—Подсудимый не того ожидалъ отъ васъ...—Напрасно безпокоился!—Вы, можетъ быть, находите, что молодой человѣкъ былъ немного легкомысленъ, увлекался, но служилъ въ общемъ честно?—Это вы насчетъ распутства: по этой части другихъ такихъ поискать, но мы въ это не входимъ, а что въ выручку лапу запускалъ, такъ это точно...—Можетъ быть, это были просчеты, ошибки...—Просчеты само собой, а воровалъ безъ просчетовъ.—Это все, что вы можете о немъ сказать?—Да что жъ еще? развѣ, что вотъ такихъ вѣшать мало!—отрѣзалъ старикъ съ ожесточеніемъ и прибавилъ со вздохомъ: отъ такого народу торговать становится невозможно...—Къ этой же категоріи показаній относится и разсказъ, за достовѣрность котораго я, не бывшій лично въ судѣ, однако не ручаюсь. Къ разбирательству дѣла Кронъ и Вестфаль, въ которомъ дѣло шло о поддѣлкѣ французскаго шампанскаго извѣстной фирмы, защитникомъ Спасовичемъ былъ вызванъ, въ качествѣ знатока, опытный виноторговецъ и ему было предложено испробовать спорное шампанское.—Ваше заключеніе—спросилъ его предсѣдатель.—То есть о чемъ же? спросилъ виноторговецъ.—О качествѣ этого шампанскаго сравнительно съ шампанскимъ, несомнѣнно принадлежащимъ французской фирмѣ.—Свидѣтель отпилъ еще, посмотрѣлъ вино на свѣтъ, задумался и потомъ успокоительнымъ тономъ сказалъ: „покупатель выпьетъ!“

Манера свидѣтелей выражаться, ихъ *стиль*, своеобразныя особенности въ пониманіи ими различныхъ словъ бываютъ источни-

комъ многихъ недоразумѣній и ведутъ иногда къ неправильной оцѣнкѣ добросовѣстности ихъ показаній. Судьѣ необходимо знать мѣстныя выраженія для избѣжанія роковыхъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ заблужденій и ошибокъ. Это важно также и для судебныхъ слѣдователей, въ виду сохраненія картинности и жизненнаго колорита въ самомъ содержаніи записываемаго ими въ протоколъ показанія. Сколько сценъ полныхъ комизма, близкаго, однако, по временамъ къ трагизму, приходилось, видѣть при введеніи судебной реформы въ областяхъ Харьковской и Казанской судебныхъ палатъ! Пріѣхавшіе въ качествѣ судей и сторонъ уроженцы столицъ не понимали мѣстнаго значенія словъ „турнуть", „околѣть" (озябнуть), „пропасть" (околѣть) „отмѣниться" (отличиться), „постовать" (говѣть), „наджабить" (вдавить) и т. д.; малороссійской дѣвушкѣ торжественно предлагали вопросъ о томъ, были ли у нея „женихи" и вызывали тѣмъ негодованіе ея присутствующихъ при этомъ родителей—или въ Пермскомъ краѣ отказывались понимать, зачѣмъ свидѣтельница говоритъ, что у нея „пропала дочка" въ то время, какъ дѣло шло объ убитой свиньѣ, или недоумѣвали при заявленіи, что свидѣтель „убѣжалъ на пароходѣ" въ Сарапуль или Казань, когда могъ свободно *уѣхать* на пароходѣ, или же угрожали отвѣтственностью за лжеприсягу свидѣтелю, который на вопросъ о томъ, какая была погода въ день кражи, упорно отвѣчалъ, что „ни якой погоды не було".

Языкъ свидѣтеля очень часто служитъ показателемъ силы его *способности мышленія.* Нерѣдко внѣшняя словоохотливость прикрываетъ скудость соображенія и отсутствіе ясности въ представленіяхъ и обратно—сдержанность, краткость слова бываютъ слѣдствіемъ честнаго къ нему отношенія и сознанія его возможныхъ послѣдствій. Въ людяхъ внѣшней культуры и полуобразованія замѣчается особенная склонность къ пустому многословію. Простой человѣкъ, попробовавшій городской жизни, любитъ выражаться вычурно и употреблять слова въ самыхъ странныхъ и неожиданныхъ сочетаніяхъ, но свидѣтель изъ простонародья на мѣстѣ говоритъ обыкновенно языкомъ образнымъ, полнымъ силы и оригинальности. На-ряду, напримѣръ, со слышанными мною выраженіями полуобразованныхъ свидѣтелей о „нанесеніи раны въ запальчивости и разгоряченіи нервныхъ членовъ", о „страданіи падучею болѣзнью въ совокупности крѣпкихъ напитковъ", о „невозможности для мѣры опьяненія никакого Реомюра" и о „доведеніи человѣка до краеугольныхъ лишеній и уже несомнѣнныхъ послѣдствій", мнѣ приходилось слышать въ показаніяхъ простыхъ русскихъ людей такія образныя выраженія и поговорки, какъ: „они уже и дальше ѣхать

собирались, анъ тутъ и мы—*вотъ они*!", „нашего не остается всего ничего", „только и осталось, что лечь на брюхо, да спиной прикрыться", „*святымъ*-то кулакомъ, да по *окаянной* шеѣ", „все пропилъ! мать ему купила теперь сюртукъ и брюки—ну, вотъ онъ и опять въ пружинахъ", „да ему, вѣдь, вѣрить нельзя—онъ человѣкъ воздушный", „онъ выпивши былъ—у насъ престольный праздникъ, ну онъ и *напрестолился*". Обвиняемый въ убійствѣ жены, застигнутой на прелюбодѣяніи, Ларіоновъ, между прочимъ, выразился такъ: „какъ увидѣлъ я это, то и говорю себѣ: когда такъ—приходится повѣсить замокъ своей жизни". Наконецъ, надо отмѣтить свидѣтелей (да и подсудимыхъ), любящихъ щегольнуть иностранными или вошедшими въ моду выраженіями, искажающими нашъ языкъ. „Я убилъ фоментально", говорилъ въ Казани Нечаевъ, обвиняемый въ убійствѣ и очевидно гдѣ-то наслышавшійся слова „моментально". Въ 1888 году въ моемъ присутствіи въ Харьковскомъ окружномъ судѣ сознавшійся въ убійствѣ военнаго врача хулиганъ (по-мѣстному *ракло*) разсказывалъ: „идемъ мы съ товарищемъ по Карпову саду, а *онъ* на ванёчкѣ ѣдетъ одѣтый въ бѣломъ кителѣ; мѣсяцъ очень ясно свѣтитъ и все обозначаетъ. Я и говорю товарищу: вотъ бы вдарить. — Сыпь! отвѣчаетъ товарищъ. — Я и вдарилъ *его* въ спину"...—„Чѣмъ же вы ударили? ножомъ? спрашиваетъ предсѣдатель.—Ножомъ-съ, отвѣчаетъ подсудимый—*обязательно* ножомъ!" Не могу безъ невольной улыбки не припомнить засѣданія мирового съѣзда, въ которомъ остался очень недоволенъ моимъ прокурорскимъ заключеніемъ одинъ изъ обитателей знаменитой Вяземской лавры близъ Сѣнной. Онъ былъ привлеченъ къ слѣдствію о покушеніи на „противоестественное совокупленіе", но дѣло это по недостаточности уликъ было прекращено судебной палатой, а затѣмъ онъ обвинялся въ двухъ кражахъ въ разныхъ мировыхъ участкахъ и обжаловалъ оба приговора въ мировой съѣздъ. Давая заключеніе въ съѣздѣ, я полагалъ оба приговора утвердить и постановить общій—согласно закону—*по совокупности*. Когда подсудимому было предоставлено слово, онъ посмотрѣлъ на меня съ мрачнымъ видомъ и сказалъ мнѣ укоризненно: „Нѣтъ, ужъ вы, ваше благородіе, эту самую совокупность оставьте: она уже въ палатѣ прекращена".

Судебный навыкъ показываетъ, что относительнаго ряда свидѣтелей нужно быть весьма осторожнымъ въ довѣрчивомъ отношеніи къ ихъ показаніямъ, вслѣдствіе безсознательной лжи, которую они допускаютъ, совершенно искренно вѣря въ дѣйствительность того, что говорятъ. Напримѣръ, потерпѣвшіе отъ преступленія всегда и при этомъ часто съ полной добросо-

вѣстностью склонны *преувеличивать* обстоятельства или дѣйствія, въ которыхъ выразилось нарушеніе ихъ имущественныхъ или личныхъ правъ. Особенно часто встрѣчается это въ показаніяхъ потерпѣвшихъ-пострадавшихъ, т. е. у тѣхъ, которые были, такъ сказать, *очевидцами* совершеннаго надъ ними преступленія. Въ подобныхъ случаяхъ вполнѣ примѣнима пословица „у страха глаза велики“. Опасность, *возникшая* неожиданно, вызываетъ невольное преувеличеніе размѣровъ и формъ, въ которыхъ она явилась; опасность *прошедшая* представляется взволнованному сознанію большею, чѣмъ она была на самомъ дѣлѣ, отчасти подъ вліяніемъ того, что она уже прошла. На людей впечатлительныхъ, находящихся уже въ безразличномъ или безопасномъ, по ихъ мнѣнію, положеніи, дѣйствуетъ, какъ извѣстно, самымъ тяжелымъ образомъ внезапно прояснившееся пониманіе опасности и тягостныхъ послѣдствій, которыя *могли бы произойти*, и сердце ихъ сжимается отъ *возможнаго въ прошломъ ужаса* такъ же сильно, какъ въ томъ случаѣ, если бы онъ предстоялъ. Вотъ чѣмъ надо объяснять сильныя выраженія при описаніи ощущеній и впечатлѣній и преувеличенія въ опредѣленіи размѣра, быстроты, силы и т. п. Простая палка является въ показаніи дубиной, угроза пальцемъ—подъемомъ кулака, возвышенный голосъ—крикомъ, первый шагъ впередъ—нападеніемъ, всхлипываніе—рыданіемъ, и слова „ужасно“, „яростно“, „оглушительно“, „невыносимо“ встрѣчаются на каждомъ шагу въ описаніи того, что произошло или могло произойти съ потерпѣвшимъ. Сопоставленіе этой, въ большинствѣ случаевъ, неумышленной лжи пострадавшаго съ намѣренной ложью подсудимаго, желающаго оправдать себя на фактической почвѣ или смягчить свою вину, вноситъ нерѣдко юмористическій элементъ въ отправленіе правосудія. Въ Петербургскомъ окружномъ судѣ разбиралось подъ моимъ предсѣдательствомъ дѣло о профессіональной воровкѣ куръ, судившейся уже въ седьмой или восьмой разъ. Зайдя на дворъ большого дома въ отдаленной части столицы, она приманила пѣтуха и, накинувъ, по словамъ сидѣвшей у окна въ четвертомъ этажѣ потерпѣвшей, на него мѣшокъ, быстро удалилась, но была задержана хозяйкой украденной птицы и городовымъ уже тогда, когда она продавала пѣтуха довольно далеко отъ мѣста похищенія. На судѣ она утверждала, что зашла во дворъ „за нуждою“ и, лишь уходя, замѣтила, что какой-то „ласковый пѣтушекъ“ настойчиво слѣдуетъ за нею, и тогда она взяла его на руки, опасаясь, чтобы его не раздавили при переходахъ черезъ улицы. Потерпѣвшая съ негодованіемъ стала опровергать это объясненіе, заявивъ, что у нея „пѣтушище характерный“ и ни за кѣмъ бы не пошелъ,

какъ собака. Обѣ такъ и стояли на своемъ. Присяжные рѣшили, что пѣтухъ былъ „характерный".

Къ той же области безсознательной лжи относится у людей, мыслящихъ преимущественно образами (а такихъ большинство), совершенно искреннее представленіе себѣ душевнаго состоянія тѣхъ лицъ, о которыхъ они говорятъ,—состоянія, сквозящаго въ кажущемся жестѣ, тонѣ голоса, выраженіи лица. Воображая, что другой думаетъ то-то и такъ-то, человѣкъ склоненъ отправляться въ своей оцѣнкѣ всего, что этотъ другой дѣлаетъ, отъ убѣжденія въ томъ, что онъ руководимъ именно такою, а не другою мыслью, что имъ владѣетъ непремѣнно такое, а не другое настроеніе. Подобное представленіе вызываетъ въ обыденной жизни извѣстную реакцію на предполагаемыя мысли другого—и вотъ является сложная и въ большинствѣ случаевъ совершенно произвольная по своему источнику формула дѣйствій: „*Я* думаю, что *онъ* думаетъ, что *я* думаю.., а потому *надо* поступить *такъ*, а не иначе". Отсюда разные эпитеты и прилагательныя, далеко не всегда основывающіеся на дѣйствительности и вытекающіе исключительно изъ представленія, изъ самовнушенія говорящаго. Отсюда „презрительныя" улыбка или пожатіе плечами, „насмѣшливый" взглядъ, „вызывающій" тонъ, „ироническое" выраженіе лица и т. п., усматриваемые тамъ, гдѣ ихъ собственно вовсе и не было. Одаренный нѣкоторой живостью темперамента, свидѣтель зачастую даже наглядно представляетъ того, о комъ онъ говоритъ и добросовѣстно выдаетъ кажущееся ему за дѣйствительность. Особенно часто бываетъ это при изображеніи тона выслушанныхъ свидѣтелемъ словъ.

Сюда же, наконецъ, надо отнести разсказы о несомнѣнныхъ фактахъ, передаваемые въ безусловно фантастической формѣ, не замѣчаемой, однако, разсказчикомъ. Таковы, напримѣръ, передача простыми людьми словъ не знающихъ совершенно русскаго языка иностранцевъ при дѣйствительномъ совершеніи послѣдними тѣхъ или другихъ дѣйствій. Наши солдаты и матросы, какъ извѣстно, въ чужихъ краяхъ и въ періоды перемирій на поляхъ битвъ разговариваютъ съ иностранцами, вполнѣ понимая ихъ по-своему.

Но есть *несомнѣнно ложныя по самому своему существу показанія*, которыя надо отличать отъ показаній, данныхъ недостаточно точно или отклоняющихся отъ дѣйствительности подъ вліяніемъ настроенія и увлеченія. Такія показанія по своему происхожденію весьма различны и общаго мѣрила для нихъ не существуетъ. Необходимо выдѣлить изъ нихъ, прежде всего, тѣ, которыя даются подъ вліяніемъ *гипнотическихъ внушеній*. Рядомъ съ ними можно поставить показанія, даваемыя подъ вліяніемъ *самовнушенія*. Та-

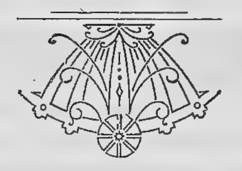
ковы, очень часто, показанія дѣтей. Отсутствіе необходимой критики по отношенію къ себѣ и къ окружающей обстановкѣ при крайней впечатлительности и живости воображенія дѣлаетъ многихъ изъ нихъ, подъ вліяніемъ наплыва новыхъ ощущеній и идей, жертвами самовнушенія. Принявъ свою фантазію за дѣйствительность, незамѣтно переходя отъ „такъ *можетъ* быть“ къ „такъ *должно* было быть“ и затѣмъ къ „такъ *было*!“, они упорно настаиваютъ на томъ, что кажется имъ совершившимся въ присутствіи ихъ фактомъ.

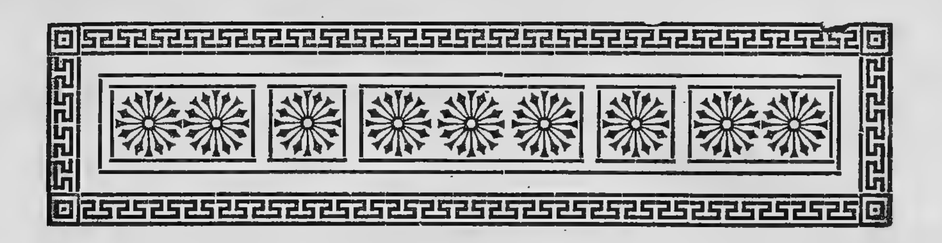
Есть, наконецъ, область безусловно сознательной и, если можно такъ выразиться, *здоровой* лжи, которая существенно отличается отъ *заблужденія* подъ вліяніемъ притупленія вниманія и ослабленія памяти. То, что мною разсказано выше о показаніи свидѣтеля Иваницкаго въ бракоразводномъ дѣлѣ З—ныхъ, представляетъ яркій примѣръ такой лжи. Въ заключеніе остается указать еще на одинъ видъ сознательной лжи въ свидѣтельскихъ показаніяхъ, лжи беззастѣнчивой и нерѣдко наглой, нисколько не скрывающейся и не заботящейся о томъ, чтобы быть принятою за правду. Есть свидѣтели, для которыхъ явка передъ судомъ, по тѣмъ или инымъ причинамъ, представляетъ своеобразное удовольствіе, давая возможность произвести эффектъ „pour épater le bourgeois“, какъ говорятъ французы, или же получить *авансъ* за свое *достовѣрное* показаніе, не принявъ на себя никакого обязательства за качество его правдоподобности. Такъ, напримѣръ, свидѣтель по громкому дѣлу о подлогѣ милліоннаго завѣщанія Бѣляева—Шевелевъ могъ быть типичнѣйшимъ представителемъ сознательной и бьющей въ глаза лжи. Находясь подъ стражей по другому дѣлу, онъ самъ просилъ вызвать его въ судъ, такъ какъ могъ сообщить нѣчто чрезвычайной важности. Введенный въ залу, онъ усѣлся, ссылаясь на боль въ ногѣ, и, съ любопытствомъ разсматривая присутствовавшихъ, началъ явно лживый разсказъ, почти на каждомъ словѣ опровергаемый фактами и цифрами. Стараясь, повидимому, разсмѣшить публику и самому потѣшиться, онъ отвѣчалъ на предлагаемые обычные вопросы тономъ ироническаго почтенія, называя предсѣдателя „господиномъ президентомъ“. Онъ съ удивленіемъ спрашивалъ, почему послѣдній заинтересовался вопросомъ о его *вѣроисповѣданіи*, любезно прибавляя: „православный! православный—pour vous être agréable“..,—объяснилъ, что нигдѣ не *проживаетъ*, ибо „герметически закупоренъ“ въ мѣстѣ своего заключенія, и заявилъ, что судился дважды—одинъ разъ въ Ковенской уголовной палатѣ въ качествѣ таможеннаго чиновника „за содѣйствіе къ водворенію контрабанды“, при чемъ оставленъ въ „сильнѣйшемъ подозрѣніи“, а въ другой—въ Версальскомъ воен-

номъ судѣ за участіе въ возстаніи коммуны, при чемъ приговоренъ „къ разстрѣлу“. „Но приговоръ,—прибавилъ онъ—какъ *быть можетъ* господа присутствующіе изволятъ замѣтить—не приведенъ въ исполненіе“. Въ показаніи своемъ онъ настойчиво утверждалъ, что былъ въ *два часа* дня 4 апрѣля 1866 года на Дворцовой площади, привѣтствуя, вмѣстѣ съ собравшимся народомъ, невредимаго послѣ выстрѣла Каракозова, Государя. На замѣчаніе мое (я былъ обвинителемъ по дѣлу), что покушеніе было совершено въ *четвертомъ* часу, и вѣсть о немъ ранѣе четырехъ часовъ не могла облетѣть столицу, этотъ свидѣтель, хитро прищуривъ глаза и обращаясь къ предсѣдателю, сказалъ: „мнѣ кажется, господинъ президентъ, что для патріотическихъ чувствъ не должно существовать условій *мѣста* и *времени*“.

Замѣтки мои о *свѣдущихъ людяхъ* составятъ содержаніе слѣдующей главы воспоминаній.

А. Ѳ. Кони.

Воспоминанія И. И. Янжула о пережитомъ и видѣнномъ.
(1864—1909 г. г.).

ГЛАВА VIII.

Три русскихъ экономиста: Константинъ Степановичъ Веселовскій.—Николай Христіановичъ Бунге.—Александръ Ивановичъ Чупровъ.—Ихъ отношенія ко мнѣ, и чѣмъ я имъ обязанъ.—Ученые труды К. С. Веселовскаго и изъятіе (уничтоженіе) въ эпоху реакціи, начала 50-хъ годовъ XIX вѣка, главнѣйшаго изъ нихъ: „Статистики недвижимыхъ имуществъ г. С.-Петербурга".—Переломъ характера всей его научной дѣятельности.—Моя промоція въ члены Академіи Наукъ.—Переписка съ Н. Х. Бунге и К. С. Веселовскимъ.—Проектъ изданія Академіей Экономическаго Словаря и крушеніе этого плана со скорой кончины Бунге.—А. И. Чупровъ, наша дружба и какъ она поддерживалась.—Взаимныя услуги и одолженія: примѣры ихъ для обѣихъ сторонъ.—Старанія напр. А. И. къ прекращенію моего конфликта со студентами 19 февраля и въ свою очередь мои хлопоты для устраненія горестнаго проекта Министерства Народнаго Просвѣщенія къ удаленію Чупрова изъ Московскаго Университета.—Противоположность характеровъ А. И. Чупрова и Николая Павловича Боголѣпова.

Въ 1901 году скончался одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей Россіи, Константинъ Степановичъ Веселовскій. Въ его лицѣ Россія лишилась одного изъ своихъ скромныхъ, но даровитѣйшихъ ученыхъ, а наша Академія Наукъ одного изъ трудолюбивѣйшихъ и полезнѣйшихъ сочленовъ. Лишь немногіе наши ученые даже могутъ сравниться, по энциклопедичности своего образованія и своихъ трудовъ, съ покойнымъ академикомъ. Статистика, народное хозяйство, математика, сельское хозяйство, агрономія, астрономія, метеорологія, климатологія, составляли предметъ занятій и серьезныхъ трудовъ этого ученаго, котораго я имѣлъ счастье узнать лишь въ позднѣйшіе годы его

жизни, и которому обязанъ въ значительной степени своимъ привлеченіемъ и выборомъ въ нашу Академію. Познакомимся сначала съ его научною дѣятельностью, а затѣмъ и съ личными ко мнѣ отношеніями и встрѣчами.

Въ области экономическихъ наукъ, которыми К. С. Веселовскій наиболѣе занимался, онъ оставилъ, помимо нѣсколькихъ крупныхъ сочиненій, поразительное количество журнальныхъ статей, небольшихъ, но важныхъ монографій и критическихъ работъ всякаго рода. Знакомясь съ его многолѣтней дѣятельностью и возстановляя въ памяти имъ сдѣланное, я не зналъ часто, чему болѣе удивляться, его неистощимому трудолюбію, или замѣчательной разносторонности и энциклопедичности его образованія. Въ области экономическихъ наукъ онъ былъ прежде всего, по своимъ вкусамъ и наклонностямъ, статистикъ съ хорошей экономической подготовкой, а потому вѣроятно его перу и принадлежитъ цѣлый рядъ очерковъ и біографій: Эйлера, Никиты Попова и другихъ математиковъ и членовъ Академіи XVIII и начала XIX вѣка.

Интересуясь математикой и будучи статистикомъ, К. С. Веселовскій въ то же время былъ серьезнымъ финансистомъ и изслѣдователемъ разнообразнѣйшихъ экономическихъ и финансовыхъ вопросовъ, и русская наука обязана ему нѣсколькими прекрасными по этому вопросу монографіями. Едва-ли еще не больше его трудамъ обязана наука сельскаго хозяйства: его перу принадлежитъ нѣсколько огромныхъ работъ и обзоровъ сельскохозяйственной дѣятельности въ Россіи за сто лѣтъ, помимо множества разнообразныхъ монографій по разнымъ мелкимъ вопросамъ сельскаго хозяйства.

Такова была разнообразная и научная продуктивность Константина Степановича до 50-хъ годовъ XIX вѣка. Съ этого времени, по причинамъ, которыя мы будемъ излагать отдѣльно, спеціальность Веселовскаго измѣнилась. Его труды, вмѣсто политической экономіи, посвященные климатологіи и метеорологіи Россіи, составили въ свое время единственныя капитальныя по этимъ вопросамъ изслѣдованія.

Любопытно, что въ научныхъ вкусахъ и вліяніяхъ, которымъ подвергался почтенный русскій ученый въ 40-хъ и 50-хъ годахъ, замѣчается удивительное совпаденіе въ тѣхъ же самыхъ факторахъ, подъ вліяніемъ которыхъ началъ работать и я, какъ объ этомъ было мною описано въ первой главѣ моихъ „Воспоминаній“ (см. „Русская Старина“, октябрь, 1909 г.), а именно творенія великаго бельгійскаго ученаго Адольфа Кеттле, воззрѣнія котораго произвели цѣлый переворотъ въ области общественной статистики и статистики народонаселенія, за 25 лѣтъ еще до меня, остались не безъ

сильнаго вліянія также на направленіе первыхъ трудовъ и научные вкусы Константина Степановича. Въ своихъ сочиненіяхъ, появившихся въ 30-хъ и 40-хъ годахъ, въ мірѣ личной жизни человѣка, его дѣйствій и всей общественной системы, гдѣ видимо все совершается по вкусу и капризу индивидовъ, Кеттле внесъ порядокъ и на мѣсто произвола выставилъ закономѣрность соціальныхъ явленій. Въ его „Среднемъ человѣкѣ", онъ создалъ типъ человѣка, олицетворяющаго соціальное тѣло, которое сохраняется въ силу постоянныхъ или періодически дѣйствующихъ причинъ, отысканіе которыхъ и составляетъ главную задачу статистики, или соціальной физики, какъ онъ ее назвалъ, дѣйствія которой считались совершенно произвольными или же объяснялись неизвѣстными еще или неизслѣдованными законами природы. Его письма о теоріи вѣроятности представляютъ собою попытку примѣненія этой теоріи и явились первымъ пособіемъ къ изученію новой статистики, имъ установленной.

Новыя идеи Кеттле въ 40-хъ годахъ поразили молодое воображеніе почтеннаго академика, такъ же какъ сдѣлали это въ 60-хъ годахъ относительно меня, и Веселовскій съ жаромъ принялся за цифры и изученіе съ помощью ихъ различныхъ общественныхъ явленій. Къ этому именно періоду относятся два его замѣчательныхъ изслѣдованія подъ названіемъ: первое „О вліяніи временъ года на здоровье и жизнь человѣка" и второе, еще болѣе важное, „Опыты нравственной статистики Россіи". Въ первомъ трудѣ онъ изслѣдуетъ, во всеоружіи европейскихъ знаній, тогда еще мало затронутый у насъ вопросъ по медицинской статистикѣ, о заболѣваемости и смертности въ нашихъ городахъ, преимущественно въ Петербургѣ, Одессѣ, сравнительно съ Европой, особенно съ Берлиномъ и Парижемъ, при чемъ приходитъ ко многимъ самостоятельнымъ и новымъ для того времени выводамъ, при своеобразности многихъ русскихъ условій городской жизни и при сопоставленіи ихъ съ извѣстными по этому роду данными на Западѣ.

Другой трудъ, „Опыты нравственной статистики" представляетъ собой самостоятельную провѣрку началъ гипотезы новаго статистическаго метода, созданнаго Кеттле, въ примѣненіи къ важному, совершенно новому тогда вопросу о самоубійствѣ, начало цѣлой серіи изслѣдованій по нравственной статистикѣ, къ сожалѣнію недоведенныхъ до конца по независящимъ отъ него обстоятельствамъ (вѣроятно, главнымъ образомъ, цензурнымъ).

Не останавливаясь на многочисленныхъ, какъ мы упомянули, изслѣдованіяхъ Веселовскаго по сельскому хозяйству, мы перейдемъ прямо къ важнѣйшему труду академика, составляющему переломъ въ его дѣятельности и положившему начало совершенно но-

вой его спеціальности—въ области метеорологіи и климатологіи. Какъ извѣстно, конецъ 40-хъ годовъ, къ которому относится разгаръ статистической ученой дѣятельности К. С. Веселовскаго, принадлежитъ къ эпохамъ нашей исторіи, весьма неблагопріятнымъ для свободной научной дѣятельности въ области изслѣдованій какихъ-либо общественныхъ явленій, требовавшихъ свободнаго и самостоятельнаго анализа этихъ явленій. Въ это именно время, второй половины 40-хъ годовъ, было окончено тогда молодымъ авторомъ важнѣйшее экономическое изслѣдованіе его времени: „Статистика недвижимыхъ имуществъ въ Петербургѣ“, основанное на результатахъ произведенной въ 1843 и 1844 годахъ оцѣнки домовъ и недвижимыхъ имуществъ въ Петербургѣ, для распредѣленія сборовъ съ этихъ имуществъ на городскія и общественныя надобности. Часть этихъ изслѣдованій гораздо позднѣе (на 10 лѣтъ) была прочитана авторомъ въ Географическомъ обществѣ, а небольшой кусокъ даже былъ напечатанъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ того времени (1848 г.); что же касается до этого замѣчательнаго изслѣдованія въ цѣломъ, то судьба его, какъ любилъ нѣкогда выражаться учебникъ русской исторіи Кайданова, „покрыта мракомъ неизвѣстности“, какъ видно изъ единственнаго полнаго экземпляра этого труда и замѣчанія, сдѣланнаго на его поляхъ покойнымъ Константиномъ Степановичемъ. Нигдѣ болѣе цѣльнаго экземпляра не существуетъ, а свой единственный экземпляръ, подаренный мнѣ высокочтимымъ академикомъ, я счелъ долгомъ передать въ Академическую Библіотеку.

По существу содержанія „Статистика недвижимыхъ имуществъ“ представляетъ собою не только полный критическій разборъ добытыхъ указанными переписями данныхъ о недвижимыхъ имуществахъ Петербурга и интересъ съ финансовой точки зрѣнія, но еще болѣе представляетъ важности съ общественной—для сужденія о зажиточности населенія того времени.

Этотъ фактъ исчезновенія столь невинной по содержанію книги, съ большими непріятностями и послѣдствіями для автора, разсказанъ академикомъ Веселовскимъ въ двухъ мѣстахъ; во-первыхъ, когда-то кратко на страницахъ „Русской Старины“ и затѣмъ въ подробномъ письмѣ ко мнѣ лично, на мой запросъ объ этомъ произведеніи почтеннаго академика. Несомнѣнно, что „Статистика недвижимыхъ имуществъ“ навлекла на голову молодого тогда автора крупную непріятность и угрожала прекратить его ученую дѣятельность въ началѣ самымъ рѣзкимъ образомъ, и только случайнымъ и счастливымъ для автора обстоятельствамъ нужно приписать бла-

гополучное для него окончаніе этой крупной экскурсіи въ область хозяйственной статистики города Петербурга.

Въ 1893 году я имѣлъ честь познакомиться съ Константиномъ Степановичемъ па обѣдѣ у другого нашего знаменитаго ученаго и общественнаго дѣятеля Н. Х. Бунге, гдѣ онъ отнесся ко мнѣ крайне любезно и дружелюбно, заявляя желаніе имѣть полное собраніе моихъ научныхъ работъ, такъ какъ лишь нѣкоторыя ему были знакомы. Я обѣщался ему немедленно собрать ихъ, еще прежде, чѣмъ вернусь въ Москву, въ петербургскихъ книжныхъ лавкахъ и у издателей, но внезапно простудился и заболѣлъ, почему поспѣшилъ домой въ Москву, и уже оттуда выслалъ ему все обѣщанное, хотя все-таки съ нѣкоторыми дефектами. Въ отвѣтъ получилъ обширное, на цѣломъ большомъ листѣ благодарственное письмо, съ приложеніемъ, въ свою очередь, разнообразныхъ трудовъ академика и въ томъ числѣ *и единственный экземпляръ* этого изслѣдованія о „недвижимыхъ имуществахъ Петербурга“. Письмо это, съ объясненіемъ по поводу исчезновенія книги и сравненіемъ нынѣшняго времени со „старымъ добрымъ временемъ“, я и привожу:

„Взамѣнъ личной бесѣды, вы мнѣ дали щедрою рукою другое средство болѣе близкаго съ вами знакомства: по вашему распоряженію, я получилъ отъ Карбасникова, въ два пріема, богатое, почти полное собраніе вашихъ для меня въ высшей степени интересныхъ и поучительныхъ сочиненій — плодъ цѣлой жизни, отданной наукѣ. Если справедливо, что всякій писатель вкладываетъ въ свои творенія лучшую часть своей души, то это особенно можно сказать именно о вашихъ сочиненіяхъ, которыя всѣ имѣютъ одинъ весьма замѣтный характеръ, — служить на пользу человѣчества и, будучи взяты въ ихъ совокупности, выражаютъ весьма явственно альтруизмъ автора. Не знаю, какъ лучше выразить мою мысль. Нѣкоторыя изъ этихъ сочиненій были мнѣ извѣстны только по наслышкѣ, по газетнымъ статьямъ, — но я теперь съ жадностью принялся за ихъ чтеніе, особенно обязали вы меня сообщеніемъ списка важнѣйшихъ ученыхъ трудовъ вашихъ; онъ мнѣ именно теперь понадобился, и если бы не ваше любезное сообщеніе, то я долженъ былъ бы употребить не мало времени на составленіе такого списка по библіографическимъ указателямъ и по каталогу Академической Библіотеки, которая не можетъ похвалиться порядкомъ“.

„Но получивъ отъ васъ такъ много вашихъ сочиненій, я остаюсь у васъ по уши въ долгу. Я послалъ вамъ кое-что изъ послѣдне напечатаннаго мною, но потому только, что это еще нашлось у меня

подъ руками, а прочихъ моихъ трудовъ, — однихъ у меня болѣе нѣтъ экземпляровъ, другіе не могли бы для васъ имѣть интереса, либо по предмету своему (по метеорологіи и климатологіи), либо какъ уже очень устарѣвшіе. Вы счастливы, что при той спеціальности, какую вы себѣ избрали, ваша ученая карьера протекаетъ въ эпоху благопріятную у насъ для политическихъ наукъ. Но не такова была моя судьба: избравъ въ пору неопытной юности эти именно науки, какъ такія, которыя давали возможность трудами въ ихъ области быть полезнымъ для соотечественниковъ („къ учености для учености", къ бездушной эрудиціи—я не чувствовалъ симпатіи), я работалъ, сколько позволяли мнѣ развѣ тогдашнія внѣшнія условія, но когда за статью, напечатанную мною въ 1848 году, въ „Отечественныхъ Запискахъ" (часть 57, отд. II, стр. 28) о „Статистикѣ недвижимыхъ имуществъ въ С.-Петербургѣ", я чуть было не подвергся административной ссылкѣ въ мѣста не столь отдаленныя обширнаго нашего отечества (подобно Салтыкову, Костомарову, Надеждину, Данилевскому et tutti quanti), то каюсь, не ощутилъ въ себѣ охоты разыграть роль мученика за идеи и разомъ повернулъ на такія изслѣдованія, въ которыхъ можно было говорить безопасно всю правду, а именно, на изслѣдованіе климата Россіи и его вліянія на человѣка и его бытъ [1]). Эти же самыя причины заставили меня потомъ принять предложенное мнѣ Академіею званіе ея Непремѣннаго Секретаря, тяготы котораго я несъ почти 35 лѣтъ и которое, если и налагало на меня необходимость почти совсѣмъ отказаться отъ собственныхъ ученыхъ трудовъ, но зато вполнѣ удовлетворяло моей душевной потребности—быть полезнымъ вообще для науки въ нашемъ отечествѣ".

Въ дѣйствительности ученые труды Константина Степановича, несмотря на описанную катастрофу, не остановились, а только видоизмѣнились, такъ какъ его перу принадлежитъ крупный трудъ по хозяйственной статистикѣ „Атласъ Европейской Россіи", выдержавшій въ сравнительно короткое время три изданія. Сюда же относится его важная работа для изученія общаго хозяйства Россіи, именно „Почвенная карта Европейской Россіи", которая представляетъ собою критически обработанный сводъ лучшихъ свѣдѣній, какія въ то время возможно было собрать, и служила долго единственнымъ источникомъ для почвопознанія Россіи. Ему же принадлежитъ „Очеркъ статистики Царства Польскаго", „Водныхъ путей сообщенія",

---

[1]) Страшная кара постигла было за невинную книгу академика К. С. Веселовскаго по настоянію такъ называемаго „Негласнаго (Бутурлинскаго) Комитета", учрежденнаго въ то мрачное время для сугубаго надзора за печатнымъ словомъ.

„Коммерческая статистика Испаніи и Португаліи“, множество критическихъ разборовъ и оцѣнокъ разнообразныхъ сочиненій, одно другого важнѣе, напримѣръ, „Историческое обозрѣніе трудовъ Академіи Наукъ въ прошломъ и текущемъ столѣтіе“, „По поводу русской этнографіи“, „Устройство эмеритальныхъ кассъ“ и т. д., и т. д. Наконецъ, Константинъ Степановичъ, не говоря объ его заслугахъ по климатологіи, гдѣ долго его сочиненія были единственными въ Россіи по этому предмету, былъ незаурядный художникъ-живописецъ и художественный критикъ. Онъ оставилъ послѣ себя не одну картину собственной кисти и нѣсколько рецензій и статей по художественнымъ вопросамъ.

Подводя итоги всему, что я зналъ о личности и ученыхъ заслугахъ почтеннаго академика Веселовскаго, нельзя не придти къ заключенію, что его пытливому духу было какъ бы тѣсно въ предѣлахъ какой-нибудь одной спеціальности, какъ показываютъ всѣ указанныя нами работы. Во всѣхъ разнообразныхъ сферахъ науки и искусства и всѣхъ областяхъ ихъ, которыхъ касался его трудъ, Константинъ Степановичъ Веселовскій выступалъ съ честью и по истинѣ оставилъ доброе имя. Какъ бы памятуя и слѣдуя словамъ евангелія, онъ „таланта въ землю не зарывалъ“ и пользовался съ выгодой для науки и окружающихъ всѣми разнообразными сторонами своего духа и способностей, не забывая и другого золотого правила, — любить людей. Константинъ Степановичъ отличался истиннымъ доброжелательствомъ ко всѣмъ окружающимъ и имѣющимъ съ нимъ дѣло людямъ. Благодаря его уму и наблюдательности, вмѣстѣ съ опытомъ его многолѣтней, долгой жизни, академикъ Веселовскій по истинѣ былъ „мудрымъ Улиссомъ“, незамѣнимымъ и драгоцѣннымъ совѣтникомъ во всѣхъ вопросахъ, не только касающихся Академіи Наукъ, но и просто въ серьезныхъ вопросахъ практической жизни. Онъ умѣлъ сказать всякому лицу, которое того заслуживало, доброе, ободряющее слово и сообщить умный, вполнѣ идущій къ обстоятельствамъ дѣла, совѣтъ и указаніе. Въ добавокъ ко всему Константинъ Степановичъ вплоть до своей смерти сохранилъ полную ясность ума и даже воображенія. Это высокое качество, на-ряду съ многолѣтнимъ опытомъ, придавало необыкновенную привлекательность и мѣткость всѣмъ его сужденіямъ. Такъ, я припоминаю одинъ случай: однажды, исполняя его желаніе, я сообщилъ ему во время частной бесѣды объ одномъ у насъ соціальномъ движеніи, преимущественно у молодежи, вызывавшемъ со многихъ сторонъ значительную долю осужденія и антипатіи. Выслушавъ мою, можетъ быть, нѣсколько запальчивую рѣчь объ ихъ увлеченіяхъ и сумасбродныхъ фантазіяхъ, Константинъ Сте-

пановичъ закончилъ, какъ добрый и умный предсѣдатель на судѣ, такимъ выводомъ: „А, вѣдь, несомнѣнно, у нихъ были все-таки добрыя намѣренія, но зачѣмъ они такъ торопятся, такъ спѣшатъ?!“ Это въ высшей степени мѣткое и тонкое замѣчаніе покойнаго Константина Степановича мнѣ всегда теперь приходитъ въ голову, когда я слышу или читаю о вѣрныхъ и быстрыхъ способахъ осчастливить человѣчество: „Да, да, зачѣмъ подобные реформаторы торопятся, зачѣмъ не хотятъ знать исторіи и, попирая время, перескакиваютъ черезъ столѣтія?!“ какъ это вѣрно замѣтилъ почтенный академикъ Веселовскій.

Въ моей личной жизни, какъ было упомянуто раньше, К. С. Веселовскій вмѣстѣ съ почтеннымъ Н. Х. Бунге играли важную роль въ моемъ привлеченіи въ Академію и выборѣ въ академики. Это событіе произошло слѣдующимъ образомъ: какъ я уже упоминалъ въ главѣ шестой моихъ записокъ, въ 90-хъ годахъ на моихъ лекціяхъ произошелъ такъ называемый безпорядокъ, вызванный моимъ несогласіемъ подчиниться желанію кучки студентовъ, даже большею частью не изъ моихъ слушателей, сорвать лекцію на 19 февраля, чтобы сдѣлать начальству демонстрацію. Я всячески первоначально убѣждалъ ихъ, если желаютъ отпраздновать память великаго освобожденія крестьянъ, употребить другой для этого способъ, путемъ, напримѣръ, складчины и основаніи читальни, къ чему какъ разъ въ это время призывали газеты отъ имени Вольно-экономическаго Общества, но все было тщетно. Представители демонстрантовъ-студентовъ, ко мнѣ явившіеся, требовали рѣшительно и настаивали на одномъ, на отмѣнѣ чтенія. Въ то же время мои постоянные слушатели, и при томъ въ довольно большомъ количествѣ, изъявляли свое желаніе, чтобы чтеніе состоялось, и я не пропускалъ лекцій. Между этими двумя противорѣчивыми требованіями я предпочелъ наиболѣе правильный, законный путь—читать въ этотъ день и этимъ вызвалъ безпорядокъ, прервавшій лекціи на цѣлую недѣлю, пока понемногу, при дружномъ содѣйствіи моихъ друзей, профессоровъ Эрисмана и Чупрова, студенты успокоились и лекціи опять пошли спокойно, своимъ ходомъ.

Не имѣя никогда въ теченіе своего продолжительнаго профессорства подобныхъ столкновеній со студентами, безполезно говорить, я былъ глубоко огорченъ. Тѣмъ болѣе всѣ признаки для будущаго представлялись крайне неутѣшительными. Студенты, видимо, поднимали головы въ своихъ требованіяхъ и брали на себя права, имъ не принадлежащія, судить и рядить профессоровъ. Одновременно съ моей „исторіей“ произошло въ университетѣ нѣсколько еще болѣе прискорбныхъ столкновеній у различныхъ

лицъ изъ преподавателей; короче, будущее не предвѣщало ничего хорошаго. Можно было опасаться, что всевозможныя дурныя черты студенческаго своеволія разовьются въ будущемъ еще болѣе и принесутъ не мало огорченій, несмотря на всю мою корректность и доброжелательность къ учащимся. Я невольно задумался объ этомъ. Что же дѣлать? Тѣмъ болѣе, мнѣ оставалось какихъ-либо 5 или 6 лѣтъ до выслуги полной пенсіи и столь желаннаго званія заслуженнаго профессора. Какъ разъ въ это время, въ 1893 году произошло чрезвычайно пріятное для меня событіе, а именно наша Академія Наукъ премировала мою книгу „Основныя начала финансовъ“ преміей Грейга (которую я цѣликомъ пожертвовалъ въ Литературный фондъ) и единовременно избрала меня, совершенно для меня неожиданно, „членомъ-корреспондентомъ.“ Двое моихъ почетныхъ друзей и покровителей Константинъ Степановичъ и Николай Христіановичъ, награждая меня описаннымъ образомъ, какъ бы желали изгладить то грустное, непріятное впечатлѣніе, которое я переживалъ еще подъ вліяніемъ студенческаго безпорядка. Они хорошо понимали, какъ мнѣ, одному изъ любимыхъ и уважаемыхъ профессоровъ (несмотря на мою экзаменаціонную строгость), было тяжко и грустно оказаться безъ вины виноватымъ и проглотить ничѣмъ не заслуженную обиду, по капризу юношей, отчасти даже вовсе не моихъ учениковъ. Поэтому въ письмахъ этихъ обоихъ лицъ уже прямо подсказывался мнѣ совѣтъ, для моего будущаго, уйти изъ университета и окончить свою жизнь болѣе покойно въ стѣнахъ Академіи, безъ дальнѣйшихъ помѣхъ продолжая свои научныя занятія.

Привожу отрывки изъ современныхъ этому событію писемъ обоихъ уважаемыхъ академиковъ. Такъ К. С. Веселовскій, отъ 5 декабря 1893 года, сообщая мнѣ о пріятномъ событіи избранія меня въ члены-корреспонденты, дополняетъ это слѣдующимъ поясненіемъ: „Званіе члена-корреспондента—пишетъ онъ—есть почетное и безвозмедное, не налагающее никакихъ прямыхъ или опредѣленныхъ обязанностей; это есть только признаніе ученыхъ заслугъ, но Академія очень цѣнитъ, если членъ-корреспондентъ сообщаетъ ей, когда признаетъ то для себя удобнымъ, что-нибудь изъ своихъ трудовъ, печатныхъ или рукописныхъ, этихъ послѣднихъ для напечатанія въ ея изданіяхъ. Такими сообщеніями вы бы могли установить и поддерживать ближайшую связь съ Академіей, съ моей точки зрѣнія весьма желательную и вотъ почему: я, Божіею милостью, дожилъ до тѣхъ лѣтъ, что долженъ быть какъ пассажиръ, ожидающій со своимъ багажемъ на станціи своего поѣзда. Недаромъ же я и самъ составлялъ „Таблицы смертности“. Безпристрастное и нелицепріятное

знакомство съ трудами русскихъ ученыхъ по политической экономіи и статистикѣ привело меня къ твердому убѣжденію, что вамъ именно принадлежитъ безспорно первое право быть моимъ пріемникомъ въ Академіи. Скажу вамъ откровенно, между нами, что въ прошломъ году я имѣлъ эти виды на профессора Ю. Э. Янсона, а онъ такъ былъ глупъ, что взялъ да и умеръ раньше меня. Его смерть была для меня острымъ ножемъ въ сердце: такъ я сжился съ надеждой, что онъ будетъ моимъ замѣстителемъ въ Академіи. Свое мнѣніе объ его ученыхъ заслугахъ я высказалъ публично въ томъ докладѣ о его „Теоріи статистики", котораго экземпляръ я, помнится, послалъ вамъ. Теперь между нашими статистиками нѣтъ никого, кто могъ бы быть поставленъ на-ряду съ Янсономъ, но зато въ области государственнаго хозяйства есть равныя ему ученыя силы—и это вы. Вѣдь ученыхъ нельзя дѣлать по заказу: нѣтъ статистика, такъ можно взять политико-эконома, благо, по допотопному уставу Академіи, мое мѣсто академика по статистикѣ и политической экономіи... Я люблю Академію и желаю ей добра, а единственное добро, которое можно ей сдѣлать, состоитъ въ томъ, чтобы привлекать въ нее самыхъ выдающихся дѣятелей по наукѣ. Въ этихъ-то именно видахъ, думая о пользѣ Академіи, я и считаю, что постольку важны въ настоящее время науки, какъ государственнаго хозяйства, важны именно съ точки зрѣнія современныхъ государственныхъ потребностей Россіи, въ высшей степени необходимо, чтобы Академія имѣла въ своей средѣ выдающагося представителя по этой наукѣ".

„Вотъ вамъ, вмѣсто простого отвѣта, еще въ придачу и моя исповѣдь, которая, какъ это само собой понятно, должна остаться пока абсолютно между нами"...

Единовременно съ этимъ отъ 30 декабря того же года Н. Х. Бунге, въ отвѣтъ на письмо мое, въ которомъ я благодарилъ за оказанную мнѣ Академіею честь, очевидно по его старанію и содѣйствію, писалъ мнѣ слѣдующее: „Многоуважаемый Иванъ Ивановичъ, отъ души благодарю васъ за любезное ваше письмо. Вы, конечно, знаете, какъ я васъ уважаю, какъ высоко цѣню вашу дѣятельность и ваши труды; но главнымъ дѣятелемъ и въ присужденіи преміи и въ избраніи васъ корреспондентомъ былъ К. С. Веселовскій. Онъ написалъ и отзывъ о вашей книгѣ и представленіе. Я только подписался на послѣднемъ, и съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ, что оно вполнѣ совпадало съ моими взглядами на ваши труды и съ мнѣніемъ о вашихъ „Основныхъ началахъ финансовой науки". Конечно, я могъ бы кое-что прибавить къ сказанному: вы одинъ изъ нашихъ экономистовъ, которые умѣютъ внести въ науку жи-

вую струю и умѣютъ это потому, что приступаютъ къ изслѣдованіямъ не во всеоружіи лишь „незыблемыхъ принциповъ“, а съ запасомъ добытыхъ истинъ для дальнѣйшаго ихъ развитія. Изъ моей академической дѣятельности выходитъ мало толку. Я не только старъ, но и достаточно занятъ въ Государственномъ Совѣтѣ, Комитетѣ Министровъ и Комитетѣ Сибирской желѣзной дороги и въ этомъ году рѣдко могъ являться въ академическія засѣданія, которыя совпадали часто съ комитетскими... Какое же было бы благо для Академіи, если бы она увидѣла васъ со временемъ ординарнымъ академикомъ!?!? Крѣпко жму вашу руку, душевно преданный

Н. Бунге“.

Этихъ двухъ писемъ двухъ почтенныхъ ученыхъ старцевъ достаточно, чтобы видѣть, что я, собственно, не столько самъ стремился и думалъ объ Академіи и переселеніи въ Петербургъ, сколько меня толкали и подсказывали объ этомъ эти заслуженные дѣятели на научной почвѣ, при первой же наградѣ, мною полученной отъ Академіи, и сношеніяхъ, возникшихъ по данному поводу. Разумѣется, я сначала колебался передъ этой обольстительной перспективой, принять ее или нѣтъ? Мнѣ крайне жалко было покинуть преподавательское дѣло и доброе отношеніе, установившееся у меня въ цѣломъ съ большинствомъ молодежи, меня окружавшей въ Москвѣ, но надвигавшееся на Россію смутное время чувствовалось больше и больше въ разныхъ проявленіяхъ безпорядковъ, сомнѣній и заносчивости молодежи, болѣе и болѣе захватывавшей въ свои руки политику и не принадлежащія ей права распоряжаться судьбами русскаго просвѣщенія. Уже въ слѣдующемъ году, 4 декабря 1894 года, Н. Х. Бунге обратился ко мнѣ съ рѣшительнымъ по этому предмету предложеніемъ: „Вскорѣ послѣ вашего отъѣзда изъ Петербурга, осенью сего года К. С. Веселовскій и я порѣшили *просить Васъ позволить выставить вашу кандидатуру въ Академіи*, но треволненія по случаю кончины Государя, а затѣмъ наши недуги помѣшали намъ исполнить наше намѣреніе, и я дѣлаю это только въ настоящее время“. Засимъ Н. Х. сообщаетъ что онъ спрашивалъ мнѣніе Л. Н. Майкова вице-президента, а равно, и Великаго Князя и нѣсколькихъ коллегъ, академиковъ, и что всѣ рѣшительно сочувствуютъ моему переходу въ Академію и никакихъ препятствій не предвидится, и именно въ ординарные академики. „*Обрадуйте насъ*“,—заключаетъ онъ письмо—*вашимъ согласіемъ* и сообщите мнѣ списокъ вашихъ сочиненій... Съ нетерпѣніемъ буду ждать вашего отвѣта. Крѣпко жму вашу руку. Душевно преданный

Бунге“.

Въ то же время К. С. Веселовскій подробно излагалъ мнѣ и указывалъ всю матеріальную сторону вопроса. Обдумавши и сообразивши, такимъ образомъ, дѣло со всѣхъ сторонъ и взвѣсивши всѣ pro и contra опять по рецепту и способу американца Франклина, я пришелъ къ рѣшительному заключенію принять лестное предложеніе и пожертвовать университетомъ для Академіи. Довольно быстро, въ какіе-нибудь три, четыре мѣсяца, вопросъ о моемъ избраніи въ академики, въ мартѣ 1905 года, былъ рѣшенъ утвердительно. Выборы мои прошли вполнѣ удовлетворительно, и я былъ утвержденъ въ званіи ординарнаго академика; мнѣ представилось лишь одно затрудненіе: какъ поступить мнѣ, при переселеніи, съ моей огромной библіотекой, накопившейся въ теченіе всей моей жизни и достигавшей многихъ тысячъ номеровъ книгъ и разныхъ печатныхъ произведеній, отчасти даже рукописей? Оставить ее въ моихъ рукахъ, переселившись въ Петербургъ, немыслимымъ препятствіемъ являлся ея размѣръ. Уже нѣсколько лѣтъ до своего переселенія, я вынужденъ былъ имѣть постоянное лицо для ея регистрированія и записи. Переселившись въ Петербургъ, я долженъ былъ бы увеличить размѣръ квартиры, чтобы ее вмѣстить и опять держать лицо для записей вновь входящихъ книгъ и общаго порядка въ ней.

Вообще мнѣ не разъ припоминалось замѣчаніе мудраго и опытнаго К. С. Веселовскаго: „Огромная библіотека ученаго, когда онъ не имѣетъ крупныхъ средствъ ее поддерживать, является какъ бы ядромъ на ногахъ каторжника“; поэтому самое естественное для меня, послѣ переселенія въ Петербургъ, было бы отдать ее въ то учрежденіе, при которомъ, предполагается, я долженъ кончить свои дни; но представьте мое удивленіе, увы! я получилъ отказъ въ моемъ желаніи, за недостаткомъ мѣста. Академія Наукъ, несмотря на бѣдность своей библіотеки экономическими книгами, особенно иностранными, рѣшительно отказалась принять мой даръ, при томъ на указанныхъ условіяхъ, чтобы библіотека эта не смѣшивалась съ прочими книгами, а по возможности была бы изолирована. Примѣрная стоимость моей библіотеки была не менѣе 30.000 рублей по моему разсчету. Что было дѣлать въ данномъ случаѣ? Будучи очень друженъ съ главнымъ библіотекаремъ Московской библіотеки графа Румянцева, покойнымъ Н. И. Стороженко, я рѣшилъ было возвратить ее домой въ Москву и отдать въ эту Публичную библіотеку, но, увы! и тутъ, несмотря даже на личную дружбу, я встрѣтилъ рѣшительный отказъ по тѣмъ же мотивамъ. „Если, другъ, ты желаешь жертвовать намъ свою библіотеку, говорилъ покойный Николай Ильичъ, то сначала пожертвуй доста-

точно тысячъ выстроить эту библіотеку, а затѣмъ жертвуй и книги!“ Къ моему счастью въ это время Московскій университетъ, много лѣтъ хлопотавшій о средствахъ для устройства своихъ зданій, наконецъ получилъ ихъ и воздвигъ, между прочимъ, новое помѣщеніе для своего книгохранилища. Я воспользовался этимъ и предложилъ свою библіотеку Московскому университету съ обѣщаніемъ отдать часть библіотеки моей немедленно, а остальное послѣ моей смерти, съ нѣсколькими тысячами для ея устройства; и только на этихъ условіяхъ я могъ добиться согласія принять и получить мой даръ, всю мою умственную жизнь, собранную въ этомъ книгохранилищѣ: такъ трудно у насъ не только работать, но даже жертвовать и даромъ отдавать!!!

Итакъ, хотя не скоро, но вопросъ о судьбѣ моей библіотеки наконецъ устроился. Но слѣдовало позаботиться и о собственной своей судьбѣ. Я еще не выслужилъ 30 лѣтъ, необходимыхъ для полной профессорской пенсіи, когда былъ избранъ въ Академію, и лишился бы профессорской пенсіи, имѣющей, какъ извѣстно, волшебное свойство сохраняться при всякомъ содержаніи. По совѣту моихъ мудрыхъ старыхъ друзей Бунге и Веселовскаго, пришлось начать новыя хлопоты, которыя на этотъ разъ, благодаря доброму и просвѣщенному вниманію С. Ю. Витте, тогда Министра Финансовъ, и графа И. Д. Делянова, довольно быстро разрѣшились въ мою пользу. Мнѣ сначала было дозволено остаться въ Москвѣ до выслуги пенсіи, а за два съ чѣмъ-то года до этого, самый срокъ пенсіи былъ нѣсколько сокращенъ. Я получилъ возможность раньше срока переселиться въ Петербургъ, не подвергаясь долѣе непріятности постоянныхъ разъѣздовъ между двумя нашими столицами и городами, Университетомъ и Академіей.

Но помимо моихъ личныхъ интересовъ и соображеній мое избраніе въ академики и переселеніе въ Петербургъ имѣло и другое значеніе въ глазахъ обоихъ почтенныхъ старцевъ, проводившихъ меня въ это высшее ученое учрежденіе. Уже давно Н. Х. Бунге, въ своихъ бесѣдахъ и свиданіяхъ съ К. С. Веселовскимъ, подѣлились общею мыслью и желаніемъ изданія въ Россіи политико-экономическаго словаря. По мнѣнію обоихъ ученыхъ, уже давно созрѣла необходимость намъ имѣть нѣчто въ этомъ родѣ, хотя въ опредѣленіи подробностей академики и расходились. Константинъ Степановичъ считалъ, что для Россіи нуженъ такой же, по возможности, сообразно научнымъ силамъ, ученый словарь, какъ знаменитый словарь государственныхъ наукъ Конрада („Handwörterbuch der Staatswissensschaften, Herausgegeben von Dr. *I. Conrad* u. a.). Напротивъ, Бунге думалъ, что на первый разъ

достаточно будетъ, ежели словарь будетъ значительно сокращенныхъ размѣровъ и имѣть характеръ лишь справочный, въ родѣ извѣстнаго англійскаго словаря „Dictionnary of Political Economy by *R. H. Inglis Palgrave*", или еще короче. Въ 1895 году, когда рѣшился въ принципѣ вопросъ о моемъ избраніи въ члены Академіи и переселеніи въ Петербургъ, оба почтенныхъ академика съ жаромъ ухватились за осуществленіе мысли о словарѣ, вслѣдъ за моимъ переселеніемъ. Преклонные годы и слабое здоровье мѣшали имъ обоимъ лично заняться сложнымъ дѣломъ изданія. Поэтому Николай Христіановичъ и Константинъ Степановичъ рѣшили, для осуществленія мысли, воспользоваться моимъ присутствіемъ и осуществить планъ о словарѣ подъ моей фактической редакціей и, разумѣется, при ихъ ближайшемъ и благосклонномъ къ этому дѣлу участіи. Такъ дѣло это между нами и было рѣшено. Я еще не былъ даже утвержденъ академикомъ послѣ выборовъ, а между нами шла довольно дѣятельная переписка по поводу предполагаемаго словаря. Оба старца были такъ дѣятельны, что, не откладывая дѣло въ долгій ящикъ, уже выработали записку по поводу словаря для внесенія ея въ историко-филологическое отдѣленіе Академіи и собрали всѣ необходимыя для этого справки. Министръ финансовъ С. Ю. Витте, у котораго по этому поводу зондировалъ почву Н. Х. Бунге, отозвался о планѣ очень сочувственно и обѣщалъ достать необходимыя для словаря деньги. Необходимо было, слѣдовательно, выработать подробности проекта и пустить дѣло на утвержденіе Академіи. Къ сожалѣнію, серьезной препоной къ успѣшному ходу дѣла явился я, противъ своей воли. Сначала, почему-то, утвержденіе мое, уже послѣ сдѣланныхъ выборовъ, сильно затянулось, затѣмъ къ маю я уже былъ утвержденъ, но вслѣдствіе серьезной болѣзни, которой страдалъ всю первую половину этого 1895 года, я, по настоянію врачей, вынужденъ былъ наскоро собраться и ѣхать за границу для серьезнаго леченія грязями въ Маріенбадъ, не заѣзжая въ Петербургъ. Тамъ я получилъ письмо отъ Николая Христіановича отъ 12 мая изъ Царскаго Села, гдѣ онъ проживалъ, съ упоминаніемъ, во-первыхъ, о моемъ утвержденіи ординарнымъ академикомъ, и во-вторыхъ, что по поводу словаря послѣ совѣщанія съ сочувствовавшими этому предпріятію лицами, было рѣшено *ждать моего возвращенія изъ-за границы, такъ какъ рѣшеніе многихъ вопросовъ, съ этимъ связанныхъ, безъ меня было бы затруднительно.* О томъ же самомъ увѣдомилъ меня скоро и Веселовскій, а сверхъ того Николай Христіановичъ переслалъ мнѣ записку, ими составленную, для внесенія въ конференцію Академіи. Вотъ ея содержаніе:

„Въ послѣдніе годы въ русской политико-экономической литературѣ замѣтно значительное оживленіе. Объ интересѣ, пробудившемся въ читающемъ обществѣ къ этой отрасли знаній, можно судить по числу издаваемыхъ книгъ и по числу статей политико-экономическаго содержанія, помѣщаемыхъ въ періодическихъ изданіяхъ. Въ этомъ движеніи, однако, болѣе замѣтно желаніе удовлетворить возникшія потребности, чѣмъ стремленіе къ серьезному изученію текущихъ вопросовъ. Съ одинаковою легкостью превозносятся и осуждаются развитіе или съуженіе финансовой дѣятельности государства, тѣ или другіе способы обезпеченія народнаго продовольствія, возстановленіе обращенія монеты, развитіе кредитныхъ операцій, тѣ или другія формы земельной собственности, начиная отъ маіоратовъ и оканчивая такъ называемою „національзаціею“ земли.

Возникновеніе противоположныхъ мнѣній вызывается у насъ не столько служеніемъ извѣстнымъ интересамъ, какъ это часто бываетъ въ Западной Европѣ, сколько нѣкоторымъ незнакомствомъ съ исторіею экономическихъ явленій и съ основными положеніями, выработанными и жизнью и наукой.

Поэтому казалось бы полезнымъ предпринять изданіе Словаря экономическихъ наукъ, заключающаго въ себѣ, по преимуществу, фактическую разработку важнѣйшихъ предметовъ, относящихся къ народному и государственному хозяйству. Само собою разумѣется, что безъидейнымъ такое изданіе быть не можетъ, но въ немъ необходимо устранить всякую односторонность въ направленіи. Въ этомъ отношеніи образцомъ могъ бы служить „Hanwörterbuch der Staatswissenschaften“ Конрада.

Подобный Словарь могъ бы сдѣлаться настольною книжкою не только для многихъ служащихъ, нуждающихся въ теоретическихъ и фактическихъ справкахъ, но и для каждаго образованнаго человѣка, желающаго или разъяснить себѣ извѣстный вопросъ, или, приступая къ его изученію, найти также и указаніе литературы предмета.

Предпринимая подобное изданіе, Академія, при даровомъ участіи своихъ сочленовъ по политической экономіи и статистикѣ, могла бы пригласить сотрудниковъ за извѣстную плату изъ числа ученыхъ и служащихъ по Министерствамъ: Финансовъ, Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ, Внутреннихъ Дѣлъ, Путей Сообщенія и по Государственному Контролю. Участіе Академіи въ дѣлѣ послужило бы ручательствомъ относительно серьезнаго направленія, а также и того, что послѣднее будетъ доведено до конца.

На изданіе двухъ томовъ, считая въ каждомъ по 50 листовъ въ 2 столбца, потребуется по прилагаемому разсчету круглымъ чи-

сломъ около 15.000 руб. Если бы эти деньги были отпущены въ теченіе двухъ лѣтъ по 7.000 р. на каждый томъ, то было бы обезпечено не только изданіе Словаря, но также его продолженіе и выпускъ новыхъ изданій, конечно, подъ условіемъ, что отпущенныя суммы будутъ отнесены къ спеціальнымъ средствамъ Академіи, имѣющимъ опредѣленное назначеніе".

Двумя недѣлями позднѣе я получилъ еще письмо, увы, послѣднее, отъ почтеннаго Николая Христіановича, гдѣ онъ сообщаетъ о своемъ житьѣ-бытьѣ и о судьбѣ нашего общаго Словаря:

„Искренне уважаемый Иванъ Ивановичъ,

„Очень обрадовало меня извѣстіе, что воды принесли вамъ пользу. Я тоже пью Киссингенъ. Встаю въ 5 часовъ и гуляю, но безъ музыки, только нѣтъ, увы, той жизни, которая прельщала меня на водахъ. Царское Село вообще городъ съ домами, но безъ жителей, а теперь, кажется, ихъ еще менѣе.

„Императорская чета ведетъ очень уединенную жизнь, пріемовъ нѣтъ, Александровскій паркъ закрытъ, такъ что отсутствіе оживленія совершенно естественно. Въ послѣднія двѣ недѣли я былъ замученъ работою. — Витте притянулъ меня въ разныя засѣданія, въ томъ числѣ и сахарное, которое портитъ мнѣ много крови, потому что придется опять регламентировать, если не синдикатъ, то какой-нибудь способъ для ограниченія производства!!...

„Въ сущности, никакой потери не произойдетъ отъ того, что дѣло объ изданіи Словаря будетъ отложено до Вашего возвращенія. Вѣдь все равно до сентября денегъ не потребуется, и ничего написано не будетъ.

„Чѣмъ болѣе я вдумываюсь въ предположеніе К. С. Веселовскаго, тѣмъ болѣе отдаю справедливости его основной мысли, но тѣмъ болѣе сомнѣваюсь, чтобы она была легко осуществима. Я предпочелъ бы „справочный" Словарь—ученому, но такая книга быть можетъ не для Академіи.

Искренне желаю вамъ полнаго выздоровленія

Сердечно преданный Вамъ

Н. Бунге".

Затѣмъ наступила нѣкоторая заминка въ нашей корреспонденціи. Я довольно долго не получалъ никакихъ извѣстій, какъ внезапно прочелъ въ читальнѣ Курорта Маріенбада, въ русской газетѣ, печальную телеграмму о внезапной кончинѣ Николая Христіановича... Въ его лицѣ для Россіи умеръ одинъ изъ полезнѣйшихъ ея гражданъ, а для меня лично дорогой, можно сказать покровитель и другъ, расположеніемъ котораго я пользовался много лѣтъ безъ всякой съ моей

стороны заслуги, и я даже не знаю, имѣлъ ли я право на такое доброе, истинно дружеское къ себѣ расположеніе и вниманіе!? Какъ относился Николай Христіановичъ ко всѣмъ моимъ научнымъ трудамъ, поддерживалъ во мнѣ бодрость духа, нужную энергію и чувство самоуваженія, можно судить по тѣмъ лестнымъ для меня похваламъ и снисходительному сужденію, которыя онъ высказывалъ всегда къ моимъ работамъ. Такъ, напримѣръ, еще въ 1890 году отъ 11 Іюня, я получилъ отъ него нижеслѣдующее письмо съ столь доброй оцѣнкой о моемъ „Курсѣ Финансовъ", только что передъ этимъ ему посланномъ. Письмо я получилъ, также находясь за границей, въ Цюрихѣ. Вотъ оно:

„Многоуважаемый Иванъ Ивановичъ!

„Благодарю Васъ за „Основныя начала финансовой науки", которыя я получилъ на этихъ дняхъ и спѣшу поздравить тѣхъ, которые будутъ по нимъ учиться, — съ возможностью быстро, легко и основательно ознакомиться съ предметомъ.

„Мнѣ приходилось четыре раза приниматься за преподаваніе финансовъ. Я читалъ Финансовое Право въ Лицеѣ Кн. Безбородко въ 1845—1850; потомъ года два въ Университетѣ, въ 60-хъ годахъ, и наконецъ составилъ два курса для моихъ Августѣйшихъ слушателей въ 1863—64 и 1888—89 годахъ. Поэтому вы не поставите мнѣ въ вину, если я отнесусь къ вашему труду критически.

„Ваши „Основныя Начала" по ясности изложенія, по умѣнію связывать факты съ теоретическими соображеніями напоминаютъ Леруа Болье, но Леруа болѣе написалъ трактатъ, а не учебникъ.—Вы избѣжали философствованія Штейна, абстрактности Вагнера (я не говорю объ его Исторіи налоговъ въ XIX вѣкѣ—это образцовое изслѣдованіе) и нѣкоторой сухости Рошера.—Я не сопоставлю Вашей книги съ „Steuerpolitik" Шеффле—это не учебникъ, а изслѣдованіе,—Вамъ, если я не ошибаюсь, можно поставить въ упрекъ только одно, что вы не остановились достаточно на тѣхъ финансовыхъ задачахъ, которыя пытались разрѣшить Вагнеръ, а въ особенности Шеффле.—Я поклонникъ послѣдняго и ставлю очень высоко его попытки внести свѣтъ науки и общихъ началъ въ практическіе вопросы. Во всякомъ случаѣ Ваше сочиненіе одно изъ немногихъ, которымъ я искренне желаю возможно большаго успѣха, потому что успѣхъ его будетъ успѣхомъ финансовыхъ знаній въ Россіи.

„Примите увѣреніе въ искреннемъ моемъ уваженіи и всегдашней преданности.

Н. Бунге".

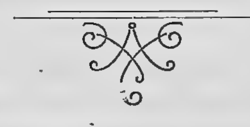
Также добро относился онъ, впрочемъ, и ко многимъ другимъ моимъ трудамъ, восхваляя ихъ выше достоинства, подъ вліяніемъ несомнѣнной симпатіи и чувства близости, которое имѣлъ ко мнѣ.

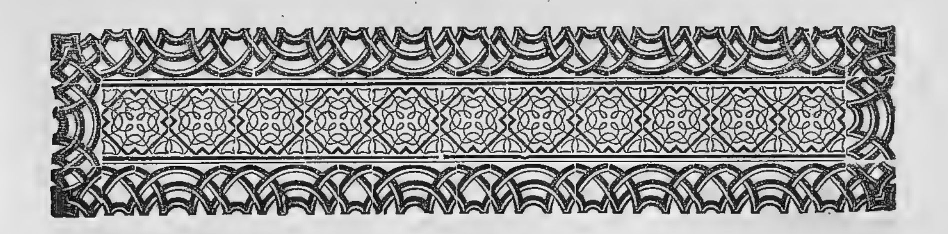
Вскорѣ, послѣ кончины Николая Христіановича, повергшей меня въ большое уныніе и горе, я обратился немедленно къ К. С. Веселовскому съ выраженіями своихъ по этому поводу чувствъ, а также и съ вопросами о возможномъ будущемъ нашихъ общихъ плановъ. Отвѣтъ отъ Веселовскаго, подлинникъ котораго у меня затерялся, получился самый рѣшительный и прискорбный: „Разумѣется, на основаніи хорошихъ знаній нашихъ русскихъ условій, со смертью Бунге мы должны покончить и похоронить также и наши планы объ изданіи Словаря. Первый, конечно, вопросъ о деньгахъ, но если ихъ даже, въ виду категорическаго, хотя бы и словеснаго согласія Витте, намъ и дадутъ, то, вѣдь, предстоитъ гораздо болѣе серьезный вопросъ о цензурѣ. Несмотря ни на какія бумажныя изъятія и привилегіи, цензура насъ съѣстъ,—буквально выразился почтенный старецъ—„хотя бы на первой буквѣ А, за слово „анархія“, или второй—Б, за слово „богатство“. Итакъ, оставимъ нынѣ тщетный и безполезный планъ, изъ котораго теперь ничего не выйдетъ, кромѣ сокращенія нашего бреннаго существованія“!!..

Такимъ образомъ, увы! со смертью Николая Христіановича, чего я сначала не понималъ, и что мнѣ не входило въ голову, рушился въ самомъ зародышѣ планъ изданія Академическаго Словаря политико-экономическихъ и общественныхъ наукъ. Я сдѣлался съ 1905 года дѣйствительнымъ членомъ Академіи наукъ, но вопросъ объ Экономическомъ Словарѣ уже болѣе не поднимался.

Иванъ Янжулъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Владиміръ Сергѣевичъ Печеринъ въ перепискѣ съ Иваномъ Сергѣевичемъ Гагаринымъ.

Съ нѣкотораго времени В. С. Печеринъ все болѣе и болѣе обращаетъ на себя вниманіе мыслящей публики. На самомъ дѣлѣ личность его крайне привлекательна. Вся его жизнь сложилась какъ-то своеобразно: это поэзія въ прозѣ. Широкій умъ, любящее сердце и только временныя успокоенія. Въ сущности дѣятельность его сводится къ служенію своему идеалу. Но этотъ идеалъ подъ-часъ затмевается, его окружаетъ какая-то таинственность. Вотъ почему трудно прослѣдить колебанія этой, конечно, искренней души въ связи съ намѣченною цѣлью. Есть, однако, намеки, которыми и слѣдуетъ воспользоваться.

Не стану повторять уже всѣмъ извѣстныя обстоятельства жизни В. С.[1]). Приведу только выдержки изъ его переписки съ И. С. Гагаринымъ, которая находится въ Брюсселѣ, въ Славянской библіотекѣ.

Она совпадаетъ почти исключительно съ годами, проведенными въ конгрегаціи Св. Искупителя[2]), и носитъ отпечатокъ душевнаго состоянія, которое ихъ авторъ тогда переживалъ. Между этими

[1]) Недавно появилась талантливо написанная М. Гершензономъ *Жизнь В. С. Печерина.*

[2]) Первое письмо отъ 22-го января 1845-го, послѣднее отъ 16-го іюня 1873-го, а предпослѣднее отъ 25-го сентября 1865-го года. Вообще пробѣлы значительны. Всего 15 писемъ.—Къ слову замѣчу, что конгрегація Св. Искупителя въ строго каноническомъ смыслѣ не можетъ называться орденомъ, хотя это и допускается въ разговорномъ языкѣ. Главная разница между конгрегаціею и орденомъ состоитъ въ торжественности обѣтовъ.

письмами и предшествующими, писанными до перехода въ католичество, — разница поразительная. Видно, что В. С. прошелъ строгую, аскетическую школу. Въ его душѣ всё усмиряется и укладывается, онъ помирился съ самимъ собою, доволенъ скромною, тѣсною дѣятельностью, и, сверхъ всего, дорожитъ своимъ призваніемъ. Только изрѣдка смѣлый размахъ напоминаетъ прежняго борца и предвѣщаетъ возможный переломъ.

Время отъ 1845-го года до 1862-го В. С. провелъ въ Лондонѣ, Лимерикѣ и Дублинѣ. Поэтому въ перепискѣ встрѣчаются отзывы объ англичанахъ, большими шагами приближающихся къ католичеству, объ ирландцахъ, сопоставляемыхъ съ поляками. Всѣ эти соображенія останутся нетронутыми. Изложеніе будетъ касаться только отношеній В. С. къ Россіи и состоянія его духа до перелома 60-хъ годовъ.

Когда и какъ В. С. познакомился съ И. С., мнѣ неизвѣстно. Очень можетъ быть, что этому содѣйствовала княгиня Елисавета Петровна Гагарина, рожденная Соймонова, овдовѣвшая въ 1837-мъ году [1]). Принявъ католичество, она провела нѣсколько лѣтъ въ Парижѣ, гдѣ И. С. состоялъ до 1843-го года секретаремъ при русскомъ посольствѣ, и которому она приходилась теткою. Печеринъ былъ вхожъ въ ея домъ и упоминаетъ о ней въ своихъ письмахъ. Какъ бы то ни было, въ январѣ 1845-го года, онъ посѣтилъ Гагарина въ Saint-Acheul, недалеко отъ Амьена, гдѣ послѣдній отбывалъ свой двухлѣтній новиціатъ. Сближеніе это обусловливалось нѣкоторымъ сходствомъ въ положеніи того и другого. И. С. также перешелъ въ католичество, и вскорѣ послѣ того вступилъ въ іезуитскій орденъ. Это былъ съ его стороны отважный и рѣшительный шагъ. Уважаемое имя, крупное состояніе, обширныя связи, развитый умъ и способности обезпечивали ему блестящую будущность на дипломатическомъ поприщѣ, но благамъ міра сего онъ предпочелъ иго Христово, и своему подвижничеству остался вѣренъ до гробовой доски.

Встрѣтившись на чужбинѣ, не предвидя возвращенія въ отечество, оба русскіе условились переписываться. И вотъ, вернувшись въ Falmouth, Печеринъ пишетъ 22-го января 1845-го года: „Исполняю свое обѣщаніе и пишу къ Вамъ тотчасъ по пріѣздѣ въ Англію. Началъ по-русски, не знаю окончу ли?“ Перечисливъ потомъ съ увлеченіемъ свои ежедневныя занятія — скромныя, но за то безопасныя,—онъ преподаетъ такой совѣтъ: „Наслаждайтесь,

---

[1]) Екатерина Петровна была замужемъ за княземъ Григоріемъ Ивановичемъ Гагаринымъ. Ея сестра была Софья Петровна Свѣчина.

любезнѣйшій братъ, счастіемъ, которое однажды только въ жизни можно имѣть: le bonheur du noviciat. Après vient labor et dolor [1]). Да благословитъ Васъ Господь. Напишите мнѣ, если знаете что-нибудь новое о католической Руси... Помолимся взаимно другъ за друга, и о мірѣ всего міра, и объ обращеніи Россіи".

Между тѣмъ для И. С. приближался установленный срокъ для сложенія обѣтовъ, что и сбылось 15-го августа 1845-го года, а 17-го Печеринъ пишетъ ему: „Предполагаю, что въ данное время Вы уже имѣли счастіе произнести Ваши обѣты, и я Васъ поздравляю отъ всего сердца" [2]).

Въ эти же годы неожиданныя обстоятельства дали Печерину поводъ высказаться и о своей личной любви къ своему призванію и вообще объ иноческомъ призваніи, какъ цѣли житія.

Является во Франціи нѣсколько загадочная личность Сергѣя Шулепникова [3]). Бывшій студентъ Петербургскаго университета, на службѣ въ Варшавѣ, онъ зналъ о Печеринѣ только по наслышкамъ, да и то не совсѣмъ точнымъ. Между тѣмъ этотъ примѣръ такъ на него подѣйствовалъ, что онъ пожелалъ удалиться изъ міра, признавая въ этомъ заслугу Печерина, котораго потому и называлъ своимъ „отцемъ о Христѣ". Пріѣхавъ въ Парижъ, онъ сперва намѣревался вступить въ Доминиканскій орденъ, но потомъ отправился въ Nancy, въ семинарію, чтобы сдѣлаться, какъ говорится, свѣтскимъ священникомъ, то есть членомъ бѣлаго духовенства. Печеринъ узналъ о немъ чрезъ Гагарина, сильно имъ заинтересовался, завязалъ переписку и, познакомившись съ обстановкою его жизни, усердно совѣтовалъ иночество. Писемъ В. С. къ Шулепникову мы не имѣемъ, но 13-го января 1847 года онъ писалъ Гагарину такъ: „Я сдѣлаю все возможное, чтобы побудить г. Шулепникова остаться при своемъ монашескомъ призваніи. Прошедши чрезъ столько испытаній, сдѣлаться свѣтскимъ священникомъ, это значитъ—оказаться неблагодарнымъ Богу, остановиться въ срединѣ дороги, лишиться прекраснаго вѣнца, обѣщаннаго тому qui legitime certaverit [4])". Однако Шулепниковъ такъ и не послѣдовалъ этимъ совѣтамъ. Въ 1874-мъ году онъ былъ приходскимъ священникомъ

---

[1]) Счастіе новиціата. Послѣ наступаютъ трудъ и скорбь.

[2]) Письмо 17-го августа писано на французскомъ языкѣ, какъ всѣ послѣдующія за исключеніемъ двухъ послѣднихъ.

[3]) Интересныя свѣдѣнія о немъ въ II-мъ томѣ *Lettres de Madame Swetchine publiées par le comte de Falloux*, стр. 321 и слѣд.—*Rosenthal*, Convertitenbilder, 3 B. 2 abth., стр. 256 и слѣд. — Въ Славянской библіотекѣ (въ Брюсселѣ) есть три письма Шулепникова.

[4]) Кто законно подвизался. 2-ое Посланіе къ Тимоѳею, гл. II, 5.

въ Америкѣ и обладалъ интересною библіотекою. Дальнѣйшая его судьба неизвѣстна.

Другое доказательство, но уже личной привязанности Печерина къ своему призванію, находится въ письмѣ 1847 года, которое относится къ сентябрю, хотя это и не обозначено. На сдѣланный Гагаринымъ запросъ онъ отвѣчаетъ: „Это правда, нѣкоторое время намѣревались вызвать меня въ Римъ. Аббатъ Терлецкій, котораго вы можетъ быть знаете, носился съ планомъ создать религіозную конгрегацію для проповѣдыванія Евангелія славянамъ. Эта конгрегація должна была состоять изъ членовъ славянскаго происхожденія. Онъ настойчиво писалъ ко мнѣ, приглашая меня вступить въ эту конгрегацію, но подъ двумя странными условіями: во 1-хъ, покинуть нашъ орденъ (sic), въ которомъ я сложилъ мои обѣты; во 2-хъ, перемѣнить латинскій обрядъ на греческій, что, какъ вы хорошо понимаете, совершенно невозможно. Одновременно онъ писалъ мнѣ также, что нашъ Святой Отецъ уже отдалъ приказаніе вызвать меня въ Римъ, чтобы проповѣдывать Русскимъ. Что изъ этого вышло, я не знаю, ибо вслѣдъ за моимъ безусловнымъ отказомъ аббату Терлецкому, наша переписка прекратилась, и я ничего больше о немъ не слышалъ“. Теперь намъ уже возможно заявить, что плохо обдуманное предпріятіе Терлецкаго, какъ и слѣдовало ожидать, кануло въ воду. А на счетъ обряда надо оговориться. Если Печеринъ сперва и предполагалъ, что восточный обрядъ несовмѣстимъ съ католической вѣрою, то впослѣдствіи, вникнувъ въ сущность дѣла, онъ отвергъ свое ошибочное мнѣніе и вполнѣ согласился съ Гагаринымъ.

До какой степени онъ увлекался своимъ призваніемъ, видно также изъ его рѣшенія, принятаго, повидимому, безъ всякой внутренней борьбы, отказаться отъ русскаго подданства, при чемъ онъ утрачивалъ всякую надежду вернуться когда-либо въ отечество. Въ письмѣ отъ 13-го января 1847 года, сказавъ, что русское правительство способно на всё, онъ продолжаетъ такъ: „не знаю, долженъ-ли я чего-либо опасаться съ этой стороны. Русскій консулъ въ Лондонѣ, M-r Krehmer, былъ у меня прошлаго года въ маѣ мѣсяцѣ. Онъ сказалъ мнѣ, что правительство, снисходя настоянію моихъ родныхъ, поручило ему увѣдомиться у меня о моемъ окончательномъ рѣшеніи. Я отвѣтилъ ему письменно приблизительно въ такомъ смыслѣ, что я окончательно рѣшился не возвращаться болѣе въ Россію и вмѣстѣ съ тѣмъ отказаться отъ русскаго подданства. Такимъ образомъ, не считая себя русскимъ подданнымъ, по минувшей уже законной десятилѣтней давности, я могу до нѣкоторой степени наслаждаться кой-какимъ спокойствіемъ, по край-

ней мѣрѣ здѣсь въ Англіи, ибо относительно Россіи нельзя никогда быть совершенно спокойнымъ“.

Въ томъ же письмѣ отъ 13-го января, намекнувъ на пожеланія объ освобожденіи крѣпостныхъ, онъ пишетъ: „Горе Вамъ, господа, если вы однажды затронете этотъ вопросъ, вы разбуждаете дремящаго льва, вы открываете дверь большой пропасти. Скажу Вамъ (обращаясь къ Гагарину), откровенно, что думаю: я не вѣрю въ возможность мирнаго перерожденія, каковое Вы желаете для Россіи. Это не соотвѣтствуетъ народному характеру. Затѣмъ, большія беззаконія вызываютъ суровыя наказанія. А кто ихъ болѣе заслужилъ, чѣмъ Россія, вотъ уже цѣлое столѣтіе? Вы говорите о свободѣ совѣсти относительно религіи; увѣряю Васъ, что это совершенно невозможно“.

„Бѣдные славянскіе народы! они всегда въ порабощеніи: въ порабощеніи деспотизма на счетъ политики, въ порабощеніи заблужденія на счетъ религіи. А вотъ еще новое, Богомъ посланное, наказаніе: это ничтожный панславизмъ, о которомъ Вы говорите. Именно этотъ національный духъ, эта узкая національная спѣсь губятъ народы. Это чисто языческій духъ, въ силу его народъ возводитъ самого себя въ божество, преклоняется передъ идоломъ отечества и обожаетъ самого себя. Этотъ-то духъ и оторвалъ столько народовъ отъ Св. Престола, онъ же создалъ національныя церкви, англиканскую, галликанскую, греко-россійскую и въ новѣйшее время греко-аѳинскую и германо-католическую. Избави насъ Богъ навсегда отъ этого національнаго духа! Наше отечество—это вѣчная и неподвижная истина; наше отечество—это Римъ. Romanus sum. Mucium me vocant [1]). Когда я вспоминаю, что національный духъ довелъ Боссюэта до подписанія Declarationis Clerigallicani [2]), то не нахожу довольно словъ, чтобъ выразить мое отвращеніе отъ этого антихристіанскаго духа“.

Бурныя происшествія 1848 года Печеринъ считаетъ предвѣстниками лучшихъ дней и сближенія Россіи съ Ватиканомъ. „Кажется“, пишетъ онъ 24-го января 1849 года, „настало то время, о которомъ говоритъ авторъ разрѣшенія великихъ задачъ; время, когда надо будетъ выбирать одно изъ двухъ: или Римъ, или смерть... Будемъ молиться, дорогой отецъ, за возлюбленнаго Пія IX-го, будемъ молиться за церковь, чтобы Богъ ей ниспослалъ болѣе

---

1) Есмь Римлянинъ, зовутъ меня Муціумъ.

2) Такъ называются знаменитыя предложенія 1682-го года.

радостные дни... Я хотѣлъ бы (если слѣдуетъ еще, въ настоящее время, выражать пожеланія), я хотѣлъ бы жить довольно долго, чтобы увидѣть какую-либо большую перемѣну въ Россіи. Не думаете-ли Вы, что можетъ прійти время, когда сила обстоятельствъ заставитъ ее соединиться съ Римомъ? А преемникъ Николая? я бы привѣтствовалъ его восшествіе, какъ зарю прекраснаго дня. Ахъ, какъ бы я хотѣлъ видѣть этого молодого князя и познакомиться съ нимъ".

Въ слѣдующемъ году, 21-го марта 1850 г., идея соединенія съ Римомъ облекается въ романтическую форму: „Безъ сомнѣнія, пишетъ Печеринъ,—великія событія подготовляются. Измѣнится видъ міра. Славная участь ожидаетъ наше отечество. Его мечъ окажется грузомъ на вѣсахъ властей. И Богу предстоитъ изъ всѣхъ этихъ революцій извлечь торжество своей безсмертной Церкви. Кто бы не отчаялся при видѣ варваровъ, наводнившихъ Римскую имперію? А между тѣмъ, укрощенные папами и епископами, эти варвары становятся самымъ сильнымъ оплотомъ новаго католическаго общества. Русскіе призваны довершить дѣло варваровъ, уничтожить послѣдніе остатки Римской имперіи, которые еще томятся въ Западной Европѣ. Востокъ опять возьметъ верхъ, но для того, чтобы огнемъ и кровью возобновить болтливую и меркантильную образованность, которая развратила Европу. Да, я это предчувствую, новый Аттила станетъ во главѣ славянскихъ полчищъ, но передъ римскими стѣнами онъ встрѣтитъ новаго Льва. Извините мои рапсодіи, дорогой отецъ, но я это предчувствую: возстанетъ великій русскій императоръ—ахъ, какъ я его заранѣе люблю, ахъ, какъ я желалъ бы его видѣть—возстанетъ великій русскій императоръ, я его вижу, онъ приближается къ Риму, онъ у ногъ первосвященника, онъ приноситъ ему въ даръ свою корону, свой скипетръ и свою имперію, онъ обращаетъ Россію въ ленное владѣніе Священнаго Престола. Тогда падаетъ великая стѣна раздѣленія, революція побѣждается навсегда, и во всемъ мірѣ преобладаетъ католичество. Haec spes reposita est in sinu meo [1]). Я этому вѣрю".

Однако, очень скоро этотъ идеалъ поблекъ и вмѣсто Аттилы явился Николай Павловичъ. „Но что вамъ кажется,—спрашиваетъ Печеринъ 16-го іюня того же года,—объ императорѣ?—Нѣтъ ли какой-либо перемѣны въ его воззрѣніяхъ? Не видитъ ли онъ уже плоды знаменитой Уваровской троицы: Православіе, Самодержавіе

---

[1]) Эта надежда покоится въ моей груди.

и Народность? Знаете ли, что я начинаю любить этого человѣка. Какъ ни какъ, это величественная личность. Ему недостаетъ только быть католикомъ. Ежедневно при обѣднѣ я вспоминаю объ императорѣ. Ахъ, государь, сказалъ бы я ему, хотите быть истинно великимъ? хотите оставить послѣ Васъ безсмертную память? хотите сразу завоевать весь міръ? Сдѣлайтесь католикомъ. Требуются ли упрашиванія, чтобы сдѣлаться властелиномъ вселенной?"... Скажу откровенно что мнѣ думается: время книгъ и рѣчей прошло, наступаетъ время меча. Есть гордійскіе узлы, которые разсѣкаются только мечемъ. Остается неизвѣстнымъ, кто будетъ носителемъ меча?"

„Мои взоры невольно обращаются къ Россіи, ибо все-таки оттуда должно прійти рѣшеніе большой задачи. Десять лѣтъ тому назадъ я бы этому не повѣрилъ".

„Дорогой отецъ! Великія судьбы наступаютъ, наступаютъ. Событія,—говоритъ Шекспиръ,—бросаютъ свою тѣнь передъ собою".

Казалось бы по этимъ письмамъ, что автора ихъ соблазняетъ кипучая дѣятельность, что онъ готовъ бороться въ первыхъ рядахъ и содѣйствовать исполненію своихъ надеждъ. Между тѣмъ проходитъ Крымская война, новый царь вступаетъ на русскій престолъ, Печеринъ предвидитъ для Россіи 89-й годъ, а самъ онъ совершенно отказывается отъ всякаго участія въ грядущихъ переворотахъ. 9 (20) іюня 1860 года появляется первый знакъ утомленія и глухого разочарованія въ своемъ призваніи: „Что до насъ касается", пишетъ В. С., „то наша бѣдная жизнь истрачивается въ безпрерывныхъ миссіонерскихъ трудахъ. Это вѣчное и однообразное повтореніе того же самаго. Начинаетъ чувствоваться иногда потребность покоя. Но гдѣ найти этотъ покой? Развѣ высоко, очень высоко, на вершинѣ недоступныхъ горъ"...

Въ слѣдующихъ двухъ годахъ совершился переломъ, о которомъ В. С. постоянно отмалчивался, и объ исходѣ котораго онъ только въ краткихъ словахъ извѣщаетъ Гагарина, видимо избѣгая всякихъ разъясненій. Суть перелома въ томъ, что имъ овладѣваетъ сполна патріотическое чувство, онъ покидаетъ конгрегацію Св. Искупителя, пытается ужиться у трапистовъ, а потомъ становится больничнымъ духовникомъ. Какъ всё это вяжется между собою, почему потребовалось измѣненіе въ образѣ жизни, почему не удалось уединеніе и понравилась новая тяжкая дѣятельность, остается для насъ тайною. Онъ самъ лишь слегка касается этого предмета, 12-го мая 1862 года, въ слѣдующихъ словахъ: „Послѣ 25-тилѣтняго изгнанія любовь къ отечеству съ большимъ жаромъ, чѣмъ когда-либо, возгорѣлась въ моемъ сердцѣ. Съ интересомъ, не поддающимся описанію, слѣжу

издали за первыми дѣйствіями гигантской драмы, которая разыгрывается... О, Россія".

„Вижу, поднимается заря великаго дня; но восхода вашего краснаго солнца мнѣ не видать [1])".

„Въ прошлую зиму я имѣлъ счастіе принять въ церковь русскую даму, дочь петербургскаго купца. Она замужемъ за M-r Foley, ирландскимъ дворяниномъ графства Waterford. Она живетъ въ нѣсколькихъ миляхъ отъ большого монастыря трапистовъ Mount Melleraye, гдѣ я провелъ три мѣсяца съ намѣреніемъ провести тамъ остатокъ моей жизни въ затворничествѣ, но Божій Промыслъ рѣшилъ иначе. Я покинулъ конгрегацію Св. Искупителя съ полнаго согласія моихъ начальниковъ, и теперь приписанъ, какъ духовникъ, къ большой больницѣ *Mater Misericordiae*, гдѣ, вмѣстѣ съ сестрами милосердія, участвую въ уходѣ за больными".

„Потрудитесь передать мое почтеніе Пр. О. Мартынову [2]). Теперь болѣе чѣмъ когда-либо слѣдуетъ возобновить національныя узы, которыя насъ соединяютъ. Мы, дѣти той же матери, и вотъ — эта мать пробуждается отъ долгаго и глубокаго сна. Судьбы, какъ говоритъ Герценъ, рисуются сквозь тучи, которыя проходятъ и все болѣе и болѣе темнѣютъ".

Несмотря на этотъ сердечный вызовъ, никакихъ писемъ не имѣется на лицо цѣлыхъ два-три года. Перерывъ объясняется отчасти отъѣздомъ Гагарина на Востокъ. Только въ 1865-мъ году, и то по особому поводу, переписка возобновляется. До Гагарина дошли извѣстные стихи Печерина, вызвавшіе статью Аксакова [3]); онъ, поистинѣ безосновательно, встревожился и откровенно въ этомъ признался 22-го сентября, а 25-го Печеринъ ему отвѣчаетъ, и этотъ разъ на русскомъ языкѣ. Письмо стоитъ привести цѣликомъ:

47, Lower Dominick Str., Dublin.
25 Сент. 1865.

„Любезнѣйшій Отецъ Иванъ.

„Съ большимъ удовольствіемъ отвѣчаю на ваше письмо, и мнѣ кажется, не трудно будетъ дать вамъ удовлетворительный отвѣтъ.— Посылая стихи къ Аксакову, я не имѣлъ въ виду никакой другой цѣли кромѣ литературной, т. е. переслать на родину мимолетный звукъ. Стихи мои выражаютъ стремленіе къ идеалу, которое не-

---

[1]) Эти слова написаны по-русски въ самомъ текстѣ.

[2]) Иванъ Матвѣичъ Мартыновъ, членъ Общества Іисуса.

[3]) Г. М. Гершензонъ (*Жизнь В. С. Печерина*) приводитъ стихи Печерина и выдержки изъ статьи Аксакова, стр. 194 и слѣд.

можетъ быть удовлетворено въ этой жизни. Эта тоска о чемъ-то лучшемъ есть неотъемлемое достояніе безсмертной души, и она, мнѣ кажется, совершенно согласна съ евангельскими блаженствами (beatitudines). Горе тому, кто совершенно доволенъ этимъ свѣтомъ! Блажени плачущіи! блажени алчущіи и жаждущіи правды! Герои Св. Павла также бродили по міру бездомные и искали отечества, patriam inquirunt. Но это отечество, безъ сомнѣнія, не Москва и не православная церковь".

„Впрочемъ сентиментально-православная статья г. Аксакова навсегда отбила у меня охоту не только ѣхать въ Россію (о чемъ впрочемъ я и не думалъ), но даже входить въ какія-либо дальнѣйшія сношенія съ московскими литераторами или съ кѣмъ-либо въ Россіи".

„Поздравляю Васъ съ возвращеніемъ въ Европу. Вы вѣроятно привезли съ собою обширныя познанія въ восточныхъ языкахъ. Я также въ эти три года почти исключительно занимался санскритскимъ, арабскимъ и персидскимъ. Въ виду этихъ занятій мнѣ хотѣлось было переселиться въ Парижъ, но это зависитъ отъ многихъ обстоятельствъ, да сверхъ того, я не охотно бы оставилъ британскую почву".

„Поручая себя вашимъ молитвамъ, остаюсь"

„вамъ искренно преданный"

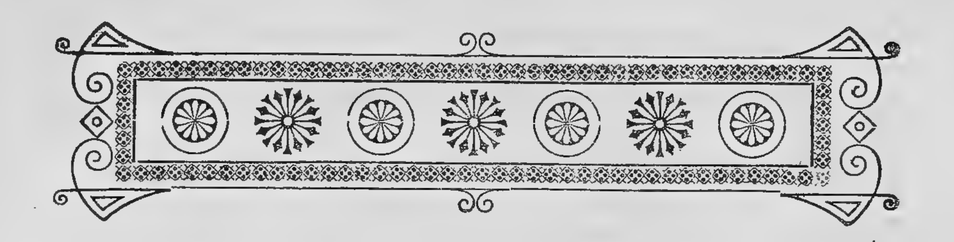
„В. Печеринъ".

Таково было намѣреніе, на дѣлѣ вышло иначе. Съ этихъ поръ переписка съ Гагаринымъ почти прекращается, — есть только одно письмо, очень любезное, какъ всегда, но незначительное, отъ 16-го іюня 1873-го года, — между тѣмъ какъ переписка съ Россіею оживляется и ведется неустанно.

Было бы крайне несправедливо обвинять Печерина изъ-за этого въ двуличности. Эти колебанія совершались у него на другой почвѣ. Онъ былъ въ высшей степени впечатлителенъ. При всей твердости въ коренныхъ убѣжденіяхъ, онъ легко поддавался въ житейскомъ обиходѣ мгновенному влеченію и съ такою же легкостью часто отъ него отвращался. Въ этой подвижности его характера, въ этомъ недостаткѣ нравственной цѣльности и слѣдуетъ вѣроятно искать разгадку его неудачъ, невзгодъ и разочарованій. Онъ не имѣлъ желѣзной стойкости, которой отличались другіе его соотечественники, оставаясь непоколебимыми въ своемъ призваніи и настроеніи.

Брюссель.

П. Пирлингъ.

Николай Гавриловичъ Чернышевскій.

Статья *Ф. В. Духовникова,* съ предисловіемъ и примѣчаніями Александра Лебедева.

Глава IV (IX).

О педагогической дѣятельности Н. Г. Чернышевскаго въ Саратовской мужской гимназіи сохранилось много свѣдѣній въ архивахъ этого заведенія и канцеляріи попечителя Казанскаго учебнаго округа, которыя дадутъ цѣнный матеріалъ не только для біографіи этого писателя, но и для исторіи Саратовской мужской гимназіи; кромѣ того, еще здравствуютъ два сослуживца Н. Г. по Саратовской гимназіи, поступившіе на службу въ нее уже при Н. Г. Чернышевскомъ: педагогъ и писатель Е. А. Бѣловъ и юристъ А. М. Полиновскій [1]), которымъ, внѣ всякаго сомнѣнія, памятна жизнь Н. Г. въ Саратовѣ и которые, какъ намъ извѣстно, уже написали свои воспоминанія о немъ, но мы все-таки считаемъ небезъинтереснымъ воспроизвести разсказы изъ учительской жизни Н. Г. въ Саратовѣ по памяти старожиловъ, его учениковъ.

Не новичкомъ въ дѣлѣ преподаванія былъ Н. Г. Выше мы видѣли, что онъ всегда отыскивалъ случая подѣлиться съ кѣмъ-нибудь своими познаніями и часто показывалъ и объяснялъ гимназистамъ уроки, поддѣлываясь подъ ихъ пониманіе; слѣдовательно, онъ могъ пріобрѣсть нѣкоторую опытность въ преподаваніи, кромѣ того, уже владѣя энциклопедическими свѣдѣніями, онъ былъ знакомъ съ тео-

---

[1]) Членъ Кіевской Судебной Палаты. Е. А. Бѣловъ умеръ въ 1895 г.

ріей обученія и воспитанія по иностраннымъ источникамъ. И дѣйствительно, онъ явился въ гимназію, по увѣренію его учениковъ, опытнымъ преподавателемъ.

Появленіе новаго учителя всегда возбуждаетъ любопытство учениковъ. Прійдя въ гимназію, Н. Г. прошелъ прямо въ учительскую комнату, находящуюся рядомъ съ 4-мъ классомъ, въ виду учениковъ, вышедшихъ изъ классныхъ комнатъ, чтобы посмотрѣть на новаго учителя. Его блѣдное лицо, тихій пискливый голосъ, близорукость, сильно бѣлокурые волосы, сутуловатость, большіе шаги и неловкія манеры,—вообще вся его наружность показалась ученикамъ очень смѣшною; почему они стали между собою подсмѣиваться надъ нимъ, благообразнаго же и симпатичнаго лица его съ открытымъ широкимъ лбомъ никто и не примѣтилъ [1]).

Но первые же уроки Н. Г., очаровавшіе всѣхъ учениковъ, поразили ихъ своею новизною и необычайностью.

Гимназисты увидѣли, что новый учитель въ своемъ преподаваніи не похожъ на другихъ, все онъ дѣлаетъ по-своему, чего они до сихъ поръ не видѣли и не слышали. Онъ не садится на учительское мѣсто, а ставитъ стулъ около учениковъ, объ учебникѣ Кошанскаго, который всѣмъ опротивѣлъ, даже и не упомянулъ. Вмѣсто него онъ сталъ читать ученикамъ произведенія нашихъ классиковъ: Жуковскаго, Лермонтова, Пушкина и др., о которыхъ гимназисты совершенно не имѣли понятія, и критически разбирать ихъ, и такимъ образомъ, открылъ своимъ юнымъ слушателямъ сокровищницу, изъ которой они могли бы черпать свое образованіе и развитіе. Все это заставляло забыть его внѣшность, плохія манеры и пискливый голосъ: юношей увлекали его новыя для нихъ мысли.

Съ поступленіемъ его въ учителя, безсмысленное зубреніе уроковъ словесности прекратилось и данъ былъ ходъ живому слову и мышленію. Но что въ особенности насъ поразило,—разсказываетъ одинъ изъ учениковъ Чернышевскаго,—то это его живая понятная намъ рѣчь и затѣмъ его уваженіе къ нашей личности, которая подвергалась всевозможнымъ униженіямъ со стороны нашего начальства и учителей. Мы не понимали и не могли даже представить подобнаго отношенія учителя къ ученикамъ, почему мы стѣснялись и даже дичились новаго учителя; не могли говорить и отвѣчать на его вопросы, какъ слѣдуетъ, и только-что начали было

---

[1]) Для сравненія описанія наружности Чернышевскаго см. „Русскую Старину" 1889 г. ноябрь и автобіографію Костомарова. „Русская Мысль" 1885 г. книга VI, стр. 24. См. также въ „Русской Старинѣ" 1889 ст. *Н. Г. Чернышевскій* прот. А. И. Розанова.

освоиваться съ его пріемами преподаванія, какъ окончили курсъ. Слѣдующіе за нами ученики были счастливѣе насъ въ этомъ отношеніи [1]).

Его преподаваніе словесности было своеобразное и не обычное. При обученіи онъ держался сократической методы.

Онъ бесѣдовалъ съ учениками, какъ равный съ равными, наводилъ ихъ вопросами на возраженія и опроверженія, и доводилъ ихъ до пониманія урока; кромѣ того, въ классѣ онъ читалъ, или разсказывалъ, или указывалъ недостатки ученическихъ сочиненій, въ обсужденіи которыхъ принимали участіе всѣ ученики. Онъ умѣлъ упростить преподаваніе настолько, что даже трудные предметы становились у него темою для бесѣдъ съ учениками и были имъ понятны.

Уроки его, кромѣ того, отличались особенною полнотою.

Въ учебникѣ теоріи словесности Кошанскаго былъ параграфъ о наукахъ и ихъ раздѣленіи. Другой преподаватель ограничился бы перечисленіемъ ихъ и раздѣленіемъ, но Н. Г. не удовольствовался этимъ: онъ далъ понятіе о всѣхъ наукахъ, входящихъ въ гимназическій курсъ; кромѣ того, онъ говорилъ о способѣ ихъ изученія и ихъ относительной важности. Случаи, гдѣ приходилось давать вводныя объясненія по другимъ наукамъ, бывали часты, тѣмъ болѣе, что онѣ проходились плохо, и ученики не знали ихъ. Особенно много объяснялъ онъ по исторіи. Такъ какъ преподаваніе словесности тѣсно связано съ исторіею, то Н. Г., зная невѣжество учениковъ въ этомъ предметѣ, принужденъ былъ для объясненія какого-либо литературнаго памятника излагать историческіе факты и освѣщать ихъ. Вообще, онъ указалъ гимназистамъ путь къ самообразованію и поселилъ въ нихъ охоту и стремленіе къ усовершенствованію. Уроки его проходили очень оживленно; всѣ слушали его со вниманіемъ; даже шалуны и рѣзвые мальчики, нарушавшіе занятія у другихъ учителей, на урокахъ Н. Г. сидѣли смирно. Нарушеніе тишины въ классѣ у него было исключительнымъ случаемъ, о которомъ и теперь помнятъ; его уроки были для всѣхъ интересны; кромѣ того онъ умѣлъ однимъ мѣткимъ замѣчаніемъ усмирить и осадить самаго рѣзваго шалуна. На виду всѣхъ учениковъ гимназистъ Егоровъ, сынъ совѣтника Палаты Государственныхъ Имуществъ, бросилъ въ своего товарища комкомъ бумажки, будучи увѣренъ, что Н. Г. не замѣтитъ, но ошибся въ своемъ предположеніи. Николай Гавриловичъ ловко усмирилъ его. „Что вы, Егоровъ, бросаете бумажками?“ сказалъ Н. Г. „Я на вашемъ мѣстѣ пустилъ бы въ него камнемъ.

[1]) Разсказчикъ кончилъ курсъ въ Саратовской гимназіи въ 1851 г.

Да-съ. А вы какъ думаете?“ Мальчикъ очень сконфузился, и съ тѣхъ поръ при Н. Г. не рѣшался шалить въ классѣ.

Шалости, которыя продѣлывали ученики въ классѣ другихъ учителей, у Н. Г. не имѣли уже цѣли. Бытъ учениковъ того времени былъ отличный отъ настоящаго; точно также и понятія учениковъ объ отношеніяхъ ихъ къ учителямъ были совершенно иныя. Учитель и ученики обыкновенно представляли изъ себя два враждебные лагеря, которые старались, сами не сознавая того, сдѣлать что-либо непріятное другъ другу или поднять на смѣхъ другъ друга. Бросать въ классѣ бумажками и продѣлывать другія подобныя шалости въ присутствіи учителей былъ страшный рискъ: можно поплатиться за это, смотря по расположенію учителя, и даже подвергнуться болѣе или менѣе тяжелому наказанію, поэтому бросаніе предметовъ въ присутствіи учителей считалось признакомъ ухарства и храбрости, которыми обыкновенно ученики щеголяли. Они ради этого терпѣли побои, порку и другія наказанія. Но Н. Г. не видѣлъ въ подобномъ дѣйствіи учениковъ никакого преступленія и не придавалъ никакого значенія подобнымъ фактамъ, поэтому, и самая шалость въ глазахъ учениковъ уже не имѣла смысла, и отъ учениковъ подобный шалунъ, какъ нарушитель тишины, мѣшавшій слушать интересныя для нихъ объясненія учителя, заслуживалъ только презрѣнія и названія невѣжи. Вотъ почему на урокахъ Н. Г. ученики не дѣлали никакихъ шалостей, которыя съ особеннымъ удовольствіемъ производили они при другихъ учителяхъ. Другой случай нарушенія классной дисциплины на урокѣ Н. Г. произошелъ въ IV классѣ, и это тоже былъ тамъ единственный случай. Ученикъ Пасхаловъ [1]) предъ урокомъ Н. Г. досталъ гдѣ-то книгу: „Иллюстрированная жизнь животныхъ Гранвиля“, зоологическіе карикатурные рисунки которой такъ заинтересовали его, что онъ разсматривалъ ее и при Н. Г. Художественная жилка сказались въ немъ: онъ забылъ все окружавшее и потому переворачивалъ съ шумомъ листы книги и смѣялся. Обыкновенно въ классѣ при Н. Г. бывало такъ тихо, что даже малѣйшее движеніе уже было замѣтно и нарушало классную дисциплину, потому шелестъ листовъ и смѣхъ Пасхалова мѣшали занятіямъ, невольно заставляя другихъ оборачиваться и смотрѣть на него. Н. Г. раза два попросилъ Пасхалова не мѣшать занятіямъ; но тотъ, увлеченный болѣе рисунками, чѣмъ объясненіями учителя, продол-

---

[1]) Викторъ Никандровичъ Пасхаловъ, извѣстный композиторъ (р. 18 апр. 1840 года, умеръ 1 марта 1871 г. въ Казани). Замѣчательны его романсы: „Дитятко, милость Господня съ тобою“, „Что, моя милая, что моя пѣжная“, „Подъ душистою вѣтвью сирени“.

жалъ попрежнему смѣяться и шелестить листами, что вызвало даже неудовольствіе на лицахъ многихъ учениковъ.

Другой учитель на мѣстѣ Н. Г. безъ всякихъ разговоровъ наказалъ бы ученика за подобный поступокъ, или поставилъ бы на колѣни, или въ уголъ, или оставилъ бы ученика безъ обѣда, или оттрепалъ бы его за уши; но Н. Г. въ продолженіе всей учительской службы никогда никого не наказывалъ, и это былъ единственный случай, когда онъ былъ вынужденъ сдѣлать ученику замѣчаніе. „Мы два раза замѣчали вамъ“, обратился онъ къ Пасхалову, отъ лица всѣхъ учениковъ, „что бы вы не мѣшали нашей бесѣдѣ, но вы не обратили на это никакого вниманія. Мы теперь вынуждены и имѣемъ право просить васъ, чтобы вы не безпокоили насъ, уйти изъ класса, и дѣлать то, что вы желаете, если наша бесѣда вамъ не нравится“.

Не довольствуясь классными занятіями, Н. Г. приглашалъ изрѣдка учениковъ старшихъ классовъ къ себѣ на квартиру, въ домѣ отца, гдѣ совмѣстно съ знаменитымъ впослѣдствіи историкомъ Н. И. Костомаровымъ [1]), развивалъ путемъ чтенія и бесѣдъ съ ними. Съ этою цѣлью Н. Г. часто давалъ ученикамъ на домъ читать книги, которыхъ у него было много, или сами ученики просили его объ этомъ, послѣ класса, когда чтеніе какой-либо книги увлекало ихъ; при чемъ, иногда выходили комическія сцены. Разъ по окончаніи урока одинъ изъ его учениковъ сталъ просить его дать ему ту книгу, по которой Н. Г. читалъ имъ въ классѣ „Вы не поймете ее“, сказалъ Н. Г.—„Отчего же не понять?“ возразилъ ученикъ. Вмѣсто отвѣта Н. Г. подалъ ученику книгу на англійскомъ языкѣ, по которой онъ читалъ въ классѣ совершенно свободно, какъ русскую. Сконфуженный ученикъ, при хохотѣ товарищей, отошелъ отъ Н. Г. Особенно памятны были для учениковъ литературныя бесѣды, которыя велись въ гимназіи каждый мѣсяцъ по вечерамъ [2])!

Глава V (X).

На Саратовскомъ Воскресенскомъ кладбищѣ, около церкви, по правую ея сторону, находится памятникъ, который состоитъ изъ скалы, увѣнчанный крестомъ съ якоремъ и сердцемъ, символами вѣры, надежды и любви. На лицевой сторонѣ сердца надпись золотыми буквами гласитъ:

---

[1]) Первоначально было добавлено: *котораго одолѣвала скука и тоска.* (Тогда Костомаровъ жилъ въ Саратовѣ, какъ ссыльный). А. Л.

[2]) О Чернышевскомъ, какъ педагогѣ, разсказываетъ и Вороновъ въ книгѣ „Болото“.

„Здѣсь покоится прахъ статскаго совѣтника Любима Петровича Круглова, директора училищъ Саратовской губерніи, скончавшагося 24 августа 1847 г. на 38 г. отъ рожденія. Онъ оставилъ послѣ себя жену и пятерыхъ дѣтей“ [1]. На противоположной сторонѣ читаемъ: „Отъ любимыхъ любимому благородному начальнику“. Кругловъ, симпатичный и гуманный директоръ, запечатлѣлъ добрую и хорошую память о себѣ въ сердцахъ своихъ учениковъ, теперь очень почтенныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ государственной службы; онъ и въ жизни руководствовался, по словамъ А. Г. Ровинскаго, доставившаго намъ свѣдѣнія объ этомъ почтенномъ дѣятелѣ, тѣми принципами, символы которыхъ сочли нужнымъ поставить на памятникѣ учителя его сослуживцы вмѣстѣ съ учениками. Это былъ единственный директоръ Саратовской гимназіи дореформеннаго времени, который пользовался такою большою любовію со стороны учителей и учениковъ.

Учителей онъ заставлялъ заниматься не силою своей власти, а дружескимъ обращеніемъ съ ними и своимъ примѣромъ. Какъ нарочно его время совпало со многими нововведеніями въ гимназіи: очень плохіе учебники смѣнились сравнительно лучшими, гимназія пріобрѣла много учебныхъ пособій: географическихъ ландъ-картъ, физическихъ приборовъ и пр. Пансіонъ при гимназіи, благодаря Круглову, былъ въ хорошемъ состояніи. Хотя пища была простая, такъ какъ отпускалось на человѣка по 10 коп., но сытная; на завтракъ подавался сбитень или молоко, на обѣдъ три блюда, а на ужинъ—два. Старшіе ученики обыкновенно наблюдали за провизіею и доносили ему рапортомъ. Къ невиннымъ шалостямъ гимназистовъ онъ относился снисходительно, но дурные поступки учениковъ онъ строго преслѣдовалъ и каралъ черезъ инспектора Ивана Антоновича Ганусовича [2], который хотя и добрый и знающій былъ человѣкъ, такъ что ученики всегда имѣли доступъ къ нему для объясненія уроковъ и для своихъ надобностей, но съ большимъ удовольствіемъ поролъ учениковъ, при чемъ даже проявлялъ жестокость, такъ что былъ переведенъ за это въ другой городъ. Представляя во всемъ противоположность своему предшественнику, Гине, Кругловъ проявлялъ педагогическій тактъ, которымъ природа надѣлила его щедро;

---

[1] Кругловъ, желая избѣжать холерной эпидеміи, бывшей въ 1847 г., жилъ отдѣльно отъ семейства въ классной комнатѣ, куда подавалась ему въ форточку пища. Несмотря на эти и другія предосторожности, холера сразила его, сильнаго, здороваго (послѣдніе два слова зачеркнуты. *А. Л.*).

[2] Ганусовичъ, по выходѣ въ отставку, поселился въ Саратовѣ, былъ постояннымъ посѣтителемъ дворянскаго собранія, гдѣ даже и умеръ, чуть ли не за карточнымъ столомъ.

почему все, что вводилось въ гимназіи хорошаго, даже по распоряженію начальства, ученики приписывали своему любимому начальнику. Начало литературныхъ вечеровъ въ Саратовской гимназіи, по увѣренію его учениковъ, тоже совпадаетъ съ директорствомъ Круглова и отнесено учениками къ его почину, хотя, какъ извѣстно, они введены были по распоряженію начальства. Живой, подвижной, умный, образованный, Кругловъ принималъ самое дѣятельное участіе въ литературныхъ бесѣдахъ: однихъ учениковъ онъ подзадоривалъ на возраженія, другихъ поддерживалъ въ спорахъ, третьихъ хвалилъ, четвертыхъ наводилъ на вопросы и возраженія. Въ учителѣ, Ѳедорѣ Павловичѣ Волковѣ, онъ нашелъ себѣ дѣятельнаго помощника. „Волковъ", по словамъ А. Г. Тихменева [1]), „пріохочивалъ учениковъ къ письменнымъ упражненіямъ. Съ какимъ ѣдкимъ, но вмѣстѣ снисходительнымъ, остроуміемъ, съ какимъ тактомъ поражалъ онъ недостатки этихъ упражненій!" Замѣститель Круглова, директоръ Валерьянъ Александровичъ Лубкинъ, былъ ничтожнѣйшая личность, запятнавшая себя взятками, которыя онъ бралъ черезъ штатнаго смотрителя Саратовскаго уѣзднаго училища, Василія Ивановича Коршунова. Онъ мало обращалъ вниманія на учебное дѣло и литературныя бесѣды при немъ шли вяло; онъ и къ нимъ относился безучастно, даже не слушалъ, что говорили ученики. Но, при всемъ томъ, съ самаго начала литературныхъ бесѣдъ дѣло ихъ даже при Кругловѣ было поставлено на ложную дорогу: темы для сочиненій давались [2]) философскаго содержанія и вообще были отвлеченныя, на что указывали учебники того времени, почему не всѣ ученики могли принимать участіе въ этихъ бесѣдахъ, а равно и писать сочиненія; кромѣ того учителя, инспектора и директора во время бесѣдъ большею частію были, за исключеніемъ Круглова, не руководителями ихъ, а тѣми же грозными начальниками, какими они были всегда по отношенію къ ученикамъ.

Правильная постановка дѣла литературныхъ бесѣдъ въ Саратовской гимназіи принадлежитъ, по увѣренію его учениковъ, Н. Г., которому изъ-за нихъ пришлось выдержать съ директоромъ Мейеромъ, смѣнившимъ Лубкина, переведеннаго въ 1851 г. въ Пензу, споръ, окончившійся пораженіемъ Мейера. Н. Г. настоялъ на томъ, чтобы темы для сочиненій были доступны для учениковъ, и чтобы ученики во время бесѣдъ были на равныхъ отношеніяхъ къ начальству и учителямъ, и тогда характеръ литературныхъ бесѣдъ принялъ другое направленіе, полезное для дѣла. Гимназисты VI и

---

[1]) Сочиненія Э. И. Губера, т. III, стр. 240.

[2]) Здѣсь было прибавлено, но потомъ зачеркнуто: *богословскаго и... А. Л.*

VII класса, которые принимали участіе въ бесѣдахъ, по долгу трудились надъ этими сочиненіями: они рылись въ библіотекахъ, отыскивая книги, касавшіяся темы сочиненія, и должны были перечитывать много книгъ, что способствовало самодѣятельности учениковъ. Какъ много работали ученики, можно заключить даже изъ объема сочиненій; нѣкоторые писали сочиненія листахъ на 14 и болѣе. Трое гимназистовъ были оппонентами по назначенію учителя, а другіе трое, вмѣстѣ съ авторомъ сочиненія, защищали его. Остальные гимназисты, учителя и начальство могли дѣлать возраженія, которыя, вмѣстѣ съ отвѣтами, записывались секретаремъ на сочиненіяхъ. Ученики сами выбирали секретаря, которымъ большею частію бывалъ Ломтевъ, очень мягкій и симпатичный учитель, почти идеальной честности. Всѣ сочиненія вмѣстѣ съ возраженіями и отвѣтами на нихъ, записанными на поляхъ секретаремъ или преподавателемъ, отсылались къ попечителю Казанскаго учебнаго округа, военному генералу Молоствову [1]).

VI (XI).

Нравился Николай Гавриловичъ Чернышевскій ученикамъ своимъ въ Саратовской гимназіи и тѣмъ, что не спрашивалъ уроковъ; о познаніяхъ учениковъ онъ судилъ по разговорамъ и по бесѣдамъ съ ними, а также по сочиненіямъ, возраженіямъ и спорамъ, которые бывали въ классѣ. При его преподаваніи не было закоренѣлыхъ лѣнтяевъ, не желавшихъ заниматься, какъ бывало у другихъ учителей, такъ что онъ всѣмъ ученикамъ ставилъ хорошія отмѣтки: 3, 4 и 5.

Учебники теоріи, словесности и исторіи литературы были оставлены въ сторонѣ. Дѣлая теоретическіе выводы изъ разбора отечественныхъ писателей, Н. Г. не считалъ нужнымъ задавать уроки по учебникамъ, которые были недоступны по своей отвлеченности для гимназистовъ. Пересказывать ихъ своими словами было нельзя: ихъ дѣйствительно нужно было „зубрить", безъ всякаго пониманія, что даже замѣтно было по отвѣтамъ учениковъ, которые произносили свои уроки совершенно однообразнымъ голосомъ, безъ малѣйшаго выраженія. Вѣроятно, многіе помнятъ исторію Устрялова, написанную отвлеченною періодическою рѣчью. Фразы: „одна кобылица родила зайца", „одна дѣвочка родилась смѣхомъ", находившіяся въ учебникѣ греческаго языка, поражаютъ своею безсмысленностію. Учебники словесности тоже были наполнены примѣрами, надъ ко-

---

[1]) О литературныхъ бесѣдахъ говоритъ и Вороновъ.

торыми глумились ученики, въ родѣ такихъ: „Се росска Флакка зракъ".

„Се тотъ, кто, какъ и онъ".

„Въ высь быстро, какъ птицъ царь, порхъ вверхъ на Геликонъ". Вотъ почему Н. Г. не напоминалъ ученикамъ объ учебникахъ. „Учебникъ нуженъ только для экзаменовъ", говорилъ онъ, „а къ каждому уроку незачѣмъ зубрить его: лучше читайте побольше книгъ". И ученики читали. Старая дореформенная школа, подвергающаяся теперь порицанію, имѣла и свои хорошія стороны. Такъ, тогда ученикъ не былъ заваленъ уроками, которые онъ училъ предъ классами, во время перемѣнъ, особенно если былъ съ хорошими способностями, все же внѣклассное время онъ, оставаясь безъ училищнаго надзора, могъ проводить по своему усмотрѣнію [1]). Такимъ образомъ самодѣятельности ученика открывался большой просторъ, и потому отъ него зависѣло, какъ воспользоваться своимъ досугомъ. Выше было сказано, что Н. Г. пріохотилъ учениковъ къ чтенію, на что они употребляли свободное время, при чемъ онъ руководилъ ихъ выборомъ книгъ и объяснялъ имъ прочитанное. А такъ какъ у учениковъ было много свободнаго времени, то они читали очень много. Черезъ разумное чтеніе, подъ руководствомъ Н. Г., ученики усвоили больше, чѣмъ по устарѣлымъ учебникамъ, а главное — сознательно. Въ Казанскомъ университетѣ на пріемныхъ экзаменахъ саратовскіе гимназисты по своимъ познаніямъ считались лучшими, въ особенности они хорошо составляли сочиненія. Профессоръ Казанскаго университета, экзаменовавшій учениковъ Саратовской гимназіи по словесности, на пріемныхъ экзаменахъ обыкновенно говорилъ: „О вашихъ познаніяхъ свидѣтельствуетъ уже то, что вы — ученики Чернышевскаго".

За все это ученики и уважали, и любили Н. Г. Какимъ обаяніемъ учащихся пользовался Н. Г., видно изъ того, что многіе бывшіе его ученики всю жизнь гордились тѣмъ, что учились у него. „Кто былъ ученикомъ Н. Г. въ Саратовской гимназіи, тому незачѣмъ поступать въ университетъ, гдѣ даже не услышишь и не узнаешь того, о чемъ Н. Г. подробно говорилъ", увѣряли многіе его ученики, — до такой степени они восторженно преувеличивали его значеніе въ ихъ умственной жизни. Несравненно полнѣе дѣлаетъ оцѣнку педагогической дѣятельности ученикъ Н. Г. Виссаріонъ

---

[1]) *Здѣсь дальше зачеркнуто*: Захарьинъ, ученикъ Саратовской гимназіи, извѣстный московскій врачъ, не имѣя возможности по своей бѣдности пріобрѣтать учебниковъ, никогда не готовилъ дома уроковъ, употребляя свободное время на чтеніе, и несмотря на это, онъ былъ первымъ ученикомъ во всѣхъ классахъ, за что получалъ награды. *А. Л.*

Ивановичъ Дурасовъ. „Среди смѣшного и дурного въ бытность мою въ гимназіи было хорошее и свѣтлое“, говоритъ Дурасовъ въ той же вышеупомянутой статьѣ; „въ послѣдніе годы моего пребыванія въ заведеніи, это хорошее и свѣтлое тѣсно связано съ воспоминаніями объ одномъ изъ учителей [1]), имѣвшемъ громадное и благотворное вліяніе на умственное и нравственное развитіе своихъ учениковъ. Достаточно указать на одинъ выдающійся фактъ. Прежде Саратовская гимназія давала университетамъ изъ 15 — 17 учениковъ, оканчивавшихъ курсъ, много трехъ, четырехъ студентовъ, а въ 1853 г., когда я окончилъ курсъ въ гимназіи, изъ того же числа выпущенныхъ гимназистовъ ихъ сразу 10 человѣкъ отправилось въ университеты, и надобно замѣтить,—что это было въ пору безразсвѣтнаго мрака, окутывавшаго русскую общественную жизнь; насъ влекло въ университеты не стремленіе къ рублю и къ карьерѣ, стремленіе, преобладающее въ теперешнемъ молодомъ поколѣніи, а стремленіе болѣе идеальное и возвышенное“.

VII (XII).

Изъ всего разсказаннаго видно, что Н. Г. представлялъ противоположность всему строю тогдашняго воспитанія и обученія, и потому долженъ былъ поневолѣ встать въ разладъ со всѣми установившимися обычаями и привычками. Это - то и должно было поселить къ нему во многихъ неудовольствіе и даже вражду. Особенно недоволенъ былъ имъ директоръ гимназіи, Алексѣй Андреевичъ Мейеръ [2]). Это былъ сухой, безсердечный холостякъ; типичный представитель николаевскихъ временъ. Будучи проникнутъ имъ до мозга костей, онъ ничего не требовалъ отъ учителей и учениковъ, кромѣ соблюденія формальной стороны дѣла [3]), педагогическихъ же вопросовъ онъ не касался. Если кто-нибудь и

---

[1]) Н. Г. Чернышевскій.

[2]) О Мейерѣ см. 1) Дневникъ А. В. Никитенко. „Рус. Старина“, 1890 г. май, стр. 278. 2) Воспоминанія педагога, М. А. Лакомте, журналъ „Гимназія“, 1889 г. № 1, стр. 14 и 15 и № 8, стр. 346, 347 и 348. 3) Саратовъ въ былое время. „Саратовскій Дневникъ“, 1888 г. №№ 202 и 204. 4) Вороновъ, М. Болото. Картины петербургской, московской и провинціальной жизни. СПБ. 1870 г., стр. 110—113. Въ послѣднихъ двухъ статьяхъ изображается Саратовская гимназія въ періодъ педагогической дѣятельности Н. Г. Чернышевскаго въ Саратовѣ.

[3]) До какой пустой формальности доходилъ Мейеръ, видно даже изъ того, что онъ требовалъ, чтобы въ прошеніяхъ, подаваемыхъ на его имя гимназистами, послѣ словъ: „директору училищъ“ непремѣнно было бы написано: „и кавалеру“; прошеній безъ послѣднихъ словъ Мейеръ не принималъ.

заводилъ рѣчь относительно педагогическаго дѣла, то Мейеръ или уходилъ, или отдѣлывался общими фразами.

Отношенія его къ ученикамъ ограничивались только выговорами и замѣчаніями за самую ничтожную вещь. Безъ замѣчаній онъ, какъ человѣкъ желчный и раздражительный, почти не проходилъ мимо учениковъ. Всякая неисправность во внѣшности учениковъ, въ родѣ длинныхъ волосъ, приводила его въ изступленіе. „На барабанѣ велю остричь волосы, если ты не острижешь ихъ къ завтрашнему дню“, кричалъ онъ на ученика, при чемъ называлъ его „прогрессистомъ“ и каналіею. Наблюдая за учениками и учителями, которые часто манкировали своими обязанностями, Мейеръ относился одинаково къ тѣмъ и другимъ: свысока, по-начальнически; чуждался общества учителей и не велъ съ ними знакомства, считая это за униженіе собственнаго достоинства, даже въ карты въ клубѣ или гостяхъ игралъ съ особами не ниже статскаго совѣтника, какимъ чиномъ наградила его судьба. Каждый день онъ появлялся въ гимназію и требовалъ, чтобы учителя своевременно уходили на классныя занятія; появлялся на нѣсколько минутъ на урокъ къ преподавателямъ и спрашивалъ учениковъ, которымъ задавалъ вопросы, иногда не относившіеся къ уроку и даже предмету. Чаще всего онъ заходилъ на уроки къ тѣмъ учителямъ, которыми былъ чѣмъ-нибудь недоволенъ. Посѣщенія Мейера, дѣйствительно, приносили пользу тому классу, гдѣ учителя, какъ бывало тогда, ничего не дѣлали, или послѣ безсонной ночи, проведенной въ игрѣ въ карты съ выпивкой, дремали или спали въ классѣ, или занимались чтеніемъ газетъ или книгъ, предоставляя ученикамъ дѣлать то, что хотѣли, или же вели бесѣды на темы, вовсе не относившіяся къ учебному дѣлу. Директору Мейеру до сихъ поръ приходилось, большею частію, вести дѣло обученія именно съ подобными педагогами, изъ которыхъ многіе были даже уволены за это. Онъ и привыкъ повсюду видѣть имъ подобныхъ. Ревизіи, которыя онъ производилъ, какъ директоръ училищъ, въ уѣздныхъ училищахъ, тоже бывали съ тою цѣлью, чтобы поймать пьяныхъ учителей, уличить въ пьянствѣ и распечь ихъ, какъ слѣдуетъ; но онъ не считалъ нужнымъ доносить о безпорядкахъ начальству и даже заступался передъ нимъ за учителей. Разъ попечителю Казанскаго учебнаго округа прислано было анонимное письмо, въ которомъ были описаны похожденія саратовскихъ педагоговъ, какъ истыхъ пьяницъ, о чемъ попечитель сказалъ Мейеру. На это онъ съ гордостью отвѣтилъ: „У меня пьяницъ нѣтъ, но есть люди пьющіе, какъ и вездѣ“. Хотя составъ учителей при Н. Г. измѣнился много къ лучшему, но большинство изъ нихъ вело и держало себя съ

учениками подобно прежнимъ учителямъ. Какъ смотрѣли на гимназію сами ученики, можно нѣсколько судить по слѣдующей пѣсенкѣ, которую они часто распѣвали.

Скоро ль настанетъ время
Сказать гимназіи: прощай!..
И скоро ль настанетъ время,
Когда мы увидимъ рай?
Ужъ намъ наскучили петлицы,
Галунъ, фуражки и мундиръ,
И всѣ учительскія лица,
И нашъ директоръ командиръ.

Эта пѣсенка приходилась имъ по душѣ; они выражали въ ней свое неудовольствіе на то учебное заведеніе, которое ихъ воспитывало. Въ то еще недалекое отъ насъ время воспитатели и учителя юношества не были знакомы съ основными понятіями педагогики и не были проникнуты ни чувствомъ собственнаго достоинства, ни чувствомъ долга; поэтому, на глазахъ учениковъ продѣлывали то, что оскорбляло и унижало молодое сердце.

Для учителей, честно относившихся къ своимъ обязанностямъ, посѣщенія Мейера были совершенно безполезны; онъ только отрывалъ учителей отъ дѣла, и какъ человѣкъ, мало свѣдущій въ педагогикѣ, не могъ подать совѣта молодымъ учителямъ и вообще не оказывалъ никакого вліянія на улучшеніе преподаванія; кромѣ того, и учителя, и ученики презирали его.

Директору Мейеру не могъ нравиться Н. Г., который, какъ мы видѣли, не спрашивалъ уроковъ, не ставилъ ученикамъ балловъ въ журналѣ и, вообще, пренебрегалъ формальной стороной дѣла. Въ особенности раздражало и приводило въ бѣшенство Мейера то, что Н. Г. иронически относился не только къ гимназическимъ порядкамъ, но и ко многимъ явленіямъ русской жизни. Педагогическое поприще для Н. Г. было слишкомъ мало и узко, не въ такой дѣятельности нуждалась его натура, полная силъ и съ огромными знаніями. Его тянулъ къ себѣ Петербургъ, гдѣ онъ могъ бы развернуть свои силы вполнѣ. Онъ и смотрѣлъ на учительское занятіе какъ на временное, за которое онъ взялся въ угожденіе своимъ родителямъ, которыхъ онъ искренно любилъ. Но будущій публицистъ, рьяный, восторженный, съ злою эпиграммою, сказался въ немъ и въ гимназіи; онъ, какъ выражались тогда, развивалъ учениковъ и подготовлялъ ихъ къ болѣе широкому пониманію вопросовъ. При прохожденіи словесности, особенно при чтеніи писателей, онъ касался мимоходомъ и тѣхъ язвъ, которыя разъѣдали тогда

русское общество и которыя были исцѣлены въ царствованіе царя-Мученика. Крѣпостное право, судъ, воспитаніе [1]), политическія [2]) науки и т. п. темы, о которыхъ было запрещено разсуждать даже въ печати, были предметами бесѣдъ его съ учениками не только въ классѣ, но и внѣ его: вездѣ, при каждомъ удобномъ случаѣ, онъ вступалъ съ учениками въ разговоръ и высказывалъ имъ свои новые взгляды на предметы. Безпрепятственно онъ заинтересовывалъ учениковъ новыми идеями; иногда даже при Мейерѣ, котораго онъ глубоко презиралъ, не стѣснялся высказывать свои взгляды.

Директоръ Мейеръ нескоро узналъ, что у него въ гимназіи дѣлается не то, чего онъ хотѣлъ; затѣмъ онъ увидѣлъ, что Н. Г. его дурачитъ, и что онъ шелъ въ разрѣзъ со всѣми его взглядами, и ученики тоже замѣчали, что между ними происходитъ затаенная борьба. Въ первые же мѣсяцы Мейеръ узналъ, что Н. Г. не всегда ставитъ отмѣтки въ журналѣ, или, если и ставитъ, то не чернилами, а карандашомъ.

„Что это Чернышевскій допускаетъ какую вольность? Онъ въ журналѣ отмѣтки ставитъ карандашомъ. Велите ученикамъ подавать ему чернила“, говорилъ Мейеръ инспектору въ корридорѣ при ученикахъ. Когда же инспекторъ потребовалъ отъ Н. Г., чтобы онъ писалъ отмѣтки чернилами, то онъ на это отвѣчалъ: „отъ этого знанія учениковъ не прибавятся“.

Страннымъ показалось Мейеру, на первыхъ порахъ, и то, что, несмотря на его требованіе, чтобы Н. Г. подписался подъ свидѣтельствомъ о состояніи суммъ гимназической кассы, онъ не хотѣлъ этого сдѣлать: Н. Г. зналъ всю исторію о растратѣ суммъ Гине, о чемъ было разсказано выше, а также то, какъ учителя поплатились за это, почему и не хотѣлъ угодить въ подобную же исторію. Гимназисты стали замѣчать, что Мейеръ не только часто заглядывалъ въ дверное классное окошко, чтобы посмотрѣть, что дѣлается въ классѣ, но и заходитъ въ классъ къ Н. Г., спрашиваетъ учениковъ, дѣлаетъ имъ замѣчанія и даже кричитъ на нихъ. Н. Г. дорожилъ каждою минутою, чтобы побесѣдовать съ учениками и передать имъ какія-либо свѣдѣнія; поэтому можно себѣ представить, какъ возмущали его безцѣльныя посѣщенія Мейера, прерывавшія только занятія: въ особенности онъ никакъ не могъ помириться съ тѣмъ, что Мейеръ въ его присутствіи унижалъ и оскорблялъ учениковъ, и Н. Г., какъ замѣтили ученики, сталъ противодѣйствовать

---

[1]) *Здѣсь было добавлено*, религія *А. Л.*

[2]) *Было добавлено*, и естественныя *А. Л.*

этимъ посѣщеніямъ: онъ давалъ чувствовать, какъ непріятны ему они. Войдетъ, бывало, Мейеръ въ классъ; а Н. Г. разсказываетъ о чемъ-нибудь. „Спросите учениковъ урокъ“, скажетъ Мейеръ.— „Я еще не кончилъ своихъ объясненій. Позвольте прежде окончить ихъ, и тогда я спрошу урокъ ученика по вашему выбору“, скажетъ Н. Г. Но Мейеръ, недовольный такимъ отвѣтомъ, повернется, не сказавъ ни слова, и уйдетъ изъ класса. Привыкнувъ видѣть, какъ другіе учителя безпрекословно исполняли каждое желаніе Мейера, ученики сочли такой отвѣтъ Н. Г. уже противодѣйствіемъ Мейеру. Иногда Н. Г. при входѣ Мейера въ классъ вовсе прекращалъ занятія. „Что вы дѣлаете?“—спроситъ онъ Н. Г. „Продолжайте ваши объясненія“.—„Не могу, утомился“, отвѣтитъ онъ: „да и ученики тоже устали: нужно и имъ дать отдыхъ“.—Выслушавъ это, Мейеръ уходилъ.

Чаще же всего Н. Г., при входѣ Мейера, прерывалъ объясненія и спрашивалъ учениковъ, или начиналъ рѣчь о другомъ. Прибѣгалъ Н. Г. и къ другимъ пріемамъ, чтобы поскорѣе заставить Мейера уйти изъ класса. Мейеру нельзя было смѣяться и хохотать безъ боли, у него вставлена была въ носу пластинка. Когда же Мейеръ входилъ въ классъ, Н. Г. примется разсказывать что-нибудь смѣшное, что возбуждало въ ученикахъ смѣхъ, а Мейера заставляло уходить изъ класса.

Большое столкновеніе съ Мейеромъ у Н. Г. произошло на экзаменѣ. „Тяжело было сидѣть съ директоромъ Мейеромъ на экзаменахъ: неумѣстными и невѣрно поставленными вопросами онъ часто сбивалъ ученика и безъ того слабаго въ своихъ познаніяхъ“, говоритъ М. А. Лакомте, авторъ статьи: „Воспоминанія педагога“, журналъ „Гимназія“ 1889 г. Кромѣ того, недовольство учителемъ у Мейера отражалось на ученикахъ, къ которымъ онъ тогда особенно придирался.

Также держалъ себя Мейеръ и на экзаменѣ словесности при Н. Г., который просилъ даже посредничества учителя, присутствовавшаго на экзаменѣ, по поводу несогласія въ отмѣткахъ ученикамъ; но товарищъ Н. Г., при всемъ своемъ желаніи порѣшить споръ, промолчалъ, изъ опасенія навлечь на себя гнѣвъ директора, имѣвшаго привычку мстить, о чемъ всѣ учителя знали; кромѣ того директоръ былъ незнакомъ съ новѣйшими пріемами преподаванія, такъ что Н. Г. приходилось не соглашаться во многомъ съ Мейеромъ и объяснять ему.

Особенно Н. Г. настаивалъ на томъ, чтобы одному ученику поставлена была на экзаменѣ хорошая отмѣтка, а не дурная, какъ хотѣлъ Мейеръ. Н. Г. имѣлъ, какъ извѣстно, сильный характеръ:

онъ умѣлъ владѣть собою и потому держалъ себя ровно, спокойно и невозмутимо. Вотъ какъ говоритъ объ этой чертѣ характера Чернышевскаго Н. А. Добролюбовъ въ письмѣ къ своему товарищу Бордюгову въ 1859 г.

„Читай, читай и читай пятый томъ „Исторической Библіотеки", недавно вышедшей: тамъ Шлоссеръ разсказываетъ о французской революціи. Это—блаженство читать его разсказъ. Я ничего подобнаго не читывалъ. Ни признака азарта, никакого фразерства, такъ непріятнаго у Луи Блана и даже Прудона; все спокойно, ровно, умѣренно. Прочитаешь его и увидишь, что П. О. (Чернышевскій) вышелъ изъ *его* школы" [1]).

Но придирчивость Мейера къ ученикамъ, грубое и дерзкое его отношеніе къ нимъ и несправедливая оцѣнка успѣховъ учениковъ довели Н. Г. до того, что онъ вышелъ изъ класса до окончанія экзамена. По увѣренію его бывшихъ учениковъ, дѣло объ этомъ доходило до попечителя Казанскаго учебнаго округа, который прислалъ для разслѣдованія дѣла окружного инспектора, признавшаго требованія Н. Г. справедливыми.

Вскорѣ послѣ экзаменовъ Н. Г. съ нѣсколькими учителями товарищами былъ въ Савушкиномъ саду (первый садъ на берегу Волги къ сѣверу отъ Саратова); Сергѣй Алексѣевичъ Колесниковъ, сослуживецъ Н. Г., математикъ, сталъ говорить ему. „Что вамъ за охота, Н. Г., спорить съ Мейеромъ изъ-за отмѣтокъ? Онъ дуракъ, дуракомъ и останется. Что вамъ ученики, что вы изъ-за нихъ ссоритесь съ директоромъ? Родственники что ли?"—„Я дуракамъ не уступаю", отвѣчалъ на это Н. Г., „если ученикъ слабъ, я ему ставлю дурныя отмѣтки; но я не могу согласиться съ Мейеромъ поставить дурныя отмѣтки ученикамъ, которые знаютъ и отвѣчаютъ на экзаменѣ сносно, тѣмъ болѣе потому, что вижу въ этомъ явныя придирки Мейера къ ученикамъ. Онъ не доволенъ мною, а изъ-за меня страдаютъ ученики. Я не допущу этого" [2]). Несмотря на это, Мейеръ боялся Н. Г.; онъ въ порывѣ гнѣва невольно часто восклицалъ: „какую свободу допускаетъ у меня Ч.! Онъ говорилъ учени-

---

[1]) Матеріалы для біографіи Н. А. Добролюбова, собранные въ 1861 –1862 г., т. 1 изд. Солдатенкова. Москва. 1890 г. стр. 522.—Въ этихъ „Матеріалахъ", представляющихъ много цѣнныхъ данныхъ и для біографіи Н. Г. Чернышевскаго, буквы п. о., поставленныя самимъ Чернышевскимъ—собирателемъ этихъ „Матеріаловъ", замѣняютъ имя и отчество Чернышевскаго, буквы Л—скій, въ одномъ мѣстѣ—NN его фамилію, буква А—Саратовъ.

[2]) Разсказъ бывшаго учителя саратовскаго приходскаго училища, П. Г. Плѣшивцева.

камъ о вредѣ крѣпостного права. Это вольнодумство и вольтерьянство! Въ Камчатку упекутъ меня за него"!

Говорятъ, Мейеръ дѣлалъ Н. Г. замѣчанія относительно преподаванія словесности, запрещая ему читать въ классѣ произведенія Гончарова, Пушкина, Лермонтова, Гоголя и др., и совѣтовалъ ограничиться учебниками, рекомендованными начальствомъ. Н. Г., глубоко презирая его, совершенно игнорировалъ его совѣты, продолжая по-прежнему свои занятія. Чаще и чаще сталъ заглядывать Мейеръ на уроки Н. Г., хотя, какъ и прежде, только на нѣсколько минутъ. Но такъ какъ онъ не могъ въ продолженіе этого времени узнать, что дѣлалось въ классѣ, то онъ выслушивалъ и даже узнавалъ объ этомъ отъ учениковъ и, въ особенности, отъ инспектора, Ангерлина, который считалъ, по словамъ М. А. Лакомте, своею обязанностію доносить директору обо всѣхъ учителяхъ все, что они говорили, или что о нихъ говорятъ въ городѣ, перетолковывая все слышанное по-своему, говорили же о Н. Г. въ городѣ очень много.

Впрочемъ, посѣщенія Мейеромъ уроковъ Н. Г. прекратились послѣ одного инцидента.

Когда Н. Г. съ увлеченіемъ читалъ что-то ученикамъ, является въ классъ Мейеръ. Всѣ ученики при входѣ его встали, но Н. Г. продолжалъ по-прежнему чтеніе, какъ будто Мейера не было въ классѣ. Тогда Мейеръ потребовалъ, чтобы Н. Г. спросилъ учениковъ заданный имъ урокъ. Н. Г., не обращая на его слова никакого вниманія, все читалъ. Спросивъ еще Н. Г. о чемъ-то и не получивъ отъ него отвѣта, Мейеръ, взявъ со стола классный журналъ Н. Г. и не увидѣвъ въ немъ ни одной отмѣтки за цѣлый мѣсяцъ, пришелъ въ ужасъ отъ этого и начальническимъ тономъ высказалъ ему приказаніе исполнять требованіе начальства; но Н. Г. все время читалъ, не переставая, какъ будто не къ нему относилась рѣчь Мейера. Раздосадованный и взбѣшенный этимъ, Мейеръ вышелъ изъ класса, а гимназисты, сдерживавшіе себя при немъ, разразились, по его уходѣ, юмористическимъ хохотомъ, но Н. Г. невозмутимо продолжалъ чтеніе, какъ будто бы въ классѣ ничего не произошло. Съ тѣхъ поръ Мейеръ прекратилъ посѣщеніе уроковъ Н. Г.

Когда случился этотъ фактъ: предъ выходомъ ли его изъ гимназіи, или задолго до него,—не помнятъ; только гимназистамъ онъ ясно показалъ, что гимназія, особенно Мейеръ, очень стѣсняли его дѣятельность, если онъ, будучи сдержаннымъ, такъ отнесся къ визиту Мейера. Но не одинъ Н. Г. тяготился службою съ Мейеромъ. „Служить съ такимъ человѣкомъ (съ Мейеромъ), въ особенности въ провинціи, гдѣ вполнѣ зависишь отъ непосредственнаго началь-

ника, было трудно", говоритъ М. А. Лакомте, авторъ „Воспоминаній педагога". Съ самаго поступленія Н. Г. въ гимназію ученики слышали отъ него, что ненадолго онъ поступилъ въ нее; затѣмъ онъ сказалъ гимназистамъ послѣдняго (7) класса: „когда вы окончите курсъ, и я выйду изъ гимназіи". Но онъ вышелъ изъ нея раньше окончанія экзаменовъ.

VIII (XIII).

Гимназическая корпорація учителей, совершенно игнорировавшая дѣло воспитанія и обученія, не привлекала его къ себѣ, хотя онъ и не чуждался ихъ общества. Учителя жили разобщенно; между ними, кромѣ картъ и водки, не было ничего такого, что бы сплотило ихъ. Н. Г. иронически относился и къ нимъ. „Какъ хороша повѣсть въ „Современникѣ"! Я съ удовольствіемъ читалъ ее", скажетъ кто-нибудь изъ учителей.—„Да, хороша, только для дѣтей, а не для насъ, взрослыхъ"..... отвѣтитъ, бывало, Н. Г. Рѣзкія сужденія приходилось выслушивать и инспектору. Въ то время въ гимназіи, какъ и во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, лѣнивыхъ и малоуспѣвавшихъ учениковъ первыхъ трехъ классовъ заставляли учиться „березовою кашею": за баллъ 1—ученику давали 20 розгъ, за 2—десять. Ученики пансіонеры, желая отдѣлаться отъ такой поощрительной мѣры, уходили въ лазаретъ, гдѣ гимназическій докторъ, Троицкій, зная истинную причину прихода учениковъ къ нему, относился къ нимъ снисходительно, но полякъ Граковскій, смѣнившій его, хотя и принималъ ихъ въ лазаретъ, но за то сажалъ ихъ на одинъ супъ и велѣлъ прикладывать имъ къ ногамъ и шеѣ горчичники. Несмотря на то, что порки происходили въ отдаленной комнатѣ, Н. Г. и всѣмъ учителямъ извѣстно было, надъ кѣмъ и когда была произведена экзекуція, и потому онъ никогда не пропускалъ инспектора безъ того, чтобы не послать по адресу его нѣсколько сарказмовъ.

Изъ гимназическихъ учителей Н. Г. симпатизировалъ только двумъ: Евлампію Ивановичу Ломтеву, личности идеально честной и свѣтлой, и Евгенію Александровичу Бѣлову, человѣку, обладавшему значительнымъ историческимъ и литературнымъ образованіемъ. Съ нимъ онъ часто проводилъ время. Не чуждался Н. Г. и общества учителей низшихъ учебныхъ заведеній, съ которыми ходилъ по садамъ пить чай и катался на лодкѣ. Выше было разсказано, со словъ Прокопія Григорьевича Плѣшивцева, бывшаго учителя при-

готовительнаго класса при саратовскомъ уѣздномъ училищѣ, о разговорѣ Н. Г. съ Колесниковымъ въ Савушкиномъ саду.

Памятенъ для этого учителя и другой случай, бывшій съ нимъ. Приготовительный классъ (теперь казанское приходское училище) при уѣздномъ училищѣ содержался на обязательный взносъ почетнаго смотрителя, которымъ въ пятидесятыхъ годахъ въ уѣздномъ училищѣ былъ А. П. Слѣпцовъ. Это былъ благороднѣйшій и честнѣйшій человѣкъ своего времени, который нерѣдко выводилъ учительскій персоналъ изъ финансоваго затрудненія и облегчалъ его бытъ. Слѣпцовъ бралъ на каникулы учителей въ свое имѣніе, гдѣ они жили на его счетъ. Присылаемыя казанскимъ учебнымъ округомъ разныя изданія для продажи, какъ-то: калмыцкія грамматики и другія книги, не находившія сбыта въ Саратовѣ, штатный смотритель отсылалъ ему, и онъ, зная, что подобныя изданія не могутъ быть проданы, а, между тѣмъ, деньги за нихъ непремѣнно должны быть отправлены въ округъ, отдавалъ за нихъ свои деньги. Несмотря на это, Слѣпцовъ разъ поставилъ Плѣшивцева, получавшаго изъ взноса Слѣпцова жалованіе 7 р. 7 к. въ мѣсяцъ, въ критическое положеніе. Уѣхавши на Кавказъ къ своему брату, извѣстному кавказскому герою, онъ позабылъ прислать въ уѣздное училище свой обязательный взносъ, и учитель оставался нѣсколько мѣсяцевъ безъ жалованія. Тогда Плѣшивцевъ обратился къ директору Мейеру, которому разсказалъ о своемъ положеніи и который обѣщался помочь ему. Чернышевскій, сидѣвшій позади директора, слушалъ со вниманіемъ весь разсказъ Плѣшивцева, и передъ уходомъ его изъ канцеляріи гимназіи, гдѣ происходило дѣло, далъ знаками ему понять, что онъ желаетъ переговорить съ нимъ наединѣ, что тотъ и сдѣлалъ. „Вы не обидитесь“, спросилъ его Н. Г., когда они остались вдвоемъ, „если я предложу вамъ маленькую помощь?“ Получивъ утвердительный отвѣтъ, Н. Г. далъ Плѣшивцеву три рубля, чему тотъ былъ радъ.

IX (XIV).

Кромѣ педагогической среды, Н. Г. имѣлъ много другихъ знакомыхъ. Никогда онъ во всю свою жизнь не велъ такой общественной жизни, какъ тогда, когда былъ учителемъ въ Саратовской гимназіи. Къ этому побуждало, какъ собственное его желаніе, такъ и желаніе его родителей, которые просили его часто отплатить кому-нибудь визитъ, или просили его быть на вечерахъ, вмѣсто себя, такъ какъ они сами рѣдко бывали въ обществѣ. Посѣщалъ

Н. Г. образованное семейство Ступиныхъ, а также семейство предсѣдателя казенной палаты Кобылина, дѣтямъ котораго давалъ онъ уроки; бывалъ у совѣтника казенной палаты, Д. А. Горбунова, переводчика поэмы Мицкевича „Конрадъ Валленродъ".

Вообще, онъ часто появлялся въ обществѣ, и вездѣ, несмотря на неуклюжесть, былъ желаннымъ и дорогимъ гостемъ, благодаря своему уму и высокому и обширному образованію, чѣмъ надолго оставилъ по себѣ воспоминаніе.

Будучи въ гостяхъ, Н. Г. казался очень застѣнчивымъ и сидѣлъ по цѣлымъ вечерамъ молча, даже въ то время, когда велся оживленный разговоръ. Для объясненія этого явленія достаточно привести объясненіе самого Чернышевскаго, сдѣланное имъ по поводу неисправной переписки Н. А. Добролюбова съ своими родными, которымъ онъ подолгу не отвѣчалъ на письма. „Дѣло въ томъ, что ему тяжело было писать роднымъ: понятія его стали не такими, какія сохранились у нихъ, стремленія его были чужды имъ, и переноситься мыслями въ ихъ понятія, въ ихъ интересы, было и трудно, и непріятно ему. Жить ихъ жизнью онъ пересталъ еще до отъѣзда въ Петербургъ, и бесѣдовать съ ними становилось для него все затруднительнѣе и затруднительнѣе [1]). Когда же заводили серьезный разговоръ, или обращались къ нему за разрѣшеніемъ какого-либо вопроса, то онъ, имѣя замѣчательный даръ слова, весь уходилъ въ интересовавшій его предметъ и велъ разговоръ такъ просто, ясно и понятно и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ увлекательно, что невольно очаровывалъ своею рѣчью всѣхъ, и тогда слушали его съ наслажденіемъ. Разъ у Кобылиныхъ собралось большое общество. Одна барышня виртуозка, пріѣхавшая изъ Петербурга, по просьбѣ гостей, сѣла за фортепьяно и стала играть. Ее окружили почти всѣ гости. Кто-то вступилъ въ разговоръ съ Н. Г., бывшимъ тоже въ гостяхъ. Н. Г. началъ о чемъ-то объяснять и такъ увлекъ, что мало-по-малу всѣ слушавшіе барышню сгруппировались около него, такъ что барышня, сконфуженная, прекратила игру. Когда онъ окончилъ, то кто-то захлопалъ въ ладоши, и всѣ подхватили. „Послушать такихъ ученыхъ полезно", сказалъ одинъ изъ гостей. Другой случай, заставившій говорить о Н. Г., былъ на дачѣ у Кобылина (теперь институтъ). Тогда садъ и роща при домахъ этой дачи были въ заброшенномъ состояніи, мостъ черезъ оврагъ по ветхости былъ разобранъ. Сидитъ Н. Г. въ большомъ обществѣ молодыхъ людей, съ которыми были гувернеръ-швейцарецъ и гувер-

---

[1]) Матеріалы для біографіи Н. А. Добролюбова, стр. 356. Примѣчаніе Н. Г. Чернышевскаго.

нантка. Ночь была лунная, свѣтлая. Вдругъ видятъ, что по направленію отъ мѣста къ дому, около котораго всѣ сидѣли на скамейкахъ, медленно двигается что-то бѣлое. Всѣ приняли это за привидѣніе и подняли страшный крикъ. Одинъ Н. Г. не потерялъ присутствія духа: онъ сталъ увѣрять, что это не привидѣніе, а несомнѣнно человѣкъ, и, въ доказательство этого, самъ отправился къ оврагу и привелъ закутаннаго въ простыню швейцарца-гувернера, который хотѣлъ пошутить. Эти факты изъ жизни Н. Г. покажутся многимъ совершенно ничтожными, но въ глазахъ тогдашняго общества, отличавшагося невѣжествомъ и предразсудками, подобныя явленія должны были обратить на себя вниманіе, и о нихъ заговорили въ обществѣ: такъ была бѣдна тогдашняя жизнь содержаніемъ, что и ничтожнѣйшіе факты, выходившіе изъ ряда обыденной жизни, принимали размѣръ почти цѣлаго событія [1]). Дѣлаемъ это замѣчаніе какъ по поводу вышеозначенныхъ фактовъ, такъ и другихъ разсказанныхъ. Бывалъ Н. Г. и у саратовскаго губернатора и архіерея.

Саратовскій губернаторъ, Матвѣй Львовичъ Кожевниковъ, познакомился съ нимъ тогда, когда Н. Г. былъ еще студентомъ. Декабристъ А. П. Бѣляевъ, бывавшій на губернаторскихъ обѣдахъ, видѣлъ Н. Г. Чернышевскаго, тогда еще студента и неизвѣстнаго, у губернатора за обѣдомъ въ 1848 г. [2]). Кожевниковъ былъ „человѣкъ достаточно образованный, честный, премилый, и симпатичный [3]).

---

[1]) Для провѣрки нашего объясненія см. Вороновъ, „Болото“, стр. 131—134 гдѣ онъ изображаетъ саратовское общество пятидесятыхъ годовъ, хотя нѣсколько каррикатурно. Не знаю года, но помню очень хорошо, что М. Л. Кожевниковъ, отличавшійся простымъ отношеніемъ къ людямъ, пришелъ пѣшкомъ (онъ жилъ близко отъ дома Чернышевскихъ, въ нынѣшнемъ домѣ Духинова), къ Гавріилу Ивановичу, поздравить его съ полученною, какою не помню, кажется орденъ Анны, наградою. Онъ пожелалъ видѣть и Н. Г., но его не было дома, и когда М. Л. выразилъ сожалѣніе объ этомъ, Гавріилъ Ивановичъ спросилъ, когда онъ прикажетъ явиться къ нему Н. Г—чу. Тотъ отвѣчалъ, что пришлетъ сказать, и точно, нѣсколько дней спустя, получена была записка, приглашавшая Н. Г. къ обѣду въ тотъ же день. Н. Г. опять не было дома, и Гавріилъ Иванов. послалъ за нимъ, не желая, чтобы любезность М. Л. осталась безъ отвѣта. Это и было первымъ посѣщеніемъ Николаемъ Гавр. Кожевникова.

Возвратившись съ обѣда, онъ говорилъ, что тамъ было довольно интересное общество, и что Кожевниковъ просилъ его бывать у него постоянно на этихъ обѣдахъ.

[2]) Воспоминанія декабриста А. П. Бѣляева „Рус. Стар.“, 1864 г. май, стр. 314 и 315.

[3]) О немъ: 1) тамъ же, 2) Пыпинъ А. Н. Исторія русской этнографіи. Т. III, стр. 154. 3) В. И. Дурасова, Частный приставъ Вандышевъ, „Сарат. Дневн.“ 1888 г. № 263.

Его можно было бы назвать „рыцаремъ безъ страха и упрека", если бы онъ не имѣлъ наклонности къ хорошимъ винамъ; онъ и самъ любилъ выпить, любилъ, чтобы и гости его пили. Отъ этого часто онъ страдалъ подагрою.

Пользуясь его слабостію, подчиненныя ему лица, какъ это бываетъ при всѣхъ почти начальникахъ, ловили въ мутной водѣ рыбу, а онъ получалъ изъ-за нихъ изъ министерства обидныя для себя предписанія, набрасывавшія на него тѣнь. Одинъ начальникъ департамента, Ш., заподозрилъ Кожевникова въ оффиціальной бумагѣ чуть ли не во взяткахъ. Задѣло это Кожевникова за живое, и онъ самъ въ отвѣтъ написалъ ему на бланкѣ письмо, которое закончилъ приблизительно слѣдующими словами: „Слава Богу, что насъ раздѣляетъ почти тысячеверстное пространство, иначе я поступилъ бы съ Вами такъ, какъ поступаютъ порядочные люди съ тѣми, которые осмѣливаются оскорблять ихъ честное имя". Такой-то человѣкъ, стоя по своему образованію выше всего саратовскаго общества, просилъ Н. Г. бывать у него запросто, чтобы побесѣдовать съ нимъ; но такъ какъ каждое посѣщеніе почти заканчивалось обѣдомъ, во время котораго бывало большое общество, истреблявшее множество винъ, то Н. Г. тяготился этимъ, и только необыкновенная любезность и особое радушіе губернатора, который даже не хотѣлъ обѣдать безъ Н. Г., посылая за нимъ своихъ служащихъ, были причиною, что онъ изрѣдка бывалъ у него. Не нравились ему губернаторскіе обѣды; послѣ нихъ съ отуманенною головою онъ долго ходилъ по городу, чтобы освѣжиться.

Преосвященный Аѳанасій[1]), правившій саратовскою епархіею съ 1848 г. по 1856 г., относился къ Николаю Гавриловичу, по увѣренію И. А. Залѣскаго, его бывшаго ученика, тоже съ особеннымъ уваженіемъ; и Н. Г. бывалъ у него по четвергамъ. Этотъ преосвященный, будучи человѣкомъ образованнымъ, знавшимъ основательно естественныя и математическія науки и нѣсколько языковъ, изучилъ по первоначальнымъ источникамъ все то, что относится къ археологіи христіанства, и, угодивъ въ Саратовъ, по волѣ оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода, Протасова, при которомъ игралъ нѣкоторую роль, весь былъ погруженъ въ науку, хотя ровно для нея ничего не сдѣлалъ. Живя въ Саратовѣ, какъ бы въ изгнаніи,

---

[1]) О немъ: 1) Каменскій, Астраханскій и Енотаевскій архіепископъ Аѳанасій, 1887 г. 2) Наша свѣтская духовная печать о духовенствѣ. Воспоминанія бывшаго альта-солиста А. Б—ча (то есть Бровковича—свѣтская фамилія Никанора, архіепископа Херсонскаго и Одесскаго) „Гражданинъ" 1884 г. №№ 2 и 3. 3) Записки сельскаго священника, стр. 83 и слѣд. 4) „Саратовскій Листокъ", 1877 г. № 1 и 4.

онъ написалъ было исторію христіанской Церкви, которую довелъ до 14 вѣка, но, узнавши отъ учителя семинаріи, Дружинина, что императоръ Константинъ, при которомъ былъ первый Никейскій соборъ, только предъ смерью принялъ христіанство, и что при жизни мирволилъ и язычникамъ, преосвященный, считая Константина за истиннаго христіанина, на чемъ и построилъ всю исторію, такъ пораженъ былъ фактомъ, разсказаннымъ Дружининымъ, что сжегъ все написанное имъ въ каминѣ. Это-то несогласіе выводовъ науки съ общепринятыми мнѣніями и было причиною того, что преосвященный Аѳанасій переживалъ, по увѣренію А. Б—ча, въ Саратовѣ мучительное состояніе, граничащее съ умопомѣшательствомъ. Николай Гавриловичъ нѣсколько иначе смотрѣлъ на преосвященнаго Аѳанасія.

„Да-съ, ученѣйшій мужъ былъ преосвященный Аѳанасій,—гово- Н. Г. съ усмѣшкою,—онъ любилъ читать такія книги, которыя никто и въ руки не возьметъ, да и незачѣмъ и читать ихъ, а преосвященнаго онѣ занимали, и очень. Когда пріѣдетъ къ намъ въ гимназію, то дѣлаетъ возраженія цитатами изъ средневѣковыхъ писателей; его никто не понимаетъ, а ему и любо. Да-съ, вотъ онъ какой былъ“. По увѣренію И. Н. Виноградова, Аѳанасій любилъ пускать пыль въ глаза своею ученостью.

X (XV).

Но ни съ кѣмъ Н. Г. такъ много не проводилъ времени, какъ съ почтеннымъ историкомъ Н. И. Костомаровымъ, который въ то время проживалъ въ Саратовѣ въ ссылкѣ; къ нему Н. Г. явился, по увѣренію Костомарова, для знакомства первымъ. Кружокъ близкихъ знакомыхъ Н. И. состоялъ изъ молодыхъ людей, студентовъ виленскаго университета, сосланныхъ въ Саратовъ: Мелянтовича, Михаловскаго, Завадскаго и Врублевскаго, очень образованныхъ людей. Н. Г. недолюбливалъ высокомѣрныхъ и кичащихся своимъ образованіемъ поляковъ, принятыхъ въ лучшихъ аристократическихъ домахъ Саратова, и они отплачивали ему тѣмъ же. „Мелянтовичъ“, говоритъ Н. И. Костомаровъ, „человѣкъ поэтическій и увлекающійся, недолюбливалъ Чернышевскаго, называлъ его сухимъ, самолюбивымъ и не могъ простить въ немъ отсутствія поэзіи. Въ послѣднемъ онъ врядъ ли ошибался. Помню я одинъ вечеръ въ маѣ 1852 г., сидѣлъ я у окна, изъ котораго открывался прекрасный видъ: Волга во всемъ величіи, за нею горы, кругомъ сады, пропасть зелени... Я совершенно увлекся. Смотрите, Н. Г., какая прелесть: не налюбуюсь!

Если освобожусь когда-нибудь, то пожалѣю это мѣсто". Чернышевскій засмѣялся своимъ особымъ тихимъ смѣхомъ и сказалъ: „Я не способенъ наслаждаться красотами природы"[1]). Отвѣтъ Чернышевскаго настолько характеристиченъ, что мы считаемъ нужнымъ сказать по поводу его нѣсколько словъ.

Дѣйствительно, въ характерѣ Ч., скажемъ его же словами, получила сильное вліяніе разсудительность[2]), и разсудокъ его преобладалъ надъ сердечною способностью: у него постоянно работала голова, занятая интересовавшими его идеями, поэтому онъ, будучи постоянно погруженъ въ міръ новыхъ для него понятій, неспособенъ былъ увлекаться, подобно другимъ, внѣшнимъ міромъ. „Какая скука, вѣроятно, нападала на васъ, когда вы жили тамъ"[3])? спрашиваетъ Н. Г. одна его родственница.—Нѣтъ, не скучалъ. Я имѣю способность жить въ мірѣ идей, которыя занимаютъ меня, и покуда у меня эти идеи есть и ими занята голова, я только и знаю ихъ; для меня болѣе ничего уже не существуетъ: ни обстановка, ни люди, ни природа,—отвѣтилъ Н. Г.

Но несмотря на это, представленный Н. И. Костомаровымъ фактъ, какъ доказательство отсутствія поэзіи въ Н. Г., нисколько не убѣдителенъ[4]). Въ домѣ Чернышевскихъ, стоящемъ почти на берегу Волги, существуетъ до сихъ поръ тотъ мезонинъ, въ которомъ Н. Г. жилъ всѣ свои юношескіе годы и даже взрослый, будучи учителемъ гимназіи[5]). Хотя домъ выходитъ окнами на

---

[1]) Автобіографія Н. И. Костомарова „Русск. Мысль", 1885 г., № 6 стр. 24. Позднѣйшее добавленіе: Тутъ дѣйствовала привычка къ тѣмъ красотамъ мѣстности, которыя восхищали другихъ, кромѣ того, многое объясняется и крайней близорукостью, которая всегда и всѣмъ мѣшаетъ оцѣнивать красоту вида.

[2]) Матеріалы для біографіи Н. А. Добролюбова. Примѣчаніе Чернышевскаго стр. 355.

[3]) Этимъ словомъ онъ замѣнялъ названіе той страны, гдѣ онъ жилъ не по своей волѣ. Зная это, и другіе употребляли при немъ это же слово.

[4]) *Къ этому мѣсту относится позднѣйшее добавленіе*: Помню, что въ первый разъ узнала „Парадный подъѣздъ" отъ Ник. Гавр., который съ большимъ чувствомъ продекламировалъ его намъ съ сестрой во время переѣзда позднимъ уже вечеромъ въ Саратовъ изъ Пристаннаго, гдѣ мы были вмѣстѣ съ нимъ у В. Д. Чеснокова. Н. Г. очень взволновалъ насъ этимъ стихотвореніемъ, и я до сихъ поръ не могу забыть всей яркости полученнаго впечатлѣнія. „Парадный подъѣздъ" только что былъ написанъ. *А. Л.*

[5]) *Сюда добавлено*: Только въ это-то время и жилъ въ мезонинѣ Н. Г.— Раньше, въ его юношескіе годы, это была комната его двоюродной сестры, Любови Николаевны Котляревской, потомъ Терсинской. Н. Г. жилъ внизу.—

Большую Сергіевскую улицу, идущую параллельно Волгѣ, но мезонинъ обращенъ окнами на Волгу (съ улицы его не видно). Н. Г. любилъ этотъ мезонинъ: въ немъ онъ могъ совершенно уединиться для своихъ занятій, такъ что никто не могъ мѣшать ему; кромѣ того въ лѣтніе вечера, когда вездѣ въ домахъ душно, такъ что такъ и тянетъ выйти изъ дома на свѣжій воздухъ, въ мезонинѣ воздухъ умѣрялся прохладою съ Волги, и Н. Г. предпочиталъ проводить время дома и читать что-нибудь. Можетъ быть, мезонинъ много способствовалъ развитію въ немъ кабинетной жизни. Прелестный видъ изъ оконъ мезонина открывается на Волгу и на ея окрестности на громадное разстояніе. Волга, которая теперь ушла отъ Саратова, оставляя ему на осень только голые пески, тогда была противъ Саратова шириною около пяти или шести верстъ—единственное широкое мѣсто въ былое время въ среднемъ теченіи Волги, что даже занесено въ тогдашніе учебники; кромѣ Волги, изъ оконъ мезонина виднѣются Зеленый островъ, противоположный лѣвый берегъ Волги съ Покровскою слободою и лѣсными чащами, опушающими лѣвый берегъ, мысъ съ деревушкою Увекомъ и историческими развалинами, которыя часто составляли преметъ для разговора Г. С. Саблукова, прельщавшаго своими разсказами любознательнаго мальчика. Такимъ образомъ, Н. Г. имѣлъ постоянно предъ собою поэтическій видъ. Хотя Н. И. Костомаровъ и Мелянтовичъ [1]) и жили въ Саратовѣ, но любоваться волжскими видами могли только изъ чужихъ оконъ, и тогда восхищались ими, и если Н. Г. засмѣялся „своимъ особымъ смѣхомъ“, то, вѣроятно, потому, что онъ не могъ восторгаться тѣмъ, что видѣлъ предъ собою съ малолѣтства постоянно, или, можетъ быть, онъ былъ въ такомъ расположеніи духа, что неспособенъ былъ восхищаться чѣмъ бы то ни было, или его занимали какія-нибудь мысли. Констатируемъ и слѣдующіе факты изъ жизни Н. Г., противорѣчащіе высказанному мнѣнію Н. И. Костомарова о Чернышевскомъ.

Въ то время, когда Мелянтовичъ и Костомаровъ находятъ въ Н. Г. отсутствіе поэзіи [2]), въ Саратовской гимназіи происходитъ небывалое до сихъ поръ явленіе: Н. Г. приводитъ въ поэтическое состояніе своихъ маленькихъ слушателей. „Особенно полное и глубокое впеча-

---

Видъ на Волгу, конечно, былъ слишкомъ привычнымъ, чтобы слишкомъ имъ восторгался Н. Г., кромѣ того, его крайняя близорукость всегда мѣшала любоваться красотами природы. *А. Л.*

[1]) *Позднѣйшее добавленіе, А. Л.:* Мелянтовичъ послѣдніе мѣсяцы своей жизни жилъ также на берегу Волги, въ домѣ Пыпиныхъ, гдѣ и умеръ.

[2]) *Добавленіе позднѣйшее А. Л.:* Было отсутствіе экспансивности, можетъ быть.

тлѣніе онъ",—свидѣтельствуетъ одинъ изъ многочисленныхъ восторженныхъ его почитателей, М. Вороновъ [1]), „произвелъ на насъ чтеніемъ Жуковскаго, къ поэзіи котораго питалъ тогда особенную наклонность нашъ дѣтскій мечтательный умъ. Мы, помню, плакали надъ сказкой „Рустемъ и Зорабъ", прочитанной съ необыкновеннымъ умѣніемъ и чувствомъ". Чтеніе его, по словамъ другого его ученика, И. А. Залѣсскаго, было образцово и увлекательно. Онъ входилъ въ характеръ дѣйствующихъ лицъ и мѣнялъ, смотря по содержанію, голосъ, тонъ и манеры. Казалось, онъ самъ переживалъ тѣ событія, о которыхъ читалъ. Такъ, помнится, прочитаны были имъ: „Ревизоръ" Гоголя, „Обыкновенная исторія" Гончарова, нѣсколько стихотвореній Жуковскаго и другія [2]). Вообще у Н. Г. съ юныхъ лѣтъ была привычка, сохранившаяся всю жизнь, читать и декламировать стихотворенія нашихъ поэтовъ, особенно „Въ минуту жизни трудную".

Любилъ онъ и природу. Такъ, онъ катался на лодкѣ по Волгѣ вмѣстѣ съ учителями, посѣщалъ сады, ходилъ по окрестностямъ Саратова и Астрахани, собирая цвѣты и камешки, а изъ отдаленной страны, гдѣ онъ прожилъ почти треть своей жизни, присылалъ въ письмахъ засушенные цвѣты. Чтобы понять отвѣтъ Чернышевскаго, скажемъ объ образѣ выраженія мыслей Н. Г., довольно своеобразномъ. Чернышевскій, а равно и его ученикъ, Н. А. Добролюбовъ [3]), очень часто любили выражаться иронически и иносказательно, и ихъ выраженія многіе понимали въ буквальномъ смыслѣ, чѣмъ ставили себя въ комическое положеніе. Добролюбову приходилось по этому поводу объясняться даже съ своими товарищами, которые его цѣлыя статьи приняли въ буквальномъ смыслѣ. Такъ А. П. Златовратскій „принялъ всѣ ироническія выраженія Н. А. Добролюбова въ буквальномъ смыслѣ и вообразилъ, что статья его—панегирикъ Аксакову" [4]).

Добролюбовъ въ одномъ изъ своихъ писемъ Чернышевскому такъ характеризуетъ его рѣчь. „На-дняхъ къ вамъ явится нѣкто Фриккенъ, которому я далъ записочку къ вамъ по его просьбѣ. Это—человѣкъ хорошій и расположенный поправить недостатки

---

[1]) М. Вороновъ: „Болото". Стр. 121. *Прибавка А. Л.*: его бывшій ученикъ Саратовской гимназіи.

[2]) *Здѣсь дальше зачеркнуто*: Онъ могъ бы быть хорошимъ актеромъ, если этому не препятствовалъ бы его природный недостатокъ—голосовыя средства, которыя были у него слабы. *А. Л.*

[3]) См. „Матеріалы для біографіи Н. А. Добролюбова", стр. 319, гдѣ Добролюбовъ называетъ себя ученикомъ NN, т. е. Чернышевскаго.

[4]) Тамъ же, стр. 439. Примѣчаніе Н. Г. Чернышевскаго.

воспитанія, полученнаго имъ въ пажескомъ корпусѣ. Отчасти онъ уже и успѣлъ въ этомъ. Не очень сбивайте его съ толку своей ироніей: онъ такого характера, что способенъ принять ее за чистую монету [1])“.

Костомаровъ, имѣя простую и открытую натуру, не могъ понять сатиръ Щедрина, точно такъ же и выше приведенныя слова Ч. были приняты имъ за личное мнѣніе о себѣ Чернышевскаго, т. е. за „чистую монету“.

Мнѣніе Мелантовича о Н. Г., какъ о человѣкѣ самолюбивомъ, нельзя назвать справедливымъ. Выше было сказано, что Н. Г. выучился французскому языку еще въ дѣтствѣ, но произношеніе у него было плохое. Были двѣ попытки выучиться французскому произношенію. Первая попытка была еще въ дѣтствѣ. Въ Саратовѣ въ то время было мало учебныхъ заведеній: гимназія, семинарія, два духовныхъ училища, уѣздное училище съ приготовительнымъ классомъ и два приходскихъ училища; частныхъ учебныхъ заведеній въ пору дѣтства Н. Г. не было. Между тѣмъ потребность въ первоначальныхъ учебныхъ заведеніяхъ чувствовалась настоятельная, особенно въ среднемъ классѣ. Семейства, гдѣ было много дѣтей, сообща съ другими семействами, уговаривались вмѣстѣ обучать дѣтей. Они приглашали законоучителя и учителей, удовлетворявшихъ ихъ взглядамъ на воспитаніе и обученіе, а также по своимъ средствамъ. Такимъ образомъ образовалось нѣчто вродѣ пансіона. Недалеко отъ Чернышевскаго жило семейство Золотаревыхъ, у котораго былъ такой частный пансіонъ. Законъ Божій преподавалъ тамъ священникъ Сергіевской церкви, сослуживецъ Г. И. Снѣжницкій, учителемъ русскаго языка и исторіи былъ Ѳ. П. Волковъ, учитель гимназіи; французскій языкъ, составлявшій основу тогдашняго обученія, былъ предметомъ особой заботливости содержателей этого заведенія.

Хотя въ Саратовѣ послѣ 1812 года осталось много плѣнныхъ французовъ, которые поступали въ дома въ качествѣ воспитателей, гувернеровъ и учителей, но всѣ они, за исключеніемъ здравствующаго и теперь француза Савена [2]), статридцатилѣтняго старика, дававшаго уроки въ аристократическихъ домахъ, были или малограмотны и невѣжды или же имѣли провинціальный выговоръ, почему

---

[1]) „Матеріалы для біографіи Н. А. Добролюбова“, стр. 622—*сразу послѣ этой сноски въ текстѣ рукописи было приведено около полустраницы выдержекъ изъ Писемскаго, т. IX. р. 139, потомъ они зачеркнуты. А. Л.*

[2]) Писано въ 1891 г. А. Л.

для занятій французскимъ языкомъ была приглашена единственная на весь Саратовъ француженка Пикеръ, жена кондитера, дававшая уроки французскаго языка во многихъ домахъ съ утра до вечера. Г. И. часто занимался вмѣсто Снѣжницкаго, по его просьбѣ, въ этомъ пансіонѣ, и потому, зная порядки этого заведенія, отдалъ туда Н. Г., для обученія французскому языку. Два мѣсяца ходилъ въ этотъ пансіонъ Н. Г., но, видя, что его товарищи по пансіону смѣются надъ его произношеніемъ, Н. Г. съ согласія отца прекратилъ посѣщеніе пансіона, тѣмъ болѣе и потому, что преподаваніе французскаго языка не удовлетворяло его. Одна дѣвочка, обучавшаяся въ пансіонѣ, высказалась Снѣжницкому, товарищу Н. Г., что надъ произношеніемъ его смѣются всѣ воспитанницы не только въ классѣ, но и внѣ его.

На это Снѣжницкій отвѣтилъ: „Вы бы послушали, какъ Ч. смѣется надъ вами и надъ Пикеръ, сами разсмѣялись бы! [1])“.

Точно также неудачна была и другая попытка выучиться французскому произношенію. Будучи учителемъ въ Саратовской гимназіи, онъ сталъ брать уроки французскаго языка у дѣвицы Ступиной, хорошей знакомой Ч. Разъ онъ прочелъ нѣсколько словъ такъ плохо, что возбудилъ невольный и искренній смѣхъ молодой неопытной въ педагогическомъ дѣлѣ учительницы, который такъ обидѣлъ Ч., что онъ схватилъ шапку и, не простившись, ушелъ и пересталъ брать у нея уроки.

Но каково бы ни было мнѣніе почтеннаго очень увлекавшагося и впечатлительнаго историка Н. И. о Н. Г., высказанное имъ въ 1880 годахъ, все-таки въ Саратовѣ они часто бывали другъ у друга, говорили, спорили между собою, много читали, и того, и другого очень интересовали лекціи Фейербаха и естествознаніе, а иногда играли въ шахматы. Съ какимъ, бывало, удовольствіемъ Н. И. дѣлился съ Н. Г. книжными новостями! Какъ только онъ получитъ съ почты книжку, такъ и отправится къ Н. Г., съ которымъ вмѣстѣ и прочтутъ ее, и поговорятъ, и поспорятъ. Иногда встрѣтятся у общихъ знакомыхъ и такъ увлекутся споромъ, что уже не обращаютъ ни на кого вниманія. Такъ разъ въ одномъ домѣ проспорили объ одномъ какомъ-то словѣ чуть не цѣлый вечеръ. Невольно слушая ихъ споръ, чиновники приходили въ недоумѣніе и скажутъ: „Чортъ знаетъ, о чемъ спорятъ и горячатся, хоть бы о чемъ-нибудь дѣльномъ говорили, а то, изволите ли видѣть, о словѣ спорятъ да въ азартъ приходятъ“. Вообще, отношенія между ними были чисто дружескія. Какъ дорожилъ Н. Г. знакомствомъ съ Н. И.,—видно

[1]) Разсказъ Ольги Илларіоновны Молчановой, урожденной Золотаревой.

изъ словъ Г. И., который часто говорилъ: „Мой Николай только и отводитъ душу съ Николаемъ Ивановичемъ“.

Какъ извѣстно, нашъ историкъ въ Саратовѣ сдѣлалъ предложеніе и хотѣлъ жениться на Н. Д., одной изъ дочерей Ступиныхъ, но произошла между ними размолвка, и свадьба не состоялась. Н. Г. не одобрялъ женитьбы Н. И. Костомарова. Воззрѣнія Н. Г. на женщинъ тогда были довольно оригинальныя. Послушаемъ, что разсказываетъ по этому поводу Т. И. Тищенко.

„Живя неподалеку отъ Ч., я часто готовилъ уроки подъ руководствомъ Н. Г. [1]), тогда уже приготовлявшагося къ поступленію въ университетъ, а такъ какъ я въ нѣсколькихъ классахъ сидѣлъ по два года, то Н. Г. былъ моимъ учителемъ въ гимназіи. Съ нимъ я, какъ и другіе мои товарищи, часто гулялъ по городу и ходилъ въ церковь; онъ часто говорилъ со мною и по-прежнему во время прогулокъ многое мнѣ объяснялъ. Встрѣчая меня въ женскомъ обществѣ, расположеніемъ котораго я, какъ ловкій кавалеръ и танцоръ, пользовался, Н. Г. увидитъ меня и скажетъ: Что, Тищенко, вы по цѣлымъ часамъ проводите съ барышнями, болтая съ ними? Что такое наша барышня? Та же печка (при этомъ онъ указалъ мнѣ на изразцовую печку), такъ же блеститъ, какъ и она, но при этомъ такъ же холодна, какъ этотъ камень; ни мысли, ни глубокаго чувства вы въ ней не замѣтите, поэтому съ ней ни о чемъ нельзя говорить, кромѣ нарядовъ да вечеровъ. Читали бы лучше больше, а то отъ барышенъ ничему хорошему не научитесь“. Вслѣдствіе такого воззрѣнія на женщинъ Н. Г. отклонялъ Н. И. отъ жеиитьбы. Н. Г. постоянно въ то время твердилъ: „Николай Ивановичъ будетъ потерянъ для исторіи, если женится на Ступиной“. Но и съ Н. Г. случилось то же, что было и съ почтеннымъ историкомъ: онъ тоже влюбился, о чемъ будетъ разсказано нами въ слѣдующихъ главахъ.

Саратовъ. 10 ноября 1891 г.

Приложеніе № 4.

Д. Л. Мордовцевъ вывелъ Чернышевскаго подъ фамиліею Чернова въ романѣ „Профессоръ Ратмировъ“. Вотъ какъ онъ характеризуетъ его: „Холерикъ Черновъ, сильный и нѣсколько угрюмый брюнетъ (?), былъ рѣзокъ въ своихъ приговорахъ, горячъ и нетерпѣливъ въ спорахъ, иногда даже очень жостокъ,—за что и называли его свирѣпымъ Маратомъ.

(Книжки Недѣли, 1889 г., февраль, стр. 92).

Приложеніе № 5.

Относительно рѣзкости въ выраженіяхъ интересны разсужденія въ романѣ „Что дѣлать?“ Да, при всей дикости его манеры, онъ который

[1]) Объ этомъ разсказано уже выше.

оставался убѣжденъ, что Рахметовъ поступилъ именно такъ, какъ благоразумнѣе и проще всего было поступить, и свои странныя рѣзкости, ужаснѣйшія укоризны онъ говорилъ такъ, что никакой разсудительный человѣкъ не могъ ими обижаться, и при всей своей феноменальной грубости, онъ былъ, въ сущности, очень деликатенъ. У него были и предисловія въ этомъ родѣ. Всякое щекотливое объясненіе онъ начиналъ такъ: „Вамъ извѣстно, что я буду говорить безъ всякаго личнаго чувства. Если мои слова будутъ непріятны, прошу извинить ихъ. Но я нахожу, что не слѣдуетъ обижаться ничѣмъ, что говорится добросовѣстно, вовсе не съ цѣлію оскорбленія, а по надобности. Впрочемъ, какъ скоро вамъ покажется безполезно продолжать слышать мои слова, я остановлюсь; мое правило: предлагать мое мнѣніе всегда, когда я долженъ, и никогда не навязывать его". И дѣйствительно, онъ не навязывалъ: никакъ нельзя было спастись отъ того, чтобы онъ, когда находилъ это нужнымъ, не высказалъ вамъ своего мнѣнія, настолько, чтобы вы могли понять, о чемъ и въ какомъ смыслѣ онъ хочетъ говорить; но онъ дѣлалъ это въ двухъ, трехъ словахъ и потомъ спрашивалъ; „Теперь вы знаете, каково было бы содержаніе разговора, находите ли вы полезнымъ имѣть такой разговоръ?" Если вы сказали „нѣтъ", онъ кланялся и уходилъ. (Современникъ 1863 г. Стр. 496 и 497).

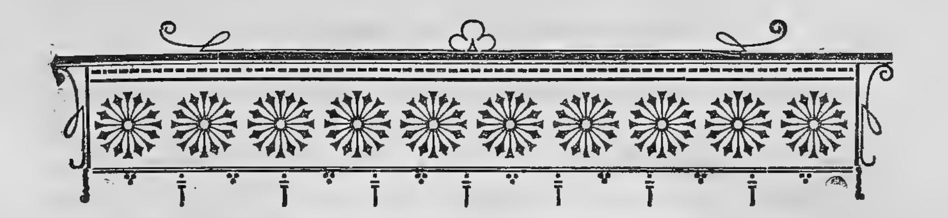
Приложеніе № 6.

По поводу такого знакомства Н. Г. съ Костомаровымъ, а равно и съ высокопоставленными лицами г. Саратова: епископомъ Аѳанасіемъ и губернаторомъ Кожевниковымъ, приведемъ разсужденіе о знакомствахъ Рахметова.

Рахметовъ соблюдалъ „то же правило, какъ въ чтеніи: не тратить надъ второстепенными дѣлами и съ второстепенными людьми, заниматься только капитальными, отъ которыхъ уже и безъ него измѣняются второстепенныя дѣла и руководимые люди. Напримѣръ, внѣ своего круга онъ знакомился только съ людьми, имѣющими вліяніе на другихъ. Кто не былъ авторитетомъ для нѣсколькихъ другихъ людей, тотъ никакими способами не могъ даже войти въ разговоръ съ нимъ. Онъ говорилъ: „Вы меня извините, мнѣ некогда" и отходилъ. Но точно также никакими средствами не могъ избѣжать знакомства съ нимъ тотъ, съ кѣмъ онъ хотѣлъ познакомиться. Онъ просто являлся къ вамъ и говорилъ, что ему нужно было, съ такимъ предисловіемъ: „Я хочу быть знакомъ съ вами; это нужно. Если вамъ теперь не время, назначьте другое".

(Современникъ, 1863 г., № 4, стр. 494). 10 ноября 1891 г.

Сообщ. Александръ Лебедевъ.

Воспоминанія графа Константина Константиновича Бенкендорфа о кавказской лѣтней экспедиціи 1845 года.

(Souvenir intime d'une campagne au Caucase pendant l'été de 1845).

Съ 17-го мы почти не двигались изъ нашего лагеря. Санитарное состояніе войскъ съ каждымъ днемъ становилось печальнѣе: войска начали страдать отъ перенесенныхъ ими на „холодной горѣ" лишеній, случаи диссентеріи участились, и наши ноги, размягченныя отдыхомъ и тепломъ, начали пухнуть отъ прежнихъ сыростей и морозовъ.

Больше половины моего баталіона прошло черезъ эти новыя и мучительныя испытанія; по всему лагерю только и были видны несчастные люди, которые со стономъ влачились на четверенькахъ, не будучи въ состояніи стоять на своихъ отмороженныхъ, покрытыхъ нарывами ногахъ.

Я имѣлъ также свою долю страданій. Правда, у насъ были доктора, но аптека не была достаточно оборудована для столькихъ несчастныхъ и вмѣсто лекарства имъ прикладывали только коровій калъ.

Покоемъ и хорошей пищей надѣялись мы замѣнить лекарства. Каждый солдатъ получалъ свѣжее мясо и приправой къ супу служилъ дикій цикорій (способствующій очищенію крови), который мы находили и собирали въ изобиліи. Каждый день мы высылали незначительные отряды, вооруженные и обезпеченные отъ всякой опасности, для изслѣдованія мѣстности и сбора этого драгоцѣннаго растенія.

21-го у насъ въ лагерѣ была тревога, вызванная дальней канонадой. Оказалось, что было дѣло у кн. Бебутова, слѣдовавшаго со вторымъ транспортомъ изъ Андіи. Конный непріятельскій отрядъ Хаджи-Мурата, воспользовавшись густымъ туманомъ, незамѣтно

приблизился и бросился на часть колонны, которая шла въ безпорядкѣ. Одно время самъ генералъ былъ въ опасности. 30 человѣкъ нашихъ, по большей части больныхъ, были изрублены, и непріятель отошелъ, потерявъ 10 человѣкъ своихъ [1]).

Отъ этой колонны мы получили первыя извѣстія изъ Андіи. При этой колоннѣ находился гробъ поручика *Маевскаго*, моего товарища по Пажескому корпусу. Между пажами онъ выдѣлялся свѣтлой и умной головой, многообѣщающими способностями; оставайся въ живыхъ, онъ бы выдѣлился на Кавказѣ. Какъ многіе другіе, Маевскій былъ преданъ душой и тѣломъ Кавказу, бывшему для него единой надеждой, но наступила смерть. Смерть!.. Всегда смерть!.. На Кавказѣ она—направо и налѣво, спереди и сзади; пуля, вамъ предначертанная, поражаетъ васъ въ бою, также во время сна, снарядъ поражаетъ васъ за столомъ, со стаканомъ въ рукѣ, также, какъ и во время приступа. „Смерть завсегда подлѣ ходитъ", какъ говорятъ казаки.

Спасаетъ васъ обыкновенно рядъ незначительныхъ случайностей, но въ тотъ день—эта счастливая случайность замедлитъ; когда этой случайности нѣтъ въ данную минуту, то смерть мгновенно уноситъ свою добычу. Называя это обстоятельство случаемъ, я знаю, что я неправильно обозначаю испытываемое чувство, но на Кавказѣ, гдѣ такъ сильна вѣра въ предопредѣленіе, невозможно отрѣшиться отъ извѣстной доли фатализма.

Фатализмъ отвѣчаетъ этимъ человѣческимъ массамъ, живущимъ бо̀льшей частью интересами минуты; онъ исключаетъ всѣ другія мысли и заботы и не одному солдату помѣшалъ онъ отступить передъ опасностью.

Между туземцами Кавказа не мало христіанскихъ народностей, и мы собственно и начали воевать для святого дѣла освобожденія ихъ отъ мусульманскаго ига. На Кавказѣ христіанство весьма древняго происхожденія, но сквозь десять вѣковъ притѣсненія и варварства эти бѣдняги могли сохранить лишь внѣшнюю сторону,—формы, обряды и обычаи, и эта къ нимъ приверженность въ несчастьи большая заслуга народа и даетъ ему ореолъ славы. Въ лучшія времена на нихъ прольется истинный свѣтъ, божественная правда, милость и надежда.

Съ другой стороны, исламизмъ на Кавказѣ моложе и болѣе по-

---

[1]) Все дѣло и здѣсь спасли тѣ же незамѣнимые Кабардинцы, бывшіе въ составѣ прикрытія; оплошности службы проявляли только войска 5-го корпуса, пришедшаго изъ Россіи, которыя до тѣхъ поръ готовились только къ смотрамъ.

Б. К.

нятенъ странѣ, гдѣ все дышетъ войной, а потому онъ принялъ характеръ завоеванія и полонъ могучей энергіи. Евангеліе почти незнакомо мингрельцу или осетину, зато слова Корана составляютъ науку и предметъ размышленія всякаго послѣдователя Магомета; принципы, вытекающіе изъ Корана, слились съ обыденной жизнью этихъ народовъ, и импульсъ, сообщаемый ими уму, господствуетъ въ такой степени, что реагируетъ даже на насъ, вотъ, между прочимъ, откуда вытекаетъ и нашъ фатализмъ [1]).

Благодаря привычкѣ къ вѣчно повторяющейся опасности, картина смерти стала совершенно обыденной и постоянно представляется уму тѣхъ, кто давно живетъ на Кавказѣ. Для тѣхъ же, кто тамъ родился,—смерть сосѣдка и, когда она является, то почти-что не тревожитъ того, кого подкашиваетъ, а для тѣхъ, кто видитъ, какъ умираютъ,—смерть простой случай. Когда казакъ—туземецъ бываетъ убитъ въ перестрѣлкѣ, то надъ нимъ немного повоютъ старыя казачки, а молодыя—пошлютъ проклятіе „некрещеному" убійцѣ своего возлюбленнаго, но въ станицѣ столько другихъ и такихъ красавцевъ, что онѣ быстро утѣшаются между вчерашней и завтрашней боевой тревогой.

Что касается до мертвеца, то въ его честь пострѣляютъ изъ ружей,—это музыка, при которой онъ впервые увидѣлъ день, подъ звуки которой онъ рѣзвился ребенкомъ, подъ ту же музыку онъ ухаживалъ, этой же музыкой привѣтствовали его друзья день его свадьбы, она сопровождала его въ бою, и она же наконецъ вторила надгробной по немъ пѣснѣ. Для казака выстрѣлъ изъ винтовки то же самое, что большая тунга кахетинскаго вина для лѣниваго жителя благословенной Грузіи. Какой бы ни представился случай, и каково бы ни было расположеніе духа, одинъ стрѣляетъ, а другой предается Бахусу.

Мысль о смерти зачастую представляется въ видѣ шутки. Помню, какъ, однажды, Фрейтагъ выслушивалъ сообщеніе лазутчика, когда я вошелъ къ нему въ палатку; взглянувъ на меня, чеченецъ расхохотался, а когда я спросилъ его о причинѣ его смѣха, то онъ отвѣтилъ мнѣ пренаивно, что онъ въ это же утро забавлялся тѣмъ, что далъ по мнѣ три выстрѣла, ни разу не попавъ, и что теперь ему смѣшно меня видѣть.

Примѣрно въ то же время, при въѣздѣ въ одну разрушенную

[1]) Также весьма интересное наблюденіе и заключеніе и, насколько сильно прививалось и намъ ученіе о предопредѣленіи, видно изъ сюжетовъ поэзіи Лермонтова, напримѣръ—объясненіе Максима Максимовича или „Фаталистъ" изъ „Героя нашего времени".

Б. К.

деревню на Качкалыкскомъ хребтѣ, мнѣ донесли, что замѣтили домашній скотъ, и мнѣ сейчасъ же стало ясно, что представился хорошій случай захватить кой-кого, такъ какъ я зналъ, что разбойники-чеченцы имѣли привычку укрываться здѣсь съ захваченной ими добычей. Я сейчасъ же выслалъ нѣсколько разъѣздовъ линейцевъ съ цѣлью ихъ захвата, а вслѣдъ за тѣмъ и вскорѣ услышалъ выстрѣлы, на которые и поскакалъ и, можетъ быть, минутъ черезъ пять по высылкѣ моихъ казаковъ, очутился у лачуги, передъ которой горѣлъ большой костеръ. Казаки уже сдѣлали свое дѣло: три совершенно обобранныхъ трупа лежали на землѣ, а мои молодцы доѣдали угощеніе, среди котораго они прервали тѣхъ, кого они такъ быстро спровадили на тотъ свѣтъ.

И все это происходило при громкомъ смѣхѣ всей компаніи!!..

Наши войска, менѣе привыкшія къ жестокимъ и воинственнымъ нравамъ и обычаямъ населенія Кавказа, встрѣчаютъ смерть съ несравненно меньшимъ хладнокровіемъ. Помнится, что въ тотъ же день пришлось мнѣ вести въ огонь сотню Донскаго казачьяго № 42-го полка: нѣсколько казаковъ упало, и я видѣлъ, какъ вытянулись лица ихъ товарищей. Чтобы развеселить людей, я приказалъ запѣвалѣ Николаеву затянуть пѣсню, но мнѣ отвѣтили тягостнымъ молчаніемъ; я повторилъ приказаніе, и тогда старшій урядникъ доложилъ мнѣ вполголоса: „Николаева нѣтъ"!

Не трудно было понять, по его поблѣднѣвшему лицу, что онъ хотѣлъ выразить этимъ своимъ—„Николаева—нѣтъ!". Но нельзя было и казаковъ предоставить впечатлѣніямъ подобнаго рода, потому я изъ всѣхъ силъ крикнулъ: „слѣдующій"! Это подѣйствовало, они поняли, что на войнѣ излишняя чувствительность неумѣстна, и заорали во всю глотку: „Грянули чада тихаго Дона"!

Главныя силы, которыя все еще занимали Андію, нуждались въ продовольствіи. Чиркей былъ богатъ продовольствіемъ, но находился въ 80-ти верстахъ горной, только для вьюковъ проходимой дороги.

Нашъ обозъ сильно пострадалъ отъ дурной погоды, захватившей насъ еще въ началѣ кампаніи. Число вьючныхъ лошадей сократилось на половину, а оставшіяся были истощены и еле двигались.

28-го я получилъ приказаніе доставить транспортъ въ 500 лошадей, вмѣщавшій четырехдневное продовольствіе.

Для прикрытія транспорта мнѣ дали 6 ротъ пѣхоты, 2 орудія и 50 казаковъ. На войнѣ ничего нѣтъ непріятнѣе подобнаго рода порученій, такъ какъ тутъ не требуется ни сообразительности, ни храбрости, и все дѣло заключается лишь въ уклоненіи отъ боя и

избѣжаніи противника, о которомъ никогда не имѣешь никакихъ свѣдѣній.

Все сводится къ удачѣ, а таковую нельзя заказать даже на Кавказѣ, гдѣ впрочемъ въ ней нѣтъ недостатка.

Въ данномъ случаѣ на меня была возложена огромная отвѣтственность, и если бы я встрѣтилъ противника въ превосходныхъ силахъ и онъ пожелалъ бы сразиться, то мнѣ не было никакой надежды на спасеніе, а если бы я не дошелъ,—отрядъ въ Андіи умеръ бы съ голода. Ставка была крупная на этомъ зеленомъ полѣ фортуны, но на войнѣ, гдѣ дѣло идетъ не о червонцахъ, а о людяхъ,—поручаешь себя Богу, а не случаю. Часто повторяешь себѣ: „я сдѣлаю, что только возможно, а тамъ—будь, что будетъ“ и это помогаетъ вести свою ладью.

Первый разъ въ жизни я былъ назначенъ капитаномъ столь значительнаго ищущаго приключеній корабля, и я былъ скорѣе огорченъ, чѣмъ обрадованъ; къ счастью все обошлось благополучно.

Сорокъ часовъ спустя послѣ выступленія изъ Мичикале, я со всѣми моими людьми явился въ лагерь графа Воронцова. Спустя же 30 часовъ я уже нагналъ отрядъ полковника *Адлерберга* и былъ уже внѣ всякой опасности на остальное, въ 10 часовъ, время. Конные горцы провожали меня слѣва и перестрѣливались съ арріергардомъ, но серьезныхъ столкновеній не было. Покончивъ счеты съ непріятелемъ, я долженъ былъ принять мѣры противъ своихъ. Я уже говорилъ, что въ лагерѣ была голодовка, въ особенности въ частяхъ, недавно прибывшихъ изъ Россіи, нижніе чины которыхъ еще не умѣли сами находить себѣ источники удовлетворенія своихъ нуждъ, на что были такъ искусны наши старые, кавказскіе ворчуны.

Достигнувъ лагеря въ *Тилитлѣ*, я былъ осажденъ солдатами Житомирскаго полка, которые, повидимому, намѣревались разграбить порученный мнѣ транспортъ. Я хотѣлъ ихъ остановить, но они все продолжали подвигаться; пришлось, послѣ крѣпкихъ словъ, прибѣгнуть и къ крайнимъ средствамъ, и я противупоставилъ имъ одну изъ моихъ ротъ, съ приказаніемъ немедленно открыть огонь, если кто-нибудь изъ нихъ пошевелится. Этого было достаточно, бѣдняги вѣдь не бунтовали, а были только голодны, а противъ голода лучше всего дѣйствуетъ страхъ, и угроза прямо попадаетъ въ цѣль.

Мои доводы подѣйствовали и должно быть въ доказательство моей правоты они всѣ поснимали свои фуражки.

Оставивъ Адлербергу необходимое количество провіанта, я вступилъ въ Андію.

Непонятно, почему долина эта считается красивой, въ ней нѣтъ никакой растительности, долина, гдѣ только камни и скалы и гдѣ рѣдкіе клочки земли требуютъ отъ жителей много труда, дабы сдѣлаться годными для культуры.

Всѣ размѣры въ этой долинѣ такъ громадны, контуры горъ такъ красивы и такъ прихотливы, краски въ различные часы дня такъ ярки, такъ блестящи, что невозможно оставаться безмолвнымъ и равнодушнымъ передъ этой суровой и величественной природой.

Мы были поражены, насколько здѣсь все иначе, чѣмъ въ другихъ высокихъ горныхъ странахъ. Настоящая стѣна изъ скалъ, вертикальная и совершенно недоступная для всякаго живого существа, закрывала герметически долину Андіи отъ Гумбета, который мы только что оставили.

На разстояніи 6-ти верстъ мы шли вдоль подножія этой природной стѣны; затѣмъ дорога поворачивала налѣво и круто спускалась на разстояніи добрыхъ трехъ верстъ.

Внизу находился лагерь—единственное оживленное мѣсто среди этой громады скалъ, утесовъ и каменныхъ обломковъ. Меня радостно встрѣтили, такъ же и я былъ радъ очутиться „въ большомъ свѣтѣ".

На другой день, 1-го іюля, былъ день рожденія Ея Величества Государыни Императрицы. Графъ Воронцовъ пожелалъ этотъ день отпраздновать. Подъ открытымъ небомъ, на обширномъ бугрѣ, возвышавшемся надъ лагеремъ, была отслужена обѣдня; войска стали кругомъ въ сомкнутыхъ колоннахъ; это было чудное зрѣлище, еще болѣе выигрывавшее отъ красоты утра и отъ величія горъ, служившихъ рамой всей этой картинѣ. Въ то же время, впервые, раздалось христіанское пѣніе тамъ, гдѣ царилъ нераздѣльно исламъ.

Всѣ были проникнуты созерцаніемъ этого зрѣлища. Чтобы придать зрѣлищу еще болѣе живописности и сообщить ему чисто мѣстный колоритъ (что здѣсь представляется на каждомъ шагу), въ то время, когда мы молились Богу, въ разстояніи отъ насъ не болѣе пушечнаго выстрѣла,—завязалась стычка у нашихъ фуражировъ и настолько близко отъ насъ, что мы могли слѣдить за всѣми ея подробностями; звуки ружейныхъ выстрѣловъ поминутно сливались съ церковнымъ пѣніемъ.

Послѣ божественной службы графъ Воронцовъ собственноручно раздавалъ почетные георгіевскіе кресты только-что пожалованнымъ кавалерамъ за дѣла 6-го и 14-го іюня. Мои куринцы составляли большинство. Бѣдному графу Воронцову пришлось принять безконечное число поцѣлуевъ и объятій, что, въ минуты сердечной солдатской радости, здѣсь неизбѣжно для начальника.

На войнѣ хорошія и дурныя минуты необыкновенно быстро слѣдуютъ однѣ за другими и колесо фортуны вертится быстро. 2-го іюля небольшой отрядъ въ составѣ карабинеръ (1-й роты) моего баталіона былъ высланъ на нѣкоторое разстояніе отъ лагеря и наткнулся на лезгинъ, спрятавшихся при его приближеніи. Будучи открыты и атакованы, лезгины открыли огонь; мы лишились только одного человѣка и какъ разъ офицера, ведшаго отрядъ: онъ былъ очень молодъ, считался храбрѣйшимъ офицеромъ въ баталіонѣ, только-что получилъ чинъ за взятіе Анчимеера и былъ единственнымъ сыномъ бѣдной женщины, у которой никого болѣе не было близкихъ на свѣтѣ.

Сколько слезъ было пролито за его смертью! Мы всѣ много о немъ сожалѣли, такъ какъ онъ былъ очень любимъ и уважаемъ [1]). На другой день мы предали землѣ его смертные останки при пѣніи „Со святыми упокой", при барабанномъ боѣ и свистѣ пуль, какъ вообще водится на войнѣ; каждый изъ насъ подбросилъ шашкой земли въ его могилу, затѣмъ сгладили мѣсто, гдѣ его опустили въ землю, разложили здѣсь же еще и большой костеръ, чтобъ скрыть могилу отъ горцевъ, и такъ земля навѣки покрыла счастье бѣдной матери.

Мнѣ не было дано долго пользоваться шумной и веселой жизнью Главной квартиры [2]). Нашъ лагерь былъ расположенъ на склонѣ

---

[1]) Прапорщикъ *Канищевъ* блистательно распорядился съ 8 охотниками, двое горцевъ были убиты и нѣсколько ранены, но и самъ онъ былъ убитъ выстрѣломъ въ упоръ; случилось это дѣло 1-го іюля. *Б. К.*

[2]) „Большой свѣтъ", жившій шумной и веселой жизнью, о которомъ говоритъ Бенкендорфъ и который онъ навѣщалъ, состоялъ изъ молодежи состава Главной квартиры, молодежи, правда, праздной, но очень порядочной, храброй, дружной и веселой въ самыя трудныя минуты: здѣсь судили и рядили, каламбурили, сочиняли стихи—pieces des circonstandes, пѣли и попивали, пока было вино. Ядро этого кружка составили лица бывшаго штаба ген. Нейдгарда и старые кавказцы, а именно: *князь Ал. Мих. Дундуковъ-Корсаковъ, князь Козловскій* и *Глѣбовъ* и къ нимъ примкнули адъютанты Воронцова—*Лонгиновъ* (вскорѣ убитый), князь Серг. Илар. *Васильчиковъ* и князь *Ревасъ Андрониковъ*, состоявшій при Воронцовѣ для порученій, *Мих. Павл. Щербининъ* и старые кавказцы: Ген. штаба капитанъ Ал. Ник. *Веревкинъ* и Ник. Яков. *Дружининъ*, генералъ *Безобразовъ*, университ. товарищъ Дундукова юнкеръ *Мельниковъ* (вскорѣ убитый), и ординарецъ Лидерса, веселый юнкеръ *Амосовъ*—поэтъ-импровизаторъ, вскорѣ раненый въ лицо и тутъ не переставшій шутить и каламбурить.

Остальныя лица штаба держали себя отдѣльно. Графъ Воронцовъ относился къ этому кружку безразлично, сужденія кружка невсегда, однако, ему нравились, но былъ доволенъ, видя веселый духъ своей Главной квартиры и не сомнѣваясь въ отличной храбрости чиновъ ея.

По словамъ участника *барона Дельвига*, „все что было замѣчательно

довольно крутой горы, у подножія которой находился аулъ *Гогатл* на выступавшемъ впередъ мысѣ. Къ сторонѣ Технуцала, въ главной мечети селенія, единственномъ неразрушенномъ зданіи былъ помѣщенъ главный госпиталь отряда, а самое селеніе занято и обороняемо 3-мъ баталіономъ апшеронцевъ, подъ командой храбраго полковника *Познанскаго*.

Я получилъ приказаніе смѣнить его съ моими куринцами и принять общее командованіе этимъ, нами укрѣпленнымъ, пунктомъ. Назначеніе было почетное. Познанскому уже пришлось выдержать нѣсколько боевъ, и онъ оставилъ мнѣ на аванпостахъ, въ видѣ трофеевъ, три головы горцевъ, насаженныя на колья, что должно было служить пугаломъ для нашихъ противниковъ.

Храбрый Познанскій тоже умеръ! Разставаясь съ нимъ въ Гогатлѣ, мы дружески пожали другъ другу руки, и больше я уже съ нимъ не встрѣчался; нѣсколько всего дней спустя онъ былъ убитъ

въ отрядѣ, рисовалось *графомъ де Бальменомъ* (здѣсь убитымъ) и воспѣвалось *Амосовымъ*. Такъ, въ Гогатлѣ, когда у Лидерса разъ собрались узнать, какъ онъ себя чувствуетъ послѣ ушиба, Лидерсъ просилъ и не говорить объ ушибѣ и приказалъ дать шампанскаго, и когда бокалы наполнились, то Амосовъ запѣлъ:

Нашъ храбрый генералъ,
Прогнавъ черкесъ къ шайтану,
Шампанскаго намъ далъ,
По полному стакану.
Ура! Ура!
Чеченскій нашъ отрядъ. Ура!

Князь Дундуковъ разсказываетъ, что была сочинена длинная пѣснь, на голосъ тогда извѣстной пѣсни: „messieurs les etudiants, s'en vont à la chaumière" и по случаю оставленія непріятелемъ Андійскихъ воротъ и несбывшихся надеждъ на бой сочинили:

Les portes de L'Andie
Sont comme des portes cocères,
En haut il est écrit:
Vous n'entrerez sans faire
La guerre toujours,
La nuit et comme le jour.

Впослѣдствіи на сухарную экспедицію подъ начальствомъ Клюки фонъ Клюгенау пѣли:

La général Klouxa
Dans l'affaire des biscuits
Ne nous rapporta
Que des blessés et lui
La guerre etc.

Только отрывки изъ этой длинной пѣсни сохранились въ памяти князя Дундукова и барона Дельвига и, судя по нимъ, она остроумна и подъ видомъ шутки и въ намекахъ высказываетъ немало истинъ. *Б. К.*

наповалъ пулей въ лобъ. Это былъ достойный и прекрасный человѣкъ и одинъ изъ тѣхъ офицеровъ, о смерти которыхъ сохранишь вѣчное сожалѣніе.

Смерть подкашиваетъ своей косой почти всегда лучшихъ людей. 3-й баталіонъ Апшеронскаго полка имѣлъ 800 штыковъ, мой баталіонъ, имѣвшій въ началѣ кампаніи 700 штыковъ, теперь понизился до 500 и, главнымъ образомъ, благодаря описаннымъ мною страданіямъ на „холодной" горѣ.

Чтобы прикрыть все, порученное мнѣ для обороны, мнѣ пришлось сильно растянуться и, показывая силу, скрывать свою слабость.

Впрочемъ, занимаемая мною позиція была очень сильна, а въ случаѣ опасности развалины аула Гогатль могли послужить мнѣ опорнымъ пунктомъ, и никакой противникъ не могъ бы меня оттуда выбить.

Мое отдѣльное расположеніе снова вынудило меня прервать сношенія съ Главной квартирой. Тамъ еще не потеряли надежды на добровольную сдачу андійцевъ, что думали ускорить нашимъ продолжительнымъ пребываніемъ въ горахъ и все еще надѣялись, что жители Дагестана сумѣютъ отдѣлить свои интересы отъ интересовъ Шамиля, поймутъ свои интересы и что увидятъ, наконецъ, въ насъ своихъ избавителей, а не враговъ. Въ Главной квартирѣ убаюкивали себя надеждой, что жители съ благодарностью примутъ тутъ же предложенную имъ нами помощь и поддержку, мечтая, что успѣхъ нашего оружія и прокламаціи и слова мира, исходящія изъ нашего лагеря, разорвутъ узы подчиненія различныхъ народностей Шамилю — главному препятствію нашего владычества на Кавказѣ.

Всѣ эти предположенія были ошибочны, и истинное впечатлѣніе, произведенное на противника занятіемъ нами Андіи, было или мало извѣстно, или недостаточно оцѣнено.

Страхъ — лучшій стимулъ для воздѣйствія противъ азіатскихъ народностей. Для азіата власть сильна только тогда, когда она исходитъ отъ воли безграничной и безконтрольной, когда изображеніе этого всемогущества для толпы видится сквозь призму ужаса и непроницаемой тайны. Русскіе же начальники почти всѣ доступны, не имѣютъ никакого престижа въ глазахъ горцевъ, слишкомъ добродушны для внушенія страха, и азіаты боятся только русскихъ пушекъ и штыковъ, но никогда, — ни ихъ гнѣва, ни ихъ мщенія; русскіе страшны только во время боя, а послѣ боя—прощаютъ, ласкаютъ, братаются; ихъ всегда можно обойти, ихъ негодованіе не требуетъ даже наказанія вчерашняго измѣн-

ника, въ сотый разъ предававшаго ихъ непріятелю; того, кого столько разъ обманывалъ и предавалъ, того, разсуждаютъ азіаты, всегда можно легко обмануть и еще.

Съ Шамилемъ же дѣло обстоитъ совершенно иначе: съ нимъ нельзя не считаться, съ нимъ нельзя вести двойной игры и держаться середины. Съ Шамилемъ нужно выбирать между смертью и безграничной преданностью; при малѣйшемъ подозрѣніи — отсѣкаютъ голову и, разъ Шамилемъ произнесенъ приговоръ, никуда не уйдешь отъ его мюридовъ.

Мы же, наоборотъ, ни въ Дагестанѣ, ни въ Чечнѣ, не въ состояніи ни наказывать преступниковъ, ни оказывать покровительство и помощь нашимъ друзьямъ.

Оставаться вѣчно въ горахъ мы не можемъ, а послѣ нашего отъѣзда, какая участь ожидаетъ тѣхъ, которые перейдутъ на нашу сторону? [1])

При данныхъ условіяхъ силы и могущества Шамиля, единственнымъ способомъ избѣжать его мщенія остается слѣдовать за русскими, эмигрировать и горы, и лѣсъ бросить для равнины. Но сколько разъ слышалъ я отъ моего стараго Муссы, бѣжавшаго изъ Андіи при первоначальномъ занятіи ея мюридами, что лучше жить въ лохмотьяхъ въ горахъ, чѣмъ въ богатствѣ на равнинѣ и что всѣ сокровища земли не стоятъ капли воды изъ родника родной земли.

До сихъ поръ Шамиль не терялъ насъ изъ виду, дѣйствуя по отношенію насъ съ необыкновенной осторожностью и недовѣріемъ, по отношенію же своихъ, въ цѣляхъ объединенія и подчиненія себѣ, проявлялъ силу и страшную энергію. Палачи его не переставали отсѣкать головы, что происходило вблизи нашего лагеря, и къ этимъ отсѣченнымъ головамъ привязывались надписи: „такая же судьба ожидаетъ всякаго мусульманина, который заговоритъ о мирѣ съ русскими“. Мѣры эти достигли своей цѣли: передъ мечемъ и сѣкирой исчезла всякая оппозиція, и мы не только что лишились всѣхъ своихъ партизановъ; но уже не находили и лазутчиковъ.

Намъ оставалось довершить вторую половину кампаніи взя-

---

[1]) Всѣ эти глубоко-вѣрныя соображенія, показывающія пониманіе Бенкендорфомъ условія войны на Кавказѣ и раздѣляемыя кавказскими офицерами, совершенно не принимались въ соображеніе Петербургомъ, составлявшимъ планъ покоренія вообще и экспедицій въ частности.

тіемъ и разрушеніемъ Дарго, что громко отозвалось бы повсюду, и уравняло бы шансы начатой борьбы [1]).

Доставка генераломъ *Викторовымъ* транспорта съ десятидневнымъ довольствіемъ давала графу Воронцову полную свободу дѣйствій и избавляла его на нѣкоторое время отъ всѣхъ тѣхъ помѣхъ и вѣчныхъ затрудненій, которыя въ дальнихъ экспедиціяхъ вызываются обыкновенно вопросомъ снабженія.

Поминутно приходится мнѣ называть лицъ, которыя болѣе уже не существуютъ!..

Викторовъ—почтенный и благородный, человѣкъ—внѣ всякаго упрека, уважаемый всѣми, кто только его зналъ, принадлежалъ къ числу тѣхъ, кого солдаты на своемъ простомъ языкѣ называютъ— „старый кремень“.

Ему было около 60-ти лѣтъ, онъ воевалъ въ молодости и страстно любилъ военное дѣло. Назначенный на должность, исключавшую участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ (начальника жандармскаго управленія Кавказскаго округа), генералъ Викторовъ, въ предвѣдѣніи экспедиціи, не могъ спокойно оставаться дома, и графу Воронцову пришлось уступить его настоятельнымъ и настойчивымъ просьбамъ и назначить въ экспедицію этого года; будь иначе, и не участвуя въ дѣлахъ, онъ бы умеръ въ Тифлисѣ отъ тоски. Не подозрѣвая, что эта кампанія будетъ ему послѣдней, онъ присоединился къ намъ, и въ лѣсахъ Ичкеріи ему выпала честь, принадлежащая по праву людямъ его закала, — пасть смертью храбрыхъ.

День 5-го іюля былъ назначенъ днемъ выступленія и взятія Дарго; дороги, туда ведшія, были изслѣдованы, въ направленіяхъ къ Дарго были исполнены развѣдки и съ вечера были установлены и приняты необходимыя мѣры.

Каждый изъ насъ зналъ напередъ свою роль въ этотъ великій день, и каждый напередъ могъ или убаюкивать себя мечтами о славѣ, или быть предоставленъ той душевной борьбѣ, которой, зачастую, подвергается энергія мужественнаго бойца передъ мрачнымъ предчувствіемъ, которое представляетъ его воображенію увѣренность и близость страшной и неминуемой опасности.

Насколько короткой кажется ночь въ эти критическія минуты!!.

Какъ рано встаетъ солнце! Какъ прекрасна жизнь повсюду, исключая того мѣста, гдѣ теперь находишься! Сколько нужно силы

---

[1]) Здѣсь Бенкендорфъ неправъ, вышло не только хуже, но совсѣмъ скверно, хотя если бы гр. Воронцовъ дѣйствовалъ осмотрительнѣе, то не было бы такъ плохо.

Б. К.

воли, чтобы побороть себя и казаться такимъ, какимъ желаешь себя показать въ день боя! Высказаться въ испытываемомъ чувствѣ не посмѣешь лучшему другу, скрываешь его отъ самого себ самому себѣ не посмѣешь сознаться въ этомъ чувствѣ, но пуще всего не осмѣлишься даже самому себѣ назвать это чувство.

А между тѣмъ это чувство тутъ, на-лицо, оно давитъ васъ, гложетъ и преслѣдуетъ до перваго полученнаго вами приказанія, до минуты пробитія барабанами сигнала подъема, до перваго поданнаго вами боевого сигнала, до первой просвистѣвшей у вашихъ ушей пули!!.

Все тогда забыто, — существованіе, предчувствія, счастье и радости жизни и передъ вами только чувство долга и чести! [1])

Вечеръ 4-го іюня былъ теплый, тихій и ясный, одинъ изъ лучшихъ вечеровъ, который я сохранилъ въ своей памяти. *Баронъ Николаи* [2]) и *Лобановъ* пришли поужинать со мной и сидѣли до полуночи. Я потомъ проводилъ ихъ съ десяткомъ моихъ егерей черезъ груды развалинъ и глубокіе овраги, которые отдѣляли мой небольшой отрядъ отъ большого лагеря.

За каждымъ угломъ стѣны мы могли наткнуться на мародеровъ непріятеля, но только кошки, единственные обитатели развалинъ, были невольной причиной нашихъ тревогъ. Вернувшись, я еще разъ обошелъ передовые посты и, успокоенный найденной всюду бдительностью и порядкомъ, улегся на коврѣ, служившимъ мнѣ кроватью и не для того, чтобы мечтать о славѣ или бороться съ предчувствіями смерти, а просто—чтобы заснуть.

Но не успѣлъ я заснуть, какъ внезапно былъ разбуженъ звуками выстрѣловъ, слѣдующихъ одни за другими, и свистомъ цѣлаго града пуль. Въ одинъ мигъ я очутился у орудія, составлявшаго центръ моего расположенія. Гиканіе и крики—„гяуръ!“ все увеличивались. Ночь была темная и послѣ каждаго выстрѣла казалась еще темнѣе. Я приказалъ частямъ, выдвинутымъ впередъ, оставаться на мѣстѣ, что въ подобныхъ случаяхъ служитъ единственнымъ средствомъ сохранять порядокъ у себя и вызывать его у противника, приходящаго обыкновенно въ смущеніе при встрѣчѣ спокойнаго и хладнокровнаго отпора. Я собралъ своихъ людей за орудіемъ, заряженнымъ картечью, и когда мы осмотрѣлись, и когда я убѣдился, что непріятель ограничивается безпорядочной стрѣльбой,

---

[1]) Какъ это искренно и правдиво, съ чѣмъ согласится каждый, бывшій въ подобной обстановкѣ.

[2]) Александръ Павловичъ, впослѣдствіи, завѣдующій гражданской частью управленія Кавказа и министръ народнаго просвѣщенія.

не наступая, и только оглушаетъ насъ своимъ гикомъ, то я послалъ *Колюбакина* выбить горцевъ и избавить насъ отъ нихъ, давъ намъ возможность вернуться къ отдыху и сну.

Черезъ часъ все успокоилось, намъ это стоило часа сна, а главная квартира и лагерь получили лишнее чудное зрѣлище. Картина должна была быть дѣйствительно эффектной и живописной: темная, какая только бываетъ на югѣ ночь, освѣщенная только тысячью зигзаговъ безчисленныхъ выстрѣловъ и оживленная только дикими криками горцевъ, криками „ура" русскихъ и звуками нашихъ сигнальныхъ рожковъ. Все это происходило въ самомъ темномъ мѣстѣ долины, такъ что не былъ потерянъ ни одинъ свѣтовой эффектъ и всѣ могли любоваться зрѣлищемъ; никакой фейерверкъ не могъ быть красивѣе.

Мой сонъ былъ настолько потревоженъ этимъ происшествіемъ, что я былъ совсѣмъ разбитъ, когда мнѣ пришлось встать, чтобы поднять нашъ лагерь, навьючить лошадей и выступить въ походъ.

Для обезпеченія нашихъ сообщеній съ Чиркеемъ, у Гогатля оставлена часть 2-го баталіона Прагскаго полка подъ начальствомъ полковника *Бельгарда*. Весь же главный отрядъ въ составѣ 13-ти баталіоновъ, 16-ти орудій и милиціи повернулъ къ сѣверу и покинулъ Андію [1]).

Мы поднялись по длинному скату, который составляетъ южный склонъ гребня, отдѣляющаго Андію отъ Чечни. Мы прошли у подножія стѣны изъ остроконечныхъ скалъ, поднимающейся со стороны Гумбета и служащей издали, со стороны равнины, маякомъ для оріентированія среди неровностей, составляющихъ гребень этой части Лезгистана. Поднявшись на вершину, мы продолжали слѣдованіе черезъ очень узкое дефиле, и не имѣя возможности развернуться въ ширину, наша колонна очень растянулась.

Характеръ мѣстности не измѣнился, мы все еще находились въ этой промежуточной (между Дагестаномъ и Чечней) части,—безплодной, лишенной деревьевъ, имѣющей лишь плоскія и рѣдкія пастбища, которыя отъ подножія высокаго гребня простираются до предѣловъ нагорной Чечни. Страна эта представляетъ нѣкоторое сходство съ нѣмецкимъ Шварцвальдомъ.

Мы прошли, примѣрно, уже верстъ 12 пути, когда увидѣли, что чины Главной квартиры расположились на холмахъ по обѣимъ сторонамъ дороги, подобно тому, какъ, двигаясь на равнинѣ, казачьи разъѣзды выѣзжаютъ на курганы для обозрѣнія мѣстности.

---

[1]) Въ общемъ, въ составѣ около 8.500 штыковъ и шашекъ, т. е. 8.500 бойцевъ.

Что за неоцѣненное сокровище имѣетъ Россія въ своихъ многочисленныхъ казачьихъ населеніяхъ, которыя служатъ, не только оплотомъ противъ нашествій, но и первыми этапами на пути завоеваній къ югу, и мы живемъ спокойно подъ охраной этихъ воиновъ съ длинными пиками, сторожащихъ Россію съ кургана на курганъ отъ береговъ Дуная до Кяхты.

Приказано стать всѣмъ на большой привалъ на 4 часа; солдаты развели костры изъ принесенныхъ съ собой полѣньевъ и поставили на огонь свои котелки.

Контрфорсъ горъ, по которому мы двигались, кончаясь почти остріемъ, вынудилъ насъ стѣсниться до возможной степени на послѣднемъ уступѣ этого длиннаго языка. У самыхъ нашихъ ногъ разстилалась Ичкерія. Это было чудное зрѣлище необозримыхъ лѣсовъ, которое войска привѣтствовали долгими криками „ура“, переходившими отъ баталіона къ баталіону, по мѣрѣ того, какъ они достигали мѣста бивака. Для войскъ это былъ какъ бы выходъ изъ тюрьмы; они достигли земли, знакомой имъ съ дѣтства, гдѣ они найдутъ кое-какія средства, скрашивающія жизнь на бивакѣ: дрова, сѣно, солому, изрѣдка фрукты и овощи и гдѣ они могутъ наконецъ проститься съ пропастями Дагестана, внушавшими имъ только ужасъ и отвращеніе.

Для офицеровъ представлялось тоже нѣчто новое, а все новое очень цѣнится въ боевой жизни, гдѣ столь живо чувствуется потребность возбужденій и ощущеній, что составляетъ поэзію военнаго ремесла; если бы разнообразіе событій не заставляло бы вибрировать сердце, то явилось бы усыпленіе, чувство скуки и сожалѣніе посвященія лучшихъ годовъ своей жизни монотоннымъ занятіямъ подъ однообразный бой барабана. Для многихъ изъ насъ это первоначальное радостное чувство скоро замѣнилось бы разсужденіями тягостнаго свойства.

Къ тяжелымъ воспоминаніямъ лѣсного похода въ Чечнѣ въ1842 г. (графа Граббе), къ памяти кровавыхъ эпизодовъ и эпизодовъ рѣзни этой экспедиціи [1]) теперь присоединилось еще и недостаточное довѣріе въ отрядѣ къ распоряженіямъ штаба отряда по обезпеченію порядка движенія и его охраненія, штаба, состоявшаго изъ людей,

---

[1]) Исполненной подъ давленіемъ, руководствомъ и наблюденіемъ самого военнаго министра графа Чернышева, мнившаго изъ себя знатока военнаго дѣла, нарочно прибывшаго для этого на линію и лично встрѣчавшаго у Герзель-аула ужасное обратное возвращеніе отряда изъ этой кровавой и зловреднѣйшей для насъ по результатамъ и послѣдствіямъ бѣдственной экспедиціи 1842 года.

совершенно чуждыхъ веденію войны на Кавказѣ [1]); особенно были подвержены критикѣ распоряженія по нашему отряду на этотъ день [2]).

Вообще же находили, что въ экспедиціонномъ корпусѣ недостаточно считались съ опытомъ прошлаго, сожалѣли, что были устранены люди опыта [3]), между тѣмъ какъ прибывшіе изъ Россіи новички проводили свою скороспѣлую науку, примѣняли на практикѣ свои теоріи, придуманныя въ мирное время, и свои правила для боя, составленныя вдали отъ боевой дѣйствительности [4]).

И въ этомъ обвиненіи была своя доля правды [5]); досужіе люди лагеря подхватывали эти обвиненія, чтобы еще болѣе выдвинуть ихъ значеніе [6]).

Между старыми кавказскими войсками и вновь прибывшими изъ Россіи существовало извѣстное чувство соревнованія: у однихъ (кавказцевъ) было чувство презрѣнія [7]), у другихъ (такъ наз.

---

[1]) Это совершенно вѣрно. Уже въ бывшемъ штабѣ ген.-адъют. Нейдгарта (предшественника гр. Воронцова), присоединеннаго Воронцовымъ къ своему штабу, было много новыхъ для Кавказа офицеровъ, гр. Воронцовъ привезъ еще своихъ новыхъ, а штабъ Чеченскаго отряда ген.-адъют. Лидерса (весь штабъ V корпуса) состоялъ сплошь изъ офицеровъ, впервые бывшихъ на Кавказѣ, и это уже не была вина Воронцова, ибо составъ Чеченскаго отряда и его штабъ были указаны распоряженіемъ изъ Петербурга, попеченіемъ графа Чернышева, равно какъ и планъ этой экспедиціи. Остается только удивляться этому вмѣшательству Петербурга и этому полному игнорированію знаній и опыта кавказскихъ дѣятелей. Послѣ 1845 г. гр. Воронцовъ открылъ борьбу съ этимъ вмѣшательствомъ и во многомъ преуспѣлъ. *Б. К.*

[2]) Дѣйствительно, этотъ 20-ти верстный переходъ прямо въ Дарго, съ прохожденіемъ 5-ти верстнаго лѣсного перешейка являлся необдуманнымъ и опаснымъ предпріятіемъ, а незанятіе опорныхъ пунктовъ перешейка погубило всю экспедицію, вызвавъ чудовищныя и невозвратимыя потери при троекратномъ прохожденіи лѣсного перешейка. *Б. К.*

[3]) Начиная съ князя Аргутинскаго и Фрейтага и другихъ, бывшихъ даже въ составѣ отряда, какъ—Лабынцевъ, Ковалевскій.

[4]) Науку, вынесенную, преимущественно, изъ Красносельскаго лагеря, такъ какъ тогда упражненія этого лагеря считались верхомъ военнаго искусства и съ воззрѣніями, въ немъ вырабатывавшимися, считалась даже академія и курсы тактики, хотя всѣ маневры и производились смотровымъ порядкомъ.

[5]) Даже незлобивый, деликатный и сдержанный Бенкендорфъ не удержался отъ критики этого нецѣлесообразнаго и бѣдственнаго похода.

[6]) Въ изобиліи досужихъ людей виноватъ и самъ графъ Воронцовъ, грубо нарушившій правило, вѣрнѣе—законъ, чтобы въ штабахъ не было лишнихъ людей и вообще ни одного человѣка, не имѣющаго опредѣленныхъ занятій.

[7]) Это презрѣніе исходило изъ сознанія своего боевого и вообще военнаго въ широкомъ значеніи слова превосходства, которымъ были проникнуты одинаково и офицеры и нижніе чины Кавказскаго корпуса.

россійскихъ войскъ)—было грубое осужденіе; насъ, старыхъ кавказцевъ, считали недисциплинированными разбойниками [1]).

Къ счастью, выше всѣхъ этихъ осужденій и внѣ общественной немилости, которой подверглись нѣкоторые частные начальники [2]), стояла личность графа Воронцова и стояла высоко въ общемъ уваженіи, и въ сердцѣ каждаго царило безграничное къ нему довѣріе, и это отношеніе войскъ къ нему обезоруживало самыхъ необузданныхъ. Въ войскахъ, искусившихся въ войнѣ, подобно кавказскимъ, какъ офицеры, такъ и нижніе чины, схватываютъ на-лету всѣ качества и недостатки своего предводителя, отъ нихъ уже ничто не ускользнетъ, а потому ихъ одобреніе, идущее прямо отъ сердца,—наиболѣе лестно и суть лучшая—какую только можно получить—награда.

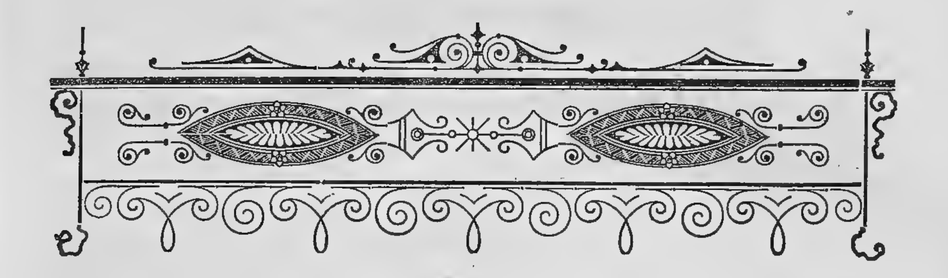
Сообщилъ Б. М. Колюбакинъ.

---

[1]) Любопытна, въ этомъ отношеніи, повторяемость явленій и въ 1877 г. между кавказскими войсками и пришедшими изъ Россіи немедленно установились тѣ же отношенія, даже примѣнялся по отношенію побѣдоносныхъ кавказскихъ войскъ этотъ послѣдній эпитетъ.

[2]) Къ таковымъ слѣдуетъ отнести большую часть бригадныхъ и полковыхъ и чиновъ штаба частей, пришедшихъ изъ Россіи, какъ г.-м. *Бѣлявскій,* полковникъ *Мильковскій* и др., а изъ кавказцевъ—Клюки фонъ Клюгенау или ген. Клюха, какъ называли его солдаты; Клюгенау сильно осуждали въ отрядѣ за сухарную окказію 11 и 12 іюля.

XVIII вѣкъ въ освѣщеніи проф. В. О. Ключевскаго.

(Отъ младенчества Петра В. до переворота 1762 г.).

Въ минувшемъ году журналъ нашъ помѣстилъ характеристику талантливѣйшаго русскаго историка, сдѣланную И. Бороздинымъ [1]). Немногими словами авторъ, какъ намъ кажется, съ достаточною полнотою и яркостью опредѣлилъ достоинства научныхъ работъ московскаго профессора и, намѣреваясь теперь познакомить читателя съ вышедшею не очень давно четвертою частью его „Курса русской исторіи“, считаемъ излишнимъ напоминать о томъ, что относится до общихъ свойствъ этого исключительнаго дарованія. Всѣ вышедшіе томы многозначительны по своему содержанію, но, естественно, что съ увеличеніемъ ихъ числа историческая картина, развертываясь шире, уясняетъ ходъ русской жизни съ большею наглядностью, а съ приближеніемъ къ нашему вѣку связь прошлаго съ нынѣшнимъ становится все несомнѣннѣе. Четвертый томъ привлекаетъ особенное вниманіе еще вслѣдствіе того, что XVIII вѣкъ, за немногими исключеніями, былъ представленъ читающей публикѣ со своей парадной стороны. Ключевскій даетъ другое. Вникая въ темныя глубины событій, онъ съ одинаковымъ искусствомъ изслѣдуетъ причины и оцѣниваетъ результаты по ихъ соціальному, экономическому и культурному значенію. Въ его книгѣ — канва жизни прошлаго, а благодаря выдающемуся литературному таланту автора курсомъ заинтересована и та часть общества, которая не слѣдила за спеціальными изслѣдованіями, удовлетворялась умѣлымъ разсказомъ не слишкомъ научнаго содержанія. XVIII вѣкъ у насъ лю-

---

[1]) См. „Русскую Старину“ апрѣль 1910 годъ.

бятъ, даже знаютъ, но мало въ него вникаютъ, и велика заслуга ученаго, давшаго нынѣ въ несравненно блестящей, доступной формѣ цѣнные выводы и тонкіе разборы крупнѣйшихъ историческихъ вопросовъ.

Вполнѣ естественно, что большая часть тома отведена жизни и дѣятельности Петра В. Свѣжими красками пишетъ Ключевскій картину юныхъ лѣтъ преобразователя, ту обстановку, въ которой вскормились его чувства и сложились его мысли. „Какъ только Петръ сталъ помнить себя, онъ былъ окруженъ въ своей дѣтской иноземными вещами; все, во что онъ игралъ, напоминало ему нѣмца“ (стр. 1).

„Съ лѣтами дѣтская Петра наполняется предметами военнаго дѣла. Въ ней появляется цѣлый арсеналъ игрушечнаго оружія, и въ нѣкоторыхъ мелочахъ этого дѣтскаго арсенала отразились тревожныя заботы взрослыхъ людей того времени. Такъ въ дѣтской Петра довольно полно представлена была московская артиллерія, встрѣчаемъ много деревянныхъ пищалей и пушекъ съ лошадками“ (стр. 2).

Майскіе ужасы 1682 г. (стрѣлецкій мятежъ) неизгладимо врѣзались въ его памяти. „Онъ понялъ въ нихъ больше, чѣмъ можно было предполагать по его возрасту: черезъ годъ 11-лѣтній Петръ по развитости показался иноземному послу 16-лѣтнимъ юношей. Старая Русь тутъ встала и вскрылась передъ Петромъ со всей своей многовѣковой работой и ея плодами“ (стр. 7).

„Отъ общественныхъ силъ, считавшихся опорами государственнаго порядка (духовенство, бояре и дворяне), Петръ отвернулся прежде, чѣмъ могъ сообразить, какъ обойтись безъ нихъ и чѣмъ ихъ можно замѣнить. Съ тѣхъ поръ московскій Кремль ему опротивѣлъ и былъ осужденъ на участь заброшенной барской усадьбы со своими древностями, запутанными дворцовыми хоромами и доживавшими въ нихъ свой вѣкъ царевнами, тетками и сестрами, двумя Михайловнами и семью Алексѣевнами, и съ сотнями ихъ пѣвчихъ, крестовыхъ дьяковъ и „всякихъ верховыхъ чиновъ“ (стр. 8).

„Современники приписывали природной склонности пробудившееся еще въ младенчествѣ увлеченіе Петра военнымъ дѣломъ. Темпераментъ подогрѣвалъ эту охоту и превратилъ ее въ страсть, толки окружающихъ о войскахъ иноземнаго строя, можетъ быть, и разсказъ Зотова (учителя) объ отцовыхъ войнахъ дали съ лѣтами юношескому спорту опредѣленную цѣль, а острыя впечатлѣнія мятежнаго 1682 года вмѣшали въ дѣло чувство личнаго самосохраненія и мести за обиды. Стрѣльцы дали незаконную власть царевнѣ Софьѣ: надо завести своего солдата, чтобы оборониться отъ

своевольной сестры. По сохранившимся дворцовымъ записямъ можно слѣдить за занятіями Петра, если не за каждымъ шагомъ его въ эти годы. Здѣсь видимъ, какъ игра съ лѣтами разрастается и осложняется, принимая все новыя формы и вбирая въ себя разнообразныя отрасли военнаго дѣла" (стр.9).

Указывая, что обученіе Петра послѣ десяти лѣтъ пошло въ иномъ направленіи, чѣмъ его старшихъ братьевъ, и мѣсто Симеона Полоцкаго или Ртищева заступилъ голландскій мастеръ со своими математическими и военными науками, историкъ заключаетъ: „Прежде, при Зотовѣ, была занята преимущественно память; теперь вовлечены были въ занятія еще глазъ, сноровка, сообразительность; разумъ, сердце, оставались праздными по-прежнему. Понятія и наклонности Петра получили крайне одностороннее направленіе. Вся политическая мысль его была поглощена борьбой съ сестрой и Милославскими; все гражданское настроеніе его сложилось изъ ненавистей и антипатій къ духовенству, боярству, стрѣльцамъ, раскольникамъ; солдаты, пушки, фортеціи, корабли, заняли въ его умѣ мѣсто людей, политическихъ учрежденій, народныхъ нуждъ, гражданскихъ отношеній. Необходимая для каждаго мыслящаго человѣка область понятій объ обществѣ и общественныхъ обязанностяхъ, гражданская этика, долго, очень долго оставалась заброшеннымъ угломъ въ духовномъ хозяйствѣ Петра. Онъ пересталъ думать объ обществѣ раньше, нежели успѣлъ сообразить, чѣмъ могъ быть для него" (стр. 16—17).

В. О. Ключевсяій очень подробно остановился на дѣтствѣ и молодости Петра, что само собою понятно. Характеръ воспитанія и своеобразіе обстановки въ этихъ возрастахъ создали особенность склада всего дѣла его жизни. Что касается воинскихъ потѣхъ Петра, то „съ лѣтами игра незамѣтно теряла характеръ дѣтской забавы и становилась серьезнымъ дѣломъ: это потому, что и въ дѣтствѣ она была очень похожа на серьезное дѣло, о которомъ думали старшіе современники Петра. Вмѣстѣ съ царемъ росло и все незрѣлое, что его окружало, и пушки, и люди" (стр. 23).

Любопытны въ дальнѣйшей передачѣ жизни Петра штрихи изъ его путешествія по Европѣ; въ числѣ общеизвѣстныхъ есть и малознакомыя нашей публикѣ подробности. „Петръ слушалъ лекціи профессора анатоміи Рюйша, присутствовалъ при операціяхъ и, увидавъ въ его анатомическомъ кабинетѣ превосходно препарированный трупъ ребенка, который улыбался, какъ живой, не утерпѣлъ и поцѣловалъ его. Въ Лейпцигѣ онъ заглянулъ въ анатомическій театръ доктора Боэргава, медицинскаго свѣтила того времени, и замѣтивъ, что нѣкоторые изъ русской свиты выказы-

ваютъ отвращеніе къ мертвому тѣлу, заставилъ ихъ зубами разрывать мускулы трупа“ (стр. 28).

Въ Англіи „не разъ бывали въ Тауэрѣ, привлекавшемъ своимъ монетнымъ дворомъ и политической тюрьмой, „гдѣ англійскихъ честныхъ людей сажаютъ за караулъ“, и разъ заглянули въ парламентъ. Сохранилось особое сказаніе объ этомъ „скрытномъ“ посѣщеніи, очевидно, „Верхней палаты, гдѣ Петръ видѣлъ короля на тронѣ и всѣхъ вельможъ королевства на скамьяхъ. Выслушавъ пренія съ помощью переводчика, Петръ сказалъ своимъ русскимъ спутникамъ: „весело слушать, когда подданные открыто говорятъ своему государю правду; вотъ чему надо учиться у англичанъ“ (стр. 29—30).

Англійскаго епископа Бернета „Петръ одинаково поразилъ своими способностями и недостатками, даже пороками, особенно грубостью, и ученый англійскій іерархъ не совсѣмъ набожно отказывается понять неисповѣдимые пути Провидѣнія, вручившаго такому необузданному человѣку безграничную власть надъ столь значительною частью свѣта.

Но Петру было не до впечатлѣнія, оставляемаго имъ въ Западной Европѣ...“ (стр. 31).

„Тотчасъ по пріѣздѣ въ Москву онъ принялся за жестокій розыскъ новаго стрѣлецкаго мятежа, на много дней погрузился въ раздражающія занятія со своими старыми недругами, вновь поднятыми мятежной сестрой. Это воскресило въ немъ дѣтскія впечатлѣнія 1682 г. Ненавистный образъ сестры съ ея родственниками и друзьями, Милославскими и Шакловитыми, опять возсталъ въ его нервномъ воображеніи со всѣми ужасами, какихъ онъ привыкъ ожидать съ этой стороны. Не даромъ Петръ былъ совершенно внѣ себя во время этого розыска и въ пыточномъ застѣнкѣ, какъ тогда разсказывали, не утерпѣвъ, самъ рубилъ головы стрѣльцамъ. А затѣмъ Петръ почти безъ передышки долженъ былъ приняться за другое еще болѣе тяжелое дѣло: черезъ два года по возвращеніи изъ-за границы началась Сѣверная война. Торопливая и подвижная, лихорадочная дѣятельность, сама собою начавшаяся въ ранней молодости, теперь продолжалась по необходимости и не прерывалась почти до конца жизни, до 50-лѣтняго возраста.

Сѣверная война съ ея тревогами, съ пораженіями въ первое время и съ побѣдами потомъ, окончательно опредѣлила образъ жизни Петра и сообщила направленіе, установила темпъ его преобразовательной дѣятельности. Онъ долженъ былъ жить изо дня въ день, поспѣвать за быстро несшимися мимо него событіями, спѣшить навстрѣчу возникавшимъ ежедневно новымъ государ-

ственнымъ нуждамъ и опасностямъ, не имѣя досуга перевести духъ, одуматься, сообразить напередъ планъ дѣйствій. И въ Сѣверной войнѣ Петръ выбралъ себѣ роль, соотвѣтствовавшую привычнымъ занятіямъ и вкусамъ, усвоеннымъ съ дѣтства впечатлѣніямъ и познаніямъ, вынесеннымъ изъ-за границы. Это не была роль ни государя-правителя, ни боевого генерала-главнокомандующаго. Петръ не сидѣлъ во дворцѣ подобно прежнимъ царямъ, разсылая всюду указы, направляя дѣятельность подчиненныхъ; но онъ рѣдко становился и во главѣ своихъ полковъ, чтобы водить ихъ въ огонь, подобно своему противнику Карлу XII. Впрочемъ, Полтава и Гангудъ навсегда останутся въ военной исторіи Россіи свѣтлыми памятниками личнаго участія Петра въ боевыхъ дѣлахъ на сушѣ и на морѣ. Предоставляя дѣйствовать во фронтѣ своимъ генераламъ и адмираламъ, Петръ взялъ на себя менѣе видную техническую часть войны: онъ оставался обычно позади своей арміи, устроялъ ея тылъ, набиралъ рекрутовъ, составлялъ планы военныхъ движеній, строилъ корабли и военные заводы, заготовлялъ аммуницію, провіантъ и боевые снаряды, все запасалъ, всѣхъ ободрялъ, понукалъ, бранился, дрался, вѣшалъ, скакалъ изъ одного конца государства въ другой, былъ чѣмъ-то вродѣ генералъ-фельдцейхмейстера, генералъ-провіантмейстера и корабельнаго оберъ-мастера. Такая безустанная дѣятельность, продолжавшаяся почти три десятка лѣтъ, сформировала и укрѣпила понятія, чувства, вкусы и привычки Петра. Петръ отлился односторонне, но рельефно, вышелъ тяжелымъ и вмѣстѣ вѣчно подвижнымъ, холоднымъ, но ежеминутно готовымъ къ шумнымъ взрывамъ — точь въ точь какъ чугунная пушка его петрозаводской отливки“ (стр. 32—33).

Этотъ красочно переданный взглядъ на дѣятельность преобразователя, дополненный подробнымъ описаніемъ (въ лекціи LX) его привычекъ, характера, образа жизни и мыслей, съ присущею автору самостоятельностью оцѣнки хотя бы и общеизвѣстныхъ мелочей подготовляетъ читателя къ опредѣленію программы Петровской реформы и въ дальнѣйшемъ изложеніи до очевидности становится яснымъ, насколько преобразованіе не было заранѣе обдумано и исполнено по преднамѣренному плану. Отвѣчая на такой вопросъ, Ключевскій говоритъ: „Есть наклонность или привычка думать, что Петръ родился и выросъ съ готовой преобразовательной программой, которая вся — его дѣло, созданіе его творческаго генія, что дѣятельность ближайшихъ предшественниковъ Петра была только подготовкой къ реформѣ, дала ему преобразовательныя побужденія, но не преобразовательныя идеи и средства. Оканчивая обзоръ дѣятельности этихъ предшественниковъ, я, на-

противъ, замѣтилъ, что самая программа Петра была вся начертана людьми XVII в. Но необходимо отличать задачи, доставшіяся Петру, отъ усвоенія и исполненія ихъ преобразователемъ. Эти задачи были потребности государства и народа, сознанныя людьми XVII в., а реформы Петра направлялись условіями его времени, до него не дѣйствовавшими, частію созданными имъ самимъ, частію вторгнувшимися въ его дѣло со стороны. Программа заключалась не въ завѣтахъ, не въ преданіяхъ, а въ государственныхъ нуждахъ, неотложныхъ и всѣмъ очевидныхъ.

Война была важнѣйшимъ изъ этихъ условій (стр. 62—63).

Передавъ задачи внѣшней политики и ходъ военныхъ дѣйствій, историкъ указанное вліяніе войны на реформу формулируетъ, между прочимъ, такъ: „Самое глубокое дѣйствіе Полтавской побѣды оказалось не во внѣшней политикѣ, веденной такъ плохо, а въ ходѣ внутреннихъ дѣлъ“ (стр. 76).

„До Полтавы можно отмѣтить только два законодательныхъ акта устроительнаго характера: это указы 30 января 1699 г., о возстановленіи земскихъ учрежденій, и 18 декабря 1708 г., о раздѣленіи государства на губерніи. Петръ не получилъ такого политическаго воспитанія, чтобы „превеликій всенародный вопль“ отъ взысканія недоимокъ могъ самъ по себѣ его тронуть. Но другія менѣе чувствительныя соображенія побуждали его обратить вниманіе въ эту сторону. Онъ по-прежнему оставался тугъ къ пониманію нуждъ народа, но сталъ чутокъ къ условіямъ своего международнаго положенія“ (стр. 77—78).

Пріобрѣтенный Полтавской побѣдой „военный и дипломатическій престижъ надобно было дорого оплачивать. Между тѣмъ источники государственныхъ доходовъ истощались, накоплялись многолѣтнія недоимки; Курбатовъ (оберъ-инспекторъ ратушнаго правленія, такъ сказать министръ городовъ и финансовъ) грозилъ, что при строгомъ ихъ взысканіи многіе плательщики скоро совсѣмъ выбьются изъ силъ“ (стр. 78).

„Съ каждымъ шагомъ становилось яснѣе, что вели игру не по карману. Это поворачивало мысль отъ боевой границы во внутрь, отъ военныхъ операцій къ изысканію новыхъ источниковъ казеннаго дохода. Ихъ можно было найти только путемъ лучшаго устроенія народнаго труда и государственнаго хозяйства, что доселѣ за военнымъ и дипломатическимъ недосугомъ оставалось въ пренебреженіи.

Этотъ поворотъ и отмѣченъ въ сборникѣ матеріаловъ по исторіи Сѣверной войны, который редактированъ самимъ Петромъ и извѣстенъ подъ названіемъ *Гисторіи Свейской войны.* Здѣсь сказано,

что послѣ полтавскихъ торжествъ Петръ началъ трудиться „во управленіи гражданскихъ дѣлъ“ (78—79).

Ходъ и связь реформъ представляется слѣдующимъ образомъ. „При первомъ взглядѣ на преобразовательную дѣятельность Петра она представляется лишенной всякаго плана и послѣдовательности. Постепенно расширяясь, она захватила всѣ части государственнаго строя, коснулась самыхъ различныхъ сторонъ народной жизни. Но ни одна часть не перестраивалась заразъ, въ одно время и во всемъ своемъ составѣ; къ каждой реформа подступала по нѣскольку разъ, въ разное время касаясь ея по частямъ, по мѣрѣ надобности, по требованію текущей минуты. Изучая тотъ или другой рядъ преобразовательныхъ мѣръ, легко видѣть, къ чему онѣ клонились, но трудно догадаться, почему онѣ слѣдовали именно въ такомъ порядкѣ. Видны цѣли реформы, но не всегда уловимъ ея планъ; чтобы уловить его, надобно изучать реформу въ связи съ ея обстановкой, т. е. съ войной и ея разнообразными послѣдствіями. Война указала порядокъ реформы, сообщила ей темпъ и самые пріемы. Преобразовательныя мѣры слѣдовали одна за другой въ томъ порядкѣ, въ какомъ вызывали ихъ потребности, навязанныя войной. Она поставила на первую очередь преобразованіе военныхъ силъ страны. Военная реформа повлекла за собою два ряда мѣръ, изъ коихъ однѣ направлены были къ поддержанію регулярнаго строя преобразованной арміи и новосозданнаго флота, другія къ обезпеченію ихъ содержанія. Мѣры того и другого порядка или измѣняли положеніе и взаимныя отношенія сословій, или усиливали напряженіе и производительность народнаго труда, какъ источника государственнаго дохода. Нововведенія военныя, соціальныя и экономическія требовали отъ управленія такой усиленной и ускоренной работы, ставили ему такія сложныя и непривычныя задачи, какія были ему не подъ силу при его прежнемъ строѣ и составѣ. Потому объ руку съ этими нововведеніями и частью даже впереди ихъ шла постепенная перестройка управленія, всей правительственной машины, какъ необходимое общее условіе успѣшнаго проведенія прочихъ реформъ. Другимъ такимъ общимъ условіемъ была подготовка дѣльцовъ и умовъ къ реформѣ.

Для успѣшнаго дѣйствія новаго управленія, какъ и другихъ нововведеній, необходимы были исполнители, достаточно подготовленные къ дѣлу, обладающіе нужными для того знаніями, необходимо было и общество, готовое поддерживать дѣло преобразованія, понимающее его сущность и цѣли. Отсюда усиленныя заботы Петра о распространеніи научнаго знанія, о заведеніи общеобразовательныхъ и профессіональныхъ, техническихъ школъ.

Таковъ общій планъ реформы, точнѣе, ея порядокъ, установленный не напередъ обдуманными предначертаніями Петра, а самымъ ходомъ дѣла, гнетомъ обстоятельствъ“ (стр. 80—81).

Первоочереднымъ дѣломъ Петра, наиболѣе продолжительнымъ и самымъ тяжелымъ какъ для него самого, такъ и для народа была, какъ сказано, военная реформа. Она „осталась бы спеціальнымъ фактомъ военной исторіи Россіи, если бы не отпечатлѣлась слишкомъ отчетливо и глубоко на соціальномъ и нравственномъ складѣ всего русскаго общества, даже на ходѣ политическихъ событій. Она выдвигала впередъ двойное дѣло, требовала изысканія средствъ для содержанія преобразованныхъ и дорогихъ вооруженныхъ силъ и особыхъ мѣръ для поддержанія ихъ регулярнаго строя. Рекрутскіе наборы, распространяя воинскую повинность на неслужилые классы, сообщая новой арміи всесословный составъ, измѣняли установившіяся общественныя соотношенія. Дворянству, составлявшему главную массу прежняго войска, приходилось занять новое служебное положеніе, когда въ ряды преобразованной арміи стали его холопы и крѣпостные крестьяне и не спутниками и слугами своихъ господъ, а такими же рядовыми, какими начинали службу сами дворяне“ (стр. 91—92).

„Петръ не снялъ съ дворянства обязательной службы, поголовной и безсрочной, даже не облегчилъ ее, напротивъ, отяготилъ ее новыми повинностями и установилъ болѣе строгій порядокъ ея отбыванія съ цѣлью извлечь изъ усадебъ все наличное дворянство и пресѣчь укрывательство“ (стр. 99).

Крутыя мѣры Петра были малоуспѣшны. „Посошковъ въ сочиненіи *О скудости и богатствѣ*, писанномъ въ послѣдніе годы царствованія Петра, яркими чертами изображаетъ плутни и извороты, на какіе пускались дворяне, чтобы „отлынять“ отъ службы“ (стр. 101).

„Преобразованіе дворянскаго помѣстнаго ополченія въ регулярную всесословную армію произвело троякую перемѣну въ дворянской службѣ. Во-первыхъ, раздѣлились два прежде сливавшіеся ея вида, служба военная и гражданская. Во-вторыхъ, та и другая осложнилась новою повинностью, обязательной учебной подготовкой. Третья перемѣна была, можетъ быть, самая важная для судьбы Россіи, какъ государства. Регулярная армія Петра утратила территоріальный составъ своихъ частей. Прежде не только гарнизоны, но и части дальнихъ походовъ, отбывавшія „полковую службу“, состояли изъ земляковъ, дворянъ одного уѣзда. Полки иноземнаго строя, набиравшіеся изъ разноуѣзднаго служилаго люда, начали разрушеніе этого территоріальнаго состава. Вербовка охотниковъ и потомъ рекрутскіе наборы довершили это разрушеніе, дали полкамъ разносословный составъ, отнявъ составъ мѣстный. Рязанскій рекрутъ,

надолго, обыкновенно навсегда оторванный отъ своей Пехлецкой или Зимаровской родины, забывалъ въ себѣ рязанца и помнилъ только, что онъ драгунъ фузелернаго полка полковника Фамендина; казарма гасила чувство землячества. То же случилось и съ гвардiей (стр. 110).

„Преобразованные въ полки Преображенскiй и Семеновскiй и перенесенные на невское финское болото, они стали забывать въ себѣ москвичей и чувствовали себя только гвардейцами. Съ замѣной мѣстныхъ связей полковыми казарменными, гвардiя могла быть подъ сильной рукой только слѣпымъ орудiемъ власти, подъ слабой—преторiанцами или янычарами. Въ 1611 г., въ смутное время, въ дворянскомъ ополченiи, собравшемся подъ Москвой подъ предводительствомъ кн. Трубецкого, Заруцкаго и Ляпунова, чтобы выручить столицу отъ засѣвшихъ въ ней ляховъ, какой-то инстинктивной похотью сказалась мысль завоевать Россiю подъ предлогомъ ея обороны отъ внѣшнихъ враговъ. Новая династiя установленiемъ крѣпостной неволи начала это дѣло; Петръ созданiемъ регулярной армiи и особенно гвардiи далъ ему вооруженную опору, не подозрѣвая, какое употребленiе сдѣлаютъ изъ нея его преемники и преемницы и какое употребленiе она сдѣлаетъ изъ его преемниковъ и преемницъ“ (стр. 111).

Благодаря осложненiю служебныхъ обязанностей дворянства явилась необходимость въ лучшемъ матерiальномъ обезпеченiи дворянина. Древнерусское служилое землевладѣнiе имѣло два основныхъ вида: вотчина (наслѣдственное) и помѣстье (условное, обыкновенно пожизненное). Задолго до Петра оба эти вида стали сближаться другъ съ другомъ. „Образованiе регулярной армiи довершило разрушенiе основъ помѣстнаго владѣнiя: когда дворянская служба стала не только наслѣдственной, но и постоянной, и помѣстье должно было стать не только постояннымъ, но и наслѣдственнымъ владѣнiемъ, слиться съ вотчиной. Все это повело къ тому, что помѣстныя дачи постепенно замѣнялись пожалованiями населенныхъ земель въ вотчину“ (стр. 114).

Создавшимся положенiемъ былъ вызванъ указъ о единонаслѣдiи, обнародованный 23 марта 1714 г. „Для военной службы Петру нужна была не вся служилая наличность дворянскихъ семействъ, составлявшая прежде массу дворянской милицiи. Въ единонаслѣдникѣ онъ искалъ офицера, имѣющаго средства исправно служить и приготовиться къ службѣ, не обременяя своихъ крестьянъ поборами“ (стр. 117—118).

Но благодаря плохой обработкѣ, неясности опредѣленiй и послѣдующимъ неоднократнымъ разъясненiямъ, законъ этотъ не до-

стигнулъ предположенныхъ цѣлей и „только внесъ въ землевладѣльческую среду путаницу отношеній и хозяйственное разстройство“ (стр. 119).

Во всякомъ случаѣ мысль Петра была совершенно ясна: служебное назначеніе рядового дворянина—подготовленный и обезпеченный недѣлимой недвижимостью офицеръ армейскаго полка или секретарь коллегіальнаго учрежденія.

„Дворянство юридически и экономически всего тѣснѣе соприкасалось съ крестьянствомъ; но мѣры Петра, коснувшіяся сельскаго населенія, направлены были къ обѣимъ основнымъ цѣлямъ преобразователя, не только къ упроченію военной реформы, но пожалуй еще болѣе къ рѣшенію задачи, составлявшей послѣ переустройства арміи важнѣйшую его заботу, къ усиленію средствъ казны“ (стр. 120).

Составъ допетровскаго общества отличался своею пестротою: иноземные наблюдатели въ XVII в. удивлялись, какъ много празднаго люда въ московскомъ государствѣ. „Петръ со своей природной хозяйственной чуткостью хотѣлъ пристроить этотъ людъ къ настоящему дѣлу, использовать его въ интересахъ государства, для тягла и службы. Солдатской вербовкой и потомъ подушной переписью онъ произвелъ генеральную чистку общества, упрощая его составъ“ (стр. 122).

„Всѣ промежуточные слои были безъ вниманія къ дѣйствовавшему праву втиснуты въ два основныхъ сельскихъ состоянія—*государственныхъ крестьянъ и крѣпостныхъ людей*, при чемъ въ первое изъ этихъ состояній вошли однодворцы, черносошные крестьяне, татары, ясашные и сибирскіе пашенные служилые люди, копейщики, рейтары, драгуны и т. п. Область крѣпостного права значительно расширилась, но потерпѣло ли крѣпостное право какое-либо измѣненіе въ своемъ юридическомъ составѣ? Здѣсь совершился цѣлый переворотъ, только отрицательнаго свойства: отмѣна холопства, какъ нетяглаго состоянія, не была упраздненіемъ неволи холоповъ, а только ихъ переводомъ въ государственное тягло“ (стр. 132).

„Что же случилось? Холопы ли превратились въ крѣпостныхъ крестьянъ, или наоборотъ? Ни то, ни другое; случилось то же, что было въ судьбѣ помѣстій и вотчинъ: изъ новаго сочетанія старыхъ крѣпостныхъ отношеній, изъ слiянія владѣльческихъ крестьянъ съ холопами и вольницей образовалось новое состояніе, за которымъ со временемъ утвердилось званіе *крѣпостныхъ людей*, наслѣдственно и потомственно крѣпкихъ господамъ, какъ прежніе полные холопы, и подлежащихъ государственному тяглу, какъ прежніе крѣпостные крестьяне.—Изъ реформы Петра Россія выходила не болѣе, но и не менѣе крѣпостной, чѣмъ была до нея“ (стр. 137).

„Подушная перепись нашла для казны много новыхъ податныхъ плательщиковъ, увеличила количество тяглаго труда. Мѣры, обращенныя на промышленность и торговлю, имѣли цѣлью подъемъ качества этого труда, усиленіе производительной работы народа“ (стр. 140).

За обозрѣніемъ этихъ мѣръ, историкъ переходитъ къ ихъ финансовымъ результатамъ. „Не было, кажется, другой сферы дѣятельности, въ которой Петръ встрѣтилъ бы больше затрудненій, частію имъ и созданныхъ или поддержанныхъ, и гдѣ бы онъ обнаружилъ меньше находчивости для ихъ устраненія. Онъ самъ признавался, что изъ всѣхъ правительственныхъ дѣлъ для него нѣтъ ничего труднѣе торговаго дѣла, и что никогда онъ не могъ составить себѣ яснаго о немъ понятія. Въ значительной мѣрѣ это признаніе приложимо и къ финансовой политикѣ. Онъ хорошо понималъ источники народнаго богатства, сознавалъ, что налоги должны быть вводимы безъ отягощенія для народа, но въ практической разработкѣ этихъ понятій не шелъ дальше столь же простой, какъ и безполезной истины, выраженной въ инструкціи новоучрежденному Сенату: „денегъ какъ возможно собирать, понеже деньги суть артеріею войны“ (стр. 167).

Прямое обложеніе потерпѣло коренной переворотъ.

„Петръ былъ, кажется, довольно равнодушенъ къ экономической и юридической выработкѣ новой системы обложенія; его больше занимала интендантская сторона дѣла, довольствіе арміи и флота. Онъ не понималъ вопроса о согласованіи военнаго расхода съ платежными силами народа. На русскаго плательщика онъ смотрѣлъ самымъ жизнерадостнымъ взглядомъ, предполагая въ немъ неистощимый запасъ всякихъ податныхъ взносовъ“ (стр. 179).

„Свои и чужіе наблюдатели выносили изъ положенія дѣлъ впечатлѣніе, что при обширности государства и при его естественныхъ богатствахъ царь безъ народнаго отягощенія могъ бы получать гораздо больше дохода. Самъ Петръ думалъ такъ же; по крайней мѣрѣ въ регламентѣ Камеръ-коллегіи 1719 г. высказана оригинальная или заимствованная мысль, что „никакого государства въ свѣтѣ нѣтъ, которое бы наложенную тягость снесть не могло, ежели правда, равенство и по достоинству въ податяхъ и расходахъ осмотрѣно будетъ“.

„Несчастіемъ Петра было то, что онъ никакъ не нашелъ средствъ создать себѣ это необходимое для успѣха *ежели*“ (стр. 189).

„Свои и чужіе наблюдатели, дивившіеся величію дѣяній преобразователя, поражались огромными пространствами необрабатываемой плодородной земли, множествомъ пустошей, обрабаты-

ваемыхъ кое-какъ, наѣздомъ, не введенныхъ въ нормальный народно-хозяйственный оборотъ.

Люди, вдумывавшіеся въ причины этой запущенности, объясняли ее, во-первыхъ, убылью народа отъ продолжительной войны, а потомъ гнетомъ чиновниковъ и дворянъ, отбивавшихъ у простонародья всякую охоту приложить къ чему-нибудь руки: угнетеніе духа, проистекшее отъ рабства, по словамъ Вебера, до такой степени омрачило всякій смыслъ крестьянина, что онъ пересталъ понимать собственную пользу и помышляетъ только о своемъ ежедневномъ скудномъ пропитаніи. Въ своей финансовой политикѣ Петръ походилъ на возницу, который изо всей мочи гонитъ свою исхудалую лошадь, въ то же время все крѣпче натягивая вожжи" (стр. 190—191).

Приведемъ теперь одно мѣсто изъ двухъ обширныхъ лекцій о преобразованіи управленія, центральнаго и мѣстнаго. Не останавливаясь на интереснѣйшихъ подробностяхъ, мы, по-прежнему, выпишемъ въ подлинномъ видѣ мѣста, пригодныя для нашей цѣли привлечь вниманіе читателя ко всѣмъ отдѣламъ этого курса. „Преобразованіе управленія", говоритъ В. О. Ключевскій, — едва-ли не самая показная, фасадная сторона преобразовательной дѣятельности Петра; по ней особенно охотно цѣнили и всю эту дѣятельность. Но при этомъ принимали во вниманіе не столько медленный и тяжелый процессъ перестройки правительственныхъ учрежденій, сколько ихъ строй въ окончательной отдѣлкѣ, данной имъ уже къ концу царствованія. Административная реформа имѣла подготовительную цѣль—создать общія условія успѣшнаго исполненія остальныхъ реформъ; но управленіе получило пригодную къ тому постановку, когда основныя реформы, военная и частью финансовая, были уже въ полномъ ходу" (стр 193). Авторъ, разбираясь въ безпорядочныхъ переходахъ Петра отъ одной сферы управленія къ другой, приходитъ къ утвержденію, что здѣсь реформа „носила не столько политическій, сколько техническій характеръ: не вводя новыхъ началъ, новый порядокъ приводилъ старыя въ новое сочетаніе подъ заимствованными формами по указаніямъ иноземныхъ знатоковъ, разложивъ слитые прежде элементы управленія между разными его сферами. Такъ новое зданіе управленія строилось изъ старыхъ матеріаловъ — пріемъ, наблюдаемый и въ другихъ отрасляхъ преобразовательной дѣятельности Петра" (стр. 256). Въ послѣдніе годы „онъ начиналъ чувствовать себя отставшимъ отъ своего положенія и сталъ легче сознавать свои промахи, больше уважать чужое мнѣніе. Начавшееся броженіе мысли произвело поворотъ въ его политическомъ сознаніи. Онъ, вѣрившій прежде только въ лица,

теперь сталъ глубже вникать въ силу государственныхъ учрежденій, въ ихъ значеніе для политическаго воспитапія народа. Онъ и прежде понималъ необходимость такого воспитанія: въ одномъ указѣ 1713 г. онъ высказываетъ мысль, что для предупрежденія умышленнаго нарушенія государственныхъ интересовъ „надобно изъяснить именно интересы государственные для вразумленія людямъ“. Теперь онъ увидѣлъ, что это изъясненіе — дѣло закона и учрежденій, такъ устроенныхъ, чтобы они самой постройкой своей связывали произволъ чиновниковъ, а практикой внушали людямъ чувство законности и понятіе государственнаго интереса. Петръ думалъ, что его новые суды и коллегіи сдѣлаютъ это дѣло, и выражалъ увѣренность, что въ нихъ всякій найдетъ правду, не обращаясь за ней къ самому государю.—Эта увѣренность была преждевременна“ (стр.257). Мы не остановимся на двухъ слѣдующихъ лекціяхъ, изъ которыхъ первая содержитъ въ себѣ анализъ сужденій историковъ о реформѣ, отмѣчаетъ связь этихъ сужденій съ впечатлѣніемъ современниковъ, касается вопросовъ о происхожденіи реформы, о ея подготовленности и о силѣ дѣйствія, объ отношеніи Петра къ старой Руси и къ Западной Европѣ и т. д., а слѣдующая лекція подробно и, конечно, ярко и художественно передаетъ обстановку, въ которой завершилась петровская дѣятельность, не останавливаемся потому, что нельзя коротко сообщить и дать понятіе отдѣльными выписками объ интересѣ этихъ главъ, но оставить читателя безъ знакомства съ заключеніемъ, въ которомъ Ключевскій устанавливаетъ свое отношеніе къ реформѣ Петра само собою считаемъ невозможнымъ. „Противорѣчія, въ какія онъ поставилъ свое дѣло, ошибки и колебанія, подчасъ смѣнявшіяся малообдуманной рѣшимостью, слабость гражданскаго чувства, безчеловѣчныя жестокости, отъ которыхъ онъ не умѣлъ воздержаться, и рядомъ съ этимъ беззавѣтная любовь къ отечеству, непоколебимая преданность своему дѣлу, широкій и свѣтлый взглядъ на свои задачи, смѣлые планы, задуманные съ творческой чуткостью и проведенные съ безпримѣрной энергіей, наконецъ успѣхи, достигнутые неимовѣрными жертвами народа и великими усиліями преобразователя — столь разнородныя черты трудно укладываются въ цѣльный образъ. Преобладаніе свѣта или тѣни во впечатлѣніи изучающаго вызывало одностороннюю хвалу или одностороннее порицаніе, и порицаніе напрашивалось тѣмъ настойчивѣе, что и благотворныя дѣянія совершались съ отталкивающимъ насиліемъ. Реформа Петра была борьбой деспотизма съ народомъ, съ его косностью. Онъ надѣялся грозою власти вызвать самодѣятельность въ порабощенномъ обществѣ и черезъ рабовладѣльческое дворянство водворить въ Россіи европейскую науку,

народное просвѣщеніе, какъ необходимое условіе общественной самодѣятельности, хотѣлъ, чтобы рабъ, оставаясь рабомъ, дѣйствовалъ сознательно и свободно. Совмѣстное дѣйствіе деспотизма и свободы, просвѣщенія и рабства—это политическая квадратура круга, загадка, разрѣшавшаяся у насъ со времени Петра два вѣка и доселѣ не разрѣшенная. Впрочемъ, уже люди XVIII в. пытались найти средство примиренія чувства человѣчности съ реформой. Кн. Щербатовъ, врагъ самовластія, посвятилъ цѣлый трактатъ, „бесѣду", объясненію и даже оправданію самовластія и пороковъ Петра. Просвѣщеніе, введенное Петромъ въ Россіи, онъ признаетъ за личное благодѣяніе, оказанное ему преобразователемъ, и возстаетъ на хулителей, получившихъ отъ самовластія то самое просвѣщеніе, которое помогло имъ понять вредъ самовластія. Вѣра въ чудодѣйственную силу образованія, которой проникнутъ былъ Петръ, его благоговѣйный культъ науки насильственно зажегъ въ рабьихъ умахъ искру просвѣщенія, постепенно разгоравшуюся въ осмысленное стремленіе къ правдѣ, т. е. къ свободѣ. Самовластіе само по себѣ противно, какъ политическій принципъ. Его никогда не признаетъ гражданская совѣсть. Но можно мириться съ лицомъ, въ которомъ эта противоестественная сила соединяется съ самопожертвованіемъ, когда самовластецъ, не жалѣя себя, идетъ на проломъ во имя общаго блага, рискуя разбиться о неодолимыя препятствія и даже о собственное дѣло. Такъ мирятся съ бурной весенней грозой, которая, ломая вѣковыя деревья, освѣжаетъ воздухъ и своимъ ливнемъ помогаетъ всходамъ новаго посѣва" (стр. 292—293).

Остальная часть книги (меньше трети) говоритъ объ эпохѣ дворцовыхъ переворотовъ вплоть до воцаренія Екатерины II. Отмѣтимъ нѣсколько характерныхъ замѣчаній. „Опомнившись отъ реформы Петра и оглядываясь вокругъ себя, сколько-нибудь размышлявшіе люди сдѣлали важное открытіе: они почувствовали при черезчуръ обильномъ законодательствѣ полное отсутствіе закона. Исканіе законности и было интересомъ, объединявшимъ при разладѣ мнѣній боровшіяся въ 1730 г. [1]) стороны. За неумѣлое увлеченіе высшаго класса политикой весь народъ былъ наказанъ бироновщиной; испытавъ при Меншиковѣ и Долгорукихъ русское беззаконіе, при Биронѣ и Левенвольдахъ испробовали беззаконіе нѣмецкое. Господство нѣмцевъ много помогло нравственному объединенію русскаго дворянскаго общества. Заговорилъ интересъ менѣе сложный, но способный къ болѣе широкому обхвату, чѣмъ потреб-

---

[1]) Шляхетскіе проекты и дѣло верховниковъ. *В. Я.*

ность въ законности, заговорило чувство національной чести, народной обиды" (стр. 401—402)... „Со смерти Петра I русское дворянское общество пережило рядъ моментовъ или настроеній. Дѣло началось замысломъ ограничить верховную власть учрежденіемъ тѣснаго совѣта изъ первостепенной знати; этотъ замыселъ вызвалъ попытку ввести въ высшее управленіе конституціонное участіе болѣе широкаго дворянскаго круга. Когда не удались ни аристократическій олигархизмъ, ни шляхетскій конституціонализмъ, отъ обѣихъ неудачъ отложился сильно возбужденный дворянскій патріотизмъ, пріучавшій сословіе къ трезвому взгляду на свое положеніе въ государствѣ: лучше самимъ распоряжаться въ отечествѣ, чѣмъ терпѣть хозяйничанье чужаковъ. Поворотомъ отъ безпокойныхъ и непривычныхъ толковъ о европейскихъ конституціяхъ къ реальнымъ условіямъ родной страны и общепонятнымъ интересамъ сословія завершилось политическое возбужденіе, длившееся 17 лѣтъ [1]). Оно не прошло безслѣдно для государственнаго устройства и общественнаго порядка: подъ его прямымъ или косвеннымъ вліяніемъ дворянство постепенно становилось въ новое служебное и хозяйственное положеніе. Собственно эти перемѣны и важны для исторіи русскаго государства и общества XVIII вѣка. Политическія мечты людей 1730 г. были свѣяны временемъ, но политическая роль, какую пришлось сыграть въ тогдашнихъ событіяхъ дворянской гвардіи, оставила по себѣ слѣды, не сглаживавшіеся до половины XIX в." (стр. 403—404). Развитіе служебныхъ льготъ дворянства, увеличивая досугъ для сельско-хозяйственныхъ занятій, способствовало укрѣпленію дворянскаго землевладѣнія вмѣстѣ съ расширеніемъ крѣпостного права. Настойчивыя желанія дворянъ привели наконецъ къ манифесту 18 февраля 1762 г. о пожалованіи „всему россійскому благородному дворянству вольности и свободы". Освободившись отъ обязательной службы, дворянство не только не собиралось вернуть свободу крестьянамъ, закрѣпощеннымъ именно для исправнаго несенія дворянами служебныхъ обязанностей, но усилило до крайности свою власть надъ ними. „Манифестъ 18 февраля, снимая съ дворянства обязательную службу, ни слова не говоритъ о дворянскомъ крѣпостномъ правѣ, вытекшемъ изъ нея, какъ изъ своего источника. По требованію исторической логики или общественной справедливости на другой день, 19 февраля, должна была бы послѣдовать отмѣна крѣпостного права; она и послѣдовала на другой день, только спустя 99 лѣтъ" (стр. 431). Черезъ нѣсколько страницъ Ключевскій пишетъ: „Абсолютная власть безъ оправдывающихъ ее

---

[1]) Отъ Петра I до Елисаветы. *В. Я.*

личныхъ качествъ носителя обыкновенно становится слугой или своего окруженія, или общественнаго класса, котораго она боится и въ которомъ ищетъ себѣ опоры. Обстоятельства сдѣлали у насъ такой силой дворянство съ гвардіей во главѣ. Получивъ вольность, дворянская масса усаживалась по своимъ сельскимъ гнѣздамъ съ правомъ или возможностью безконтрольно распоряжаться личностью и трудомъ крѣпостного населенія. Это усадебное сближеніе дворянства съ крестьянствомъ внесло самую ѣдкую струю въ процессъ того нравственнаго отчужденія, которое, начавшись еще въ XVII в. на юридической почвѣ и постепенно расширяясь, легко между господами и простымъ народомъ, разъѣдая энергію нашей общественной жизни, дошло до насъ и переживетъ всѣхъ теперь живущихъ" (стр. 441—442).

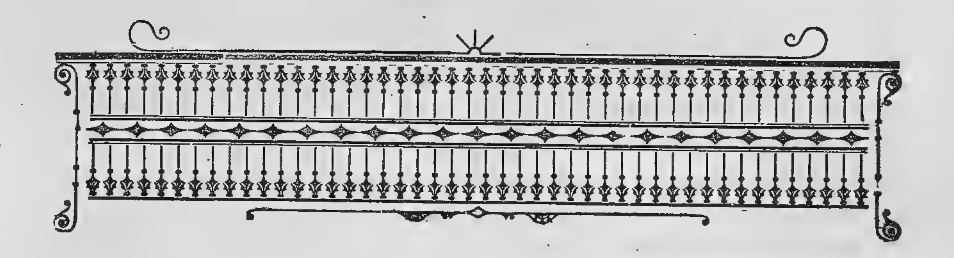
Мы оставляемъ въ сторонѣ тѣ захватывающія по своему научному и художественному интересу страницы описаній царствованій и личностей Анны Іоанновны, Елизаветы Петровны и Петра III. Эти характеристики сдѣлались популярными многіе годы раньше, чѣмъ вышелъ изъ печати курсъ.

Приведемъ послѣднія строки книги: „Къ моменту воцаренія Екатерины II оно (т. е. дворянство) составило *народъ* въ политическомъ смыслѣ слова, и при его содѣйствіи дворцовое государство преемниковъ Петра I получило видъ государства сословно-дворянскаго. Правовое народное государство было еще впереди и не близко".

Въ заключеніе отмѣтимъ, что по курсу В. О. Ключевского учиться конечно нельзя, въ немъ не содержится полнаго изложенія событій, отсутствуютъ характеристики большинства государственныхъ дѣятелей, мало внѣшне-политической жизни Россіи, но смыслъ труда иной. Для пониманія развитія тѣхъ силъ, которыя двигали, обновляли или задерживали и создавали наши общественныя формы, онъ занимаетъ первое мѣсто. А по глубинѣ мысли и красотѣ слова курсъ принадлежитъ къ лучшимъ образцамъ русской научной литературы.

В. Я.

Великій Князь Николай Михаиловичъ. Переписка Императора Александра I съ сестрой Великой Княгиней Екатериной Павловной [1]).

Въ теченіе прошлаго года читатели „Русской Старины" были ознакомлены съ интереснымъ трудомъ Великаго Князя Николая Михаиловича: Императрица Елизавета Алексѣевна, супруга Императора Александра I. Нынѣ Великій Князь Николай Михаиловичъ издалъ другой высокоцѣнный историческій трудъ: Переписка Императора Александра I съ сестрой Великой Княгиней Екатериной Павловной. Надлежащія извлеченія изъ этой книги, измѣняющей сложившійся взглядъ на характеръ Императора Александра I будутъ помѣщены въ нашемъ журналѣ.

По этому поводу Великій Князь Николай Михаиловичъ пишетъ слѣдующее про Императора Александра I: „Въ издаваемой нынѣ перепискѣ его съ сестрой замѣтны проявленія его сложнаго нрава въ откровенной бесѣдѣ съ близкимъ лицомъ, съ которымъ можно было не стѣсняться въ откровеніяхъ и не творить, какъ со многими другими, той двойной игры, которая была обычнымъ явленіемъ въ сношеніяхъ Александра съ людьми вообще. Въ печатаемыхъ письмахъ передъ нами предстаетъ какъ бы настоящій Александръ Павловичъ, а тотъ, который оставался загадкой для толпы, временно исчезаетъ, и что та доля откровенности и драгоцѣнна для насъ". *Ред.*

Въ высокой степени цѣнная для исторіи переписка Императора Александра I съ сестрой Великой Княгиней Екатериной Павловной считалась до послѣдняго времени утраченной, истребленной огнемъ во время пожара Мраморнаго дворца въ 1849 г.; къ счастью значительная часть писемъ, которыми обмѣнивался Императоръ Александръ I со своей любимой сестрой, при томъ за наиболѣе интересный періодъ

---

[1]) Великій Князь Николай Михаиловичъ. Переписка Императора Александра I съ сестрой великой княгиней Екатериной Павловной. съ 8 рис. и 2 факсимиле рукописей. Спб. 1910. Экспедиція заготовленія государственныхъ бумагъ. XXX 317 стр.

1807—1815 г.г., найдена Великимъ Княземъ Николаемъ Михаиловичемъ послѣ многолѣтнихъ тщетныхъ поисковъ, частью въ Государственномъ архивѣ, частью въ Собственной Его Величествѣ библіотекѣ, гдѣ эти письма пролежали до послѣдняго времени въ запечатанныхъ печатью Императора Николая I пакетахъ и никѣмъ не были вскрыты.

Переписка эта чрезвычайно интересна не только потому, что она относится къ столь знаменательной эпохѣ нашей исторіи, какова отечественная война, но въ особенности потому, что она проливаетъ новый свѣтъ на личность Александра I и на многіе факты, которые были загадкой для современниковъ и для историковъ и объяснялись нерѣшительностью и неустойчивостью характера Императора Александра.

Въ письмахъ къ любимой сестрѣ Императоръ высказывается вполнѣ откровенно, излагаетъ ей съ полнымъ довѣріемъ свои планы и намѣренія, повѣряетъ свои надежды и опасенія, открываетъ тайники своей души. При чтеніи этихъ писемъ выясняется, что его взгляды, вопреки сложившемуся мнѣнію, были „вполнѣ ясны и тверды, говорили о пріобрѣтенномъ имъ житейскомъ опытѣ, о математически обдуманномъ, совершенно опредѣленномъ образѣ дѣйствій“, о полной вѣрѣ въ себя, а его краткія, но мѣткія сужденія о многихъ личностяхъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, свидѣтельствуютъ о томъ, что онъ хорошо зналъ людей и умѣлъ ихъ оцѣнивать. Все это до того противорѣчитъ установившемуся взгляду на характеръ Александра Павловича, что по этому одному можно судить, какъ велико значеніе изданной нынѣ великимъ княземъ Николаемъ Михаиловичемъ и имъ розысканной переписки. Ея цѣнность увеличивается тѣмъ, что найдены не копіи, а подлинники писемъ полностью за 1807, 1811, 1812, 1813, 1814 и 1815 года и часть позднѣйшей переписки до кончины великой княгини Екатерины Павловны въ декабрѣ 1818 года, а также много собственныхъ записочекъ карандашемъ Императора Александра къ сестрѣ за періодъ отъ 1805 по 1812 годъ.

Изъ числа 118 писемъ, помѣщенныхъ въ новомъ изданіи великаго князя, особенно выдающійся интересъ представляетъ помѣщаемое ниже письмо Императора Александра отъ 18 сентября 1812 г., написанное имъ вскорѣ послѣ Бородинскаго сраженія, въ отвѣтъ на нѣсколько писемъ Екатерины Павловны, адресованныхъ въ Вильно, въ которыхъ она указывала Государю откровенно на сдѣланныя имъ, по ея мнѣнію, ошибки, просила его поспѣшить назначеніемъ главнокомандующаго, убѣждала не брать этой обязан-

ности на себя и изображала тѣ нежелательныя послѣдствія, какія могли отъ этого произойти.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ великая княгиня пишетъ: „Все это я имѣла въ виду, желая, какъ вы выражаетесь, прогнать васъ изъ арміи. Я считаю васъ не менѣе способнымъ, чѣмъ наши генералы, но вѣдь вамъ нужно быть не только полководцемъ, но и правителемъ. Если кто-либо изъ генераловъ сдѣлаетъ ошибку, то онъ понесетъ за это наказаніе и осужденіе общества; если же ошибка будетъ сдѣлана вами, васъ обвинятъ во всемъ, и общество перестанетъ довѣрять тому, отъ кого все зависитъ и кто, будучи единственнымъ вершителемъ судебъ Россіи, долженъ быть для всѣхъ поддержкою, передъ кѣмъ всѣ должны преклоняться. По своему характеру, вы будете страдать изъ-за сдѣланныхъ вами ошибокъ болѣе, чѣмъ тысяча другихъ людей; и эти страданія отразятся неизбѣжно на вашихъ послѣдующихъ рѣшеніяхъ: душевная тревога затмеваетъ разсудокъ".

Къ этому вопросу Екатерина Павловна возвращается еще болѣе настойчиво въ письмѣ отъ 5 августа, писанномъ изъ Ярославля, въ то время, когда столицѣ угрожала уже неминуемая опасность.

„Я не могу молчать, пишетъ она брату, я должна высказать то, что я думаю", и она укоряетъ его за то, что онъ не принялъ во вниманіе заявленій, сдѣланныхъ ему генералами, что, уѣхавъ изъ арміи, онъ оставилъ главнокомандующаго въ полной неизвѣстности относительно того, какъ ему слѣдовало дѣйствовать далѣе; она настаиваетъ на томъ, чтобы императоръ принялъ какое-нибудь опредѣленное рѣшеніе, „Ермоловъ, котораго вы уважаете, пишетъ она, говоритъ, что если дѣло пойдетъ такъ далѣе, то онъ не ручается за то, что Москва не будетъ черезъ десять дней въ рукахъ непріятеля".

„Бога ради не вздумайте принять командованіе арміей, ибо нуженъ немедленно человѣкъ, къ которому войско чувствовало бы довѣріе, вы же не можете внушить его; при томъ, если вы понесете пораженіе, то это будетъ непоправимымъ бѣдствіемъ въ виду тѣхъ чувствъ, какія это можетъ возбудить".

Взятіе Москвы до глубины души потрясло великую княгиню. Подъ живымъ впечатлѣніемъ ошеломляющаго событія, она пишетъ брату всего нѣсколько словъ, но въ этихъ немногихъ словахъ ярко выражается преобладавшая въ ту минуту въ ея душѣ надо всѣмъ боязнь чтобы не былъ заключенъ миръ, и ея страстное желаніе повліять въ этомъ смыслѣ на брата.

„Москва взята. Бываютъ вещи непостижимыя, но не забудьте своего рѣшенія: *мира не должно быть.* У васъ есть еще надежда спасти свою честь. Не забывайте въ горѣ своихъ друзей, которые готовы

летѣть къ вамъ и сочтутъ за счастье быть чѣмъ нибудь вамъ полезными; располагайте ими.

„Дорогой другъ, мира не должно быть! Хотя бы вамъ суждено было очутиться въ Казани—мира не должно быть“.

Три дня спустя, Екатерина Павловна снова берется за перо, чтобы откровенно изложить брату положеніе вещей и сообщить ему о настроеніи общества.

„Несмотря на непріятность, которую я должна причинить вамъ, дорогой другъ, я не въ состояніи больше молчать. Взятіе Москвы раздражило и ожесточило всѣхъ; неудовольство дошло до крайнихъ предѣловъ, и вашу особу не щадятъ. Если это доходитъ даже до меня, то можно судить объ остальномъ. Васъ громко обвиняютъ въ бѣдствіи, постигшемъ государство, въ разореніи всѣхъ и каждаго и, наконецъ, въ томъ, что вы погубили честь страны и свою собственную. И васъ осуждаетъ не одно какое-нибудь сословіе, а рѣшительно всѣ. Не говоря о способѣ веденія нами войны, одно изъ главныхъ обвиненій, предъявляемыхъ вамъ, состоитъ въ томъ, что вы не сдержали слова по отношенію къ Москвѣ, гдѣ васъ ожидали съ величайшимъ нетерпѣніемъ, что вы ее покинули, какъ бы предали ее; не бойтесь никакой катастрофы въ революціонномъ духѣ, но судите сами, каково должно быть положеніе дѣлъ въ странѣ, когда презираютъ ея главу; нѣтъ той вещи, которую человѣкъ не сдѣлалъ бы, чтобы возстановить свою честь, но при всемъ желаніи пожертвовать всѣмъ для родины, невольно говорятъ: къ чему это поведетъ, когда всѣ убиты, когда все разрушено бездѣятельностью командующихъ? Мысль о мирѣ, къ счастью, раздѣляется не всѣми: наоборотъ, ибо чувство стыда, вызваннаго потерею Москвы, порождаетъ желаніе мести. На васъ жалуются во всеуслышаніе; я считаю долгомъ сказать вамъ это, дорогой другъ, такъ какъ это весьма важно. Не мнѣ указывать вамъ, что дѣлать, но спасите свою честь, которая задѣта. Ваше присутствіе можетъ снова расположить умы въ вашу пользу; не пренебрегайте никакимъ средствомъ и не думайте, что я преувеличиваю; къ несчастью все, что я говорю—правда; сердце обливается кровью у той, которая такъ много вамъ обязана и готова цѣною жизни вывести васъ изъ того положенія, въ какомъ вы очутились“.

„Да, отвѣчалъ императоръ, есть вещи дѣйствительно непостижимыя; но будьте увѣрены, что мое рѣшеніе *продолжать войну непоколебимѣе, чѣмъ когда-либо*; я скорѣе перестану быть тѣмъ, что я есть, нежели соглашусь на переговоры съ чудовищемъ, которое составляетъ бѣдствіе всего міра, и возлагаю надежду на Бога,

на изумительныя качества нашего народа и на свое твердое рѣшеніе не возлагать на себя чужеземнаго ига".

Поспѣшивъ набросать нѣсколько словъ, чтобы успокоить сестру на счетъ главнаго,—на счетъ того, что онъ рѣшилъ упорно продолжать борьбу и не капитулировать передъ врагомъ, Императоръ Александръ былъ однако слишкомъ глубоко задѣтъ высказанными ею обвиненіями, въ которыхъ онъ видѣлъ отчасти происки тайныхъ агентовъ Наполеона, которымъ было предписано влять на народъ, на общество и на самыхъ близкихъ къ Государю лицъ, въ особенности на великую княгиню Екатерину Павловну, чтобы дискредитировать его въ ихъ глазахъ и, при первой возможности, счелъ долгомъ оправдать свой образъ дѣйствій въ глазахъ сестры и подробно изложить ей мотивы, заставившіе его поступить такъ, а не иначе; весь тонъ этого замѣчательнаго письма, въ которомъ Императоръ не оставляетъ безъ отвѣта и объясненія ни одного обвиненія или намека, сдѣланнаго великой княгиней, показываетъ, что онъ не только горячо любилъ сестру, но высоко цѣнилъ ее и дорожилъ ея мнѣніемъ; она въ свою очередь понимала его и была для него самымъ преданнымъ другомъ.

В. Тимощукъ.

---

18 сентября 1812 г.

„Я долженъ отвѣтить вамъ, другъ мой, подробно и обстоятельно что я и дѣлаю и скажу слѣдующее:

Что люди бываютъ несправедливы къ человѣку, когда его постигнетъ несчастье, что его поносятъ, осыпаютъ упреками, это вещь обыкновенная. Я никогда не заблуждался на этотъ счетъ; я былъ увѣренъ, что это случится со мною, какъ только судьба перестанетъ благопріятствовать мнѣ. Можетъ быть мнѣ суждено даже потерять друзей, на которыхъ я всего больше разсчитывалъ. Все это, къ несчастью, въ порядкѣ вещей въ этомъ мірѣ.

Хотя мнѣ и противно докучать кому бы то ни было этими подробностями, лично меня касающимися, и хотя это несравненно тягостнѣе съ тѣхъ поръ, какъ меня постигло несчастье, однако моя искренняя привязанность къ вамъ заставляетъ меня превозмочь это чувство, и я изложу вамъ все такъ, какъ это мнѣ представляется.

Когда человѣкъ поступаетъ по своему искреннему убѣжденію, можно ли требовать отъ него большаго? Этимъ убѣжденіемъ я только и руководствовался. Оно побудило меня назначить главнокомандующимъ 1-ой арміи Барклая, въ виду славы, имъ пріобрѣ-

тенной во время войнъ съ французами и шведами. Глубокое убѣжденіе заставило меня думать, что по познаніямъ онъ стоитъ выше Багратіона. Когда же крупныя ошибки, сдѣланныя послѣднимъ въ эту кампанію, бывшія отчасти причиною нашихъ пораженій, поддержали во мнѣ это убѣжденіе, я больше чѣмъ когда-либо считалъ Багратіона неспособнымъ командовать соединенными арміями подъ Смоленскомъ.

Хотя я не былъ особенно доволенъ дѣйствіями Барклая, однако я считалъ его лучшимъ стратегомъ по сравненію съ тѣмъ, кто въ стратегіи ничего не понимаетъ. Наконецъ, въ силу этого убѣжденія, я не могъ назначить на это мѣсто никого иного.

Совершенно невѣрно, будто мой адъютантъ, Кутузовъ, передалъ мнѣ, какъ вамъ говорили, энергичныя представленія отъ имени генераловъ арміи. Онъ пріѣхалъ просто-на-просто дать мнѣ отчетъ въ дѣйствіяхъ, происходившихъ въ окрестностяхъ Витебска. На вопросъ, предложенный мною самимъ, онъ сказалъ, что въ арміи считаютъ и Барклая и Багратіона одинаково неспособными командовать такими большими массами и хотятъ видѣть во главѣ войска Петра Палена. Не говоря уже о *вѣроломствѣ* и *безнравственности* этого человѣка и его *преступленіи*, вспомните, что онъ лѣтъ 18—20 не видѣлъ непріятеля и что послѣдній разъ, когда онъ участвовалъ въ бою, онъ былъ всего на всего бригаднымъ генераломъ. Какія же надежды могъ я возлагать на этого человѣка и гдѣ доказательства его военныхъ дарованій?

По пріѣздѣ въ Петербургъ, я увидѣлъ, что рѣшительно всѣ были за назначеніе главнокомандующимъ старика Кутузова: это было общимъ желаніемъ. Зная этого человѣка, я былъ вначалѣ противъ этого, но когда Ростопчинъ, письмомъ отъ 5 августа, сообщилъ мнѣ, что вся Москва хочетъ, чтобы арміей командовалъ Кутузовъ, находя, что Барклай и Багратіонъ оба на это неспособны, Барклай же тѣмъ временемъ, какъ нарочно, дѣлалъ подъ Смоленскомъ глупость за глупостью, то мнѣ оставалось только уступить единодушному желанію, и я назначилъ Кутузова.

Я и теперь думаю, что при данныхъ обстоятельствахъ я не могъ поступить иначе; изъ трехъ генераловъ, равно неспособныхъ къ роли главнокомандующаго, я долженъ былъ остановить выборъ на томъ, кого намѣтилъ голосъ народа.

Перехожу теперь къ тому, что касается меня ближе: къ вопросу о моей личной чести. Признаюсь, дорогой другъ мой, мнѣ еще тяжелѣе касаться этого, и я полагалъ, что моя честь, въ вашихъ по крайней мѣрѣ глазахъ, не запятнана. Я не могу даже повѣрить, что вы говорили въ своемъ письмѣ о той личной храбрости, которую можетъ проявить всякій рядовой солдатъ и которой я не

придаю никакого значенія. Впрочемъ, коль скоро мнѣ уже приходится, къ стыду своему, коснуться этого вопроса, я скажу что гренадеры Малороссійскаго и Кіевскаго полковъ могутъ удостовѣрить, что я умѣю держать себя въ огнѣ такъ же спокойно, какъ всякій иной. Повторяю, я не могу повѣрить, чтобы вы говорили въ своемъ письмѣ объ этой храбрости; я думаю, вы имѣли въ виду нравственное мужество: единственно, чему можетъ придавать значеніе человѣкъ съ высшимъ призваніемъ. Если бы я остался въ арміи, быть можетъ мнѣ удалось бы убѣдить васъ въ томъ, что я не лишенъ этого мужества. Но я не могу понять одного: какимъ образомъ вы, выразивъ въ своихъ письмахъ въ Вильно къ Георгу желаніе, чтобы я уѣхалъ изъ арміи, и написавъ мнѣ въ письмѣ отъ 5 августа, переданномъ мнѣ Вельяшевымъ: „Бога ради не вздумайте принять командованіе арміей, ибо нуженъ немедленно человѣкъ, къ которому войско чувствовало бы довѣріе, вы же не можете внушить его; при томъ, если вы понесете пораженіе, то это будетъ непоправимымъ бѣдствіемъ въ виду тѣхъ чувствъ, какія это можетъ возбудить"; установивъ такимъ образомъ, какъ дѣло рѣшенное, что я не могу *внушить никакого довѣрія*,—повторяю, я не могу понять, что вы хотите сказать въ своемъ послѣднемъ письмѣ словами: „*Спасите свою честь, которая задѣта. Ваше присутствіе можетъ снова расположить умы въ вашу пользу*". О чемъ вы говорите, о моемъ присутствіи въ арміи? какъ примирить эти два столь противорѣчивыя мнѣнія?

Принеся свое личное самолюбіе въ жертву общему благу и уѣхавъ изъ арміи вслѣдствіе толковъ о томъ, что я приносилъ ей вредъ своимъ присутствіемъ, что я избавлялъ генераловъ отъ всякой отвѣтственности, что я не внушалъ войскамъ никакого довѣрія, наконецъ, что пораженія, которыя приписывались мнѣ, могли быть прискорбнѣе тѣхъ, которыя приписывались моимъ генераламъ, посудите сами, другъ мой, какъ мнѣ должно быть тяжело слышать, что моя честь подвергается нападкамъ, тогда какъ, уѣхавъ изъ арміи, я сдѣлалъ только то, что отъ меня хотѣли, тогда какъ я самъ ничего такъ не желалъ, какъ остаться въ арміи и, до назначенія Кутузова, твердо рѣшилъ вернуться къ ней. Отказался же я отъ этой мысли лишь послѣ его назначенія, отчасти памятуя о томъ, что этотъ столь льстивый человѣкъ надѣлалъ въ Аустерлицѣ, отчасти слѣдуя вашимъ собственнымъ совѣтамъ и совѣтамъ нѣкоторыхъ другихъ лицъ, раздѣлявшихъ ваше мнѣніе.

Если вы спросите, почему я не поѣхалъ въ Москву, я отвѣчу, что я никогда не бралъ на себя никакихъ обязательствъ и не обѣщалъ пріѣхать туда. Ростопчинъ, въ своихъ письмахъ, очень про-

силъ меня объ этомъ, но это было еще до отступленія отъ Смоленска, слѣдовательно, въ то время, когда, уѣхавъ въ Финляндію, я никакъ не могъ этого сдѣлать; за то въ письмѣ отъ 14 августа, онъ пишетъ, „Теперь, Государь, перехожу къ самому главному, т. е. къ вашему пріѣзду сюда. Не подлежитъ сомнѣнію, что ваше присутствіе здѣсь вызоветъ еще большій энтузіазмъ, но если событія, до вашего пріѣзда, сложатся неблагопріятно для насъ, то ваше присутствіе можетъ еще болѣе усилить тревогу, и такъ какъ вамъ не подобаетъ рисковать, подвергая себя опасности, то было бы лучше повременить отъѣздомъ изъ Петербурга до полученія какихъ-либо извѣстій о томъ, что положеніе вещей измѣнилось къ лучшему“.

Посмотримъ теперь, могъ ли я пріѣхать въ Москву? Коль скоро было установлено принципіально, что мое присутствіе въ арміи приносило болѣе вреда, чѣмъ пользы, пристало ли мнѣ быть въ Москвѣ въ то время, когда армія, отходя отъ Смоленска, приближалась къ Москвѣ? Хотя я никогда не могъ себѣ представить, чтобы Москва могла быть оставлена столь постыднымъ образомъ, однако я представлялъ себѣ, что вообще это могло случиться послѣ одного или двухъ проигранныхъ сраженій. Какую роль пришлось бы мнѣ играть тамъ; и неужели я бы пріѣхалъ въ Москву для того, чтобы ретироваться оттуда со всѣми вмѣстѣ?

Сопоставивъ даты, посмотримъ, могъ ли я пріѣхать туда своевременно? Тотчасъ по возвращеніи Бентинка [1]), я уѣхалъ въ Финляндію, чтобы быть тамъ къ назначенному имъ сроку. Я пробылъ съ королевскимъ принцемъ въ Або всего 3 дня: согласитесь, что это не долго. Въ ночь съ 21 на 22 я возвратился въ Петербургъ. Допустивъ, что я уѣхалъ бы на слѣдующій день, я пріѣхалъ бы въ Москву только въ день битвы, 26 числа; слѣдовательно, я не могъ бы даже помѣшать пагубному отступленію въ ночь послѣ битвы, которое все погубило. Судите сами, каково было бы въ такомъ случаѣ мое положеніе въ Москвѣ! Какъ только я очутился бы такъ близко, вся отвѣтственность за послѣдующія событія пала бы, съ той минуты, совершенно основательно, на одного меня; между тѣмъ могъ ли бы я предотвратить случившееся, коль скоро не постарались воспользоваться побѣдой и упустили благопріятный моментъ? Значитъ, я пріѣхалъ бы только для того, чтобы взвалить на себя позоръ, въ которомъ виноваты другіе.

За то я хотѣлъ воспользоваться первымъ моментомъ, когда наша армія одержитъ какое-нибудь существенное превосходство надъ

---

[1]) Англійскій адмиралъ.

непріятелемъ и заставитъ его отступить, чтобы пріѣхать въ Москву. Я бы выѣхалъ даже тотчасъ по полученіи извѣстія о сраженіи 26 числа, если бы Кутузовъ, въ томъ же донесеніи, не сообщалъ мнѣ, что онъ рѣшилъ отступить за 6 верстъ, чтобы собраться съ силами. Эти роковыя 6 верстъ, отравивъ все удовольствіе, доставленное мнѣ побѣдою, заставили меня обождать слѣдующаго донесенія; оно же ясно предвѣщаетъ мнѣ одни бѣдствія.

Вотъ точное изложеніе всѣхъ обстоятельствъ, дорогой другъ мой. Присовокуплю къ этому нѣкоторыя свѣдѣнія, которыя вѣроятно поразятъ васъ.

Весной, передъ моимъ отъѣздомъ въ Вильно, я узналъ изъ надежнаго источника, что всѣ усилія тайныхъ агентовъ Наполеона предполагалось направить на то, чтобы дискредитировать насколько возможно правительство и противупоставить его народу; для этого было рѣшено, если я буду находиться при арміи, приписать мнѣ всѣ неудачи, какія могли бы произойти, и изобразить меня въ такомъ духѣ, какъ будто я пожертвовалъ безопасностью Имперіи ради своего личнаго честолюбія, помѣшавъ генераламъ, болѣе опытнымъ, нежели я, одержать побѣду надъ непріятелемъ; съ другой стороны, если бы меня не было въ арміи, было рѣшено приписать это недостатку мужества съ моей стороны. Но это не все; судя по тѣмъ же свѣдѣніямъ, адскій планъ клонился даже къ тому, чтобы поселить раздоръ въ нашей семьѣ.

Вы будете, вѣроятно, удивлены, если я скажу вамъ, что, дней за 8 или за 10 до моего отъѣзда, меня предупредили, что эти происки должны были начаться съ васъ, что было рѣшено сдѣлать все возможное, чтобы изобразить меня въ вашихъ глазахъ въ самомъ невыгодномъ свѣтѣ. Такъ какъ, зная ваше расположеніе ко мнѣ, я всегда былъ съ вами вполнѣ откровененъ и чистосердеченъ, то это меня ничуть не встревожило, и я очень мало объ этомъ безпокоился. Хотѣли повліять и на меня, возбудивъ во мнѣ тревогу на вашъ счетъ, но очень скоро убѣдились, что это будетъ напрасная трата времени. Для осуществленія этихъ адскихъ козней разсчитывали на то, что лица, вовсе не причастныя къ нимъ, будучи напуганы слухами, которые такъ или иначе дошли бы до ихъ свѣдѣнія, невольно, сами того не замѣчая, изъ одного усердія, стали бы повторять эти слухи, пущенные первоначально агентами Наполеона, которые дошли бы, такимъ образомъ, въ концѣ концовъ, до насъ, въ то время, какъ истинные виновники происковъ остались бы неизвѣстны. Всѣ эти козни предполагалось пустить въ ходъ главнымъ образомъ въ то время, когда одна изъ столицъ очутилась бы въ рукахъ непріятеля.

Здѣсь, въ Петербургѣ, я имѣю ежедневно случай все болѣе и болѣе убѣждаться въ томъ, насколько предостереженія, сдѣланныя мнѣ весною, были точны; все, что вы пишете въ своемъ послѣднемъ письмѣ, подтверждаетъ это. Между тѣмъ, я самъ понимаю, что при переживаемыхъ нами злополучныхъ обстоятельствахъ, эти козни могутъ удастся какъ нельзя легче, и люди, распускающіе подобные слухи, должны, естественно, найти много прозелитовъ.

Что касается меня, дорогой другъ, то я могу поручиться за одно, что я всѣмъ сердцемъ, всѣми помышленіями, всемѣрно забочусь о томъ, что клонится къ благу и къ пользѣ моей родины, какъ я ихъ понимаю.

Что касается таланта, быть можетъ его у меня нѣтъ, но вѣдь пріобрѣсти его нельзя: это даръ свыше, никто еще самъ не пріобрѣталъ его. Всякій, мало-мальски справедливый человѣкъ долженъ признать, что, имѣя такихъ плохихъ помощниковъ и не имѣя во всѣхъ отрасляхъ управленія хорошихъ сотрудниковъ, управляя такимъ сложнымъ механизмомъ, въ то время какъ мы переживаемъ столь ужасный кризисъ и имѣемъ дѣло съ такимъ адскимъ противникомъ, сочетающимъ ужасное злодѣйство съ самыми выдающимися дарованіями, которому помогаютъ вооруженныя силы *всей Европы* и множество талантливыхъ людей, выработавшихся въ теченіе 20 лѣтъ постоянныхъ войнъ и революцій, что нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, если я испытываю неудачи. Припомните, что, во время нашихъ бесѣдъ втроемъ, мы предвидѣли это; мы допускали даже возможность потерять обѣ столицы и полагали, что только *одной настойчивостью* можно преодолѣть бѣдствія этого тяжелаго времени. Несмотря на всѣ неудачи, какія мнѣ приходится испытывать, я не падаю духомъ, я рѣшилъ болѣе чѣмъ когда-либо упорно продолжать борьбу и къ достиженію этой цѣли направлены всѣ мои усилія.

Скажу откровенно: не быть признаннымъ обществомъ или множествомъ людей, которые вовсе меня не знаютъ, или знаютъ недостаточно, не такъ тяжело, какъ быть непонятымъ небольшимъ числомъ людей, которыхъ я люблю, и которыми я надѣялся быть понятымъ. Но если бы это новое горе присоединилось ко всѣмъ тѣмъ огорченіямъ, какія мнѣ приходится испытывать, то клянусь Богомъ, я не сталъ бы обвинять ихъ и видѣлъ бы въ этомъ только обычную участь всѣхъ несчастныхъ,—участь быть всѣми покинутымъ.

Простите мнѣ, дорогой другъ, что я такъ долго злоупотребляю вашимъ терпѣніемъ, написавъ такое длинное письмо и промедливъ такъ долго съ отвѣтомъ, такъ какъ я могу урвать отъ моихъ ежедневныхъ занятій лишь немного времени.

Теперь я долженъ подѣлиться съ вами второстепенными подробностями. Мнѣ не удалось выхлопотать у матушки Екатерининскую ленту для Волконской: она сама писала вамъ о томъ, и я видѣлъ, что она очень горячилась по поводу этого предложенія.

Что касается Гагарина [1]), то я не имѣю никакой возможности подвинуть его, ибо иначе онъ опередилъ бы Салтыковыхъ и многихъ другихъ сенаторовъ, которые всѣ старше его. Вообще, мнѣ кажется, что въ настоящій моментъ, когда совершаются событія первостепенной важности, слѣдуетъ нѣсколько повременить съ наградами и давать ихъ только тѣмъ, кто проливаетъ кровь за отечество.

Что касается обоихъ врачей, то они получили повышеніе [2]). Извиняюсь, другъ мой, что я не спросилъ васъ, въ какой полкъ вы бы желали записать своего малютку, по примѣру старшаго.

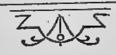
Привыкнувъ писать вамъ обоимъ одновременно, я скажу вамъ, любезный Георгъ, что въ данный моментъ вы несравненно полезнѣе мнѣ, стоя во главѣ ввѣренныхъ вамъ трехъ губерній и завѣдуя путями сообщеній, нежели находясь въ главной квартирѣ.

Въ то время, когда врагъ употребляетъ всѣ возможныя усилія, чтобы дезорганизовать все внутри Имперіи, слѣдуетъ всѣми средствами мѣшать этому и поддерживать порядокъ. Никогда еще занимаемое вами мѣсто генералъ-губернатора этихъ трехъ губерній не имѣло столь важнаго значенія. Единственныя, остающіяся еще въ нашихъ рукахъ сообщенія съ остальными частями Имперіи идутъ теперь черезъ Ярославль; часть Москвы находится въ Ярославлѣ; прибавьте къ этому еще бездну другихъ соображеній. Поддержавъ порядокъ и спокойствіе въ своихъ трехъ губерніяхъ, вы безъ сомнѣнія окажете этимъ мнѣ и государству величайшую услугу.

Кончая, призываю васъ обоихъ быть твердыми и настойчивыми. Вы сами такъ часто совѣтовали мнѣ это. Теперь пора проявить эти качества; будьте увѣрены, что для борьбы съ внутренними смутами ихъ нужно несравненно больше, нежели для борьбы съ внѣшнимъ врагомъ. Вашъ душою и сердцемъ навсегда Александръ".

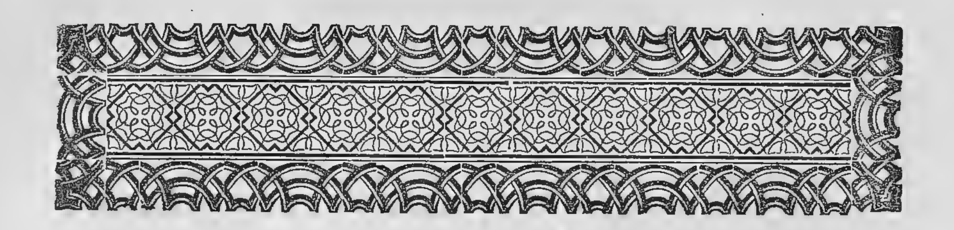
„Прилагаю обычныя бездѣлки для малютки".

В. Тимощукъ.

[1]) Князь Гагаринъ, Иванъ Алексѣевичъ, р. 1771†1832 г., дѣйствительный камергеръ, съ 1810 г. управлялъ дворомъ великой княгини Екатерины Павловны, позднѣе московскій сенаторъ, мужъ знаменитой актрисы Семеновой.

[2]) При великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ состояло два доктора: Ѳедоръ Ѳедоровичъ Бахъ и Иванъ Ивановичъ Гарри (хирургъ).

Записки крѣпостной.

I.

Я крѣпостная дѣвка господъ Болотиныхъ[1]. Наши господа были важные,—старый баринъ, Петръ Георгіевичъ, своимъ дочерямъ часто разсказывалъ, что ихъ дѣдушка, Георгій Николаевичъ, при царицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ жилъ во дворцѣ и былъ у нея въ большой чести. Послѣ же царицыной смерти баринъ Болотинъ не захотѣлъ уже никому больше служить — пріѣхалъ въ свое село „Дубовое" и жилъ въ немъ до самой смерти. Передъ смертью, Георгій Николаевичъ церковь въ селѣ выстроилъ въ честь Георгія Побѣдоносца и Екатерины Великомученицы, и до сихъ поръ, каждое воскресенье, священникъ за заупокойной эктеніей поминаетъ строителя храма болярина Георгія. Дворовые же, древніе старики, про барина Георгія Николаевича еще и другое разсказывали — что онъ былъ лютъ и поролъ не только своихъ крестьянъ, но и сосѣдей помѣщиковъ. Полиція къ нему на дворъ не смѣла и носа показать—для полицейскихъ и для всѣхъ непрошенныхъ гостей у него стояло на цѣпи два медвѣдя и шесть охотничьихъ собакъ. Когда лакеи барину докладывали, что къ нашимъ главнымъ воротамъ становой или исправникъ подъѣхалъ, баринъ сейчасъ же приказывалъ выпустить на дворъ собакъ; а тѣ были ученыя — человѣка не укусятъ, но за то его до смерти напугаютъ и платье на немъ въ клочья разорвутъ.

Передъ смертью, Георгій Николаевичъ началъ о своихъ грѣхахъ сокрушаться и не могъ помереть до тѣхъ поръ, пока не призвалъ къ себѣ всѣхъ своихъ крестьянъ и не попросилъ у нихъ прощенья.

---

[1]) Фамиліи всѣ измѣнены.

М. Е. Васильева.

Нашъ старый баринъ, Петръ Георгіевичъ, характеромъ вышелъ не въ своего папеньку—этотъ баринъ былъ тихій, боязливый и до крестьянъ жалостливый. Женился онъ уже не молодымъ, лѣтъ сорока, на черкесской княжнѣ, Варварѣ Ивановнѣ, изъ себя она была красавица, а сердце имѣла жестокое.

Послѣ своей женитьбы, нашъ баринъ началъ свою жену во всемъ слушаться, и для нашихъ крестьянъ жизнь пошла уже горькая.

По зимамъ (много лѣтъ) наши господа жили въ Москвѣ, а весной, когда расцвѣтала черемуха, они со всѣми своими дѣтьми и прислугой пріѣзжали въ Дубовое и жили въ немъ до первыхъ заморозковъ...

Въ господское село я была взята пяти лѣтъ. Мои родители были крестьяне; родилась я въ деревнѣ, въ четырехъ верстахъ отъ господской усадьбы. Когда въ одну недѣлю у меня померли отецъ съ матерью, въ нашу избу пришелъ староста, взялъ меня на руки, принесъ въ господское село и отдалъ бабушкѣ Устиньѣ, которая жила на скотномъ дворѣ.

У нашихъ господъ былъ заведенъ такой порядокъ, что сиротъ, кто бы ты ни былъ: дѣвкинъ ли подкидышъ, или законный крестьянскій ребенокъ, всѣхъ брали на господскій дворъ и за ними присматривала бабушка Устинья. Бабушку я помню уже древней старухой, но еще работящей: лѣтомъ и зимой она помогала скотницамъ обряжать господскихъ коровъ; а когда въ избѣ зажигали лучину, бабушка садилась на лавку и на прялкѣ пряла господскій ленъ, или же на веретенѣ сучила нитки.

Изба наша раздѣлялась низкой заборкой на двѣ половины, на одной висѣла люлька на оципѣ, гдѣ спали маленькіе ребятишки, а мы, которые были постарше, валялись на полу, на соломѣ; на другой половинѣ избы стояли телята, ихъ отпаивали на убой и отправляли господамъ въ Москву. Мы, ребятишки, любили смотрѣть, когда бабушка однихъ телятъ поила молокомъ, а другіе возлѣ нея прыгали. Днемъ, старшіе ребятишки няньчили младшихъ и жить намъ было хорошо. На насъ сиротъ шла мѣсячина: мѣра ржи, мѣра гречневыхъ крупъ и полагалось каждый день, отъ господскихъ коровъ, двѣ кринки парного молока.

Пока наши господа не жили въ селѣ, мы бѣгали не только по всему двору, но и по господскому саду. Когда же весной, нашъ управляющій, Никаноръ Савельевичъ, открывалъ въ барскомъ домѣ окна, мы, бывало, обступимъ его и просимъ показать намъ господскія комнаты и такъ ему, въ другой разъ, надоѣдимъ, что онъ и скажетъ:

— Идите, поросята, за мной, только уговоръ лучше денегъ—ни до чего руками не касаться. Никаноръ Савельевичъ былъ для насъ, сиротъ, добрый; онъ и самъ, на своемъ вѣку, много горя видѣлъ—лѣтъ пятнадцать при господахъ лакеемъ состоялъ, когда же отъ барыниныхъ оплеухъ оглохъ, баринъ его прислалъ къ намъ управляющимъ. У насъ же, ребятишекъ, отъ радости и ушки на макушкѣ, что Никаноръ Савельевичъ намъ позволяетъ идти за нимъ и, когда со скотнаго двора мы попадали въ барскія хоромы, то ужъ думали, что попали прямо въ рай. Господскій домъ былъ большущій, комнаты свѣтлыя, полы паркетные, въ залѣ колонны мраморныя и мебель вся золоченая.

Никаноръ Савельевичъ показывалъ намъ не однѣ только комнаты, онъ выводилъ насъ и на балконъ, а ихъ было цѣлыхъ четыре—съ одного была видна, на горѣ, дубовая роща, а подъ горой вилась бѣлой лентой не широкая рѣка; съ другого балкона была видна церковь съ золотыми главами и поле, куда мы лѣтомъ бѣгали за васильками, съ третьяго — большая дорога, усаженная дубнякомъ; четвертый же балконъ выходилъ на дворъ.

Наши господа, два лѣта подрядъ, въ свое село не пріѣзжали, на третье къ управляющему отъ барина пришло письмо, что баринъ съ барыней надумали совсѣмъ перебраться жить въ Дубовое.

„Осмотри, Никаноръ—писалъ баринъ—хорошенько весь домъ, чтобы въ немъ намъ можно было жить не только лѣтомъ, но и зимой“. Тутъ началась спѣшка. На нашъ дворъ нагнали мужиковъ и бабъ; мужики расчищали запущенный садъ; а бабы, на дворѣ, травку выщипывали. Никаноръ Савельевичъ ходилъ по всему дому съ молоткомъ и всѣ стѣны остукивалъ; въ кабинетѣ замѣтилъ, что одна стѣна треснула и выдалась впередъ; онъ, сейчасъ же, послалъ въ городъ нарочнаго за каменщиками; когда же тѣ стали ломать стѣну, то увидѣли между кирпичами замуравленнаго человѣка. Каменщики испугались, побросали работу и прибѣжали къ управляющему.

— Нужно—говорятъ—Никаноръ Савельевичъ, за священникомъ послать. Управляющій самъ побѣжалъ къ отцу Василію. Нашъ священникъ былъ древній старичекъ и помнилъ отца нашего барина.

Когда отецъ Василій увидѣлъ въ стѣнѣ человѣческія кости, то перекрестился и сталъ молиться.

— Упокой, Господи, убіеннаго, раба твоего, имя его Ты, Господи, вѣси... Потомъ, указалъ намъ на большой, въ золотой рамѣ портретъ красиваго барина, съ сѣдыми кудрявыми волосами и сказалъ:

— Это строитель нашего храма, бояринъ Георгій, я помню, какъ онъ своихъ крестьянъ до смерти засѣкалъ. Господь одинъ

вѣдаетъ грѣхи людскіе; а мы православные помолимся за обоихъ— за убіеннаго и за болярина Георгія. Послѣ панихиды священникъ приказалъ вынуть изъ стѣны кости, сложить ихъ въ одинъ ящикъ и нести на кладбище; а самъ, какъ былъ въ ризѣ и съ кадиломъ въ рукахъ, пошелъ впереди.

Въ этотъ же день Никаноръ Савельевичъ собралъ насъ всѣхъ дворовыхъ и строго наказалъ, чтобы обо всемъ, сегодня случившемся, мы свои языки держали на привязи.

II.

Управляющій опять получилъ письмо, что наши господа пріѣдутъ въ Троицу.

Къ этому дню мы стали и готовиться. Наканунѣ дворъ усадили нарѣзанными въ лѣсу молодыми березками, а въ Троицу, чтобы не прозѣвать пріѣзда господъ и успѣть имъ поклониться, всѣ наши калѣки и старики, съ ранняго утра, высыпали на дворъ. Въ этотъ день изъ дворовыхъ мало кто и къ обѣднѣ ходилъ, пошли только тѣ, у кого были деньги, чтобы подать за здравіе барина, барыни и всѣхъ ихъ сродниковъ, а потомъ вынутыя просфоры поднести господамъ.

Никаноръ Савельевичъ забралъ насъ всѣхъ, ребятишекъ, съ собою въ садъ и каждому наломалъ по большому букету сирени, потомъ поставилъ насъ по обѣимъ сторонамъ господскаго крыльца, чтобы мы эти букеты подали нашей барынѣ, Варварѣ Ивановнѣ, когда та выйдетъ изъ экипажа...

Господа наши пріѣхали, только послѣ обѣда.

Мы всѣ еще стояли съ цвѣтами у крыльца, когда на дворъ влетѣли два экипажа, каждый изъ нихъ былъ запряженъ четверкой лошадей.

Въ одномъ экипажѣ сидѣли баринъ съ барыней. Петръ Георгіевичъ уже и тогда былъ старый, какъ лунь сѣдой, да и барыня Варвара Ивановна была не молодая, хотя изъ себя еще видная, похожая больше на мужчину, чѣмъ на женщину—у нея были порядочные усы. Напротивъ старыхъ господъ сидѣли молодой баринъ Егоръ Петровичъ и младшая дочь Софья Петровна, а старшая дочь, Прасковья Петровна, съ гувернанткой Анной Васильевной и съ няней Ольгой Ивановной, пріѣхали въ другомъ экипажѣ.

Когда мы, дѣти, подавали наши букеты барынѣ, Варварѣ Ивановнѣ, она гладила насъ по головѣ; и въ это же время разговаривала съ бабушкой Устиньей, на которой по случаю праздника и

пріѣзда господъ былъ надѣтъ желтый нанковый шугай, въ которомъ она еще и вѣнчалась.

Барыня разспрашивала бабушку, сколько у нея въ эту зиму прибыло сиротъ и сколько осталось живыхъ телятъ.

Старый баринъ приказалъ лакею вынуть изъ экипажа дорожный погребецъ и тутъ же, на крыльцѣ, угощалъ дворовыхъ мужиковъ водкой.

На старыхъ господъ я мало смотрѣла, занимали меня—молодые. Обѣ барышни были въ соломенныхъ круглыхъ шляпкахъ и желтыхъ бурнусахъ.

Старшей барышнѣ шелъ тогда четырнадцатый годъ, изъ себя она была худощавенькая, а только пріятная и кланялась дворовымъ съ умильной улыбочкой; она намъ всѣмъ очень понравилась.

Младшей барышнѣ Софьѣ Петровнѣ было девять лѣтъ, лицо у нея было все обметавши золотушкой; говорили, что она хворая и ее изъ экипажа лакей на рукахъ вынесъ и поставилъ на крыльцо; барышня вдругъ чего-то раскапризничалась и къ ней подбѣжала немолодая гувернантка, Анна Васильевна; и было слышно, какъ она барышнѣ сказала:

— Не хорошо, Сонечка, капризничать —на васъ ваши крѣпостные люди смотрятъ.

Барышня еще больше закапризничала, начала на насъ, дѣтей, плевать; а на гувернантку топала ногой.

Молодой баринъ, Егоръ Петровичъ больше всѣхъ въ экипажѣ замѣшкался; на нихъ была надѣта черная курточка и фуражка съ краснымъ околышкомъ, имъ тогда было шестнадцать лѣтъ, изъ себя баринъ былъ, что картина: высокій, тоненькій, брови черныя колесомъ, лицо продолговатое и розовое.

Мимо дворовыхъ молодой баринъ прошелъ гордо, словно и не видѣлъ, что имъ весь народъ кланяется, только разъ обернулись, чтобы свистнуть своей лохматой собакѣ и, играя тросточкой, вошли въ комнаты.

III.

Съ тѣхъ поръ, какъ господа переѣхали жить въ село, у насъ и на дворѣ стало веселѣе.

Теперь я часто бѣгала въ людскую, посмотрѣть на лакеевъ и на горничныхъ, а также чтобы подслушать ихъ разговоръ о нашихъ господахъ. Барыню, Варвару Ивановну, прислуга не хвалила—на руку была очень дерзка и не только била сама прислугу, но и своего мужа ругала, зачѣмъ тотъ людей не колотитъ. Старый ба-

ринъ былъ тихій, драться не любилъ, а когда его жена на кого-нибудь науськаетъ, онъ къ тому человѣку съ клюкой выйдетъ, стучитъ ею объ полъ и кричитъ до тѣхъ поръ, пока не охрипнетъ; а его никто и не боится—знаютъ, что онъ только покричитъ, а драться не станетъ.

Барыню люди осуждали и за то, что она своихъ старшихъ дѣтей не любила, а только не наглядится на свою младшую дочь. Сынъ матери не боялся и спуску ей ни въ чемъ не давалъ; мать даже сама Егора Петровича побаивалась, а старшую свою дочь, Прасковью Петровну, барыня, какъ крѣпостную дѣвку, оплеухами кормила и все за то, что та заступалась за горничныхъ дѣвокъ. Младшую Софью Петровну вся прислуга ненавидѣла,—эта барышня была злая, капризная и при ней лишняго слова не скажи,—сейчасъ маменькѣ перескажетъ и людей подъ розги подведетъ. Молодого барина, Егора Петровича, горничныя, хоть и любили за красоту, а жаловались, что у него ласки тяжелыя—если щипнетъ, такъ съ вывертомъ, а хлыстомъ стегнетъ, такъ на тѣлѣ кровавый рубецъ останется и съ простымъ народомъ молодой баринъ держалъ себя гордо, съ горничными, еще бывало, посмѣется, а лакей отъ него другого слова не жди, какъ „прими, да подай“. Когда разъ шелъ разговоръ, между прислугой, о молодомъ баринѣ, въ него вмѣшался и нашъ управляющій.

— Лицомъ, Егоръ Петровичъ,—сказъ Никаноръ Савельевичъ—похожъ, какъ двѣ капли воды, на портретъ своего дѣда Георгія Николаевича и характеромъ онъ будетъ такой же, какъ его дѣдъ. Тотъ засѣкалъ людей до смерти; а этотъ, восьми лѣтъ отъ роду, со злости, чуть меня не сжегъ. Тогда я былъ его дядькой и намучился же я съ нимъ, я не смѣлъ ни остановить его, ни барынѣ на него пожаловаться. Разъ, въ дѣвичьей, онъ подъ пяльцы залѣзъ и началъ дѣвкамъ босыя ноги булавками колоть; дѣвки плачутъ и не знаютъ, что и дѣлать—пожаловаться барынѣ—не смѣютъ,—та сына не остановитъ и имъ же оплеухъ надаетъ. Тутъ я вошелъ въ дѣвичью, и дѣвки мнѣ взмолились:

— Возьмите, Никаноръ Савельевичъ, изъ-подъ пялецъ барченка, онъ намъ всѣ ноги въ кровь исколол̀ъ.

Я вытащилъ барченка изъ-подъ пялецъ и взялъ его за ухо.

— Идите, говорю, жальтесь на меня вашему папенькѣ и маменькѣ.

Потомъ, я цѣлый день ждалъ оплеухъ отъ барыни, а вышло—другое.—Въ этотъ же день, въ сумерки я прилегъ, въ лакейской, на кожаный диванъ и вздремнулъ. Къ счастью, я скоро проснулся и чувствую, что головѣ моей горячо, а въ комнатѣ—смрадъ, словно

отъ жженыхъ волосъ. Схватился я за голову—она вся въ огнѣ, я скорѣй—съ дивана подушку и ею огонь на головѣ и потушилъ. Потомъ думаю, откуда взялся у меня огонь на головѣ, оглянулся кругомъ и вижу, за шкафомъ стоитъ барченокъ, смотритъ на меня и смѣется; а у самого въ рукахъ коробка сѣрянокъ.

Послѣ такихъ разсказовъ, я стала молодого барина бояться, а смотрѣть на него мнѣ все таки хотѣлось; для этого я бѣгала къ забору господскаго сада—спрячусь въ кустахъ и смотрю, какъ въ липовой аллеѣ Егоръ Петровичъ учитъ свою собаку поноску носить. И помытарился же онъ надъ собакой.—Въ рукахъ у молодого барина была плетка съ желѣзнымъ концомъ, какъ этой плеткой хватитъ собаку, такъ кровавую полосу на бритомъ заду и оставитъ. Сохрани Богъ, если собака огрызнется или зубы покажетъ; тутъ Егоръ Петровичъ и начнетъ ее со всей силы полосовать; а собака только визжитъ и воетъ. Наконецъ, баринъ устанетъ и плеть броситъ на землю, съ минуты двѣ походитъ по дорожкѣ, потомъ подзоветъ спрятавшуюся въ кусты собаку и начнетъ ее ласкать.

Когда, бывало, молодой баринъ бьетъ собаку, у меня отъ страха ноги и руки трясутся, а отъ забора все же не отхожу и на другой день опять сюда прибѣгу и жду молодого барина.

Егоръ Петровичъ, другой разъ, съ ружьемъ въ садъ приходилъ птицъ стрѣлять и больше любилъ подстрѣлить птицу, чѣмъ ее сразу убить; когда птица упадетъ на землю и еще трепещетъ крылышками, молодой баринъ наклонится къ ней, смотритъ на нее и смотритъ такъ, словно любуется, потомъ, схватитъ птицу за ноги, встряхнетъ ее и швырнетъ за заборъ. Такъ баринъ убилъ и моего кота...

Васька повадился бѣгать за мной къ господскому саду, пока я стою у забора, котъ на него заберется, сидитъ и грѣется на солнышкѣ.

Сначала молодой баринъ Ваську вѣрно не замѣчалъ и вдругъ разъ въ мою сторону—прицѣлился и выстрѣлилъ. Котъ, какъ снопъ, свалился въ садъ, а мнѣ показалось, что Васька соскочилъ съ забора; когда же молодой баринъ поднялъ его за ноги и швырнулъ ко мнѣ на дворъ, я догадалась, что Васька убитъ, подбѣжала къ нему.

Вижу, у кота глаза, какъ у рака, выпучены, я какъ заору во все горло.

Баринъ меня увидѣлъ и кричитъ:

— Иди сюда, хорошенькая дѣвочка, иди ко мнѣ!

Я схватила въ подолъ кота и давай Богъ ноги и, не оглядываясь, добѣжала до скотнаго двора.

Вскорѣ послѣ этого, Егоръ Петровичъ уѣхалъ въ Петербургъ

доучиваться и лѣтъ семь или восемь въ свое село „Дубовое“ и глазъ не показывалъ.

IV.

Въ первую же зиму, послѣ пріѣзда господъ, меня взяли въ комнаты.

Разъ, барышня, Софья Петровна, гуляла по двору со своей гувернанткой; я имъ попалась навстрѣчу и поклонилась. Барышня подозвала меня къ себѣ, спросила, гдѣ я живу и какъ меня зовутъ и, тутъ же, сказала своей гувернанткѣ:

— Я съ этой дѣвочкой хочу играть у себя въ комнатѣ.

Въ этотъ же день вечеромъ, когда бабушка Устинья еще пряла, а мы, ребятишки, набѣгавшись досыта по двору, уже крѣпко спали вповалку на полу, бабушка услышала, что кто-то, въ сѣняхъ, рукой по стѣнѣ шаритъ—дверь ищетъ.

Бабушка встала и отворила дверь.

Въ избу вошла, въ большомъ платкѣ, горничная Аксюта и сказала, что она прислана отъ барыни за сиротинкой Акулькой, которая, сегодня, полюбилась барышнѣ Софьѣ Петровнѣ,—когда та гуляла по двору.

— Безъ твоей Акульки,—разсказывала Аксюта, барышня и спать не ложится, капризничаетъ и нянькѣ все лицо въ кровь исцарапала,—хочу—говоритъ,—чтобы Акулька, какъ собачка, спала на полу, возлѣ моей кроватки.

Бабушка сейчасъ же меня растолкала и на ноги поставила; я же, со сна, стою, какъ дура и, ничего не понимаю... Бабушка мнѣ косу заплела, Аксюта достала, изъ подъ своего платка, барышнино старенькое платье и вмѣстѣ съ бабушкой это платье на меня и надѣли.

Я какъ увидѣла, что на мнѣ розовое платье съ двумя оборками, такъ обрадовалась, что сонъ съ меня сразу соскочилъ. Аксюта взяла меня за руку, и мы пошли изъ избы. Я слышала, какъ по мнѣ завыла бабушка, словно по покойницѣ.

На дворѣ былъ морозъ, а на мнѣ кромѣ ситцеваго платья ничего не было. Когда же Аксюта прикрыла меня своимъ большимъ платкомъ, идти стало не ловко и тогда мы, чтобы согрѣться, пустились бѣжать взапуски. Отъ бѣгу мнѣ даже жарко стало...

Когда мы пришли въ господскій домъ, Аксюта ввела меня въ комнату, къ барышнѣ Софьѣ Петровнѣ; та лежала въ кровати и еще не спала; нянька стояла—въ ногахъ и уговаривала ее не ка-

признчать. Барышня била ногами и руками по рѣшетчатой заборкѣ своей кровати и кричала:

— Приведи ко мнѣ Акульку, приведи Акульку!

Когда я съ Аксютой вошла, няня Ольга Ивановна барышнѣ сказала:

— Посмотри, Сонечка, вотъ стоитъ и твоя Акулька.

Барышня поднялась на постелѣ, взглянула на меня сонными глазами и, не сказавъ ни слова, опять легла, обернувъ свое личико къ стѣнѣ. Теперь, Ольга Ивановна уже шепотомъ со мной заговорила:

— Барышня сейчасъ заснетъ; а ты, Акулька, сядь на стулъ и не шевелись.

Я сѣла на стулъ; а нянька загасила свѣчку. Сидѣть въ темнотѣ было скучно, и я стала прислушиваться къ голосамъ въ другой комнатѣ, дверь которой была не плотно приперта, въ щель былъ виденъ свѣтъ и мнѣ было слышно, какъ въ комнату вносили что-то тяжелое.

Вдругъ изъ этой же комнаты кто-то закричалъ:

— Нянька, гдѣ губка, которую я тебѣ велѣла высушить?

Ольга Ивановна схватила съ лежанки губку и сунула мнѣ въ руку.

— Снеси—говоритъ—барынѣ въ спальню, вотъ въ эту дверь.

Когда я вошла въ спальню, мнѣ бросилась въ глаза большая зеленая ванна, стоявшая по срединѣ комнаты. Въ ванну два лакея наливали изъ ведеръ воду. Недалеко отъ нихъ, въ креслѣ, сидѣла наша барыня, она была совсѣмъ голая, только съ одной ноги еще не былъ снятъ чулокъ, и Аксюта, стоя передъ барыней на колѣнкахъ, развязывала тесемки отъ подвязки. Я барынѣ поклонилась, подала губку и уже хотѣла уйти изъ комнаты, когда Варвара Ивановна меня остановила.

— Акулька—сказала она—вѣдь ты съ Устиньей нитки сучишь, вѣрно, умѣешь развязывать узлы; вотъ эта дура—и барыня ткнула ногой въ лицо Аксюты, такъ узелъ затянула, что его придется разрѣзывать.

Я припала лицомъ къ ногѣ барыни и въ одинъ мигъ, зубами, развязала узелъ. Когда я подняла голову, то въ комнатѣ увидѣла стараго барина.

Баринъ былъ въ бухарскомъ халатѣ, а въ рукахъ держалъ газету.

Лакеи тоже еще были въ комнатѣ и суетились возлѣ ванны.

Баринъ, сморщившись, обвелъ глазами всю комнату, взглянулъ мелькомъ на лакеевъ, на меня, потомъ глаза остановилъ на барынѣ и ласковымъ голосомъ сказалъ:

— Ты, Варвара Ивановна, хоть бы простыню на себя накинула.

— Зачѣмъ? въ комнатѣ тепло—отвѣтила барыня.

— Да видишь ли—замялся баринъ и показалъ глазами на лакеевъ—тутъ на тебя мужчины смотрятъ.

— Какіе мужчины?—удивилась барыня.—Здѣсь мои крѣпостные лакеи, развѣ они смѣютъ на меня, на ихъ барыню, смотрѣть! они же для меня все равно, что вотъ эти два стула.

Баринъ пожалъ плечами, взялъ со стола свѣчку и пошелъ вонъ изъ комнаты.

И надо правду сказать, наша барыня, Варвара Ивановна была безстыжая—она при лакеяхъ не только голая показывалась, а даже все при нихъ дѣлала...

Съ этого вечера, я такъ и осталась жить въ комнатахъ. Сначала играла въ куклы съ барышней Софьей Петровной, а когда ту начали учить грамотѣ и чтобы пріохотить ее къ ученью, и я съ нею училась читать и писать; а по вечерамъ, когда въ гостиной зажигали лампу, барыня со старшей дочерью сидѣли возлѣ стола и работали; гувернантка Анна Васильевна учила Софью Петровну танцовать, тогда и меня вмѣстѣ съ ней она заставляла стоять въ позиціяхъ и выдѣлывать па.

Софья Петровна учиться не любила и часто не знала своего урока, за это не ее наказывали, а меня. Барыня зажметъ мою голову въ своихъ колѣнкахъ и сѣчетъ до крови. Прасковья Петровна, изъ-за меня, со своей матерью часто ругались.—Стыда—скажетъ — у васъ, маменька, нѣтъ—сестра Соня лѣнится, а вы Акульку сѣчете.

Барыня ей въ отвѣтъ такую влѣпитъ оплеуху, что бѣдная барышня потомъ долго ходитъ съ подвязанной щекой.

Гувернантка, Анна Васильевна, тоже меня жалѣла, а слово сказать за меня боялась, только когда барыня изъ комнаты уйдетъ, а я горькими слезами обливаюсь, гувернантка подойдетъ ко мнѣ и потихоньку отъ Софьи Петровны сунетъ мнѣ въ руку конфетку или пряникъ.

Разъ Софья Петровна это увидѣла и сосплетничала своей маменькѣ, а та прибѣжала къ Аннѣ Васильевнѣ и говоритъ:

— Вы меня не понимаете, я оттого Акульку сѣку, чтобы Сонечку за лѣность пристыдить, и этимъ я бужу въ моей дочери благородныя чувства.

Барыня не правду говорила, не потому она меня сѣкла, чтобы моими слезами барышню пристыдить, а сѣкла оттого, что сама любила до страсти сѣчь дѣтей. Это всѣ знали и видѣли—барыня,

бывало не дастъ подойти къ забору ни одному мальчику, ни дѣвочкѣ, чтобы не придраться къ нимъ, что они съ кустовъ ягоды щиплютъ, прикажетъ садовнику дѣтей въ садъ загнать и собственноручно до тѣхъ поръ сѣчетъ, пока ребенокъ отъ крику посинѣетъ, или, обомлѣвши, перестанетъ кричать. За то ребятишки нашу барыню, какъ огня, боялись и изъ-за этого страха, разъ такой вышелъ случай, послѣ котораго наша барыня и присмирѣла.

Дѣло было такъ: господская столовая окнами выходила въ садъ.

Въ хорошую погоду наша барыня любила пить чай у открытаго окна и разъ налила она себѣ чашку чаю, взяла со стола изъ корзинки сдобную булочку и сѣла у открытаго окна.

Въ это время, въ саду недалеко отъ дома, мальчикъ Сережка помогалъ садовнику пересаживать на клумбѣ „штокъ-розы". Садовникъ куда-то пошелъ, а Сережка одинъ остался и смотрѣлъ, какъ барыня пьетъ чай. Сережка былъ сирота и жилъ на скотномъ дворѣ у бабушки Устиньи. Съ пріѣздомъ въ село господъ, сиротамъ мѣсячину убавили, и теперь они всегда были голодные; даже старшія дѣти въ деревнѣ по воскресеньямъ милостыню собирали, и Сережка, какъ бывало увидитъ меня въ саду, такъ и проситъ:

— Принеси мнѣ, Акулька, хоть корочку хлѣбца,—смерть ѣсть хотца.

И теперь, когда барыня, на глазахъ у Сережки, ѣла сдобную булку и ее запивала чаемъ со сливками, онъ, какъ голодная собака, глазъ съ нея не спускалъ. Тутъ, какъ на грѣхъ, барыня изъ столовой зачѣмъ-то вышла и свою недопитую чашку и недоѣденный кусокъ булки оставила на подоконникѣ. Сережкѣ было видно, что въ столовой никого нѣтъ, и что кусокъ булки лежитъ низко—изъ сада къ нему стоило только руку протянуть.

Сережка подбѣжалъ къ окну, схватилъ съ подоконника булку и не успѣлъ еще положить ее въ ротъ, какъ барыня опять вошла въ столовую; а Сережка такъ испугался, что даже забылъ спрятать булку—держитъ ее на виду въ рукахъ и самъ на барыню смотритъ, какъ дуракъ.

— Ты, дрянь, зачѣмъ мою булку укралъ?—спрашиваетъ барыня.

Сережка молчитъ и отъ страха только трясется.

Тутъ барыня увидѣла садовника и закричала:

— Авдѣй, наломай мнѣ розогъ!

Сережка только теперь опомнился и со всѣхъ ногъ бросился бѣжать.

А барыня изъ окна и кричитъ.

— Дѣвки, люди, ловите мальчишку!

Окна дѣвичьей, какъ и столовой, выходили въ садъ; мы видѣли

изъ окна, какъ Сережка укралъ булку, а также видѣли, какъ онъ стрѣлой помчался вдоль аллеи.

Когда барыня закричала, чтобы мы его ловили, Аксюта (она всегда была готова къ барынѣ подольститься) первая въ садъ изъ окна выскочила; а мы, чтобы отъ нея не отставать, тоже изъ окна повыскакали и всѣ погнались за Сережкой; а тотъ не бѣжалъ, а летѣлъ, и передъ нашими глазами только мелькали его голыя пятки.

За нимъ мы гнались не однѣ, съ нами бѣжалъ и садовникъ Авдѣй.

Вдругъ Сережка свернулъ въ сторону и пропалъ съ нашихъ глазъ между деревьями.

И когда мы добѣжали до поворота, Сережки не было видно, только возлѣ забора, въ одномъ мѣстѣ была смята высокая, еще не скошенная трава.

Дѣвки смотрятъ на помятую траву и говорятъ:

— Ужъ не провалился ли Сережка на этомъ мѣстѣ?

А дяденька Авдѣй чешетъ въ затылкѣ и говоритъ:

— Неужли, онъ, лѣшій, въ этомъ самомъ мѣстѣ перелѣзъ черезъ заборъ; тутъ у самаго забора—колодецъ; я съ нимъ еще сегодня изъ этого колодца на поливку огурцовъ воду черпалъ.

Потомъ Авдѣй обратился къ намъ, дѣвкамъ, и говоритъ:

— Я черезъ заборъ полѣзу, а вамъ, дѣвкамъ, черезъ заборъ не перелѣзть,—бѣгите къ колодцу кругомъ.

Мы еще до колодца не добѣжали, какъ Авдѣй ужъ намъ навстрѣчу попался—онъ со всѣхъ ногъ бѣжалъ за баграми и, не останавливаясь, намъ крикнулъ: Сережка сидитъ въ колодцѣ!..

Послѣднее время все шли дожди, и въ колодцѣ вода стояла до самаго верха, теперь на ней вскакивали пузырьки, вскочитъ пузырекъ и пропадетъ.

Пока багры принесли и пока Сережку вытащили, онъ успѣлъ и Богу душу отдать.

Когда утопленника положили на холсты и начали качать, одинъ изъ лакеевъ замѣтилъ, что у Сережки что-то зажато въ кулачкѣ, разжали его, а тамъ кусочекъ булочки.

Тогда всѣ дворовые плакали и въ одинъ голосъ говорили:

„Погибъ человѣкъ изъ-за крошки булки“.

Сообщ. М. Е. Васильева.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Степанъ Александровичъ Хрулевъ.

Съ увѣренностью можно сказать: не будь въ Севастополѣ Хрулева, городъ былъ бы взятъ 6-го іюня 1855 г. Блестящее отбитіе въ этотъ день штурма всецѣло принадлежитъ Хрулеву. Если бы онъ не былъ раненъ 27 августа, едва-ли бы французы торжествовали взятіе Малахова Кургана. С. А. объѣзжалъ пунктуально съ вечера на своемъ бѣломъ конѣ вся батареи Корабельной, гарнизономъ которой онъ командовалъ, отдавалъ прехладнокровно, подъ сильнѣйшими непріятельскими выстрѣлами, приказанія объ исправленіи ночью всѣхъ поврежденій, причиненныхъ батареямъ въ теченіе дня; и на другой день утромъ осматривалъ, все ли исправлено. Сѣрая его шинель была буквально продырявлена пулями, но онъ оставался невредимъ,—словно заколдованный. С. А. уважалъ каждаго храбреца, въ какомъ бы онъ чинѣ ни былъ, или совсѣмъ безъ чина; трусовъ онъ презиралъ, не взирая тоже на чинъ.

Однажды я былъ посланъ къ Хрулеву по дѣлу моимъ полковымъ командиромъ. С. А. жилъ въ то время на береговой батареѣ, называемой Павловскимъ мыскомъ. Помѣщеніе его состояло изъ одной комнаты, меблировка которой состояла изъ кровати, дивана, стола передъ нимъ и двухъ простыхъ стульевъ. Вхожу въ комнату и застаю сидящимъ за столомъ на диванѣ командира 2-й бригады 11-й пѣх. дивизіи генерала З.; Хрулевъ стоитъ передъ столомъ и произноситъ, отчеканивая каждое слово:

— Сапатый же вы генералишка, Ваше Пр-во.

Затѣмъ уходитъ изъ комнаты, беретъ меня подъ руку и идетъ по батареѣ, которой грозныя морскія орудія величаво выглядывали изъ амбразуръ.

— За что вы, Ваше Пр-во, такъ отдѣлали З.?

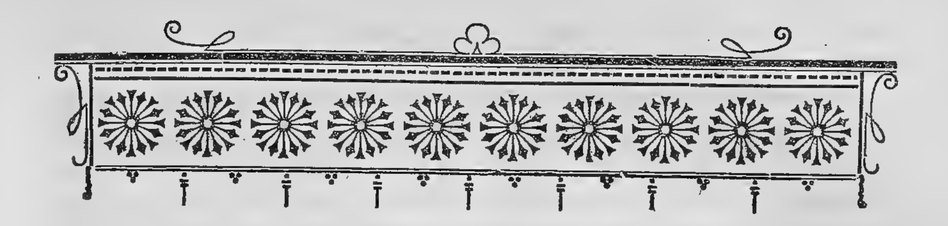
— Да какъ же! приходитъ ко мнѣ и объясняетъ, что его разстроенные нервы не дозволяютъ нести службу на батареяхъ, а потому проситъ дать какое-нибудь другое назначеніе, болѣе покойное. Я ему замѣтилъ, что у меня подъ командой 27.000 штыковъ, и никакими административными мѣстами я не располагаю: развѣ захотите командовать кашеварами! а онъ мнѣ на это:

— Извольте, Ваше Пр-во.

Меня взорвало, и я ему отпустилъ слышанное вами изреченіе.

Я былъ изумленъ: у генерала З. красовался на шеѣ Георгіевскій крестъ, а на боку золотая сабля. Судя по этимъ отличіямъ, крайне удивительно, что съ нимъ сталось. Допускаю разстройство нервовъ и болѣзненное вообще состояніе, но согласиться на ироническое предложеніе Хрулева?—Это совсѣмъ непонятно.

К. Н. Добровольскій.

Берлинскій дворъ въ 1888 г., въ воспоминаніяхъ русской дамы [1].

Съ іюня мѣсяца текущаго года, въ Петербургѣ издается новый журналъ „Revue contemporaine"; какъ показываетъ эпиграфъ, украшающій его заглавный листъ: „Mente Rossica—verbo gallico",—журналъ издается на французскомъ языкѣ, но посвященъ разработкѣ вопросовъ внутренней жизни Россіи. Знакомить общественное мнѣніе Европы со стоящими въ Россіи на очереди вопросами въ области литературы, промышленности, финансовъ и съ наиболѣе выдающимися фактами ея внутренней жизни, освѣщая ихъ съ русской точки зрѣнія — такова совершенно опредѣленная цѣль, поставленная себѣ лицами, стоящими во главѣ этого изданія.

Въ послѣднихъ книжкахъ журнала помѣщенъ интересный „Дневникъ русской дамы"—особы, принадлежащей къ высшему кругу, о ея пребываніи въ Берлинѣ въ 1888 г., въ кратковременное царствованіе императора Фридриха II; съ содержаніемъ этого „Дневника" мы познакомимъ читателей въ нижеслѣдующихъ выдержкахъ.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1888 г. въ придворныхъ и дипломатическихъ кругахъ Берлина часто заходила рѣчь о личности скончавшагося, незадолго передъ тѣмъ, маститаго императора Вильгельма I.

Незадолго до кончины императора графъ Кутузовъ представлялъ ему депутацію Калужскаго полка.

---

[1]) Revue contemporaine. 1910. № 10—12. La cour de Berlin en 1888 Journal d'une dame russe.

Престарѣлый императоръ былъ въ русскомъ мундирѣ; когда во время пріема депутаціи, смѣнявшіе караулъ солдаты прошли, по обыкновенію въ полдень, передъ его окномъ, онъ сказалъ Кутузову: „я долженъ показаться народу; послѣдніе годы народъ ожидаетъ меня въ это время ежедневно и непремѣнно хочетъ меня видѣть“.

Слова „я *долженъ* показаться“ очень характерны. Онъ добавилъ: „Я предпочитаю это чему-либо иному“.

Кутузовъ, стоявшій рядомъ съ императоромъ у историческаго окна, не понялъ этихъ словъ и взглянулъ на него съ удивленіемъ; тогда императоръ пояснилъ:

„Въ 1848 г. эта площадь была усѣяна разъяренной, угрожающей толпою, смотрѣвшей на меня съ ненавистью, теперь же они ожидаютъ часами, чтобы восторженно привѣтствовать меня, и не знаютъ, какъ выказать мнѣ свое расположеніе“.

Во время похоронъ императора Вильгельма, за его гробомъ шелъ кронпринцъ Вильгельмъ (нынѣ царствующій императоръ Вильгельмъ II) одинъ, „высоко поднявъ голову. Онъ не изъ тѣхъ, кого горе пришибаетъ; онъ шелъ твердымъ, военнымъ шагомъ, какъ на парадѣ. Многіе осуждали его за эту горделивую поступь“. Но это отнюдь не означало, что онъ былъ равнодушенъ къ потерѣ своего маститаго дѣда; лица, присутствовавшія при кончинѣ Вильгельма I, передавали, что „когда императоръ испустилъ духъ, то кронпринцъ бросился въ кресло и рыдалъ, какъ ребенокъ“.

Характерная подробность: „Императоръ Вильгельмъ просилъ возложить на его грудь русскій Георгіевскій крестъ, который онъ такъ любилъ“.

„Супругѣ нашего посла, графинѣ Шуваловой, пришла счастливая мысль возложить на гробъ императора огромнѣйшій Георгіевскій крестъ изъ живыхъ цвѣтовъ“.

Вильгельму I наслѣдовалъ его сынъ, Фридрихъ-Вильгельмъ, пользовавшійся большой популярностью въ арміи и въ народѣ; на него возлагали большія надежды, такъ какъ его считали сторонникомъ парламентарнаго управленія въ англійскомъ духѣ; но Фридрихъ, страдавшій съ 1887 г. неизлѣчимой болѣзнью горла, не успѣлъ оправдать этихъ надеждъ; его короткое 99-дневное царствованіе было лишь геройской, томительной борьбою съ неумолимымъ недугомъ.

Берлинцы, „преклоняясь передъ изумительнымъ терпѣніемъ, съ какимъ онъ переносилъ свои страданія, съ участіемъ и тревогою слѣдили за болѣзнію того, кого они любовно называли „Unser Fritz“.

„Однажды, передъ дворцомъ въ Шарлоттенбургѣ собралась толпа,

чтобы увидѣть императора; въ толпѣ была сестра фанъ-деръ-Ховена баронесса Шиллингъ. Вдругъ одной дамѣ пришла счастливая мысль собрать среди присутствующихъ денегъ, чтобы скупить всѣ фіалки, какія были по близости, и поднести ихъ больному. Эта дама отнесла ихъ во дворецъ и была принята императоромъ. Она взяла съ собою на память лоскутокъ бумаги, на которомъ бѣдный больной выразилъ свою благодарность.

Гофмаршалъ Перпоншеръ говоритъ, что императоръ пишетъ быстро и очень неразборчиво; иной разъ трудно разобрать написанное имъ, но по движенію его губъ можно иногда угадать, что онъ хочетъ сказать. Это удалось однажды князю Антону Радзивиллу; бѣдный императоръ былъ такъ доволенъ, что его поняли; какъ его должно раздражать, что онъ не можетъ говорить!"

Къ несчастію, докторъ Мэккензи, выписанный изъ Англіи по настоянію императрицы Викторіи, діагнозъ котораго разошелся съ діагнозомъ нѣмецкихъ врачей, не пользовался особымъ довѣріемъ больного и подвергался страстнымъ нападкамъ со стороны нѣмецкаго общества.

„Однажды, въ пассажѣ, какого-то субъекта приняли за Мэккензи, и разъяренная толпа едва не растерзала его; полиціи пришлось вмѣшаться, чтобы спасти бѣднягу, который вопилъ: „Я не Мэккензи, если бы я былъ имъ, я бы самъ покончилъ съ собою"; тогда его отпустили.

Императрица Викторія также не пользовалась симпатіей и популярностью, несмотря на то, что она ухаживала за своимъ больнымъ супругомъ съ удивительнымъ терпѣніемъ и самоотверженіемъ, оберегая его отъ всего, что могло его взволновать; по свидѣтельству лицъ, близкихъ ко двору, она держала себя изумительно. Въ присутствіи мужа она была всегда добра, никогда не проявляла ни малѣйшей слабости, никогда не забывала взятой на себя роли, „относилась ко всему спокойно и когда кто-либо выражалъ по этому поводу удивленіе, она говорила совершенно просто: „Wilhelm magt nicht aufgeregte Frauen" [1]).

Она никому не позволяла расчувствоваться, „не допускала малѣйшаго намека на состояніе императора; дѣтямъ и въ особенности кронпринцу, который былъ впечатлителенъ и порывистъ, трудно было говорить постоянно о безразличныхъ вещахъ: имъ казалось неестественнымъ избѣгать вопроса, который такъ волновалъ ихъ всѣхъ! По словамъ принцессы Амаліи Шлезвигъ-Голштинской, это ненормальное, натянутое положеніе до того разстраивало кронпринца,

---

[1]) Вильгельмъ не любитъ, когда женщины волнуются.

что когда онъ бывалъ съ родителями, онъ все болѣе и болѣе блѣднѣлъ, пока не становился совсѣмъ зеленымъ".

Императрица никогда не оставляла его наединѣ съ отцомъ.

Однажды, „во время поѣздки императрицы въ Познань, кронпринцъ катался верхомъ въ Тиргартенѣ и оттуда проѣхалъ, какъ бы невзначай, въ Шарлоттенбургской дворецъ, гдѣ долго пробылъ наединѣ съ отцомъ; передаютъ, что императоръ, не будучи въ состояніи говорить, написалъ на бумажкѣ: „Учись у отца страдать молча".

Когда въ Берлинѣ стали извѣстны подробности поѣздки императрицы Викторіи въ Познань, куда она ѣздила тотчасъ по вступленіи на престолъ, „всѣ были возмущены тѣмъ, что польскія дамы произнесли свою привѣтственную рѣчь на французскомъ языкѣ; и говорили, что къ императрицѣ германской нельзя обращаться иначе, какъ по-нѣмецки.

„Давъ нѣмцамъ высказаться", говоритъ авторъ дневника, „я замѣтила, что у насъ, въ Балтійскихъ губерніяхъ, нѣмцы подняли страшный шумъ, когда правительство потребовало, чтобы русскій языкъ пользовался преимуществомъ, гдѣ же справедливость?

„Многіе осуждали императрицу за эту поѣздку; говорили, что слѣдовало начать съ какого-нибудь нѣмецкаго государства; къ тому же расходы по встрѣчѣ были огромны. Словомъ, гдѣ бы мы ни были, императрицу вездѣ сильно критиковали! Супруга профессора Гельмгольца, г-жа Лейденъ и еще одна дама ея круга вздумали поднести ей нѣчто въ родѣ Lobschein'a или адреса, подписаннаго нѣмецкими дамами, преисполненнаго похвалъ; изъ аристократокъ ни одна не захотѣла подписать его; во всѣхъ домахъ, куда его носили, адресъ возвращали неподписаннымъ. Нашлось всего 6.000 дамъ, болѣе изъ мѣщанокъ, которыя согласились дать свои подписи.

„Княгиня Радзивиллъ-Сапѣга говорила, что она считаетъ это дерзостью, что коронованнымъ особамъ не даютъ аттестатовъ, что если признать право выражать похвалу, то придется признать и право на осужденіе, и что въ основѣ всего этого лежитъ чисто демократическій принципъ.

„Многія дамы были дотого возбуждены противъ императрицы, что онѣ не допускали, чтобы она могла хорошо ухаживать за мужемъ, и обвиняли ее въ томъ, что она мучила его ради удовлетворенія своего тщеславія, настаивая на томъ, чтобы онъ показывался народу, чтобы онъ выѣзжалъ, и что ему даже въ Шарлоттенбургскомъ дворцѣ не было покоя отъ англійскихъ рабочихъ и архитекторовъ, которые отдѣлываютъ къ пріѣзду королевы Викторіи покои королевы Луизы. Эти комнаты, съ которыми связано столько

воспоминаній и къ которымъ относятся, какъ къ реликвіи, теперь передѣлываются и реставрируются. Это считаютъ профанаціей. Все перевернуто верхъ дномъ; ветхая кровать королевы Луизы разломалась въ дребезги, когда ее тронули съ мѣста. Берлинцы и всѣ люди стараго режима взбѣшены.

„Въ исходѣ апрѣля императору стало хуже; опасались воспаленія легкихъ вслѣдствіе простуды. Онъ чувствовалъ себя плохо нѣсколько дней, и докторъ Бергманъ сказалъ императрицѣ, что слѣдовало бы обнародовать бюллетень. Императрица, говорятъ, разсердилась, изорвала бюллетень, составленный врачами, и сказала:

„Я поѣду съ императоромъ въ городъ,—это будетъ самымъ лучшимъ бюллетенемъ“. Послѣ этого они катались цѣлыхъ два часа въ экипажѣ, при довольно холодномъ вѣтрѣ.

Императоръ, возбужденный восторженными привѣтствіями народа, сидѣлъ прямо, не опираясь на подушки; онъ съ улыбкой отвѣчалъ на поклоны; но, отъѣхавъ отъ Шарлоттенбурга, онъ откинулся на спинку экипажа, изнемогая, весь блѣдный, какъ будто натянутая пружина спустилась. Вотъ почему такъ различны отзывы тѣхъ, кто видѣлъ его при выѣздѣ изъ Шарлоттенбургскаго дворца и тогда, когда онъ подъѣзжалъ къ Берлинскому дворцу.

Слишкомъ продолжительная поѣздка такъ утомила больного, что приглашенный къ нему профессоръ Лейденъ сказалъ,—а онъ, надобно замѣтить, весьма остороженъ: „это было черезчуръ; императоръ не могъ вынести такой продолжительной поѣздки, но императрица полагаетъ, что его слѣдуетъ подтягивать, чтобы онъ подбодрился. Не давая себѣ отчета въ томъ, какъ велики силы больного, она хватаетъ иной разъ черезъ край“. Лейденъ давно хотѣлъ, чтобы его пригласили къ императору; онъ добивался этого все время и съ этой цѣлью сошелся съ Мэккензи; что побуждало его къ этому, патріотизмъ или честолюбіе, сказать трудно, дѣло въ томъ, что когда на Пасхѣ, Мэккензи вызвалъ Лейдена, бывшаго въ отпуску, телеграммой, то онъ пріѣхалъ въ Берлинъ сіяющій.

Это единственный разъ, когда Лейденъ призналъ, что императрица поступила неправильно; онъ говорилъ о ней всегда съ величайшимъ энтузіазмомъ и восторгается искусствомъ и смѣлостью, съ какою она скрываетъ свои опасенія, и тѣмъ успокаиваетъ больного.

Императоръ, по словамъ Лейдена, изумительно терпѣливъ и спокоенъ; онъ никогда не падаетъ духомъ; нельзя сказать, скрываетъ онъ свои опасенія, или онъ дѣйствительно ихъ не имѣетъ. Онъ всегда привѣтливъ, всегда шутитъ съ врачами и ничѣмъ не выказываетъ своего истиннаго настроенія“.

Встрѣтившись однажды за обѣдомъ у профессора Лейдена съ Мэккензи, авторъ дневника такъ передаетъ свои впечатлѣнія. „Мэккензи высокаго роста, худощавъ, лицомъ похожъ на іезуита. Онъ казался нервнымъ и сразу заговорилъ объ императорѣ и о недоброжелательствѣ, съ какимъ всѣ относились къ нему, Мэккензи; чувствовалось, что эта мысль преобладала надо всѣмъ, что онъ не могъ отвязаться отъ нея. У него нѣтъ такта, ибо критиковать нѣмцевъ въ нѣмецкомъ домѣ есть признакъ невоспитанности и недостатокъ такта. Въ каждомъ его словѣ проглядывало нервное раздраженіе. Послѣ обѣда онъ долго бесѣдовалъ съ нами.

На нашъ вопросъ, можетъ ли императоръ протянуть еще нѣсколько недѣль, Мэккензи отвѣтилъ: „если ничего особеннаго не случится, онъ проживетъ еще годъ; есть шансы, что онъ совсѣмъ поправится.

„Если бы онъ не былъ такъ неловокъ, сказалъ онъ въ другой разъ, онъ прекрасно могъ бы говорить; но онъ не умѣетъ найти отверстіе трубочки, вставленной ему нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ—я никогда не видѣлъ такого неловкаго больного".

„Мэккензи жаловался, что императора нельзя заставить ѣсть, такъ какъ онъ всегда кушалъ только для того, чтобы жить, и у него не было любимыхъ блюдъ, которыми его, больного, можно было бы соблазнить.

„Мэккензи также не любитъ нѣмцевъ, какъ и они его; по его словамъ нѣмцы самые нелюбезные люди въ мірѣ, у нихъ больше предразсудковъ, нежели у всѣхъ остальныхъ народовъ, нѣмецкіе доктора гораздо хуже англійскихъ, которые во многомъ ушли впередъ, они употребляютъ такіе хирургическіе инструменты, которые англичане бросили лѣтъ 15 тому назадъ, замѣнивъ ихъ лучшими, нѣмцы ничему не хотятъ учиться у иностранцевъ и признаютъ только свои собственныя изобрѣтенія, тогда какъ они очень отстали въ области гигіены и комфорта, и относятся съ недовѣріемъ и ненавистью ко всему, что идетъ изъ-за границы".

Доказательствомъ ихъ ненависти ко всему иностранному служитъ по словамъ Мэккензи ихъ отношеніе къ русской оперѣ; „мы, англичане, любимъ русскихъ гораздо болѣе, чѣмъ они", говорилъ онъ.

На вечерѣ у Шуваловыхъ, съ участіемъ русскихъ пѣвцовъ, разсказывается въ дневникѣ, нѣмецкое общество держало себя, какъ бы нарочно такъ, чтобы подтвердить слова Мэккензи. Голоса пѣвцовъ были великолѣпны, но отсутствіе школы, неумѣніе пользоваться своими силами вызывали довольно недоброжелательныя замѣчанія.

„Вотъ хорошее средство отдѣлаться отъ Болгарскаго князя, говорили въ публикѣ; стоитъ послать ему русскихъ пѣвцовъ, и онъ убѣжитъ отъ нихъ, такъ какъ они не поютъ, а мычатъ, они оглушаютъ своимъ шумомъ".

„Въ этихъ замѣчаніяхъ была доля правды, и мы сожалѣли о томъ, что эти пропагандисты искусства, съ которымъ здѣсь еще не знакомы, не были на высотѣ исполняемой ими музыки.

„Опера Глинки (Жизнь за Царя?), поставленная въ это время въ Берлинѣ, была „принята довольно сочувственно, но курьезно, что когда на вызовы публики вышелъ директоръ труппы, то въ публикѣ закричали: „das ist Glinka", между тѣмъ берлинцы должны были бы знать Глинку, жившаго въ 1832 г. довольно долго въ Берлинѣ, гдѣ у него даже зародилась мысль написать „Жизнь за Царя", и гдѣ онъ скончался въ 1857 г.

„Успѣхъ оперы былъ однако не продолжительный; нѣмцы никогда не могутъ судить объективно и съ чисто-художественной точки зрѣнія; на ихъ отзывы всегда вліяютъ національная ненависть или предубѣжденіе. Когда, нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ, Чайковскій захотѣлъ исполнить въ Берлинѣ свою чудную увертюру „Двѣнадцатый годъ", при первыхъ звукахъ марсельезы, масса публики покинула залъ! Они и въ области искусства не могли забыть о политикѣ!"

24 мая 1888 г. совершилось бракосочетаніе второго сына императора Фридриха принца Генриха прусскаго.

„Императоръ выглядѣлъ такъ плохо и такъ тяжело было видѣть, какъ сильно онъ измѣнился, и еле дышалъ, что всѣ были глубоко взволнованы и плакали — въ особенности наша великая княгиня Елисавета Ѳеодоровна и принцесса Мейнингенская. Императоръ все время стоялъ и сдѣлалъ молодой четѣ знакъ преклонить колѣна. Говорятъ, что было очень трогательно видѣть, когда императоръ благословлялъ ихъ.

Весьма интересна для характеристики кронпринца, нынѣ императора Вильгельма II, запись, сдѣланная въ Дневникѣ 14 (26) мая 1888 г.

„Мы провели вчерашній вечеръ у кронпринца; было очень интересно. Мы были приглашены къ 8½ часамъ. Когда мы пріѣхали, въ залѣ уже находились: графиня Брокдорфъ, г-жа Герсдорфъ и дежурный адъютантъ, Пфуль; минуту спустя вошли кронпринцъ и его супруга; они встрѣтили насъ какъ нельзя болѣе привѣтливо и любезно. Въ его манерахъ есть что-то прямое, искреннее, лояльное, сразу располагающее въ его пользу. Онъ держитъ себя совершенно естественно, такъ что съ нимъ сразу чувствуешь себя

просто, безъ стѣсненія, безъ малѣйшей натянутости. Когда онъ взглянетъ на васъ своими проницательными, глубокими глазами, къ нему сразу чувствуешь величайшее довѣріе, какъ-то инстинктивно понимаешь, что нѣтъ надобности ничего скрывать отъ него, такъ какъ онъ угадаетъ то, что вы думаете, и пойметъ васъ.

Кромѣ насъ былъ только генералъ Вердеръ и нѣкто г. Бюловъ, человѣкъ очень симпатичный. Я сидѣла между кронпринцемъ и Бюловымъ. Принцъ попросилъ свою супругу перейти въ другое зало, въ виду того, что Вердеръ страдалъ ревматизмами и не могъ долго стоять. Мы перешли въ сосѣдній очень обширный и уютный залъ, и усѣлись за круглый, чайный столъ; на столѣ стояли роскошныя розы изъ Потсдама. Говорили о Карлѣ Шурцѣ, объ Америкѣ, объ оваціяхъ, которыя дѣлаютъ принцу ежедневно".

„Надобно видѣть его, когда онъ возвращается, по утру, съ парада, во главѣ войска, которое онъ пропускаетъ церемоніальнымъ маршемъ. Онъ останавливается для этого на углу Фридрихштрассе; этотъ уголъ уже сталъ историческимъ, подобно окну императора Вильгельма I. Толпа устремляется туда каждое утро.

Выраженіе лица у кронпринца бываетъ въ эти минуты серьезное, какъ у человѣка, на которомъ лежитъ важная миссія.

Онъ олицетворяетъ собою силу, молодость, надежду. Его привѣтствуютъ каждый день такъ восторженно, какъ будто онъ возвращается съ поля битвы. Шляпы летятъ въ воздухъ, на балконахъ и въ окнахъ машутъ платками, подносятъ ему цвѣты; въ воздухѣ стоитъ гулъ отъ восторженныхъ криковъ".

„Въ нѣкоторыхъ газетахъ пишутъ, будто я плачу публикѣ за то, что она меня привѣтствуетъ", смѣясь, сказалъ кронпринцъ.

— Это обходится вашему императорскому высочеству, вѣроятно, очень дорого, сказала я, „такъ какъ народу бываетъ очень много".

Кронпринцесса высказала опасеніе, какъ бы лошадь принца не испугалась цвѣтовъ, которые ему бросаютъ, „надобно думать, что лошадь дрессирована настолько, чтобы не бояться оваціи", сказала я.

Принцъ выглядитъ моложе своихъ лѣтъ; такъ и хочется чѣмъ-нибудь насмѣшить его, чтобы видѣть, какъ лицо его оживится и утратить тотъ серьезный отпечатокъ, который ему придаютъ событія.

Говорили объ одной польской графинѣ, съ которой императоръ Вильгельмъ I видѣлся постоянно въ Эмсѣ и къ которой онъ былъ очень милостивъ.

Кронпринцъ спросилъ меня, куда мы собираемся на осень.

„Въ имѣніе, въ Лифляндію", отвѣчала я.

— Васъ очень тамъ терзаютъ? спросилъ онъ.

Чтобы понравиться этому двору, слѣдовало, пожалуй, отвѣтить утвердительно, и я боюсь, что нижеслѣдующій разговоръ навсегда погубилъ меня въ его глазахъ.

— Нѣтъ, смѣло отвѣчала я, требуютъ чтобы мы учились русскому языку, а бароны шумятъ и изображаютъ себя жертвами, но, побывавъ въ Тренчино и увидавъ, какое положеніе создалось по слабости австрійцевъ для нѣмецкихъ офицеровъ и чиновниковъ, я поняла всю необходимость руссификаціи. Въ Арко, желая обругать когонибудь его называютъ „*Tedeso*".

Принцъ замѣтилъ, что онъ понимаетъ высшія государственныя соображенія, которыя заставляютъ принимать извѣстныя мѣры строгости.

„Да, сказалъ онъ, вотъ результаты политики Таффе. Вы правы, ни одно правительство не можетъ терпѣть подобныхъ вещей".

Затѣмъ онъ сталъ разспрашивать меня о мѣрахъ, которыя принимались съ цѣлью введенія русскаго языка, и сказалъ мнѣ благосклонно:

„Такъ, такъ, а мнѣ передавали это совсѣмъ иначе. Трудно судить такъ издалека"!

Онъ говорилъ очень сдержанно, очень искренно.

„А какъ на счетъ религіи?" Я объяснила ему, какъ умѣла, что въ этомъ отношеніи все по-старому.

„А на счетъ браковъ?"

„Это старый законъ, отвѣчала я, только положенъ конецъ поблажкамъ, которыя, съ точки зрѣнія юридической, были неправильны и не имѣли никакихъ хорошихъ результатовъ".

Принцесса все время слушала насъ. Меня это раздражало, вопервыхъ потому, что трудно говорить на языкѣ, которымъ не владѣетъ въ совершенствѣ, когда васъ слушаетъ третье лицо, а мы говорили по-нѣмецки; во-вторыхъ, онъ былъ серьезенъ, но слушалъ меня благосклонно, она же относилась къ разговору страстно, а страсть всегда затемняетъ правильность сужденія; она разсуждала не такъ, какъ принцъ, объективно, съ точки зрѣнія государственнаго разума, а скорѣе больше сердцемъ, какъ лютеранка.

Она упомянула о религіозныхъ преслѣдованіяхъ.

„Одна дама, которую я очень хорошо знаю, говорила мнѣ сама, что ее заставили крестить ребенка въ православную вѣру, хотя она вышла замужъ до изданія этого закона, слѣдовательно, она имѣла право крестить его въ свою вѣру; ребенокъ умеръ, и мать не сожалѣетъ о немъ!"

Кронпринцесса говорила съ фанатизмомъ, съ ненавистью, дрожа отъ волненія.

„Простите, Ваше Высочество, отвѣчала я; эта дама говорила не вполнѣ согласно съ истиной; ни одинъ законъ у насъ не имѣетъ „rückwirkende Kraft“; дѣти отъ смѣшанныхъ браковъ, заключенныхъ до изданія этого закона, о которомъ я искренно сожалѣю, коль скоро онъ вызываетъ столько вражды, хотя въ настоящее время и его защищаю, могутъ быть лютеранами“.

„Но можетъ ли это быть? она сама говорила мнѣ это!“

„Нѣтъ ничего легче и интереснѣе, Ваше Высочество, какъ играть роль жертвы; многіе охотно разыгрываютъ ее и все преувеличиваютъ съ цѣлью казаться интереснѣе“.

„Но я видѣла пріѣхавшихъ сюда пасторовъ, которые были высланы въ 24 часа потому, что это были лютеранскіе пасторы“.

— Нѣтъ, Ваше Высочество, за это ни одинъ не былъ высланъ; они были высланы за противозаконные поступки. Мы, русскіе, слишкомъ доброжелательны, чтобы быть угнетателями!“

— Да, сказалъ Вердеръ, когда разговоръ, происходившій вначалѣ между мною и принцемъ,—сталъ общимъ,—но когда начинаютъ ненавидѣть нѣмцевъ, тогда конецъ доброжелательству. И Вердеръ, котораго такъ ласкали, баловали и обожали въ Петербургѣ, также былъ противъ меня! Какъ многое я могла бы и должна была бы сказать; все это приходитъ мнѣ теперь на умъ, но въ то время я была парализована тѣмъ, что мнѣ такъ трудно было защищаться на языкѣ, который такъ мало былъ мнѣ знакомъ.

Кронпринцъ съ большимъ тактомъ старался обратить разговоръ въ шутку. Вердеръ обвиняетъ министра Толстого, Побѣдоносцева, Манасеина.

„Я готова во многомъ уступить вамъ, сказала я, но Бога ради не говорите, что мы не отличаемся вѣротерпимостью“.

Графиня Брокдорфъ была внѣ себя.

„Я не могу ничего ѣсть, говорила она, я изъ семьи гугенотъ, поэтому я понимаю, что приходится переносить нашимъ бѣднымъ единовѣрцамъ; это сѣверные гугеноты, но мы не живемъ во времена Варѳоломеевой ночи, мы воевали въ 77 году за своихъ единовѣрцевъ, а намъ приходится быть свидѣтелями того, какъ нашихъ единовѣрцевъ мучаютъ, притѣсняютъ“, это было тягостно слушать, и мнѣ хотѣлось прекратить разговоръ, который былъ непріятенъ намъ и ни для кого не занимателенъ.

Очевидное желаніе кронпринца обратить разговоръ въ шутку еще болѣе подстрекало меня придти ему въ этомъ на помощь и прекратить споръ, пока страсти не разгорѣлись.

„Моя роль очень неблагодарна, Ваше Высочество, сказала я, между двумя противниками, которые ослѣплены борьбою и впадаютъ

въ преувеличенія, защищая свою точку зрѣнія. Того, кто безпристрастенъ и справедливъ и видитъ ошибки обоихъ противниковъ, на того нападаютъ съ двухъ сторонъ: нѣмцы обвиняютъ такого человѣка въ томъ, что онъ слишкомъ русскій, а русскіе винятъ его въ томъ, что онъ слишкомъ приверженъ къ нѣмцамъ".

Она не поняла моей мысли.

„Почему вы говорите совсѣмъ о другомъ, надобно быть тѣмъ или другимъ, надобно имѣть смѣлость отстаивать свои убѣжденія" и такъ далѣе, въ этомъ смыслѣ.

Чѣмъ болѣе я старалась объяснить ей то, что я хотѣла сказать, тѣмъ болѣе я запутывалась, и это выводило меня изъ себя. Бюловъ понималъ меня, но всѣ его попытки разъяснить смыслъ моихъ словъ выслушивались снисходительно съ улыбкой и, пожимая плечами, какъ будто этотъ новый союзникъ поддерживалъ меня только изъ вѣжливости.

Я вернулась домой въ подавленномъ настроеніи; не говоря уже объ уязвленномъ національномъ чувствѣ, я была увѣрена въ томъ, что я не была понята кронпринцессой, высоко честная и прямолинейная натура коей не допускала никакихъ компромиссовъ, и что она могла считать меня флюгаркой. Мнѣ казалось, что она была охвачена германскими предразсудками, которые поддерживали въ ней графиня Брокдорфъ, Штеркеръ, евангелическія миссіи и т. п. Ея вліяніе на кронпринца уподобится той каплѣ воды, которая, падая непрерывно на одно и то же мѣсто, можетъ продолбить камень".

Въ кратковременное царствованіе Фридриха III возникъ проектъ бракосочетанія дочери императора, принцессы Викторіи, съ бывшимъ болгарскимъ княземъ Александромъ Баттенбергомъ. Бисмаркъ возсталъ противъ этого проекта изъ-за политическихъ соображеній, у больного императора не хватило энергіи отстоять свою дочь, которая была расположена къ принцу, и онъ уступилъ канцлеру.

Въ апрѣлѣ 1888 г. въ Берлинѣ „всѣ были заняты сватовствомъ князя Баттенберга. Это была борьба мужчины съ двумя женщинами—матерью и дочерью.

„Я припоминаю, что въ прошломъ году, въ Потсдамѣ, принцъ Вильгельмъ,—нынѣ кронпринцъ, сказалъ мнѣ со своей обычной подкупающей откровенностью:

„Принцъ Баттенбергскій человѣкъ невозможный; его политика, чисто женская, основанная на интригахъ; совершенно невѣроятно, что этому ничтожному атому монарха едва не удалось поссорить двѣ такія большія державы, какъ Россія и Германія".

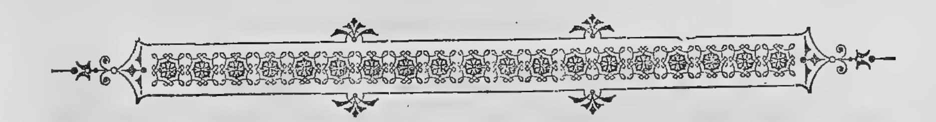
Я отвѣчала: „микробъ самъ по себѣ ничтоженъ, между тѣмъ онъ можетъ отравить человѣка, который во столько разъ больше него".

Онъ разсмѣялся и отвѣтилъ:

„Да! и понадобился такой хорошій хирургъ, какъ нашъ канцлеръ, чтобы избавить отъ него Европу, болѣвшую этимъ микробомъ, и вернуть ей здоровье".

Встрѣтивъ поддержку въ своемъ будущемъ монархѣ, Бисмаркъ и этотъ разъ вышелъ изъ борьбы побѣдителемъ! Мы видѣли его, когда онъ ѣхалъ изъ Шарлоттенбурга въ тотъ день, когда тамъ долженъ былъ обсуждаться этотъ вопросъ. Публика восторженно привѣтствовала его. Онъ производитъ подавляющее впечатлѣніе, физически это такой колоссъ, что онъ при первомъ взглядѣ подавляетъ своей силой. При его огромномъ ростѣ онъ кажется выше обыкновенныхъ людей, какъ тѣ гиганты, которые изображены Микель-Анджело.

Прощальное письмо моимъ слушателямъ.

(Б. Чичерина).

Распоряженіе университетскаго начальства, неожиданно прекратившее лекціи ранѣе условленнаго срока, не позволило мнѣ завершить свое чтеніе и проститься съ вами, какъ я желалъ. Я письменно прощаюсь съ вами, какъ преподаватель. Мы, надѣюсь, встрѣтимся еще на пути жизни и встрѣтимся добрыми друзьями, но на каѳедрѣ вы меня больше не увидите. Жалѣю, что долженъ съ вами разстаться, жалѣю, что не могу даже кончить начатаго курса, но есть обстоятельства, когда требованія чести говорятъ громче другихъ соображеній. Честь и совѣсть не позволяютъ мнѣ долѣе оставаться въ университетѣ. Вы, мои друзья, еще молоды, еще не разучились ставить нравственныя побужденія выше всего на свѣтѣ. Поэтому, надѣюсь, вы не будете сѣтовать на меня за то, что я прерываю свой курсъ. Я считаю себя обязаннымъ не только дѣйствовать на вашъ умъ, но и подать вамъ нравственный примѣръ, явиться передъ вами и человѣкомъ и гражданиномъ.

Нравственныя отношенія между преподавателемъ и слушателями составляютъ лучшій плодъ университетской жизни. Наука даетъ человѣку не одинъ запасъ свѣдѣній. Она возвышаетъ и облагораживаетъ душу. Человѣкъ, воспитанный на любви къ наукѣ, не продаетъ истины ни за какія блага въ мірѣ.

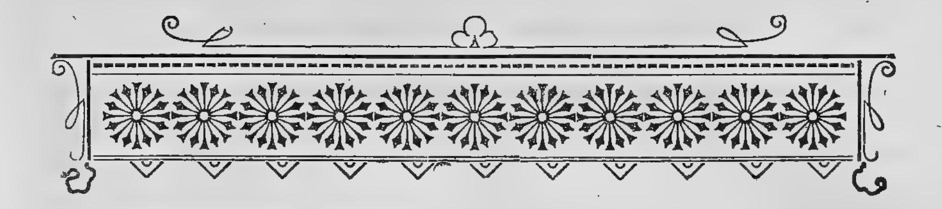
Таковъ драгоцѣнный завѣтъ, который мы получили отъ своихъ предшественниковъ на университетской каѳедрѣ. На ней всегда встрѣчались люди, которые высоко держали нравственное знамя. Теперь, покидая университетъ, я утѣшаю себя сознаніемъ, что мы съ товарищами остались вѣрны этому знамени, что мы честно, по совѣсти, исполнили свой долгъ и не унизили своего высокаго призванія. Желаю и вамъ крѣпко держаться этихъ началъ и разнести доброе сѣмя по всѣмъ концамъ русской земли, твердо помня свой гражданскій долгъ, не повинуясь минутному вѣтру общественныхъ увлеченій, не унижаясь передъ

властью и не преклоняя главы своей передъ неправдой. Россія нуждается въ людяхъ съ крѣпкими и самостоятельными убѣжденіями, они составляютъ для нея лучшій залогъ будущаго. Но крѣпкія убѣжденія не обрѣтаются на площади, они добываются серьезнымъ и упорнымъ умственнымъ трудомъ. Направить васъ на этотъ путь, представить вамъ образецъ науки строгой и спокойно-независимой отъ внѣшнихъ партій, стремленій и страстей, науки способной возвести человѣка въ высшую область, гдѣ силы духа мужаютъ и пріобрѣтаютъ новый полетъ, таковъ былъ для меня идеалъ преподаванія. Насколько я успѣлъ достигнуть своей цѣли, вы сами тому лучшіе судьи. Во всякомъ случаѣ, разставаясь съ вами, я питаю въ себѣ увѣренность, что оставляю среди васъ добрую память и честное имя. Это будетъ служить мнѣ вознагражденіемъ за все остальное.

Б. Чичеринъ.

19-го декабря 1867 г.

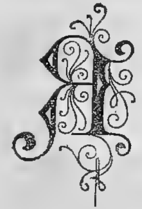
Сообщилъ Г. А. Кротковъ.

Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877–1878 г.г.

II часть.

Глава I.

покинула родину въ ту знаменательную эпоху, когда увлеченіе Писаревымъ, Добролюбовымъ, Чернышевскимъ туманило головы старому и малому, а нигилизмъ властно правилъ умами и сердцами нашей интеллигенціи — всѣ тогда хотѣли рѣзать лягушекъ и бредили Базаровымъ.

Даже въ такое закрытое заведеніе, какъ нашъ Патріотическій Институтъ благородныхъ дѣвицъ, проникало модное настроеніе: бывало, минуя неусыпный надзоръ классныхъ дамъ, мы ухитрялись по ночамъ, въ ущербъ отдыху, читать запрещенныя книги, попадавшія къ намъ въ руки черезъ кузеновъ и братьевъ, навѣщавшихъ насъ въ пріемные дни, и ужасно боялись сознаться другъ другу, что А. Дюма или Е. Сю были куда интереснѣе вышеназванныхъ кумировъ того сумбурнаго времени.

Пишущая эти строки подверглась однажды жестокому гоненію со стороны подругъ за откровенно высказанное предпочтеніе Монте-Кристо и д'Артаньяна не поэтическому Базарову.

Когда я пріѣхала въ Турцію и достаточно ознакомилась съ міровоззрѣніемъ окружающихъ, то убѣдилась, что попала въ другую сферу бытія: все, волновавшее насъ тогда и казавшееся намъ очень важнымъ, не имѣло здѣсь мѣста.

Наше русское общество, напримѣръ, всегда удѣляло очень мало вниманія ходу міровыхъ событій, а въ сказанное время еще того

менѣе, всецѣло погруженное въ метафизическія размышленія о всеобщемъ блаженствѣ и равенствѣ.

Тамъ же, напротивъ, дышатъ и живутъ интересомъ къ внѣшней политикѣ государства, связывая съ ней реальное представленіе о насущныхъ потребностяхъ жизни. Капитальнѣйшій вопросъ для каждаго обитателя Имперіи Османовъ это: чье вліяніе беретъ верхъ—Англіи, „Московіи" или еще кого?

Принято думать, что разнообразное, какъ мозаика, народонаселеніе странъ полумѣсяца все поголовно стонетъ подъ игомъ восточнаго деспотизма и тиранніи. Но какъ далеко отъ правды подобное заблужденіе! Я не говорю сейчасъ о вассальныхъ племенахъ Балканскаго полуострова—то сюда не относится, такъ какъ существующій надъ ними гнетъ обусловленъ не столько суверенными правами султана, сколько недобросовѣстной политикой Австріи, упорно расчищающей путь черезъ головы славянъ къ Средиземному морю для побѣдоносной колесницы Германіи.

Рѣчь идетъ о коренной Турціи, уже давно экономически порабощенной пришлымъ элементомъ, а извѣстно, что настоящій хозяинъ страны тотъ, у кого деньги въ карманѣ. Турокъ же не имѣетъ даже матеріала для чеканки размѣнной монеты, какъ оно и было въ 1875 и послѣдующихъ годахъ, когда снимали крыши съ построекъ древнѣйшихъ эпохъ и отправляли ихъ въ плавильные котлы.

Воображеніе рисуетъ намъ всегда этотъ мистическій Востокъ въ розовыхъ лучахъ сказокъ Шехерезады; но дѣйствительность далеко расходится съ фантазіей. Болѣе всего меня поражало убожество и обнищаніе турецкаго народа, тогда какъ рядомъ съ нимъ я видѣла торжествующаго богача-иноземца, о которомъ Европа проливаетъ горькія слезы.

Греки, армяне, евреи и западные авантюристы—вотъ кто управляетъ домомъ гордаго османа и распоряжается его судьбами. Отсюда легко видѣть, какое глубокое значеніе имѣетъ для этихъ людей политика „вліяній" на берегахъ Босфора.

Приморскіе города Анатоліи и всѣ острова Эгейскаго Архипелага по преимуществу заселены греками. Вся торговля въ ихъ рукахъ, и они справедливо считаютъ себя господами положенія, что не мѣшаетъ имъ въ то же время жаловаться на притѣсненія турецкаго режима.

Ни одна нація въ мірѣ, что исторически извѣстно, не пережила такого полнаго вырожденія, какъ эллинская. Отъ великаго прошлаго у нея ничего не осталось: искусства и науки сдѣлались достояніемъ другихъ; сладкозвучный языкъ Гомера замѣненъ какимъ-то нелѣ-

нымъ жаргономъ; античная красота типа исчезла, и среди потомковъ классическаго народа всего менѣе можно найти прелестныхъ Париса и Елену, благополучно сбѣжавшихъ во французскую оперетку.

Однимъ словомъ, современный грекъ ни единой чертой своего характера и наружности не напоминаетъ гражданина древней Эллады.

Что же касается бытовыхъ особенностей и привычекъ жизни греческой расы, то я уже достаточно разсказала о нихъ въ первой части настоящихъ воспоминаній, а потому перехожу сейчасъ къ другому предмету, не лишенному интереса для каждаго, исповѣдующаго православную вѣру.

Врядъ ли всѣ въ Россіи знаютъ, что по дѣламъ религіи мы находимся въ большомъ подозрѣніи у нашихъ духовныхъ просвѣтителей, которые не стѣсняются даже называть насъ схизматиками за отступленія въ нѣкоторыхъ мелочахъ отъ буквы преданій Восточной Церкви.

Такъ, напримѣръ, наше партесное пѣніе вмѣсто гнусаваго унисона, принятаго у нихъ, разсматривается, какъ нарушеніе устава и подраженіе латинскому богослуженію.

Въ греческихъ храмахъ на Востокѣ не принято, чтобы женщины находились внизу вмѣстѣ съ мужчинами въ то время, когда идетъ служба: имъ опредѣлено молиться на хорахъ, а если таковыхъ не имѣется въ маленькихъ и бѣдныхъ церквахъ, то ставятся рѣшетки для раздѣленія прихожанъ отъ прихожанокъ.

Наши порядки въ этомъ отношеніи очень не нравятся грекамъ, какъ не соотвѣтствующіе, якобы, византійскимъ традиціямъ.

Но что особенно заслуживаетъ быть отмѣченнымъ, такъ это слѣдующее. Въ первое же воскресенье моего пріѣзда въ Хіосъ, я отправилась въ каѳедральный соборъ. Меня проводили наверхъ и указали мѣсто въ первомъ ряду очень удобно устроенныхъ сидѣній, расположенныхъ амфитеатромъ по всѣмъ хорамъ. Такія же точно скамьи имѣются и внизу для мужчинъ, предпочитающихъ удобства сидячаго положенія изнурительному стоянію на ногахъ, съ чѣмъ, конечно, нельзя не согласиться и что, какъ мнѣ объяснили, нисколько не противорѣчитъ духу постановленій нашей религіи. Только неизвѣстно, въ силу какихъ правилъ и законовъ эти люди, обвиняя насъ въ измѣнѣ православію, ведутъ себя въ храмахъ такъ, что приходилось, бывало, краснѣть за нихъ передъ другими національностями? Но объ этомъ немного ниже, а сейчасъ такая сценка. Когда запѣли Херувимскую, я опустилась на колѣни. И вдругъ произошло нѣчто весьма странное: вокругъ меня послыша-

лись возгласы негодованія, очевидно направленные по моему адресу. Что такое? Что случилось? оглядываюсь и ничего не понимаю! Дамы волнуются и обдаютъ меня раздраженными взглядами.

Шумъ, производимый ими, привлекаетъ вниманіе сидящихъ внизу. Даже митрополитъ, вышедшій со Св. Дарами, поднимаетъ голову и съ удивленіемъ смотритъ наверхъ — скандалъ по всей формѣ!

Наконецъ, одна изъ гречанокъ приближается ко мнѣ и, не скрывая злорадной усмѣшки, внушительно говоритъ: „Не соблазняйте православныхъ — встаньте! здѣсь не католическая, а „христіанская" церковь"... Тогда, къ величайшему моему изумленію, оказалось, что якобы по указаніямъ Святыхъ Отцовъ, колѣнопреклоненіе допускается только одинъ разъ въ году, а именно: въ день праздника Сошествія Св. Духа.

Хотя, безъ сомнѣнія, предметъ столь высокой важности, какъ разногласія по вопросамъ религіи, хорошо знакомъ нашимъ ученымъ богословамъ, и приведенные здѣсь факты могли бы оказаться съ ихъ компетентной точки зрѣнія неправильно освѣщенными; но то, что я передаю на этихъ страницахъ, было записано мною тогда же подъ свѣжимъ и яркимъ впечатлѣніемъ происходившаго, и чему приходилось быть живой и непосредственной свидѣтельницей.

Греки считаютъ себя единственными охранителями истиннаго православія, и вѣра эта въ собственную непогрѣшимость переходитъ у нихъ въ ненависть и фанатизмъ даже по отношенію тѣхъ народностей, которыя исповѣдуютъ общую съ ними религію.

Все ихъ благочестіе выражается только во внѣшнихъ формахъ обрядностей и больше ровно ни въ чемъ.

Мнѣ случалось наблюдать съ хоръ, какъ вели себя прихожане во время богослуженія, и это казалось чѣмъ-то невѣроятнымъ! Мужчины, входя, забывали нерѣдко снимать шапки съ головъ и, шумно прохаживаясь туда и сюда или же усаживаясь компаніей на скамьяхъ, предавались оживленной бесѣдѣ, сопровождаемой громкимъ, раскатистымъ смѣхомъ — однимъ словомъ, въ толпѣ молящихся русскій человѣкъ не замѣтилъ бы и тѣни той благоговѣйной тишины и того молитвеннаго настроенія, которыя царятъ въ нашихъ храмахъ.

Къ сожалѣнію, о греческомъ духовенствѣ при всемъ добромъ желаніи никакъ нельзя сказать, чтобы оно стояло на должной высотѣ своего призванія. Я не намѣрена вдаваться въ подробный анализъ причины такому явленію, а постараюсь ограничиться нѣсколькими примѣрами, въ достаточной мѣрѣ характеризующими

нашихъ „воспріемниковъ отъ купели“, какъ любятъ называть себя греки, чуть дѣло коснется Россіи.

Но прежде чѣмъ начать разсказъ, еще одна подробность. Въ греческой церкви нѣтъ епископовъ и архіепископовъ, какъ у насъ: имъ соотвѣтствуютъ по сану митрополиты. Послѣдніе, за немногими исключеніями, люди случая и бакшиша, который, однако, не попадаетъ въ турецкій карманъ—здѣсь онъ ни при чемъ, такъ какъ для этого имѣются при патріархіяхъ дѣльцы, дающіе ему другое назначеніе...

Въ своихъ епархіяхъ митрополиты самостоятельны и посвящаютъ въ іерархи кого имъ угодно по собственному усмотрѣнію.

Былъ такой случай. При конторѣ нашего русскаго агентства служилъ перевозчикомъ грузовъ на пароходы нѣкто Сидери, грубый, невѣжественный парень и къ тому же совершенно неграмотный. Въ одинъ прекрасный день онъ вдругъ исчезъ куда-то, и о немъ нѣсколько недѣль не было слышно. Однажды мы, т. е. дядя, тетя, братъ послѣдней съ женой, пріѣхавшіе изъ Франціи погостить у насъ и я, отправились кавалькадой въ долины розъ, чтобы взглянуть на выдѣлку масла и заказать нѣсколько флаконовъ для себя.

По дорогѣ намъ повстрѣчался Сидери верхомъ на осликѣ и къ величайшему нашему изумленію въ одеждѣ священника съ камилавкой на головѣ, но грязный, растрепанный, въ шлепающихъ туфляхъ на босую ногу.

— Сидери, что за маскарадъ?—крикнулъ ему дядя,—гдѣ ты пропадалъ до сихъ поръ, бездѣльникъ?

— Господинъ, — важно и съ апломбомъ возразилъ послѣдній,— имѣйте въ виду, что вы говорите въ данную минуту съ лицомъ духовнаго сана.

— О, не можетъ того быть! — съ негодованіемъ отозвалась Marie,—объясни, пожалуйста, какъ же это случилось?

— Очень просто,—смѣясь, отвѣтилъ нахалъ,—я далъ Владыкѣ 60 золотыхъ—вотъ вамъ и все—такъ и знайте!

Французскіе родственники, не понимая по-гречески, тѣмъ не менѣе съ явнымъ любопытствомъ разсматривали неряшливую фигуру, какъ бы проводя параллель между своими благообразными, щеголеватыми кюре и „православнымъ священникомъ“.

Тогда мнѣ стало больно и стыдно передъ иностранцами и, не помня себя, я вскрикнула:

— Да какъ ты еще смѣешь, чучело гороховое, называться такимъ священнымъ именемъ—взгляни только на себя...

— Не ругайтесь, барышня, — нагло улыбаясь, перебилъ Сидери,—куда ни шло, я не пожалѣю еще двадцати лиръ, а непре-

мѣнно упрошу владыку назначить меня вашимъ исповѣдникомъ — тогда и поговоримъ иначе!..

Съ этими словами онъ погрозилъ пальцемъ и, ударивъ осла по бокамъ, отъѣхалъ прочь.

Сидери вовсе не являлъ собою какого-либо исключенія въ сферахъ греческаго духовенства на Востокѣ: онъ былъ не хуже и не лучше другихъ. Отсюда понятно, что такіе священнослужители не могутъ благотворно вліять на паству.

Нигдѣ, кажется, наша поговорка „каковъ попъ, таковъ и приходъ“ не имѣетъ столь нагляднаго и живого воплощенія, какъ въ греческой церкви.

Выше уже разсказано мною о поведеніи прихожанъ въ храмахъ; но какимъ образомъ могъ бы установиться иной порядокъ вещей, если само духовенство относится съ полнымъ пренебреженіемъ къ святому дѣлу.

Богослуженіе совершается обыкновенно безъ всякаго благолѣпія и религіознаго настроенія. Всѣ важнѣйшія молитвы не исполняются пѣвчими, какъ у насъ, а читаются на клиросахъ кое-какъ и съ глотаніемъ словъ; священники и дьяконы, вродѣ только что описаннаго субъекта, путаютъ возгласы и сбиваются въ ектеніяхъ, пропуская очень многое, а то еще лучше — случалось и это — затѣютъ ссоры и перебранки въ алтарѣ или же на выходахъ со Св. Дарами, и въ воздухѣ, бывало, носится гулъ отъ выкриковъ церковно-служителей и множества голосовъ непринужденно бесѣдующихъ богомольцевъ.

Сколько разъ съ высоты хоръ каѳедральнаго собора въ Хіосѣ приходилось мнѣ наблюдать такія дѣйствія пастырей главенствующей Церкви и созерцать такую картину. На пышномъ тронѣ, подъ сѣнью бархатнаго навѣса въ роскошныхъ, парадныхъ ризахъ возсѣдаетъ самъ владыка-митрополитъ. Его окружаетъ свита іереевъ и другихъ чиновъ причта.

Всѣ они чрезвычайно неряшливо одѣты и напоминаютъ собою того же Сидери. Но и блескъ архипастырскаго облика нечто иное, какъ иллюзія: вотъ кончится служба, владыко сниметъ золотое облаченіе и окажется также въ засаленной рясѣ, нечесанный и въ изношенныхъ туфляхъ безъ задковъ. Въ Турціи, гдѣ населеніе такъ разнообразно, греческое духовенство всегда служило предметомъ нелестныхъ сравненій съ представителями другихъ вѣроисповѣданій.

Но пора, однако, вернуться къ прерванному очерку, который лучше всякихъ комментаріевъ характеризуетъ мѣстные нравы на-

шихъ просвѣтителей отъ тьмы языческой и воспріемниковъ во святомъ крещеніи.

— Эй, вы, вороны, чего зѣваете! вотъ я васъ по лохматымъ затылкамъ, — стучитъ посохомъ митрополитъ на священниковъ, стоящихъ у подножія его трона для декораціи, — маршъ со сборомъ и живо у меня!

— Босоногая команда, бери тарелки! — уже по адресу клирошанъ гудитъ могучій басъ.

И вслѣдъ затѣмъ по всему храму тянется длинная, предлинная вереница людей съ огромнѣйшими, круглыми подносами и колокольчиками въ рукахъ, назойливо приставая къ богомольцамъ пожертвовать хоть сколько-нибудь, а то преосвященнѣйшій будетъ, молъ, гнѣваться.

— Ты, что тамъ бормочешь, растрепа? — разноситъ владыка дьякона, вышедшаго на сугубую ектенію,—говорилъ: задолби напамять—не выучилъ? Пошелъ на клиросъ! сними орарь, болванъ! задамъ же я тебѣ, погоди только!

И молитвословіе остается незаконченнымъ, а пѣвчіе уже по собственной иниціативѣ продолжаютъ гнусавить, кто въ лѣсъ, кто по дрова: „Господи, помилуй“ и „Подай, Господи“.

— Ну, довольно! — останавливаетъ ихъ строгій архипастырь и, вкусно зѣвнувъ, окликаетъ священнодѣйствующаго въ алтарѣ:

— Заснулъ что ли тамъ? не затягивай службы — я еще кофею не пилъ! Читай скорѣе—чего мямлишь!

И въ церкви идетъ невыразимая безтолковщина и толчея...

Единственно, что дѣлается у нихъ со вниманіемъ и съ величайшимъ усердіемъ, такъ это сборъ денегъ съ прихожанъ черезъ каждыя 5 минутъ и поминовеніе усопшихъ нѣсколько разъ во время литургіи.

Обыкновенно бывало даже такъ, что присутствующій митрополитъ, не принимая участія въ отправленіи богослуженія, тѣмъ не менѣе выходилъ собственной персоной на амвонъ и читалъ по записочкамъ имена громко, не торопясь и чрезвычайно отчетливо.

Столь трогательное отношеніе къ памяти умершихъ имѣетъ своимъ оправданіемъ только интересы кармана. Да и, вообще, исполненіемъ требъ греческое духовенство не тяготится; но зато на немъ лежитъ такая повинность, за избавленіе отъ которой оно само съ радостью заплатило бы сколько угодно, да не имѣется на то никакихъ шансовъ. Дѣло заключается въ слѣдующемъ.

Эллинскіе выходцы, населяющіе Оттоманскую державу и владѣющіе собственностью, считаются подданными турецкаго правительства. По требованію закона въ ихъ церквахъ молятся за цар-

ствующаго султана — этимъ актомъ констатируются его верховныя и суверенныя права по отношенію тѣхъ народовъ, которые вошли въ составъ государства.

На Великомъ выходѣ православной литургіи имя монарха-мусульманина возглашается первымъ и въ такой формѣ: „Повелителя правовѣрныхъ и нашего властелина, великаго падишаха такого-то да помянетъ Господь во Царствіи Своемъ". Тотъ же порядокъ соблюдается на ектеніяхъ и молебнахъ.

Что же касается короля Греціи и его семьи, то оффиціальное моленіе за нихъ не разрѣшается.

Такое принужденіе несказанно раздражаетъ и озлобляетъ грековъ противъ турокъ, такъ какъ, по ихъ религіознымъ мнѣніямъ, молиться за исламита, врага христіанства, грѣшно и позорно; но переходить добровольно въ подданство этому самому исламиту для достиженія извѣстныхъ преимуществъ и богатѣть въ его странѣ— похвально и очень умно.

Такимъ образомъ, изъ описаннаго выше можно видѣть, что основной чертой эллинской націи является полная нетерпимость къ вѣрованіямъ другихъ, тогда какъ отвращеніе турокъ къ христіанамъ едва замѣтно.

Греки, напримѣръ, ненавидятъ своихъ же православныхъ собратіевъ, болгаръ, интенсивнѣе, чѣмъ даже башибузуки послѣднихъ. Презирая мусульманъ, они въ то же время по многимъ привычкамъ жизни очень близки къ нимъ.

Однако, мнѣ и самой становится непріятно все время говорить только объ отрицательныхъ и отталкивающихъ качествахъ того народа, изъ рукъ котораго мы получили свѣтильникъ вѣры и просвѣщенія, тѣмъ болѣе, что въ моихъ жилахъ течетъ капля эллинской крови, такъ какъ дѣдъ мой по матери былъ уроженецъ Аѳинъ, переселился оттуда въ Одессу и женился на русской. Я хочу сказать нѣсколько словъ объ одной изъ лучшихъ сторонъ душевнаго склада этой расы, подарившей міру удивительную цивилизацію. Но не по античной культурѣ тоскуетъ современный грекъ — ему она чужда теперь—вся его гордость и заносчивость лишь замаскированная форма отчаянія и неутѣшный плачъ о древней Византіи, съ паденіемъ которой онъ потерялъ міровое значеніе и такъ глубоко опустился въ ничтожество. И все-таки, не взирая на превратности судьбы и горькое униженіе, греки сохранили инстинктъ героическаго племени, безумно любятъ свою Элладу и лелѣютъ радужную мечту вернуть себѣ наслѣдіе Палеологовъ.

Въ каждой семьѣ, даже тѣхъ, которые подвластны Оттоманской Портѣ, я видѣла портреты короля Георга и его семьи — это счи-

тается у нихъ эмблемой „своей собственной христіанской династіи".

На Востокѣ распространена легенда, что въ древній Царьградъ придетъ „Константинъ" и сниметъ, наконецъ, съ Айя-Софіи золотой полумѣсяцъ. И вотъ, когда у короля Георга родился наслѣдникъ, то, по желанію націи, ему дали это знаменательное имя.

Справедливость требуетъ сказать, что если когда-либо фортуна улыбнется эллинскому народу, и явится хотя малѣйшая тѣнь на осуществленіе его надеждъ, то не окажется тогда тѣхъ жертвъ, которыя не будутъ принесены на алтарь высокаго патріотизма.

Такія чувства невольно трогаютъ и чаруютъ, а потому многое хочется простить нашимъ воспріемникамъ отъ купели.

Но такъ какъ раньше уже сказано, что обрядность и внѣшнее благочестіе имѣютъ преобладающее значеніе въ греческой церкви, то очеркъ не будетъ законченъ, если я не опишу одну изъ религіозныхъ церемоній, о чемъ въ слѣдующей главѣ.

Глава II.

Святки приближались къ концу. Время шло скучно и уныло, такъ какъ общественной жизни на патріархальномъ островѣ не существуетъ.

Прекрасный бей по-прежнему избѣгалъ встрѣчъ со мной, и я стала уже привыкать къ мысли, что счастіе мое было только миражемъ или волшебнымъ сномъ, отъ котораго надо же было когда-нибудь пробудиться. Съ нетерпѣніемъ ожидала я предполагаемой нами поѣздки въ Смирну, гдѣ наступали веселые дни карнавала, надѣясь въ шумѣ веселой суматохи маскарадовъ и баловъ найти забвеніе невозвратно минувшаго; но образъ его, плѣнительный, какъ мечта, продолжалъ носиться надъ всѣмъ моимъ существомъ.

Утромъ 6-го января я не попала къ обѣднѣ, и меня разбудили, когда духовная процессія уже вышла изъ собора и направлялась къ „Іордани", устроенной на пристани.

Зрѣлище религіозной церемоніи было полно для меня оригинальной новизны и удивительнаго контраста, такъ какъ все происходило не на фонѣ зимняго пейзажа нашего суроваго климата, а подъ синимъ шатромъ горячаго неба на классической почвѣ, у голубой воды Эгейскаго моря. Городъ и рейдъ приняли чудный видъ: наряженныя въ яркіе цвѣта толпы народа заняли всѣ улицы и склоны холмовъ, убранныхъ пышною зеленью масличныхъ рощъ. Дома украсились коврами и драпировками. На волнахъ качается цѣлый

лѣсъ мачтъ подъ синимъ съ бѣлымъ коммерческимъ флагомъ Греціи. Легіоны баржъ, лодокъ, каиковъ, наполненныхъ живымъ грузомъ полуобнаженныхъ мужчинъ, чающихъ окунуться послѣ водосвятія въ морскую глубину, придвинулись сплошной массой поближе къ мосткамъ, на которыхъ, утопая въ гирляндахъ живыхъ цвѣтовъ, отгорожено мѣсто для совершенія обряда — вотъ картина, которой любуюсь я съ крыши, и въ знойныхъ лучахъ полуденнаго солнца она кажется прямо великолѣпной....

У грековъ, также какъ и у турокъ, всякое торжество обязательно сопровождается грохотомъ выстрѣловъ и пусканіемъ ракетъ не только вверхъ, но, глядя по фантазіи, даже въ самую гущу толпы, при чемъ публика нисколько не возмущается и не боится за свою физіономію, считая все это въ порядкѣ вещей.

Наконецъ, трескучіе залпы возвѣстили, что шествіе приближается. Ракеты зашипѣли по всѣмъ направленіямъ; одна изъ нихъ досталась и на мою долю; но какимъ-то чудомъ не выжгла мнѣ глазъ, мелькнувъ огненной змѣйкой у самого лица—видимо хотѣли очень мило пошутить со мной....

Вдоль набережной двигалась вереница духовенства въ парадномъ облаченіи съ митрополитомъ во главѣ и сопровождаемая турецкой стражей, всегда обязательно присутствующей на всѣхъ христіанскихъ торжествахъ для наблюденія за порядкомъ. Многочисленный хоръ голосовъ пѣлъ въ носъ молитвы; изъ оконъ всѣхъ этажей, съ балконовъ и крышъ бросаютъ цвѣты; по откосамъ высокихъ холмовъ течетъ навстрѣчу бурный потокъ людей, а воздухъ дрожитъ отъ хаоса звуковъ, сливаясь съ шумомъ прибоя.

Но вотъ колонна процессіи повернула къ пристани и взошла на мостки. Началось богослуженіе. Толпа сразу стихла, и наступила минута благоговѣйнаго молчанія. Глаза всѣхъ устремились туда, гдѣ совершалось освященіе бирюзовой воды Эгейскаго моря.

Какъ вдругъ произошло что-то невѣроятно дикое и нелѣпое, по крайней мѣрѣ для меня, еще не вполнѣ освѣдомленной тогда о мѣстныхъ нравахъ православной церкви: владыко, благословивъ народъ, приблизился къ краю мостика и широкимъ размахомъ руки бросилъ крестъ въ глубину волнъ — Св. Распятіе, блеснувъ на мгновеніе въ лучѣ солнца, погрузилось на дно. Все колыхнулось, заметалось, какъ будто бы проносился вихрь урагана, и атмосфера наполнилась оглушительнымъ ревомъ. Бѣшенымъ прыжкомъ, опрокидывая лодки, полетѣли за борта оголенные люди и скрылись подъ водой.

Тогда развернулась картина настоящаго состязанія на призъ— иначе никакъ нельзя было назвать того, что послѣдовало за тѣмъ. Но я должна объяснить, наконецъ, что именно озадачило меня,

такъ какъ извѣстно, что и у насъ въ день праздника Богоявленія окунаются съ головой даже въ проруби замерзшихъ рѣкъ и прудовъ, какъ, напримѣръ, крестьяне въ провинціяхъ.

Здѣсь разница въ томъ, что русскій человѣкъ, принимая добровольно ледяную ванну, руководится въ данномъ случаѣ только глубокой вѣрой въ чудодѣйственную силу крещенской воды. У нашихъ же цивилизаторовъ выходитъ совсѣмъ другое.

Несомнѣнно, что обычай купаться послѣ водосвятія существуетъ съ древнихъ эпохъ христіанства: у византійцевъ, согласно историческимъ свѣдѣніямъ, такое чисто символическое дѣйствіе уже приняло форму азарта, и поднявшій со дна крестъ становился героемъ дня, а современный намъ эллинъ устроилъ изъ этого не только спортъ, но и предметъ спекуляціи. И вотъ что произошло на моихъ глазахъ въ сказанный день, 6-го января.

Греки безусловно великолѣпные пловцы, и море—ихъ стихія. Съ высоты крыши всѣ эти ныряющія и всплывающія на поверхность тѣла напоминали стадо дельфиновъ, перегоняющихъ другъ друга. При каждомъ взмахѣ рукъ надъ водою сверкало лезвіе ножа или кинжала, и ясно было, что дѣло шло къ смертному бою. Вдругъ болѣзненный стонъ отразился въ воздухѣ, и на гребень волны выбросился побѣдитель, держа въ зубахъ ножъ, а въ судорожно вытянутой рукѣ доставшійся ему драгоцѣнный призъ. Затѣмъ еще моментъ, и другая волна вынесла на себѣ окровавленный трупъ какого-то молодого человѣка и покатилась съ нимъ къ берегу.

А къ тому времени тріумфаторъ уже выбрался изъ воды на пристань и, отряхиваясь, переодѣвался въ сухое платье. Бурное „zito" неслось къ нему со всѣхъ сторонъ; но герой отклонилъ чествованіе и потребовалъ отъ публики кое-чего болѣе осязательнаго, чѣмъ платоническихъ изліяній восторга.

Выразительнымъ жестомъ онъ предложилъ окружающимъ исполнить долгъ христіанскаго благочестія.

Тогда поднялась ужасная толчея, такъ какъ всѣмъ хотѣлось прикоснуться къ святой реликвіи, обладающей въ этотъ знаменательный день, по вѣрованію грековъ, исключительно чудотворной силой, а въ протянутую руку виновника торжества обильно сыпалась звонкая монета, что собственно и требовалось отъ набожно настроенной толпы.

Собравъ богатую контрибуцію, герой событія пригласилъ товарищей слѣдовать за нимъ и, захвативъ съ собою добытый съ морского дна трофей побѣды, направился къ ближайшему трактиру, чтобы обогрѣться тамъ послѣ холодной ванны. Это, надо полагать, далось ему вполнѣ.

Кровавая расправа подъ волнами въ день крещенской церемоніи водосвятія разсматривается на турецкомъ Востокѣ, какъ самое обыкновенное явленіе, и не подлежитъ уголовной отвѣтственности.

Глава III.

Дядя получилъ изъ Посольства 2-хъ мѣсячный отпускъ, и мы стали собираться въ Смирну на праздники карнавала.

Мнѣ было чрезвычайно грустно уѣзжать, не повидавшись съ Элиме и не узнавъ отъ нея хотя чего-нибудь, касающагося Тафти-бея; но отъ этого приходилось отказаться, такъ какъ наши отношенія измѣнились вслѣдствіе того, что она считала себя глубоко оскорбленной въ лучшихъ своихъ чувствахъ „добросовѣстной свахи", а меня виновницей неудавшейся комбинаціи, придуманной ею и разсчитанной на признательность влюбленнаго жениха. Такимъ образомъ, послѣдняя нить, за которую я еще надѣялась ухватиться, также порвалась въ моихъ рукахъ.

Почти наканунѣ отъѣзда я получила отъ нея совершенно неожиданно записочку съ такимъ содержаніемъ: „Я думала, что у васъ доброе и нѣжное сердце, но ошиблась: вы злы, какъ драконъ, и непостоянны, какъ вѣтеръ. То же самое говорятъ ханумъ, Лазя и Базя. Хотя турчанки, по-вашему, и коварныя созданія; но если ваша милость изволитъ пожаловать къ намъ сегодня же, то мы скажемъ вамъ, какъ и гдѣ найти то, что вы потеряли. Приходите же, а то пожалѣете. Ждемъ къ ужину. Преданная и всегда готовая „къ услугамъ" Элиме". Слова „къ услугамъ" (être utile) она подчеркнула весьма старательно...

Горячая кровь волною хлынула къ сердцу, и письмо выпало изъ рукъ—намекъ былъ слишкомъ ясенъ, чтобы не понять его. Я замерла на мѣстѣ и широко раскрытыми глазами смотрѣла въ пространство, погружаясь въ дорогія воспоминанія тѣхъ мгновеній, которыя никогда не забываются въ нашей жизни, а именно, перваго трепета любви и перваго поцѣлуя любимаго существа.

Исторія нашего взаимнаго увлеченія не подходитъ подъ шаблонъ обыкновеннаго романическаго эпизода съ неизбѣжной прелюдіей ухаживаній, намековъ и пр., что полагается въ такихъ случаяхъ по нашимъ европейскимъ привычкамъ. Все произошло иначе и какъ-то странно.

Однажды дядя и Marie отправились за городъ на званый обѣдъ къ одному изъ коммерсантовъ, оставивъ меня одну дома. Прислуга также, пользуясь отсутствіемъ господъ, пошла прогуляться.

Я сидѣла въ пріемной на диванѣ и читала. Вдругъ постучались у параднаго хода, и сторожъ, дежурившій внизу, открылъ кому-то дверь. Вскорѣ послышались шаги, и ко мнѣ поспѣшно вошелъ конторщикъ консульства.

— Извините, mademoiselle,—застѣнчиво проговорилъ онъ,—пришелъ адъютантъ съ пакетомъ; ему доложено, что консула нѣтъ дома; но онъ настаиваетъ, чтобы вы его приняли и выслушали.

— Ну, конечно, просите сюда,—вспыхнувъ до корней волосъ, отвѣтила я,—быстрымъ движеніемъ оправляясь и вставая навстрѣчу Тафти-бею.

Онъ вошелъ блѣдный и видимо взволнованный. Какое-то необъяснимое предчувствіе подсказало мнѣ, что его посѣщеніе не имѣло дѣлового характера, а было вызвано совсѣмъ другими побужденіями... Мы обмѣнялись привѣтствіями, и онъ усѣлся въ кресло недалеко отъ меня.

— Какая досада,—начала я, краснѣя и заикаясь отъ смущенія,—дяди нѣтъ дома...

— Знаю, знаю,—слегка улыбаясь, перебилъ онъ, оглядываясь по сторонамъ,—очень радъ: мнѣ именно съ вами надо поговорить серьезно, чтобы сегодня же было все рѣшено между нами—согласны? да?—Голосъ его вздрагивалъ и трепеталъ.

Тогда я окончательно растерялась и, кажется, хотѣла что-то сказать; но спазма въ горлѣ перехватила дыханіе. Такъ продолжалось нѣсколько мгновеній, въ продолженіе которыхъ мы оба молчали. Наконецъ, присутствіе духа вернулось ко мнѣ: я украдкою взглянула на него и похолодѣла; его удивительно красивые глаза съ затаеннымъ чувствомъ пылкой страсти нѣжно и задумчиво смотрѣли на меня.

— Такъ вотъ каковъ онъ?!—пронеслось въ головѣ,—ужъ не во снѣ ли все это?

Страсть заразительна, и меня также подхватила ея неотразимая волна; но тѣмъ не менѣе я не находила въ себѣ достаточно рѣшимости безповоротно отдать свою жизнь въ руки человѣка, про котораго шла недобрая молва, какъ о жестокомъ деспотѣ и самодурѣ, хотя послѣднее, думалось невольно, никѣмъ не могло быть серьезно провѣрено вслѣдствіе того, что семейная обстановка гаремнаго быта сама по себѣ слишкомъ замкнута и не доступна постороннему наблюденію.

Все это твердилъ разумъ, а въ сердцѣ еще сильнѣе разгоралась жажда любви и счастія, такъ какъ отдѣлаться отъ очарованія, навѣяннаго на меня этимъ плѣнительнымъ красавцемъ, я не могла и тянулась къ нему всѣми фибрами души.

Но отвѣчать надо было: онъ ждалъ и торопилъ меня.

— Послушайте,—раздался его какъ бы надломленный голосъ,—намъ могутъ помѣшать съ минуты на минуту... но вы дрожите—неужели я внушаю вамъ только страхъ?! Скажите просто и безъ колебаній: нравлюсь я вамъ?—И съ ярко загорѣвшимся взглядомъ онъ пересѣлъ на диванъ рядомъ со мной, но такъ близко, что мой широкій, кисейный рукавъ платья запутался въ его аксельбантахъ.

— Какъ видите „кесметъ“,—указалъ онъ съ улыбкой на это обстоятельство и, привлекая меня къ себѣ, внушительно и настойчиво повторилъ:

— И такъ, спрашиваю еще разъ: нравлюсь я вамъ?

— Да!—шевельнула я губами, не узнавая своего голоса и обвилась руками вокругъ его шеи. Тогда мнѣ показалось, что мы оба полетѣли за облака.....

— Не кажется ли тебѣ удивительнымъ, звѣздочка моя,—спрашивалъ онъ, осыпая мое лицо горячими, какъ уголья, поцѣлуями,—что вотъ мы пришли сюда съ разныхъ полюсовъ земли, а стучимся вмѣстѣ въ двери рая? ну, какъ тутъ не вѣрить въ силу фатализма? вамъ, европейцамъ, конечно, это смѣшно, но, право, здѣсь есть что-то такое—однимъ словомъ, я думаю, что Магометъ правъ.

Что влекло его ко мнѣ такъ неудержимо—я не разбиралась въ томъ; но чувствовала, также, какъ и онъ, что жить намъ другъ безъ друга будетъ очень тяжело.

Мечтая о будущемъ, мы клялись въ вѣчной любви, забывая порой, что путь нашъ „къ раю“ былъ тернистъ и труденъ при тѣхъ крайне неблагопріятныхъ условіяхъ, которыя желѣзнымъ кольцомъ окружали насъ обоихъ. Но я увѣряла моего прекраснаго жениха, что никакіе законы на небѣ и на землѣ не оторвутъ меня отъ него, и это наполняло его сердце неизъяснимой радостью.

Общепринятое мнѣніе о томъ, что магометанинъ ищетъ въ женѣ только чувственныхъ наслажденій, не совсѣмъ справедливо: у него также есть свой идеалъ подруги жизни, хотя, правда, не такъ высоко парящій въ облакахъ, какъ нашъ.

Встрѣча со мной, по его словамъ, открыла ему другіе горизонты и разбудила въ немъ твердую рѣшимость покончить съ прежнимъ порядкомъ жизни. Но чтобы жениться на мнѣ, надо было преодолѣть не мало препятствій и вырваться изъ тисковъ суровой воли отца, а главное могущественнаго воздѣйствія старшаго шейха, изувѣра и убѣжденнаго противника смѣшанныхъ браковъ мусульманъ съ христіанами.

Съ моей стороны также слѣдовало ожидать нѣкоторыхъ осложненій, и, такимъ образомъ, предстоящая намъ борьба за право лю-

бить другъ друга не обѣщала много шансовъ на успѣхъ. Но такъ или иначе, а надо было дѣйствовать и выйти изъ заколдованнаго круга. По своеобразнымъ условіямъ жизни въ мусульманскомъ мірѣ, намъ нельзя было открыто встрѣчаться въ обществѣ или прогуливаться вмѣстѣ, а потому прежде всего являлся вопросъ: гдѣ же въ такомъ случаѣ мы могли бы переговорить наединѣ о нашихъ дѣлахъ?

— Какъ и гдѣ намъ видѣться?—уныло повторялъ влюбленный, и прелестныя черты его лица вновь омрачились тяжелой тоской. Послѣ недолгаго раздумья онъ, видимо, нашелъ рѣшеніе задачи и радостно воскликнулъ:

— Чего же проще! завтра же приходи ко мнѣ въ гаремъ, а своимъ роднымъ ты скажешь, что я вмѣстѣ съ пакетомъ принесъ тебѣ словесное приглашеніе на обѣдъ отъ Фатимы—вотъ и все! тамъ мы условимся, какъ дѣйствовать и что предпринять для начала. Фатима, конечно, озаботится, чтобы намъ не помѣшали, да и сама не станетъ болтать—за это ручаюсь!..

Изумленію моему не было границъ:

— Какъ! что ты сказалъ—повтори?—спросила я, не вѣря своимъ ушамъ,—но... этого быть не можетъ: ни одна женщина въ мірѣ не согласится устраивать свиданія мужа съ соперницей—придумай что-нибудь другое...

— Ошибаешься, моя радость,—перебилъ онъ,—именно она съ великимъ удовольствіемъ и усердіемъ исполнитъ мое желаніе! да, наконецъ, я могу просто заставить ее, а иначе... И онъ чего-то не договорилъ.

— Ну, и нравы, нечего сказать!—расхохоталась я.

— А у васъ каковы?—послышался насмѣшливый голосъ,—ужъ объ этомъ лучше помолчи: насмотрѣлся я всего въ Европѣ!.. Однако, мы потеряли всякое представленіе о времени: кажется, пора уходить? Завтра увидимся? только, пожалуйста, не волнуйся—тебя примутъ, какъ богиню...

Долго оставалась я во власти разбуженныхъ и нахлынувшихъ воспоминаній о незабвенныхъ минутахъ нашихъ встрѣчъ въ гаремѣ подъ доброжелательнымъ надзоромъ отверженной жены.

Сначала такая обстановка тревожила мою европейскую совѣсть; но когда я достаточно ознакомилась съ міровоззрѣніемъ турчанки, то убѣдилась, что послѣдняя видѣла во мнѣ не разлучницу, а въ нѣкоторомъ родѣ даже благодѣтельницу, отъ которой она могла ожидать содѣйствія и давленія на ея супруга по вопросу о денежномъ вознагражденіи въ случаѣ расторженія ихъ брака, принципіально

уже рѣшеннаго. Конечно, я вся была къ услугамъ этой женщины и пріобрѣла, такимъ образомъ, ея искреннее расположеніе. Какъ ни странно только-что разсказанное мною, но такова этика магометанки.

— Вотъ что, сокровище мое,—сказалъ однажды мой очаровательный женихъ,—если нельзя будетъ мирнымъ путемъ добиться осуществленія нашей мечты, то я переведусь въ балканскую армію или въ Салоники и увезу тебя съ собой.

Мнѣ понравилась перспектива романическаго бѣгства, и я легкомысленно отвѣтила, что пойду за нимъ хоть на край свѣта.

— Могу себѣ представить,—говорилъ онъ, раздражаясь,—чего только не наслушалась ты въ баняхъ и гаремахъ о моемъ характерѣ и жестокихъ привычкахъ?!—а затѣмъ, съ невыразимою нѣжностью продолжалъ:—зато я и обожаю тебя, что ты не испугалась и полюбила меня озлобленнаго, несчастнаго... Подумай сама, можетъ ли человѣкъ быть добрымъ, когда на зарѣ своей жизни онъ уже надѣлъ кандалы?

Я съ тревогой косилась въ сторону Фатимы, хлопотавшей обыкновенно здѣсь же, чтобы угостить насъ, думая уловить въ ея чертахъ выраженіе обиды, негодованія, ревности; но она, одобрительно улыбаясь, предлагала мнѣ шербеты, фрукты, или же старательно заправляла наргиле для мужа.

Мои частые визиты къ женѣ адъютанта губернатора стали казаться дядѣ и теткѣ очень странными, и они съ удивленіемъ спрашивали: что могло быть общаго между нами?

Тогда пришлось искать другихъ предлоговъ, лишь бы ускользнуть изъ дому и отправиться въ тотъ же гаремъ.

Изобрѣтательность моя по этой части не знала границъ фантазіи и не на шутку встревожила безхитростнаго, прямодушнаго турка.

— Однако, милая, прелестная гурія, изъ тебя вышелъ бы весьма не дурной дипломатъ: ты геніальна въ изворотливости и проведешь за носъ хоть кого угодно—женщина всегда останется женщиной, т. е. коварнымъ существомъ,—при этомъ нота острой ревности звучала въ голосѣ моего прекраснаго бея.

— Я намѣренъ, какъ и обѣщалъ,—продолжалъ онъ, съ какимъ-то особеннымъ любопытствомъ всматриваясь въ мои черты,—устроить обстановку нашей жизни à la franca; но предупреждаю заранѣе, что во всякомъ случаѣ нубійца-евнуха оставлю при себѣ, напримѣръ, въ качествѣ лакея... Мнѣ также не нравится твоя „тѣнь“,—неожиданно прибавилъ онъ, сдвигая брови, и на мой недоумѣвающій взглядъ отвѣтилъ:

— Кажется, не трудно догадаться: рѣчь идетъ о Мавро-Біязи и о другихъ поклонникахъ вообще, а потому убѣдительно прошу тебя, чтобы этого не было...

Конечно, между нами возникали порой маленькія недоразумѣнія, такъ какъ онъ рѣшительно не хотѣлъ понять, что не могла же я заставить европейскую молодежь приближаться ко мнѣ на общественныхъ гуляніяхъ только на разстояніи пушечнаго выстрѣла. Но всегда такія размолвки кончались тѣмъ, что мы оба усаживались рядомъ на диванѣ въ уютномъ гаремѣ Фатимы и, вновь веселые и страстно-влюбленные другъ въ друга, принимались строить воздушные замки, мечтая о нашемъ радужномъ счастіи.

И вдругъ все исчезло куда-то!!...

Въ корридорѣ послышались шаги. Я спрятала записку Элиме и приготовила отвѣтъ на могущій послѣдовать вопросъ. Дверь отворилась, и вошла Marie.

— Сейчасъ только узнала, что тебѣ принесли письмо изъ гарема паши—въ чемъ дѣло? и она поискала глазами чего-то.

— Милая тетя,—съ дѣланнымъ равнодушіемъ отвѣтила я,— не помню, куда дѣлась записочка—всего двѣ строки: обижаются, что долго не была, и приглашеніе на обѣдъ. Если позволите...

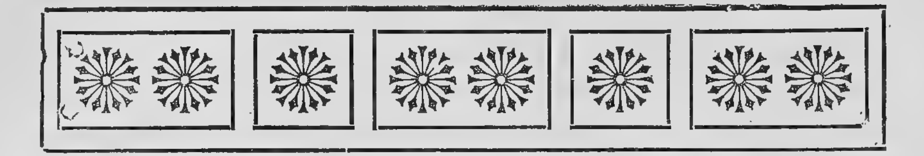
— Ну, конечно,—перебила она,—и по-моему даже слѣдуетъ. Такъ одѣвайся же скорѣй и возьми Али проводить себя; но не задерживай его тамъ, а сейчасъ же верни обратно. Въ случаѣ засидишься долго, то тебѣ дадутъ Ибрагима, или же останься переночевать— впрочемъ, какъ знаешь сама. Кланяйся тамъ отъ меня и скажи, что постараюсь быть у нихъ передъ отъѣздомъ въ Смирну. До свиданія и съ Богомъ!

Я не заставила долго себя упрашивать, собралась очень быстро и отправилась въ конакъ, гдѣ меня ожидали съ величайшимъ нетерпѣніемъ.

Е. А. Рагозина.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Воспоминанія стараго педагога[1]).

„Въ жизни отдѣльныхъ лицъ, какъ и въ жизни цѣлыхъ обществъ, встрѣчаются извѣстные предѣлы, при достиженіи которыхъ принято съ благодарностью обращаться къ пройденному пути и въ воспоминаніяхъ о прошедшемъ искать новыхъ силъ, новаго возбужденія къ новымъ трудамъ“.

(Рѣчь московскаго профессора Н. А. Попова на юбилеѣ Погодина).

I.

Автобіографическія свѣдѣнія. — Мое рожденіе и происхожденіе. — Смерть отца.—Жизнь у дѣда: зимою и лѣтомъ.—Холера 1831 г.—Смерть няньки.—Учитель полякъ.—Мои пчеловодные подвиги.—Болѣзнь.—Начало ученія.

Родился я 17-го февраля 1826 года, въ двухъ верстахъ, возлѣ селенія Лѣпляваго, Полтавской губерніи, Золотоношскаго уѣзда, въ хуторѣ Германивщинѣ, въ домѣ, окруженномъ лѣсомъ. Мой родъ производятъ отъ жившаго во время Петра В. малороссійскаго полковника Андріяша, богатаго человѣка, имѣвшаго въ нынѣшнемъ Лохвицкомъ уѣздѣ цѣлое селеніе Андріяшевку. Я, однако, достовѣрно знаю, что бли-

---

[1]) Алексѣй Ѳомичъ Андріяшевъ былъ директоромъ 1-й Кіевской гимназіи 28 лѣтъ, былъ сотрудникомъ извѣстнаго Николая Ивановича Пирогова, какъ попечителя Кіевскаго учебнаго округа. Пироговымъ же за статьи о воспитаніи былъ выдвинутъ и отличенъ. Для юго-западнаго края Ал. Ѳом. сыгралъ очень важную роль, какъ распространитель русскихъ началъ и просвѣтитель русскаго народа, въ краѣ, который въ 60-хъ годахъ былъ совершенно ополяченъ. Для просвѣщенія народа А. Ѳ. издалъ и составилъ массу народныхъ книгъ и предпринялъ изданіе „Кіевскаго Народнаго Календаря“, кот. насчитываетъ 47 лѣтъ своего существованія. Онъ вмѣстѣ съ статсъ-секретаремъ К. К. Гротомъ первымъ въ Россіи явился дѣятелемъ на пользу слѣпыхъ, основавъ въ г. Кіевѣ сначала попечительство и убѣжище слѣпыхъ, а затѣмъ училище слѣпыхъ. Въ послѣдніе годы жизни, увлекшись пчеловодствомъ, А. Ѳ. Андріяшевъ устроилъ на свои средства единственную въ Россіи *школу* практическаго пчеловодства. *Ред.*

жайшій мой родоначальникъ былъ простой, но зажиточный казакъ с. Лѣпляваго. Дѣдъ мой, Петръ Андріяшъ, имѣлъ двухъ сыновей Карпо и Ѳому. Старшій Карпо остался на хозяйствѣ и сохранилъ свою родовую фамилію Андріяша. Отецъ мой Ѳома во время присоединенія Каменецъ-Подольской губерніи къ Россіи отправился на службу въ г. Каменецъ-Подольскъ и для большей важности къ своей фамиліи прибавилъ по тогдашней модѣ *въ* и такимъ образомъ, вмѣсто Андріяша, началъ называться Андріяшевымъ. Лишился я отца на четвертомъ году жизни и знаю его только по разсказамъ людей, что онъ любилъ очень пчелъ и кормилъ подъ осень медомъ своихъ работниковъ, за что̀ послѣдніе его очень хвалили; а отъ матери слышалъ, что онъ умеръ въ молодыхъ лѣтахъ, оставивъ на ея попеченіи пятерыхъ дѣтей: четырехъ сыновей, изъ которыхъ я самый младшій, и одну дочь—мою сестру, Марью, не имѣвшую и году во время кончины отца.

Первые годы дѣтства провелъ я внѣ родительскаго дома; такъ какъ, похоронивъ мужа, мать отправила меня на жительство къ своему отцу, а моему дѣду, помѣщику Алексѣю Максимовичу Анисимову. Здѣсь, однако, ожидали меня не большія радости. Дѣдъ мой былъ дѣлецъ, адвокатъ стараго закала и великій юристъ; онъ поглощенъ былъ своими бумагами, требуя полнѣйшей тишины въ комнатѣ. Бабушка была постоянно больна и почти не оставляла постели. „А бидне дитя“, какъ она выражалась неоднократно, т. е. я, долженъ былъ по цѣлымъ часамъ сидѣть въ бабушкиной комнатѣ, не смѣя выйти; потому что приходилось переходить чрезъ комнату, въ которой дѣдушка писалъ. Иногда, впрочемъ, добрая бабушка позволяла выйти на дворъ. Я тогда былъ въ восторгѣ и старался тихонько прокрасться чрезъ дѣдушкину комнату и убѣжать въ кухню, гдѣ сидѣла обыкновенно на печи старая баба Наталка, родоначальница почти половины дѣдушкиныхъ крестьянъ, извѣстныхъ подъ названіемъ Гордовыхъ. Баба Наталка живо помнила времена еще не давней въ то время свободы и горько жаловалась на закрѣпощеніе малороссійскими панами подсусидковъ. Она постоянно упрекала своего отца, что сдѣлался подсусидкомъ у стараго пана, какъ она говорила, разумѣя въ этомъ случаѣ моего прадѣда сотеннаго лѣплявскаго писаря Максима Писаренка, или по-книжному Анисимова. Разсказывала баба Наталка, какъ мой дѣдъ Алексѣй Максимовичъ подсусидковъ, нехотѣвшихъ идти въ неволю, держалъ въ колодкахъ въ ямѣ и какъ послѣ заставилъ ихъ копать ставокъ или прудъ. Съ чувствомъ соболѣзнованія я выслушивалъ длинные разсказы, или лучше печальныя воспоминанія бѣдной старухи. Еще болѣе меня занимали сказки бабы Наталки: про жаръ-птицу, про

разбойника Гаркушу и проч. Бывало, сидишь на печи, около бабы Наталки, слушаешь и млѣешь отъ страха. Жутко и страшно, а все-таки хочется слушать....

Къ сожалѣнію, мое пребываніе въ кухнѣ не могло быть продолжительнымъ. Бабушка, боясь вѣроятно, чтобы дѣдушка не былъ въ претензіи, что я провожу время въ кухнѣ, посылала горничную Явдоху привести паныча въ горницы. Меня уводили въ комнаты, и я долженъ былъ опять принять свою неподвижную позу. Такъ проходили скучные зимніе дни. Нѣсколько веселѣе проводилось лѣто въ саду, въ которомъ я любилъ играть по цѣлымъ днямъ, по возможности, въ укромныхъ уголкахъ сада, чтобы не попадаться на глаза старикамъ. Вообще говоря, жизнь у дѣдушки мнѣ не совсѣмъ нравилась, такъ какъ припоминаю, что въ каждый пріѣздъ матери я просился домой, а разъ для убѣжденія моей весьма брезгливой матери придумалъ даже такой аргументъ, что у меня завелись въ головѣ вши. Жалоба моя не подтвердилась, ибо Явдоха чуть не каждую недѣлю мыла исправно мою голову. Тѣмъ не менѣе мать, разсмѣявшись, взяла меня домой.

Это было лѣтомъ 1831 г., а подъ осень посѣтила Россію страшная гостья — холера. Помню я изъ этой смутной эпохи не много. Знаю только, что около этого времени умерла наша няня баба Марьяна; но кажется не отъ холеры, а больше отъ старости. Добрая была женщина эта старушка. Она вѣчно возилась съ нами, какъ курица съ цыплятами. Живо представляю себѣ эту худенькую, маленькую, сгорбленную женщину, которая сопровождала насъ во время прогулокъ въ окружавшемъ нашъ домъ лѣсу, съ немалымъ каждый разъ запасомъ пшенички (кукурузы), или коржиковъ съ макомъ и другихъ не менѣе прелестныхъ вещей, которыми она любила обдѣлять дѣтей во время прогулки. Послѣ холеры мать начала поговаривать объ ученіи моихъ старшихъ братьевъ: Василія и Николая. Сначала для обученія ихъ приглашенъ былъ изъ Лѣпляваго дьякъ по фамиліи Муссіяха. Чему онъ училъ братьевъ, я, разумѣется, не понималъ; но, вѣроятно, мать убѣдилась, что съ дьячковской науки не будетъ проку, потому что скоро начала хлопотать о наймѣ учителя. Вскорѣ изъ Канева привезли учителя-поляка Бенькевича. Вступилъ онъ, какъ кажется, въ свою должность лѣтомъ. По крайней мѣрѣ мнѣ живо припоминается такая картина: мать постоянно отлучалась изъ дому, то къ косарямъ, то къ жнецамъ, то въ пасѣку, которая лѣтомъ всегда вывозилась подъ гречки верстъ за десять отъ дому, то наконецъ отправлялась на ярмарки въ Каневѣ или въ ближайшихъ мѣстечкахъ. Старшіе братья, должно быть, не слишкомъ слушались своего юнаго учителя, да и самъ

учитель не слишкомъ хлопоталъ объ обученіи *прuеклятыхъ* маленькихъ москалей. Жизнь въ отсутствіе матери складывалась такъ, что дѣти гуляли сами по себѣ, а учитель сидѣлъ за книгой. Сколько помнится, онъ любилъ читать какія-то книги историческаго содержанія, въ которыхъ описывались пораженія русскихъ и побѣды поляковъ. Помнится также, что учитель любилъ разсказывать старшимъ братьямъ о томъ, что вычиталъ въ своихъ книжкахъ. Братья, повидимому, мало вѣрили своему учителю. По крайней мѣрѣ нерѣдко затѣвали съ нимъ споры по поводу разсказаннаго. Учитель сердился. Я въ то время былъ не болѣе семи лѣтъ, но тоже былъ на сторонѣ братьевъ и думалъ, бывало, какъ поляки могли побѣждать русскихъ, когда самъ Бенькевичъ страшный трусъ и боялся, какъ огня, моей строгой матери. Не удалась, какъ видно, наука Бенькевича. Мать разсчитала учителя и отдала старшихъ братьевъ въ Каневское училище, а для насъ меньшихъ взяла учительницу, которая, впрочемъ, скоро уѣхала къ роднымъ. Мы съ братомъ Михаиломъ остались на свободѣ, едва успѣвши познакомиться съ буквами и дойти до складовъ. Все время мы проводили въ пасѣкѣ и за отсутствіемъ пасѣчника нерѣдко оставались одни. Припоминаю одинъ случай, который доказываетъ, какъ хорошо мы съ братомъ хозяйничали. Мы замѣтили возлѣ пасѣки кучи муравьиныя и рѣшились извести со свѣта негодныхъ наѣздниковъ, которые, пробираясь въ ульи, безпокоили пчелъ. Рѣшили выжечь муравьевъ, наложили на муравьиныя кучи сухихъ листьевъ и вѣтокъ, выкресали огонь и зажгли. Пламя быстро охватило сухой листъ и, затѣмъ гонимое вѣтромъ, направилось прямо къ ульямъ. Напрасно мы съ братомъ старались потушить пожаръ. Огонь уже охватывалъ огорожу возлѣ пасѣки, когда на нашъ крикъ сбѣжались люди, работавшіе недалеко на гумнѣ.

Дѣло было возлѣ хутора дѣдушкина, называвшагося Краснымъ Кутомъ. Молотники прибѣжали съ метлами и лопатами и скоро успѣли потушить пожаръ; но, повидимому, не очень распространялись о случившемся несчастіи. Вѣроятно, такъ и не донесли старому пану, т. е. нашему дѣду, о происшествіи; такъ что благодаря такой скромности, намъ удалось избавиться отъ достойнаго возмездія. Въ тотъ же день вечеромъ мать забрала насъ домой. Мы со страхомъ ждали наказанія; но мать, хотя и знала о нашей шалости, но, поглощенная, вѣроятно, другими болѣе важными дѣлами, оставила насъ въ покоѣ; все обошлось благополучно, и наши страхи разсѣялись.

Другое несчастіе обрушилось на меня лично. Было дѣло лѣтомъ на вакаціяхъ, когда и старшіе мои братья были дома. Мать при-

везла насъ въ пасѣку, а сама отправилась куда-то по дѣламъ на довольно продолжительное время. Мы поснимали сапоги и начали гулять на зеленой лужайкѣ возлѣ пасѣки. Въ это время что-то ужасное укусило меня за ногу. Говорили тарантулъ. Я, однако, даже не почувствовалъ особой боли или, быть можетъ, гуляя въ азартѣ, боли не замѣтилъ. Но ночью нога страшно распухла и покрылась длинными и торчащими черными волосами. Малѣйшее прикосновеніе къ опухоли производило невыносимую боль. Я залегъ въ постель на цѣлые мѣсяцы и едва поднялся на ноги зимой. Живо припоминаю это печальное для меня время. Бывало, лежишь въ комнатѣ одинъ одинешенекъ. Кругомъ мертвая тишина, только изрѣдка раздается жужжаніе мухи. Тоска страшная. Такъ прошло лѣто и наступила осень. Болѣзнь моя наконецъ разрѣшилась катастрофой. Нарывъ, долго мучившій меня, прорвался, пошла сильно кровь; ничѣмъ не могли остановить ее. Лѣкаря далеко было искать, привезли фельдшера, ничего не помогъ. Пришлось обратиться къ знахарю, который, какъ говорили, умѣлъ заговаривать кровь. Знахарь что-то пошепталъ надъ тряпочкой у печки, приложилъ къ больному мѣсту эту тряпку, и кровь сразу остановилась.

Страшная и мучительная болѣзнь, приковавшая меня къ постели на цѣлые мѣсяцы, служитъ какъ бы гранью моей беззаботной дѣтской жизни. Мнѣ купили букварь Кіево-Печерской лавры на славянскомъ языкѣ, но пока учили урывками. Помню, однако, что азбуку я выучилъ безъ труда, прошелъ и склады. Но стали камнемъ преткновенія титла и словотитла. Некому было объяснить, а самъ я никакъ не могъ взять въ толкъ, почему напечатано Аплъ, а нужно читать апостолъ, или стый, а надо читать святый, или напечатано снъ, а надо читать сынъ, а не сонъ и проч. Долго оставалось мое ученіе въ нерѣшительномъ положеніи, пока мать не отправилась въ Переяславъ и не привезла богослова, который долженъ былъ окончательно приготовить меня и брата Михаила къ поступленію въ школу. Не разсуждая долго, мой учитель не сталъ заниматься съ нами по букварю, а прямо посадилъ насъ за псалтирь. Началось ученіе въ высшей степени для меня тягостное, такъ какъ я не успѣлъ еще одолѣть букваря и долженъ былъ взяться за псалтирь. Тѣмъ не менѣе учитель не унывалъ и къ концу вакацій объявилъ матери, что намъ нечего будетъ дѣлать въ фарѣ или въ самомъ низшемъ классѣ духовнаго училища, но что мы приготовлены къ поступленію прямо въ инфиму или во второй классъ.

II.

Моя школьная жизнь въ духовныхъ училищахъ.—Опредѣленіе въ инфиму.—Мои невзгоды.—Школьные порядки.—Ученіе мое въ 3 классѣ—„грамматикѣ" и въ 4-мъ классѣ—въ „синтаксисѣ".—Переходъ въ „риторику" и въ „философію".

Въ началѣ сентября 1836 г. насъ повезли въ Переяславъ. Мать рѣшила отдать насъ въ духовное училище, такъ какъ на старшихъ братьяхъ убѣдилась, что въ свѣтскихъ уѣздныхъ училищахъ нѣтъ за дѣтьми никакого надзора; вслѣдствіе чего дѣти балуются, а воспитывать въ гимназіи, вдали отъ дому, она не имѣла никакой возможности. И вотъ отправились мы съ матерью къ смотрителю училищъ, которымъ въ то время былъ священникъ или быть можетъ протоіерей Діомидовъ. Смотритель велѣлъ прочитать какой-то псаломъ. Братъ выдержалъ экзаменъ, а я споткнулся на тѣхъ же титлахъ и словотитлахъ. Къ счастію или къ несчастію, кадушка масла, которую за нами принесъ къ смотрителю кучеръ, послужила, повидимому, сильнымъ аргументомъ для убѣжденія въ моей способности проходить курсъ инфимы.

Мы были приняты въ училище. Мать оставила насъ на квартирѣ вмѣстѣ съ учителемъ нашего класса, прикомандировали бабу Оксану малу, названную такъ въ отличіе отъ Оксаны великой, молодой дѣвушки, состоявшей кухаркой у дѣдушки. Баба Оксана по плану, предначертанному матерью, должна была отводить дѣтей въ училище и варить обѣдъ изъ продукта, который доставлялся изъ дому, за исключеніемъ мяса, которое покупалось каждый день. Фунтъ мяса платился всего $1^1/_2$ коп. или три гроша. Учитель нашъ оказался, по нашему понятію, очень добрымъ; потому что любилъ больше спать да бесѣдовать съ дочерьми хозяйки, а на насъ мало обращалъ вниманія. Тяжелой мнѣ, однако, на первое время показалась школа. Во-первыхъ, выдалась въ 1836 г. страшная зима, морозы были такъ сильны, что стекла трескались. Квартира холодная, а классы, въ которыхъ мы обучались, и совершенно не топились. Пришлось не мало страдать отъ холода. Не долюбливали насъ дворянъ и наши духовные сверстники, дразнившіе насъ *голопузыми дворянами*. Не легко приходилось, наконецъ, и ученіе наизусть свящ. исторіи въ особенности для меня, едва умѣвшаго читать по складамъ. Къ счастію классный учитель оказался добрый, никогда не спрашивалъ, да и трудно было ему заниматься съ дворянами, допускавшимися въ училище изъ милости, когда у него было въ классѣ до 200 учениковъ духовнаго званія. Бывало, однако, что

домашній мой учитель надумается спросить, знаешь ли урокъ, и тогда приходилось, какъ говорилось на тогдашнемъ школьномъ языкѣ, попробовать березовой каши. Не знаю, какими судьбами, но меня перевели безъ экзамена въ третій классъ, гдѣ я на первый годъ чуть не остался, да и вѣрно бы остался, если бы мать не догадалась поднести учителю 3-го класса головы сахару. Только благодаря такой находчивости матери мнѣ не пришлось оставаться на повторительный курсъ третьяго класса вмѣстѣ съ *новичками*, которые, при двухъгодичномъ курсѣ 3-го класса, попавши не въ курсъ, почти понапрасну сидѣли въ классѣ цѣлый годъ, такъ какъ учителю, при многолюдствѣ класса коренныхъ учениковъ, не было возможности заняться съ этими несчастными новичками.

Современные педагоги, привыкшіе имѣть въ классѣ не болѣе 40 человѣкъ, пришли бы въ ужасъ, если бы имъ пришлось работать въ классѣ, въ которомъ мнѣ приходилось учиться. Въ огромной комнатѣ, никогда не отапливаемой, собиралось болѣе двухсотъ учащихся. Раннимъ утромъ едва начинаетъ разсвѣтать, при 20-ти градусахъ мороза, сбѣгаются дѣти въ классъ и прежде всего начинаютъ бѣгать, бороться и играть въ *тѣсной бабы*, чтобъ согрѣться. Между тѣмъ приближается время прихода учителя. Авдиторы спрашиваютъ уроки у своихъ учениковъ. Получившіе отмѣтку не знаетъ (nescit) вызывались цензоромъ (старшимъ ученикомъ) еще до прихода учителя и по заведенному порядку должны были стать на колѣни. Крикъ, шумъ, толкотня! Получившіе неудовлетворительныя отмѣтки плачутъ, другіе бранятъ авдитора, а нѣкоторые грозятъ, что будутъ жаловаться на несправедливость. Наконецъ входитъ учитель. Шумъ утихаетъ. Начинается повѣрка авдиторскихъ отмѣтокъ. Господинъ учитель! взываетъ кто-нибудь изъ обиженныхъ, „я знаю урокъ, а мнѣ записали: не знаетъ“. Начинается спрашиваніе; ученикъ сбивается и сейчасъ получаетъ должное возмездіе въ видѣ десяти или двадцати розогъ; но бывало и наоборотъ. Жалоба оказывалась справедливою, и тогда кара постигала несправедливаго авдитора. Еще замѣчательнѣе диспуты о мѣстѣ въ классѣ. Сидѣвшій на одной изъ заднихъ скамеекъ объявлялъ, что лучше знаетъ все пройденное, чѣмъ какой-нибудь изъ учениковъ, сидѣвшихъ на первыхъ скамейкахъ.

И такимъ заявленіямъ учитель давалъ значеніе и не рѣдко устраивалъ диспутъ о мѣстѣ, въ видѣ экзамена обоимъ спорившимъ. При этомъ случались курьезы, что сидѣвшій на передней скамейкѣ ничего не зналъ, а аттестовался знающимъ, потому что умѣлъ задобрить репетитора. Тогда въ наказаніе назначалась учителемъ пересадка не выдержавшаго испытанія на заднюю скамейку.

Я бы могъ еще не мало сообщить курьезовъ о школьной жизни въ Переяславскомъ духовномъ училищѣ тридцатыхъ годовъ, но ограничусь описаніемъ положенія несчастныхъ дворянъ, попавшихъ въ школу духовную того времени. Это были какіе-то паріи, надъ которыми потѣшались ихъ соученики; а начальство или ихъ совершенно игнорировало, или если и замѣчало ихъ пребываніе въ классѣ, то не затруднялось третировать ихъ, какъ людей лишнихъ. Были случаи и проскрипціи. Выгоняли изъ училища третьяго или пятаго по списку дворянина. Греческій языкъ то приказывали дворянамъ учить, то запрещали. Еще печальнѣе было положеніе дворянъ на урокѣ географіи. Объ атласахъ мы не имѣли и понятія, а имѣли на огромный классъ одну карту, возлѣ которой предъ урокомъ собиралось до 50 человѣкъ. Только шустрый ученикъ, бывало, проберется къ самой картѣ, а мнѣ, по скромности моей, приходилось по большей части поднявшись на цыпочкахъ смотрѣть, что показываютъ изъ-за стѣны десятки счастливцевъ, успѣвшихъ захватить мѣста у карты.

Такъ шло мое образованіе въ третьемъ классѣ. Въ четвертомъ классѣ нѣсколько успѣшнѣе пошло мое ученіе, но здѣсь приходилось много работать по совершенному недостатку книгъ. Такъ, напримѣръ, приходилось переписывать латинскихъ классиковъ; потому что не было никакой возможности достать книгъ, такъ какъ книжной лавки ни въ городѣ, ни при семинаріи не было. Одно было хорошо. Въ пятомъ и шестомъ классахъ, т. е. въ риторикѣ и философіи хорошо учили писать, т. е. сочинять сначала небольшія произведенія въ родѣ хрій и маленькихъ разсужденій, а затѣмъ въ шестомъ классѣ перешли къ большимъ сочиненіямъ и цѣлымъ проповѣдямъ. Помню одну такую проповѣдь на „Господи воззвахъ", съ которою я никакъ не могъ справиться, несмотря на то, что уединялся въ пещеркѣ, вырытой въ крѣпостномъ валу, который входилъ въ огородъ моего хозяина-оружейника. Въ этой же землянкѣ я изучалъ логику и философію или, лучше сказать, психологію; послѣдняя мнѣ давалась однако не безъ труда. Хорошъ былъ нашъ учитель-философъ съ орлинымъ носомъ и быстрымъ взглядомъ, низкаго роста, но довольно толстый. Это былъ профессоръ Бобинъ. Припомню одинъ эпизодъ изъ моихъ отношеній къ нему. Однажды я на урокѣ по логикѣ, которая мнѣ вообще давалась легко, сидѣлъ и переписывалъ латинскій текстъ Цицерона. Бобинъ орлинымъ взглядомъ замѣтилъ, что я занимаюсь постороннимъ дѣломъ, и велѣлъ мнѣ, 18-лѣтнему философу, стать на колѣна. Я исполнилъ приказаніе, но долго проклиналъ въ душѣ вспыльчиваго педагога. При всемъ томъ, мало-по-малу я примирился съ нимъ въ душѣ и, главнымъ образомъ, благодаря его превосходнымъ разборамъ учени-

ческихъ сочиненій, а еще болѣе за его превосходныя лекціи. Бывало, сядетъ этотъ дивный ораторъ на каѳедру и начнетъ свою лекцію звучнымъ и мелодическимъ басомъ, сидишь, слушаешь, боишься упустить нить его строгихъ логическихъ разсужденій. Еще не могу не вспомнить съ благодарностью другого учителя, протоіерея той самой церкви, гдѣ присягнулъ на подданство Богданъ Хмѣльницкій, церкви Пречистой, по фамиліи Андреевскаго. Этотъ превосходный преподаватель русской словесности первый положилъ основу моего развитія и научилъ владѣть перомъ. И что это былъ за добрый старикъ съ нѣжными розовыми щеками и совершенно бѣлой бородой, старикъ, способный увлекать своею рѣчью то спокойною, то живою и пламенною.

III.

Увольненіе изъ семинаріи.—Приготовленіе къ экзамену на должность учителя.—Поступленіе въ Лицей князя Безбородко.—Пребываніе въ Лицеѣ.

Наступилъ, однако, 18-ый годъ моей жизни въ 1844 г. На вакаціяхъ пріѣхали братья одинъ изъ Вильны Василій и другой Михаилъ, учившійся въ Москвѣ у дяди Тимоѳея Анисимова.—Насмѣшки старшаго брата и разсказы про свѣтскія заведенія брата Михаила заставили меня подумать о будущемъ. Я не чувствовалъ въ себѣ никакого призванія къ духовному званію, въ которое меня приняли бы съ удовольствіемъ, если бы только я заявилъ желаніе. Но въ то же время я видѣлъ бѣдственное положеніе матери, вошедшей въ долги для содержанія брата Николая въ Нѣжинскомъ Лицеѣ. Я составилъ планъ, какимъ образомъ поскорѣе выйти на свой хлѣбъ. Однимъ словомъ, рѣшился держать экзаменъ на званіе уѣзднаго учителя. Я много мечталъ объ этомъ, какъ мнѣ казалось тогда, самостоятельномъ поприщѣ. Я полагалъ, что, получая 200 р. въ годъ, тогдашнее жалованье учителя уѣзднаго училища, я буду имѣть возможность прожить въ свое удовольствіе. И не удивительно! Я платилъ за квартиру 25 руб. ассигнаціями въ годъ, да на приварокъ 25 р. ассигнаціями и былъ сытъ, всего въ годъ до 50-ти руб. ассигнаціями, а между тѣмъ 200 руб. составляли 700 руб. на ассигнаціи по тогдашнему счету. Подъ вліяніемъ такихъ мыслей, я убѣдилъ мать, что мнѣ въ семинаріи нечего больше дѣлать и послѣ вакаціи 1844 г. подалъ ректору семинаріи прошеніе объ увольненіи.

Уволившись, я началъ готовиться къ учительскому экзамену по исторіи и географіи, по наукамъ, которыя болѣе всего любилъ и которыми съ давнихъ поръ усердно занимался. Приготовленіе мое,

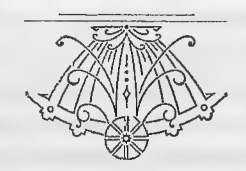
къ учительскому экзамену, шло, однако, весьма медленно. Главною причиною служило то, что я былъ приглашенъ на кондицію въ 20-ти верстахъ отъ дому, къ г-жѣ Гудиминой въ громадную семью, состоявшую изъ дѣтей отъ двухъ братьевъ покойнаго мужа Гудиминой. Мнѣ пришлось учить двухъ дѣвочекъ: одну около 15-ти лѣтъ, другую 12-ти лѣтъ и четырехъ мальчиковъ отъ 8—14 лѣтъ. Отъ меня потребовали, чтобъ я и училъ дѣтей, и гулялъ съ ними въ качествѣ дядьки или гувернера. Къ тому же во флигелѣ, гдѣ отвели для меня квартиру, помѣстили вмѣстѣ со мною четырехъ мальчиковъ: двухъ шалуновъ изъ моихъ учениковъ и двухъ малютокъ, которые хотя и не учились, но умѣли изрядно кричать и поднимать шумъ. Хозяйка моя помѣщица отъ 300 душъ, женщина еще не старая и довольно красивая собою, любила держать дѣтей и прислугу въ большомъ решпектѣ, а на меня—наставника ея дѣтей, смотрѣла, какъ на платнаго лакея, который по ея словамъ „долженъ былъ отдаться своему дѣлу всею душою и сердцемъ". И за всѣ эти труды съ 6-ю дѣтьми, ежедневно съ утра до вечера, положено было вознагражденіе всего двѣсти рублей ассигнаціями въ годъ, или въ переводѣ на серебро въ тогдашнее время около 57 р. въ годъ.—Промучился я не мало, пока подготовилъ дѣтей такой щедрой хозяйки въ учебныя заведенія. Лѣтомъ она рѣшила отдать дѣтей въ учебныя заведенія въ Полтаву, куда она съѣздила и успѣла заручиться обѣщаніями. Мнѣ безъ церемоніи отказали отъ мѣста и даже не дали лошадей для возвращенія домой. Приходилось идти пѣшкомъ, если бы не подвезъ домашній докторъ хозяйки, военный врачъ Ланкевичъ, квартировавшій съ полкомъ въ г. Золотоношѣ, котораго сына я училъ безмездно, вмѣстѣ съ дѣтьми Гудиминой.

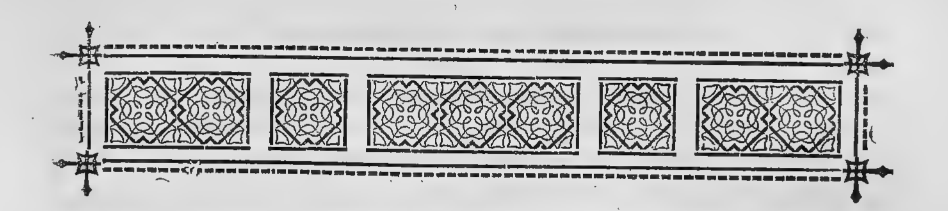
Возвратившись домой, я оставилъ планъ учительства, а рѣшился поступить въ Нѣжинскій Лицей кн. Безбородно, гдѣ уже три года обучался старшій братъ мой Николай, подъ конецъ страшно заболѣвшій ревматизмомъ. Едва началъ онъ оправляться отъ болѣзни, мы отправились въ Нѣжинъ. Экзаменъ мой для поступленія въ Лицей окончился благополучно, хотя и не безъ нѣкоторой задержки по математикѣ, въ которой я былъ слабѣе другихъ предметовъ. Я нашелъ кондицію у генеральши Хорошкевичевой, у которой за столъ и квартиру занимался съ однимъ мальчикомъ, ученикомъ 3-го класса гимназіи, и имѣлъ достаточно времени работать и на себя. Въ это время Лицей представлялъ заведеніе смѣшанное: не то словесное, не то юридическое. На первомъ курсѣ я слушалъ два юридическіе предметы: энциклопедію законовѣдѣнія и государственные законы. Остальные предметы было словесные: словесность, русская исторія и новые языки. На послѣдніе я обратилъ все вниманіе такъ какъ

въ семинаріи, хотя и пробовалъ ихъ изучать, по слушая ихъ отъ учителей семинаріи, которые сами знали не много, я едва умѣлъ читать. Я началъ сильно работать по языкамъ, задавшись сознаніемъ необходимости заучивать какъ можно больше словъ. Я вставалъ въ четыре часа, до 8-ми час. могъ свободно трудиться надъ усвоеніемъ словъ и скоро сравнялся съ моими товарищами, учившимися новымъ языкамъ въ теченіе всего гимназическаго курса, т. е. не менѣе семи лѣтъ, а во время курсовыхъ экзаменовъ успѣлъ даже послужить хорошей рекомендаціей для лектора Лицея Клернета, дѣйствительно превосходнаго учителя нѣмецкаго языка.

А. Ѳ. Андріяшевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ архива князя Л. А. Ухтомскаго.

„Я не прибѣгалъ къ яркимъ краскамъ и громкимъ фразамъ, чтобы осязательнѣе выставить подвиги Севастопольскаго гарнизона, сознавая, что для сооруженія письменнаго памятника достопримѣчательной оборонѣ нѣтъ болѣе прочнаго основанія, какъ правда и безпристрастіе“.

(„Описаніе обороны г. Севастополя“ генералъ-адъютанта Тотлебена, ч. I-я. Предисловіе).

„Но есть невозможное и для героевъ... А имя Севастополя, столь многими страданіями купившаго себѣ безсмертную славу, и имена защитниковъ его пребудутъ вѣчно въ памяти и сердцахъ всѣхъ русскихъ, совокупно съ именами героевъ, прославившихся на поляхъ Полтавскихъ и Бородинскихъ“.

(Высочайшій приказъ Россійскимъ Арміямъ Императора Александра II—30 авг. 1855 г.).

I.

Недавно еще русское общество страдальчески пережило позоръ сдачи эскадры адмирала Небогатова, бунты матросовъ Черноморскаго флота, похожденія душевно-ненормальнаго лейтенанта Шмидта.... Въ то же время мы, русскіе, имѣли невыразимое счастье изучить отдѣльные эпизоды геройскихъ подвиговъ тѣхъ же моряковъ въ послѣдней русско-японской войнѣ. Тѣ и другія явленія невольно заставляли насъ, измученныхъ смутнымъ на Руси временемъ послѣднихъ лѣтъ, абращать взоры свои къ славному прошлому нашего флота, связывать это прошлое съ настоящимъ, искать тамъ, въ туманѣ минувшихъ годовъ, разгадки того, что происходило передъ нашими гла-

зами.... И какой яркой, бодрящей душу, негаснущей, путеводной звѣздою сіялъ, при этомъ, Севастополь съ его безсмертными подвижниками обороны — покрытыми боевой славою адмиралами и скромными, безвѣстными рядовыми матросами!... Сколько убѣжденной, беззавѣтной преданности своему Государю, Родинѣ, Андреевскому флагу!... Какая желѣзная дисциплина и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какая трогательная, дѣтская покорность волѣ начальствующихъ, какая вѣра въ нихъ, любовь къ нимъ, духовная съ ними связь — до послѣдняго дыханія!... Какая вѣра въ Бога, въ Его предначертанія, въ Его справедливость!... Точно живые вставали изъ своихъ безмолвныхъ гробницъ такіе „орлы“ Севастопольскаго „сидѣнья“, какъ Нахимовъ, Истоминъ, Корниловъ. Оживали въ благодарной памяти нашей и величавые по скромности своей курганы „братскихъ могилъ“ Севастопольскаго кладбища. Растроганная, потрясенная недавней революціей, нашими неудачами на морѣ и на сушѣ, душа рвалась, жаждала еще и еще перелистать ихъ,—эти вдохновенныя страницы далекаго прошлаго, для того, чтобы вдоволь упиться ихъ духовнымъ ароматомъ, почерпнуть изъ нихъ терпѣніе, вѣру и надежды на будущее, убѣдиться, что не можетъ погибнуть страна, рождавшая и рождающая такихъ богатырей духа, какъ герои Севастополя, Портъ-Артура, Цусимы....

Понятнымъ станетъ счастье — встрѣтить въ тѣ недавніе, тяжелые дни одного изъ уцѣлѣвшихъ защитниковъ Севастополя.

Подобное счастье выпало на долю мою въ лицѣ скончавшагося 29 ноября 1909 года, въ г. Смоленскѣ, отставного вице-адмирала, князя Леонида Алексѣевича Ухтомскаго.

Прочтя коротенькую замѣтку въ „Смоленскомъ Вѣстникѣ“ о смерти князя, невольно прошептавъ „еще однимъ хорошимъ человѣкомъ, честнымъ слугою Царя и Родины стало меньше!“, я не столько сожалѣлъ о потерѣ самого престарѣлаго князя, какъ о томъ, что съ нимъ отошелъ въ вѣчность чуть ли не послѣдній представитель былого поколѣнія русскихъ моряковъ — тѣхъ моряковъ, которые обезсмертили русское имя подъ Синопомъ и Севастополемъ.

Но мнѣ жаль было и князя, какъ человѣка, котораго я любилъ, любовью котораго пользовался.

Съ горечью въ сердцѣ, едва разбиралъ я то, что писалось въ провинціальной газетѣ далѣе—писалось бездушно, холодно, казенно о человѣкѣ, о дѣятелѣ, который когда-то былъ задушевнымъ членомъ общества, семьи, добрымъ товарищемъ по службѣ, врагомъ казеннаго, чопорнаго формализма, гуманнымъ „отцомъ солдатъ“.

„Тѣло предано землѣ на Тихвинскомъ кладбищѣ,—читалъ я отдѣльныя фразы.—Въ похоронной церемоніи участвовалъ баталіонъ

4 пѣх. Копорскаго полка. Покойный имѣлъ иностранные ордена Льва и Солнца".

— Даже и тутъ переврали — на скорую руку!... думалось мнѣ, „принявъ за два ордена одинъ.... А тамъ и совсѣмъ забудутъ. Удивительно, въ какомъ общемъ равнодушіи сходятъ у насъ подчасъ съ житейско-служебной сцены люди, далеко незаурядные, положившіе въ свое время и свой камень въ зданіе русской государственности!"

И передо мною всталъ рядъ извѣстныхъ дѣятелей, древнихъ старцевъ, которыхъ я зналъ лично, уже забытыхъ или даже оклеветанныхъ потомствомъ.

У насъ принято смерть стариковъ встрѣчать, какъ явленіе, не отражающееся на текущей жизни: пожилъ, молъ, на свѣтѣ человѣкъ много лѣтъ — пора и честь знать, давъ мѣсто другимъ!... Между тѣмъ въ подобномъ отношеніи къ уходящимъ въ вѣчность — и несправедливость, и недоразумѣніе.... Мы точно забываемъ, что иной старикъ, уже наполовину угасшій и духовно, и физически, служитъ какъ бы связующимъ звеномъ прошедшаго и настоящаго. Съ его кончиною уходятъ изъ жизни преданія прошлаго, традиціи цѣлаго поколѣнія, „завѣты предковъ потомству". Точно живая совѣсть, точно укоръ, много лѣтъ подъ рядъ стоялъ онъ передъ нашими духовными взорами, возбуждая въ окружающихъ высокія чувства, зовя къ подвигамъ, не давая уснуть сознанію. И вотъ такой старикъ умираетъ.... Развѣ не чувствуемъ мы тогда пробѣла въ текущей дѣйствительности, развѣ не сжимается сердце наше тоскою о прошломъ?!.. Пока жилъ онъ среди насъ—мы, привыкшіе къ его участію, точно не замѣчали порой его присутствія... Только смерть указала на пустоту, создавшуюся въ обществѣ, когда его не стало.

Къ подобнымъ личностямъ смѣло можно причислить и скончавшагося князя Ухтомскаго не только по душевнымъ качествамъ почившаго, сколько въ силу того, что съ нимъ исчезъ изъ общества одинъ изъ защитниковъ Севастополя, т. е. человѣкъ, когда-то внесшій и свою долю крови, страданій, доблести, надеждъ въ дѣло этой безсмертной эпопеи.

Въ наши дни всеобщаго унынія, въ наши сумрачные дни забвенія идеаловъ, традицій, извращенія вкусовъ, взглядовъ, во дни безвѣрія, оплеванія прошлаго, самобичеванія, право, полезно лишній разъ взглянуть на то, чѣмъ мы были и чѣмъ стали.

Вотъ почему, узнавъ о кончинѣ князя, мнѣ захотѣлось разсказать печатно современному русскому обществу, со словъ почившаго, о томъ, какъ у насъ любили Родину въ прошломъ.

Въ оглашеніи нѣкоторыхъ событій изъ жизни князя я вижу для

себя даже своего рода нравственную обязанность: я зналъ покойнаго довольно близко и пользовался его любовью на столько, что мнѣ, при жизни, подарилъ онъ уцѣлѣвшую часть личнаго своего архива, въ томъ числѣ и кое-какія замѣтки, относящіяся къ Севастопольской кампаніи, давъ право воспользоваться всѣмъ этимъ матеріаломъ по моему усмотрѣнію.

Исчерпывая въ настоящемъ трудѣ моемъ, по мѣрѣ возможности, содержаніе доставшихся мнѣ дневниковъ почившаго, я не могу не коснуться и тѣхъ страницъ, на которыхъ князь говоритъ о себѣ, о службѣ былого времени, о современномъ ему обществѣ, о молодыхъ своихъ увлеченіяхъ и надеждахъ. И дѣлаю я это сознательно, исходя изъ той точки зрѣнія, что оборона Севастополя вызываетъ въ русскомъ человѣкѣ непремѣнно представленіе о страданіяхъ отдѣльныхъ личностей. Не нарисовать, поэтому, хотя бы въ общихъ чертахъ, портрета самого автора мемуаровъ значило бы отнять у послѣднихъ элементы жизненности и правды.

Вотъ—программа, которой я думаю держаться, разрабатывая доставшееся мнѣ отъ князя литературно-историческое наслѣдство.

Къ дневникамъ князя я присоединю все, что передалъ онъ мнѣ на отдѣльныхъ кусочкахъ бумаги объ адмиралѣ Нахимовѣ, о Крымской кампаніи вообще, а также данныя изъ жизни двухъ сподвижниковъ почившаго по Севастопольской оборонѣ.

Перечитывая бумаги князя Ухтомскаго, относящіяся къ безсмертной Севастопольской эпопеѣ, я дрожалъ иногда той нервной дрожью, которую вызываютъ картины былой славы Родины. Но меня невольно умилялъ своей искренностью и духовный міръ самого автора—умилялъ до зависти къ чистотѣ сердца ближняго...

Если то, что я изложу здѣсь, въ настоящей статьѣ, не произведетъ на читателя подобнаго же впечатлѣнія, то можно усумниться, русская ли кровь течетъ въ его жилахъ...

Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ извѣстія о смерти престарѣлаго князя Ухтомскаго, я послалъ въ одну изъ газетъ некрологъ его, въ которомъ, между прочимъ, было мною сказано:

„Будучи адъютантомъ у героя Синопа и Севастополя, адмирала Нахимова, князь до конца жизни своей сохранилъ свѣтлую, благоговѣйную память о любимомъ начальникѣ. Въ послѣдніе годы почившій мирно, незамѣтно, полу-забытый, жилъ то въ Смоленскѣ, то недалеко отъ Смоленска, въ своемъ имѣньи, всѣмъ, однако, интересуясь, слѣдя по газетамъ за текущими событіями и читая пересылаемые ему мною изъ Вильны историческіе журналы, сохранивъ до конца свѣжесть души, ясность ума, теплую вѣру въ Бога.

Безукоризненно-честный, идеально-благородный, скромный до дѣт-

ской застѣнчивости, всегда готовый помочь ближнему, рыцарь даннаго слова, престарѣлый сподвижникъ Нахимова, съ его житейской непрактичностью, вѣрой въ людей, съ его убѣжденіями, взглядами, боевыми заслугами, казался мнѣ порою какой-то живой, вопіющей аномаліею среди взбаломученнаго моря нашей послѣдней отечественной революціи. Многіе изъ смолянъ, въ тѣ недавніе, сумбурные, подчасъ прямо кошмарные, дни приходили къ покойному—погрѣться у негаснущаго очага его любвеобильнаго сердца, для того, чтобы снова уйти отъ него въ жизнь съ вѣрой въ конечное торжество началъ порядка и исторической правды, съ вѣрой въ радостное будущее Родины. Уже отъ одной молчаливой, сосредоточенной, спокойной фигуры маститаго князя вѣяло убѣжденіемъ въ то, что временная муть унесется теченіемъ жизни, а вѣчное, божеское останется... Не мало горя принесли почившему, въ послѣдніе годы его существованія, кромѣ смутнаго на Руси времени, и запутанныя благодаря довѣрчивости покойнаго, благодаря незнанію имъ людей, матеріальныя дѣла его. Но и тутъ надо было преклоняться передъ христіанской философіей князя, передъ его радостнымъ смиреніемъ волѣ Божіей. Тяжкія, долгія, предсмертныя страданія не поколебали въ умирающемъ ни его трогательно-чистой, дѣтской вѣры, ни убѣжденныхъ надеждъ на иную лучшую жизнь, какъ награду за земныя невзгоды. Напротивъ, очистивъ его окончательно, они подготовили почившаго къ этой вѣчной жизни, къ которой, задолго до кончины, онъ столь радостно готовился...

Пріѣхавъ въ 1903 году въ гор. Смоленскъ на службу, я вскорѣ познакомился съ маститымъ кн. Ухтомскимъ, съ его радушной семьею, даже сошелся со старикомъ—на сколько это оказалось возможнымъ при разности нашихъ общественныхъ положеній, возрастовъ, взглядовъ на жизнь, а, затѣмъ, сталъ довольно часто бывать въ небольшомъ его деревянномъ домикѣ - особнякѣ, осѣненномъ старыми деревьями съ фронта и расположенномъ недалеко отъ древней крѣпостной стѣны.

Нерѣдко приходилось мнѣ встрѣчать типичную, хорошо всѣмъ смолянамъ извѣстную, фигуру князя на улицахъ города,—когда, во всякую погоду, въ опредѣленные часы дня, съ поднятымъ воротникомъ чистенькаго форменнаго пальто, а въ дождь и съ засученными бережно внизу брюками, выходилъ покойный на свою обычную прогулку или за покупками въ зеленную лавку у Днѣпровскаго, трамвайнаго моста. Медленною, размѣренной походкою, съ угрюмымъ видомъ, нѣсколько склонивъ на бокъ крупную, характерную голову съ неправильными чертами лица, опустивъ къ землѣ глаза и никого не замѣчая, точно погруженный въ глубокое раз-

думье, престарѣлый, хотя бодрый еще, адмиралъ производилъ на человѣка, съ нимъ впервые столкнувшагося на улицѣ, непріятное впечатлѣніе или гордеца, или мизантропа. Но вотъ вы останавливаете его встрѣчнымъ привѣтствіемъ: князь, не спѣша, поднимаетъ голову, вглядывается въ васъ нѣсколько мгновеній и, узнавъ, восклицаетъ съ привѣтливостью придворнаго былыхъ временъ, слегка приподнимая руки какъ-бы удивленнымъ жестомъ: „А!.. Вотъ гдѣ онъ!"—И начинаются, бывало, разспросы о вашей семьѣ, о знакомыхъ, бесѣды на злобы дня.

Удивительно шли къ покойному князю и адмиральскіе погоны, и георгіевская ленточка въ петлицѣ пальто, и фуражка съ большимъ козырькомъ, и сумрачный видъ, и добродушная улыбка, сіявшая изъ-подъ сѣдыхъ усовъ, разгонявшая порою глубокія морщины его румянаго, свѣжаго лица.

Особенно пріятно было встрѣчать невозмутимаго князя, во время послѣдней революціи, па опустѣвшихъ, стихшихъ улицахъ Смоленска, по которымъ шмыгали, въ роли „освободителей" нашей Родины, юркіе, оборванные еврейчики съ прокламаціями, на которыхъ открыто творились разныя безобразія, прекращавшіяся лишь казацкими нагайками и патрулями. Встрѣтишь, бывало, князя Ухтомскаго, взглянешь на его фигуру, на его мѣрную походку, подмѣтишь въ чертахъ лица его презрительное отношеніе ко всему этому уличному хаосу и гвалту—и на сердцѣ вдругъ станетъ яснѣй, спокойнѣе. Покраснѣешь невольно надъ своими сомнѣніями и страхами, подумавъ со вздохомъ: „Нѣтъ, не погибла еще дорогая Родина"!..

Помню, какъ однажды, жаркимъ, весеннимъ днемъ, подъ сѣнью распускавшихся, благоухавшихъ березъ, остановились мы съ нимъ на скверѣ, противъ мужской гимназіи. Велико-возрастные гимназисты, увидѣвъ двухъ военныхъ, по обычаю тѣхъ дней, осыпали насъ изъ оконъ нецензурной бранью, освистывали, пѣли, нарочно, для насъ, революціонныя пѣсни. Я краснѣлъ отъ этихъ оскорбленій, а князь невозмутимо продолжалъ разговоръ, и ни одинъ мускулъ лица его не дрогнулъ, хотя онъ все отлично слышалъ и видѣлъ.

У покойнаго, съ годами, къ старости, выработались свои привычки, которымъ онъ никогда не измѣнялъ. Такъ, князь купался на открытомъ воздухѣ даже тогда, когда осенью вода затягивалась льдомъ, совершалъ ежедневно, въ опредѣленные часы, длинныя прогулки, вставалъ рано, рано ложился спать, былъ умѣренъ въ пищѣ, чуждъ роскоши и особаго комфорта. Часто можно было видѣть его въ Смоленскихъ храмахъ истово молящимся, исполняющимъ убѣжденно всѣ обряды православной Церкви, съ особымъ умиленіемъ относящагося къ таинству святого причащенія.

Когда мало знакомые гости появлялись въ домѣ, князь былъ утонченно любезенъ, одинаково ровенъ со всѣми, но спѣшилъ усѣсться за свои любимые, старинные пасіансы, и самъ имѣлъ видъ скорѣе гостя, чѣмъ хозяина. Трудно было втянуть его въ общій разговоръ, еще труднѣе—вызвать на воспоминанія о прошломъ, о Севастополѣ, о личныхъ его подвигахъ. Въ подобныхъ случаяхъ покойный, отдѣлавшись незначительными фразами, спѣшилъ величаво умолкнуть, углубиться въ свой пасіансъ. Долго приписывалъ я подобное поведеніе старика - оригинала не столько врожденной скромности, застѣнчивости его, какъ старческому духовному угасанію, безпамятности... Но уже посидѣть возлѣ молчаливаго, занятаго картами, старика - адмирала являлось въ тѣ дни наслажденіемъ: чего только не воскресало изъ прошлаго при взглядѣ на эту характерную, некрасивую, коротко-остриженную, угрюмую, но симпатичную голову!..

Случай, однако, помогъ мнѣ увидѣть однажды „настоящаго" князя. И то, что я открылъ, поразило меня своей неожиданностью.

Какъ-то, лѣтомъ 1908 года, когда семья Ухтомскихъ переѣхала изъ города на постоянное жительство въ только-что купленное имѣніе у станціи „Васьково" (Московско-Брестской желѣзной дороги), я отправился навѣстить ее на новосельи. Никого, кромѣ стараго адмирала, дома не оказалось: всѣ уѣхали въ городъ. Князя я засталъ одного, въ гостиной, за прилежнымъ разсматриваніемъ ботаническаго атласа. Тишина комнаты нарушалась только отдаленными криками любимаго попугая княгини, встревоженнаго долгимъ отсутствіемъ хозяйки. Въ слѣдующей комнатѣ, у древнихъ иконъ, мигала лампадка. Открытый рояль съ нотами—въ гостиной. Тамъ же много цвѣтовъ, воздуха, свѣта. Огромный шкафъ во всю стѣну, оригинальнаго вида, сработанный когда-то для князя матросами, заваленный книгами, журналами, бездѣлушками. Книги на этажеркахъ, стульяхъ. На стѣнахъ—морскіе виды. Въ кабинетѣ—портреты адмирала Нахимова, другихъ моряковъ... Какъ хорошъ, своеобразенъ, симпатиченъ показался мнѣ хозяинъ въ своемъ уединеніи, среди этой обстановки, краснорѣчиво говорившей объ его прошломъ, объ его вкусахъ, привычкахъ!!. За окнами—сіяло солнце, шепталъ садъ, щебетали птички. Тянуло на свѣжій воздухъ. И мы съ княземъ пошли по аллеямъ въ поле,—осматривать новыя его владѣнія.— Разоренная, запущенная усадьба вызывала на умъ невольное соображеніе: посильное ли бремя взвалилъ себѣ добровольно на плечи старикъ въ его годы?!. Вотъ тутъ-то, въ роли гостепріимнаго, одинокаго хозяина—едва вернулись мы съ нимъ въ домъ—князь вдругъ разговорился, хотя и безъ оживленія, не покидая своего обычнаго,

угрюмаго вида, а, на мои разспросы, порешелъ къ воспоминаніямъ о прошломъ. Кого только, оказалось, онъ не зналъ на своемъ вѣку, съ кѣмъ не дружилъ, чего не испыталъ! Конечно, пользуясь удобной минутою, я навелъ разговоръ на севастопольскую оборону: Князь, сообщивъ о нѣкоторыхъ эпизодахъ, сознался, что у него до сихъ поръ сохранилось кое-что въ бумагахъ, относящееся къ этому времени. Немного погодя, онъ подвелъ меня къ вышеупомянутому шкафу, открылъ одно изъ отдѣленій и вынулъ нѣсколько мелкоисписанныхъ тетрадей, уже пожелтѣвшихъ отъ времени. То были дневники его молодости.—Бѣгло пробѣжавъ ихъ, я натолкнулся на священныя для русскаго сердца имена Нахимова, Корнилова.—Слово „Севастополь" такъ и запестрѣло у меня въ глазахъ.. Увидѣвъ впечатлѣніе, произведенное этой грудою исписанной бумаги, старикъ выразилъ опасеніе за судьбу замѣтокъ. По словамъ его, свои мемуары о Нахимовѣ онъ передалъ давно уже въ „Морской Сборникъ": тамъ они и пропали безслѣдно. Остались у него, въ бумагахъ, черновые наброски. Но кому они нужны? Кто возьметъ на себя трудъ разобраться въ этихъ каракуляхъ, привести ихъ въ систему!.. Не попадутъ ли уцѣлѣвшіе дневники, послѣ смерти его, князя, въ печь, на обертываніе колбасы въ мелочную лавку?!.

Такова была сущность бесѣды моей съ покойнымъ у его личнаго архива. И вдругъ старикъ предлагаетъ мнѣ—просто, безъ всякихъ предисловій и ломанья,—взять себѣ, на память о посѣщеніи „Васькова"—все, что осталось отъ его бумагъ, если документы эти „могутъ" меня „заинтересовать, какъ писателя"—съ правомъ воспользоваться подаркомъ по моему усмотрѣнію, даже при его жизни.

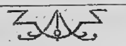
Надо ли распространяться о томъ, съ какими чувствами принялъ я предложеніе, какъ горячо обнялъ милаго, симпатичнаго, великодушнаго старика!!.

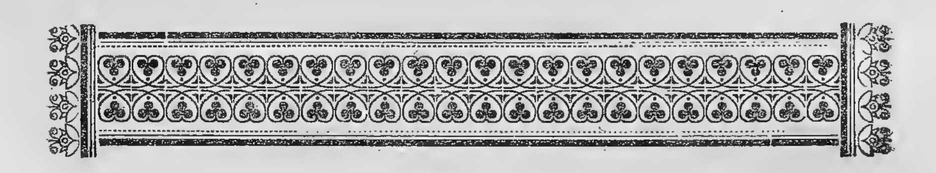
За обѣдомъ мы продолжали съ княземъ тотъ же разговоръ объ его архивѣ, о Севастополѣ, о Нахимовѣ. Оказалось, къ моему изумленію, что князь много путешествовалъ, кое-что даже печаталъ въ „Морскомъ Сборникѣ", изъ своихъ путевыхъ наблюденій, что имъ давно-давно издана отдѣльная книга объ одномъ изъ такихъ путешествій...

И все это передавалось—съ обычнымъ пасмурнымъ видомъ, съ паузами, съ оговорками, вызванными боязнью, чтобы я не заподозрилъ его, князя, въ рисовкѣ, хвастовствѣ...

Сообщ. А. В. Жиркевичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Генералъ-лейтенантъ А. А. Іедлинскій

(изъ далекаго прошлаго Кавказа).

I.

Въ 1909 году, въ преклонномъ возрастѣ скончался Великій Князь Михаилъ Николаевичъ, съ именемъ котораго связано продолжительное управленіе Кавказомъ, хотя уже умиротвореннымъ, но его время соприкасалось съ продолжительной эпохой непрерывной борьбы на нашей окраинѣ. Непосредственные участники этой борьбы уже давно сошли со сцены, болѣе молодые современники этихъ дѣйствій— тоже въ могилахъ, а изустные разсказы ихъ про давно минувшія событія такъ же постепенно забываются, видоизмѣняются при передачѣ, уклоняясь подъ часъ отъ правды, и въ скоромъ времени рискуютъ окончательно кануть въ лету.

Болѣе крупныя событія и дѣла, касающіяся крупныхъ историческихъ дѣятелей, были запечатлѣны на скрижаляхъ исторіи, но и болѣе мелкія событія и черточки, характеризующія второстепенныхъ, такъ сказать, героевъ той эпохи, заслуживаютъ не меньшаго къ себѣ вниманія, и ихъ, по справедливости, слѣдуетъ оградить отъ полнаго забвенія.

Вотъ съ этой-то цѣлью я и хочу подѣлиться съ читателями-любителями нашей старины имѣющимися у меня свѣдѣніями про одного такого кавказскаго рубаку, генерала Іедлинскаго, который съ 1845 по 1876 годъ непрерывно служилъ своему новому отечеству.

Перейдя на службу на Кавказъ въ половинѣ 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія, я не засталъ уже въ живыхъ генерала Іедлинскаго, умершаго въ концѣ 1876 года, но многочисленные разсказы о немъ продолжали усиленно ходить въ кавказскомъ обществѣ, среди котораго были тогда въ живыхъ еще многіе изъ его современниковъ.

Оговариваюсь: я не собираюсь писать полной біографіи покойнаго генерала, такъ какъ не располагаю для этого достаточнымъ ма-

теріаломъ, но хочу подѣлиться съ читателями лишь свѣдѣніями, основанными на записанныхъ мною тогда же разсказахъ и бесѣдахъ о покойномъ, и его формулярномъ спискѣ.

II.

Во времена своего покоренія и усмиренія Кавказъ привлекалъ къ себѣ не только русскихъ, жаждущихъ боевыхъ приключеній и славы, но и иностранцевъ, въ числѣ которыхъ оказался и Іедлинскій.

Альбертъ Артуровичъ родился 25-го мая 1813 года въ Австріи. Сынъ небогатаго галиційскаго помѣщика римско-католическаго вѣроисповѣданія, онъ воспитывался въ Царской академіи Маріи-Терезіи въ Вѣнѣ и поступилъ на военную службу, гдѣ и дослужился до чина оберъ-лейтенанта императорской австрійской арміи лишь къ 32 годамъ своей жизни. Очевидно, мирная обстановка казарменной жизни мало удовлетворяла его, и онъ, прослышавъ про безпрерывныя военныя дѣйствія на Кавказѣ и многочисленные подвиги русскихъ войскъ, слава о которыхъ прогремѣла тогда и за предѣлами Россіи, рѣшилъ перейти на русскую службу въ кавказской арміи, что ему и удалось: 7-го мая 1845 года онъ былъ зачисленъ поручикомъ по кавалеріи отдѣльнаго кавказскаго корпуса, и не прошло 3—4 мѣсяцевъ, какъ онъ успѣлъ отличиться и былъ награжденъ 21 августа того же года, орденомъ св. Станислава 3 степени, а черезъ 5 мѣсяцевъ и чиномъ штабсъ-ротмистра (26 августа 1846 г.). Затѣмъ онъ быстро двигается впередъ: 4 мая 1847 года производится въ чинъ ротмистра, въ 1848 году (15 сентября) награждается орденомъ св. Владиміра 4 степени, 16 іюня 1849 года—получаетъ чинъ майора, а черезъ мѣсяцъ орденъ Святой Анны 2-й степени; 4 мая 1850 года назначается въ томъ же чинѣ майора командиромъ Лабинскаго казачьяго полка. Такимъ образомъ, черезъ пять лѣтъ по вступленіи Іедлинскаго на русскую службу, онъ дѣлается командиромъ полка, да еще удостаивается этой чести въ чинѣ майора, что свидѣтельствуетъ даже и для того времени о далеко незауряднomъ явленіи: выдѣлиться среди такой храброй школы, каковой былъ тогда Кавказъ, такъ скоро заслужить къ себѣ довѣріе полученіемъ въ командованіе цѣлаго полка, какъ хотите, а для этого нужно было проявить дѣйствительно боевыя заслуги, въ особенности для иностранца, пріѣхавшаго 5 лѣтъ тому назадъ въ совершенно чуждый для него край, безъ знанія языка, и дѣйствовавшаго въ совершенно незнакомой для него обстановкѣ.

Въ 1852 году (22-го февраля) онъ получаетъ чинъ подполков-

ника, затѣмъ черезъ 5 мѣсяцевъ (19 іюля того же) года назначается командиромъ Моздокскаго казачьяго полка и одновременно командиромъ 8 бригады кавказскаго линейнаго казачьяго войска, что несомнѣнно является выдающимся назначеніемъ для вновь испеченнаго подполковника, къ тому же иностранца, не имѣвшаго никакой другой протекціи у начальства, кромѣ личныхъ неоспоримыхъ заслугъ.

Въ 1857 году получаетъ на орденъ св. Анны 2 ст. Императорскую корону и 9-ю бригаду кавказскаго линейнаго войска, и 6-й Сунжинскій казачій полкъ; въ 1858 году (13 октября) награждается чиномъ полковника, 28 апрѣля 1860 года—орденомъ св. Владиміра 4 степени, а 23 іюля того же года назначается начальникомъ военнаго Осетинскаго (нынѣ Владикавказскаго) округа. Въ томъ же 1860 году, 28 марта награждается брилліантовымъ перстнемъ съ вензелевымъ изображеніемъ имени Его Императорскаго Величества. Черезъ годъ (13 ноября 1861 года) получаетъ золотое оружіе, а еще черезъ годъ (27 августа 1862 года) производится въ генералъ-майоры; въ слѣдующемъ году назначается начальникомъ Восточнаго отдѣла, по упраздненіи котораго, состоитъ при кавказской арміи, съ зачисленіемъ по пѣхотѣ; 14 апрѣля 1865 года получаетъ орденъ св. Станислава 1 степени. Неопредѣленное „состояніе при", безъ особыхъ обязанностей, не удовлетворяетъ Іедлинскаго, и онъ рвется къ фактической дѣятельности, что ему и удается, при полученіи въ 1865 году (6 августа) должности помощника начальника Кавказской кавалерійской дивизіи. Въ 1867 году награждается единовременно 2.418 рублями, а въ 1869 году (20 октября) орденомъ св. Анны 1 степени, и ему Высочайше пожаловано въ вѣчное и потомственное владѣніе (какъ говорится въ формулярѣ) 1.000 десятинъ земли въ Кубанской области. Въ 1871 году (18 сентября) получаетъ Императорскую корону на орденъ св. Анны 1 ст. Въ 1874 году получаетъ персидскій орденъ Льва и Солнца 1 степени. Въ томъ же году (28 сентября) орденъ св. Владиміра 2 степени, а затѣмъ 24 ноября отчисляется отъ должности помощника начальника Кавказской дивизіи, назначается сперва состоять при Кавказской арміи по армейской кавалеріи, а затѣмъ при генералъ-фельдмаршалѣ князѣ Барятинскомъ. Умеръ Іедлинскій въ 1876 году (точной даты не знаю) 64-хъ лѣтъ отъ роду, изъ коихъ 31 годъ провелъ на Кавказѣ, которому и отдалъ всѣ силы.

III.

Будучи уроженцемъ Галиціи, совершенно чуждый Кавказу и Россіи, перейдя на службу послѣдней не юношей, а уже въ зрѣломъ возрастѣ (32 лѣтъ), Іедлинскій тѣмъ не менѣе быстро выучивается

русскому языку, изучаетъ топографію всѣхъ тѣхъ мѣстъ Кавказа, гдѣ ему приходилось дѣйствовать съ отрядами войскъ, словомъ, быстро приноравливается къ совершенно новымъ для него условіямъ быта, обстановки и военнаго духа. Чѣмъ чѣмъ, а ужъ личной отвагой, беззавѣтной храбростью въ то время было трудно кого удивить на Кавказѣ, этой школѣ храбрецовъ и удальцовъ, и тѣмъ не менѣе Іедлинскій ухитряется и въ этой странѣ быстро выдвинуться впередъ своими боевыми заслугами, такъ что менѣе чѣмъ черезъ годъ службы награждается и знаками отличія и чинами. При этомъ нужно принять во вниманіе, что всѣ отличія онъ получаетъ, состоя не при штабахъ, а въ дѣйствующихъ отрядахъ, какъ рядовой воинъ. Протекціи у Іедлинскаго никакой не было: незнатный иностранецъ, не богатый, разъ попавъ въ совершенно новую и незнакомую ему среду, онъ тѣмъ не менѣе ставитъ себя съ первыхъ шаговъ такъ, что въ арміи о немъ заговорили, какъ о выдающемся и среди храбрецовъ. Помимо личной храбрости въ войскахъ не могли не оцѣнить его ума, сообразительности въ минуту опасности и находчивости, съ которой онъ всякій разъ выходилъ изъ самыхъ непредвидѣнныхъ затруднительныхъ положеній. Всегда правдивый, не заискивая ни передъ кѣмъ, онъ не стѣснялся рѣзать правду въ глаза даже выше стоящимъ его по службѣ, но, благодаря прирожденному юмору, облекалъ подъ часъ свои реплики въ такую остроумную форму, что лица, къ которымъ онѣ относились, не сразу и догадывались о соли, заключавшейся въ сказанной имъ фразѣ. Конечно, эти рѣзкія отповѣди и остроты не всегда сходили ему съ рукъ благополучно и создавали ему не мало враговъ и недоброжелателей, тѣмъ не менѣе не могли значительно отразиться на его служебной карьерѣ: слишкомъ ужъ очевидны были его боевыя заслуги, слишкомъ било всѣмъ въ глаза, что при всѣхъ столкновеніяхъ правда всегда была на сторонѣ Іедлинскаго.

Замолчать этого факта было нельзя и рисковано было слишкомъ рѣзко дѣйствовать противъ такого популярнаго въ арміи рубаки, а потому врагамъ Іедлинскаго большей частью приходилось отмалчиваться, или ограничиваться мелкими придирками; въ тѣ времена Кавказъ былъ удѣломъ храбрыхъ, и въ кавказской арміи умѣли горой стоять за своихъ любимцевъ.

* * *

Вотъ одинъ случай остроумной отповѣди, данной Іедлинскимъ одному довольно высокопоставленному лицу, въ честь котораго была устроена охота, и среди участниковъ которой былъ и полковникъ Іедлинскій. Во время охоты былъ устроенъ на полянѣ лѣса

привалъ для завтрака, накрытаго прямо на землѣ на разостланныхъ коврахъ, по-походному. Когда усталые и проголодавшіеся охотники собрались на поляну и только ожидали превосходительнаго приглашенія виновника торжества приступить къ ѣдѣ, послѣдній, взявши изъ рукъ казака чарку водки и какую-то рыбку, сталъ, прожовывая закуску, занимать гостей воспоминаніями какого-то охотничьяго эпизода; собравшіеся почтительно внимали словамъ Его Превосходительства, но въ душѣ стремились скорѣе къ закускамъ... Прошло такъ минутъ 5—10, а генералъ все продолжалъ говорить, успѣвъ опрокинуть уже 2-ю чарку и перейти отъ рыбки къ другому бутерброду... Іедлинскій сначала тоже слушалъ, но, увидѣвши, что генеральскому разсказу не предвидится скораго конца, повернулся, сѣлъ на коверъ и съ аппетитомъ приступилъ къ завтраку. Его Превосходительство какъ-то обернулся, увидѣлъ Іедлинскаго и спохватился, что задерживаетъ охотниковъ. Тѣмъ не менѣе его покоробила безцеремонность штабъ-офицера, и онъ захотѣлъ сорвать на немъ свою собственную неловкость. Пригласивъ всѣхъ къ столу, генералъ обратился къ Іедлинскому на „ты“ (въ то время у многихъ начальствующихъ лицъ была эта манера говорить своимъ подчиненнымъ „ты“, что считалось не оскорбительнымъ, а выражало какъ-бы отечественную попечительность и расположеніе).

— Садитесь, господа, милости просимъ! а ты, Іедлинскій, который слывешь такимъ остроумцемъ, скажи мнѣ, пожалуйста, какая разница между свиньей и человѣкомъ?

— Отъ-то простая разница, Ваше Превосходительство, ни минуты не задумываясь, отвѣтилъ Іедлинскій своимъ обычнымъ акцентомъ: человѣкъ ѣстъ сидя, а свинья стоя.

Отвѣтъ былъ ясенъ: начальство ѣло стоя, а онъ сидя, но... нужно было сдѣлать видъ, что аллегоріи въ отвѣтѣ никакой не заключалось, а Іедлинскій просто напросто указалъ на фактъ одной изъ разницъ между человѣкомъ и представительницей животнаго царства.

* * *

Другой случай, графъ Лотрекъ-де-Тулюзъ, начальникъ кавалерійской дивизіи, въ составъ которой входилъ и полкъ, которымъ командовалъ Іедлинскій, обозрѣвалъ какъ-то полки своей дивизіи. Недавно переведенный изъ Петербурга, онъ былъ совершенно чуждъ Кавказу и духу кавказской арміи; воспитанный на парадахъ, оттягиваніи носковъ, маршировкахъ и внѣшней муштрѣ тогдашней гвардіи, онъ былъ пораженъ, встрѣтивъ на Кавказѣ совсѣмъ другое отношеніе къ дѣлу въ боевой арміи, которой и остался, понятно, крайне недоволенъ, и сталъ пушить начальниковъ частей во всю,

какъ говорится. Будучи, сверхъ того, человѣкомъ крайне недалекимъ, онъ не могъ сообразить, что къ кавказской арміи, бывшей въ непрерывныхъ бояхъ десятки лѣтъ подъ рядъ, не подобаетъ предъявлять плацъ-парадныхъ требованій. Пріѣхавъ къ Іедлинскому въ полкъ, сотни котораго были разбросаны по станицамъ, Лотрекъ, самъ плохой кавалеристъ, но любившій хвастаться и своей ѣздой и тонкимъ знаніемъ лошади, сталъ верхомъ объѣзжать сотни въ сопровожденіи свиты и, разумѣется, полкового командира, которому въ концѣ концовъ надоѣло выслушивать безтолковыя и неразумныя замѣчанія и разносы начальника дивизіи, и онъ сталъ понемногу отставать отъ него. Чуть Лотрекъ обернется, чтобы сдѣлать какое-нибудь замѣчаніе по полку, какъ видитъ, что Іедлинскій еле плетется далеко отъ него. Недовольный графъ останавливаетъ свою лошадь и нетерпѣливо дожидается, пока Іедлинскій, дѣлая видъ, что усиленно работаетъ нагайкой, не догонитъ его. Начальникъ дивизіи разноситъ его, Іедлинскій почтительно выслушиваетъ слова грознаго начальства, которое трогается дальше, а Іедлинскій снова отстаетъ, и такъ продолжается всю дорогу. Наконецъ объѣздъ законченъ, и взбѣшенный Лотрекъ набрасывается на Іедлинскаго.

— Такъ, полковникъ, нельзя! у васъ во всемъ безпорядки; это не полкъ-съ, это какая-то дикая орда у васъ! Наконецъ, вы сами, какой вы кавалерійскій полковникъ, когда вы даже верхомъ ѣздить не умѣете? Во время объѣзда васъ никогда не было при мнѣ, когда я хотѣлъ обратить ваше вниманіе на замѣченныя мною упущенія по полку!

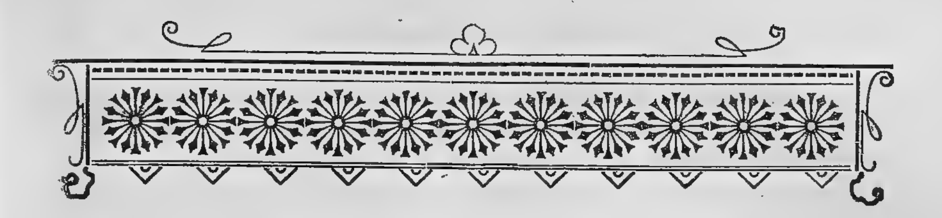
Іедлинскій почтительно и смиренно сталъ извиняться:

— Извините, Ваше Превосходительство—мнѣ такая кляча попалась, что вотъ даже ишака (по-кавказски оселъ) догнать не можетъ.

Вл. Марковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Сибирская казачья дивизія въ походѣ противъ Японіи въ 1904 и 1905 годахъ.

(Дневникъ участника съ 2 февраля 1904 года по 30 іюля 1905 года).

Петербургъ. 2-го февраля 1904 года.

Свершилось давно ожидавшееся событіе: 27-го января японскій флотъ атаковалъ нашъ флотъ, стоящій на внѣшнемъ рейдѣ Портъ-Артура. Лучшія суда выведены изъ строя. Утромъ произошла короткая бомбардировка укрѣпленій Портъ-Артура. Такъ объявили японцы войну Россіи. Да, этого слѣдовало ожидать и теперь это уже совершившійся фактъ. Уже въ іюлѣ мѣсяцѣ 1903 года мнѣ было ясно, что иного исхода нѣтъ. Японія закончила всѣ приготовленія къ войнѣ съ нами; народъ воспитывался и готовился именно къ ней уже много лѣтъ, а со времени занятія нами Портъ-Артура вся страна только и жила этой мыслью. Какія ужасныя мысли живутъ во мнѣ и не даютъ возможности работать. Сегодня съ громаднымъ напряженіемъ редактировалъ всеподданнѣйшій докладъ по Туркестанскому округу, мысли неотступно работали надъ положеніемъ вещей, созданныхъ на Дальнемъ Востокѣ. Нашъ флотъ, который привыкъ любить съ дѣтства, въ ряды котораго готовился и мечталъ поступить самъ, униженъ и посрамленъ. Обиднѣе всего то, что мы знали, знали его полную непригодность для борьбы съ серьезнымъ врагомъ. Меня еще, помню, юнкеромъ поражала слабость дисциплины въ экипажахъ, гдѣ я часто бывалъ; не вѣрилъ я доводамъ, что „на сушѣ, молъ, матросъ такой,—на кораблѣ другой....“ Это казалось мнѣ невѣроятнымъ. Обращало постоянно на себя вниманіе отсутствіе опредѣленныхъ программъ плаванія судовъ, ихъ занятій,

ученій; никогда я не видѣлъ опредѣленныхъ цѣлей, которыя преслѣдовались бы ими; не было никакихъ работъ по созданію хотя бы какой-нибудь ясной и опредѣленной мобилизаціи нашего флота. А сколько глумленія надъ нами „армейскими" живетъ во флотѣ! Скверныя мысли: и больно и обидно! И зачѣмъ это загнанъ весь флотъ на Дальнемъ Востокѣ въ Портъ-Артуръ? Мѣста ему тамъ нѣтъ, доковъ нѣтъ, запасовъ нѣтъ, съ Владивостокомъ связи нѣтъ.... Ничего не понимаю въ этомъ дѣлѣ. Вижу только, что флотъ теперь обреченъ на гибель, ибо никогда не вѣрилъ словамъ въ непобѣдимость нашего флота Тихаго Океана, а теперь и подавно: надо бить врага въ морѣ, а тутъ и починиться-то негдѣ. Къ японцамъ же плывутъ еще „Ниссинъ" и „Касуга", а про близость ихъ береговъ, хорошо оборудованныхъ портахъ, мастерскихъ, докахъ и про превосходство и многочисленность ихъ миннаго флота и говорить нечего.

31-го января состоялся Высочайшій приказъ о моемъ назначеніи на должность начальника штаба Сибирской казачьей дивизіи, а сегодня объявлена и мобилизація Сибирскаго войска, вѣрнѣе, 4, 5, 7 и 8 полковъ его.

Благодарю Бога, что мое назначеніе состоялось. Никто изъ товарищей этого моего рѣшенія не зналъ; я принялъ его давно и не принять не могъ.... Какъ ни дороги мнѣ жена и дѣти, но готовность принести себя въ жертву на благо родины, отдать свои силы и мысли дѣлу борьбы съ врагомъ, конечно, выше; колебаній быть не могло. Сборы мои въ походъ очень коротки. Завтра будетъ готова папаха и теплыя вещи. Чемоданъ—кровать уже съ полной укладкой. Для запаса бѣлья и одежды беру небольшой дорожный сундучекъ. Сѣдло готово. Лошадей и вьюки рѣшилъ пріобрѣсти въ Омскѣ. Думаю, что тамъ это будетъ сдѣлать практичнѣе. Неготовы пока лишь бумаги для семьи и для меня. Завтра буду торопить; 5-го или 6-го февраля надѣюсь уже выѣхать въ Омскъ.

4-го февраля.

Получилъ телеграмму изъ Омска въ отвѣтъ на посланную мною. Есаулъ Третьяковъ пишетъ, что мобилизація штаба дивизіи и полковъ началась. Есаулъ Третьяковъ, адъютантъ штаба дивизіи по хозяйственной части, спрашиваетъ, когда я пріѣду въ Омскъ. Сегодня выяснилось, что я выѣзжаю изъ Петербурга 6-го февраля вечеромъ. Сборы мои совершенно закончены. Завтра получаю предписаніе и прощаюсь со своими товарищами, сослуживцами оперативнаго отдѣленія главнаго штаба.

Сегодня я былъ до глубины души растроганъ вниманіемъ своихъ

товарищей Л.-гв. Павловскао полка. М. Н. К. отъ имени офицеровъ полка привезъ и одѣлъ на меня „благословеніе полка“ образокъ-медальонъ. Я обѣщалъ не разставаться съ нимъ въ походѣ и завтра заѣду въ полкъ лично поблагодарить всѣхъ, кого застану въ офицерскомъ собраніи. Сердце мое чувствовало, что долгъ требуетъ отъ меня не забывать, что я принадлежу къ тому полку, гдѣ крѣпокъ духъ Мазовскаго, Кульнева, рядового Тропина и другихъ. Имена великихъ людей; величіемъ духа и славы окружены они....

6-го февраля. Вагонъ.

Боже, что пришлось пережить и переиспытать въ эти два дня! Какая боль души, какія муки тости, щемящей и гнетущей овладѣвали мною, когда я очутился одинъ въ этомъ купэ вагона. Нѣтъ, описать и передать это я не въ силахъ. Я бросился на диванъ, лежалъ безъ силъ и способности овладѣть собою; вскакивалъ и сжималъ свое больное и истерзанное сердце и снова,—какъ снопъ, валился.... Одна мысль только гвоздемъ сидѣла въ головѣ и терзала меня.... „Я оставилъ, покинулъ все и всѣхъ, кого только любилъ, ради кого жилъ, работалъ, кого лелѣялъ и берегъ; оставилъ такъ внезапно, безповоротно, навсегда... И нѣтъ возврата, нѣтъ и нѣтъ. Каждое мгновеніе увеличиваетъ разстояніе между ими и мною...“ Крупныя слезы катились изъ глазъ; мнѣ казалось, что эти муки я не перенесу, и ужасъ давилъ меня до изнеможенія....

О, ночь мученій! Ты показала мнѣ, какія силы любви соединяли меня съ моей женой и дѣтьми. Я зналъ ихъ, но только въ эту ночь постигъ ихъ размѣры. Ты показала мнѣ силу сознанія долга предъ родиной, силу любви къ ней, воспитанной долгими думами и грезами о ея прошломъ многострадальномъ и мечтами о ея великомъ и свѣтломъ будущемъ....

Жребій брошенъ: впереди борьба съ врагомъ Руси, я не принадлежу больше никому, кромѣ нея, я ея сынъ и ей отдаю всѣ свои силы, знаніе и способности, пока въ груди будетъ биться это страдающее теперь сердце.

Прощаніе въ полку съ товарищами, съ родными, торжественный молебенъ въ церкви главнаго штаба въ честь отъѣзжавшихъ на войну генералъ-лейтенанта Жилинскаго съ полковникомъ Бѣляевымъ, прощанье съ товарищами оперативнаго отдѣленія и съ его начальникомъ генералъ-маіоромъ М. В. Алексѣевымъ.... Михаилъ Васильевичъ благословилъ меня образомъ и завѣщалъ мнѣ работать, не жалѣя себя. Его слова, полныя любви, правды и искренности, до сихъ поръ звучатъ, кажется, во всемъ моемъ существѣ. Прощаніе съ начальникомъ главнаго штаба генералъ-лейтенантомъ

Сахаровымъ, спѣшные сборы на вокзалъ, прощаніе съ юнкерами Павловскаго училища, масса провожавшихъ, присутствіе Наслѣдника Цесаревича Е. И. В. В. Кн. Михаила Александровича—все уходило въ даль, стушевывалось и вновь возстанавливалось, точно все это стоитъ еще передъ глазами. Но кроткій взоръ жены и, рядомъ съ нею, дочь, вотъ здѣсь—со мною въ эту даль несутся, и вижу я ту скорбь, тѣ муки, которыя терзаютъ ея сердце: имъ нѣтъ названья, нѣтъ опредѣленья—свѣтаетъ: знать, скоро и Москва.

14-го февраля. Омскъ.

Второй день въ Омскѣ. Путь отъ Москвы до Омска совершилъ въ обществѣ капитана генеральнаго штаба В. В. Марушевскаго; онъ назначенъ въ штабъ 4-го Сибирскаго армейскаго корпуса, который формируется тоже въ Омскѣ. Рязань, Сызрань, Батраки, мостъ черезъ Волгу, Самара—мѣста давно знакомыя. Они будили воспоминанія далекаго дѣтства... вспоминалъ переѣздъ черезъ Волгу еще зимой на лошадяхъ; тогда мостъ черезъ Волгу только еще строился. Промелькнула Уфа съ величественной Камой и Бѣлой, съ живописной мѣстностью около вокзала. Съ этихъ обрывовъ и высотъ я еще кадетомъ любовался на Каму и Бѣлую... Красоты Урала, Челябинскъ и эти степи вызывали чувства чего-то родного, что такъ глубоко засѣло въ душѣ еще съ дѣтства и что привыкъ любить. Тогда было хорошо; хотѣлось вѣрить, что и теперь здѣсь не можетъ не быть хорошо.

Омскъ... хотѣлъ описать его, но рѣшилъ эту мысль оставить; видѣлъ казачій форштадтъ (почему форштадтъ? Въ Оренбургѣ казачій городокъ тоже называется форштадтъ... подумаешь, какое пристрастіе у сибирскихъ и оренбургскихъ казаковъ въ нѣметчинѣ!), войсковое хозяйственное правленіе, управленіе отдѣла, кадетскій корпусъ, дворецъ командующаго войсками, штаба округа, Европейскую гостиницу (вѣрнѣе еврейскую, такъ какъ она грязна во всѣхъ отношеніяхъ), базаръ, гостинный дворъ, видѣлъ Иртышъ и Омь; словомъ, видѣлъ городъ; но видѣть еще недостаточно для описанія... Иртышъ, Ермакъ Тимоѳеевъ, знамя его, хранящееся въ войсковомъ соборѣ—это святыни сибирскаго войска; къ нимъ невольно проникаешься уваженіемъ. Мысль заглядываетъ на триста лѣтъ назадъ, какимъ величіемъ покрывается имя человѣка, принесшаго сюда власть московскаго Царя и, какъ всѣ легендарные герои, погибшаго тамъ, гдѣ они создали великое свое дѣло. Ермакъ погибъ въ Иртышѣ, но мнѣ понятно стало, что великій духъ его витаетъ незримо здѣсь и зоветъ, зоветъ неудержимо довершить то, что ему свершить не дано было свыше... Онъ зоветъ сибирскаго

казака къ берегамъ Тихаго океана, куда, естественно, пришелъ бы онъ самъ: онъ шелъ туда; рѣки, лѣса и горы его остановить не могли; встрѣчные народы онъ одолѣлъ бы и все отдалъ бы московскому Царю, какъ вѣрный сынъ своему отцу; только океанъ, этотъ тихій, но необъятный океанъ могъ остановить его. Я точно вижу эту могучую фигуру казака, со щитомъ и копьемъ, въ шлемѣ и кольчугѣ на своемъ вѣрномъ конѣ. Вотъ онъ вошелъ по грудь лошади въ воду, поднялъ ладонь къ шлему и смотритъ въ даль на „восходящее солнце"... Онъ хмуренъ и гнѣвенъ, но дальше идти онъ не можетъ; онъ чуетъ, что тамъ опасный врагъ, и тяжко сознаніе богатыря своего безсилья достать этого врага и... поразить его.—И вѣрю я, что духъ Ермака скорбитъ теперь и будетъ скорбѣть до тѣхъ поръ, пока завѣтъ его потомки не исполнятъ... Сегодня подъ знаменемъ Ермака Тимоѳеева я думалъ объ этомъ и горячо молился, чтобы Богъ помогъ намъ исполнить этотъ завѣтъ и успокоить его великій духъ.—Великое дѣло выпадаетъ на долю Сибирской казачьей дивизіи, но впередъ предугадать ничего нельзя...

Явившись генераламъ Сухотину, Гершельману, Катанаеву, сдѣлалъ оффиціальные визиты, принялся за работу въ штабѣ дивизіи.

Насъ теперь двое: есаулъ Третьяковъ и я.—Штабъ дивизіи началъ свое формированіе подъ руководствомъ есаула Н. В. Третьякова. Дивизія наша льготная, въ мирное время несуществующая, полки второй (4 и 5-й) и третьей (7 и 8-й) очереди. Штабъ дивизіи долженъ сформироваться только теперь. Я засталъ уже на-лицо всѣхъ писарей, всѣхъ обозныхъ казаковъ, конвойный взводъ подъ начальствомъ хорунжаго Г. Н. Путинцева. Видѣлъ уже дивизіоннаго интенданта полковника И. Ф. Путинцева и его дѣлопроизводителя чиновника Шарапова (тоже казакъ).

Есаулъ Третьяковъ успѣлъ уже пріобрѣсти все канцелярское имущество и почти всѣ запасы провіанта. Въ большомъ непорядкѣ видѣлъ обозъ штаба; горе въ томъ, что обозъ этотъ интендантскій (двуколки и парныя повозки), упряжь того же учрежденія; и то и другое съ такими недочетами, что запряжка обоза оказалась невозможной. Пришлось нанять частнаго шорнаго мастера, выяснить съ нимъ всѣ недочеты и заказать ему изготовить всякіе горты, гужи, ремни, сѣделки, возжи и т. п., которые отсутствовали.

Хлопотъ сегодня съ этимъ дѣломъ было много; съ этимъ дѣломъ пришлось возиться въ сараяхъ (кстати сказать отличной постройки) и на сибирскомъ морозѣ промерзли мы основательно. Дня въ три четыре шорникъ обѣщалъ недочеты обоза и упряжи устранить и,

такимъ образомъ, на 15—16 день мобилизаціи штабъ будетъ готовъ къ походу въ достаточной мѣрѣ.

Штабу дивизіи для формированія отведено помѣщеніе въ войсковомъ хозяйственномъ правленіи. Удобно, и никто не мѣшаетъ.

Сегодня узналъ, что дивизіоннымъ контролеромъ назначенъ чиновникъ Левинъ.

Завтра покупаемъ лошадей для обоза; надо пріобрѣсти 9 штукъ; ѣдемъ на конный базаръ у стараго собора недалеко отъ штаба округа.—Бумажнаго дѣла (переписки) уже въ штабѣ очень много, помимо необходимости составленія большихъ приказовъ, именныхъ списковъ, описей, учета прихода и расхода денегъ, заведенія всѣхъ книгъ и журналовъ, начались уже замѣны штатнаго состава казаковъ по распоряженію свыше; полки заваливаютъ телеграммами о своихъ нуждахъ и сомнѣніяхъ, съ интендантствомъ также переписка, поднятъ вопросъ о вооруженіи обозныхъ и казенной прислуги, о сформированіи батарей для дивизіи „изъ полевыхъ старыхъ орудій".

Артиллерія для дивизіи необходима, но я рѣшительно противъ такой обузы изъ „стараго хлама". Командующій войсками находитъ необходимымъ придать дивизіи „хотя бы такую батарею" и приказалъ начальнику артиллеріи обсудить вопросъ о сформированіи такой батареи. Я въ недоумѣніи, гдѣ взять личный составъ, ибо офицеровъ артиллеристовъ среди казаковъ нѣтъ, нѣтъ и казаковъ для прислуги при орудіяхъ. Артиллеріи въ Сибирскомъ войскѣ вообще нѣтъ; былъ гдѣ-то заштатный взводъ старыхъ горныхъ пушекъ... все это меня утѣшаетъ мало, и я буду доволенъ, если это дѣло провалится. Сегодня работу въ штабѣ кончили въ 12 часу ночи...

15-го февраля.

Утромъ купили всѣхъ лошадей (9). Средняя цѣна каждой лошади обошлась 61 рубль. Всѣ лошади уже ѣзженныя и въ этомъ отношеніи съ ними возни нѣтъ. Кстати и себѣ купилъ за 120 рублей одного коня; думаю, что подъ вьюкъ будетъ пригоденъ; назвалъ его „Корейцемъ".

Днемъ опять работали въ обозныхъ сараяхъ. Приготовили упряжь, укладывали повозки; сортировали по повозкамъ имущество.

Днемъ же былъ у генерала Сухотина опять по вопросу о сформированіи для дивизіи батареи. Послали запросъ въ Петербургъ. И то хорошо, ибо есть надежда, что тамъ разрѣшатъ этотъ вопросъ иначе.

Заказалъ себѣ вьюки въ видѣ переметныхъ сумъ, одѣвающихся на казачій ленчикъ. Образецъ видѣлъ; просто, прочно и удобно.

Обойдется въ 35—40 рублей. Работать будутъ въ войсковой мастерской.

Жаль, что Сибирская казачья дивизія не имѣетъ вьючнаго обоза и легкаго типа походныхъ кухонь. Меня сильно смущаетъ этотъ европейскій обозъ: горы Маньчжуріи и Кореи, лессовый грунтъ, періодическіе дожди—все говоритъ противъ такого обоза. Условія жизни и службы полковъ Сибирскаго войска—въ этихъ безконечныхъ степяхъ, на границахъ Китая отъ Зайсана до Джаркенда, походы въ Туркестанѣ, единственный видъ перевозки товаровъ вьючными караванами—казалось бы, указывали давно, что естественнымъ обозомъ является только вьючный, а между тѣмъ его и въ заводѣ нѣтъ. Будемъ надѣяться, что дивизія наша и безъ обоза не пропадетъ. Отсутствіе же походныхъ кухонь прямо непоправимый недостатокъ; сегодня даже соображали: возможно, или невозможно выписать эти кухни. Говорили, что изъ Варшавы ихъ могутъ выслать прямо въ Ляоянъ; но разговаривать, сидя въ Омскѣ, объ этомъ можно, но для дѣла необходимо спросить полки, знать взглядъ начальника дивизіи, послать крупную сумму денегъ о т. п.; да и попадемъ ли мы въ Ляоянъ—тоже вопросъ... Такъ это дѣло разговоромъ и кончилось.

17-го февраля.

Сегодня формированіе штаба дивизіи было закончено. Конвой, писаря, обозные казаки, казенная прислуга, обозъ (4 двуколки, 2 парныхъ повозки), сбруя—были уже на-лицо.

Обозъ вполнѣ уложенъ со всѣми вещами и запасами. Только складные столы и стулья (успѣли сдѣлать въ Омскѣ), да текущая переписка осталась во временномъ помѣщеніи моего штаба.

Писарей распредѣлилъ по должностямъ и званіямъ, каждому отмежевалъ его дѣла и обязанности, памятуя, что въ штабѣ не должно быть никого безъ строго опредѣленныхъ занятій и работъ. Надо отдать справедливость, что писаря оказались всѣ отлично развитыми, отлично грамотными; быстро привыкли къ своимъ дѣламъ. Съ моей стороны потребовалось немного усилій для того, чтобы штабная машина начала работать гладко и отчетливо. Раза два объяснилъ всѣмъ порядокъ работы въ штабѣ, устранилъ попытки выдавать справки помимо адъютантовъ и безъ доклада мнѣ и т. д. придется еще, конечно, прослѣдить за этимъ, а особенно за твердой постановкой и проведеніемъ въ жизнь основного моего требованія: работать такъ, чтобы войска и учрежденія всегда своевременно все получали изъ штаба, хотя-бы пришлось работать и ночью; отдыхать тогда, когда, дѣйствительно, можно.

Увѣренъ, что черезъ мѣсяцъ именно такая работа вполнѣ нала-

дится въ штабѣ. Матеріалъ для того имѣется отличный. Напримѣръ, мой старшій писарь Подкорытовъ у меня въ штабѣ, а братъ его полковой адъютантъ 5-го Сибирскаго Казачьяго полка; на мой взглядъ нѣтъ основаній моему Подкорытову не выдержать впослѣдствіи офицерскій экзаменъ...

Сегодня донесъ командующему войсками и послалъ телеграмму начальнику дивизіи объ окончаніи мобилизаціи и сформированія штаба дивизіи.

Сегодняже пріѣхалъ и адъютантъ по строевой части штаба дивизіи Генеральнаго Штаба капитанъ Посоховъ. Завтра вступитъ въ исполненіе своихъ обязанностей.

Въ числѣ офицеровъ, назначенныхъ на пополненіе полковъ Сибирской казачьей дивизіи изъ другихъ казачьихъ войскъ и драгунскихъ полковъ, пріѣхалъ есаулъ Егоровъ, который кончилъ Ник. Ак. Ген. Штаба; будучи причисленнымъ къ Генеральному Штабу, онъ бросилъ Кавалерійскую школу, принялъ назначеніе въ 5 Сиб. каз. полкъ, и теперь уже здѣсь.

Высокій, съ открытымъ лицомъ, цвѣтущимъ здоровьемъ, онъ производитъ сразу привлекательное впечатлѣніе. Буду просить начальника дивизіи прикомандировать его къ штабу; въ боевой обстановкѣ онъ будетъ для дѣла положительно необходимъ.

Пріѣхалъ также подъесаулъ Колодѣй, кончившій Академію по второму разряду. Тоже полезный человѣкъ для полка и для всего дѣла въ нашемъ походѣ.

Итакъ, штабъ дивизіи готовъ къ походу. Во главѣ дивизіи поставленъ генералъ-маіоръ Симоновъ. Это старшій строевой генералъ всего Сибирскаго казачьяго войска; впрочемъ, ихъ и всего-то два; но, какъ я слыхалъ, генералъ Симоновъ боевой начальникъ, участникъ и сподвижникъ геройскихъ походовъ Скобелева въ Туркестанѣ, большой знатокъ исторіи войска и всего его быта; говорятъ, онъ знаетъ въ лицо и по фамиліямъ большинство простыхъ казаковъ, не говоря уже про офицеровъ. Жду его въ Омскѣ съ понятнымъ нетерпѣніемъ; пріятно работать, да еще въ походѣ, съ такимъ человѣкомъ, личность котораго окружена такимъ ореоломъ уваженія.

Командиромъ одной бригады назначенъ полковникъ Ерковскій; его тоже еще не видѣлъ, такъ какъ въ Омскѣ его нѣтъ, командиромъ другой бригады назначенъ генералъ-маіоръ N. Съ нимъ я уже познакомился. До объявленія мобилизаціи онъ былъ атаманомъ 2-го отдѣла. Въ Омскѣ живетъ въ собственномъ домѣ; повидимому, обладаетъ большими средствами. Судя по первымъ разговорамъ и моимъ наблюденіямъ, онъ мало отвѣчаетъ требованіямъ строевого

начальника. Любовь житейскихъ удобствъ, укладъ жизни, отношенія къ казакамъ,—все говоритъ мнѣ, что генералъ N. дѣлаетъ большую ошибку, что идетъ въ походъ: бивачная жизнь, быстрота передвиженій, гибкость рѣшеній при непрерывно мѣняющейся обстановкѣ, твердая воля, знаніе военнаго дѣла—ему, мнѣ кажется, несвойственны и не по душѣ. Не могу еще точно опредѣлить, какая такая черта въ немъ проглядываетъ, которая заставляетъ меня теперь уже относиться съ сомнѣніемъ къ боевымъ способностямъ генерала N... Богъ дастъ, въ походѣ это разъяснится; знать же начальниковъ частей дивизіи необходимо, и я всѣми силами стремлюсь составить скорѣе опредѣленное о нихъ мнѣніе.

21-е февраля.

За эти дни всѣ полки дивизіи донесли, что и ихъ мобилизація и сформированіе закончены. Готовы и мои вьюки, куплены и верховыя лошади: гнѣдой—„Маньчжурка" и сѣрый—„Японецъ". Обѣ лошади сибирской породы; маленькія, но рѣзвыя и, кажется, очень крѣпкія. „Маньчжурка", на которомъ я уже катаюсь верхомъ, отлично ходитъ рысью и иноходью, и обладаетъ большимъ шагомъ; вообще ѣзда на немъ доставляетъ мнѣ большое удовольствіе. За него я заплатилъ 165 рублей. „Японецъ" вообще слабѣе, малоѣзженный конь; но и онъ будетъ надежно служить.

Ждемъ распоряженія о посадкѣ, да слѣдимъ, когда пройдутъ по желѣзной дорогѣ тѣ 28 баталіоновъ, которые должны составить третьи баталіоны восточно-сибирскихъ стрѣлковыхъ полковъ.

За эти дни побывалъ у начальника штаба округа генерала Гершельмана, возобновилъ знакомство съ ген. штаба подполковникомъ В. Р. Романовымъ, былъ на семейномъ вечерѣ моего начальника конвоя полковника Н. Г. Путинцева и на благотворительномъ вечерѣ въ В. Хоз. Правленіи.

22-го февраля.

Получено увѣдомленіе о томъ, что Сибирская казачья дивизія задерживается на неопредѣленное время. Я читалъ и не вѣрилъ тому, что написано. Надо спѣшить, война объявлена, врагъ уже у сѣверныхъ границъ Кореи, готовъ вторгнуться въ предѣлы Маньчжуріи, блокируетъ Портъ-Артуръ, быть можетъ уже направилъ свои войска для осады его со стороны Дальняго и Голубиной бухты, въ Маньчжуріи лишь ничтожная горсть нашихъ войскъ и некому воспрепятствовать даже захватить Инкою и Ляоянъ... Все это непонятно и глубоко печально. Гдѣ же тутъ напряженіе всѣхъ силъ Россіи для борьбы съ врагомъ, возможно ли медлить и терять дни тогда, когда это прямая выгода врагу?—Въ Сибири теперь готовы

къ посадкѣ 3 сибирскихъ пѣх. дивизій (48 бат.) съ артиллеріей и наши 24 сотни, а тутъ жди... Намъ надо спѣшить, чтобы занять долины р. Ялу, а если успѣемъ, то, вмѣстѣ съ 2—3 дивизіями В. Сиб. стрѣлковъ, необходимо продвинуться и занять Сеулъ...

Пусть японцы высаживаются всѣ въ раіонѣ Бидзыво и Дагушаня; послѣдующіе наши корпуса должны идти на югъ и не дать японцамъ отойти отъ берега; наши миноносцы должны топить ихъ транспорты съ войсками, прекратить подвозъ боевыхъ припасовъ и продовольствія...

Нужна кипучая энергія и работа, а тутъ!!.

15-го февраля черезъ Байкалъ закончили прокладку рельсоваго пути. Спасибо ген. шт, подполковнику Домелунксену, онъ тамъ работаетъ молодецки. Хотя это и газетное извѣстіе, но, надо полагать, что это вѣрно; еще менѣе становится понятной задержка и еще досаднѣе.

Ожиданіе положительно тягостно; особенно для такихъ, какъ я временныхъ гостей въ Омскѣ, это ожиданіе томительно. Я вижу уже прапорщиковъ и пріѣзжихъ офицеровъ за картами, за виномъ въ общественномъ собраніи, но таковыхъ небольшое число; большинство таковыхъ развлеченій не признаетъ, а болѣе здоровыхъ въ Омскѣ, помимо семейныхъ домовъ, нѣтъ. Даже театра нѣтъ;— вижу, какъ томятся и сами казаки. Они всѣ на сборныхъ пунктахъ и, конечно, не одни: съ ними ихъ родные, жены и дѣти. Многіе пріѣхали въ Омскъ издалека.

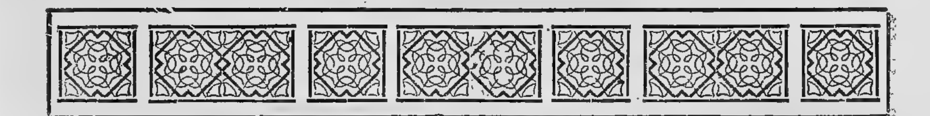
Унылыя лица казачекъ, часто съ грудными дѣтьми и малыми ребятами, навѣрное, не веселятъ казаковъ, идущихъ въ походъ. Долгіе проводы—„лишнія слезы", говоритъ пословица, а тутъ, надо сказать, эти дни ожиданій разлуки всю душу истерзаютъ. Да и перерывъ въ энергіи вреденъ: все рвется впередъ, доходящіе слухи о дѣйствіи забайкальцевъ подъ Пеньяномъ еще больше разжигаютъ страсти, а тутъ сиди за 7—8 тысячъ верстъ отъ врага. Поговариваютъ даже, что, вѣроятно, какъ и въ Китайскую войну, сибирскимъ казакамъ ничего сдѣлать путнаго не прійдется: безъ насъ, молъ, все покончатъ...

Днемъ въ Омскѣ тепло, отличный чистый воздухъ, солнце сіяетъ во всю свою мощь, снѣгъ ослѣпительной бѣлизни, особенно на Иртышѣ. Сегодня долго любовался этой картиной, стоя на берегу Иртыша.

Г. А. Даниловъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

М. И. Драгомировъ во время Австро-Прусской войны.

(Изъ воспоминаній).

Съ теченіемъ времени Мих. Ив. сталъ болѣе и болѣе цѣнить кронпринца и давать ему большое во всѣхъ отношеніяхъ значеніе; всякіе нападки на принца производили на него непріятное впечатлѣніе; онъ къ нимъ относился очень брезгливо, хотя, конечно, стоялъ отъ нихъ совершенно въ сторонѣ.

Во всякомъ обществѣ, говаривалъ Мих. Ив., вертится немало людей, которые, какъ бы, въ видѣ спеціальнаго для себя занятія, усваиваютъ привычку, во что бы то ни стало, при всякихъ обстоятельствахъ пробавляться дешевенькими остротами, все поднимать на смѣхъ и все серьезное обращать въ посмѣшище. Чѣмъ менѣе развита наблюдаемая среда, тѣмъ болѣе въ ней такихъ смѣшливыхъ субъектовъ—пошлыхъ остряковъ; о чемъ ни заговори, они все по-своему обернутъ и грубо, безсмысленно осмѣютъ. Это тотъ пустѣйшій типъ, про котораго сложилась поговорка: „для краснаго словца не пожалѣетъ и родного отца". При этомъ каждый изъ нихъ непремѣнно даетъ самъ себѣ цѣну человѣка богатаго остроуміемъ, не замѣчая того, что окружающая среда привыкаетъ смотрѣть на него и на подобныхъ ему, какъ на отпѣтыхъ дурачковъ.—Поощряютъ ихъ лишь тѣ „присяжные" зубоскалы, которые рады на всякую глупость отзываться смѣхомъ и хохотомъ; имъ только говори, а они ржать будутъ хоть цѣлый день на пролетъ.

У насъ на Руси такими пустыми острословами кишатъ пригородныя села, базары, рынки и мѣстности, заполненные рабочими, по большей части фабричными; тѣмъ не менѣе такіе люди, далеко не единичными, попадаются и въ имѣющемъ претензію на развитіе обществѣ, не чуждомъ воспитанія и образованія. Обыкновенно элементомъ, стремящимся увеселять окружающихъ, богата нѣмецкая среда: въ ней всегда имѣется одинъ-другой завзятый острякъ, безъ умолку отпускающій на все и на вся свои особыя нѣ-

мецкія шутки, которыя называются „вицами“; обыкновенно на одинъ удачный вицъ приходится до сотни плоскихъ, пустыхъ, тупыхъ, а компанія шумитъ, хохочетъ, веселится.

Вспомнилъ я обо всемъ этомъ, говорилъ Мих. Ив., по поводу того, что именно среди подобныхъ тупоумцевъ и явилось нелѣпѣйшее осмѣяніе лучшей и самой дорогой стороны характера, нрава и вообще качествъ тогдашняго командира II арміи,—наслѣднаго принца прусскаго Фридриха,—его благороднѣйшаго отношенія къ „малымъ, слабымъ и неимущимъ“. Его любовь къ солдату вообще, старательныя всестороннія наблюденія за довольствіемъ подчиненныхъ ему частей во всякое время, усиленіе этихъ наблюденій въ военное время, а въ особенности его, по истинѣ трогательныя заботы о больныхъ и раненыхъ воинахъ, дали поводъ острякамъ окрестить его въ званіе „интенданта при генералѣ Блументалѣ“; этимъ обнаружилось въ нихъ и умышленное извращеніе и грубое непониманіе всего дорогого, цѣннаго, что таилось въ сердцѣ такого рыцаря, какимъ являлся достойнѣйшій принцъ. Эти люди могли оказаться принадлежавшими къ лучшей части тогдашняго прусскаго военнаго общества, они могли выйдти изъ среды наиболѣе учившихся вертопраховъ, надъ которыми въ свое время было приложено много стараній по части стремленія къ ихъ воспитанію,—тѣмъ вѣрнѣе и легче они заслужили осужденія со стороны членовъ именно этой среды; „она спокойно осудила ихъ, признавъ въ каждомъ изъ нихъ „втораго Ноева сына“ и тѣмъ обособила ихъ совершенно по заслугамъ.

Господа эти были всѣмъ поимённо хорошо извѣстны.

Время было военное; все кипѣло, не приходилось долго разбираться въ такомъ вздорѣ; и все-таки благоразумная часть военнаго общества не пропустила этого эпизода безъ вниманія; она успѣла подчеркнуть презрѣніемъ недостойную выходку нѣсколькихъ бездѣльниковъ, надрывавшихся надъ тѣмъ, чтобы нанести ущербъ непоколебимой репутаціи и престижу стоявшаго во главѣ второй арміи витязя баярда.

Самъ по себѣ человѣкъ рѣзкій и, въ сущности, большой мастеръ осмѣять того, кто вызывалъ проявленіе его нескончаемаго юмора,—Мих. Ив. не могъ отнестись иначе, какъ съ полнымъ возмущеніемъ къ этой продѣлкѣ.

„Въ сущности все это несомнѣнно мелочь, говорилъ онъ, но нельзя не возмутиться,—вѣдь въ основѣ этого дѣла стояла какая-то грязная непорядочность, совершенно еврейская“.

* * *

Во время австро-прусской войны Мих. Ив. Драгомирову шелъ тридцать шестой годъ. — Не мало поражало такое его теплое, за-

ступническое отношеніе къ кому бы то ни было, а въ особенности къ иностранному принцу; удивительнѣе же всего то, что Мих. Ив. оказался способнымъ отнестись къ кому бы то не было такъ восторженно. Не лишнимъ будетъ упомянуть здѣсь, что впервые разсказъ о принцѣ Фридрихѣ Вильгельмѣ случилось мнѣ услышать отъ Мих. Ивановича вскользь въ одинъ изъ тѣхъ годовъ, въ періодъ которыхъ онъ предался чтенію и глубокому изученію Евангелія; въ ту пору появилась въ немъ какая-то особая, очень симпатичная мягкость. Это было въ первой половинѣ 80-хъ годовъ; зачитываясь „жизнью и словомъ Христовымъ", онъ какъ бы искалъ случая поговорить объ этомъ, обильно философствовалъ и, если время его обычныхъ занятій позволяло, онъ легко, съ большимъ увлеченіемъ, отклонялся въ сторону занимавшаго его предмета. Находясь однажды въ помѣщеніи академіи генеральнаго штаба въ засѣданіи правленія народившагося тогда военно-санитарнаго общества, въ которомъ Мих. Ив. Драгомировъ состоялъ предсѣдателемъ, мы услышали отъ него отрывистыя фразы, касавшіяся Евангелія, а затѣмъ, вовлеченный въ дальнѣйшую бесѣду, онъ, мало-по-малу, развилъ подобіе проповѣди на простую тему, о томъ, что больше всего отдаетъ тотъ, кто душу свою полагаетъ за ближнихъ, и за это ему и больше дастся.

Давно это было, уже скоро минетъ тому тридцать лѣтъ.

Перейдя къ слушанію текущихъ докладовъ, онъ какъ-то вдругъ случайно, порывисто привелъ рѣчь къ своимъ воспоминаніямъ о 66-мъ годѣ и при этомъ кратко, но душевно, разсказалъ что-то о наслѣдномъ принцѣ Фридрихѣ. Было ясно видно, какъ цѣнилъ и высоко ставилъ онъ его.

— Это перлъ среди всего, представшаго передо мной въ 66-мъ году, океана пруссаковъ, говорилъ онъ.

Спокойный, въ высшей степени деликатный, ровный, прямой, открытый, безпредѣльно-храбрый, самоотверженный и чистый, чистый безъ конца—наслѣдный принцъ Фридрихъ можетъ служить и всесторонне служить лучшимъ, идеальнымъ примѣромъ для подчиненныхъ, а въ особенности для солдатъ; послѣднее является большой рѣдкостью, такъ какъ другіе, пожалуй, и менѣе высокостоящіе, стремясь держаться выше [1]), не даютъ солдату доступа къ себѣ, а потому онъ не можетъ имѣть случая подражать имъ, брать отъ нихъ то, что, быть можетъ, также и въ нихъ есть достойнаго вниманія или подражанія.

Такъ, ген. Драгомировъ навсегда и затаилъ въ себѣ восторженное отношеніе къ принцу Фридриху; онъ, бывало, расточалъ по его

[1]) Въ такихъ случаяхъ Мих. Ив. обычно употреблялъ образное выраженіе: „стремится выше себя прыгнуть".

адресу такія похвалы, какія рѣдко слышались изъ его устъ вообще, а относительно какого-либо нѣмца никогда и не раздавались;— не былъ Мих. Ив. экспансивнымъ, и тотъ, кто вообще его зналъ мало, не можетъ себѣ представить его такимъ.

Характеризуя принца на разные лады, Мих. Ив., среди его военныхъ качествъ, кромѣ необычайной отваги, подчеркивалъ неизмѣнную находчивость въ боевомъ дѣлѣ и изъ ряду выходящую способность быстро примѣняться къ бою во всякомъ положеніи и при всякихъ обстоятельствахъ, а также примѣрную точность во всемъ при исполненіи своихъ обязанностей. Въ своемъ оффиціальномъ отчетѣ ген. Драгомировъ назвалъ это „примѣрною исполнительностью въ благороднѣйшемъ значеніи слова“; въ день сраженія подъ „Кёнигсгрецомъ она вполнѣ сказалась на ряду съ поучительнымъ образцомъ самоотверженія [1])“.

Описывая со словъ Мих. Ив-ча Драгомирова все видѣнное имъ во время австро-прусской войны, я не берусь разсказывать подробности собственно военныхъ въ тѣсномъ смыслѣ слова дѣйствій—боевъ, операцій и военно-походныхъ движеній; несмотря на большое пристрастіе ко всему военному, считаю себя въ правѣ упоминать объ этомъ лишь кое-что и вскользь въ виду того, что боевую сторону этой кампаніи каждый можетъ съ большимъ удовольствіемъ и съ громадною для себя пользой прочесть въ прекрасномъ „Очеркѣ австро-прусской войны М. Драгомирова“ [2]).

Вотъ нѣсколько словъ, которыми М. И. однажды закончилъ краткій разсказъ о ходѣ этой удивительной по краткости и по точному исполненію почти всего предначертаннаго кампаніи. Этимъ заключеніемъ онъ хотѣлъ лишній разъ оттѣнить чудную роль, выпавшую тогда на долю того же принца.

„Извѣстно, что 3-го іюля, въ то время, когда противъ укрѣпленной Кёнигсгрецко-Липской позиціи прусскія войска выбивались изъ силъ надъ изнемогавшею, дѣйствовавшею подъ командой генерала Бенедека, австрійскою арміей, соединенною съ саксонцами, печальная, унылая картина борьбы гигантскихъ армій вдругъ для пруссаковъ освѣтилась прибытіемъ къ Хлуму арміи наслѣднаго принца. Армія та геройски вступила въ линіи боя и за сынами Бранден-

---

[1]) М. Драгомировъ. Очеркъ австро-прусской войны 1866 года; см. статью: „Характеристика личностей высшихъ чиновъ и начальниковъ прусской арміи“.

[2]) Этотъ очеркъ, изданный отдѣльно въ видѣ отчета вскорѣ послѣ войны, является въ настоящее время библіографической рѣдкостью; можно также пользоваться имъ для прочтенія на страницахъ журнала „Военный сборникъ“ (См. №№ 1, 2 и 3—январь, февраль и мартъ 1867 года).

бурга закрѣпила изумившую міръ побѣду; австрійцы обратились въ поспѣшное, безпорядочное стихійное бѣгство; они бѣжали громадными толпами, потерявъ всякое подобіе войска, погибая отъ пуль, отъ снарядовъ, отъ изнуренія, при чемъ по пути топили другъ друга въ рѣкахъ. Въ двѣ-три минуты всякое сомнѣніе исчезло; австрійцы и саксонцы понесли пораженіе самое полное, его величественно и грозно принесъ съ собой, оставшійся и послѣ того спокойнымъ, а главное скромнымъ—„общій любимецъ Фрицъ".

* * *

Генералъ Блументаль состоялъ въ должности начальника штаба той самой II арміи, которою во все время этой кампаніи командовалъ наслѣдный принцъ. Отдавая во всѣхъ отношеніяхъ справедливость способностямъ этого генерала, высокоцѣнившагося въ Пруссіи вообще, Мих. Ив. нерѣдко къ сужденіямъ своимъ о немъ добавлялъ: способный, слова нѣтъ, но какъ будто нужно было бы съ него посбавить спѣси; какъ будто бы самъ онъ цѣнитъ себя немного больше, чѣмъ другіе...

Сопоставляя командующаго II-ой прусской арміей съ его начальникомъ штаба, Мих. Ив., и шутя и серьезно, говорилъ: „сколько въ принцѣ скромности и смиренія, столько же въ Блументалѣ озорства и самомнѣнія,—ни золотника меньше".

„Озорство — это именно то, добавлялъ онъ, что должно имѣться въ числѣ качествъ, коими обладаетъ человѣкъ, стоящій во главѣ чего-либо большого — какого бы то ни было дѣла, предпріятія; съ тѣмъ вмѣстѣ оно непремѣнно обязательно для высшаго военнаго начальника, когда онъ поставленъ во главѣ войскъ, назначенныхъ вести военно-походную и боевую жизнь, иначе говоря, когда онъ находится при своемъ дѣлѣ, т. е. воюетъ. — За примѣрами не приходится ходить далеко: и нѣмецкій Фридрихъ, и геній зарейнскихъ друзей нашихъ Наполеонъ и нашъ незабвенный Суворовъ, — всѣ они въ надлежащей мѣрѣ были богаты озорствомъ. И озорство, въ смыслѣ беззавѣтной дерзости къ тому, чтобы во-время озадачить и общипать врага, да пожалуй и самомнѣніе въ предѣлахъ крайней самоувѣренности при смѣлыхъ предпріятіяхъ, — всѣмъ этимъ хорошо быть одареннымъ для общей пользы, но имѣть и то и другое для своего лишь собственнаго обихода и пользоваться лишь для себя,—куда какъ несимпатично".

Генералъ Блументаль, видимо, пріобрѣлъ и то и другое быть можетъ на полѣ брани, но больше въ частной жизни, какъ человѣкъ избалованный постояннымъ счастьемъ; во всемъ ему везло съ малыхъ лѣтъ. Это крайне невыгодно отозвалось на его характерѣ. Къ озорству и самомнѣнію добавился въ немъ тотъ

крайній эгоизмъ, который не допускаетъ мысли о чьемъ-либо превосходствѣ передъ нимъ, о чьемъ-либо счастьи, кромѣ его личнаго; всякія удачи, выпадавшія на долю кого-либо близко къ нему стоявшаго, всегда вызывали въ немъ зависть и неудовольствіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ, если не обусловливали желаніе напортить тому, кому ниспосылались, то во всякомъ случаѣ возбуждали противъ него безсильный ропотъ и разнообразныя легкомысленно вздорныя осужденія по его адресу.

Окружавшіе знали во всѣхъ подробностяхъ нравъ и характеръ Блументаля: они во всемъ цѣнили его по достоинству. Мих. Ив. Драгомировъ, находясь въ непрестанныхъ сношеніяхъ съ чинами Прусской главной квартиры, отчасти самъ уловилъ эти черты внутреннихъ качествъ стараго генерала [1]); но помимо того нашлись люди, которые подслужились, дорисовавъ ему детали этихъ прелестныхъ свойствъ его, а иные перестарались даже огромными преувеличеніями и усердными прикрасами.

* * *

Какъ безусловно умный и въ общемъ здравый человѣкъ, генералъ Блументаль несомнѣнно зналъ свой характеръ во всей его непривлекательности и вполнѣ понималъ, какіе толки могутъ ходить о немъ. Съ этой стороны, для него, надо полагать, явилась много болѣе тяжелою непріятность, приключившаяся съ нимъ незадолго до блистательнаго завершенія великолѣпною побѣдою его совмѣстныхъ съ наслѣднымъ принцемъ трудовъ.

Надо же было, чтобы такая исторія вышла именно съ генераломъ Блументалемъ, котораго всѣ хорошо знали по его завистливымъ нападкамъ на всякаго, кому выпадалъ случай стоять непосредственно надъ нимъ. Опредѣленный взглядъ на него вполнѣ укрѣпился; когда прошелъ слухъ о томъ, что этотъ генералъ признавалъ вполнѣ несправедливымъ положеніе, установившееся тогдашнимъ распредѣленіемъ ролей, и считалъ для себя обиднымъ — почему не онъ—пожилой испытанный генералъ, стоитъ во главѣ II арміи, и почему молодой наслѣдный принцъ не могъ бы имъ самимъ быть избранъ въ должность начальника штаба при немъ,—не нашлось людей, которые возстали бы на горячую защиту генерала Блументаля противъ такихъ нареканій. Напротивъ, нашлось не мало такихъ, которые легко и свободно повѣрили этому; а отвергать это всякій несомнѣнно считалъ бы трудомъ неблагодарнымъ, напраснымъ и безполезнымъ.

При такихъ обстоятельствахъ стало извѣстно въ арміи, что

---

[1]) Во время австро-прусской войны генералу Блументалю шелъ, правда, лишь пятьдесятъ шестой годъ, съ виду онъ казался гораздо старѣе, но все-таки, какъ всѣ очень пожилые пруссаки, смотрѣлъ совершенно бодрымъ старикомъ.

сильные австрійскіе разъѣзды, напавъ на прусскій обозъ, захватили между прочимъ въ свои руки нежелательныя, чисто военныя дѣла и сильно компрометтировавшую многихъ переписку; перечислялось все, что попало къ непріятелю, что могло попасть, а на-ряду съ этимъ, что вовсе и не могло достаться, какъ не существовавшее; надъ всѣмъ же упоминавшимся башней стояли письма, адресованныя начальникомъ штаба II арміи генераломъ Блументалемъ къ женѣ, которую онъ такимъ образомъ посвящалъ въ интимныя свѣдѣнія о плохомъ знакомствѣ его принципала и съ совмѣстными дѣйствіями разныхъ родовъ оружія, и съ военно-походными движеніями ихъ, а также вообще съ отдѣльными дѣйствіями артиллеріи; еще меньше будто бы проявлялъ онъ знанія дѣйствій этого рода оружія особо съ пѣхотой и особо съ кавалеріей; однимъ словомъ, если что и было откровенно генераломъ сообщено дражайшей половинѣ, то несомнѣнно въ штабахъ все это детально прикрасилось до самыхъ высшихъ размѣровъ. Что-то очевидно было прописано что-то узнали австрійцы, вѣроятно безъ всякой пользы для себя, а до какихъ подробностей доходили сообщенія—это за грохотомъ боевой стрѣльбы мало кого занимало, да и не могло интересовать, время-то было небездѣльное.

Сначала прошла молва, что генерала постигнетъ ужасная кара, но вскорѣ стало извѣстно, что Мольтке, нисколько не вступаясь лично за Блументаля, высказалъ принципіально свое мнѣніе, состоявшее въ томъ, что каждый воленъ имѣть во всемъ свое мнѣніе, а высказываться въ такомъ заглазномъ видѣ никому не воображается.

Дѣло кончилось ничѣмъ. Къ этому потомъ, послѣ войны, добавляли, съ одной стороны, что не Мольтке главнымъ образомъ, а самъ принцъ горячо вступился передъ королемъ-отцомъ за своего начальника штаба хулителя; съ другой стороны, будто бы Вильгельмъ все-таки обошелъ генерала, попавшагося въ секретной развязкѣ своего языка, и не додалъ ему какой-то награды.

„Я слышалъ однако, разсказывалъ Мих. Ив., что съ этимъ генераломъ было поступлено крайне благородно,—дальше уже идти некуда: Вильгельмъ, оцѣнивая его заслуги по совершенной справедливости и рѣшительно игнорируя обнаруженный бдительностью австрійскихъ разъѣздовъ промахъ, пожаловалъ ему по окончаніи войны Гогенцоллернскій орденъ; этой награды вообще рѣдко кто удостоивается, такъ какъ орденъ этотъ обычно жалуется лишь принцамъ крови и членамъ королевскаго дома“.

* * *

По отзывамъ, слышаннымъ на мѣстѣ при знакомствѣ съ различными генералами прусской арміи, Мих. Ив. долженъ былъ придти къ убѣжденію, что среди нихъ, за исключеніемъ свѣтлаго образа

Мольтке, не было особо выдѣлявшихся или, какъ нынче подводится счетъ по нашимъ аттестаціоннымъ пріемамъ, не было особо „выдающихся“. Всѣ наиболѣе способные подходили подъ общій уровень хорошихъ боевыхъ генераловъ; десятокъ—другой такихъ, какъ Блументаль и ему подобные, составляли собою блестящую плеяду.— На нихъ армія могла положиться, а король, при наличности ихъ, долженъ былъ имѣть въ ней полную увѣренность.

Лично Мих. Ив., считая также Мольтке стоявшимъ неизмѣримо выше всѣхъ генераловъ и вполнѣ соглашаясь съ тѣмъ, что общій уровень ихъ дѣйствительно представлялъ собой рѣдкій подборъ обстоятельныхъ, искусныхъ и богатыхъ боевымъ опытомъ полководцевъ, выдѣлялъ однако изъ ряда ихъ трехъ наслѣднаго принца, принца Фридриха Карла и генерала Фойгтъ Реца.

Среди заслугъ послѣдняго нельзя не отмѣтить того, что этотъ другъ Вильгельма прежде всѣхъ, на одномъ изъ военныхъ совѣтовъ, предусмотрѣлъ необходимость скорѣйшаго передвиженія арміи наслѣднаго принца къ главному раіону театра разгорѣвшихся въ Богеміи военныхъ дѣйствій, онъ энергичнѣе всѣхъ настаивалъ на безотлагательномъ совершеніи этого передвиженія.

Въ Пруссіи по всей справедливости, кромѣ исполнительницы предначертаній генерала Мольтке—арміи, считались вызвавшими грандіознѣйшую побѣду подъ Кёнигсгрецомъ—наслѣдный принцъ со своимъ начальникомъ штаба генераломъ Блументалемъ и генералъ Фойгтъ Рецъ.

Вообще въ Пруссіи дѣло „формированія полководцевъ“ поставлено издавна такъ, что первенствующія заслуги за отличный побѣдный исходъ самаго большого сраженія рѣдко засчитываютъ за кѣмъ-либо лично; все предначертанное и намѣченное въ ходѣ кампаніи идетъ своимъ чередомъ, а въ заслугу это ставится „арміи и ея частямъ“; лишь въ видѣ большого исключенія кто-либо можетъ отличиться лично; каждый отличается, какъ чинъ арміи, какъ ея членъ—солдатъ, офицеръ, штабъ-офицеръ, генералъ, и это идетъ въ общую заслугу. За то нѣтъ въ Пруссіи и того, чтобы надъ кѣмъ-нибудь изъ идущихъ въ бой висѣла гроза отвѣтственности за неудачный исходъ боя, и нѣтъ того, чтобы, какъ неизбѣжное слѣдствіе проиграннаго сраженія, выплывали осужденія или нападки и наговоры на того или на другого изъ участниковъ.—А для этого нужна громадная выработка увѣренности въ томъ, что рѣшительно никто изъ этихъ участниковъ не поступится ни на іоту исполненіемъ не только долга,—о немъ и рѣчи быть не можетъ,—но и малѣйшей обязанности даже мелкой, обыденной. А. Е. К.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Редакторъ-издатель **П. Вороновъ**.

ЦАРЬ-ОСВОБОДИТЕЛЬ

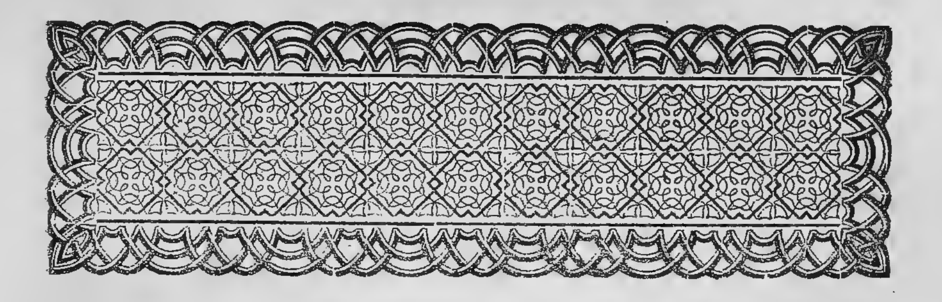

19 февраля 1861 года.

Освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

„Осѣни себя крестнымъ
„знаменіемъ, православ-
„ный народъ, и призови съ
„нами Божіе благослове-
„ніе на твой свободный
„трудъ, залогъ твоего до-
„машняго благополучія и
„блага общественнаго"....

Александръ.

Изъ замѣтокъ и воспоминаній судебнаго дѣятеля.

XIV [1]).

Уголовная судебная практика очень часто заставляетъ прибѣгать къ спеціальнымъ изслѣдованіямъ, сосредоточивая въ нихъ центръ тяжести дѣла и обращаясь къ содѣйствію *свѣдущихъ людей*, т. е. *экспертовъ* по разнымъ спеціальнымъ отраслямъ знаній, искусствъ или ремеслъ. Походя по *внѣшнему* своему положенію въ процессѣ на свидѣтеля,—подвергаясь, какъ и онъ, перекрестному допросу и отводамъ со стороны прокурора и защитника,—давая показанія подъ присягой, — по *внутреннему* значенію своихъ объясненій экспертъ очень отличается отъ свидѣтеля. Послѣдній говоритъ о томъ, что ему извѣстно по дѣлу, т. е. по обстоятельствамъ, касающимся подсудимаго и составляющимъ житейскую ткань разбираемаго случая, — экспертъ же даетъ заключеніе о томъ, что говоритъ ему его знаніе, опытъ и навыкъ о спорныхъ, сомнительныхъ или неясныхъ безъ его помощи объективныхъ данныхъ дѣла, совершенно независимо отъ ихъ отношенія къ виновности или невиновности заподозрѣннаго обвиняемаго или подсудимаго. Поэтому, въ предѣлахъ своего показанія, онъ является научнымъ судьею того матеріала, который имъ добытъ путемъ изслѣдованія, или подвергнутъ его разсмотрѣнію. Конечно, его заключеніе не можетъ быть обязательнымъ для суда и отнюдь не является преду-

[1]) См. „Русская Старина“ январь 1911 г.

становленнымъ доказательствомъ, не подлежащимъ провѣркѣ или критикѣ. Въ распоряженіи суда нерѣдко находятся житейскія данныя и свѣдѣнія, которыя могутъ не только не сливаться съ выводами экспертизы въ одно цѣлое, но даже и прямо имъ противорѣчить на почвѣ логики фактовъ. Но, во всякомъ случаѣ, критика экспертизы должна быть строго обоснована—и къ труду эксперта, по большей части большому и требующему траты силъ и времени, надо относиться съ особымъ вниманіемъ. Научные выводы могутъ быть разнорѣчивы подъ вліяніемъ различныхъ методовъ и точекъ зрѣнія, но изъ того, что по словамъ латинской поговорки „Гиппократъ твердитъ одно, а Галліенъ другое“ не слѣдуетъ, чтобы мнѣніе каждаго изъ нихъ не заслуживало вдумчиваго къ себѣ отношенія.

Между экспертами, которыхъ мнѣ приходилось слышать на судѣ, первое и главное мѣсто занимали *судебные врачи*, мнѣніе которыхъ очень часто имѣло рѣшающее значеніе для дѣла. По широтѣ, научности и способу изложенія своихъ мнѣній они явственно дѣлились на двѣ категоріи. Къ *первой* принадлежали уѣздные, полицейскіе и городовые врачи, старавшіеся обыкновенно вдвинуть свое заключеніе въ узкія рамки устава судебной медицины, содержащагося въ XIII томѣ Свода Законовъ. Не мудрствуя лукаво, стараясь выразиться по возможности кратко и въ терминахъ, принятыхъ въ законѣ, они, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ большинствѣ случаевъ отличались большой рѣшительностью выводовъ. Вызванные въ судебное засѣданіе, они упорно держались разъ высказаннаго взгляда и не любили подвергаться перекрестному допросу и въ особенности подробнымъ разспросамъ объ основаніяхъ своихъ выводовъ. Бывали, впрочемъ, случаи, когда такой врачъ, желая блеснуть ученостью, употреблялъ мало извѣстные или своеобразные термины, за что, если дѣло слушалось при участіи экспертовъ второй категоріи, о которыхъ я скажу ниже, ему подчасъ довольно больно доставалось отъ своихъ же ученыхъ коллегъ. Такъ я помню, какъ былъ растерянъ и сконфуженъ Валковскій уѣздный врачъ Скиндеръ, котораго по дѣлу объ убійствѣ Тараса Свинаря, совсѣмъ прижалъ къ стѣнѣ профессоръ Лямбль, допытываясь отъ него объясненія — что онъ разумѣлъ подъ словами „tonsura potatorum“, употребленными имъ при описаніи твердой мозговой оболочки убитаго. Не могу, впрочемъ, не признать, что почти всегда у этихъ скромныхъ провинціальныхъ работниковъ я встрѣчалъ добросовѣстный трудъ и желаніе послужить дѣлу правосудія безъ всякой предвзятой мысли или тенденціи. У меня было лишь одно столкновеніе, при наблюденіи за

слѣдствіемъ, съ такимъ экспертомъ во время бытности моей товарищемъ прокурора Харьковскаго окружного суда,—когда пришлось настоять на пощадѣ чувствъ осиротѣлой, плачущей семьи убитаго, уважительнымъ отношеніемъ къ его трупу, при производствѣ вскрытія въ крестьянской хатѣ.

Вторую категорію составляли профессора медицинскаго факультета и врачи-спеціалисты. Привычка большинства изъ нихъ къ преподаванію облегчала имъ дачу заключеній въ судебныхъ засѣданіяхъ и позволяла, не стѣсняясь въ словахъ для выраженія своей мысли, развивать ее съ научной широтой и глубиной. Очень часто, особливо въ первые годы судебной реформы, эти заключенія обращались въ цѣлыя ученыя лекціи, поучительныя для слушателей. Особеннымъ блескомъ, на моей памяти, отличались словесныя заключенія профессоровъ Харьковскаго университета, вызываемыхъ въ качествѣ экспертовъ. Я уже говорилъ, вспоминая мою прокурорскую службу въ Харьковѣ, о Душанѣ Федоровичѣ *Лямблѣ*. Слушать его образную, строго научную, богатую опытомъ и многочисленными примѣрами рѣчь было истиннымъ наслажденіемъ. Я не могу забыть его блестящихъ заключеній о признакахъ, теченіи и исходѣ сотрясенія мозга,—его глубокой, всесторонней психіатрической экспертизы по дѣлу Андрусенка, обвиняемаго въ отцеубійствѣ, длившейся, при общемъ неослабномъ вниманіи, болѣе двухъ часовъ. Не менѣе содержательны были и экспертизы Вильгельма Федоровича *Грубе* по вопросамъ о поврежденіяхъ травматическаго свойства. Мнѣ кажется, что я и сейчасъ вижу предъ собою его умное лицо, бѣлокурые съ просѣдью волосы, мягкій взоръ его голубыхъ глазъ и слышу его точное и убѣдительное слово съ легкимъ нѣмецкимъ акцентомъ. Воспоминаніе о немъ связано для меня съ дѣломъ объ убійствѣ ходатаемъ по дѣламъ Дорошенко извозчика Сѣверина, — дѣломъ, которое наглядно показало разницу между нашимъ старымъ и новымъ уголовнымъ процессомъ. Жившій въ подгородномъ селѣ Григоровкѣ, Дорошенко, вернувшись изъ Харькова съ именниннаго обѣда и, находясь, по характерному показанію одного изъ свидѣтелей, „подъ фантазіей“, разсердился на привезшаго его легкового извозчика Сѣверина по поводу разсчетовъ за ѣзду и нанесъ ему нѣсколько сильныхъ ударовъ въ лицо. Вернувшись окровавленный въ Харьковъ, Сѣверивъ заявилъ въ полицейскомъ управленіи жалобу на Дорошенко, впалъ затѣмъ въ горячечное состояніе, при чемъ ему въ бреду казалось, что его продолжаютъ бить въ Григоровкѣ, и черезъ двѣ недѣли скончался, придя на краткое время въ сознаніе и, сказавъ женѣ: „прощай, за мной пріѣхали“. Вопреки просьбѣ жены, поли-

цейскимъ врачомъ Щелкуновымъ было произведено вскрытіе трупа умершаго и заявлено присутствовавшимъ при осмотрѣ понятымъ, что „покойникъ умеръ отъ водочки“. Уѣздный исправникъ Танковъ посовѣтовалъ вдовѣ Сѣверина отправиться съ даннымъ ей письмомъ къ Дорошенкѣ и просить пособія, „если милость его на то будетъ“, а архивъ полицейскаго управленія обогатился новымъ дѣломъ о *скоропостижной* смерти Сѣверина, заключающимъ въ себѣ актъ вскрытія трупа и заключеніе врача съ обозначеніемъ, что покойному было шестьдесятъ лѣтъ, тѣлосложенія онъ былъ слабаго, различныя части мозга, мозговыя оболочки и сосуды были найдены переполненными кровью, при чемъ существо мозга при разрѣзѣ представляло множество кровяныхъ точекъ, въ виду чего и принимая во вниманіе истощенныя стѣнки сердца, врачъ призналъ причиной смерти порокъ сердца. Такъ дѣло о „скоропостижной смерти“ послѣ двухнедѣльной болѣзни и заглохло, и г. Дорошенко, имѣвшій связи и покровителей въ нѣкоторыхъ кругахъ Харькова, продолжалъ пользоваться возможностью „бить всѣхъ извозчиковъ безъ исключенія“, какъ онъ самъ заявилъ одному изъ свидѣтелей по дѣлу. Черезъ мѣсяцъ послѣ смерти Сѣверина въ Харьковской губерніи была введена судебная реформа, и въ концѣ января 1868 года по „совѣту добрыхъ людей“ вдова покойнаго обратилась къ мѣстному прокурорскому надзору, принесла пропитанную засохшею кровью шапку мужа и заявила, что по словамъ понятыхъ врачъ Щелкуновъ ограничился лишь разрѣзомъ „живота“, а на замѣчаніе ихъ, что „коли потрошить, такъ ужъ всего“, крикнулъ: „молчать!“ и пригрозилъ арестомъ. Хотя очевидной связи между побоями, нанесенными Сѣверину, и результатомъ вскрытія, повидимому, не было, но намъ, молодымъ товарищамъ прокурора (покойному Морошкину и мнѣ), все это дѣло показалось подозрительнымъ, а разсказъ Сѣвериной представился заслуживающимъ довѣрія, и, по нашему общему соглашенію, рѣшено было начать слѣдствіе и вырыть изъ земли трупъ Сѣверина. Непосредственный результатъ этого превзошелъ наши ожиданія. Оказалось, что покойному было около тридцати лѣтъ, что онъ былъ умѣреннаго тѣлосложенія и что голова его вовсе вскрыта не была, мозгъ никакихъ кровоизліяній не представлялъ, сердце оказалось въ видѣ нѣсколькихъ разрѣзанныхъ кусковъ, носовая кость надломлена и расколота, а въ легкихъ чахоточные бугорки. Допросъ многочисленныхъ свидѣтелей при слѣдствіи установилъ причинную связь между побоями, болѣзнью и смертью—и я составилъ обвинительный актъ о преданіи Дорошенко суду за нанесеніе Сѣверину, безъ намѣренія причинить ему смерть, побоевъ, вызвавшихъ таковую (1464 ст. Улож. о наказ).

Грозившая Дорошенкѣ возможность осужденія и вѣроятность возникновенія вслѣдъ затѣмъ вопроса объ отвѣтственности исправника Танкова и врача Щелкунова очень взволновали ихъ многочисленныхъ друзей и создали цѣлую легенду о раздуваніи мною дѣла о невиновномъ въ сущности человѣкѣ. Эта легенда, къ удивленію моему, повліяла и на вновь назначеннаго прокурора судебной палаты Писарева, который въ засѣданіи обвинительной камеры съ горячностью опровергалъ мой обвинительный актъ и предлагалъ прекратить дѣло. Но судебная палата съ этимъ не согласилась и предала Дорошенко суду присяжныхъ засѣдателей. Въ судебномъ засѣданіи въ защиту Дорошенко выступилъ цѣлый рядъ „достовѣрныхъ лжесвидѣтелей“, изъ показаній которыхъ явствовало, что чуть ли не самъ Сѣверинъ побилъ Дорошенка, и что найденное у послѣдняго при обыскѣ большое и тяжелое чугунное кольцо, которымъ могъ быть вооруженъ указательный палецъ кулака, нанесшаго поврежденіе носовой кости Сѣверина, обвиняемый носилъ не на правой, а на лѣвой рукѣ. Эксперты-профессора университета Питра, Лямбль и Грубе, признавая причинную связь между болѣзнью Сѣверина и полученными имъ побоями, нѣсколько разошлись во взглядахъ на причину смерти. Первый находилъ, что она вызвана ослабленіемъ организма подъ вліяніемъ горячечнаго состоянія,—второй развилъ блестящую картину сотрясенія мозга,—а третій призналъ, что ударъ, сопровождавшійся переломомъ носовыхъ костей и обильнымъ кровотеченіемъ, причиненное имъ сильное душевное потрясеніе и быстро развившееся малокровіе должны были вызвать, какъ это показываетъ неоднократный научный опытъ, скоротечную просовидную бугорчатку и смерть. На это разнорѣчіе экспертовъ особенно указывалъ въ своихъ объясненіяхъ защитникъ Дорошенко Боровиковскій, доказывая присяжнымъ, что экспертиза противорѣчитъ элементарнымъ правиламъ ариѳметики, по которымъ дважды два всегда есть четыре, а не пять и не три. Это заставило меня въ возраженіи своемъ просить присяжныхъ обратиться къ другому предмету школьнаго преподаванія—не къ ариѳметикѣ, а къ географіи и припомнить, что круглоту земли доказываютъ нѣсколькими способами, указывая на появленіе на горизонтѣ корабля, на затменіе луны и т. п., изъ чего однако не слѣдуетъ, что доказывающіе неправы. И въ этомъ дѣлѣ эксперты одинаково признаютъ смерть Сѣверина отъ побоевъ, нанесенныхъ ему въ Григоровкѣ, но только приходятъ къ своему единогласному выводу путемъ различныхъ соображеній, дѣлая его тѣмъ самымъ болѣе прочнымъ.

Я опасался, однако, что такое частичное разногласіе экспертовъ можетъ смутить присяжныхъ, и когда судебное слѣдствіе

подходило къ концу, не чувствовалъ нѣкоторой увѣренности въ томъ, что присяжные раздѣлятъ мой взглядъ и тѣмъ самымъ оправдаютъ то направленіе, которое я далъ слѣдствію по дѣлу. Въ моей впечатлительной молодой душѣ начинала зрѣть мысль о выходѣ въ отставку, такъ какъ оправдательный приговоръ присяжныхъ лишь послужилъ бы подтвержденіемъ мнѣнія главы прокуратуры, которой я былъ младшимъ членомъ, о томъ, что я „раздулъ" дѣло, т. е., злоупотребилъ своимъ служебнымъ положеніемъ. Заключая судебное слѣдствіе, предсѣдатель суда Фуксъ обратился къ сторонамъ съ обычнымъ вопросомъ о томъ, чѣмъ желали бы онѣ дополнить дѣло. Вспомнивъ, то чугунное кольцо лежало предъ судомъ въ числѣ вещественныхъ доказательствъ, я просилъ предъявить его подсудимому и предложить ему надѣть таковое на руку. Обвиняемый снисходительно улыбнулся и, взявъ изъ рукъ судебнаго пристава кольцо, съ особыми усиліями и видимой натугой сталъ надвигать его на правый и лѣвый указательные пальцы. Кольцо не шло дальше второй фаланги лѣваго пальца и первой фаланги праваго. „Я очень пополнѣлъ послѣдніе годы, сказалъ Дорошенко,—и кольцо уже давно долженъ былъ снять".— „Не могутъ ли эксперты—сказалъ я—опредѣлить, нѣтъ ли на рукахъ подсудимаго слѣдовъ недавняго ношенія кольца въ видѣ полоски, обыкновенно остающейся еще нѣкоторое время послѣ того, какъ кольцо снято?"—Дорошенко, по приказанію предсѣдателя, оставилъ скамью подсудимыхъ и вышелъ на середину залы передъ судейскимъ столомъ. Его окружили эксперты, защитникъ и судебный приставъ. Вдругъ на умномъ и красивомъ лицѣ Фукса выразилось изумленіе, онъ широко раскрылъ глаза, а затѣмъ многозначительно взглянулъ на меня. „Не угодно ли одному изъ экспертовъ дать заключеніе?" сказалъ онъ. И передъ судейскимъ столомъ остались съ низко опущенной головой подсудимый и профессоръ Грубе.— „Прежде чѣмъ искать полоски отъ кольца,—произнесъ своимъ спокойнымъ тономъ Грубе,—мы попробовали надѣть кольцо на руку г. Дорошенко и нашли, что оно при медленномъ поворачиваніи свободно входитъ на весь указательный палецъ его правой руки, на которой есть еще слегка замѣтные слѣды пребыванія кольца". И съ этими словами онъ взялъ правую руку Дорошенко и поднялъ ее вверхъ. На третьей фалангѣ указательнаго пальца правой руки чернѣлъ крупный чугунный перстень... Присяжные переглянулись между собою, и по лицамъ ихъ я увидѣлъ, что пренія сторонъ могли быть излишни. Дѣло было рѣшено въ обвинительномъ смыслѣ безповоротно...

Ученая экспертиза на судѣ имѣла, однако, въ мое время двѣ

нежелательныя особенности. *Первая* состояла въ томъ, что существовавшія внутри медицинскаго факультета разногласія и ученыя распри, вольно или невольно со стороны экспертовъ, находили себѣ отраженіе въ ихъ объясненіяхъ на судѣ. Это особенно проявлялось въ Харьковѣ, гдѣ въ совѣтѣ медицинскаго факультета рѣзко обозначались разногласія между профессорами по вопросамъ, входившимъ между прочимъ и въ область судебной медицины. Въ провинціальномъ городѣ, въ то время (конецъ шестидесятыхъ годовъ), не имѣвшемъ и половины теперешняго числа обитателей, внутренняя жизнь университетской коллегіи легко становилась достояніемъ городскихъ слуховъ,—и свѣдѣніями о взаимныхъ отношеніяхъ профессоровъ пользовались обыкновенно защитники, прося судъ о вызовѣ такихъ экспертовъ, про которыхъ можно было предположить, что они, если только будетъ какая-либо возможность, не согласятся съ экспертами, вызванными со стороны обвинительной власти. Такъ, напримѣръ, Лямблю и Грубе обыкновенно противопоставлялись два ихъ завѣдомыхъ противника—и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ соперника, и такъ какъ экспертовъ не удаляли, какъ свидѣтелей изъ залы засѣданія до допроса, а предоставляли имъ, съ согласія сторонъ, оставаться въ ней все время, почему они давали свои объясненія въ присутствіи товарищей, то на судѣ иногда происходили эпизоды, оставлявшіе довольно тягостное впечатлѣніе. Я помню, какъ однажды профессоръ Питра отказался отвѣчать на предлагаемые ему его же товарищемъ-оппонентомъ вопросы, яко-бы для выясненія его взгляда на дѣло, сказавъ: „Господинъ предсѣдатель, я пришелъ сюда давать заключеніе по судебно-медицинскимъ вопросамъ, но не держать вновь экзаменъ“.

Весьма страстную критику встрѣчала со стороны одного изъ профессоровъ, постоянно пререкавшагося съ Лямблемъ, экспертиза послѣдняго; не оставалось безъ острыхъ возраженій и начертаніе имъ въ примѣненіи къ нѣкоторымъ случаямъ картины сотрясенія мозга. По этому поводу мнѣ вспоминается слѣдующій случай. Занимаясь еще на университетской скамьѣ съ особенной любовью судебной медициной и слушая не только преподаваніе этой науки на юридическомъ факультетѣ, но и посѣщая вмѣстѣ со студентами-медиками лекціи профессора Мина (извѣстнаго переводчика Данте), я постоянно слѣдилъ за спеціальной литературой, поскольку она касалась судебной медицины и психіатріи. Наканунѣ слушанія дѣла о нанесеніи смертельныхъ ударовъ въ голову, крестьянину Павлу Калитѣ его братомъ Иваномъ Калитою, я купилъ только что полученный въ Харьковѣ выпускъ „клиническихъ лекцій“ Труссо со статьею о лѣченіи кровоизліяній въ мозгъ посредствомъ кровопу-

сканія. Въ этой статьѣ говорилось о коварномъ ходѣ сотрясенія мозга, дающемъ въ началѣ поводъ думать, что нанесеніе удара или ушибъ не повлекутъ за собою вредныхъ послѣдствій, такъ какъ получившій ихъ вскорѣ возвращается къ обычнымъ занятіямъ, жалуясь лишь на недомоганіе, которое, однако, затѣмъ постепенно усиливается и оканчивается смертью, какъ прямымъ послѣдствіемъ происшедшаго сотрясенія мозга. „Бываетъ,—говоритъ Труссо,—что во время сраженія воинъ, контуженный или оглушенный ударомъ, быстро приходитъ въ себя и продолжаетъ нести свои обязанности и лишь гораздо позже начинаетъ являть болѣзненные признаки и, наконецъ, погибаетъ. Только *неопытный хирургъ* не усмотритъ въ данномъ случаѣ несомнѣннаго сотрясенія мозга“. Я взялъ эту статью съ собою въ судебное засѣданіе и когда на Лямбля, изложившаго свой обычный взглядъ на commotio cerebri, напалъ нарочито вызванный защитой его противникъ, спеціалистъ по хирургіи, доказывая неосновательность и ненаучность его мнѣнія о коварномъ ходѣ этого поврежденія, я попросилъ его сообщить, извѣстенъ ли ему взглядъ на ходъ сотрясенія мозга такихъ великихъ хирурговъ, какъ Пироговъ и Нелатонъ. „Мнѣ не приходилось встрѣчаться съ ихъ мнѣніемъ, но я ни одной минуты не сомнѣваюсь, что они не согласились бы съ мнѣніемъ профессора Лямбля.— А признаете ли вы авторитетнымъ мнѣніе Труссо?— не безъ коварства спросилъ я.—О, да, конечно!—Въ такомъ случаѣ позвольте вамъ, съ разрѣшенія суда, прочесть одну страничку изъ его клиническихъ лекцій.“ — И я прочелъ. При словахъ *неопытный хирургъ* ученый свѣдущій человѣкъ вспыхнулъ и съ раздраженіемъ воскликнулъ: „Послѣ этого я вамъ скажу, что самъ Труссо— неопытный хирургъ!“ — Присяжные, однако, согласились съ Лямблемъ.... и съ Труссо.

Другая особенность состояла въ томъ, что большая часть у экспертовъ знала по опыту или по наслышкѣ старый дореформенный уголовный судъ, его бумажное производство и главныхъ двигателей въ рѣшеніи каждаго дѣла—секретарей разныхъ ранговъ—которые въ вопросахъ судебной медицины не только ничего не понимали, но вовсе и не интересовались таковыми, особенно при доказанности событія преступленія. По отношенію въ виновнику въ ихъ распоряженіи былъ цѣлый арсеналъ совершенныхъ и несовершенныхъ формальныхъ доказательствъ, пользуясь которыми они всегда могли свести судьбу обвиняемаго на оставленіе „въ подозрѣніи“. Поэтому появленіе молодыхъ юристовъ, знакомыхъ съ судебно-медицинской литературой и имѣющихъ смѣлость не соглашаться, спорить и относиться въ публичной рѣчи

отрицательно къ выводамъ экспертизы, вызывало въ свѣдущихъ по судебной медицинѣ людяхъ въ первое время послѣ введенія судебной реформы нѣкоторое непріятное впечатлѣніе и высокомѣрное недоумѣніе. Для послѣдняго, впрочемъ, нерѣдко подавали поводъ и молодые дѣятели обновленнаго суда, приступавшіе къ судебной практикѣ не только со скуднымъ багажемъ знаній по части судебной медицины, но и съ поразительнымъ невѣжествомъ относительно строенія человѣческаго тѣла. Въ университетахъ большинство студентовъ юридическаго факультета относилось небрежно къ судебной медицинѣ, которая, по какому-то недоразумѣнію, не считалась въ числѣ главныхъ предметовъ юридическаго курса;—въ Училищѣ правовѣдѣнія эта наука долгое время находилась въ загонѣ, и мнѣ при чтеніи лекцій уголовнаго судопроизводства въ этомъ училищѣ съ 1876 по 1883 г. приходилось посвящать значительную часть курса ознакомленію моихъ слушателей съ элементарными судебно-медицинскими вопросами, которые ихъ ждали тотчасъ по поступленіи на службу;—въ Александровскомъ лицеѣ, откуда тоже нерѣдко поступаютъ на судебную службу, судебная медицина не читается вовсе, и я знакомлю съ нею слушателей въ моемъ курсѣ уголовнаго судопроизводства. Въ моей практикѣ встрѣчались случаи, когда эксперты первой категоріи, о которыхъ я говорилъ выше, вынуждены были признавать свое категорическое мнѣніе не только условнымъ, но и лишеннымъ твердыхъ основаній. Помню, какъ въ одномъ дѣлѣ экспертъ—полицейскій врачъ, на вопросъ мой, „почему при вскрытіи не были перевязаны имъ большіе сосуды сердца?“ наставительно сказалъ мнѣ, что это дѣлается исключительно при операціяхъ надъ живыми, на что долженъ былъ выслушать указаніе на Уставъ Судебной Медицины, въ которомъ это перевязываніе предписывается въ главѣ о судебномъ осмотрѣ *мертвыхъ* тѣлъ, такъ какъ, будучи произведено на живомъ, несомнѣнно обратитъ его въ мертвое тѣло.

Такое же отношеніе къ прокурору, какъ къ чиновнику, которому нечего совать носъ въ область судебной медицины, гдѣ онъ ничего не можетъ понимать, встрѣтилъ я въ Казани въ первый годъ судебной реформы въ Казанскомъ округѣ. Первымъ дѣломъ, назначеннымъ къ слушанію съ присяжными, было дѣло объ убійствѣ посредствомъ отравленія и задушенія отставного рядового Бѣлова его женой и ея сожителемъ Каляшинымъ. Обвиненіе было построено на очень вѣскихъ косвенныхъ уликахъ и на томъ, что отъ дома убитаго до мѣста, гдѣ былъ найденъ его трупъ, шли явные слѣды перетаскиванія послѣдняго; въ желудкѣ же его былъ найденъ мышьякъ, а на шеѣ несомнѣнные слѣды удавленія. Всѣ эти данныя подкрѣплялись еще соображеніемъ, что Бѣловъ, много лѣтъ про-

ведшій на военной службѣ и потомъ сидѣвшій за кражу въ острогѣ, вернувшись домой, стѣснялъ и даже дѣлалъ невозможнымъ образовавшееся между отвыкшей отъ него женой и принятымъ ею въ домъ Каляшинымъ прочное сожительство. На судѣ было два эксперта: уѣздный врачъ, производившій вскрытіе трупа Бѣлова, и профессоръ судебной медицины И. М. Гвоздевъ Въ мнѣніяхъ своихъ они разошлись. Гвоздевъ подробно высказалъ сомнѣніе въ томъ, чтобы въ данномъ случаѣ было отравленіе и задушеніе, потому что въ трупѣ было найдено чрезмѣрно большое количество мышьяку—18 гранъ, а явленія, характеризующія задушеніе, могли произойти и отъ замерзанія и отъ смерти, вслѣдствіе крайняго опьяненія. Мнѣ пришлось вступить съ нимъ въ споръ, доказывая, что Бѣловъ, выпившій на чужой счетъ въ кабакѣ, но пришедшій домой и сѣвшій къ женѣ на лавочку, чтобы покурить, не могъ считаться мертвецки-пьянымъ, а въ разгарѣ лѣта, въ жаркіе іюльскіе дни, замерзнуть невозможно. Что же касается до чрезмѣрнаго количества мышьяку, то противъ моей ссылки на Каспера, Бухнера и Орфилу, находившихъ въ трупахъ отравленныхъ не только 18 гранъ мышьяку, но гораздо большее количество, въ нѣкоторыхъ случаяхъ до 180 гранъ—Гвоздевъ не возражалъ. Обвинительный приговоръ присяжныхъ — среди которыхъ находились два профессора медицинскаго факультета,— произвелъ въ городѣ большое впечатлѣніе, а въ мѣстномъ медицинскомъ обществѣ вызвалъ цѣлую бурю негодованія противъ какого-то прокурора, который забылъ поговорку „знай сверчокъ свой шестокъ“ и позволилъ себѣ не соглашаться съ авторитетнымъ мнѣніемъ научнаго спеціалиста. Я прислушивался къ шуму этой бури спокойно, приписывая ее непониманію значенія эксперта на судѣ и зная, что въ концѣ концовъ былъ правъ я, а не мой ученый противникъ, такъ какъ на другой день послѣ приговора осужденные сознались товарищу прокурора, завѣдывавшему мѣстами заключенія, въ отравленіи Бѣлова и въ послѣдовавшемъ его задушенія, потому, что отъ даннаго ему въ квасѣ яда онъ умиралъ слишкомъ медленно—и просили лишь отправить ихъ въ ссылку одновременно.

Съ тѣхъ поръ судьба судила мнѣ не разъ не соглашаться съ Гвоздевымъ. Добрый и прекрасный по душѣ человѣкъ, авторъ нѣсколькихъ интересныхъ монографій, Иванъ Михайловичъ Гвоздевъ имѣлъ своеобразный взглядъ на судебную медицину, который онъ не разъ высказывалъ и мнѣ. Эта наука обязывала, по его мнѣнію, судебнаго врача къ самымъ широкимъ сомнѣніямъ при ея практическомъ примѣненіи. „Широкія сомнѣнія умѣстны и желательны у судьи, по существу дѣла—возражалъ я,—но экспертъ, являясь научнымъ

судьею факта, совершенно безотносительно къ значенію, которое будетъ придано этому факту судомъ, призывается для дачи суду категорическаго отвѣта и не можетъ говорить: „я знаю, что я ничего не знаю". Но онъ оставался при своемъ взглядѣ и настойчиво проводилъ его въ тѣхъ дѣлахъ, по которымъ требовалась его экспертиза. Его настойчивый скептицизмъ оказывалъ вліяніе и на другихъ врачей, вызываемыхъ въ судебныя засѣданіи. Тѣ, которые уже высказались при слѣдствіи опредѣленно, начинали колебаться, а представшіе предъ судомъ впервые нерѣдко начинали „jurare in verba magistri" или, въ отсутствіе Гвоздева, не всегда удачно и умѣло подражать ему. Такъ случилось въ дѣлѣ извозчика Ковалинскаго, обвиняемаго въ убійствѣ, въ запальчивости и раздраженіи, своей любовницы Прасковьи Федоровой. По характерному показанію обвиняемаго, послѣ первыхъ двухъ мѣсяцевъ его связи съ Федоровой, онъ задумалъ жениться на знакомой дѣвушкѣ и „въ знакъ согласія" получилъ отъ нея платокъ, который, будучи хмеленъ, показалъ Прасковьѣ, съ объясненіемъ его значенія. На другой день она дала ему „опохмелиться" стаканъ мутной водки, отъ которой онъ почувствовалъ „лютую тоску" и сталъ постоянно плакать, будучи „не радъ вольному свѣту" до такой степени, что хотѣлъ зарѣзаться. Внявъ затѣмъ уговору Прасковьи, онъ отослалъ платокъ назадъ, уплатилъ „за убытки отъ приготовленій къ свадьбѣ" два рубля, и поклявшись предъ образомъ не разлучаться съ Федоровой, сталъ ее любить до крайности, тосковать по ней и „при каждомъ ея сердитомъ словѣ чебурахаться ей въ ноги". Но по прошествіи четырехъ лѣтъ она стала, по его выраженію, „тумашиться и громоздиться", гулять съ солдатами и ходить въ „дешевку". Послѣ цѣлаго дня ссоръ, примиреній и попойки въ кабакѣ, содержимомъ мѣщаниномъ Анонимовымъ (sic!), Ковалинскій усадилъ Прасковью въ свои дрожки и повезъ домой. Она рвалась къ звавшимъ ее солдатамъ, ссорилась съ нимъ. Такъ они выѣхали въ поле за $^1/_2$ версты отъ Казани, и здѣсь, выпавъ вмѣстѣ съ нею изъ опрокинувшейся отъ крутого поворота пролетки, Ковалинскій, у котораго „загорѣлось сердце", тяжелымъ желѣзнымъ колеснымъ ключемъ нанесъ ей страшные удары въ голову, размозжившіе черепъ на 50 осколковъ и разбросавшіе мозгъ, переломалъ всѣ ребра и ключицу, сломалъ подъязычную кость и т. д.—На судѣ обвиняемый угрюмо и кратко призналъ себя виновнымъ, сказавъ „мой—грѣхъ", но одинъ изъ приглашенныхъ врачей, забывая очевидно, что „quod licet Jovi—non licet bovi", совершенно неожиданно сталъ объяснять, что сомнѣвается въ томъ, чтобы Ковалинскій наносилъ ударъ живой женщинѣ, а не трупу, такъ какъ онъ предполагаетъ, что, упавши

съ пролетки, она такъ сильно ударилась головою о мерзлую землю, что тутъ же лишилась жизни, а Ковалинскій неистовствовалъ уже надъ трупомъ. На обычное обращеніе предсѣдателя къ подсудимому о томъ, что имѣетъ онъ сказать по поводу показанія эксперта, Ковалинскій вдругъ оживился и, обращаясь къ эксперту, сказалъ: „Ну, ужъ это вы напрасно изволите говорить, что я мертвую билъ: я на такое надругательство не согласенъ. А билъ я живую, потому что она всякую совѣсть потеряла и распутницей стала. Когда я первый разъ ее ударилъ, она завизжала и меня за палецъ больно укусила, тогда я ее въ другой разъ, а сколько разъ потомъ ужъ и вспомнить не могу, сильно выпивши былъ“.

При встрѣчѣ съ Гвоздевымъ, мы разговорились объ этомъ случаѣ, и я шутливо замѣтилъ ему, что благодаря его постояннымъ сомнѣніямъ, соблазняющимъ подражать ему, скоро по каждому дѣлу придется обязательно имѣть двухъ противниковъ: эксперта и защитника. „Вы увидите когда-нибудь—сказалъ онъ мнѣ,—что вы неправы, приписывая мнѣ односторонній взглядъ на мою задачу и возражая на высказываемыя мною сомнѣнія. Тамъ, гдѣ я буду убѣжденъ въ виновности, я не затруднюсь высказать категорическое мнѣніе“.— Вскорѣ намъ пришлось встрѣтиться на дѣлѣ, гдѣ самое событіе преступленія могло подвергаться сомнѣнію, такъ какъ можно было съ одинаковой правдоподобностью видѣть въ немъ убійство или самоубійство. Данныя въ пользу того и другого рѣшенія были довольно шатки. Одна и та же семейная обстановка лица, лишеннаго жизни, давала поводъ предполагать и корыстное лишеніе жизни съ цѣлью скорѣйшаго полученія наслѣдства и самоубійство вслѣдствіе отвращенія къ жизни, отравленной домашними дрязгами. Данныя судебно-медицинскаго осмотра были вполнѣ объективны и указывали лишь на способъ лишенія жизни, который одинаково могъ быть употребленъ своею и постороннею рукою. На впечатлительнаго Гвоздева, очевидно, подѣйствовала въ пользу предположенія объ убійствѣ развернувшаяся предъ нимъ на судѣ картина затаенной семейной ненависти, той усиленной и безпощадной ненависти, которая возникаетъ иногда между родными, какъ бы старающимися оправдать слова Писанія, рисующаго первое умышленное лишеніе жизни именно какъ братоубійство—и онъ склонилъ вѣсы своего заключенія въ пользу убійства, что было, конечно, тяжело его доброму сердцу. Но я не находилъ достаточныхъ данныхъ для того, чтобы видѣть въ этомъ случаѣ убійство и, стараясь всегда очень осторожно обходиться съ косвенными уликами, не чувствовалъ себя убѣжденнымъ въ виновности подсудимаго и потому, согласно 740 ст. Уст. Угол. Судопр., заявилъ суду, что отказываюсь

поддерживать обвиненіе. Присяжные вынесли оправдательный приговоръ. Такъ и не пришлось намъ ни разу сойтись съ Гвоздевымъ во взглядѣ на дѣло, но тѣмъ не менѣе я сохранилъ теплыя воспоминанія о его благородствѣ, о чистотѣ его побужденій и о его обширныхъ познаніяхъ. Черезъ двадцать слишкомъ лѣтъ по оставленіи мною Казани, мы встрѣтились съ нимъ на Кавказѣ въ Ессентукахъ и, какъ это иногда бываетъ между старыми противниками, сердечно обрадовались другъ другу и много часовъ провели вмѣстѣ, съ улыбкой вспоминая наши былые споры, которые лишь способствовали всестороннему освѣщенію дѣла передъ присяжными. Съ грустью пришелъ я потомъ черезъ нѣсколько лѣтъ поклониться его праху, праху живого свидѣтеля и участника свѣтлыхъ и счастливыхъ дней введенія судебной реформы, когда новая дѣятельность до глубины души захватывала тѣхъ, кто такъ или иначе приходилъ на служеніе русскому правосудію....

Въ моихъ воспоминаніяхъ объ освидѣтельствованіи сумасшедшихъ [1]) я уже говорилъ о психіатрической экспертизѣ. Воспоминанія эти довольно неутѣшительны, но было бы несправедливо думать, что у меня не сохранилось въ памяти и по этой части заслуживающихъ уваженія свѣтлыхъ образовъ. При экспертизахъ по дѣламъ, гдѣ у суда возникало сомнѣніе въ умственныхъ способностяхъ обвиняемаго, приходилось не только съ особымъ вниманіемъ прислушиваться къ объясненіямъ отца русской психіатріи Балинскаго и его учениковъ Дюкова, Мержеевскаго, Черемшанскаго, Чечотта и Сикорскаго, но и многому отъ нихъ поучаться. Глубокое знаніе не только своего предмета, но и жизни въ ея сложныхъ проявленіяхъ, всегда отличало экспертизу Балинскаго. Я не могу забыть до сихъ поръ нѣкоторыхъ изъ этихъ блестящихъ узоровъ на строгой канвѣ глубокаго опыта и вдумчивости. Я помню, какъ поразилъ онъ присутствовавшихъ по дѣлу объ одномъ злостномъ убійцѣ неповинной дѣвушки-служанки, который представлялъ полную картину двухъ видовъ душевной болѣзни, отчетливую до мельчайшихъ подробностей. Когда освидѣтельствованіе кончилось, и обвиняемый былъ уведенъ, Балинскій необыкновенно тонко разобралъ оба душевныхъ состоянія послѣдняго, указывая, что, теоретически говоря, онъ несомнѣнно страдаетъ душевнымъ разстройствомъ въ обоихъ видахъ, но что съ точки зрѣнія психіатрической практики оба эти состоянія совершенно исключаютъ одно другое и никогда не встрѣчаются вмѣстѣ, такъ что обвиняемый—чрезвычайно искусный притворщикъ, вѣроятно, изучившій по какой-нибудь книгѣ всѣ внѣшніе признаки своихъ

---

[1]) „Русская Старина“ 1907 г. № 2.

душевныхъ болѣзней, но, на горе себѣ, въ своемъ усердіи соединившій воедино несоединимое. Осмотромъ камеры обвиняемаго было обнаружено, что у него подъ тюфякомъ хранилась извѣстная книжка „о болѣзняхъ души“ Маудсли, тщательно, какъ видно было по отмѣткамъ, имъ изученная. Узнавъ о заключеніи Балинскаго и о найденной книгѣ, онъ разсмѣялся и сказалъ: „Ну, будетъ! довольно притворяться! надоѣло“... Не меньшею содержательностью, но пожалуй еще большею эрудиціей отличались заключенія Мержеевскаго. Объясняя и выясняя душевное состояніе обвиняемаго, онъ начиналъ съ широкой периферіи отдаленныхъ явленій и, постепенно съуживая круги, дѣлалъ ихъ все ярче и ярче, и, наконецъ, сводилъ къ ясно выраженному и точно опредѣленному болѣзненному состоянію.

И сколькихъ изъ нихъ уже нѣтъ! Лямбль, Грубе, Питра, Гвоздевъ, Мержеевскій, Дюковъ, Балинскій, Черемшанскій... сколько воспоминаній о прошломъ возбуждаетъ во мнѣ каждое изъ этихъ именъ! Да будетъ имъ легка земля, говорю я съ благодарнымъ чувствомъ за то безкорыстное содѣйствіе, которое каждый изъ нихъ оказывалъ тяжелому дѣлу нелицепріятнаго правосудія.

Между *не медицинскими* экспертизами, съ которыми мнѣ пришлось ознакомиться на своемъ вѣку, одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ занимаетъ художественная. Я разумѣю здѣсь не то, довольно частое, заключеніе свѣдущихъ людей объ оригинальномъ происхожденіи статуй или картинъ по дѣламъ, гдѣ возникало обвиненіе лица, сбывшаго подложную картину или статую, какъ произведеніе того или другого знаменитаго художника или скульптора. Въ этихъ случаяхъ сравненіе или сличеніе обращалось на технику исполненія, на особенности, свойственныя художнику, на его подпись, на состояніе полотна и красокъ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ на условные знаки, употребляемые художникомъ. Не разумѣю также и экспертизы археологической, направленной на установленіе дѣйствительности давняго происхожденія предметовъ древности, столь искусно поддѣлываемыхъ въ послѣднее время для опустошенія кармановъ не только легковѣрныхъ американцевъ, но иногда и хранителей Европейскихъ музеевъ, чему яркимъ примѣромъ служитъ извѣстная исторія съ тіарой скиѳскаго царя Сатаферна. Въ этихъ случаяхъ объектомъ изслѣдованія былъ неодушевленный предметъ, по поводу котораго выростала цѣлая гора техническихъ справокъ, историческихъ данныхъ и спеціальныхъ изслѣдованій. Но, во время моего пребыванія въ Берлинѣ въ 1885 году, мнѣ пришлось ознакомиться въ подробностяхъ съ дѣломъ, гдѣ огромную роль играла оцѣнка предъ судомъ *настроенія художника*, поскольку

оно выражается въ его произведеніи и почерпается изъ обстановки и условій его личной жизни. Сколько мнѣ извѣстно, это былъ первый и едва-ли съ тѣхъ поръ не единственный опытъ такого изслѣдованія черезъ свѣдущихъ людей. Я говорю о процессѣ извѣстнаго профессора Берлинской Академіи художествъ Грефа,—автора многихъ монументальныхъ картинъ, украшающихъ музеи Берлина,—обвинявшагося передъ присяжными въ клятвопреступленіи. Помимо спеціальнаго интереса этого дѣла, веденіе его раскрыло съ особой яркостью тѣ недостатки отправленія уголовнаго правосудія въ Германіи, которые и четверть вѣка спустя не могли не вызывать по дѣлу князя Эйленбурга суроваго осужденія со стороны каждаго юриста, въ которомъ профессія не убила человѣчности.

Профессоръ Грефъ, почти семидесятилѣтній бодрый и отлично сохранившійся человѣкъ съ прекраснымъ выразительнымъ лицомъ и сѣдою бородою былъ виднымъ представителемъ нѣмецкаго художества въ 70-хъ и 80-хъ годахъ. Въ началѣ послѣднихъ въ Берлинѣ и въ другихъ большихъ городахъ Германіи сильное впечатлѣніе произвела его картина „Сказка" (Märchen), изображавшая болотистую прогалину въ лѣсу, въ которой, ярко освѣщенная солнцемъ, стоитъ молодая дѣвушка, устремившая восторженный взглядъ на небо, при чемъ съ ея прекраснаго дѣвственнаго тѣла спадаетъ хвостъ сирены. Картина была очевидно написана en plein air, и изображенное на ней женское тѣло отличалось цѣломудренною чистотою античныхъ статуй.—Въ началѣ 1884 года художникъ Кречмеръ просилъ Грефа взять въ натурщицы тринадцатилѣтнюю Елену Гаммерманъ, на несчастье ихъ обоихъ уже глубоко испорченную нравственно въ родной семьѣ, содержавшей балаганъ для фокусовъ. Вскорѣ Кречмеръ и Грефъ сдѣлались предметомъ вымогательства со стороны семейства натурщицы, подъ угрозой подать жалобу на постыдныя предложенія, которыя они, будто-бы, дѣлали малолѣтней Гаммерманъ. Требованія денегъ смѣнялись униженными просьбами, личныя свиданія—письмами, и дѣло кончилось тѣмъ, что, по жалобѣ Кречмера, мать Елены Гаммерманъ и ея вдохновитель и подстрекатель частный ходатай Кришенъ были приговорены за вымогательство на два года въ тюрьму. При разбирательствѣ этого дѣла въ качествѣ свидѣтеля былъ допрошенъ Грефъ и нѣкая Берта Ротеръ, служившая ему моделью для „Сказки". На вопросъ предсѣдателя:—были ли между ними интимныя отношенія?—оба отвѣчали отрицательно и подтвердили свое заявленіе присягой, которая въ германскомъ процессѣ приносится не до, а послѣ дачи показанія. Прокурорскій надзоръ нашелъ, однако, что присяга дана ложно, и возбудилъ преслѣдованіе противъ Грефа и Ротеръ. На судѣ выясни-

лось, что послѣдняя происходила изъ нуждавшейся семьи и уже съ 14 лѣтъ состояла подъ надзоромъ полиціи, какъ проститутка. Узнавъ, что Грефу необходима натурщица для „Сказки", она явилась къ нему въ 1878 году и служила моделью на открытомъ воздухѣ, въ особо нанятомъ лѣсномъ участкѣ на островѣ Рюгенѣ. Художникъ былъ недоволенъ своею работой и шесть разъ ее передѣлывалъ. Человѣкъ увлекающійся и идеалистъ, онъ восхищался Бертой, какъ моделью, удовлетворившей его художественный замыселъ, и радовался возможности доставленіемъ честнаго заработка поднять нравственно павшую, быть можетъ не по своей винѣ, дѣвушку. Онъ побуждалъ ее учиться, нанимая ей преподавателей и платя за нее на курсы новыхъ языковъ,—давалъ ей средства для путешествій,—помѣстилъ ее въ театральную школу,—добился принятія ея въ труппу драматическаго театра въ Бергѣ и съ горечью разстался съ нею, когда она сошлась за два года до процесса съ богатымъ офицеромъ. Изъ взятой при обыскахъ ихъ переписки видно было, что онъ заботился о всемъ семействѣ Ротеръ, передалъ въ разное время матери Берты свыше двадцати тысячъ марокъ и помѣстилъ пансіонеркой на свой счетъ старшую ея сестру, страдавшую падучей болѣзнью, въ убѣжище для такихъ больныхъ. Онъ обращался къ Бертѣ на „ты", посылалъ ей много стиховъ, въ которыхъ называлъ ее „дикой розой, обвившей старый дубъ", „ароматнымъ цвѣткомъ", „бѣлокурымъ дитятей" и т. д. Она ему писала „вы" и „профессорхенъ". Просидѣвъ пять мѣсяцевъ въ предварительномъ заключеніи, не отпущенный даже на поруки любящей женѣ и тремъ взрослымъ сыновьямъ, Грефъ предсталъ на судъ вмѣстѣ съ Бертой Ротеръ и здѣсь въ теченіе многихъ дней ему пришлось выпить чашу, тщательно наполненную всевозможной грязью свѣдѣній, добытыхъ изъ сомнительныхъ источниковъ,—выслушать свидѣтелей, повѣствовавшихъ о своемъ подслушиваньѣ и подглядываніи,—присутствовать при томъ, какъ мать любимой когда-то дѣвушки называла ее „профессорской дѣвкой", а послѣдняя именовала свою мать „хищной тварью",—изъ устъ предсѣдателя узнать, что его поэтическая вдохновительница и благоуханная роза съ 14 лѣтъ была посѣтительницею казармъ, получила билетъ на занятіе непотребствомъ и познакомилась съ секретнымъ отдѣленіемъ городской больницы—и, наконецъ, присутствовать при чтеніи своего собственнаго завѣщанія и особаго письма къ своимъ дѣтямъ, въ которомъ онъ просилъ ихъ простить ему его привязанность къ Бертѣ, отрицая въ этомъ чувствѣ низменное вожделѣніе и оправдывая его необходимостью для художника имѣть предъ собою прекрасный образъ.

Предсѣдатель ландгерихта Мюллеръ, ведя судебное засѣданіе,

совершенно заслонилъ собою прокурора и предпринялъ ту „охоту на подсудимаго", которою такъ любили, а можетъ-быть любятъ и до сихъ поръ заниматься французскіе президенты ассизовъ. Онъ—безъ французскаго остроумія, „но съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой"—заставлялъ подсудимаго пережить и перестрадать каждое предъявленное противъ него доказательство, насмѣшливо и иронически относясь къ тѣмъ объясненіямъ, въ которыхъ тотъ отрицалъ чувственный характеръ въ своихъ стихахъ или письмахъ, адресованныхъ къ Бертѣ. Онъ безжалостно и грубо касался самыхъ сокровенныхъ сторонъ семейной жизни подсудимаго, исторгнувъ у него наконецъ признаніе, что его жена женщина больная и капризная. Когда этотъ почтенный представитель правосудія замѣчалъ, что на присутствующихъ производило хорошее впечатлѣніе то или другое заявленіе Грефа о его вѣрѣ въ искренность и душевную чистоту Берты и о его страстномъ желаніи сдѣлать изъ своей модели безупречную и честно трудящуюся женщину, онъ спѣшилъ бросить въ лицо подсудимому выписку изъ секретнаго дознанія о какомъ-либо эпизодѣ, который показывалъ, въ какомъ смрадномъ развратѣ утопала Берта до знакомства съ нимъ. Два раза со старикомъ Грефомъ дѣлалось дурно, и его истерическія рыданія оглашали залу суда...

Наиболѣе интереснымъ пунктомъ этого процесса была экспертиза.

Вызваннымъ въ судебное засѣданіе—художнику Дилицу и профессорамъ Эвальду, Вольфу, Гуссову и Юлію Лессингу—въ довольно сбивчивой формѣ предложенъ былъ рядъ вопросовъ, сводившихся въ сущности къ слѣдующимъ: а) допустимо ли, чтобы художникъ, увлеченный личностью своей натурщицы и видящій въ ней реальное осуществленіе своего творческаго идеала, находящійся при томъ съ нею въ постоянномъ, внѣ рабочаго времени, общеніи могъ не проявить по отношенію къ ней чувственныхъ стремленій и не вступить съ нею въ связь? и б) допустимо ли предположеніе такого цѣломудреннаго отношенія Грефа къ Бертѣ Ротеръ въ виду разсмотрѣнныхъ на судѣ вещественныхъ доказательствъ и полученныхъ свѣдѣній о расходахъ, произведенныхъ имъ на Берту и ея семейство?—Въ отношеніи перваго вопроса четыре художника, съ Лессингомъ во главѣ, высказали, что подсудимый, имѣя уже большую извѣстность, какъ историческій живописецъ, во второй половинѣ своей жизни сталъ увлекаться, со свойственной ему страстностью, писаніемъ портретовъ, стремясь найти идеальное по выраженію и очертанію женское лицо, чтобы воплотить его затѣмъ въ рядѣ создаваемыхъ имъ изображеній, подобно Рубенсу, который повторилъ лицо своей жены во многихъ своихъ карти-

нахъ [1]). Въ этомъ онъ хотѣлъ идти по слѣдамъ лучшихъ мастеровъ времени ренессанса, влагавшихъ въ свои высочайшія произведенія черты дѣйствительно существующихъ людей и писавшихъ, такимъ образомъ, такъ сказать идеализированные портреты. Въ Бертѣ Ротеръ онъ нашелъ ту идеальную наружность, которую онъ искалъ для воспроизведенія ея въ рядѣ послѣдующихъ изображеній. Знакомство съ нею, по словамъ Лессинга, наполнило впечатлительнаго и довѣрчиваго Грефа величайшей радостью. Онъ говорилъ, что наконецъ достигъ того, о чемъ давно мечталъ для своихъ работъ, и восторгался при мысли о возможности писать Берту гдѣ-нибудь въ уединеніи, на открытомъ воздухѣ, въ яркомъ солнечномъ освѣщеніи. По мнѣнію экспертовъ, присоединившихся къ Лессингу, увлеченіе натурщицей, какъ объектомъ для творчества, вовсе не связано съ чувственнымъ къ ней отношеніемъ. Работа художника, занимающагося своимъ дѣломъ, не какъ ремесломъ, а по глубокому призванію, исключаетъ для него возможность смотрѣть на обнаженное женское тѣло затуманенными чувственною страстью глазами. Гармонія линій, игра красокъ, распредѣленіе свѣтотѣни — вотъ что всецѣло привлекаетъ его взоръ. Поэтому въ большинствѣ случаевъ между художниками и ихъ постоянными натурщицами существуетъ нѣкоторая простота обращенія, отъ которой до связи еще очень далеко. Съ этимъ взглядомъ не согласился, однако, профессоръ Вольфъ, заявившій, что, не считая вообще Грефа способнымъ на клятвопреступленіе, онъ тѣмъ не менѣе думаетъ, что горячее увлеченіе художника своей натурщицей, при полной податливости съ ея стороны, должно неминуемо приводить къ интимной связи, въ особенности если этотъ художникъ обладаетъ при томъ страстнымъ темпераментомъ Грефа.

По отношенію ко второму вопросу тѣ же самыя лица высказали, что если натурщица въ такой степени удовлетворяла духовнымъ запросамъ творчества художника, что онъ считалъ ее средствомъ къ достиженію высшей ступени въ своемъ артистическомъ развитіи, то трудно установить мѣрило для возможныхъ на нее расходовъ, въ томъ случаѣ когда художникъ получаетъ крупное денежное вознагражденіе за свои работы и стремится развить, образовать и нравственно облагородить ту, чья физическая внѣшность дастъ могущественный толчокъ его творчеству. При этомъ они указали, что

---

[1]) Нельзя не отмѣтить, что то же самое замѣчалось долгое время въ произведеніахъ нашего талантливаго художника К. Е. Маковскаго, въ картинахъ котораго на самые разнообразные историко-бытовые сюжеты постоянно повторялись черты одного и того же прелестнаго лица.

въ Римѣ и въ Парижѣ есть художники, которые требуютъ, чтобы излюбленная ими натурщица позировала исключительно имъ однимъ, отвергая всѣ приглашенія другихъ художниковъ, и за это, конечно, расходуютъ на нее довольно большія суммы.

По настойчивому требованію защиты присяжнымъ была предъявлена и самая картина, изображающая „Сказку“. Сначала этому воспротивился предсѣдатель суда, находившій, что хотя картина эта и была безпрепятственно обозрѣваема на выставкахъ, но что разсмотрѣніе ея въ присутствіи той, съ которой она написана, имѣетъ непристойный характеръ и не можетъ быть допущена въ интересахъ общественной нравственности. Въ концѣ концовъ судъ согласился на полезность какъ выясненія того, какой большой трудъ и напряженіе требовались отъ Берты Ротеръ для того, чтобы позировать съ изогнутымъ назадъ станомъ, опираясь на одну лишь ногу, такъ и провѣрки утвержденій Грефа, что обнаженное тѣло Берты изображено имъ съ идеальной, а не плотской точки зрѣнія. Поэтому онъ призналъ, что присяжные могутъ быть допущены къ осмотру картины, но „въ отдѣльной комнатѣ въ отсутствіе допрошенныхъ свидѣтелей“, при чемъ самая картина должна быть доставлена въ помѣщеніе суда и принесена въ эту особую комнату не иначе, какъ тщательно закрытая какой-либо непрозрачной тканью.

На-ряду съ приведенной выше экспертизой была произведена и другая, весьма своеобразная. При прочтеніи многочисленныхъ стихотвореній подсудимаго, отобранныхъ у Берты Ротеръ и взятыхъ изъ пакета съ завѣщаніемъ Грефа, присутствовали извѣстный критикъ Людвигъ Пичъ и писатель Поль Линдау, могущіе объяснить суду, насколько содержаніе этихъ поэтическихъ произведеній можетъ служить доказательствомъ интимной связи между подсудимыми. Предсѣдатель, плохо разбиравшій почеркъ Грефа, предложилъ ему самому читать эти стихотворенія, и послѣдній, блѣдный, какъ полотно, читалъ ихъ крайне волнуясь, сказавъ въ заключеніе прерывающимся голосомъ: „Ну да, я страстный человѣкъ. Но *безстрастный* человѣкъ никогда не можетъ быть художникомъ. Я умѣлъ сдерживать свои страсти и воспѣвалъ красоту не какъ реальную осязаемость, а какъ продуктъ поэтической фантазіи. Тѣхъ, къ кому влекутся съ низменнымъ животнымъ вожделѣніемъ, не воспѣваютъ въ поэтическихъ образахъ“. При этомъ онъ прочелъ суду стихотвореніе, написанное имъ послѣ окончанія „Сказки“, въ которомъ онъ благодаритъ свое искусство, пріучившее его видѣть прекрасное въ жизни, возносясь надъ ея пошлостью, итти по ступенямъ совершенствованія и поднимать изъ праха ту, которая дала свой ликъ его картинѣ, поднимать такъ высоко, какъ только

можетъ подняться его мечта. Онъ заключилъ свое чтеніе просьбою прочесть его письмо къ Бертѣ Ротеръ при посылкѣ ей крупной суммы денегъ, при чемъ эта жертва объяснялась предположеніемъ, что Берта никогда не допуститъ себя до низменнаго паденія и что предъ житейскимъ искушеніемъ она взвѣситъ, можно ли предпочесть исполненіе легкомысленнаго желанія чувству преданности своему вѣрному и заботливому другу. Насколько сохранилось въ моей памяти, мнѣніе Пича и Ландау сводилось къ тому, что поэтическія произведенія, въ которыхъ нѣтъ точныхъ фактическихъ указаній, могутъ служить лишь показателемъ настроенія автора или его идеаловъ.

Въ концѣ десятидневнаго моральнаго истязанія Грефа, едва-ли имѣвшаго что-либо общее съ цѣлями правосудія, присяжные, послѣ получасового совѣщанія, вынесли оправдательный приговоръ, несмотря на обращенную къ нимъ аллокуцію прокурора о томъ, что „если ужасно осужденіе невиннаго, то еще ужаснѣе оправданіе виновнаго“. Этому оригинальному юристу и представителю государственнаго обвиненія, очевидно, была неизвѣстна совершенно противоположная великодушная резолюція, поставленная слишкомъ за сто лѣтъ до его афоризма его соотечественницей, бывшей ангальтъ-цербстской принцессой.

Вообще надо сказать, что этотъ процессъ представилъ практическое осуществленіе прусскихъ пріемовъ судопроизводства по возбуждающимъ особое вниманіе дѣламъ въ весьма печальномъ свѣтѣ. Я говорилъ уже о поведеніи предсѣдателя по отношенію къ подсудимому. Обращеніе со свидѣтелями было тоже своеобразное: они допрашивались безъ всякой системы и опредѣленнаго порядка, и предсѣдатель обращался къ нѣкоторымъ изъ нихъ съ увѣщаніемъ, напоминающимъ шутливый Горбуновскій разсказъ о политическомъ процессѣ, въ которомъ духовное лицо, дѣлающее передъ присягой увѣщаніе свидѣтелямъ, напоминаетъ имъ, что „не токмо законъ гражданскій,но *даже* и Господь Богъ наказываетъ за ложное показаніе“. Предсѣдатель Мюллеръ говорилъ свидѣтелямъ: „подумайте о спасеніи вашей *души*: если вы о чемъ-нибудь умолчите или что-либо солжете, то это будетъ лжеприсяга, и вы за это отправитесь въ тюрьму“.

Въ свою очередь одинъ изъ защитниковъ называлъ, не будучи останавливаемъ предсѣдателемъ, Елену Гаммерманъ, вновь допрошенную на судѣ, „*канальей*“ и утверждалъ, что и отецъ ея имѣетъ тѣ же характерныя свойства, такъ какъ достаточно услышать его отвратительный голосъ, чтобы получить явное доказательство его гнуснаго характера. Наконецъ, тяжеловѣсное краснорѣчіе сторонъ и неуклюжій языкъ предсѣдательскихъ разъясненій, несмотря на патріо-

тическіе походы противъ французскихъ словъ, пестрѣли именно этими словами, на-ряду съ нѣмецкими, напоминая замѣчаніе Бодлэра— „il y a des mots qui hurlent de se trouver ensemble". По свѣжей памяти я записалъ нѣкоторыя изъ нихъ: „er sollte sich schauffieren",—„ein Obscure Haus",—„er giebt Feten", — „mit Rigorosität ausschliessen",—„er hat scharmiert"—„es ist sehr significant" и т. п.

Оправданіе Грефа было встрѣчено радостно его семьей и съ большимъ сочувствіемъ общественнымъ мнѣніемъ. Но испытанія его не окончились. Черезъ день послѣ его оправданія нѣкоторыя изъ берлинскихъ газетъ сообщили съ негодованіемъ, что вслѣдъ за прибытіемъ оправданнаго домой, къ нему явился книгопродавецъ Прейсъ, заявившій, что имъ уже приготовлено изложеніе только что оконченнаго дѣла съ весьма пикантными подробностями, портретами и картинками, но что, изъ уваженія къ чувствамъ семьи профессора, онъ готовъ отказаться отъ печатанія заготовленной книжки, если послѣдній немедленно уплатитъ ему полторы тысячи марокъ на покрытіе уже сдѣланныхъ расходовъ. Предпріимчивому и вмѣстѣ чувствительному книгоиздателю была указана дверь. Но предварительное заключеніе, возбужденіе и способъ веденія дѣла и, наконецъ, вымогательства, приведшія его въ тюрьму и снова встрѣтившія его по выходѣ изъ нея, отравили Грефу существованіе въ Берлинѣ. Онъ скоро покинулъ этотъ городъ и переселился въ Мюнхенъ, гдѣ недолго прожилъ съ своимъ глубоко подорваннымъ здоровьемъ. Но передъ смертью, въ 1888 году онъ выставилъ картину, представляющую высоко художественный протестъ противъ того, чему его подвергли въ Берлинѣ, и въ защиту творческаго воображенія. Она называлась „Преслѣдуемая фантазія" (Die verfolgte Phantasie). Въ ясное надъ сгустившеюся темнотою небо, изогнувъ назадъ свой изящный станъ, улетаетъ стройная молодая женщина, съ восторженно распростертыми руками и устремленнымъ въ высь взоромъ. Какія-то мегеры съ искаженными злобой лицами безсильно стараются ее удержать за легкое покрывало. Судья читаетъ ей смертный приговоръ, палачъ потрясаетъ цѣпями, куски грязи и навоза летятъ ей вслѣдъ...

Черезъ десять лѣтъ послѣ процесса, проѣзжая лѣтомъ черезъ Висбаденъ, я прочелъ въ мѣстныхъ объявленіяхъ о развлеченіяхъ, что въ маленькомъ театрикѣ Reichshallen представляются пластическія копіи съ извѣстныхъ картинъ и что въ „Сказкѣ" Грефа позируетъ дѣвица Берта Ротеръ...

Нужно ли говорить о крайней шаткости и даже опасности второй изъ экспертизъ, которая была допущена по дѣлу Грефа. Самая

отправная ея точка непріемлема уже потому, что опредѣленіе реальности фактовъ, содержащихся въ поэтическомъ произведеніи обвиняемаго, и выводъ изъ нихъ о его виновности—немыслимы, ибо при этомъ необходимо совершенно забыть о роли фантазіи и этическаго настроенія. Когда „божественный глаголъ“ коснется чуткаго слуха поэта, онъ, по словамъ Пушкина, становится „смятенія и звуковъ полнъ“. Судить о впечатлѣніи поэтическаго произведенія, конечно, можетъ всякій одаренный чувствомъ и умѣющій ясно о немъ мыслить, но отдѣлить фантазію отъ дѣйствительности не можетъ никакой экспертъ. Да экспертиза тутъ и не нужна. Если судья можетъ судить о томъ, оскорбляетъ ли какое-нибудь произведеніе чью-либо честь или доброе имя, не нуждаясь въ помощи экспертовъ,—если онъ призванъ судить о безнравственности произведеніи, то и о содержаніи поэтическаго произведенія онъ можетъ судить самъ. Въ предсмертномъ стихотвореніи: „О, муза, ты была мнѣ другомъ“... Некрасовъ говоритъ о „волшебныхъ грезахъ“. Какъ же можно втиснуть эти „волшебныя грезы“ въ предѣлы экспертизы? Если по отдѣльнымъ стихамъ судить о самомъ поэтѣ, то противъ каждаго изъ нихъ можно легко составить цѣлый обвинительный актъ. Допускать такую экспертизу нельзя. Она невозможна и по субъективности выбора экспертовъ. Какой поэтъ можетъ быть компетентнымъ судьей другого поэта? Разсѣканіе поэтическихъ образовъ и мысли холоднымъ оружіемъ судейскаго анализа принесетъ только вредъ истинному правосудію.

Долгое время наиболѣе прочно поставленной экспертизой послѣ медицинской считалась экспертиза *каллиграфическая*. Она и встрѣчалась чаще всего, главнымъ образомъ по дѣламъ о подлогахъ различныхъ документовъ, и играла нерѣдко рѣшающую роль. Иностранная практика представляетъ блестящіе примѣры такой экспертизы. Достаточно вспомнить громкое дѣло о вымогательствѣ эмигрантомъ княземъ Петромъ Долгорукимъ пятидесяти тысячъ франковъ у князя Воронцова подъ угрозой въ сочиненіи о русскомъ дворянствѣ произвести его родъ отъ какого-то проходимца, жившаго въ XVII вѣкѣ. Вымогательное требованіе было написано въ третьемъ лицѣ на отдѣльномъ листкѣ, вложенномъ въ письмо самаго корректнаго содержанія, подписанное Долгорукимъ. Оба документа были написаны на разной бумагѣ, разными чернилами и совершенно разнымъ почеркомъ. Но каллиграфическая экспертиза при парижскомъ судѣ въ окончательномъ своемъ выводѣ признала, что и то и другое исходятъ отъ князя Долгорукаго. Искаженіе почерка въ вымогательной запискѣ было произведено въ совершенствѣ, но привычка писать А съ ушками, на подобіе нѣмецкаго готическаго, свойствен-

ная Долгорукову, взяла свое и въ концѣ записки нѣсколько разъ появились предательскія ушки, за которыя и самъ писавшій былъ вытащенъ на свѣтъ Божій. Въ моей практикѣ такая экспертиза встрѣчалась нѣсколько разъ. Въ дѣлахъ игуменіи Митрофаніи [1]), княгини Щербатовой и Маргариты Жюжанъ [2]), обвиняемой въ отравленіи своего воспитанника, она играла очень важную роль. Въ послѣднемъ дѣлѣ имѣлъ серьезное значеніе анонимный доносъ приписываемый обвиняемой и адресованный градоначальнику, съ извѣтомъ на семью Познанскихъ, въ которой Жюжанъ была воспитательницей. Экспертъ, учитель чистописанія Буевскій, изучая строки этого доноса, оставилъ старый способъ *сличенія очертанія буквъ* и путемъ сравненія несомнѣннаго почерка Жюжанъ представилъ блестящую характеристику *привычекъ* писанія—одинаковыхъ у нея и у автора доноса. Иногда такая экспертиза направлялась на изученіе свойства почерка, какъ это было, напримѣръ, по громкому дѣлу Мясниковыхъ, обвиняемыхъ въ подлогѣ милліоннаго завѣщанія отъ имени купца Бѣляева. Свѣдущіе люди высказали, что дрожащій почеркъ, которымъ сдѣлана подпись Бѣляева на завѣщаніи, не можетъ принадлежать обвиняемому въ этомъ Караганову, имѣющему почеркъ твердый. Съ такимъ заключеніемъ я, исполняя обязанности обвинителя, не могъ согласиться, находя, что дрожащій почеркъ можетъ явиться результатомъ вполнѣ понятнаго волненія и тревоги у лица, изготовляющаго своею рукою подложную подпись и сознающаго, что совершаетъ преступленіе. Въ этомъ случаѣ твердость обычнаго почерка—ни при чемъ. Наоборотъ, трудно предположить, чтобы человѣкъ, пишущій постоянно дрожащимъ почеркомъ, могъ на время такъ дисциплинировать свои физическія и духовныя силы, чтобы совершить подлогъ твердымъ почеркомъ.

Нынѣ каллиграфическая экспертиза все болѣе и болѣе вытѣсняется *фотографической* экспертизой, достигающей иногда поразительныхъ результатовъ. Фотографическій снимокъ передаетъ такія тонкія и разностороннія подробности, которыхъ никакое увеличительное стекло свѣдущихъ каллиграфовъ обнаружить не въ состояніи. Но обоимъ послѣднимъ видамъ экспертизы грозитъ въ будущемъ опасность: даже фотографическій снимокъ окажется безсильнымъ, когда въ общее и повсемѣстное употребленіе войдутъ пишущія машины и для сличенія останутся лишь подписи, а не самый текстъ разныхъ документовъ и записокъ, писанныхъ заподозрѣннымъ лицомъ. Тогда наступитъ особое развитіе изслѣдованія

---

[1]) „Русская Старина“ 1907.
[2]) „Русская Старина“ 1908.

слога, стиля и соблюденія правилъ правописанія, изслѣдованія очень сложнаго и весьма отвѣтственнаго.

Въ смыслѣ послѣдняго уже начинаютъ появляться довольно еще рѣдкія работы. Изъ извѣстныхъ мнѣ, самая замѣчательная была произведена въ 1886 году, по дѣлу объ убійствѣ Петина. Въ 1885 году, около Липецка, въ своемъ имѣніи скоропостижно умеръ 60-лѣтній помѣщикъ Василій Петинъ въ весьма подозрительной обстановкѣ. Жившій у него въ домѣ въ качествѣ учителя, студентъ Харьковскаго университета Яковъ Анисимовъ вызвался помогать слѣдователю въ собираніи справокъ и письменныхъ работахъ. Когда, по вскрытіи трупа, обнаружилось, что покойный умеръ отъ отравленія азотно-кислымъ стрихниномъ, онъ высказалъ подозрѣніе, что это произошло отъ ошибочнаго, а быть можетъ и злонамѣреннаго отпуска фельдшеромъ изъ аптеки при земской больницѣ этого сильно-дѣйствующаго яда, вмѣсто обычно принимаемой Петинымъ хины. Произведенными при слѣдствіи обысками въ аптекѣ и у фельдшера было однако съ несомнѣнностью выяснено, что высказанное Анисимовымъ подозрѣніе лишено всякаго основанія. Тогда Анисимовъ заявилъ, что, по его мнѣнію, Петинъ самъ отравился, напуганный исполненнымъ угрозъ анонимнымъ письмомъ, которое тѣмъ сильнѣе на него должно было подѣйствовать, что семейная обстановка его, въ виду ссоръ съ женою и взрослымъ сыномъ, дѣйствовала на него удручающимъ образомъ, а дѣла грозили ему близкимъ разореніемъ. Онъ представилъ и самое анонимное письмо, переданное ему, по его словамъ, Петинымъ, начинавшееся словами: „тебѣ утратившему подобіе Божіе, погрязшему въ гнусномъ развратѣ и леденящихъ душу преступленіяхъ, Каину и извергу давно уже хочется мнѣ сказать нѣсколько словъ"... и заканчивавшееся, послѣ ряда ругательствъ и угрозъ, словами: „я думаю, что на тебя, закоснѣлаго злодѣя, достойнаго висѣлицы, отъ котораго кажется откажется и сама холодная могила, мои правдивыя слова пахнутъ змѣинымъ шипучимъ ядомъ, но я увѣренъ, что за подлеца не придется отвѣчать ни предъ Богомъ, ни предъ людьми". Одновременно съ этимъ и Липецкій уѣздный предводитель дворянства представилъ судебному слѣдователю полученное имъ за два мѣсяца до смерти Петина тоже анонимное письмо, авторъ котораго предостерегаетъ предводителя относительно Петина, будто бы распространяющаго о немъ грязныя и вредныя сплетни и представляющаго собою „гнусный поддонникъ мошенничества". Въ то же время Анисимовъ, уже допрошенный въ качествѣ свидѣтеля, выразилъ желаніе дать дополнительное показаніе, состоявшее изъ изложенія „краткой біографіи" Петина, въ

которой покойный рисуется жившимъ на содержаніи у старыхъ богатыхъ женщинъ, расточавшимъ ихъ имущество, и поджигателемъ своего застрахованнаго дома, покупщикомъ краденаго и „чертовски" развратнымъ...

Между тѣмъ собранныя по дѣлу данныя въ своей совокупности не только оказались идущими совершенно въ разрѣзъ съ предположеніемъ о самоубійствѣ Петина, но изъ нихъ съ несомнѣнностью обнаружилось, что между женою послѣдняго и Анисимовымъ существовала съ трудомъ скрываемая связь, по поводу которой между супругами происходили бурныя сцены, послѣ одной изъ которыхъ, за годъ до смерти мужа, Степанида Петина сказала одной свидѣтельницѣ: „Ну, погоди старый чортъ, я тебя отравлю".

Это обстоятельство, въ связи съ худо скрываемою ненавистью Анисимова къ Петину, заставило обратиться,—по правилу „is fecit cui prodest" — къ отысканію уликъ противъ усерднаго добровольца по изслѣдованію причинъ самоотравленія Петина и словоохотливаго его біографа. Явилось подозрѣніе, что письма, полученныя Петинымъ и предводителемъ дворянства, исходятъ изъ одного источника, и что таковымъ является Анисимовъ. Внѣшнее сравненіе ихъ съ почеркомъ послѣдняго дало, однако, отрицательные результаты: бумага, чернила, начертаніе буквъ оказались въ обоихъ письмахъ совершенно разными. Это не остановило, однако, вдумчиваго и энергичнаго слѣдователя, и онъ рѣшился произвести чрезъ свѣдущихъ людей *литературное изслѣдованіе* этихъ писемъ въ связи съ изложенной Анисимовымъ „краткой біографіей" Петина. Въ качествѣ экспертовъ были приглашены—извѣстный ученый, профессоръ Московскаго университета Н. С. Тихонравовъ, профессоръ Брандтъ и магистръ Рузскій, представившіе обширную и потребовавшую большого труда работу, въ которой они выяснили *основную идею* всѣхъ трехъ документовъ, — обусловленное ею *содержаніе* ихъ, — манеру *изложенія* и характеристическія особенности *стиля* и *языка* ихъ. Въ общемъ выводѣ, къ которому эти лица пришли путемъ тонкихъ психологическихъ соображеній и сопоставленія текстовъ въ цѣломъ и въ отдѣльныхъ частяхъ, ими было признано, что оба письма написаны Анисимовымъ съ цѣлью отклонить отъ себя подозрѣніе въ подготовляемомъ имъ отравленіи Петина. Біографія послѣдняго, которую Анисимовъ съ такою готовностью предложилъ пріобщить къ дѣлу, дала, въ своемъ изложеніи и содержаніи, богатый матеріалъ для рѣшительныхъ выводовъ объ авторствѣ его и по отношенію къ письмамъ. Многими глубокими и вмѣстѣ остроумными соображеніями эксперты доказывали, что содержаніе писемъ и біографіи составляетъ развитіе основной

мысли автора, состоящей въ томъ, что не нужно искать виновныхъ въ смерти Петина, что за такихъ подлецовъ никто не долженъ нести отвѣтственности предъ небомъ и людьми и что Петину *слѣдовало* самому покончить съ собою. Они отмѣчали также, что именованіе Петина „отвратительнымъ *поддонкомъ* мошенничества“ встрѣчается въ обоихъ письмахъ, по внѣшности своей исходящихъ отъ разныхъ лицъ, а что излюбленные Анисимовымъ выраженія „сказать еще нѣсколько словъ“, „послужить къ чему-нибудь“, и „змѣиный шипучій ядъ“ составляютъ принадлежность и біографіи, и писемъ.

Обращаясь къ общимъ выводамъ о *манерѣ* изложенія и особенностяхъ *стиля* и *языка* во всѣхъ трехъ документахъ, эксперты нашли, что литературные пріемы автора расчитаны на воздѣйствіе на воображеніе читателя: прошедшее событіе излагается какъ развивающееся предъ глазами читателей; для живости разсказа очень часто употребляется выраженіе „*и вотъ*“... и предложенія послѣ точки начинаются съ союза *и* (напримѣръ: „и когда за чаемъ...“, „и причина его болѣзни“... и т. д.); вмѣстѣ съ тѣмъ вездѣ является скопленіе мѣстоименій третьяго лица въ одномъ и томъ же предложеніи („и послать ему его тебѣ“, „и сталъ ему его объяснять“); періоды отличаются крайней длиннотою, запутанностью и несогласованностью начала съ концомъ; мѣстоименія употребляется неправильно; вмѣсто предлога *изъ* вездѣ употребляется *съ* („мнѣ извѣстно *съ* телеграммы“, „съ его разсказа стало ясно“) и т. д. Привлеченный въ качествѣ обвиняемаго, Анисимовъ упорно отрицалъ свою виновность, — обвиняемая въ соучастіи съ нимъ вдова Петина отзывалась полнымъ незнаніемъ даже очевидно извѣстныхъ ей обстоятельствъ. Оба были преданы суду. Въ день засѣданія, препровождаемая въ зданіе суда вдова Петина отравилась спрятаннымъ у нея ядомъ — *стрихниномъ*.— Анисимовъ судился одинъ и былъ присяжными признанъ виновнымъ въ предумышленномъ отравленіи Петина.

Несомнѣнно, что экспертиза стиля и языка можетъ играть большую роль не только въ уголовныхъ, но и въ нѣкоторыхъ гражданскихъ дѣлахъ. Къ ней можетъ иногда присоединиться и экспертиза такъ сказать *историческая*, въ тѣхъ случаяхъ, когда требуется изслѣдовать соотвѣтствіе не одного содержанія, но напр. стиля, слога и языка документа той или другой исторической эпохѣ. Знатокъ исторіи литературы безъ труда опредѣлитъ напр. въ письмахъ и другихъ документахъ, записяхъ и т. п., чѣмъ отличается языкъ и слогъ XVI столѣтія сравнительно съ языкомъ и слогомъ XVII и XVIII столѣтій— уловитъ разницу въ способѣ выраженія конца и начала XIX вѣка,— отмѣтитъ слова, только въ извѣстные періоды родной исторіи во-

шедшія въ употребленіе или — наоборотъ — вышедшія изъ него. Онъ скажетъ „это документъ не подлинный, а сочиненный ad hoc потому, что въ немъ событія конца XVII вѣка описываются языкомъ XVI-го,—или же въ этой записи XVII вѣка есть слова, вошедшія въ русскій языкъ лишь послѣ Петра Великаго, что̀ дѣлаетъ ее недостовѣрною или, наконецъ—этотъ дневникъ, выдаваемый за подлинный, не можетъ принадлежать современнику Японской войны, ибо его слогъ и языкъ свойственны временамъ фонъ-Визина и Державина". Такіе историко-литературныя экспертизы бывали уже на Западѣ. Одна изъ нихъ, напримѣръ, касалась писемъ Маріи Антуанеты, пріобрѣтенныхъ и изданныхъ Фелье де-Коншемъ и оказавшихся замѣчательно искусною поддѣлкою,—что̀ дало матеріалъ Альфонсу Доде для его романа „Безсмертный".

Надо полагать, что экспертиза московскихъ профессоровъ оказала дѣйствительную услугу правосудію, выведя на чистую воду лукаваго и чрезчуръ предусмотрительнаго убійцу, но вообще къ такимъ изслѣдованіямъ надо относиться очень осторожно. Разсматривая характерныя особенности языка и слога, не надо забывать, что напримѣръ повторяемость въ разныхъ документахъ одного и того же слова или выраженія вызывается безсознательной подражательностью,— что служебныя занятія пріучаютъ совершенно чуждыхъ другъ другу лицъ выражаться одинаковымъ офиціальнымъ или дѣловымъ языкомъ и что есть, наконецъ, словечки, вторгающіяся въ языкъ такъ сказать эпидемически. На нашихъ глазахъ лѣтъ двадцать назадъ такъ вторглось слово „*обязательно*" въ смыслѣ *французскаго certainement*, а послѣ 1905 года рядъ словъ, вызванныхъ движеніемъ политической жизни страны, въ родѣ „кадетъ", „платформы", „черносотенство" и т. п. Кромѣ того, этого рода экспертиза представляется весьма затруднительною въ смыслѣ компетентности свѣдущихъ людей. Конечно авторитетъ Тихонравова и его сотрудниковъ стоитъ внѣ сомнѣнія,—но гдѣ взять *такихъ* экспертовъ гдѣ-нибудь въ далекой провинціи или на окраинахъ? не будетъ ли выборъ ихъ слишкомъ произволенъ и случаенъ, и не будутъ ли они, вопреки своей прямой задачѣ, соблазняемы возможностью, выйдя изъ рамокъ своей компетенціи, заняться оцѣнкою уликъ подъ флагомъ оцѣнки стиля и языка?

Мнѣ пришлось, наконецъ, встрѣтиться въ моей судебной практикѣ еще съ особымъ видомъ экспертизы, которую можно назвать *сценической*. По упомянутому уже мною дѣлу о покушеніи московскаго нотаріуса Назарова на цѣломудріе дѣвицы Черемновой, судебный слѣдователь Московскаго окружного суда по важнѣйшимъ дѣламъ, желая опредѣлить, въ какомъ душевномъ состояніи нахо-

дилась Черемнова во время нападенія на нее Назарова, подъ вліяніемъ предшествовавшаго дебюта на клубной сценѣ, пригласилъ въ качествѣ экспертовъ двухъ московскихъ артистокъ — Московскаго Малаго театра М. Н. Ермолову и театра Лентовскаго А. Я. Гламу-Мещерскую — для дачи заключенія по вопросу о воздѣйствіи перваго сценическаго дебюта на нервную систему артистки. Первая изъ нихъ объяснила, что живо помнитъ свои впечатлѣнія отъ перваго дебюта въ шестнадцатилѣтнемъ возрастѣ, — помнитъ, что ожиданіе этого рокового въ жизни момента такъ волновало и даже страшило ее, что были минуты, когда она даже готова была отказаться отъ появленія на сценѣ; помнитъ также о сильномъ изнеможеніи, въ которомъ она вернулась домой, вызванномъ пережитыми волненіями и продолжительнымъ пребываніемъ на ногахъ во время спектакля. Знаменитая артистка добавила къ этому, что и по прошествіи четырнадцати лѣтъ со времени перваго дебюта, уже достаточно освоившись со сценой, она не можетъ освободиться отъ этихъ волненій и наступающей затѣмъ крайней усталости, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда приходится исполнять тяжелую отвѣтственную роль. Вторая изъ вызванныхъ объяснила, что для артистки вообще, а для нервной и впечатлительной тѣмъ болѣе, первый сценическій дебютъ составляетъ до того важное событіе въ ея жизни, что не забывается никогда. Оно памятно и какъ первый шагъ на новомъ для нея сценическомъ поприщѣ и въ особенности по тѣмъ впечатлѣніямъ, которыя волнуютъ ее при этомъ. Волненія эти, начинаясь съ перваго же момента, какъ только артистка рѣшилась выступить на сцену, преслѣдуютъ ее, постепенно возрастая, вплоть до самаго акта выступленія на сцену, и чѣмъ этотъ періодъ продолжительнѣе, тѣмъ большее томленіе душевное испытываетъ артистка. Нервная система ея за это время напрягается до такой крайней степени, что когда оканчивается спектакль, въ которомъ она участвовала, всѣ физическія силы ея совершенно оставляютъ ее. Артистка прибавила, что она живо помнитъ, что когда послѣ перваго появленія ея на сцену, она пріѣхала домой,—всѣ предшествовавшія ожиданія этого момента и волненія до того потрясли ея организмъ, что разрѣшились страшнымъ нервнымъ припадкомъ. Она вернулась безъ силъ, безъ ногъ, безъ голоса, съ весьма слабымъ сознаніемъ, словомъ, совсѣмъ больная, и ей нужно было нѣкоторое время, чтобы силы снова вернулись къ ней.

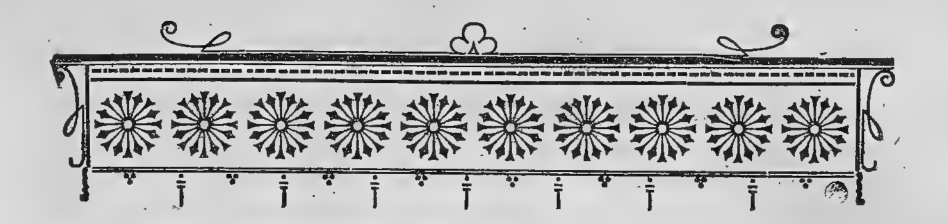
Нельзя отказать такой экспертизѣ въ оригинальности и не признать ее интересной. Но болѣе чѣмъ сомнительно считать ее пріемлемою вообще и въ качествѣ судебнаго доказательства въ

особенности. Нельзя, конечно, отрицать, что обѣ артистки въ данномъ случаѣ являлись тѣми лицами, которыя, согласно 326 ст. Уст. Уг. Суд., пріобрѣли продолжительными занятіями въ своемъ искусствѣ особую опытность и спеціальныя свѣдѣнія. Но нельзя не видѣть, что въ данномъ случаѣ ихъ объясненія не могли служить для точнаго уразумѣнія того обстоятельства (ст. 325 Уст. Уг. Суд.), для разъясненія котораго онѣ были вызваны. Приходится признать, что артистки, въ разсказѣ которыхъ объ *ихъ* впечатлѣніяхъ судебный слѣдователь хотѣлъ найти мѣрило для оцѣнки впечатлѣній другой артистки, полученныхъ при томъ и въ другой обстановкѣ, никакъ не могутъ считаться экспертами въ настоящемъ смыслѣ слова. Онѣ—свидѣтельницы о собственныхъ чувствахъ и больше ничего, могущія лишь гадательно говорить о томъ, что было въ душѣ и съ организмомъ лично неизвѣстной имъ дѣвушки послѣ ея перваго дебюта. Несомнѣнно, что драматическій артистъ или пѣвецъ можетъ подлежать съ пользою для дѣла допросу о техническихъ условіяхъ сцены, объ обязанностяхъ своего званія, о принятыхъ условіяхъ обученія, быть можетъ, даже о распредѣленіи ролей, о распоряженіи костюмомъ, о необходимой бутафоріи, гримѣ и т. д. Но вызывать ихъ для экспертизы чувствъ, способа исполненія, душевнаго настроенія совершенно нецѣлесообразно. Даже и тамъ, гдѣ условія внѣшней природы, гдѣ законы физики и механики одинаковы и точны, нѣтъ возможности по впечатлѣніямъ и ощущеніямъ одного человѣка судить о нихъ же у другого, и вызывать, напримѣръ, водолаза, воздухоплавателя или альпиниста для дачи заключенія о томъ, какія впечатлѣнія долженъ былъ переживать другой, занимающійся тѣмъ же, чѣмъ и они. Если для признанія человѣка свѣдущимъ лицомъ имѣютъ значеніе его знанія и опытность въ своемъ дѣлѣ, то не меньшее значеніе надо придавать и тому, о чемъ его спрашиваютъ. Экспертиза чувствъ и впечатлѣній вводитъ изслѣдователя въ область проявленій индивидуальныхъ настроеній подъ вліяніемъ состоянія здоровья, темперамента и цѣлаго ряда почти неуловимыхъ для посторонняго условій и обстановки каждаго даннаго случая. Выводъ свѣдущихъ людей долженъ быть безусловно объективнымъ, тогда какъ такая экспертиза, имѣя чисто субъективный характеръ, неизбѣжно должна приводить къ произвольнымъ выводамъ. При томъ тамъ, гдѣ есть субъективность, тамъ нѣтъ спеціализаціи въ настоящемъ смыслѣ слова, а гдѣ нѣтъ послѣдней, тамъ отсутствуетъ главный элементъ экспертизы. Сами артисты въ одинаковыхъ обстоятельствахъ и роляхъ чувствуютъ себя совершенно различно. Мочаловъ глубоко переживалъ то, что изображалъ на сценѣ, и, потрясши до глубины

души зрителей, нѣкоторое время затѣмъ не могъ сознать себя въ обстановкѣ реальной жизни; по отзыву знакомыхъ съ нею людей, Элеонора Дузе вноситъ столько душевныхъ силъ въ свое исполненіе, что на другой день послѣ представленія чувствуетъ себя совсѣмъ разбитой. И совсѣмъ иначе относится къ своимъ ролямъ Сара Бернаръ и относился знаменитый Каратыгинъ. Оба они вкладывали въ свое исполненіе глубокое и тонко-разсчитанное искусство, но душевно своихъ ролей не переживали. Тѣмъ, кто помнитъ на итальянской оперной сценѣ безвременно погибшую Бозіо, и въ тѣхъ же роляхъ безподобную по своимъ голосовымъ средствамъ и искусству Патти, будетъ, вѣроятно, ясна та разница въ душевномъ настроеніи артиста, о которой я говорю. Не надо забывать, что врожденный талантъ и блестящая техника даютъ возможность успѣшно изображать чувство, котораго не испытываешь. Разсказываютъ, что Гаррикъ, находясь въ одномъ обществѣ, на неотступныя просьбы проявить свой сценическій даръ взялъ въ руки подушку, объяснивъ, что это его любимый ребенокъ и, высунувшись затѣмъ изъ окна, какъ бы нечаянно выронилъ эту подушку. Когда онъ повернулся лицомъ къ присутствовавшимъ, оно изображало такое отчаяніе и невыносимыя страданія, что съ нѣкоторыми сдѣлалось дурно, а остальные умоляли его перестать ихъ мучить своимъ видомъ, что онъ со смѣхомъ и сдѣлалъ...

А. Ѳ. Кони.

Воспоминанія И. И. Янжула о пережитомъ и видѣнномъ. (1864—1909 г. г.).

ГЛАВА VIII [1]).

Я уже охарактеризовалъ въ одной изъ первыхъ главъ прекрасную личность Александра Ивановича Чупрова и тѣ сомнѣнія, которыя впрочемъ, имѣли мѣсто при первомъ знакомствѣ и изгладились при дальнѣйшемъ сближеніи, превратившись въ самую тѣсную дружбу. Несмотря на нѣкоторыя уже довольно раннія различія въ общемъ характерѣ міросозерцанія, мнѣнія наши съ Александромъ Ивановичемъ въ большинствѣ совпадали или болѣе или менѣе были близки другъ къ другу. Впрочемъ,—онъ былъ наклоненъ больше къ оптимизму—смотрѣть на все черезъ розовыя очки,—я же—скорѣе къ пессимизму. Онъ старался не видѣть зла даже тамъ, гдѣ оно было; я же, наоборотъ, прежде всего обращалъ вниманіе на дурную сторону предмета или лица. Поэтому онъ часто дружилъ тамъ, гдѣ я склонялся къ непріязни, или, по крайней мѣрѣ, къ полному равнодушію.

Наша связь и дружба поддерживалась, конечно, взаимными одолженіями и услугами, которымъ нѣтъ числа и въ крупныхъ и мелкихъ случаяхъ обыденной жизни. Эти услуги дѣлались обыкновенно охотно, безъ особой даже просьбы и только при одномъ предположеніи или намекѣ, какъ увидимъ дальше на примѣрахъ, относительно желательности такой услуги. Трудно рѣшить, кто изъ насъ въ этомъ отношеніи остался должникомъ у другого. Приведу дальше перечисленіе нѣкоторыхъ выдающихся пунктовъ нашихъ взаимныхъ

[1]) См. „Русскую Старину“ январь 1911 г.

отношеній. Первая крупная услуга мнѣ со стороны Чупрова, насколько я припоминаю, были большія и удачныя хлопоты его объ опредѣленіи на службу моего затя М. И. Шмуккера, земскаго врача въ Саратовской губерніи, только что лишившагося своего мѣста, съ огромной семьей на рукахъ, при губернаторствѣ въ Саратовской губерніи князя Мещерскаго. Такъ какъ возвращеніе на старую службу моему зятю были немыслимо, то надо было по возможности въ той же губерніи выхлопотать ему другое мѣсто. Благодаря усерднымъ стараніямъ Александра Ивановича и его обращенію къ лицамъ, власть имѣющимъ, Шмуккеръ вскорѣ нашелъ себѣ мѣсто въ качествѣ желѣзнодорожнаго врача на Рязанско-Козловской желѣзной дорогѣ въ г. Вольскѣ, гдѣ уже много лѣтъ пребываетъ благополучно и донынѣ.

Вторая дружеская услуга покойнаго Александра Ивановича, которую я цѣню еще больше, это сердечное его отношеніе и участіе, которыя онъ выказалъ для успокоенія и смягченія послѣдствій нелѣпаго студенческаго безпорядка, бывшаго въ 1894 г. у меня на лекціяхъ (о которомъ я уже упоминалъ еще въ главѣ VI, говоря о Л. Толстомъ). Студенты потребовали отъ меня произвольно отмѣны лекціи; я не согласился; вышло, какъ всегда въ этихъ случаяхъ бываетъ, раздѣленіе аудиторіи на двѣ части: половина студентовъ шикала, другая хлопала. Университетъ назначилъ слѣдствіе, съ недѣлю продолжалось броженіе, и чтеніе лекцій временно пріостановилось. Чупровъ, одинаково съ Ф. Ф. Эрисманомъ, собиралъ у себя студентовъ и черезъ знакомыхъ старался повліять на нихъ объясненіемъ истинныхъ ихъ обязанностей. Черезъ недѣлю, примѣрно, все благополучно кончилось, и курсъ возобновился безъ дальнѣйшихъ инцидентовъ. Вся эта исторія оставила во мнѣ лишь непріятныя воспоминанія и дала толчокъ рѣшенію моему покинуть Университетъ и принять предложеніе Петербургской Академіи Наукъ перейти къ ней на службу. Такъ какъ мною уже былъ подготовленъ достойный преемникъ И. Х. Озеровъ, то я счелъ этотъ планъ удобопріемлемымъ для избѣжанія возможнаго въ будущемъ повторенія непріятностей, въ виду замѣтно возростающаго броженія между студентами и скоро сдѣлался академикомъ, о чемъ подробнѣе буду говорить въ другомъ мѣстѣ (въ перепискѣ съ Н. Х. Бунге).

Съ моей стороны выказывалось также полнѣйшее желаніе и стараніе помогать милому Александру Ивановичу во всѣхъ его затрудненіяхъ, насколько это было въ моихъ силахъ и средствахъ. Приведу также нѣсколько примѣровъ. Возвратившись изъ первой моей поѣздки въ Англію въ семидесятыхъ годахъ и познакомившись тамъ случайно и довольно близко съ страхованіемъ жизни и важ-

ностью его не только для государства, но и для личнаго семейнаго благополучія, я сдѣлался усерднымъ, ревностнымъ пропагандистомъ этого вида страхованія, застраховался немедленно самъ и даже два раза въ посильныя суммы, и на всѣхъ собраніяхъ и встрѣчахъ убѣждалъ усердно всѣхъ своихъ знакомыхъ и друзей, особенно семейныхъ, какъ Чупровъ, послѣдовать моему примѣру и застраховаться. Нѣкоторые дѣйствительно поддались моимъ внушеніямъ, но Чупровъ долго колебался, возражая, что бѣдность мѣшаетъ ему застраховаться въ солидную сумму, а въ малую-де не стоитъ. Но тутъ произошелъ на глазахъ наглядный случай всей важности страхованія, даже въ самыхъ незначительныхъ размѣрахъ: скоропостижно умеръ нашъ общій знакомый нѣкто Добросердовъ, болѣе всѣхъ поддерживавшій Александра Ивановича въ безполезности малыхъ страхованій. И какъ разъ черезъ нѣсколько дней послѣ его рѣчей, на одномъ изъ моихъ обычныхъ журфиксовъ я объявилъ горестное извѣстіе о кончинѣ Добросердова, проживавшаго въ одномъ со мной домѣ, и о необходимости сдѣлать сборъ на похороны и въ пользу голодавшей его семьи, въ чемъ великодушно принялъ конечно участіе и Александръ Ивановичъ. Этотъ случай такъ сильно подѣйствовалъ на нервы Александра Ивановича, что онъ немедленно побѣжалъ къ врачу страхового общества, кажется „Якоря“, и поспѣшилъ застраховаться. Много разъ въ жизни онъ вспоминалъ потомъ объ этомъ обстоятельствѣ, благодаря меня за уговоры мои и убѣжденія къ страхованію.

Вѣроятно, немногія лица знаютъ, что Александръ Ивановичъ Чупровъ едва не прошелъ въ нашу Академію Наукъ вмѣсто меня и гораздо раньше меня, и если этого не случилось, то это зависѣло не отъ нашей воли, а отъ слѣпого случая. Въ одно прекрасное утро въ концѣ восьмидесятыхъ или началѣ девяностыхъ годовъ ко мнѣ внезапно появился на квартиру въ Москвѣ мой товарищъ по профессурѣ Николай Яковлевичъ Гротъ, профессоръ философіи, нынѣ давно умершій. Такъ какъ мы домами съ нимъ не были знакомы и даже обычнаго визита при поступленіи въ Университетъ онъ не сдѣлалъ, и наши свиданія ограничивались лишь засѣданіями въ университетскомъ совѣтѣ и случайными встрѣчами, то я, разумѣется, былъ не мало удивленъ его визиту и сразу предположилъ, что его привело ко мнѣ какое-нибудь серьезное и важное дѣло.

„Я только что получилъ“, приступилъ прямо Николай Яковлевичъ, „важное, спѣшное письмо отъ отца моего, академика Грота въ Петербургѣ. Зная вѣроятно о Вашей близости и дружбѣ съ Александромъ Ивановичемъ Чупровымъ, онъ поручилъ мнѣ просить Васъ отъ Академіи, въ виду того, что тамъ опросталась (кажется,

за смертью Безобразова) каѳедра политической экономіи, написать мотивированный отчетъ о трудахъ и сочиненіяхъ А. И. Чупрова для предложенія его и промоціи въ Академіи на это мѣсто. При этомъ необходимо два условія: спѣшность и полная скромность, т. е. молчаніе обо всемъ этомъ дѣлѣ до поры до времени... Если Вы согласитесь, въ чемъ я увѣренъ по дружбѣ къ Чупрову, то я немедленно телеграфирую отцу".—„Извѣстно ли обо всемъ этомъ", спросилъ на это я, „самому А. И. Чупрову и изъявилъ ли онъ свое согласіе?"—„Совершенно ничего не знаю", „но Вамъ рѣшительно ничего не мѣшаетъ и даже благоразумно, въ дѣйствительности, спросить самого Чупрова".

Конечно послѣ этого я тотчасъ изъявилъ свое согласіе исполнить возможно скоро работу для своего друга, искренно порадовавшись за него. Затѣмъ я немедленно отправился къ Александру Ивановичу и объявилъ ему объ этомъ предложеніи и своемъ обѣщаніи. Къ моему удивленію, Александръ Ивановичъ отнесся къ этому дѣлу далеко, повидимому, не съ радостью и готовностью, какъ слѣдовало ожидать. Онъ указывалъ, главнымъ образомъ, на зависть и разныя сплетни и нареканія, которыя вызоветъ его избраніе въ академики; со свойственной ему скромностью онъ ссылался наиболѣе на малое количество своихъ трудовъ и указывалъ на то, что многіе русскіе экономисты работали-де гораздо больше и скорѣе заслуживаютъ этой чести. Я ему въ свою очередь указывалъ на тѣ преимущества, которыя онъ пріобрѣтетъ, и главное на болѣе прочное положеніе въ служебномъ отношеніи, въ особенности въ виду косыхъ взглядовъ на него министерства, которые могутъ помѣшать его утвержденію при ближайшихъ выборахъ (что въ дѣйствительности, какъ сейчасъ узнаемъ, вскорѣ и случилось).

Послѣ этихъ довольно длинныхъ разговоровъ, Александръ Ивановичъ заявилъ, наконецъ, свое согласіе на дальнѣйшее движеніе этого дѣла и обѣщалъ мнѣ даже дать списокъ нѣкоторыхъ болѣе мелкихъ его трудовъ, которые я могъ упустить въ своемъ отзывѣ.

Черезъ недѣлю мой отзывъ, разумѣется очень лестный, объ ученыхъ трудахъ и дѣятельности Александра Ивановича былъ готовъ и переданъ Н. Я. Гроту, который отправилъ его въ Петербургъ къ академику Гроту. По всему дѣлу соблюдалась нами полная скромность, т. е. о немъ рѣшительно никто не зналъ, кромѣ заинтересованныхъ лицъ.

Прошло, однако, нѣсколько мѣсяцевъ, и не было никакихъ слуховъ о нашемъ съ Гротомъ начинаніи, пока я, наконецъ, не узналъ, не помню лично ли отъ Грота, слѣдующія обстоятельства, которыя и поспѣшилъ сообщить Чупрову—почему его промоція на этотъ

разъ не удалась. Оказалось именно, что Н. Х. Бунге, бывшій министръ Финансовъ, а тогда предсѣдатель Комитета Министровъ и *почетный членъ* Академіи Наукъ, вздумалъ это послѣднее званіе, въ виду освободившейся вакансіи, измѣнить въ *дѣйствительные члены, но безъ содержанія,* для чего и пожелалъ подвергнуться новому избранію Конференціи. Разумѣется, при такой конкурренціи отпала всякая мысль о дальнѣйшемъ замѣщеніи каѳедры политической экономіи, въ виду почета, во-первыхъ, имѣть такого члена въ рядахъ Академіи и вслѣдствіе общей симпатіи и уваженія къ Николаю Христіановичу. Кромѣ того, Академія при этомъ планѣ выигрывала въ свою пользу, по закону, всѣ средства, освобождавшіяся отъ содержанія данной каѳедры. Такъ безрезультатно остался мой трудъ надъ отзывомъ о столь достойномъ кандидатѣ, какъ А. И. Чупровъ, и это тѣмъ болѣе было жаль, что онъ состоялъ уже въ это время членомъ-корреспондентомъ Академіи и, слѣдовательно, имѣлъ извѣстныя права надѣяться на успѣхъ въ выборахъ, я же тогда былъ совершенно въ сторонѣ отъ Академіи и даже не мечталъ о чести попасть когда-либо въ ея ряды.

Милый Александръ Ивановичъ не хотѣлъ остаться въ долгу за описанную услугу мою, хотя и безрезультатную, не по моей винѣ. Онъ уже былъ тогда членомъ Международнаго Статистическаго Института, одинъ изъ немногихъ тогдашнихъ русскихъ ученыхъ, носившихъ это почетное званіе. Не говоря мнѣ ни слова, онъ сдѣлалъ въ Институтѣ предложеніе объ избраніи меня также, что вскорѣ и состоялось, и я внезапно для себя получилъ увѣдомленіе, кажется изъ Лондона, объ избраніи меня въ члены этого почтеннаго учрежденія и предложеніе участвовать въ его трудахъ и выборахъ!..

Подобный обмѣнъ услугъ, а еще больше того, совмѣстныя и общія дѣйствія мои съ Александромъ Ивановичемъ были очень часто выраженіемъ нашего общенія и дружбы, и перечислить ихъ всѣ цѣликомъ почти за тридцать лѣтъ совмѣстнаго профессорства совсѣмъ невозможно,—приведу, пожалуй, лишь одинъ случай, который особенно ярко припоминается, благодаря печальной извѣстности того имени, котораго этотъ случай касается. Магистрантъ М. Я. Герценштейнъ, такъ трагически и несчастно покончившій впослѣдствіи свои дни отъ руки убійцы, нѣсколько разъ представлялъ въ Юридическій Факультетъ Московскаго Университета заявленіе о своемъ желаніи открыть, въ качествѣ приватъ-доцента, чтеніе курса политической экономіи; но каждый разъ это ходатайство отклонялось по волѣ начальства и, по моему мнѣнію, *безъ всякаго законнаго основанія.* Въ самомъ дѣлѣ, Михаилъ Яковлевичъ имѣлъ всѣ основанія полу-

чить разрѣшеніе на открытіе курса въ качествѣ приватъ-доцента. Прежде формальнымъ препятствіемъ служило его еврейское вѣроисповѣданіе, но онъ давно уже, вмѣстѣ съ женитьбой на русской—принялъ христіанство; отлично выдержалъ магистерскій экзаменъ и просилъ только допустить его до чтенія пробныхъ лекцій. Мы съ Чупровымъ посовѣтовали ему, поговоривши съ деканомъ и нѣкоторыми членами факультета, сдѣлать новую попытку для достиженія этого, вполнѣ легальнаго, желанія; мы оба съ Александромъ Ивановичемъ горячо ратовали въ засѣданіи факультета за безусловную необходимость исполнить его просьбу и, подробно разбирая положеніе дѣла съ разныхъ сторонъ, указывали, что нѣтъ никакихъ законныхъ препятствій кромѣ чистаго произвола къ допущенію г. Герценштейна въ приватъ-доценты... Помнится мнѣ, наши настойчивыя убѣжденія подѣйствовали на большинство факультета въ этомъ засѣданіи, и значительное число голосовъ, начиная (что намъ казалось особенно важнымъ) съ декана факультета В. А. Легонина, высказались за допущеніе М. Я. Герценштейна, при соблюденіи, конечно, извѣстныхъ требуемыхъ формальностей; но не согласился рѣшительно и говорилъ рѣзко и долго противъ допущенія Герценштейна на каѳедру лишь одинъ, собственно, вліятельный членъ факультета—бывшій тогда ректоромъ Н. П. Боголѣповъ. Онъ соглашался вполнѣ съ формальными аргументами въ пользу допущенія Герценштейна на каѳедру, но ставилъ вопросъ широко и произвольно. Противно закону, онъ утверждалъ, что крещеный еврей остается все равно евреемъ и долженъ подвергаться-де тѣмъ же самымъ ограниченіямъ, т. е. никогда не допускаться въ университетъ, и что мы съ Чупровымъ, такъ горячо ратующіе за отступленіе отъ этого принципа, хотя бы въ силу формальнаго закона, непремѣнно когда-нибудь горько раскаемся!!? [1]). Поэтому онъ-де, Боголѣповъ, видя, что большинство склоняется благопріятно на просьбу Герценштейна, остается при особомъ мнѣніи и заявитъ его Попечителю...—Въ результатѣ, Попечитель впослѣдствіи присоединился къ мнѣнію Боголѣпова, и мнѣніе большинства факультета провалилось, а Герценштейнъ и этотъ разъ не получилъ допущенія въ Университетъ

[1]) Въ теченіе всей моей тридцатилѣтней профессорской жизни мнѣ не пришлось, однако, убѣдиться въ справедливости предсказанія Н. П. Б. по той простой причинѣ, что многократныя мои попытки провести на каѳедру изъ своихъ учениковъ вполнѣ достойныхъ кандидатовъ-евреевъ оказывались всегда тщетными и безрезультатными. До сихъ поръ еще я встрѣчаю часто служащими въ банкахъ и въ рядахъ адвокатуры такихъ евреевъ—учениковъ, которые были бы гораздо умѣстнѣе и полезнѣе на университетскихъ каѳедрахъ!!.

и лишь добился его гораздо позднѣе, въ эпоху, кажется, такъ называемаго освободительнаго движенія.

Возвращаясь къ обоюднымъ между мною и Чупровымъ услугамъ, я долженъ разсказать далѣе подробно о всѣхъ тѣхъ тревогахъ, которыя намъ обоимъ принесъ прямо или косвенно 1895 годъ, и о тѣхъ хлопотахъ и мѣрахъ, которыя пришлось принимать для устраненія возможныхъ крупныхъ непріятностей. Лучше всего выразить причину всѣхъ этихъ тревогъ простымъ и краткимъ словомъ моей жены въ ея современномъ событію письмѣ (отъ 31 октября 1895 г.): „Иванъ Ивановичъ“, пишетъ она своимъ родителямъ, „вчера опять уѣхалъ въ Петербургъ на нѣсколько дней: тамъ у него два засѣданія въ Академіи. Тутъ долгое время переживали всѣ тревогу по поводу того, что Александра Ивановича Чупрова не приглашали къ чтенію лекцій послѣ окончанія имъ двадцатипятилѣтняго срока, и было даже опасеніе, что его хотятъ совсѣмъ устранить, такъ что Иванъ Ивановичъ хлопоталъ о немъ въ Петербургѣ. Теперь, слава Богу, все уладилось, и онъ уже началъ лекціи, а то студенты уже принимались волноваться“...

Прежде чѣмъ разсказать подробно о моихъ хлопотахъ по этому крупному и тревожному дѣлу, я считаю полезнымъ привести справку изъ своего письма по этому поводу къ женѣ изъ Петербурга еще 19 сентября 1895 года: „Очень хлопочу“, пишу я, „о бѣдномъ Чупровѣ: его хочетъ Деляновъ, кажется, серьезно вытѣснить изъ Университета. Надо серьезно же и похлопотать въ Москвѣ у генералъ-губернатора: думаю съѣздить къ Боголѣпову, лично, и его также попросить. Вчера я послалъ телеграммой по просьбѣ Чупрова печальную ему вѣсть о совѣтѣ Делянова—подождать съ чтеніемъ лекцій“... „Потомъ, однако, стало какъ будто проясняться“... „Какое огромное лишеніе для насъ“, добавляю я въ томъ же письмѣ,—„смерть Бунге!.. Онъ бы навѣрное все устроилъ къ общему благополучію. Сегодня ѣздилъ даже къ нашему бывшему сотоварищу Плеве: хотѣлъ попросить хоть его заступиться за бѣдняжку, но увы! Плеве еще въ Костромской губерніи... Другихъ вліятельныхъ знакомцевъ Муравьева и Витте—также нѣтъ въ Петербургѣ“... (Sic!)

Двѣ мои поѣздки осенью 1895 года въ Петербургъ по просьбѣ самого Александра Ивановича я посвятилъ посѣщенію всѣхъ лицъ, отъ которыхъ зависѣла его дальнѣйшая судьба въ университетѣ, и болѣе или менѣе горячо говорилъ въ его пользу и защиту. Прежде всего я отнесся къ моему новому сотоварищу по Академіи и въ то же время вице-директору Департамента Министерства Народнаго Просвѣщенія В. В. Латышеву, чтобы констатировать положеніе дѣла. Съ основательностью, ему свойственной, почтенный академикъ под-

твердилъ мнѣ, что А. И. Чупровъ считается серьезно скомпрометтированнымъ и тревожитъ своей дальнѣйшей участью Министерство, хотя оно ничего противъ него не имѣетъ и всѣ обвиненія текутъ изъ Москвы; онъ совѣтовалъ мнѣ хорошенько переговорить обо всемъ съ Н. М. Аничковымъ—директоромъ и самимъ графомъ Иваномъ Давидовичемъ, который, повидимому, очень занятъ дѣломъ Чупрова. Н. М. Аничковъ, который, надо отдать ему справедливость, все время относился къ моимъ хлопотамъ доброжелательно, объяснилъ мнѣ, что представленія и жалобы на извѣстную некорректность Чупрова въ его Университетскомъ поведеніи текутъ изъ Москвы и слѣдовало бы дѣйствовать на Боголѣпова, отъ котораго многое зависитъ; но само собой разумѣется, надо прежде всего серьезно побесѣдовать и узнать мнѣніе графа Ивана Давидовича и какъ онъ къ этому отнесется.

Я немедленно отправился къ Делянову, принятъ имъ былъ, какъ всегда, любезно и, зная его привычку приглашать къ себѣ обѣдать профессоровъ, которые на болѣе долгое время пріѣзжали въ столицу, самъ подсказалъ такое ему приглашеніе, заявивши, что пріѣхалъ на продолжительное время по дѣламъ Академіи и желалъ бы побесѣдовать съ нимъ о многихъ вопросахъ. Добрѣйшій Иванъ Давидовичъ Деляновъ немедленно пригласилъ меня къ себѣ на другой день откушать, и мы на довольно продолжительное время очутились съ нимъ съ глазу на глазъ, вдвоемъ—для желанныхъ мною разговоровъ о Чупровѣ.

Я тотчасъ же, какъ называется, притянулъ быка за рога и на вопросы Ивана Давидовича, что у насъ дѣлается въ Москвѣ, отвѣтилъ, что въ Университетскихъ кругахъ теперь тревожатся участью Чупрова, что затянулось его дальнѣйшее оставленіе въ университетѣ и не приходитъ утвержденіе изъ Петербурга. „Да, да", съ нѣкоторой досадой отвѣчалъ мнѣ графъ Деляновъ, „что прикажете дѣлать?... Я знаю хорошо", перебилъ онъ меня, когда я хотѣлъ что-то пояснить, „что Александръ Ивановичъ умница и добрѣйшей души человѣкъ, но ведетъ себя неосторожно: говоритъ больше, чѣмъ надо и съ кѣмъ не слѣдуетъ!"—„Помилуйте, многоуважаемый графъ", возразилъ я, „Александръ Ивановичъ корректный и скромный человѣкъ и ничего не законнаго дѣлать никогда не будетъ: за что же такое рѣзкое осужденіе противъ него?"—„Что же дѣлать, когда Московская администрація и прежде и нынѣ постоянно сообщаетъ о разныхъ неосторожностяхъ Чупрова? Вотъ теперь, напр., попечитель, новое лицо—вашъ бывшій товарищъ—Николай Павловичъ (Боголѣповъ), и ему уже не даютъ покоя съ Александромъ Ивановичемъ. Я боюсь, что если мы его пропустимъ дальше на пятилѣтіе, то,

пожалуй, будутъ протестовать противъ нашего рѣшенія... Знаете, ему не слѣдуетъ торопиться прошеніемъ о дальнѣйшимъ оставленіи на службѣ; если вы съ нимъ дружны, то передайте ему это: можетъ выйти хуже"... Послѣ этого разговора съ Министромъ, я немедленно послалъ Александру Ивановичу ту телеграмму, о которой уже упомянулъ, и вслѣдъ затѣмъ большое письмо, которое постигла странная участь: оно дошло до Москвы лишь черезъ три дня по словамъ Чупрова—чуть ли не распечатанное.

Въ концѣ обѣда я настойчиво присталъ къ доброму все-таки хозяину съ разспросами, въ чемъ же собственно обвиняютъ или подозрѣваютъ Александра Ивановича, что онъ такое сдѣлалъ, чтобы заслужить гнѣвъ начальства? Но Иванъ Давидовичъ на этотъ разъ отвѣчалъ уклончиво общими мѣстами и шутками, очевидно не желая мнѣ сказать точную правду—или не считая ее достаточной. Между прочимъ тутъ подтвердился извѣстный любимый анекдотъ объ И. Д. Деляновѣ, который я слышалъ раньше нѣсколько разъ, а именно его сравненіе о строгости поведенія профессоровъ и архіереевъ, по господствующимъ воззрѣніямъ. „Вѣдь вотъ ничего нѣтъ, конечно, зазорнаго прогуляться по Невскому даже вечеркомъ; попробуй это сдѣлать архіерей—въ результатѣ будетъ всеобщее осужденіе его поведенія!!. Также относится публика и къ профессорамъ: съ ихъ стороны требуется особая осторожность и благоразуміе въ каждомъ своемъ шагѣ. Ну вотъ Александръ Ивановичъ и въ данномъ случаѣ погрѣшаетъ: часто неосторожно дѣйствуетъ и говоритъ, откуда и являются нареканія при всѣхъ его достоинствахъ"... Такъ я и не добился точнаго и опредѣленнаго отвѣта о причинахъ предполагаемой угрозы изгнать моего милаго друга изъ стѣнъ Московскаго Университета. Отъ Делянова я, помню, поспѣшилъ для окончательнаго совѣта къ Н. М. Аничкову, отношенія котораго къ Чупрову мнѣ показались всѣхъ добрѣе. Я спросилъ его категорически, что мнѣ дѣлать дальше, чтобы спасти Чупрова и сберечь его для Университета, предварительно разсказавши, конечно, бесѣду съ графомъ. „Все дѣло въ Москвѣ", отвѣчалъ онъ, „и ближайшимъ образомъ въ Н. П. Боголѣповѣ. Я знаю, что онъ не любитъ Чупрова; но какъ относится къ вамъ?"—„Я съ нимъ состою въ добрыхъ товарищескихъ отношеніяхъ", отвѣчалъ я, „несмотря на нѣкоторыя столкновенія по поводу евреевъ".—„Ну и прекрасно, возвращайтесь въ Москву и убѣждайте его: участь Чупрова во многомъ зависитъ отъ мнѣній и желаній Николая Павловича"!..

Я вернулся вскорѣ же въ Москву и лично подробно передалъ все Чупрову, который, разумѣется, согласился съ необходимостью мнѣ предварительно повидаться съ Боголѣповымъ и пощупать

почву. Въ одинъ изъ ближайшихъ же дней я посѣтилъ Николая Павловича, довольно откровенно разсказалъ ему о всѣхъ своихъ хлопотахъ въ Петербургѣ и поставилъ ребромъ, что дальнѣйшая участь Чупрова, вѣроятно, зависитъ отъ его доброжеланія?.. Мнѣ пришлось вынести большую непріятность: выслушать нѣсколько разъ и при томъ безъ особой мотивировки и стараться отпарировать обвиненіе Чупрова Боголѣповымъ, которое онъ не стѣснился разъ даже позднѣе высказать моей женѣ въ частной бесѣдѣ съ ней—*въ лицемѣріи* А. И. Ч. „Онъ лицемѣръ", твердилъ Николай Павловичъ, одно говоритъ на языкѣ, а иногда и въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ", а дѣлаетъ совершенно другое!" Конечно, я старался опровергнуть и оспорить это недостойное обвиненіе, какъ только было въ моихъ силахъ—тѣмъ болѣе, что точной формулировки и приведенія отдѣльныхъ случаевъ онъ не давалъ, обвиняя Чупрова лишь, такъ сказать, огуломъ. Несмотря на все мое несогласіе съ мнѣніемъ Боголѣпова и мою любовь и уваженіе къ Александру Ивановичу, я долженъ, однако, сознаться, что считаю это странное, много разъ въ жизни повторенное Боголѣповымъ, мнѣніе хотя и совершенно ложнымъ, но высказаннымъ вполнѣ искренно: Н. П. Боголѣповъ былъ не менѣе искренній и честный, какъ А. И. Чупровъ, человѣкъ, только совершенно иного рода: они представляли собой слишкомъ противоположныя натуры, почему и не могли терпѣть и понимать другъ друга; это для меня обнаружилось ясно во всѣхъ крупныхъ и мелкихъ чертахъ ихъ жизни. Боголѣповъ былъ человѣкъ, прежде всего, крайне прямолинейный, не допускавшій и мысли объ отклоненіи отъ разъ принятаго пути, какъ бы это отклоненіе ни было справедливо и необходимо. Стоитъ только припомнить—объяснять я теперь не имѣю нужды—извѣстное отношеніе его къ евреямъ... Тутъ онъ былъ всегда неумолимъ и невозможно было убѣдить его къ уступкамъ. Совсѣмъ иной былъ Чупровъ: онъ былъ человѣкъ очень гибкій и уклончивый въ своихъ мнѣніяхъ и дѣйствіяхъ, насколько этого требовало его благородное сердце, гуманность и общій складъ его убѣжденій. Благодаря послѣдней причинѣ многія рѣшенія у него по одинаковымъ вопросамъ получались разныя, и это вело къ обвиненію его со стороны въ непослѣдовательности, а въ столкновеніяхъ съ совершенно противоположными людьми, какъ Боголѣповъ, не понимавшими иного поведенія, какъ свое—прямолинейное—даже и въ лицемѣріи...

Я всячески старался примирить взглядъ Боголѣпова, какъ Попечителя, съ дѣятельностью моего незабвеннаго друга Александра Ивановича, какъ профессора. Я указалъ дальше Попечителю, наконецъ, на опасныя послѣдствія, которыя дальнѣйшее неутвержденіе

Чупрова можетъ вызвать, на неизбѣжныя волненія между студентами, съ чѣмъ Боголѣповъ, разумѣется, не могъ не считаться. Боголѣповъ подумалъ и отвѣтилъ рѣшительно: „Ну что же, я ничего лично не скажу противъ Александра Ивановича. Передайте ему, что если онъ явится ко мнѣ и заявитъ о болѣе корректномъ на будущее и прямомъ образѣ дѣйствій (!!?), то я употреблю всѣ старанія удержать его въ Университетѣ“.—Разумѣется, я немедленно посѣтилъ Чупрова и передалъ ему въ возможно деликатной формѣ все происходившее, предлагая отправиться къ Боголѣпову вмѣстѣ со мной, какъ посредникомъ, или безъ меня. По нѣкоторому размышленію, рѣшили, что лучше ему одному отправиться, что онъ и сдѣлалъ. На разспросы мои послѣ возвращенія отъ Попечителя, Чупровъ категорически замѣтилъ, что все окончилось-де благополучно: Боголѣповъ обѣщалъ употребить всѣ старанія на продленіе его службы, но вѣроятно, какъ я могъ замѣтить по разнымъ признакамъ, объясненіе это было не легко для бѣднаго Александра Ивановича, почему я, разумѣется, и не настаивалъ на разспрашиваніи.

Какъ извѣстно, съ окончаніемъ своей профессорской тридцатилѣтней службы, Александръ Ивановичъ переселился, по причинамъ мнѣ не совсѣмъ яснымъ, за границу, гдѣ проживали нѣкоторые члены его семейства, и въ Россію уже не возвращался. Тѣмъ не менѣе связь наша далеко не прекратилась: мы во-первыхъ довольно часто переписывались, принимая во вниманіе русскую лѣнь, которая распространялась и на насъ грѣшныхъ, а затѣмъ видѣлись почти ежегодно за границей, гдѣ я проводилъ съ женой каждое лѣто. Такъ мы встрѣчались съ нимъ нѣсколько разъ въ Дрезденѣ, Мюнхенѣ, Гейдельбергѣ, Цюрихѣ и, наконецъ, послѣдній разъ въ Висбаденѣ, куда онъ пріѣзжалъ ко мнѣ погостить въ 1906 г. (Одна наша совмѣстная прогулка съ Чупровымъ на Нидервальдъ на Рейнѣ описана мною въ одной изъ первыхъ главъ настоящихъ „Воспоминаній“). Слѣдующее затѣмъ лѣто 1907 года мы опять были не далеко другъ отъ друга: я жилъ въ санаторіи на Боденскомъ озерѣ, а онъ въ Hohenschwangau, въ Баварскихъ Альпахъ. Къ сожалѣнію, я получилъ внезапно, въ результатѣ неудачнаго леченія въ санаторіи, новую мучительную болѣзнь—карбункулъ, меня напугавшую: проектируемая поѣздка моя къ другу въ Баварію не состоялась, и мнѣ уже больше не пришлось его видѣть въ жизни. Но переписка между нами постоянно продолжалась по разнымъ текущимъ и интересующимъ насъ вопросамъ, кромѣ, конечно, политики, которою я никогда не занимался. Послѣднее его письмо онъ написалъ мнѣ за недѣлю до его внезапной кончины по поводу

полученнаго отъ меня снимка съ портрета моего кисти В. Е. Маковскаго. Письмо это до того умно и мѣтко и такъ хорошо характеризуетъ покойнаго, понимавшаго толкъ въ живописи вслѣдствіе продолжительнаго пребыванія въ Италіи и свойственной ему во всемъ пытливости, что заслуживало гласности для публики, почему я его и напечаталъ въ газетѣ „Слово" [1]).

Любопытно, что изъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ лицъ никто такъ не интересовался постоянно, не имѣя никакихъ прямыхъ сношеній, судьбой Александра Ивановича, повидимому, какъ В. К. Плеве въ теченіе части его жизни, мнѣ извѣстной. Со времени переселенія моего въ Петербургъ, въ 1898 г., по должности члена Академіи Наукъ, я встрѣчался съ Плеве, тогда въ качествѣ Государственнаго секретаря, сравнительно довольно рѣдко, но гораздо чаще, когда онъ сдѣлался Министромъ В. Д., и каждый разъ онъ встрѣчалъ меня стереотипной фразой: „А какъ поживаетъ нашъ общій другъ, (our mutual friend), Александръ Ивановичъ?" при чемъ я передавалъ ему все извѣстное о Чупровѣ. Послѣднее, однако, время въ 1903 году наша переписка съ Чупровымъ какъ-то временно остановилась; Плеве, у котораго я былъ по дѣлу (что разсказано въ другой главѣ), провожая меня изъ своего кабинета, какъ любезный хозяинъ, до своей пріемной, повторилъ этотъ обычный вопросъ объ

---

[1]) Вотъ содержаніе этого письма А. И. Чупрова изъ Мюнхена отъ 16/29 февраля 1908 года: „Дорогой мой Иванъ Ивановичъ, чрезвычайно утѣшилъ ты меня присылкой посткарты, представляющей, очевидно, копію съ портрета. Изображеніе твое вышло превосходно. Въ первую минуту показалось оно мнѣ черезъ чуръ солидно, но чѣмъ больше я смотрю на него, тѣмъ ярче встаютъ твои черты и тѣмъ больше начинаю я цѣнить великое искусство мастера. Это не фотографія, а именно воспроизведеніе такихъ чертъ, которыя можно назвать въ человѣкѣ самыми существенными. Портретъ, какъ мнѣ кажется, совершенно удовлетворяетъ тому требованію, которое предъявляетъ къ художественнымъ произведеніямъ такого рода Рескинъ. Здѣсь нѣтъ такого сходства, чтобы, увидя это изображеніе, твоя собака начала лаять; но когда оно попадетъ къ другу, послѣдній не оторвется отъ него, и чѣмъ больше будетъ смотрѣть, тѣмъ больше будетъ находить знакомыхъ и милыхъ сердцу чертъ. Одно можно сказать: Маковскій, не смотря на годы, остался *большимъ* художникомъ, и *твой портретъ дѣлаетъ ему особую честь*. Дай Богъ здоровья милой Екатеринѣ Николаевнѣ, что она любящимъ сердцемъ придумала увѣковѣчить твой образъ!

„Удивительно хорошо снята посткарта. Гдѣ это нашелъ ты такого мастера? Стоило бы узнать, гдѣ дѣлаются такія копіи. Не только общіе контуры, какъ это бываетъ по большей части, но всѣ полутоны вышли совершенно отчетливо".

общемъ другѣ. Я былъ не совсѣмъ въ хорошемъ настроеніи и довольно невѣжливо отвѣтилъ хозяину (идя впереди его въ полъоборота), что онъ о Чупровѣ, навѣрное, можетъ получить болѣе точныя свѣдѣнія отъ одного изъ подчиненныхъ ему департаментовъ, нежели отъ меня... Мой рѣзкій отвѣтъ, видимо, непріятно затронулъ Министра, и онъ тоже довольно рѣзко же отвѣтилъ мнѣ: „Ошибаетесь, совершенно ошибаетесь! Александръ Ивановичъ теперь совершенно корректенъ и чистъ въ политическомъ отношеніи; намъ извѣстно только, что онъ проживаетъ за границей по какимъ-то романтическимъ причинамъ" (!?). Таковъ полученный мною изъ устъ покойнаго Министра загадочный отвѣтъ о моемъ другѣ, который до сихъ поръ является для меня неразрѣшеннымъ, такъ какъ я не считалъ себя въ правѣ касаться этого вопроса при встрѣчахъ позднѣе съ Александромъ Ивановичемъ, или членами его семьи.

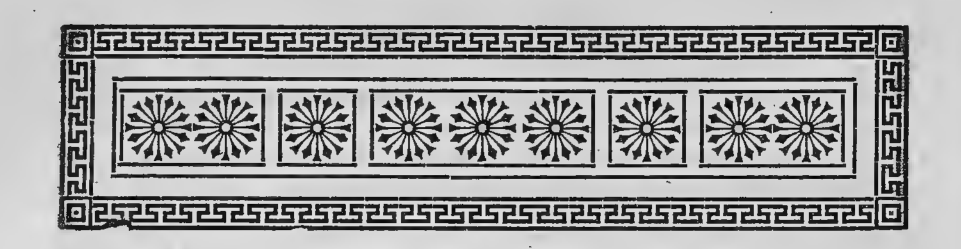
Извѣстіе о внезапной кончинѣ моего незабвеннаго друга я получилъ весьма быстро и одновременно изъ двухъ источниковъ: отъ одной изъ родственницъ Чупрова, извѣщенной изъ-за границы телеграммой, и отъ Мюнхенскаго профессора Лотца, въ домѣ котораго скончался Александръ Ивановичъ и который тотчасъ же мнѣ о томъ написалъ. Письмо его въ свое время помѣщено было мною также въ газетѣ „Слово".

Изъ матеріаловъ, уцѣлѣвшихъ у меня отъ Александра Ивановича, навѣрное, найдется нѣсколько десятковъ писемъ разной цѣнности въ неразобранной еще грудѣ моей переписки. Изъ нихъ особенную важность имѣетъ бережно сохраняемое мною большое письмо Александра Ивановича, до сихъ поръ еще не опубликованное, по важному этико-экономическому вопросу—„объ экономической цѣнности честности" — вслѣдствіе моего анкетнаго запроса по этому предмету для одной изъ моихъ будущихъ работъ: „Честность, какъ экономическій факторъ". Я надѣюсь, что судьба дозволитъ мнѣ опубликовать, хотя бы въ скромныхъ размѣрахъ, еще при моей жизни, эту учено-литературную работу, гдѣ увидитъ свѣтъ и упомянутое цѣнное письмо моего друга Александра Ивановича Чупрова.

Иванъ Янжулъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Воспоминанія графа Константина Константиновича Бенкендорфа о кавказской лѣтней экспедиціи 1845 года [1]).

(Souvenir intime d'une campagne au Caucase pendant l'été de 1845).

Передъ нашими взорами разстилалась страна—словно коверъ изъ тысячи красокъ или словно географическая карта, простирающаяся отъ холмовъ *Ханъ-кале*, что передъ крѣпостью *Грозной*, до низовьевъ Терека. На первомъ планѣ виднѣлись густые лѣса, покрывающіе своей темной зеленью высоты Ичкеріи и простиравшіеся вдаль, влѣво въ уже болѣе мягкихъ перегибахъ уходившіе въ богатыя и прекрасныя равнины Чечни и заканчивающіеся вправо у Качкалыковскаго хребта. Цѣпь этихъ горъ, начинавшаяся у нашихъ ногъ, поворачивала къ сѣверу и дѣлила равнину на двѣ равныя части. Вправо отъ цѣпи все носило различный характеръ: лѣса внезапно прекращались у подошвы горъ, и страна представляла изъ себя нечто иное, какъ желтоватую и выжженную солнцемъ равнину, которая, уходя въ даль, сливалась съ горизонтомъ въ неопредѣленныхъ тонахъ и, наконецъ, терялась въ необозримыхъ покрытыхъ камышами пространствахъ береговъ Каспійскаго моря, а еще далѣе и въ водахъ самаго моря.

Влѣво отъ этой цѣпи горы прекращались только у р. *Сунжи*, но вправо отъ Качкалыковскаго хребта они вновь начинались у Терека и длинной лентой протягивались до *Кизляра*. По ту сторону Терека, далѣе къ сѣверу, горизонтъ представляется безгра-

[1]) См. „Русская Старина“ январь 1911 г.

ничнымъ и на всемъ видимомъ пространствѣ раскидываются пустыни, служащія кочевьемъ ногайцевъ.

Всѣ взоры были обращены къ этой зеленой рѣзко-ограниченной полосѣ лѣсовъ, параллельной цѣпи горъ, что были теперь позади насъ.

Всѣ сердца стремились туда съ надеждой и воспоминаніями, тамъ была Россія, то были привѣтливыя казачьи станицы—*Наурская*, *Щедринская*, *Червленная*,—всѣ тѣ мѣста, къ которымъ съ такой любовью взываетъ кавказскій солдатъ каждый разъ, когда поетъ свои пѣсни по возвращеніи съ похода!! Казачьи станицы—это Эльдорадо, къ которому устремляются всѣ мечты о счастьѣ и весельѣ, Эльдорадо, представляющееся воображенію всѣхъ тѣхъ, кто воюетъ въ Чечнѣ и Дагестанѣ.

Разъ кто попалъ на линію, то онъ считаетъ себя уже дома,—у себя.

Однако для многихъ изъ насъ этотъ взглядъ, брошенный на противоположный берегъ Терека, тамъ, гдѣ начинается уже родина, являлся прощаніемъ на вѣки съ Россіею, которую имъ уже не суждено было болѣе видѣть.

Передъ нашими глазами, у подножія первыхъ горъ, на разстояніи, примѣрно, 10-ти верстъ находилось Дарго—большое селеніе-столица Шамиля, представлявшаяся намъ въ видѣ разбросанныхъ домиковъ. Вплоть до Дарго мѣстность отъ насъ представляла столѣтній лѣсъ, покрывающій гребни, сѣдловины и пропасти.

Непріятель сдѣлалъ большія приготовленія къ оборонѣ и воздвигъ много заваловъ, которые, въ извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга, въ видѣ укрѣпленій, перерывали дорогу, по которой намъ предстояло слѣдовать. Тѣмъ не менѣе, горцы еще не были въ значительныхъ силахъ, такъ какъ Фрейтагъ, содѣйствуя нашему движенію, особой диверсіею, продвинулся къ этому времени отъ крѣп. Грозной къ Маіортупу; чеченцы бросились на защиту своей страны, которой угрожало внезапное появленіе русскаго отряда, и у насъ были на время развязаны руки для операціи противъ Дарго.

Шамиль былъ застигнутъ врасплохъ, имѣя для противодѣйствія нашему движенію не болѣе 1.000 человѣкъ бойцовъ.

Когда было опорожнено содержаніе котелковъ, и прошли четыре часа отдыха, графъ Воронцовъ подалъ сигналъ къ атакѣ лѣса. Куринцамъ, дѣтямъ Чечни, какъ это и подобало, выпала честь открытія дѣла. Въ боевомъ порядкѣ прошли мы передъ главнокомандующимъ съ любимой пѣснью Куринцевъ: „Шамиль вздумалъ бунтоваться“, при чемъ всѣ подхватывали хоромъ: „Куринскій

полкъ, ура!". Бѣглымъ шагомъ спустились мы затѣмъ съ горы. Когда мы очутились внизу, на небольшой полянѣ, полковникъ *Меллеръ-Закомельскій* (командиръ Куринскаго полка) повелъ Куринцевъ по дорогѣ, сворачивавшей здѣсь влѣво, съ цѣлью выбить горцевъ изъ перваго завала, построеннаго у входа въ лѣсъ.

Я развернулъ свой баталіонъ вправо отъ дороги и прямо направился для занятія опушки лѣса, которымъ рѣшено было овладѣть. Быстро и проворно, выдержавъ лишь одинъ залпъ, ударили мы бѣглымъ шагомъ на завалъ, и противникъ мгновенно его очистилъ; мы потеряли лишь офицера и 4-хъ нижнихъ чиновъ.

Для отряда это была еще только прелюдія трудностей этого дня, для моего баталіона—окончаніе его участія въ дѣлѣ этого дня, и на остатокъ дня мы оставались только зрителями. Такимъ образомъ, часто бываетъ, что все происходитъ противно принятымъ первоначально предположеніямъ, такъ и въ настоящемъ случаѣ, когда намъ предстояло наибольшое участіе въ дѣлѣ.

Едва только заняли мы участокъ, съ котораго начинался разбѣгъ штурмовыхъ колоннъ, какъ атака началась. Во главѣ шелъ 1-й баталіонъ Литовскаго Егерскаго полка, утратившаго свое знамя въ польской кампаніи и долженствовавшаго здѣсь и теперь себя реабилитировать; за нимъ слѣдовали двѣ роты 3-го баталіона Куринцевъ, которые должны были поддерживать его (морально) и внушать ему необходимое для возстановленія своей утраченной чести мужество.

Литовцы молодцами смыли свое безчестіе, и едва только четвертая часть ихъ уцѣлѣла за эту экспедицію, но—позоръ былъ смытъ, и новое знамя, добытое цѣною пролитой ими въ Ичкеріи крови, было имъ вручено взамѣнъ утраченнаго ими при Воврѣ[1]).

Близко за Литовцами слѣдовали саперы, за ними грузинская дружина, бросившаяся на завалы вслѣдъ за Литовцами.

Но проворнѣе всѣхъ оказалась молодежь главной квартиры, которая, въ своей жаждѣ славы и успѣховъ и счастливая воспользоваться случаемъ, стала въ головѣ колоннъ, и здѣсь мы увидѣли нѣчто совершенно небывалое—группа молодыхъ офицеровъ, благодаря только одной стремительности и храбрости, одна беретъ подрядъ три ряда заваловъ.

Не устоявъ противъ подобнаго порыва, непріятель отошелъ и уступилъ намъ спускъ въ лѣсъ, но мы понесли здѣсь довольно

---

[1]) Здѣсь, во главѣ литовцевъ былъ раненъ князь Алек. Мих. Дундуковъ-Корсаковъ, подполковникъ ген. шт. Левиссонъ и др.

тяжелыя потери[1]) и въ числѣ таковыхъ наиболѣе чувствительна была потеря генеральнаго штаба подполковника Левиссона, выдающагося офицера, финляндца по происхожденію.

Противъ сейчасъ занятаго нами склона былъ другой, на который слѣдовало взбираться, а такъ какъ онъ тоже опоясанъ укрѣпленіями, то приходилось и его брать штыками. Оба ската горы соединялись узкимъ перешейкомъ, по обѣ стороны котораго росъ густой вѣковой лѣсъ.

Нашъ авангардъ прошелъ перешейкомъ и блистательно исполнилъ свою задачу, занявъ противоположный скатъ и преслѣдуя противника по пятамъ. Графъ Воронцовъ лично слѣдилъ вблизи за за успѣхомъ дѣйствія авангарда, не имѣя другого прикрытія, кромѣ своего штаба, и будучи увѣренъ, что мы уже полные хозяева этого занятаго участка. Никакихъ войскъ въ распоряженіи графа Воронцова не было. По узкой дорогѣ, заваленной стволами громадныхъ деревьевъ, проходить можно было только по одному, и нечего было и думать о движеніи сколько-нибудь сомкнутымъ строемъ, а потому пока и оставалось слѣдовать впередъ только этимъ способомъ.

Лишь только главнокомандующій съ своей свитой вступилъ на этотъ перешеекъ, бывшій внѣ поля зрѣнія и вообще внѣ сферы дѣйствія авангарда, уже значительно усилившагося отъ главныхъ силъ, все еще находившихся на верху первой высоты[2]), какъ онъ и его свита были встрѣчены градомъ пуль; противникъ оказался между нимъ и авангардомъ. Лошадь графа была ранена, и самъ онъ долженъ былъ обнажить свою шашку; присутствіе его сохранило порядокъ, и чины свиты, тѣснясь около него, на перебой старались каждый прикрыть его своимъ тѣломъ.

Привели горное орудіе, дабы обстрѣлять занятую противникомъ часть лѣса.

Едва только стало орудіе, какъ оно было подбито, и вся прислуга его выведена изъ строя убитыми и ранеными. Саперы также ничего не могли сдѣлать, и только грузинская милиція первая освободила главнокомандующаго и заставила противника отступить. Съ этого времени дорога была очищена.

Какъ разъ въ эту минуту я прибылъ сюда съ двумя ротами моего баталіона, такъ какъ, услыхавъ усиленную пальбу, мы не

[1]) Кромѣ убитаго Левиссона, здѣсь ранены: полковникъ *Семеновъ*, маіоръ *Степановъ*, поручики—кн. *Дундуковъ-Корсаковъ* и *баронъ Врангель* и юнкеръ *Мельниковъ* тяжело (товарищъ кн. Дундукова по университету), умеръ на походѣ.

[2]) То есть значительно позади.

знали въ чемъ дѣло, а генералъ Клюки-фонъ Клюгенау спустилъ насъ сюда съ горы. Графъ Воронцовъ приказалъ мнѣ замѣстить Грузинъ и оставаться здѣсь до подхода арріергарда, возложивъ на меня личную отвѣтственность обезпеченія прохожденія здѣсь обозовъ и войскъ всей колонны.

Я оставался здѣсь до наступленія ночи, и только тогда показался наконецъ *Лабынцевъ* съ послѣдними войсками, составлявшими арріергадъ.

Обозъ проходилъ цѣлыхъ шесть часовъ и было очень трудно поддерживать порядокъ; всѣ торопились, всѣ стремились впередъ и кричали и командовали, и никто не хотѣлъ слушаться; никогда еще мое терпѣніе не подвергалось болѣе тяжелому испытанію. Наконецъ, подняли и насъ, мы послѣдовали общему движенію и, двигаясь всю ночь, исполняли докучливыя обязанности, обыкновенно выпадающія на послѣднія двигающіяся войска: на каждомъ шагу приходилось подбирать отсталыхъ, хоронить брошенныя тѣла, вытаскивать несчастныхъ застрявшихъ лошадей и облегчать движеніе излишне перегруженныхъ.

Только 4 часа спустя по восходѣ солнца прибыли мы въ Дарго, еще съ вечера занятое нашими войсками. Этотъ день стоилъ намъ 200 человѣкъ потери.

Противникъ оказалъ особое сопротивленіе нашему авангарду, оказавшему чудеса мужества подъ начальствомъ храбраго генерала *Бѣлявскаго*, взявшаго семь заваловъ.

Дарго было объято пламенемъ, и всѣ созданныя Шамилемъ зданія были уничтожены.

Нашъ лагерь былъ разбитъ на высотахъ, командующихъ равниной, на которой еще дымились развалины городка.

На слѣдующій день графъ, окруженный выстроенными покоемъ войсками, слушалъ панихиду по павшимъ въ бояхъ наканунѣ и по тѣмъ несчастнымъ русскимъ плѣннымъ, которые, въ числѣ 20 человѣкъ, были здѣсь звѣрски замучены по приказанію Шамиля[1]).

Мѣсто нахожденія прежняго Дарго принадлежало теперь намъ, въ чемъ и заключался единственный результатъ нашей побѣды. Въ этой странѣ не существуетъ такого центральнаго пункта, занятіе котораго рѣшило бы ея завоеваніе. Кавказскія племена лишь въ весьма ничтожной степени находятся въ зависимости другъ отъ друга и въ политическомъ и въ матеріальномъ отношеніи. Въ настоящее время ихъ связываетъ только власть Шамиля, и его авто-

---

[1]) Плѣнныхъ было больше, ибо погибло здѣсь 16 человѣкъ однихъ офицеровъ и 21 чел. нижн. чиновъ (Кавк. Сборн. томъ VI, стр. 418).

ритетъ господствуетъ только тамъ, гдѣ онъ находится лично, не привязываясь, однако, къ одному мѣсту, болѣе чѣмъ къ другому.

Такъ и здѣсь, какъ и всюду въ нашихъ войнахъ на Кавказѣ, мы хозяева только на мѣстяхъ расположенія нашихъ войскъ бивакомъ, и все то, что было внѣ черты нашихъ лагерей и внѣ сферы дѣйствія нашихъ охраняющихъ частей, принадлежало уже непріятелю.

Въ Дарго онъ насъ окружалъ, какъ бы блокировалъ со всѣхъ сторонъ и, чтобы выйти изъ нашихъ оборонительныхъ линій и выбить непріятеля, нужно было пролить кровь и чтобы вернуться, очистивъ временно занятую мѣстность,—то же самое. Въ такомъ обыкновенно положеніи будетъ армія, воюющая не съ подобной же арміею, а съ цѣлымъ вооруженнымъ народомъ, способнымъ и обороняться и, одновременно, и наступать.

Наше сообщеніе съ нашими тыльными эшелонами стало весьма труднымъ. Къ югу отъ насъ Даргинскій лѣсъ, пройденный нами 6-го, представилъ страшную преграду, а къ сѣверу лѣсистыя ущелья Ичкеріи отдѣляли насъ отъ равнинъ Чечни и Кумыковъ. Трудность нашего положенія увеличивалась еще тѣмъ обстоятельствомъ, что населеніе, съ которымъ мы имѣли дѣло, было однимъ изъ самыхъ воинственныхъ, оно было, такъ сказать, взрощено и воспитано вѣчными войнами, что оно было поднято и возбуждено противъ насъ страхомъ и фанатизмомъ во имя религіи пророка и именно тѣмъ, кого теперь всѣ они признали его избранникомъ и его посланнымъ.

Въ день занятія Дарго силы Шамиля были слабѣе нашихъ, но уже на другой день вся Чечня и весь Дагестанъ [1]) собрались вокругъ него, и теперь многочисленный противникъ, словно громадный муравейникъ, окружалъ насъ со всѣхъ сторонъ. Горцевъ собралось несомнѣнно не менѣе 30.000 человѣкъ. 7-го іюля графъ Воронцовъ приказалъ генералу Лабынцеву занять командующую нами позицію у Белгатая (на лѣвомъ берегу р. Аксай), откуда Шамиль, пользуясь командованіемъ, обстрѣливалъ нашъ лагерь; горцы дрались съ большимъ упорствомъ, и мы потеряли 200 человѣкъ [2]).

Дни 8-го и 9-го прошли въ незначительныхъ перестрѣлкахъ, завязывавшихся каждый разъ, когда наши фуражировочные отряды

[1]) Здѣсь Бенкендорфъ сильно преувеличиваетъ, забывая, что одновременно шли еще двѣ экспедиціи: Самурскаго отряда кн. Аргутинскаго въ Ю. Дагестанѣ и г.-л. Шварца на Лезгинской кордонной линіи, и обѣ экспедиціи оттянули значительныя силы Шамиля.

[2]) Этотъ захватъ „на время“ позиціи у Белгатая, по своей совершенной безцѣльности, сильно осуждался въ отрядѣ опытными кавказцами, а въ

спускались на равнину, отдѣлявшую насъ съ одной стороны отъ непріятеля. Что касается до нашего лагеря, то мѣсто для него было выбрано настолько удачно, что непріятель не могъ насъ здѣсь безпокоить.

Наши продовольственные запасы приходили между тѣмъ къ концу, и мы надѣялись пополнить ихъ 9-го іюля. Колонна, слѣдовавшая изъ Чиркея, должна была доставить большой транспортъ и остановиться на вершинѣ той высоты, которую отрядъ нашъ занималъ 6-го, во время привала, передъ прохожденіемъ Даргинскаго лѣса.

Выстрѣлъ изъ орудія долженъ былъ извѣстить насъ о прибытіи транспорта, и по этому сигналу долженъ былъ собраться сводный изъ разныхъ частей отрядъ подъ общимъ начальствомъ генерала Клюки-фонъ-Клюгенау и, пройдя черезъ лѣсъ навстрѣчу транспорту, доставить предназначенный отряду провіантъ, частью на людяхъ, частью на вьюкахъ. Я былъ предназначенъ вести три роты Куринцевъ [1]).

Участіе въ столь опасной экспедиціи было плохимъ ручательствомъ въ долговѣчности жизни. *Всѣ это сознавали*, а тѣмъ болѣе мы, издавна знакомые съ лѣсной войной: *въ этомъ отношеніи кажется никто не заблуждался* [2]).

Во всемъ отрядѣ нашелся только одинъ добровольный участникъ этой, такъ прозванной солдатами, „сухарной оказіи", хотя онъ и отлично понималъ всю ея опасность, ибо былъ въ злополучной экспедиціи въ Ичкеріи въ 1842 году, а потому зналъ, что это за противникъ чеченцы, укрытые въ своихъ лѣсныхъ трущобахъ. Этимъ добровольцемъ былъ храбрый капитанъ *Беклемишевъ*,—*адъютантъ Ѳ. И. графа Паскевича* [3]).

войскахъ вызвалъ, по свидѣтельству участника *Нечаева* (адъютанта Воронцова), *недовѣріе къ начальству, что болѣе всего способствовало упадку духа въ войскахъ"*. Особенно осуждали это безцѣльное дѣло Лабынцевъ и Пассекъ.

[1]) Поразительно, съ какимъ легкомысліемъ была задумана и исполнена эта операція доставки сухарей въ лагерь, и эта кровавая сухарная оказія останется навсегда тяжелымъ упрекомъ на памяти графа Воронцова, совершившаго здѣсь цѣлый рядъ ошибокъ и несообразностей. Во-первыхъ, не слѣдовало идти въ Дарго, не обезпечивъ отрядъ совершенно, а уже если, будучи въ Дарго, продолжать базироваться на Дагестанъ, то какъ можно было не занять и не создать въ Даргинскомъ лѣсу опорныхъ пунктовъ, что было такъ возможно при обиліи лѣса.

[2]) Самая „оказія" не была обезпечена, начиная съ выбора начальникомъ отряда Клюки-фонъ-Клюгенау, совершенно неопытнаго въ лѣсной войнѣ, а потомъ предварительно слѣдовало произвести развѣдку приготовленій противника и заблаговременно обезпечить слѣдованіе обоза за сухарями; вообще, все дѣлалось какъ-то торопливо и неискусно.

[3]) Беклемишевъ, сравнительно, недавно и умеръ и часть его воспоминаній поступила въ сборникъ Щукина. У Беклемишева было интересное

Къ счастью онъ вернулся обратно, блистательно откомандовавъ баталіономъ Люблинскаго полка, а впослѣдствіи закончилъ эту экспедицію командованіемъ баталіономъ Кабардинцевъ. Въ настоящее время онъ полковникъ и все еще на Кавказѣ, гдѣ на счету выдающагося офицера, подающаго большія надежды.

Лѣсъ, который предстояло пройти, тянулся на 10 верстъ и на всемъ этомъ протяженіи былъ пересѣченъ крутыми спусками и подъемами, глубокими оврагами, топкими мѣстами, завалами и новыми, вновь возведенными и сильно занятыми противникомъ укрѣпленіями. Съ однимъ баталіономъ хорошихъ войскъ можно навѣрняка задержать здѣсь цѣлую армію, совершенно парализуя всѣ ея усилія, настолько трудно развернуться въ этой крайне неблагопріятной для дѣйствія регулярныхъ войскъ мѣстности. Горцы отлично знаютъ этотъ родъ войны и обнаруживаютъ здѣсь много смѣлости. Не говоря уже о численномъ превосходствѣ, горцы имѣли надъ нами еще и преимущество активности дѣйствій противъ прикрытія транспорта, который въ подобныхъ условіяхъ естественно долженъ былъ растянуться до безконечности.

Въ ночь съ 9-го на 10-ое въ отрядѣ ждали условной сигнальной ракеты.

Сознаюсь откровенно, что вечеромъ 9-го я думалъ, что въ послѣдній разъ въ жизни пожимаю руки моимъ друзьямъ.

Я не хотѣлъ брать на себя отвѣтственность лично назначить роты для участія въ этой оказіи[1]) и предложилъ ротнымъ командирамъ, предоставивъ это судьбѣ, метать жребій; „орелъ“ или „рѣшетка“—рѣшало судьбу.

Метаніе жребія происходило передъ фронтомъ, на глазахъ у всѣхъ, и въ эти минуты ожиданія и тревоги царило глубокое молчаніе, ибо Куринцы, какъ офицеры, такъ и солдаты знали — что ихъ ожидаетъ впереди. *Пассьетъ* былъ однимъ изъ тѣхъ, на кого выпалъ жребій. Когда, для подтвержденія рѣшенія судьбы, я громко произнесъ приказаніе, Пассьетъ, спокойно держа подъ козырекъ, произнесъ обычное: „слушаюсь“, а затѣмъ въ полголоса, такъ, что только я могъ слышать, сказалъ: „это мой смертный приговоръ!“ И онъ не ошибся!

На войнѣ бываютъ такія торжественныя минуты, когда душа

собраніе акварелей по Кавказской войнѣ, заключавшее цѣлый альбомъ, тамъ были рисунки и Дарго,—единственное изображеніе съ натуры расположенія лагеря, съ видомъ горящаго сел. Дарго. *Б. Кол—ъ.*

[1]) Оказіями назывались на Кавказѣ обыкновенно слѣдованія различнаго рода транспортовъ въ сферѣ дѣйствія противника, а потому и подъ прикрытіемъ войскъ, а также и регулярныя сообщенія между крѣпостями.

воспринимаетъ извѣстныя неизгладимыя впечатлѣнія и когда чувствуешь будущее.

Только война обнаруживаетъ нѣкоторыя особыя и высшія добродѣтели, которыя глубоко насъ трогаютъ. Въ солдатѣ, втянутомъ во всѣ служебныя требованія, я болѣе всего цѣню пассивное послушаніе и покорность, качества, къ выработкѣ которыхъ направлено все наше военное устройство (организація, іерархія, воспитаніе и т. п.), качества, которыхъ никто не превозноситъ, но изъ которыхъ между тѣмъ и вытекаетъ и преданность, и самоотверженіе. И за все это воздастся намъ тамъ наверху, гдѣ царство справедливости, и тамъ не будетъ забыто, что достаточно намъ только получить приказаніе — „умереть", какъ мы идемъ на смерть, даже и не спрашивая—„зачѣмъ"?

Я легъ отдохнуть, не раздѣваясь, дабы быть готовымъ къ выступленію по первому сигналу, но сигнальной ракеты не было и за часъ до восхода солнца, вмѣсто первоначальнаго порученія, мнѣ приказано, принявъ въ командованіе 2 баталіона и 2 орудія, занять селеніе, бывшее въ 3-хъ верстахъ отъ лагеря.

Было извѣстно, что въ селеніи имѣлся фуражъ, который я долженъ былъ захватить и доставить въ лагерь, для чего мнѣ были приданы всѣ оставшіяся лошади отряда. Въ теченіе же дня я долженъ былъ прикрывать табунъ. Я едва успѣлъ попрощаться съ бѣднымъ *Пассьетомъ*, котораго я больше уже не увидѣлъ [1]).

При входѣ въ селеніе у насъ было завязалась довольно горячая перестрѣлка, во время которой *Колюбакинъ*, бывшій съ своей ротой въ цѣпи и верхомъ, былъ раненъ пулей въ грудь, къ счастью, не особенно серьезно, и черезъ день онъ уже вернулся въ строй. Затѣмъ, у меня уже по всей линіи стало тише, такъ какъ противникъ былъ занятъ въ другомъ мѣстѣ.

Сигнальная ракета была пущена, и войска нашей „сухарной оказіи" вошли въ лѣсъ, прошли его, провели ночь на высотѣ и вернулись обратно 11-го.

Но это были только жалкіе остатки! Они мужественно пробились сквозь тысячи непріятелей и сквозь груды тѣлъ. Никакія распоряженія, ни общія, ни частныя, не были примѣнимы въ этой убійственной мѣстности: укрываясь деревьями, завалами, укрѣпленіями, горцы стрѣляли съ удобствами, не торопясь, и били на выборъ нашихъ солдатъ, охранявшихъ и оборонявшихъ транспортъ

---

[1]) Доблестный Пассьетъ былъ раненъ, но лишенный ухода и леченія умеръ отъ гангрены уже по прибытіи въ Герзель-аулъ.

и остававшихся беззащитными. Потери были громадныя, но, по крайней мѣрѣ, одинаковыя для обѣихъ сторонъ; горцы были изумлены. Для насъ потери эти, сравнительно, были ощутительнѣе: противникъ былъ у себя, его силы удваивались каждый день, между тѣмъ какъ ряды нашихъ бойцовъ порѣдѣли, и только непомѣрно увеличивалось число раненыхъ, многочисленность которыхъ не переставала создавать намъ новыя затрудненія [1]).

Только графъ Воронцовъ могъ справиться съ задачей командованія въ столь критическія минуты [2]).

Эта кровавая экспедиція дней 10-го и 11-го, названная солдатами „сухарной оказіею“ или „сухарницей“, имя, которое ей и осталось навѣки, была богата подвигами героизма, самоотверженія и мужества. Многіе изъ этихъ подвиговъ, какъ, напримѣръ, — прохожденіе лѣса однимъ молодымъ солдатомъ сквозь тысячи смертей, подробности смерти *Пассьета* и стараго кавказца и героя полковника *Ранжевскаго* были воспѣты солдатскими стихами; между солдатами немало такихъ стихотворцевъ, воспѣвающихъ на всѣ лады тѣ дѣла, въ которыхъ они участники.

Многіе эпизоды этого достопамятнаго боя были описаны въ нашихъ реляціяхъ, передавались изъ устъ въ уста по всему Кавказу и долго еще служили темами безконечныхъ бесѣдъ зимой, у огонька въ маленькихъ бѣленькихъ домикахъ полковыхъ штабъ-квартиръ.

Одинъ изъ этихъ эпизодовъ, пользующійся меньшей извѣстностью, относится къ грустному событію, о которомъ тяжело вспомнить, но, будучи менѣе щепетиленъ, я не боюсь помѣстить этотъ

---

[1]) Въ дни 10-го и 11-го въ этой сухарной оказіи мы потеряли: убитыми: 2-хъ генераловъ (*Викторова* и *Пассека*), 3-хъ шт.-офиц., *14* об.-офиц. и *446* н. чин.; ранеными, преимущественно тяжело и по нѣсколько разъ: оберъ-офицеровъ *34* и нижн. чиновъ *715*; контуженными: об.-офиц. *4* и нижн. чиновъ *84*; и *122* чел. ниж. чин. безъ вѣсти пропавшихъ.

Насколько несообразно были велики потери, видно изъ сравненія силъ отряда 6-го іюля, передъ движеніемъ въ Дарго (350 шт. и об.-офиц., 850 унт.-оф. и 8.825 н. ч.) и 13-го іюля при выступленіи въ Герзель-аулъ (248 шт. и об.-офиц., 627 унт.-офиц. и 5.230 н. ч.), когда однихъ больныхъ и раненыхъ при обозѣ было: офицеровъ 57 и 1.254 чел. ниж. чиновъ.

[2]) Графъ Воронцовъ показалъ здѣсь большое величіе духа и удивительную выдержку, что, конечно, много способствовало спасенію отряда, „хотя все-таки успѣхъ этого спасенія заключался въ доблести и искусствѣ кавказскихъ войскъ вообще и ихъ начальниковъ въ частности, не говоря уже о заслугахъ въ эти дни движенія въ Герзель-аулъ незабвенныхъ *Лабынцева* и *Козловскаго*, особенно перваго.

эпизодъ въ моихъ мемуарахъ, предназначенныхъ остаться извѣстными лишь тѣсному кругу моихъ самыхъ близкихъ друзей [1]).

Двѣ роты и горное орудіе колонны Клюгенау, отражая толпы непріятеля, сдѣлали все то, что честь и долгъ отъ нихъ требовали, но разстроенныя огнемъ, истощивъ всѣ усилія, подались и разсѣялись.

Орудіе было оставлено, лошади убиты, вывести орудіе стало немыслимо, прислуга еле держалась и приготовилась къ послѣднему отпору непріятельскихъ скопищъ, которые, покончивъ съ пѣхотой, бросились теперь на орудіе. Командовавшій орудіемъ молодой 22-хъ лѣтній юнкеръ *Баумгартенъ*, видя невозможность спасти орудіе, закричалъ прислугѣ: „спасайтесь и присоединяйтесь къ своимъ, а мнѣ все равно, мое мѣсто здѣсь", бросился затѣмъ къ орудію, обхватилъ его руками и закрылъ своимъ тѣломъ; горцы шашками и кинжалами рубили его на части.

Я зналъ лично Баумгартена и предугадывалъ, что онъ всегда выйдетъ съ честью изъ самыхъ трудныхъ обстоятельствъ, я былъ очень къ нему расположенъ и очень былъ огорченъ его смертью, подробности которой узналъ много времени спустя по окончаніи экспедиціи.

Намъ досталось очень мало продовольствія, а оставаться дольше въ Дарго стало невозможно и необходимо было подумать, какъ пробиться на линію нашихъ укрѣпленій. Путь нашего движенія еще не былъ опредѣленъ. Графъ Воронцовъ рѣшилъ идти на Герзель-Аулъ. Это направленіе и было предрѣшено планомъ кампаніи, составленнымъ въ Петербургѣ, и говорили, что эта дорога лучше той, которая ведетъ на Маіортупъ, потому что на ней всюду можно было имѣть воду.

Пуркей, уроженецъ Ауха, житель Андреева, взялся быть нашимъ проводникомъ. Честь и слава ему, что онъ честно послужилъ намъ въ этомъ случаѣ: вѣрность далеко не всегда составляетъ преобладающую добродѣтель горцевъ.

---

[1]) Вскорѣ по смерти автора мемуары были напечатаны на французскомъ языкѣ, а разъ эти мемуары вышли въ печати, то уже завѣщаніе Бенкендорфа не могло быть исполнено. 60 лѣтъ спустя, пора вынуть ихъ изъ подъ спуда, сдѣлавъ доступными массѣ, такъ какъ они имѣютъ цѣнность для исторіи и не только съ точки зрѣнія изслѣдованія одной экспедиціи 1845-го года. *Б. К.*

Сухарная экспедиція произвела тяжелое впечатлѣніе. Воображеніе молодыхъ людей, не побывавшихъ еще на подобныхъ празднествахъ, было полно дьявольскими и дикими образами чеченцевъ, какъ призраки кружившимися передъ ихъ глазами. Опытъ бывалыхъ людей ничуть не успокаивалъ ихъ на счетъ ожидавшей ихъ участи въ предстоявшемъ маршѣ. Лучшіе люди замыкались въ стоическое спокойствіе, составлявшее обычное ихъ состояніе въ счастьѣ, какъ и въ несчастьѣ, то спокойствіе, которое является результатомъ ихъ испытанной храбрости, ихъ традицій славы и ихъ постоянства въ исполненіи долга.

Чтобы уменьшить нашъ громадный обозъ, затрудняющій наше движеніе, и чтобы отвести подъ настоящихъ и будущихъ раненыхъ возможно большее число лошадей, мы сожгли какое возможно было имущество, палатки разодрали по полотнищамъ, и каждый солдатъ взялъ достаточное количество полотна для перевязки ранъ, могущихъ имъ быть полученными.

Вечеромъ 12-го я бродилъ между группами лицъ, собравшихся у расцвѣченныхъ флагами палатокъ главной квартиры; говорили только вполголоса, у многихъ лица вытянулись и не трудно было замѣтить, что здѣсь больше людей не воинственныхъ, больше военныхъ безъ призванія, чѣмъ у бивуачныхъ костровъ. Большая была разница между серьезной, но холодной и гордой выдержкой нашихъ кавказскихъ войскъ и тѣми разговорами, которые велись у палатокъ главной квартиры! Сколько разъ въ этотъ день мнѣ приходили на память прекрасные стихи Шиллера:

In Felde da ist der Mann noch was werth,
Da wird ihm das Herz noch gewogen,
Da tritt kein anderer für ihn ein,
Auch sich selber steht er ganz allein!

Я пошелъ засвидѣтельствовать свое почтеніе графу Воронцову. Я имѣлъ право входить въ его палатку во всякое время. Я хотѣлъ ему сказать, что мы надѣялись, что онъ вспомнитъ Куринцевъ, что время наступило, когда мы осмѣливались просить его не остаться намъ забытыми.

Графъ въ это время что-то диктовалъ. Онъ смѣрилъ меня своимъ проницательнымъ взглядомъ и улыбнулся мнѣ той улыбкой, которая никогда его не оставляла и которая, казалось, говорила: „неужели васъ все это удивляетъ? я не то еще видалъ въ теченіе моей продолжительной службы“. Я устыдился своего рвенія и не зналъ, какъ уйти незамѣченнымъ.

Графъ пришелъ мнѣ на помощь, протянулъ мнѣ руку, сердечно расцѣловалъ меня, благодарилъ меня, поручилъ мнѣ передать его

слова войскамъ и ласково прибавилъ, что во всѣхъ случаяхъ онъ зналъ, что можетъ на меня положиться. Я уже собирался уйти, но графъ, какъ бы боясь, что слишкомъ много сказалъ, снова позвалъ меня: „Кстати, Бенкендорфъ, прежде чѣмъ съ вами разстаться, я долженъ вамъ сказать, что только что получилъ письмо отъ жены. Онъ вамъ шлетъ привѣтъ; она очень довольна домомъ, который занимаетъ въ Кисловодскѣ, особенно прелестна гостиная, только погода не благопріятна: дождь льетъ каждый день; я очень объ этомъ сожалѣю".

Въ этотъ вечеръ мы роскошно поужинали остатками нашихъ запасовъ и вслѣдъ за другими принялись уничтожать свое имущество.

Я самъ сжегъ свои эполеты и аксельбанты съ вензелями Государя, чтобы быть увѣреннымъ, что они не попадутъ въ руки непріятеля; свою гербовую печать я передалъ барону Николаи, такъ какъ канцелярія и дѣла самого графа Воронцова, понятно, имѣли больше правъ на сбереженіе и сохраненіе. Затѣмъ я положилъ въ карманъ 4 плитки сухого бульона, а мои слуги оставили, кромѣ того, кастрюлю и рисъ; вотъ и всѣ наши запасы на 8 дней марша.

Мы высчитали, что намъ потребуется восемь дней, чтобы пройти 40 верстъ. Это одно даетъ понятіе, какую трудность представляли мѣстность и дороги, по которымъ намъ нужно было двигаться.

Наше выступленіе изъ Дарго состоялось при мрачномъ молчаніи войскъ.

Было необходимо обмануть непріятеля направленіемъ нашего движенія, въ чемъ мы хорошо успѣли и настолько, что выиграли цѣлый переходъ, не будучи атакованы. Для насъ это былъ большой успѣхъ, такъ какъ, достигнувъ бивуака въ окрестностяхъ Цонтери, мы оставили за собой два глубокихъ оврага, прохожденіе которыхъ насъ бы сильно затруднило и повело бы къ значительнымъ потерямъ. Генералъ Лабынцевъ командовалъ арьергардомъ, состоявшимъ главнымъ образомъ изъ баталіоновъ Кабардинскаго полка. Онъ былъ великолѣпенъ въ своемъ отступленіи, произведенномъ подъ выстрѣлами въ упоръ непріятеля и на виду всего отряда. Это отступленіе было удивительно по тому порядку и увѣренности, которые онъ умѣлъ сообщать войскамъ своего отряда и вообще внушать своимъ подчиненнымъ. Ему принадлежитъ всецѣло слава этого дня и всеобщее одобреніе. Потеря въ людяхъ у него была ничтожная.

Утро 14-го было туманное. Мы провели ночь на высотѣ, откуда дорога раздѣляется; одна идетъ влѣво на Маіортупъ, другая, вправо, параллельно долинѣ Аксая—на Герзель-Аулъ, куда намъ предстояло слѣдовать.

Такъ же, какъ и наканунѣ, непріятель все еще находился въ неизвѣстности принимаемаго направленія, что намъ было выгодно, такъ какъ непріятель не могъ заблаговременно приготовиться къ оборонѣ.

Съ восходомъ солнца мы покинули нашъ бивакъ и направились по лѣсистому плато. Я огибалъ опушку лѣса слѣва, нигдѣ не встрѣтивъ сопротивленія.

Непріятель перестрѣливался только съ авангардомъ. Одна изъ первыхъ пуль пробила колѣно полковника *графа Стенбока.* Рана эта, на которую сначала никто не обратилъ вниманія, впослѣдствіи потребовала ампутаціи ноги и тѣмъ лишила Кавказскую армію талантливаго, храбраго и достойнаго офицера.

Не успѣли мы сдѣлать и пяти верстъ, какъ, повернувъ налѣво, очутились у входа въ деревню Гурдали, которую непріятель только что зажегъ. Тамъ кончалось высокое плато. Дорога спускалась крутыми склонами въ узкую долину, образуемую небольшимъ ручьемъ. На противоположномъ берегу долины подымалась цѣпь лѣсистыхъ возвышенностей, вышины около 300 футовъ. Шамиль занималъ ихъ всѣми своими силами и преграждалъ намъ здѣсь дорогу.

Минута была рѣшительная,—необходимо было пробиться. Мы всѣ были въ ожиданіи. Я со своими егерями занималъ кукурузное поле, покрытое высокой травой, изъ-за которой насъ совсѣмъ не было видно; вдругъ я услышалъ свое имя, поспѣшно произнесенное нѣсколькими голосами заразъ. То были адъютанты, которыхъ графъ Воронцовъ прислалъ ко мнѣ. Главнокомандующій меня требовалъ къ себѣ! „Бенкендорфъ, видите, я васъ не забываю: возьмите Карталинскую милицію и все, что будетъ возможно изъ вашего баталіона, не обнажая лѣвой цѣпи. Авангардъ спустится въ долину и пойдетъ по дорогѣ, которая сворачиваетъ направо. Вы спуститесь вмѣстѣ съ нимъ и атакуете высоты, стараясь держаться правѣе, чтобы выйти во флангъ непріятельскимъ партіямъ. Вамъ нужно ихъ захватить и на нихъ удержаться“.

Приказаніе отдано было точно, исполненіе—трудно, успѣхъ—сомнителенъ.

Льщу себя надеждой, что изъ тѣхъ, кто помнитъ эту минуту отдачи мнѣ графомъ Воронцовымъ этого приказанія, никто меня въ этомъ не опровергнетъ.

Не успѣлъ я получить это приказаніе, какъ войска авангарда,

руководимаго генераломъ Бѣлявскимъ, огласили воздухъ знакомыми звуками движенія въ атаку. Я поспѣшилъ догнать его съ двумя первыми ротами моего баталіона, имѣвшими не болѣе 200 штыковъ, и съ Грузинской милиціею, имѣвшей столько же людей.

Чтобы избѣжать огня, отовсюду вырывавшагося изъ горѣвшаго селенія, мы пробѣжали его бѣгомъ, спустились въ оврагъ, перешли въ бродъ ручей и затѣмъ перешли лощину, шириною въ 200 шаговъ. Достигнувъ входа въ лѣсъ, у подножія атакуемыхъ мною возвышенностей я приказалъ пріостановиться для приведенія колонны въ порядокъ и для построенія. Здѣсь мы раздѣлились на двѣ части: полковникъ *Меллеръ-Закомельскій*, командовавшій всей цѣпью, взялся вести лѣвую часть, а я—правую; насъ раздѣлялъ оврагъ.

Я всегда имѣлъ счастье видѣть, что войска, которыя я велъ въ бою, всегда весело шли въ огонь; они считали меня удачникомъ, что придавало имъ особую увѣренность. Въ настоящемъ случаѣ они хорошо высматривали, но не трудно было убѣдиться, что они шли въ бой не съ легкимъ сердцемъ. На мое обращеніе къ нимъ, они отвѣтили мнѣ хорошимъ „ура!“, но въ этомъ „ура!“ не чувствовалось увѣренности въ побѣдѣ.

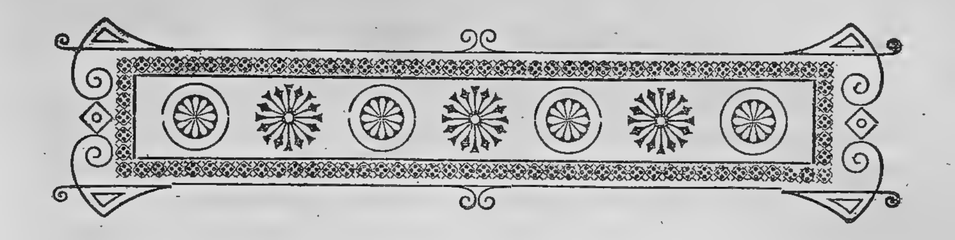
Вступая въ подобный темный лѣсъ, солдатъ вынужденъ разсчитывать только на собственное мужество, онъ долженъ пробивать себѣ дорогу черезъ сваленныя деревья и сквозь густую чащу, за которыми онъ ежеминутно рискуетъ наткнуться на западню; вообще здѣсь онъ предоставленъ исключительно только своимъ собственнымъ силамъ. Онъ не видитъ рядомъ съ нимъ идущаго товарища, не видитъ офицера впереди себя, ни ободряющаго его начальника; густота лѣса такова, что все исчезаетъ изъ вида.

При подобныхъ условіяхъ единство удара становится невозможнымъ, порывъ не поддерживаетъ движенія, ничто не электризуетъ, ничто не подымаетъ духа, ничто не влечетъ впередъ, какъ это обыкновенно бываетъ, когда идешь въ атаку на открытомъ мѣстѣ и на виду у всѣхъ. Здѣсь же сознаешь только трудности, которыя приходится преодолѣвать, и только и слышишь, что свистъ отовсюду летящихъ пуль, будучи лишенъ возможности отвѣчать, такъ какъ не видишь противника, который тебя поражаетъ.

Сообщилъ Б. М. Колюбакинъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Неизданная статья И. С. Тургенева о крестьянскомъ вопросѣ.

Тургеневу принадлежитъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду тѣхъ, кто такъ или иначе способствовали паденію крѣпостного права. Извѣстно, какое могучее впечатлѣніе въ концѣ сороковыхъ и началѣ пятидесятыхъ годовъ производили на читающее общество и на будущаго государя „Записки охотника"; впослѣдствіи Императоръ Александръ II самъ признавалъ, что эта книга „была однимъ изъ главныхъ двигателей его рѣшенія". Правда, ея нравственное воздѣйствіе на современниковъ не было основной, сознательно намѣченной цѣлью художника, но тѣмъ, значитъ, глубже было въ немъ гражданское чувство, если, выраженное лишь побочно, безъ прямого намѣренія „ударить по сердцамъ", оно, однако, ударило по нимъ съ такою силой.

Эпиграфомъ къ исторіи отношеній Тургенева къ народу можно поставить его воспоминанія о томъ, почему онъ въ серединѣ сороковыхъ годовъ покинулъ Россію. „Я не могъ дышать однимъ воздухомъ, оставаться рядомъ съ тѣмъ, что я возненавидѣлъ; для этого у меня, вѣроятно, не доставало надлежащей выдержки, твердости характера. Мнѣ необходимо нужно было удалиться отъ моего врага затѣмъ, чтобы изъ самой моей дали сильнѣе напасть на него. Въ моихъ глазахъ врагъ этотъ имѣлъ опредѣленный образъ, носилъ извѣстное имя: врагъ этотъ былъ крѣпостное право. Подъ этимъ именемъ я собралъ и сосредоточилъ все, противъ чего я рѣшился бороться до конца, съ чѣмъ я поклялся никогда не примириться...

Это была моя аннибаловская клятва"... Но дошелъ Тургеневъ до этого сознанія не сразу. Ребенкомъ, въ домѣ жестокой крѣпостницы-матери, съ которой, по словамъ П. В. Анненкова [1]), „никто не могъ равняться въ искусствѣ оскорблять, унижать, дѣлать несчастнымъ человѣка", онъ немало насмотрѣлся картинъ угнетенія и произвола и всю жизнь помнилъ завѣтъ Бабурина [2]): „когда выростете, постарайтесь прекратить таковыя несправедливости"... Вдумчивый, впечатлительный, добрый отъ природы, онъ ненавидѣлъ „таковыя несправедливости" скорѣе чувствомъ, чѣмъ сознаніемъ, и вражду свою къ крѣпостничеству осмыслилъ гораздо позднѣе. Одинъ изъ его товарищей по берлинскому университету, гдѣ онъ слушалъ лекціи въ 1838—1840 гг. (изъ петербургскаго университета онъ вышелъ кандидатомъ въ 1837 г.), говоритъ, что „не слыхалъ, чтобы онъ когда-либо высказывалъ горячія надежды или желанія по поводу отмѣны крѣпостного права", — но зато, какъ показываетъ тотъ же современникъ, онъ „былъ преисполненъ самыхъ идеальныхъ взглядовъ и надеждъ относительно будущаго преуспѣянія и развитія своего великаго отечества" [3]). Возвратившись въ Россію, онъ засталъ на родинѣ особенный подъемъ общественнаго и правительственнаго интереса къ положенію крестьянства. Въ это время были изданы указы о воспрещеніи продавать крѣпостныхъ людей отдѣльно отъ ихъ семей (1841 г.) и объ „обязанныхъ" крестьянахъ (2 апрѣля 1842 г.). Послѣдній вызвалъ въ обществѣ сильное возбужденіе. Народной язвы онъ нимало не излѣчивалъ, не давалъ народу почти ничего, „предоставляя тѣмъ изъ помѣщиковъ, которые, если сего пожелаютъ, заключать съ крестьянами своими по взаимному соглашенію договоры на такомъ основаніи, чтобы, не стѣсняясь постановленіями о свободныхъ хлѣбопашцахъ, помѣщики сохраняли принадлежащее имъ полное право вотчинной собственности на землю, со всѣми ея угодьями и богатствами, какъ на поверхности, такъ и въ нѣдрахъ ея, а крестьяне получали отъ нихъ участки земли въ пользованіе за условленныя повинности" [4]). Однако указъ 2 апрѣля 1842 г. имѣлъ значеніе манифестаціи неясныхъ прежде взглядовъ правительства и вызвалъ въ однихъ кругахъ неосновательный переполохъ, а въ другихъ — преувеличенныя надежды на лучшее будущее. На такой оптимистической точкѣ зрѣнія стоялъ, напримѣръ, А. С. Хомяковъ, помѣстившій въ „Москвитянинѣ"

---

[1]) „Литературныя воспоминанія", Спб., 1909, стр. 478.

[2]) „Пунинъ и Бабуринъ".

[3]) „Русс. Стар." 1884 г., май, 393.

[4]) Исторію и характеристику этого указа см. у В. И. Семевскаго, „Крестьянскій вопросъ въ Россіи", т. II.

1842 г., № 6, статью „О сельскихъ условіяхъ“, вызвавшую возраженіе какого-то симбирскаго помѣщика въ 8-мъ № того же „Москвитянина“.

Свѣтло смотрѣлъ на будущее и 24-лѣтній Тургеневъ. Онъ былъ тогда въ ссорѣ съ матерью (именно изъ-за ея возмутительнаго обращенія съ крѣпостными) и, не получая отъ суровой Варвары Петровны ни копейки, нуждался и искалъ работы. Когда ему представился случай поступить на службу въ канцелярію министра внутреннихъ дѣлъ, онъ былъ очень доволенъ. Ему, думалъ онъ, уже представлялась возможность посвятить себя работѣ для своего народа, недавно пережившаго ужасный голодъ 1840 г., работѣ самой необходимой и священной. Тогда-то и была написана опубликовываемая нами статья [1]).

Весьма неразборчивый, мелко исписанный черновой автографъ ея, на трехъ полуистлѣвшихъ листахъ, хранится въ рукописномъ отдѣленіи Имп. Публичной Библіотеки [2]), а бѣловикъ, на 19 страницахъ листового формата, переписанный четкимъ канцелярскимъ почеркомъ и только подписанный и датированный самимъ авторомъ, и прежде никому недоступный [3]), принадлежитъ Серг. Вас. Лазаревскому, которому свидѣтельствуемъ нашу глубокую благодарность за разрѣшеніе напечатать рукопись. Къ С. В. она перешла отъ отца, покойнаго В. М. Лазаревскаго (1817—1890), члена совѣтовъ министра внутреннихъ дѣлъ и главнаго управленія по дѣламъ печати, беллетриста, этнографа, переводчика Шекспира, страстнаго охотника и автора замѣчательной статистической монографіи о волкахъ, о которой Тургеневъ писалъ, что она „останется въ литературѣ на-ряду съ подобными сочиненіями С. Т. Аксакова“. Въ концѣ сороковыхъ годовъ В. М. Лазаревскій служилъ секретаремъ особенной канцеляріи министра внутреннихъ дѣлъ графа Л. А. Перовскаго, подъ начальствомъ извѣстнаго писателя и лексикографа В. И. Даля, при которомъ служилъ и Тургеневъ. На первой страницѣ рукописи рукою В. М. Лазаревскаго написано: „Тургеневъ писалъ это, состоя на службѣ въ особенной канцеляріи м-ра вн. дѣлъ, какъ кажется, въ видѣ экзамена“. Это замѣчаніе, пролива

---

[1]) Впервые помѣщена въ газетѣ „Одесс. Новости“ 5 декабря 1910 г., № 8286.

[2]) См. ея „Отчетъ за 1900—1901 г.г.“, стр. 199.

[3]) „Русс. Арх.“ 1894 г., II, 547; Н. М. Гутьяръ, „И. С. Тургеневъ“, Юрьевъ, 1907, стр. 163; его же „Хронологическая канва для біографіи И. С. Тургенева“, Спб., 1910, стр. 7. Подпись и дата здѣсь воспроизведены съ подлинника.

свѣтъ на происхожденіе статьи, вмѣстѣ съ тѣмъ показываетъ ея назначеніе, а также объясняетъ нѣкоторыя мѣста въ ней, вызывающія въ читателѣ справедливое недоумѣніе.

Статья была написана въ качествѣ служебной записки, въ которой начинающій, еще неопытный дѣятель разъяснилъ свою программу. Этимъ если не оффиціальнымъ, то оффиціознымъ назначеніемъ ея объясняется сдержанность ея тона, доходящая, страха ради іудейска, до наивнаго и плохо скрываемаго лукавства (напр., разсужденіе о „такъ называемомъ рабствѣ"). Готовя свою статью, Тургеневъ имѣлъ въ виду такихъ читателей, какъ высшій его начальникъ, министръ Перовскій, и непосредственный—В. И. Даль. Послѣдній и какъ чиновникъ, и какъ бытовой писатель былъ сторонникомъ „мудрой и попечительной" помѣщичьей власти. Впрочемъ, въ пользу искренности Тургенева надо сказать, что въ 1846 г., уже давно оставивъ службу, Тургеневъ похвалилъ въ „Отечеств. Запискахъ" статью Даля „Русскій мужикъ", въ которой проводилась мысль о благахъ помѣщичьей опеки надъ мужикомъ. На службѣ Тургеневъ пробылъ очень недолго. Онъ не ужился съ Далемъ. „Начальникъ его"—разсказываетъ Анненковъ [1])—„принадлежалъ къ числу прямолинейныхъ особъ, которыя требуютъ строгой аккуратности въ исполненіи обязанностей и уваженія не только къ своимъ служебнымъ требованіямъ, но и къ своимъ капризамъ... Тургеневъ не взлюбилъ начальника—собрата по ремеслу писателя, и скоро вышелъ въ отставку". Разумѣется, эту причину нельзя считать единственной. Тургеневъ долженъ былъ скоро убѣдиться, что правительство Николая I относилось къ крестьянскому вопросу неискренно, безъ желанія добра народу, съ затаеннымъ недовѣріемъ къ нему. Да едва ли и вообще онъ годился для службы.

„Изъ Германіи туманной" Тургеневъ вывезъ не особенно высокой „учености плоды", но отъ его статьи вѣетъ духовной широтой тогдашней германской философіи и германскимъ идеализмомъ, и недаромъ онъ такъ тепло вспоминаетъ о „странѣ учености, совѣстливаго трудолюбія и истинно-изумительной способности проникать во всѣ тайны человѣческаго духа". Не меньшее значеніе имѣла Германія и для другихъ представителей молодой Россіи, со временъ Николая Тургенева и Ленскаго до пятидесятыхъ годовъ. Бодрымъ, здоровымъ юношескимъ идеализмомъ проникнута статья Тургенева, несмотря на общія и по тому времени мѣста, несмотря на наивныя разсужденія о „семейныхъ" отношеніяхъ дворянъ къ крестьянамъ, или на забавный страхъ капитализаціи земледѣлія,

---

[1]) „Литературныя воспоминанія", 475.

сказавшійся въ томъ мѣстѣ записки, гдѣ говорится о „безнравственности" паровыхъ машинъ. Здѣсь онъ самъ напоминаетъ тѣхъ сѣрыхъ мужиковъ, о которыхъ впослѣдствіи разсказывалъ Полонскому, „какъ они торжествуютъ и радуются, если машина сломается" [1]). Вполнѣ въ духѣ времени его мнѣніе о государственной „самобытности" Россіи; сознаніе тождества русскаго удѣльнаго строя съ западнымъ феодальнымъ завоевало право гражданства въ наукѣ лишь въ наши дни, послѣ замѣчательной работы Павлова-Сильванскаго (впервые эту мысль высказывалъ, впрочемъ, еще Н. А. Полевой, такъ незаслуженно забытый).

И историкъ русской общественности, и біографъ Тургенева вполнѣ оцѣнятъ замѣчательную юношескую работу великаго писателя, какъ одну изъ вѣхъ на томъ пути, какимъ пришелъ онъ къ своей „аннибаловской клятвѣ" и къ „Запискамъ охотника".

Н. Лернеръ.

---

[1]) Гутьяръ, „Тургеневъ", 193.

Нѣсколько замѣчаній о русскомъ хозяйствѣ и о русскомъ крестьянинѣ.

Прежде, нежели я приступлю къ изложенію моихъ мыслей на счетъ русскаго крестьянина и русскаго хозяйства, не излишнимъ почитаю замѣтить, что хоть я исключительно не занимался политической экономіею, но знакомъ со всѣмъ, что, принадлежа собственно къ наукѣ государственнаго хозяйства, входитъ въ область исторіи и географіи; сверхъ того, мнѣ извѣстно довольно значительное количество отдѣльныхъ фактовъ, собранныхъ мною на опытѣ и посредствомъ чтенія. А потому замѣчанія, которыя я намѣренъ предложить въ слѣдующей статьѣ, могутъ только служить залогомъ моихъ ревностныхъ будущихъ занятій по части государственнаго хозяйства, изученію котораго я рѣшился посвятить все мое время.

Состояніе русскаго крестьянина составляетъ предметъ постояннаго вниманія нашего Монарха; доказательствомъ такого Высочайшаго вниманія служатъ, кромѣ многихъ другихъ указовъ,—указы объ опредѣленіи отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ, о воспитаніи сельскаго юношества и т. д. Всѣ русскіе съ надеждою и увѣренностью взираютъ на распоряженія правительства и убѣждены, что переходъ отъ прежняго патріархальнаго состоянія русскихъ крестьянъ и русскаго хозяйства къ новому, болѣе прочному и стройному, совершится благополучно; уже во многихъ періодическихъ изданіяхъ слышатся голоса опытныхъ хозяевъ—предлагаются измѣненія и нововведенія... (Смотри статью г. Хомякова въ „Москвитянинѣ“ нынѣшняго года и возраженія Симбирскаго Помѣщика).

И дѣйствительно—вопросъ о значеніи земледѣльческаго класса уже самъ по себѣ чрезвычайно важенъ; имъ дѣятельно занимались и занимаются, кромѣ Россіи, и во Франціи, и въ Англіи, и въ Германіи. Но когда мы вспомнимъ, что наше отечество по своему географическому положенію—внутреннему и внѣшнему—есть государство по преимуществу земледѣльческое; когда мы вспомнимъ, что большая и важнѣйшая часть Россіи представляетъ намъ обширную, плодоносную равнину, протекаемую великими рѣками, самыми естественными и надежными путями сообщенія (сверхъ того наша канализація превосходна),—то мы должны согласиться, что этотъ вопросъ для насъ, русскихъ, одинъ изъ самыхъ важныхъ и первостепенныхъ. Онъ сопряженъ съ вопросомъ о будущности Россіи вообще.

При томъ, хотя мы можемъ заимствовать у иностранцевъ много

и отдѣльныхъ полезныхъ свѣдѣній по части земледѣлія,—но рѣшить этотъ вопросъ, опредѣлить условія, отъ которыхъ зависитъ благоденствіе русскаго хозяйства, можемъ только мы—собственными силами, потому что ни въ какомъ другомъ государствѣ не встрѣтимъ мы ничего подобнаго. Въ чужихъ краяхъ этотъ вопросъ получаетъ совершенно другое значеніе; напримѣръ, системы фуріеристовъ о раздѣлѣ земель и равенствѣ имѣній вездѣ нелѣпы, но въ Россіи даже невозможны, тогда какъ во Франціи можно по крайней мѣрѣ объяснить причину ихъ появленія. Далѣе: въ Англіи классъ хлѣбопашцевъ принадлежитъ собственно къ аристократіи, которая владѣетъ большею частью земель, и въ системѣ уравновѣшиванія, на которой основано все политическое существованіе Англіи, противодѣйствуетъ промышленному классу; между тѣмъ какъ въ Россіи всѣ эти отношенія существуютъ совершенно иначе.

Если земледѣліе такъ важно для Россіи, то любопытно бросить взглядъ на состояніе земледѣльческаго класса въ нашемъ отечествѣ. Исторія намъ показываетъ, какимъ образомъ образовался у насъ крестьянскій бытъ. На Западѣ дворяне принадлежали къ побѣдившему племени,—хлѣбопашцы къ побѣжденному: это различіе двухъ племенъ мы находимъ вездѣ, въ Италіи, во Франціи, въ Англіи—и хотя въ теченіи времени это различіе почти совершенно сгладилось,—но чѣмъ выше мы всходимъ, чѣмъ болѣе мы приближаемся къ эпохѣ возникновенія новыхъ централизацій на развалинахъ древняго міра, тѣмъ явственнѣе мы можемъ различить эти два составные коренные элемента всѣхъ европейскихъ государствъ.

Въ Россіи напротивъ: наши дворяне и наши крестьяне одного и того же племени; говорятъ однимъ языкомъ, у тѣхъ и у другихъ одинъ и тотъ же складъ лица; правда, много нашихъ дворянъ происхожденія иностраннаго—татарскаго, литовскаго и т. д., но они явились въ Россіи выходцами, не побѣдителями, принимали нашу вѣру, наши обычаи, и уже дѣти ихъ были чисто-русскіе. Удѣльная система тѣмъ и отличается такъ рѣзко отъ феодальной, что вся проникнута духомъ патріархальности, мира, духомъ семейства. Мы вправѣ сказать, что нашими русскими дворянами были единственно князья, происходящіе отъ Рюрика, многочисленность которыхъ насъ приводитъ въ удивленіе *), родовые князья, наслѣдовавшіе Русь, къ которымъ впослѣдствіи времени примѣшались

*) Нельзя не замѣтить, какъ много пресѣклось княжескихъ фамилій. Изъ двадцати князей различныхъ родовъ, которыхъ мы находимъ въ „поѣзду" князя Холмскаго, на свадьбѣ его съ дочерью Іоанна III-го въ 1506 году, ни одинъ не оставилъ потомства, дошедшаго до нашихъ дней. (См. Древн. Вив., Томъ XIII).

дворяне другого происхожденія. Князь умирая дѣлилъ свои отчины между своими сыновьями, и они множились и плодились на благодатной землѣ русской, окружаемые своими дѣтьми, своими слугами... Тогда какъ на Западѣ семейный кругъ сжимался и исчезалъ при непрестанномъ расширеніи государства,—въ Россіи все государство представляло одно огромное семейство, котораго главой былъ Царь, „Отчичъ и Дѣдичъ" Царства Русскаго, не даромъ величаемый Царемъ-Батюшкой...

Намъ могутъ замѣтить, что и наши князья были чуждаго происхожденія; но во-первыхъ, это различіе чрезвычайно рано исчезло, во-вторыхъ, никогда не имѣло того феодальнаго значенія, какъ на Западѣ. При распространеніи русскаго владычества много другихъ племенъ, иначе образовавшихся, подчинилось власти велико-руссовъ... И теперь нашему правительству предстоитъ разрѣшить вопросъ о земледѣльческомъ классѣ (который вездѣ болѣе или менѣе требуетъ, разрѣшенія) и у насъ... Я ограничусь одними велико-руссами, которыхъ я знаю болѣе другихъ, и къ которымъ все вышесказанное относится.

Это патріархальное состояніе Россіи, которому мы съ одной стороны обязаны чистотою нашихъ нравовъ, нашей религіозностью, но которое съ другой стороны препятствовало гражданскому развитію Россіи, не могло не измѣниться. Петръ Великій первый вывелъ Русь изъ прежняго ея состоянія, и благодаря своимъ великимъ правителямъ (Россія еще болѣе Пруссіи всѣмъ обязана своимъ государямъ) наше отечество занимаетъ едва ли не первое мѣсто въ союзѣ европейскихъ державъ. Но много еще осталось не разрѣшенныхъ вопросовъ, со многимъ должны мы разстаться, многое усовершенствовать, многое пріобрѣсть; и если есть люди, которые съ нѣкоторымъ сожалѣніемъ и страхомъ оглядываются назадъ, люди, которые въ противорѣчіи съ самими собою не хотѣли бы, напр., ограничить нашу литературу одними народными пѣснями, но со всѣмъ тѣмъ желали бы остановить развитіе народа, то мы почитаемъ себя въ правѣ называть такое сожалѣніе безвѣріемъ—безвѣріемъ въ промыселъ, такъ дивно руководившій насъ доселѣ,—безвѣріемъ въ наше настоящее и въ наше будущее.

Какъ бы то ни было, этотъ переходъ начинаетъ совершаться и въ нашемъ хозяйствѣ; старое измѣняется, хотя и упорствуетъ,—новое часто впадаетъ въ односторонность, но постепенно вводится и торжествуетъ. Любопытно наблюдать картину такого перехода, и потому постараюсь въ краткихъ словахъ изобразить замѣчательнѣйшія черты настоящаго положенія. Я выросъ и жилъ довольно долгое время въ деревнѣ, находящейся въ одной изъ плодороднѣй-

шихъ губерній Россія, въ Орловской, и имѣлъ случай познакомиться съ русскимъ крестьяниномъ и съ русскимъ помѣщикомъ.

Предѣлы моей статьи не позволяютъ мнѣ входить въ подробную характеристику русскаго крестьянина. Скажу только, что при ближайшемъ знакомствѣ съ нимъ нельзя не оцѣнить его смѣтливости, его добродушія, его природнаго ума; но, повторяю, прежнія его отношенія къ помѣщику измѣнились. Простодушная патріархальность прежнихъ временъ исчезла, не замѣненная еще доселѣ законностью и твердостью отношеній. Нельзя сказать, чтобы бытъ нашихъ хлѣбопашцевъ былъ вполнѣ обезпеченъ. Промышленные обороты, основанные на разсчетахъ и личной сноровкѣ, могутъ доставить значительное благосостояніе, даже роскошь, но по сущности своей—не надежны. Земледѣліе, напротивъ, должно быть прочно и незыблемо, какъ сама земля, и, не даруя излишняго, вполнѣ обезпечивать жизнь хлѣбопашца. Необходимость, святость этой незыблемости, прочности, чувствовали всегда всѣ народы, не даромъ у грековъ земледѣліе почиталось непосредственнымъ даромъ Божества; а потому фантазіи нѣкоторыхъ утопистовъ, желающихъ насильственно втянуть земледѣліе въ кругъ промышленности, т. е. пахать землю паровыми машинами, устраивать компаніи для воздѣлыванія земель, словомъ уничтожить классъ хлѣбопашцевъ,—такія фантазіи и безразсудны, и безнравственны.

Но до этой прочности, до этого полнаго обезпеченія жизни людей, предавшихся земледѣлію, русское хозяйство далеко еще не дошло. Земля большею частью обрабатывается худо и не даетъ ни помѣщику, ни крестьянину всего, что при другихъ условіяхъ она была бы въ состояніи дать. Важнѣйшія неудобства нашего хозяйства слѣдующія:

Во-первыхъ, недостатокъ положительности и законности въ самой собственности, такъ называемая черезполосность владѣній. Размежеваніе земель, дѣятельно теперь производимое во всей Россіи, принесетъ въ этомъ отношеніи величайшую пользу; уничтоженіе общихъ владѣній есть первый шагъ къ водворенію разумнаго хозяйства въ Россіи; каждый помѣщикъ узнаетъ свои границы, свои средства, свои выгоды; всѣ дальнѣйшія улучшенія не могутъ быть приводимы въ исполненіе, пока собственность не опредѣлится.

Во-вторыхъ, недостатокъ законности и положительности въ отношеніи помѣщиковъ къ крестьянамъ. Эти отношенія почти ничѣмъ не опредѣлены и большей частью зависятъ отъ прихоти владѣльцевъ. Онѣ бываютъ двоякаго рода, смотря по тому, деньгами ли, работою ли взыскиваетъ помѣщикъ повинность съ крестьянина, и называются: оброкъ и барщина. Величина оброка опредѣляется ка-

чествомъ и количествомъ земли, близостью города и т. д. Но, во-первыхъ, помѣщикъ иногда возвышаетъ оброкъ, не соображаясь съ средствами крестьянъ, а во-вторыхъ—мужики не освобождены отъ различныхъ работъ, часто отнимающихъ у нихъ драгоцѣннѣйшее время, какъ-то: обязанность ходить на барскій покосъ (иногда въ отдаленную деревню), ѣзда съ обозами въ столичные и губернскіе города зимою и т. д. Барщина еще неопредѣленнѣе оброка; крестьяне, находящіеся на барщинѣ, живутъ большею частью, такъ сказать, на хлѣбахъ у своихъ господъ. Не успѣвая тщательнымъ образомъ заняться обработкою своего участка, не имѣя вообще въ сущности ничего своего, крестьянинъ обыкновенно уже весною начинаетъ занимать свое продовольствіе у помѣщика. Спѣшу замѣтить, что у многихъ помѣщиковъ крестьяне благоденствуютъ, но это благоденствіе есть плодъ личныхъ качествъ господина, а не законнаго, неизмѣннаго порядка. И потому указъ Его Императорскаго Величества на счетъ опредѣленія отношеній дворянъ къ крестьянамъ долженъ принести величайшую пользу.

Въ-третьихъ, весьма неудовлетворительное состояніе науки земледѣлія, а также скотоводства и лѣсоводства въ нашемъ отечествѣ, происходящее съ одной стороны отъ нерадѣнія богатыхъ владѣльцевъ, часто проживающихъ собственное добро, — съ другой стороны отъ бѣдности мелкопомѣстныхъ дворянъ, не поддерживаемыхъ общимъ рвеніемъ и потому долженствующихъ, какъ они говорятъ, начинать все на свою руку, для чего не достаетъ у нихъ ни средствъ, ни времени. Истина неоспоримая: если воздѣлывающій своими руками землю, если крестьянинъ неудовлетворенъ и не обезпеченъ, владѣлецъ богатымъ быть не можетъ. Стоитъ взглянуть на Ирландію: тамъ огромныя помѣстія цѣнятся гораздо ниже такихъ же или даже меньшихъ шотландскихъ или англійскихъ помѣстій, не смотря на то, что въ Ирландіи почва земли превосходнѣе шотландской. Я бы могъ сравнить наше хозяйство съ плодоносной землей... но если испаренія этой земли не падаютъ на нее обратно живительнымъ дождемъ,—она непремѣнно изсохнетъ и запустѣетъ. И какая малая, незначительная часть доходовъ у насъ въ Россіи обращается вновь на улучшеніе имѣній! Несмотря на то, что малѣйшее улучшеніе, малѣйшая сноровка и наблюдательность помѣщика вознаграждаются съ избыткомъ. Не говорю о тѣхъ нововведеніяхъ, которыя не заслуживаютъ имени улучшеній, о нововведеніяхъ необдуманныхъ, осуществляемыхъ безъ всякаго соображенія, безъ всякаго размышленія объ удобностяхъ и потребностяхъ края.

Въ-четвертыхъ, не совершенное уравновѣшеніе торговли и земледѣлія. Сколько разъ случалось мнѣ слышать отъ однихъ и тѣхъ

же людей жалобы на дурной урожай, на невозможность прокормить крестьянъ, а въ слѣдующемъ году на слишкомъ обильный урожай, на дешевизну цѣнъ! Что касается до бѣдствія, посѣтившаго недавно Россію, а между прочимъ и Орловскую губернію, до голода, то должно надѣяться, что благодѣтельная мѣра правительства: учрежденіе запасныхъ магазиновъ, навсегда уничтожитъ возможность возвращенія такого ужаснаго зла. Неопредѣленность и непрочность въ сбытѣ сельскихъ произведеній тѣснымъ образомъ связаны со всѣми вышеупомянутыми неудобствами нашего теперешняго хозяйства; ко всѣмъ этимъ неудобствамъ должны мы присоединить не вполнѣ удовлетворительное состояніе нашихъ дорогъ, затруднительное доставленіе сельскихъ произведеній на крестьянскихъ лошадяхъ, недостатокъ денегъ, необходимыхъ для быстрыхъ и успѣшныхъ оборотовъ.

Въ-пятыхъ, весьма слабое развитіе чувства гражданственности, законности въ нашихъ крестьянахъ. Русскій крестьянинъ состоитъ, какъ и всѣ мы, подъ покровительствомъ законовъ, но безсознательно; онъ не чувствуетъ себя гражданиномъ. Никто болѣе меня не убѣжденъ въ смышленности и смѣтливости русскаго человѣка,—но съ одной стороны нельзя не пожелать уменьшенія именно этой смѣтливости, которая напоминаетъ—прошу извинить мое сравненіе—смѣтливость и изворотливость лисицы, но не достойна человѣка живущаго въ благоустроенномъ обществѣ. Впрочемъ, тотъ же самый крестьянинъ, прибѣгающій къ подобнымъ уловкамъ подъ управленіемъ господина, которому онъ не довѣряетъ, становится самымъ разумнымъ, понятливымъ и расторопнымъ человѣкомъ подъ руководительствомъ помѣщика, радѣющаго о его благосостояніи. И потому нельзя не радоваться появленію Высочайшаго указа о воспитаніи сельскаго юношества. Человѣкъ грамотный, хотя бы онъ умѣлъ только читать и писать, пользуется безконечными преимуществами въ сравненіи съ безграмотнымъ; ему открыты глаза, онъ чувствуетъ, что онъ вступилъ въ общество. Нельзя однако жъ не замѣтить, что одно знаніе грамоты не даетъ того чувства гражданственности, о которомъ мы говорили выше; есть департаменты въ средней Франціи, въ которыхъ пропорція умѣющихъ читать и писать къ неумѣющимъ вовсе не превышаетъ этой пропорція у насъ. Но развитія этого чувства мы должны ожидать отъ времени, отъ постепеннаго распространенія понятій, а главное отъ благодѣтельныхъ распоряженій правительства. Теперь же мы должны замѣтить, что крестьянинъ, чувствующій шаткость и ненадежность своего положенія, часто съ небреженіемъ, почти съ нелюбовью обращается съ собственнымъ достояніемъ, часто предается пьянству, и за нѣсколько

часовъ самозабвенія, пріобрѣтенныхъ имъ на счетъ здоровья, проводитъ остальную жизнь въ нуждѣ и бѣдности.

Въ-шестыхъ, вообще всѣ устарѣлыя учрежденія, завѣщанныя намъ прежнимъ патріархальнымъ бытомъ, теперь уже неумѣстныя и отяготительныя: избытокъ дворовыхъ людей и т. д., также всѣ неминуемыя послѣдствія не обезпеченнаго продовольствія крестьянъ: конокрадство, порубка лѣса; и, наконецъ,—

Въ-седьмыхъ: недостатокъ общественнаго духа въ дворянахъ.

Мнѣ кажется, неудобства современнаго состоянія хозяйства въ Россіи изложены мною довольно подробно. Я бы могъ еще упомянуть изрѣдка проявляющееся отчужденіе нѣкоторыхъ дворянъ отъ собственныхъ крестьянъ, которое, къ счастью, съ каждымъ днемъ уменьшается. Другія неудобства, не столь важныя, я не почелъ за нужное упомянуть; но за то я долженъ здѣсь сказать нѣсколько словъ объ одномъ возраженіи, которое я не могу почитать за истинное. Именно: нѣкоторые желали бы прекратить у насъ раздробленіе имѣній и ввести, по примѣру англійскаго законодательства, маіораты въ пользу старшихъ сыновей. Кромѣ того, что всѣ такія заключенія по аналогіи уже потому невѣрны, что всякое аналогичное заключеніе предполагаетъ различіе и слѣдовательно само себя опровергаетъ,—но аристократія, какъ она существуетъ въ Англіи, есть учрежденіе совершенно чуждое русскому духу. Аристократы англійскіе всѣ аристократы *Божьею милостью*, также какъ и король; они происходятъ отъ свободныхъ нормандскихъ рыцарей, сопровождавшихъ Вильгельма Завоевателя на извѣстныхъ условіяхъ; онъ долженъ былъ раздѣлить между своими товарищами землю, покоренную ихъ мечами. Напротивъ, въ Россіи, какъ я уже замѣтилъ, наши удѣльные князья потому только считались господами и истинными владѣльцами земли, что они происходили отъ Рюрикова племени, отъ котораго происходилъ и самъ Царь; они не были зависимыми баронами, но почтительно-покорными слугами Царя, ихъ Главы, который былъ властенъ надъ ихъ жизнью и ихъ достояніемъ. И дворянскій классъ въ Россіи имѣетъ совершенно другое происхожденіе и назначеніе, чѣмъ англійскіе дворяне. Противъ исторіи своего народа, противъ той необходимой послѣдовательности, которая проникаетъ всѣ проявленія народной жизни, невозможно и грѣшно дѣйствовать. Да и сверхъ того русская земля по своей обширности требуетъ, чтобы владѣльцевъ было много, чтобы они пристально и трудолюбиво занимались ея обрабатываніемъ; весь нашъ сельскій бытъ долженъ измѣниться; (а сельскій нашъ бытъ обнимаетъ гораздо большую часть нашего народонаселенія; извѣстно, что въ Европейской Россіи только де-

сятая часть всѣхъ жителей живетъ въ городахъ), и это превращеніе должно совершаться медленно, постепенно; и не совершится, если не все дворянское сословіе будетъ участвовать въ этомъ переворотѣ. Словомъ, въ этомъ отношеніи, я полагаю, всякая централизація едва ли не вредна.

Какимъ же образомъ достигнемъ мы этой цѣли? Какими средствами? Полное разрѣшеніе этого вопроса обрадуетъ, можетъ быть, только слѣдующее поколѣніе... Ограничусь нѣкоторыми замѣчаніями, которыя покорно прошу принять снисходительно.

Разбирая неудобства нашего хозяйства, я съ намѣреніемъ не упомянулъ *крѣпостного состоянія* нашихъ хлѣбопашцевъ. Ихъ такъ называемое рабство было предметомъ многихъ довольно пустозвонныхъ разглагольствованій, показывающихъ часто совершенное невѣдѣніе истинныхъ потребностей Россіи. Мы желаемъ законности и твердости въ отношеніи помѣщиковъ къ крестьянамъ; законность исключаетъ прихоть владѣльца, а потому и то, что называютъ рабствомъ. Рабство есть нехристіанское понятіе, и потому въ христіанскомъ государствѣ существовать не можетъ и никогда не существовало; но не въ томъ дѣло. Не говоря уже о томъ, что, напримѣръ, ремесленники въ Англіи едва ли не болѣе нашихъ крестьянъ заслуживаютъ названія рабовъ, считаю долгомъ замѣтить, что многія нѣсколько поспѣшно предлагаемыя улучшенія не только не уничтожаютъ, но даже упрочиваютъ рабство. Еще недавно въ Мекленбургѣ (въ странѣ, гдѣ позже всѣхъ другихъ германскихъ государствъ прекратилось крѣпостное состояніе хлѣбопашцевъ), въ сосѣдствѣ Нейбранденбурга, было совершено убійство надъ особой помѣщика, убійство, сопровожденное ужасающими подробностями,— доказывающее ожесточеніе, которое мы не ожидаемъ найти въ свободныхъ людяхъ... Въ Мекленбургѣ крестьяне, хотя и лично свободные, въ сущности находятся въ тѣсной зависимости отъ того, что немногочисленные помѣщики того края какъ бы сговорились не принимать ни одного крестьянина, отошедшаго отъ своего господина. Во время моего пребыванія въ Богеміи, мнѣ не разъ удавалось быть свидѣтелемъ притѣсненій свободныхъ крестьянъ писцами помѣщичьими, по такъ называемымъ патримоніальнымъ судамъ. Уже потому намъ нельзя брать примѣръ въ этомъ отношеніи съ иностранцевъ, что всѣ наши учрежденія, настоящія и будущія, имѣютъ совершенно другой источникъ, другой характеръ.

Между русскимъ „*міромъ*" и русскимъ старостою и нѣмецкой Gemeinde и нѣмецкимъ Schulze разница огромная; тѣмъ не менѣе, справедливо, что изученіе формъ земледѣльческаго быта въ Германіи можетъ быть чрезвычайно полезно, также, какъ и изученіе

науки земледѣлія, дошедшаго въ чужихъ краяхъ до высокой степени совершенства.

Много намъ придется услышать предложеній на счетъ улучшенія крестьянскаго быта, много предстоитъ затрудненій, хотя бы, напримѣръ, на счетъ учрежденія суда и судебнаго порядка въ крестьянскихъ общинахъ, а также и на счетъ усовершенствованія ихъ внутренней администраціи. Замѣчу кстати, что этотъ недостатокъ опредѣленнаго судебнаго порядка весьма понятенъ: семейныя отношенія — по духу своему не опредѣляются закономъ, а отношенія нашихъ помѣщиковъ къ крестьянамъ такъ были сходны съ семейными... Далѣе, съ вопросомъ о будущности земледѣльческаго класса сопряжено много другихъ равно важныхъ вопросовъ: о будущности, о значеніи нашего дворянства и т. д. Кромѣ того, что нашему дворянству вручены судьбы нашихъ хлѣбопашцевъ, и что слѣдовательно нашимъ помѣщикамъ предстоитъ разрѣшить великую задачу о будущности крестьянъ, собственный ихъ бытъ долженъ измѣниться. Прежнее, для крестьянъ и для владѣльцевъ равно безполезное проживаніе дворянъ въ своихъ имѣніяхъ должно будетъ уступить мѣсто положительной дѣятельности, желанію—и умѣнію—усовершенствовать состояніе хозяйства,—потому что до сихъ поръ многіе помѣщики, не имѣя положительныхъ свѣдѣній о сущности и потребностяхъ земледѣлія, часто прибѣгали къ эмпирическимъ мѣрамъ и потомъ при неизбѣжной неудачѣ упадали духомъ.

Я постарался изобразить въ немногихъ словахъ современный бытъ русскаго крестьянина. Мы видимъ, что состояніе нашего хозяйства неудовлетворительно и требуетъ улучшенія; хотя съ другой стороны мы обязаны сказать, что сами были свидѣтелями многихъ улучшеній, утѣшительныхъ признаковъ приближенія новой эпохи.

Благоразумные помѣщики все болѣе и болѣе стараются преобразовать прежнія состарѣвшіяся отношенія: они уже убѣдились, напримѣръ, что ихъ фабрики, не смотря на ничтожное жалованье людей, на возможность безденежнаго доставленія фабричныхъ произведеній, рѣдко выдерживаютъ состязаніе съ фабриками купцовъ; они убѣдились, что работа, не вознаграждающая работника, не вознаграждаетъ и заставляющаго работать...

Говоря о неудовлетворительномъ состояніи хозяйствъ, мнѣ бы слѣдовало подкрѣпить мое мнѣніе статистическими выводами, подробнымъ разборомъ упущеній по части земледѣлія, скотоводства, лѣсоводства и т. д., но мои познанія въ наукѣ политической экономіи еще слишкомъ недостаточны, и потому я частію основываюсь на мнѣніи знатоковъ, частію на собственномъ опытѣ.

Я уже сначала объявилъ, что буду говорить объ однихъ велико-

руссахъ; мнѣ бы слѣдовало прибавить: объ однихъ помѣщичьихъ крестьянахъ; потому что я ни слова не сказалъ ни объ однодворцахъ, которые составляютъ весьма важную часть сельскаго народонаселенія и рѣзко отличаются отъ прочихъ хлѣбопашцевъ, ни объ удѣльныхъ и казенныхъ крестьянахъ; не говорилъ также съ достаточною подробностью о дворянскомъ классѣ; но я не могъ имѣть и мысли написать статью, обнимающую всѣ важные вопросы нашего хозяйства.

Я сказалъ выше, что вопросъ о значеніи земледѣльческаго класса въ Россіи тѣсно сопряженъ съ вопросомъ о значеніи русскаго народа вообще. А о будущности нашего народа размышляемъ не мы одни—размышляетъ вся Европа.

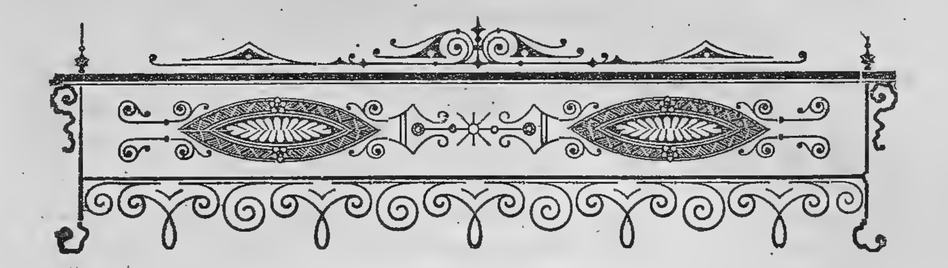
Особенно въ Германіи съ нѣкотораго времени стараются понять и оцѣнить славянскій элементъ, который теперь нельзя уже не признать однимъ изъ главныхъ дѣятелей на поприщѣ исторіи. Въ Германіи, странѣ учености, совѣстливаго трудолюбія и истинно изумительной способности проникать во всѣ тайны человѣческаго духа, въ какихъ бы образахъ, въ какой бы народности онъ ни выражался, гораздо болѣе понимаютъ и цѣнятъ насъ, чѣмъ, напр., во Франціи. Но и во Франціи начинаютъ чувствовать, что старинная метафора: „Colosse aux pieds d'argile"—нелѣпа, что Россію одна лишь безсильная досада можетъ сравнить съ тѣми огромными государствами, которыя такъ быстро возникали и еще быстрѣе исчезали въ Азіи; что въ русскомъ народѣ нельзя не признать крѣпкаго, живого, неразрушеннаго начала; что пока объ насъ отзывались съ поддѣльнымъ презрѣніемъ, подъ которымъ, можетъ быть, скрывалось другое чувство,—мы все росли и ростемъ доселѣ... Что же касается до мнѣнія англичанъ о насъ, то мы знаемъ, что они насъ уважаютъ, потому что признаютъ насъ достойными соперниками; недавно мнѣ попалась весьма любопытная статья, въ газетѣ „Times", въ которой находилось сравненіе англійскаго народа съ русскимъ, и выводилось заключеніе, что великіе характеры теперь чаще всего проявляются въ Англіи... да въ Россіи. Хотя вся статья носитъ отпечатокъ тѣснаго самолюбія англичанъ, и хотя много выводовъ совершенно ложны, но тѣмъ не менѣе эта статья замѣчательна для насъ, русскихъ. Словомъ, что бы ни говорили иностранцы объ насъ, ни одинъ не въ состояніи отрицать спокойную силу нашего правительства, могущества нашей вѣры, единство, проникающее всѣ сословія русскаго народа. Но сокровенный смыслъ славянской народности не доступенъ западнымъ ученымъ; имъ невозможно доселѣ знать, въ чемъ же именно состоитъ особенность русскаго характера, русской жизни,—потому что мы сами еще не дошли до той опредѣ-

ленной самостоятельности, которая не можетъ не быть признанною и чуждыми племенами, которая выражается во всемъ, въ произведеніяхъ искусства, науки... Мы народъ не только европейскій; мы не даромъ поставлены посредниками между Востокомъ и Западомъ; не даромъ наши границы касаются древней Европы, Китая и Сѣверной Америки, трехъ самыхъ различныхъ выраженій общества. Съ другой стороны, сохрани насъ Богъ впасть въ слѣпое поклоненіе всему русскому потому только, что оно русское; сохрани насъ Богъ отъ ограниченныхъ и, скажу прямо, неблагодарныхъ нападокъ на Западъ, особенно на Германію,—тѣмъ болѣе неблагодарныхъ, что часто изъ Германіи (хотя мои слова могутъ показаться странными) возвращаешься съ большей вѣрой въ силу и будущность нашихъ учрежденій... Вѣрнѣйшій признакъ силы—знать свои недостатки, свои слабости; и потому, признавая счастіемъ принадлежать русскому народу и жить во время царствованія Государя, подобнаго нашему,—мы всѣ предъ Нимъ и отечествомъ должны принять торжественное обязательство посвятить всю жизнь служенію правды... Наши братья, русскіе земледѣльцы, въ правѣ ожидать отъ своихъ болѣе образованныхъ соотечественниковъ дѣятельной, усердной помощи, а подъ руководствомъ нашего правительства мы и въ этомъ отношеніи можемъ повторить слова поэта:

Въ надеждѣ славы и добра
Глядимъ впередъ мы безъ боязни...

Кандидатъ философіи Иванъ Тургеневъ.

Писано 23-го, 24-го и 25-го декабря 1842-го года.

Одинъ изъ памятниковъ наступающаго въ русской жизни пятидесятилѣтія.

Въ помѣщенной на страницахъ „Русской Старины“ статьѣ „Воспоминанія идеалиста, принимавшаго участіе въ работахъ по реформѣ крестьянской“ (см. ноябрь 1910 г.) между прочимъ говорится о событіи, которое, несомнѣнно, пріобрѣтаетъ особое значеніе въ виду предстоящей 50-ти-лѣтней годовщины со дня объявленія Высочайшаго Манифеста 19-го февраля 1861 года—освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

Я говорю о зарожденіи въ средѣ мѣстныхъ крестьянъ Привислянскаго края мысли—увѣковѣчить память Царя-Освободителя ко времени наступленія двадцатипятилѣтней годовщины введенія крестьянской реформы въ томъ краѣ.

Осуществленію этого проявленія крестьянами чувства благодарности къ почившему Монарху-Императору Александру II-му, оказалъ дѣятельное и горячее содѣйствіе начальникъ края,—покойный генералъ-адъютантъ, впослѣдствіи генералъ-фельдмаршалъ, Іосифъ Владиміровичъ Гурко. Безъ его содѣйствія и участія благая мысль эта, по всей вѣроятности, осталась бы въ стадіи платоническаго пожеланія, а не облеклась бы въ реальную форму—сооруженіемъ Царю-Освободителю монумента, которымъ съ 1889 г. украшенъ уѣздный городъ Петроковской губерніи—Ченстоховъ, посѣщаемый ежегодно громадными массами окрестнаго населенія.

Съ давнихъ поръ оно почитаетъ своею обязанностью хотя бы разъ въ годъ предпринимать паломничество для поклоненія мѣстной

святынѣ—„Ченстоховской Богоматери", чудотворная икона которой хранится въ Ясногорскомъ-католическомъ монастырѣ[1]). До полумилліона вѣрующихъ въ теченіе года перебываетъ обыкновенно въ этомъ городѣ.

Освященіе и открытіе монумента было совершено весной 1889 года съ особой торжественностью, о чемъ сказано въ помянутой статьѣ.

Считаю не лишнимъ добавить нѣкоторыя подробности, имѣющія тѣсную связь съ мѣстомъ нахожденія монумента и со способомъ осуществленія благого намѣренія мѣстныхъ крестьянъ.

Въ этомъ высокопатріотическомъ дѣлѣ покойному начальнику края, согласно его приглашенію, оказали полное, горячее и единодушное содѣйствіе комиссары по крестьянскимъ дѣламъ, т. е. тѣ, по своему положенію, близко поставленные къ населенію правительственные агенты, которые за многіе годы своей дѣятельности, являясь опекунами крестьянъ, стяжали ихъ уваженіе и пользовались полнѣйшимъ ихъ довѣріемъ.

Городъ Ченстоховъ, съ 20-ю тысячами жителей (по свѣдѣніямъ, которыя у меня были тогда подъ рукой), находится въ Петроковской губерніи, на линіи Варшавско-Вѣнской желѣзной дороги. Свое названіе онъ получилъ по поводу холмистаго положенія его окрестностей. Когда приходилось мнѣ на лошадяхъ ѣздить въ Ченстоховъ со стороны посада Ольштына, я, съ самаго начала пути, видѣлъ городъ, какъ на ладони, и разстояніе до него казалось мнѣ очень незначительнымъ; затѣмъ городъ то исчезалъ, то вновь появлялся и, по мѣрѣ приближенія къ нему, это появленіе его на протяженіи 18-ти верстъ, отдѣляющихъ его отъ п. Ольштына, повторялось много разъ. Возница—простой ямщикъ, обратилъ мое вниманіе на это, сказавъ по-польски, что городъ „часто скрывается и оттого такъ называется („miato *często howa się* dla tegoż tak się zowie)".

Въ самой чертѣ города находится довольно большая возвышенность, носящая названіе „Ясной Горы", на которой съ незапамятныхъ временъ стоитъ обитель ордена Паулиновъ, подъ названіемъ „Ясная Гора", откуда и монастырь заимствовалъ свое наименованіе.

Зданіе монастыря окружено каменною оградою и имѣетъ около себя террасу (эспланаду) со стороны величественной городской, каштановой аллеи. Этою именно террасою очень удобно и удачно

---

[1]) Къ сожалѣнію, въ наши дни отщепенцами изъ числа сыновъ католической же церкви произведено кощунственное ограбленіе драгоцѣнностей со святой иконы; это событіе заставило содрогнуться католиковъ и болѣзненно взволновало весь міръ.

воспользовались для сооруженія на ней памятника незабвенному Царю-Освободителю.

На засѣданіяхъ у І. В. Гурко было избрано это мѣсто. Когда былъ разсмотрѣнъ проектъ памятника и опредѣлилась приблизительная цѣна его, покойный призналъ нужнымъ и возможнымъ, къ суммѣ, собранной крестьянами,—около 178 тысячъ рублей, добавить довольно значительную сумму изъ средствъ, ежегодно отпускаемыхъ на расходы въ полное распоряженіе начальника края.

Какъ я уже упомянулъ выше, дѣло стояло такъ, что крестьяне многихъ гминъ (волостей) заявили своимъ войтамъ (старшинамъ) о своемъ намѣреніи послѣдовать совѣтамъ одного изъ комиссаровъ по крестьянскимъ дѣламъ, высказаннымъ имъ при объѣздахъ гминныхъ управленій, при чемъ имъ было указано на приближеніе 25-ти лѣтней годовщины реформы крестьянской, благодаря которой бытъ мѣстнаго крестьянства устроился вполнѣ благополучно по мысли Царя-Освободителя, память котораго должна быть увѣковѣчена „благодарными крестьянами края". Я безъ малѣйшаго промедленія сообщилъ объ этомъ варшавскому губернатору генералъ-лейтенанту барону Николаю Николаевичу Медему; при этомъ, прося его указаній, я ходатайствовалъ о разрѣшеніи—дать благому намѣренію крестьянъ Нешавскаго и Влоцлавскаго уѣздовъ ходъ и, если окажется возможнымъ, дозволить сборъ на этотъ предметъ пожертвованій крестьянъ, согласно выраженному ими желанію; съ тѣмъ вмѣстѣ я высказалъ намѣреніе—сообщить о возникшемъ желаніи крестьянъ товарищамъ, т. е. сосѣднимъ комиссарамъ по крестьянскимъ дѣламъ.

Не много времени прошло, какъ извѣстіе о народившемся благородномъ порывѣ сельскаго населенія сдѣлалось извѣстнымъ по всему Привислянскому краю; нечего и говорить о томъ, что должностныя лица вообще ухватились за эту мысль съ цѣлью поддержать крестьянъ, а крестьяне вездѣ, по свидѣтельству комиссаровъ, обрадовались возможности выразить горячую признательность памяти своего благодѣтеля-освободителя. Скоро они, по собственному почину, начали представлять посильныя пожертвованія въ видѣ денежныхъ суммъ, кое-гдѣ довольно значительныхъ.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, а объ отвѣтѣ варшавскаго губернатора не было и помину. Текущихъ дѣлъ въ то время въ канцеляріяхъ губернаторовъ было, вѣроятно, много, и до того, чтобы крестьянской затѣѣ, обратившейся уже въ нужду, данъ былъ скорый ходъ, очередь дойти все еще не могла.

Пріѣхавъ однажды, по дѣламъ службы, въ Варшаву, я задался задачей—непремѣнно подвинуть это занимавшее меня и мой районъ дѣло. Остановился я у родственника своего, полковника Николая

Дмитріевича Солнцева, который состоялъ адъютантомъ при генералъ-губернаторѣ І. В. Гурко; въ одинъ изъ первыхъ вечеровъ я, среди знакомыхъ, которыхъ у Н. Д. Солнцева, по обыкновенію, собралось нѣсколько человѣкъ, выражалъ свое сѣтованіе на то, что, прибывъ съ твердымъ намѣреніемъ „хорошо напомнить“ объ этомъ, уже начавшемъ до нѣкоторой степени волновать крестьянъ, дѣлѣ и принять всѣ мѣры къ тому, чтобы оно вышло изъ положенія канцелярскаго застоя, — я, совершенно неожиданно для себя, натолкнулся на большую непріятность: дѣйствовать въ этомъ дѣлѣ иначе, какъ ходатайствуя лично передъ губернаторомъ, было безполезно, а между тѣмъ баронъ Медемъ, будучи вызванъ телеграммою въ Петербургъ, уѣхалъ туда, и не было извѣстно о времени его возвращенія, и мнѣ пришлось бы возвращаться къ мѣсту моего служенія, не добившись конечнаго результата моего пріѣзда въ Варшаву. Такимъ образомъ, закрадывалась невольно мысль, что при подобной обстановкѣ, осуществленіе общаго желанія въ самомъ близкомъ будущемъ — врядъ-ли возможно, а при этомъ само собою зарождалось опасеніе, что дѣло, какъ излишне промедленное, можетъ и совершенно разстроиться. Поэтому-то я рѣшилъ воспользоваться хоть тѣмъ, что всѣ принимавшіе участіе въ разговорѣ и слышавшіе мои жалобы, отнеслись къ дѣлу вполнѣ сочувственно, и тутъ же направилъ всѣ свои старанія къ тому, чтобы заручиться отъ нѣкоторыхъ изъ присутствовавшихъ обѣщаніемъ оказать возможное и посильное содѣйствіе къ устраненію крайне досадной, хотя быть можетъ и невольной, задержки. Нашлись таки лица, которыя пришли къ одинаковому со мной убѣжденію, проникнувшись мыслью о томъ, что въ подобныхъ дѣлахъ всякая задержка является вопіющею, и что отъѣздъ въ Петербургъ должностному лицу слѣдовало предпринять не иначе, какъ обезпечивши такому далеко необычному дѣлу дальнѣйшій, безостановочный ходъ и возможность скорѣйшаго доведенія его до конца.

Самъ хозяинъ Н. Д. Солнцевъ, а изъ гостей — состоявшій при одномъ изъ прямыхъ и непосредственныхъ помощниковъ генерала Гурко — полковникъ Малыхинъ — товарищъ Солнцева по воронежскому кадетскому корпусу, были именно изъ числа тѣхъ лицъ, кои отнеслись къ моимъ жалобамъ съ полнымъ сочувствіемъ; они и выразили желаніе — попробовать оказать свое содѣйствіе тому, чтобы дѣло было подвинуто. Съ этою только надеждою и пришлось мнѣ возвратиться изъ Варшавы, но безъ твердаго убѣжденія въ томъ, что съ оффиціальной стороны дѣло это направлено на надлежащій и вѣрный путь.

Словомъ, крестьянамъ, которые объ этомъ очень много думали и часто говорили, я не могъ привезти сообщенія хотя сколько-нибудь утѣшительнаго. Зная же ихъ черты характера, т. е. немалую подозрительность, я долженъ былъ прибѣгать къ нѣкоторымъ дипломатическимъ уловкамъ, обнадеживая ихъ въ скоромъ и окончательномъ рѣшеніи интересующаго всѣхъ дѣла; важно было достичь того, чтобы тотъ жаръ, съ которымъ они отнеслись къ дѣлу, не остылъ. Не скажу, чтобы мое нравственное положеніе было завиднымъ при подобныхъ условіяхъ!

Объѣзжая однажды, недѣль шесть или семь позже, гмины своего района, я встрѣтилъ, совершенно неожиданно, полковника Н. П. Малыхина, который, съ цѣлью поохотиться, совершилъ поѣздку къ одному изъ помѣщиковъ, — бывшему его товарищу по тому же воронежскому кадетскому корпусу. Онъ очень обрадовался встрѣчѣ со мной и, тотчасъ же, наскоро разсказалъ мнѣ нѣсколько очень много значительныхъ новостей по дѣлу, занимавшему не только лично меня, но уже и его самого. По всему видно было, что происшедшій въ Варшавѣ разговоръ нашъ прошелъ далеко не безслѣдно. Все сообщенное имъ мнѣ крайне меня оживило, обрадовало, а главное ободрило на дальнѣйшія хлопоты.

Оказалось, что генералъ Гурко, получивъ о желаніи крестьянъ полуоффиціальныя донесенія съ двухъ сторонъ — отъ своего адъютанта Н. Д. Солнцева и отъ полковника Малыхина, черезъ посредство его прямого начальника, принялъ дѣло очень близко къ сердцу; оно даже его заняло и какъ-бы встрепенуло, оживило. Кому не была извѣстна кипучая энергія, отличавшая во всякомъ дѣлѣ Іосифа Владиміровича Гурко! Это былъ человѣкъ, который способенъ былъ, безъ малѣйшаго усилія, въ моментъ созидать нужное и сокрушать то, что являлось лишнимъ. Его обезпокоила лишь на минуту мысль о томъ, установилось ли это дѣло повсемѣстно въ краѣ такъ же прочно и доброжелательно, какъ въ томъ районѣ, въ которомъ оно получило начало, т. е. въ моемъ?

„Если да, говорилъ онъ среди близкихъ сотрудниковъ своихъ, то я дамъ ходъ этой, въ высшей степени симпатичной затѣѣ, приду на помощь ея осуществленію и съ особымъ удовольствіемъ доведу это благое дѣло до конца. Мнѣ нужно лишь придти къ тому твердому убѣжденію, что сельчане вездѣ совершенно свободно прониклись этой идеей, и что мысль, зародившаяся въ районѣ комиссара Т., нашла мощный откликъ одинаково во всѣхъ десяти губерніяхъ. Главная моя забота будетъ состоять въ томъ, чтобы ни въ какомъ случаѣ на такое дѣло никто не напиралъ и не наталкивалъ. Я предложу губернаторамъ подойти съ осторож-

ностью къ этому вопросу и разузнать о немъ вѣрнѣйшими путями. Именно прежде всего и выше всего здѣсь я ставлю осторожность, съ нею мы никогда не попадемъ въ просакъ и не будемъ чувствовать тѣхъ неловкостей, кои могутъ вызываться наличностью массы такихъ друзей, какими мы, по своему положенію въ краѣ, богаты. А какъ только все выяснится опредѣленно и благополучно, такъ сейчасъ же поведемъ дѣло безостановочно, на всѣхъ парахъ. Я буду очень признателенъ тѣмъ должностнымъ лицамъ, кои подхватили промелькнувшую въ представителяхъ населенія свѣтлую мысль, а если дѣло, поддѣтое ими, дойдетъ до конца, часть славы и чести за него не минуетъ ихъ".

Въ твердыхъ рукахъ І. В. Гурко, дѣло это, кремнистой волей его, подвинулось такъ, что черезъ десять мѣсяцевъ послѣ перваго донесенія ему о немъ, великолѣпный памятникъ Царю-Освободителю уже украшалъ собою площадь возлѣ Ясногорскаго, Ченстоховскаго монастыря [1]).

Такъ генералъ Гурко дѣйствовалъ во всемъ! Недаромъ про него сложилось убѣжденіе въ населеніи и въ войскахъ о томъ, что онъ способенъ не только провести черезъ небесныя вершины какую угодно армію, какъ и провелъ въ 1877 году чудо-богатырей, но при нуждѣ, и самыя вершины сдвинетъ!

Населеніе, поставивъ монументъ Царю, воздвигло памятникъ и благородству своихъ чувствъ. Святыня, при которой пріютился памятникъ, высоко чтится католиками, да не менѣе того и православными.

Съ 1889 года г. Ченстоховъ, число жителей котораго нынѣ чуть ли не утроилось [2]), сталъ вдвойнѣ дорогъ окрестностямъ: на обширную округу населеніе, дорожащее святынею, съ тѣмъ вмѣстѣ цѣнитъ мѣсто нахожденія памяти Царя, рыцарски осчастливившаго сыновъ того края—освобожденіемъ. Не въ этомъ ли и секретъ такого баснословно быстраго роста города?!

Жители Петроковской губерніи изстари занимаются земледѣліемъ, какъ и всѣ жители губерній Привислянскаго края, гдѣ вся торговля въ рукахъ еврейскихъ; имъ, какъ прикрѣпленнымъ къ землѣ, несомнѣнно дороже всего та свобода, которую они получили по волѣ Императора Александра II-го, даровавшаго ее ровно пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ сынамъ Россіи и затѣмъ развившаго бла-

---

[1]) Къ сожалѣнію, не удалось своевременно воспроизвести рисунокъ этого памятника. *Ред.*

[2]) См. русскій календарь Суворина за 1907 годъ: въ Ченстоховѣ числится 53.000 жителей обоего пола.

тое дѣло освобожденія—дарованіемъ свободнаго труда ихъ братьямъ полякамъ.

Художникъ-скульпторъ (нынѣ въ живыхъ) г. Опекушинъ [1]) вполнѣ проявилъ свой недюжинный талантъ; онъ, передавъ потомству въ воздвигнутомъ художественномъ памятникѣ на вѣчныя времена благородный обликъ и величественную фигуру Царя-Освободителя и тѣмъ самымъ—обезсмертилъ себя—какъ художника, вложившаго душу въ свое твореніе.

Недавно въ приложеніяхъ къ газетѣ „Новое Время" появился рисунокъ модели проектируемаго итальянскимъ художникомъ для гор. Кіева памятника—покойному Императору Александру II. Фигура въ этомъ проектѣ представляетъ собой, до нѣкоторой степени, копію той, которая съ 1889 года украшаетъ гор. Ченстоховъ.

Площадь въ 15—20 саженъ въ квадратѣ основательно покрыта плитами кѣлецкаго камня на прочномъ бутовомъ фундаментѣ, глубина котораго, несмотря на каменистость грунта горы, не менѣе 1—1½ аршина; къ этой обширной площади ведутъ широкія, каменныя ступени, съ перилами и вычурною бронзовою рѣшеткою, закрывающею со всѣхъ сторонъ входъ къ квадрату, на которомъ находится самый памятникъ. Вышина гранитнаго цоколя выше аршина; колонна, изъ болѣе темнаго шлифованнаго гранита, доходитъ до трехъ аршинъ. Самая фигура Царя-Освободителя, вылитая изъ темной бронзы, значительно превышаетъ ростъ человѣка.

Художнику до тонкости удалось воспроизвести самую фигуру, а также, носящія отпечатокъ доброты и вмѣстѣ съ тѣмъ величія, черты лица Царя-Освободителя. Каждый, не разъ имѣвшій счастіе видѣть незабвеннаго Вѣнценосца и любоваться чертами его лица, поражается сходствомъ, уловленнымъ ваятелемъ.

Съ плечъ Державнаго Царя спускаются далеко за края верхушки постамента складки порфиры, съ неподражаемымъ искусствомъ, художественно представленной тою же бронзою, отливка которой воспроизвела всю фигуру, всѣ принадлежности монумента и аттрибуты, его украшающіе.

Правою рукою Державный Вѣнценосецъ указываетъ на свитокъ Указа 19-го февраля 1864 года, развертывающагося изъ-подъ помѣщенной на подушкѣ—царской короны; ниже руки, по другую сторону, на такой же подушкѣ—лежатъ остальныя регаліи—скипетръ и держава.

---

[1]) Онъ же соорудилъ памятникъ Императрицѣ Екатеринѣ II, а, какъ говорятъ, занятъ нынѣ сооруженіемъ памятника Александру III-му въ Москвѣ.

Гербы всѣхъ губерній Царства Польскаго, вылитые изъ одинаковой бронзы, составляютъ вѣнецъ у подножія памятника Царя-Освободителя; тутъ же крупными буквами, на польскомъ языкѣ, изображена надпись: „Царю-Освободителю, Императору Александру II-му отъ благодарныхъ крестьянъ губерній Царства Польскаго“.

Грандіозный, какъ по своей компоновкѣ, такъ и по размѣрамъ, памятникъ ясно виденъ за $^3/_4$ версты, т. е. на протяженіи всей аллеи, идущей въ прямомъ къ нему направленіи, вдоль лучшей городской улицы, и вполнѣ пропорціоналенъ гигантскимъ, въ готическомъ стилѣ, монастырскимъ постройкамъ, на фонѣ коихъ рѣзко выдѣляется мощная фигура Царя.

Какъ только задрапировывавшая эту фигуру пелена спала, и глазамъ присутствовавшихъ открылся знакомый, дорогой взглядъ, соединяющій кротость съ величавостью—изъ тысячн грудей вырвался возгласъ восторга.

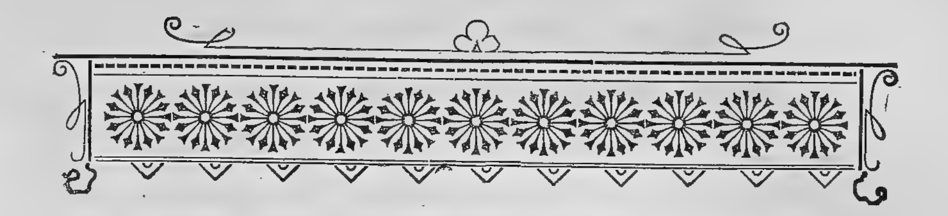
Незабвенная минута эта запечатлѣлась навсегда въ сердцахъ и въ памяти тѣхъ, кому посчастливилось ее пережить при торжествѣ, являющемся совершенно особымъ событіемъ, связующимъ и умиротворяющимъ жизнь братскихъ народовъ, которымъ любвеобильное сердце великодушнѣйшаго изъ Монарховъ указало одинаковый путь—„путь свободнаго труда“.

Горячо помолились всѣ присутствовавшіе въ тотъ день у подножія памятника Великаго Царя,—за упокой его души; такъ же горячо возносится повседневно молитва приходящихъ къ святой иконѣ тысячъ освобожденныхъ крестьянъ; они, завидѣвъ издали привѣтливый обликъ даровавшаго имъ счастіе Царя, благоговѣйно обнажаютъ головы и усердно осѣняютъ себя крестнымъ знаменіемъ.

Трудно болѣе удачно избрать мѣсто для непрерывнаго соединенія такой массы молящихся сердецъ. Слава и честь незабвенному фельдмаршалу Іосифу Владиміровичу Гурко!.

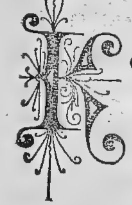
А. Н. Тепловъ.

Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877–1878 г.г.

Глава IV [1]).

Когда я поднялась наверхъ и вошла въ гаремъ, то увидѣла въ пріемной губернаторши нѣсколько женщинъ, сидѣвшихъ на коврѣ съ папиросами въ зубахъ вокругъ пылавшаго мангала. Одна изъ нихъ полулежала на подушкахъ, и лицо ея было скрыто подъ яшмакомъ.

Элиме хмуро обмѣнялась со мной селямомъ и пригласила слѣдовать за ней въ другую комнату.

— Объясните, пожалуйста,—ворчливо начала она,—почему вы перестали посѣщать насъ? Видно, совѣсть не чиста! Но мы все равно знаемъ о вашихъ похожденіяхъ съ этимъ шарлатаномъ изъ Смирны...

— Клянусь вамъ, Элиме,—съ живостью возразила я,—ничего подобнаго нѣтъ! то была лишь мимолетная шутка—только и всего!..

— Ну, положимъ, вѣрить вамъ не приходится: вы также клялись, что мы живемъ надъ огнемъ и что земля круглая—просто у васъ закружилась голова отъ чтенія безбожныхъ календарей...

— Ахъ, оставьте календари въ покоѣ,—вспылила я,—дайте лучше совѣтъ, какъ поправить дѣло?

— Да это совсѣмъ не такъ легко, какъ вамъ кажется,—послѣдовалъ высокомѣрный отвѣтъ,—Тафти-бей и знать васъ не хочетъ за то, что вы позволяете себѣ разговаривать съ другими мужчи-

---

[1]) См. „Русскую Старину“ январь 1911.

нами да еще на улицѣ! А между тѣмъ, по уставамъ Корана, намъ запрещено прогуливаться не только съ посторонними, но даже съ мужемъ или братомъ...

— Вы забываете, что я не мусульманка, а слѣдовательно и не могу поступать иначе... Но меня перебили:

— Нѣтъ, ужъ извините! — разъ вы любите магометанина, то и обязаны исполнять его волю и угождать ему во всемъ.

Мнѣ не хотѣлось раздражать ее, и я смиренно промолчала. Тогда она вновь заговорила въ наставительномъ тонѣ:

— Вотъ что значитъ не посовѣтоваться со мной, а дѣлать все по-своему: пожалѣете, да поздно будетъ!

— Неужели вы звали меня только за тѣмъ, чтобы читать нравоученія?—вспыхнула я отъ досады и разочарованія,—въ такомъ случаѣ, прощайте—мнѣ пора домой.

— Постойте, постойте! Куда же вы?—сконфузилась турчанка, насильно усаживая меня въ кресло,—я все вамъ объясню, пожалуйста, не уходите—вы еще ничего не знаете... Митрополитъ собирается писать доносъ, что якобы мы совращаемъ васъ въ магометанство—могутъ выйти большія непріятности для нашего паши, хотя онъ всей душой сочувствуетъ вамъ обоимъ; но благодаря интригамъ греческаго духовенства будетъ очень трудно уладить ваше дѣло,—надо подождать до болѣе благопріятнаго времени... говорила она торопливо и страшно волнуясь.

— Ну, и пусть себѣ пишутъ, что угодно,—отнеслась я съ полной безпечностью къ столь удивительной новости,—все это сплетни, и не стоитъ обращать на нихъ вниманія. Элиме, дорогая моя, будьте откровенны и не смущайте меня: скажите, что собственно послужило предлогомъ для вашего письма, и главное, знаетъ ли Тафти-бей о томъ, что вы мнѣ писали?

— Да, конечно,—еле слышно отвѣтила она, и странная усмѣшка скользнула по ея губамъ.

Я вздрогнула отъ охватившаго меня восторга и готова уже была броситься къ ней на шею; но во-время одумалась и сдержала себя.

Вошла Ашима нарядная и свѣжая, какъ роза.

— Ханумъ,—обратилась къ ней Элиме,—ученая франка весьма сожалѣетъ, что разсердила нашего бея, и хочетъ просить у него прощенія,—перевела она по-своему мои слова,—научи ее, сдѣлай милость, какъ, вообще, полагается женщинѣ говорить съ мужчиной?

Но, кажется, роль наставницы не улыбнулась застѣнчивой губернаторшѣ: она вспыхнула до ушей и что-то сказала по-арабски своей падчерицѣ, а затѣмъ обѣ вышли, оставивъ меня одну въ неизвѣстности.

Такъ прошло нѣсколько минутъ. Наконецъ вернулась Элиме и, пытливо заглянувъ мнѣ въ глаза, нерѣшительно спросила:

— Можно Фатимѣ повидаться съ вами?—она убѣдительно проситъ объ этомъ, и если позволите...

— Фатима! повидаться?—смущаясь и сильно краснѣя, повторила я,—а гдѣ же она сейчасъ?

— Да здѣсь, у насъ въ пріемной: когда вы пришли, то она надѣла яшмакъ, чтобы не разстроить васъ своимъ видомъ.—И, не давая мнѣ времени опомниться, громко крикнула:

— Ханумъ и Мариса, пожалуйте сюда!

Вошла Фатима, блѣдная и взволнованная, а вслѣдъ за нею красивая, полная брюнетка, дочь отуреченнаго босняка Беровича, сохранившаго за собой только славянскую фамилію. Дѣвушка эта часто посѣщала гаремъ Кіамиль-паши, прекрасно знала турецкій языкъ и очень недурно говорила по-французски.

— Вотъ она будетъ служить вамъ переводчицей, а я отказываюсь, такъ какъ замѣчаю, что вы не особенно мнѣ довѣряете.— Съ этими словами Элиме ушла и захлопнула дверь.

Затаивъ дыханіе, я ждала, что скажетъ женщина, имѣвшая всѣ законныя права на сердце, принадлежавшее мнѣ одной.

Мариса стала переводить, хотя къ сказанному времени я и сама могла понимать многое изъ разговорной турецкой рѣчи; но все-таки босnúmчка была не лишней между нами.

— Ханумъ жалуется,—такъ начала она,—что мужъ ненавидитъ ее и жестоко бьетъ съ тѣхъ поръ, какъ вы перестали посѣщать гаремъ, и проситъ васъ смягчить его злобу.

— Неправда!—съ негодованіемъ возразила я,—и до моего пріѣзда сюда онъ точно такъ же съ ней обращался, какъ и теперь... Да, наконецъ, она прекрасно знаетъ, что мы даже не встрѣчаемся, и я ей больше не помѣха.

Выслушавъ это, Фатима насмѣшливо улыбнулась и сказала Марисѣ:

— Франка думаетъ обморочить насъ и все вретъ: напомни ей нашу прибаутку, что послѣ ссоры голубки цѣлуются еще слаще и воркуютъ веселѣй.

— Очень рада,—былъ мой отвѣтъ,—слѣдовательно, и у нея съ мужемъ дѣло пойдетъ на ладъ—Иншалла!

— Ахъ, не хитри, пожалуйста: сама знаешь, что такъ не будетъ!—возразила она, вспыхнувъ отъ обиды и обращаясь непосредственно ко мнѣ на „ты“ по особенностямъ восточныхъ языковъ, непризнающихъ нашего „вы“ въ единственномъ числѣ:—насмотрѣлась я достаточно на вашу любовь—ты ему милѣе солнца! Ну, и бери

себѣ на шею этого дьявола, если тебѣ не жаль своей молодой жизни. Плохая доля быть его женой—вспомнишь не разъ бѣдную Фатиму...

Ея слова жгли меня, и такъ хотѣлось вѣрить, что не онъ, а именно она разрушила свой семейный очагъ. Въ моей душѣ царилъ другой образъ, нѣжный и ласковый: я чувствовала неотразимую силу его обаянія, и страсть къ нему разгоралась еще сильнѣй.

— Аллахъ накажетъ его,—продолжала Фатима нараспѣвъ по обыкновенію турчанокъ, когда онѣ говорятъ о чувствительныхъ предметахъ,—онъ нахватался за границей шарлатанскихъ наукъ и не исполняетъ священныхъ уставовъ Корана: пророкъ не велитъ обижать жену. Развѣ я виновата, что ему не разрѣшаютъ разойтись со мной и жениться на христіанкѣ—на то родительская воля, а не моя...

— Мариса!—позвала я переводчицу,—разъясните же мнѣ, наконецъ, въ чемъ дѣло: она жалуется на характеръ мужа; но я то здѣсь при чемъ?

Боснячка пошепталась съ Фатимой и отвѣтила за нее:

— Ханумъ проситъ васъ помириться съ беемъ, такъ какъ онъ не знаетъ покоя своей душѣ: она берется все устроить и будетъ очень рада. Ей, бѣдной, и жизни нѣтъ отъ его наложницъ, а прежде онѣ боялись вашего вліянія и не позволяли себѣ лишняго.

Я вскочила, какъ ужаленная змѣей въ самое сердце, не вѣря своимъ ушамъ:

— Что она сказала? наложницы? у него есть наложницы, а я ничего не знала—какой ужасъ!.. И меня всю охватилъ бурный порывъ отчаянія, какъ будто надъ моей душой пролетѣлъ вихрь урагана и опустошилъ ее мгновенно. „Только не это!“—стучало въ мозгу и скользило по уголкамъ омраченнаго сознанія—дѣлить его любовь съ другими женщинами,—нѣтъ! лучше умереть...

— Странно, что вы не имѣете понятія о такихъ простѣйшихъ вещахъ,—доносился голосъ Марисы точно изъ другого міра,—у какого турка ихъ нѣтъ, и что тутъ особеннаго? Кіамиль-паша уже старикъ, да и то завелъ себѣ двухъ невольницъ, а женѣ его всего только 15 лѣтъ—тѣмъ болѣе это необходимо совсѣмъ еще молодому человѣку...

Жестокая логика отуреченной христіанки и ея доводы въ пользу полигаміи казались мнѣ прямо отвратительными; но я молчала, подавленная уныніемъ и слабостью наступившей реакціи послѣ только что пережитыхъ волненій жгучаго страданія. Воля, мысли и чувства смѣшивались, теряя свою опредѣленность точно въ туманной сонливости первыхъ минутъ пробужденія.

— У него даже было двое дѣтей; но они умерли, не знаю какъ

по-вашему, отъ какой-то страшной, огненной болѣзни,—ошеломилъ меня вновь безстрастный и монотонный голосъ Марисы.

— Еще того лучше!—болѣзненно затрепетало въ сердцѣ и холодкомъ пробѣжало въ головѣ,—ахъ, если бы уйти, куда глаза глядятъ, все забыть и ничего не знать!.. тоскливо ныло и стонало во всемъ моемъ существѣ.

— Не горюй хорошая, добрая дѣвушка,—услышала я надъ собою дрожащій голосъ Фатимы,—никто, какъ Аллахъ въ нашей женской долѣ.... И тебѣ будетъ то же, что и мнѣ,—стараясь утѣшить меня, говорила она и залилась слезами.

Наконецъ вернулись обѣ хозяйки и въ нѣмомъ изумленіи остановились на порогѣ: онѣ, вѣроятно, ожидали совсѣмъ не того результата отъ устроеннаго ими свиданія, а вдругъ увидѣли печальныя лица и слезы—эффектъ получился самый нежелательный!....

Мариса тотчасъ все разъяснила недоумѣвающимъ дамамъ, и тогда между ними начался чрезвычайно оживленный обмѣнъ мнѣній, догадокъ и предположеній. По отдѣльнымъ возгласамъ можно было понять, что создавались новые планы и фантастическіе проекты; но я оставалась равнодушна къ столь нѣжнымъ заботамъ о моей судьбѣ, зная прекрасно настоящую имъ цѣну, такъ какъ меня поглощала другая мысль и волновали другія чувства.

— Какъ могло случиться,—являлся самъ собою вопросъ,—что я сама, такъ часто посѣщая его домъ, ровно ничего не замѣчала? А онъ, мой кумиръ и божество—не коварство ли это? вотъ и сказался азіатъ подъ европейской оболочкой.... И въ моей памяти прозвучали незабвенныя слова: „мы пришли къ дверямъ рая съ разныхъ полюсовъ земли“. Да, онъ былъ правъ, и съ этимъ нельзя не согласиться; но что касается „рая“, то... нѣтъ, нѣтъ! лучше сойти въ „нашъ адъ“, чѣмъ подняться въ сады Магомета, гдѣ любовь и сердце мужчины принадлежатъ многимъ женщинамъ сразу! Такъ размышляла я, погружаясь въ тяжелую тоску отъ сознанія, что мои грезы исчезли и разсѣялись, какъ сонъ, а затѣмъ наступило ужасное пробужденіе.

Конференціи турчанокъ, видимо, не предвидѣлось конца: голоса ихъ рѣзкіе и крикливые наполняли комнату раздражающимъ шумомъ, а мнѣ такъ хотѣлось тишины и забвенія: физическая усталость и чрезмѣрное напряженіе душевныхъ силъ уже предъявляли свои законныя права на отдыхъ. Я стала собираться домой и обратилась къ Элиме съ просьбой дать мнѣ провожатаго изъ казармы.

— Сдѣлайте одолженіе, берите хоть весь караулъ,—пошутила она; но тотчасъ же спохватилась и въ серьезномъ тонѣ добавила:

— Не лучше ли вамъ переночевать у насъ: ночь слишкомъ

темна, и луны не будетъ, тѣмъ болѣе, что мы еще не пришли къ соглашенію по самому главному предмету, а надо же остановиться хоть на чемъ-нибудь.... Да и Фатимѣ также хотѣлось бы о многомъ поговорить съ вами: она предлагаетъ устроить ваше свиданіе съ беемъ такъ ловко, что никто не догадается..... Бисмиллилахъ [1]!....

Но во мнѣ проснулась гордость оскорбленной женщины и отвращеніе къ этому хитрому, изворотливому созданію, готовому на всякое предательство ради какой-нибудь, напримѣръ, ювелирной вещицы. Кому удавалось, подобно пишущей эти строки, такъ долго вращаться въ турецкомъ обществѣ и близко наблюдать его характеръ и нравы, тотъ можетъ засвидѣтельствовать привильность слѣдующаго вывода. Насколько мужчины честны до фанатизма, чужды лести и обмана, прямодушны и благородны въ сношеніяхъ съ людьми, настолько женщины ихъ лживы, мстительны, лукавы, продажны и способны къ самому гнусному коварству. Таковыми свойствами ума и сердца наградила ихъ не природа—мать, а жизнь и воспитаніе по завѣтамъ неподвижнаго Ислама, отрицающаго въ нихъ душу.

— Нѣтъ, Элиме!—говорила я, глотая слезы,—благодарю васъ за вниманіе; но съ меня довольно—оставимъ это.... На-дняхъ мы уѣзжаемъ въ Смирну и вернемся не скоро, а что будетъ дальше, о томъ вѣдаетъ Аллахъ—прощайте!

— Не пожалѣете?—злорадно усмѣхаясь и пытливо заглядывая мнѣ въ глаза, спросила турчанка,—что съ вами такое? все идетъ какъ нельзя лучше, а вы губы надули?

— Прощайте, дорогая Элиме! Желаю вамъ счастья, очень богатаго жениха и цѣлую гору подарковъ. Иншалла!—былъ мой насмѣшливый отвѣтъ. Но въ ту минуту, когда я собралась покинуть гаремъ, обѣщая себѣ никогда въ него не возвращаться и не прибѣгать къ его опасному содѣйствію, меня вдругъ охватило точно пожаромъ, помимо участія воли и разсудка, непреодолимое чувство жестокаго, мучительнаго любопытства и горячаго нетерпѣнія узнать до мельчайшихъ подробностей рѣшительно все, что касалось земныхъ гурій моего бывшаго жениха: сколько ихъ было у него, какъ звали, которую изъ нихъ онъ больше любилъ и т. д. Я вся трепетала отъ болѣзненнаго порыва и безумнаго стремленія убѣдиться во что бы то ни стало въ крушеніи своихъ надеждъ и счастья.

Убѣдиться? въ чемъ? не все ли было ясно? Но у меня не хватило силы противиться искушенію, и я обратилась къ присутствующимъ съ этими вопросами.

— Аллахъ мой!—удивленно воскликнула Элиме,—нашли чѣмъ

---

[1]) Во славу Творца Всеблагого!

интересоваться? вы сами столько разъ видѣли ихъ въ гаремѣ Фатимы, а спрашиваете—положительно съ вами дѣлается что-то не ладное?....

— Видѣла ихъ?..... повторила я, какъ эхо,—нѣтъ, вы ошибаетесь: при мнѣ кромѣ хозяйки и двухъ служанокъ.....

— Ну, вотъ! именно о нихъ-то и рѣчь!—Съ хохотомъ перебили дамы,—по-вашему „служанки“, а по-нашему „наложницы“ или рабыни, что одно и то же: развѣ забыли?

Не знаю почему, но мнѣ показалось, что свѣжее дыханіе жизни стало вновь проникать въ мою душу: я возстановила въ памяти слишкомъ ужъ невзрачныя фигуры обѣихъ сестеръ-армянокъ, купленныхъ беемъ, какъ онъ самъ объяснялъ мнѣ, спеціально для черной работы въ домѣ, и облегченно вздохнула, точно непосильная ноша свалилась съ плечъ. Такъ продолжалось нѣсколько мгновеній, а затѣмъ новое, ядовитое сомнѣніе закралось въ сердце.

— Правда,—размышляла я,—онъ клялся мнѣ устроить наше будущее супружество по европейскимъ идеаламъ и формамъ; но хватитъ ли у него настолько рѣшимости, чтобы навсегда уйти отъ родныхъ завѣтовъ Ислама? Надо удивляться еще и тому, что мой обликъ сѣверянки понравился азіату. Ну, а дальше? Онъ натѣшится мною, капризъ пройдетъ, и тогда, конечно, на вѣсахъ его любви окажется перевѣсъ въ сторону этихъ жирныхъ, упитанныхъ съ хищными крючковатыми носами женщинъ, какъ болѣе отвѣчавшимъ требованіямъ Востока. Но что же теперь дѣлать? гдѣ искать выхода изъ зачарованнаго круга?.... и на меня повѣяло холодомъ.

— Нѣтъ, дорогая Элиме—такъ нельзя!—говорила я, прощаясь съ съ нею,—убѣдительно прошу васъ, не настаивайте: мое положеніе слишкомъ зависимо отъ множества очень сложныхъ причинъ и обстоятельствъ, что хорошо вамъ извѣстно—дайте мнѣ опомниться и сообразить. Мы еще повидаемся, но не ранѣе, какъ по возвращеніи изъ Смирны, а тамъ видно будетъ..... Машалла!

— Весьма сожалѣю,—получила я въ отвѣтъ,—что вы, какъ малый ребенокъ, ровно ничего не понимаете: было бы лучше не ѣздить въ Смирну, такъ какъ это не понравится Тафти-бею—ну, и пеняйте же тогда на себя! Что же касается меня, то я всегда къ вашимъ услугамъ—Машаллахъ! да охранитъ васъ Его святая тѣнь!...

Я сошла внизъ и, сопрождаемая Ибрагимомъ, вернулась домой.

Глава V.

Черезъ нѣсколько дней послѣ только что разсказаннаго я стояла на верхней рубкѣ нашего русскаго парохода „Олегъ", уносившаго меня отъ береговъ острова къ материку.

Дискъ солнца погружался за горныя вершины Тавра, разсыпая по краямъ горизонта красные лучи и фіолетовыя дымки. Наступила январская ночь теплая, нѣжная, точно у насъ въ іюнѣ, и такъ не хотѣлось уходить въ духоту каютъ. Призраки любви, еще хранившіеся въ глубинѣ сердца, поднимались и, тихо плавая, носились въ воздухѣ; но съ каждымъ поворотомъ винта они тускнѣли, удаляясь, и мнѣ стало казаться, что плотная занавѣсь все ниже и ниже опускалась за весною моей жизни и розами юности....

Море со страстнымъ шепотомъ что-то пѣло и фосфорилось у кормы парохода, рѣзавшаго его сонныя волны; легкій вѣтерокъ заката пересталъ рѣзвиться по реямъ мачтъ и также заснулъ—все погружалось въ покой и укрывалось черными тѣнями. Въ заоблачномъ мірѣ вспыхнули яркіе огоньки. Какъ великолѣпны звѣзды на южныхъ небесахъ! у насъ онѣ дрожатъ и мерцаютъ, а тамъ горятъ брилліантами въ оправѣ темно-синей лазури.

Но вотъ „царица ночи" взошла на тронъ, и мракъ утонулъ въ ея роскошномъ сіяніи. Какъ-то сразу померкли сверкающіе узоры созвѣздій, короче стали ихъ лучи, и воздухъ наполнился серебрянымъ блескомъ красавицы-луны. Мы, сѣверяне, привыкли любить ея мистическій ликъ, блѣдный и плоскій, какъ блинъ; но надъ водами Архипелага плаваетъ большой, розовый и по виду настоящій шаръ, заливающій атмосферу потоками ослѣпительной игры свѣта.

Долго еще тянулся силуэтъ Хіоса и трепеталъ на скалѣ огонь его маяка, указывая правильный путь къ западному берегу Анатоліи.

На разсвѣтѣ 16 января нашъ „Олегъ", осторожно лавируя въ тѣсной и узкой гавани Смирнскаго залива, бросилъ якорь между двумя военными эскадрами: итальянской и французской.

Съ первымъ лучемъ солнца, когда разсѣялись лиловыя тѣни утренней зари, арабскій каикъ, легкій, какъ ласточка, перевезъ насъ къ пристани, и мы сошли на берегъ.

Восточные народы привыкли вставать очень рано, и Смирна уже давно пробудилась къ лихорадочной и кипучей дѣятельности громаднаго приморскаго порта, на рейдѣ котораго стояло безчисленное множество судовъ подъ флагами всѣхъ государствъ міра.

По набережной, облицованной гранитомъ, тянулись караваны

верблюдовъ и вереницыословъ, нагруженныхъ товарами. Густая толпа пѣшеходовъ живымъ потокомъ неслась со всѣхъ сторонъ. Разнообразіе типовъ удивительное, пестрота въ одеждахъ бросается въ глаза. Слышна рѣчь на всѣхъ языкахъ; но преобладаетъ все-таки „галика", этотъ излюбленный жаргонъ обитателей странъ полумѣсяца.

Если Константинополь справедливо называютъ „базаромъ Востока", то Смирну удачно можно сравнить съ „вѣчной ярмаркой Азіи". И дѣйствительно: здѣсь, также какъ и на берегахъ Босфора, собрались со всѣхъ концовъ земного шара чуждыя оттоманской націи племена и овладѣли краемъ. Сюда влечетъ предпріимчивыхъ людей жажда обогащенія, роскошь природы и удобства морскихъ путей сообщенія съ міровыми рынками.

Турки, вообще, не коммерсанты, а потому вся торговля находится по преимуществу въ рукахъ армянъ, грековъ и евреевъ.

Культъ наживы и барыша не соотвѣтствуетъ природнымъ свойствамъ гордой, воинственной расы, а наша мораль: „не обманешь, не продашь" плохо гармонируетъ съ ея душевными качествами— отсюда ясно, почему турецкій народъ такъ бѣденъ и такъ глубоко порабощенъ въ своемъ собственномъ государствѣ.

На Малоазіатскомъ Востокѣ не имѣютъ понятія о колесной ѣздѣ — ее замѣняютъ лошади, мулы, ослы и даже верблюды. Мы усѣлись верхами и свернули въ лабиринтъ города. Улицы въ Смирнѣ дотого узки, что изъ окна въ окно противоположныхъ зданій можно совершать рукопожатія надъ головами прохожихъ. Во многихъ мѣстахъ нависшіе съ обѣихъ сторонъ такъ называемые „фонарики" сходятся вмѣстѣ и такимъ образомъ получается крытая галлерея. Народы, живущіе въ слишкомъ знойномъ климатѣ, придерживаются именно этого стиля, вызываемаго необходимостью прятаться отъ огненнаго воздуха въ тѣнь и прохладу. Навстрѣчу намъ попадались кавалькады левантинскихъ дамъ, возвращавшихся съ базара. Слуги и погонщики вели лошадей подъ уздцы, расчищая дорогу и кричали „уарда", что значитъ „берегись!"

Ничто не казалось комичнѣе, какъ внезапное появленіе этого оригинальнаго эскадрона амазонокъ въ тѣсныхъ, подобно щелямъ, проулочкамъ, которыми такъ богаты окраины Смирны: тогда встрѣчные прохожіе обращались въ постыдное бѣгство, показывая непріятелю тылъ, или же прятались въ лавки и цирульни, если таковыя имѣлись по дорогѣ, при громкомъ хохотѣ обывателей, смотрѣвшихъ изъ оконъ.

Вездѣ еще до восхода солнца, даже въ самой шикарной части города, магазины уже открыты, и европейская цивилизація смо-

тритъ на улицы сквозь цѣльныя, зеркальныя стекла, а рядомъ, тутъ же ютятся въ темныхъ нишахъ лавченки въ азіатскомъ стилѣ, и на одномъ крюкѣ у входа качается, напримѣръ, баранья нога и шелковый халатъ, или же въ складкахъ расшитаго золотомъ турецкаго генеральскаго мундира прячется связка чесноку, а боченокъ съ нашей красной тараньей икрой—любимое лакомство на Востокѣ и вывозимое изъ Одессы въ огромномъ количествѣ — прикрытъ отъ мухъ великолѣпнымъ ковромъ, и все необходимое для обихода мусульманина перемѣшано и свалено въ одну кучу.

Кофейни и ресторанчики полны народомъ; на вольномъ воздухѣ за столиками ѣдятъ, пьютъ кофе и курятъ наргиле. Здѣсь же цирульникъ, онъ же и дантистъ, бреетъ голову правовѣрному или же хозяйничаетъ во рту у него и рветъ вмѣстѣ съ зубомъ куски челюстей. Но это нисколько не шокируетъ публику, а напротивъ доставляетъ ей пріятное развлеченіе.

Хамалы несутъ тяжести не подъ силу иной лошади, и надо только удивляться, какъ они остаются живы послѣ того? Между пѣшеходами и всадниками снуютъ разносчики холодной воды въ глиняныхъ кувшинахъ и кричатъ дикими голосами, заглушая рѣзкіе вопли перегруженныхъословъ. Шумъ и толчея ужасные, и по мѣрѣ того, какъ разгорается день, движеніе народныхъ массъ также ростетъ и ширится. Послѣ Хіосскаго затишья, куда не доносилось эхо бьющей ключомъ яркой жизни материка, все интересовало меня, сливаясь въ одно красивое впечатлѣніе.

Но уличная картина Смирны не будетъ зарисована, если я не упомяну о турчанкахъ, силуэты которыхъ, скользящіе на фонѣ разноплеменной толпы, останавливаютъ на себѣ исключительное вниманіе иностранцевъ, посѣщающихъ Востокъ.

Дамы гаремовъ свободно ходятъ по городу однѣ безъ мужей и, повидимому, безъ всякаго надзора; но это лишь обманчивое впечатлѣніе: за ними слѣдитъ каждый мусульманинъ, и гяуръ можетъ жестоко поплатиться, если позволитъ себѣ затронуть на улицѣ турецкую женщину.

Мы поселились на весь сезонъ у родственниковъ моей тетушки въ большомъ домѣ, окруженномъ со всѣхъ сторонъ прелестнымъ садомъ, въ которомъ тропическая флора перемѣшивалась съ величественными платанами, кедрами и фруктовыми деревьями. Цвѣли камеліи и фіалки. Было слишкомъ жарко для января даже въ этихъ широтахъ: знойная Аравія дышала черезъ Тавръ на Смирну, нагрѣвая воздухъ до лѣтней температуры. Море глухо стонало, предвѣщая бури и штормы; тучи песковъ носились надъ городомъ, заслоняя багровый шаръ солнца; но веселый карнавалъ, наперекоръ

стихіямъ, разгорался съ каждымъ днемъ ярче и ярче, наполняя улицы причудами неистощимой фантазіи южанъ, и время проходило, у насъ, какъ въ очарованномъ снѣ. Сливки „общества" — la société въ тѣсномъ смыслѣ такого понятія составляли только левантинцы, принадлежавшіе къ западнымъ расамъ; греки и армяне держались въ сторонѣ отъ европейскихъ кружковъ, а турки со своими гаремами, и говорить нечего, были еще дальше отъ круговорота общественной жизни гяуровъ, за исключеніемъ, конечно, сановныхъ лицъ, появлявшихся на оффиціальныхъ раутахъ въ силу необходимости и по дипломатическимъ соображеніямъ.

Намъ прислали такое множество приглашеній на всѣ затѣи неугомоннаго карнавала, что трудно было разобраться. Въ программѣ значилось: костюмированные балы въ клубахъ, танцовальные вечера у мѣстныхъ богачей, matinées dansantes на палубахъ броненосныхъ эскадръ, стоявшихъ на рейдѣ; пикники въ горы верхами на арабскихъ коняхъ; процессіи масокъ по улицамъ; баталія цвѣтовъ и, наконецъ, экскурсія съ караваномъ верблюдовъ къ раскопкамъ храма Діаны въ Ефесѣ.

Е. А. Рагозина.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Генералъ-лейтенантъ А. А. Іедлинскій

(изъ далекаго прошлаго Кавказа) [1].

Съ тѣмъ же графомъ Лотрекомъ, о которомъ я говорилъ выше, у Іедлинскаго были постоянные нелады и столкновенія, главнымъ образомъ, изъ-за довольствія людей и лошадей. Будучи въ какой-то горной экспедиціи съ отрядомъ, начальникъ котораго, графъ Лотрекъ, находился постоянно въ тылу, Іедлинскій терпѣлъ какъ-то большую нужду въ ячменѣ, которымъ на Кавказѣ кормятъ лошадей вмѣсто овса. На неоднократныя требованія высылки ячменя, такъ какъ лошади голодаютъ и истощены, неся безпрерывную тяжелую службу, онъ получилъ отъ Лотрека увѣдомленіе, въ которомъ, между прочимъ, заключались слова: „потерпите, на-дняхъ вышлю“.

Взбѣшенный Іедлинскій приказалъ этотъ приказъ начальника отряда громко прочесть по сотнямъ передъ коновязами несчастныхъ лошадей, нѣсколько дней стоявшихъ на сухоѣденіи.

Наконецъ, въ отрядъ пріѣзжаетъ самъ Лотрекъ и привозитъ радостную вѣсть, что ячмень прибудетъ къ ночи, или на слѣдующее утро. Тогда Іедлинскій распоряжается, чтобы ко времени обхода графомъ коновязей, когда Лотрекъ будетъ приближаться къ нимъ съ одной стороны, чтобы съ другого конца поднесли крайней лошади мѣшокъ какимъ-то чудомъ уцѣлѣвшаго ячменя. Понятно, лошади, учуя ячмень, одна за другой начали дружно ржать, топтаться на мѣстѣ, бить копытами, словомъ, проявлять всѣ признаки жажды корма, котораго онѣ такъ долго были лишены...

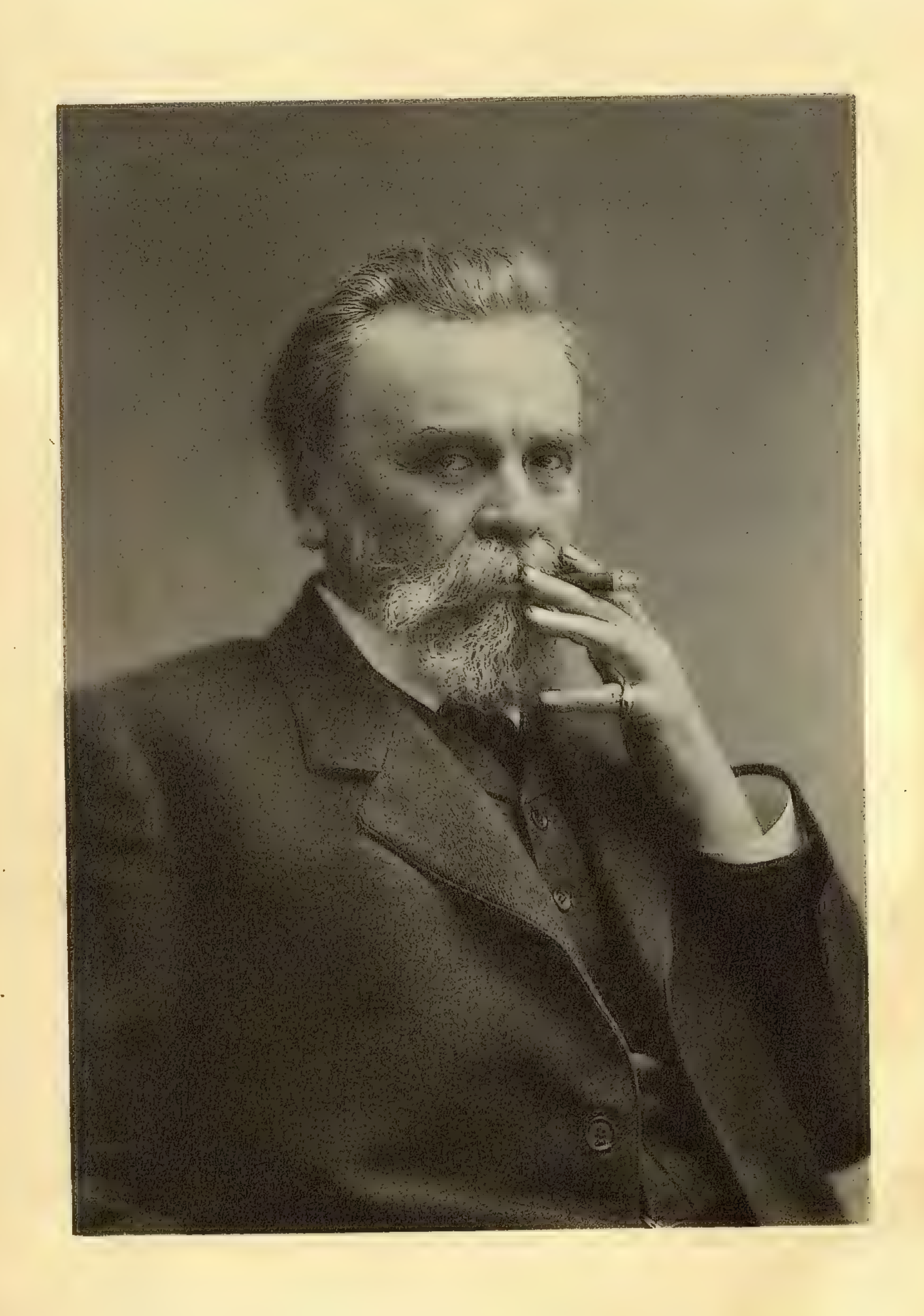
— Что это, полковникъ? спрашиваетъ изумленный генералъ, пораженный такимъ страннымъ поведеніемъ лошадей при своемъ приближеніи къ коновязамъ.

— Отъ-то, Ваше Превосходительство, лошади приносятъ вамъ свою благодарность за извѣстіе о скоромъ прибытіи ячменя. Онѣ у меня умныя! Когда я имъ прочелъ вашъ первый приказъ „чтобъ терпѣливо ждали“, онѣ, понуря головы и поджавъ хвосты, покорно перенесли свою горькую участь, не смѣя роптать на распоряженіе Вашего Превосходительства, ну а теперь почтительно изъявляютъ, какъ умѣютъ, свою благодарность.

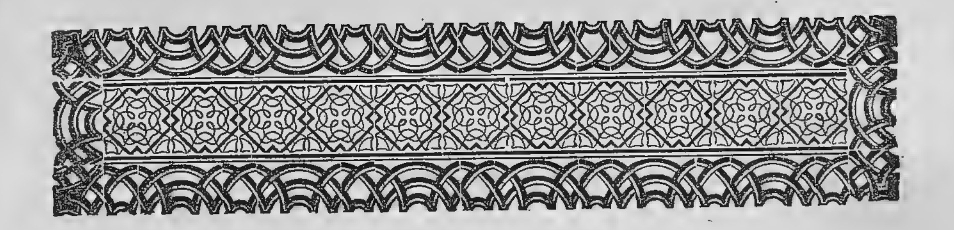
Вл. Марковъ.

---

[1]) См. „Русская Старина“ январь 1911 г.

Иванъ Евменьевичъ
Цвѣтковъ.

И. Е. Цвѣтковъ.

(Основатель Цвѣтковской картинной галлереи въ Москвѣ).

Въ апрѣлѣ 1845 года у бѣднаго священника Симбирской губерніи Алатырскаго уѣзда, у отца Евменія Цвѣткова, родился сынъ Иванъ, какихъ въ русской землѣ каждый день, можно сказать, каждый часъ, родятся цѣлыя тысячи, но этому Ивану, не заурядъ съ прочими, судьба опредѣлила пройти свой земной путь отнюдь не мало замѣтно, какъ многимъ изъ его собратій, а напротивъ и оказать великую услугу русскому народу и его старой столицѣ Москвѣ, къ которой новорожденный Иванъ Цвѣтковъ при томъ никакого личнаго отношенія не имѣлъ. Просты и понятны всякія услуги родинѣ со стороны милліонеровъ: вспомнимъ милліардеровъ Америки, какое количество учебныхъ, ученыхъ и благотворительныхъ заведеній воздвигается тамъ на счетъ людей, вродѣ Кернеджи, Рокфеллера, Гульда и другихъ, нажившихъ своей спекулятивною дѣятельностью милліоны, а еще болѣе получившихъ ихъ наслѣдственно, а затѣмъ самымъ благороднымъ образомъ, въ видѣ удовлетворенія тѣхъ или иныхъ общественныхъ нуждъ, возвращающихъ ихъ въ свое отечество и родной городъ, а часто даже и въ отдаленныя страны. Какъ извѣстно, американскія пожертвованія проникаютъ далеко за предѣлы своей страны и даже къ намъ русскимъ. Такія пожертвованія и одолженія вполнѣ понятны, удобны и сравнительно легки; человѣкъ возвращаетъ людямъ въ видѣ добрыхъ дѣлъ то, чѣмъ самъ дальше, при своемъ преклонномъ возрастѣ, воспользоваться не можетъ. Какихъ бы милліонныхъ размѣровъ эти дары ни достигали, какъ ни почтенны и ни достойны всякія пожертвованія подобныхъ филантроповъ, нельзя все-таки

сказать, что въ основѣ ихъ добрыхъ дѣяній не лежитъ мысль, выраженная нашей мѣткой русской поговоркой: „Бери, Боже, что намъ не гоже“, такъ какъ богачъ милліонеръ отдаетъ подобнымъ образомъ состояніе, когда самъ собирается скоро умирать. Совсѣмъ не то имѣетъ мѣсто относительно тѣхъ пожертвованій и услугъ на общее благо Ивана Евменіевича Цвѣткова, о которомъ въ данномъ случаѣ мы хотимъ разсказать.

Обратно съ американскими образцами, здѣсь на лицо выступаетъ бѣднякъ, сынъ бѣдняка, матеріальныя средства котораго составились постепенно, чуть не копейками, въ теченіе продолжительной трудовой жизни и выраженной имъ лично энергіей, и собираемыя понемногу эти, относительно незначительныя, деньги, тратились разумно на предметъ широкой общественной пользы. Человѣкъ своимъ прилежаніемъ и упорнымъ трудомъ, получая значительный заработокъ, могъ бы его, какъ всѣ, тратить на удовлетвореніе своихъ личныхъ прихотей, на требованія комфорта, жизненныхъ удобствъ и обогащеніе своихъ родственниковъ. Нѣтъ, въ данномъ примѣрѣ мы видимъ совсѣмъ другое. Поставивши себѣ цѣлью принести свою долю общественной пользы получаемыми средствами, Цвѣтковъ съ самоотверженіемъ затрачивалъ ихъ, большую часть своей жизни, на предметы своего вкуса и поклоненія, на поощреніе русскаго искусства. Въ результатѣ онъ оставляетъ городу, гдѣ провелъ большую часть своей жизни, въ высшей степени оригинальный и богатый художественный музей, которымъ будутъ пользоваться и двигать искусство, навѣрное, многія тысячи любителей его и цѣлый рядъ будущихъ поколѣній.

Передадимъ въ сжатомъ видѣ, какъ исторію этого замѣчательнаго учрежденія, такъ и его основателя, пользуясь одинаково, какъ моимъ личнымъ знакомствомъ и даже пріязнью къ почтенному Ивану Евменіевичу, такъ и получивши отъ него, въ отвѣтъ на нашу просьбу, многіе фактическія данныя и матеріалы. Но, чтобы понять все значеніе великаго подвига Ивана Евменіевича, необходимо знать близко какъ его самого, такъ и его жизнь и всю исторію самаго пожертвованія. Начнемъ съ его біографіи.

Трудно себѣ представить ту тяжелую и нелѣпую систему образованія, которую пришлось перенести въ раннемъ дѣтствѣ Ивану Евменіевичу. Первые начатки образованія онъ получилъ дома, но какой дорогой цѣной оно было пріобрѣтено!? Три года, напримѣръ, онъ сидѣлъ надъ азбукой, цѣлый годъ надъ чтеніемъ славянскаго часослова и два года надъ чтеніемъ псалтиря, итого шесть лѣтъ потрачено было домашняго образованія, что при болѣе правильной постановкѣ, навѣрное, было бы возможно пріобрѣсть втрое скорѣе

при самыхъ посредственныхъ способностяхъ ребенка. Дальше, съ одиннадцати лѣтъ начинается его школьное образованіе и на первомъ мѣстѣ стоитъ точно также цѣлыхъ шесть лѣтъ тяжкаго, въ значительной степени безсмысленнаго обученія, какое имѣло у насъ недавно мѣсто въ духовныхъ училищахъ. Какъ внѣшняя, такъ и внутренняя постановка обученія была въ высшей степени жалка и несовершенна. Алатырское Духовное Училище, гдѣ онъ провелъ шесть лѣтъ своей жизни, было въ самомъ убогомъ состояніи, какъ въ смыслѣ пріемовъ школьнаго обученія, такъ и учителей. Тѣснота помѣщенія при этомъ была невѣроятная. Отдѣленіе училища, гдѣ было ровно сто учениковъ, помѣщалось, напримѣръ, въ одной комнатѣ о трехъ окнахъ, и на каждаго ученика приходилось менѣе одной трети кубической сажени воздуха. Грязь въ помѣщеніи превосходитъ всякое описаніе. Полы, напримѣръ, въ духовномъ училищѣ никогда не мылись, а мелись лишь разъ въ недѣлю. Учителя были бѣдны и невѣжественны, лѣнивы и бездушны и едва-ли кто-либо изъ нихъ думалъ объ интересахъ мальчиковъ, попавшихъ въ ихъ руки. Они, аккуратно являясь въ классъ, брали учебникъ, чтобы по немъ отмѣтить то, что по очереди приходилось до слѣдующаго урока, и объясняли очень поверхностно, а иногда нелѣпо самый урокъ. Система контроля успѣшности обученія состояла въ назначеніи такъ называемыхъ аудиторовъ изъ болѣе успѣшныхъ учениковъ, которые должны были слѣдить и экзаменовать нѣсколькихъ товарищей. Черезъ посредство ихъ отмѣтокъ учитель слѣдилъ за занятіями учениковъ и неуспѣшныхъ предавалъ наказанію такъ называемыхъ „сѣкуторовъ", т. е. великовозрастныхъ учениковъ изъ любителей, которые спеціально занимались, по порученію учителя, поркой и сѣченіемъ розгами своихъ неуспѣшныхъ товарищей. Иногда большая часть двухчасового урока проходила не въ занятіяхъ науками, а въ сѣченіи. Нечего останавливаться на томъ, какъ эта система развращающе дѣйствовала на дѣтей!! Приходилось буквально подкупать и умасливать всѣхъ этихъ сѣкуторовъ и аудиторовъ, чтобы избѣгать наказаній и попасть на хорошій счетъ къ учителю.

Во время пребыванія въ духовномъ училищѣ, жить ученикамъ приходилось въ наемныхъ квартирахъ, опять-таки при страшно стѣснительныхъ и вредныхъ условіяхъ. Иванъ Евменіевичъ приводитъ описаніе одной подобной квартиры при Алатырскомъ училищѣ. Оказывалось, что въ ней, въ двухъ крестьянскихъ избахъ по 12 квадратныхъ саженъ, помѣщалось 34 ученика. Эта масса дѣтей спала на палатяхъ, на печи, на лавкахъ и прямо на полу подрядъ. Кроватей ни у кого не было, подстилали подъ себя или войлокъ,

или верхнее платье. Подушки были далеко не у всѣхъ, а о простыняхъ и говорить нечего; о нихъ семинаристы также мало имѣли понятія, какъ и крестьяне. Никакой вентиляціи, конечно, въ этомъ жилищѣ, какъ и въ самомъ училищѣ, не было, а потому воздухъ былъ тяжелый; лица учениковъ, особенно старшихъ, блѣдны, безкровны, какія-то сѣрыя, какъ у арестантовъ. Пропитаніе было скудное, мясо и солонина подавались только по воскресеньямъ и по праздничнымъ днямъ. Вся квартира и училищная обстановка производила на бѣдныхъ ребятъ подавляющее, отвратительное впечатлѣніе. „Не красна была моя жизнь", пишетъ мнѣ Иванъ Евменіевичъ, „въ теченіе 6-ти лѣтняго сидѣнія моего за церковно-славянскими книгами въ родительскомъ домѣ, но училищная жизнь была еще хуже. Она была тяжелѣе жизни каторжника. Высокомѣріе и наглость аудиторовъ меня возмущали. Такъ какъ я ничего не дѣлалъ, чтобы снискать ихъ снисхожденіе, поэтому мнѣ ставили скверныя отмѣтки и происводили жестокія сѣкуціи. Тѣлесныя наказанія повторялись иногда, даже страшно сказать, по нѣскольку разъ въ день"... Къ счастью нашлись добрые люди, которые вмѣшались въ тяжкое положеніе бѣднаго мальчика: со второго года ему сдѣлалось лучше, а вмѣстѣ съ тѣмъ замѣтно улучшились и успѣхи обученія. Но и при этой тяжкой обстановкѣ обученія, сказались способности и характеръ мальчика. Постепенно онъ приноровился къ жестокимъ порядкамъ и сталъ учиться хорошо. Подружившись съ книгой, онъ началъ быстро развиваться. Чтеніе разныхъ исторій и разсказываніе ихъ развивали память и умѣніе выражать мысль. „Постоянная напряженная заботливость о приложеніи грамматическихъ правилъ къ дѣлу при переводахъ съ русскаго языка на латинскій, развили во мнѣ нѣкоторую сообразительность", пишетъ онъ, „то же самое вліяніе производили рѣшенія ариѳметическихъ задачъ"... Скоро, не смотря на всѣ описанныя тяжкія условія, Цвѣтковъ сдѣлался лучшимъ ученикомъ и въ высшемъ отдѣленіи даже первымъ, такъ что, не въ примѣръ прочимъ, дозволялись ему нѣкоторыя льготы и освободили отъ платы за содержаніе.

Въ 1862 году, на короткое, впрочемъ, время (одинъ годъ), Цвѣтковъ поступилъ въ Симбирскую духовную семинарію. Крайняя бѣдность продолжалась по-прежнему и пропитаніе, такъ же какъ и помѣщеніе, были самыя скудныя и неудовлетворительныя, но развившійся уже мальчикъ успѣлъ настолько установиться, что сплошь отличался своими успѣхами въ обученіи и былъ, какъ выражается онъ, „идеальнымъ семинаристомъ". Лекціи посѣщалъ безъ пропусковъ, слушалъ ихъ внимательно, сочинялъ задаваемыя упражненія

по-славянски и риторикѣ на періоды „хріи превращенныя, простыя, разсужденія всѣхъ сортовъ“, а въ остальное свободное время читалъ сочиненія Державина, Карамзина, Пушкина, Жуковскаго и проч., которыхъ только можно было доставать въ общественной библіотекѣ; времени даромъ не тратилъ, и въ концѣ 1862 года, послѣ полугодового экзамена, Цвѣтковъ былъ поставленъ въ общемъ спискѣ семинаристовъ, поступившихъ изъ трехъ конкурирующихъ училищъ, первымъ ученикомъ, или какъ тогда говорили, „цензоромъ“.

Къ этому времени относится начало большого умственнаго развитія его. У Цвѣткова проснулась вполнѣ опредѣленная наклонность къ математикѣ, въ которой онъ и началъ оказывать особенные успѣхи и прилежаніе. Этому стремленію способствовали нѣкоторые хорошіе преподаватели математики изъ молодыхъ учителей. Къ этому времени относятся также первыя попытки Цвѣткова къ самостоятельному мышленію въ области сочинительства, а именно преподаватель риторики и поэзіи рекомендовалъ своимъ слушателямъ самимъ избрать тему по своему вкусу и писать сочиненія по манерѣ свѣтскихъ писателей. Молодой авторъ воспользовался этимъ и написалъ сочиненіе изъ мѣстной жизни мѣстнаго же духовенства: оно имѣло темой случай хорошо всѣмъ извѣстный и тѣмъ произвело большой эффектъ. Сочиненіе Цвѣткова было объявлено образцовымъ и, какъ таковое, читалось въ классѣ.

Большое развитіе юноши, въ это время уже порядочно познакомившагося со всѣми главнѣйшими писателями и журналистами, вызвало у него новые запросы — бросить семинарію и перейти въ шестой классъ гимназіи для ближайшей подготовки къ университету, гдѣ онъ мечталъ поступить на математическій факультетъ.

Съ рѣшительностью и твердостью воли, которыя отличали Цвѣткова всю жизнь, онъ началъ стремиться къ выполненію своего намѣренія, какъ оказалось, весьма нелегкаго. Изъ сравненія программъ семинаріи и гимназіи Цвѣтковъ узналъ, что многаго, какъ напримѣръ, нѣмецкаго языка, нѣкоторыхъ естественныхъ наукъ и т. д. онъ совсѣмъ не зналъ, а другое зналъ очень неудовлетворительно. И вотъ за одно лѣто 1864 года онъ успѣлъ подготовиться по совершенно незнакомому нѣмецкому языку и изъ другихъ предметовъ.

Какъ разъ въ это время, когда предстоялъ Цвѣткову экзаменъ, начался знаменитый Симбирскій пожаръ 1864 года, когда въ нѣсколько дней погибла большая часть этого города и въ томъ числѣ всѣ болѣе замѣчательныя зданія, включая гимназію и семинарію

На этомъ же пожарѣ сгорѣла значительная часть и того небольшого имущества, которое было въ распоряженіи Ивана Евменіевича, онъ, занимаясь помощью погорѣльцамъ, и спасая имущество другихъ отъ пожара, потерялъ что имѣлъ, и съ большимъ трудомъ былъ допущенъ къ экзамену и принятъ въ гимназію, когда она, въ половинѣ октября 1864 года, открылась, наконецъ, въ наемномъ для этого помѣщеніи. Первый годъ прошелъ въ большой борьбѣ съ нуждой и лишь второй, въ седьмомъ классѣ гимназіи, Цвѣтковъ успѣлъ устроиться, стать на ноги, найти подходящіе уроки, но успѣхъ въ этомъ отношеніи скоро столкнулся съ великой непріятностью, ссорой съ однимъ изъ учителей, которая повела, благодаря произволу начальства, мало обоснованному, повидимому, къ исключенію Ивана Евменіевича, что бываетъ очень рѣдко,—изъ седьмого класса гимназіи. Это крупное несчастье повело за собой горячку и сдѣлало совершенный переполохъ въ гимназіи. Онъ пролежалъ нѣсколько недѣль въ больницѣ, такъ что директоръ первый выразилъ по этому поводу сожалѣніе, употребилъ средство къ принятію его назадъ въ гимназію и далъ ему возможность кончить въ ней благополучно, съ правомъ поступленія въ университетъ. Единственно, чего онъ лишился въ это время,—это медали, которой заслуживалъ по своимъ успѣхамъ; а далѣе это привело къ тремъ потеряннымъ годамъ его обученія.

„Не бывать бы счастью, да несчастье помогло", говоритъ пословица. Несправедливо лишенный медали, И. Е. Цвѣтковъ естественно являлся за свои успѣхи, которые онъ самъ хорошо сознавалъ, ближайшимъ кандидатомъ на всякое другое отличіе въ гимназіи. Министерство финансовъ какъ разъ въ это время предложило конкурсъ на полученіе спеціальной отъ него стипендіи въ Технологическомъ институтѣ. И. Е. заявился съ своей стороны конкурентомъ, и стипендія (къ сожалѣнію, маленькая—20 руб.) осталась за нимъ. Хорошо окончивши курсъ гимназіи и заручившись деньжатами на урокахъ, Цвѣтковъ отправился въ первый разъ въ жизни въ Петербургъ, который, конечно, поразилъ его своими постройками, роскошью и удручающе подѣйствовалъ своимъ климатомъ. Маленькой стипендіи не хватало на сколько-нибудь приличное существованіе: приходилось стѣсняться въ каждомъ съѣденномъ кускѣ хлѣба, а главное, вмѣсто квартиры, жить въ какой-нибудь трущобѣ, быстро надрывая силы и здоровье.

Мало-по-малу неудовлетворительная обстановка и питаніе, вмѣстѣ съ дурнымъ климатомъ и чрезмѣрнымъ трудомъ, при бѣготнѣ на грошевые уроки, дѣлали свое дѣло, разстраивая сильное здоровье молодого человѣка. У него начала болѣть грудь, появился кашель,

сухой и тяжелый, онъ сталъ быстро худѣть, и показались, увы! подозрительныя отдѣленія, вмѣстѣ съ кашлемъ, крови....

Бѣда заставила обратиться за серьезной медицинской помощью: онъ отправился къ знаменитому проф. С. П. Боткину, который, спасибо ему, сказалъ чистую правду, что хотя отъ природы Иванъ Евменіевичъ человѣкъ-де крѣпкій и долженъ бы жить долго, но по условіямъ своей жизни въ Петербургскомъ болотѣ оставаться здѣсь ему опасно; надо уѣхать въ степь на кумысъ, тамъ онъ можетъ поправиться и прожить еще, можетъ быть, много лѣтъ.

Къ счастью, онъ внялъ совѣту мудраго эскулапа, черезъ нѣкоторое время отправился на кумысъ, выдержалъ полный курсъ леченья въ теченіе трехъ мѣсяцевъ и чрезвычайно поправился во всѣхъ отношеніяхъ. Въ результатѣ онъ получилъ покойное настроеніе духа, значительное увеличеніе вѣса тѣла и главнѣйшее— исчезновеніе всякой боли въ груди. Совершилось чудо: исцѣленіе больного, хотя нѣкоторое уплотненіе верхушекъ одного легкаго осталось надолго, какъ память о тяжкой болѣзни.

Весь текущій за тѣмъ годъ онъ провелъ на богатыхъ урокахъ у князя Гагарина при самой лучшей гигіенической обстановкѣ зажиточныхъ людей. Въ результатѣ, къ августу 1868 года, значительно поправивши здоровье и накопивши деньжонокъ на прожитье, Цвѣтковъ поступилъ въ Казанскій университетъ на математическій факультетъ; онъ съ пользой провелъ тамъ цѣлый годъ, привыкая къ научнымъ занятіямъ и испытывая по временамъ даже наслажденіе, дѣлая экскурсіи на чужіе факультеты и слушая, напримѣръ, логику и химію. Быстро прошелъ учебный годъ, и хотя Казанью онъ не былъ недоволенъ, но тѣмъ не менѣе предпочелъ лучшій университетъ и перешелъ въ Москву, гдѣ поступилъ на математическій факультетъ, который былъ тогда въ блестящемъ состояніи.

И. Е. Цвѣтковъ попалъ на Московскій математическій факультетъ въ счастливое время, такъ какъ тогда каѳедры были заняты не только хорошими профессороми (какъ Давыдовъ, Бугаевъ и Цингеръ), но даже отчасти блестящими (какъ Ѳ. А. Бредихинъ и Н. Э. Лясковскій). Они доставляли своимъ слушателямъ не только необходимыя свѣдѣнія по своей спеціальности, но, что гораздо дороже, вселяли въ молодые умы интересъ къ изученію преподаваемаго предмета, который заставлялъ ихъ учениковъ стремиться къ дальнѣйшему самостоятельному усвоенію предмета и работѣ въ его области. Въ то же самое время направленіе студентовъ тогда было исключительно академическое, трудовое, удобное для занятій, и въ общемъ Цвѣтковъ своихъ московскихъ товарищей ставитъ гораздо

выше казанскихъ. Люди несерьезные, шалопаи по свидѣтельству И. Е. Цвѣткова, въ Москвѣ въ его время не только не уважались и не считались даровитыми, какъ это бывало въ Казани, но возбуждали въ товарищахъ сожалѣніе, и отъ нихъ сторонились. Вообще учебная среда, въ которой пришлось жить и развиваться молодому Цвѣткову, — тогдашніе студенты-математики, — отличались сравнительно высокими достоинствами: какъ онъ самъ картинно и мѣтко выражается въ своихъ воспоминаніяхъ (для насъ сдѣлавшихся доступными), его товарищи-студенты жили тогда только интересами избранной спеціальности и работали усердно *„не за страхъ, а за совѣсть“*.

Въ теченіе пребыванія Цвѣткова въ Московскомъ университетѣ, онъ содержалъ себя на средства, получаемыя отъ уроковъ. Конечно, его заработки не были постоянны, но въ общемъ достаточно удовлетворительны. Въ это же время онъ имѣлъ счастіе въ семействѣ своего стараго знакомаго князя Гагарина попасть въ Швейцарію, гдѣ и провелъ пріятнѣйшимъ образомъ время въ Женевѣ. Тамъ ему платили очень хорошо, но еще лучше платили, тамъ же, у астраханскаго рыбопромышленника Сапожникова, гдѣ онъ также давалъ уроки троимъ его дѣтямъ. Онъ такъ много заработалъ въ этомъ прекрасномъ городѣ Швейцаріи, что въ результатѣ привезъ съ собой въ Россію болѣе двухсотъ рублей золотомъ. Но добывая деньги легко, какъ никогда, наслаждаясь природой въ Швейцаріи и запасаясь здоровьемъ, онъ имѣлъ рѣдкій случай дорогой, можетъ быть первый разъ съ роду, обратить серьезное вниманіе и на произведенія искусства въ Берлинѣ и Вѣнѣ, гдѣ посѣщалъ картинныя галлереи. Можетъ быть, первая мысль о служеніи искусству, которому посвятилъ онъ столько времени и средствъ его жизни, зародилась въ его душѣ именно тамъ, при созерцаніи старѣйшихъ представителей живописи и ваянія. По крайней мѣрѣ, онъ самъ сознается въ своихъ воспоминаніяхъ: хотя первыя впечатлѣнія, конечно, и были мимолетны, но многія картины оставили сильный слѣдъ въ его памяти.

Въ слѣдующемъ, 1873 году, окончилось его ученіе, и онъ сдалъ свой послѣдній экзаменъ въ университетѣ. Его кандидатская диссертація очень заинтересовала такихъ достойнѣйшихъ профессоровъ, какъ Н. В. Бугаевъ и А. Ю. Давыдовъ. Они предлагали ему даже остаться при университетѣ, но послѣ нѣкотораго размышленія, хотя и польщенный предложеніемъ, онъ принять его не рѣшился и съ благодарностью отклонилъ.

Но что дѣлать, какую профессію избрать?! Учительство въ гимназіи его отнюдь не прельщало, и онъ отъ него отказался разъ на

всегда. Въ это время какъ разъ начали у насъ въ Россіи развиваться и расти быстро, какъ грибы, акціонерныя компаніи земельныхъ банковъ, которымъ тогдашніе публицисты и экономисты придавали огромное, преувеличенное значеніе. Газеты и журналы сплошь и рядомъ твердили, что, доставляя оскудѣвшимъ землевладѣльцамъ недорогой и широкій кредитъ, банки эти, предполагалось, обогатятъ одинаково капиталистовъ и помѣщиковъ и едва-ли не уничтожатъ всероссійское оскудѣніе. За два лишь года 1872 и 1873, было основано 11 акціонерныхъ банковъ и въ томъ числѣ Московскій Земельный Банкъ съ главнымъ иниціаторомъ его и первымъ предсѣдателемъ Правленія—княземъ В. А. Черкасскимъ, извѣстнѣйшимъ государственнымъ и общественнымъ дѣятелемъ.

И вотъ, у молодого Цвѣткова явилась подъ вліяніемъ чтенія всѣхъ отзывовъ о земельныхъ банкахъ и ихъ блестящемъ будущемъ, честолюбивая мысль проникнуть во вновь устроенный Московскій Земельный Банкъ, чтобы принести свою долю пользы Россіи въ дѣлѣ развитія столь важнаго земельнаго кредита. Не имѣя ни души важныхъ знакомствъ и нужныхъ рекомендацій, Цвѣтковъ смѣло съ улицы позвонилъ у подъѣзда квартиры кн. Черкасскаго. Къ счастью одинаково для смѣлаго юноши, какъ и банка, князь принялъ неизвѣстнаго ему молодого человѣка, цѣлый часъ пыталъ его длиннымъ испытующимъ разговоромъ и вопросами и допустилъ И. Е. на службу въ банкъ, но на первый разъ только на испытаніе и безъ жалованья. 1-го января 1874 года онъ началъ работать въ банкѣ, дѣлая все, что отъ него требовали, никакой работой не гнушаясь и просиживая цѣлый день въ банкѣ. Весьма скоро, оцѣнивши его труды, ему назначили матеріальное вознагражденіе, которое росло настолько быстро, что черезъ годъ онъ уже могъ совершенно ликвидировать старую педагогическую дѣятельность въ формѣ praванія уроковъ и всецѣло посвятить себя банку.

Около двухъ лѣтъ онъ пробылъ бухгалтеромъ, затѣмъ нашелъ свое настоящее призваніе въ качествѣ агента по оцѣнкѣ имуществъ, представляемыхъ въ залогъ банку. Началась разъѣздная жизнь съ ранней весны до поздней осени въ предѣлахъ 19 центральныхъ губерній; обширныя знанія, пріобрѣтенныя имъ при оцѣнкахъ съ самой щепетильной добросовѣстностью въ соблюденіи интересовъ банка, доставили Цвѣткову въ поземельно-кредитныхъ сферахъ самую широкую извѣстность и лестную рекомендацію. Въ 1890 году онъ началъ служить по выборамъ Общаго Собранія акціонеровъ банка, въ званіи члена Оцѣночной Комиссіи банка, и съ тѣхъ поръ въ теченіе девятнадцати лѣтъ онъ исполняетъ эту обязанность, вызывая неоднократно благодарность со стороны акціонеровъ и на-

граду за свою полезную дѣятельность. Въ 1895 году онъ былъ избранъ предсѣдателемъ этой самой Оцѣночной Комиссіи и въ 1909 году получилъ отъ общаго собранія акціонеровъ банка единогласную благодарность за свою тридцати-пятилѣтнюю дѣятельность на пользу банка.

Столь успѣшная, лишь кратко намѣченная нами служба въ Московскомъ Земельномъ Банкѣ создала И. Е. Цвѣткову не только хорошее матеріальное обезпеченіе и независимость, но по распространенному масштабу, можно сказать, богатство. Какъ же онъ поступалъ съ этимъ богатствомъ? Что дѣлалъ съ своимъ новымъ достаткомъ этотъ человѣкъ, такъ страдавшій первую половину своей жизни отъ бѣдности и видѣвшій еще долго своихъ близкихъ и дорогихъ людей въ когтяхъ злой нужды?!...

По ходячему масштабу и обычной вѣроятности такой человѣкъ, помогая, разумѣется, нѣсколько своимъ родственникамъ, долженъ былъ бы думать лишь объ одномъ—растить и увеличивать притокъ денегъ, эту достойную награду за свои тяжкіе подчасъ труды и результатъ своихъ личныхъ способностей и дарованій. Затѣмъ, увеличивая при такой системѣ свою матеріальную состоятельность быстро и вѣрно, сталъ бы, можетъ быть, удовлетворять какимъ-либо суетнымъ проявленіямъ, напримѣръ, честолюбія.., и сладко ѣсть и пить... Таковъ обычный рецептъ огромнаго большинства людей въ положеніи Цвѣткова, быстро пріобрѣтшихъ матеріальную состоятельность и не имѣющихъ опредѣленнаго плана (и побужденій для того), какъ распоряжаться своими матеріальными средствами, особенно когда такой человѣкъ холостой и не имѣетъ исходящихъ наслѣдниковъ. И. Е. Цвѣтковъ не былъ въ данномъ смыслѣ обыкновеннымъ человѣкомъ: онъ недаромъ позналъ тяжесть нужды и, сознавая, въ благодарность судьбѣ за свои матеріальные успѣхи, нравственную обязанность принести свою посильную помощь, чтобы бороться съ бѣдностью и ея главнымъ проявленіемъ—человѣческимъ невѣжествомъ, онъ рѣшилъ принести цѣнный даръ въ сферѣ искусства и образованія,—собрать обширную коллекцію представителей преимущественно русскаго родного творчества и отплатить этимъ благороднымъ способомъ своей родинѣ за собственный успѣхъ и удачу жизни...

Само собой разумѣется, Римъ выстроенъ не въ одинъ день, какъ говоритъ извѣстная поговорка, и конечно вышеописанное рѣшеніе И. Е. распорядиться своимъ достаткомъ такъ или иначе образовалось постепенно подъ вліяніемъ разныхъ событій, размышленій и благопріятныхъ условій жизни. Любовь и поклоненіе И. Е. искусству явилось лишь постепенно и довольно поздно. Еще на

второмъ курсѣ Университета онъ попалъ случайно въ Голицынскій Музей въ Москвѣ, который впервые пробудилъ въ немъ художественный инстинктъ, существованіе котораго въ себѣ онъ и не подозрѣвалъ. Содержаніе и изученіе картинъ доставило ему новое невѣдомое наслажденіе и новый интересъ къ жизни. За Голицынскимъ Музеемъ послѣдовало частое посѣщеніе и штудированіе Румянцевскаго Музея и другихъ многочисленныхъ собраній и выставокъ картинъ въ Москвѣ и Петербургѣ. Пріобрѣтеніе чтеніемъ знакомства съ жизнью и дѣятельностью художниковъ являлось къ этому хорошимъ пособіемъ и помощью. Съ девяностыхъ годовъ прошлаго вѣка уже сложилась у него вполнѣ такая осмысленная страсть и потребность къ художественнымъ наслажденіямъ и занятіямъ, что онъ началъ ежегодно и регулярно ѣздить въ Петербургъ на многіе дни ради художественныхъ обзоровъ въ Эрмитажѣ и другихъ тамошнихъ собраній, преимущественно старыхъ художниковъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ.

Собственно пріобрѣтать картины И. Е. началъ съ 1881 года, т. е. черезъ десять лѣтъ послѣ своего перваго знакомства съ картинами въ Голицынскомъ Музеѣ. Само собой, въ новой страсти произошло въ теченіе его жизни нѣсколько перемѣнъ. Сначала онъ пріобрѣталъ всѣ хорошія картины иностранныхъ и русскихъ мастеровъ, которыя нравились и продавались относительно недорого. Затѣмъ въ восьмидесятыхъ годахъ его вниманіе совершенно случайно одной удачной покупкой остановилось почти на исключительномъ пріобрѣтеніи рисунковъ. Въ то время рисунками никто не интересовался, ихъ не собирали и не сохраняли, и ему пришла счастливая мысль заняться ихъ собраніемъ и составить особую коллекцію рисунковъ, сдѣланныхъ русскими художниками. Рисунки въ дѣлѣ живописи имѣютъ такое же большое значеніе, какъ черновые планы и наброски ученыхъ или литературныхъ произведеній, напримѣръ у беллетристовъ. Безъ предварительнаго плана мудрено, кромѣ развѣ исключительно талантливыхъ натуръ, создать что-нибудь солидное и заслуживающее вниманія. Какъ романистъ, напримѣръ по совѣту Гоголя, нѣсколько разъ разсматриваетъ свое произведеніе, отдѣлываетъ и измѣняетъ, прежде чѣмъ возводить его, такъ сказать, въ перлъ созданія, такъ поступаетъ и авторъ всякой большой картины; онъ нѣсколько разъ, можетъ быть, мѣняетъ отдѣльныя фигуры и детали, прежде чѣмъ окончательно остановиться на извѣстной формѣ изображенія. Собраніе рисунковъ несомнѣнно крайне важно для исторіи искусства, ибо близко знакомитъ съ процессомъ творчества, игрою чувства и мысли художника. Иногда, къ сожалѣнію, конечная картина художника не представляетъ лучшаго

произведенія, уступая въ достоинствахъ первоначальному плану его или рисунку, который въ такомъ случаѣ получаетъ, конечно, первенствующее значеніе.

Въ послѣднее время, наконецъ, вмѣстѣ съ увеличеніемъ своего художественнаго образованія и знанія, какъ и свободныхъ матерьяльныхъ средствъ, Иванъ Евменіевичъ, для наилучшаго выполненія своей благой задачи—знакомства русской публики съ ея искусствомъ, рѣшилъ даже не ограничиваться одними рисунками, но и пріобрѣсть, какъ дополненіе и ключъ къ нимъ, и небольшую коллекцію русскихъ картинъ—составить нѣчто въ родѣ „Хрестоматіи живописи". Для этого онъ выработалъ себѣ общій планъ будущаго коллекціонерства, т. е. опредѣлилъ, какіе художники должны считаться самыми крупными представителями своего времени и какимъ родомъ живописи, наиболѣе характернымъ, каждый изъ нихъ долженъ быть представленъ въ его небольшомъ собраніи картинъ и, наоборотъ, въ обширномъ собраніи русскихъ рисунковъ. Онъ началъ усердно отыскивать картины намѣченныхъ мастеровъ и сталъ настолько быстро пополнять свое собраніе, что его небольшой домикъ въ Кривоникольскомъ переулкѣ въ Москвѣ сдѣлался недостаточнымъ, чтобы вмѣстить собранное богатство. Онъ рѣшилъ построить новый домъ, въ которомъ удобно можно было бы размѣстить картины такъ, чтобы ихъ наилучшимъ образомъ видѣть при надлежащемъ освѣщеніи. Сравнительно небольшая часть отведена подъ жилище владѣльца дома или, какъ подшучивали пріятели Ивана Евменіевича, для „сторожа" и хранителя его драгоцѣннаго музея. Всю жизнь онъ оставался неизмѣнно скроменъ въ своихъ требованіяхъ и привычкахъ ради высокой цѣли своей трудовой жизни.

Новый музей былъ воздвигнутъ въ красивомъ уголкѣ города на берегу Москвы-рѣки, близъ Кремля, или Храма-Спасителя, и внѣшній видъ съ его четырьмя фасадами былъ исполненъ по художественнымъ рисункамъ и указаніямъ извѣстнаго В. Н., Васнецова [1]). Съ

---

[1]) Читателю моего очерка интересно будетъ узнать подробную исторію изъ устъ самого Цвѣткова возникновенія дома, нынѣ предоставленнаго, какъ Цвѣтковская Галлерея, въ пользованіе общества: этотъ случай кстати какъ нельзя лучше характеризуетъ вообще отношеніе моего друга ко всѣмъ задачамъ жизни, въ томъ числѣ и его служебной дѣятельности, объясняя, вмѣстѣ съ его даровитостью, необыкновенные его жизненные успѣхи, несмотря на то, что ему никакая бабушка не ворожила. „Когда мнѣ въ 1898 г. захотѣлось построить домъ въ древне-русскомъ стилѣ—сообщалъ мнѣ И. Е. Цвѣтковъ—„то, чтобы уяснить себѣ свое желаніе и найти желанную форму дома, я перечиталъ все, что извѣстно относительно древне-русской архитектуры, пересмотрѣлъ всѣ изданія, всѣ фотографіи съ древнихъ русскихъ

постройкой прекраснаго новаго зданія старая руководящая мысль, разумѣется, не была оставлена, но съ новой энергіей начала осуществляться все болѣе и болѣе. По сознанію И. Е. послѣдніе годы, съ этимъ новосельемъ, онъ „сталъ собирать картины и рисунки еще энергичнѣе, чѣмъ въ первыя двадцать лѣтъ, и былъ счастливѣе въ пріобрѣтеніи рѣдкихъ хорошихъ вещей, чѣмъ прежде“.

Наконецъ насталъ торжественный день увѣнчать все дѣло жизни— передать плоды и результаты всѣхъ своихъ трудовъ обществу. Эта передача драгоцѣннаго собранія Цвѣтковской Галлереи въ общественное пользованіе города Москвы совершена была 28 апрѣля 1909 года въ день 64-ой годовщины рожденія творца Музея—И. Е. Цвѣткова. Изъ доклада при совершеніи этого акта щедраго пожертвованія и перечисленнаго въ немъ „Перечня“ дара, можно видѣть, что до момента поступленія въ общественное пользованіе *„Цвѣтковская картинная галлерея“*, какъ она должна была получить названіе, заключала въ себѣ до 300 картинъ масляными красками и около 1.200 т. н. рисунковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, единовременно съ художественнымъ собраніемъ, поступаетъ въ собственность Московской Думы, на извѣстныхъ условіяхъ, и само прекрасное зданіе, которое содержитъ нынѣ эту Галлерею. Иванъ Евменіевичъ оговорилъ лишь одно скромное желаніе, чтобы *пожизненно* домъ, доступный вмѣстѣ съ „Галлереей“ для всѣхъ интересующихся живописью, оставался въ его владѣніи. За это онъ обѣщаетъ оплачивать по самую свою смерть всѣ расходы по содержанію дома, ремонту и повинностямъ, на нее приходящимся.

Городская Комиссія по пріему пожертвованія И. Е., разумѣется, съ чувствомъ горячей признательности приняла щедрый даръ въ собственность города съ присвоеніемъ ему на вѣчныя времена наименованія „Цвѣтковской галлереи“. Комиссія словами своего Предсѣдателя, сказанными во время пріема этого дара, сдѣлала такую оцѣнку принятаго собранія художественныхъ предметовъ: „Оно представляетъ естественное продолженіе по времени собирательства произведеній національнаго искусства, начало которому положилъ П. М. Третьяковъ. Но главное богатство новой галлереи заключается, впрочемъ, въ огромномъ запасѣ рисунковъ, съ которыми и Третьяковская галлерея никакъ конкуррировать не можетъ“...

зданій, осмотрѣлъ сохранившіеся остатки древнихъ зданій въ Москвѣ, нарочно ѣздилъ въ Ярославль, въ Ростовъ-Великій, потерялъ цѣлый годъ въ попыткахъ создать домъ желаемой формы, сначала при помощи одного профессора архитектуры, потомъ другого, пока не нашелъ искомой формы въ импровизированныхъ рисункахъ художника-живописца В. Н. Васнецова, этого вдохновеннаго любителя и знатока древне-русскаго вкуса“.

„Если въ масляныхъ картинахъ выражается готовое творчество художника, то въ рисункахъ, главнымъ образомъ, вы изучаете процессъ творчества, ту лабораторію, гдѣ все подготовляется и вырабатывается. Вы найдете тутъ проекты и детали извѣстнѣйшихъ картинъ, ихъ варіанты, вплоть до вполнѣ законченныхъ эскизовъ, которые подъ-часъ гораздо интереснѣе самихъ картинъ. Цвѣтковское собраніе рисунковъ представляетъ такое сокровище, подобное которому ни подъ какимъ видомъ купить и составить болѣе нельзя“ [1]).

Цвѣтковская галлерея, какъ описываетъ ее одинъ наблюдатель, это—„настоящій храмъ искусства, строгій и стильный даже въ мелочахъ. Внѣшній видъ галлереи строго выдержанъ въ древне-русскомъ стилѣ—настоящій теремъ..., много свѣта, высокіе потолки, комнаты съ люстрами, представляющими точную копію Новгородскихъ паникадилъ временъ Іоанна Грознаго... Музей уже давно переполненъ картинами, несмотря на то, что въ немъ двѣнадцать комнатъ“ („Русское Слово“ отъ 1 августа 1909 г. № 176) [2]).

Я кончилъ мое „сказаніе“ о жизни и дѣяніяхъ этого замѣчательнаго русскаго человѣка. На первый обычный легкомысленный взглядъ, свойственный толпѣ, герой моего „сказанія“ какъ будто ничего чрезвычайнаго въ жизни не совершилъ. Онъ не оказалъ, напримѣръ, никакого подвига, не написалъ какой-либо извѣстной картины или книги, не сдѣлалъ того, что нѣмцы называютъ „Epochemachendes Werk“, но въ то же самое время Иванъ Евменіевичъ еще при своемъ существованіи своей дѣятельностью, примѣромъ и наконецъ созданіемъ галлереи оставилъ уже крупный слѣдъ въ нашей русской жизни. Большинство лицъ, окружающихъ насъ, пріобрѣтая матеріальныя средства, заботятся обыкновенно лишь увеличивать дальше ихъ размѣры или передать ближайшему потомству — дѣтямъ. И. Е. Цвѣтковъ не такъ поступилъ: онъ думалъ объ отдаленномъ потомствѣ, которое, пріобрѣтая свѣдѣнія и знакомясь съ русскимъ искусствомъ въ его галлереѣ, будетъ

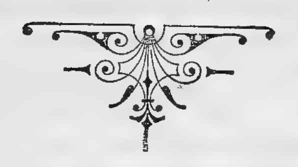
[1]) Изъ рѣчи Н. П. Вишнякова, предсѣдателя комиссіи о „пользахъ и нуждахъ общественныхъ“ въ засѣданіи 5 мая 1909 года. Докладъ № 140. Москва.

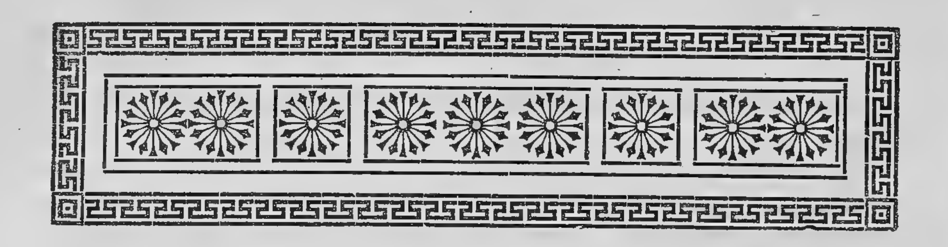
[2]) Принося галлерею въ даръ городу Москвѣ, Цвѣтковъ, впрочемъ, оставилъ за собою право пользоваться галлереею какъ своею частною квартирою *пожизненно*; поэтому галлерея *будетъ открыта для публики только послѣ смерти владѣльца*, когда она поступитъ въ завѣдываніе города и будетъ для того надлежащимъ образомъ приспособлена и снабжена комплектомъ необходимыхъ служащихъ.

съ благодарностью на многіе годы вспоминать его имя и гордиться имъ!

Я слишкомъ далекъ, по своему образованію и подготовкѣ, отъ прекраснаго искусства, которому служилъ половину своей жизни Цвѣтковъ, признанный (хотя и не будучи художникомъ) дѣйствительнымъ членомъ Академіи Художествъ. Я писалъ свою настоящую замѣтку объ его жизни и трудахъ какъ его старый другъ, руководимый чувствами искренней любви къ нему и уваженія и съ тѣмъ возможнымъ безпристрастіемъ, которое привычно мнѣ въ моихъ собственныхъ научныхъ трудахъ. Наилучшей наградой за настоящій мой маловажный очеркъ о И. Е. Цвѣтковѣ была бы надежда, что болѣе компетентное, нежели я, лицо, одинъ изъ нашихъ русскихъ художниковъ, повторилъ бы мой трудъ болѣе достойнымъ образомъ, познакомился бы съ собраніемъ Цвѣтковской галлереи и сдѣлалъ болѣе авторитетную оцѣнку заслугъ И. Е. Цвѣткова передъ русскимъ искусствомъ и косвенно, слѣдовательно, и наукой.

Иванъ Янжулъ.

Депутатъ отъ Россіи.

(Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Новиковой).

ГЛАВА II[1]).

Во время войны.

Краснорѣчіе Гладстона, поддерживаемое организаціей Чемберлена и энтузіазмомъ сѣверныхъ провинцій, не могло сдѣлать ничего болѣе, какъ обезпечить нейтралитетъ правительства. Пока нѣтъ опасности Египту, Суэзскому каналу и Константинополю, англійское правительство будетъ придерживаться строгаго нейтралитета. Фактъ, что Россія сражалась, чтобы довести до конца то, что англійское правительство находило справедливымъ, считался ни во что, премьеръ и небольшое меньшинство охотно помогли бы туркамъ воспротивиться требованіямъ, которыя Англія же подписала на Константинопольской конференціи и въ протоколѣ; Гладстонъ и меньшинство охотно бы соединились, чтобы заставить турокъ подчиниться требованіямъ Европы. Но большинство народа, недостаточно образованное, чтобы понять нравственныя обязательства, налагаемыя парижскимъ трактатомъ, не понимающее возможности содѣйствія въ международной эволюціи и лишенное чувства этики къ своему долгу, какъ членовъ соединенныхъ государствъ Европы, предпочло быть въ сторонѣ, предоставивъ русскимъ и туркамъ рѣшить вопросъ въ бою.

Партія Гладстона, огорченная своимъ безсиліемъ остановить войну, утѣшалась сознаніемъ, что она сдѣлала невозможнымъ для лорда Биконсфильда поднять оружіе за турокъ противъ Россіи.

---

[1]) См. „Русская Старина“ декабрь, 1910 г.

Когда началась война, никто такъ горячо не молился объ успѣхѣ русскихъ войскъ, какъ искренніе и энергичные люди, сочувствующіе призыву Гладстона. Дѣло Россіи было для нихъ свято. „Сѣверное божество“, „Великій Бѣлый царь“, эти выраженія казались естественными и правильными милліонамъ англичанъ. Русскіе идутъ на смерть за справедливое и правое дѣло. Каждая побѣда русскихъ возбуждала восторгъ, каждая неудача огорчала, какъ оскорбленіе. Россія была не формально, но на дѣлѣ уполномоченнымъ всего человѣчества. Она была знаменоносецъ просвѣщенія и за успѣхами ея слѣдили во многихъ англійскихъ домахъ съ такимъ искреннимъ восхищеніемъ и сочувствіемъ, какъ будто Александръ II былъ тотъ же Людовикъ Святой, отправляющійся избавлять гробъ Господень отъ невѣрныхъ,

Ольга Алексѣевна писала Гладстону три дня спустя послѣ объявленія Кроссомъ условій нейтралитета въ палатѣ общинъ.

„Нѣмецкія и французскія газеты предполагаютъ, что нельзя довѣрять нейтралитету Англіи, и что очень большія суммы (изъ Индійскаго бюджета) даны уже Турціи. Повидимому, также Критъ будетъ взятъ англичанами. „Страннаго свойства нейтралитетъ Англіи“, саркастически замѣчаетъ г-жа Новикова. Первое ядро, попавшее на Дунаѣ въ русскіе ряды, было выпущено англійскимъ адмираломъ изъ англійской пушки на суднѣ англійской постройки, среди восторженныхъ рукоплесканій англійской прессы.

Назначеніе Гобарта-паши командиромъ турецкаго флота, съ которымъ онъ нападалъ на русскіе прибрежные города и не допускалъ грековъ занять Өессалію и Эпиръ, служили предметомъ постояннаго раздраженія. Многіе требовали наказанія ему, какъ нарушителю объявленнаго нейтралитета, но напрасно. Гобартъ не былъ единственнымъ, какъ Ольга Алексѣевна разъ съ горечью замѣтила:

„У турокъ множество добровольцевъ изъ Англіи, несмотря на указъ Ея Величества. Вы послали адмирала командовать турецкими броненосцами и генерала (въ видѣ эпитиміи) командовать турецкой арміей. Были другіе волонтеры, но между ними большая разница. Наши добровольцы жертвовали всѣмъ, семьей, домомъ, друзьями, родиной, самой жизнью, чтобъ освободить своихъ братьевъ, и треть изъ нихъ пала въ Сербіи. Ваши менѣе идеалисты, наоборотъ практики, они продали за деньги свои услуги и, кажется, всѣ успѣли позаботиться о сохраненіи своей жизни“.

Въ турецкой арміи состояли на половинномъ жалованьѣ англійскіе офицеры: два полковника, три маіора, семь капитановъ и одинъ адъютантъ, большинство изъ нихъ въ противорѣчіе объявленному нейтралитету оказывали дѣятельное противодѣйствіе успѣху русскихъ.

И это не все. Разослана была прокламація греческимъ инсургентамъ двумя англійскими консулами Блентъ и Мерлинъ, въ которой Россія описывалась какъ „великій общій врагъ Европы"; обѣщалось, что Англія позаботится объ ихъ правахъ послѣ того, какъ врагъ будетъ изгнанъ изъ ихъ страны.

Не удивительно, что при наличности такихъ фактовъ русскіе смотрѣли на такъ называемый британскій нейтралитетъ, какъ на маску, скрывающую вражду, только до удобнаго времени.

Русская армія наконецъ двинулась. 17-го мая генералъ Лорисъ-Меликовъ взялъ Ардаганъ.

Переходъ черезъ Дунай совершился 17 (28) іюня, и все шло хорошо. Генералъ Гурко быстрымъ и смѣлымъ движеніемъ занялъ Іени-Загру; его передовой отрядъ былъ восторженно привѣтствуемъ болгарами. Пылкія сердца въ Англіи и въ Россіи уже надѣялись на скорое паденіе турецкой власти подъ ударами русскихъ мечей.

Но вдругъ произошла перемѣна. Русскія войска вмѣсто постоянныхъ побѣдъ стали испытывать пораженія. Османъ-паша отнялъ Плевну 8-го іюля и сразу сталъ возводить земляныя укрѣпленія, за которыми турки могли противостоять непрерывнымъ нападеніямъ русской арміи до декабря. Генералъ Гурко долженъ былъ очистить южныя балканскія долины, и русскіе съ трудомъ удерживали Шипкинскій проходъ.

Ихъ непреклонная храбрость однако взяла верхъ. Турки, жестоко мстившіе поселянамъ, которые выражали радость своимъ русскимъ избавителямъ, не имѣли силы вытѣснить русскихъ изъ прохода. 18-го іюля русскіе подъ командой генерала Криднера атаковали Плевну и были отбиты съ потерей 5.000 человѣкъ. Война прервалась въ Азіи и въ Европѣ на все лѣто.

Г. Фриманъ, проводившій лѣто въ Греціи, писалъ г-жѣ Новиковой:

26-го іюня 1877 г.

„Нѣтъ, я не получалъ письма отъ королевы греческой, но я имѣлъ разговоръ съ королемъ. Никогда до этого я не говорилъ съ монархомъ, и меня немного удивило, что разговоръ его таковъ же, какъ всякаго другого человѣка, т. е. онъ говорилъ гораздо свободнѣе о положеніи дѣлъ, чѣмъ я могъ ожидать.

„Мы чудно провели время въ Греціи. Никогда я не пользовался такимъ вниманіемъ. Мы имѣли канонерскую лодку для плаванія по окрестностямъ и на острова. Меня сопровождала восторженная толпа народа, я имъ говорилъ рѣчи, точно выборы въ Англіи. Я не думалъ, что буду въ состояніи произносить рѣчи на

греческомъ языкѣ: удалось кое-какъ, мѣшая старый языкъ съ новымъ.

„Но среди моихъ грековъ я не забывалъ своихъ славянъ. Я всегда прибавлялъ такую фразу: греки и другіе восточные христіане въ Греціи очень страшатся Россіи и Болгаріи. Боятся, что Россія проведетъ невыгодную для нихъ границу. Я говорю имъ, что если это такъ, то они должны сами энергично добиваться исполненія своихъ требованій. Но доброе слово отъ Васъ было бы полезно".

Живя на востокѣ, г. Фриманъ ни на минуту не забывалъ внутренней распри на родинѣ. Вотъ, что онъ писалъ мнѣ 16-го іюня:

„Кричите громко и не щадите. Борьба идетъ великая между Англіей и Лондономъ, т. е. то, что зовется Лондономъ, общество и все, что идетъ вверхъ до Стаффордъ-Гауса. Надо держать людей на той же высотѣ эту осень, какъ и прошлую, иначе еврей можетъ вовлечь насъ не знаю во что, какъ только закроется парламентъ. Вамъ, на сѣверѣ, надо предводительствовать, какъ дѣлали Ваши прадѣды въ дни Великой хартіи. Мы здѣсь, я надѣюсь, тоже сильны, доказательство — пріемъ Гладстону въ январѣ и теперь. У Васъ рѣдкая способность поднимать вопросы, такъ пожалуйста трубите по епархіи. Я прибавлю, пусть услышатъ евреи, не въ смыслѣ Саулова призванія, но въ такомъ, чтобы евреи слышали и дрожали. Есть впрочемъ шансъ, что вскорѣ царству архиобманщика придетъ такъ или иначе конецъ. Такъ я слышалъ въ Лондонѣ".

Какъ только русскіе переступили турецкую границу, туркофильская пресса, во главѣ съ англійскимъ посломъ сэръ Генри Лейярдомъ, подняла вопль противъ русской жестокости. Г-нъ Фриманъ въ письмѣ къ г-жѣ Новиковой отъ 21-го іюля говоритъ:

„Я допускаю, что казаки совершили некрасивые поступки, подобно тѣмъ, какіе дѣлали англичане въ С.-Себастіанѣ, французы въ Алжирѣ и вообще всѣ вездѣ. Я не изъ турецкой лжи это знаю, но изъ телеграммъ корреспондента „Таймсъ". Дѣло въ томъ, что турецкія безчинства награждались и повышались. Турецкіе офицеры, которые себя вели хорошо, были наказаны. Я предполагаю, что русскій военный судъ поступитъ обратно, но я желаю какъ можно скорѣе убѣдиться, что онъ такъ поступилъ.

Все идетъ блестящимъ образомъ. Я хотѣлъ здѣсь остаться нѣсколько мѣсяцевъ, до конца года, если же Св. Софія получитъ новое крещеніе раньше, я долженъ буду двинуться и просить Васъ достать мнѣ билетъ".

Наступилъ августъ. Парламентъ былъ открытъ 14-го августа рѣчью королевы съ самыми миролюбивыми увѣреніями. Семь дней

спустя началась продолжительная борьба за удержаніе Шипкинскаго прохода, длившаяся до 20-го сентября.

Все время отъ конца августа до половины ноября, когда русская армія не имѣла успѣха въ Азіи и въ Европѣ, туркофильская печать не переставала сыпать на нее обвиненія; почти всѣ военные корреспонденты признавали, однако, что русскіе обращались съ непріятелемъ съ необыкновеннымъ человѣколюбіемъ и самообладаніемъ, но турки, помня, какъ ихъ уличали въ жестокостяхъ въ Болгаріи въ 1876 г., повидимому, возымѣли мысль, что, для обезпеченія себѣ побѣды, необходимо обвинять русскихъ въ той же жестокости. На эти турецкія обвиненія г-жа Новикова отказала въ любезности отвѣчать.

Г-нъ Гладстонъ, неоднократно намекавшій на равнодушіе русскихъ къ клеветѣ, счелъ себя обязаннымъ публично коснуться ссылокъ на русскую безчеловѣчность. Онъ написалъ два письма г-жѣ Новиковой, вѣроятно, въ отвѣтъ на ея укоры по этому поводу.

3 августа 1877 г.

„Дорогая г-жа Новикова, если бъ Вы могли видѣть англійскія газеты, Вы бы узнали все, а изъ нѣкоторыхъ болѣе того, что я бы могъ сказать Вамъ о себѣ. Восточный вопросъ, мучительный для Россіи, продолжаетъ безпокоить и насъ. Говорить можно о нейтралитетѣ, но, отклонивъ безчестно, по моему мнѣнію, исполненіе своей обязанности передъ правой стороной, мы въ постоянной опасности очутиться въ борьбѣ за неправую. Пререканія въ парламентѣ очевидно продолжаются, и подъ вліяніемъ извнѣ, благоразумная часть предотвратила каждый дѣйствительный шагъ турецкой партіи въ этомъ направленіи, давъ намъ миролюбивыя увѣренія, въ то время какъ другую сторону удовлетворили смѣшнымъ усиленіемъ Мальтійскаго гарнизона.

„Ваше откровенное сужденіе объ англійской политикѣ меня не смущаетъ, намъ полезно видѣть свои недостатки и знать, какъ на насъ смотрятъ другіе. Намъ необходимы такія сужденія; жаль, что наши газеты не любятъ печатать ихъ, исключая тѣхъ случаевъ, когда онѣ до смѣшного преувеличены. Я думаю, что между націями честное свободное сужденіе, безъ изъятія, полезно для обѣихъ сторонъ. Я только-что примѣнялъ это правило къ моей странѣ, въ статьѣ о Борнео по поводу рѣчи въ нижней палатѣ, а также по поводу другой—объ Египтѣ. Надѣюсь прислать Вамъ обѣ на-дняхъ. Въ послѣдней я говорилъ о насиліяхъ, приписываемыхъ русскимъ и болгарамъ. Эти доводы очень серьезны. Россіи, конечно, судить, насколько стоитъ оспаривать, а если позволяютъ

факты, то опровергать ихъ. Но помѣшать заблужденію большей части здѣшней публики, вѣрящей имъ безусловно, можно только изобличеніемъ ложныхъ обвиненій и строгимъ наказаніемъ справедливыхъ. Хотя турецкое правительство явно лжетъ, но, какъ правительство, оно имѣетъ право на отвѣтъ, и хотя его увѣренія такъ многосложны и не ясны, что точно отвѣчать на нихъ очень трудно, все же иногда возможно, и я искренно надѣюсь, что на это будетъ обращено должное вниманіе, такъ какъ это дѣло большой важности. Я писалъ объ этомъ графу Шувалову и лорду Дерби и напечаталъ въ концѣ моей статьи объ Египтѣ.

Вы, можетъ быть, помните, что я писалъ Вамъ на счетъ Черной книги о Польшѣ. Какъ успѣхъ Германіи обратилъ мысли Англіи въ сторону Франціи, такъ продолжительный успѣхъ Россіи произведетъ подобное же вліяніе на менѣе разсудительную часть народа. Но я съ огорченіемъ вижу, что были серьезныя неудачи послѣ атаки Плевны; всѣ разумные люди должны желать, чтобы вы довели Турцію до скорѣйшаго и хорошаго мира. Я не удивляюсь словамъ, которыя приписываютъ Виллерсу. Въ этомъ вопросѣ онъ, я думаю, настоящій партизанъ. Это совершенно другой умъ, чѣмъ у его брата, лорда Кларендона, котораго мы лишились въ 1870 г. Какъ лицу, имѣющему отношенія къ настроенію у насъ, Вамъ можетъ быть интересно узнать, что мѣстные выборы продолжаютъ быть неблагопріятными правительству Биконсфильда. Такъ было въ каждомъ случаѣ за послѣдніе двѣнадцать мѣсяцевъ за исключеніемъ одного, двухъ, по совершенно особеннымъ причинамъ.

Гладстонъ.“

Хаварденъ 30 августа 1877 г.

„Дорогая г-жа Новикова. Я не увѣренъ, которое изъ моихъ писемъ огорчило Васъ, какъ Вы говорите въ своемъ письмѣ отъ 26-го, полученномъ мною сегодня. Если это, прилагаемое мною теперь, то не знаю, почему бы оно произвело такое впечатлѣніе. (Копія изъ газетной вырѣзки, присланная въ предыдущемъ письмѣ: г-нъ Гладстонъ о жестокостяхъ. 14 августа 1877 г. То былъ отвѣтъ корреспонденту, просившему Гладстона сказать свое мнѣніе о жестокостяхъ, приписываемыхъ русскимъ, какъ онъ это дѣлалъ относительно турокъ. На это почтенный джентльменъ отвѣчалъ 10-го августа: „Милостивый государь. Я чувствую, что письмо Ваше внушено справедливостью и человѣколюбіемъ. Прежде всего мы должны убѣдиться въ томъ, что событія дѣйствительно произошли, и въ томъ, кто ихъ совершалъ. Народъ въ прошломъ году не волновался о Болгарскихъ жестокостяхъ, пока онѣ не были удосто-

вѣрены. Насколько мнѣ извѣстно, теперь дѣло стоитъ иначе. Безстыдная, всеобщая ложь турецкаго правительства лишаетъ ихъ показанія всякой цѣны. Есть однако довольно доказательствъ о многихъ ужасныхъ поступкахъ. Я самъ былъ бы очень благодаренъ всякому, кто далъ бы мнѣ способъ судить, относятся ли они къ русскимъ или болгарамъ. Преданный Вамъ Гладстонъ)". Будь Вы здѣсь, Вы бы лучше поняли, что дѣлается. Помните, какъ я предупреждалъ Васъ о вліяніи, которое будетъ имѣть извѣстіе о насиліяхъ въ Польшѣ, если они не будутъ опровергнуты. Это самое случилось и теперь. Несомнѣнно, что многое зависитъ отъ эгоистическаго желанія вѣрить извѣстіямъ о злоупотребленіяхъ русскихъ, справедливы они или нѣтъ, но въ настоящую минуту всѣ, кто склоненъ къ этому, а именно высшій классъ, армія и тори увлечены теченіемъ. Я принужденъ быть очень осторожнымъ въ словахъ, я подвергаюсь у насъ безпрестаннымъ нападкамъ какъ приверженецъ Россіи. Посылаю Вамъ мою статью объ Египтѣ. Прочтите, пожалуйста, послѣднія страницы. Она напечатана около 23-го іюля. Съ этихъ поръ мы имѣемъ полныя доказательства, во 1-хъ, что турки опять принимались за старыя привычки, во 2-хъ, что были жестокости въ нѣкоторыхъ случаяхъ надъ мусульманскими женщинами и дѣтьми. Это подтверждается свидѣтельствами, не допускающими сомнѣній. Я обязанъ продолжать вполнѣ безпристрастно: я думаю, мы уже знаемъ, что болгары совершали жестокіе поступки. Однако, нѣкоторыя раны нанесены пикой, а у болгаръ, говорятъ, пикъ нѣтъ. Странно было бы, среди всего окружающаго, если бъ ни одинъ русскій солдатъ не участвовалъ въ насиліяхъ: мы не можемъ считать каждаго солдата ангеломъ, въ то же время жестокость въ христіанинѣ хуже, чѣмъ жестокость турка. Я желалъ бы слышать, было ли немедленное и строгое наказаніе виновнымъ, если они были уличены. Долженъ сказать, что въ общемъ здѣсь свидѣтельствуютъ о гуманномъ поведеніи русскихъ. Если Вы думаете, что было бы полезно знать мнѣніе Англіи, слѣдуетъ (какъ дѣлаютъ турки) снабжать англійскую печать подробными свѣдѣніями. Богъ въ своемъ милосердіи да приведетъ всѣ эти важныя событія къ хорошему концу. Вамъ преданный

Гладстонъ".

Г-нъ Фриманъ, положеніе котораго было болѣе свободно и менѣе отвѣтственно, чѣмъ Гладстона, не тревожилъ Ольгу Алексѣевну разсужденіями о турецкихъ показаніяхъ противъ русскихъ солдатъ, которыя ее раздражали такъ же, какъ насъ раздражали нѣмецкія обвиненія англійскихъ солдатъ въ Бурскую войну.

20-го августа Фриманъ пишетъ:

„Нѣкоторые люди во главѣ съ лордомъ Страденъ желаютъ созывать митинги противъ Россіи. Я надѣюсь, что въ результатѣ этихъ митинговъ выгода будетъ на нашей сторонѣ, а не на ихъ. Полагаю, что правительство имѣетъ въ виду дѣйствительный нейтралитетъ, т. е. еврей и его шарлатаны имѣютъ большинство голосовъ въ кабинетѣ, но, конечно, онъ на всякій фокусъ способенъ. И конечно все, на что мы можемъ надѣяться, это удержать ихъ нейтралитетъ, хотя я и многіе не понимаемъ нейтралитета между Христомъ и дьяволомъ.

Мы всѣ горюемъ о Плевнѣ, никто не сомнѣвается, что дѣло поправимо, но это страшная потеря времени, людей и энергіи, а хуже всего то, что Южно-Балканскій народъ предоставленъ варварамъ. Я не знатокъ въ военномъ дѣлѣ, но вина должна быть въ чьемъ-нибудь плохомъ командованіи".

Сейчасъ послѣ второго пораженія подъ Плевной г-нъ Фриманъ въ первый разъ заговорилъ со мной о г-жѣ Новиковой. Онъ писалъ:

9-го сентября 1877 г.

„Я разсылаю Ваши статьи въ разныя страны Европы, пишетъ мнѣ г-жа Новикова. Вотъ какое впечатлѣніе Вы произвели на русскую даму, хорошо освѣдомленную въ политикѣ. Письмо ея держите въ тайнѣ".

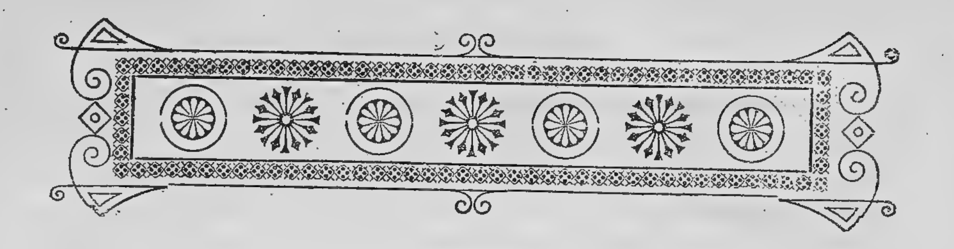
24-го августа 1877 г.

„Чѣмъ больше я читаю „Сѣверное эхо", тѣмъ больше имъ восхищаюсь. Можете ли вы сказать мнѣ имя издателя? я бы очень желала съ нимъ познакомиться. Какую прекрасную статью изъ „Сѣвернаго эхо" Вы мнѣ прислали.

Ольга Новикова".

Сообщено Е. С. М.

Письмо депутата перваго призыва.

(Къ исторіи участія дворянскихъ депутатовъ въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ).

Путешествуя по Россіи лѣтомъ 1858 г., Государь Александръ 2-й обращался къ дворянству съ рѣчами по поводу предпринятаго имъ преобразованія въ быту помѣщичьихъ крестьянъ, и въ рѣчи тверскому дворянству, между прочимъ, сказалъ: „для присутствованія и общаго обсужденія въ Петербургѣ при разсмотрѣніи положеній всѣхъ губерній въ Главномъ Комитетѣ я уже приказалъ сдѣлать распоряженіе, чтобы изъ вашихъ же членовъ было избрано двое депутатовъ". Это обѣщаніе Государя породило въ дворянствѣ мысль о созывѣ дворянской думы для разрѣшенія крестьянскаго вопроса.

Но передъ прибытіемъ въ Петербургъ избранныхъ губернскими комитетами членовъ отъ нихъ М. В. Дѣлъ Ланской въ августѣ 1859 г. представилъ Государю всеподданнѣйшую записку *„Взглядъ на положеніе крестьянскаго вопроса"* [1]), въ которой, между прочимъ, такъ характеризовалъ умонастроеніе депутатовъ: „обращаясь къ предстоящему прибытію избранныхъ Губернскими Комитетами членовъ, я признаю священнымъ долгомъ выразить, что большинство ихъ принадлежитъ къ послѣдователямъ первыхъ двухъ изъ объясненныхъ въ настоящей запискѣ мнѣній [2]). Нѣтъ никакого сомнѣнія, что каждый

---

[1]) Записка эта впервые была напечатана Н. С. Семеновымъ въ *„Русскомъ Архивѣ"* 1869 г. № 7—8, стр. 1362—1375.

[2]) Въ приводимой запискѣ три слѣдующія категоріи мнѣній: *первое* мнѣніе „тѣхъ, кои мало оказывали сочувствія къ освобожденію крестьянъ, побуждаемые къ тому личными, матеріальными выгодами помѣщика. Сначала

изъ членовъ идетъ съ намѣреніемъ поддержать и, если можно, то ввести въ будущее положеніе о крестьянахъ свой взглядъ на предметъ. Не подлежитъ также сомнѣнію, что поборники каждаго направленія выразятъ стремленіе дѣйствовать по взаимному между собою соглашенію, стараясь достигнуть измѣненія принятыхъ правительствомъ началъ, не согласныхъ съ ихъ мнѣніемъ. Такое стремленіе не можетъ не затруднить дѣла. Для спокойствія Государства, для успѣшнаго окончанія предпринятаго преобразованія, главная забота должна состоять въ томъ, чтобы мнѣнія, разсѣянно выраженныя въ разныхъ комитетахъ, не слились въ единомышленныя и необразовавшіяся еще разноцвѣтныя партіи, гибельныя какъ для правительства, такъ и для народа. Посему стремленіе къ образованію партій съ самаго начала должно быть положительно устранено. Согласно Высочайшаго Вашего Величества повелѣнія, избранные Комитетами члены вызываются для представленія правительству тѣхъ свѣдѣній и объясненій, кои оно признаетъ нужнымъ имѣть.

Правительству же полезно имѣть отъ нихъ отзывы не о коренныхъ началахъ, которыя признаны неизмѣнными, не о развитіи ихъ, которое принадлежитъ самому правительству, а единственно только о примѣненіи проектированныхъ общихъ правилъ къ особеннымъ условіямъ каждой мѣстности. Посему не должно давать развиваться мечтаніямъ: будто бы избранные Комитетами члены призываются для разрѣшенія какихъ-либо законодательныхъ вопросовъ или измѣненія въ государственномъ устройствѣ". На запискѣ М. В. Д. Ланского Государь написалъ: *„нахожу взглядъ совершенно правильнымъ и согласнымъ съ моими собственными убѣжденіями"* [1]). Во исполненіе воли Государя была составлена инструкція депутатамъ, объявленная Государственнымъ Секретаремъ г.-ад. Ростовцеву

они домогались выкупа за личность крестьянъ, возлагая его или на самихъ крестьянъ, или на Правительство, или на всѣ сословія Государства". *Второе* мнѣніе: „оно выдѣлилось изъ направленія личнаго, матеріальнаго интереса вскорѣ по обнародованіи рескриптовъ и имѣетъ болѣе опредѣленный характеръ.

Это направленіе сословнаго интереса. Поставляя на первый планъ сословные интересы дворянства, желаютъ создать у насъ дворянскую земельную аристократію подобно англійской, и вмѣсто нынѣшней привилегированной дворянской собственности на крѣпостныхъ началахъ, ввести другую, не менѣе привилегированную, на началахъ феодальныхъ... Настоящая цѣль, которой держались люди этого мнѣнія весьма сознательно и настойчиво, есть освобожденіе крестьянъ безъ земли". (Тамъ же, стр. 1370—1372).

[1]) *Семеновъ.* Освобожденіе крестьянъ въ Россіи въ царствованіе Александра II, т. I, стр. 834.

11 авгуата 1859 г., въ которой опредѣленъ былъ образъ дѣйствій членовъ, избранныхъ Губернскими Комитетами, и роль ихъ ограничивалась примѣненіемъ общихъ началъ, указанныхъ по крестьянскому дѣлу рескриптами, программою и журналами Главнаго Комитета,—къ особенностямъ каждой губерніи [1]).

Собравшіеся въ Петербургъ къ концу августа 1859 г. депутаты, въ числѣ 32 человѣкъ изъ 21 губерніи, по выслушаніи въ засѣданіи ред. ком. этой инструкціи, пришли въ крайнее недоумѣніе; они, какъ свидѣтельствуетъ рязанскій депутатъ А. Кошелевъ, спрашивали себя и другъ друга: кѣмъ составлена эта инструкція? какъ могла она попасть въ Государственную Канцелярію? Кѣмъ она была разсмотрѣна и поднесена на Высочайшее утвержденіе? Государь изволилъ говорить о депутатахъ, имѣющихъ прибыть въ Петербургъ *для присутствованія и общаго обсужденія при разсмотрѣніи положеній въ Главномъ Комитетѣ*, что же значитъ перемѣна, въ силу которой члены отъ комитетовъ обязаны только представить въ редакціонныя комиссіи мѣстныя свѣдѣнія и объясненія по вопросамъ, которые возникли впослѣдствіи при разработкѣ крестьянскаго дѣла? Что значитъ то, что, по полученіи отвѣтовъ на упомянутые вопросы, *предъявляются* членамъ труды комиссіи съ предложеніемъ новыхъ вопросовъ? Что значитъ, что члены обязаны представить *каждый по своей губерніи*, или члены одной губерніи за общимъ подписомъ, свои письменные отзывы? Съ какою цѣлью назначенъ для занятій депутатовъ срокъ, по краткости своей, не возможный? Почему не допущены оффиціальныя собранія депутатовъ? Наконецъ, что значитъ явное устраненіе прежняго ихъ названія: *депутаты*, и замѣна его другимъ: *члены, избранные Губерскими Комитетами*? Всѣ эти и многіе другіе къ нимъ прикосновенные вопросы сильно тревожили депутатовъ [2]).

Недовольные ролью, предоставленною въ данной депутатамъ инструкціи, они рѣшили представить на имя Государя адресъ съ жалобой на дѣйствія бюрократіи и редакц. комиссіи, и 29 августа 1859 г. представили, за подписью 29 членовъ, г.-ад. Ростовцеву письмо, въ которомъ просили: „повергнуть на Высочайшее воззрѣніе Е. И. В. Всеподданнѣйшую просьбу о дозволеніи имъ имѣть общія совѣщанія въ такомъ порядкѣ, въ какомъ благоугодно будетъ указать Государю Императору, и о томъ, чтобы всѣ соображенія ихъ,

---

[1]) Инструкція эта „о занятіяхъ членовъ, избранныхъ Губернскими Комитетами для представленія Высшему Правительству нужныхъ свѣдѣній и объясненій", (см. *въ сборникѣ Правит. распор. по устройству быта крестьянъ*, т. I. стр. 62—66 (изд. 2-е 1862 г.).

[2]) *А. Кошелевъ*. Депутаты и редакціонныя комиссіи по крестьянскому дѣлу. Приложеніе (№ 6) къ его *Запискамъ*, стр. 172—173, Берлинъ 1884 г.

какъ по предъявленнымъ имъ вопросамъ, *такъ и вообще по существу крестьянскаго положенія, поступили на судъ Высшаго Правительства* [1]).

Предсѣдатель редакц. комиссіи г.-ад. Ростовцевъ представилъ это письмо въ подлинникѣ Государю 1-го сентября 1859 и 2-го сентября объявилъ депутатамъ Высочайшее повелѣніе, въ которомъ подтверждалось, чтобы „дальнѣйшія дѣйствія какъ предсѣдателя редакц. комиссій, такъ и членовъ Губернскихъ Комитетовъ, неуклонно основывались на инструкціи 11 августа 1859 г., т. е. члены Губернскихъ Комитетовъ, не касаясь общихъ началъ, должны ограничиться примѣненіемъ оныхъ къ своимъ мѣстностямъ, для чего они и были вызваны въ Петербургъ, и мнѣнія свои должны представить отдѣльно по каждой губерніи".

При пріемѣ депутатовъ 4 сентября 1859 г. Государь еще разъ указалъ имъ на ихъ обязанности: „для разъясненія обязанностей вашихъ я велѣлъ составить инструкцію, которая вамъ предъявлена. Она возбудила недоразумѣнія; надѣюсь, что они разсѣялись. Я читалъ ваше письмо, представленное мнѣ Іаковомъ Ивановичемъ: отвѣтъ на него, вѣроятно, вамъ уже сообщенъ. Вы можете быть увѣрены, что мнѣнія ваши мнѣ будутъ извѣстны: тѣ, которыя будутъ согласны съ мнѣніемъ редакціонной комиссіи, войдутъ въ ея положеніе; всѣ остальныя, хотя бы и не согласныя съ ея мнѣніемъ, будутъ представлены въ Главный Комитетъ и дойдутъ до меня".

Мы будемъ слѣдить за дѣятельностью депутатовъ перваго призыва и ихъ отношеніемъ къ редакіоннымъ комиссіямъ [2]), и для нашей цѣли достаточно указать, что они, по исполненіи своихъ обязанностей, остались неудовлетворенными какъ пріемомъ ихъ, такъ и тѣмъ положеніемъ, въ которое они поставлены были относительно ихъ дѣятельности. А. И. Кошелевъ по этому поводу говоритъ: „Занятія депутатовъ приходили къ концу; Императора ждали въ Царское Село изъ его путешествія сперва къ 15, а потомъ къ 17 октября 1859 г. Депутаты видѣли, что ими исписаны кипы бумагъ

---

[1]) Письмо это напечатано у Семенова: *Освобожденіе крестьянъ въ Россіи*, т. I, стр. 835—836, и „въ Матеріалахъ для упразд. крѣп. состоянія въ Россіи" Берлинъ, т. 2, стр. 127—130.—Подчеркнутыя слова письма вызвали слѣдующую отмѣтку Государя Александра II: *„не должно быть допускаемо"*. (См. т. 116 л. 193) „доклады и переписка, поступившіе отъ Ростовцева и гр. Панина по дѣламъ редакц. комиссій (въ архивѣ Государств. Совѣта).

[2]) Дѣятельность депутатовъ 1-го призыва довольно полно изложена *А. Кошелевымъ* въ его брошюрѣ *„Депутаты и редакціонныя комиссіи по крестьянскому дѣлу"* Лейпцигъ, 1860 г. (См. VI приложеніе къ его *Запискамъ* Берлинъ, 1884 г. стр. 171—209), и *Н. Семеновымъ*: *„Вызовъ и пріемъ депутатовъ перваго приглашенія по крестьянскому дѣлу"* „Русск. Вѣстникъ", 1868 № 11, стр. 33—87.

(2.000 листовъ); они полагали, что ихъ собранія второго призыва, вѣроятно, столько же изведутъ чернилъ и бумаги, и что поэтому нѣтъ возможности членамъ, какъ Главнаго Комитета, такъ и Государственнаго Совѣта прочесть замѣчанія и соображенія депутатовъ. Вслѣдствіе сего они рѣшились подать Императору адресъ со Всеподданнѣйшей просьбой дозволить имъ вновь собраться и разсмотрѣть окончательные труды редакц. комиссіи [1]). Были составлены адресы, подписанные 18 депутатами, 5-ю и 1-мъ, и представлены Государю, передавшему ихъ для обсужденія въ Главный Комитетъ въ своемъ присутствіи. Главный Комитетъ постановилъ подвергнуть подписавшихъ адреса административнымъ внушеніямъ и взысканіямъ, съ отдачею нѣкоторыхъ изъ нихъ подъ надзоръ мѣстнаго начальства.

Но депутаты перваго призыва не считали свои притязанія окончательно проигранными и возлагали надежду на депутатовъ второго призыва „авось они исправятъ ошибки своихъ предшественниковъ". Взывая къ единогласію этихъ депутатовъ, А. И. Кошелевъ указывалъ, что „для нихъ настаетъ крайняя надобность въ томъ, чтобы, отложа въ сторону всѣ личныя воззрѣнія и даже мѣстныя хозяйственныя соображенія, они соединили всѣ свои усилія къ опроверженію одних главныхъ началъ, принятыхъ редакц. ком., началъ, долженствующихъ почти уничтожить значеніе землевладѣльцевъ, породить борьбу между ними и земледѣльцами, содѣлать необходимыми частыя вмѣшательства власти въ дѣла сельскія, и тѣмъ еще усилить въ Россіи ненавистную для всѣхъ бюрократію".

„Письмо депутата перваго призыва", пущенное въ январѣ 1860 г. изъ Москвы, служитъ развитіемъ приведенныхъ мыслей А. Кошелева и, не безъ основанія, приписывается Д. П. Хрущовымъ его перу [2]). Письмо это мы нашли въ бумагахъ гр. Панина съ резолюціею на немъ Государя Александра II-го: „*по прочтеніи послать гр. Панину*" и съ отмѣтками Государя противъ нѣкоторыхъ мѣстъ письма, которыя мы здѣсь воспроизвели, приводя текстъ самаго письма по указанному первоисточнику [3]).

Алексѣй Попельницкій.

---

[1]) *А. Кошелевъ*, названное соч., стр. 181—182.

[2]) Оно было впервые напечатано Хрущовымъ въ „*Матеріалахъ для исторіи упраздненія крѣпостного состоянія въ Россіи*" Берлинъ, т. II, стр. 397—426, но съ не совсѣмъ исправнаго списка и безъ отмѣтокъ, сдѣланныхъ Государемъ Александромъ II при чтеніи его.

[3]) См. т. 118: дѣла редакц. ком., переписка гр. Панина по крестьянскому дѣлу, л.л. 24—59 (въ архивѣ Госуд. Сов.).

Письмо депутата перваго призыва.

(Съ отмѣтками Императора Александра II-го).

„Вы спрашиваете меня: что вамъ дѣлать въ Петербургѣ? Коротко могъ бы я вамъ отвѣчать: не дѣлайте вновь того, что мы тамъ уже сдѣлали; старайтесь сдѣлать то, чего мы не могли или не успѣли сдѣлать; и пуще всего будьте единодушны. Но, вѣроятно, такимъ отвѣтомъ вы не удовлетворитесь; а потому, предупреждая дальнѣйшіе ваши вопросы, я позволяю себѣ высказать, и яснѣе и обстоятельнѣе, мое по сему предмету мнѣніе.

„Мы пріѣхали въ Петербургъ какъ въ лѣсъ: мы не знали ни нашихъ правъ и обязанностей, ни отношеній, въ какія мы будемъ поставлены къ редакціонной комиссіи по крестьянскому дѣлу, а равно и къ высшему правительству. Инструкція, намъ объявленная въ тотъ самый день, когда насъ въ первый разъ пригласили въ редакціонную комиссію, поразила насъ, какъ поражаетъ человѣка самая неожиданная гроза среди яснаго лѣтняго дня. Депутаты смутились. Они другъ друга не знали; по крайне разнорѣчивымъ проектамъ, поданнымъ отъ губерній и отъ большинства и меньшинства одного и того же губернскаго комитета, они имѣли мало надежды сойтись въ мнѣніяхъ и внушать другъ другу благорасположеніе и довѣріе; къ тому же предположенія редакціонной комиссіи были депутатамъ еще мало извѣстны, ибо самые важные доклады отдѣленій были къ нимъ доставлены только въ первыхъ числахъ сентября, т. е. спустя одну или двѣ недѣли послѣ объявленія имъ упомянутой инструкціи. А потому дни, слѣдовавшіе за упомянутымъ засѣданіемъ комиссіи, прошли для депутатовъ въ взаимныхъ рекомендаціяхъ, визитахъ, разговорахъ, собраніяхъ, преніяхъ и проч. Первымъ результатомъ общаго совѣщанія депутатовъ было письмо къ Я. И. Ростовцову съ всеподданнѣйшею просьбою о дозволеніи имъ имѣть оффиціальныя засѣданія. Полученный на это письмо отвѣтъ вамъ извѣстенъ. Скрѣпя сердце, мы начали собираться частно, сперва всѣ вмѣстѣ, а потомъ по группамъ. Самыя разнорѣчивыя мнѣнія высказывались въ нашихъ бесѣдахъ. Конечно всѣ были недовольны предположеніями редакціонной комиссіи; но самое это неудовольствіе было еще неопредѣленно, высказывалось въ общихъ словахъ, и не проникло вглубь депутатскихъ убѣжденій, ибо еще никто не успѣлъ прочитать всѣхъ трудовъ этой комиссіи, а тѣмъ менѣе обнять ихъ цѣлости и сдѣлать изъ нихъ надлежащіе выводы. Большинство депутатовъ было за освобожденіе крестьянъ съ землею; но нѣ-

которые изъ нихъ стояли за то, чтобъ вся земля осталась собственностью помѣщиковъ, и чтобъ крестьянамъ дана была одна полная личная свобода. Многіе были за выкупъ обязательный крестьянскихъ земель, другіе предпочитали ему выкупъ добровольный; были также депутаты, которые отвергали всякій выкупъ.

Кромѣ этихъ главныхъ разногласій, были еще многія другія: одни депутаты соглашались на утвержденіе за крестьянами существующаго поземельнаго надѣла въ границахъ разумныхъ maximum'а и minimum'а; многіе защищали нормальные надѣлы, одни допускали нормы, достаточно обезпечивающія быть крестьянъ; другіе нужду крестьянъ въ землѣ, а помѣщиковъ—въ рабочихъ, считали лучшимъ обезпеченіемъ взаимнаго согласія между обоими сельскими сословіями. Эти разногласія были естественны, неизбѣжны, они происходили какъ отъ крайняго разнообразія мѣстныхъ интересовъ губерній, коихъ представителями были депутаты, такъ и отъ недостаточной зрѣлости понятій въ Россіи по крестьянскому дѣлу, подвергнутому общественному обсужденію только въ послѣдніе двадцать мѣсяцевъ. Къ сожалѣнію, оффиціальность съ своими обязательными формами не пришла къ депутатамъ на помощь для водворенія между ними хотя фактическаго единства; негодованіе же противъ редакціонной комиссіи, хотя было уже значительно, но оно еще не достигло той силы и глубины, которыя могли бы положить конецъ депутатскимъ разногласіямъ. При такихъ обстоятельствахъ и при крайне краткомъ срокѣ, назначенномъ для занятій депутатовъ, они спѣшно принялись за дѣло, спѣшно разсматривали предположенія комиссіи, спѣшно излагали на бумагѣ свои замѣчанія и тотчасъ представляли ихъ предсѣдателю редакціонныхъ комиссій. Депутаты перваго призыва должны были разсматривать предположенія комиссіи непремѣнно во всѣхъ ихъ подробностяхъ, потому что въ нихъ особенно обсуждалась неудобоисполнимость заключеній комиссіи и явная ея несправедливость къ помѣщикамъ. Сверхъ того, не изучивши положеній комиссіи даже въ мелочахъ, трудно было вначалѣ вѣрно оцѣнить достоинство самыхъ основныхъ началъ, комиссіею принятыхъ, и вывести изъ нихъ надлежащія заключенія. На это изученіе мы потратили и не могли не потратить много времени, но за то, въ концѣ нашихъ занятій, мы были насквозь проникнуты убѣжденіемъ, что предположенія редакціонной комиссіи, въ настоящемъ ихъ видѣ, рѣшительно непримѣнимы къ дѣлу, и введеніе ихъ было бы истиннымъ бѣдствіемъ для Россіи. Нѣкоторые изъ насъ изложили это глубокое свое убѣжденіе въ заключительныхъ словахъ, поданныхъ уже послѣ срока, но большинство, къ сожалѣнію, ограничи-

лось частными замѣтками на журналы комиссіи и доклады отдѣленій; и за минованіемъ срока, не представило своихъ общихъ выводовъ.

„Депутаты перваго призыва сдѣлали, думаю, не мало, ибо они разобрали труды редакціонной комиссіи во всѣхъ ихъ подробностяхъ и тѣмъ потрясли ея предположенія въ основаніяхъ, но эта именно работа и не дозволила имъ соединиться и напасть дружно, рѣшительно и, такъ сказать, одноударно, на главныя начала, положенныя комиссіею въ основу своихъ заключеній. Именно, эта задача предлежитъ вамъ. Дурно сдѣлаете вы, если захотите опять преслѣдовать редакціонную комиссію въ подробностяхъ ея предположеній и опровергать ихъ одно послѣ другого. Тутъ новаго, скажете вы, не много, а повторять старое не только безполезно, но даже вредно; ибо чрезъ то вы лишите себя возможности исполнить свое настоящее дѣло. Мы вамъ проложили дорогу; вы уже знаете свои права и обязанности по званію членовъ отъ комитетовъ; вамъ также извѣстно, чего вы можете ожидать отъ редакціонной комиссіи; не хлопочите о томъ, чтобы въ этихъ отношеніяхъ измѣнить то, или другое. Вы потеряете на это много времени, а успѣхъ, если бы онъ и увѣнчалъ ваши усилія, не вознаградитъ васъ за эту утрату. Примите лучше съ покорностью то положеніе, которое создала для депутатовъ знаменитая инструкція, а въ частныхъ совѣщаніяхъ старайтесь дойти до единодушія; это важнѣе всего и это для васъ несравненно возможнѣе, чѣмъ то было для насъ.

Не развлекайтесь вправо или влѣво, тѣмъ или другимъ; не стойте упорно за свои личныя убѣжденія; пренебрегите даже мѣстными интересами; теперь не до тѣхъ и не до другихъ; вы обязаны направить, сосредоточить свои удары на нѣсколько главныхъ, самыхъ существенныхъ положеній, на которыхъ покоится все зданіе, воздвигнутое редакціонною комиссіею; если вамъ удастся ихъ устранить, то отдѣльныя части сами разлетятся впрахъ. Но крайне важно ударить мѣтко на тѣ главныя положенія редакціонной комиссіи, которыя грозятъ Россіи усложненіемъ отношеній между землевладѣльцами и земледѣльцами, возбужденіемъ между ними борьбы, еще большимъ усиленіемъ власти чиновниковъ и окончательнымъ уничтоженіемъ самостоятельности народа и значенія дворянства.

„Какія, спросите вы, главныя положенія, принятыя редакціонною комиссіею, должны считаться самыми вредными, а потому преимущественно предъ прочими, подлежащими опроверженію и устраненію. Постараюсь вкратцѣ вамъ ихъ указать.

„Первое, основное, самое противузаконное, и для всѣхъ крайне невыгодное положеніе, принятое редакціонною комиссіею, есть

„Это уже измѣнено“.

„отдача помѣщичьихъ земель крестьянамъ въ безсрочное пользованіе за неизмѣнныя повинности. Мы опровергли всѣ представленные комиссіею доводы въ пользу законности, справедливости и выгодъ предполагаемой мѣры, и доказали, что одинъ выкупъ приводитъ въ исполненіе благія намѣренія Государя Императора на счетъ упроченія осѣдлости за крестьянами, не нарушая при томъ правъ собственности и доставляя собственникамъ то вознагражденіе, на которое по законамъ они имѣютъ право. Возобновлять пренія по этому предмету безполезно; сама редакціонная комиссія сознала незаконность принятаго ею положенія и, при словесныхъ нашихъ преніяхъ въ ея засѣданіяхъ, она въ оправданіе свое ссылалась какъ на государственную необходимость этой мѣры, такъ и на то, что въ журналѣ своемъ № 38 она почти допустила обязательный выкупъ. Вы можете это признать за вещь доказанную, и прямо, настоятельно и единодушно требовать выкупа. Но берегитесь, не повторите представленія, нами даннаго въ увеселеніе редакціонной комиссіи: иные изъ насъ вовсе отвергали выкупъ, другіе соглашались на одинъ выкупъ добровольный и только остальные, правда, самые многочисленные, стояли за выкупъ обязательный. При такомъ нашемъ разногласіи, редакціонная коммиссія по сему важному вопросу била насъ оружіями, которыя мы ей сами на себя доставляли, и въ довершеніе предсѣдатель объявилъ намъ, что Государь Императоръ никогда не рѣшится нарушить правъ собственности *установленіемъ обязательнаго выкупа безъ положительнаго и общаго на то согласія дворянства.*

„Совершенно справедливо“.

Неужель теперь вы не скажете по этому предмету слова единодушнаго? Можно было стоять и за невыкупъ, и за выкупъ добровольный, пока освобожденіе крестьянъ было дѣломъ келейнымъ и не вполнѣ уясненнымъ, но теперь, послѣ разработки этого вопроса въ редакціонной комиссіи, въ явный ущербъ дворянства, послѣ выпуска ея трудовъ въ количествѣ болѣе 3/т. экземпляровъ, и послѣ предположенія для барщины правилъ невозможныхъ, а для оброка начала его неизмѣнности, теперь одинъ исходъ изъ затрудненій, представляемыхъ освобожденіемъ крестьянъ съ землею, есть *выкупъ и при томъ не иной какой, а просто обязательный.* Выкупъ добровольный есть или несбыточная мечта благодушія, или замаскированное личное безземельное освобожденіе крестьянъ. Теперь тѣшить себя надеждою, что въ Россіи можно освободить крестьянъ безъ земли не позволительно, скажу болѣе—преступно. Еще можно было прежде увлекаться подобными фантазіями: многіе вовсе не знали, что такое русскій крестьянинъ; многіе думали, что его также легко пожаловать въ бездомники, какъ эстонца или ли-

„Т. е. самая крайняя несправедливость“.

ванца; сверхъ того, къ появленію этой остзейской рыцарской или англійской аристократической мысли могло способствовать то обстоятельство, что слова „освобожденіе, уничтоженіе крестьянской зависимости, надѣленіе крестьянъ землею въ безсрочное пользованіе, неизмѣнность повинностей и проч." почти вовсе и никѣмъ не произносились у насъ въ Россіи, и что смыслъ ихъ извѣстенъ былъ народу только въ силу однихъ желаній, хотя и горячихъ, но довольно неясныхъ. Теперь дѣло совершенно иное: съ высоты престола высказана благая, глубокоистинная мысль, что крестьянинъ долженъ быть освобожденъ съ землею, многіе изъ дворянъ горячо взялись за распространеніе и утвержденіе этой великой истины; губернскіе комитеты почти всѣ на ней основали свои проекты; редакціонная коммиссія развила ее до послѣднихъ крайностей. Неужель теперь еще можно быть за освобожденіе крестьянъ безъ земли? Нѣтъ! Теперь можно и должно хлопотать лишь объ одномъ: сохранить за крестьянами всѣ выгоды, предоставляемыя имъ редакціонною коммиссіею; сверхъ того, наградить ихъ новыми выгодами, истекающими изъ выкупа; но все это произвести не на счетъ помѣщиковъ, не съ отягощеніемъ крестьянъ, *а посредствомъ государственнаго кредита,* который въ свою очередь отъ того не только не долженъ пострадать, а напротивъ того имѣетъ подняться и укрѣпиться. Въ этомъ заключается единственное средство противодѣйствовать гибельной теоріи редакціонной коммиссіи объ отдачѣ земли крестьянамъ въ безсрочное пользованіе за неизмѣнныя повинности. Теперь возможенъ выборъ только между двумя путями: одинъ предполагается редакціонною коммиссіею, но на немъ встрѣтятся запутанныя многосложныя отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ, борьба между этими сословіями, великія затрудненія помѣщиковъ по устройству вольнонаемныхъ хозяйствъ, нерадостный для крестьянъ вѣчный чиншъ безъ отдѣленія изъ него части на постепенное пріобрѣтеніе земли въ собственность и проч. Другой путь есть выкупъ; онъ долженъ намъ доставить вознагражденіе за то, что мы уступаемъ, устроить простыя и положительныя отношенія земледѣльцевъ къ людямъ, вполнѣ свободнымъ, окончательно разрѣшить вопросъ объ освобожденіи крестьянъ и проч. Не могу думать, чтобы изъ васъ кто-либо сталъ колебаться въ избраніи послѣдняго пути. Теоріи о вѣчномъ чиншѣ, о вотчинныхъ правахъ и проч. должны быть рѣшительно сданы въ архивъ и не путать болѣе нашихъ понятій при толкахъ о крестьянскомъ вопросѣ. Многія губерніи еще прежде объявили себя за выкупъ обязательный; теперь другія губерніи подаютъ въ пользу его свои голоса. Вамъ предлежитъ единодушно и настойчиво просить о выкупѣ обя-

„Это легко сказать, но выполнить не возможно".

зательномъ; всякое ваше разногласіе по этому дѣлу будетъ проступкомъ предъ Россіею настоящею и будущею, и вы за него отвѣтите тяжче, чѣмъ мы, ибо вы пришли послѣ насъ и не можете оправдываться тѣми обстоятельствами, которыя въ семъ отношеніи нѣсколько уменьшаютъ нашу вину. Финансовыя трудности по осуществленію выкупа не могутъ служить достаточными причинами къ его устраненію и даже къ его замедленію. Россія сильна и богата, слѣдовательно, онъ возможенъ. Непріисканіе средствъ къ его осуществленію доказываетъ лишь одно неумѣніе орудовать финансовыми средствами Россіи. Рѣшитесь обратиться къ августѣйшему обновителю Россіи съ всеподданнѣйшею просьбою о призваніи въ финансовый комитетъ представителей земледѣльческихъ и торговыхъ интересовъ, и они, конечно, найдутъ для достиженія желаемой цѣли средства простыя и прямыя; словомъ, такія, которыя и никогда не придутъ въ голову бюрократовъ, знающихъ не Россію, а свои бумаги, умѣющихъ орудовать не живыми силами, а однѣми мертвыми формами, и имѣющихъ въ виду не общее благо, а казенный интересъ въ самомъ ограниченномъ его смыслѣ, т. е. ущербъ для казны, но выгоды для себя.

„Второе весьма важное, предположеніе, противъ котораго необходимо вамъ дружно возстать, есть огромный [1]), допущенный редакціонною коммиссіею между высшими и низшими крестьянскими надѣлами. Отсюда вышли произвольные, а по нѣкоторымъ мѣстностямъ и ни съ чѣмъ не сообразные maximum'ы. Мы рѣзко и единодушно возстали противъ этого предположенія редакціонной коммиссіи, доказывая, что оно несогласно съ требованіемъ Высочайшихъ рескриптовъ, противно единогласному желанію всѣхъ губернскихъ комитетовъ и содержитъ въ себѣ, съ одной стороны, нарушеніе правъ собственности, не вынужденное никакою государственною необходимостью, а съ другой стороны, не обезпеченіе значительнаго количества крестьянъ поземельнымъ надѣломъ. Но, къ сожалѣнію, мы сами ослабили дѣйствіе нашихъ доводовъ и усилій; согласные между собою въ опроверженіи правилъ, по сему предмету принятыхъ редакціонною коммиссіею, мы вполнѣ разошлись въ томъ, чѣмъ ихъ слѣдовало замѣнить. Одни признавали необходимость утвержденія за крестьянами существующаго поземельнаго надѣла въ границахъ разумныхъ maximum'а и minimum'а; другіе потребовали для крестьянъ нормальныхъ надѣловъ, достаточныхъ для обезпеченія крестьянскаго существованія, многіе же сокращали мірскія земли до того, что давали крестьянамъ земли какъ будто только на образчикъ. Такое наше разногласіе было весьма отрадно и забавно для редакціонной коммиссіи, и она опровергала доводы

[1]) Въ текстѣ пропущено слово. *Ред.*

депутатовъ, по сему предмету, одной губерніи доказательствами и мнѣніями депутатовъ смежной губерніи. Будьте увѣрены, что теперь *менѣе чѣмъ когда-либо, возможно отступить отъ начала существующаго надѣла.* Всегда въ пользу его было много доводовъ: и удобства по опредѣленію величины надѣловъ и по размежеванію, и то, что крестьяне безусловно стоятъ за сохраненіе въ своемъ владѣніи тѣхъ земель, которыми они нынѣ пользуются; но теперь, сверхъ того, есть обстоятельство, крайне важное, которое окончательно говоритъ за существующій надѣлъ: это начало, т. е. начало существующаго надѣла, положительно провозглашено редакціонною коммиссіею, сильно поддерживается нѣкоторыми изъ помѣщиковъ и составляетъ задушевное желаніе крестьянъ; какъ же ихъ лишить благъ, которыя оно имъ обѣщаетъ? Прежде это было опасно; теперь это совершенно невозможно. Редакціонная коммиссія составила произвольныя выписки изъ недостаточныхъ, губернскими комитетами доставленныхъ свѣдѣній о помѣщичьихъ имѣніяхъ; изъ этого вышли по многимъ губерніямъ и уѣздамъ странные, ни съ чѣмъ несообразные высшіе надѣлы. Депутаты противупоставили имъ свои произвольные, не менѣе странные по крайней малости, высшіе надѣлы. Слѣдуетъ депутатамъ или сойтись всѣмъ на счетъ назначенія высшихъ надѣловъ, хотя умѣренныхъ, но вполнѣ достаточныхъ, что почти невозможно, или—что удобнѣе и разумнѣе,— единодушно сказать, что отсюда, изъ Петербурга, нѣтъ возможности справедливо назначить, по губерніямъ или по уѣздамъ, высшіе надѣлы, что они могутъ быть выведены только по естественнымъ, однороднымъ мѣстностямъ, только на самыхъ мѣстахъ, и при томъ изъ болѣе точныхъ и вѣрныхъ свѣдѣній о всѣхъ помѣщичьихъ имѣніяхъ; что доставленныя свѣдѣнія изъ губернскихъ комитетовъ по многимъ уѣздамъ относятся менѣе чѣмъ къ половинѣ имѣній, что почти всѣ они неполны и невѣрны, что для произведенія этой повѣрки и для вывода новыхъ цифръ потребуется не болѣе трехъ мѣсяцевъ; и что, слѣдовательно, чрезъ то дѣло освобожденія крестьянъ вовсе не затянется, а между тѣмъ выводы будутъ вѣрны и безобидны какъ для крестьянъ, такъ и для помѣщиковъ. На этой повѣркѣ свѣдѣній и на производствѣ упомянутыхъ выводовъ на мѣстахъ подъ контролемъ начальниковъ губерній и главнымъ наблюденіемъ высшаго правительства, необходимо вамъ настаивать; иначе совершатся великія несправедливости въ ущербъ или помѣщиковъ или крестьянъ.

„Съ этимъ и я согласенъ“.

„Это можетъ быть и справедливо“.

„Въ третьихъ, необходимо вамъ возстать, соединенными силами, противъ безусловно мелочно-опредѣлительныхъ правилъ, устанавляемыхъ редакціонною коммиссіею, въ разрѣшеніе затрудненій,

имѣющихъ возникнуть при освобожденіи крестьянъ,—однимъ словомъ, противъ регламентаризма редакціонной коммиссіи. Конечно, она менѣе одержима этимъ недугомъ, чѣмъ другіе комитеты, коммиссіи, отдѣленія министерства и департаменты, доселѣ подготовлявшіе законодательныя мѣры, но и она далеко не свободна отъ вліянія петербургскаго сосѣдственнаго съ Германіею воздуха. Такъ она считаетъ возможнымъ въ Петербургѣ положительно сказать, какія земли должны оставаться у крестьянъ, какое соотношеніе между пахатными, луговыми и другими угодіями имѣетъ соблюдаться при разграниченіи земель помѣщичьихъ и крестьянскихъ, и какими правилами слѣдуетъ руководствоваться при допущеніи необходимыхъ въ семъ случаѣ поземельныхъ обмѣновъ. Очевидно, что тутъ желаніе оградить крестьянъ отъ могущихъ быть при размежеваніи злоупотребленій заставило коммиссію упустить изъ виду то страшное зло, которое сопряжено съ черезполосицею, для государства, для помѣщиковъ и для самыхъ крестьянъ. Редакціонная коммиссія также воображаетъ, что съ береговъ Невы посредствомъ градацій и другихъ хитрыхъ вымысловъ можно для всей Россіи установить справедливыя для крестьянъ и безобидныя для помѣщиковъ повинности за земли, уступаемыя первымъ. Тутъ опять очевидно, что редакціонная коммиссія, какъ бы забывая то чрезвычайное разнообразіе почвъ, мѣстныхъ удобствъ, густоты населенія и проч., которое существуетъ не только въ Россіи вообще, но почти въ каждомъ уѣздѣ, думаетъ, что разными комбинаціями цифръ отъ 3 до $12^1/_2$ десятинъ можно все опредѣлить и уравновѣсить ко благу крестьянъ и помѣщиковъ. Не буду приводить болѣе примѣровъ регламентаризма редакціонной коммиссіи; но укажу на корни этой болѣзни. Изъ нихъ бросаются въ глаза два главные: во 1-хъ, опасеніе злоупотребленій, какъ будто, неизбѣжныхъ при добровольныхъ соглашеніяхъ, и во 2-хъ, мысль, что a priori и изъ-за тридесяти земель можно предвидѣть всѣ разнообразные случаи, представляемые сельскимъ бытомъ (самымъ своеобразнымъ изъ всѣхъ родовъ жизни, ибо онъ истекаетъ изъ условій каждой мѣстности) и при томъ въ государствѣ самомъ пространномъ и разносвойственномъ, какое только существуетъ, и что даже можно на всѣ эти случаи установить правила. На счетъ перваго, т. е. опасенія злоупотребленій при добровольныхъ соглашеніяхъ, думаю, что теперь оно не совсѣмъ основательно: сельскій міръ (а не отдѣльные крестьяне) былъ всегда довольно самостоятеленъ, а помѣщики, во избѣжаніе съ его стороны несогласій и настоятельныхъ просьбъ, избѣгали его сбора и предпочитали имѣть дѣло съ лицами крестьянскаго общества; нынѣ же послѣ двухлѣтнихъ толковъ о

свободѣ, міръ еще болѣе возмужалъ; а чрезъ годъ, по объявленіи личной свободы крестьянъ, можно безъ всякой боязни допустить добровольныя соглашенія между помѣщиками и крестьянами, и необходимо только опредѣлить главныя начала, на которыхъ эти соглашенія должны быть основаны, и устроить то учрежденіе, которое, въ случаѣ, если таковыя не состоятся, должно рѣшить разнословія между заинтересованными сторонами. Что касается до второго источника регламентаризма, т. е. до вѣры въ возможность заранѣе и не на мѣстѣ разрѣшить общими правилами разнообразные случаи, представляемые сельскою жизнью, то это показываетъ лишь то, что коммиссія мало знаетъ сельскую жизнь. Тысяча разныхъ обстоятельствъ ее видоизмѣняютъ; количество надѣла, качество почвы, близость или отдаленность селеній отъ сбыта произведеній или средоточія промысловъ, густота или рѣдкость населеній, степень богатства или бѣдности края вообще и проч. и проч., все имѣетъ прямое вліяніе на жизнь крестьянъ. Въ одномъ и томъ же уѣздѣ, одно и то же количество земли можетъ быть достаточнымъ и недостаточнымъ; однѣ и тѣ же повинности могутъ быть для нихъ тяжелыми и легкими, одни и тѣ же способы отправленія повинностей— удобными и невозможными, а потому для успѣшнаго окончанія предпринятаго преобразованія, имѣющаго умиротворить сельскій бытъ, необходимо дать ему правильное устройство, сплотить и оживить его, необходимо правительству дать правила не только самыя справедливыя, но и достаточно широкія, а все остальное предоставить на добровольныя соглашенія между помѣщиками и крестьянами, подъ контролемъ мѣстной власти и подъ главнымъ наблюденіемъ высшаго правительства.

Редакціонная коммиссія, подъ вліяніемъ петербургскаго бюрократизма, полагаетъ, что чернила, перья и бумага суть надежнѣйшія орудія законодательства и управленія. Вамъ слѣдуетъ всячески убѣждать правительство, что съ нашимъ народомъ одинъ надежный способъ дѣйствія есть живое, прямое личное съ нимъ обращеніе и *что добровольныя соглашенія одни въ состояніи привести къ желаемой цѣли.* Вмѣстѣ съ этимъ вы должны единодушно, твердо и торжественно удостовѣрить правительство, что дворянство, понимая свое новое великое назначеніе стать въ главѣ сельскаго населенія, готово доказать на дѣлѣ, что оно не отдѣляетъ интересовъ крестьянъ отъ своихъ собственныхъ, и что оно убѣждено, что только на *взаимномъ добромъ согласіи землевладѣльцевъ и земледѣльцевъ, и на основаніяхъ для всѣхъ равно справедливыхъ можетъ быть разрѣшенъ нынѣшній вопросъ ко благу самаго дворянства.*

„Какъ же онъ хочетъ съ этимъ соединить обязательный выкупъ?“

„Дай Богъ, чтобы оно было такъ“.

„Четвертый предметъ, на который долгомъ считаю обратить

ваше вниманіе, есть охраненіе народныхъ обычаевъ, сильно потрясаемыхъ предложеніями редакціонной коммиссіи. Это дѣло съ перваго взгляда можетъ показаться маловажнымъ, но такое воззрѣніе не основательно. Народные обычаи составляютъ сущность народнаго быта, который въ свою очередь есть главная основа величія всякаго и въ особенности нашего государства. Что будетъ съ нашею страною, что будетъ съ нами, старшими членами сельскаго населенія, если крестьяне утратятъ свою самостоятельность и будутъ только орудіями въ рукахъ чиновниковъ? Редакціонная коммиссія наноситъ тяжкіе удары самымъ существеннымъ народнымъ обычаямъ: такъ, она подкапываетъ разными мѣрами общинное землевладѣніе, *покровительствуетъ выкупу усадьбъ отдѣльными семействами, крайне облегчаетъ крестьянамъ выходы изъ общества,* дозволяетъ крестьянамъ контрактоваться безъ согласія и даже безъ вѣдома общества, потрясаетъ круговую поруку и проч. Если допустить эти коренныя измѣненія въ крестьянскомъ быту, если ослабить мірское устройство, то можно замѣнить первыя только регламентаціями, а послѣднее однимъ усиленіемъ чиновничества,—эти именно двѣ обиды и должны быть слѣдствіемъ утвержденія предположеній редакціонной коммиссіи. Взгляните на начертанное ею устройство мірскихъ сходовъ, управленій, судовъ, властей и проч. и скажите: не петербургская ли это бюрократія въ маломъ видѣ? Нѣтъ, народные обычаи, одни обезпечивающіе самобытность нашего народа, мы должны беречь какъ зѣницу нашего ока, ибо на нихъ главнѣйше основано собственное наше землевладѣльческое значеніе. Это особенно будетъ ясно изъ того, что я имѣю сказать въ нижеслѣдующихъ строкахъ.

„Это есть главный конецъ всѣхъ нашихъ славянофиловъ“.

„И по моему, хорошо дѣлаетъ“.

„Теперь подхожу я къ самому важному пункту—къ тому, на который главнѣйше должны быть обращены ваши заботы и усилія. Права помѣщиковъ на людей отмѣняются; не многіе изъ насъ, конечно, будутъ скорбѣть о нихъ, вскорѣ всѣ должны почувствовать, что не одни крестьяне и дворовые люди, а что и мы освобождаемся отъ крѣпостной зависимости. Иго, подъ которымъ одни держатъ другихъ, порабощаетъ самыхъ поработителей; снятіе его съ нашихъ людей должно на насъ имѣть самое благое дѣйствіе. *Мы возвратимъ себѣ наши человѣческія и гражданскія права во всей ихъ полнотѣ.* Но вмѣстѣ съ отмѣною крѣпостного права, часть нашихъ земель имѣетъ отойти въ безповоротное пользованіе крестьянъ; это дѣло совершенно иное. Земля есть обильнѣйшій и вѣрнѣйшій источникъ богатства и власти; лишась части земли, мы лишаемся части нашего богатства и власти. За первую мы должны быть вознаграждены деньгами, которыя освободятъ насъ отъ дол-

„Что онъ этимъ разумѣетъ?“

говъ кредитныхъ установленій и дадутъ намъ возможность поставить наше хозяйство на вольнонаемный ладъ. Но чѣмъ вознаграждены мы будемъ за потерю власти? Очевидно, не инымъ чѣмъ, какъ расширеніемъ нашихъ правъ на ту землю, которая останется въ нашемъ владѣніи, и предоставленіемъ намъ возможности имѣть вліяніе на свободное, окружающее насъ народонаселеніе. Доселѣ права дворянства по владѣнію имѣніями, по выборамъ и совѣщаніямъ были крайне неопредѣленны и не вѣрны. Можно сказать, что собственно мы правъ не имѣли, а пользовались нѣкоторыми привилегіями по упомянутымъ статьямъ. Всякое право даетъ силу, привилегіи же сообщаютъ пользующимся оными призракъ силы и дѣйствительную слабость. Кто болѣе насъ чувствовалъ непреложность этой истины? Мы имѣли привилегіи и даже значительныя, а на дѣлѣ наше значеніе было ничтожно. Слывя опорою престола, мы на дѣлѣ были имъ подпираемы и, за его охраненіе нашихъ привилегій, мы платили ему не гражданскою, а иною какою-то преданностью. Мы были между престоломъ и народомъ не посредствующимъ звеномъ, а чѣмъ-то страннымъ, не внушавшимъ довѣрія и уваженія къ себѣ ни тому, ни другому. Престолъ, отрѣшенный отъ народа, стоялъ въ туманномъ уединеніи; народъ, подавленный крѣпостною зависимостью во всѣхъ видахъ, безмолвствовалъ, терпѣлъ и хирѣлъ. Всю власть, все значеніе захватила бюрократія, которая своевольствовала во имя самодержавія, угнетала народъ вездѣ и всячески и припрягала къ себѣ дворянство чинами, званіями и жалованіями. Дворянство было тѣстомъ, изъ котораго преимущественно пеклись чиновники, подкладкою, которою подбивалась мантія бюрократіи, и архивомъ, куда сдавались неудавшіеся и неспособные, разжившіеся престарѣлые чиновники. Званіе, владѣющее одною третью всего населенія и чуть чуть не половиною всѣхъ земель Европейской Россіи, наполняющее собою почти всѣ правительственныя и судебныя мѣста и пользовавшееся разными преимуществами, это привилегированное званіе не имѣло почти никакой силы, никакого значенія въ государствѣ. Какая тому причина? Очень простая, *безпочвенность дворянскаго положенія*. Сами по себѣ мы быть не могли; отъ народа отдѣляли насъ ненавистныя для него наши привилегіи, а правительство, всегда сознававшее, что въ Россіи сила въ совокупности народа, а не въ несуществующихъ сословіяхъ, покровительствовало намъ только изъ милости. Теперь это должно измѣниться; какъ право владѣть людьми отмѣняется, какъ почти половина нашихъ земель должна отъ насъ отойти, и какъ многія наши привилегіи должны рушиться сами собою, то чѣмъ же мы будемъ? Неужель мы всѣ кинемся на

Государь поставилъ: ?

колесницу бюрократіи, захотимъ вскарабкиваться и въ ней прогуливаться по головамъ оставшагося населенія? Но такая мостовая ненадежна и слишкомъ легко перекувыркнуться не намъ однимъ, а и всему государственному устройству.

Одно спасеніе для насъ, для народа и для государства есть принятіе нами благого рѣшенія присоединиться къ народу, слиться съ нимъ и стать во главѣ его. Этого требуютъ выгоды народа, нуждающагося въ предводительствѣ, выгоды собственныя наши, ибо одни мы слишкомъ много или малочисленны, а потому немочны; наконецъ, выгоды государства, самаго самодержавія, могущаго быть сильнымъ только при единствѣ его съ совокупностью народа русскаго. Но все это возможно только при условіяхъ: во 1-хъ, безобиднаго и окончательнаго разрѣшенія вопроса объ освобожденіи крестьянъ, во 2-хъ, самостоятельности народа, и въ 3-хъ, ограниченія бюрократіи и усиленія мѣстнаго самоуправленія. О первыхъ двухъ статьяхъ я уже достаточно говорилъ въ моемъ письмѣ, здѣсь считаю долгомъ сказать нѣсколько словъ о мѣстномъ самоуправленіи, единственномъ исходѣ для самодержавія изъ своеволія бюрократіи, для дворянства—изъ необезпеченности его положенія и для народа—изъ угнетенія чиновничьяго, церковничьяго, помѣщичьяго, купеческаго и мѣщанскаго. Всѣ мы глубоко убѣждены, что въ обширной Русской Имперіи одно самодержавіе можетъ удерживать связь между ея различными частями, хранить въ ней порядокъ и равно благоволить ко всѣмъ состояніямъ въ государствѣ; и потому всѣ мы за самодержавіе; но по той же самой причинѣ, мы всѣ противъ бюрократіи, подкапывающей самодержавіе своимъ своеволіемъ, неуваженіемъ къ людямъ и состояніямъ, и неумѣніемъ дѣло вести просто, хорошо и быстро. Самодержавіе будетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ достойнѣе своего высокаго назначенія, чѣмъ оно будетъ болѣе относиться къ высшимъ дѣламъ и менѣе касаться низшихъ и среднихъ. Передача завѣдыванія послѣдними дѣлами агентамъ правительства вредна для самодержавія, ибо всѣ ихъ промахи и злоупотребленія (а ихъ было, есть и всегда будетъ море неисчерпаемое) падаютъ на его отвѣтственность и роняютъ его въ народномъ мнѣніи. Это мы знаемъ не изъ теоріи, а изъ грустнаго опыта. Для землевладѣльцевъ и земледѣльцевъ одно обезпеченіе противъ своеволій мѣстнаго управленія есть собственное ихъ избраніе ближайшихъ къ нимъ должностныхъ лицъ, домашній надзоръ за ними и отвѣтственность ихъ не одному отдаленному правительству, а непосредственно окружающему ихъ народонаселенію. Въ трудахъ редакціонной коммиссіи мы не находимъ, къ великому нашему прискорбію, ничего для насъ успокоительнаго, въ семъ отношеніи. Тамъ всѣ

дѣла административныя, хозяйственныя и судебныя, въ окончательной инстанціи поручены лицу или мѣсту еще не существующему. Но что это будетъ за лицо или мѣсто? Въ этомъ заключается вся сущность дѣла. Намъ, депутатамъ перваго призыва, не показали ни оффиціально, ни даже частно проекта о преобразованіи уѣзднаго управленія. Слухи ходили и ходятъ самые тревожные. Говорятъ, что и мѣстная полиція, и уѣздное управленіе, и мировые судьи будутъ по назначенію администраціи, т. е. начальниковъ губерній. Ну что тогда дѣлать и намъ, и крестьянамъ. Крестьяне окажутся не освобожденными отъ крѣпостной зависимости, и мы въ нее попавшими. Эту бѣду, горшую изъ всѣхъ бѣдъ, необходимо устранить. Въ этомъ заключается вашъ самый неотложный и самый существенный долгъ. Не полагайтесь по этому дѣлу на слова и увѣренія бюрократіи. Она будетъ угощать васъ вѣжливостями и фразами, и потомъ сама будетъ надъ вами смѣяться и обвинять васъ въ томъ, въ чемъ одна она виновата; вамъ необходимо обратиться по сему предмету со всеподданнѣйшею просьбою и ходатайствовать о сообщеніи вамъ предположенія министерства внутреннихъ дѣлъ по преобразованію уѣзднаго управленія и по учрежденію мировыхъ судей. Если правительство сочтетъ это неудобнымъ, по вашей многочисленности и безъ того вашихъ занятій, то оно приметъ иныя мѣры къ узнанію настоящихъ нуждъ и желаній Россіи. Оно можетъ отчасти достигнуть этой цѣли, призвавши въ бюрократическій свой комитетъ, по этому дѣлу, человѣкъ десять, двѣнадцать неслужащихъ помѣщиковъ изъ внутренности Россіи, и снявши съ своихъ предположеній ту таинственность, которою они доселѣ окутаны. Россія, само правительство, извлечетъ величайшую пользу изъ такого измѣненнаго хода дѣла, и въ убыткѣ будетъ одна бюрократія, а ея убытки—чистый барышъ какъ для правительства, такъ и для всѣхъ состояній. Предоставленіе права самоуправленія мѣстностямъ, представляемымъ не однимъ, а всѣми состояніями, въ нихъ живущими; отвѣтственность должностныхъ лицъ не предъ однимъ отдаленнымъ правительствомъ, а и предъ окружающимъ ихъ населеніемъ; и устройство суда гласнаго и изустнаго—вотъ наши кровныя нужды, безъ удовлетворенія которыхъ и самое освобожденіе крѣпостныхъ людей не принесетъ пользы ни крестьянамъ, ни государству. На этомъ стойте пуще всего, и если достигнете этого, то все остальное придетъ само собою.

„Я кончилъ, но въ заключеніе не могу не высказать еще одной мысли. Вы съѣзжаетесь въ Петербургъ въ то время, когда правительство какъ будто рѣшилось своротить съ первоначально избранной дороги, ведущей на вершину горы, и пуститься по извилистой тро-

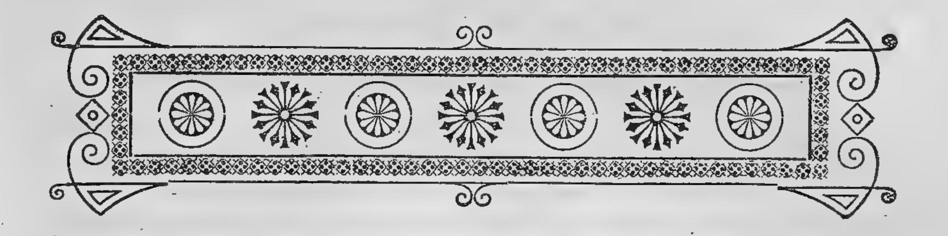
пинкѣ, обманчиво обѣщающей быстро и прямо привести къ цѣли. Замѣчанія, разъясненія, намъ сдѣланныя, были только прелюдіями къ воспрещенію дворянству толковать о крестьянскомъ вопросѣ, къ отставленію г. Унковскаго отъ должности губернскаго предводителя и къ неутвержденію въ этомъ званіи ярославскихъ Васильева и Дубровина, къ усиленію строгости цензуры и проч. Конечно, всѣ эти мѣры не въ духѣ и не въ правилахъ нынѣ царствующаго императора; *онѣ исторгнуты у него докучливостію бюрократіи,* чувствующей, что ея послѣдній часъ приближается Вамъ необходимо довести до свѣдѣнія государя, что дворянство одушевлено искреннимъ желаніемъ исполнить его благія намѣренія, что ни у кого нѣтъ и въ мысляхъ въ чемъ-либо ему перечить, что дворянство ему вполнѣ вѣритъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно проситъ Его Величество вѣрить и дворянству, не дозволять, чтобы представляли его отстаивающимъ только свои привилегіи и интересы, и противящимся Его Высочайшей волѣ, и разрѣшить ему въ необходимыхъ случаяхъ обращаться съ полною откровенностью непосредственно къ Его Величеству".

Государь поставилъ: !!!!

„Искренно и горячо желаю вамъ успѣха; единодушіе, умѣренность и убѣжденіе, что лишь въ общемъ благѣ заключается и собственное наше, и будутъ вашими руководителями въ великой задачѣ, вамъ предлежащей 20 января 1860 г.".

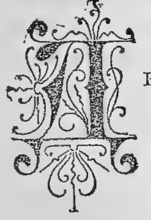
А. Попельницкій.

Пребываніе Императора Александра I въ Лондонѣ въ 1814 г. [1]).

(Великій князь Николай Михаиловичъ. Переписка Императора Александра I съ сестрой Великой Княгиней Екатериной Павловной).

ва мѣсяца спустя послѣ Вѣнскаго конгресса и тотчасъ по заключеніи Парижскаго мира, Императоръ Александръ I посѣтилъ Лондонъ. Эта поѣздка не имѣла никакой политической цѣли и во время пребыванія императора въ Лондонѣ не происходило никакихъ дѣловыхъ переговоровъ; это былъ отдыхъ союзныхъ монарховъ и ихъ министровъ послѣ понесенныхъ ими трудовъ.

Единственно, что имѣлось при этомъ въ виду,—это личное знакомство и сближеніе Александра съ регентомъ англійскаго престола — впослѣдствіи королемъ Георгомъ IV, что считали необходимымъ для упроченія великой европейской коалиціи.

Въ воспоминаніяхъ супруги русскаго посла въ Лондонѣ Д. А. Ливенъ, изъ коихъ отрывокъ помѣщенъ въ приложеніи къ перепискѣ Императора Александра I съ Великой Княгиней Екатериной Павловной, изложены обстоятельства, вызвавшія поѣздку Императора въ Англію, и подробно описаны отдѣльные эпизоды его пребыванія при дворѣ Георга III. Домъ княгини Ливенъ былъ въ Лондонѣ центромъ дипломатическаго міра, и поэтому она могла быть обо всемъ великолѣпно освѣдомлена.

„Императоръ Александръ пріѣхалъ въ Лондонъ въ іюнѣ мѣсяцѣ 1814 г., пишетъ княгиня Ливенъ. Посѣщенію этому предшествовали весьма важныя событія.

---

[1]) См. „Русская Старина“ январь 1911 г.

Императоръ Александръ, всемогущій, но скромный глава коалиціи королей и народовъ, привелъ ихъ въ самое сердце Франціи, не задаваясь никакими мыслями о дальнѣйшей судьбѣ этой великой страны. Этотъ серьезный вопросъ не только никѣмъ не обсуждался,— его даже вовсе не касались. Всѣ знали, *что* надобно было разрушить, но никто не зналъ, *чѣмъ* надлежало замѣнить разрушенное. Относительно этого важнаго пункта никто ничего не зналъ; деликатность Императора Александра была къ тому главной помѣхой.

Первымъ рѣшился возвысить свой голосъ англійскій регентъ. Его раздражали совѣщанія, происходившія между монархами въ Шатильонѣ; онъ боялся возможности какого-нибудь соглашенія съ Наполеономъ и, рѣшивъ во что бы то ни стало помѣшать этому, онъ, не стѣсняясь конституціей, поручилъ моему мужу предложить отъ его имени Императору Александру возстановить на престолѣ Бурбоновъ; это было сдѣлано въ тайнѣ отъ англійскихъ министровъ, которые объ этомъ ровно ничего не знали".

„Ливенъ поддерживалъ въ Лондонѣ близкія сношенія съ французской королевской семьей; онъ одобрилъ предложеніе регента и сообщилъ его Императору; Александръ I, въ свою очередь, отнесся къ этому предложенію сочувственно, видя въ немъ выходъ изъ затруднительнаго положенія. Не обращая вниманія на просьбу Ливена хранить это предложеніе въ тайнѣ, императоръ тотчасъ сообщилъ обо всемъ лорду Кастляри, заявивъ, что онъ раздѣляетъ мнѣніе регента и готовъ поддержать его предложеніе. Это было для англійскаго министра громовымъ ударомъ; онъ немедленно написалъ изъ Шатильона своимъ коллегамъ въ Лондонъ. Глава англійскаго кабинета Ливерпуль, впервые узнавъ обо всемъ изъ письма Кастлри, былъ внѣ себя отъ гнѣва; сообщеніе Кастлри взволновало всѣхъ членовъ англійскаго кабинета. Однако послѣдующія его депеши изгладили это первое впечатлѣніе. Изъ депешъ можно было заключить, что Бурбоны встрѣтятъ во Франціи благосклонный пріемъ; и что императоръ австрійскій не будетъ особенно огорченъ, если его внукъ лишится престола. Когда это выяснилось, министры поняли, что планъ регента былъ недуренъ, и что имъ все улаживалось.

Совѣщанія, происходившія въ Шатильонѣ, были вскорѣ прерваны, и союзныя войска пошли къ Парижу.

Этотъ фактъ, весьма важный по своимъ послѣдствіямъ, придалъ дружественнымъ отношеніямъ, существовавшимъ между русскимъ Императоромъ и англійскимъ регентомъ, болѣе интимный характеръ. Дѣло, которое они замыслили втайнѣ, увѣнчалось успѣхомъ; узы, связывавшія ихъ державы, скрѣпились возникшими между ними личными узами. Съ этого момента регентъ только и думалъ о сви-

даніи съ Александромъ I и усиленно приглашалъ его посѣтить Англію, на что Императоръ изъявилъ свое согласіе".

Александръ I былъ въ то время въ апогеѣ своей славы. Въ Англіи всѣ жаждали видѣть его и ожидали его пріѣзда со страстнымъ нетерпѣніемъ. Купечество выразило даже желаніе меблировать для него домъ, ассигновавъ на это 100 тысячъ ф. ст.

„Нѣтъ той вещи, которую сочли бы достаточно хорошей для освободителя Европы" писала брату Великая Княгиня Екатерина Павловна, которая была въ то время въ Лондонѣ. Куда бы она ни поѣхала, обычно „холодная" англійская публика горячо привѣтствовала ее, какъ сестру русскаго Императора. Когда она совершила поѣздку въ Оксфордъ, Бирмингамъ и Ворчестеръ, населеніе оказывало ей повсюду по пути знаки восторженнаго вниманія: въ маленькомъ городкѣ Банбери, жители вышли ей навстрѣчу и выпрягли лошадей изъ ея экипажа; for I was the sister of the great emperor of Russia"—говоритъ Екатерина Павловна.

Обѣщавъ посѣтить Англію, Императоръ могъ отправиться туда лишь по заключеніи міра, пробывъ цѣлыхъ два мѣсяца въ Парижѣ. Въ послѣднее время его пребыванія въ столицѣ Франціи отношенія между нимъ и реставрированной династіей нѣсколько омрачились. Онъ не видѣлъ со стороны французскаго короля ни той благодарности, ни той изысканной любезности, на которыя онъ считалъ себя въ правѣ разсчитывать. Онъ не былъ доволенъ приближенными короля и реакціоннымъ настроеніемъ, преобладавшимъ въ кругу царедворцевъ.

Императоръ всегда былъ склоненъ къ либеральному образу мыслей и любилъ окружать себя людьми, раздѣлявшими эти взгляды. Онъ съ удовольствіемъ вспоминалъ Имперію; предпочтеніе, которое онъ оказывалъ нѣкоторымъ лицамъ, начинало тревожить европейскіе кабинеты. Всѣ признавали его первенствующую роль, но князь Меттернихъ и лордъ Кастлри еще въ бытность въ Парижѣ чувствовали необходимость сплотиться и дѣйствовать сообща, чтобы сдержать порывы пылкаго воображенія Александра I. Такъ зародилась тѣсная дружба, соединявшая впослѣдствіи этихъ двухъ министровъ.

Получивъ свѣдѣніе о настроеніи Императора и о его образѣ дѣйствій, — расположенный къ Бурбонамъ и консервативно настроенный регентъ нѣсколько разочаровался, и когда Александръ пріѣхалъ въ Лондонъ, его восторженное преклоненіе передъ Императоромъ уже померкло. Этому не мало способствовало одно постороннее обстоятельство, а именно его знакомство съ Великой Княгиней Екатериной Павловной, пріѣхавшей въ Лондонъ въ мартѣ

мѣсяцѣ 1814 г., т. е. за три мѣсяца до прибытія туда Александра".

По отзыву княгини Ливенъ, „это была женщина выдающаяся во всѣхъ отношеніяхъ. Всѣмъ было извѣстно", говоритъ княгиня, „что она имѣла огромное вліяніе на брата. Великая Княгиня была очень властолюбива и съ огромнымъ самомнѣніемъ. Чрезвычайно подвижная, она страстно любила дѣйствовать, играть роль и затмевать другихъ.

У нея были обворожительные глаза и манеры, увѣренная поступь, гордая, но граціозная осанка; хотя черты ея лица не были классическія, но поразительно свѣжій цвѣтъ лица, блестящіе глаза и великолѣпные волосы плѣняли всѣхъ. Въ ея обликѣ было что-то обворожительное и чарующее. Тщательно воспитанная, она до тонкости знала всѣ правила приличія и была одарена самыми возвышенными чувствами. Говорила кратко, но краснорѣчиво; ея тонъ былъ всегда повелительный.

Она поразила англичанъ, но не особенно понравилась имъ".

Въ моментъ ея пріѣзда въ Лондонъ первою особою при англійскомъ дворѣ былъ регентъ. Королева, его мать, со времени сумасшествія короля Георга III, почти никого не принимала и рѣдко выѣзжала изъ Виндзорскаго дворца. Принцессы, ея дочери, находились безотлучно при ней. Братья регента также рѣдко появлялись при дворѣ. „Двора въ Лондонѣ, собственно говоря, не было. Королева принимала оффиціально два раза въ годъ и время отъ времени проводила вечеръ у регента".

Англійское правительство было предупреждено о пріѣздѣ великой княгини. Регентъ послалъ ей навстрѣчу суда и назначилъ состоять при ней камергера Тернера, но не предложилъ ей помѣститься во дворцѣ. Для нея былъ приготовленъ русскимъ посломъ роскошный отель на улицѣ Пиккадилли.

„Великая Княгиня очень кичилась славою Россіи, жаждала все видѣть и знать и хотѣла какъ можно скорѣе познакомиться съ регентомъ.

Онъ сдѣлалъ ей визитъ на другой же день по ея пріѣздѣ. Великая Княгиня была объ этомъ предупреждена, но — умышленно или по забывчивости—она еще не окончила своего туалета, когда онъ пріѣхалъ. Она хотѣла встрѣтить его на верхней площадкѣ лѣстницы, но хотя она и поторопилась выйти, онъ былъ въ залѣ ранѣе ея. Туалетъ Великой Княгини былъ оконченъ на половину, она была этимъ смущена, и это отразилось на ея пріемѣ; у нея не было обычной увѣренности въ себѣ.

Она прошла съ регентомъ въ кабинетъ, гдѣ они бесѣдовали съ

четверть часа. Она проводила его до лѣстницы. Я сразу увидѣла, что бесѣда съ глаза на глазъ не удалась; они казались оба недовольны. Принцъ сказалъ мнѣ мимоходомъ: „Ваша Великая Княгиня не хороша собой".

Она сказала: „Вашъ принцъ человѣкъ дурного тона".

Въ тотъ же день въ городъ пріѣзжала королева, чтобы принять Великую Княгиню, посѣтившую ее въ Букингэмскомъ дворцѣ. Часъ спустя, онѣ встрѣтились снова въ Карлстонъ-Гаузѣ, куда мы пріѣхали вмѣстѣ съ нею. Уже за этимъ обѣдомъ всѣмъ было ясно, что регентъ и Великая Княгиня не сойдутся. Она еще носила трауръ по мужѣ и любила говорить о своемъ горѣ. Регентъ не особенно вѣрилъ ея горю. Человѣкъ въ общемъ довольно рѣзкій, онъ былъ настолько уменъ и тактиченъ, что умѣлъ приспособляться къ обстоятельствамъ и сдерживаться, когда это было нужно.

Но тутъ, къ моему величайшему изумленію, вмѣсто того, чтобы говорить въ тонъ Великой Княгинѣ, онъ сдѣлалъ ей какое-то замѣчаніе по поводу ея траура и грусти, осмѣлился предсказать ей, что она скоро утѣшится, и сдѣлалъ еще болѣе серьезную ошибку, сказавъ это совершенно просто, безъ всякаго фатовства. Для перваго знакомства это было ужасно; изумленная Великая Княгиня отвѣтила ледянымъ молчаніемъ и бросила на него высокомѣрный взглядъ.

По вечерамъ, при дворѣ всегда была музыка. Въ тотъ день были приглашены итальянцы. Великая Княгиня заявила, что ей тяжело слышать музыку; артистовъ отпустили и рѣшительно не знали, что дѣлать. Королева и регентъ были недовольны; вечеръ не удался, а Екатерина Павловна была очень довольна, поставивъ всѣхъ въ затруднительное положеніе. Съ этого вечера она и регентъ возненавидѣли другъ друга, и такъ продолжалось до конца".

Великой Княгинѣ все не нравилось въ регентѣ; дѣлясь съ братомъ своими лондонскими впечатлѣніями, она писала ему, что въ Англіи все оказалось не соотвѣтствующимъ ея ожиданіямъ и тому, что она представляла себѣ объ этой странѣ по наслышкѣ. Страна понравилась ей болѣе, чѣмъ она ожидала, Лондонъ показался красивѣе, чѣмъ она себѣ представляла, но что касается людей, то въ нихъ она разочаровалась.

„Регентъ, котораго ей изображали красавцемъ, произвелъ на нее отталкивающее впечатлѣніе", онъ показался ей изнуреннымъ кутежами, его манеры казались ей „манерами человѣка, привыкшаго къ дурной компаніи", его хваленая любезность была, по ея словамъ, „не что иное, какъ распущенность", его разговоры коробили ее; она не жалѣла красокъ, описывая его Императору, называла его

„пустымъ и тщеславнымъ", посылала Императору каррикатуры на него—и Императоръ пріѣхалъ въ Лондонъ предубѣжденнымъ противъ того, съ кѣмъ ему было необходимо сойтись и установить дружескія отношенія.

„Когда Великая Княгиня убѣдилась окончательно въ томъ, что она не понравилась регенту, она стала пользоваться всякимъ случаемъ, чтобы усугубить въ немъ непріязненныя къ ней чувства. Она обращалась холодно съ министрами, была преднамѣренно невѣжлива съ любовницей регента, маркизой Гертфордъ, мужъ которой былъ однимъ изъ первыхъ чиновъ двора; сошлась съ дочерью регента, принцессой Шарлотой, которая была въ очень дурныхъ отношеніяхъ съ отцомъ; принимала членовъ оппозиціи, была особенно любезна со всѣми, кто былъ враждебенъ двору, и наконецъ выразила желаніе познакомиться съ принцессой Уэльской, которая за свое легкомысленное поведеніе была исключена изъ придворнаго круга. Это могло повести къ окончательному разрыву съ регентомъ.

„Мой мужъ, пишетъ княгиня Ливенъ, узнавъ о перепискѣ, возникшей по этому поводу, сдѣлалъ все возможное, чтобы не допустить этого шага. Видя, что это ему не удается, онъ рѣшилъ сказать Великой Княгинѣ, что онъ, какъ посолъ русскаго Императора, не допуститъ, чтобы Ея Высочество стала во враждебныя отношенія къ монарху, при которомъ онъ аккредитованъ, и что если она будетъ упорствовать въ своемъ рѣшеніи видѣть принцессу Уэльскую, то онъ оставитъ свой постъ, увѣдомивъ о томъ Императора. Видя, что онъ говоритъ серьезно, она уступила, но никогда не простила ему этого и заявила, „что она освобождаетъ его отъ обязанности посѣщать ее". Съ этихъ поръ между нею и Ливенами установились очень странныя отношенія.

Пріѣхавъ въ Лондонъ, Великая Княгиня выразила желаніе обѣдать у русскаго посла разъ въ недѣлю въ извѣстный день, чтобы встрѣчаться у него съ выдающимися представителями лондонскаго общества. Она просматривала списки приглашенныхъ; всѣ ея предпочтенія были на сторонѣ виговъ; она требовала, чтобы придворные были исключены изъ числа присутствующихъ на этихъ обѣдахъ, и только изрѣдка соглашалась на то, чтобы были приглашены министры.

„За обѣдомъ, между нею и моимъ мужемъ, пишетъ Д. Х. Ливенъ, постоянно происходили пикировки. Мужъ мой полагалъ, что послѣ вышеописаннаго столкновенія онъ будетъ по крайней мѣрѣ избавленъ отъ этихъ обѣдовъ,—но Великая Княгиня разсудила иначе.

Я по-прежнему бывала у нея каждое утро; мужъ настаивалъ

на этомъ, такъ какъ я являлась единственнымъ связующимъ звеномъ между Великой Княгиней и посольствомъ. Мнѣ пришлось изощряться въ дипломатіи, начиная съ обѣдовъ: я упорно отстаивала свое право приглашать нѣкоторыхъ лицъ, что иногда мнѣ удавалось, такъ какъ Великая Княгиня допускала возраженія и я нерѣдко исключала ея любимцевъ и добивалась ея согласія пригласить лицъ ей непріятныхъ. Когда она пріѣзжала къ обѣду, Ливенъ встрѣчалъ ее внизу на лѣстницѣ. Она шла къ столу подъ руку съ нимъ; онъ сидѣлъ рядомъ съ ней, но она *никогда* не говорила съ нимъ ни слова. Это продолжалось два мѣсяца; она нарушила молчаніе впервые наканунѣ пріѣзда Императора.

Императора Александра и пріѣхавшаго вмѣстѣ съ нимъ короля прусскаго сопровождала цѣлая свита нѣмецкихъ принцевъ, главнокомандующіе союзныхъ войскъ, главы кабинетовъ, князь Меттернихъ и множество иностранцевъ. Никогда еще Лондонъ не видѣлъ такого блестящаго съѣзда высокопоставленныхъ лицъ.

Регентъ приказалъ приготовить для монарховъ помѣщеніе въ Сентъ-Джемскомъ дворцѣ. Король принялъ предложеніе; Императоръ предпочелъ остановиться у своей сестры и пользовался помѣщеніемъ, отведеннымъ ему во дворцѣ только для торжественныхъ пріемовъ".

Отказъ Александра жить въ Сентъ-Джемскомъ дворцѣ былъ первымъ поводомъ къ неудовольствію со стороны регента.

Помѣстившись у Великой Княгини, Александръ сдѣлалъ это по ея просьбѣ. „Если Вамъ отведутъ помѣщеніе въ замкѣ, писала ему Екатерина Павловна 11 апрѣля (30 марта) 1819 г.,—и вы на это согласитесь, то мы будемъ разлучены и вамъ не будетъ тамъ уютно; если Вы предпочитаете быть свободнымъ, то я могу предложить вамъ десять комнатъ въ своемъ домѣ", и Императоръ согласился, оскорбивъ этимъ регента, который отнесся поэтому къ нему съ первой же встрѣчи холодно и невнимательно.

Какъ только Императоръ пріѣхалъ въ Пикаделли, ему доложили о томъ, что регентъ посѣтитъ его въ тотъ же день; мы прождали его съ часа до четырехъ. Толпа, собравшаяся передъ домомъ, все время прибывала, всѣ улицы были заполнены ею сплошь. Все время гремѣло ура; когда Императоръ выходилъ время отъ времени на балконъ, публика ревѣла отъ радости. Время шло, а регентъ не ѣхалъ. Императоръ началъ терять терпѣніе; Великая Княгиня улыбалась, глядя на брата, и приговаривала: „вотъ каковъ этотъ человѣкъ!"

Мужъ мой страшно волновался; онъ боялся, что эта неловкость будетъ какъ бы подтвержденіемъ словъ Великой Княгини, которая

въ своихъ письмахъ очень возстановила Императора противъ регента.

Наконецъ, въ четыре часа мужъ получилъ отъ сэра Блумфильда записку, въ которой онъ писалъ: „если его высочество появится на улицѣ, то онъ можетъ подвергнуться оскорбленіямъ, поэтому онъ не можетъ посѣтить Императора“.

Какое признаніе и какое начало знакомства!! Великая Княгиня не могла скрыть своей радости. Прочитавъ записку, Императоръ сѣлъ въ карету Ливена и поѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ въ Карлтонгаузъ, гдѣ онъ провелъ съ регентомъ съ полчаса.

Выйдя отъ него, онъ сказалъ Ливену: „жалкій монархъ!“—на что Ливенъ тотчасъ отвѣтилъ: „но онъ помогъ вамъ закончить славную войну и заключить славный миръ!“ Эта реплика была оставлена безъ вниманія. Впечатлѣніе было сдѣлано и никогда не изгладилось. Регентъ ни раза не былъ у Императора, ссылаясь на то, что его домъ былъ слишкомъ открытъ для всѣхъ; такимъ образомъ это первое неоффиціальное свиданіе было и послѣднимъ.

Надобно замѣтить, что регентъ не пользовался вообще ни любовью, ни уваженіемъ англійской публики; онъ даже не рисковалъ иногда показаться въ толпѣ, боясь подвергнуться оскорбленіямъ, поэтому восторженныя привѣтствія, которыми встрѣчали вездѣ Императора, казались регенту оскорбленіемъ. Онъ былъ этимъ чрезвычайно обиженъ и раздраженъ и сталъ смотрѣть на Императора какъ на соперника. Это былъ второй поводъ къ неудовольствію; къ этому присоединились еще многіе другіе уколы его самолюбія, которыми Императоръ сильно задѣлъ его.

„На другой день по пріѣздѣ Императора въ Карлтонъ-гаузѣ былъ данъ въ честь его обѣдъ, который прошелъ въ высшей степени натянуто: Императоръ былъ холоденъ и видимо скучалъ: король прусскій, всегда холодный и сдержанный, молчалъ и держалъ себя по-военному; регентъ тщетно дѣлалъ все возможное, чтобы развеселить общество; Великая Княгиня не пришла ему на помощь. Послѣ обѣда былъ пріемъ у королевы. Все было устроено довольно неумѣло: королева сидѣла подъ балдахиномъ; всѣ кланялись ей и затѣмъ проходили передъ Императоромъ; но иные обходили его, такъ что ему не было оказано въ этотъ вечеръ должныхъ почестей. Онъ стоялъ въ сторонѣ, я стояла подлѣ него; онъ смотрѣлъ иногда въ лорнетъ и спрашивалъ фамиліи нѣкоторыхъ дамъ, произведшихъ на него впечатлѣніе.

Регентъ подошелъ къ маркизѣ Гертфордъ и подвелъ ее къ Императору. Александръ поклонился ей, не произнеся ни слова. Регентъ подумалъ, что онъ не разслышалъ фамиліи, и громко повто-

рилъ: „это маркиза Гертфордъ". Это не произвело никакого впечатлѣнія. Маркиза, обладавшая величественной осанкой, сдѣлавъ Императору глубокій реверансъ, бросила на него высокомѣрный взглядъ; этимъ взглядомъ была рѣшена участь этой поѣздки".

„Наружность Императора Александра была одна изъ тѣхъ, которыя плѣняютъ сердца: высокій ростъ, благородная осанка, открытый лобъ, очаровательная улыбка, кроткое, доброжелательное, чисто ангельское выраженіе лица. Онъ производилъ на всѣхъ поразительное впечатлѣніе. Если прибавить къ этому ореолъ славы, осѣнявшей его въ то время, то станетъ понятенъ энтузіазмъ, возбужденный имъ въ Англіи. На улицахъ, въ Сити, въ театрахъ, восторгъ толпы доходилъ до неистовства. Я не преувеличу, сказавъ что въ теченіе двухъ недѣль, проведенныхъ имъ въ Лондонѣ, въ паркѣ и на улицѣ, на которой стоялъ его отель, толпилось все время не менѣе десяти тысячъ человѣкъ. Въ извѣстные часы проѣздъ совершенно закрывался, да и самъ Императоръ только одинъ разъ могъ спокойно пройтись пѣшкомъ, выйдя изъ отеля тайно. Когда онъ выѣзжалъ въ экипажѣ или возвращался домой, всякій хотѣлъ дать ему shake hands, и онъ добродушно удовлетворялъ это желаніе и тѣмъ приводилъ толпу въ восторгъ. Я сопровождала однажды Императора и Великую Княгиню на засѣданіе нижней палаты. Великая Княгиня только что вернулась съ прощальной аудіенціи у королевы; у нея была надѣта черезъ плечо лента, приколотая роскошнымъ брилліантовымъ аграфомъ; когда мы вышли изъ кареты у Парламента, толпа, тѣснившаяся около Императора, была такъ велика, что какой-то человѣкъ, проталкиваясь, сорвалъ съ Великой Княгини аграфъ. Я первая замѣтила это, но не успѣла еще сказать Великой Княгинѣ, какъ аграфъ былъ ей возвращенъ со всевозможными извиненіями. Это очень забавляло Императора.

Въ салонахъ Императоръ также имѣлъ большой успѣхъ; тутъ онъ былъ очаровательнымъ кавалеромъ и только. Прекрасный танцоръ, обворожительный въ обхожденіи съ молодыми женщинами, онъ упорно не желалъ никогда сказать ни одного любезнаго слова пожилымъ дамамъ. Однажды, на балу у маркизы Холмондель, я сказала Императору, указывая на маркизу Гертфордъ, стоявшую подлѣ него, которой онъ ни разу не сказалъ еще ни одного слова: „Ваше Величество, вотъ особа, которая ожидаетъ отъ васъ хотя одного слова". Онъ отвѣчалъ: „она очень стара" и не подошелъ къ ней. Молодыя женщины не пеняли ему за это. Онъ былъ окруженъ, ему льстили; его побѣды и увлеченія были многочисленны. Иногда это видимо стѣсняло его, такъ какъ ухаживаніе за нимъ со стороны дамъ выражалось иногда очень страннымъ образомъ. Однажды, лэди Сара Бэлей, женщина очень

красивая, но глупая, не находя ничего сказать Императору и не зная, что дѣлать, послѣ минутнаго колебанія предложила ему свой флаконъ съ одеколономъ. Императоръ отказывался, она настаивала, онъ не хотѣлъ его брать; наконецъ, она силою опорожнила на платокъ, который онъ держалъ въ рукѣ, все содержимое флакона, запачкавъ бѣлый мундиръ Императора. Онъ поспѣшно отошелъ отъ нее и сильно покраснѣлъ, такъ какъ онъ болѣе всего на свѣтѣ боялся быть смѣшнымъ; увидавъ, что я смотрю на него, онъ былъ раздосадованъ.

Пріѣхавъ въ Лондонъ уже предубѣжденный противъ регента и выслушавъ всѣ сдѣланныя Великой Княгиней наблюденія, со всѣми преувеличеніями, подсказанными ей недоброжелательностью, Императоръ сразу взялъ тотъ же тонъ, какъ и она. Съ регентомъ онъ былъ холоденъ и нѣсколько пренебрежителенъ, съ министрами утонченно вѣжливъ, съ членами оппозиціи очень ласковъ; на другой же день по пріѣздѣ, онъ принялъ въ частной аудіенціи лорда Голланда, которому онъ привезъ письмо отъ Лагарпа. Къ принцессѣ Шарлоттѣ онъ отнесся въ высшей степени дружественно и рѣшилъ даже сдѣлать визитъ принцессѣ Уэльской. Вотъ что произошло по этому поводу.

Принцесса писала ему, поздравляя его съ пріѣздомъ, и выразила желаніе видѣть его. Императоръ, зная о томъ, что произошло между моимъ мужемъ и Великой Княгиней по тому же поводу, захотѣлъ объясниться съ нимъ прежде, чѣмъ отвѣтить принцессѣ. Когда онъ заявилъ моему мужу о своемъ намѣреніи быть у принцессы, Ливенъ воскликнулъ отъ ужаса, что очень разсмѣшило Императора. Тогда Ливенъ счелъ долгомъ передать ему о категорическомъ заявленіи, сдѣланномъ ему лордомъ Кастлри, когда мы пріѣхали въ Англію, что на принцессу Уэльскую не слѣдуетъ смотрѣть какъ на члена королевской фамиліи и что всякое сношеніе чиновъ дипломатическаго корпуса съ нею будетъ принято регентомъ за личное оскорбленіе. Императоръ наморщилъ брови; подумавъ нѣсколько минутъ и помолчавъ, онъ сказалъ: „Я не посланникъ, я не аккредитованъ при англійскомъ дворѣ: я буду у нея. Я открываю календарь, я вижу въ немъ въ спискѣ членовъ королевскаго дома имя принцессы Уэльской и я обязанъ оказать ей вниманіе, какъ и прочимъ принцессамъ".

„Какъ угодно, Ваше Величество, но вы испортите свои отношенія къ регенту, посмотримъ, какъ это отразится на вашихъ дѣлахъ".

Императоръ подумалъ, не сказалъ ни да, ни нѣтъ, но не поѣхалъ къ принцессѣ. Впослѣдствіи говорили, что онъ встрѣтился съ нею въ Кенсингтонъ-Гарденѣ и что при этомъ свиданіи присутствовала Великая Княгиня. Намъ не удалось провѣрить этотъ слухъ.

Во время пребыванія монарховъ въ Лондонѣ, регентъ былъ вмѣстѣ съ ними въ королевской ложѣ въ трехъ большихъ театрахъ столицы. Въ итальянской оперѣ произошелъ инцидентъ, чрезвычайно оскорбившій регента: во время представленія, принцесса Уэльская съ шумомъ вошла въ свою ложу, находившуюся напротивъ королевской ложи. Она поклонилась Императору; онъ тотчасъ всталъ и этимъ заставилъ встать короля прусскаго и регента, все зало поднялось какъ одинъ человѣкъ и огласилось привѣтственными возгласами".

Благодаря всѣмъ этимъ мелкимъ эпизодамъ, натянутыя отношенія, установившіяся между монархами съ перваго момента ихъ знакомства, съ теченіемъ времени еще болѣе ухудшались. Князь Меттернихъ, съ большимъ любопытствомъ слѣдившій за всѣми этими перипетіями, не замедлилъ ими воспользоваться въ интересахъ политики. Онъ подсмѣивался надъ регентомъ съ Великой Княгиней Екатериной Павловной, которая была съ нимъ откровенна, и въ то же время подсмѣивался съ регентомъ надъ Императоромъ; это было вѣрнымъ средствомъ снискать его благоволеніе. Онъ вполнѣ овладѣлъ его умомъ, потакалъ всѣмъ его тщеславнымъ наклонностямъ, которыя въ монархѣ были особенно смѣшны, онъ выхлопоталъ для него орденъ Золотого Руна, съ которымъ король Георгъ IV никогда не разставался, и званіе фельдмаршала австрійскихъ войскъ, и регентъ имѣлъ удовольствіе заказать себѣ бѣлый мундиръ.

Мы съ мужемъ приходили съ каждымъ днемъ все въ большее отчаяніе, такъ какъ положеніе становилось безвыходнымъ. Великая Княгиня вертѣла Императоромъ, своимъ братомъ, какъ хотѣла.

При дворѣ не было большихъ празднествъ во время пребыванія Императора: регентъ далъ всего два большихъ обѣда и два вечера. Празднества по случаю заключенія мира происходили уже по отъѣздѣ Императора. Онъ выразилъ желаніе видѣть короля Георга III, но, по обсужденіи этого вопроса, было рѣшено, что было бы неприлично показывать иностранному монарху безумнаго короля. Лондонское общество чествовало монарховъ обѣдами у лордъ-мэра, въ Saylors Company, Goldsmiths Company: на эти обѣды приглашались исключительно одни мужчины, но Великая Княгиня выразила желаніе непремѣнно присутствовать на нихъ, что шокировало англичанъ. Обѣдъ, данный Сити, отличался особымъ великолѣпіемъ, это былъ единственный случай, когда регентъ встрѣтился съ лидерами партіи виговъ—своими личными врагами; ихъ обыкновенно не приглашали на собранія, гдѣ онъ присутствовалъ.

Чтобы попасть въ большое банкетное зало въ Гильдголѣ, нужно

было пройти нѣсколько большихъ комнатъ, гдѣ ожидали приглашенные. Король прусскій велъ подъ руку Великую Княгиню, за ними шелъ Императоръ съ герцогиней Іоркской, регентъ велъ подъ руку меня. Поровнявшись съ кѣмъ-либо изъ виговъ, Императоръ останавливался. Онъ подалъ руку лорду Голланду и лорду Грею, и говорилъ съ ними нѣсколько минутъ.

Эти остановки заставляли регента, шедшаго позади, остановиться, что чрезвычайно раздражало его; онъ былъ со мною въ то время настолько хорошъ, что высказалъ мнѣ это и показалъ за обѣдомъ свое неудовольствіе высокомѣрнымъ молчаніемъ съ Императоромъ и его сестрою. На этомъ банкетѣ произошла слѣдующая оригинальная сцена. Великая Княгиня не любила музыки и съ тѣхъ поръ какъ овдовѣла, съ нею часто дѣлались нервные припадки. Въ Англіи же было установлено обычаемъ, что за обѣдомъ пѣлись національныя пѣсни. Какъ только началась музыка, Великая Княгиня знаками выразила мнѣ свое отчаяніе и наконецъ сказала по-русски: „Если это будетъ продолжаться, со мной сдѣлается дурно". Я передала это регенту, который произнесъ вслухъ: „Великая Княгиня желаетъ, чтобы музыка прекратилась",—и музыка смолкла, къ великому изумленію присутствующихъ.

Королевскій столъ стоялъ на возвышеніи, за нимъ сидѣли только монархи, принцы и посланники, остальная часть залы была заставлена длинными столами, за которыми сидѣло семьсотъ приглашенныхъ, которыхъ намъ было отлично видно. Я скоро замѣтила, что всѣ заволновались. Нѣкоторые подходили къ регенту и что-то говорили ему на ухо; онъ сказалъ мнѣ: „This wont do in England". Я ничего не могла отвѣтить на это. Наконецъ онъ просилъ меня освѣдомиться у Великой Княгини, дозволитъ ли она исполнить God save the King, на что она отвѣтила высокомѣрно: „Какъ будто это не та же музыка!" Регентъ покорился. Въ залѣ послышался гулъ. Императоръ былъ глуховатъ, не слышалъ того, что говорилось, и не замѣчалъ приближающейся бури; всѣ взоры были устремлены на меня, какъ будто меня хотѣли предостеречь. Наконецъ шумъ до того усилился, что я уже хотѣла обратить на это вниманіе Великой Княгини, когда мнѣ передали записочку, безъ подписи, написанную незнакомой рукой по-англійски:

„Если Великая Княгиня не разрѣшитъ играть музыкѣ, мы не отвѣчаемъ за королевскій столъ",—стояло въ этой запискѣ.

Я тотчасъ передалъ ей записочку, и она сказала:

„Ну такъ пусть ихъ горланятъ!"—и God save the King былъ пропѣтъ.

Вставъ изъ-за стола, первый министръ, лордъ Ливерпуль, подо-

шелъ ко мнѣ и сказалъ: „Тотъ, кто не умѣетъ себя вести, долженъ оставаться дома, а ваша Великая Княгиня пожелала, вопреки существующимъ обычаямъ, присутствовать на обѣдахъ, на которыхъ дамы не бываютъ“.

Съ этихъ поръ англійскіе министры не скрывали своего неудовольствія противъ Великой Княгини; она, въ свою очередь, утратила въ своихъ сношеніяхъ съ регентомъ всякое чувство мѣры. За однимъ обѣдомъ у лорда Ливерпуля, за которымъ регентъ сидѣлъ, по обыкновенію между нею и мною, я слышала слѣдующій діалогъ:

„Почему, Ваше Высочество, держите свою дочь взаперти, почему она никогда не сопровождаетъ васъ?

— Моя дочь слишкомъ молода, Ваше Высочество, чтобы выѣзжать въ свѣтъ.

— Однако вы уже избрали для нея мужа?

— Она выйдетъ замужъ только черезъ два года.

— Выйдя замужъ, она, конечно, съумѣетъ наверстать потерянное время?

— Когда она будетъ замужемъ, Ваше Высочество, она будетъ дѣлать то, что захочетъ ея мужъ; пока, она дѣлаетъ то, что я хочу“.

Великая Княгиня взглянула на регента и продолжала съ напускной кротостью и едва уловимой усмѣшкой:

„Желанія мужа и жены всегда сходятся, Ваше Высочество“. Регентъ поспѣшно повернулся ко мнѣ и сказалъ довольно громко: „This is intolerable!“

На другой день послѣ обѣда въ Сити былъ большой смотръ войскамъ въ Гайдъ-Паркѣ.

Къ назначенному часу всѣ должны были собраться въ Constitution Holl'ѣ. Императоръ прибылъ туда къ назначенному часу верхомъ, въ сопровожденіи свиты. Ему пришлось ждать регента добрый часъ. Наконецъ принцъ пріѣхалъ, извинился и смотръ начался. Нѣсколько дней спустя, Императоръ опоздалъ на придворный вечеръ, куда всѣ были приглашены къ девяти часамъ: регентъ посылалъ нѣсколько разъ освѣдомляться, будетъ ли Императоръ; онъ пріѣхалъ въ половинѣ двѣнадцатаго и извиняясь сказалъ, что онъ былъ у лорда Грея.

Императоръ сдѣлалъ намъ честь пригласить насъ къ обѣду. Онъ заявилъ рѣшительно, что не желаетъ приглашать регента и его министровъ, и просилъ насъ пригласить между прочимъ лорда и лэди Лансдоунъ, *потому что* они принадлежали къ оппо-

зиціи, и мистрисъ Литтельтонъ, нынѣ лэди Гатертонъ, *потому что* она была красавицей. Это казалось страннымъ. Я припоминаю, что за обѣдомъ Императоръ говорилъ о Бурбонахъ съ пренебрежительной ироніей; это нравилось вигамъ и было очень неловко графу Нессельроде.

Въ Лондонѣ, Императоръ оказывалъ особое вниманіе лэди Жерси. Въ особенности на балу у лэди Гертфордъ онъ такъ ухаживалъ за ней, что это было всѣми замѣчено; они много смѣялись. Говорятъ, будто регентъ слышалъ нѣсколько словъ, произнесенныхъ ею довольно громко, такъ какъ Императоръ былъ глуховатъ; и изъ этихъ словъ можно было заключить, что они шутили на счетъ регента.

Императоръ назначилъ на 15 число балъ, который хотѣла дать въ честь его лэди Жерси; регентъ назначилъ на 14 поѣздку въ Оксфордъ, очевидно съ той цѣлью, чтобы Императоръ не былъ на этомъ балу. Осмотръ училищъ, поднесеніе Императору диплома доктора университета; банкетъ въ Крейстчерчѣ, посѣщеніе Бленгейма и Стове заняло столько времени, что Императоръ могъ вернуться въ Лондонъ лишь 16 числа въ 3 часа утра. Онъ переодѣлся и отправился къ лэди Жерси съ восходомъ солнца: она удержала у себя до этого поздняго часа нѣсколько человѣкъ въ надеждѣ, что Императоръ пріѣдетъ, и онъ танцовалъ scotch reel до 5 часовъ.

Всѣ поздравляли лэди Жерси съ побѣдой. Она думала, что Императоръ безумно влюбился въ нее, и вотъ что произошло нѣсколько дней спустя. Наканунѣ отъѣзда Императора былъ балъ у маркизы Девонширской. Мой мужъ не принялъ приглашенія, присланнаго ею для Императора, полагая, что онъ не захочетъ ѣхать на балъ, такъ какъ на слѣдующій день онъ долженъ былъ выѣхать рано утромъ. Императоръ, думая, что его не приглашали, не могъ ѣхать на балъ, но онъ зналъ, что тамъ будетъ лэди Жерси и ему вздумалось послать на балъ, въ часъ ночи, своего двоюроднаго брата, принца Ольденбургскаго, просить лэди Жерси, чтобы она пріѣхала проститься съ нимъ. Лэди Жерси, польщенная и смущенная этимъ приглашеніемъ, посовѣтовалась съ бывшими на балу своимъ пріятельницами, не о томъ, приличенъ ли былъ этотъ визитъ въ подобный часъ, но о томъ, что ей было дѣлать, въ случаѣ, если Императоръ былъ бы съ нею слишкомъ любезенъ. Она обсуждала вопросъ со всѣхъ сторонъ и спрашивала, можно ли въ чемъ-нибудь отказать Императору? Ея подруги отвѣчали, что это было бы очень *невѣжливо*, что слѣдовало ѣхать и предаться волѣ Божьей. Императоръ, со своей стороны, видимо хотѣлъ обезопасить себя, такъ какъ

онъ просилъ разбудить свою сестру, и Великая Княгиня присутствовала при ихъ свиданіи, которое окончилось въ три часа утра. Лэди Жерси, которую ея подруги посѣтили изъ любопытства на другой день, говорила, опустивъ глазки, что Императоръ только просилъ позволенія поцѣловать ея руку выше локтя. Объ этомъ случаѣ говорилъ весь Лондонъ.

Приближался отъѣздъ Императора. Всѣ вышеописанныя мелкія непріятности и недоразумѣнія, случавшіяся ежедневно, дѣлали этотъ отъѣздъ весьма желательнымъ; король англійскій и русскій Императоръ не скрывали своей антипатіи другъ къ другу, и окружающіе, какъ это бываетъ обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ, проявляли еще большую враждебность. Въ комнатѣ, гдѣ находилось дежурство Императора, не стѣсняясь, говорились самыя обидныя вещи о регентѣ. Ихъ повторяли, не стѣсняясь, даже въ присутствіи лорда Ярмута, сына маркизы Гертфордъ, которому было повелѣно состоять при Императорѣ во время его пребыванія въ Англіи. Лордъ Ярмутъ также позволилъ себѣ быть довольно дерзкимъ, и въ дежурной комнатѣ происходили настоящія ссоры. Особенно отличались генералъ-адъютанты.

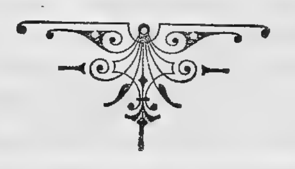
Императоръ уѣхалъ въ Портсмутъ 22 іюня. За нимъ послѣдовалъ регентъ, чтобы показать ему свой флотъ. Онъ вернулся въ Лондонъ внѣ себя, глубоко затаивъ въ своемъ сердцѣ злобу и желаніе чѣмъ-нибудь отомстить Императору за тѣ мелкіе уколы его самолюбію, которые онъ перенесъ за это время. Послѣдствія этой печальной поѣздки сказались очень скоро: „Взаимная холодность и раздраженіе, установившіяся съ тѣхъ поръ между англійскимъ и русскимъ дворами, была использована прочими кабинетами, и шесть мѣсяцевъ спустя, въ Вѣнѣ, регентъ и лордъ Кастлри, совмѣстно съ Меттернихомъ и Талейраномъ, заключили тройственное соглашеніе между Англіей, Австріей и Франціей противъ Россіи“.

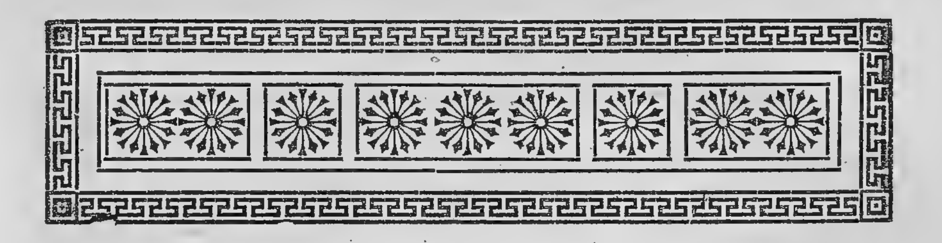
Таковы были послѣдствія печальнаго пребыванія Александра I въ Лондонѣ, гдѣ онъ дѣйствовалъ всецѣло подъ вліяніемъ пылкой и неуравновѣшенной Великой Княгини Екатерины Павловны; цѣль, которая преслѣдовалась этой поѣздкой, не была достигнута, не только „никакого сближенія между монархами не произошло, но она привела къ обратнымъ результатамъ. Торжествовали лишь многочисленные враги Россіи, какъ Меттернихъ, лордъ Кастлри и другіе. Удивительно,—какъ замѣчаетъ по этому поводу Великій Князь Николай Михаиловичъ [1],—что такъ необдуманно поступалъ Государь, всегда

[1]) Переписка Императора Александра I съ сестрой Великой Княгиней Екатериной Павловной. Прилож., стр. XI.

столь выдержанный, разсчетливый и послѣдовательный въ своихъ дѣйствіяхъ". Это явленіе можетъ быть объяснено до извѣстной степени тѣмъ нравственнымъ и физическимъ утомленіемъ, которое овладѣло имъ „послѣ трехъ лѣтъ напряженной борьбы съ Наполеономъ, ибо Императоръ, конечно, отлично зналъ недостатки Екатерины Павловны, и иначе трудно объяснить, что онъ могъ временно забыть въ Англіи интересы не только свои личные, но и интересы Россіи".

В. Тимощукъ.

Къ юбилею Сената.

Двадцать второго февраля нынѣшняго года исполнится 200 лѣтъ со времени возникновенія одного изъ высшихъ государственныхъ учрежденій, Правительствующаго Сената. Напомнимъ въ краткихъ чертахъ обстоятельства, при которыхъ былъ учрежденъ Сенатъ, его дѣятельность въ первые годы и тѣ перемѣны въ его положеніи, которыя произошли въ дальнѣйшемъ.

Съ самыхъ первыхъ лѣтъ XVIII вѣка боярская дума, высшее государственное учрежденіе предшествующей эпохи, которое вмѣстѣ съ Царемъ, нерѣдко подъ его предсѣдательствомъ, рѣшало всѣ важнѣйшія дѣла государственныя, разлагается и превращается въ „консилію" бояръ, „консилію" министровъ, въ тѣсный комитетъ, какъ выразился В. О. Ключевскій, съ разрушившимся генеалогическимъ составомъ и съ инымъ значеніемъ сравнительно съ прежней думой.

Эта „консилія", засѣдая иногда на генеральномъ дворѣ, но преимущественно въ ближней канцеляріи, которая стала и ея канцеляріей, дѣйствуя чаще всего въ отсутствіе Государя, имѣла лишь распорядительное и исполнительное значеніе, рѣшала текущія дѣла, вносимыя въ нее изъ приказовъ, разрабатывала и приводила въ исполненіе порученія, данныя Царемъ. Петръ не грѣшилъ избыткомъ уваженія къ своимъ государственнымъ совѣтникамъ, и въ 1707 году въ письмѣ къ Ромадановскому приказалъ объявить „всѣмъ министрамъ, которые въ консилію съѣзжаются", „чтобы они всякія дѣла, о которыхъ совѣтуютъ, записывали, и каждый бы министръ своею рукою подписывалъ, что зѣло нужно надобно, и

безъ того отнюдь никакого дѣла не опредѣляли, ибо симъ всякаго дурость явлена будетъ". Такимъ путемъ, въ цѣляхъ контроля дѣятельности боярской консиліи, кромѣ записи указовъ и приговоровъ, Петръ потребовалъ обязательнаго веденія протоколовъ засѣданія и подписи ихъ всѣми „министрами", съѣжавшимися на засѣданіе.

Консилія министровъ, находясь вдали отъ Государя, состоя преимущественно изъ неродовитыхъ дѣльцовъ того времени и собираясь болѣе или менѣе случайно, не имѣла достаточно ни самостоятельности, ни авторитета; тогда какъ съ раздѣленіемъ Россіи на губерніи и введеніемъ губернскаго управленія (въ 1708—1710 годахъ) почувствовалась нужда въ такомъ учрежденіи, которое объединяло бы новыя областныя единицы, губерніи, порвавшія на первыхъ порахъ всякую связь съ центромъ, и которое, располагая широкими полномочіями, сосредоточивало бы въ своихъ рукахъ всѣ главныя нити управленія и своею властью импонировало бы всѣмъ другимъ учрежденіемъ, замѣняя собой до нѣкоторой степени особу Государя, то и дѣло разъѣзжавшаго изъ одного конца Россіи въ другой.

Этой назрѣвшей потребности и отвѣчало учрежденіе Сената въ 1711 году.

Отправляясь въ Прутскій походъ, Петръ издаетъ указъ 22-го февраля, который гласилъ слѣдующее: „Опредѣлили быть для отлучекъ нашихъ Правительствующій Сенатъ для управленія"; а дальше были названы сановники, назначенные къ присутствованію въ сенатѣ: Мусинъ-Пушкинъ, Стрешневъ, П. Голицынъ, М. Долгорукій, Племянниковъ, Г. Волконскій, Самаринъ, Опухтинъ и Мельницкій, а оберъ-сокретаремъ Сената былъ назначенъ Анисимъ Щукинъ.

Указъ 22-го февраля только установилъ Сенатъ, но не опредѣлилъ его власти и положенія среди другихъ учрежденій. Это восполняется важнымъ указомъ 2-го марта того же года. „Повелѣваемъ всѣмъ, сообщалось въ немъ, кому о томъ вѣдати надлежитъ, какъ духовнымъ, такъ и мірскимъ, военнаго и земскаго управленія вышнимъ и нижнимъ чинамъ, что мы, для всегдашнихъ нашихъ въ сихъ войнахъ отлучкахъ, опредѣлили управительный Сенатъ, которому всякъ и ихъ указамъ да будетъ послушенъ такъ, какъ *намъ самому*, подъ жестокимъ наказаніемъ или смертью по винѣ смотря. И ежели оной Сенатъ, черезъ свое нынѣ предъ Богомъ принесенное обѣщаніе, неправедно что поступятъ въ какомъ партикулярномъ дѣлѣ, и кто про то увѣдаетъ, то однако жъ да молчитъ до нашего возвращенія, дабы тѣмъ не помѣшать настоящихъ прочихъ дѣлъ, и тогда да возвѣститъ намъ, однакожъ справясь съ

подлиннымъ документомъ, понеже то будетъ предъ нами суждено, и виновный жестоко будетъ наказанъ".

Одновременно Сенату даны были пункты съ указаніемъ, „что по отбытіи нашемъ дѣлать". Въ нихъ кратко были перечислены тѣ предметы вѣдомства, которымъ въ данную минуту Петръ придавалъ наибольшее значеніе; то были: надзоръ за судомъ и расходами, сборъ денегъ, векселя и торговля съ Китаемъ и Персіей, соляной откупъ и наборъ молодыхъ дворянъ и грамотныхъ боярскихъ людей, нужныхъ „для запасу въ офицеры".

Таковы учредительные акты, касающіеся Сената, его правъ и обязанностей. Могло казаться, что Сенатъ основанъ временно, „для отлучекъ Государя", „вмѣсто присутствія Его Величества собственной персоны". Но въ ближайшіе же годы Петровскаго царствованія положеніе Сената фактически укрѣплялось, а затѣмъ оно укрѣпилось и юридически, въ особенности пунктами 1722 года „о должности Сената" и должности генералъ-прокурора.

Сенатъ сразу занялъ первое мѣсто среди тогдашнихъ учрежденій. Правда, въ первые годы его существованія въ него не входили „верховные господа", или „принципалы", т. е. ближайшіе и виднѣйшіе сотрудники Петра, какими были Меншиковъ, Апраксинъ, Шереметевъ и Головкинъ. Первыми сенаторами были сановники не перваго ранга, но за то всѣ они были привычными дѣльцами, хорошо знавшими приказныя дѣла и военное хозяйство. Неудивительно, что они скоро вошли въ свою роль и довольно энергично принялись за дѣло.

По отношенію къ Государю Сенатъ, какъ высшій органъ управленія, былъ, конечно, въ подчиненномъ положеніи, выполняя волю Государя, осуществляя его намѣренія, выраженныя то въ видѣ указовъ и резолюцій, то въ видѣ словесныхъ повелѣній, сказанныхъ самимъ Государемъ или переданныхъ черезъ какое-либо должностное лицо, чаще всего черезъ кабинетъ-секретаря Макарова, а съ 1722 года черезъ генералъ-прокурора Ягужинскаго. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ можно отмѣтить самостоятельность Сената, когда онъ отмѣнялъ царскіе указы, напр., о рубкѣ лѣса; дѣйствовалъ вопреки имъ, какъ, напр., назначилъ ландратовъ, тогда какъ указомъ Петра велѣно выбрать ихъ дворянамъ; или издавалъ такіе указы, которые носили характеръ законодательный, какъ напр., упразднилъ ямской приказъ, учредилъ купецкую палату.

Однако подобные случаи бывали въ отсутствіе Государя или при дѣлахъ, не терпящихъ отлагательства, обычно же Сенатъ не выходилъ изъ рамокъ, поставленныхъ ему волей Государя, къ кото-

рому онъ и обращался за разрѣшеніемъ всякаго законодательнаго вопроса. Въ особенности таковымъ стало положеніе Сената, когда въ немъ появился генералъ-прокуроръ, „око Государя", который и былъ въ Сенатѣ проводникомъ высочайшей воли.

По отношенію же къ другимъ учрежденіямъ и областнымъ правителямъ Сенатъ съ первыхъ лѣтъ занялъ очень высокое положеніе. Своими указами, а въ случаѣ ослушанія неоднократнымъ подтвержденіемъ ихъ, посылкой нарочныхъ курьеровъ и наложеніемъ взысканій, онъ добивался исполненія своихъ требованій.

Насколько властно было положеніе Сената по отношенію къ областнымъ правителямъ, показываютъ слѣдующіе отзывы о томъ. Ершовъ, управлявшій Московской губерніей, жаловался, что его въ Сенатѣ встрѣчаютъ съ великимъ окрикомъ, и онъ противъ сенаторовъ пойти не можетъ: „гдѣ мнѣ, скромно замѣчалъ Ершовъ, паутинѣ, противъ столь великой бури устоять".

Не менѣе характерно письмо казанскаго губернатора П. М. Апраксина къ своему брату Ѳедору Матвѣевичу (отъ 3-го апрѣля 1712 года), въ которомъ тотъ писалъ:

„О себѣ возвѣствую, за милосердіемъ Божіимъ еще живъ. И еще къ настоящимъ отъ Бога посланнымъ на меня печалемъ непрестанно отягчаемъ печальми отъ нападенія господъ Сената, паче безъ правды: нѣтъ той недѣли, чтобъ 15 и 20 не прислать указовъ, чего со многимъ трудомъ не могли бъ исправлять, и пишутъ такъ гордо и ругательно, что ня отъ самого Государя нашего такихъ жестокостей не видѣли. И обрали меня, завиствуя совсѣмъ, икру, клей и селитру, которое на меня положено въ окладъ, отняли на себя; только бъ мнѣ работать и ни въ чемъ не мало простору не даютъ, и прибавки непрестанно накладаютъ передъ всѣми губерніями лишнія.

И учиненный господинъ предсѣдатель, пишутъ, таковъ гордъ и вознесенъ, не только о себѣ разсуждать, паче что есть смертенъ, будто о послѣднихъ, и говорить о насъ ничего добраго не хочетъ. Письмо мое къ нему просительное было, въ три дни у комисара насилу принялъ, и бросилъ де, не чотчи. Отданы въ такое порабощеніе, яко плѣнники; хотя бы за великія вины, и того бъ было довольно, обаче то не безъ Божьей воли, надобно терпѣть и повелѣніе отъ Царскаго Величества исправлять по возможности. Истинно уже и крѣпость оскудѣваетъ, и какъ быть, не знаю. Однако жъ могъ бы еще служить и во многомъ учинить угодное, но нынѣ немочно отъ такихъ ненавистей"[1]).

[1]) Взято изъ архива Морского Министерства, дѣла гр. Апраксина, № 37, л. 19.

Таково было положеніе Сената при Петрѣ Великомъ. Въ послѣдующія царствованія значеніе его измѣнялось, то онъ почти спускался на положеніе коллегій, когда надъ нимъ возвысились сначала верховный тайный совѣтъ, потомъ кабинетъ министровъ, то онъ поднимался на прежнюю высоту, даже больше, пріобрѣталъ, какъ при Елизаветѣ Петровнѣ, de jure законодательное значеніе, чего не имѣлъ Сенатъ петровскій, то терялъ свои полномочія въ области управленія и контроля, оставаясь лишь высшей судебной инстанціей, что особенно рѣзко проявилось въ XIX вѣкѣ, со времени учрежденія комитета министровъ и Государственнаго Совѣта.

Въ ученой литературѣ выяснена исторія Сената лишь за первыя три царствованія со времени его учрежденія и частью за дальнѣйшіе годы XVIII вѣка, но Сенатъ XIX вѣка еще никѣмъ не былъ изученъ. А потому для составленія ко дню юбилея обстоятельной, научно представленной исторіи Сената была образована при Сенатѣ особая комиссія съ участіемъ ученыхъ спеціалистовъ.

„Комиссія по составленію исторіи Сената“ образована подъ предсѣдательствомъ и. д. оберъ-прокурора 1-го департамента, сенатора Н. А. Добровольскаго, въ ея составъ вошли: членъ Государственнаго Совѣта и сенаторъ Звѣревъ, профессора: С. Ф. Платоновъ, А. Н. Филипповъ и Э. Н. Берендсъ, докторъ русской исторіи Н. Д. Чечулинъ, инспекторъ сенатскаго архива И. А. Блиновъ, управляющій сенатской типографіи Жедринскій и оберъ-секретарь 1-го департамента Граве.

Комиссіей выработанъ планъ „Исторіи Сената“ ,распредѣлена работа по составленію между членами ея, приглашены сотрудники, работы которыхъ просматриваются и обсуждаются комиссіей, затѣмъ подъ ея непосредственнымъ наблюденіемъ ведется самое печатаніе „Исторіи“.

„Исторія Правительствующаго Сената“ заканчивается печатаніемъ и выйдетъ въ 5 томахъ, изъ которыхъ первые два посвящены исторіи Сената въ XVIII вѣкѣ, третій и четвертый—Сенату XIX вѣка, а пятый займутъ приложенія.

Введеніе къ первому тому, представляющее собой характеристику боярской думы и „консиліи“ министровъ въ ближней канцеляріи, написано проф. С. Ф. Платоновымъ. Затѣмъ слѣдуетъ обширная работа проф. А. Н. Филиппова, посвященная исторіи Сената въ царствованіе Петра Великаго, Екатерины I, Петра II и Анны Іоанновны.

Второй томъ охватываетъ собой: 1—Сенатъ въ царствованіе Елизаветы Петровны и Петра III (изслѣдованіе А. Е. Прѣснякова); 2—Сенатъ въ царствованіе Екатерины II (Н. Д. Чечулина); и 3—Сенатъ въ царствованіе Павла I (бар. А. Э. Нольде).

Въ обоихъ томахъ разсмотрѣны: отношеніе Правительствующаго Сената къ верховной власти, отношеніе его къ другимъ высшимъ учрежденіямъ, устройство и дѣлопроизводство Сената, и данъ очеркъ дѣятельности Сената за весь XVIII вѣкъ.

Третій томъ излагаетъ исторію Прав. Сената XIX столѣтія до реформъ 60-хъ годовъ. Въ немъ трактуется о проектахъ реформы Сената въ царствованіе Александра I и Николая I (составилъ Э. Н. Берендсъ), объ отношеніи Сената къ верховной власти и высшимъ государственнымъ установленіямъ (В. А. Гагенъ), объ отношеніи Сената къ мѣстнымъ учрежденіямъ (И. А. Блиновъ), о личномъ составѣ и организаціи Сената (В. А. Гагенъ); и характеризуется кругъ вѣдомства Сената и сенатское дѣлопроизводство (С. К. Гогель).

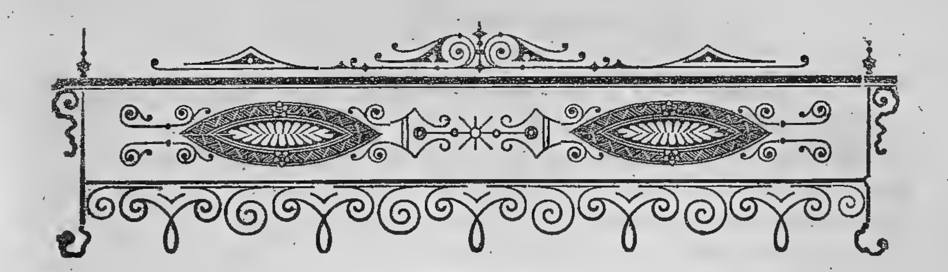
Томъ четвертый посвященъ Сенату XIX вѣка послѣ реформъ 60-хъ годовъ. Онъ составленъ въ общемъ по тому же плану, какъ и третій. Въ него вошли слѣдующія части: 1—организація Правит. Сената (В. А. Гагена), 2—кругъ вѣдомства и очеркъ дѣятельности (С. К. Гогеля); 3—отношеніе Сената къ мѣстнымъ учрежденіямъ (И. А. Блинова); 4—2-й департаментъ Сената (И. М. Тутрюмова); 5—кругъ вѣдомства Сената по дѣламъ казеннаго управленія и казеннаго обложенія (I. М. Пекарскаго); 6—кругъ вѣдомства Сената по охранѣ правъ личности (С. К. Гогеля); 7—кругъ вѣдомства департамента герольдіи: а) храненіе гербовъ (Лукомскаго); б) охраненіе сословныхъ правъ (А. О. ф.-Гернета); 8—правотворческая дѣятельность Сената въ области уголовнаго права (С. К. Гогеля); 9—правотворческая дѣятельность въ области гражданскаго права (А. Э. Нольде); 10—сенатское дѣлопроизводство (С. К. Гогеля); 11—проекты реформы Сената во второй половинѣ XIX вѣка (Э. Н. Берендса).

Пятый томъ занятъ разнаго рода приложеніями. Все изданіе богато иллюстрировано.

Можно быть увѣреннымъ, что благодаря энергичной работѣ Комиссіи и тому, что къ составленію исторіи Сената привлечены ученые спеціалисты, въ издаваемыхъ 5 томахъ будетъ дана масса любопытнаго матеріала, еще неизвѣстнаго исторической наукѣ, и передъ читателями впервые развернется Сенатъ въ своей двухсотлѣтней исторіи.

М. Клочковъ.

Воспоминанія жизни Ѳ. Г. Тернера[1].

Лѣтомъ 1887 года я познакомился съ графиней О. В. Левашевой, жившей въ своемъ имѣніи Левашово, Она обо мнѣ слышала и изъявила желаніе со мною познакомиться; мнѣ сообщилъ объ этомъ М. Н. Анненковъ, и мы съ нимъ условились, что онъ ко мнѣ пріѣдетъ обѣдать, а послѣ обѣда мы вмѣстѣ поѣдемъ въ Левашово къ графинѣ. Начавшееся такимъ образомъ знакомство въ началѣ подвигалось очень медленно, но мало-по-малу мы все болѣе сближались, и наши дружескія отношенія сохранились до самой ея смерти. Графина Ольга Викторовна была дочь графа Панина, по внѣшности она нѣсколько напоминала отца; по уму и характеру это была одна изъ самыхъ замѣчательныхъ женщинъ петербургскаго общества. Всесторонне образованная, она живо интересовалась политикой, литературой, читала почти всѣ сколько-нибудь выдающіяся книги въ области современной исторіи и популярной философіи, и потому разговоръ съ нею былъ всегда въ высшей степени оживленный и интересный. Если такимъ образомъ по уму и начитанности она тоже походила на своего отца, то по отношенію къ своимъ воззрѣніямъ на политическую и соціальную жизнь она рѣзко отъ него отличалась, вслѣдствіе ея широкаго и либеральнаго взгляда на вещи и на людей. Вмѣстѣ съ тѣмъ это была женщина съ твердымъ характеромъ; отношенія ея къ людямъ никогда не мѣнялись, какъ это

[1]) См. „Русская Старина“ декабрь 1910 г.

такъ часто случается съ другими дамами нашего общества; на нее всегда можно было разсчитывать.

Ея салонъ былъ однимъ изъ самыхъ интересныхъ въ петербургскомъ обществѣ; у нея собирались по четвергамъ, на которые она приглашала разъ навсегда, и на этихъ вечерахъ всегда можно было застать интересныхъ лицъ какъ изъ русскаго общества, такъ и изъ дипломатическаго круга. Въ карты, господствовавшія въ другихъ нашихъ собраніяхъ, у нея никогда не играли, а шелъ постоянно самый оживленный и свободный разговоръ о происшествіяхъ дня, о политикѣ и литературѣ. При ея живой воспріимчивости и сообщительности ея характера, она постоянно дѣлилась съ посѣщавшими ее пріятелями впечатлѣніями, извлеченными изъ послѣдняго чтенія, и энергически настаивала на томъ, чтобы и они ознакомились съ тою или другою изъ только что прочитанныхъ ею книгъ. „Vous devez lire ça“ была ея обычная фраза. Нерѣдко она посылала мнѣ самыя книги, прочитанныя ею, или набрасывала мнѣ карандашемъ на бумагѣ заглавіе книги, которую она совѣтовала мнѣ прочитать. Она была большая поклонница Вагнера и читала, между прочимъ, все, что писалось о немъ и о его „Zukunftsmusik“.

Ея мужъ В. В. Левашовъ, хотя и уступалъ ей въ умственномъ развитіи, былъ тоже очень любезный и пріятный собесѣдникъ и милый хозяинъ. Завсегдашніе посѣтители ея четверговъ всегда будутъ помнить эти интересныя собранія, съ которыми едва-ли могли сравниться вечера, къ какомъ-либо изъ другихъ петербургскихъ домовъ.

Мы говорили съ графиней Ольгой Викторовной обо всемъ, но религіозныхъ вопросовъ мы почти никогда не касались; повидимому, она относилась совершенно индифферентно къ религіи. Между тѣмъ въ моментъ смерти выказалось, что у нея въ сердцѣ таилось глубокое религіозное вѣрующее чувство, которое только не выходило наружу при постороннихъ. Такъ умереть, какъ умерла эта, повидимому, свѣтская женщина, дано не многимъ. Послѣ смерти мужа, она стала хворать и потому проводила большею частью зимы въ тепломъ климатѣ, въ Парижѣ, пріѣзжая только на лѣто въ Петербургъ, для проведенія лѣтнихъ мѣсяцевъ въ ея любимомъ Левашевѣ, гдѣ она страстно занималась культурой цвѣтовъ. Она страдала хроническимъ воспаленіемъ горла. Необходима была очень опасная операція. Она встрѣтила это сообщеніе съ замѣчательною твердостью духа, которая не оставляла ее до самой ея кончины. Въ день операціи, какъ мнѣ разсказывалъ князь Вяземскій, женатый на ея дочери, она написала утромъ длинное письмо, полное религіозныхъ наставленій для жизни, по адресу ея двухъ дочерей и внуковъ. По

дорогѣ въ клинику, заѣхала въ русскую церковь, исповѣдалась и причастилась и затѣмъ, готовая на смерть, спокойнымъ духомъ подчинилась операціи. Сверхъ чаянія операція хорошо удалась, можно было надѣяться на благополучный исходъ, такъ что послѣ нѣсколькихъ дней постояннаго улучшенія, доктора объявили ее внѣ опасности, и ея дочь, княгиня Вяземская, рѣшилась уѣхать домой. Но вдругъ у нея сдѣлалось воспаленіе легкихъ, положеніе ухудшилось. Княгиня Вяземская, извѣщенная о томъ по телеграфу, съ полпути изъ Берлина поспѣшила вернуться въ Парижъ, гдѣ она застала свою мать уже умирающею. Ольга Викторовна умерла спокойно, вѣрующая, въ полномъ сознаніи, держа въ рукахъ портретъ покойнаго мужа.

Съ сестрою графини Левашевой, графиней М. В. Комаровской, я тоже близко познакомился, и наши дружескія отношенія продолжаются до сихъ поръ.

Говоря о кругѣ знакомыхъ, въ которомъ я тогда обращался, коснусь еще нѣкоторыхъ другихъ лицъ.

Это лѣто мы особенно часто видѣлись съ семействомъ Данзасъ, жившимъ недалеко отъ насъ въ Шуваловѣ.

Съ Н. К. Данзасомъ, родственникомъ, кажется, племянникомъ извѣстнаго секунданта Пушкина, я познакомился, какъ уже сказано, въ Константинополѣ. Онъ тогда былъ секретаремъ посольства въ Аѳинахъ и временно прикомандированъ къ посольству въ Константинополѣ. Затѣмъ онъ нѣкоторое время былъ совѣтникомъ посольства въ Брюсселѣ при графѣ Блудовѣ и окончательно перешелъ въ Петербургъ, совѣтникомъ Мин. Иностранныхъ Дѣлъ. Это былъ человѣкъ крайне симпатичный, очень образованный и остроумный, большой знатокъ музыки и съ нѣкоторымъ талантомъ живописи;—вмѣстѣ съ тѣмъ это былъ типъ настоящаго джентльмена до глубины души. Мы очень сблизились съ его семействомъ, послѣ его переселенія въ Петербургъ, и черезъ него познакомились также съ К. М. Аргиропуло, братомъ м-мъ Данзасъ, который тогда былъ нашимъ Министромъ резидентомъ въ Черногоріи и впослѣдствіи посланникомъ въ Персіи, а также съ княземъ К. Д. Гагаринымъ, товарищемъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, женатымъ на двоюродной сестрѣ г-жи Данзасъ. Со всѣмъ этимъ кружкомъ мы часто встрѣчались въ это лѣто.

Замѣчательна судьба Н. К. Данзаса. При всѣхъ его выдающихся качествахъ, у него въ характерѣ была какая-то странная черта меланхоліи, доходившая до стремленія къ самоубійству. Еще молодымъ человѣкомъ, ученикомъ училища Правовѣдѣнія, онъ, не знаю по какой-то причинѣ, пытался повѣситься и его только во-время

спасли отъ смерти. Затѣмъ въ разговорахъ со мною, онъ нерѣдко намекалъ на то, что если жизнь не хорошо складывается, то съ нею всегда можно покончить. И дѣйствительно, въ первыхъ числахъ 1888 года, подъ болѣзненнымъ впечатлѣніемъ о воображаемыхъ семейныхъ заботахъ и подъ вліяніемъ недовольства своимъ служебнымъ положеніемъ, въ которомъ онъ, несмотря на свои блестящія способности, не имѣлъ особенной удачи—онъ покончилъ жизнь самоубійствомъ, застрѣлившись. Меня это поразило потому, что я былъ съ нимъ очень друженъ, и дней пять до его смерти мы съ нимъ ѣздили вмѣстѣ во дворецъ на выходъ 1-го января; онъ мнѣ казался тогда въ совершенно нормальномъ состояніи духа, а 6-го числа въ томъ же Зимнемъ дворцѣ, на крещенскомъ парадѣ, гдѣ я думалъ его встрѣтить, я услышалъ извѣстіе о томъ, что онъ застрѣлился. Въ этотъ короткій промежутокъ времени мы съ нимъ не видѣлись. Смерть его поразила и опечалила меня, какъ бы опечалила меня смерть меньшаго брата. Мнѣ передавали, что передъ смертью онъ поручалъ мнѣ свою жену и дѣтей.

Странно, что тою же трагическою смертью, самоубійствомъ, покончили трое изъ моихъ друзей. Н. К. Данзасъ, графъ С. Д. Татищевъ и М. Н. Анненковъ; послѣдніе двое подъ вліяніемъ заботъ, по поводу имущественнаго разстройства. Послѣ каждаго изъ нихъ мнѣ пришлось участвовать въ опекѣ, которая устраивалась для приведенія въ порядокъ ихъ наслѣдства, и во всѣхъ трехъ случаяхъ мнѣ удалось, при помощи другихъ опекуновъ, достигнуть удовлетворительнаго результата; имущественное положеніе оставшихся семействъ, во всѣхъ трехъ случаяхъ, удалось обезпечить.

Князь К. Д. Гагаринъ, послѣ смерти гр. Толстого, которымъ онъ лично былъ приглашенъ въ товарищи, оставилъ министерство и былъ назначенъ сенаторомъ. По случаю нездоровья княгини, которая болѣла грудью и не могла переносить петербургскій климатъ, онъ поселился на югѣ, купилъ небольшое имѣніе въ Балаклавѣ и посвятилъ себя тамъ совершенно занятіямъ по винодѣлію. Съ тѣхъ поръ мы встрѣчались съ нимъ только въ рѣдкіе промежутки.

По сосѣдству съ нами жили въ это лѣто также пасторъ Дальтонъ и молодой Новиковъ, сынъ Евгенія Петровича, съ женою, дочерью извѣстнаго графа Лорисъ-Меликова, о которой я уже прежде упоминалъ. Это была очень милая молодая женщина, съ нѣсколько мистическимъ настроеніемъ; она мнѣ разсказывала между прочимъ, что она обладаетъ нѣкоторымъ даромъ предчувствія будущаго, такъ напримѣръ, когда она находилась въ Ниццѣ, она, гуляя на плажѣ, встрѣтила разъ молодого Новикова, котораго она совершенно не знала, и какое-то внутреннее чувство тутъ же сказало ей, что этотъ

человѣкъ будетъ ея мужемъ. Впослѣдствіи Новиковы переселились за границу, и я совершенно потерялъ ихъ изъ виду.

О пасторѣ Дальтонѣ я уже говорилъ по поводу изданія моей нѣмецкой брошюры. Такъ какъ онъ жилъ на дачѣ возлѣ насъ, то я съ нимъ часто видѣлся и пріятно проводилъ время въ интересныхъ разговорахъ какъ о религіозныхъ вопросахъ, такъ и по воспоминаніямъ о нашей встрѣчѣ въ Бухарестѣ во время послѣдней войны.

Наконецъ остается упомянуть еще о двухъ личностяхъ, съ которыми я познакомился около этого времени, о м-мъ Іониной и о князѣ А. А. Ливенѣ.

Съ г-жею Іониной я познакомился на утреннемъ пріемѣ у Великой Княгини Екатерины Михаиловны въ Ораніенбаумѣ. Она была уроженка Далмаціи и занимала въ Цетиньѣ скромное мѣсто гувернантки въ мѣстномъ женскомъ пансіонѣ. Іонинъ, бывшій министромъ резидентомъ въ Черногоріи, познакомился съ нею, влюбился въ нее и женился на ней; она собственно не была красива, не отличалась особенно правильными чертами лица, но все ея выраженіе, глаза, улыбка—имѣли что-то особенно привлекательное. Замѣчательно, какъ эта женщина, вышедшая изъ столь скромнаго положенія, умѣла себя поставить въ петербургскомъ обществѣ, когда она сдѣлалась супругой посланника. Всегда веселая, умная, изящно одѣтая, она играла вездѣ, гдѣ появлялась, выдающуюся роль въ обществѣ и всегда была окружена. Это положеніе въ обществѣ она сумѣла до нѣкоторой степени сохранить и послѣ смерти мужа, когда ей пришлось устроить свой образъ жизни на довольно скромной ногѣ, такъ какъ Іонинъ не оставилъ ей большого состоянія. Она все же оставалась интересной м-мъ Іонинъ.

Ея покойный мужъ, во время своего посольства въ Бразиліи, много путешествовалъ по Южной Америкѣ и оставилъ интересное сочиненіе съ описаніемъ своего путешествія. Между прочимъ онъ проѣхалъ весь материкъ Южной Америки, поперекъ, отъ восточнаго берега къ западному, путешествіе, котораго до него, кажется, ни одинъ европеецъ не совершалъ.

Съ княземъ Ливеномъ я познакомился въ Ялтѣ. Со времени моего назначенія товарищемъ министра, я съ сестрами сталъ проводить каждую осень нѣсколько недѣль въ Крыму, пользуясь квартирой, которая была устроена Качаловымъ для пріѣзжающихъ чиновъ министерства, во второмъ этажѣ таможеннаго дома въ Ялтѣ, этою квартирою я пользовался ежегодно до 1892 г., когда наконецъ перебрался въ собственный домъ. Вотъ во время нашихъ осеннихъ пребываній въ Ялтѣ, мы встрѣтились тамъ съ княземъ А. А. Ливеномъ и познакомились съ нимъ.

Я считаю небезинтереснымъ сказать нѣсколько словъ о моей встрѣчѣ съ графомъ Валуевымъ, послѣ его увольненія.

Онъ жилъ въ совершенномъ уединеніи, почти забытый всѣми. Поэтому у меня явилась мысль посѣтить его. Валуевъ помѣщался въ довольно скромной квартирѣ, потому что его денежныя дѣла, вслѣдствіе распутства его сыновей, были крайне разстроены. Онъ принялъ очень радушно, но просто, безъ всякой позировки и съ большимъ достоинствомъ. Во время разговора съ нимъ я былъ пораженъ, до какой степени этотъ баловень счастія, достигшій всѣхъ служебныхъ почестей и всегда считавшійся крайне тщеславнымъ, при своемъ несчастіи умѣлъ сохранить полное равновѣсіе и спокойствіе духа. Во время его блестящей карьеры, онъ могъ считаться мелочнымъ человѣкомъ, но въ теперешнемъ его положеніи, когда забытый почти всѣми своими прежними друзьями, онъ переносилъ свое униженное положеніе съ такимъ достоинствомъ характера, онъ показался мнѣ истинно великимъ. Это спокойное самообладаніе онъ сохранилъ до самой смерти, которую онъ встрѣтилъ съ такимъ же спокойствіемъ духа. За день до смерти, онъ самъ написалъ на листкѣ бумаги, какъ устроить послѣ него панихиду (при томъ только одну) съ указаніемъ, кого именно слѣдовало на нее пригласить...

По поводу моихъ воспоминаній этого года, остается еще сказать нѣсколько словъ о моемъ присутствіи на крещеніи сына Великаго Князя Константина Константиновича, о происшедшемъ въ августѣ солнечномъ затменіи и о попавшихся мнѣ въ руки посмертныхъ запискахъ знаменитаго доктора Пирогова.

О церемоніи крещенія Великаго Князя я упоминаю здѣсь потому, что она совершилась въ Павловскѣ, что придавало ей совершенно особенный характеръ, какой-то partie de plaisir на дачу. Павловскій дворецъ, полный воспоминаніями временъ Екатерины II-й, похожъ болѣе на богатую загородную дачу, чѣмъ на дворецъ. На станціи насъ ожидали придворные экипажи, въ которыхъ насъ провезли по всему парку. Мы прибыли во дворецъ, гдѣ послѣ религіозной церемоніи, намъ предложили завтракъ; все это отличалось большой, но изящной простотой. Поѣздка въ Павловскъ была, кромѣ того, для меня лично исполнена воспоминаній, потому что это было мое первое, послѣ смерти жены, посѣщеніе Павловска, гдѣ я провелъ съ нею цѣлое лѣто и гдѣ мы съ нею много гуляли по парку, каждая аллея котораго была мнѣ знакома.

На седьмое августа было предсказано полное солнечное затменіе. Это рѣдкое явленіе всѣхъ очень интересовало. За день до того всѣ занимались приготовленіемъ черныхъ копченыхъ стеколъ, не-

обходимыхъ для того, чтобы можно было смотрѣть на солнце безъ вреда для глазъ. Утромъ въ назначенный день очень рано я отправился въ поле въ ожиданіи предсказаннаго явленія. Дѣйствительно, скоро началось затменіе. Дискъ солнца сталъ мало по малу закрываться какъ бы надвигавшимся на него покровомъ какой-то черной массы, наконецъ наступилъ моментъ совершеннаго затменія; полной темноты не произошло, но сдѣлались какъ бы сумерки, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ воздухѣ было какое-то особенное томящее впечатлѣніе. Это продолжалось недолго, и дискъ солнца сталъ опять раскрываться.

Посмертныя записки Пирогова представляютъ замѣчательное психологическое явленіе. Пироговъ умеръ отъ рака въ челюсти. Какъ превосходный докторъ, онъ при такихъ обстоятельствахъ, задолго до смерти зналъ, что его ожидаетъ, и ожиданіе смерти сдѣлало изъ него глубоко вѣрующаго человѣка. Анализируя значеніе жизни, онъ пришелъ къ заключенію, что единственно разумное объясненіе значенія жизни можно найти только въ религіозной точкѣ зрѣнія и именно въ христіанскомъ ученіи и въ вѣрѣ во Христа. Онъ такъ проникся этою идеею, что почувствовалъ непреодолимую потребность изложить тотъ духовный процессъ, черезъ который онъ прошелъ. Съ лихорадочною быстротой, до послѣдняго дня жизни, онъ набрасывалъ на бумагу свои глубокія мысли, какъ бы опасаясь, что ему не удастся привести къ окончанію свою вѣрующую исповѣдь; послѣднія строки были писаны имъ уже почти умирающимъ, карандашемъ на отдѣльныхъ листкахъ бумаги. Ему дѣйствительно удалось за нѣсколько дней всего до смерти закончить свои наброски. Эта предсмертная рукопись представляетъ несомнѣнно замѣчательное психологическое явленіе. Для характеристики его воззрѣній привожу слѣдующія строки изъ его рукописи.

„Борьба съ нравственною двойственностью и съ матеріальнымъ нашимъ бытомъ, безпрестанное стремленіе къ приведенію ея къ одному знаменателю, есть цѣль нашей жизни, прямое назначеніе наше на землѣ. Борьба, но не вражда—для недостигаемаго на землѣ идеала—для достиженія блаженства за гробомъ".

Знаменательныя слова изъ-подъ пера выдающагося ученаго, доктора, реалиста... Свои записки онъ заканчиваетъ незадолго передъ самой кончиной словами „теперь я вѣрю или вѣрнѣе желаю вѣрить въ безсмертіе".

Параллельно съ исповѣданіемъ Пирогова привожу по этому поводу нижеслѣдующія слова Шопенгауера, философа, пессимиста [1]).

[1]) Къ сожалѣнію, не припомню изъ какого мѣста его сочиненій я извлекъ эти слова.

„Что составляетъ истинное ядро этого небеснаго просвѣтлѣнія путникъ наконецъ постигаетъ—это та утѣшительная надежда, которая проистекаетъ изъ нравственнаго чувства, явственно въ насъ говорящаго, когда мы ощущаемъ внутри себя побужденіе къ самопожертвованію, идущему въ разрѣзъ въ видимыми нашими благами, и живая увѣренность въ томъ, что есть для насъ иное благо, ради котораго можно поступиться всѣмъ земнымъ... Земной міръ есть царство случайностей и заблужденія, потому-то мы стремимся къ тому, чего уже никакая случайность лишить насъ не можетъ, по этому-то и должны мы стоять лишь за то̀ и дѣйствовать въ томъ направленіи, въ которомъ невозможно заблужденіе“...

Не служатъ ли вышеприведенныя—исповѣдь Пирогова и цитаты Шопенгауера,—доказательствомъ того, что какимъ бы реалистомъ человѣкъ ни былъ въ жизни, всякій не поверхностный, но философски настроенный умъ, невольно приходитъ къ сознанію тщеты земной жизни „суета суетъ и всяческая суета“, какъ уже воскликнулъ Соломонъ и къ исканію чего-то лучшаго, болѣе совершеннаго, за предѣлы настоящей вещественной жизни.

1888.

1888-й годъ былъ ознаменованъ тремя выдающимися печальными происшествіями: смертью императоровъ Вильгельма и Фридриха и катастрофой въ Боркахъ.

Императоръ Вильгельмъ умеръ въ преклонномъ возрастѣ, ему было за девяносто лѣтъ, процарствовавъ безъ малаго двадцать лѣтъ послѣ побѣдоносной французской войны. Разсказывали, что на смертномъ одрѣ онъ завѣщалъ своему сыну „сохранять дружескія отношенія съ Россіей“. По случаю его смерти въ Петербургѣ состоялась торжественная траурная служба (Trauergottesdienst) въ лютеранской церкви Св. Петра—превосходный хоръ исполнялъ молитвенное пѣніе. Вообще впечатлѣніе этой печальной церемоніи было весьма торжественно.

Императоръ Фридрихъ процарствовалъ всего около полугода. Въ моментъ вступленія на престолъ онъ уже страдалъ болѣзнью рака въ горлѣ. При такихъ обстоятельствахъ возникалъ вопросъ: слѣдуетъ ли ему въ такомъ положеніи принимать правленіе. Но его супруга, Викторія, желавшая непремѣнно быть императрицей, настаивала на вступленіи ея мужа въ управленіе и въ этихъ видахъ отрицала, что его болѣзнь ракъ, основываясь на утвержденіе малоизвѣстнаго доктора, котораго она выписала изъ Англіи,

къ немалому неудовольствію нѣмецкихъ врачей, которые рѣшительно признавали болѣзнь ракомъ и совѣтовали приступить къ операціи, хотя и соединенной съ опасностью жизни, но которая все же позволяла надѣяться на успѣшный исходъ. По настоянію супруги, Императоръ Фридрихъ отъ операціи отказался, и болѣзнь привела его къ роковому концу. Во время его смерти меня не было въ Петербургѣ, и потому я не могу сказать, какое она произвела впечатлѣніе. Но такъ какъ всѣ ожидали эту трагическую кончину, то она ни для кого не была неожиданностью и вѣроятно большого впечатлѣнія не произвела.

Катастрофа въ Боркахъ случилась, какъ извѣстно, въ октябрѣ, при возвращеніи Царской фамиліи изъ Ливидіи. Всѣ члены Императорской фамиліи спаслись какимъ-то чудомъ, такъ какъ царскій вагонъ при крушеніи поѣзда совершенно былъ сброшенъ съ колеи. Крушеніе произошло во время завтрака, всѣ отдѣлались болѣе или менѣе легкими ушибами, и только нѣсколько человѣкъ изъ прислуги, которая была занята сервировкой за столомъ, были убиты, (кажется двое) кромѣ того, пострадали нѣкоторые изъ конюшенныхъ офицеровъ.

Катастрофа произошла, какъ объяснили, потому, во-первыхъ, что когда на изгибѣ дороги около Борокъ машинистъ изъ осторожности замедлилъ ходъ поѣзда, ему было приказано ѣхать скорѣе, а второю причиною считали то̀ обстоятельство, что министръ путей сообщенія Посьетъ, ѣхавшій съ Государемъ, приказалъ вставить свой вагонъ въ поѣздъ, вагонъ, который по своей длинѣ могъ затруднять правильное движеніе поѣзда. Разумѣется, немедленно возникло подозрѣніе, не произошла ли катастрофа вслѣдствіе злостнаго покушенія, для разслѣдованія вопроса была назначена Комиссія—но ничего не открылось: покушенія дѣйствительно, повидимому, не существовало. Посьета упрекали въ недостаточной распорядительности и заботливости, но во вниманіе къ его продолжительной службѣ, ему никакого замѣчанія по этому поводу не было сдѣлано. Нѣсколько времени спустя онъ оставилъ свой постъ. Въ Петербургѣ всѣ высшіе чины явились на станцію встрѣчать Государя. Въ Боркахъ на мѣстѣ катастрофы построенъ великолѣпный храмъ, золотой куполъ котораго уже издалека обращаетъ на себя вниманіе пассажировъ желѣзной дороги.

Въ этомъ году было приступлено къ началу тѣхъ грандіозныхъ кредитныхъ операцій по конверсіи нашихъ фондовъ, о которыхъ я говорилъ выше. Въ Петербургъ пріѣхалъ извѣстный банкиръ Hoskier, представителемъ первоклассной группы парижскихъ банкировъ, и съ нимъ дѣло было доведено до конца, состоялась опе-

рація въ полтора милліарда рублей номинально. Главные переговоры съ банкирами велъ самъ Вышнеградскій, а редакція подробностей контракта происходила у меня въ кабинетѣ.

Бѣдный Госкье нѣсколько лѣтъ спустя былъ пораженъ ужаснымъ несчастьемъ. Во время извѣстнаго пожара на благотворительномъ базарѣ въ Парижѣ, на которомъ погибло столько лицъ изъ самой элегантной публики парижскаго общества, сгорѣла и его жена. Я ему тогда же написалъ une lettre de condoléance, и повидимому это его очень тронуло, потому что онъ отвѣтилъ мнѣ глубоко прочувствованнымъ письмомъ.

1889.

Въ началѣ этого года былаобразована подъ моимъ предсѣдательствомъ комиссія для пересмотра положенія о р. обществѣ пароходства и торговли. Общество это, основанное Новосельскимъ и, можно сказать, поставленное на ноги Н. М. Чичаховымъ, пользовалось значительными субсидіями отъ казны въ формѣ помильной платы и кромѣ того ему были предоставлены разныя привилегіи. Все это создавало для него почти монопольное положеніе на Черномъ морѣ, на которое уже долгое время съ разныхъ сторонъ возникали жалобы, послужившія поводомъ къ образованію комиссіи для пересмотра устава общества.

Задача комиссіи была нелегкая — приходилось устранить монополію Черноморскаго общества, не нарушая справедливыхъ интересовъ акціонеровъ общества. Въ комиссіи участвовали разные представители общества и между прочимъ извѣстный биржевой дѣятель Сущовъ, отстаивавшій весьма умѣло и очень настойчиво интересы общества. Послѣ долгихъ преній, путемъ цѣлаго ряда компромиссовъ удалось достигнуть, повидимому, довольно удовлетворительнаго результата. Субсидія обществу была нѣсколько сокращена, но безъ нарушенія, однако, разумныхъ интересовъ общества, и вмѣстѣ съ тѣмъ явилась возможность появленія на Черномъ морѣ другихъ пароходныхъ обществъ, которыя однако все же съ трудомъ только могли конкуррировать со старымъ обществомъ.

Въ теченіе этого же времени, я, кромѣ того, былъ сильно занятъ въ Государственномъ Совѣтѣ по участію въ разсмотрѣніи проектовъ М. В. Д. графа Толстого о преобразованіи земскихъ учрежденій и о введеніи института земскихъ начальниковъ, такъ какъ Вышнеградскій на засѣданія по этимъ вопросамъ не ѣздилъ, и мнѣ приходилось замѣнять его.

Какъ извѣстно, графъ Толстой былъ явнымъ противникомъ суще-

ствовавшихъ земскихъ учрежденій. Будучи Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, онъ внесъ потому въ Государственный Совѣтъ проектъ о ихъ преобразованіи, выработанный извѣстнымъ лидеромъ меньшинства въ бывшей Кохановской комиссіи, Пазухинымъ. Проектомъ его въ земское положеніе вводилось сословное начало, и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣятельность земскихъ учрежденій подвергалась ближайшему надзору губернаторовъ.

По этому поводу въ Государственномъ Совѣтѣ происходили продолжительныя и оживленныя пренія. Такъ какъ, однако, основная мысль проекта была уже одобрена Государемъ, то всѣ старанія членовъ Государственнаго Совѣта клонились къ тому, чтобы по крайней мѣрѣ устранить разныя крайности проекта. Состоявшійся новый законъ былъ несомнѣнно шагомъ назадъ и никакой пользы не принесъ. Въ настоящее время, когда возбужденъ вопросъ о выборахъ въ Государственную Думу, съ разныхъ сторонъ было заявлено о желательности производить эти выборы на основаніи прежняго земскаго положенія шестидесятыхъ годовъ.

Одновременно съ проектомъ преобразованія земскихъ учрежденій графомъ Толстымъ былъ внесенъ въ Государственный Совѣтъ проектъ учрежденія земскихъ начальниковъ для завѣдыванія крестьянскими дѣлами и интересами. При этомъ имѣлось въ виду положеніе о прежнихъ мировыхъ посредникахъ, оставившихъ послѣ себя такую хорошую славу. Простое возстановленіе ихъ было невозможно, въ виду введенія новыхъ судебныхъ уставовъ. Но то учрежденіе, которое было создано взамѣнъ, грѣшило предоставленіемъ земскимъ начальникамъ чрезмѣрнаго и почти безконтрольнаго права вмѣшательства въ крестьянскія дѣла; такъ что съ самаго начала земскіе начальники сдѣлались крайне непопулярными. Нельзя не признать, что крестьяне дѣйствительно нуждались въ мѣстномъ административномъ органѣ, къ которому они могли бы обращаться по своимъ дѣламъ — доказательствомъ этому могли служить ихъ постоянныя обращенія къ непремѣнному члену крестьянскаго присутствія, но только новый созданный для того органъ оказался крайне неудовлетворительнымъ. Мнѣ говорилъ одинъ земскій начальникъ, что ихъ власть такъ обширна, что хорошій человѣкъ можетъ принести много пользы,—но зато дурной человѣкъ можетъ принести много вреда. Къ сожалѣнію, выборъ людей на этотъ постъ во многихъ случаяхъ былъ далеко неудовлетворительнымъ, а потому и результаты ихъ дѣятельности, во многихъ случаяхъ, принесли болѣе вреда, чѣмъ пользы.

Графъ Толстой былъ несомнѣнно очень умный человѣкъ, между тѣмъ двѣ проведенныя имъ реформы — новый университетскій уставъ, составленный подъ вліяніемъ Каткова, и земская реформа,

созданіе Пазухина, оказали по своему реакціонному направленію крайне неблагопріятное вліяніе на теченіе нашей общественной жизни и въ значительной мѣрѣ послужили поводомъ тому неудовольствію и тѣмъ жалобамъ на правительство, которыя съ тѣхъ поръ не умолкали и привели насъ наконецъ къ настоящему смутному періоду.

Графу Толстому не суждено было дожить до конца разсмотрѣнія его проектовъ въ Государственномъ Совѣтѣ и увидѣть ихъ осуществленіе. Разсмотрѣніе этихъ проектовъ началось въ началѣ года, а 25-го апрѣля онъ внезапно скончался. На его мѣсто былъ назначенъ И. П. Дурново. Вмѣстѣ съ тѣмъ князь Гагаринъ оставилъ постъ Товарища Министра и былъ назначенъ сенаторомъ. Но смерть графа Толстого не измѣнила земскаго дѣла, оно было сдѣлано.

Замѣчательно, что почти одновременно съ гр. Толстымъ или по крайней мѣрѣ въ томъ же году скончалась другая очень извѣстная личность, которая въ послѣдніе годы подвергалась постоянному преслѣдованію со стороны графа Толстаго—я говорю о Краевскомъ, издателѣ „Отечественныхъ Записокъ" и „Голоса". Графъ Толстой считалъ направленія этихъ органовъ печати вредными, и не находя формальнаго повода къ ихъ запрещенію, довелъ Краевскаго неустаннымъ преслѣдованіемъ и разными штрафами за отдѣльныя статьи до невозможности продолжать свои изданія—онъ былъ принужденъ закрыть ихъ. Закрывъ свой журналъ, Краевскій сосредоточился на участіи въ думскихъ занятіяхъ и посвятилъ себя особенно дѣлу устройства городскихъ школъ. Дѣятельность на этой почвѣ принесла несомнѣнную пользу, распространеніемъ грамотности и образованія въ низшихъ классахъ нашего общества.

1889 годъ вообще памятенъ для меня цѣлымъ рядомъ смертныхъ случаевъ въ средѣ лицъ, болѣе или менѣе мнѣ близкихъ. Въ этомъ году умерли Управляющій Государственнымъ Банкомъ А. В. Цимсенъ, очень близкій мнѣ человѣкъ и свойственникъ, мой двоюродный братъ В. А. Фольбортъ, В. П. Безобразовъ, графъ С. Д. Татищевъ, Ѳ. Ѳ. Треповъ и докторъ Эйхвальдъ.

Однажды, когда я сидѣлъ у И. А. Вышнеградскаго во время доклада—явился чиновникъ Государственнаго Банка, требуя, чтобы его немедленно приняли. Онъ вошелъ совершенно разстроенный и доложилъ о внезапной кончинѣ Алексѣя Васильевича. Мы были этимъ крайне поражены, потому что кромѣ нѣкотораго недомоганія Цимсенъ считался совершенно здоровымъ человѣкомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ представилась забота о выборѣ ему наслѣдника, что было не легко. Выборъ Ивана Алексѣевича остановился на директорѣ Кредитной Канцеляріи Верховскомъ. Мы вмѣстѣ съ Вышнеградскимъ

поѣхали къ нему, чтобы предложить ему этотъ постъ, но Верховскій, подъ предлогомъ разстроеннаго здоровья, наотрѣзъ отказался принять сдѣланное ему предложеніе. Онъ вообще не ладилъ съ Вышнеградскимъ и помышлялъ уже о томъ, какъ бы оставить службу въ Министерствѣ Финансовъ, и потому вѣроятно не желалъ связывать себя принятіемъ новаго назначенія. Передъ нимъ уже открывались другіе виды на будущее и дѣйствительно, вскорѣ послѣ того, онъ былъ назначенъ Товарищемъ Главноуправляющаго Собственной Ея И. В. Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи. Тогда Вышнеградскій рѣшился назначить управляющимъ Государственнымъ Банкомъ Жуковскаго, дѣятельность котораго въ этой сферѣ ничѣмъ особеннымъ однако не ознаменовалась.

О смерти В. П. Безобразова я узналъ осенью въ Крыму изъ газетъ. Это извѣстіе также меня чрезвычайно поразило по своей неожиданности. Владиміръ Павловичъ скончался въ своемъ имѣніи въ Дмитровскомъ уѣздѣ Московской губерніи. Въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ я находился въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ съ этимъ живымъ и энергичнымъ человѣкомъ, какъ уже выше я о томъ говорилъ. Онъ былъ, такъ сказать, центромъ нашего экономическаго кружка, онъ всегда относился съ живѣйшимъ интересомъ и жаромъ ко всѣмъ современнымъ общественнымъ и научнымъ явленіямъ— и это его настроеніе какъ бы передавалось отъ него лицамъ, приходившимъ съ нимъ въ сношенія; разговоръ съ нимъ всегда, можно сказать, дѣйствовалъ возбудительно, выставляя разныя научные и общественные вопросы. И вдругъ этого человѣка, полнаго жизни и энергіи—не стало. Въ послѣднее время онъ, однако, замѣтно начиналъ старѣть.

Наконецъ третья смерть, не менѣе меня поразившая, это была кончина графа С. Д. Татищева, при томъ же она состоялась при очень печальныхъ обстоятельствахъ, такъ какъ онъ покончилъ жизнь самоубійствомъ. Я былъ съ нимъ очень друженъ, въ его имѣніи Ретеняхъ состоялась моя свадьба.

Графъ Сергѣй Дмитріевичъ началъ свою службу въ Преображенскомъ полку, оставилъ въ юныхъ лѣтахъ военную службу и посвятилъ всю свою дѣятельность мѣстнымъ интересамъ. Онъ послѣдовательно занималъ положенія Мироваго Посредника (перваго призыва), Мироваго Судьи, Предсѣдателя Мироваго Съѣзда, вполнѣ предаваясь земскому дѣлу, къ которому лежало все его сердце. Къ сожалѣнію, его имѣніе Ретени, въ которомъ онъ вводилъ разные усовершенствованные пріемы хозяйства, многополіе и т. п. не давало большого дохода, а между тѣмъ значительный составъ семейства, болѣзнь жены и его собственная болѣзнь, значительный расходъ на леченіе и на поѣздки за

границу—все это, вызывая значительныя траты, привело постепенно его дѣла къ совершенному разстройству. Его враги стали его обвинять въ томъ, что онъ временно воспользовался какою-то суммой изъ земской кассы и хотя при ревизіи касса была найдена въ порядкѣ, такъ какъ деньги были своевременно возвращены, но все же по этому поводу поднялось дѣло въ Сенатѣ, который, послѣ произведеннаго слѣдствія, предалъ его суду, и онъ по суду былъ отрѣшенъ отъ должности. Между тѣмъ незадолго передъ тѣмъ, по рѣшенію Мироваго Съѣзда, его портретъ былъ повѣшенъ въ камерѣ, до того большинство мѣстныхъ дѣятелей цѣнили пользу, принесенную его долговременною земско-судебною дѣятельностью. Но противъ него орудовали ожесточенные враги противной ему партіи, и имъ удалось, вмѣсто того, чтобы помочь ему выйти изъ труднаго положенія, привести дѣло къ подобному печальному окончанію. Сергѣй Дмитріевичъ не могъ вынести такого униженія и застрѣлился. Это былъ человѣкъ, какъ я уже замѣтилъ, посвятившій всю жизнь земскому дѣлу и вмѣстѣ съ тѣмъ всегда готовый помочь каждому, который къ нему обращался съ какою-либо просьбой,—глубоко печально, что онъ долженъ былъ кончить такимъ образомъ. Я поѣхалъ на его похороны въ Ретени; тяжело на меня подѣйствовалъ контрастъ между былымъ и настоящимъ. Семнадцать лѣтъ тому назадъ я ѣхалъ въ Ретени на мою свадьбу; а теперь я засталъ тамъ его семейство, обыкновенно столь радостное и веселое, погруженное въ слезы, а въ сосѣдней комнатѣ, въ дубовомъ гробу, который Сергѣй Дмитріевичъ самъ сработалъ для себя нѣкоторое время передъ смертью, которую онъ очевидно уже задолго предвидѣлъ, лежалъ покойный.

(Продолженіе слѣдуетъ).

«Воспоминанія жизни Ѳ. Г. Тернера».

Поправки.

Въ воспоминаніяхъ Ѳ. Г. Тернера, помѣщенныхъ въ ноябрьской книжкѣ „Русской Старины", стр. 376—79, въ его замѣткахъ о персоналѣ русскаго посольства въ Константинополѣ, вкрались нѣкоторыя неточности, которыя слѣдуетъ исправить.

Александръ Константиновичъ Базили былъ не совѣтникомъ, а первымъ секретаремъ посольства; отецъ его Константинъ Михайловичъ (сверстникъ и пріятель Н. В. Гоголя) никогда драгоманомъ не былъ, а состоялъ генеральнымъ консуломъ въ Бейрутѣ, передъ Крымскою кампаніею, и послѣ войны былъ нашимъ комиссаромъ въ Дунайскихъ княжествахъ.

Михаилъ Константиновичъ Ону, сынъ поссесора въ Молдавіи, началъ службу въ канцеляріи нашего консульства въ Яссахъ, и бывшій управляющій консульствомъ баронъ Ѳ. А. Бюлеръ, замѣтивъ въ молодомъ человѣкѣ большія дарованія, взялъ его съ собою въ Петербургъ и опредѣлилъ въ учебное отдѣленіе Восточныхъ языковъ при Азіатскомъ департаментѣ. Впослѣдствіи Ону женился на Луизѣ Александровнѣ Баранкуръ, усыновленной дочери барона Александра Генриховича Жомини (въ разсказѣ Ѳ. Г. Тернена неправильно приписано усыновленіе самому Ону).

Съ М. К. Ону катался верхомъ не подполковникъ Эккъ (нынѣ командиръ Гренадерскаго корпуса), а его товарищъ, подполковникъ Кумерау, котораго убилъ султанскій конюхъ Вели Мехмедъ, намѣреваясь убить его спутника изъ личной мести.

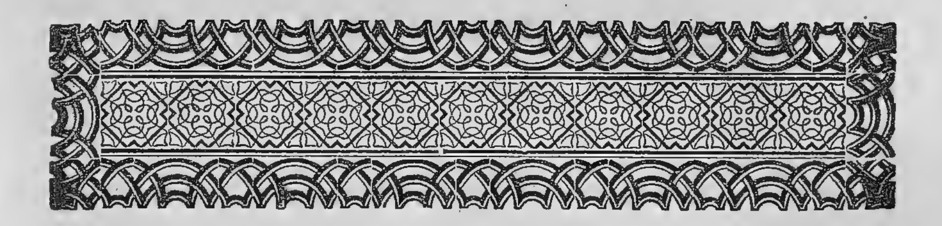
Генеральнымъ консуломъ въ Константинополѣ былъ не Лишинъ, а Алексѣй Евѳимовичъ Лаговскій. Ю. Н. Щербачевъ былъ въ то время вторымъ секретаремъ посольства.

Ю. С. Карцовъ сынъ не генерала Карцова, а д. с. с. Сергѣя

Николаевича, сотрудника Н. А. Милютина и князя Черкасскаго въ Царствѣ Польскомъ. Онъ былъ консуломъ въ Мосулѣ (а не Могулѣ) и агентомъ Министерства Финансовъ въ Бельгіи, а не въ одномъ изъ южныхъ портовъ Англіи, и покойная жена его С. М. Криштафовичъ приходилась племянницею женѣ генералъ-адъютанта Д. В Путята, а не графу Путятину.

К. Губастовъ.

Изъ эпохи освобожденія крестьянъ.

(По неизданнымъ матеріаламъ).

Въ 1906 г. я получилъ доступъ въ архивъ б. новороссійскаго генералъ-губернатора, чрезвычайно интересный по своему содержанію и очень мало еще разработанный. Между прочимъ, изъ этого архива извлекъ цѣнные матеріалы объ А. С. Пушкинѣ извѣстный изслѣдователь Н. О. Лернеръ, отецъ же его, О. М. Лернеръ опубликовалъ интересные документы архива по еврейскимъ дѣламъ и по дѣламъ колонизаціи Новороссіи. Существуютъ еще труды А. А. Скальковскаго и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, работавшихъ въ этомъ архивѣ.

Въ послѣднее время возникъ по иниціативѣ группы профессоровъ Новороссійскаго университета вопросъ о передачѣ архива изъ вѣдѣнія одесскаго градоначальника въ университетъ, при которомъ предполагается учредить центральный областной южно-русскій архивъ, проектъ устройства котораго разрабатывался еще покойнымъ профессоромъ А. И. Маркевичемъ. Теперь этимъ дѣломъ сильно интересуется проф. И. А. Линниченко, который энергично отстаиваетъ передачу архива университету.

Конечно, только въ томъ случаѣ, если архивъ будетъ находиться въ завѣдываніи университета, возможна будетъ систематическая и научная разработка хранящихся въ немъ драгоцѣнныхъ документовъ по исторіи Новороссіи. Пока же все, что дѣлается въ этомъ направленіи, носитъ случайный характеръ. Кого интересуетъ Пушкинъ, тотъ добивается разрѣшенія на ознакомленіе съ дѣлами, касающимися пребыванія великаго поэта на югѣ Россіи; кого инте-

ресуетъ другой вопросъ—тотъ ищетъ возможности знакомиться съ соотвѣтственными дѣлами и т. д. Разсматривая пыльныя папки, мирно покоющіяся въ шкафахъ архива около 30 лѣтъ, тотъ или другой изслѣдователь наталкивается, такъ сказать, мимоходомъ, на дѣла, не имѣющія прямого отношенія къ спеціально интересующему его предмету, и получаетъ возможность опубликовать данныя, дополнительно освѣщающія вопросы большей или меньшей исторической важности. Не такова, можетъ быть, роль предлагаемаго мною вниманію историковъ крестьянскаго вопроса документа, хранящагося въ упомянутомъ генералъ-губернаторскомъ архивѣ. Исторія моего знакомства съ нимъ—въ слѣдующемъ.

Имѣя въ виду существованіе въ архивѣ канцеляріи попечителя Одесскаго учебнаго округа неопубликованныхъ записокъ знаменитаго ученаго и гуманиста Н. И. Пирогова, бывшаго въ 1856—1858 году попечителемъ этого округа, я небезосновательно, какъ выяснилось впослѣдствіи, предполагалъ наличность такихъ же матеріаловъ въ архивѣ ген.-губернатора. Доступъ въ архивы былъ для меня сопряженъ со значительными затрудненіями чисто мѣстнаго характера, но желаніе извлечь изъ архивной пыли (въ буквальномъ смыслѣ) не появлявшіяся еще въ печати произведенія незабвеннаго педагога — увѣнчалось нѣкоторымъ успѣхомъ. Достичь этого удалось, съ одной стороны, благодаря вѣянію времени, съ другой, благодаря содѣйствію сына геніальнаго хирурга, бывшаго одесскаго профессора Владиміра Николаевича Пирогова.

Въ числѣ другихъ дѣлъ, я просилъ разрѣшенія осмотрѣть также дѣло № 701 за 1861 годъ, заключающее въ себѣ копію, „всеподданнѣйшаго отчета о состояніи Новороссійскаго края съ 1857 по 1861 годы". Отчетъ этотъ — объемистая рукопись, отправленная 20 августа 1861 года графомъ Александромъ Григ. Строгановымъ на имя Императора Александра II. Мнѣ представлялось необходимымъ ознакомиться съ содержаніемъ отчета въ виду того, что онъ относится ко времени пребыванія въ Одессѣ геніальнаго хирурга-педагога. Дѣйствительно, въ отчетѣ встрѣтились мѣста, относящіяся къ извѣстной распрѣ между попечителемъ и ген.-губернаторомъ на почвѣ ихъ отношенія къ свободному обсужденію крестьянскаго и другихъ вопросовъ общественной жизни эпохи великихъ реформъ. Въ замѣткахъ, сопровождавшихъ опубликованныя мною педагогическія статьи Н. И. Пирогова („Вѣстн. Воспитанія", ноябрь 1906 г. и „Русская Школа", ноябрь и декабрь 1906 года), а также въ газетныхъ статьяхъ о знаменитомъ педагогѣ мнѣ не пришлось использовать тѣхъ отрывковъ изъ отчета гр. А. Г. Строганова, которые имѣютъ отношеніе къ дѣятельности славнаго одесскаго попечителя.

Да въ этомъ не встрѣчалось настоятельной необходимости, такъ какъ въ январьской и февральской книгахъ „Русской Старины" за 1898 годъ помѣщена очень интересная, основанная на архивныхъ данныхъ, статья, цѣликомъ посвященная упомянутому эпизоду изъ одесскаго періода жизни Н. И. Пирогова (Московскій обѣдъ 28 декабря 1857 г. и „его послѣдствія"). Тѣмъ не менѣе я тогда же (въ 1906 г.) сдѣлалъ значительныя выписки изъ отчета, использовавъ наиболѣе значительныя и интересныя въ историко-общественномъ отношеніи мѣста рукописи.

Центральнымъ пунктомъ этого отчета, охватывающаго всѣ стороны жизни края, являются мѣста, относящіяся къ обстоятельствамъ, сопровождавшимъ освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Къ предстоящему въ февралѣ 1911 года празднованію 50-лѣтія освобожденія крестьянъ предполагается выпустить сборники, въ которыхъ исторія этого событія будетъ всесторонне разработана спеціалистами вопроса. Въ связи съ этимъ мнѣ казалось небезынтереснымъ опубликованіе, въ качествѣ матеріаловъ, наиболѣе цѣнныхъ въ историческомъ отношеніи, отрывковъ изъ всеподданнѣйшаго отчета гр. А. Г. Строганова. Не будучи знакомъ съ литературой крестьянскаго вопроса въ Россіи достаточно для того, чтобы судить о степени новизны имѣющагося у меня матеріала, я обратился къ одному изъ наиболѣе компетентныхъ знатоковъ этой литературы за разъясненіемъ. Глубокоуважаемый В. И. Семевскій написалъ мнѣ по этому поводу: „Насколько мнѣ извѣстно, записка Ал. Гр. Строганова напечатана не была. Если она интересна, то можетъ ее напечатаютъ..."

Однако, предварительно приведенія выдержекъ изъ отчета, нелишнимъ кажется мнѣ сказать нѣсколько словъ объ авторѣ „отчета". Представитель старинной аристократической фамиліи, занимавшей около 200 лѣтъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ государственномъ управленіи Россійской Имперіи, гр. Ал. Гр. Строгановъ и самъ по себѣ являлся фигурою интереса чрезвычайнаго. Я не намѣренъ давать біографію графа или сводку матеріаловъ для его жизнеописанія. Наоборотъ, ничего новаго объ А. Г. Строгановѣ лично я сказать не могу, помимо того, что въ „отчетѣ" можетъ послужить для характеристики общественно-политическихъ взглядовъ б. новороссійскаго ген.-губернатора. Но нѣсколько цифръ и выдержки изъ спеціальныхъ сборниковъ, касающихся исторіи Одессы, помогутъ лучшему уясненію физіономіи графа, тѣмъ болѣе, что эти сборники представляются изданіями, которыми пользуются почти исключительно спеціалисты.

А. Г. Строгановъ родился въ 1795 г. и скончался въ 1891 г.—

96 лѣтъ отъ роду въ званіи ген.-адъютанта и члена Госуд. Совѣта Образованіе онъ получилъ въ корпусѣ инженеровъ путей сообщенія. Участвовалъ въ войнахъ Александра Павловича съ Наполеономъ I и въ войнахъ при Николаѣ Павловичѣ. Въ 1834 г. А. Г. былъ уже товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ, въ 1839—41 г.г. управлялъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, съ 1849 г. состоялъ членомъ Государственнаго Совѣта, съ 1855 по 1864 г.г.—новороссійскій и бессарабскій ген.-губернаторъ. Послѣ отставки проживалъ долго въ Одессѣ; принималъ близкое участіе въ обществѣ исторіи и древностей и нѣкоторое время былъ гласнымъ гор. думы, гдѣ отличался чрезвычайнымъ либерализмомъ. Въ „Дневникѣ“ А. В. Никитенко подъ 14 января 1866 г. находимъ слѣд. запись: „Рѣчь графа А. Г. Строганова въ одесской думѣ дѣлаетъ много шуму. Она напечатана въ № 4-мъ „Вѣстн.“ (т. II, стр. 271).

Въ своихъ „Воспоминаніяхъ молодости“ балетоманъ и бюрократъ К. А. Скальковскій, многимъ обязанный графу, пишетъ: „Графъ А. Г. Строгановъ былъ оригинальный типъ надменнаго и ученаго самодура-аристократа. Обладая обширными познаніями, особенно по математикѣ, онъ представлялъ сочетаніе рѣдкихъ противорѣчій: съ одной стороны — просвѣщеннаго администратора, съ другой—грубіяна“. (Спб. 1906, стр. 76).

Въ исторіи Новороссійскаго университета проф. А. И. Маркевичъ обстоятельно разсказываетъ о видномъ участіи гр. Строганова въ оставленіи реорганизованнаго университета въ Одессѣ. Между прочимъ, ген.-губернаторъ приводилъ и тотъ доводъ, что студенты должны воспитываться не только въ университетахъ, но и въ соприкосновеніи съ обществомъ, почему онъ считалъ неудобнымъ переводъ высшихъ учебныхъ заведеній въ небольшіе города (въ данномъ случаѣ Николаевъ).

Въ воспоминаніяхъ О. О. Чижевича и М. В. Шимановскаго, напечатанныхъ въ чрезвычайно интересномъ сборникѣ „Изъ прошлаго Одессы“, составленномъ Л. М. де-Рибасомъ къ 100 лѣтнему юбилею столицы юга, находимъ слѣдующія любопытныя подробности о гр. Строгановѣ. „Около 40 лѣтъ прожилъ въ Одессѣ русскій вельможа и сановникъ графъ Ал. Гр. Строгановъ“ —пишетъ престарѣлый одесситъ О. О. Чижевичъ. „Сначала въ должности ген.-губернатора, потомъ гласнымъ гор. думы (избранъ былъ первымъ городскимъ головою по новому городовому положенію, но отказался) и остальное время частнымъ человѣкомъ, съ новымъ титуломъ перваго *вѣчнаго* гражданина гор. Одессы“.

„Человѣкъ высокаго ума, графъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, отличался

странностями и оригинальностью, о которыхъ оставилъ по себѣ въ Одессѣ много анекдотовъ.

„Первою оригинальностью можно считать его манеру никому не подавать руки для пожатія. Было ли это вслѣдствіе гордости или врожденнаго отвращенія къ рукопожатіямъ,—такъ и осталось невыясненнымъ. По этому случаю многіе изъ высокопоставленныхъ лицъ попадались въ просакъ. Во избѣжаніе такихъ непріятныхъ сценъ, графъ, видя приближеніе подобнаго лица, закладывалъ руки за спину..." (стр. 57—58).

М. В. Шимановскій далъ для этого сборника воспоминанія объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ постановку въ Одессѣ памятника А. С. Пушкину. Какъ виднѣйшій мѣстный общественный дѣятель, (былъ членомъ судебной палаты и имѣлъ много ученыхъ работъ), М. В. Шимановскій состоялъ въ комиссіи по сбору пожертвованій на памятникъ. Пошелъ онъ вмѣстѣ съ предсѣдателемъ съѣзда мировыхъ судей С. И. Знаменскимъ, между прочимъ, и къ бывшему ген.-губернатору. „Я очень много слыхалъ,—пишетъ М. В.,—о разныхъ, весьма своеобразныхъ, взглядахъ графа А. Г. Строганова, а также и его дѣйствіяхъ, отличающихся странностью, но и несмотря на все это, а также и на заявленія многихъ, что къ гр. Строганову можно и не ѣхать, такъ какъ Богъ вѣсть, какъ онъ можетъ посмотрѣть на нашъ визитъ,—но такъ какъ никто мнѣ никакихъ особыхъ соображеній не указывалъ, а все лишь ограничивалось указаніемъ на общія черты пріема и обращенія гр. Строганова съ посѣтителями, а именно, что онъ можетъ и не принять, что онъ никому руки не протягиваетъ и т. п., то я настаивалъ на своемъ. Я находилъ, что неприлично не ѣхать къ гр. Строганову въ виду того, что онъ первый вѣчный гражданинъ г. Одессы, а такъ какъ памятникъ сооружался на средства гражданъ, то къ первому гражданину не поѣхать съ просьбой принять участіе въ общемъ дѣлѣ—значитъ оказать ему невниманіе...

Человѣкъ предложилъ намъ подняться по лѣстницѣ во второй этажъ и ввелъ насъ въ небольшую угловую комнату, обставленную сверху до низу полками съ книгами. Я понялъ, что это была одна изъ библіотечныхъ комнатъ графа, о богатствѣ и разнообразіи библіотеки котораго я много слыхалъ. Въ комнатѣ было не особенно свѣтло. Не долго намъ пришлось ждать. Портьера дверей сосѣдней комнаты поднялась, вошелъ графъ безъ палки, держась прямо, въ генеральской тужуркѣ сѣраго цвѣта. Не протянувъ намъ руки, не кивнувъ даже головою и не сказавъ ни слова, онъ сталъ передъ нами въ позу человѣка, желающаго знать, что отъ

него хотятъ. Отрекомендовавшись и отрекомендовавъ своего товарища, я приблизительно сказалъ слѣдующее: „Мы явились къ вашему сіятельству, чтобы просить васъ, не признаете ли возможнымъ, какъ первый вѣчный гражданинъ гор. Одессы, принять участіе въ томъ дѣлѣ, которое нынѣ совершается въ Одессѣ и въ которомъ принимаютъ участіе граждане города. Съ Высочайшаго разрѣшенія Е. И. В. между гражданами гор. Одессы теперь идетъ подписка на памятникъ А. С. Пушкину, сооружаемый въ Одессѣ. Проектъ памятника фонтана уже изготовленъ. Архитекторъ Васильевъ уже получилъ за него премію отъ городского общественнаго управленія. Уже было молебствіе и на томъ мѣстѣ, гдѣ долженъ стоять памятникъ, на Николаевскомъ бульварѣ, положенъ камень съ надписью: „мѣсто для фонтана-памятника А. С. Пушкину".

Не успѣлъ я кончить, какъ раздался громкій, рѣзкій, отрывочный, съ нотой повелительнаго характера, голосъ графа:

— „Я кинжальщикамъ памятниковъ не ставлю!... Я до этого еще не дошелъ! Вы читали это геніальное его произведеніе?..."

Эти слова меня положительно поразили... Нѣсколько секундъ продолжалось молчаніе. Наконецъ, прійдя въ себя, я сказалъ:

— Нѣтъ, ваше сіятельство, я произведеніе Пушкина „Кинжалъ" не знаю и не читалъ.

— Не читали, такъ прочтите... Совѣтую... Памятникъ?!!

Это хорошо... Но, спрашиваю я васъ, что полиція смотритъ?.. Что она дѣлаетъ?.. Что же это такое—Пушкину—памятникъ!.. А?

— Я имѣлъ честь уже докладывать вамъ—сказалъ я—что подписка о сборахъ пожертвованій на памятникъ производится съ надлежащаго разрѣшенія. Мѣстная администрація и его высокопревосходительство сочувствуютъ этому дѣлу и для увеличенія сборовъ разрѣшили устройство гуляній, концертовъ и т. п.

— Все это хорошо. Я понимаю...—сказалъ графъ все тѣмъ же голосомъ, рѣзкимъ и съ нотой начальническаго тона.—Но что же полиція смотритъ?... Подписка!... И кому?... Нѣтъ, я не могу допустить подобнаго образа дѣйствій... Нужно сообщить полиціи!...

Я украдкою посмотрѣлъ на моего товарища и на его лицѣ я прочелъ удивленіе и испугъ, а также, что слѣдуетъ намъ скорѣе оставить графа.

Происходившая сцена меня начала занимать и смѣшить, но, видя, что дальше оставаться не слѣдуетъ, кланяясь, я сказалъ:

— Намъ остается еще разъ покорнѣйше просить ваше сіятельство извинить насъ за безпокойство, вамъ оказанное.

— Ничего,—сказалъ графъ.—Я въ подпискѣ на памятникъ кинжальщику участвовать не могу.

При этихъ словахъ онъ намъ кивнулъ, и мы чинно вышли". (стр. 147—151).

Знаменитую библіотеку, о которой упоминаетъ М. В. Шимановскій, графъ А. Г. Строгановъ завѣщалъ Томскому университету.

Таковъ былъ въ противорѣчіяхъ своего характера этотъ несомнѣнно крупный человѣкъ. Біографія его—въ „Зап. Од. Общ. Ист. и Древн. Рос." (т. 16-й).

Печатаемый ниже „отчетъ" также представляетъ рядъ интересныхъ мнѣній и заключеній графа, но помимо этого онъ имѣетъ еще и общественно-историческое значеніе по своему документальному характеру. Излагая его, я въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ отмѣчаю, гдѣ мною выпущенъ тотъ или иной отрывокъ „отчета".

Весьма важное значеніе имѣютъ для того, кто интересуется дѣятельностью графа Строганова, его письма о роли и значеніи цензуры („Рус. Старина", январь—февраль 1898 г.) и рѣчь въ одесской гор. думѣ („Вѣсть", № 4 за 1866 годъ).

Всеподданнѣйшій отчетъ гр. А. Г. Строганова за 1857—61 годы.

„Въ 1857 г. я имѣлъ счастье представить на благоусмотрѣніе Вашего Императорскаго Величества отчетъ о состояніи ввѣреннаго управленію моему края, который, подвергнувшись всѣмъ бѣдствіямъ минувшей войны, требовалъ радикальнаго врачеванія нанесенныхъ ему ранъ. Благодаря Бога послѣдствія войны перешли, такъ сказать, въ область прошедшаго, и самый край опять вошелъ въ свое нормальное положеніе, но тѣмъ не менѣе потребовалъ энергическихъ мѣръ со стороны правительства для своего дальнѣйшаго развитія. Позвольте же, Государь, теперь представить Вамъ свою откровенную служебную исповѣдь о томъ, что я успѣлъ сдѣлать, что желалъ и чего не могъ.

Внѣ хронологическаго порядка начну отчетъ свой съ дѣла, громадное значеніе котораго сопряжено съ будущностью нашего отечества. Я говорю о крестьянскомъ дѣлѣ".

Крестьянское дѣло.

„Высочайше утвержденное положеніе о крестьянахъ 19 февраля сего года объявлено было повсемѣстно въ Новороссійскомъ краѣ и Бессарабіи немедленно по полученіи онаго. Чтобы предупредить всякіе толки и недоразумѣнія, я сдѣлалъ распоряженіе о разсылкѣ изъ губернскихъ городовъ законоположенія въ такомъ порядкѣ, чтобы въ отдаленныхъ уѣздахъ каждой губерніи оно получено

было бы одновременно съ ближайшими; такимъ образомъ, почти въ одно время, во всемъ Новороссійскомъ краѣ, въ церквяхъ нашихъ, впервые раздался голосъ благовѣстителя свободы сельскихъ обывателей. Не скрываю отъ Васъ, Государь, что большая часть крестьянъ на первыхъ порахъ не въ состояніи была обнять первыя права свои; отсюда произошли въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ Новороссійскаго края недоразумѣнія, подавшія поводъ къ самымъ безпорядкамъ, для прекращенія коихъ мѣстныя власти вынуждены были употребить даже войска. Подобные безпорядки преимущественно произошли въ Одесскомъ и Тираспольскомъ уѣздахъ Херсонской губерніи. Дабы прекратить ихъ, недостаточно одно употребленіе войскъ для усмиренія крестьянъ, но и разумное разъясненіе имъ новыхъ правъ и преимуществъ. Поэтому предписано губернаторамъ ввѣреннаго мнѣ края вмѣнить въ обязанность предводителямъ дворянства и исправникамъ внушить крестьянамъ, что только сохраненіемъ порядка могутъ они оказаться достойными милости Царя; а вмѣстѣ съ тѣмъ въ каждомъ имѣніи ознакомить самыхъ крестьянъ съ новыми ихъ правами, ибо почти всѣ безпорядки, въ Новороссійскомъ краѣ происшедшіе, имѣли основаніемъ подобное невѣдѣніе".

„Благодаря теплому участію въ исполненіи этой мѣры г.г. предводителей дворянства я могу засвидѣтельствовать предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ, что по настоящее время особенно важныхъ смутъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ не происходило. По крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ и были безпорядки, порядокъ водворился безъ употребленія оружія,—и крови крестьянъ не было пролито въ краѣ.— Но для того, чтобы они впредь сохранили тишину и порядокъ, я, при каждомъ полученномъ извѣщеніи о смутахъ, внушалъ начальникамъ губерній, ввѣреннаго мнѣ края, входить въ подробное разсмотрѣніе причинъ самаго безпорядка, и если виновнымъ въ томъ оказывалось сельское управленіе, то оно немедленно подвергалось строгой отвѣтственности. Вотъ этотъ принципъ — справедливаго, равномѣрнаго примѣненія закона въ отношеніи двухъ сословій послужитъ основаніемъ и будущихъ моихъ дѣйствій къ сохраненію спокойствія въ Высочайше ввѣренномъ мнѣ краѣ. Еще въ началѣ прошлаго іюня мѣсяца статсъ-секретарь Валуевъ сообщилъ мнѣ Высочайшее повелѣніе объ объявленіи Монаршаго благоволенія тѣмъ изъ предводителей и земскихъ исправниковъ, которые дѣятельно способствовали сохраненію порядка тамъ, гдѣ онъ былъ нарушенъ. Я сообщилъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ, что, по моему убѣжденію, слѣдуетъ объявить Высочайшее благоволеніе преимущественно тѣмъ изъ предводителей и исправниковъ, кои умѣли сохранить законный порядокъ; ибо заслуги ихъ въ этомъ случаѣ едва-ли не выше тѣхъ,

кои не съумѣли, такъ сказать, предупредить несчастныя жертвы, сопряженныя всегда съ принятіемъ насильственныхъ мѣръ. Мысль эта, одобренная управляющимъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, приведена мною въ исполненіе. Такимъ образомъ, объявленное Высочайшее благоволеніе, смѣю думать, возъимѣло еще болѣе справедливое и знаменательное значеніе".

„Мировые посредники, обязанные по новому положенію разрѣшить встрѣченныя недоразумѣнія между помѣщиками и крестьнами, уже по всему Новороссійскому краю вступили въ отправленіе своей обязанности. Самыя же сельскія учрежденія будутъ открыты, какъ надѣюсь, въ непродолжительномъ времени.

„Всѣхъ безпорядковъ въ Новороссійскомъ краѣ происходило: въ губерніи Херсонской—20, Екатеринославской—6, Таврической—3".

Комиссія о царанахъ въ Бессарабіи.

„При разсмотрѣніи въ главномъ комитетѣ по крестьянскому дѣлу проекта правилъ о людяхъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости въ Бессарабской области, возникло предположеніе о необходимости подвергнуть пересмотру существующія постановленія о царанахъ, кои хотя пользуются правами свободнаго состоянія, но, будучи обязаны жить на помѣщичьихъ земляхъ по контракту, и не имѣя права переходить на другія земли, стали въ слишкомъ обязательныя отношенія къ помѣщикамъ и претерпѣвали отъ нихъ стѣсненія".

Далѣе графъ говоритъ, что вслѣдствіе Высочайшаго повелѣнія отъ 18 февраля онъ образовалъ комиссію, въ которую входили между прочими и 2 представителя отъ царанъ.

„Комиссіи поручено составить предположенія объ измѣненіи и дополненіи въ чемъ слѣдуетъ существующихъ постановленій о царанахъ, съ цѣлью принятія мѣръ къ улучшенію ихъ быта. Мѣры эти должны заключаться преимущественно въ расширеніи предоставленнаго царанамъ права перехода съ однѣхъ земель на другія съ разрѣшеніемъ имъ переходить не только на помѣщичьи, но и на казенныя земли, не только въ Бессарабской области, но и въ другія губерніи, и въ справедливомъ опредѣленіи размѣра нормальнаго надѣла и повинностей царанъ для тѣхъ случаевъ, когда между ними и помѣщиками добровольнаго соглашенія не состоится".

Далѣе сообщается, что комиссія открыла дѣйствія, и что скоро это дѣло будетъ закончено.

„Во всякомъ случаѣ я употреблю всѣ возможныя мѣры, чтобы улучшенія быта царанъ были не на одной бумагѣ, ибо въ настоящее время въ Молдавіи идетъ весьма важное дѣло о расширеніи правъ

царанъ. Если наше новое положеніе будетъ составлено въ болѣе широкихъ размѣрахъ, нежели заграничное, то этимъ мы можемъ привлечь къ себѣ сердца бессарабскихъ царанъ и въ состояніи будемъ съ успѣхомъ парализовать естественное вліяніе молдавскаго правительства на жителей Бессарабіи".

Объ адмиралтейскихъ поселянахъ.

Въ началѣ этой главы графъ говоритъ, что къ адмиралтейству въ Николаевѣ приписаны 15 тыс. душъ обоего пола.

„Поселяне эти освобождены отъ всѣхъ повинностей съ условіемъ работать на Николаевской верфи. Подобный обязательный трудъ не соотвѣтствовалъ идеѣ освобожденія крестьянъ, а посему составлена была по Высочайшему повелѣнію особая комиссія въ Николаевѣ объ уравненіи ихъ правъ съ свободными сельскими обывателями. 13 марта с. г. я представилъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ окончательныя соображенія свои объ устройствѣ ихъ быта, полагая предоставить имъ, согласно изъявленному желанію самихъ крестьянъ, права городскія, съ оставленіемъ за ними той земли, которою они владѣли прежде".

Переселеніе татаръ.

„Не могу не обратить вниманія Вашего Императорскаго Величества на дѣло переселенія татаръ, которое составляетъ для Таврической губ. жизненный вопросъ. Еще въ 1855 г. состоялось предположеніе о выселеніи татаръ изъ приморской 25-верстной полосы Крыма. Поводомъ къ этому предположенію послужило враждебное противъ насъ настроеніе татаръ во время войны. Но предположеніе это, какъ несогласное съ началами человѣколюбія, вслѣдствіе ходатайства моего было пріостановлено. Уже въ 1856 г. начали появляться въ Крыму турецкіе эмиссары и стали проповѣдывать о необходимости переселенія, но, несмотря на это, особеннаго движенія не было замѣчено до октября 1859 г., когда впервые появились на Крымскомъ полуостровѣ переселяющіяся кавказскія горскія племена. Тогда уже движеніе сдѣлалось общимъ. Татары стали продавать свое имущество и, несмотря ни на какія увѣщанія, съ настоятельностью требовали паспортовъ. Чтобы такое движеніе (?) замедлить, состоялось особое Высочайше утвержденное мнѣніе комитета министровъ не препятствовать отдѣльному переселенію татаръ за границу. Но постепенность переселенія и фанатизмъ не могли идти рука объ руку, и стремленіе татаръ къ выселенію не охлаждалось. Вслѣдствіе чего министръ Государственныхъ Имуществъ сдѣлалъ распоряженіе объ ограниченіи самаго выселенія 1/5 частью всего народонаселенія".

„Когда это распоряженіе было объявлено татарамъ, то они еще настоятельнѣе начали требовать паспорты на выѣздъ, бросили засѣвать поля, и фанатизмъ видимо возбужденъ былъ еще сильнѣе: ясное доказательство, что мѣры ограниченія, а тѣмъ болѣе стѣсненія не могутъ укротить взволнованное населеніе. Помѣщики начали роптать, обвиненія посыпались на управленіе палаты Государственныхъ Имуществъ и на ея чиновниковъ: то указы губернскаго правленія и упомянутой палаты, то поборы, дѣлаемые чиновниками съ татаръ стали, по мнѣнію помѣщиковъ, причиною ихъ выселенія. Съ появленіемъ русскихъ появятся въ Крыму разбои. Ясно, что землевладѣльцами овладѣлъ страхъ за свои интересы. Вслѣдъ за симъ въ концѣ 1860 г. министръ Государственныхъ Имуществъ увѣдомилъ меня о Высочайшемъ повелѣніи: выдачу татарамъ заграничныхъ паспортовъ впредь рѣшительно прекратить, кромѣ частныхъ [случаевъ съ разрѣшенія генералъ-губернатора. Получивъ означенное повелѣніе, я не рѣшился его объявить татарамъ, имѣя въ виду, что подобное объявленіе отъ имени Вашего Императорскаго Величества окончательно можетъ взволновать народъ, и въ доказательство справедливости словъ моихъ приводилъ министру Государственныхъ Имуществъ, что когда сдѣлалось татарамъ извѣстно объ ограниченіи выселенія, то оно послужило только къ его увеличенію. На семъ основаніи, не объявляя имъ означеннаго Высочайшаго повелѣнія, разрѣшено было начальнику губерніи выдавать паспорты тѣмъ изъ татаръ, во-первыхъ, семейства коихъ уже выѣхали за границу, ибо вообще раздробленіе семейства не дозволяется у насъ ни закономъ, ни человѣколюбіемъ, во-вторыхъ, тѣмъ, кои распродали свое имущество, и, наконецъ, въ-третьихъ, кои уже получили виды мѣстныхъ властей на выѣздъ въ Турцію. Опредѣливъ такимъ образомъ значеніе слова „частные случаи", я счелъ себя уже въ правѣ выдачу паспортовъ поручить начальнику губерніи, какъ имѣющему всю возможность ближе узнать положеніе мѣстныхъ жителей".

„Въ такомъ положеніи было дѣло, когда по Высочайшему Вашего Императорскаго Величества повелѣнію прибылъ въ Крымъ ген.-адъютантъ кн. Васильчиковъ 2-й. Князь нашелъ необходимыми мѣрами для удержанія татаръ: объявленіе Высочайшаго повелѣнія о воспрещеніи выдачи татарамъ заграничныхъ паспортовъ, объявленіе недѣйствительными паспортовъ тѣхъ татаръ, кои получили ихъ на выѣздъ; оставленіе на время сдѣланнаго губернаторомъ распоряженія о возбраненіи совершенія купчихъ крѣпостей на продажу татарами ихъ имуществъ. Кромѣ сего князь предположилъ дозволить татарамъ возвращаться въ Крымъ по цвѣтнымъ билетамъ;

для остающихся же татаръ онъ полагалъ необходимымъ освободить ихъ отъ податей на нѣсколько лѣтъ".

„Вотъ въ краткихъ словахъ отвѣтъ мой князю: Объявленіе Высочайшаго повелѣнія призналъ безполезнымъ потому, что оно во всякомъ случаѣ не удержитъ татаръ въ Крыму; а посему намъ не слѣдуетъ употреблять Августѣйшее имя Ваше всуе. Еще въ 1804 г., когда пріостановлено было по Высочайшему повелѣнію выселеніе татаръ, министръ внутреннихъ дѣлъ, передавая означенное повелѣніе херсонскому военному губернатору, Розенбергу, сообщилъ ему, *что указъ сей не есть такого рода, чтобы можно было сдѣлать его публичнымъ*, и что надо искать достаточныхъ благовидныхъ предлоговъ въ неудовлетвореніи татаръ въ дозволеніи имъ выѣзда за границу. Такъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія оберегалъ министръ своего Царя, и это обстоятельство служитъ мнѣ оправданіемъ, почему я не рѣшился сдѣлать гласнымъ упомянутое Высочайшее повелѣніе".

Указавъ, что неправильно было бы объявить недѣйствительными выданные уже паспорты, ибо это противорѣчило бы международному праву, такъ какъ получившій разрѣшеніе переселиться считается уже иностранно-подданнымъ, Строгановъ обращаетъ вниманіе на то, что и Турція можетъ поступать также и запрещать балканскимъ славянамъ переѣзжать въ Россію. Относительно возвращенія татаръ въ Крымъ генералъ-губернаторъ указываетъ, что они очутятся въ худшемъ положеніи, нежели до выѣзда, ибо земли ихъ розданы переселенцамъ-христіанамъ, а помѣщики будутъ притѣснять безземельныхъ татаръ. Освобожденіе татаръ отъ налоговъ на три года съ цѣлью удержанія ихъ въ Крыму графъ Строгановъ называетъ мѣрою „слишкомъ обидною для прочихъ русскихъ сельскихъ обывателей и унизительной для правительства. Стоитъ только грозить переселеніемъ,—говоритъ онъ,—и правительство немедленно дастъ имъ льготы, и кто можетъ поручиться, что по истеченіи таковыхъ льготъ они вновь не потребуютъ переселенія?"

Затѣмъ генералъ-губернаторъ увѣряетъ Государя, что переселеніе татаръ не можетъ повредить краю и оставить помѣщиковъ безъ рабочихъ, ибо замѣчается уже наплывъ новыхъ переселенцевъ. При этомъ онъ указываетъ, что цѣны на рабочія руки въ Крыму ниже даже, нежели въ Одессѣ. „Большая часть ропщущихъ помѣщиковъ не продаютъ своей земли, говорится въ отчетѣ, или если и продаютъ, то требуютъ значительную плату. Отъ нихъ самихъ, наконецъ, зависитъ обратиться къ обработкѣ земли усовершенствованными машинами, которыя, удешевляя работы, въ настоящее время быстро распространяются на югѣ Россіи, и предложить выгодныя

условія для того, чтобы удержать остающихся на ихъ земляхъ татаръ или пріобрѣсть новыхъ поселенцевъ".

„Съ окончательнымъ разрѣшеніемъ крестьянскаго вопроса близко уже то время, когда Крымъ наполнится русскимъ и славянскимъ населеніемъ, къ чему стремилась еще Августѣйшая прабабка Ваша Императрица Екатерина II, и я съ увѣренностью могу теперь удостовѣрить Ваше Императорское Величество, что съ ослабленіемъ мусульманскаго племени въ Тавридѣ и съ усиленіемъ въ ней вообще православнаго—славянскаго элемента, Крымъ навсегда останется прикованъ къ великой державѣ Вашего Величества. Въ настоящее время выселилось татаръ до 165 тысячъ, останется въ Крыму до 50 тысячъ. Общаго движенія татаръ на южномъ берегу еще нѣтъ, но отвѣчать за будущее нельзя. Для заселенія помѣщичьихъ земель государственными крестьянами въ Крыму изданы были особыя правила, кои Высочайше утверждены въ прошломъ году; замѣчательно, что крестьяне эти ни подъ какимъ предлогомъ не желаютъ селиться на помѣщичьихъ земляхъ, и до сего времени нѣтъ ни одного изъ нихъ, который бы поселился на владѣльческой землѣ".

„Впослѣдствіи изданы были особыя постановленія о порядкѣ заселенія владѣльческихъ земель иностранными выходцами и лицами всѣхъ сословій. Одно время можетъ положительно только указать, на сколько правила эти соотвѣтствовать будутъ своей цѣли. Кромѣ сего предоставлены крымскимъ владѣльцамъ разныя льготы по займамъ и кредитнымъ долгамъ. Но какъ льготы въ платежѣ долговъ не могутъ дать землевладѣльцамъ на первыхъ порахъ возможности приступить къ водворенію новыхъ поселенцевъ, пріобрѣтенію рабочихъ силъ и наличныхъ капиталовъ, необходимыхъ для устройства имѣній, то для преподанія имъ помощи и съ этой стороны назначено до 300 тыс. рублей серебромъ".

Переселеніе славянъ.

„Переселеніе татаръ отразилось и на одновѣрныхъ намъ болгарахъ, кои, претерпѣвая всевозможныя притѣсненія со стороны молдавскаго правительства, рѣшились переселиться въ Россію. Въ концѣ 1860 г. 16 колоній изъ отошедшей части Бессарабіи обратились ко мнѣ съ просьбою объ исходатайствованіи у Вашего Императорскаго Величества дозволенія принять ихъ въ русское подданство. Вслѣдъ за ними обратились съ подобной же просьбою 16 остальныхъ колоній. Такимъ образомъ, большая часть бессарабскихъ колонистовъ, славянъ и малороссіянъ, искали Державнаго

покровительства Русскаго Императора. По воспослѣдованіи Высочайшаго соизволенія на ихъ переселеніе, они уполномочили изъ среды себя депутатовъ, кои избрали подъ водвореніе 400 тыс. десятинъ земли въ сѣверныхъ уѣздахъ Таврической губерніи".

„Князь Куза торжественно подтвердилъ нашимъ консуламъ о естественномъ правѣ болгаръ переходить въ Россію, о чемъ сообщилъ мнѣ кн. Горчаковъ. Мѣстныя власти по моему указанію сдѣлали въ то же время всѣ необходимыя распоряженія къ пріему болгаръ и по Высочайшему Вашего Императорскаго Величества повелѣнію для содѣйствія мнѣ въ этомъ важномъ дѣлѣ командированъ былъ чиновникъ министерства иностранныхъ дѣлъ ст. сов. Стремоуховъ. На это переселеніе я не могъ смотрѣть, такъ сказать, хладнокровнымъ взоромъ, изучивъ всѣ послѣдствія перехода болгаръ послѣ войны 1828 года въ Россію, когда многіе изъ нихъ, не найдя должнаго сочувствія, изъявили желаніе остаться въ Турціи. Въ дѣлѣ переселенія болгаръ желательно было бы доказать славянамъ, что единовѣрная имъ Россія, въ годины бѣдствія и испытанія радушно принимая ихъ, готова помочь имъ въ горѣ".

Затѣмъ Строгановъ говоритъ о необходимости предоставленія переселенцамъ выбора лучшихъ земель, а не принудительнаго разселенія ихъ на заранѣе отведенныхъ земляхъ, такъ какъ только при первомъ условіи заселенія свободныхъ пространствъ можетъ имѣть успѣхъ. Далѣе онъ указываетъ на то, что молдавское правительство чинитъ болгарамъ, переселяющимся въ Россію, препятствія и не выпускаетъ ихъ подъ разными предлогами изъ своихъ границъ.

„6.400 семействъ, продолжаетъ генералъ-губернаторъ, что составляетъ до 300 тыс. душъ, окончательно выбрали мѣста въ Таврической губерніи подъ поселеніе. Кромѣ сего до 500 семействъ малороссіянъ, великороссіянъ и виддинскихъ болгаръ уже водворены въ той же губерніи. Въ доказательство, какъ сильна теперь вѣра переселенцевъ въ наше правительство, я не могу умолчать, что многіе изъ нихъ начали переходить границу и собственною кровью обагрили уже свою привязанность къ Россіи. Остается намъ преслѣдовать это дѣло съ тою энергіею, съ какою оно было начато. Сколько извѣстно, по распоряженію кн. Горчакова, агенты наши будутъ формально протестовать предъ иностранными державами противъ подобныхъ безчеловѣчныхъ поступковъ молдавскаго правительства. Отъ успѣха дѣйствій Министерства Иностранныхъ Дѣлъ зависѣть будетъ весь успѣхъ дѣла переселенія".

Народное образованіе.

„Народное образованіе обращало на меня постоянное мое вниманіе. Почти всѣ недоумѣнія, кои встрѣчали крестьяне при объявленіи имъ новаго положенія, происходили отъ того, что крестьяне наши, по большей части безграмотные, должны были просить другихъ истолковывать имъ законоположеніе, а лица эти часто употребляли во вредъ невѣжество крестьянъ. Свободный трудъ и образованіе должны идти рука объ рука. Еще въ началѣ нынѣшняго года я сдѣлалъ воззваніе къ просвѣщеннымъ пастырямъ Новоросскаго края съ просьбою пригласить священниковъ учредить въ помѣщичьихъ имѣніяхъ приходскія школы, кои бы на первыхъ порахъ дали возможность крестьянамъ учиться грамотѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ губернскихъ предводителей дворянства предложить этому сословію дать къ тому надлежащія средства. Отвѣты преосвященныхъ владыкъ и предводителей о готовности ихъ содѣйствовать всѣми мѣрами великому дѣлу распространенія грамотности въ простомъ народѣ уже получены, и можно надѣяться, что въ скоромъ времени во всѣхъ приходахъ края будутъ открыты сельскія школы".

„Въ Новороссійскомъ краѣ всего одно высшее учебное заведеніе, Ришельевскій лицей. Заведеніе это отжило свое время, ибо даетъ юношеству образованіе слишкомъ энциклопедическое. *Въ лицеѣ всему учатъ понемногу и ничему положительному.* Кончившіе курсъ науки выходятъ изъ заведенія какими-то полуучеными, или, лучше сказать, недоучеными, а многіе изъ нихъ идутъ въ университеты заканчивать свое образованіе, а тѣ, кои не имѣютъ средствъ, безъ спеціальныхъ свѣдѣній, не знаютъ, какъ устроить гражданскій бытъ свой. Положительно можно удостовѣрить, *что лучше закрыть лицей, нежели оставить его въ теперешнемъ видѣ*, во вредъ цѣлаго поколѣнія. Профессоры получаютъ самое скудное содержаніе, отчего нѣкоторыя каѳедры, по нѣсколько даже лѣтъ, оставались незанятыми, самое число учащихся ежегодно уменьшается. Вопросъ о преобразованіи лицея въ университетъ былъ уже поднятъ учебнымъ начальствомъ, но оставленъ безъ послѣдствій за недостаткомъ денежныхъ средствъ. Казалось бы, что недостатокъ этотъ не долженъ останавливать дѣло преобразованія лицея. Вмѣсто трехъ факультетовъ, не достигающихъ цѣли, полезнѣе было бы учредить теперь же университетъ съ двумя факультетами: юридическимъ и камерально-агрономическимъ, которые всего болѣе соотвѣтствуютъ потребностямъ края. Юридическій [факультетъ необходимъ для приготовленія судей и администраторовъ, существованіе камерально-агрономическаго обусловливается положеніемъ Новороссіи, которая,

будучи преимущественно земледѣльческимъ краемъ, требуетъ знающихъ агрономовъ, при томъ дворянство Бессарабской области и Херсонской губерніи пожертвовало 8.132 р. сер. въ годъ собственно на усиленіе сего факультета агрономическими науками. Ришельевскій лицей располагаетъ нынѣ 50.901 р. 54 коп. сер. Сумма эта вполнѣ достаточна для созданія Новороссійскаго университета съ двумя факультетами. Впослѣдствіи времени, съ разрѣшеніемъ средствъ, можно будетъ открыть еще 2 факультета: словесный и физико-математическій".

„Со времени Императрицы Елисаветы, предки Вашего Величества, въ изъявленіи любви своей къ народному образованію, учреждали университеты. Ваше Величество, конечно, не откажетесь ознаменовать Свое Царствованіе подобнымъ же великимъ событіемъ. Пріѣздъ Вашъ, не скрою отъ Васъ, Государь, далъ общую надежду, что наконецъ настанетъ время осуществить открытіе университета въ Новороссійскомъ краѣ. Если это предположеніе удостоится одобренія Вашего Величества, то я немедленно, по сношеніи съ начальствомъ учебнаго округа, уставъ и штаты Новороссійскаго университета представлю на разсмотрѣніе и утвержденіе Министра Народнаго Просвѣщенія".

Сообщая о числѣ и видахъ учебныхъ заведеній Новороссійскаго края, графъ Строгановъ говоритъ: „Кромѣ сего нельзя не упомянуть, что большая часть городовъ ввѣреннаго мнѣ края составляютъ уже приговоры объ открытіи у себя учебныхъ заведеній. Однѣхъ воскресныхъ школъ въ теченіе 2-хъ послѣднихъ лѣтъ открыто болѣе 20. Всѣхъ учебныхъ заведеній въ Новороссійскомъ краѣ считается до 700. Цифра эта хотя и значительна, но въ сравненіи съ народонаселеніемъ края и общимъ стремленіемъ всѣхъ сословій къ образованію, далеко не соотвѣтствуетъ потребностямъ настоящаго времени. Со времени Петра I, т. е. съ начала XVIII столѣтія, Россія имѣла академію, потомъ университетъ, кадетскій корпусъ, гимназіи; но всѣ эти заведенія имѣли цѣлью образованіе высшихъ слоевъ общества, между тѣмъ какъ крестьяне коснѣли въ невѣжествѣ. Крестьяне нынѣшняго вѣка, въ сравненіи съ крестьянами временъ Годуновскихъ, не подвинулись ни на шагъ. Вотъ причина неравномѣрнаго распредѣленія въ Россіи просвѣщенія. Обстоятельство это указываетъ само собою на необходимость учрежденія и у насъ для народа правильно организованныхъ сельскихъ школъ, которыми, по справедливости, можетъ гордиться Западная Европа. Говоря, откровенно, Государь, нельзя согласиться съ мнѣніемъ тѣхъ, кои не находятъ возможнымъ немедленно приступить къ учрежденію такихъ школъ, по неимѣнью достаточныхъ средствъ".

„Облагайте смѣло народъ какими бы то ни было сборами для его образованія, подобная издержка всегда будетъ производительна и принята съ благодарностью. Колонисты, живущіе подъ сѣнью русскихъ законовъ, обложены съ этой цѣлью значительными сборами, и школы у нихъ въ народномъ почетѣ, наравнѣ съ святынею-церковью. Правительство обязано принудить народъ къ образованію, и въ доказательство справедливости моихъ словъ сошлюсь на сосѣдственную намъ Пруссію, гдѣ дѣти по достиженіи извѣстнаго возраста въ силу закона обязаны посѣщать школы“.

О цензурѣ.

„Народное образованіе и его успѣхи отражаются въ литературѣ. Съ восшествіемъ Вашего Величества на престолъ оживился дремавшій русскій голосъ, и во всѣхъ періодическихъ изданіяхъ были подняты вопросы о нуждахъ и потребностяхъ возрождающейся Россіи. Но къ сожалѣнію въ 1857 г. въ журналахъ нашихъ стало появляться общее направленіе, клонящееся къ разрушенію всего стараго и законнаго, и не созидающее ничего новаго, прочнаго. Большая часть статей дышала какою-то раздражительностью съ желаніемъ разъединенія сословій. Объ этомъ я неоднократно и со всею откровенностью писалъ б. Министру Народнаго Просвѣщенія, и Вашему Величеству угодно было поручить мнѣ руководить цензурою Новороссійскаго края. Предоставляя каждому писать о всѣхъ нуждахъ и потребностяхъ края, я вмѣстѣ съ тѣмъ стараюсь не допускать въ печати всего того, что дышало раздраженіемъ и разъединеніемъ“.

О настроеніи умовъ.

„Общее настроеніе умовъ въ Новороссійскомъ краѣ, судя по теперешнимъ фактамъ, тихое и спокойное, въ чемъ я убѣжденъ, тихо же и спокойно пойдетъ по пути преобразованій, которыя Вашему Величеству угодно будетъ предуказать ему“.

О другихъ дѣлахъ.

Послѣ главъ „о народонаселеніи“ и о народномъ здравіи слѣдуетъ глава „о народномъ продовольствіи“. Въ послѣдней главѣ указывается, что въ 1859 г. былъ въ Бессарабіи неурожай, отъ котораго сильно пострадали жители. Остальная часть Новороссійскаго края въ большей или меньшей мѣрѣ пострадала отъ саранчи, къ уничтоженію которой приняты мѣры. Важнѣйшимъ условіемъ истребленія саранчи въ краѣ гр. Строгановъ считаетъ заселеніе его. Онъ предлагаетъ также „силою интернаціональныхъ договоровъ“ обязать другія страны принимать мѣры къ уничтоженію саранчи.

За неинтересной съ общественно-исторической стороны статьей „о народномъ призрѣніи“ слѣдуетъ глава „о земледѣліи“. „Развитіе края встрѣтитъ благопріятныя условія лишь по разрѣшеніи крестьянскаго вопроса“—говоритъ Строгановъ, указывая далѣе рядъ мѣръ, которыя должны быть приняты для предоставленія крестьянамъ возможности приложить съ большимъ успѣхомъ свои силы къ обработкѣ земли.

Въ слѣд. статьѣ ген.-губернаторъ „счастливъ засвидѣтельствовать, что торговля и промышленность края процвѣтаютъ“.

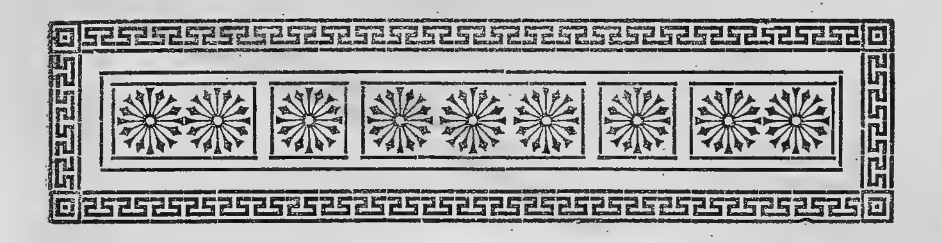
Послѣ цѣлаго ряда главъ, излагающихъ состояніе портовъ, путей сообщенія и т. п., слѣдуетъ глава „объ учрежденіяхъ въ краѣ“. Въ ней указывается на необходимость скорѣйшей реорганизаціи этихъ учрежденій, ибо они не соотвѣтствуютъ „теперешнему положенію Государства“. „Но преобразованіе это, говорится въ отчетѣ графа, должно быть основано не на внѣшнемъ соединеніи нѣкоторыхъ присутственныхъ мѣстъ въ одно или сокращеніи числа чиновниковъ, а на расширеніи власти мѣстныхъ начальниковъ и довѣрія къ нимъ самого правительства, иначе централизація и бюрократизмъ опять возьмутъ верхъ надъ дѣломъ и окончательно погубятъ его... Но чтобы совершенно спастись отъ всепоглощающей централизаціи необходимо наконецъ предоставить сословіямъ право распоряженія своими частными дѣлами и общественными суммами, иначе всѣ реформы будутъ полумѣрами, не достигающими цѣли“...

„Повергая означенный краткій очеркъ дѣйствій своихъ по ввѣренному ему краю“ на воззрѣніе Государя, графъ Строгановъ заявляетъ, что сочтетъ себя счастливымъ, если они согласовались съ благими намѣреніями и предначертаніями Его Величества.

Министерство Внутреннихъ Дѣлъ конфиденціально сообщило графу (№ 91, отъ 18 сентября 1861 г.), что Государь сдѣлалъ собственноручныя замѣчанія по всѣмъ пунктамъ отчета.

Сообщилъ С. Я. Штрайхъ.

19 февраля 1861 г.

"Вникните въ смыслъ крестьянской реформы, писалъ М. Е. Салтыковъ, въ *Современникѣ*, взвѣсьте ея подробности, припомните обстановку, среди которой она совершалась, и вы убѣдитесь, во-первыхъ, что, несмотря на всю забитость и безвѣстность, одна только *нравственная* сила народа и произвела всю реформу, и, во-вторыхъ, что, несмотря на неблагопріятныя условія, она успѣла положить на реформу неизгладимое клеймо свое, успѣла найти себѣ поборниковъ даже въ средѣ ей чуждой". Каковы же были историческія условія событія 19 февраля и какія существовали хотя бы и внѣшнія причины успѣха переворота, созданнаго съ помощью Верховной власти, если, по мнѣнію вліятельнаго представителя русской общественной мысли, внутренняя сила была одна. Прошло пятьдесятъ лѣтъ послѣ трогательнаго освободительнаго дня, и вспомнимъ съ чувствомъ великой благодарности тѣхъ, кто работалъ во имя народнаго счастья.

Императоръ Александръ II, будучи Наслѣдникомъ престола, считался сторонникомъ идеи уничтоженія *личнаго* крѣпостного права и рѣшительнаго улучшенія быта крестьянъ. Но въ послѣдніе годы Николаевскаго царствованія Александръ Николаевичъ пріобрѣлъ себѣ репутацію защитника дворянскихъ интересовъ. При введеніи Бибиковымъ инвентарей въ Сѣверо-Западномъ краѣ Наслѣдникъ оказывалъ явное покровительство помѣщикамъ. Въ виду разнорѣчивыхъ слуховъ о намѣреніяхъ новаго Государя, манифеста о восшествіи на престолъ ждали съ напряженнымъ интересомъ всѣ классы общества, полагая, что въ немъ будетъ высказанъ взглядъ Императора на коренной вопросъ государственнаго строя. Ожиданія не

сбылись, о крѣпостномъ правѣ не было сказано ни слова. Черезъ полгода послѣдовали первыя смѣны на министерскихъ мѣстахъ. Отставкѣ Клейнмихеля радовались одни, отставкѣ Бибикова другіе. Новый министръ внутреннихъ дѣлъ Ланской не считался въ числѣ сторонниковъ освобожденія. Но нѣкоторыя облегчительныя мѣры въ положеніи печати и университетахъ давали надежду и на большія перемѣны. Въ письмѣ отъ 30 января 1856 г. Кавелинъ сообщилъ Погодину первый благопріятный слухъ о намѣреніи правительства въ пользу крестьянъ. Онъ писалъ, что бывшій главнокомандующій крымской арміей кн. Горчаковъ, возвратясь изъ Крыма, будто бы сказалъ Государю: „хорошо, что мы заключаемъ миръ; дольше воевать мы были не въ силахъ. Миръ даетъ намъ возможность заняться внутренними дѣлами, и этимъ должно воспользоваться. Первое дѣло нужно освободить крестьянъ, потому что здѣсь узелъ всякихъ золъ“. Послѣ того Государь, принимая двухъ губернскихъ предводителей дворянства (воронежскаго и рязанскаго), сказалъ, что нужно будетъ заняться крестьянскимъ вопросомъ. Кавелинъ передаетъ, что даже въ англійскомъ клубѣ стали поговаривать о неизбѣжной развязкѣ. Что Государь Александръ II признавалъ необходимость преобразованій—въ этомъ, конечно, теперь не можетъ быть сомнѣній, но онъ не считалъ возможнымъ провести реформы единственно силою Самодержавной власти, разомъ сломивъ сопротивленіе сторонниковъ стараго порядка; давая свободу борьбѣ мнѣній, борьбы стараго съ новымъ, онъ не устранилъ отъ власти сановниковъ прежняго царствованія, кромѣ указанныхъ двухъ и считался съ ихъ мнѣніями, какъ съ отзвукомъ настроенія большинства общества. Огромную услугу новому дѣлу оказалъ Великій Князь Константинъ Николаевичъ; горячій и настойчивый сторонникъ крестьянскаго освобожденія, онъ, вмѣстѣ съ просвѣщенною и дѣятельною Великою Княгинею Еленою Павловною, оказалъ сильную поддержку немногочисленнымъ приверженцамъ реформы и повліялъ на рѣшимость Императора немедленно приступить къ уничтоженію крѣпостного права, способствуя твердостью и постоянствомъ своихъ убѣжденій разрѣшенію труднаго вопроса.

Рѣчь Императора Александра въ Москвѣ, когда онъ сказалъ свои, ставшія знаменитыми, слова о томъ „что лучше начать уничтожать крѣпостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно начнетъ само собою уничтожаться снизу“ и обратился къ предводителямъ съ просьбою „обдумать, какъ привести все это въ исполненіе“ произвела огромное впечатлѣніе своею неожиданностью. Министръ внутреннихъ дѣлъ Ланской рѣшился спросить Государя, правда ли, что онъ сказалъ эту рѣчь, и только, когда

получилъ отвѣтъ: „Да, говорилъ точно и нисколько объ этомъ не жалѣю“, рѣшилъ перемѣнить свой образъ дѣйствій. Первый приступъ къ реформѣ сдѣланъ былъ Государемъ 3 января 1857 г., когда былъ образованъ секретный комитетъ по крестьянскому дѣлу, подъ личнымъ предсѣдательствомъ Государя, изъ кн. Орлова, гр. Блудова, кн. Долгорукова, гр. Адлерберга, Ланского, Муравьева, Чевкина, Брока, кн. Гагарина, бар. Корфа и Ростовцева, при производителѣ дѣлъ государственномъ секретарѣ Бутковѣ.

На предложенный въ первомъ засѣданіи членамъ этого комитета Государемъ вопросъ, признаютъ ли они своевременнымъ заняться крестьянскимъ дѣломъ, всѣ члены отвѣчали утвердительно. Однако, комитетъ этотъ не спѣшилъ дѣйствовать. Онъ началъ сперва знакомиться съ представленными проектами, которыхъ набралось болѣе сотни. Корфъ предложилъ образовать въ каждой губерніи циркуляромъ министра внутреннихъ дѣлъ дворянскіе комитеты для обсужденія всего дѣла. Министръ присоединился къ этому мнѣнію о необходимости губернскихъ комитетовъ и предложилъ съ своей стороны уже подробно обоснованный планъ реформы, выработанный товарищемъ министра А. И. Левшинымъ. Земля, по этому проекту, оставалась собственностью помѣщиковъ, крестьянамъ же отдавалась часть для постояннаго пользованія за повинности. Личность крестьянина не подлежала денежной оцѣнкѣ, освобожденіе предполагалось безвозмездное, но вознагражденіе за лишеніе права располагать крѣпостнымъ трудомъ было скрыто подъ видомъ оцѣнки усадебъ, сильно повышенной, что впослѣдствіи не разъ предлагалось въ нѣкоторыхъ губернскихъ комитетахъ (промышленной полосы), а чтобы разница въ оцѣнкѣ усадебъ промышленныхъ и земледѣльческихъ губерній чѣмъ-нибудь объяснить, имѣлось въ виду понизить до крайности размѣры усадебъ губерній послѣдняго характера. Реформу предполагалось вводить постепенно, начиная съ западныхъ губерній, а губернскіе комитеты для разработки преобразовательныхъ мѣръ рѣшено было открыть одновременно. Нужно замѣтить, что въ это время въ распоряженіи секретнаго комитета находились проекты значительно лучшаго качества, представленные разными лицами изъ дворянской среды (Кавелина, Самарина, Кошелева, Черкасскаго). Въ теченіе полугода комитетъ, въ дѣйствительности не сочувствовавшій освобожденію крестьянъ, просуществовалъ безплодно. Великій Князь Константинъ Николаевичъ находился за границей, но лишь только онъ вернулся въ Россію, Государь его назначилъ (въ іюлѣ 1857 г.) членомъ названнаго комитета. Вступленіе въ комитетъ Великаго Князя сразу дало сильный толчекъ движенію вопроса. Въ лицѣ Константина Николаевича комитетъ пріобрѣлъ

наиболѣе убѣжденнаго и смѣлаго защитника немедленнаго освобожденія крестьянъ, а Великая Княгиня Елена Павловна, по своимъ обширнымъ знакомствамъ со всѣми выдающимися людьми тогдашняго общества, могла доставить ему много полезныхъ свѣдѣній. Первыя отважныя усилія его, однако, не увѣнчались успѣхомъ. Послѣ трехъ бурныхъ засѣданій, происходившихъ 14-го, 17-го и 18-го августа, большинство комитета, вопреки настояніямъ Великаго Князя, оставшагося въ меньшинствѣ, признало необходимымъ вести „дѣло улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ“ съ осторожностью и постепенностью, предложивъ для начала ограничиться изданіемъ указа о дозволеніи дворянамъ отпускать на волю крестьянъ цѣлыми селеніями.

Государь утвердилъ мнѣніе большинства комитета; но черезъ три мѣсяца мнѣніе меньшинства, руководимаго Великимъ Княземъ, восторжествовало. Получивъ адресъ дворянства трехъ Сѣверо-Западныхъ губерній, выразившаго (по внушенію генералъ-губернатора Назимова) желаніе освободить крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, Государь приказалъ комитету немедленно обсудить главныя основанія реформъ, предложилъ въ руководство проектъ, составленный ранѣе министромъ внутреннихъ дѣлъ Ланскимъ. Въ восьмидневный срокъ, указанный Государемъ, комитетъ выработалъ знаменитый отвѣтный рескриптъ генералъ-губернатору Назимову 20-го ноября 1857 г.: этимъ рескриптомъ устанавливались главныя начала освобожденія крестьянъ (впослѣдствіи, впрочемъ, измѣненныя) и повелѣвалось открыть дворянскіе комитеты въ трехъ литовскихъ губерніяхъ и общую комиссію въ Вильнѣ, для составленія проектовъ устройства и улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ [1]). Въ пояснительномъ отношеніи министра внутреннихъ дѣлъ было указано,

---

[1]) Основныя положенія рескрипта: 1) помѣщикамъ сохраняется право собственности на всю землю, но крестьянамъ оставляется ихъ усадебная осѣдлость, которую они въ теченіе опредѣленнаго времени пріобрѣтаютъ въ свою собственность посредствомъ выкупа; сверхъ того предоставляется въ пользованіе крестьянъ надлежащее, по мѣстнымъ удобствамъ, для обезпеченія ихъ быта и для выполненія ихъ обязанностей предъ правительствомъ и помѣщиками, количество земли, за которую они имъ платятъ оброкъ или отбываютъ работу помѣщику, 2) крестьяне должны быть распредѣлены на сельскія общества, помѣщикамъ же предоставляется вотчинная полиція и 3) при устройствѣ будущихъ отношеній помѣщиковъ и крестьянъ должна быть надлежащимъ образомъ обезпечена исправная уплата государственныхъ и земскихъ податей и денежныхъ сборовъ.

Начала, весьма близкія къ положенію 1842 г. объ обязанныхъ крестьянахъ.

что „улучшеніе быта крестьянъ“, о которомъ упоминалось въ рескриптѣ, означаетъ освобожденіе ихъ отъ крѣпостной зависимости.

Слова „освобожденіе крестьянъ“ правительствомъ были впервые произнесены.

Однако, въ рескриптѣ Государя и въ бумагѣ Ланского рѣчь шла еще не объ общегосударственной реформѣ, а только о мѣстныхъ преобразованіяхъ въ трехъ литовскихъ губерніяхъ. Опасаясь, чтобы реформа не была задержана противниками освобожденія, Великій Князь предложилъ комитету разослать рескриптъ и пояснительное отношеніе ко всѣмъ губернаторамъ „для свѣдѣнія и соображенія на случай, если бы дворянство этихъ губерній изъявило подобное же желаніе“. Небольшая на первый взглядъ мѣра, столь своевременно проведенная Великимъ Княземъ, сильно двинула впередъ все дѣло. Разсылкою этихъ бумагъ правительство предложило дворянству уже всѣхъ губерній слѣдовать примѣру дворянства литовскаго и открыто ставило на очередь вопросъ объ освобожденіи крестьянъ по всей Россіи. Большинство комитета на другой же день рѣшилось испросить Высочайшее разрѣшеніе на пріостановку разсылки рескрипта, — но было уже поздно: по распоряженію Ланского и Н. А. Милютина (замѣнившаго съ конца 1857 г. робкаго, нерѣшительнаго товарища министра Левшина) бумаги были отпечатаны немедленно, въ ночь на 21-е ноября, и были уже сданы на почту.

Не получая немедленно представленій и ходатайствъ отъ дворянства другихъ губерній, правительство замѣтно обнаруживало нетерпѣніе. Отъ 10-го декабря, всего черезъ двѣ недѣли послѣ разсылки копій съ рескрипта, Ланской запрашивалъ секретно губернаторовъ и губернскихъ предводителей, какое впечатлѣніе произвели рескрипты въ разныхъ губерніяхъ. Общій тонъ отвѣтовъ былъ довольно печаленъ. На указанныхъ правительствомъ основаніяхъ освободить крестьянъ полнаго безусловнаго сочувствія не оказывалось. Отовсюду поступали отзывы о затрудненіяхъ, препятствіяхъ и даже совершенной непримѣнимости опубликованныхъ началъ устройства крестьянскаго быта. Причины медленности, съ какою дворяне отозвались на правительственный призывъ, разнообразны; не говоря о такихъ само-собою понятныхъ вещахъ, какъ темнота, невѣжество, своекорыстіе и страхъ передъ неизвѣстностью будущаго, какой существовалъ въ значительной части дворянства, слѣдуетъ сказать, что многіе просвѣщенные помѣщики относились отрицательно не къ освобожденію крестьянъ вообще, а къ тому направленію дѣла, которое давалось рескриптомъ 20-го ноября. Нѣкоторые желали полнаго освобожденія по влеченію сердца, по гуманнымъ основаніямъ, другіе среди того же меньшинства обра-

зованныхъ исходили изъ правильно понятыхъ хозяйственныхъ интересовъ помѣщиковъ, которые въ промышленной полосѣ, напримѣръ, согласовались съ наиболѣе либеральными планами рѣшенія крестьянскаго вопроса (Унковскій въ тверскомъ дворянствѣ).

Выжидательное положеніе, принятое вслѣдъ затѣмъ правительствомъ, вскорѣ разрѣшилось полученіемъ адреса нижегородскаго дворянства, въ которомъ, благодаря случайному настроенію собранія дворянъ [1]) и губернатору Муравьеву, искренно сочувствовавшему новому дѣлу, было высказано „единодушное желаніе принести Его Императорскому Величеству полную готовность исполнять Его священную волю, на основаніяхъ, какія Его Величеству благоугодно будетъ указать". Неожиданная присылка нижегородскаго адреса встрѣчена была Государемъ съ большою радостью. Послѣ полученія его Государь сталъ уже съ особеннымъ нетерпѣніемъ ждать, когда же, наконецъ, отзовется дворянство Московской губерніи. Но московское дворянство молчало, удерживаемое гр. Закревскимъ (московскимъ генералъ-губернаторомъ) и кн. Меншиковымъ (имѣвшимъ помѣстья въ Московской губерніи). Первому изъ нихъ негласно дано было, наконецъ, знать о неприличіи этого молчанія въ такой важный моментъ; тогда, 7-го января 1858 г. было подписано постановленіе, коимъ губернскій предводитель, на основаніи болѣе 500 отзывовъ, полученныхъ отъ дворянъ, уполномочивался довести до свѣдѣнія правительства о готовности московскаго дворянства содѣйствовать благимъ намѣреніямъ Августѣйшаго Монарха и просить соизволенія на открытіе комитета „для составленія правилъ, которыя комитетомъ будутъ признаны общеполезными и удобными для мѣстности Московской губерніи". Послѣдняя оговорка очень не понравилась Государю, и отвѣтъ его, послѣдовавшій 16 января, былъ прямо направленъ на нее, а тонъ свидѣтельствовалъ о неблагопріятномъ впечатлѣніи, произведенномъ запоздалымъ отзывомъ московскаго дворянства. „Московское дворянство,—сказано въ рескриптѣ,—изъявляя полную готовность содѣйствовать Моимъ видамъ и намѣреніямъ, проситъ разрѣшенія приступить къ составленію по Московской губерніи проекта положенія объ устройствѣ быта своихъ крестьянъ. Признавая необходимымъ, чтобы проектъ сей былъ составленъ на тѣхъ же главныхъ началахъ, кои указаны уже Мною дворянству другихъ губерній, изъявившихъ прежде желаніе

[1]) Очень скоро оказалось, что порывъ этотъ былъ нѣсколько безсознателенъ, подъ вліяніемъ эффектныхъ минутъ, т. к. очень скоро была послана особая депутація, которая увѣряла, что дворяне были введены въ заблужденіе.

устроить и улучшить быть своихъ крестьянъ... повелѣваю". Затѣмъ перечислялись тѣ же постановленія, что излагались въ предыдущихъ рескриптахъ. Послѣ того стали поступать адреса прочихъ губерній, въ отвѣтъ на которые слѣдовали Высочайшіе рескрипты, а по полученіи послѣднихъ, постепенно, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, открывались губернскіе комитеты. Къ концу 1858 г. они были открыты во всѣхъ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ были дворянскіе выборы. Правительство предоставило себѣ весьма умѣренное участіе въ дѣлахъ комитетовъ, назначивъ въ каждый изъ нихъ лишь по два депутата изъ мѣстныхъ же помѣщиковъ, по выбору губернаторовъ. Секретный же комитетъ 8-го января 1858 г. былъ переименованъ въ „Главный комитетъ по крестьянскому дѣлу" съ оставленіемъ прежнихъ членовъ (съ замѣною вскорѣ одного). Большинство въ комитетѣ продолжало не сочувствовать дѣлу преобразованія, нѣкоторые жаловались даже Государю на Великаго Князя Константина Николаевича за рѣзкость, по ихъ понятіямъ, его сужденій. Въ то же время противники освобожденія представляли, что министерство внутреннихъ дѣлъ идетъ слишкомъ быстро впередъ, что необходимо умѣрить порывы старика Ланского, все болѣе поддающагося вліянію ближайшихъ своихъ сотрудниковъ, горячаго поборника нашего освобожденія съ землею Н. А. Милютина и завѣдующаго дѣлами образованнаго при министерствѣ земскаго отдѣла Я. А. Соловьева. Стараніями большинства удалось достигнуть того, что въ пояснительномъ отношеніи къ рескрипту на имя петербургскаго генералъ-губернатора значительно видоизмѣнены наставленія, преподанныя министромъ внутреннихъ дѣлъ виленскому генералъ-губернатору Назимову. Слова: „желаніе дворянъ, въ видахъ улучшенія быта крестьянъ, освободить ихъ отъ крѣпостной зависимости" замѣнены: „стремленіемъ дворянъ къ улучшенію и прочному устройству быта ихъ крестьянъ"; вмѣсто „проектовъ положеній объ освобожденіи крѣпостного сословія", поставлено: „проектъ положенія для помѣщичьихъ крестьянъ". Но словами не ограничились измѣненія, внесенныя комитетомъ въ пояснительное отношеніе Ланского къ петербургскому г.-губернатору Игнатьеву; они коснулись и самого существа дѣла. По виленскому отношенію, крестьяне пріобрѣтали „права свободнаго состоянія" по взносѣ ими, „въ продолженіе переходнаго срока", выкупа за усадебную осѣдлость, сумма коего не должна превышать цѣнности, пріобрѣтаемой ими въ собственность усадебной осѣдлости, а по петербургскому: „права состоянія крестьянъ, по окончательномъ ихъ устройствѣ, и право собственности на усадьбу пріобрѣтается не иначе, какъ съ уплатой владѣльцу выкупа въ продолженіе опредѣленнаго срока",

при чемъ размѣръ выкупа опредѣляется оцѣнкой не одной усадебной земли и строеній, но, сверхъ того, „промысловыхъ выгодъ и мѣстныхъ удобствъ". Значительныя измѣненія были предложены также по вопросамъ о раздѣлѣ земли на господскую и крестьянскую, о размѣрѣ крестьянскаго надѣла, о повинностяхъ крестьянъ, объ общинномъ владѣніи землею и т. п.

Главный комитетъ призналъ въ это время необходимымъ дать положительную программу преобразованій для занятій въ губернскихъ комитетахъ, гдѣ, благодаря различію общественнаго положенія, образованія и интересовъ въ связи съ различіями мѣстныхъ условій, стала завязываться страстная борьба. Составленіе программы ранѣе было поручено министру внутреннихъ дѣлъ по соглашенію съ министромъ государственныхъ имуществъ. Такой проектъ и былъ составленъ еще въ бытность Левшина товарищемъ министра подъ именемъ „плана работъ, предстоящихъ дворянскимъ губернскимъ комитетамъ". Но проектъ этотъ одобренъ не былъ, и составленіе новой программы было поручено члену комитета генералъ-адъютанту Я. И. Ростовцеву, впервые дѣятельно выступившему въ крестьянскомъ вопросѣ и поставленному Государемъ вскорѣ во главѣ всего дѣла. Планъ Ростовцева, выработанный съ помощью полтавскаго помѣщика Позена и обсужденный совмѣстно съ М. Н. Муравьевымъ (виленскимъ, въ то время министромъ государственныхъ имуществъ) и Ланскимъ, былъ внесенъ, послѣ нѣкоторыхъ возраженій Ланского, въ главный комитетъ и здѣсь утвержденъ въ присутствіи Государя. За симъ программа была разослана по Высочайшему повелѣнію въ руководство губернскимъ комитетамъ. По ней занятія комитетовъ дѣлились на три періода: составленіе положеній; введеніе ихъ въ дѣйствіе; начертаніе сельскаго устава. Для окончанія работъ перваго періода опредѣлялся шестимѣсячный срокъ, въ продолженіе котораго должно было быть составлено „Положеніе объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ" каждой губерніи, обнимающее нижеслѣдующіе предметы по однообразной для всѣхъ комитетовъ формѣ: 1) переходъ крестьянъ изъ крѣпостного состоянія въ срочно-обязательное; 2) сущность срочно-обязательнаго положенія; 3) поземельныя права помѣщиковъ; 4) усадебное устройство крестьянъ; 5) надѣлъ крестьянъ землею; 6) повинности крестьянъ; 7) устройство дворовыхъ людей; 8) образованіе крестьянскихъ обществъ; 9) права и отношенія помѣщиковъ; 10) порядокъ и способы исполненія. Большая часть этихъ вопросовъ были уже предрѣшены въ программѣ, что среди членовъ губернскихъ комитетовъ встрѣтило во многихъ мѣстахъ враждебное отношеніе, тѣмъ болѣе, что они

не могли уже признавать ее для себя не обязательной, такъ какъ она разослана была имъ въ руководство по Высочайшему повелѣнію. Нужно замѣтить, что предложенія, преподанныя въ ростовцевской программѣ, были направлены въ сторону, благопріятную для помѣщиковъ. Ростовцевъ, не будучи въ то время достаточно знакомъ съ крестьянскимъ вопросомъ, придерживался взглядовъ большинства своихъ сочленовъ по Главному Комитету, не сочувствовавшаго предстоявшей реформѣ и всячески ее замедлявшаго и ослаблявшаго. Въ разосланныхъ по губерніямъ Высочайшихъ рескриптахъ упоминалось лишь о предоставленіи помѣщикамъ вотчинной полиціи, а въ пояснительномъ отношеніи министра внутреннихъ дѣлъ основное это начало развивалось слѣдующимъ образомъ: „Крестьяне должны быть раздѣлены на мірскія общества, а завѣдываніе мірскими дѣлами и мірская расправа предоставляется мірскимъ сходамъ, составленнымъ изъ крестьянъ, и мірскимъ судамъ, подъ наблюденіемъ и утвержденіемъ помѣщиковъ“. Въ программѣ же Ростовцева о мірскомъ обществѣ (названное сельскимъ) говорится, что оно должно быть составлено изъ крестьянъ одного имѣнія, съ помѣщикомъ, въ качествѣ „начальника общества“, во главѣ; о мірскихъ же сходахъ и судахъ вовсе не упоминается. Въ этомъ званіи помѣщику присвоивались обширныя права: по сельскому благоустройству и порядку; по внутреннему управленію; по разбору взаимныхъ жалобъ и споровъ между крестьянами; по отправленію крестьянами повинностей и по надзору за правильнымъ употребленіемъ общественныхъ капиталовъ, денежныхъ и имущественныхъ. Право собственности крестьянъ на усадьбы замѣнялось наслѣдственнымъ пользованіемъ, а вмѣсто упомянутаго въ рескриптахъ „надлежащаго для обезпеченія быта крестьянъ количества земли“ губернскіе комитеты обязывались лишь опредѣлить „наименьшій размѣръ надѣла“. Самъ Ростовцевъ находилъ свою программу благодѣтельною для крестьянъ и удобною для комитетовъ и сводилъ ее къ двумъ слѣдующимъ главнымъ положеніямъ: 1) крестьянинъ дѣлается лично свободнымъ немедленно по утвержденіи положеній, не ожидая, какъ предполагалось прежде, выкупа своей усадьбы, что отсрочило бы по его мнѣнію освобожденіе на долгое время; 2) крестьянину предоставлено право безсрочнаго пользованія усадьбой; выкупъ же ея предоставленъ ему въ право, а не въ обязанность, и на неопредѣленный срокъ. Позднѣе Ростовцевъ самъ ясно увидѣлъ недостатки этой программы, когда постановленія цѣлаго ряда губернскихъ комитетовъ показали, какое употребленіе могли изъ нея сдѣлать лица, желавшія обезземелить крестьянъ.

Одновременно состоялось распоряженіе, ограничившее гласное обсужденіе въ печати крестьянскаго вопроса и способъ его разрѣшенія.

Еще до обнародованія ноябрьскихъ рескриптовъ 1857 г., лѣтомъ того же года въ литературѣ стало замѣтно оживленіе, перешедшее скоро въ горячее и крайне полезное участіе въ крестьянскомъ вопросѣ. Объ освобожденіи крѣпостныхъ говорить еще запрещалось, а потому въ печати поднялись другіе важные вопросы, относящіеся къ крестьянскому быту. На первый планъ выдвинулся вопросъ о личномъ и общинномъ землевладѣніи. Первое отстаивалъ „Экономическій Указатель", во имя началъ, выработанныхъ политическою экономіей на Западѣ; въ пользу второго высказывались всѣ прочіе журналы, хотя съ различныхъ точекъ зрѣнія. „Современникъ" признавалъ въ немъ отраженіе западной коммуны; органъ славянофиловъ, „Русская Бесѣда", разсматривалъ его какъ коренное, историческое начало славянскаго быта. Этотъ журналъ завелъ отдѣльное ежемѣсячное приложеніе, подъ названіемъ „Сельское благоустройство", спеціально посвященное крестьянскому вопросу, въ которомъ горячо боролись за общину и освобожденіе съ землею—Кошелевъ, Самаринъ, князь Черкасскій (они были и членами губернскихъ комитетовъ); издаваемый Катковымъ „Русскій Вѣстникъ" также открылъ особый отдѣлъ для статей этого рода и имѣлъ въ числѣ своихъ сотрудниковъ Я. А. Соловьева, незадолго передъ тѣмъ назначеннаго въ земскій отдѣлъ мин. внутр. дѣлъ. Защитники дворянскихъ интересовъ завели свой журналъ „Землевладѣлецъ". Цензура нѣкоторое время давала возможность высказываться этимъ разнообразнымъ взглядамъ, и надо признать большимъ счастьемъ, что въ работахъ надъ преобразованіемъ крестьянскаго быта было дано, хотя и не надолго, участіе общественному элементу, благодаря чему свѣтлыя мысли, преслѣдовавшія въ литературѣ, все-таки могли найти себѣ выраженіе въ губернскихъ комитетахъ, а потомъ въ редакціонныхъ комиссіяхъ. Появившаяся въ 1858 г. въ апрѣльской книжкѣ „Современника" статья К. Д. Кавелина „О новыхъ условіяхъ сельскаго быта" произвела большой переполохъ. Статья поднимала вопросъ о полномъ освобожденіи крестьянъ отъ судебной и полицейской власти помѣщиковъ, о надѣлѣ крестьянъ полевою землею и о вознагражденіи помѣщика путемъ выкупа въ такое еще время, когда въ правительственныхъ кругахъ не была достаточно подготовлена почва для постановки дѣла на этомъ болѣе широкомъ основаніи. Статья Кавелина разсматривалась въ Главномъ Комитетѣ и была признана вредною и опасною. Пропустившему ее въ печати попечителю Петербургскаго

учебнаго округа князю Щербатову сдѣланъ выговоръ; Кавелинъ отставленъ отъ должности преподавателя Наслѣднику русскаго права, а министръ народнаго просвѣщенія Ковалевскій приглашенъ сдѣлать по цензурному вѣдомству распоряженіе о недопущеніи въ печати статей, подобныхъ статьѣ Кавелина, основная мысль которой, по мнѣнію Комитета, состоитъ въ томъ, „что помѣщичьи крестьяне должны, вопреки главнымъ началамъ, установленнымъ Высочайшими рескриптами касательно устройства быта крестьянъ, при освобожденіи ихъ изъ крѣпостного состоянія, получить въ полную собственность землю, которою они нынѣ пользуются“. Новыя цензурныя распоряженія имѣли послѣдствіемъ почти полное прекращеніе дальнѣйшаго обсужденія крестьянскаго вопроса въ печати.

Начавшаяся между тѣмъ въ губернскихъ комитетахъ борьба завязывалась главнымъ образомъ около слѣдующихъ коренныхъ вопросовъ: о выкупѣ и оцѣнкѣ усадебъ, о надѣленіи крестьянъ землею и о сохраненіи вотчинной власти помѣщиковъ; съ вопросомъ о выкупѣ усадебной осѣдлости былъ тѣсно связанъ другой вопросъ—о выкупѣ личности.

Не останавливаясь на подробностяхъ этихъ историческихъ событій, когда послѣ долгихъ промежутковъ столкнулись лицомъ къ лицу представители разныхъ образованій, убѣжденій и интересовъ, отмѣтимъ, что труды губернскихъ комитетовъ, поступивъ въ Петербургѣ въ открытыя 4 марта 1859 г. при Главномъ Комитетѣ редакціонныя комиссіи, подверглись существеннымъ измѣненіямъ и получили значеніе лишь матеріаловъ, а разнообразныя пожеланія дворянскихъ обществъ, выраженныя въ ихъ планахъ, оказали очень мало вліянія на намѣренія центральныхъ органовъ преобразованія. Нѣкоторые изъ этихъ плановъ (напр. выдающійся проектъ тверского предводителя дворянства А. И. Унковскаго) считались слишкомъ радикальными, другіе крѣпостническими. Но какъ страничка изъ исторіи общественныхъ настроеній работы губернскихъ комитетовъ представляютъ большой интересъ.

Лѣтомъ 1858 г. Ростовцевъ, выдвинутый на первое мѣсто довѣріемъ къ нему Императора, отправился въ четырехмѣсячный отпускъ за границу, чтобы тамъ безъ помѣхи вникнуть въ дѣло, къ которому его призвали, и подготовить себя къ успѣшному его разрѣшенію.

Осенью того же года Государь предпринялъ путешествіе по Россіи, что дало дѣлу сильный толчекъ, послуживъ поводомъ къ гласному выраженію Его воли и обнаруживъ окончательное рѣшеніе освободить крѣпостныхъ крестьянъ. Самъ Императоръ вынесъ изъ

поѣздки вполнѣ благопріятныя впечатлѣнія, найдя, что въ дворянской средѣ нельзя будетъ встрѣтить упорнаго противодѣйствія и что петербургскіе разговоры о предстоящихъ народныхъ волненіяхъ не имѣютъ подъ собой никакой почвы

Вернувшись въ Петербургъ, Александръ Николаевичъ при первомъ своемъ свиданіи съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, сказалъ ему: „Мы съ вами начали крестьянское дѣло и пойдемъ до конца, рука объ руку". Ростовцевъ, занимаясь за границей изученіемъ крестьянскаго дѣла, съ разрѣшенія Государя, изложилъ свои новыя мысли въ письмахъ къ Нему, и онѣ такъ понравились Государю, что Онъ послѣ того вполнѣ сталъ ему довѣрять и по его возвращеніи, пригласивъ вмѣстѣ съ Ланскимъ въ Гатчину, гдѣ тогда былъ Дворъ, на совѣщаніе, рѣшилъ главнѣйшія изъ его предположеній провести въ главномъ Комитетѣ въ Своемъ присутствіи.

Разсмотрѣнію предположеній Ростовцова Комитетъ посвятилъ четыре засѣданія, происходившія въ октябрѣ и ноябрѣ, подъ личнымъ предсѣдательствомъ Государя. Здѣсь были заново установлены „тѣ главныя основанія, которыми должны руководствоваться" Главный Комитетъ и учрежденная при немъ особая комиссія при разсмотрѣніи губернскихъ проектовъ. Новые принципы, принятые теперь Главнымъ Комитетомъ, шли довольно дальше того, что признавалось допустимымъ въ рескриптахъ и сопровождавшихъ ихъ министерскихъ циркулярахъ; дворянскіе интересы должны были нѣсколько уступить крестьянскимъ. Рескрипты связывали освобожденіе съ выкупомъ усадьбы, подъ которымъ, по мысли Левшина, во многихъ губернскихъ комитетахъ подразумѣвался выкупъ личности и дворяне въ промышленныхъ нечерноземныхъ, а отчасти и въ нѣкоторыхъ черноземныхъ губерніяхъ продолжали считать вопросъ о денежномъ вознагражденіи за утрату дохода отъ крѣпостного труда однимъ изъ главныхъ вопросовъ ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній. Открыто допустить выкупъ личности крѣпостного человѣка правительство еще тогда признавало неудобнымъ, несправедливымъ и неприличнымъ.

Но все же только заплативъ за себя барину въ той или иной формѣ, крестьянинъ пріобрѣталъ, по рескриптамъ, право свободнаго человѣка. Журналъ 4 декабря 1858 года (подводившій итоги трехъ помянутыхъ засѣданій Главнаго Комитета) постановилъ, что „право свободныхъ сословій, лично, по имуществу и по праву жалобъ" крестьяне получаютъ немедленно по обнародованіи новаго положенія,—безъ какихъ-либо дополнительныхъ условій. Рескрипты оставляли вотчинную полицейскую власть за помѣщиками: по журналу 4 декабря „власть надъ личностью крестьянина... сосредото-

чивается въ мірѣ и его избранныхъ... помѣщикъ долженъ имѣть дѣло только съ міромъ, не касаясь личностей“. И наконецъ, рескрипты отдавали земли крестьянамъ только въ пользованіе; этого принципа министерство внутреннихъ дѣлъ держалось сначала такъ твердо, что запрещало дворянскимъ комитетамъ даже разсужденія о выкупѣ земли крестьянами въ собственность: теперь журналъ 4 декабря постановлялъ, что „необходимо стараться, чтобы крестьяне постепенно дѣлались земельными собственниками. Для этого слѣдуетъ: а) сообразить, какіе именно способы могутъ быть предоставлены со стороны правительства для содѣйствія крестьянамъ къ выкупу поземельныхъ угодій“... Таковы были результаты заграничныхъ занятій Ростовцева и гатчинскихъ совѣщаній Государя съ нимъ и Ланскимъ.

Когда съ конца 1858 г. стали поступать въ министерство внутреннихъ дѣлъ проекты губернскихъ комитетовъ, то по разсмотрѣніи ихъ въ земскомъ отдѣлѣ они были переданы въ особыя комиссіи при Главномъ Комитетѣ, въ которомъ разборъ ихъ взялъ на себя Ростовцевъ. Скоро обнаружилось что эта комиссія („четырехъ“ какъ ее иногда называютъ), благодаря малому числу членовъ, а еще болѣе, благодаря двумъ изъ нихъ—Панину и М. Н. Муравьеву, затягивавшимъ дѣло, неспособна къ исполненію возложенныхъ на нее обязанностей. Тогда Ланскимъ было предложено учредить при министерствѣ двѣ спеціальныя комиссіи, одну для разсмотрѣнія общей для всѣхъ губерній части крестьянскихъ положеній, другую для второй части, по разнымъ мѣстностямъ и полосамъ; Ростовцевъ сверхъ того предлагалъ учрежденіе третьей комиссіи—финансовой—для составленія положенія о выкупѣ. Особая комиссія при Главномъ Комитетѣ одобрила предположенія и представила на Высочайшее усмотрѣніе заключеніе свое объ учрежденіи двухъ комиссій, съ наименованіемъ ихъ редакціонными, и съ тѣмъ, чтобы первую, для составленія общихъ положеній, образовать изъ членовъ, назначенныхъ отъ министерствъ внутреннихъ дѣлъ, юстиціи, государственныхъ имуществъ и II отдѣленія Собственной Его Величества канцеляріи, а вторую, для мѣстныхъ положеній—изъ представителей министерствъ внутреннихъ дѣлъ и гос. им., а равно изъ „экспертовъ“, избранныхъ предсѣдателемъ обѣихъ комиссій изъ членовъ губернскихъ комитетовъ или другихъ опытныхъ помѣщиковъ, по его ближайшему усмотрѣнію. Государь, утвердивъ это предположеніе, назначилъ предсѣдателемъ редакціонныхъ комиссій Ростовцева.

Члены редакціонныхъ комиссій, такимъ образомъ, раздѣлялись на двѣ категоріи: одна состояла изъ чиновниковъ, командированныхъ разными вѣдомствами; другую составили „эксперты“, т. е. депутаты, изъ помѣщиковъ, по выбору предсѣдателя. Талантливѣйшимъ

изъ чиновниковъ былъ Николай Милютинъ, ближайшій, какъ уже было сказано, сотрудникъ Ланского, на назначеніе котораго, товарищемъ министра послѣ отставки Левшина, Государь долго не соглашался, т. к. при Дворѣ ходили слухи, что Милютинъ слыветъ „краснымъ", противникомъ дворянства, поборникомъ исключительныхъ интересовъ крестьянъ. Въ концѣ концовъ Милютинъ былъ утвержденъ „временно" исправляющимъ должность товарища министра и оставался таковымъ до ухода, такъ что въ шутку его называли „постояннымъ временнымъ".

Принимая Н. А. по случаю его назначенія, Государь сказалъ, что въ обществѣ его считаютъ едва-ли не за революціонера и что, соглашаясь на его назначеніе, Онъ желалъ дать ему возможность оправдаться въ этомъ нареканіи (se réhabiliter). Милютинъ дѣйствительно принадлежалъ къ кружку молодыхъ чиновниковъ болѣе передового направленія и по своему служебному положенію, по неограниченному довѣрію, которое питалъ къ нему старикъ Ланской, имѣлъ возможность воздѣйствовать въ духѣ своихъ убѣжденій на ходъ и развитіе крестьянскаго дѣла, чѣмъ и возбудилъ противъ себя вліятельныхъ придворныхъ противниковъ преобразованія. Зато Великая Княгиня Елена Павловна выражала ему живое сочувствіе и оказывала дѣятельное покровительство, нерѣдко заступаясь за него предъ Государемъ.

Ростовцевъ, назначенный предсѣдателемъ редакціонныхъ комиссій, обратился къ Милютину съ просьбой указать ему на тѣхъ лицъ, которыхъ надлежало пригласить въ комиссію въ качествѣ „экспертовъ", и выборъ послѣднихъ, естественно, остановился на его единомышленникахъ, членахъ меньшинства губернскихъ комитетовъ, по бо́льшей части, не избранныхъ въ составъ ихъ дворянами, а назначенныхъ отъ правительства. Благодаря этому многіе члены редакціонныхъ комиссій оказались защитниками освобожденія крестьянъ съ землей. Къ числу таковыхъ принадлежали Самаринъ, кн. Черкасскій, Татариновъ, Галаганъ и др. Но не были приглашены такіе выдающіеся дѣятели, какъ Унковскій и Головачевъ— тверского комитета и рязанскаго—Кошелевъ. Первые два были рѣшительными сторонниками обязательнаго выкупа. По ихъ проекту крестьяне выкупали свои надѣлы сразу, цѣлымъ обществомъ, при чемъ помѣщикъ единовременно получалъ всю сумму выкупа.

Для субсидированія крестьянъ предполагалось учрежденіе особаго акціонернаго общества, которому правительство гарантировало уплату крестьянами ссуды въ теченіе 42 лѣтъ. Помѣщикъ получалъ часть выкупной суммы наличными и часть облигаціями, приносившими 4½% въ годъ („выкупными свидѣтельствами", какъ они

назывались впослѣдствіи). Тверской проектъ былъ, въ концѣ концовъ, принятъ правительствомъ. Характерно, что Унковскій въ качествѣ представителя нечерноземной, оброчной губерніи признавалъ, что выкупъ земли есть только маска: „справедливость требуетъ",— писалъ онъ,—„чтобы помѣщики были вознаграждены, какъ за землю, отходящую изъ ихъ владѣнія, такъ и за самихъ освобожденныхъ крестьянъ" (т. е. признавалъ выкупъ личности). Въ выкупѣ барщины Унковскій видѣлъ „единственное вѣрное средство освободить крестьянъ не словомъ, а дѣломъ, не постепенно, а разомъ, единовременно и повсемѣстно, не нарушивъ ничьихъ интересовъ, не порождая ни съ какой стороны неудовольствіи и не рискуя будущимъ Россіи"...

Его, считавшійся наиболѣе либеральнымъ, планъ рѣшенія крестьянскаго вопроса совпадалъ съ правильно понятымъ хозяйственнымъ интересомъ мѣстнаго помѣщичества. Кошелевъ, а также и Кавелинъ не были приглашены на тѣхъ же основаніяхъ, что и Унковскій—изъ опасенія излишняго радикализма, а точнѣе независимости ихъ мнѣній. Въ этомъ Н. А. Милютинъ, конечно, погрѣшилъ, указывая Ростовцеву лишь на тѣхъ лицъ, которыя слишкомъ близко подходили къ характеру его убѣжденій.

Въ составъ членовъ редакціонныхъ комиссій, само собою понятно, попало значительное число представителей противоположнаго направленія, т. е. сторонниковъ освобожденія крестьянъ безъ земли, изъ коихъ наиболѣе видными были князь Паскевичъ, сынъ извѣстнаго фельдмаршала, и графъ Шуваловъ, петербургскій губернскій предводитель дворянства, крупные землевладѣльцы. Главное руководство трудами комиссій досталось на долю Милютина, какъ по званію его товарища министра внутреннихъ дѣлъ, такъ и по выдающимся способностямъ, трудолюбію, знанію дѣла, рѣшимости и энергіи, а также вслѣдствіе того обаянія, которое Н. А. пробудилъ на большую часть своихъ сочленовъ, не исключая самого Ростовцева, называвшаго его въ шутливомъ дружескомъ тонѣ: „наша Эгерія".

Какъ въ Высочайшемъ повелѣніи, такъ и въ указѣ Сената объ учрежденіи редакціонныхъ комиссій, Ростовцевъ былъ названъ ихъ „предсѣдателемъ и непосредственнымъ начальникомъ". Хотя этими распоряженіями и устанавливалось двѣ комиссіи—одна для составленія общаго, другая—мѣстныхъ положеній, но предсѣдателю предоставлялось право дать имъ внутреннее устройство и образованіе по его ближайшему усмотрѣнію, соотвѣтственно пользѣ и важности порученнаго комиссіямъ дѣла, а потому Ростовцевъ слилъ обѣ комиссіи въ одно общее присутствіе, а членовъ распредѣлилъ по

тремъ отдѣленіямъ: административному, хозяйственному и юридическому, къ которымъ присоединена впослѣдствіи въ видѣ четвертаго отдѣленія, образованная нѣсколько позже, финансовая комиссія для изысканія мѣръ къ производству выкупа крестьянскихъ надѣловъ. Дѣлопроизводителемъ редакціонныхъ комиссій Ростовцевъ назначилъ П. П. Семенова.

Открытіе общаго присутствія ред. ком. состоялось въ большой залѣ 1-го Кадетскаго корпуса, 4-го марта 1859 г. 6-го марта всѣ находившіеся въ Петербургѣ члены комиссій были представлены предсѣдателемъ Государю, въ Зимнемъ Дворцѣ. Прежде чѣмъ отправиться туда, они явились къ предсѣдателю Главнаго Комитета князю Орлову, который, какъ и большинство этого комитета, являлся выразителемъ настроенія высшаго общества, неодобрительно относившагося къ предстоящей реформѣ. Онъ принялъ чиновъ ред. ком. весьма сухо и сказалъ слѣдующее: „Господа, на васъ лежитъ трудная обязанность распутать дѣло сложное и запутанное. Такъ уже сдѣлалось; пойти назадъ невозможно. Вы должны идти по тому направленію, которое дано ему. Вамъ остается исполнить то, что вамъ указано; а что вы не такъ сдѣлаете, мы поправимъ. И такъ, дай Богъ вамъ успѣха". Какъ впослѣдствіи оказалось, на эту поправку Главный Комитетъ весьма разсчитывалъ. Государь, принимая членовъ комиссій, назвалъ порученное имъ дѣло „щекотливымъ", а самую работу комиссій „трудною" и выразилъ надежду, что они исполнятъ все добросовѣстно и оправдаютъ его довѣріе, и что это дѣло приведется къ благополучному окончанію.

Въ первыхъ засѣданіяхъ общаго присутствія редакціонныхъ комиссій Ростовцевъ изложилъ программу его занятій, предложивъ ему, при начертаніи положеній, руководствоваться извлеченіями изъ его всеподданнѣйшихъ писемъ и его же запискою „Ходъ и исходъ крестьянскаго вопроса" съ дополненіемъ къ ней, на которомъ Государь собственноручно подписалъ: „Главныя основанія совершенно согласны съ моими мыслями". Сущность предложеній предсѣдателя сводилась къ слѣдующимъ основнымъ началамъ: 1) освободить крестьянъ съ землею, 2) конечною развязкою освобожденія считать выкупъ крестьянами ихъ надѣловъ у помѣщиковъ, 3) оказать содѣйствіе дѣлу выкупа посредничествомъ, кредитомъ, или финансовыми операціями правительства, 4) избѣгнуть по возможности регламентаціи срочно-обязаннаго періода или сократить переходное состояніе, 5) барщину уничтожить законодательнымъ порядкомъ черезъ три года, переводомъ крестьянъ на оброкъ, за исключеніемъ только тѣхъ, которые сами того не пожелаютъ,

6) дать самоуправленіе освобожденнымъ крестьянамъ въ ихъ сельскомъ быту.

Ростовцевъ тщательно доводилъ до свѣдѣнія Государя о ходѣ занятій въ комиссіяхъ, представляя всѣ журналы ихъ засѣданій и главнѣйшіе изъ докладовъ отдѣленій. Государь, читая ихъ съ живымъ интересомъ, неоднократно выражалъ одобреніе свое надписями на поляхъ. Весьма скоро въ комиссіи начался сильный споръ между большинствомъ и упомянутыми двумя членами, гр. Шуваловымъ и кн. Паскевичемъ. Какъ только Ростовцевъ заговорилъ о выкупѣ, то немедленно вызвалъ горячія возраженія со стороны этихъ своихъ аристократическихъ сочленовъ. Оба въ одинъ голосъ доказывали, что выкупъ земли есть частная сдѣлка между помѣщикомъ и его бывшими крѣпостными, сдѣлка совершенно добровольная, которая можетъ состояться, а можетъ и не состояться. Государственную мѣру, какой является отмѣна крѣпостного права, нельзя ставить въ зависимость отъ „всякихъ полюбовныхъ сдѣлокъ“. Введеніе же обязательнаго выкупа есть, по ихъ мнѣнію, „нарушеніе предоставляемой крестьянамъ свободы“: „ибо неестественно заставлять свободнаго человѣка пріобрѣтать, вопреки его волѣ, поземельную собственность“.

Не вдаваясь въ подробности этой борьбы, отмѣтимъ, что Государь сталъ на точку зрѣнія Ростовцева и большинства редакціонныхъ комиссій на окончательное разрѣшеніе крестьянскаго вопроса. Ораторы большинства, Милютинъ, Соловьевъ, князь Черкасскій, возражая упомянутымъ двумъ членамъ, говорили, что освобожденіе крестьянъ безъ обезпеченія ихъ земельными надѣлами, которые, съ согласія помѣщиковъ, могли бы переходить къ крестьянамъ путемъ организованнаго правительствомъ выкупа, было бы только номинальнымъ освобожденіемъ, „птичьей свободой“, какъ выразился въ своихъ объяснительныхъ запискахъ къ Государю Ростовцевъ [1]), а въ сущности—оставленіемъ ихъ въ полной экономической зависимости отъ помѣщиковъ, въ вѣчно обязательныхъ къ нимъ отношеніяхъ, неизбѣжныхъ, когда одно лицо пользуется собственностью другого, и въ административномъ имъ подчиненіи, подобно тому, какъ въ прибалтійскихъ и привислянскихъ губерніяхъ. Члены большинства полагали, что правильная организація выкупа установленныхъ на долгіе сроки неизмѣнныхъ повинностей можетъ одна только положить предѣлъ неудобному и могущему породить рядъ непрерывныхъ столкновеній переходному положенію, которое сопряжено съ продолженіемъ тяжелой для крестьянъ барщины и сложнаго

---

[1]) Освобожденіе безъ земли народъ называлъ „волчьей волей“.

урочнаго положенія, обставленнаго дисциплинарными взысканіями, и есть въ сущности продолженіе крѣпостного права въ скрытой формѣ. Не подлежитъ сомнѣнію, что Шуваловъ и Паскевичъ именно этого и добивались. Къ изложеннымъ соображеніямъ нѣкоторые члены „эксперты" присоединяли другія, высказываясь за организованную правительствомъ выкупную операцію и за рѣшительное окончаніе обязательныхъ отношеній, дабы устроить помѣщичье хозяйство на новыхъ началахъ, при помощи тѣхъ оборотныхъ капиталовъ, которые дастъ дворянству организованный правительствомъ выкупъ (взглядъ, какъ мы знаемъ, Унковскаго). Пренія, конечно, не привели къ какимъ-либо соглашеніямъ. Паскевичъ обратился къ Государю съ письмомъ, вызвавшимъ слѣдующія замѣчанія на поляхъ.

Противъ утвержденія, что правительство во что бы то ни стало хочетъ сдѣлать изъ крестьянъ поземельныхъ собственниковъ, Государь написалъ, что это—„существенное условіе", отъ котораго Онъ „ни подъ какимъ видомъ не отойдетъ"; противъ мѣста, гдѣ говорилось о предоставленіи крестьянамъ права отказа отъ земли: „и тогда помѣщики будутъ сгонять ихъ съ земли и пустятъ ходить по міру"; противъ замѣчанія, что предположенія редакціонныхъ комиссій могутъ быть введены только силой: „да, если дворянство будетъ продолжать упорствовать"; противъ предложенія даровать полную личную свободу, не далѣе какъ черезъ три года: „съ перваго дня по изданіи положенія"; противъ заключительнаго увѣренія автора письма въ добросовѣстности его убѣжденія: „вѣрю, но сожалѣю о неправильности взгляда". По сравненію съ прежнимъ воззрѣнія Государя значительно измѣнились вслѣдствіе знакомства съ большимъ числомъ разнородныхъ общественныхъ взглядовъ.

Съ окончаніемъ къ концу іюля 1859 г. губернскими комитетами своихъ занятій депутаты отъ нихъ были вызваны въ Петербургъ, при чемъ они были раздѣлены на двѣ смѣны: депутаты отъ 21 губерніи вызваны къ концу августа; представители прочихъ губерній должны были послѣдовать за ними нѣсколько мѣсяцевъ спустя, уже по оставленіи столицы членами перваго призыва. Такъ какъ мнѣнія въ губернскихъ комитетахъ настолько расходились, что едва-ли не каждый комитетъ представилъ въ министерство по два проекта: одинъ отъ большинства, другой отъ меньшинства, то Ланской, несочувствуя направленію первыхъ, озаботился, чтобы изъ вызванныхъ въ Петербургъ депутатовъ, по два отъ комитета, одинъ былъ отъ большинства, другой отъ меньшинства. Но чтобы еще болѣе устранить уже обнаружившійся коренной разладъ между членами редакц. ком. и губернск. комит., онъ представилъ Государю записку,

въ которой излагалъ, что „комитетскія положенія не рѣшаютъ крестьянскаго вопроса, а знакомятъ только съ тѣмъ, какъ смотритъ на него большинство дворянства" и что это „большинство" почти вездѣ не оправдало ожиданій правительства. Намекая на желанія различныхъ дворянскихъ партій добиваться „измѣненія въ государственномъ устройствѣ", онъ достигъ своей цѣли—отдалить депутатовъ губернскихъ комитетовъ отъ непосредственнаго участія въ рѣшеніи крестьянскаго дѣла. Этимъ стремленіемъ Ланского и Милютина объясняется и раздѣленіе комитетовъ на двѣ очереди и приглашеніе большинства и меньшинства въ равномъ количествѣ и, наконецъ, Высочайшее утвержденіе инструкціи, опредѣлившей кругъ и предѣлъ дѣятельности депутатовъ, въ которой подчеркивалось, что они должны дать „мѣстныя свѣдѣнія", „мѣстныя данныя и соображенія, какія еще окажутся необходимыми при дальнѣйшемъ ходѣ работъ". Затѣмъ говорилось, что „такъ какъ сущность работы вызванныхъ членовъ заключается, по Высочайшему указанію, собственно въ примѣненіи общихъ правилъ по особенностямъ каждой губерніи, то каждый членъ представляетъ особый, по своей губерніи, письменный отвѣтъ на каждый вопросъ отдѣльно, или члены одной губерніи даютъ отвѣты за общимъ подписаніемъ"... Наконецъ, устранялось ихъ прежнее названіе: депутаты и замѣнялось другимъ—члены, избранные губернскими комитетами. Для того, чтобы оцѣнить возникшее неудовольствіе депутатовъ, слѣдуетъ вернуться къ лѣтней поѣздкѣ Государя 1858 г., когда открылись засѣданія первыхъ губ. ком., и Государь лично посѣтилъ тѣ губерніи, въ которыхъ они уже дѣйствовали. Въ рѣчи тверскому дворянству (и впослѣдствіи костромскому) Государь сказалъ, между прочимъ: „когда ваши занятія кончатся, тогда положенія комитета поступятъ черезъ министровъ на Мое утвержденіе. Я уже приказалъ сдѣлать распоряженіе, чтобы изъ вашихъ же членовъ было избрано двое депутатовъ для присутствія и общаго обсужденія въ Петербургѣ при разсмотрѣніи положеній всѣхъ губерній въ главномъ комитетѣ"... Это заявленіе Государя произвело тогда на всѣ комитеты огромное впечатлѣніе, и дворяне повсемѣстно были увѣрены, что ихъ выборные представители будутъ допущены къ участію въ окончательномъ рѣшеніи въ главномъ комитетѣ. Когда Государь выразилъ это намѣреніе тверскому дворянству, редакціонныя комиссіи не существовали даже въ проектѣ, и потому естественно, что мѣстомъ окончательнаго обсужденія реформы и составленія общаго Положенія и Государю, и членамъ губернскихъ комитетовъ представлялся главный комитетъ. Но прежде чѣмъ губернскіе комитеты закончили свои занятія, многое измѣнилось во взглядахъ и въ отношеніи къ нимъ высшаго

правительства, которое въ это время успѣло составить себѣ окончательный планъ реформы, не вполнѣ, какъ мы видѣли, согласный съ рескриптами и съ программой, данной губернскимъ комитетамъ. Въ то же время довѣріе правительства къ трудамъ губернскихъ комитетовъ, вслѣдствіе проявившагося въ нѣкоторыхъ изъ нихъ духа оппозиціи, значительно поколебалось. А по пріѣздѣ въ Петербургъ имъ не дозволили даже имѣть между собою правильныя оффиціальныя совѣщанія. Депутаты собрались всѣ вмѣстѣ и сообща съ членами комиссій только для того, чтобы выслушать отъ предсѣдателя ред. ком. упомянутую выше инструкцію. Ограниченіе ихъ дѣятельности лишь обязанностью давать письменныя разъясненія на предложенные имъ ред. ком. вопросы и словесныя разъясненія въ засѣданіяхъ комиссій вызвало въ нихъ крайне тяжелое впечатлѣніе. „Водворилось глубокое молчаніе". Ростовцевъ смутился, занялся личною раздачею пакетовъ съ инструкціей, но настроеніе не мѣнялось. Сказавъ нѣсколько словъ „такъ тихо, что нельзя было разслышать", онъ ушелъ изъ залы. Вскорѣ послѣ его ухода депутаты „въ непрерывной линіи, одинъ за другимъ" также направились къ выходу. Депутаты написали совмѣстное письмо Ростовцеву съ ходатайствомъ объ испрошеніи имъ Высочайшаго соизволенія имѣть общія совѣщанія съ тѣмъ, чтобы всѣ ихъ соображенія поступили на судъ высшаго правительства. Въ отвѣтъ на это имъ были разрѣшены лишь частныя совѣщанія, подтверждалось, чтобы они въ точности руководствовались сообщенною имъ инструкціей, не касались общихъ началъ, а ограничивались примѣненіемъ ихъ къ своимъ мѣстностямъ и мнѣнія свои представляли отдѣльно по каждой губерніи. Въ заключеніе имъ снова обѣщалось, что всѣ ихъ отвѣты, безъ исключенія, будутъ представлены на обсужденіе главнаго комитета. Государь при представленіи депутатовъ, между прочимъ, имъ сказалъ слѣдующее: „съ полнымъ довѣріемъ къ вамъ началъ Я это дѣло; съ тѣмъ же довѣріемъ призвалъ васъ сюда. Для разъясненія обязанностей вашихъ Я велѣлъ составить инструкцію, которая вамъ предъявлена. Она возбудила недоразумѣнія; надѣюсь, что они разъяснились. Я читалъ ваше письмо, представленное мнѣ Іаковомъ Ивановичемъ; отвѣтъ на него, вѣроятно, вамъ уже сообщенъ. Вы можете быть увѣрены, что ваши мнѣнія мнѣ будутъ извѣстны; тѣ, которыя будутъ согласны съ мнѣніемъ редакціонной комиссіи, войдутъ въ ея положеніе; всѣ остальныя, хотя бы и несогласныя съ ея мнѣніемъ, будутъ представлены въ Главный Комитетъ и дойдутъ до меня. Я знаю, вы сами убѣждены, господа, что дѣло не можетъ окончиться безъ пожертвованій, но Я хочу, чтобы жертвы эти были

какъ можно менѣе чувствительны"... Но основанія для разногласія между губернскими депутатами и редакціонными комиссіями состояли не только въ размѣрѣ „пожертвованій", очень многіе изъ помѣщиковъ все еще не хотѣли помириться съ предстоящимъ фактомъ освобожденія и заботились о тѣхъ или другихъ мѣрахъ, косвенно сохранявшихъ ихъ интересы и даже клонившихся къ большимъ выгодамъ, въ ущербъ крестьянскимъ [1]). Иные же въ преобразованіяхъ шли дальше намѣреній правительства и намѣчали реформы въ другихъ областяхъ. Самое существованіе редакціонныхъ комиссій было непріятно большинству дворянскихъ депутатовъ, и Ростовцевъ не безъ основанія писалъ Государю слѣдующее: „какой бы проектъ положенія редакціонныя комиссіи ни написали, хотя такой, по которому помѣщики даже ничего не теряли бы, все-таки многіе депутаты и многіе дворяне потребовали бы уступокъ".

Четыре коренныхъ вопроса предстоящаго преобразованія были, какъ извѣстно, таковы: 1) о правѣ собственности крестьянъ на землю, 2) надѣлы и повинности, 3) выкупъ, 4) власть помѣщиковъ надъ крестьянами.

Предположенія редакціонныхъ комиссій по всѣмъ этимъ пунктамъ не удовлетворили собравшихся дворянъ. Депутаты раздѣлились на три группы. Первая, самая многочисленная, изъ 18 членовъ, представила свой адресъ, въ которомъ выразила убѣжденіе, что таковыя предположенія въ настоящемъ ихъ видѣ не соотвѣтствуютъ общимъ потребностямъ и не приводятъ въ исполненіе указанныхъ Высочайшею волею основныхъ началъ, ограничивались просьбой: дозволить депутатамъ представить свои соображенія на окончательные труды комиссіи, до поступленія ихъ въ Главный Комитетъ. Пять членовъ, принадлежавшіе къ передовому меньшинству, подписали второй, отдѣльный адресъ, въ которомъ подвергали еще болѣе рѣзкой критикѣ „заключенія комиссій". Они находили, что увеличеніемъ надѣла крестьянъ землею и крайнимъ пониженіемъ повинностей въ большей части губерній помѣщики будутъ разорены, а бытъ крестьянъ вообще не будетъ улучшенъ, по той причинѣ, что хотя крестьянамъ и предоставляется самоуправленіе, но оно будетъ подавлено и уничтожено вліяніемъ чиновниковъ, и потому крестьяне только тогда почувствуютъ бытъ свой улучшеннымъ, когда они избавятся отъ всѣхъ обязательствъ передъ владѣльцами и когда сдѣлаются собственниками, ибо свобода личная невозможна безъ свободы имущественной. Выразивъ мнѣніе, что въ установленныхъ обязательныхъ отношеніяхъ между лично-свободными крестьянами и

---

[1]) Проекты.

помѣщиками, лишенными общественнаго значенія и участія въ управленіи народомъ, лежатъ зародыши опасной борьбы сословій, пять членовъ сущность своихъ желаній выразили въ слѣдующихъ четырехъ положеніяхъ: 1) даровать крестьянамъ полную свободу съ надѣленіемъ ихъ землею въ собственность, посредствомъ немедленнаго выкупа, по цѣнѣ и на условіяхъ не разорительныхъ для помѣщиковъ; 2) образовать хозяйственно-распорядительное управленіе, общее для всѣхъ сословій, основанное на выборномъ началѣ; 3) учредить независимую судебную власть, т. е. судъ присяжныхъ и гражданскія судебныя учрежденія, независимыя отъ административной власти, съ введеніемъ гласнаго и словеснаго дѣлопроизводства и съ подчиненіемъ мѣстныхъ должностныхъ лицъ непосредственной отвѣтственности передъ судомъ; и 4) дать возможность обществу, путемъ печатной гласности, доводить до свѣдѣнія Верховной власти недостатки и злоупотребленія мѣстнаго управленія". Депутатъ отъ большинства симбирскаго комитета Шидловскій пошелъ еще дальше и во Всеподданнѣйшемъ письмѣ, подписанномъ имъ однимъ, убѣждалъ Государя, въ виду того, что „дворянство есть первый и самый естественный охранитель престола и отечества, созвать уполномоченныхъ отъ дворянства для окончательнаго разрѣшенія, подъ личнымъ предсѣдательствомъ Императора, предпринятаго имъ дѣла освобожденія". „Вотъ какія мысли бродятъ въ головѣ этихъ господъ"—надписалъ Императоръ Александръ на адресѣ Шидловскаго. Особенное неудовольствіе Государя вызвала записка камергера Михаила Безобразова (не бывшаго въ составѣ депутатовъ, племянника кн. Орлова, слѣдовательно лица, принадлежащаго къ высшимъ придворнымъ кругамъ), гдѣ послѣ пространныхъ разсужденій о борьбѣ между бюрократіей и дворянствомъ первая обвинялась въ тайномъ намѣреніи ввести въ Россіи конституцію по западному образцу, въ отвращеніе чего Б. предлагалъ созвать выборныхъ отъ губерній и, придавъ къ нимъ депутатовъ отъ губернскихъ комитетовъ, составить совѣщательное собраніе для обсужденія общихъ государственныхъ вопросовъ и во главѣ ихъ—крестьянскаго.

Государь испестрилъ поля записки Безобразова цѣлымъ рядомъ замѣчаній и возраженій. Тонъ записки былъ признанъ „непомѣрно наглымъ", а общее о ней заключеніе Государя было таково: „онъ Меня вполнѣ убѣдилъ въ желаніи подобныхъ ему учредить у насъ олигархическое правленіе".—По Высочайшему повелѣнію, какъ адресы дворянскихъ депутатовъ, такъ и записка Безобразова разсматривались въ Главномъ Комитетѣ, постановившемъ: восемнадцати членамъ, подписавшимъ первый адресъ, сдѣлать замѣчаніе; прочимъ членамъ—внушеніе чрезъ губернаторовъ; Безобразова уда-

лить изъ Петербурга. Шидловскій былъ отданъ подъ надзоръ полиціи [1]. Опасенія Ланского, какъ видимъ, были не безъосновательны.

Агитація въ Петербургѣ депутатовъ, ихъ обвиненія на редакціонныя комиссіи, жадно подслушиваемыя и всюду повторяемыя безъ того уже враждебною редакціоннымъ комиссіямъ публикою, не могли не имѣть вліянія на воспріимчивую и непривыкшую къ борьбѣ натуру Ростовцева, въ концѣ октября онъ уже не могъ предсѣдательствовать въ общихъ собраніяхъ комиссій,—а въ декабрѣ у него образовался карбункулъ—и отъ послѣдствій неудачной операціи надъ нимъ онъ умеръ 6-го февраля 1860 г. Возникъ вопросъ о замѣстителѣ. Ланской предлагалъ себя, что означало фактически передачу всего дѣла въ руки Милютина. Но выборъ палъ на Министра Юстиціи графа В. Н. Панина. Вѣсть объ этомъ произвела большую тревогу среди людей передового направленія и въ средѣ членовъ редакціонныхъ комиссій. Панинъ считался полнымъ противникомъ преобразованій. Самъ онъ увѣрялъ Вел. Князя Константина Николаевича, что у него, Панина, „есть убѣжденія, сильныя убѣжденія". „Но", прибавилъ онъ, „по долгу вѣрноподданнической присяги, я считаю себя обязаннымъ прежде всего узнавать взглядъ Государя. Если я какимъ-либо путемъ, прямо или косвенно, удостовѣрюсь, что Государь смотритъ на дѣло иначе, чѣмъ я, —я долгомъ считаю тотчасъ отступить отъ своихъ убѣжденій и дѣйствовать даже совершенно наперекоръ имъ съ тою же и даже съ большею энергіею, какъ если бы я руководствовался моими собственными убѣжденіями". Такимъ образомъ свойства новаго предсѣдателя должны были какъ бы служить порукой за точность исполненія намѣреній Государя. При назначеніи Панина была выражена воля Государя, чтобы ничего не было измѣнено въ образѣ дѣйствій комиссій и чтобы предсмертная записка Ростовцева (составленная послѣднимъ для Государя) служила имъ наставленіемъ. „Помните все, что вы Мнѣ говорили", сказалъ Александръ II Панину по этому поводу, „на выраженныхъ условіяхъ только ввѣряю Я вамъ это дѣло. Ведите все такъ, какъ было. Я всегда считалъ васъ честнымъ человѣкомъ, и Мнѣ въ голову никогда не приходило, чтобы вы могли Меня обмануть".

Мы уже говорили выше объ основныхъ началахъ преобразованія, которыми руководилось большинство членовъ редакціонныхъ комиссій (согласно запискѣ Ростовцева—„Ходъ и исходъ крестьянскаго вопроса"), а также о тѣхъ спорахъ, какіе вызвалъ вопросъ о вы-

---

[1] А также и Унковскій за отзывъ о работахъ редакціонныхъ комиссій.

купѣ въ связи съ общимъ вопросомъ о необходимости сдѣлать крестьянъ поземельными собственниками; слѣдуетъ еще сказать о тѣхъ заключеніяхъ редакц. ком., которыя касались остальныхъ началъ предстоящей реформы, т. е. о размѣрѣ надѣловъ и повинностяхъ и о власти помѣщиковъ надъ крестьянами. Докладъ объ основаніяхъ и размѣрѣ надѣла былъ порученъ кн. В. А. Черкасскому. Его исходной точкой была та мысль, что „главная цѣль правительства состоитъ въ созданіи обезпеченнаго сословія сельскихъ обывателей". Необходимымъ для того условіемъ онъ считалъ оставленіе за освобожденными крестьянами всего надѣла, какимъ они пользовались при крѣпостномъ правѣ. Кромѣ очевидной справедливости этого рѣшенія въ подкрѣпленіе его былъ уже и примѣръ—при первомъ ограниченіи крѣпостного права—введеніе инвентарей въ западныхъ губерніяхъ—было положено, что „земля, находящаяся нынѣ въ пользованіи крестьянъ и подробно означенная въ инвентарѣ, должна, какъ мірская, оставаться у нихъ безъ всякаго измѣненія".

Въ общемъ собраніи редакц. ком. этотъ вопросъ вызвалъ сильныя пререканія. Цѣлый рядъ членовъ-экспертовъ высказывался противъ существующаго надѣла и за отрѣзки у крестьянъ земли въ пользу помѣщика, не признавая обратнаго случая. Ростовцевъ достаточно ясно опредѣлилъ сущность этого вопроса. „Отрѣзкой", говорилъ онъ, „мы уничтожаемъ крестьянина, а это бунтъ; всѣ юридическія теоріи прекрасны, но здѣсь дѣло идетъ о кускѣ хлѣба; мы отнимаемъ у крестьянина этотъ кусокъ изъ вѣжливости къ помѣщику, для популярности у дворянства. Государь велѣлъ намъ улучшить бытъ; какое же это улучшеніе?" Но въ результатѣ почти всѣ были за отрѣзку. Губернскіе же депутаты изъ числа приглашенныхъ въ Петербургъ въ большинствѣ высказались, что не должно назначать низшаго размѣра надѣла, (какъ въ сущности предлагалъ Черкасскій, принимая minimum—существующій) и за исключеніемъ нѣсколькихъ лицъ, всѣ приглашенные депутаты требовали, чтобы въ непосредственномъ распоряженіи владѣльца во всякомъ случаѣ осталось не менѣе цѣлыхъ двухъ третей или цѣлой половины общаго количества угодій; редакціонныя же комиссіи въ заключеніи установили одну треть. Что касается вопроса о повинностяхъ, то редакц. ком. сдѣлали уступку депутатамъ повышеніемъ первоначально предположенныхъ комиссіями размѣровъ повинностей. Для всей черноземной полосы оброки были повышены съ 8 до 9 рублей. Замѣтимъ, что, основываясь на совершенно произвольной оцѣнкѣ земли, комитеты, по признанію редакц. ком., подтвержденному цифрами, „въ большей части случаевъ установили оброки, превосходившіе оброки крѣпостного права". Приступая къ уста-

новленію размѣровъ выкупной суммы и выкупныхъ платежей, редакціонныя комиссіи разсуждали слѣдующимъ образомъ. „По отмѣнѣ крѣпостной зависимости, крестьяне обязаны будутъ отбывать въ пользу помѣщика за земли, отведенныя имъ въ безсрочное пользованіе, опредѣленныя повинности, въ удѣльныхъ имѣніяхъ — работами, а въ оброчныхъ—деньгами... При уступкѣ земель крестьянъ въ собственность за выкупъ, помѣщикъ лишится этого дохода, а потому и долженъ получить соразмѣрное вознагражденіе. Отсюда вытекаетъ необходимость опредѣлить высшій размѣръ выкупной суммы не оцѣнкою выкупаемыхъ угодій, а суммою постояннаго дохода или денежнаго оброка, установленнаго на основаніи „Положенія“. Не подлежитъ сомнѣнію, что доходъ этотъ во многихъ случаяхъ будетъ превышать дѣйствительную стоимость поземельныхъ угодій, такъ какъ для опредѣленія размѣра крестьянскихъ оброковъ, редакціонныя комиссіи приняли за исходную точку не поземельную ренту, а нынѣшнія повинности, установившіяся подъ вліяніемъ крѣпостного права. „Изъ необходимости получить помѣщику соразмѣрное вознагражденіе и вытекла принятая ред. ком. система градаціи повинности, которая заключалась въ томъ, что чѣмъ меньше крестьянинъ получалъ надѣлъ, тѣмъ больше онъ платилъ за каждую десятину этого надѣла. Въ черноземной полосѣ крестьянинъ при трехдесятинномъ наивысшемъ надѣлѣ платилъ по 40 руб. за десятину: если его надѣлъ былъ меньше maximum'а и составлялъ лишь 2 десятины, то каждая обходилась ему уже въ 43 р. 33 к.; а за минимальный надѣлъ въ 1 десятину онъ платилъ уже 53 р. 33 к. Система градаціи повинностей занимаетъ одно изъ главныхъ мѣстъ среди причинъ большой неравномѣрности въ крестьянскихъ платежахъ и развитія сельской бѣдноты. Редакц. комиссіи много разъ обвиняли въ пристрастіи къ интересамъ крестьянъ. Это обвиненіе, какъ видно, вѣрно лишь въ томъ ограниченномъ смыслѣ, что комиссія не стояла цѣликомъ на сторонѣ помѣщиковъ.

Что касается вопроса о крестьянскомъ самоуправленіи, то слѣдуетъ отмѣтить, что полная отмѣна помѣщичьей власти надъ крестьянами не входила въ первоначальный правительственный планъ реформы. Въ рескриптѣ 20-го ноября 1857 г. было сказано: „крестьяне должны быть распредѣлены на сельскія общества, помѣщикамъ же предоставляется вотчинная полиція“. Съ момента приступа правительства къ преобразованіямъ печать тотчасъ обратилась къ защитѣ и развитію мысли, что, какъ въ интересахъ правильнаго государственнаго устройства, такъ и ради благополучнаго разрѣшенія дѣла, необходимо упразднить помѣщичью власть и слить въ административномъ отношеніи освобожденныхъ крестьянъ съ дру-

гими сословіями. По цензурѣ разсылается циркуляръ, предписывающій преслѣдовать такую мысль, какъ противную смыслу Высочайшаго рескрипта и программы занятій губернскихъ комитетовъ. Литература не складываетъ рукъ, но въ виду нѣкоторыхъ стѣсненій продолжаетъ высказываться за возможно меньшее сохраненіе власти помѣщиковъ и вмѣшательство ихъ въ дѣла крестьянскаго міра. Мысль о полной отмѣнѣ помѣщичьей власти, какъ одно изъ основныхъ началъ предпринятой реформы, поддерживается также въ салонѣ Великой Княгини Елены Павловны. Оффиціально измѣненіе воззрѣній въ отношеніи вотчинной полиціи выразилось въ извѣстномъ намъ журналѣ Главнаго Комитета отъ 4-го декабря 1858 г. Въ немъ сказано, что „помѣщикъ долженъ имѣть дѣло только съ міромъ, не касаясь личностей". Ссылкою на это Высочайшее предложеніе ред. ком. отражала обвиненія, что отмѣною помѣщичьей власти она нарушила одно изъ постановленій рескрипта. Изъ депутатовъ первой очереди (отъ 21 губерніи) значительная часть отступилась отъ предначертаній ихъ комитетовъ, сохранявшихъ вотчинныя права за помѣщиками. Права эти продолжала отстаивать только меньшая часть депутатовъ. Несовмѣстимость сохраненія начальства помѣщиковъ надъ крестьянами съ упраздненіемъ крѣпостного права была слишкомъ очевидна, а потому неудивительно, что редакціонная комиссія обнаружила въ отношеніи этой административной стороны преобразованія гораздо большую твердость, нежели въ отношеніи хозяйственной стороны. Она осталась при своихъ первоначальныхъ заключеніяхъ.

Обращаемся къ дальнѣйшему, послѣ назначенія Панина, ходу событій. Несмотря на упомянутое выше требованіе Государя и самоличное изъясненіе свойства своихъ убѣжденій, графъ Панинъ однако нѣсколько разъ пытался видоизмѣнить, сколько возможно, направленіе, завѣщанное Ростовцевымъ своимъ сотрудникамъ. Чаще всего онъ, конечно, ссылался при этомъ на Высочайшіе рескрипты. Уже лѣтомъ 1860 года Панинъ попробовалъ дѣйствовать не какъ предсѣдатель, а какъ „начальникъ" комиссій. А когда Милютинъ и его кружокъ дали ему отпоръ, онъ просто отложилъ свои возраженія до того времени, когда комиссій уже не будетъ—до рѣшенія дѣла въ Главномъ Комитетѣ. Ввести въ этотъ послѣдній хотя бы одного Милютина не удалось,—несмотря на то, что за него хлопоталъ Великій Князь Константинъ Николаевичъ.—Съ половины іюля комиссіи приступили къ кодификаціи своихъ работъ. Конфликты съ депутатами стали замѣтно сглаживаться на почвѣ уступокъ со стороны комиссій, а конецъ совмѣстныхъ занятій комиссій и депутатовъ второй очереди (45 человѣкъ отъ 20 губернскихъ комите-

товъ и 2 „общихъ комиссій“: виленской и кіевской) ознаменовался дружескимъ обѣдомъ, на которомъ одинъ изъ недолюбливаемыхъ помѣщиками „бюрократовъ“ Я. Соловьевъ провозгласилъ тостъ въ честь губернскихъ комитетовъ. Ред. ком. сдѣлала весьма значительныя уступки помѣщикамъ по вопросу обезпеченія быта крестьянъ и только сохранила свою позицію въ вопросѣ о необходимости права собственности крестьянъ на землю и о помѣщичьей власти. Произошло это, кромѣ большого упорства помѣщиковъ въ хозяйственныхъ вопросахъ еще и потому, что безусловная потребность надѣленія крестьянъ землею и отмѣны вотчинной полиціи, ради благополучнаго разрѣшенія крестьянскаго преобразованія, была слишкомъ очевидна каждому просвѣщенному человѣку. 10 октября 1860 года редакціонныя комиссіи были оффиціально закрыты, членамъ ихъ „за неутомимые и усердные ихъ труды“ объявлено Высочайшее благоволеніе, а составленные ими проекты положеній и разныхъ дополнительныхъ правилъ о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости,—числомъ двадцать—внесены на разсмотрѣніе Главнаго Комитета. Назначеніе Великаго Князя Константина Николаевича предсѣдателемъ этого комитета, состоявшееся тогда же, на мѣсто заболѣвшаго за нѣсколько дней до закрытія комиссій кн. А. Ѳ. Орлова, было радостно встрѣчено сторонниками его взглядовъ на проведеніе реформы. Назначеніе это давало Великому Князю возможность оказать сильное вліяніе на успѣшное окончаніе дѣла, которому онъ горячо сочувствовалъ. Великій Князь, находясь передъ тѣмъ за границей, внимательно слѣдилъ за дѣятельностью комиссій при дѣятельномъ содѣйствіи своего секретаря А. В. Головнина, который, будучи другомъ Н. А. Милютина и пріятелемъ многихъ членовъ комиссій, всегда зналъ, что въ нихъ происходило. Благодаря этому Великій Князь ознакомился не только съ существенными сторонами проекта, но и съ мотивамв его, которыхъ редакціонныя комиссіи не успѣли изложить въ объяснительной запискѣ, вслѣдствіе поспѣшности ихъ закрытія. Такимъ образомъ онъ явился вполнѣ подготовленнымъ для выполненія возложенной на него Государемъ задачи предсѣдательства въ Главномъ Комитетѣ во время обсужденія проекта комиссій. Здѣсь происходила та же борьба, которая началась въ губернскихъ комитетахъ, и продолжалась у депутатовъ перваго приглашенія съ редакціонными комиссіями—борьба изъ-за земли. Изъ сторонниковъ обязательнаго выкупа (т. е. немедленной ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній) въ Главномъ Комитетѣ оказался одинъ Блудовъ. Добровольныя соглашенія крестьянъ съ помѣщиками защищалъ князь Гагаринъ, но съ поправкой, что по 1 десятинѣ крестьяне все-таки должны получить

непремѣнно (даровой такъ называемый „нищенскій“ и „гагаринскій“ надѣлъ). Большинство, съ предсѣдателемъ Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ во главѣ, стояло за проектъ редакціонныхъ комиссій,—но для абсолютнаго большинства этой группѣ не хватало одного голоса, такъ какъ въ комитетѣ образовалась еще группа, съ министромъ государственныхъ имуществъ М. Н. Муравьевымъ (Виленскимъ) въ главѣ. Ихъ контръ-проектъ, составленный директоромъ департамента сельскаго хозяйства Ващевымъ, предлагалъ оставить за крестьянами существовавшіе надѣлы, а окончательное разрѣшеніе устройства поземельныхъ отношеній между крестьянами и помѣщиками отсрочить до обмежеванія и кадастрированія всѣхъ владѣльческихъ дачъ, т. е. за отсрочку ликвидацій этихъ отношеній на неопредѣленное время. Внѣ всякихъ группъ стоялъ Панинъ—часто говорившій о неуклонномъ соблюденіи Высочайшей воли, но рѣшительно отказывавшійся признать заключенія Высочайше учрежденныхъ и состоявшихъ полгода подъ его предсѣдательствомъ редакціонныхъ комиссій по 4 пунктамъ: онъ стоялъ за вотчинную полицію помѣщиковъ, возставалъ противъ предоставленія крестьянамъ ихъ надѣловъ изъ помѣщичьихъ земель въ безсрочное пользованіе и въ связи съ этимъ противъ ограниченія правъ собственности помѣщика на его землю,—наконецъ, требовалъ дальнѣйшаго пониженія наивысшаго крестьянскаго надѣла—т. е. дальнѣйшихъ отрѣзковъ. Разсмотрѣнію проектовъ положеній Главный Комитетъ посвятилъ болѣе сорока засѣданій, продолжавшихся каждое свыше шести, семи часовъ. А. В. Головнинъ въ одномъ частномъ письмѣ ихъ описываетъ такъ: „Пренія были очень горячія. Нужно отдать справедливость Великому Князю—предсѣдателю, что всѣ члены пользовались полною свободою выражать свои мнѣнія, и нужно прибавить, что по своей молодости, по своимъ физическимъ силамъ, уму и памяти, которыми природа такъ счастливо надѣлила Великаго Князя, и по прилежанію, онъ оказался лучше знающимъ дѣло, чѣмъ всѣ члены. Дѣло затянулось благодаря безконечнымъ преніямъ, большому разномыслію среди членовъ наиболѣе вліятельныхъ, а въ особенности, по моему мнѣнію, потому, что секретарь комитета, г. Бутковъ, до сихъ поръ не успѣлъ еще раскрыть, который изъ членовъ наиболѣе могущественъ, а слѣдовательно не знаетъ, въ чью пользу привести въ движеніе всю силу канцеляріи, силу, которая имѣетъ дѣйствительную власть у насъ. Императоръ, возвратившійся, между тѣмъ, изъ Варшавы, остается безмолвнымъ и безстрастнымъ, и не позволяетъ догадываться, которому изъ различныхъ мнѣній Его Величество симпатизируетъ. Вообще нужно сказать, что веденіе Императоромъ все этого дѣла дѣлаетъ ему величай-

шую честь". Наконецъ, Великому Князю удалось убѣдить Панина пристать къ его мнѣнію, къ которому присоединился, уступая настояніямъ самого Государя, и графъ Адлербергъ (сторонникъ Гагарина). Такимъ образомъ, составилось большинство въ пользу проектовъ редакціонныхъ комиссій, но цѣликомъ они приняты не были. Панинъ соглашался поступиться вотчинной полиціей, относительно безсрочнаго пользованія ему объяснили, что по существу это не затронетъ интересы помѣщиковъ и явится лишь юридической фикціей, но относительно надѣловъ онъ стоялъ твердо на своемъ. Благодаря этому размѣры крестьянскихъ надѣловъ въ Главномъ Комитетѣ потерпѣли весьма значительныя измѣненія и были сокращены. „Мѣстности съ 8 десятинами высшаго надѣла были совсѣмъ отброшены изъ провѣрки, съ общимъ переводомъ изъ 8-ми десятинныхъ надѣловъ на 7-ми десятинные", разсказываетъ очевидецъ. „Такъ, гдѣ высшій надѣлъ былъ предположенъ въ 3¾ десятины, вмѣсто этого размѣра было принято назначать 3½ или 4 десятины, смотря по мѣстному положенію. Когда дошли до Даниловскаго уѣзда Ярославской губерніи, и гр. Панинъ спросилъ Топильскаго (чиновника министерства юстиціи, до сего времени не имѣвшаго никакого касательства къ этимъ земельнымъ вопросамъ), „какую принять въ немъ цифру для высшаго размѣра, послѣдній, т. е. Топильскій, не понялъ и сказалъ 4½ десятины. Гр. Панинъ, прочтя выставленную въ вѣдомостяхъ цифру, сказалъ: „А я думалъ 3½ десятины". Я замѣтилъ, что въ Даниловскомъ уѣздѣ мало земли у помѣщиковъ, и надѣлы крестьянъ въ натурѣ вообще не велики. Тогда графъ опять спросилъ Топильскаго: какъ же рѣшить? Топильскій отвѣчалъ, что въ такомъ случаѣ 4 десятины". (Описано у Н. П. Семенова. „Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе Императора Александра II", III, ч. 2-я, стр. 770—771). Просидѣвъ еще нѣсколько часовъ за этой работой, Панинъ уменьшилъ на ½ десятины надѣлъ у новороссійскихъ крестьянъ.—Послѣднее соединенное засѣданіе Главнаго Комитета съ совѣтомъ министра происходило 26-го января 1861 года, подъ личнымъ предсѣдательствомъ Государя. Александръ Николаевичъ благодарилъ большинство членовъ, подавшихъ голосъ за проектъ положеній, и особенно Великаго Князя Константина Николаевича, такъ много потрудившагося для дѣла освобожденія; Государь его нѣсколько разъ обнялъ и поцѣловалъ. О редакціонныхъ комиссіяхъ онъ отозвался, что на нихъ сильно нападали, но большею частью совершенно несправедливо, главнымъ образомъ, по незнанію дѣла; что трудъ ихъ исполненъ съ большимъ знаніемъ и большою добросовѣстностью. Затѣмъ, Императоръ объявилъ, что, допустивъ при обсужденіи этого дѣла для всѣхъ и каждаго полную

свободу выражать свое мнѣніе, онъ уже не допуститъ никакихъ отмѣнъ, отлагательствъ и проволочекъ и хочетъ, чтобы дѣло было окончено непремѣнно къ 15-му февраля. „Этого“, сказалъ онъ, „Я желаю, требую, повелѣваю“.

28-го января принятые Главнымъ Комитетомъ проекты положеній внесены на обсужденіе Государственнаго Совѣта. Засѣданіе это Императоръ открылъ слѣдующею знаменательною рѣчью:

„Дѣло объ освобожденіи крестьянъ, которое поступило на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта, по важности своей, Я считаю жизненнымъ для Россіи вопросомъ, отъ котораго будетъ зависѣть развитіе ея силы и могущества. Я увѣренъ, что вы всѣ, господа, столько же убѣждены, какъ и Я, въ пользѣ и необходимости этой мѣры. У меня есть еще другое убѣжденіе, а именно, что откладывать этого дѣла нельзя; почему Я требую отъ Государственнаго Совѣта, чтобы оно было имъ кончено въ первую половину февраля и могло быть объявлено къ началу полевыхъ работъ; возлагаю это на прямую обязанность предсѣдательствующаго въ Государственномъ Совѣтѣ. Повторяю—и это Моя непремѣнная воля,—чтобъ дѣло это теперь же было окончено.

„Вотъ уже четыре года, какъ оно длится и возбуждаетъ различныя опасенія и ожиданія какъ въ помѣщикахъ, такъ и въ крестьянахъ. Всякое дальнѣйшее промедленіе можетъ быть пагубно для государства. Я не могу не удивляться и не радоваться и увѣренъ, что и вы всѣ также радуетесь тому довѣрію и спокойствію, какое выказалъ нашъ добрый народъ въ этомъ дѣлѣ. Хотя опасенія дворянства до нѣкоторой степени понятны, ибо они касаются самыхъ близкихъ и матеріальныхъ интересовъ каждаго, при всемъ томъ Я не забываю и не забуду, что приступъ къ дѣлу сдѣланъ былъ по вызову самого дворянства, и Я счастливъ, что мнѣ суждено свидѣтельствовать объ этомъ передъ потомствомъ. При личныхъ моихъ разговорахъ съ губернскими предводителями дворянства и во время путешествій моихъ по Россіи, при пріемѣ дворянъ, Я не скрывалъ Моего образа мыслей и взгляда на занимающій всѣхъ насъ вопросъ и говорилъ вездѣ, что это преобразованіе не можетъ совершиться безъ нѣкоторыхъ пожертвованій съ ихъ стороны и что все стараніе Мое заключается въ томъ, чтобы пожертвованія эти были сколь возможно менѣе обременительны и тягостны для дворянства. Я надѣюсь, господа, что при разсмотрѣніи проектовъ, представленныхъ въ Государственный Совѣтъ, вы убѣдитесь, что все, что можно было сдѣлать для огражденія выгодъ помѣщиковъ, сдѣлано; если же вы найдете нужнымъ въ чемъ-либо измѣнить или добавить представляемую работу, то Я готовъ принять ваши

замѣчанія; но прошу только не забывать, что основаніемъ всего дѣла должно быть улучшеніе быта крестьянъ и улучшеніе не на словахъ только и не на бумагѣ, а на самомъ дѣлѣ.

„Прежде чѣмъ приступить къ подробному разсмотрѣнію самого проекта, хочу изложить вкратцѣ историческій ходъ этого дѣла. Вамъ извѣстно происхожденіе крѣпостного права. Оно у насъ прежде не существовало; право это установлено самодержавною властью, и только самодержавная власть можетъ его уничтожить, а на это есть Моя прямая воля.

„Предшественники Мои чувствовали все зло крѣпостного права и постоянно стремились если не къ прямому его уничтоженію, то къ постепенному ограниченію произвола помѣщичьей власти.

„Съ этою цѣлью при Императорѣ Павлѣ былъ изданъ законъ о трехдневной барщинѣ, при Императорѣ Александрѣ, въ 1803 году, законъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ, а при родителѣ Моемъ, въ 1842 году, указъ объ обязанныхъ крестьянахъ. Оба послѣдніе закона были основаны на добровольныхъ соглашеніяхъ, но, къ сожалѣнію, не имѣли успѣха. Свободныхъ хлѣбопашцевъ всего немного болѣе 100.000, а обязанныхъ крестьянъ и того менѣе. Многіе изъ васъ, бывшіе членами Совѣта при разсмотрѣніи закона объ обязанныхъ поселянахъ, вѣроятно, припомнятъ тѣ сужденія, которыя происходили въ присутствіи самого Государя. Мысль была благая, и если бы исполненіе закона не было обставлено, можетъ быть и съ умысломъ, такими формами, которыя останавливали его дѣйствія, то введеніе въ исполненіе этого закона тогда же во многомъ облегчило бы настоящее преобразованіе. Покойный Мой родитель постоянно былъ занятъ мыслью объ освобожденіи крестьянъ. Я, вполнѣ ей сочувствуя, еще въ 1856 году, передъ коронаціею, бывши въ Москвѣ, обратилъ вниманіе предводителей дворянства Московской губерніи на необходимость заняться улучшеніемъ быта крѣпостныхъ крестьянъ, присовокупивъ къ тому, что крѣпостное право не можетъ вѣчно продолжаться, и что потому лучше, чтобы преобразованіе это совершилось сверху, чѣмъ снизу. Вскорѣ послѣ того, въ началѣ 1857 года, Я учредилъ, подъ личнымъ моимъ предсѣдательствомъ особый комитетъ, которому поручилъ заняться принятіемъ мѣръ къ постепенному освобожденію крестьянъ. Въ концѣ того же 1857 года, поступило прошеніе отъ трехъ литовскихъ губерній, просившихъ дозволенія приступить прямо къ освобожденію крестьянъ. Я принялъ это прошеніе, разумѣется, съ радостью и отвѣчалъ рескриптомъ 20-го ноября 1857 года на имя генералъ-губернатора Назимова. Въ этомъ рескриптѣ указаны главныя начала, на коихъ должно совершиться преобразованіе; эти главныя начала

должны и теперь служить основаніемъ вашихъ разсужденій. Мы желали, давая личную свободу крестьянамъ и признавая землю собственностью помѣщиковъ, не сдѣлать изъ крестьянъ людей бездомныхъ и потому вредныхъ какъ для помѣщика, такъ и для государства. Эта мысль служила основаніемъ работъ, представленныхъ теперь Государственному Совѣту Главнымъ Комитетомъ. Мы хотѣли избѣгнуть того, что происходило за границей, гдѣ преобразованіе совершалось почти вездѣ насильственнымъ образомъ; примѣръ этому, весьма дурной, мы видѣли въ Австріи, и именно въ Галиціи. Безземельное освобожденіе крестьянъ въ остзейскихъ губерніяхъ сдѣлало изъ тамошнихъ крестьянъ населеніе весьма жалкое, и только теперь, послѣ 40 лѣтъ, намъ едва удалось улучшить ихъ бытъ, опредѣливъ правильныя ихъ отношенія къ помѣщикамъ. То же было и въ Царствѣ Польскомъ, гдѣ свобода была дана Наполеономъ безъ опредѣленія поземельныхъ отношеній и гдѣ безземельное освобожденіе крестьянъ имѣло послѣдствіемъ, что власть помѣщиковъ сдѣлалась для крестьянъ тяжелѣе, чѣмъ прежнее крѣпостное право. Это вынудило покойнаго родителя Моего издать въ 1846 году особыя правила для опредѣленія отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ и въ Царствѣ Польскомъ.

„Вслѣдъ за рескриптомъ, даннымъ генералъ-губернатору Назимову, начали поступать просьбы отъ дворянства другихъ губерній, которымъ были даны отвѣты рескриптами, на имя генералъ-губернаторовъ и губернаторовъ, подобнаго же содержанія съ первымъ. Въ этихъ рескриптахъ заключались тѣ же главныя начала и основанія и разрѣшалось приступить къ дѣлу на тѣхъ же указанныхъ мною началахъ. Вслѣдствіе того были учреждены губернскіе комитеты, которымъ для облегченія ихъ работъ была дана особая программа. Когда, послѣ даннаго на то срока, работы комитетовъ начали поступать сюда, Я разрѣшилъ составить особыя редакціонныя комиссіи, которыя должны были разсмотрѣть проекты губернскихъ комитетовъ и сдѣлать общую работу въ систематическомъ порядкѣ. Предсѣдателемъ этихъ комиссій былъ сначала генералъ-адъютантъ Ростовцевъ, а по кончинѣ его — графъ Панинъ. Редакціонныя комиссіи трудились въ продолженіе года и семи мѣсяцевъ и, несмотря на всѣ нареканія, можетъ быть, отчасти и справедливыя, которымъ комиссіи подвергались, онѣ окончили свою работу добросовѣстно и представили ее въ Главный Комитетъ. Главный Комитетъ, подъ предсѣдательствомъ Моего брата, трудился съ неутомимою дѣятельностью и усердіемъ. Я считаю обязанностью благодарить всѣхъ членовъ комитета, а брата Моего въ особенности, за ихъ добросовѣстные труды въ этомъ дѣлѣ.

„Взгляды на представленную работу могутъ быть различны. Потому всѣ различныя мнѣнія я выслушиваю охотно, но Я въ правѣ требовать отъ васъ одного: чтобы вы, отложивъ всѣ личные интересы, дѣйствовали не какъ помѣщики, а какъ государственные сановники, облеченные моимъ довѣріемъ. Приступая къ этому важному дѣлу, Я не скрывалъ отъ себя всѣхъ тѣхъ затрудненій, которыя насъ ожидали, и не скрываю ихъ и теперь, но, твердо уповая на милость Божію и, увѣренный въ святости этого дѣла, Я надѣюсь, что Богъ насъ не оставитъ и благословитъ насъ кончить его для будущаго благоденствія любезнаго намъ отечества. Теперь, съ Божіею помощью, приступимъ къ самому дѣлу“.

Головнинъ въ письмѣ князю Барятинскому по поводу произнесенной Государемъ рѣчи выражается такъ: „Эта рѣчь поставила Государя безконечно выше всѣхъ его министровъ и членовъ Совѣта. Онъ выросъ безмѣрно, а они опустились. Отнынѣ онъ пріобрѣлъ себѣ безсмертіе. Надо замѣтить, что эта рѣчь не была разработана какою-либо канцеляріей Совѣта, не была написана и прочитана,— нѣтъ, то была совершенно свободная импровизація, естественное представленіе мысли, которая давно созрѣла въ головѣ“.

Несмотря на все при обсужденіи проекта въ Государственномъ Совѣтѣ Императору приходилось очень часто соглашаться съ мнѣніемъ меньшинства членовъ, а не большей его части, которое стояло за помѣщичьи интересы и относилось враждебно къ проекту ред. ком. объ освобожденіи крестьянъ съ достаточнымъ надѣломъ. Самыя существенныя измѣненія законопроекта редакціонныхъ комиссій, сдѣланныя отчасти уже и Главнымъ Комитетомъ, принятыя громаднымъ большинствомъ членовъ Государственнаго Совѣта и утвержденныя Государемъ, были: 1) уменьшеніе для большаго числа мѣстностей наивысшаго размѣра надѣла и соотвѣтствующее этому пониженіе низшаго, 2) введеніе дарового надѣла [1]). Февраля 17-го было послѣднее засѣданіе Совѣта, а 19-го проектъ законоположеній получилъ уже силу закона.

Первоначальный проектъ манифеста объ освобожденіи крестьянъ составленъ Ю. Ѳ. Самаринымъ при участіи Н. А. Милютина, но, по Высочайшему повелѣнію, онъ былъ передѣланъ московскимъ митрополитомъ Филаретомъ [2]). Историческое гусиное перо, кото-

---

1) Народъ прозвалъ его „нищенскимъ“ или „сиротскимъ“ надѣломъ.

2) Сличеніе черноваго подлинника митрополита Филарета, хранящагося въ архивѣ Св. Синода, съ опубликованнымъ текстомъ манифеста обнаруживаетъ только самыя незначительныя измѣненія.

рымъ былъ манифестъ подписанъ, хранится въ Москвѣ, въ Историческомъ музеѣ. Манифестомъ устанавливались такія главныя основанія преобразованія: сохраненіе за помѣщиками права собственности на землю съ предоставленіемъ крестьянамъ въ постоянное пользованіе, за установленныя повинности, усадебной осѣдлости и полевого надѣла; переходное состояніе, въ продолженіе котораго крестьяне именуются временно-обязанными; право выкупа крестьянами усадебъ и полей; полное освобожденіе въ двухлѣтній срокъ дворовыхъ людей; новый порядокъ общественнаго крестьянскаго управленія. Манифестъ перечислялъ и новыя учрежденія для приведенія въ исполненіе положеній: губернскія по крестьянскимъ дѣламъ присутствія; мировые посредники; составленіе уставныхъ грамотъ, опредѣляющихъ взаимныя отношенія помѣщиковъ и крестьянъ. Нужно замѣтить, что въ изложеніи манифеста и въ новыхъ положеніяхъ было довольно много для народа непонятнаго но главное было само собою хорошо понято, а заключительныя слова: „Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, и призови съ Нами Божіе благословеніе на твой свободный трудъ, залогъ твоего домашняго благополучія и блага общественнаго“, по своей трогательности остались навсегда въ памяти потомства. Манифестъ объ освобожденіи крестьянъ объявленъ сенату 2-го марта и въ воскресенье, 5-го числа того же мѣсяца, обнародованъ во всеобщее свѣдѣніе въ Петербургѣ, прочтеніемъ въ церквахъ послѣ обѣдни. На разводѣ въ Михайловскомъ манежѣ Государь Самъ прочиталъ манифестъ, встрѣченный громогласнымъ и долго несмолкавшимъ „ура!“. Въ продолженіе марта состоялось обнародованіе манифеста повсемѣстно, во всѣхъ концахъ Россіи.

Въ самомъ началѣ очерка мы вспомнили слова писателя М. Е. Салтыкова, въ которыхъ значительный успѣхъ реформы онъ приписываетъ одной лишь нравственной силѣ народа, находя, что эта сила наложила печать на характеръ преобразованія. Эти слова, полагаемъ, слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что, во-первыхъ, освобожденіе крестьянъ все-таки состоялось, чего бы не было, если бы работы оказались въ обстановкѣ народныхъ волненій и, во-вторыхъ, что величіе реформы, о которомъ часто говорятъ, но понимаютъ подъ нимъ наличность такого идеализма, какого у большей части участниковъ преобразованія вовсе не было, что это величіе всецѣло относится къ картинѣ поразительной выдержки народной массы, съ которою она ждала предстоящаго переворота съ той минуты, когда выяснилась его неизбѣжность. Усилившіяся въ 40-хъ годахъ и въ 1854—55 г.г. крестьянскія волненія съ этого времени прекратились. До поднятія крестьянскаго вопроса среднее число

убійствъ помѣщиковъ въ годъ было 13, послѣ же объявленія рескриптовъ не было ни одного случая убійства. „Помѣщики пожилые“, пишетъ очевидецъ освобожденія, „весь свой вѣкъ проведшіе съ крестьянами, признавались потомъ, что они не ожидали отъ нихъ такого спокойствія и самообладанія“. Простой здравый смыслъ подсказывалъ народу, что волноваться не изъ чего, когда ждешь улучшенія своего положенія; однако, огромное количество помѣщиковъ предполагало всевозможныя для себя опасности съ объявленіемъ свободы, вѣроятно, потому, что во времена усиленныхъ ожиданій масса дѣйствительно становится особенно легковѣрной и склонной поддаваться всевозможнымъ наущеніямъ, готова идти на такое дѣло, которое приноситъ явную гибель. Суть, однако, не въ томъ пониманіи народа создавшагося положенія, о которомъ мы только-что сказали и каковое является довольно естественнымъ—„народъ безмолвствовалъ“, по нашему мнѣнію, потому, что считалъ крѣпостное право послѣ освобожденія дворянъ отъ службы слишкомъ явнымъ недоразумѣніемъ и чувство справедливости заставляло его съ каждымъ новымъ царствованіемъ въ теченіе этого 99-лѣтняго промежутка обнаруживать свою полную вѣру въ близость скораго раскрѣпощенія. Объ этомъ вѣрномъ (по горькой необходимости) историческомъ чутьѣ говорятъ многіе факты, нѣкоторые изъ нихъ здѣсь уже приводились. Нравственная мощь народа сказалась именно въ томъ благородномъ спокойствіи съ какимъ народъ ожидалъ и встрѣтилъ ту реформу, которую онъ считалъ государственною необходимостью. И вполнѣ вѣрно, что оно наложило печать идеализма на весь характеръ преобразованія, въ которомъ, какъ видно даже изъ нашего очень неполнаго очерка, было много, очень много темныхъ сторонъ. Вѣдь недостатки вновь создавшагося положенія слишкомъ хорошо извѣстны, о нихъ въ одинъ голосъ говорятъ изслѣдователи крестьянскаго вопроса. „Положеніе“ 19 февраля уменьшило значительно крестьянское землевладѣніе, а повинности сохранило существовавшія, слѣдовательно, относительно увеличило ихъ. И если къ повинностямъ, существовавшимъ при крѣпостномъ правѣ, прибавить тѣ разнообразные и значительные земскіе сборы и платежи для содержанія внутренней крестьянской администраціи, то станетъ ясно, насколько неудовлетворительное состояніе хозяйственнаго быта народа, продолжающееся и по нынѣ, находится въ тѣсной связи съ той обстановкой, какая создалась, какъ было описано, при проведеніи того начала, какое было высказано въ Высочайшемъ рескриптѣ 20-го ноября 1857 г. Это основаніе, что „крестьянамъ должно быть отведено надлежащее по мѣстнымъ удобствамъ количество земли для выполненія ихъ обязанностей передъ прави-

тельствомъ и помѣщикомъ", не оказалось возможнымъ провести въ дѣйствительности.

Переходимъ къ тому впечатлѣнію, какое было произведено на народъ положеніями 19-го февраля. Вмѣсто шумныхъ изъявленій радости, крестьяне выражали ее тѣмъ, что служили благодарственные молебны; ставили свѣчи за Царя-Освободителя; составляли приговоры объ отправленіи въ день объявленія манифеста церковнаго служенія на вѣчныя времена; жертвовали на сооруженіе въ приходскихъ церквахъ иконъ или придѣловъ во имя Св. Александра Невскаго, а также особаго храма того же имени въ Москвѣ; дѣлали сборы на облегченіе участи арестантовъ и учрежденіе сельскихъ школъ; христосовались между собою; писали всеподданнѣйшіе адресы. Другое утѣшительное явленіе, сопровождавшее манифестъ, была трезвость. Обнародованіе его не только не увеличило, но уменьшило пьянство, которому обыкновенно предается простонародье въ послѣдній день масляницы и въ первое, „прощеное" воскресенье великаго поста, считающееся во многихъ мѣстахъ, по городамъ и селамъ, годовымъ и ярмарочнымъ или базарнымъ днемъ. Воздержность эта замѣчена была въ обѣихъ столицахъ, и такія же получены извѣстія изъ губерній Симбирской, Ярославской, Псковской, Калужской, Костромской, Тульской и Архангельской. Проживавшіе въ Петербургѣ бывшіе крѣпостные получили возможность лично выразить Царю на Дворцовой площади свои чувства благоговѣйной и трогательной благодарности за полученную волю.

Введеніе въ дѣйствіе новыхъ положеній производилось, за весьма немногими исключеніями, въ полномъ порядкѣ. Недоразумѣнія встрѣчались довольно рѣдко, еще рѣже волненія между крестьянами или сопротивленіе ихъ распоряженіямъ властей. И если происходило что-либо, то лишь вслѣдствіе взаимнаго добровольнаго непониманія.

Въ одномъ мѣстѣ очерка мы уже вспоминали тѣ выдающіяся имена въ художественной литературѣ, которыя коснулись грубой стороны современной имъ дѣйствительности. И если Пушкинъ со своимъ съ блестящимъ по формѣ и горячимъ по содержанію стихотвореніемъ „Деревня" не могъ произвести на общество должнаго впечатлѣнія, хотя бы потому, что оно даже и не появилось тогда въ цѣломъ видѣ, то уже Грибоѣдовъ своею геніальною картиною нравовъ, сдѣлавшеюся общеизвѣстною, заставилъ взволноваться Московское и Петербургское дворянство. Въ дальнѣйшіе годы, въ Николаевское царствованіе художественная литература, въ лицѣ крупнѣйшихъ своихъ представителей, съ такой возрастающей яркостью описываетъ всю горечь крѣпостного состоянія, безудержность помѣ-

щичьихъ злоупотребленій, что ей по справедливости, въ исторіи нашей общественности отводится одно изъ первыхъ мѣстъ, и она вводится въ число причинъ, способствовавшихъ уничтоженію подневольнаго состоянія крестьянъ. Намъ нѣтъ нужды останавливаться на этихъ произведеніяхъ—они достаточно хорошо всѣмъ извѣстны.

Отъ „Исторіи села Горохина" Пушкина, черезъ Лермонтова и Гоголя литература пришла къ Григоровичу, Некрасову и Тургеневу, гдѣ крестьянинъ, помѣщикъ и ихъ взаимныя отношенія составляли главное содержаніе произведеній въ извѣстное время ихъ дѣятельности. А „Записки охотника" и „Муму" Тургенева являются вѣнцамъ этой литературы и лучшимъ памятникомъ человѣчности лучшихъ людей того времени. По собственному свидѣтельству Тургенева, Императоръ Александръ II Самъ сказалъ ему, что съ „тѣхъ поръ, какъ Онъ прочелъ „Записки охотника", Его ни на минуту не оставляла мысль о необходимости освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости". А такіе писатели, какъ Бѣлинскій и Герценъ, [1] своею публицистическою дѣятельностью (Герценъ отчасти и художественною) также заслужили право на вѣчную признательность со стороны потомства за неустанную борьбу съ укоренившимся зломъ современной имъ дѣйствительности.

Съ уничтоженіемъ крѣпостного права пала вѣковая перегородка, отдѣлявшая одну часть русскаго народа отъ другой, устранились главныя преграды къ его развитію. Къ счастью, благодаря исторически сложившимся условіямъ, въ нашей странѣ не было завоевателей—господъ и завоеванныхъ—рабовъ и основа крѣпостного права, лишь временная необходимость въ такомъ видѣ общей всѣмъ службы государству, сдѣлала то, что стремленія баръ въ XVIII и первой половинѣ XIX в. создать изъ своихъ же сородичей рабовъ увѣнчались успѣхомъ лишь ненадолго. Потому-то въ нашемъ народѣ не замѣчается тѣхъ униженныхъ чертъ въ характерѣ, которыя бываютъ въ населеніи, долго пробывшемъ въ рабствѣ; потому-то въ немъ не забита талантливость и смѣтливость, вызывающія надежды на ростъ его въ будущемъ. Надо только, чтобы бѣдность и пьянство и вообще тяжелыя нравственныя переживанія современнаго крестьянства не загубили свѣтлаго народнаго образа, чтобы Хорь, Калинычъ и Касьянъ съ Красивой Мечи Тургенева еще жили въ нашемъ представленіи, какъ существующіе; чтобы дѣйствитель-

---

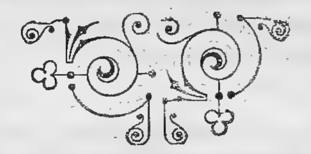
[1]) Сюда слѣдуетъ отнести и Кавелина, окозавшаго вліяніе на ходъ общественной мысли при проведеніи реформы.

ность насъ въ этомъ не обманывала. Многимъ кажется возможнымъ что дорогія наши народныя черты не исчезнутъ.

Измѣненіе существеннаго государственнаго основанія вызвало реформу всѣхъ тѣхъ учрежденій, которыя всецѣло покоились на крѣпостномъ правѣ. Преобразованія—земское, городское, судебное, военное, народнаго образованія были логическимъ слѣдствіемъ уничтоженія крѣпостныхъ отношеній.

Протекшее пятидесятилѣтіе разрушило многое изъ того лирическаго отношенія къ 19 февраля, которое было вызвано общимъ впечатлѣніемъ отъ спокойно, безъ крайняго напряженія народныхъ и общественныхъ силъ, проведенной реформы и привело теперь лишь къ научному изученію вопроса, безъ примѣси былой романтики. Но, несмотря на все, несмотря ни на какіе обнаружившіеся и продолжающіе обнаруживаться недостатки крестьянскаго дѣла 60-хъ годовъ, нельзя отнять у насъ чувства глубокой благодарности къ Царю-Освободителю Александру II и къ такимъ дѣятелямъ, какъ Великій Князь Константинъ Николаевичъ, Великая Княгиня Елена Павловна, какъ Унковскій, Николай Милютинъ, кн. Черкасскій, Ростовцевъ и немногіе др., волею и работою давшіе народу новую жизнь.

В. Я.

Редакторъ-издатель **П. Вороновъ.**

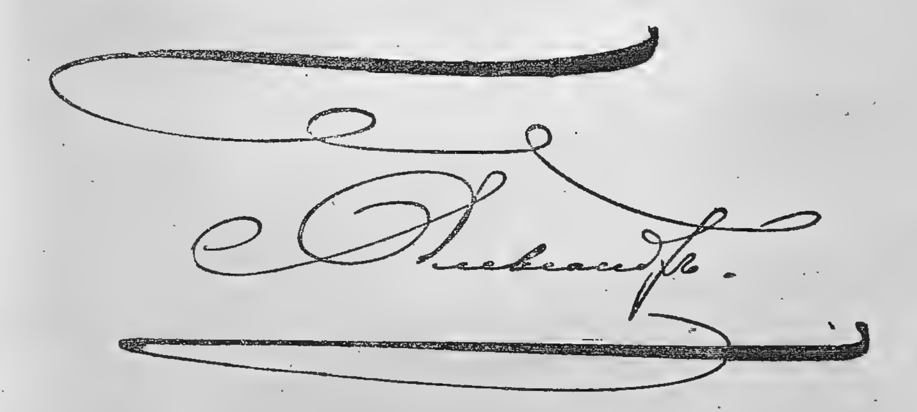
Елизавета Меркурьевна Бёмъ.

Точное воспроизведеніе окончанія Манифеста объ освобожденіи крестьянъ.

Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, и призови съ Нами Божіе благословеніе на твой свободный

трудъ, залогъ твоего домашняго благополучія и блага общественнаго.

Данъ въ Санктпетербургѣ, въ девятнадцатый день Февраля, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ шестьдесятъ первое, Царствованія же Нашего въ седьмое.

Храмъ-Памятникъ на полѣ Лейпцигскаго сраженія.

Почти сто лѣтъ тому назадъ, въ 1813 году, въ великой битвѣ народовъ подъ Лейпцигомъ было сокрушено владычество Наполеона въ Европѣ, и почти сто лѣтъ, какъ кости 22.000 русскихъ воиновъ героевъ, павшихъ здѣсь жертвой долга и смертью храбрыхъ, покоятся забытыя родиной на поляхъ Лейпцига.

Въ 1913 году предстоитъ торжественное празднованіе столѣтняго юбилея этой битвы. Нѣмцы уже двѣнадцать лѣтъ какъ начали постройку величественнаго памятника на могилахъ своихъ павшихъ воиновъ; французы собираются строить памятникъ средствами цѣлой націи; останки же нашихъ героевъ преданы совершенному забвенію. Долгъ русскихъ воздвигнуть храмъ на костяхъ своихъ воиновъ и этимъ увѣковѣчить боевыя заслуги героевъ, освободителей Европы.

Съ Высочайшаго соизволенія учрежденъ, состоящій подъ Августѣйшимъ предсѣдательствомъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Александровича, Комитетъ по сбору пожертвованій на сооруженіе храма-памятника надъ могилой 22 тысячъ русскихъ воиновъ, павшихъ въ бою подъ Лейпцигомъ 4—7 октября 1813 г.

Комитетъ по сооруженію храма-памятника на полѣ Лейпцигскаго сраженія помѣщается: С.-Петербургъ, Дворцовая площадь, 10—2. Главное Управленіе Генеральнаго Штаба. Составъ Комитета: Почетный Предсѣдатель Его Императорское Высочество Великій Князь Михаилъ Александровичъ. Почетные члены: С.-Петербургскій Митрополитъ *Антоній*, Епископъ Кронштадтскій *Владиміръ*, Военный Министръ Генералъ-отъ-кавалеріи *В. А. Сухомлиновъ*, Россійскій Чрезвычайный и Полномочный Посолъ въ Берлинѣ Дѣйств. Тайный Совѣтникъ графъ *фонъ-деръ-Остенъ-Сакенъ*, Членъ Военнаго Совѣта Генералъ-отъ-инфантеріи *Глазовъ*, Членъ Государственнаго Совѣта, Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ *В. К. Саблеръ*, Состоящій при Особѣ Его Величества Императора Германскаго, Короля Прусскаго, Свиты Его Величества Генералъ-Маіоръ *П. Л. Татищевъ*.

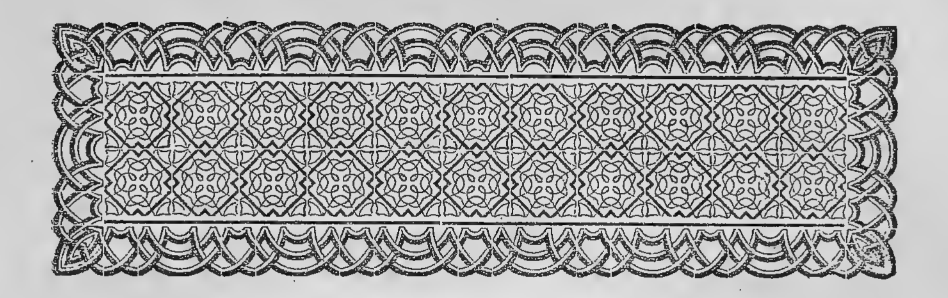
Предсѣдатель Комитета: Начальникъ Генеральнаго Штаба, Генералъ-Лейтенантъ *Е. А. Гернгроссъ*. Товарищи Предсѣдателя: Редакторъ журнала „Русская Старина“, Генеральнаго Штаба Генералъ-Лейтенантъ *П. Н. Вороновъ*, Дочь Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника *О. П. Дмитріева*.

Дѣйствительные члены Комитета: Начальникъ Главнаго Штаба Генералъ-Лейтенантъ *Н. Г. Кондратьевъ*, Преосвященный *Евлогій*, Епископъ Холмскій, Протоіерей Дрезденской Посольской церкви *Н. Н. Писаревскій*, Членъ Государственнаго Совѣта Оберъ-Егермейстеръ графъ *С. Д. Шереметевъ*, Членъ Горнаго Совѣта, Шталмейстеръ Двора Его Величества Князь *С. С. Абамелекъ-Лазаревъ*, С.-Петербургскій Губернскій Предводитель Дворянства Полковникъ, Свѣтлѣйшій Князь *И. Н. Салтыковъ*, Командиръ 2-й бригады 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи Свиты Его Величества Генералъ-Маіоръ князь *Юсуповъ*, графъ *Сумароковъ-Эльстонъ*, Членъ Государственнаго Совѣта, Шталмейстеръ Двора Его Величества Князь *Б. А. Васильчиковъ*, Членъ Государственнаго Совѣта, Шталмейстеръ Двора Его Величества *В. И. Денисовъ*, Заслуженный профессоръ Императорской Николаевской Военной Академіи, Генералъ-Лейтенантъ *Б. М. Колюбакинъ*, Директоръ Женскаго Педагогическаго Института Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ *С. Ф. Платоновъ*, Командиръ Л.-Гв. Казачьяго Его Величества полка, Командиръ Л.-Гв. Измайловскаго полка, Командиръ Л.-Гв. Павловскаго полка, Командиръ Л.-Гв. 1-й артиллерійской бригады, Полковникъ Л.-Гв. Кирасирскаго Его Величества полка *А. А. Абалешевъ*, Секретарь: Военный Инженеръ Подполковникъ *Д. В. Яковлевъ*.

Учрежденія и лица, получившія подписные листы и сочувствующія цѣли сбора, приглашаются направлять деньги и подписные листы въ мѣстныя казначейства для сдачи въ депозиты Главнаго Управленія Генеральнаго Штаба.

Пріемъ пожертвованій принимается также въ Петербургѣ въ конторѣ редакціи „Русская Старина“, Фонтанка, 18.

Воспоминанія графа Константина Константиновича Бенкендорфа о кавказской лѣтней экспедиціи 1845 года [1]).

(Souvenir intime d'une campagne au Caucase pendant l'été de 1845).

(Окончаніе).

Надъ лѣсомъ простирался завалъ. Солдатъ нашъ отлично знаетъ, что значитъ неудачно атаковать завалъ, что значитъ—не взять его, такъ какъ это влечетъ за собой бѣдственное отступленіе, преслѣдованіе противникомъ, чего такъ слѣдуетъ избѣгать; это влечетъ избіеніе нашихъ раненыхъ, это—вѣрная смерть, смерть безъ погребенія, безъ того крестнаго напутствія, съ которымъ товарищи ваши засыпаютъ землей вашу могилу.

Всѣ эти ужасные призраки мною не преувеличены, и въ подобныя минуты они одинаково представляются воображенію, какъ труса, такъ и храбраго; одного они губятъ, другой ихъ побѣждаетъ, но оба поражены ими, а между тѣмъ, для того, чтобы смѣло идти въ дѣло, необходимо быть внѣ всякихъ впечатлѣній, нужна только увѣренность въ успѣхѣ, и тогда побѣда обезпечена.

По данному сигналу мы вошли въ чащу съ громкими криками „ура", которые то замирали, то снова раздавались всякій разъ, когда мы встрѣчали препятствіе, которое слѣдовало преодолѣть. Съ самаго начала движенія насъ уже встрѣтили учащеннымъ огнемъ.

[1]) См. „Русская Старина" февраль 1911 г.

Я не достигъ еще и полпути подъема, какъ услышалъ отъ князя *Захарія Эристова*, бывшаго отъ боли въ полуобморочномъ состояніи, что онъ не въ силахъ идти дальше; грузины остались такимъ образомъ безъ начальника, что являлось для меня сущимъ несчастіемъ, такъ какъ теперь я уже не могъ съ ними объясняться.

Ко всѣмъ этимъ заботамъ прибавилось еще новое печальное обстоятельство, всю важность котораго оцѣнитъ всякій, кто бывалъ въ бою. Дѣло въ томъ, что, для обезпеченія успѣха нашей атаки, внизу была выставлена батарея конгревовыхъ ракетъ, управлявшій огнемъ ея плохо разсчиталъ разстояніе и нѣсколько гранатъ, предназначенныхъ горцамъ, разорвалось среди насъ, убивъ и ранивъ нѣсколько человѣкъ. Нужно ли объяснять, что за тяжелое впечатлѣніе произвело это на войска?!

Не могу вспомнить этого дня, оставившаго столь тяжелое въ моей жизни воспоминаніе, безъ чувства глубокаго страданія. Чтобы разсказать событія этого дня, со всей строгостью запросивъ свою совѣсть и не уклоняясь отъ истины, я долженъ собраться съ мыслями.

Мнѣ было невозможно вполнѣ оріентироваться въ этомъ дьявольскомъ лѣсу, въ которомъ я видѣлъ только деревья и сучья, преграждавшіе движеніе. Я думалъ, что шелъ по направленію, указанному мнѣ графомъ Воронцовымъ, въ чемъ меня и увѣряли мои проводники, хотя, по правдѣ, слѣдуетъ замѣтить, что, когда завязалась горячая перестрѣлка, я ихъ уже болѣе не видѣлъ; чеченецъ очень остороженъ, когда дерется въ нашихъ рядахъ.

Мы продолжали подвигаться подъ огнемъ. Я уже достигалъ опушки лѣса и отъ укрѣпленій, гдѣ притаились горцы, мы были не болѣе, какъ въ 50-ти шагахъ, и только тогда замѣтилъ я, что ошибся!

Вмѣсто того, чтобы выйти этимъ укрѣпленіямъ во флангъ, мы ударяли теперь съ фронта,—прямо въ лобъ. Вся моя кровь застыла въ жилахъ.

Отступать было немыслимо: всякое отступленіе въ подобныхъ случаяхъ обращается въ пораженіе, оставаться на мѣстѣ было не менѣе опасно, оставалось только дерзать, т. е.—идти прямо впередъ [1]).

---

[1]) Почтенный Бенкендорфъ, конечно, правъ съ своей точки зрѣнія, не взявъ въ разсчетъ, что была еще лѣвая колонна, бравшая эти завалы съ другого фланга, а потому, казалось, онъ могъ бы еще обождать успѣха удара этой колонны и тогда уже ударить съ фронта, но въ данномъ случаѣ и лѣвая колонна могла заблудиться, не говоря уже о трудности поддерживать съ ней связь въ подобномъ лѣсу. *Б. Колюбакинъ.*

Отрогъ, по которому мы наступали, по мѣрѣ подъема съуживался и на верху заканчивался участкомъ шаговъ въ 20 всего ширины, который и былъ прегражденъ укрѣпленіями горцевъ. Справа и слѣва уже спускались горцы, которые обхватывали насъ съ обоихъ фланговъ, и мы были отдѣлены отъ нихъ только оврагами.

Я собралъ весь мой отрядъ и съ офицерами во главѣ повелъ его впередъ. Съ первымъ же шагомъ на открытомъ, уже обнаженномъ отъ деревьевъ участкѣ мѣстности, насъ со всѣхъ сторонъ охватилъ страшный огонь. Всѣ около меня падали. Я удвоилъ усилія; въ теченіе 10-ти минутъ мы боролись со смертью, окружавшей насъ со всѣхъ сторонъ.

Это былъ адъ, изрыгавшій на насъ огонь. Стоять было невозможно, и мы всѣ лежали на землѣ, подвигаясь ползкомъ, правда, не скоро, но все-таки подвигались. Я не видѣлъ конца этой картинѣ истребленія.

Оставалось только дать убить и себя. Но, вотъ и я почувствовалъ, что опрокинутъ, и я былъ тому радъ: въ этомъ заключалось для меня единственное средство выйти съ честью изъ этого дѣла. Мое имя пробѣжало по рядамъ; *Шеппингъ* и три карабинера бросились ко мнѣ, и одинъ изъ нихъ замѣтилъ мнѣ: „Ничего, Ваше Сіятельство, Николай Чудотворецъ спасетъ васъ", и меня поволокли въ лѣсъ.

Войска не двигались; силы ихъ были истощены; подавленныя огнемъ, онѣ отошли къ лѣсу, служившему имъ защитой. За исключеніемъ только одного, всѣ офицеры были выведены изъ строя; почти половина Куринцевъ и милиціонеровъ лежали распростертыми на землѣ и покрытыми кровью, а между тѣмъ настоящій бой длился только 10 минутъ! Бѣдные грузины окончательно изнемогали: они видѣли гибель трехъ изъ своихъ князей, изъ коихъ два брата умерли въ объятіяхъ другъ друга.

Молодцы егеря-Куринцы одни съумѣли остаться на своемъ мѣстѣ. Безъ начальниковъ и безъ малѣйшихъ указаній, они еще удостоились чести и славы окончательнаго занятія этихъ заваловъ, правда, при поддержкѣ трехъ ротъ Апшеронцевъ, вышедшихъ къ этимъ заваламъ съ фланга.

Не даромъ было пролито столько крови; для упроченія побѣды не пришлось дѣлать новыхъ усилій; противникъ былъ смущенъ, несмотря на нанесенныя имъ намъ потери, и не только что не посмѣлъ насъ преслѣдовать, но даже бросилъ и самые завалы, за которые мы выдержали столь горячій бой, и, нѣсколько минутъ всего спустя, Куринцы заняли ихъ безъ всякаго сопротивленія.

Штурмъ высотъ у Гурдали, подобно таковому горы Анчимееръ,

произошелъ на глазахъ главнокомандующаго и на виду всего отряда. Всѣ могли за нами слѣдить и, конечно, всѣ посылали намъ свое благословеніе, такъ какъ на этихъ высотахъ рѣшалась участь дня [1]).

Еще ранѣе, лишь только завязался бой, графъ Воронцовъ послалъ ко мнѣ своего адъютанта *Нечаева* [2]) съ похвалой и поздравленіемъ взятія непріятельскаго орудія, бывшаго дѣйствительно въ атакованномъ нами завалѣ, и это поздравленіе должно было служить подбадривающимъ насъ средствомъ.

Добрыхъ четверть часа употребилъ Нечаевъ, чтобы добраться до насъ, но, вмѣсто орудія, онъ увидѣлъ меня, всего окровавленнаго, окруженнаго жалкими остатками моей колонны. Всѣмъ было извѣстно душевное расположеніе ко мнѣ графа Воронцова, а потому, не желая огорчать его въ ту минуту, когда ему необходима была вся его энергія, Нечаевъ, по обратномъ къ нему возвращеніи, не смѣя доложить ему всю правду, на вопросы его, отвѣтилъ совершенно хладнокровно, что „Бенкендорфъ слегка раненъ“, но свитѣ, не колеблясь, сказалъ: „онъ умираетъ“.

Мнѣ дѣйствительно приходилось плохо: пуля пронизала меня насквозь, я потерялъ много крови, и перевязывавшій меня докторъ объявилъ, что мнѣ остается жить лишь нѣсколько часовъ.

Изъ насъ четверыхъ раненыхъ въ этотъ день штабъ-офицеровъ подобный смертный приговоръ былъ произнесенъ только надо мной, а между тѣмъ изъ насъ четверыхъ: одинъ (полковникъ *Бибиковъ*) уже не существуетъ, другой (графъ *Стейнбокъ*)—безъ ноги, третій (маіоръ *Альбрантъ*)—безъ руки, и только я одинъ живъ и здоровъ.

Я долженъ былъ умереть по стеченію обстоятельствъ, но свыше было предопредѣлено, что я буду жить.

Лишь только меня перевязали, какъ сейчасъ же положили на солдатскую шинель, натянутую между двумя ружьями, четыре солдата подняли меня на свои плечи и понесли во главѣ транспорта раненыхъ.

Горя нетерпѣніемъ добраться до ночлега, я слишкомъ горячо торопилъ своихъ носильщиковъ, желавшихъ меня послушаться и опе-

---

[1]) Дѣйствительно, заслуга колонны Бенкендорфа въ этотъ день 14-го іюля, самый трудный за весь маршъ изъ Дарго въ Герзель-аулъ, была очень большая и нельзя не воздать должное молодцамъ Куринцамъ. Что за геройскія войска были тогда на Кавказѣ?!

[2]) Нечаевъ—авторъ рукописи, пріобрѣтенной нами у антиквара Клочкова, нами напечанной въ „Воен. Сборникѣ“ и выпущенной отдѣльнымъ изданіемъ.

Б. Колюбакинъ.

редить главныя силы. Слѣдуя за нѣсколькими ранеными по узкой дорогѣ меня понесли черезъ лѣсъ, еще недостаточно обезпеченный слѣва нашими войсками. Къ намъ присоединили еще вьюки, что увеличило непорядокъ этого слѣдованія.

Непріятель, воспользовавшись этимъ обстоятельствомъ, неожиданно бросился на насъ слѣва и, не встрѣтивъ, по полному отсутствію здѣсь нашихъ войскъ, никакого сопротивленія, легко овладѣлъ дорогой [1]). Я достался въ руки нашихъ враговъ. Чеченцы вырвали у меня мундиръ, которымъ я прикрывалъ себѣ лицо, и я неизбѣжно былъ бы изрубленъ, какъ было изрублено нѣсколько человѣкъ раненыхъ рядомъ со мной, если бы не хладнокровіе, мужество и благородное самоотверженіе *Шеппинга*, которому одному и всецѣло обязанъ я спасеніемъ жизни. Онъ защитилъ меня отъ ударовъ, которые мнѣ предназначались, и защищая меня, самъ получилъ три раны. Я имѣлъ время собраться съ послѣдними силами, подняться съ земли [2]), чтобъ сдѣлать нѣсколько шаговъ до края пропасти, куда я и ринулся очертя голову [3]).

---

[1]) Войскъ не было, такъ какъ авангардъ запальчиваго генерала Бѣлявскаго зарвался и продралъ впередъ, не выжидая подхода боковыхъ цѣпей, а потому, естественно, между главными силами съ обозомъ и авангардомъ образовался промежутокъ, а вѣдь главныя силы и авангардъ должны были равняться на арріергардъ.

[2]) Куринцы положили его на землю и, обороняя, кажется, были изрублены.

[3]) Баронъ Шеппингъ еще утромъ отнялъ пистолеты у барона Николаи, и они теперь ему и пригодились. Князь Дундуковъ такъ разсказываетъ этотъ случай: „подлѣ носилокъ графа Бенкендорфа шелъ другъ его баронъ Шеппингъ, и когда горцы начали рѣзать раненыхъ и ихъ прикрытіе, Куринцы, положивъ носилки, обороняли. Шеппингъ впереди ихъ защищаетъ своего друга и пистолетомъ барона Николаи успѣваетъ убить горца, занесшаго кинжалъ надъ Бенкендорфомъ, самъ же получаетъ нѣсколько ранъ шашками и въ упоръ выстрѣлъ изъ пистолета въ животъ, но къ счастью, пуля (по недостатку ли пороха) застрѣваетъ въ бѣльѣ. Бенкердорфъ же въ безсознательномъ и безотчетномъ испугѣ имѣлъ достаточно силы, чтобы вскочить и бѣжать. Нѣсколько Чеченцевъ, догоняя, рубили его безпощадно, и онъ былъ найденъ въ оврагѣ, весь облитый кровью и изрѣзанный шашками. Это немедицинское кровопусканіе, быть можетъ, спасло ему жизнь, остановивъ воспаленіе. Окончательно горцы были разогнаны подоспѣвшей 11-й ротой Навагинскаго полка.

А нѣсколько далѣе горцы атаковали самого Воронцова, едва спасеннаго нѣсколькими Кабардинцами. Не доходя же авангарда были убиты адъютантъ Воронцова *Лонгиновъ*, адъютантъ Лидерса, графъ *де-Бальменъ* и *Башиловъ* и раненъ Ген. шт. капитанъ баронъ *Дельвигъ* и маіоръ *Альбрантъ*. А рядомъ съ Бенкендорфомъ убитъ раненный же полковн. *Завальевскій*.

Тяжелый былъ этотъ день 14-го іюля.

Б. Колюбакинъ.

Только Шеппингъ съумѣлъ избавить меня отъ всѣхъ ужасовъ плѣна или неминуемой смерти, и то и другое было неизбѣжно и потому только добрѣйшему Шеппингу—вся честь моего спасенія, вѣчная ему благодарность за эту благородную, братскую и дружескую помощь. Для меня все ограничилось только четырьмя ударами шашки и кинжала. Сильное кровопусканіе принесло мнѣ пользу, и доктора увѣряли, что это меня спасло. На самомъ дѣлѣ, такъ какъ я сильно ослабѣлъ отъ потери крови, то воспаленіе праваго плеча, начавшееся отъ первой моей раны, не только что не усилилось, но прекратилось. Слабость, которая меня охватила, она-то и спасла мнѣ жизнь; это странно, но вѣрно.

Никогда не ухаживали за мной съ бо̀льшей добротой, усердіемъ и любовью, и всѣ наперерывъ старались выказать мнѣ участіе. Хотя въ этотъ день всѣ были въ ужасномъ положеніи, когда чувство эгоизма неизбѣжно беретъ верхъ, всѣ обо мнѣ подумали.

Александръ Барятинскій отнесся ко мнѣ съ полной добротой и глубоко тронулъ меня искренней нѣжностью. Я былъ лишенъ всего. Каждый старался обобрать себя, чтобы меня одѣть и облегчить мои страданія: поручикъ *Швахеймъ* (раненый офицеръ Куринецъ) накрылъ меня своимъ сюртукомъ, другой далъ папаху, молодой князь Капланъ предложилъ свою лошадь; Мамутъ, чтобы быть всегда у меня подъ рукой для моей защиты, рѣшилъ не оставлять меня болѣе, а князь *Николай Эристовъ* присоединился ко мнѣ, чтобы пробивать мнѣ дорогу. Отыскался и мой Андрей, и молодчина этотъ уже не оставлялъ меня. Цырюльникъ карабинерной роты перевязалъ мои раны.

День выдался тяжелый; по всей линіи (вѣрнѣе по всей глубинѣ) дрались до вечера. Мы достигли мѣста ночлега только съ наступленіемъ темноты, а арріергардъ подошелъ съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня. Дождь шелъ какъ изъ ведра, темнота была полная, всѣ валялись какъ попало въ грязи, и положеніе раненыхъ въ эту ночь было ужасное. Въ подобныхъ обстоятельствахъ здоровые мало церемонятся съ ранеными, видя въ нихъ лишь обузу и лишнее горе, но я былъ счастливѣе другихъ.

Палатку разбили только для графа Воронцова, и онъ послалъ меня разыскать *Щербинина*, чтобы перенести къ себѣ. Я должно быть очень надоѣлъ бѣдному графу моими стонами, вырывавшимися у меня, помимо моей воли.

Во всякой другой войнѣ участь раненыхъ обезпечена, здѣсь же мы подверглись всѣмъ тѣмъ ударамъ, что и наши защитники; мы не могли избавиться ни отъ одного изъ результатовъ той драмы,

которая развертывалась передъ нами и длилась еще 6 дней [1]). Хотя я въ ней и не принималъ участія, но голова моя была свѣжа, и я могу продолжать свое повѣствованіе, такъ какъ прекрасно слѣдилъ за нашими дѣйствіями, изъ которыхъ передамъ важнѣйшія, дабы лучше объяснить развязку.

Въ теченіе дней 15-го и 16-го мы были въ непрерывномъ движеніи и все время дрались. Послѣ полудня 16-го мы были вынуждены атаковать сильную позицію, обороняемую наибомъ Литула. Потребовались большія усилія для ея овладѣнія, всѣ части попеременно были введены въ дѣло, и графъ Воронцовъ долженъ былъ лично руководить ея атакой.

Дни 17-го и 18-го мы провели въ долинѣ Шаухалъ-верды. Остановка необходима была для отдыха и для приведенія въ порядокъ службы войскъ и обозовъ.

Уже нѣсколько дней, какъ мы не имѣли продовольствія; рогатый скотъ былъ съѣденъ. Жили — несмотря на противника, несмотря на усталость, — на общее истощеніе, жару, голодъ, жажду; жили потому, что въ арміи, подобной нашей, жизненную силу арміи составляетъ — энергія начальниковъ, дисциплина и мужественная покорность солдата, и всѣ эти факторы были на лицо. Солдатъ выказалъ чудеса покорности и храбрости, а энергія графа Воронцова была просто изумительна; онъ проявилъ ту силу, которая увлекаетъ, воодушевляетъ, электризуетъ; ту силу, которой обладаетъ только недюжинный начальникъ и которая внушаетъ массѣ, покорившейся ей какъ бы по волшебству. Никогда графъ Воронцовъ не былъ такъ прекрасенъ, какъ въ эти минуты, когда уже многіе изъ насъ отчаявались въ спасеніи отряда. Стоило только взглянуть на него, чтобы набраться новыхъ силъ и весело идти навстрѣчу опасностямъ, на которыя онъ смотрѣлъ ясно и спокойно.

Палатокъ оставалось очень мало, только у нѣкоторыхъ начальствующихъ лицъ, и непріятель зналъ ихъ наперечетъ. Графъ Воронцовъ велѣлъ разбить свою палатку на самомъ видномъ мѣстѣ лагеря, чтобы непріятель легко могъ въ нее цѣлить. Въ теченіе трехъ дней мѣсто около палатки было изрыто ядрами. 17-го утромъ графъ обошелъ все наше сторожевое охраненіе, дабы показаться войскамъ и благодарить ихъ за мужество. Эту опасную штуку онъ исполнилъ верхомъ на бѣломъ конѣ, дабы быть видимымъ и всѣмъ своимъ и непріятелю. По мѣрѣ того, какъ онъ проѣзжалъ передъ частями, онѣ выстраивались, музыканты играли честь, а войска

---

[1]) Это дѣйствительно была драма, нигдѣ еще не изложенная во всей силѣ своей дѣйствительности.

привѣтствовали тысячекратнымъ ура, которое временами заглушало канонаду артиллеріи непріятеля, не замедлившаго провожать графа въ теченіе всего его объѣзда, длившагося цѣлыхъ два часа. Я рѣдко видѣлъ болѣе захватывающее зрѣлище.

Графъ Воронцовъ заставилъ насъ пройти чудесную школу, и всѣ тѣ, кто съ нимъ служилъ, сохранятъ драгоцѣнныя о ней воспоминанія. Особенно мы, раненые, мы болѣе другихъ должны благословлять его имя въ память того, что онъ сдѣлалъ для насъ въ теченіе этихъ шести послѣднихъ и ужасныхъ дней похода. Конечно, и всякій другой начальникъ отряда заботился бы о насъ, какъ и графъ Воронцовъ, но тутъ нужна его каждодневная забота и та сила власти надъ умами, которая была ему присуща, и которая заставляла себѣ подчиняться.

Насъ было 1.500 человѣкъ раненыхъ, и мы требовали такое же число себѣ провожатыхъ на походѣ; вся конница была спѣшена и лошади отданы подъ раненыхъ, которые образовали особую колонну, ввѣренную генералу Хрещатицкому, хорошо исполнившему свою задачу. Начальство оказало намъ все содѣйствіе, и распоряженія по отношенію насъ генерала Гурко были безукоризненны.

Все это еще не означаетъ, чтобы нашъ раненый, особенно солдатъ, почивалъ на розахъ. Стоитъ только представить себѣ эту массу несчастныхъ, страдающихъ отъ страшнаго зноя, жажды и голода, такъ какъ даже вода добывалась съ боемъ. Представимъ себѣ страдальцевъ, лишенныхъ силъ и средствъ самозащиты, все время подверженныхъ дѣйствію ядеръ, гранатъ и даже пуль непріятеля, нѣсколько разъ на волоскѣ отъ варварскаго избіенія, безъ возможности тому противодѣйствовать; вспомнимъ, что мы никогда не становились лагеремъ, что мы проходили черезъ страну, которую самый смѣлый офицеръ генеральнаго штаба призналъ бы непроходимой, что мы почти всегда шли безъ дорогъ, черезъ густыя лѣса, пропасти, глубокіе овраги, что весь нашъ путь состоялъ изъ спусковъ и подъёмовъ, одинъ труднѣе другого, что мы только изрѣдка шли по ровному и достаточно открытому мѣсту, гдѣ мы были обезпечены отъ внезапныхъ нападеній противника.

Я набрасываю покрывало на всѣ эти сцены отчаянія, прошедшія передъ моими глазами въ теченіе всѣхъ этихъ тягостныхъ минутъ. Я не нахожу словъ, ни для ихъ описанія, ни для того, чтобы возблагодарить Бога, что Онъ дозволилъ мнѣ достигнуть пристани и конца нашихъ бѣдствій!!!......

12-го графъ Воронцовъ предупредилъ генерала Фрейтага, бывшаго въ Грозной, о принятомъ имъ направленіи своего движенія и приказалъ ему идти навстрѣчу отряду.

Фрейтагъ человѣкъ большихъ талантовъ, большой мастеръ создавать изъ ничего, увеличивать, по необходимости, силы и средства и придавать крылья своимъ сотрудникамъ и соратникамъ, проявилъ тогда невѣроятную дѣятельность.

Менѣе чѣмъ въ три дня онъ собралъ артиллерію, 8 баталіоновъ, казаковъ и милицію, разбросанныхъ на сто верстъ и вовсе не готовыхъ къ походу. Послѣ полудня 18-го онъ прошелъ уже 15 верстъ по непріятельской землѣ, и его орудія гремѣли уже въ верстѣ отъ отъ нашего лагеря у Шаухалъ-верды.

19-го мы оставили нашу позицію и, выдержавъ еще кровавый бой, соединились съ нимъ. Что это была за радость! Солдаты бросались въ объятія другъ друга! Пришедшіе намъ навстрѣчу опорожняли свои мѣшки для утоленія нашего голода; на каждомъ шагу—трогательныя сцены.

Я никогда не забуду впечатлѣнія, произведеннаго на меня первыми, увидѣнными мною, солдатами отряда Фрейтага! Только по сравненію съ ними, мы были поражены собственнымъ видомъ, къ которому привели насъ бѣдствія этой ужасной экспедиціи. Но въ этотъ день всѣ трудности были забыты, въ нашихъ рядахъ была только радость, а въ рядахъ пришедшихъ къ намъ — благородное соревнованіе. Проѣзжая по фронту одной роты, пришедшей съ генераломъ Фрейтагомъ, Воронцовъ, привѣтствуя солдатъ, замѣтилъ имъ: „Какіе вы, братцы, чистенькіе въ сравненіи съ нами!“ „Нѣтъ“, воскрикнулъ одинъ старый унтеръ-офицеръ, „вы бѣлѣе и чище насъ, потому-что вы дрались больше насъ!“

Съ великой радостью встрѣтился я съ *Барановымъ* [1]) и *Хасаевымъ* (Кумыкскій князь). Храбрый Фрейтагъ былъ очень радъ видѣть меня живымъ. Помню, какъ, обнимая меня, онъ сказалъ: „Ну, Костя, потрепали тебя, ничего, вылечимъ, не дадимъ умереть“.

Всѣ наши раненые вышли изъ лѣса. Арріергардъ, которому пришлось выдержать ожесточенный бой, присоединися къ намъ. Отрядъ уже собирался двинуться въ путь и я тоже — слѣдовать за общимъ движеніемъ, когда графъ Воронцовъ, проѣзжавшій въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня, сошелъ съ лошади и присѣлъ около меня. Онъ находился въ томъ состояніи откровенности, которое, казалось, его облегчало и радовался видѣть меня уже внѣ опасности.

---

[1]) Флигель-адъютантъ Эдуардъ Трофимовичъ Барановъ, находившійся при Фрейтагѣ.

Помню, что въ отвѣтъ на принесеніе мною благодарности за все, что онъ намъ сдѣлалъ, достойный графъ, со слезами на глазахъ, сказалъ мнѣ: „если бы мой сынъ находился въ отрядѣ, то я не знаю, что стало бы со мной и съ моей энергіею!“ [1]).

Генералъ Фрейтагъ дѣйствительно пришелъ во-время: ряды защитниковъ сильно порѣдѣли и въ ротахъ было не болѣе 20-ти—30-ти человѣкъ въ каждой.

Войска покрыли себя славой, особенно Кавказцы—старые полки Кабардинскій, Куринскій, Навагинскій и Апшеронскій; великолѣпенъ былъ и *Лабынцевъ* съ своимъ арріергардомъ, выдержавшій на своихъ плечахъ въ теченіе длинныхъ пяти дней всѣ яростныя атаки горцевъ; превосходныхъ помощниковъ нашелъ онъ въ полковникѣ *Козловскомъ*, подполковникѣ *Тиммерманѣ*, капитанѣ *Беклемишевѣ* и *князѣ Яшвилѣ*. Я счастливъ назвать въ числѣ лицъ, особенно отличившихся при исполненіи марша отъ Дарго къ Герзель-аулу, двоихъ, къ которымъ я питалъ особое расположеніе, это—*кн. Лобанова* и *Колюбакина*. Въ то время, когда многія лица въ главной квартирѣ уже начали отчаяваться въ спасеніи отряда, Лобановъ просился въ строй и принялъ командованіе одной изъ тѣхъ ротъ, на которую можно было менѣе всего положиться, стойко выдержалъ ее подъ огнемъ и раздѣлилъ всѣ опасности службы въ арріергардѣ.

Также и *Колюбакинъ*, продолжая командовать 3-ей ротой Куринскихъ егерей, поступилъ подъ начальство Лабынцева и заслужилъ отъ него самую блестящую похвалу. Впослѣдствіи онъ мнѣ неоднократно разсказывалъ одинъ эпизодъ, заключающій въ себѣ чисто-кавказскую черту, и я не могу удержаться передать здѣсь этотъ эпизодъ, хотя я лично совершенно ему не причастенъ. 16-го (при переходѣ въ Шаухалъ-Берды) Колюбакинъ получилъ приказаніе овладѣть одной высотой; 50 муллъ, распростершись на землѣ, оглашали воздухъ именемъ Аллаха, котораго они призывали прежде, чѣмъ вступить въ бой. Солдаты же, прежде, чѣмъ броситься въ атаку, пріостановились и слышно было, какъ они говорили: „не хорошо, Богу молятся!“ Колюбакинъ, которому нельзя было терять ни одной минуты, торопилъ своихъ: „что у нихъ, за Богъ, развѣ нашъ не лучше“!?. „Такъ точно, гораздо лучше!“ отвѣтили солдаты

---

[1]) Вѣроятно еще изъ Андіи сынъ его былъ командированъ въ Петербургъ съ донесеніемъ, такъ какъ въ началѣ похода онъ былъ съ отцомъ.

и послѣ нѣсколькихъ „ура" и короткаго сопротивленія высота была взята.

Лишь только Колюбакинъ овладѣлъ высотой, съ которой были выбиты эти муллы, какъ онъ, въ свою очередь, напомнилъ своимъ примѣръ благочестія, только что ими видѣннаго. Картина измѣнилась: солдаты обнажили головы, пѣвчіе затянули „Со святыми упокой", и рота опустила въ могилу тѣло своего фельдфебеля, пораженнаго во время атаки пулей въ голову.

Въ этой войнѣ на Кавказѣ всегда есть что-то и драматическое, и фантастическое, и неожиданное.

Итакъ, кампанія кончилась; она длилась шесть недѣль. 20-го послѣ обѣда мы пришли въ Герзель-аулъ—первую на пути русскую крѣпость, въ которую мы вступили съ музыкой и съ веселыми солдатскими пѣснями.

Громкіе крики отчаянія и горя огласили горы. Четыре наиба погибли въ этой кровавой борьбѣ; пали лучшіе чеченскіе борцы; потери горцевъ были громадны, и наше слѣдованіе оставило по себѣ длинный кровавый слѣдъ.

Но и мы также могли скорбѣть о многихъ потеряхъ; наши потери въ прекрасныхъ офицерахъ были громадны, я не имѣю тому точныхъ данныхъ и могу привести потери только баталіона, которымъ я имѣлъ честь командовать. Изъ 700 человѣкъ, выступившихъ въ кампанію, при вступленіи въ Герзель-аулъ оставалось подъ ружьемъ только 300; изъ 400 выбывшихъ изъ строя 150 человѣкъ было больныхъ и 250—убитыхъ и раненыхъ. Изъ 20-ти офицеровъ баталіона въ началѣ кампаніи—осталось только пять нераненыхъ.

Несоразмѣрно большая потеря офицеровъ по отношенію общей потери въ нижнихъ чинахъ есть обыкновенное явленіе въ войнѣ на Кавказѣ [1]).

Изъ 11-ти—штабъ-офицеровъ, спустившихся во главѣ своихъ баталіоновъ въ тѣснины Дарго, къ концу кампаніи, только одинъ остался цѣлъ и невредимъ; были баталіоны, въ которыхъ командиры смѣнялись по четыре раза,—до такой степени свирѣпствовала смерть въ рядахъ отряда.

[1]) Это справедливо лишь отчасти, но въ данномъ случаѣ эта несоразмѣрность дошла до невозможнаго, что и объясняется рядомъ кризисовъ въ походѣ, вѣрнѣе, со взятія никому не нужнаго Дарго, весь походъ—сплошной кризисъ. *Б. К.*

Много крови было пролито съ той и другой стороны [1]). Дарго было въ развалинахъ, Андія была одно время занята, Ичкерія пройдена съ одного конца до другого; никогда еще наши знамена не проникали такъ далеко въ горы, никогда еще духъ войскъ не стоялъ на такой высотѣ, никогда еще не покрывали себя на Кавказѣ войска наши большей славой, никогда еще не обладали мы здѣсь столь значительными силами, и никогда еще не давали мы столько боевъ, а между тѣмъ могущество Шамиля осталось во всей своей силѣ.

Причина тому—очень ясная. Ошиблись въ значеніи Дарго и Андіи, еще разъ обманулись въ значеніи въ горахъ нашихъ безполезныхъ побѣдъ и еще разъ ошиблись въ результатахъ и послѣдствіяхъ нашего вторженія [2]).

Главный результатъ кампаніи—это большой и основательный урокъ для будущаго. Дай Богъ, чтобы урокъ этотъ былъ плодотворенъ по отношенію предпринятія этихъ болѣе смѣлыхъ, чѣмъ полезныхъ экспедицій, выполненіе которыхъ поручается лицамъ, мало знакомымъ съ условіями веденія войны на Кавказѣ и слиш-

---

[1]) Наши потери по отношенію общей численности отряда были безпримѣрно велики и за время съ 14-го іюня по 20 іюля только въ Даргинскомъ походѣ мы потеряли по оффиц. даннымъ: 3-хъ генер., 28 шт.-офиц., 158 об.-офиц. и 2.521 ниж. чиновъ, а именно:

	Генераловъ.	Шт.-офиц.	Обер.-офиц.	Нижн. чиновъ.
Убитыми	3	7	27	819
Ранеными	—	18	101	1.916
Контуженными	—	3	28	409
Безъ вѣсти пропавшими	—	—	2	177
	3	28	158	3.321

Примѣчаніе. Къ этимъ потерямъ слѣдуетъ еще прибавить потери отряда генерала Фрейтага и нашихъ гарнизоновъ на этапахъ въ Андіи, что значительно увеличитъ еще эти потери, при чемъ мы не считаемъ еще потерь въ Самурскомъ и Лезгинскихъ отрядахъ.

Любопытны потери отряда только за недѣлю марша отъ Дарго къ Герзель-аулу, съ 13-го по 20-е іюля, а именно, убитыми: 2 шт.-офиц., 10 об.-офиц., 295 нижн. чин.; ранеными: 12 шт.-офиц., 43 обер.-офиц. и 740 н. чин.; контуженными: 2 шт.-офиц., 7 обер.-офиц. и 133 ниж. чина и 23 ниж. чина безъ вѣсти пропавшими. *Б. К.*

[2]) Главная причина неудачъ съ 1839 года и, особенно, 1842 и 1845 гг.—это вмѣшательство Петербурга,—это составленіе плановъ кампаніи и управленіе арміей изъ столицы, тогда какъ успѣхъ дѣла войны, говоря языкомъ Суворова, требуетъ: „единства власти и полной мочи избранному полководцу", что по отношенію Кавказа вполнѣ осуществилось только при князѣ Барятинскомъ.

Б. К.

комъ занятыхъ своей военной славой [1]). Передъ нами на лицо опытъ, купленный достаточно дорогой цѣной, чтобы служить намъ предостереженіемъ въ будущемъ и чтобы утвердить среди насъ болѣе раціональные принципы, которые мы теперь и прилагаемъ для умиротворенія края [2]).

Эти принципы всегда во всѣ времена исповѣдывались мудрыми и мыслящими дѣятелями, которымъ былъ близокъ край и которые въ своихъ соображеніяхъ не увлекались ничѣмъ тѣмъ, что шло въ разрѣзъ съ общимъ благомъ.

Въ этой кампаніи Кавказская армія пожала новые лавры и получила новое право на признательность Россіи, а будущія поколѣнія, болѣе нашего поколѣнія счастливыя, будутъ пожинать тамъ, гдѣ мы сѣяли, и изъ этихъ чудныхъ, еще дикихъ и невоздѣланныхъ нынѣ земель извлекутъ всю цѣну пролитой здѣсь нами крови.

Войска въ эту кампанію къ вождю, сумѣвшему руководить ими, преисполнились еще большимъ довѣріемъ, а Государь въ героизмѣ этой арміи, для которой не было невозможнаго, и твердость которой преодолѣла всѣ препятствія, получилъ новую гарантію своего могущества.

Очевидно, что Шамиль припомнилъ эти снѣга и скалы Дагестана, которые не остановили наши войска, припомнилъ и кровавые бои въ Чечнѣ, которые никогда не могли утомить насъ, когда, въ своей проповѣди въ горахъ, весной 1846 года, незадолго до его вторженія въ Кабарду, онъ говорилъ своимъ, со свойственной ему смѣлостью языка: „я готовъ всѣхъ васъ отдать за одинъ изъ этихъ

---

[1]) Благородный Бенкендорфъ ведетъ здѣсь рѣчь о нѣкоторыхъ дѣятеляхъ прошлаго и ближайшимъ образомъ, очевидно, о *Граббе* (экспедиціи 1839 и 1842 гг.), о вмѣшательствѣ личномъ въ 1842 г. *графа Чернышева*, хотя здѣсь, по нашему, между строкъ, обвиненіе и графу Воронцову, который заслуживаетъ таковаго въ полной мѣрѣ въ 1845 году, когда у Воронцова не нашлось гражданскаго мужества высказать своему Государю правду о всей безцѣльности и вредѣ этой экспедиціи. Въ крайности, графъ Воронцовъ могъ ограничиться только Андіею и тогда избѣжалъ бы подвергать ввѣренный ему отрядъ всѣмъ этимъ бѣдствіямъ, лишеніямъ и невознаградимымъ потерямъ.

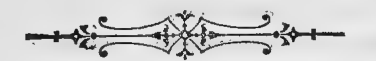
Б. К.

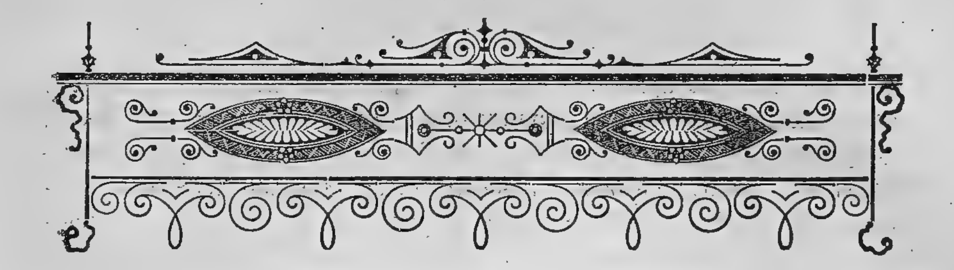
[2]) Если это писалось во времена Воронцова, то далеко не вполнѣ и Гергебильская, Салтинская и Чохская экспедиціи служатъ доказательствомъ, что 1845 годъ не произвелъ на Воронцова должнаго впечатлѣнія.

Б. К—ъ.

русскихъ полковъ, которыхъ такъ много у Великаго Императора; съ русскими войсками весь міръ былъ бы у моихъ ногъ, и все человѣчество преклонились бы передъ единымъ Богомъ, единый пророкъ котораго Магометъ, и я единый имъ избранный имамъ вашъ".

Сообщилъ Б. М. Колюбакинъ.

Гончаровъ какъ цензоръ.

Къ освѣщенію цензорской дѣятельности И. А. Гончарова.

Какъ извѣстно, И. А. Гончаровъ служилъ въ цензурномъ вѣдомствѣ въ теченіе восьми лѣтъ слишкомъ, сначала членомъ С.-Петербургскаго цензурнаго Комитета (отъ 19-го февраля 1856 г. до 1-го февраля 1860 г.), потомъ, послѣ непродолжительнаго редактированія *Сѣверной Почты*, членомъ Совѣта по дѣламъ книгопечатанія (отъ 21-го іюля 1863 г. до 30-го августа 1865 г.) и наконецъ членомъ Совѣта Главнаго Управленія по дѣламъ печати (отъ 30-го августа 1865 г. до 29-го декабря 1867 г.). Отъ этой послѣдней должности онъ былъ уволенъ, согласно своему прошенію, по разстроенному здоровью. Таковы краткія фактическія данныя, заключающіяся въ формулярномъ спискѣ И. А. Гончарова относительно его службы въ цензурѣ.

Какую роль, однако, игралъ въ цензурномъ дѣлѣ этотъ глубокій знатокъ русской души, остроумный, не лишенный нѣкотораго скептицизма мыслитель, изящный писатель-художникъ, какимъ является Гончаровъ въ незабвенныхъ романахъ *Обыкновенная Исторія* и *Обломовъ?* Это несомнѣнно любопытный вопросъ, для разрѣшенія котораго имѣются до сихъ поръ лишь разбросанныя и весьма скудныя свѣдѣнія.

Въ *Русскомъ Вѣстникѣ* [1]) напечатанъ цѣлый рядъ отзывовъ Гончарова, принадлежавшихъ собранію покойнаго П. Я. Дашкова и представляющихъ копіи съ подлинныхъ рапортовъ,

[1]) „Русскій Вѣстникъ“, томъ CCCV, октябрь 1906, стр. 571—619.

находящихся въ архивѣ Главнаго Управленія по дѣламъ печати. Отъ этихъ интересныхъ документовъ, относящихся къ 1865 году, получается общее впечатлѣніе, что Гончаровъ, по словамъ самого издателя, „былъ цензоръ просвѣщенный, гуманный, всегда старавшійся найти способы мягкаго воздѣйствія на авторовъ, не прибѣгая къ крутымъ мѣрамъ“ [1]). Такое же впечатлѣніе производятъ и нѣкоторыя указанія Никитенки въ его дневникѣ [2]) и извѣстные намъ отрывки переписки Писемскаго съ Гончаровымъ въ семидесятыхъ годахъ [3]).

Нельзя, вмѣстѣ съ тѣмъ, не упомянуть, хотя и съ осторожностью, объ устныхъ свидѣтельствахъ нѣкоторыхъ изъ современниковъ, хорошо знавшихъ Гончарова во время его цензорской дѣятельности. По словамъ этихъ послѣднихъ, Гончаровъ представляется намъ добродушнымъ цензоромъ, всегда готовымъ къ услугамъ для своихъ собратьевъ по оружью беллетристовъ, но въ то же время и „большимъ политикомъ“, остерегавшимся отъ мало-мальски затруднительныхъ дѣлъ, постоянно сваливавшимъ на Совѣтъ эти послѣднія, да и всякую мелочь, за которую ему не хотѣлось отвѣчать, однимъ словомъ, умѣющимъ, какъ никто, *ménager la chèvre et le chou*....

Кстати припоминается и разсказъ князя Мещерскаго, въ его *Воспоминаніяхъ* [4]), о томъ, какъ, въ 1866 году, когда всемогущему министру Валуеву удалось выставить *Московскія Вѣдомости* неблагонамѣренною газетою и добиться у Государя позволенія на запрещеніе ея, всѣ члены Совѣта по дѣламъ печати, созванные „съ цѣлью санкціонировать легальными путями рѣшеніе правительства“, смолчали и „преклонились предъ волею предсѣдателя-министра“ [5]), за исключеніемъ одного Ѳ. И. Тютчева, который объявилъ, что онъ ни съ требованіемъ министра, ни съ рѣшеніемъ Совѣта согласиться не можетъ, затѣмъ всталъ и вышелъ изъ засѣданія, потряхивая своею бѣловолосою головою; Гончаровъ всталъ такъ же и, подойдя къ нему, пожалъ ему съ волненіемъ руку и сказалъ: „Ѳедоръ Ивановичъ, преклоняюсь предъ вашею благородною рѣшимостью и вполнѣ вамъ сочувствую, но для меня служба — насущный хлѣбъ старика“ [6]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 573.

[2]) См., напримѣръ, записки Никитенки за 18 января 1858 г. и за 26 февраля 1859 г. *Дневникъ*, Спб., 1905, томъ I, стр. 506 и 552.

[3]) „Новь“, 1888, т. XX, 7, стр. 137—144.

[4]) „Гражданинъ“, 1897, № 5, стр. 9 и 10.

[5]) См. тамъ же.

[6]) Тамъ же.

Приводимые здѣсь документы, не имѣющіе другой цѣли какъ дополнить вышеозначенныя немногочисленныя данныя, могутъ, по хронологическому порядку, раздѣлиться такъ:

1) дѣло „о предоставленіи барону Розену должности цензора въ С.-Петербургскомъ Цензурномъ Комитетѣ" (1859), на которое намъ весьма любезно указалъ К. А. Военскій, за что выражаемъ ему искреннюю благодарность;

2) дѣло объ увольненіи И. А. Гончарова въ 1860 году;

3) четыре отзыва члена Совѣта Главнаго Управленія по дѣламъ печати И. А. Гончарова: о драмѣ *Мѣстничество*, графа В. А. Соллогуба; — о драмѣ *Утро Хрептюгина*, Салтыкова-Щедрина; — объ одной статьѣ газеты *Современный Листокъ*; — объ одной статьѣ газеты *Недѣля* (1867) [1]).

1) Дѣло „о предоставленіи барону Розену должности цензора въ С.-Петербургскомъ Цензурномъ Комитетѣ".

Нынѣ забытый авторъ либретто извѣстной оперы Глинки „*Жизнь за Царя*", баронъ Егоръ Ѳедоровичъ Розенъ, родился въ Ревелѣ въ 1800 г. и воспитывался въ Эстляндской губерніи. Онъ прослужилъ въ гусарскомъ полку отъ 1819 г. до 1834 г., вступивши, по его словамъ, „въ тайную любовную связь съ поэзіею и съ гусарскою жизнью" [2]). Двадцатилѣтнимъ офицеромъ онъ могъ „довольно успѣшно обучать гусаръ въ манежѣ", но не хватало его знанія русскаго языка для того, чтобы прочесть Озерова „въ угоду прелестной дѣвушкѣ". Однако, будучи совершенно отлученъ отъ нѣмецкаго духа и отъ нѣмецкой жизни въ такомъ возрастѣ, когда сердце стремится въ даль, въ образованный міръ, онъ „долженъ былъ довольствоваться русскою національностью".

„Первыя мои любовныя изліянія, пишетъ онъ, должны были выражаться на русскомъ языкѣ. Часто приходилось мнѣ съ гусарами стоять въ степной деревнѣ, въ ста верстахъ отъ полкового штаба, идиллически принимать участіе въ играхъ деревенской молодежи, слушать старинныя сказки отъ краснобаевъ, веселыя и унылыя

---

[1]) Эти документы находятся въ архивахъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, Главнаго Управленія по дѣламъ печати и С.-Петербургскаго Цензурнаго Комитета. Письмо И. А. Гончарова такъ же какъ и его отзывы написаны собственной рукой.

[2]) Настоящая характеристика барона Е. Ѳ. Розена—съ его же пера. Въ ней отражается, какъ нельзя наивнѣе и вѣрнѣе, личность обрусѣвшаго германскаго офицера-романтика. См. *Очеркъ фамильной исторіи барововъ фонъ Розенъ*, составленный бар. Андр. Евг. Розеномъ, СПБ., 1876, стр. 77—80 (автобіографія переведена съ нѣмецкаго изданія Die Tochter Joann's III. St. Petersburg, 1841).

пѣсни парней и дѣвушекъ, однимъ словомъ—участвовать во всѣхъ отношеніяхъ народной жизни, и я непримѣтнымъ образомъ всею душею обжился съ духомъ національнымъ... Черезъ семь лѣтъ ученія послалъ я первые мои опыты на русскомъ языкѣ Н. А. Полевому, для напечатанія въ журналѣ *Московскій Телеграфъ*. Мнѣ уже не было нужно переводить мои мысли съ нѣмецкаго языка, я прямо мыслилъ на русскомъ, когда писалъ мои драмы: „*Россія и Баторій*", „*Осада Пскова*", „*Басмановъ*"...

Вышедши по болѣзни въ отставку, онъ былъ назначенъ въ 1835 г. секретаремъ къ Государю Цесаревичу, но, такъ какъ, вслѣдствіе разстроеннаго здоровья, онъ долженъ былъ скоро оставить эту должность, его переименовали въ надворные совѣтники. „*Жизнь за Царя*" появилась на сценѣ петербургской оперы въ 1836 году; его романъ „*Сидонскій*", его „*Путешествія за границею*", его лирическія стихотворенія были напечатаны въ концѣ сороковыхъ годовъ въ журналѣ *Сынъ Отечества*. „Послѣдніе годы своей жизни", пишетъ баронъ Андрей Евгеніевичъ Розенъ, онъ провелъ „на Петербургской сторонѣ въ болѣзни, въ уединеніи и забвеніи";—хотя, можно прибавить, и не въ такомъ уединеніи и забвеніи, чтобъ чуть-чуть было не попасть въ цензоры; да И. А. Гончаровъ испортилъ все дѣло.

Въ концѣ мая 1859 г., товарищъ Министра Народнаго Просвѣщенія Н. А. Мухановъ получилъ отъ Министра Двора графа Адлерберга извѣщеніе о томъ, что баронъ Егоръ Розенъ проситъ „о предоставленіи ему должности цензора С.-Петербургскаго цензурнаго Комитета, изъявляя готовность нести обязанности сего званія, до открытія вакансіи, безъ содержанія". Его Величество Высочайше поручилъ Министру Двора снестись съ Министромъ Народнаго Просвѣщенія, не признаетъ ли онъ возможнымъ опредѣлить барона Розена, въ случаѣ открытія вакансіи, въ должность цензора означеннаго цензурнаго Комитета, а до того времени допустить его къ исполненію обязанностей цензора.

На это отношеніе отъ 29 мая 1859 года было отвѣчено Н. А. Мухановымъ, 5 іюня 1859 года, что, за неимѣніемъ вакантнаго цензорскаго мѣста, Министръ Народнаго Просвѣщенія не признаетъ за собою права назначать сверхштатныхъ цензоровъ; но что, въ ожиданіи вакансіи, баронъ Е. Ѳ. Розенъ можетъ, если онъ подастъ прошеніе, причислиться къ министерству.

Согласно этому послѣднему указанію, баронъ Е. Ѳ. Розенъ подалъ прошеніе 5 августа 1859 года, вслѣдствіе котораго приказомъ Министра Народнаго Просвѣщенія отъ 3 сентября 1859 года „изъ

отставныхъ" причислялся къ министерству „надворный совѣтникъ баронъ Розенъ".

Вслѣдъ за этимъ, желая поддержать свою кандидатуру и внѣ придворной сферы, баронъ Е. Ѳ. Розенъ началъ дѣлать визиты и писать письма разнымъ примыкающимъ къ цензурѣ лицамъ, между прочимъ и И. А. Гончарову. Такимъ образомъ этому послѣднему, послѣ того какъ онъ откровенно отвѣтилъ, что баронъ Розенъ не первый стоитъ въ спискѣ кандидатовъ и слѣдовательно, по справедливости, не можетъ быть назначенъ прежде другихъ, пришлось получить отъ разочарованнаго кандидата слѣдующее письмо:

Милостивый Государь
Иванъ Александровичъ!

Благодарю Васъ за откровенность, съ которою Вы мнѣ высказали, что я не имѣю ни малѣйшей надежды на полученіе цензорской должности, не взирая на то, что на *условіи:* [1]) занять *первую* [1]) сего рода вакансію, по Высочайшему ходатайству, я, послѣ 19-лѣтней отставки, вступилъ въ службу и этимъ былъ введенъ въ значительныя издержки.

Позвольте мнѣ отвѣтствовать Вамъ съ тою же откровенностью.

По словамъ Князя Одоевскаго, я могъ предузнать содержаніе Вашего письма. О Высочайшемъ ходатайствѣ у Васъ нѣтъ и рѣчи! Оно, повидимому, *не принимается* [1]) въ уваженіе!!! [2]) Господи! это что-то похоже на *республику* [1])! Вѣроятно, Вы скоро запоете: *Allons, enfants de la Patrie!* Я приведенъ этимъ въ ужасъ. По чувствамъ *моимъ* [1]) и всякаго вѣрноподданнаго, ходатайство Государево должно быть *свято* [1])—ибо оно есть евфемисмъ, вмѣсто *повелѣнія* [1])— и ставитъ меня *первымъ* [1]) кандидатомъ въ цензорскую вакансію. Если бы было иначе, то не слѣдовало бы пригласить меня въ службу, а отозваться графу Адлербергу, для доклада Его Величеству, какія есть тому препятствія. Теперь же я оказываюсь жертвою обмана, оттого что я имѣлъ полную вѣру въ святую значительность Высочайшаго ходатайства, въ слова графа Адлерберга, относительно смысла бумаги Тайнаго Совѣтника Муханова, доложенной Государю, и въ причисленіе меня къ Министерству на такомъ условіи.

Мнѣ остается предстать предъ Его Величествомъ съ жалобою на неуваженіе къ ходатайству Его и на предосудительное введеніе меня въ обманъ!

Вы, милостивый Государь, *не* [1]) участвовали въ этомъ горькомъ

---

[1]) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

[2]) Три восклицательные знака въ подлинникѣ.

противъ меня согрѣшеніи, такъ и не къ Вамъ относится негодованіе сего письма, возбужденное только Вашимъ чистосердечнымъ мнѣ объявленіемъ печальной истины.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и истинною преданностью имѣю честь быть

Сего 28-го ноября 1859.

Вашимъ покорнѣйшимъ слугою
Баронъ Е. Розенъ.

Баронъ Е. Ѳ. Розенъ, если онъ не подалъ жалобы, то по крайней мѣрѣ возобновилъ усиленнѣе ходатайство, и до того успѣшно, что, 19-го декабря 1859 года, графъ Адлербергъ извѣстилъ Министра Народнаго Просвѣщенія о томъ, что „нынѣ, вслѣдствіе повтореннаго ходатайства барона Розена, Государь Императоръ, принимая во вниманіе его литературныя заслуги и недостаточное состояніе, изволилъ отозваться, чтобы онъ опредѣленъ былъ въ означенную должность“. Оффиціальное извѣщеніе, отъ декабря мѣсяца (безъ числа), о томъ, что баронъ Розенъ назначенъ цензоромъ г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія,—о чемъ и было предложено г. Попечителю С.-Петербургскаго учебнаго округа, — было приготовлено немедленно за этимъ заявленіемъ на имя барона Розена;— но оно такъ и осталось неоконченнымъ, безъ числа и.... безъ подписи Министра; на немъ же было только отмѣчено карандашемъ: *обождать*! и немного ниже тѣмъ же карандашемъ: *7-го января 1860 г.*

А въ этомъ неожиданномъ оборотѣ дѣла виноватъ былъ одинъ И. А. Гончаровъ, о чемъ и свидѣтельствуетъ слѣдующее письмо, адресованное, кажется, Товарищу Министра Народнаго Просвѣщенія наканунѣ отмѣченнаго карандашемъ числа, т. е. 6-го января 1860 года:

Ваше Превосходительство!

Когда баронъ Модестъ Андреевичъ Корфъ предложилъ мнѣ, отъ имени Государя Императора, мѣсто Предсѣдателя здѣшняго Цензурнаго Комитета, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ хотѣлъ возложить на меня и обязанность замѣщать вакансіи цензоровъ. Но я отклонилъ отъ себя это право, тѣмъ болѣе, что назначеніе меня не было утверждено. Однако баронъ М. А. прислалъ ко мнѣ списокъ кандидатовъ, а потомъ и самихъ просителей. Изъ нихъ баронъ Розенъ прислалъ мнѣ письмо, въ которомъ ссылаясь *на ходатайство* [1], будто бы *о немъ* [1]) Государя Императора (заключавшееся впрочемъ только въ вопросѣ графа Адлерберга о томъ, можетъ ли баронъ Розенъ

[1]) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

быть опредѣленъ), просилъ откровенно увѣдомить, можетъ ли онъ получить мѣсто цензора.

Я отвѣчалъ ему, какъ и прочимъ, что не считалъ себя въ правѣ распоряжаться въ этомъ дѣлѣ и откровенно могу сказать ему только одно, что онъ не первый стоитъ въ спискѣ кандидатовъ и что слѣдовательно справедливость требуетъ, чтобы преимущество было отдано тѣмъ, кто помѣщенъ выше его.

На это баронъ Розенъ прислалъ мнѣ второе письмо, которое имѣю честь представить въ подлинникѣ, письмо неприличное, обнаруживающее въ немъ человѣка совершенно полуумнаго, какимъ впрочемъ онъ давно слыветъ между всѣми, сколько-нибудь знающими его людьми.

Я долгомъ счелъ не умолчать объ этомъ и представить самое письмо на тотъ конецъ, не изволите ли Вы счесть нужнымъ показать его Е. В. Евграфу Петровичу, чтобы дать понятіе о характерѣ и умѣ человѣка, который, какъ слухи носятся, ищетъ мѣсто цензора. Трудно представить себѣ, какое впечатлѣніе должно произвести появленіе подобнаго лица въ кругу литературной и цензурной дѣятельности, и чего можно ожидать отъ столкновеній его съ разными лицами по службѣ, если только справедливъ слухъ, что онъ ищетъ цензорскаго мѣста: развѣ что онъ домогается мѣста въ комитетѣ цензуры иностранной?

Имѣю честь быть, съ искреннимъ уваженіемъ и преданностью

Вашего Превосходительства
покорный слуга
И. Гончаровъ.

6-го января
1860 г.

Нѣсколько недѣль спустя, въ февралѣ, баронъ Е. Ѳ. Розенъ былъ назначенъ „старшимъ чиновникомъ особыхъ порученій“ при Главномъ Управленіи цензуры, но, по всей вѣроятности—*in extremis*, ибо въ мартѣ 1860 года его уже не стало.

2) Дѣло объ увольненіи И. А. Гончарова въ 1860 году.

Единственный интересъ этого дѣла заключается въ нижеслѣдующемъ оффиціальномъ и, по правдѣ сказать, чисто канцелярскомъ свидѣтельствѣ о цензорской дѣятельности И. А. Гончарова.

Предсѣдатель С.-Петербургскаго Цензурнаго Комитета докладывалъ Министру Народнаго Просвѣщенія 21-го января 1860 года:

„Цензоръ С.-Петербургскаго Цензурнаго Комитета, Статскій Совѣтникъ Гончаровъ въ поданномъ мнѣ прошеніи объясняетъ, что, страдая хроническимъ ревматизмомъ въ вискахъ и во всемъ лицѣ, онъ долженъ на нѣкоторое, можетъ-быть, довольно продолжи-

тельное время уѣхать за границу, или куда укажутъ медики, и вслѣдствіе сего проситъ объ увольненіи его отъ службы.

„Не находя съ своей стороны никакого къ сему препятствія, я имѣю честь о просьбѣ г. Гончарова представить на благоусмотрѣніе Вашего Высокопревосходительства. Съ тѣмъ вмѣстѣ я дозволяю себѣ объяснить, что для С.-Петербургскаго Цензурнаго Комитета потеря г. Гончарова, какъ одного изъ просвѣщеннѣйшихъ и полезнѣйшихъ его дѣятелей будетъ, конечно, въ высшей степени ощутительна; онъ соединялъ въ себѣ рѣдкое умѣніе соглашать требованія правительства съ современными требованіями общества и, принося этимъ неоцѣненнымъ въ цензорѣ качествомъ пользу литературѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ избавлялъ и самое Министерство Народнаго Просвѣщенія отъ пререканій и непріятностей, столь часто встрѣчающихся по дѣламъ цензурнымъ....“

Предсѣдатель:

Деляновъ.

3) Отзывы члена Совѣта Главнаго Управленія по дѣламъ печати И. А. Гончарова.

Эти отзывы показываютъ Гончарова въ роли, такъ сказать, аппелляціоннаго судьи, склоняющаго, въ большинствѣ случаевъ, къ смягченію мѣръ, предложенныхъ прежними судьями: онъ отмѣчаетъ явныя преувеличенія и чрезмѣрную щепетильность этихъ послѣднихъ, и самъ высказываетъ, съ умѣреннымъ и вялымъ тономъ оффиціальнаго рецензента, свое личное противоположное мнѣніе. Какъ бы это ни казалось парадоксальнымъ, но и въ такихъ бумагахъ, отъ которыхъ вѣетъ какой-то канцелярской скукой, возможно отыскать отраженіе умственной и нравственной личности Гончарова: въ нихъ проявляются критическій оборотъ ума, тонкое литературное чутье, скромный либерализмъ, дипломатическая осторожность, и надъ всѣмъ этимъ господствующая привязанность къ службѣ или, шире говоря, къ *традиціи*. Замѣчательно характерна, въ этомъ отношеніи, слѣдующая фраза одного изъ этихъ отзывовъ: „Все это, пишетъ онъ объ осужденномъ имъ спорѣ отца съ сыномъ въ драмѣ гр. Соллогуба *Мѣстничество*, все это совершенно справедливо и разумно, но сцена русскаго театра до сихъ поръ не выдерживаетъ постановки такихъ щекотливыхъ вопросовъ“.

Мѣстничество, драма въ 5 дѣйствіяхъ, сочиненіе графа Соллогуба.

Г. цензоръ драматическихъ сочиненій подробно изложилъ въ докладѣ своемъ, въ прошедшее засѣданіе Совѣта, содержаніе драмы графа Соллогуба, которая, какъ видно изъ справки по дѣламъ

прежней театральной цензуры, была запрещена этою послѣднею къ представленію по причинѣ введенной въ піесу широкой картины своеволія и буйства стрѣльцовъ, принимающихъ на себя роль мстителей за нанесенное ихъ товарищу оскорбленіе отъ бояръ.

Г. Кейзеръ фонъ Нилькгеймъ полагаетъ однако, что съ смягченіемъ или исключеніемъ сценъ буйства стрѣльцовъ, драма могла бы быть допущена къ представленію.

По разсмотрѣніи піесы, впрочемъ давно мнѣ извѣстной въ печати, я съ своей стороны нахожу:

1) Что картины буйства и своеволія стрѣльцовъ не составляютъ въ пьесѣ отдѣльнаго эпизода, который бы по произволу могъ быть выпущенъ, на что, можетъ быть, не согласился бы и авторъ, но составляютъ органическую, неотъемлемую часть драмы, безъ которой она не была бы драмою. Оскорбленные боярскимъ сыномъ стрѣльцы въ лицѣ своего товарища, дышутъ мщеніемъ и злобою противъ всего класса бояръ, и хотя авторъ влагаетъ въ уста нѣкоторыхъ изъ нихъ выраженія уваженія къ царю и къ его власти, однако въ то же время стрѣльцы буйно врываются въ судилище или приказъ, чтобы силою освободить оттуда своего товарища; они составляютъ въ пьесѣ какъ бы отдѣльную отъ государства и правительства силу, предоставляютъ себѣ право казнить или миловать бояръ, составляютъ заговоры, жгутъ города, грабятъ и разбойничаютъ, такъ что не мѣстничество собственно, не интрига любви сына Мстиславскаго и дочери стрѣльца, а стрѣлецкое своеволіе составляетъ почти главную, бросающуюся въ глаза зрителю картину. Все остальное является въ пьесѣ блѣдно, выключая перваго акта, гдѣ составляетъ очень удачный эффектъ появленіе князя Ромодановскаго, выданнаго головою, по Царскому Приказу, боярину Мстиславскому.

2) Кромѣ приводимаго г.г. и прежнимъ и нынѣшнимъ цензорами затрудненія къ постановкѣ драмы на сцену, т. е. бунта стрѣльцовъ, въ пьесѣ есть и нѣкоторыя другія второстепенныя сомнѣнія, которыхъ однако, судя по той осторожности, съ какою и нынѣ дѣйствующая цензура разрѣшаетъ пьесы къ представленію, не могутъ не быть приняты въ соображеніе вмѣстѣ съ главнымъ вышесказаннымъ препятствіемъ, хотя, будучи отдѣльно взяты, они не составили бы капитальнаго затрудненія и могли бы быть легко устранены. Это именно горячій протестъ молодого Мстиславскаго противъ злоупотребленій родительской власти, въ сценѣ съ отцомъ, отъ котораго онъ настойчиво требуетъ свободы, укоряя его въ стѣсненіяхъ, жестокости и вообще въ деспотизмѣ. Все это совершенно справедливо и разумно, но сцена русскаго театра до сихъ поръ не выдерживаетъ постановки такихъ щекотливыхъ вопросовъ.

Къ числу такихъ же вопросовъ можно также отнести и самую мораль, на которую невольно наводитъ зрителя *смыслъ* мѣстничества, безобразіе боярскихъ споровъ, вызвавшее уничтоженіе разрядныхъ книгъ: все это очень наглядно даетъ понимать, какая рѣзкая черта отдѣляетъ преимущество породы отъ преимущества личныхъ заслугъ, на что у автора мѣстами есть намеки, которые впрочемъ могли бы быть устранены. Такимъ вопросамъ цензура неохотно даетъ проникать и въ печать, а еще менѣе на сцену.

Высокій художественный талантъ съумѣлъ бы оправдать и такіе щекотливые и смѣлые вопросы, отыскавъ въ нихъ и безпристрастно освѣтивъ блескомъ творчества непобѣдимую силу разума и истины, которую не могла бы не уважить и цензура, но къ сожалѣнію, пьеса графа Соллогуба не выкупаетъ никакимъ художественнымъ достоинствомъ тѣхъ показанныхъ выше уклоненій отъ цензуры, которыя были бы незамѣтны въ высокоправдивомъ творческомъ произведеніи.

Во всей драмѣ господствуетъ историческая невѣрность и художественная неправда. Молодой Мстиславскій и Ольга похожи на героевъ новѣйшей мелодрамы: и они и всѣ прочія лица говорятъ риторическія фразы, весь ходъ фальшивъ, сцены отличаются многословіемъ и нестройностью, и едва только сцены Мстиславскаго съ Ромодановскимъ въ первомъ актѣ напоминаютъ, что авторъ не лишенъ дарованія.

Доставленный мнѣ экземпляръ драмы носитъ слѣды многихъ поправокъ и исключеній, такъ что я не могъ видѣть *опредѣлительно*, что предположено исключить: можно конечно согласиться съ г. Кейзеръ ф. Нилькгеймомъ, что если исключить, по его предположенію, сцены буйства и своеволія стрѣльцовъ, и кромѣ того смягчить вышеупомянутую сцену протеста противъ родительской власти, наконецъ выпустить кое-какіе намеки на преимущества породы параллельно съ значеніемъ личныхъ заслугъ, то драма могла бы быть допущена на сцену. Но при такихъ капитальныхъ измѣненіяхъ драма явилась бы другою пьесою, и если авторъ самъ пожелаетъ представить ее въ этомъ новомъ видѣ, тогда, по моему мнѣнію, и можетъ быть дано цензурное разрѣшеніе. Въ противномъ же случаѣ, т. е., если пьеса останется въ нынѣшнемъ своемъ видѣ, лишь съ нѣкоторыми легкими измѣненіями, то я не нахожу достаточныхъ побужденій къ отмѣнѣ запрещенія ея прежней театральной цензурой.

28 января 1867 г. Членъ совѣта И. Гончаровъ [1])

[1]) Драма *Мѣстничество* была напечатана въ Петербургѣ въ 1849 году. Она, судя по книгѣ А. И. Вольфа (*Хроника Петербургскихъ театровъ*, ч. III, Спб. 1884 г.), не была поставлена на сценѣ, по крайней мѣрѣ въ Петербургѣ.

Утро Хрептюгина, драматическій очеркъ въ одномъ дѣйствіи, сочиненіе Щедрина.

Хрептюгинъ, богачъ изъ простаго званія, грубый и необразованный, соритъ деньгами, которыя выманиваютъ у него подъ видомъ пожертвованій на благотворительныя цѣли. Онъ угощаетъ изъ чванства важныхъ лицъ, въ надеждѣ получить чинъ надворнаго совѣтника, но его обманываютъ.

Это не совсѣмъ удачная каррикатура глупаго тщеславія: лица не довольно типичны, дѣйствіе вяло, разговоры и сцены изобилуютъ избитыми общими мѣстами. Это одно изъ раннихъ и слабыхъ произведеній даровитаго автора *Губернскихъ очерковъ*.

Пьеса запрещена прежнею театральною цензурою, безъ обозначенія причины. Причины, по моему мнѣнію, нѣтъ никакой. Дѣйствіе ведется скромно и прилично: можетъ быть бывшій цензоръ не счелъ умѣстнымъ домогательство Хрептюгина получить чинъ надворнаго совѣтника за пожертвованія, но тутъ не обнаружено никакого неуваженія къ рангамъ, ни насмѣшки надъ ними. Авторъ осмѣиваетъ только глупое тщеславіе богача, котораго обманули тѣмъ, что хотѣли представить къ чину, выманивали у него деньги и не представили. Онъ былъ введенъ въ грубый обманъ какимъ-то мелкимъ чиновникомъ, столоначальникомъ, который, вмѣсто хлопотъ по его дѣлу, истратилъ деньги на другой предметъ. О чинѣ упоминается слегка, вскользь.

Словомъ пьеса никакого неблагопріятнаго впечатлѣнія на зрителей произвести не можетъ, и я полагаю, что за исключеніемъ сдѣланныхъ г. цензоромъ Фридвергомъ выпусковъ нѣсколькихъ выраженій, очеркъ г. Щедрина можетъ быть безъ всякаго затрудненія допущенъ на сцену.

Членъ Совѣта И. Гончаровъ [1]).

9 февраля 1867 г.

Редакція газеты *Современный Листокъ*, представляя въ Главное Управленіе по дѣламъ печати корректурный листъ передовой статьи, назначаемый для означенной газеты, проситъ отмѣнить запрещеніе, наложенное на эту статью г. цензоромъ Сватковскимъ.

Мнѣ не извѣстны причины, по которымъ г. цензоръ нашелъ эту статью неудобною для печати, а также и заключеніе по этому предмету Цензурнаго Комитета.

Имѣя въ рукахъ только просьбу г. Поповицкаго и самую статью,

---

[1]) Драма въ одномъ дѣйствіи *Утро Хрептюгина* появилась на сценѣ въ томъ же 1867 году. Она, насколько можно судить по тогдашнимъ газетамъ, не имѣла успѣха.

я, по просмотрѣніи послѣдней, не нахожу съ своей стороны повода къ недопущенію ея въ печать.

Въ ней прилично и довольно умѣренно, хотя и настойчиво, выражается желаніе, чтобы восточные христіане, воспользовавшись настоящимъ возстаніемъ Кандіи, освободились отъ мусульманскаго ига, чтобы европейскія державы не только не препятствовали этому, какъ Франція, но всячески способствовали изгнанію Турокъ изъ Европы, что, по мнѣнію выраженному въ статьѣ, должно объединить всѣ христіанскія общества въ Европѣ принципами христіанской цивилизаціи и братства народовъ.

Затѣмъ статья ссылается на воззваніе митрополита Филарета къ христіанской благотворительности на пользу пострадавшихъ единовѣрцевъ.

Вотъ и вся мысль коротенькой статьи, проводимая въ настоящее время во всѣхъ органахъ журнальной прессы, и притомъ съ большею горячностью къ дѣлу Кандійскаго возстанія.

Если г. цензоръ имѣлъ въ виду то обстоятельство, что „*Современный Листокъ*“ издается подъ цензурнымъ наблюденіемъ, и потому явное сочувствіе редакціи съ разрѣшенія правительства къ дѣлу угнетенныхъ на Востокѣ христіанъ можетъ быть замѣчено и истолковано неблагопріятно иностранною прессою въ международномъ смыслѣ, то противъ этого можно возразить, что эта газета посвящена собственно интересамъ православной церкви и, слѣдовательно, ей болѣе, нежели другимъ журналамъ, можетъ быть предоставлено право голоса по вопросу о восточныхъ христіанахъ. Притомъ газета имѣетъ скромный кругъ читателей, преимущественно въ русскомъ духовенствѣ, и едва ли мнѣніе ея можетъ имѣть вѣсъ, и даже просто быть замѣчено, тѣмъ болѣе, что оно выражено вскользь и въ такой статьѣ, которая похожа на краткую замѣтку.

Все, что можетъ слишкомъ осторожный цензоръ выпустить изъ этой замѣтки—это намекъ въ первыхъ строкахъ на сочувствіе къ освобожденію восточныхъ христіанъ *такихъ органовъ гласности*, по словамъ статьи, *которые имѣютъ у насъ соприкосновеніе съ оффиціальными сферами* [1]).

Но и эти слова едва ли обратятъ на себя чье-либо вниманіе: такъ они маловажны, особенно послѣ открытыхъ заявленій въ пользу восточныхъ христіанъ въ оффиціальныхъ органахъ, на которые указано въ прошеніи г. Поповицкаго.

По всѣмъ вышеизложеннымъ причинамъ, я полагалъ бы возмож-

---

[1]) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

нымъ пропустить статью въ печать, если только Ценсурный Комитетъ не имѣетъ какихъ-либо особенныхъ поводовъ къ ея запрещенію.

Членъ Совѣта И. Гончаровъ [1]).

3 февраля 1867 г.

Представленіе С.-Петербургскаго Цензурнаго Комитета отъ 17 февраля 1867 г., за № 173, о № 7-мъ газеты *Недѣля*.

Цензурный Комитетъ заявляетъ Главному Управленію по дѣламъ печати, на основаніи конфиденціальныхъ инструкцій г. Министра, что въ 7-мъ № газеты *Недѣля* употреблены неприличныя и оскорбительныя выраженія, обращенныя къ лицу императора французовъ, а именно про тронную рѣчь Наполеона III-го сказано, что „она не могла представиться иначе, какъ самымъ безсовѣстнымъ фанфаронствомъ императора французовъ, не побоявшагося передъ лицомъ всего свѣта прибѣгнуть ко лжи или къ клеветѣ, чтобы только выставить себя въ лучшемъ свѣтѣ предъ своимъ недовольнымъ народомъ!“ (стр. 109 Политич. Обозр. Недѣля, № 7).

Негодованіе автора, выразившееся въ такой неприличной выходкѣ, вызвано тѣмъ мѣстомъ тронной рѣчи, въ которой Наполеонъ III объявляетъ *о согласіи Россіи слѣдовать по восточному вопросу политикѣ Франціи*, слѣдовательно, авторъ побужденъ былъ высказаться съ рѣзко патріотическимъ гнѣвомъ противъ императора, кинувшаго въ рѣчи своей неблагопріятный и невѣрный свѣтъ на политику Россіи. Но тѣмъ не менѣе нельзя не согласиться, что авторъ зашелъ въ порицаніи словъ императора французовъ до такой степени рѣзкости, которая не можетъ быть терпима въ печати даже относительно частныхъ лицъ.

Весьма легко можетъ быть, что этотъ отзывъ будетъ замѣченъ французскимъ посольствомъ, и что по поводу безцѣльной и рѣзкой выходки сотрудника не важной газеты *Недѣля*, на русскую прессу падетъ упрекъ въ нарушеніи международныхъ приличій.

Къ этому я долженъ присовокупить, что въ той же газетѣ, въ томъ же 7-мъ номерѣ, строго, хотя и не въ столь рѣзкихъ выраженіяхъ, осуждается тоже тронная рѣчь императора французовъ, а въ № 6 съ глумленіемъ и сильной ироніей разобрана подробно

---

[1]) Вышеозначенная статья была напечатана, нѣсколько дней спустя послѣ отзыва И. А. Гончарова, подъ заглавіемъ *Восточныя дѣла* (Ср. *Современный Листокъ*, 1867, № 13, отъ 15 февраля 1867 г.). Статья, по всей вѣроятности, осталась нетронутой, такъ какъ она заключаетъ въ себѣ осужденную фразу: „будучи уполномочены къ тому заявленіями такихъ органовъ гласности, которые имѣютъ у насъ соприкосновеніе съ оффиціальными сферами“.

тронная рѣчь королевы Викторіи. Все это помѣщено въ передовыхъ статьяхъ.

Сверхъ того, въ № 8, въ статьѣ *Новое разрѣшеніе восточнаго и славянскаго вопросовъ*, на стр. 116, приводятся изъ заграничной брошюры Каспровича, слишкомъ откровенно нелѣпыя предположенія и отзывы польскаго публициста о нашихъ государственныхъ и литературныхъ дѣятеляхъ, а именно о г.г. Милютинѣ, Костомаровѣ, Іозефовичѣ, о которыхъ впрочемъ авторъ старается опровергнуть мнѣніе Каспровича.

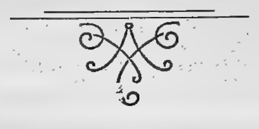
Газета *Недѣля* отличается благонамѣренностью и патріотизмомъ и, по моему мнѣнію, этими случайно-рѣзкими выходками не заслуживаетъ строгой карательной мѣры, но однако же вышеозначенныя выходки, могущія вызвать неблагопріятныя послѣдствія не только для редакціи газеты, но навлечь упрекъ и на администрацію печати за слабость надзора, не должны быть оставлены безъ вниманія.

По этому я полагалъ бы нужнымъ просить г. предсѣдателя С.-Петербургскаго Цензурнаго Комитета сдѣлать редактору газеты *Недѣля* внушеніе быть осторожнѣе и воздержнѣе въ сужденіяхъ своихъ вообще, а о вѣнценосныхъ лицахъ въ особенности.

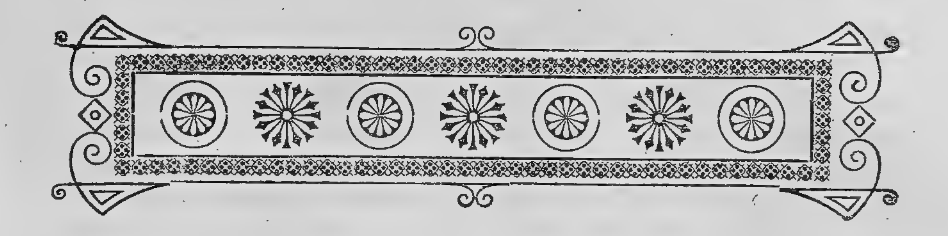
Членъ Совѣта И. Гончаровъ [1]).

21 февраля, 1867 г.

А. А. Мазонъ.

[1]) Ср. *Недѣля*, 12 февраля 1867 г.

„Другъ дѣтей“.

Е. М. Бёмъ.

(Біографическій эскизъ).

Взявъ на себя смѣлость набросать небольшой біографическій эскизъ нашей высоко-даровитой художницы Елизаветы Меркурьевны Бёмъ, избравшей себѣ совершенно особенную спеціальность, такъ широко и симпатично ею разработанную,—я исполняю свое сердечное желаніе поближе познакомить тѣхъ, кто прочтетъ мою безъискусную статью, съ этой, въ высшей степени симпатичной, высоко-образованной и развитой личностью, интересной и помимо ея художественнаго дара.

Кто изъ насъ не знакомъ съ вышедшими изъ-подъ ея кисти дѣтишками, чисто-русскаго типа, съ ихъ розовыми личиками, русыми кудряшками, наивными глазками и широко улыбающимися, или слегка надутыми губками? Кто, встрѣтивъ этихъ дѣтишекъ въ оригинальныхъ акварельныхъ рисункахъ на выставкахъ, или отпечатанныхъ въ видѣ карточекъ, заказываемыхъ художницѣ со всѣхъ концовъ стараго и новаго свѣта и раскупаемыхъ на расхватъ,—не залюбуется, а часто и привѣтливо улыбнется этимъ крошкамъ, то въ расшитыхъ золотомъ, боярскихъ кафтанахъ, то въ рваныхъ зипунишкахъ и простыхъ рубашенкахъ; то въ видѣ ангелочковъ, осѣненныхъ граціозно-сложенными крыльями? Кто не угадаетъ, разсматривая этихъ дѣтишекъ, съ какой любовью воспроизводила ихъ художница, съ раннихъ лѣтъ изучивъ ихъ въ натурѣ, на чисто-русской почвѣ?

I.

— Если хотите знать мою родословную,—говорила мнѣ Елизавета Меркурьевна,—то знайте, что во мнѣ течетъ татарская кровь; такъ какъ мои предки были татары, по фамиліи Индогуръ,— что значитъ „индѣйскій пѣтухъ"; а грамотой, дарованной Іоанномъ III, эта фамилія и переименована была въ мою дѣвичью фамилію Эндаурову.

„Родилась я въ Петербургѣ [1]); но мнѣ не было и шести лѣтъ, какъ семья наша покинула Петербургъ, переселившись въ Ярославскую губ. въ свое родовое имѣнье. Самыя лучшія воспоминанія у меня связаны съ деревней, и я сожалѣю тѣхъ дѣтей, которыя лишены этихъ радостей. Любовь къ рисованью у меня была съ самыхъ малыхъ лѣтъ; и я иначе себя не помню, какъ рисующей на всѣхъ клочкахъ бумаги, которые попадались мнѣ въ руки. Въ письмахъ къ своимъ подругамъ петербургскимъ я постоянно вкладывала свои рисуночки куколокъ и животныхъ; и вотъ это-то и обратило вниманіе людей нѣсколько понимающихъ, что мнѣ слѣдовало серьезно заняться рисованьемъ.

„Мнѣ было 14 лѣтъ, когда по настоянію нашихъ родственниковъ Ильиныхъ [2]), меня перевезли въ Петербургъ, къ нимъ, и я начала посѣщать школу „Общества поощренія художниковъ", находившуюся тогда на Васильевскомъ островѣ, въ зданіи Биржи. Лучшими, счастливыми годами были тѣ, что я занималась въ школѣ! Приватныхъ уроковъ рисованія я никогда не имѣла; такъ что затраты на мое художественное образованіе были самыя ничтожныя. Руководителями нашими въ школѣ были въ то время такіе мастера, какъ: Крамской, Чистяковъ, Бейдеманъ, Примацци (по акварели) и другіе. Директорами школы были сначала Львовъ, бывшій одновременно конференцъ-секретаремъ въ Академіи Художествъ, при князѣ Гагаринѣ,—а затѣмъ Дьяконовъ. Окончивъ школу, въ 1864 году, съ медалью, я не прерывала сношеній со своимъ наилюбимѣйшимъ руководителемъ И. Н. Крамскимъ и послѣ лѣтнихъ занятій привозила ему всегда на домъ, на его судъ, всѣ мои работы. Не могу не вспоминать, съ чувствомъ особой благодарности, какъ многимъ я ему обязана и съ какимъ вниманіемъ и участіемъ онъ всегда ко мнѣ относился!"

---

[1]) 12 февраля 1843 г.

[2]) Генералъ Ильинъ, учредитель извѣстнаго въ Петербургѣ „Картографическаго заведенія", былъ моимъ двоюроднымъ дядей со стороны матери.

Поступивъ въ рисовальную школу въ январѣ 1862 г. [1]), я почти не знала Е. М., тогда еще дѣвицу Эндаурову. Я проходила младшіе классы, она была уже въ натурномъ, гдѣ я ее застала уже на выходѣ изъ школы, и она оставила только во мнѣ впечатлѣніе чего-то изящнаго, съ ея стройной фигурой и красивымъ лицомъ, именно миѳологической Діаны. Говорю: *именно*, потому что мое первое, заглазное знакомство съ Е. М. было по рисунку Шарлеманя, принесенному имъ въ школу, на которомъ Е. М. была изображена въ костюмѣ Діаны, на маскарадномъ балѣ, о которомъ я приведу слова самой Елизаветы Меркурьевны.

„Первый костюмированный балъ въ Академіи Художествъ былъ 29 декабря 1861 г. платный; второй же, 24 февраля 1862—былъ повтореніемъ перваго, по желанію президента Академіи В. Княгини Маріи Николаевны, взявшей 200 билетовъ для раздачи своимъ приближеннымъ при Дворѣ, и кромѣ того художники посылали приглашенія лицамъ, отличившимся своими костюмами на первомъ балѣ. Вотъ тутъ и я, какъ „Діана“, получила даровое приглашеніе.

Это былъ поразительный по красотѣ балъ, съ живыми картинами и пѣніемъ за сценой, извѣстной въ ту пору, г-жи Лешитицкой. Шарлемань сдѣлалъ тогда прелестный рисунокъ, изобразивъ цѣлую сцену костюмированнаго бала, въ томъ числѣ и меня въ костюмѣ „Діаны“. Этотъ рисунокъ, показанный въ школѣ, и укрѣпилъ тамъ за мной, какъ вы помните, кличку „Діаны“.

Разсказавъ мнѣ это, Е. М. показала письмо (съ котораго дѣлаю копію) Шарлеманя къ распорядителямъ юбилея Елизаветы Меркурьевны—10 января 1896 г., о чемъ упомяну своевременно,—съ приложеніемъ эскиза его прежняго рисунка.

„Прошу принять сей рисунокъ не какъ портретъ Е. М. Бёмъ, въ вечеръ художниковъ 1861 г. 29 декабря и 24 февраля,—а какъ воспоминаніе того костюма, который плѣнялъ, какъ насъ, художниковъ, такъ и нашу незабвенную Августѣйшую Президентшу Имп. Ак. Художествъ. Три костюма дамскихъ выдѣлялись изъ прочихъ своими античными драпировками; это были: княгини Гагариной, Елиз. Мер. Эндауровой и Софіи Ѳед. Каменской. Рисунокъ костюмированнаго бала, который я исполнилъ полуакварелью, тогда былъ пріобрѣтенъ графомъ Николаемъ Кушелевымъ-Безбородко.

---

[1]) Моя статья: „С.-Петербургская рисовальная школа“, была помѣщена въ „Русской Старинѣ“, въ ноябрѣ 1889 г. въ годъ исполнившагося 50-лѣтія школы.

„Прошу принять мою душевную признательность за доставленіе мнѣ случая явиться, какъ давнишній поклонникъ симпатичнаго таланта Елиз. Мер. и ея самой, какъ друга дѣтей и художницы-поэтессы.

А. Шарлемань".
(старѣйшій пятничникъ).

Возвращаясь къ моему первому знакомству съ Е. М. по рисунку „Діаны", прибавлю, что наше болѣе близкое съ ней знакомство послѣдовало уже тогда, когда Е. М. была замужемъ и имѣла ребенка.

„Установилось мнѣніе,—говорила мнѣ Е. М.—что съ замужествомъ женщины всегда, или большею частію, кончаютъ свои занятія искусствомъ; все равно, музыка это или живопись или что другое, не находя для этого достаточно времени. Вспоминаю при этомъ слова нашего великаго писателя Л. Н. Толстого, который говоритъ, что у кого есть призваніе дѣйствительное, то для этого найдешь время, какъ находишь для того, чтобы пить и ѣсть. И это совершенная истина; чувствую это по опыту. Любя всей душой свое занятіе, я и по выходѣ замужъ и послѣ того, что имѣла ребенка, все также, если еще не болѣе, занималась любимымъ дѣломъ. Только, конечно, съ лѣтами и благодаря обстоятельствамъ, измѣнился вкусъ и выборъ сюжетовъ. Такъ, напримѣръ, дѣтскій міръ сталъ излюбленнымъ для меня".

Остановясь на замужествѣ Е. М. (въ 1867 г.), скажу нѣсколько словъ объ ея мужѣ. Людвигъ Францовичъ Бёмъ, венгерецъ по происхожденію, но совсѣмъ обрусѣлый, былъ очень образованный человѣкъ, талантливый скрипачъ и прекрасный преподаватель, бывшій въ петербургской консерваторіи сначала адъюнктомъ Ауера, а потомъ и профессоромъ. Свое музыкальное образованіе онъ получилъ въ вѣнской консерваторіи и жилъ тогда у своего дяди, знаменитаго профессора скрипки, Іосифа Бёмъ, бывшаго другомъ Бетховена и учителемъ цѣлой плеяды извѣстныхъ скрипачей, какъ: Іохимъ, Лаубъ, Минкусъ, Эрнстъ и др., между которыми былъ и учитель Ауера. Особенно дружный съ Іохимомъ, Людвигъ Францовичъ вмѣстѣ съ нимъ и жилъ у своего дяди, Бёма. Когда Л. Ф. былъ уже женатъ, онъ получилъ въ наслѣдство отъ дяди знаменитую скрипку Stradivarius и письмо Бетховена. Нѣжно любя свою, вполнѣ достойную любви, жену, Л. Ф. постоянно восхищался ея талантомъ.

— Знаете, говорилъ онъ мнѣ, съ любовью, смотря на тѣ прелестныя произведенія кисти Е. М., которыя она, бывало, показывала

мнѣ, во время моихъ къ ней посѣщеній: я не разъ думалъ о томъ, что я не столько былъ бы удовлетворенъ, если бы жена моя была напр. музыкантшей и я, вернувшись изъ консерваторіи, еще полный часто фальшивыми звуками моихъ учениковъ, встрѣчалъ бы и дома опять, хотя бы и хорошіе, но все же музыкальные звуки! А тутъ я прямо отдыхаю на ея рисункахъ.

И точно,—что кромѣ успокоенія и даже умиленія, могли принести эти очаровательныя мордашки, съ ямочками на розовыхъ щечкахъ; веселыми, а иногда слегка плутоватыми глазенками, съ взъерошенными, русыми кудряшками;—всѣ эти дѣтишки, въ ихъ неистощимомъ разнообразіи, съ всегда такъ кстати прибранными пословицами или прибаутками?

— И откуда только вы ихъ выкапываете, всѣ эти пословицы и поговорки?—удивлялся, бывало, Стасовъ, думавшій, что онъ-то ужъ до самой глуби ихъ докопался, и что дальше идти было некуда!

А милая Е. М. скромно улыбалась и снова, при первой же новой серіи своихъ карточекъ, какъ изъ неистощимаго, чудодѣйскаго рукава,—выбрасывала и новыхъ дѣтишекъ и новыя къ нимъ прибаутки!

Послѣдніе годы Е. М. получала массу заказовъ на карточки изъ Парижа. Одинъ издатель даже сдѣлалъ ей предложеніе, чтобы она работала исключительно для него, но, несмотря на чрезвычайно выгодныя условія, Е. М. не захотѣла такъ рабски связать себя; главное, какъ бы разорвать связь съ русскими издателями, что ей, какъ истой патріоткѣ, особенно было не по душѣ! Изданныя въ Парижѣ карточки были превосходны въ напечатаніи тамъ; и въ настоящее время нѣкоторые изъ петербургскихъ издателей карточекъ съ рисунками Е. М. посылаютъ ихъ для отпечатыванія въ Парижъ, Лейпцигъ и Мюнхенъ, отдавая послѣднему городу предпочтеніе даже передъ Парижемъ.

II.

У Елизаветы Меркурьевны былъ неистощимый запасъ маленькихъ натурщиковъ, и изъ всевозможныхъ заготовленныхъ съ нихъ эскизовъ она потомъ и черпала свои оригиналы, облекая ихъ въ разные костюмы.

Лѣто она всегда проводила въ деревнѣ; первые годы по выходѣ замужъ, въ Ярославской губ. въ имѣніи Эндауровыхъ, а затѣмъ, 13 лѣтъ подъ рядъ, въ имѣніи Балашевыхъ, по Никол. жел. дорогѣ, за станціей Тосно. Собираясь туда, Е. М. закупала цѣлыя охапки деревенскихъ платковъ, лентъ и грошевыхъ дѣтскихъ игру-

шекъ для своихъ друзей, окрестныхъ крестьянокъ и ихъ ребятишекъ, встрѣчавшихъ свою барыню [1]) хлѣбомъ-солью, въ видѣ яицъ и лѣсныхъ ягодъ; а барыня, одаривъ всѣхъ, принималась за срисовываніе своихъ маленькихъ друзей, во всѣхъ видахъ и положеніяхъ; чего они не только не избѣгали, но охотно позировали передъ доброй барыней, которая, конечно, только при ея художественномъ навыкѣ могла справляться съ этими безпокойными, непосѣдливыми натурщиками.

Къ этому времени принадлежитъ одинъ изъ первыхъ художественныхъ силуэтовъ Е. М., изображавшій отправлявшуюся въ путь семью, состоявшую изъ: Людвига Фр., съ охотничьимъ ружьемъ; Елизаветы Мер., ея маленькой дочки; меньшой сестры Е. М.—подростка четырнадцати лѣтъ; двухъ старухъ прислужницъ, двухъ собакъ и кота [2]).

Упомянувъ о сестрѣ Е. М., остановлюсь теперь на ней. Любовь Меркурьевна Эндаурова была только короткое время въ рисовальной школѣ, не пройдя всего курса. Имѣя особенную склонность къ акварельной живописи, которая въ то, позднѣйшее время, въ рисовальной школѣ не процвѣтала,—стала заниматься у своей сестры и, постепенно совершенствуясь,—избравъ своею спеціальностью цвѣты и насѣкомыхъ,—дошла до той превосходной степени, что эти, выставляемые ею,—съ 1887 года, на выставкахъ цвѣты, кажется, обдаютъ васъ, присущимъ имъ ароматомъ, а сверкающіе яркими красками жучки и стрекозы кажутся совсѣмъ живыми! Многія изъ акварелей Л. М. были пріобрѣтены школой, какъ образцы ученикамъ, и всегда имѣя большой успѣхъ на выставкахъ, красуются отпечатанными и на карточкахъ; всегда составленныя съ большимъ вкусомъ и часто снабженныя очень удачно подобранными художницей, стишками нашихъ извѣстныхъ поэтовъ.

О своихъ первыхъ изданіяхъ Елизавета Мер. разсказывала мнѣ такъ:

„Съ 1875 г. начала я изданіе своихъ первыхъ силуэтовъ, литографируя ихъ сама и на камнѣ. Крамской очень сочувственно отнесся къ этому. Заручившись сочувствіемъ и художниковъ и публики, я въ продолженіе многихъ лѣтъ ежегодно выпускала въ свѣтъ по тетради новыхъ силуэтовъ и имѣла имъ сбытъ не только здѣсь, но и за границей. Дѣтскій міръ и деревенская жизнь, близкіе мнѣ и самые симпатичные, служили мнѣ сюжетомъ для силуэтовъ".

---

[1]) „Бёмиха", какъ называли Е. М. ребятки.

[2]) Силуэтъ этотъ, бывшій на выставкѣ „Blanc et Noir", былъ пріобрѣтенъ Третьяковымъ для его музея.

И что за совершенство были эти силуэты, въ которыхъ вы угадывали даже выраженіе на лицахъ маленькихъ чернышей! Но рисованіе на камнѣ очень утомляло глаза, что̀ и было причиной, что Е. М. оставила совсѣмъ этотъ родъ рисованья, отдавшись всецѣло акварели [1]). Но, прежде чѣмъ перейти къ ея акварельнымъ рисункамъ, я остановлюсь еще на одномъ замѣчательномъ силуэтѣ, именно портретѣ А. Г. Рубинштейна. Появился онъ самымъ импровизированнымъ образомъ. Это было въ то время, когда геніальный артистъ давалъ незабвенные, историческіе концерты, какъ извѣстно повторенные имъ три раза: разъ въ Петербургѣ, въ Дворянскомъ Собраніи, разъ въ Москвѣ и разъ въ петербургской консерваторіи, для ея учениковъ. Какъ жена профессора консерваторіи, Е. М. посѣщала эти послѣдніе, и вотъ, разъ, занявъ мѣсто, съ котораго ей особенно хорошо представлялась вся фигура піаниста, ей пришла мысль набросать его силуэтъ. Отыскался у кого-то карандашъ, но бумаги не нашлось, и Е. М. на оборотѣ своей программы набросила силуэтъ, со всей фигурой и роялью, т. е. создала новое совершенство, поразительное по выраженію! Самъ А. Г. Рубинштейнъ говорилъ потомъ Е. М., что это лучшій изъ всѣхъ его портретовъ! Набросанный на программѣ эскизъ хранится въ Публичной библіотекѣ, послѣ того какъ съ него отпечатали нѣсколько тысячъ экземпляровъ, разошедшихся всюду за границей, даже въ Америкѣ.

Возвращаясь къ акварельной живописи Е. М., скажу, что акварель была излюбленнымъ родомъ живописи художницы; такъ что въ школѣ, начавъ писать съ натуры, она испросила разрѣшеніе употреблять иногда акварель, вмѣсто масляныхъ красокъ. За акварель же, въ рисункѣ „Nature morte", Е. М. получила большую поощрительную медаль отъ Имп. Академіи Художествъ. Помимо тѣхъ прелестныхъ дѣтишекъ, что появляются ежегодно на разныхъ выставкахъ, Е. М. можетъ насчитать безконечное число рисунковъ по заказу частныхъ лицъ, изъ которыхъ особенно выдавались вещи, изготовленныя для Высочайшихъ особъ. Нѣсколько молитвенниковъ, съ живописью по пергаменту; вѣера:—для серебряной свадьбы греческой королевы, для бракосочетанія Великой Княгини Ксеніи Александровны, нѣсколько для Великой Княгини Елизаветы Ѳеодоровны. Всего болѣе было исполнено акварелей по заказу Великаго Князя Сергія Александровича и графа С. Д. Шереметева, постоянныхъ заказчиковъ художницы. За вѣеръ на выставкѣ въ Чикаго

---

[1]) Прекращеніе изданій силуэтовъ совпало съ юбилеемъ Е. М.—въ 1896 г., когда ихъ первому изданію минуло 20 лѣтъ.

Е. М. была присуждена медаль, одна изъ четырехъ тамъ розданныхъ, также какъ за изданіе силуэтовъ и издѣлій изъ стекла.

Упомянувъ о стеклѣ, объ этой новой отрасли искусства неистощимой Е. М., я перехожу къ ея собственнымъ словамъ:

„Въ 1893 г. я, благодаря чисто случайности, пробую свои силы въ новой для меня отрасли, а именно художественно-промышленной. Явилась у меня эта мысль, во время моей поѣздки въ Орловскую губ. на Мальцовскіе заводы, гдѣ директоромъ хрустальнаго завода былъ мой братъ, Александръ. Формы для посуды брались мною изъ старины, какъ: братины, ковши, стопы, чарки, штофы и пр. Рисунки на нихъ дѣлались эмалью, по моимъ рисункамъ и наблюденіямъ; а иные и гравировались мною по воску, иглой, какъ офорты; но съ тою разницей, что травленіе было не крѣпкой водкой, а фтористой кислотой, на столько ядовитой, что надо надѣвать маску при травленіи. Впослѣдствіи, вещи изъ стекла, изготовленныя по моимъ рисункамъ на Мальцовскимъ заводѣ, были мною выставляемы на нѣсколькихъ всемірныхъ выставкахъ Европы и Америки: въ Парижѣ, въ 1900 г., гдѣ однимъ изъ первыхъ покупателей былъ извѣстный художественный критикъ Jules Claretie; въ Мюнхенѣ—въ 1902 г., Миланѣ—1906 г. Вездѣ имъ были присуждены медали (въ Миланѣ золотая), и все было распродано. Надо при томъ замѣтить, что за границей вещи эти болѣе цѣнились, чѣмъ на родинѣ, оправдывая пословицу о пророкахъ...

А какія это были прелестныя вещи и отдѣльные и цѣлые приборы умывальные, столовые, покрытые выпуклыми рисунками, то золотомъ, то разноцвѣтными красками, будто самоцвѣтными камнями, все въ русскомъ стилѣ, часто съ русскими прибаутками. Что были за прелестныя стеклянныя рамки, на которыхъ, среди прозрачныхъ водяныхъ струекъ и водяныхъ растеній, скользили рыбки или фантастическія наяды,—русскія, сказочныя русалки! Былъ и винный приборъ, приземистый русскій штофъ, зеленаго стекла, съ стаканчиками—„шкаликами", все будто полное „зелена-вина", съ искусителями—бѣсенятами, въ рисункахъ и пр.

Д. В. Григоровичъ, всегда болѣвшій душой о томъ, что наши художники совсѣмъ мало удѣляютъ своихъ силъ художественно-ремесленной отрасли [1]), тогда какъ за границей это наоборотъ, съ восторгомъ отнесся къ этимъ работамъ Е. М. и такъ ими заинтере-

---

[1]) Д. В. Григоровичъ первый внесъ въ школу художественно-ремесленный родъ.—Это все конфетки, изумрудныя брошки!—говорилъ онъ, разсматривая рисунки ученицъ. Имъ гораздо полезнѣе сочинять барельефы и рамки, рисовать все то, что можетъ представить художественно-ремесленный интересъ, болѣе производительный и практичный!

совался, что при отправкѣ вещей на выставку въ Чикаго, въ 1893 г., радостно привѣтствовалъ появленіе каждой вещи и собственноручно ихъ разбиралъ и раскладывалъ.

Мою краткую лѣтопись объ Елизаветѣ Меркурьевнѣ, какъ художницѣ, я закончу описаніемъ ея юбилея,—10 января 1896 г.,—которымъ праздновалось: 30-ти-лѣтіе со времени окончанія художницей школьнаго образованія, съ медалью; 25-ти-лѣтіе со времени полученія ею большой, поощрительной медали отъ Академіи [1]) и 20-ти-лѣтіе со времени перваго изданія ея силуэтовъ.

Переходя къ описанію самаго торжества, остановлюсь прежде всего на газетномъ о немъ описаніи въ „Новомъ Времени" (12 янв. 1896).

„При совершенно исключительной обстановкѣ праздновался первымъ дамскимъ кружкомъ юбилей извѣстной художницы-силуэтистки, Е. М. Бёмъ, въ залѣ Имп. Общества поощренія художествъ. Праздникъ художницы справлялся на торжествѣ искусства, на выставкѣ картинъ И. К. Айвазовскаго. Въ залитой свѣтомъ залѣ со стѣнъ глядѣли всѣ послѣдніе труды маститаго художника и самъ онъ, добрый и здоровый, ходилъ среди нихъ, среди массы гостей, явившихся на юбилей Елиз. Мер. А собрались почтить юбиляршу и художники, и артисты, и писатели и, конечно, всѣ члены перваго дамскаго кружка, съ предсѣдательницей его Е. В. Сабанѣевой и бывшей предсѣдательницей П. П. Куріаръ. Были на юбилеѣ: вице-президентъ Академіи Художествъ, графъ Толстой, ректоръ Академіи Маковскій, проф. Мещерскій, Китлеръ, Куинджи, Рѣпинъ. Была на лицо почти вся „Пятница" акварелистовъ: А. Н. Бенуа, Лагоріо, Писемскій, Алексѣевъ, Брунъ, Вильдъ, Дмитріевъ-Кавказскій, Егорновъ, Кумингъ, Мазуровскій, Соломко, Шарлемань, и др. Изъ міра писателей: П. Д. Боборыкинъ, А. Н. и Л. Н. Майковы, Д. В. Григоровичъ, В. В. Стасовъ, г-жа Лухманова, Марковъ, пѣвцы Мельниковъ и Карякинъ и пр. и пр.

Юбиляршу поздравляли еще утромъ. Дамы, члены кружка, встрѣтили юбиляршу съ букетомъ цвѣтовъ и, при аплодисментахъ публики, ввели въ залу, гдѣ при входѣ, на особыхъ мольбертахъ выставлены работы Е. М., а въ глубинѣ залы, у картины Айвазовскаго „Отъ штиля къ бурѣ", поставленъ портретъ юбилярши. Здѣсь за столикомъ она принимала привѣтствія и поздравленія. Ихъ было много".

---

[1]) Медаль эту Е. М. получила на актѣ Академіи изъ рукъ ея предс. В. Кн. Маріи Ник., отнесшейся къ ней съ полной любезностью. Это было послѣднимъ присутствіемъ В. Княгини на актѣ. Затѣмъ ее замѣнилъ В. Князь Владиміръ Александровичъ.

Прежде всего г. Собко прочелъ телеграммы отъ президента Академіи В. Князя Владиміра Ал. и отъ В. Князя Сергія Ал. Затѣмъ былъ прочитанъ адресъ отъ Комитета Общества Поощренія Художествъ, за подписью Предсѣдательницы Принцессы Евгеніи Максиміліановны Ольденбургской [1]). Далѣе адресъ отъ почитателей юбилярши, прочитанный В. В. Стасовымъ. Онъ былъ очень оригинальной формы,—совершенно круглый, въ парчевомъ переплетѣ, вложенъ въ русскую деревянную чашку на лоткѣ, на которомъ помѣщенъ ящикъ съ красками. Адресъ отъ Москвы, между подписями на которомъ были такія имена, какъ: графини Уваровой, предсѣдательницы Археологическаго Общества; Забѣлина, извѣстнаго ученаго; Сизова, секретаря Историческаго музея и другія. Адресъ отъ русскаго женскаго Взаимно-благотворительнаго общества, отъ картографическаго заведенія Ильина, гдѣ впервые печатались силуэты Елизаветы Меркурьевны; отъ петербургскихъ художниковъ; отъ редакціи дѣтскаго журнала „Игрушечка"; отъ школы кружевницъ, которымъ по дружбѣ художницы съ ея предсѣдательницами Новосильцевой и Давыдовой,—она часто дѣлала наброски для кружевъ и вышивокъ,—къ этому адресу роскошное полотенце, въ старинномъ русскомъ стилѣ, съ золотымъ кружевомъ и надписью на полотенцѣ, шелками, въ стихахъ. Другое роскошное полотенце, атласное, вышитое шелками, отъ г-жи Шабельской. Адресъ „отъ дѣтей"—былъ вложенъ въ громадную, какъ бы мужицкую рукавицу, бѣлой кожи, обшитой соболями съ надписью золотомъ: „Тетѣ Бемъ отъ дѣтей". Адресъ былъ написанъ дѣтской рукой одного изъ дѣтей семьи Брюловыхъ. Адресъ отъ „Нивы" былъ съ подаркомъ офортовъ Шишкина. Отъ Зичи альбомъ съ его рисунками, при любезномъ письмѣ; отъ Сомова,—консерватора Эрмитажа,—изданіе картинъ Эрмитажа. Отъ А. Н. Майкова—томъ его стихотвореній, съ посвященіемъ юбиляршѣ:

Вашъ карандашъ моя обида,
Зачѣмъ не мнѣ онъ Богомъ данъ?
Я не показываю вида,
А въ сердцѣ цѣлый ураганъ!

Дамскій кружокъ поднесъ юбиляршѣ, въ художественномъ бюварѣ, дипломъ почетнаго члена; а затѣмъ отъ членовъ кружка и знакомыхъ художниковъ юбиляршѣ было поднесено болѣе тридцати картинъ: тутъ и Айвазовскій, и Рѣпинъ, и другіе корифеи художествен-

---

[1]) Въ назначенный Принцессой день, Е. М. была у нея, и была принята съ чрезвычайной любезностью.

наго міра. Масса была писемъ: отъ Третьякова, отъ собирателя старины, Бахрушина, Шабельской и пр. Между телеграммами была телеграмма отъ редакціи „Посредника“, за подписью Л. Н. Толстого и его сотрудниковъ. Масса писемъ и телеграммъ было послано изъ провинціи отъ совершенно неизвѣстныхъ юбиляршѣ лицъ.

Послѣ всѣхъ привѣтствій былъ поставленъ рядъ живыхъ картинъ, всѣ изъ силуэтовъ и акварелей юбилярши. Особенно удачны вышли картины: „Выборъ невѣсты“ и „Похмѣлье—конецъ пира“, изъ древне-русской жизни. Маленькіе участники картинъ, прошли затѣмъ по залу процессіей въ костюмахъ. Вечеръ закончился музыкой, пѣніемъ и разсказами сценокъ. Внучка, столь знакомой постояннымъ читателямъ „Русской Старины“,—Татьяны Петровны Пассекъ [1]) Ольга Вл. Пассекъ, съ свойственнымъ ей искусствомъ декламаціи, прочла собственное стихотвореніе; прочелъ стихотвореніе и Г. Марковъ, сосѣдъ по имѣнію, гдѣ, проживая лѣто, въ продолженіе 13-ти лѣтъ, Е. М. пріобрѣла столько любви отъ своихъ маленькихъ натурщиковъ, всегда съ новой радостью встрѣчавшихъ пріѣздъ въ деревню доброй „Бёмихи“. И все завершилось прекрасной игрой на роялѣ г-жи Сипягиной и пѣніемъ г-жи Фриде.

Мнѣ остается еще упомянуть о полученныхъ Елизаветой Меркурьевной различныхъ наградахъ; при чемъ нужно замѣтить, что заграничныхъ она имѣетъ болѣе чѣмъ русскихъ. Изъ русскихъ ею получены: одна отъ школы, въ 1864 г.; одна, поощрительная, изъ Академіи, въ 1871 г. и съ выставки кустарно-промышленной, въ 1902 г.—большая серебряная. Дипломы: съ выставки промышленной, нижегородской, печатнаго дѣла и др.

Изъ заграничныхъ медалей: изъ Парижа—двѣ, одна золотая. Одна золотая изъ Милана; одна медаль изъ Брюсселя и пять изъ Америки, въ томъ числѣ одна золотая.

III.

Мы познакомились ближе съ Елизаветой Меркурьевной у ея старшей сестры Екатерины Меркурьевны Эндауровой, занимавшей въ конторѣ „Картографическаго заведенія“ Ильиныхъ, очень отвѣтственное мѣсто, что не мѣшало ей, однако, очень часто посвящать свои вечера итальянской оперѣ, переживавшей тогда у насъ самый блестящій періодъ, что очень сводило съ ней и меня, страстную итальяноманку.

---

[1]) Интересныя записки Т. П. Пассекъ „Изъ дальнихъ лѣтъ“,—прежде чѣмъ явиться отдѣльнымъ изданіемъ, помѣщались въ журналѣ „Русская Старина“.

Вскорѣ я познакомилась съ ея родителями, по выходѣ въ отставку отца, Меркурія Николаевича,—переселившихся изъ провинціи въ Петербургъ и жившихъ въ одномъ домѣ съ Елизаветой Меркурьевной. Мать—Юлія Ивановна,—была олицетворенной добротой и кротостью; одной изъ тѣхъ русскихъ личностей, которыхъ вы не можете себѣ представить безъ привѣтливой улыбки, такъ и озаряющей васъ при встрѣчѣ! Меркурій Ник. былъ сухенькій, живой старичекъ, страстный меломанъ, съ одинаковымъ восторгомъ внимавшій и пѣвцамъ русской и итальянской оперы, и драматургамъ-геніямъ, въ лицѣ Росси и Сальвини, и корифеямъ „Александринки", и пріѣзжимъ гастролерамъ-малороссамъ, часами, даже въ 80 лѣтъ, простаивая въ хвостѣ неистовыхъ меломановъ, всевозможныхъ кассъ [1]). Съ ними жила тогда и ихъ меньшая дочь, Любовь Меркурьевна, только послѣ смерти, сначала матери, а потомъ отца, поселившаяся у Елизаветы Меркурьевны.

Отношенія Е. М. къ родителямъ и сестрамъ были самыя теплыя и близкія; и эти отношенія, какъ она, такъ и ея мужъ, сохранили къ старикамъ до конца ихъ жизни. Познакомившись съ Е. М., какъ говорятъ, „домами", я всегда, несмотря на отдаленность (квартира, занимаемая ею и послѣ, на Могилевской ул., д. № 20),—съ удовольствіемъ посѣщала ихъ и, взбираясь на лѣстницу въ 90 ступеней, могла, по истинѣ, твердить, что: „Парнасъ гора высокая и дорога къ ней не гладкая", потому что эта небольшая квартира являла истинный Парнасъ; столько интереснаго встрѣчали вы въ собраніяхъ изящной, умной художницы! Ея небольшой салонъ, въ два окна, представляетъ положительно музей; и глаза разбѣгаются, переносясь отъ стѣны, съ которой глядятъ на васъ произведенія Айвазовскаго, Рѣпина, Шишкина и другихъ,—къ полочкамъ и столикамъ, на которыхъ увидите массу всевозможной русской старины, въ видѣ художественныхъ кокошниковъ, рукавицъ, ковшей, стопъ,—въ перемѣшку съ изящными, въ русскомъ же стилѣ, произведеніями художницы-хозяйки и самыми примитивными твореніями нашихъ кустарей. Продолженіе послѣднихъ произведеній вы встрѣчаете въ другой комнатѣ, въ столовой, въ видѣ огромной коллекціи всевозможныхъ каменныхъ свистулекъ, по губерніямъ и странамъ. Загляните тоже въ изящное и разнообразное собраніе художествен-

---

[1]) Мер. Ник. умеръ, имѣя 90 лѣтъ, сравнительно бодрымъ, сохранившимъ память. Онъ воспитывался въ юнкерской школѣ, вмѣстѣ съ Эммануиломъ Нарышкинымъ и Тимашевымъ. При вступленіи его туда графъ Д. А. Милютинъ былъ только что произведенъ въ офицеры.

ныхъ произведеній въ комнатѣ Любови Меркурьевны, съумѣвшей, кажется, внести въ нее и ароматъ своихъ художественныхъ цвѣтовъ!

Сколько хорошихъ часовъ проводили мы тутъ вмѣстѣ, въ нашихъ разговорахъ, касавшихся всестороннихъ предметовъ; переходя отъ живописи къ музыкѣ, отъ музыки къ литературѣ, не встрѣчая въ милыхъ художницахъ той односторонности, которая такъ часто присуща спеціалистамъ! Съ какимъ удовольствіемъ разсматривала я новыя произведенія кисти обѣихъ, отъ розовыхъ рожицъ дѣтишекъ переходя на дышащія жизнію розы, обрызганныя, до того искусно изображенными каплями росы, что хотѣлось тронуть ихъ, чтобы убѣдиться, что эти прозрачныя капли не живыя! Много интереснаго разсказывала Е. М. и изъ своихъ знакомствъ и встрѣчъ съ нашими свѣтилами кисти и пера, какъ Васнецовъ, Л. Н. Толстой и другіе. Случались и анекдотики, касавшіеся самыхъ тяжелыхъ,— какъ признавалась Е. М. — минутъ ея жизни, когда наставалъ моментъ назначать заказчику плату за принятый заказъ...

Среди моей многолѣтней, кипучей дѣятельности, мнѣ приходилось встрѣчаться со многими дѣятелями по разнымъ отраслямъ и при различной степени ихъ талантливости, но не припомню болѣе скромной и менѣе самоувѣренной, — безъ приниженія своего таланта, какъ Елиз. Мер., также какъ замѣчательно снисходительной къ другимъ; ни разу не высказавшей ѣдкаго осужденія, часто прикрывающаго зависть къ успѣху другого, и не пустившей ѣдкаго сарказма по направленію своихъ собратій по искусству. Черта, — увы, — не часто проявляющаяся!.. Напротивъ, Е. М. рада была всегда, въ чемъ могла, помочь совѣтомъ и подѣлиться своимъ знаніемъ, а иногда и своимъ трудомъ.

Тѣ же качества и помимо прелестнаго таланта художницы, угадала въ ней сразу и другая, — неизмѣримо выше меня стоявшая, по мудрости и сердцевѣдѣнію,—личность, именно Татьяна Петровна Пассекъ, сразу приблизившая къ себѣ Елизавету Меркурьевну [1]).

Не могу вспомнить безъ смѣха первый обѣдъ, къ которому Татьяна Петровна пригласила къ себѣ Елизавету Мер. и ея сестру — Екатерину Мер. Милая старушка была въ тотъ день не совсѣмъ здорова и пожелала этотъ интимный обѣдъ устроить не въ столовой, а у себя въ спальнѣ, комнатѣ, вообще, излюбленной, гдѣ она могла порой и протянуться на своей кроваткѣ, подлѣ печки, спустивъ съ ногъ теплые, бархатные, неизмѣнные, зимой и

---

[1]) Въ описываемое мною время Т. П. была издательницей и редакторомъ дѣтскаго журнала „Игрушечка“, въ которомъ я писала съ самаго его основанія въ 1880 году.

лѣтомъ, сапожки. Всѣмъ бы хорошо, — да тотъ простой, некрашенный столъ, что стоялъ подлѣ кровати и на которомъ мы, бывало, съ ней вдвоемъ вкушали ея, всегда вкусный, чисто-русскій завтракъ или обѣдъ, или распивали чай, подлѣ пузатаго самовара, запѣвавшаго пѣсню, — оказался малъ для лишнихъ гостей. Тотъ, что былъ въ столовой — слишкомъ великъ и громоздкъ для переноски; оставалось только приволочь кухонный. Отлично! Но и тутъ явилось неудобство: онъ былъ слишкомъ высокъ.

— Рубите ножки!—скомандовала Т. П.

Еще мигъ, и столъ былъ перевернутъ вверхъ своими четырьмя ножками, а разсыльный Димитрій вооружился пилой и сталъ отпиливать намѣченную часть каждой изъ ножекъ, къ великой радости пятилѣтняго внука Татьяны Петровны Сережи, взлѣзавшаго на каждую изъ укорачивавшихся ножекъ, въ полной увѣренности, что онъ много помогаетъ работѣ. Работа шла дружно, но также быстро летѣло и время; и раздавшійся въ прихожей звонокъ, возвѣщавшій пріѣздъ гостей, засталъ спальню всю еще заваленную опилками. Гостей удержали въ гостиной, и все было приведено въ надлежащій порядокъ.

Съ тѣхъ поръ Е. М. („Меркуловна",—какъ произносила Т. П.) была всегда желанной ея гостьей [1]). Сговорившись съ Е. М., уговорили мы Т. П. поѣхать съ нами на литературный вечеръ въ память И. С. Тургенева, устроенный вскорѣ послѣ его кончины и похоронъ; и мы повезли туда старушку. Появленіе Т. П. на этомъ вечерѣ произвело сенсацію: такъ всѣ были удивлены и обрадованы событіемъ появленія въ многочисленномъ обществѣ, давно отъ него удалившейся, такъ многимъ въ литературномъ мірѣ знакомой „бабушки изъ дальнихъ лѣтъ!" Всѣ толпились около нея, а она, въ своемъ парадномъ коричневомъ капотѣ „на кокеткѣ" и въ черной кружевной, туго повязанной, косыночкѣ на головѣ, всѣмъ привѣтливо улыбалась, всѣмъ умѣла сказать ласковое слово, озираясь кругомъ ясными, дѣтскими глазами.

Не касаясь другихъ нашихъ встрѣчъ съ Е. М. у Татьяны Петровны, припомню наше послѣднее съ нею посѣщеніе дорогой старушки.

Надо сказать, что всѣ мы, какъ друзья, такъ и знакомыя, давно упрашивали Т. П. снять съ себя фотографію, но она не соглаша-

---

[1]) Также дружески относятся и теперь къ Е. М. невѣстка Т. П., жена ея сына Владиміра, послѣ его смерти вышедшая замужъ за С. С. Манухина (нынѣ членъ Госуд. Совѣта) и внучка Т. П. О. В. Пассекъ.

лась, на томъ основанiи, что въ этомъ отказала даже своимъ покойнымъ сыновьямъ, такъ какъ терпѣть не могла позировать. Наконецъ, годъ передъ своей кончиной [1]), когда она уже такъ любила Елизавету Мер. и такъ ей довѣряла, она согласилась было на то, чтобы та сняла съ нея силуэтъ. Но и это тогда не состоялось, за скорымъ отбытiемъ Т. П. на дачу. Теперь, когда она стала прихварывать, мы снова схватились за эту мысль. Она согласилась, и мы съ Е. М. назначили день, когда обѣ прiѣдемъ къ Т. П., при чемъ, чтобы старушкѣ было не скучно, я буду занимать ее разговорами. Послѣднiе дни она сильно ослабѣла и уже не вставала съ постели. Такъ и нарисовала ее Е. М., акварелью, употребивъ для скорости одну сепiю.

— Лиза меня не мучаетъ, — говорила старушка про Елизавету Мер., — а вотъ тѣ-то ужъ какъ мучали! Все нужно было передъ ними позировать. Бывало, какъ устанешь!

Это были два, въ различное время затѣянные съ нея портрета масляными красками, изъ которыхъ одного, оставшагося въ эскизѣ, я не видала, а другой, видѣнный мною, — тоже оставшiйся неоконченнымъ,—не удовлетворилъ меня сухостью выраженiя и несвойственной Т. П. тяжеловатостью и грубоватостью. Рисунокъ Е. М. вышелъ поразительнымъ по сходству и выраженiю этого, тогда уже такъ сильно осунувшагося, отъ болѣзни, лица. Его отпечатали во многихъ экземплярахъ.

Кончая мой краткiй очеркъ, посвященный Е. М. Бемъ, я рада, что мнѣ пришлось его закончить эпизодомъ, соединившимъ воедино столь милыхъ мнѣ людей, какъ Елизавета Мер. и незабвенная Татьяна Петр. и, въ заключенiе мнѣ остается только прибавить собственныя слова Е. М., произнесенныя ею не далѣе какъ весной 1910 года.

„Въ настоящее время, т. е. имѣя за своими плечами 67 лѣтъ, имѣя взрослыхъ внуковъ [2]), я все еще не оставляю своихъ занятiй, и не только въ силу необходимости, сколько любя по-прежнему свое дѣло. Въ заключенiе скажу, что благодарю Бога за то наслажденiе, которое имѣла въ своей жизни, ради своего призванiя. Сколько интересныхъ знакомствъ съ людьми замѣчательными оно мнѣ доставило; сколько дорогихъ дружескихъ отношенiй, и все это

---

[1]) Т. П. скончалась 24 марта 1889 г.

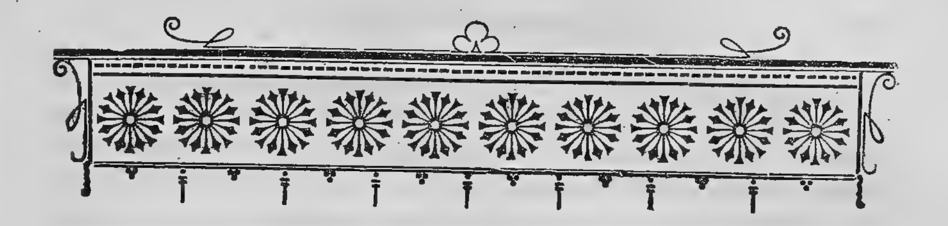
[2]) Дочь Е. М., бывшая замужемъ за Г. Барсовымъ, очень рано овдовѣла, оставшись съ двумя сыновьями. Старшiй изъ нихъ, теперь уже студентъ С.-Петер. Университета, воспитывался бабушкой и живетъ у нея. Второй — гимназистъ, при матери. Сама Е. М. овдовѣла въ 1904 году.

благодаря тѣмъ занятіямъ, которыя сами по себѣ доставляли мнѣ наслажденіе“!

Къ этому благодарному гимну Богу, прибавлю я и свой;—тоже среди моей любимой, почти 40-лѣтней дѣятельности, посвященной перу и кисти, — встрѣчавшей столько хорошихъ, интересныхъ людей, къ числу которыхъ мнѣ такъ отрадно отнести такую личность, какъ Е. М. Бёмъ!

С. Лаврентьева.

Воспоминанія И. И. Янжула о пережитомъ и видѣнномъ.
(1864—1909 г. г.).

ГЛАВА IX [1]).

Практическій опытъ пробы моихъ научныхъ силъ и способностей.—Изслѣдованіе фабрично-заводской промышленности въ Царствѣ Польскомъ.—Программа изслѣдованія.—Цѣли и задачи его—I. Внѣшняя исторія изслѣдованія.—Пріѣздъ комиссіи въ Сосновицы.—Изученіе фабрикъ вдоль Варшаво-Вѣнской желѣзной дороги.—Изслѣдованіе пограничныхъ фабрикъ.—Мирковская писчебумажная мануфактура.—Калишъ.—Кормчество или контрабанда на границѣ и на фабрикахъ.—Лодзь, Томашово, Варшава и пр. промышленные пункты.—II. Результаты всего изслѣдованія и общіе выводы.—Тѣсная связь развитія польской промышленности съ присоединеніемъ къ Россіи.

Въ пятой главѣ настоящихъ воспоминаній была изложена въ краткихъ чертахъ моя фабрично-инспекторская служба и участіе въ выработкѣ и примѣненіи первыхъ въ Россіи, въ современномъ смыслѣ, фабрично-рабочихъ законовъ. Служба эта, продолжавшаяся пять моихъ лучшихъ лѣтъ, являлась какъ бы практической пробой моихъ силъ и дарованій.

Въ настоящей главѣ, переходя къ другимъ видамъ временныхъ занятій и испытанія моихъ знаній и силъ въ теченіе жизни, я хочу отдать откровенный отчетъ читателю моей автобіографіи о моихъ взглядахъ на практическіе результаты или полезность этой первой пробы моихъ силъ. Это тѣмъ болѣе необходимо, что, какъ извѣстно, ни одна сторона или проявленіе моей дѣятельности не вызывала столь сильныхъ похвалъ и въ то же почти время рѣзкихъ осужденій, какъ именно фабрично-инспекторская [2]). Къ сожалѣнію, мнѣ прихо-

[1]) См. „Русскую Старину" февраль 1911 г.

[2]) См. по этому поводу многія указанія въ моей книгѣ: „Изъ воспоминаній и переписки фабричнаго инспектора". Спб. 1907 г.

дится заявить, что въ тѣсно-практическомъ отношеніи, т. е. въ интересахъ благоустройства нашего фабричнаго быта и улучшенія законовъ, моя дѣятельность въ этой области, не смотря на всѣ мои добрыя намѣренія и мечтанія приносить по этому поводу добро, никакой собственно пользы, по всей вѣроятности, дѣлу не принесла, и все шло тѣмъ же рутиннымъ, черепашьимъ ходомъ, какъ было бы, навѣрное, и безъ меня. Конечно, я обладалъ, какъ фабричный инспекторъ, многими знаніями и свѣдѣніями, которыхъ послѣдующіе мои товарищи по инспекціи не имѣли и не имѣютъ. Помимо доступнаго мнѣ матерьяла по фабричному и рабочему вопросу, я имѣлъ счастіе изучать его и лично во время многочисленныхъ моихъ посѣщеній за-границы, особенно въ Англіи и Швейцаріи путемъ личнаго знакомства и разспросовъ выдающихся фабричныхъ инспекторовъ этихъ двухъ странъ. Результаты всѣхъ этихъ личныхъ наблюденій и опыта я неоднократно сообщалъ и передавалъ Министерству Финансовъ и своимъ ближайшимъ начальникамъ, главнымъ инспекторамъ Андрееву и Михайловскому. Такъ всевозможные бланки, важные административные акты и подробности инспекторскаго осмотра и практическаго примѣненія законовъ, инспекторскія дорожныя книги, разныя заявленія и т. п. привозились, припоминается мнѣ, въ большомъ количествѣ изъ Англіи и передавались для руководства и свѣдѣнія заинтересованнымъ лицамъ. Но увы! никакого практическаго толка изъ всѣхъ моихъ попытокъ не вышло! Дѣло организаціи инспекторскаго контроля и самой инспекціи велось совершенно ощупью, безъ пользованія указаніями чужого опыта и одинаково безъ всякой попытки создать что-нибудь свое. Большинство всѣхъ этихъ важныхъ для условій хорошаго дѣйствія фабричной инспекціи вопросовъ осталось и понынѣ въ томъ же крайне несовершенномъ, такъ сказать зачаточномъ, видѣ, какъ было и во времена моей инспекціи. Укажу, для образца, на условія школьнаго обученія малолѣтнихъ рабочихъ и возможность его контроля и выполненія: у насъ до сихъ поръ не допущены въ фабричныхъ дѣлахъ *формальныя* доказательства, какъ это сдѣлано, напримѣръ, въ акцизномъ законодательствѣ; у насъ, наконецъ, не разрѣшенъ кардинальный вопросъ и не проведено сколько-нибудь точной и опредѣленной границы между фабрично-ремесленными и кустарными учрежденіями, о чемъ я усердно твердилъ на всѣ лады все время моей инспекторской службы (см. мою книгу „Изъ воспоминаній и переписки фабричнаго инспектора 1907 г.").

Итакъ, по моему искреннему убѣжденію и къ моему величайшему прискорбію, мое участіе въ фабрично-инспекторской дѣятельности никакой въ общественномъ смыслѣ пользы не принесло и по

условіямъ у насъ существующимъ принести не могло, обратно всѣмъ ожиданіямъ. Другое дѣло въ отношеніи моихъ личныхъ интересовъ: здѣсь, нѣтъ сомнѣнія, инспекторская дѣятельность оказала мнѣ огромную службу и пользу. Фабрично-инспекторская дѣятельность, во-первыхъ, расширила и освѣтила мои знанія и пониманіе рабочаго вопроса, какъ никакая книга этого сдѣлать не можетъ. Множество бесѣдъ и разговоровъ съ фабрикантами, ихъ представителями и рабочими дали мнѣ такіе факты въ руки, которыхъ я нигдѣ бы не могъ найти. Напротивъ, многія теоретическія, абстрактныя положенія науки потерпѣли фіаско, благодаря практическому знакомству съ дѣломъ. Я убѣдился, напримѣръ, въ предвзятости и лживости многихъ ходячихъ положеній, напримѣръ, о противуположности, якобы, непремѣнно интересовъ капиталистовъ и рабочихъ, что является часто сущимъ и тенденціознымъ вздоромъ, не дающимъ права къ обобщенію. Многія, точно также, положенія и чуть не аксіомы финансовой науки по предмету обложенія косвенными налогами разныхъ видовъ потребленія не находятъ себѣ приложенія на практикѣ, какъ я убѣдился на основаніи различныхъ фабричныхъ расцѣнокъ и артельныхъ списковъ; пропорціональность, по крайней мѣрѣ, весьма часто нарушается и дважды два нерѣдко выходитъ какъ будто не четыре.

Наконецъ огромная личная польза для меня практическихъ знаній и знакомства съ фабричнымъ бытомъ выразилась въ возможности съ успѣхомъ, впослѣдствіи, продѣлать другія изслѣдованія и работы, какъ опытъ моихъ силъ и познаній. Сюда относится, напримѣръ, новое изслѣдованіе, возложенное на меня, въ министерство того же Н. Х. Бунге, объ условіяхъ конкурренціи фабрично-заводской промышленности Царства Польскаго съ промышленностью Москвы или точнѣе Центральной Россіи.

Восьмидесятые года прошлаго вѣка, какъ извѣстно, отличались въ Россіи продолжительнымъ промышленнымъ кризисомъ и застоемъ. Многія фабрики Центральной Россіи пріостановили работу или отпускали часть рабочихъ. Весьма естественно, что тяжкій фабричный кризисъ сдѣлалъ русскихъ фабрикантовъ болѣе нервными и чувствительными въ отношеніи вопроса о конкурренціи. Между промышленностью Центральной Россіи и ея окраины—губерній Царства Польскаго завязалась постепенно упорная борьба изъ-за обладанія рынками. По настоянію главнымъ образомъ московскихъ фабрикантовъ былъ уничтоженъ закавказскій транзитъ, но это не подняло русской промышленности и привозъ иностранныхъ товаровъ хотя и уменьшился, но мѣсто ихъ въ значительной степени заняли произведенія не московской, а польской фабрикаціи. Харьковъ и

Кіевъ сдѣлались хорошимъ рынкомъ для сбыта польскихъ произведеній и даже въ самой Москвѣ появились многочисленные склады польскихъ фирмъ, и многія ихъ издѣлія начали успѣшно конкуррировать на мѣстѣ съ московскими.

Толки и неудовольствія противъ конкурренціи польскихъ фабрикъ начали раздаваться особенно сильно послѣ 1886 года, со времени появленія сенсаціонной брошюры г. Сергѣя Шарапова о Лодзи и Сосновицахъ и его публичныхъ лекцій по этому предмету. Г. Шараповъ имѣлъ предварительно, для изслѣдованія этого вопроса, спеціальную командировку московскими купцами въ Польшу и съ неразборчивостью, его отличающею, поднялъ сильную агитацію по этому поводу, исполняя волю его нанимателей, также какъ нынѣ противъ ограниченій автономіи Финляндіи. Правительство наше всегда съ особымъ благоволеніемъ и снисхожденіемъ относилось къ желаніямъ и интересамъ московскаго купечества; поэтому, когда посыпались изъ Москвы жалобы отдѣльныхъ фабрикантовъ на вредъ для Россіи польской конкурренціи, то Министерство Финансовъ немедленно откликнулось на эти ходатайства и рѣшило серьезно ими заняться. Вскорѣ затѣмъ Министръ Внутреннихъ Дѣлъ обратилъ вниманіе на ненормально быстрый ростъ и наплывъ иностраннаго населенія на нашихъ окраинахъ и спеціально увеличеніе иностраннаго землевладѣнія. Почти единовременно (немного позже) Министерство Финансовъ (Н. X. Бунге) назначило спеціальную комиссію для изученія промышленности Царства Польскаго и особенно въ пограничной полосѣ, куда вмѣстѣ съ ростомъ нашего таможеннаго тарифа переселялись цѣликомъ иностранные фабриканты съ своими рабочими и машинами, открывая все новое и новое соперничество съ русскими производителями. Отъ Министерства Финансовъ намѣчены были двое: по экономической части—я, по технической—директоръ Технологическаго Института Н. П. Ильинъ, впослѣдствіи въ качествѣ помощника ему Н. П. Ланговой, доцентъ того же Института; и кромѣ того двое лицъ—статистовъ безъ рѣчей—отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ (по паспортному дѣлу) и отъ Горнаго Департамента.

Въ одну изъ поѣздокъ моихъ въ Петербургъ тогдашній директоръ Департамента Торговли и Мануфактуры А. Б. Бэръ сообщилъ мнѣ намѣреніе Министерства, по мысли его и Николая Христіановича, пригласить меня въ эту комиссію. Вслѣдъ за тѣмъ послѣдовало и оффиціальное письменное предложеніе по этому поводу, на которое я отвѣчалъ, сгорая тогда желаніемъ всякаго новаго интереснаго дѣла, моимъ полнымъ согласіемъ. Весьма долго тяну-

лась канцелярская канитель и переписка изъ-за совершенныхъ, частью, пустяковъ, напримѣръ, изъ-за согласія на мою командировку Министерства Просвѣщенія, которое, конечно, въ вакаціонное время ничего не можетъ имѣть противъ тѣхъ или иныхъ полезныхъ занятій университетскихъ профессоровъ. Вмѣсто мая мѣсяца поѣздка комиссіи состоялась лишь въ двадцатыхъ числахъ іюня. Всѣ члены съѣхались въ Варшавѣ, гдѣ, къ сожалѣнію, генералъ-губернаторъ Гурко отсутствовалъ, и мы его не могли видѣть; въ канцеляріи же его узнали, что о назначеніи комиссіи и пріѣздѣ нашемъ фабриканты уже увѣдомлены и ждутъ-де насъ съ нетерпѣніемъ. Генералъ-губернаторъ прикомандировалъ къ намъ, яко-бы на помощь при нашемъ изслѣдованіи, своего молодого чиновника по особымъ порученіямъ гр. А. А. Уварова, нынѣ столь извѣстнаго, по разнымъ поводамъ, члена Государственной Думы. Въ дѣйствительности гр. Уваровъ никакой пользы намъ не оказывалъ, ибо съ нашей комиссіей вовсе даже не ѣздилъ, а лишь показывался къ намъ всего два раза въ мѣстахъ нашего изслѣдованія на самое короткое время. Наша корреспонденція, по предложенію канцеляріи, въ виду нашихъ постоянныхъ разъѣздовъ въ Царствѣ Польскомъ, должна была направляться въ нее для храненія и доставляться намъ по извѣстному ей всегда нашему адресу, часто мѣнявшемуся.

Программа изслѣдованія заключала въ себѣ выясненіе тѣхъ условій и преимуществъ, которыя имѣетъ польская промышленность сравнительно съ внутренними губерніями Россіи, въ особенности въ московскомъ промышленномъ округѣ. Сообразно этому надлежало выяснить, какія именно отрасли промышленности получили наибольшее развитіе въ губерніяхъ Царства Польскаго; какія мѣстныя условія способствовали этому развитію; какое вліяніе на него имѣли иностранные техники и рабочіе, заграничные капиталы и полученіе изъ-за границы матеріаловъ и орудій производства; каково было воздѣйствіе повышеннаго съ 1877 года таможеннаго тарифа, и какія мѣры могли бы быть приняты противъ дальнѣйшаго искусственнаго развитія польской фабрично-заводской промышленности. При этомъ особенное вниманіе комиссіи должно было сосредоточиться именно на пограничныхъ губерніяхъ Царства Польскаго.

Слѣдуя указаннымъ цѣлямъ и задачамъ изслѣдованія, я съ одобренія Министерства выработалъ двѣнадцать вопросныхъ пунктовъ для владѣльцевъ фабрикъ параллельно по-русски и по-нѣмецки и, для ускоренія нашей работы, они были разосланы по фабрикамъ Царства Польскаго еще раньше нашего прибытія туда черезъ по-

средство генералъ-губернатора и мѣстнаго начальства. Такимъ образомъ къ нашему пріѣзду въ двадцатыхъ числахъ іюня мы уже имѣли отъ большинства мѣстныхъ фабрикъ довольно подробныя свѣдѣнія, которыя оставалось лишь дополнить и провѣрить личными осмотрами.

Все изслѣдованіе мое промышленности Царства Польскаго можно изложить, собственно, въ двухъ частяхъ: во-первыхъ, такъ сказать, *внѣшняя исторія* или ходъ самаго изслѣдованія комиссіей польской промышленности; во-вторыхъ, *результаты* или данныя объ этой промышленности по экономическому отдѣлу задачи, мною собранныя. Начну съ внѣшней исторіи, какъ наиболѣе интересной и подходящей для моей біографіи и „Воспоминаній“. Первоначально комиссія наша предполагала путешествовать по Польшѣ и собирать порученныя данныя цѣликомъ въ составѣ всѣхъ членовъ; но уже первые шаги совмѣстныхъ осмотровъ показали все неудобство подобной мѣры: каждый членъ нуждался въ свѣдѣніяхъ по своей спеціальности и, разумѣется, одинъ хозяинъ или завѣдующій фабрикой не могъ одновременно удовлетворять пытливость и отвѣчать нѣсколькимъ лицамъ. Въ этомъ мы убѣдились скоро въ первомъ промышленномъ пунктѣ Царства, куда пріѣхали совмѣстно— въ Сосновицахъ. Я такъ описывалъ нашъ пріѣздъ въ Сосновицы моей женѣ: „Въѣздъ нашъ въ Сосновицы былъ „торжественный“: весь вокзалъ былъ запруженъ народомъ и властями; кромѣ множества разныхъ чиновъ, было нѣсколько крупныхъ фабрикантовъ... Долго насъ разрывали на части, таможенные звали къ себѣ, фабриканты къ себѣ; но мы все съ достоинствомъ отвергли и устремились въ близъ лежащую корчму, гдѣ и помѣстились, впрочемъ, довольно удобно. На другой день встали въ 7 часовъ и вновь отвергли предложенія, присланныя разными фабрикантами, изящныхъ экипажей, и пѣшкомъ, въ сопровожденіи, однако, большой свиты, двинулись для начала на шерсто-прядильную фабрику Диттеля, полторы версты отъ границы. Къ обѣду Ильинъ уже окончилъ свою часть осмотра, а Писаревъ, членъ отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, не знавшій нѣмецкаго языка, безполезно потолкался и потомъ куда-то исчезъ; я же свою программу выполнялъ съ утра до 7 часовъ вечера, съ краткимъ перерывомъ на обѣдъ на станціи и усталый, разбитый, но нѣсколько ободренный духомъ, вернулся домой, т. е. въ корчму. Цѣлый день разговоръ шелъ преимущественно по-нѣмецки“... Какъ было выше упомянуто, послѣ первыхъ двухъ-трехъ осмотровъ члены комиссіи рѣшили осматривать фабрики отдѣльно, а вечеромъ сходиться для обсужденія плана дѣйствій для слѣдующаго дня.

Послѣ Сосновицъ съ ея ближайшими окрестностями, гдѣ мы осмотрѣли 15 фабрикъ, мы начали посѣщать болѣе отдаленныя изъ нихъ, лежащія по Варшавско-Вѣнской дорогѣ (Домброво, Зембковица, Ченстохово и т. д.). Поѣздки вдоль самой границы, гдѣ только возникали фабрики, мы совершали въ разныхъ мѣстахъ Царства Польскаго. Мѣстность, напримѣръ, по границѣ всего Бендинскаго уѣзда съ Пруссіей, пустынная и большею частью заросшая лѣсомъ, перерѣзанная множествомъ тропинокъ и очень удобная, повидимому, для водворенія контрабанды, услѣдить которую на огромномъ протяженіи едва-ли было возможно. Проѣзжія дороги съ русской стороны повсюду были отвратительны, и путешествіе совершалось постоянно съ опасностью быть опрокинутымъ. Вообще вдоль русской границы хорошія шоссейныя дороги въ то время (восьмидесятые годы XIX вѣка) отсутствовали, а напротивъ вся прусская граница на протяженіи Познани изрѣзана была прекрасными шоссе и желѣзными дорогами; поэтому въ результатѣ нашего перваго же опыта оказался совершенный абсурдъ, что ломанная линія короче прямой, и что нашей комиссіи гораздо выгоднѣе было путешествовать въ русскія пограничныя фабрики, дѣлая большіе круговые объѣзды по прусскимъ цивилизованнымъ путямъ, нежели короткіе проѣзды по русской территоріи.

Первый такой наѣздъ мы совершили съ Ильинымъ на Мирковскую писчебумажную фабрику Велюнскаго уѣзда Калишской губерніи. Она лежитъ всего нѣсколько верстъ отъ прусской желѣзнодорожной станціи „Wilhelmsbrücke"; поэтому мы совершили это путешествіе большимъ объѣздомъ изъ Сосновицъ по Пруссіи и доѣхали довольно скоро, тогда какъ съ Россіей она была связана плохой проселочной дорогой.

Мирковская писчебумажная мануфактура возбуждала много толковъ и переписки у генералъ-губернатора, а равно и Министерства Финансовъ. Положеніе этой фабрики считали подозрительнымъ и даже опаснымъ для интересовъ Россіи по многимъ причинамъ. Прежде всего Мирковская фабрика лежитъ на пограничной рѣкѣ Проснѣ, отдѣляющей Россію отъ Пруссіи, и фабрика занимаетъ своими постройками оба берега рѣки, въ которой происходитъ часть процедуры производства—мытье тряпки и пр. Всѣ рабочіе живутъ въ лежащей непосредственно за стѣной фабрики прусской деревушкѣ и два раза въ день приходятъ на работу, подвергаясь строгому таможенному осмотру. Противъ Мирковской фабрики были представлены два серьезныхъ, но одинаково безосновательныхъ, какъ оказалось изъ нашего тщательнаго осмотра, обвиненія: во-первыхъ, что несмотря на всѣ принятыя мѣры предупрежденія, эта

фабрика является мѣстомъ сплава контрабанды; другой доносъ мѣстнаго жандармскаго ротмистра указывалъ, еще страшнѣе, на военную будто бы опасность для Россіи Мирковской фабрики, такъ какъ она очень легко въ случаѣ войны можетъ быть, будто бы, превращена въ крѣпость, а ея рабочіе—въ нѣмецкихъ ландверистовъ; они всѣ-де отлично изучаютъ военное искусство на случай войны!!??...

Мы съ Ильинымъ тщательно осмотрѣли эту фабрику, произвели настоящее слѣдствіе, выспрашивая въ подробности рабочихъ и администрацію, и провѣряя показанія книгами: никакой фиктивной, якобы, работы на этой фабрикѣ мы не нашли, а по осмотру Ильинымъ механизмовъ и аппаратовъ Мирковская мануфактура *дѣйствительно* перерабатывала въ бумагу все то тряпье, которое получала. Короче, мы обѣлили фабрику отъ всѣхъ доносовъ и обвиненій, на нее падавшихъ. Напротивъ, надо считать за большую выгоду для Россіи существованіе этой фабрики уже потому, что при отсутствіи ея, пограничное населеніе, не имѣя заработковъ, непремѣнно занялось бы болѣе выгоднымъ гешефтомъ-контрабандой. Наконецъ въ смыслѣ конкурренціи съ Россіей эта фабрика не представляла ничего угрожающаго по своимъ размѣрамъ, потребляя мѣстную тряпку, и производя бумагу для мѣстнаго употребленія.

Далѣе, такимъ же точно образомъ, путемъ длиннаго объѣзда черезъ Пруссію, мы посѣтили губернскій городъ Калишъ, лежащій отъ границы всего въ семи верстахъ и тѣмъ не менѣе тогда не связанный еще желѣзной дорогой ни съ Пруссіей, ни съ Россіей. Въ Калишѣ мы пробыли довольно долго, осмотрѣли въ его окрестностяхъ знаменитыя суконныя фабрики, поставлявшія издавна сукно не только на всю Россію, но и въ Китай. Согласно нашему изслѣдованію шансы конкурренціи, опять таки противно московскимъ завистникамъ, вовсе не говорили въ пользу этихъ польскихъ или точнѣе нѣмецкихъ фабрикъ, такъ какъ топливо въ Калишѣ оказалось дороже многихъ другихъ частей въ Польшѣ, заработная плата выше, а шерсть едва ли не дороже, чѣмъ въ Россіи.

Гораздо большаго вниманія съ нашей стороны въ Калишѣ потребовалъ осмотръ нѣсколькихъ фабрикъ и ремесленныхъ заведеній, подозрѣваемыхъ въ сбытѣ контрабанды, которая прикрывается слѣдующимъ ловкимъ маневромъ; какое-нибудь лицо открываетъ въ предѣлахъ Россіи, но на границѣ, напримѣръ въ томъ же Калишѣ, для вида фабрику или мастерскую какого-либо ходкаго товара, напримѣръ, машинныхъ кружевъ, лентъ, тесемокъ, шляпъ, платковъ и т. д. Единовременно съ контрабанднымъ привозомъ этихъ това-

ровъ изъ-за границы разными неизвѣстными путями фабрика вырабатываетъ и свой подобный товаръ, только въ ничтожномъ количествѣ, по тѣмъ же иностраннымъ образцамъ и рисункамъ, но ставитъ на все свое клеймо. Въ результатѣ получается абсурдъ: въ данную часть Польши замѣтно усиливается ввозъ какого-нибудь товара, извѣстнаго рода, изъ-за границы, и мѣстное польское (въ большинствѣ, конечно, еврейское) производство этого предмета нисколько отъ этой конкурренціи не страдаетъ, но замѣтно растетъ и процвѣтаетъ. Такіе способы контрабанды мнѣ пришлось видѣть, по крайней мѣрѣ по подозрѣнію, кромѣ Калиша, въ Ченстоховѣ и самой Варшавѣ. Для отвода глазъ, весьма нерѣдко на подобныхъ фабрикахъ имѣются, яко-бы для образца, тѣ же самые товары иностраннаго происхожденія, но снабженные узаконенной пломбой и прошедшіе черезъ таможню.

Какой-то жандармскій офицеръ въ Сосновицахъ заявлялъ мнѣ по секрету, что если-бы Министерство Финансовъ гарантировало ему извѣстную на то сумму, то онъ обязуется на дѣлѣ показать обширные размѣры правильно идущей контрабанды разными товарами при непосредственномъ, будто-бы, содѣйствіи или попустительствѣ самихъ чиновъ таможеннаго вѣдомства. Такъ какъ въ данномъ случаѣ я отказался принять на себя посредничество, то не знаю, насколько заявленіе это вѣрно; но несомнѣнно, всѣ обстоятельства видѣннаго и слышаннаго мною въ Польшѣ, во время изслѣдованія, говорили за громадные размѣры контрабанды—гораздо большіе, нежели многіе думали. Такъ, въ Познани, напримѣръ, вдоль всей русской границы, я видѣлъ нѣсколько разъ много винокуренныхъ заводовъ и другихъ фабрикъ въ непосредственной близости съ Россіей, иногда на нѣсколько саженъ, почему незамѣтный провозъ продуктовъ изъ Пруссіи черезъ нашу границу представлялся весьма легкимъ дѣломъ, несмотря ни на какую стражу. У меня невольно являлась мысль: эти заводы не существуютъ ли спеціально для доставки въ Россію контрабанднымъ способомъ спирта и пр.?... Затѣмъ одинъ разъ, близъ Калиша, въ виду нашего сторожевого поста и часового, я случайно зашелъ въ прусскую пивную и нашелъ сѣни ея снизу до верху наполненными какими-то странными металлическими ранцами, съ завинченными отверстіями и ремнями. Для всякаго было очевидно, что эти ранцы предназначались для наполненія жидкостью и скрытнаго переноса подъ платьемъ. Нѣмецкій еврей, хозяинъ пивной, видимо былъ очень смущенъ и что-то бормоталъ, но ничего не могъ отвѣтить на мои любознательные разспросы; русскій же таможенный чинъ, приставленный ко мнѣ Министерствомъ Финансовъ при разъѣздѣ по нѣко-

рымъ фабрикамъ, яко-бы для содѣйствія изслѣдованію, по поводу вышеуказанныхъ ранцевъ, представилъ мнѣ какое-то нелѣпое объясненіе и всячески старался увести меня вонъ изъ этой пивной, очевидно, по моему убѣжденію, желая отвлечь мое вниманіе отъ этого нагляднаго доказательства регулярнаго кормчества [1]).

Дольше всего изъ всѣхъ городовъ Царства Польскаго пришлось мнѣ пробыть въ Лодзи—около трехъ недѣль, каждый день съ утра до вечера посѣщая фабрики, иногда даже по воскресеньямъ, когда случайно приходилось узнать о еврейскихъ заведеніяхъ, работавшихъ въ этотъ день. Свободные отъ посѣщеній антракты точно также были всецѣло посвящены разработкѣ писаннаго и печатнаго матеріала, собраннаго въ огромномъ количествѣ на фабрикахъ и получаемаго со всѣхъ сторонъ. Этотъ главнѣйшій промышленный центръ Царства Польскаго, прокопченная, дымная Лодзь съ ея до-нельзя отравленной, вонючей рѣчкой Лудкой производила на насъ тяжелое, гнетущее впечатлѣніе. Впрочемъ я не имѣлъ времени скучать, поглощенный всецѣло осмотромъ фабрикъ и безчисленными разговорами и опросами на разныхъ языкахъ (преимущественно на нѣмецкомъ и русскомъ, а иногда черезъ переводчика и по-польски) съ ранняго утра до поздняго вечера. Жена моя, которая цѣлый день сидѣла въ номерѣ гостиницы за предварительнымъ разборомъ присылаемаго съ фабрикъ матеріала описательнаго и цифроваго характера—занятіемъ, отъ котораго ее, впрочемъ, часто отрывали разные дѣловые посѣтители, вела, разумѣется, томительное существованіе и молила боговъ поскорѣе убраться изъ постылаго города. Здѣсь же, въ Лодзи, при постоянномъ жительствѣ, мы первый разъ (а потомъ при вторичномъ посѣщеніи Сосновицъ) перезнакомились съ разными представителями русскаго чиновничества и составили себѣ ясное представленіе, какими неудовлетворительными чиновниками Россія наполняетъ свои окраины, существенно вредя связи и объединенію интересовъ послѣднихъ съ остальной Россіей.

Кромѣ Калиша, Лодзи, Томашова и фабрикъ вдоль Варшавско-Вѣнской дороги, я посѣтилъ нѣсколько механическихъ заводовъ

---

[1]) Никогда во всю мою жизнь мнѣ не приходилось столько слышать о взяточничествѣ и продажности чиновниковъ, какъ въ Царствѣ Польскомъ во время этого изслѣдованія. Одно вѣдомство всегда обвиняло другое, таможенное—полицейскихъ, полицейскіе, какъ мы сейчасъ видѣли,—таможенныхъ въ подкупности и сдѣлкахъ съ совѣстью. Къ сожалѣнію, и новое вѣдомство—фабричная инспекція—пошло по избитой дорогѣ и навлекло на себя скоро тѣ же обвиненія. Еще во время нашего изслѣдованія два инспектора въ Царствѣ Польскомъ были на этомъ основаніи устранены отъ должности.

Варшавы и стеклянныхъ и мебельныхъ фабрикъ въ Люблинской губерніи. Всего посѣщеній было много, болѣе ста промышленныхъ заведеній Царства Польскаго, и я изучилъ ихъ вполнѣ основательно, чтобы быть въ состояніи провести параллель съ условіями производства и быта московскихъ фабрикъ.

Вслѣдъ за изученіемъ положенія польской промышленности путемъ указанныхъ осмотровъ фабрикъ, я собиралъ также въ Польшѣ данныя для исторіи возникновенія и развитія польской промышленности, что издалъ впослѣдствіи отдѣльной книгой [1]). Это изслѣдованіе по всѣмъ доступнымъ мнѣ источникамъ, преимущественно польскимъ, а отчасти русскимъ, ранѣе не затронутымъ (напримѣръ данныя Государственнаго Банка), установило несомнѣнный фактъ быстраго роста польской промышленности, сравнительно съ русской и особенно за позднѣйшее время, т. е. за періодъ полнаго присоединенія къ Россіи и объединенія съ ней. Отъ выгодъ, благодаря этому сліянію съ Россіей, обрабатывающая промышленность Царства Польскаго увеличивалась скачками на сотни и даже до тысячи процентовъ за короткій періодъ въ отдѣльныхъ отрасляхъ промышленности. Польская промышленность оказалась вообще моложе русской, и ея ростъ начинается именно со времени утраты политической самостоятельности Польши и на счетъ Россіи, къ которой она была присоединена.

Первый благопріятный факторъ для развитія польской промышленности заключался, вмѣстѣ съ присоединеніемъ къ Россіи, въ цѣломъ рядѣ поощрительныхъ административныхъ мѣръ, принятыхъ правительствомъ. Второй факторъ, благопріятствующій польской промышленности, заключался въ дѣятельности польскаго банка, истратившаго, опираясь на русскіе финансы, многіе милліоны денегъ. Наконецъ третій и важнѣйшій факторъ состоялъ въ разнообразныхъ экономическихъ выгодахъ, которыя Польша извлекла прямо изъ своего присоединенія къ Россіи и торговли съ нею, найдя въ ней богатый и постоянный рынокъ, какъ для своихъ собственныхъ продуктовъ, такъ и привозимыхъ иностранныхъ, при обильныхъ льготахъ и преимуществахъ на русскій счетъ въ пользу Польши. Достаточно привести тотъ фактъ, что до 1850 г., пока Царство Польское имѣло самостоятельный тарифъ и свой собственный таможенный кордонъ по русской границѣ, Польша ввозила въ Россію

---

[1]) Историческій очеркъ развитія фабрично-заводской промышленности въ Царствѣ Польскомъ. Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи Императорскаго Московскаго университета 12 января 1887 г. орд. проф. И. И. Янжуломъ. Москва 1887 г.

свое сырье совсѣмъ безплатно, а обработанныя издѣлія, какъ собственныя, такъ и иностранныя, съ своимъ клеймомъ съ уплатою лишь одного процента (1%). Въ то же самое время русскія издѣлія, напримѣръ бумажныя, оплачивались до 15% стоимости польскими пошлинами. Такимъ образомъ присоединеніе къ Россіи создало для Польши обширный, монополизированный рынокъ для всякихъ продуктовъ черезъ ея посредство, и великодушная Россія наложила на себя, слѣдовательно, огромную тяжесть въ пятнадцать разъ большую, нежели на присоединенную страну. *Отъ всего остального свѣта Россія была ограждена высокой стѣной запретительнаго тарифа, и лишь Польша представляла изъ себя ворота въ этой сплошной стѣнѣ.* (Нѣчто подобное представляетъ собою нынѣ, благодаря двойному тарифу и легкости контрабанды, Финляндія [1]).

[1]) Укажемъ на замѣчательную статью недавно въ „Голосѣ Москвы" на эту тему по поводу взаимныхъ отношеній Россіи съ Финляндіей въ писчебумажной промышленности. Благодаря, главнымъ образомъ, разности русско-финляндскаго тарифа отъ иностраннаго финляндскаго и нашего, Финляндія быстро и вѣрно завоевываетъ русскій рынокъ. Приведемъ нѣкоторыя выдержки изъ названной статьи.

„Прогрессивный ходъ завоеванія русскаго рынка финляндской бумажной промышленностью явствуетъ изъ слѣдующихъ цифръ: 20 лѣтъ тому назадъ финляндскій привозъ составлялъ всего 6 проц. русскаго производства; еще 10 лѣтъ тому назадъ онъ не превышалъ 10 проц. нашей производительности, а въ настоящее время онъ составляетъ уже цѣлую треть. Финляндская бумага распространилась отнюдь не въ одной только сѣверной Россіи—она получила широкій сбытъ въ Варшавѣ, Лодзи, Ригѣ, Москвѣ, Одессѣ, Ростовѣ и т. д., не исключая и Сибири.

За послѣдніе годы привозъ къ намъ финляндской бумаги обнаруживаетъ слѣдующую прогрессію: 1903 г. — 18,2 милл. марокъ, 1904—20,1, 1905—20,6, 1906—20,4, 1907—26,8 милл. марокъ. Въ среднемъ финляндскій привозъ увеличивается ежегодно на 15 проц., все финляндское бумажное производство возрастаетъ ежегодно на 25 проц.,—а наше бумажное дѣло увеличивается едва на 2 проц. Финляндская промышленность растетъ почти исключительно за счетъ развитія русскаго бумажнаго рынка, покрывая двѣ трети прироста нашей потребности въ бумагѣ".

Указанное ненормальное явленіе авторъ объясняетъ тѣмъ, что „финляндскій привозъ мы облагаемъ самыми ничтожными пошлинами, а чтобы финляндцы могли сбывать у насъ свой товаръ съ хорошей выгодою, не тревожимые другими иностранными импортерами, мы облагаемъ бумажный товаръ другихъ странъ-производительницъ огромными, совершенно запретительными пошлинами. Вотъ сравнительная табличка таможенныхъ тарифовъ по финляндской границѣ и общихъ (въ рубляхъ съ пуда):

Бумага:	Для Финляндіи.	Общій тарифъ.
Оберточная	0,50	4,00
Бѣлая и цвѣтная . . .	0,82	6,00
Пергаментная	0,82	13,20
Папиросная	1,60	16,00

Въ 1850 году произошло таможенное объединеніе и уничтоженіе таможенной границы между Имперіей и Царствомъ, что, обратно съ ожиданіями, способствовало главнымъ образомъ дальнѣйшему развитію и росту лишь польскихъ интересовъ на счетъ русскихъ. Первоначально сдерживающей препоной были дурные пути сообщенія во внутренней Россіи; но съ улучшеніемъ ихъ и быстрой постройкой желѣзныхъ дорогъ сбытъ польскихъ издѣлій не только распространялся съ соотвѣтствующей быстротой на внутреннемъ рынкѣ, но вырывалъ у русской промышленности даже насиженные старые рынки въ Азіи.

Но за быстрымъ развитіемъ польской промышленности, вслѣдствіе вышеуказанныхъ условій, явилось другое весьма нежелательное послѣдствіе этого быстраго роста вмѣстѣ съ увеличеніемъ также и нашего таможеннаго тарифа, а именно: желая пользоваться различіями тарифныхъ ставокъ на обработанные продукты и полуфабрикаты, иностранцы начали переносить свои фабрики или ихъ отдѣленія за русскую границу вмѣстѣ съ ихъ полнымъ обзаведеніемъ. Благодаря этому маневру, иностранное производство получило полный доступъ для конкурренціи съ русскими производителями. Появленіе подобныхъ фабрикъ одинаково невыгодно какъ для русской промышленности, такъ и для интересовъ самого фиска. Иностранный продуктъ получаетъ здѣсь фальшиво-русское обличіе и избѣгаетъ значительной части таможеннаго налога. Вотъ та сторона вопроса о польской промышленности, которая дѣйствительно

Отсюда явствуетъ, что Финляндія совершенно защищена на русскомъ бумажномъ рынкѣ отъ конкурренціи европейскихъ фабрикатовъ, обложенныхъ таможенною пошлиною въ 8—16 разъ выше, нежели финляндскій товаръ. Фактически это находитъ себѣ выраженіе въ томъ, что въ составѣ бумажнаго привоза къ намъ всѣ страны занимаютъ всего 5 проц.,— а 95 проц. привозитъ одна Финляндія! Другими словами, массовое импортное производство искусственно монополизировано тарифомъ за Финляндіей, а на всѣ прочія страны оставлены лишь крохи привоза (спеціальныхъ сортовъ бумаги).

Мы охарактеризовали финляндскую привилегію по бумажному производству только какъ одну изъ наиболѣе яркихъ картинокъ въ области экономическихъ взаимоотношеній Финляндіи съ Имперіей. Но и весь вообще товарный обмѣнъ нашъ съ Финляндіей носитъ въ высшей степени ненормальный характеръ, закрѣпляющій льготное положеніе привоза къ намъ финляндскихъ товаровъ и въ то же время ставящій судьбу нашего импорта въ Финляндію въ зависимость отъ доброй воли финляндцевъ".

См. „Голосъ Москвы" отъ 26 іюня 1910 г. Экономическій отдѣлъ: статья подъ названіемъ „Вопіющая ненормальность". См. также „Голосъ Москвы" № 153 1910 года (отъ 6 іюля): „Финляндская конкурренція въ бумажномъ производствѣ".

заслуживала вниманія, вмѣсто преувеличенныхъ жалобъ московскихъ промышленниковъ на польскую конкурренцію, сильно раздутую.

Въ заключеніе перейдемъ къ выводамъ или результатамъ, добытымъ нашей комиссіей по экономической сторонѣ дѣла. Само собой разумѣется, здѣсь оказались выводы pro и contra, т. е. за русскую, какъ и за польскую промышленность. Одни производства, какъ хлопчато-бумажное, выше въ Россіи, другія, какъ шерстяное, выше въ Польшѣ. То же, что о качествѣ, можно сказать и о шансѣ конкурренціи: въ однихъ отношеніяхъ преимущество за московскими, въ другихъ—на сторонѣ промышленниковъ Привислянскаго Края. Очевидно, не можетъ быть вопроса о какихъ-либо насильственныхъ мѣропріятіяхъ правительства для уравненія шансовъ конкурренціи, и сами промышленники должны стремиться къ должному уравненію своихъ преимуществъ и недостатковъ въ интересахъ наилучшаго развитія своего дѣла.

Основное положеніе мое, истекающее изъ всего изслѣдованія, это то, что промышленность Царства Польскаго представляетъ собой *дитя правительственной опеки и многолѣтней заботливости русскаго государства, вспоенное и вскормленное въ значительней степени на русскихъ хлѣбахъ и на счетъ русскихъ потребителей (болѣе 50% польскихъ издѣлій вывозится въ Имперію).*

Такимъ образомъ, если бы зашла рѣчь объ автономіи или полномъ отдѣленіи Царства Польскаго отъ Россіи, то, естественно, дѣломъ справедливости является вытребовать и получить сначала многомилліонный долгъ Польши Русской Имперіи за созданіе и столѣтнее поддержаніе ея промышленности. Возникновеніе пограничныхъ фабрикъ на счетъ иностранныхъ капиталовъ и отчасти съ иностранными рабочими составляетъ прямое нарушеніе существующихъ правилъ и законовъ и обязательно должно быть уничтожено, какой бы то ни было цѣной.

Согласно данной комиссіи программѣ, одинаковыя изслѣдованія и подъ однимъ и тѣмъ же пунктомъ должны были быть повторены и въ Московской губерніи, но по неизвѣстной мнѣ причинѣ московское изслѣдованіе не состоялось, а потому для сравненія добытыхъ въ Польшѣ результатовъ съ Москвой пришлось ограничиться лишь нѣкоторыми общими данными, добытыми много раньше, въ качествѣ московскаго фабричнаго инспектора, и немногими частными свѣдѣніями, гдѣ дѣло касается вопросовъ неподвижнаго или оборотнаго капитала. Первый—основной капиталъ, т. е. затрачиваемый на землю, постройку зданія и машинъ на московскихъ фабрикахъ, вообще больше и выше, чѣмъ польскихъ, если сопоставить съ капиталомъ оборотнымъ. Вообще постройки, благодаря русскому

обычаю помѣщать жилище рабочихъ въ зданіи фабрики и дороговизнѣ кирпича, гораздо дороже, нежели въ Царствѣ Польскомъ.

Весьма разнообразны условія относительно оборотнаго капитала и на первомъ планѣ топлива. Здѣсь, во время изслѣдованія, расходъ на топливо оказался рѣшительно въ пользу Царства Польскаго, т. е. въ Москвѣ топливо гораздо было дороже въ то время, чѣмъ въ Царствѣ Польскомъ. Если взять сравнительный расходъ топлива, приходящійся на единицу продукта, то окажется, что въ общемъ фабричномъ оборотѣ Царства Польскаго топлива расходуется въ два раза меньше, чѣмъ на московскихъ фабрикахъ.

Но главное мое вниманіе въ этомъ сравненіи условій производства сосредоточилось, естественно, главнымъ образомъ на заработной платѣ и рабочемъ вопросѣ, въ то время какъ по вопросамъ о капиталѣ, аналогичнымъ съ Польшей, мнѣ удалось произвести изслѣдованіе лишь на четырехъ мнѣ особенно дружественныхъ московскихъ фабрикахъ; по заработной платѣ я имѣлъ свѣдѣнія и данныя по многимъ сотнямъ фабрикъ, собранныя въ теченіе многихъ лѣтъ. На этой сторонѣ вопроса, на данномъ основаніи, мое изслѣдованіе и параллель Москвы съ Польшей отличаются особой подробностью

Первое уже различіе заключалось въ наймѣ рабочихъ. До выхода въ свѣтъ закона о наймѣ фабричныхъ рабочихъ 3-го іюня 1886 года, всѣ условія фабричнаго быта отличались у насъ крайней неопредѣленностью и произволомъ, и нѣкоторое предписаніе закона и нѣкоторые русскіе фабричные обычаи являлись нерѣдко остаткомъ бывшихъ крѣпостныхъ отношеній. Наемъ совершался на самые разные сроки, и при томъ даже на одной и той-же фабрикѣ, но господствующимъ можно считать—наемъ на срокъ *паспорта*, какъ наиболѣе употребительный и распространенный. Тѣмъ не менѣе, въ силу прямого дозволенія закона (ст. 54 уст. о пром. фабр. и зав.), хозяинъ фабрики могъ всегда отпустить отъ себя рабочаго и до истеченія договорнаго срока за дурное поведеніе или невыполненіе его обязанностей, но съ обязательнымъ предупрежденіемъ работника за двѣ недѣли до отпуска. Въ дѣйствительности послѣднее условіе настолько плохо соблюдалось, что было мало извѣстно не только рабочимъ, но и самимъ хозяевамъ.

При неопредѣленности условій найма, время расплаты на нашихъ фабрикахъ закономъ не предусматривалось; оно предоставлялось, по теоріи, на волю сторонъ, заключающихъ договоръ найма, а въ дѣйствительности у большинства промышленныхъ заведеній, кромѣ ремесленныхъ, плата заработанныхъ денегъ производилась, когда хозяинъ пожелаетъ и имѣетъ нужныя для того деньги.

Законъ 3-го іюня 1886 г. сдѣлалъ важный переломъ въ жизни нашихъ фабричныхъ рабочихъ, установивъ точный порядокъ найма и расплаты тамъ, гдѣ его прежде не было. Этотъ важный законъ, составляющій эпоху въ русскомъ фабричномъ законодательствѣ, опредѣлилъ, во-первыхъ, способы найма и установилъ точно обязательные термины расплаты—не менѣе раза въ мѣсяцъ, при срокѣ опредѣленномъ,—и двухъ разъ въ мѣсяцъ, при срокѣ неопредѣленномъ, нарушеніе чего навлекаетъ на хозяина отвѣтственность въ случаѣ иска рабочаго.

Во многомъ иначе та же часть промышленныхъ отношеній организована въ Царствѣ Польскомъ, для котораго, при томъ, законъ 3-го іюня 1886 г. былъ обязателенъ до послѣдняго времени лишь отчасти, такъ какъ въ цѣломъ составѣ этотъ законъ распространился сначала всего на три губерніи—Московскую, Владимірскую и Петербургскую. Какъ общее правило, издавна существовавшее въ Царствѣ Польскомъ, кромѣ спеціальныхъ письменныхъ договоровъ съ отдѣльными рабочими (большею частью мастерами), рабочіе нанимались и нанимаются безъ срока, но съ обязательнымъ предупрежденіемъ за двѣ недѣли, для обѣихъ сторонъ, объ отходѣ или отпускѣ; и послѣднее условіе, совершенно непривычное въ остальной Россіи и лишь внесенное для подобнаго же найма закономъ 3-го іюня 1886 г., является тамъ повсемѣстно принятымъ обыкновеніемъ, гарантирующимъ интересы обѣихъ договаривающихся сторонъ. Обратно съ остальной Россіей, расплата съ рабочими является на фабрикахъ Привислянскаго края также правильной и твердо опредѣленной—или еженедѣльной, или не рѣже двухъ разъ въ мѣсяцъ.

Что касается до размѣровъ заработной платы, то сравненіе Имперіи съ Царствомъ Польскимъ вездѣ привело меня къ выводу о лучшемъ, болѣе высокомъ размѣрѣ вознагражденія польскихъ рабочихъ. У большинства ихъ плата превосходитъ русскую очень значительно, иногда на одну треть, на половину, вдвое, а въ одномъ производствѣ даже втрое. Женская плата въ Польшѣ выше почти на три четверти, а дѣтская болѣе, чѣмъ на половину. При этомъ, по разнымъ частямъ Польши плата рабочихъ весьма разнообразится; но, какъ извѣстно, главное значеніе въ вопросѣ оплаты играетъ интенсивность труда, его энергія и успѣшность. Переведя полученные данныя по этому пункту на единицу товара на тѣхъ фабрикахъ, о которыхъ свѣдѣнія имѣлись для бумагопрядильнаго производства у меня получилось, что расходъ платы въ Царствѣ Польскомъ на фунтъ пряжи составляетъ 66 коп. и никакъ не выше 1 р. 20 к., въ Россіи же отъ 80 к. до 1 р. 50 к., т. е. въ общемъ гораздо

выше; въ выработкѣ же ткани, разница къ выгодѣ польской промышленности еще значительнѣе, т. е. несмотря на абсолютную низкую заработную плату, выработокъ въ центральной Россіи по этому предмету обходится дороже.

Вообще отношенія рабочихъ къ хозяевамъ въ Царствѣ Польскомъ гораздо были нормальнѣе, нежели въ Москвѣ того времени, несмотря на то, что въ общемъ населеніи Польши грамотность совсѣмъ не процвѣтала (по крайней мѣрѣ русская) и была ниже многихъ мѣстностей Россіи; польскіе фабричные рабочіе были гораздо выше и образованнѣе русскихъ очевидно потому, что наиболѣе развитая часть польскаго населенія шла на фабрику, и во-вторыхъ между рабочими Царства Польскаго была значительная часть иностранцевъ, преимущественно нѣмцевъ, прошедшихъ обязательную школу. Въ то время какъ у насъ, при томъ на лучшихъ фабрикахъ, грамотность не превосходила 31%, средняя въ Польшѣ давала 45%, а въ Варшавѣ даже 56%, т. е. больше половины (разумѣется, съ тѣхъ поръ крупный прогрессъ сдѣланъ повсюду).

Точно также большинство другихъ условій промышленности поставлены были въ Польшѣ лучше, чѣмъ на русскихъ фабрикахъ. Такъ, средняя продолжительность рабочаго времени на польскихъ фабрикахъ была вообще короче—отъ 10 до 12 часовъ въ день, тогда какъ въ Центральной Россіи работа продолжалась тогда, какъ правило, 12 часовъ и нерѣдко до безобразной суммы 14 часовъ въ сутки и даже больше. Годовая работа точно также была въ Москвѣ, если ее перевести на часы, гораздо длиннѣе Польши, несмотря на множество въ Центральной Россіи праздниковъ, не вездѣ, впрочемъ, одинаково соблюдаемыхъ.

Кромѣ указанныхъ выгодъ польской промышленности, надо выставить также отсутствіе на польскихъ фабрикахъ фабричныхъ лавокъ, ведущихъ (по крайней мѣрѣ прежде) на московскихъ фабрикахъ къ эксплоатаціи или большимъ злоупотребленіямъ хозяевъ на счетъ рабочихъ, что и дало, собственно, главный толчокъ моимъ пререканіямъ съ фабрикантами въ Москвѣ и моему выходу въ отставку. Хотя во всей Россіи, какъ и Царствѣ Польскомъ, въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка благотворительныхъ учрежденій на фабрикахъ встрѣчалось очень мало, но все-таки чаще въ Польшѣ, нежели на московскихъ фабрикахъ; и повсюду на польскихъ фабрикахъ рабочіе были самодѣятельнѣе и выказывали бо́льшую заботу о своихъ интересахъ. Всѣ эти данныя указываютъ на лучшія во многихъ отношеніяхъ условія существованія польскаго фабричнаго рабочаго сравнительно съ русскимъ, что въ свою очередь способствовало лучшему подбору рабочихъ въ Польшѣ и оставалось

не безъ вліянія на взаимные шансы конкурренціи съ внутренней Россіей. Тогда какъ въ Россіи рабочій—номадъ, и чуть не каждаго, вслѣдствіе частаго возвращенія къ земледѣльчеству, приходится опять учить вновь фабричному дѣлу, что разумѣется задерживаетъ его прогрессъ, въ Польшѣ, наоборотъ, большинство рабочихъ на фабрикахъ являются исключительно промышленными и никакого отношенія къ сельскому хозяйству не имѣютъ. Понятно, что это обстоятельство значительно облегчаетъ и улучшаетъ въ Польшѣ весь ходъ фабричной работы сравнительно съ Россіей. У насъ нерѣдко въ средней Россіи, по моимъ личнымъ наблюденіямъ и разспросамъ, мужикъ, который вчера разбрасывалъ вилами навозъ въ полѣ или косилъ сѣно, сегодня, можетъ быть, на извѣстной фабрикѣ Хлѣбникова чеканитъ дорогую художественную серебряную вазу или ткетъ у Сапожникова такую сложную дорогую парчу, что только за работу получаетъ по 3 рубля съ вершка! Очень можетъ быть, такіе факты, которые можно было встрѣтить при ежедневномъ посѣщеніи московскихъ фабрикъ, очень пріятны въ санитарномъ отношеніи, какъ здоровая работа для фабричнаго труженика, но несомнѣнно задерживаютъ развитіе ручной ловкости, навыка и усовершенствованія въ техническомъ отношеніи и мѣшаютъ русскому рабочему сравняться когда-либо съ иностраннымъ. Наша публика и печать часто весьма нелѣпа и считаетъ возможнымъ осуществлять все, что ей нравится, тогда какъ дѣйствительность весьма нерѣдко противорѣчитъ подобнымъ вожделѣніямъ. Вообще нельзя съ одинаковымъ успѣхомъ въ одно и то же время заниматься совершенно различными занятіями, нельзя, какъ говоритъ пословица, „въ одно время двумъ богамъ молиться".

Такимъ образомъ, фабричная промышленность Царства Польскаго отличается, сравнительно съ московской, большими разнообразными преимуществами, главнымъ образомъ природными или находящимися въ связи съ первыми, которыхъ человѣкъ не въ силахъ измѣнить, и затѣмъ гораздо лучшимъ положеніемъ рабочаго класса, болѣе грамотнаго, развитого и привыкшаго къ самодѣятельности [1]). Всѣмъ этимъ выгодамъ польская промышленность и обязана быстрымъ ростомъ и распространеніемъ товаровъ въ предѣлахъ старыхъ рынковъ московской и владимірской индустріи. Не имѣя возможности измѣнять природныя условія, московская промышленность, утверждалъ я въ концѣ своего изслѣдованія, должна сдѣлать возможное—должна стремиться уравнять шансы конкурренціи въ качествахъ своего рабочаго класса,—поднять его умственно и нравственно. То

[1]) См. И. И. Янжулъ: „Изъ воспоминаній и переписки фабричнаго инспектора перваго призыва" Спб. 1907 г., стр. 161.

и другое возможно, предлагалъ я, какъ путемъ измѣненія законодательства, такъ и путемъ развитія самодѣятельности всего промышленнаго класса. Для другой стороны—промышленности Царства Польскаго, я предлагалъ въ своемъ изслѣдованіи, собственно, двѣ мѣры: увеличеніе податного обложенія польскихъ фабрикъ (какъ разъ, кажется, отвергнутое недавно нашей Думой) и противодѣйствіе наплыву иностранцевъ или устройству пограничныхъ иностранныхъ фабрикъ, угрожающихъ нашимъ окраинамъ германизаціей и составляющихъ прямой обходъ нашихъ таможенныхъ законовъ, одинаково въ ущербъ русскимъ производителямъ и потребителямъ [1]).

Таково было содержаніе моего изслѣдованія промышленности Царства Польскаго, вызванное жалобами и агитаціей московскаго купечества. Никакого, какъ я уже раньше замѣчалъ, практическаго результата, однако, какъ изъ другихъ, болѣе раннихъ изслѣдованій, напримѣръ двухъ инспекторскихъ отчетовъ, не произошло, и правительство собранными данными и выводами, повидимому, совсѣмъ не воспользовалось. Какъ разъ къ концу моего польскаго изслѣдованія, когда я вернулся въ Москву, началось примѣненіе только что выпущеннаго закона отъ 3-го іюня 1886 года (выработаннаго Комиссіей подъ предсѣдательствомъ ф. Плеве); тогда у московскихъ промышленниковъ явились новыя непріятныя заботы, которыя заставили забыть наемную агитацію Г. Шарапова, да кромѣ того и самъ торгово-промышленный кризисъ постепенно кончился, и московскія фабрики начали работать скоро полнымъ составомъ. Поэтому же, вѣроятно, вторая половина изслѣдованія, подобнаго польскому, и по одинаковой программѣ въ московскомъ промышленномъ округѣ, была немедленно забыта, и мое изслѣдованіе осталось такимъ образомъ безъ конца. Впрочемъ, какъ я слышалъ частнымъ образомъ, раньше чѣмъ ушелъ отъ своей службы фабричнаго инспектора, въ министерство Вышнеградскаго, новый министръ, замѣнившій Бунге, былъ очень недоволенъ всѣмъ моимъ польскимъ изслѣдованіемъ и его программой, находя ее, говорили мнѣ, слишкомъ „*соціалистической*“ (!!??), заботившейся только объ интересахъ рабочихъ, забывавшей бѣдныхъ капиталистовъ. Насколько общеизвѣстна политика И. А. Вышнеградскаго, эти слухи и сплетни имѣли несомнѣнное основаніе и привели, вслѣдъ за подачей отчета, къ ликвидаціи дальнѣйшей дѣятельности относительно польской промышленности и больного до сихъ поръ вопроса о пограничныхъ фаб-

---

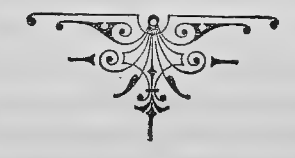
[1]) См. „Отчетъ И. И. Янжула по изслѣдованію фабрично-заводской промышленности въ Царствѣ Польскомъ“. Спб. 1888 г.

рикахъ въ Царствѣ Польскомъ, совершенно нерѣшеннаго и нынѣ къ огромному для Россіи экономическому ущербу.

Съ окончаніемъ заданной мнѣ задачи и всего изслѣдованія, возвращаясь въ Москву, откуда меня торопили извѣстія о затрудненіяхъ по случаю примѣненія новаго закона, при проѣздѣ черезъ Варшаву, я наконецъ представился генералъ-губернатору Гурко. Кромѣ обязанности вѣжливости, я имѣлъ къ нему просьбу или точнѣе жалобу. Какъ я упомянулъ раньше, вся корреспонденція всѣхъ членовъ Комиссіи, въ томъ числѣ и моя, въ виду нашихъ постоянныхъ разъѣздовъ по фабрикамъ, доставлялась въ канцелярію генералъ-губернатора для врученія намъ по требованію и увѣдомленію. При пріѣздѣ въ Варшаву, корреспонденція была мнѣ доставлена отъ имени гр. А. А. Уварова, тогда чиновника генералъ-губернатора (а нынѣ члена Государственной Думы), которому почему-то канцелярія генералъ-губернатора передала для этой цѣли письма всѣхъ членовъ Комиссіи. Къ моему удивленію и негодованію, многія ко мнѣ письма отъ разныхъ чиновъ финансоваго вѣдомства и пр. оказались распечатанными, а отчасти отсутствующими. Я потребовалъ тотчасъ же въ вполнѣ вѣжливомъ и корректномъ письмѣ объясненія отъ гр. Уварова, но никакого отвѣта на мое законное заявленіе не получилъ; поэтому я счелъ долгомъ о прискорбномъ для меня фактѣ сообщить его начальнику генералъ-губернатору Гурко (отцу его товарища), но ни тогда (въ 1886 году), ни понынѣ (въ 1910 году) никакого объясненія этого страннаго со мною поступка точно также не дождался [1]).

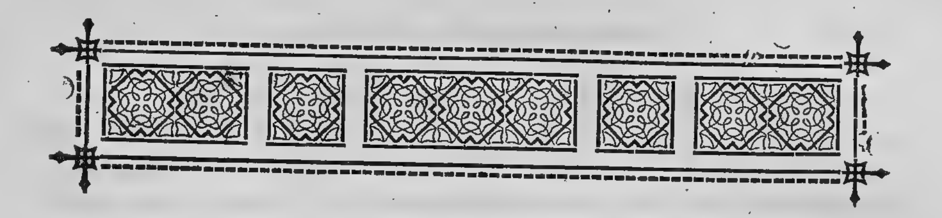
Иванъ Янжулъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

---

[1]) См. объ этомъ непріятномъ случаѣ болѣе подробныя свѣдѣнія и объясненія, какъ текстъ самого письма, въ моей книжкѣ: „Изъ воспоминаній и переписки фабричнаго инспектора перваго призыва“. Спб. 1907 г. стр. 144—146.

Брачные проекты Великихъ Княженъ Екатерины Павловны и Анны Павловны.

(Великій Князь Николай Михаиловичъ. Переписка Императора Александра I съ сестрой Великой Княгиней Екатериной Павловной).

Вопросъ о замужествѣ Великой Княжны Екатерины Павловны и о пріисканіи для нея подходящаго жениха былъ предметомъ самыхъ серьезныхъ заботъ вдовствующей Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Хотя, послѣ печальнаго опыта старшихъ сестеръ, Александры и Елены, выданныхъ замужъ почти дѣвочками и скончавшихся отъ родовъ, Императрица не спѣшила съ браками другихъ дочерей, но въ 1807 году Екатеринѣ Павловнѣ уже минулъ двадцатый годъ и пора было подумать объ устройствѣ ея судьбы. По этому поводу Императрица находилась въ оживленной перепискѣ съ нашими послами, княземъ А. Б. Куракинымъ и Головкинымъ, которымъ было поручено осуществленіе ея плановъ.

Особымъ довѣріемъ Императрицы въ этомъ дѣлѣ пользовался кн. Куракинъ, который почти цѣлыхъ два года ѣздилъ по Европѣ, разыскивая подходящихъ для Великой Княжны жениховъ. Претендентовъ у Екатерины Павловны было много: нѣсколько австрійскихъ эрцгерцоговъ, принцъ Генрихъ Прусскій, баварскій королевскій принцъ, принцъ Леопольдъ Кобургскій, будущій король бельгійскій; достоинства и недостатки всѣхъ этихъ лицъ обстоятельно обсуждались посланникомъ въ его письмахъ къ Маріи Ѳеодоровнѣ.

Какъ подробно и откровенно дебатировались эти вопросы, показываетъ, напр., слѣдующій отрывокъ изъ письма кн. Куракина,

писаннаго изъ Тильзита, отъ 28 іюня, относительно двухъ претендентовъ на руку Великой Княжны Екатерины Павловны, только что имъ видѣнныхъ: „Я долженъ донести Вашему Императорскому Величеству, что на-дняхъ я познакомился въ домѣ Императора Наполеона за одинъ разъ съ баварскимъ наслѣднымъ принцемъ и принцемъ Генрихомъ Прусскимъ. Они оба оказали мнѣ множество учтивостей; оба они заики. Принцъ Генрихъ больше ростомъ и красивѣе, заикается менѣе, чѣмъ наслѣдный принцъ. Что касается послѣдняго, его наружность весьма невыгодна; ростъ его средній; онъ рыжъ, рябъ, заика, и, какъ увѣряютъ, тугъ на ухо, но онъ, кажется, весьма кротокъ, добръ, твердаго и превосходнаго характера; въ этомъ ему отдаютъ справедливость даже французы. Все-таки я откровенно сознаюсь Вашему Величеству, что, по-моему, ни одинъ изъ этихъ принцевъ не достоинъ руки Ея Высочества Вел. Кн. Екатерины, и что она не можетъ быть счастлива ни съ тѣмъ, ни съ другимъ!“

Въ числѣ претендентовъ оказался Наполеонъ; Коленкуръ, назначенный въ 1808 г. французскимъ посланникомъ въ Петербургъ, получилъ отъ Бонапарта инструкцію весьма щекотливаго свойства, коей ему повелѣвалось развѣдать о томъ, какъ отнесется русскій Дворъ къ предложенію Наполеона о бракѣ съ Екатериной Павловной.

Исполняя это порученіе, Коленкуръ, какъ бы невзначай, завелъ однажды разговоръ съ вдовствующей Императрицей о томъ, какое значеніе слѣдуетъ придавать снамъ, и при этомъ передалъ со всевозможными предосторожностями, что онъ видѣлъ наканунѣ во снѣ, будто Наполеонъ проситъ руки Великой Княжны Екатерины Павловны. На это Императрица Марія Ѳеодоровна отвѣтила Коленкуру тономъ, который не могъ не смутить его:

— Господинъ посланникъ, вы знаете, что сны лгутъ [1]).

Впечатлѣніе, вынесенное Коленкуромъ изъ разговора съ вдовствующей Государыней, было неблагопріятно Наполеону; несмотря на это, на эрфуртскомъ свиданіи Государей, Великая Княжна получила, какъ извѣстно, оффиціальное предложеніе о бракѣ съ Наполеономъ, переданное Императору Александру Талейраномъ, на которое послѣдовалъ оффиціальный же отказъ Императора, раздражившій Наполеона.

С. Муханова въ своихъ запискахъ [2]) говоритъ, что Екатерина Павловна сказала ея отцу:

---

[1]) Н. И. Божеряновъ „Великая Княгини Екатерина Павловна“. Спб. 1888, стр. 16.

[2]) „Русскій Архивъ“, 1878 г., т. I, стр. 307.

„Я скорѣе пойду замужъ за послѣдняго русскаго истопника, чѣмъ за этого корсиканца“. Мать и дочь отнеслись къ сватовству одинаково несочувственно и высокомѣрно.

Въ вопросѣ о выборѣ жениха, вдовствующая Императрица не стѣсняла дочь, считая нужнымъ сообразоваться съ выборомъ самой Великой Княжны. Такъ напр. по поводу сватовства принца Генриха Прусскаго, она писала Государю: „Какъ Вамъ извѣстно, я даю свое согласіе на бракъ моихъ дочерей лишь въ томъ случаѣ, если этотъ бракъ заключается по добровольному желанію дочери, склонности которой я отнюдь не стѣсняю въ столь важномъ вопросѣ. Между тѣмъ личное знакомство моей дочери Екатерины съ принцемъ Генрихомъ Прусскимъ можетъ состояться не ранѣе, какъ черезъ годъ: настоящій моментъ переживаемаго нами кризиса не благопріятствуетъ этому; но въ теченіе этого года намъ представится возможность убѣдиться въ искренности и лояльности чувствъ Берлинскаго двора по отношенію къ нашему Двору. И если его намѣренія не измѣнятся, если моя дочь, познакомившись съ принцемъ, будетъ питать надежду на то, что она будетъ съ нимъ счастлива, то она сама рѣшитъ свою судьбу добровольнымъ избраніемъ, на которое я въ такомъ случаѣ дамъ свое согласіе“.

Въ то время какъ дебатировался вопросъ объ этихъ брачныхъ союзахъ, скончалась, въ 1807 г., австрійская императрица и въ головѣ вдовствующей Государыни тотчасъ зародился планъ о бракѣ Великой Княжны Екатерины Павловны съ овдовѣвшимъ императоромъ Францемъ; она сообщила объ этомъ своему повѣренному князю Куракину и собственноручно писала Александру I, прося его высказать свое мнѣніе объ этомъ брачномъ проектѣ. Это былъ „первый женихъ, котораго, ради выгодности союза, кажется, желала и Великая Княжна, но Императоръ Александръ, несмотря на всѣ выгоды, какія могли произойти отъ этого брака для Россіи, мнѣнія этого не раздѣлялъ“. „Государь все-таки думаетъ, писалъ Куракинъ Императрицѣ изъ-за границы, что личность императора Франца не можетъ понравиться и быть подъ пару Великой Княжнѣ Екатеринѣ. Государь его описываетъ какъ дурного, плѣшиваго, тщедушнаго, безъ воли, лишеннаго всякой энергіи духа и разслабленнаго тѣломъ и умомъ отъ испытанныхъ имъ несчастій, трусливаго до такой степени, что онъ боится ѣздить верхомъ въ галопъ и приказываетъ вести свою лошадь въ поводу. При этой послѣдней чертѣ я не удержался отъ смѣха и воскликнулъ, что это вовсе не похоже на качества Великой Княжны: она обладаетъ умомъ и духомъ, соотвѣтствующимъ ея роду, имѣетъ силу воли; она создана не для тѣснаго круга; робость совершенно ей не свойственна; смѣлость

и совершенство, съ которыми она ѣздитъ верхомъ, способны возбудить зависть даже въ мужчинахъ. Государь не согласенъ со мною въ томъ, что этотъ бракъ можетъ быть для насъ полезенъ въ политическомъ отношеніи; несмотря на всѣ мои доводы, онъ утверждаетъ, что Ея Высочество, его сестра и Россія ничего этимъ не выиграютъ и что, напротивъ, отношенія, которыя наступятъ между Россіею и Австріею, будутъ мѣшать намъ выражать, какъ слѣдуетъ, наше неудовольствіе Австріей всякій разъ, когда она поступитъ дурно, а такъ она часто поступаетъ. Онъ утверждаетъ еще, что Великая Княжна испытаетъ только скуку и раскаяніе, соединившись съ супругомъ, столь ничтожнымъ физически и морально, какъ императоръ Францъ, что она скоро это увидитъ и что наконецъ она не будетъ имѣть вліянія на государственныя дѣла Австріи, потому что для достиженія этого не захочетъ, какъ онъ убѣжденъ, прибѣгать къ тѣмъ средствамъ, которыя употребляла покойная императрица, супруга Франца“ [1]).

Государь откровенно изложилъ въ письмѣ къ матери свой взглядъ на этотъ бракъ; вдовствующая Императрица передала его письмо Великой Княжнѣ, чтобы она рѣшила, отказаться ли ей отъ этого брачнаго проекта или настаивать на немъ, а между тѣмъ сама постаралась опровергнуть доводы Александра I противъ этого брака.

„Прежде нежели сообщить Вамъ ея рѣшеніе, писала Марія Ѳеодоровна своему сыну, я остановлюсь на сдѣланныхъ Вами возраженіяхъ, которыя, признаюсь, не кажутся мнѣ особенно убѣдительными, поскольку они касаются нравственныхъ качествъ императора. Сколько мнѣ помнится, я *не* говорила, что у него не было въ прошломъ никакихъ увлеченій, но я думаю, что онъ настолько религіозенъ и нравственъ, что предпочтетъ законный бракъ жизни легкомысленной и порочной. Вотъ мое мнѣніе объ императорѣ Францѣ. Мнѣ не извѣстны увлеченія его молодости, во время пребыванія въ Голландіи, лѣтъ тринадцать или четырнадцать тому назадъ, но я припоминаю дѣйствительно, что одно время говорили о пребываніи въ Вѣнѣ г-жи Винцано и о ревности императрицы, которую всѣ осуждали, говоря, что это былъ только плодъ ея воображенія, и что она была несправедлива къ своему супругу. Впрочемъ, хотя бы императоръ и былъ виноватъ въ этомъ случаѣ, слѣдуетъ ли изъ этого, что у него будутъ подобныя же увлеченія и въ настоящее время. Мнѣ кажется, что въ тридцать восемь лѣтъ пылъ страстей долженъ утихнуть. Право, дорогой Александръ, надобно быть не столь строгимъ и болѣе снисходительнымъ къ

---

[1]) „Русскій Архивъ“ 1879 г.

другимъ: императоръ былъ прекраснымъ мужемъ для моей сестры, которая нѣжно любила его; такимъ же онъ былъ и по отношенію къ императрицѣ. Хотя я согласна съ тѣмъ, что онъ былъ, какъ Вы говорите, не особенно снисходителенъ къ ней, но эта скверная исторія относительно покойной сочинена лишь въ 1805 г.; до этого времени клевета никогда не касалась ея. Къ чести императора надобно сказать, что онъ сдѣлалъ ее счастливой, хотя она была ревнива и некрасива. Вы сами говорили мнѣ, дорогой Александръ, что императоръ—честный, хорошій, лояльный человѣкъ; это главное. Конечно, это не совсѣмъ то, чего бы я желала, но и это не бездѣлица; остается рѣшить, не будетъ ли общество прелестнаго благоразумнаго и твердаго существа, въ соединеніи съ семейнымъ счастьемъ, содѣйствовать развитію его добрыхъ качествъ, заглохшихъ при извѣстныхъ условіяхъ. Мнѣ кажется, дорогой Александръ, что Вы не находите въ своемъ письмѣ достаточно убѣдительныхъ возраженій, которыя Вамъ хотѣлось бы подыскать, поэтому Вы рисуете бѣднаго императора въ самомъ непривлекательномъ видѣ; но Като сказала мнѣ:

„Братъ находитъ, что онъ слишкомъ старъ, развѣ мужчина въ 38 лѣтъ старъ? онъ находитъ его некрасивымъ,—я не придаю въ мужчинѣ значенія красотѣ; по его словамъ, онъ неопрятенъ: я его отмою; онъ глупъ, у него дурной характеръ: великолѣпно! онъ былъ такимъ въ 1805 г., въ дальнѣйшемъ онъ измѣнится, ибо его заставляли быть такимъ обстоятельства“.

„Клянусь вамъ, Александръ, я передаю дословно слова Катиши; изъ этого Вы видите, что ее не пугаетъ набросанный Вами, не особенно привлекательный портретъ императора. Признаюсь, я, съ своей стороны, очень удивлена тому, что Вы пишете. Вы спрашиваете, представляетъ ли эта партія что-либо блестящее съ точки зрѣнія его положенія, какъ монарха. Разумѣется, дорогой Александръ; хотя Австрійская монархія жестоко пострадала, но быть австрійскимъ императоромъ или эрцгерцогомъ, королемъ Венгріи и т. д. и т. д.,—все-таки вещь прекрасная, къ тому же, отъ него зависитъ появиться снова на сценѣ и занять подобающее ему мѣсто“.

„Наконецъ Като считаетъ этотъ бракъ достойнымъ ея, я смотрю на него точно также и убѣждена, что большая часть вашихъ подданныхъ взглянетъ на дѣло съ той же точки зрѣнія... Чтобы не придавать дѣлу политическаго характера, я рѣшила, пользуясь родственными отношеніями, существущими между императоромъ Францемъ и мною, вести его какъ дѣло чисто семейное, такимъ образомъ оно не скомпрометтируетъ ни васъ, ни вашего министерства, и вашъ послан-

никъ приметъ оффиціальное участіе въ переговорахъ только тогда, когда онъ увидитъ, что они идутъ путемъ обычнымъ для подобныхъ дѣлъ. Я полагаю, что оно должно начаться и кончиться частнымъ письмомъ отъ меня къ императору Францу".

Къ письму вдовствующей Императрицы было приложено другое незапечатанное письмо, на имя императора Франца, которое она просила сына внимательно прочесть и высказать о немъ свое мнѣніе.

„Если Императоръ не приметъ этого предложенія, писала Марія Ѳеодоровна, то онъ можетъ сослаться на разницу религій,—причина, сама по себѣ настолько важная, что на это нельзя будетъ обидѣться. Если вы не одобрите моего письма, верните его мнѣ и сообщите, что именно вы намѣрены предпринять; если вы одобрите его, а равно и предлагаемый мною шагъ, то запечатайте письмо и передайте его Куракину съ прилагаемой при семъ запиской, и укажите ему, какъ ему надлежитъ дѣйствовать.

„По-моему, ежели императоръ Францъ не скажетъ ему или не поручитъ сказать, что онъ намѣренъ просить руки Екатерины, то Куракинъ долженъ сдѣлать видъ, что содержаніе моего письма ему неизвѣстно; до этихъ поръ ему надлежитъ безусловно молчать; впрочемъ, предоставляю это рѣшить вамъ самимъ, дорогой Александръ, и дать соотвѣтственныя приказанія".

Нѣсколько дней спустя послѣ этого письма, Марія Ѳеодоровна обратилась къ с.-петербургскому митрополиту Амвросію съ просьбою высказать ей свое мнѣніе относительно предполагаемаго брака ея дочери съ католикомъ.

„Какъ по приключившейся императрицы австрійской кончинѣ легко статься можетъ, что супругъ ея возымѣетъ мысль просить себѣ въ супружество дочь мою Екатерину Павловну, писала Императрица, то желательно мнѣ предварительно быть совершенно удостовѣренной, могутъ ли бывшіе, но смертію разрушенные союзы сего Государя, который имѣлъ въ первое супружество родную мою сестру, и коего братъ эрцгерцогъ Іосифъ былъ женатъ на моей дочери, препятствовать сему новому браку? Я съ моей стороны почитаю, что такъ какъ бывшая за императоромъ сестра моя давно уже скончалась и, почитай еще при рожденіи Екатерины Павловны, да и дѣтей послѣ ея не осталось, а Александры Павловны и дочери ея равномѣрно въ живыхъ нѣтъ, и такимъ образомъ послѣ сихъ двухъ супружествъ, такъ сказать, и слѣда не осталось, то оныя тѣмъ менѣе могутъ препятствовать бракосочетанію Екатерины Павловны съ императоромъ Францемъ"; что касалось разницы въ вѣроисповѣданіи, то Государыня удостовѣряла, что „по истинной и

неограниченной преданности и привязанности ея и дочери ея къ православному нашему закону Великая Княжна „само собою разумѣется, на вѣки останется ему предана".

Митрополитъ согласился съ доводами Императрицы и выразилъ свое полное согласіе на этотъ бракъ.

Мысль о союзѣ съ императоромъ Францемъ улыбалась Екатеринѣ Павловнѣ, ее прельщалъ блескъ короны, и она спѣшила послать князю Куракину давно обѣщанную ему копію съ портрета, писаннаго съ нея пастелью Тишбейномъ и очень похожаго. „Теперь, вслѣдствіе послѣднихъ событій", писала она Александру Павловичу, „онъ будетъ кстати въ Вѣнѣ. Это было внушеніемъ свыше: обѣщая ему свой портретъ, я не думала, что онъ съиграетъ какую-нибудь роль въ устройствѣ моей судьбы".

Отстаивая свой выборъ, Екатерина Павловна увѣряла брата, что „австрійцы, проживающіе въ Россіи,—и судя по письмамъ изъ Вѣны, и тамошняя публика, за этотъ бракъ. Вы говорите, что ему сорокъ лѣтъ, писала она—бѣда не велика, вы говорите, что это жалкій мужъ для меня, согласна, но такъ какъ всѣ царствующія особы раздѣляются, повидимому, на три категоріи, на людей хорошихъ, но ограниченныхъ, на умныхъ, но злыхъ и на Jean sans Terre, то сдѣлать выборъ изъ этихъ трехъ категорій, кажется, не трудно".

„Я ничего не имѣю противъ этого брака, у меня нѣтъ ни одного серьезнаго возраженія ни за, ни противъ. Обѣ жены императора были съ нимъ счастливы; съ этой точки зрѣнія онъ вполнѣ заслуживаетъ уваженія".

„Я живая, я люблю веселиться, это правда, но мнѣ кажется, что жизнь, которую я веду съ октября мѣсяца, доказываетъ, что я могу обходиться безъ развлеченій. Я прекрасно знаю, что я не найду въ немъ ни Адониса, ни Феникса, а просто-на-просто порядочнаго, честнаго человѣка; этого достаточно для семейнаго счастья; что касается внѣшняго блеска, то на этотъ бракъ не можетъ быть двухъ различныхъ взглядовъ. Я не увлекаюсь, я желаю этого брака, потому что я надѣюсь найти въ немъ свое счастье. Если женщина не съумѣетъ въ двадцать лѣтъ отличить добра отъ зла, то она никогда не съумѣетъ этого сдѣлать. Онъ добръ и честенъ—это главное. Впрочемъ, все въ рукахъ Божьихъ. Поживемъ, увидимъ; чему быть, тому не миновать" [1]).

Въ отвѣтъ на это, Александръ писалъ сестрѣ: „никто въ мірѣ не увѣритъ меня въ томъ, чтобы этотъ бракъ могъ быть для васъ счастливымъ. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы вамъ пришлось хоть

---

[1]) Письмо отъ 13 мая 1807 г.

разъ пробыть съ этимъ человѣкомъ цѣлыя сутки, и я ручаюсь чѣмъ угодно, что у васъ на другой же день прошла бы охота выйти за него замужъ".

„Вы знаете, что я не люблю создавать себѣ иллюзій, я люблю видѣть все такъ, какъ оно есть на самомъ дѣлѣ, но мой долгъ, мое расположеніе къ вамъ и честь повелѣваютъ мнѣ говорить откровенно и безъ утайки о предметѣ, столь близкомъ моему сердцу. Мнѣ кажется, что прежде всего слѣдуетъ подумать о вашемъ счастьи, таково по крайней мѣрѣ мое мнѣніе" [1]).

Нѣсколько дней спустя, Александръ возвращается къ тому же вопросу. „Я въ восторгѣ, другъ мой, пишетъ онъ сестрѣ [2]), что я доставилъ вамъ столько веселыхъ минутъ, своимъ письмомъ къ матушкѣ, но я долженъ откровенно признаться, что я не это имѣлъ въ виду. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы вы не утратили способность смѣяться и послѣ нѣсколькихъ лѣтъ супружеской жизни съ императоромъ Францемъ. По крайней мѣрѣ я исполнилъ свой долгъ, я сказалъ правду. Если вы и матушка находите портретъ императора, набросанный мною, привлекательнымъ, это дѣло вкуса; я болѣе въ это вмѣшиваться не буду. Но мнѣ, со своей стороны, показалось весьма забавнымъ, что вы обѣ говорите мнѣ объ этомъ, словно я хочу разстроить ваши планы изъ зависти. Если вы воображаете, что я питаю какое-нибудь личное неудовольствіе противъ него, то вы опять таки ошибаетесь. Что касается подобнаго рода добродѣтели, то я, по крайней мѣрѣ, никогда не былъ ея защитникомъ; я упомянулъ объ этомъ лишь въ отвѣтъ на длинную тираду въ письмѣ матушки относительно нравственности императора. Нѣтъ, другъ мой, я говорилъ объ этомъ не въ шутливомъ тонѣ, но съ нѣкоторой горечью; мнѣ тяжело думать, что такой ангелъ, какъ вы, достанется такому человѣку, какъ императоръ. Я желаю одного — вашего счастья и видѣть васъ счастливой, какъ вы того заслуживаете. Я бесѣдую съ вами объ этомъ предметѣ послѣдній разъ, ибо такъ какъ дѣло это почти рѣшеное, то мнѣ не подобаетъ отзываться неодобрительно о человѣкѣ, который долженъ стать вашимъ супругомъ. Я искренно желаю, чтобы вы, по прошествіи двухъ лѣтъ замужества, могли сказать мнѣ: *Я счастлива такъ, какъ я того желала.* Тогда я буду доволенъ, а до тѣхъ поръ я не съумѣю отдѣлаться отъ тревоги, какую внушаетъ мнѣ ваша дальнѣйшая судьба".

Несмотря на столь откровенно и рѣшительно высказанное мнѣніе, Екатерина Павловна стояла на своемъ: „мнѣ очень

---

[1]) Письмо отъ 5 мая 1807 г.

[2]) Письмо изъ Тильзита отъ 19 мая 1807 г.

тяжело, писала она Императору, что я не схожусь въ этомъ случаѣ съ вами, котораго я такъ нѣжно люблю; но что дѣлать, таковъ мой взглядъ, таково мое убѣжденіе; я по совѣсти не могу измѣнить его, такъ какъ это значило бы говорить противъ себя; я искренно хотѣла бы во всемъ согласиться съ вами, но въ данномъ случаѣ это невозможно. Я не считаю этотъ вопросъ дѣломъ рѣшенымъ, я знаю, что мнѣ придется пережить ужасныя, тягостныя минуты, во-первыхъ, разставаясь со всѣми вами, которыхъ я такъ нѣжно люблю, и затѣмъ, когда я буду тамъ, на мѣстѣ, въ мірѣ мнѣ совершенно незнакомомъ, безъ поддержки, безъ совѣтниковъ; но за кого бы я ни вышла замужъ, непріятности будутъ тѣ же, а преимущества весьма различны. Вы меня насмѣшили своимъ предположеніемъ, будто я думаю, что вы меня ревнуете. Въ концѣ концовъ, признаюсь, все это меня волнуетъ, и я хотѣла бы, чтобы дѣло было рѣшено скорѣе“ [1]).

Попытка устроить бракъ Императора Франца съ Екатериной Павловной не увѣнчалась успѣхомъ. Мѣсяца два спустя довѣренный вдовствующей Императрицы, князь Куракинъ, также разочаровался въ этомъ проектѣ.

Онъ писалъ 13 (25) августа 1807 г. изъ Вѣны:

„Не я одинъ, но я изъ первыхъ полагалъ, что Императоръ Францъ, овдовѣвъ, представляетъ самую лучшую и самую блестящую партію для Великой Княжны Екатерины Павловны. Обаяніе почестей, блескъ престола одной изъ древнѣйшихъ и могущественнѣйшихъ державъ въ Европѣ поддерживали во мнѣ это убѣжденіе. Но, пріѣхавъ сюда, приблизившись къ Императору Францу и увидавъ его, тщательно разузнавъ все, что касается его качествъ, привычекъ, способа, которымъ онъ жилъ съ покойною Императрицею, своею супругою, и штатнаго содержанія, ей ассигнованнаго, осмѣливаюсь сказать откровенно В. В-ву, что это не есть партія, желательная для Великой Княжны, даже если бы не служилъ препятствіемъ вопросъ о вѣроисповѣданіи, который еще предстоитъ разрѣшить, принявъ въ соображеніе закоснѣлые предразсудки этой страны“ [2]).

Приблизительно мѣсяцъ спустя, Куракинъ окончательно отказался отъ мысли объ этомъ бракѣ: „Остается намъ только обречь на совершенное забвеніе самое существованіе прежняго проекта на бракъ съ Францемъ I, писалъ онъ, который мнѣ изъ первыхъ улыбался, пока я не былъ на мѣстѣ, гдѣ пришлось бы его осу-

[1]) Письмо отъ 29 іюня 1801 г.

[2]) „Рус. Архивъ“, 1869, 401.

ществить. Нѣтъ сомнѣнія, что все должно навести Ваше Величество и Государя Императора на иные виды для супружества Великой Княжны Екатерины Павловны".

Вскорѣ послѣ того какъ мысль о брачномъ проектѣ съ императоромъ Францемъ была оставлена, въ 1808 г., въ Петербургъ пріѣхали два новыхъ претендента на руку Екатерины Павловны—принцъ Леопольдъ Кобургскій, генералъ-маіоръ русской службы, и принцъ Георгъ Гольштейнъ-Ольденбургскій. Выборъ между ними былъ довольно труденъ; каждый принцъ обладалъ высокими нравственными качествами. Долго колебалась Великая Княжна и наконецъ отдала предпочтеніе принцу Георгу, съ которымъ была обручена 1 января 1809 г., а 18 апрѣля того же года сочеталась бракомъ.

Вдовствующая Государыня и Александръ Павловичъ были рады тому, что Екатерина Павловна осталась въ Россіи, но едва Марія Ѳеодоровна успокоилась на счетъ замужества этой дочери, какъ ей представился для рѣшенія вопросъ несравненно болѣе трудный: въ исходѣ 1809 г. Наполеонъ возымѣлъ желаніе взять себѣ въ супруги Великую Княжну Анну Павловну. Узнавъ объ этомъ проектѣ, вдовствующая Государыня, въ величайшей тревогѣ, писала своей замужней уже дочери, Екатеринѣ Павловнѣ [1]).

„Во вторникъ, 21 числа пріѣхалъ въ Гатчино Александръ; онъ казался озабоченнымъ, хотя и дѣлалъ видъ, что онъ въ духѣ. Послѣ обѣда, когда мы остались одни, онъ сказалъ мнѣ:

„Матушка, вы просили, чтобы я подѣлился съ вами, когда меня будетъ что-нибудь тревожить; въ настоящую минуту есть одно обстоятельство, которое меня очень безпокоитъ. Бога ради не прерывайте меня, дайте мнѣ докончить, ибо дѣло слишкомъ важное и можетъ имѣть, какое бы ни было принято нами рѣшеніе, чрезвычайно важныя послѣдствія".

Я обмерла отъ страха, сердце мое замерло,такъ какъ я думала, что дѣло касается лично Александра. Я еле дышала. Онъ продолжалъ:

—„Изъ Парижа прибылъ курьеръ; тамъ совершаются необычайныя событія. Императоръ разводится съ Императрицей; она и ея сынъ изъявили на это свое согласіе; актъ о разводѣ вскорѣ будетъ обнародованъ. Куракинъ пишетъ мнѣ, что семейство Бонапарта хочетъ, чтобы онъ женился на своей племянницѣ, дочери Люсьена; говорятъ, однако, что онъ, Бонапартъ, имѣетъ виды на Анну; иные говорятъ, что выборъ падетъ на эрцгерцогиню, дочь Императора Франца. Вы знаете, что я не вѣрилъ этимъ слухамъ, когда дѣло касалось Като, но теперь я имъ вѣрю, и вы можете

---

[1]) Письмо отъ 23 декабря.

судить, насколько это меня тревожитъ; если онъ задумалъ это и сдѣлаетъ извѣстные шаги, что отвѣтить ему? Все говоритъ противъ этого брака, но отказъ вызоветъ озлобленіе, недоброжелательство, самыя мелочныя придирки, ибо нужно знать человѣка, который будетъ нами оскорбленъ. Если его выборъ падетъ на эрцгерцогиню, то онъ сблизится съ Австріей и склонитъ ее дѣйствовать намъ во вредъ, дабы доказать намъ, что если мы пренебрегли его союзомъ, то онъ сумѣетъ устроить дѣло такъ, что союзъ съ нимъ будетъ полезенъ той державѣ, которая имъ дорожитъ, и будетъ во вредъ намъ. Я могу предсказать, что въ Вѣнѣ будутъ рады союзу съ Наполеономъ. Что скажетъ народъ, если нашъ отказъ повлечетъ за собою прискорбныя послѣдствія? Словомъ, по моему мнѣнію, ничего худшаго приключиться съ нами не могло. Если придется ему отказать, что отвѣтить, на что сослаться? какую выставить причину. Всѣ эти соображенія въ высшей степени важны; ихъ нужно обсудить спокойно, не спѣша".

„Признаюсь, Като, когда испугъ, испытанный мною въ началѣ разговора, при мысли, что дѣло касается Императора лично, улегся, то эта ужасная вѣсть не такъ поразила меня, какъ это случилось бы, не будь этого предисловія. Я отвѣтила Александру, въ первый моментъ, что, по моему мнѣнію, все, что мы сдѣлали, чтобы спасти тебя отъ этого несчастья, должно быть сдѣлано и теперь; что относясь къ тебѣ какъ къ другу, я питаю къ Аннѣ такое же материнское чувство, и оно повелѣваетъ мнѣ заботиться объ ея счастьѣ, объ ея судьбѣ; слѣдовательно, сдѣлавъ все возможное, чтобы спасти тебя отъ этой печальной участи, долгъ обязываетъ сдѣлать то же и по отношенію къ Аннѣ.

На это Императоръ сказалъ, что „я права въ томъ, что касается чувствъ и нашихъ обязанностей по отношенію къ Аннѣ; но что обстоятельства въ данную минуту совершенно измѣнились, когда рѣчь шла о тебѣ, о разводѣ говорили только предположительно, онъ еще не совершился, и мы имѣли возможность предупредить предложеніе Наполеона; теперь разводъ дѣло рѣшеное, онъ увѣренъ, что предложеніе будетъ сдѣлано, и актъ о разводѣ будетъ вскорѣ обнародованъ".

Я просила его передать мнѣ содержаніе письма Куракина въ точности, чтобы самой судить о томъ, насколько вопросъ серьезенъ. Онъ обѣщалъ прислать его завтра, присовокупивъ, что пока онъ не получалъ болѣе никакихъ извѣстій. Я сдѣлала усиліе, которое было для меня, признаюсь, не легко, чтобы обсудить этотъ печальный фактъ съ полнымъ хладнокровіемъ, подчинивъ чувство, возмущающееся при одной мысли о возможности подобнаго брака,

разуму. Но это вопросъ серьезный, и онъ можетъ имѣть столь важныя послѣдствія, что его слѣдуетъ обсудить всесторонне и вполнѣ хладнокровно. Предположимъ сперва, что есть возможность согласиться на этотъ бракъ и посмотримъ, какія выгоды онъ можетъ принести государству. Вотъ онѣ:

1) *Надежда* заключить продолжительный миръ съ Франціей, который дастъ намъ возможность увеличить наши силы, усилить средства обороны, улучшить финансы и заняться нашими внутренними дѣлами. Въ концѣ концовъ мы выиграемъ время и получимъ возможность избѣгнуть временно честолюбивыхъ плановъ Наполеона.

Какія пагубныя послѣдствія можетъ повлечь за собою отказъ отъ этого брака? Этотъ вопросъ распадается на двѣ части: его слѣдуетъ разсматривать съ точки зрѣнія государства и личности моей дочери. Начну съ государства:

2) Не подлежитъ сомнѣнію, что Наполеонъ, завидуя нашему могуществу, нашей славѣ, недовольный нашимъ поведеніемъ по отношенію къ нему въ послѣднюю войну, не можетъ желать намъ добра, и что его политика будетъ направлена противъ насъ, какъ только кончится испанская война; пока, онъ нанесъ намъ величайшій вредъ, подорвавъ нашу торговлю и заставивъ насъ вести войны. Озлобленный отказомъ, онъ будетъ еще болѣе недоволенъ и раздраженъ противъ насъ, и это вскорѣ проявится въ еще болѣе непріятной формѣ; онъ будетъ раздражать насъ до тѣхъ поръ, пока онъ не будетъ въ состояніи объявить намъ войну. Народъ, узнавъ отъ него (такъ какъ въ его интересахъ будетъ не скрывать своихъ видовъ на Анну, ибо онъ отлично пойметъ, что простому народу будетъ лестно думать, что Великая Княжна могла бы быть Императрицей), что онъ просилъ руки Анны, и что это могло предотвратить войну съ нимъ, будетъ осуждать Императора и меня за то, что мы отклонили это предложеніе, и обвинитъ насъ за всѣ свои страданія. Я не хочу этимъ сказать, что весь народъ желаетъ этого брака; нѣтъ, будутъ, конечно, двѣ противоположныя партіи; изъ нихъ одна будетъ проклинать его, а другая увидитъ въ этомъ бракѣ славу, нѣчто лестное для народнаго самолюбія и возможность предотвратить всѣ бѣдствія. Но кто поручится, что этотъ бракъ не породитъ въ немъ еще болѣе честолюбивые виды и не втянетъ Россію въ нескончаемыя войны. Весьма вѣроятно, что злополучная континентальная система надолго подорветъ въ такомъ случаѣ нашу торговлю и нанесетъ Россіи неисчислимый вредъ.

3) Что касается моей бѣдной Анны, то на нее пришлось бы

смотрѣть какъ на жертву, принесенную ради блага государства: ибо какое несчастье было бы для этого ребенка, если бы она вышла замужъ за такого изверга, для котораго нѣтъ ничего священнаго и который не знаетъ никакой узды, такъ какъ онъ не вѣритъ даже въ Бога? принесла ли бы эта тяжелая жертва благо Россіи? На что было бы обречено мое дитя?

„Развѣ въ 15 лѣтъ характеръ можетъ установиться? что она увидитъ, что она услышитъ въ этомъ омутѣ? Если у нея не будетъ въ первый же годъ ребенка, ей придется много претерпѣть. Либо онъ разведется съ нею, либо онъ захочетъ имѣть дѣтей цѣною ея чести и добродѣтели. Все это заставляетъ меня содрогаться! Интересы государства съ одной стороны, счастье моего ребенка съ другой; прибавьте къ этому всѣ огорченія и несчастія, которыя въ случаѣ отказа, могутъ постигнуть Александра какъ монарха; согласиться на этотъ бракъ значитъ погубить мою дочь; одному Богу извѣстно, удастся ли даже этой цѣною избѣгнуть бѣдствій для государства! Положеніе по истинѣ ужасное.

„Александръ просилъ меня повременить и обдумать отвѣтъ. Онъ сказалъ, что Румянцевъ не одобряетъ этой партіи, что онъ привелъ нѣсколько фактовъ изъ исторіи, въ доказательство того, что подобные браки влекутъ за собою нерѣдко неисчислимыя бѣдствія; въ то же время онъ не заблуждается на счетъ пагубныхъ послѣдствій, какія можетъ имѣть нашъ отказъ, и тѣхъ бѣдъ, которыя постигнутъ Россію, если Наполеонъ обратитъ свои взоры на эрцгерцогиню австрійскую. Мы говорили въ общихъ чертахъ о томъ, что можно было бы отвѣтить, и разговоръ на томъ кончился.

„Вчера Александръ прислалъ мнѣ депешу Куракина. Прочитавъ ее, признаюсь, я успокоилась: она написана туманно и хотя проектъ относительно Анны кажется мнѣ возможнымъ, но онъ еще не существуетъ, такъ какъ все семейство на сторонѣ дочери Люсьена. Въ этомъ смыслѣ я и писала Императору".

„Пріѣхавъ сегодня сюда (въ Петербургъ), Александръ зашелъ ко мнѣ и, сказавъ, что онъ начнетъ съ пріятнаго, показалъ мнѣ актъ, подписанный сегодня Румянцевымъ и Коленкуромъ, по которому названіе Польши упраздняется, дается обѣщаніе никогда не увеличивать герцогство Варшавское, никогда не возстановлять королевства Польскаго и уничтожить польскіе ордена. Затѣмъ онъ сказалъ: „Мамаша, мои опасенія сбываются; послѣ того какъ актъ былъ подписанъ, Коленкуръ заявилъ оффиціально о предстоящемъ разводѣ, присовокупивъ, что онъ былъ бы весьма счастливъ, если бы узы, связывающія обѣ имперіи, были скрѣплены тѣснѣе. Румянцевъ отвѣтилъ, что эти узы скрѣплены окончательно; но Коленкуръ

нѣсколько разъ повторилъ то же самое, въ тѣхъ же выраженіяхъ; на что Румянцевъ промолчалъ". Быть можетъ, это побудитъ Коленкура не настаивать болѣе. Но можно ли поручиться за это, если этому несчастному придетъ въ голову подобная мысль.

„Таково положеніе въ настоящую минуту. Мы снова обсуждали съ Александромъ все сказанное третьяго дня и перебрали всѣ доводы за и противъ, въ ихъ истинномъ свѣтѣ. Мысль о неудовольствіи народа, если его постигнутъ бѣдствія, ужасна; но обречь ребенка на несчастье, не имѣя даже увѣренности въ томъ, что это спасетъ народъ отъ бѣдствій, еще болѣе жестоко. Будучи въ Гатчино, Александръ сказалъ мнѣ, что хотя онъ далекъ отъ желанія, чтобы этотъ бракъ состоялся, но онъ вспоминаетъ твои слова, что если бы Наполеонъ развелся и просилъ твоей руки, ты сочла бы долгомъ принести себя въ жертву государству и что я за это бранила тебя. Я помню это, а равно и то, что я говорила тебѣ, что такая экзальтація и такое поспѣшное рѣшеніе приводятъ всегда къ плохимъ послѣдствіямъ. Наконецъ, надобно сказать, что ты была взрослая, что я могла предоставить тебѣ дѣйствовать по твоему усмотрѣнію; но Анна еще ребенокъ, ея характеръ еще не выработался. Неужели *я, ея мать, буду виною ея несчастія?* Я содрагаюсь при одной мысли объ этомъ; съ другой стороны, всѣ послѣдствія, какія можетъ повлечь за собою нашъ отказъ, приводятъ меня въ отчаяніе.

„Надобно обсудить еще слѣдующее: если Наполеонъ умретъ, будучи мужемъ Анны, то этому несчастному ребенку придется испытать всѣ ужасы волненій, которыя вспыхнутъ послѣ его смерти; ибо нельзя допустить, чтобы династія этого человѣка снискала уваженіе народа. Если у него не будетъ дѣтей, то волненія будутъ еще сильнѣе.

„Подобаетъ ли желать, чтобы подобный порядокъ вещей и чудовищная власть этого человѣка упрочились? Не будетъ ли это противно интересамъ Россіи и не увеличитъ ли это затруднительное положеніе. Какъ ты полагаешь?

„Мы обсуждали, что отвѣтить Коленкуру въ случаѣ отказа, и остановились на слѣдующемъ: 1) сослаться на молодость моей дочери, которая даже не вполнѣ сформирована; 2) упомянуть о томъ, какъ народъ доволенъ тѣмъ, что ты осталась въ Россіи, что заставляетъ насъ принять рѣшеніе, чтобы и Великая Княгиня Анна, вступивъ въ бракъ, не уѣзжала отсюда.

„Императоръ увѣренъ, что принадлежность къ православной вѣрѣ не послужитъ препятствіемъ; въ противномъ случаѣ этотъ предлогъ могъ бы быть самымъ важнымъ. Это препятствіе

можно было бы выставить какъ самое главное и наиболѣе законное. Къ осуществленію этого брака съ моей точки зрѣнія встрѣчается еще одно серьезное препятствіе: это тотъ позоръ, которымъ мы покрыли бы себя, выказавъ такую неустойчивость въ принципахъ, въ убѣжденіяхъ. Потомство могло бы по справедливости негодовать, видя, что Великая Княжна вступила въ бракъ съ человѣкомъ, котораго оно клянетъ за всѣ бѣдствія, какія онъ навлекъ на человѣчество... Согласившись на этотъ бракъ, я обрекаю своего ребенка на несчастье и въ то же время я не спасу быть можетъ государство отъ бѣдствій и навлеку на себя осужденіе извѣстной части народа; а если я не дамъ своего согласія, это можетъ имѣть для государства самыя пагубныя послѣдствія и тогда меня осудитъ другая часть населенія".

„Обсуждая съ Александромъ всѣ послѣдствія моего отказа, я спросила его, можетъ ли онъ послужить поводомъ къ войнѣ или, лучше сказать, можетъ ли онъ ускорить ее, и позволяетъ ли ему состояніе его финансовъ вести войну? Онъ отвѣтилъ „нѣтъ; мнѣ пришлось бы принести чрезвычайныя жертвы. Наша граница беззащитна, у насъ нѣтъ съ этой стороны ни одной крѣпости; что касается войска, то у меня на границѣ двѣсти тысячъ человѣкъ". Признаюсь, я не думаю, чтобы въ случаѣ отказа, намъ пришлось вскорѣ вести войну съ этимъ человѣкомъ; она была бы отсрочена до окончанія войны съ Испаніей. Состоится ли этотъ бракъ или нѣтъ, я того мнѣнія, что войны не миновать; намъ придется воевать либо съ Наполеономъ, либо изъ-за него, такъ какъ онъ вовлечетъ насъ въ свои враждебныя отношенія къ Портѣ и намъ придется, такъ сказать, помогать ему созидать державы, которыя будутъ намъ опасны по близкому ихъ сосѣдству съ Россіей. Полный застой въ торговлѣ такъ тягостенъ для государства, что если онъ не прекратится, то намъ волей неволей придется устранить всѣ препоны, такъ какъ государство не въ состояніи этого долго вынести. Моментъ будетъ критическій и можетъ вовлечь насъ въ войну съ Наполеономъ.

„Императоръ сказалъ на это, что ежели Господь даруетъ ему десять лѣтъ мира, то у него будетъ десять крѣпостей и его финансы поправятся".

Два дня спустя, 25 декабря 1809 г., Марія Θеодоровна сообщила Екатеринѣ Павловнѣ, что французскій посланникъ, принятый Императоромъ послѣ обѣдни, спросилъ его, что онъ прикажетъ передать Наполеону съ курьеромъ, который повезетъ ему конвенцію, подписанную 23 числа. Императоръ поручилъ ему благодарить Бонапарта за его доброжелательное отношеніе въ этомъ дѣлѣ. На это посланникъ сказалъ, что Императору вѣроятно уже извѣстно изъ Moniteur'a о важномъ

событіи, совершившемся въ Парижѣ; онъ распространился въ похвалахъ Императору Наполеону и Императрицѣ Жозефинѣ и присовокупилъ, что это событіе даетъ возможность скрѣпить еще тѣснѣе узы, связующія обѣ Имперіи.

Императоръ отвѣтилъ, что эти узы уже окрѣпли, на что посланникъ возразилъ, что обстоятельства даютъ возможность содѣйствовать счастью человѣчества и обезпечить миръ. Императоръ только сдѣлалъ въ отвѣтъ гримасу, которая выражала, какъ трудно осуществимъ этотъ проектъ, и хотя посланникъ настаивалъ на своемъ, но Императоръ этимъ ограничился. Разговоръ перешелъ на посторонніе предметы. Затѣмъ Коленкуръ показалъ Императору письмо, полученное имъ отъ Шампаньи, который также пишетъ о разводѣ и говоритъ, что всѣмъ посланникамъ, аккредитованнымъ при иностранныхъ дворахъ, разосланы циркуляры съ увѣдомленіемъ объ этомъ событіи. Это циркулярное посланіе оканчивается заявленіемъ, что хотя вслѣдъ за разводомъ долженъ быть заключенъ бракъ, но Императоръ ни на комъ не остановилъ еще своего выбора, однако Шампаньи пишетъ Коленкуру, въ частномъ письмѣ, что хотя онъ и препровождаетъ ему этотъ циркуляръ, но проситъ его не предъявлять его нашему двору: по моему мнѣнію, это означаетъ ясно, что выборъ Наполеона сдѣланъ и что онъ палъ на нашу бѣдную Анну".

Одновременно съ письмомъ Маріи Ѳеодоровны, Великая Княгиня получила письмо отъ Императора Александра, который просилъ ее дать ему совѣтъ, какъ поступить въ этомъ *въ высшей степени затруднительномъ обстоятельствѣ.*

„Наполеонъ разводится и имѣетъ виды на Анну. Этотъ разъ это совершенно серьезно; вы узнаете всѣ подробности изъ письма матушки. Какъ поступить въ данномъ случаѣ, рѣшить трудно. Я сказалъ матушкѣ, что ей, само собою разумѣется, одной принадлежитъ право располагать судьбою сестры, и что я подчинюсь ея рѣшенію. Мое мнѣніе таково, что принимая во вниманіе всѣ непріятности и придирки, а также недоброжелательство и злобу, съ какою относятся къ этому человѣку, лучше отвѣтить отказомъ, нежели дать свое согласіе противъ воли.

„Я долженъ однако отдать справедливость матушкѣ, что она высказала въ этомъ случаѣ несравненно болѣе хладнокровія, чѣмъ я ожидалъ. Она хочетъ посовѣтоваться съ вами, и я нахожу это вполнѣ правильнымъ".

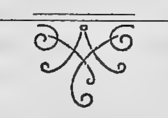
По мнѣнію Екатерины Павловны отвѣтить Наполеону категорическимъ отказомъ было невозможно. Она совѣтовала сказать Коленкуру: 1) что Анна Павловна еще не сформирована и 2) что

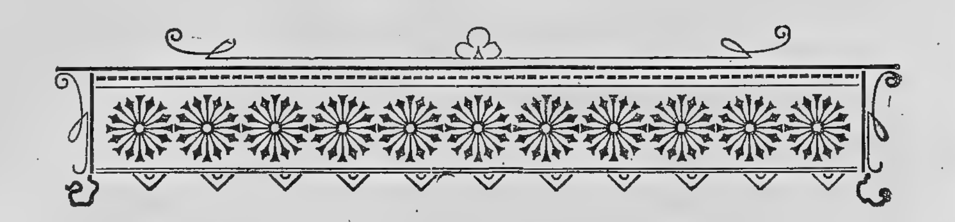
въ виду печальнаго опыта двухъ старшихъ дочерей, Марія Θеодоровна дала клятву не выдавать своихъ дочерей ранѣе 18 лѣтняго возраста, приведя въ доказательство примѣръ Маріи Павловны и ея собственный, и присовокупивъ, что сама Императрица и Императоръ *сочувствуютъ* этому браку. „Главное, писала Великая Княгиня, выиграть время".

„Когда я высказала, два года тому назадъ, свое мнѣніе, присовокупляетъ Екатерина Павловна, я говорила за себя; въ 20 лѣтъ я могла отвѣтить за свои поступки и сознательно принести извѣстную жертву".

Уклончивый, равносильный отказу, отвѣтъ на сватовство Наполеона къ Аннѣ Павловнѣ былъ первымъ поводомъ къ охлажденію между союзниками, приведшему два года спустя къ окончательному разрыву.

В. Тимощукъ.

Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—1878 г.г.

ГЛАВА VI[1]).

Мое первое выступленіе на арену „большого свѣта“ имѣло мѣсто въ шикарномъ клубѣ французской колоніи.

Бѣлое газовое платье, chef-d'oeuvre изъ мастерской лучшей модистки въ городѣ, сидѣло на мнѣ восхитительно; гирлянда живыхъ цвѣтовъ, какъ и полагалось молодой дѣвушкѣ по законамъ моды въ тѣ времена, украшала мои локоны, дополняя эффектъ вечерняго туалета.

Едва я перешагнула порогъ ярко освѣщенной залы, какъ тотчасъ же перестала что-либо видѣть передъ собой, внезапно подавленная чувствомъ непреодолимой робости и страшной растерянности: зрѣлище элегантной толпы на мгновеніе ушло съ моихъ глазъ и, какъ это бываетъ во снѣ, стало расплываться въ неясные образы и формы. „Le premier quadrille, mademoiselle, le second, s'il vous plait, le cotillon... неслось со всѣхъ сторонъ, и чьи-то руки тянулись къ моему calepin, записывая въ него имена желавшихъ танцовать со мной. Это вывело меня изъ хаотическаго разброда мыслей и дало возможность разобраться въ новыхъ нахлынувшихъ впечатлѣніяхъ. Нарядныя до ослѣпительной роскоши дамы, черные фраки, флотскіе мундиры съ иностранныхъ эскадръ, однимъ словомъ, рѣшительно всѣ, явившіеся на открытіе бальнаго сезона, тѣснились ко мнѣ поближе и разсматривали мою скромную, переконфуженную фигуру съ такимъ видомъ, какъ если бы пришло къ нимъ существо изъ другого, невѣдомаго міра. Да оно, пожалуй,

[1]) См. „Русскую Старину“ февраль 1911.

такъ и было въ дѣйствительности, судя потому, что за границей насъ считаютъ людьми совсѣмъ иного порядка вещей въ природѣ, чѣмъ всѣ остальные...

Раздались нѣжные звуки вальса, и я унеслась въ его очаровательномъ вихрѣ. Затѣмъ слѣдовали по очереди другіе танцы, и мы кружились до одурѣнія въ тропической духотѣ, наполнявшей атмосферу залы.

Южные народы любятъ сильныя ощущенія и несутъ всюду за собой жаръ и пылъ своего темперамента.

Сѣверному обитателю съ его холодной кровью и привыкшему, даже развлекаясь, томиться и зѣвать отъ скуки, карнавалъ, о которомъ идетъ рѣчь, показался бы прямо чудовищнымъ явленіемъ со всѣми его затѣями... Надо только недоумѣвать, откуда у людей хватало столько силъ, чтобы въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль изо-дня въ день и, какъ говорится, „отъ зори до зори" носиться съ пѣніемъ и смѣхомъ въ маскарадныхъ процессіяхъ по улицамъ, а затѣмъ безъ передышки танцовать всѣ ночи не только до утра, это бы куда ни шло—вездѣ случается, но нерѣдко ударъ полуденной пушки съ турецкихъ фортовъ заставалъ насъ еще въ стѣнахъ клуба.

Правда, мнѣ приходилось иногда очень трудно держаться на уровнѣ бурнаго веселія жизнерадостной толпы, но энергія молодости преодолѣвала физическую усталость, и я старалась плыть по теченію.

Однако пора вернуться къ темѣ и впечатлѣніямъ моего перваго бала, что, какъ извѣстно, составляетъ весьма важную эпоху въ жизни каждой молодой дѣвушки.

Передъ котильономъ назначили большой антрактъ, и публика разбрелась по другимъ комнатамъ въ поискахъ за прохладными уголками. Я незамѣтно скользнула въ полуосвѣщенную галлерею клуба и притаилась тамъ въ нишѣ окна за драпировкой портьеры. Послышались шаги и французская рѣчь съ парижскимъ акцентомъ. Вошла группа моряковъ и остановилась недалеко отъ моего убѣжища, продолжая, какъ можно было догадаться, начатый раньше разговоръ, и я услышала, что рѣчь шла именно обо мнѣ или, вѣрнѣе, обсуждался фактъ моего появленія со стороны того интереса, который всегда возбуждаютъ къ себѣ русскіе за границей.

— Morbleu! какъ ни какъ, чтобы тамъ ни разсказывали и ни писали объ этихъ „mangeurs des bougies", а все-таки она танцуетъ превосходно, и манера у нея европейская,—похвалилъ меня французскій гражданинъ, что уже само по себѣ являлось высокой честью по отношенію иностранки, да еще русской!

— Интересно бы знать, кто училъ ее такъ ловко вальсировать? спросилъ онъ и задумался, точно и въ самомъ дѣлѣ было надъ чѣмъ ломать голову...

— Diable!—неизвѣстно за что выругался другой морякъ:—кто? вѣроятно, какой-нибудь бѣлый медвѣдь! Напрасно вы смѣетесь господа: я говорю совершенно серьезно и на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ...

Героическимъ усиліемъ воли я поборола въ себѣ приступы отчаяннаго хохота и обратилась въ слухъ. Ораторъ, между тѣмъ, продолжалъ съ интонаціей и паѳосомъ, видимо, увлекаясь собственнымъ краснорѣчіемъ:

— Россія—страна загадокъ и удивительныхъ вещей въ міровомъ порядкѣ: тамъ все иначе и не такъ, какъ повсюду въ обоихъ полушаріяхъ земли. Еще недавно, когда нашъ фрегатъ стоялъ въ Чивитта-Веккія, мнѣ пришлось случайно познакомиться съ однимъ очень извѣстнымъ ученымъ, который объѣздилъ ради этнографическихъ изысканій всѣ города и „департаменты“ Московской Имперіи. По его авторитетному утвержденію въ этомъ ледяномъ государствѣ чрезвычайно развито хореографическое искусство, и какъ ни странно только что сказанное мною, но фактъ остается фактомъ: почтенный этнографъ собственными глазами видѣлъ танцующихъ на улицахъ полярныхъ дамъ съ медвѣдями, при чемъ косматые кавалеры выдѣлывали такіе мудреныя па и пируэты, которымъ позавидовала бы любая балерина въ Парижѣ. Что же касается русскихъ мужчинъ, то послѣдніе, какъ разсказывалъ ученый, совершаютъ обыкновенно свой культъ Терпсихорѣ почти такъ же, какъ дѣлаютъ это дикари на островахъ Тихаго океана, т. е. зажигаютъ костры и прыгаютъ вокругъ, оглашая воздухъ дикими воплями...

Я слушала и не вѣрила ушамъ, хотя послѣ нѣкотораго размышленія пришлось сознаться, что здѣсь была крошечная доля правды или, выражаясь правильно, до нѣкоторой степени пародія на нее. Если предположить даже, что словоохотливый морякъ не бредилъ и не рисовалъ картину, созданную его же фантазій, а передавалъ разсказъ дѣйствительно посѣтившаго наше отечество съ научными цѣлями туриста, то не трудно догадаться, что сей послѣдній видѣлъ какъ-нибудь мимоходомъ въ одномъ изъ „департаментовъ“ внутренней Россіи просто нашихъ ручныхъ „Мишекъ“, которыхъ въ сказанныя времена водили по деревнямъ и хуторамъ на потѣху сельскому обывателю. Но по всѣмъ вѣроятіямъ и по неизвѣстнымъ причинамъ тогда же что-то смѣшалось и перепуталось въ ученой головѣ этнографа, и зрѣлище плясавшаго на цѣпи звѣря передъ толпой мужиковъ, бабъ и ребятишекъ предста-

вилось ему „полярнымъ баломъ“, а грѣвшіеся въ большіе морозы у тлѣющихъ костровъ на городскихъ площадяхъ извозчики и прохожіе показались ему тихоокеанскими людоѣдами.

Можно еще и такъ подумать: знаменитый бытописатель какъ охарактеризовалъ его самъ разсказчикъ, прекрасно все видѣлъ въ надлежащемъ освѣщеніи, имѣя къ тому же пару глазъ во лбу; но по свойствамъ французскаго ума и сердца говорить только дурное о другихъ народностяхъ, а по преимуществу о насъ грѣшныхъ, нарочно придумалъ такую вздорную сказку, чтобы дополнить ею и безъ того слишкомъ обширную энциклопедію нелѣпыхъ басенъ, скверныхъ анекдотовъ, отвратительныхъ памфлетовъ, которымъ весь міръ чистосердечно вѣритъ.

Зачѣмъ же въ такомъ случаѣ они приходятъ къ намъ толпами и ѣдятъ нашъ хлѣбъ?

Но я слишкомъ далеко ушла въ сторону, а это случилось вслѣдствіе того, что мнѣ всегда становится больно и обидно, когда приходится по необходимости, какъ вотъ сейчасъ, перечитывать тѣ страницы въ моемъ дневникѣ, которыя заполнены сужденіями и пересудами иностранцевъ о нашей Россіи, и тогда хочется подѣлиться съ читателемъ своими мыслями и чувствами. Впрочемъ, еще одна подробность въ заключеніе. Современемъ, въ болѣе зрѣломъ возрастѣ по волѣ капризной судьбы, носившей меня долгіе годы по волнамъ житейскаго океана, пришлось мнѣ хорошо познакомиться съ нѣкоторой частью французскаго общества, и все увлеченіе любимой націей, о которой я судила, конечно, по увлекательнымъ романамъ той эпохи, исчезло, какъ дымъ и смѣнилось глубокимъ разочарованіемъ.

Прежде всего меня удивляло поразительное невѣжество молодежи высшаго круга, міровоззрѣніе которой не шло дальше „la belle France“ и „le beau Paris, за предѣлами которыхъ, по убѣжденіямъ этихъ господъ, жили только дикари.

Но еще болѣе невѣроятнымъ казалось то, что флотскіе офицеры, посѣщая рейды всѣхъ странъ свѣта, также отличались скудными познаніями изъ области географіи, исторіи и жизни другихъ народностей, считая себя единственными носителями высшей культуры.

Даже на англичанъ они смотрѣли свысока, сочиняя на нихъ злостные анекдоты и разнообразные курьезы.

Сейчасъ Франція „нашъ другъ“, но не слѣдуетъ забывать, что именно благодаря ея литературѣ, распространенной по всему земному шару, за нами навсегда утвердилась прочная репутація „варваровъ“ и даже прямо „людоѣдовъ“ какихъ-то...

— Однако, странныя вещи приходится читать и слышать о русскихъ, — заговорилъ одинъ изъ собесѣдниковъ и, судя по акценту, можно было понять, что то былъ итальянецъ:—увѣряютъ, напримѣръ, что они ѣдятъ сальныя свѣчи—неужели это правда?

— Ну, конечно, правда! истинная правда!—возразили ему:—исторически извѣстно, что за время пребыванія союзной арміи въ Парижѣ, мирнымъ обывателямъ просто не было покоя отъ реквизицій казаковъ за свѣчнымъ саломъ, которое они поѣдали въ ужасающемъ количествѣ. Но вотъ и ритурнель! кстати: я танцую котильонъ съ русской барышней—надо ее разспросить обо всѣхъ этихъ курьезахъ,—расхохотался неизвѣстно чему остроумый французъ и отправился на поиски за мной; остальные также вышли, и галлерея опустѣла.

— Vicomte de Berry!—вспомнила я, что въ моемъ carnet было записано это знаменитое въ исторіи Франціи имя:—но, Боже мой, какое невѣжество!—думалось мнѣ:—у насъ въ институтѣ маленькая дѣвочка въ приготовительномъ классѣ не повѣрила бы, пожалуй, тому вздору, что наболталъ цивилизованный морякъ о Россіи[1]).

Тогда, возмущенная до глубины души, я приняла рѣшеніе во что бы то ни стало, хотя даже подъ предлогомъ внезапной болѣзни, уклониться отъ необходимости танцовать съ непріятнымъ для меня человѣкомъ, какъ вдругъ послышались шаги и голоса, приковавшіе меня къ мѣсту.

— И здѣсь нѣтъ! да куда же въ такомъ случаѣ закатилась „полярная звѣзда“? не знаете ли вы? громко спросилъ кто-то на мѣстномъ жаргонѣ неизвѣстно кого; но, видимо, попавшагося ему на пути одного изъ своихъ знакомыхъ.

— Нѣтъ, не имѣю понятія: астрономія, какъ вамъ извѣстно, наука мудреная, — отвѣтилъ ему послѣдній: — не лучше ли намъ пойти въ буфетъ и выпить по рюмочкѣ коньяку, чѣмъ заниматься звѣздами...

— Какъ! вы ничего не знаете?—перебилъ его собесѣдникъ:—а между тѣмъ преуморительная исторія: дѣло въ томъ, что de Berry

---

[1]) Разсказанная мною здѣсь легенда о сальныхъ свѣчахъ вовсе не относится только къ давно прошедшимъ годамъ: она существуетъ по сіе время во Франціи. Еще недавно въ одномъ изъ салоновъ Петербурга я лично слышала отъ проживающаго здѣсь же французскаго гражданина и, по странному совпаденію тоже „виконта“—только фамилія его другая—что якобы, дѣйствительно, въ столицѣ перестали ѣсть свѣчи, благодаря просвѣтительному вліянію иностранцевъ; но въ глуши Россіи, какъ онъ утверждалъ, это составляетъ любимое наше лакомство.

Примѣч. автора.

съ ногъ сбился, бѣгая по всему клубу въ поискахъ за своей дамой, которая, точно фантомъ, вдругъ исчезла, и не могутъ ее найти...

— Ну, и пусть себѣ бѣгаетъ, надрываясь отъ хохота, возразилъ другой:—гдѣ же ей и быть, какъ не на сѣверномъ полюсѣ: откуда пришла, туда и ушла. Впрочемъ, что касается русскихъ, то отъ нихъ всего можно ожидать—народъ удивительный! Вотъ и сюжетъ для „свѣткой хроники" въ „Impartial"—надо сказать Шарлю, чтобы написалъ въ родѣ того, напримѣръ: на горизонтѣ южнаго неба взошла звѣзда... окончанія импровизаціи не удалось разобрать, такъ какъ оба прошли дальше къ выходу.

Сообразивъ, наконецъ, что мое слишкомъ долгое и необъяснимое отсутствіе могло вызвать настоящій скандалъ, я рѣшилась во избѣжаніе переполоха и нагоняя отъ родныхъ покориться обстоятельствамъ и вернуться въ танцовальный залъ, но къ своей неудачѣ у дверей встрѣтилась съ дядей.

— Гдѣ ты пропадала? это еще что за выдумки?—съ раздраженіемъ спросилъ онъ и принялся жестоко распекать меня, не слушая возраженій

— Mille pardons, mademoiselle,—обратился ко мнѣ виконтъ, когда мы усѣлись противъ нашего vis-à-vis:—я всюду искалъ васъ и такъ безпокоился...

— О чемъ?—съ внезапнымъ вдохновеніемъ злобы перебила я:—здѣсь не въ Россіи—медвѣди не съѣдятъ...

Мой кавалеръ даже ротъ разинулъ и смутился до потери всякаго апломба, никогда не покидавшаго его. Заикаясь и краснѣя, онъ сталъ увѣрять меня, что лично онъ прямо обожаетъ русскихъ и что ни одна нація въ мірѣ не привлекаетъ къ себѣ столько „симпатій", какъ наша.

Фальшивый тонъ француза еще болѣе обозлилъ меня; но я угрюмо отмалчивалась, а въ концѣ концовъ сухо и холодно попросила его измѣнить тему разговора. По всѣмъ вѣроятіямъ, виконтъ de Berry не сохранилъ пріятныхъ воспоминаній о котильонѣ того вечера.

Глава VII.

Чтобы украсить разсказъ о Смирнскомъ карнавалѣ, я могу добавить сюда довольно забавную сценку мѣстнаго колорита. Дѣйствующими лицами здѣсь будутъ одинъ очень либеральный турецкій чиновникъ, занимавшій тогда видный постъ по администраціи пашалыка, и его супруга француженка-католичка, на которой онъ

женился за границей. Вліяніе послѣдней на мужа было такъ неотразимо, что онъ жилъ только по ея указаніямъ.

Я познакомилась съ этой интересной четой на костюмированномъ балу въ англійскомъ клубѣ.

Турки, лишая своихъ женщинъ общественныхъ развлеченій, сами весьма охотно посѣщаютъ собранія европейцевъ и даже танцуютъ съ нами, но по врожденной степенности характера предпочитаютъ кадриль, хотя молодежь не прочь и повальсировать иногда. У себя же они не могутъ устраивать пріемовъ съ участіемъ дамъ, такъ какъ на то не имѣется санкціи Корана.

Для женщины, по опредѣленію священной книги Ислама, существуетъ всего только одинъ законъ: это воля мужа и единственная обязанность—безусловное подчиненіе этой волѣ. Что же касается женъ-христіанокъ, исповѣдующихъ свою религію, то существуютъ постановленія, которыя обязываютъ ихъ соблюдать всѣ правила хорошаго тона и благопристойности съ мусульманской точки зрѣнія, какъ, напримѣръ, не являться на публичныя увеселенія гяуровъ даже вмѣстѣ съ мужемъ, не выходить изъ дому съ открытымъ лицомъ, а также не разговаривать съ мужчинами на улицахъ и много др.

Но въ то же время, по словамъ какого-то остряка, законы для того и пишутся, чтобы ихъ обходили, то, надо думать, что и турецкія дамы въ силу именно этого мудраго изреченія такъ и поступаютъ, въ особенности иностранки, пользуясь въ несравненно большей степени вліяніемъ на мужей, чѣмъ турчанки, забитыя и одичавшія въ нездоровой атмосферѣ гаремовъ.

Правда, такое неравенство озлобляетъ ихъ, и нельзя сказать, чтобы онѣ отличались смиреніемъ и кротостью. Былъ такой случай въ Константинополѣ.

Во всѣхъ вагонахъ конно-желѣзныхъ дорогъ устроены женскія отдѣленія для мусульманокъ. Однажды пріѣзжая австріячка, любопытства ради, упросила кондуктора посадить ее вмѣстѣ съ турчанками.

Бѣдныя затворницы обрадовались случаю выместить на ней свои житейскія невзгоды, и не успѣла та опомниться, какъ онѣ повалили ее на диванъ, зявязали ротъ и принялись жестоко щипать ненавистную гяурку.

Это происшествіе надѣлало шуму въ дипломатическихъ кругахъ и послужило предлогомъ для запроса со стороны Австро-Венгерскаго посланника.

Чтобы не вдаваться въ подробное описаніе всѣхъ изворотовъ и хитрыхъ уловокъ, къ помощи которыхъ прибѣгаютъ иногда эти

женщины для обхода обязательныхъ предписаній закона, я лучше разскажу сейчасъ же о томъ, что обѣщала въ началѣ главы.

Итакъ, въ англійскомъ клубѣ мнѣ представили уже не молодого и по виду солиднаго турецкаго администратора съ нѣсколькими орденами на груди. Онъ записался въ моемъ carnet на 2-ю кадриль. Я прочла: Намукъ-эфенди и тотчасъ же вспомнила, что уже видѣла его жену какъ-то мелькомъ въ одномъ семейномъ домѣ и слышала о ней много интереснаго. Такъ говорили, напримѣръ, что почтенный эфенди до встрѣчи съ ней являлъ собою яркій типъ непримиримаго фанатика и жестокаго деспота по отношенію къ своему прежнему гарему; но очарованіе француженки все разрушило и создало ему новый порядокъ жизни. По ея желанію онъ немедленно, какъ только женился, отказался навсегда отъ евнуховъ и невольницъ и далъ ей торжественное обѣщаніе на священной реликвіи Ислама до самой смерти не знать другой женщины, кромѣ нея, своей жены. И дѣйствительно, за 18 лѣтъ ихъ супружества, полнаго счастія и взаимнаго согласія, онъ ни разу не нарушалъ своего зарока.

Разсказанный случай далеко не единочное явленіе: всегда такъ бываетъ, если жена заберетъ мужа-мусульманина подъ башмачекъ европейскаго издѣлія. При этомъ необходимо отмѣтить, что супруга Намукъ-эфенди не блистала красотой и граціей: тощая фигура, неладно скроенная, сѣренькіе глазки, не осѣненные пышными рѣсницами и черными бровями, что составляетъ, по мнѣнію восточныхъ людей, всю прелесть женскаго лица, острый подбородокъ, вздернутый кверху носъ съ широкими ноздрями и, тѣмъ не менѣе, она казалась влюбленному супругу настоящей Клеопатрой.

При дальнѣйшемъ нашемъ сближеніи, когда мы стали уже бывать другъ у друга, она посвятила меня во всѣ подробности ея біографіи. По собственному признанію этой удивительно ловкой дамы ей не стоило большого труда обрѣзать когти звѣрю и засадить его въ клѣтку, откуда онъ вышелъ кроткой овечкой, какимъ всѣ видѣли его въ присутствіи жены.

Я была также чрезвычайно откровенна съ ней и взамѣнъ получала дружескіе совѣты и наставленія не бѣгать отъ судьбы, а только послѣдовать ея примѣру.

Но возвращаюсь, наконецъ, къ инциденту.

Грянула ритурнель ко 2-й кадрили, и вдругъ у насъ по безпечности самого же Намукъ-эфенди не оказалась vis-à-vis. Тогда онъ обратился къ одному изъ распорядителей бала съ просьбой уладить дѣло.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ,—отвѣтилъ послѣдній, загадочно улыбнувшись, и помчался куда-то.

Минуту спустя противъ насъ усаживалась пара: морякъ съ французской эскадры, а съ нимъ никто иной, какъ жена моего кавалера.

По залу пробѣжалъ трепетъ, такъ какъ всѣ узнали явившуюся даму и ждали, вѣроятно, скандала. Но ничего особеннаго не случилось: мужъ, продолжая занимать меня пріятными разговорами, отъ времени до времени кидалъ мимолетный взглядъ въ сторону жены, какъ будто видѣлъ ее первый разъ въ жизни.

Въ 6-й фигурѣ нашимъ кавалерамъ приходилось, волей-неволей, мѣняться дамами: танцующіе сосѣди насторожились; но опять таки ровно ничего не прочли на безстрастномъ лицѣ турка. Зато супруга его превесело болтала со своимъ землякомъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на окружавшихъ.

А между тѣмъ, здѣсь же находились лица, которыя весьма неодобрительно и съ явнымъ укоромъ посматривали на интересную чету. То были представители, какъ военной, такъ и гражданской власти, приглашенные на раутъ въ качествѣ почетныхъ гостей генеральнымъ консуломъ Британіи. Было слишкомъ замѣтно, что имъ очень не нравилось подобное нововведеніе, исходившее къ тому же изъ дома правовѣрнаго.

Когда окончилась кадриль, то къ Намукъ-эфенди приблизился адъютантъ сановника и пригласилъ его слѣдовать за нимъ на пару словъ. Сама виновница переполоха преспокойно вышла изъ зала вмѣстѣ съ морякомъ и направилась къ буфету, куда и я поспѣшила за ней, воображая, что она погибла. Но въ отвѣтъ на мои старанія ободрить ее, бойкая француженка звонко расхохоталась, а затѣмъ, успокоившись, обстоятельно разъяснила мнѣ, въ чемъ собственно заключалось недоразумѣніе по отношенію къ ея поступку, какъ жены мусульманина.

— Я въ точности исполняю всѣ предписанія Корана, до насъ касающіяся, и строго придерживаюсь обязательныхъ правилъ турецкаго этикета,—говорила она убѣжденно.

— Но, однако, вашего мужа позвали къ начальству?—перебила я, удивленная ея апломбомъ.

— Ну, и пусть себѣ!—разсмѣялась нѣжная супруга, такъ какъ все равно, если хотите знать, вся эта нелѣпая исторія кончится тѣмъ, что наши судьи окажутся въ роляхъ подсудимыхъ—вотъ увидите сами!

— Какимъ же образомъ можетъ такъ случиться?—спросила я, еще болѣе недоумѣвая, и получила въ отвѣтъ:

— А вотъ какъ: мой мужъ даже и не подозрѣваетъ, что его жена собственной персоной находится здѣсь...

— Ну, знаете...... попробовала я что-то возразить, но развела только руками.

— Напрасно, напрасно!—обидѣлась веселая дома:—вы даже не понимаете, въ чемъ именно дѣло—извольте, я объясню: по обычаю Ислама намъ, супругамъ, не полагается быть вмѣстѣ внѣ дома. А такъ какъ мнѣ чрезвычайно хотѣлось потанцовать на этомъ роскошномъ раутѣ у англичанъ, то мы и пришли сюда каждый самъ по себѣ; по требованію хорошаго тона для мужа я здѣсь совершенно незнакомая ему личность, и онъ обязанъ даже не замѣчать моего присутствія—поняли?

— Нѣтъ, не совсѣмъ,—призналась я:—и никогда не пойму, почему одинъ только почтенный эфенди долженъ ломать комедію, тогда какъ всѣ, не исключая турецкихъ сановниковъ, узнали васъ?

— „Не исключая турецкихъ сановниковъ"—съ особеннымъ удареніемъ повторила француженка мои слова:—вотъ именно въ нихъ-то и вся суть, милая моя! Откуда имъ, напримѣръ, извѣстно, что здѣсь, въ собраніи находится въ данный моментъ „жена моего мужа?"—скаламбурила она и не смущаясь продолжала:—ни одна мусульманка усерднѣе меня не выполняетъ всѣхъ обязанностей, освященныхъ традиціями Ислама: по улицамъ я хожу закутанная въ фередже и подъ яшмакомъ, съ мужчинами не разговариваю и у себя, на женской половинѣ ихъ не принимаю—слѣдовательно, наши обвинители не могутъ имѣть яснаго и опредѣленнаго представленія о моей наружности. Но разъ имъ угодно будетъ утверждать противное, то Намукъ-эфенди имѣетъ полнѣйшее основаніе притянуть къ отвѣту этихъ господъ за нарушеніе правилъ благопристойности и хорошаго воспитанія, такъ какъ законъ Шаріата караетъ правовѣрнаго за слишкомъ пристальное разсматриваніе лица гаремной обитательницы.

Доводы ея показались мнѣ правильными, и я вернулась въ залу, чтобы взглянуть на эфенди послѣ аудіенціи у начальства; но онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, уже танцовалъ лансье, тяжело переваливаясь съ ноги на ногу передъ какой-то зубатой и костлявой миссъ.

На слѣдующій день горожане не могли вдоволь насмѣяться по поводу смѣшного инцидента съ Намукъ-эфенди въ библіотекѣ клуба, куда его позвали для объясненій. Присутствовавшіе тамъ случайно нѣсколько аборигеновъ Смирны, изъ которыхъ многіе хорошо знали турецкій языкъ, передали намъ въ забавной формѣ подробности событія. По ихъ словамъ начальствующія особы накинулись

съ жестокими упреками на либеральнаго чиновника; но послѣдній не растерялся и спокойно отвѣтилъ, что супруга его осталась дома, а слѣдовательно и не могла быть въ клубѣ.

Что же касалось дамы, о которой шла рѣчь, онъ также объяснилъ, что увидѣлъ ее первый разъ въ жизни, а до сего, молъ, даже и не подозрѣвалъ о ея существованіи.

Когда же сановники, не слушая его возраженій, настаивали на обвиненіи, то Намукъ-эфенди не безъ лукавства спросилъ ихъ: съ какихъ поръ правовѣрные мусульмане стали изучать наружность чужихъ женъ и на столько основательно, что сразу узнаютъ ихъ безъ яшмаковъ?

Высокопоставленныя лица смутились и пробормотали, что всѣ франки въ залѣ, не стѣсняясь ихъ присутствіемъ, громко называли даму по имени.

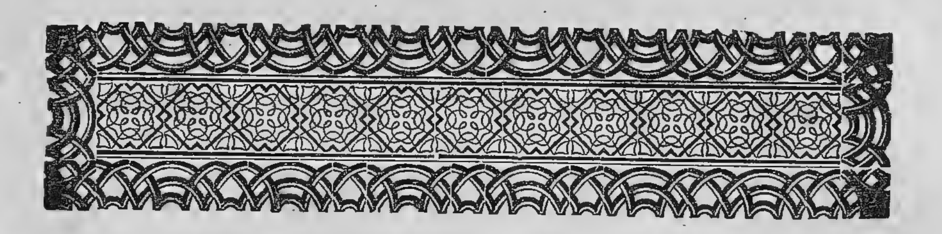
— Мало ли сплетенъ и безобразій позволяютъ себѣ франки— при чемъ же я здѣсь?—съ негодованіемъ проговорилъ подсудимый и удалился отъ судей своихъ, оставивъ ихъ весьма переконфуженными.

Однимъ словомъ, произошло все такъ, какъ и предсказала дальновидная супруга либеральнаго Намукъ-эфенди.

Е. Рагозина.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Аракчеевъ въ приказахъ его по военнымъ поселеніямъ.

По поводу 100-лѣтія устройства поселеній.

1810—9 ноября—1910.

---

9 ноября 1810 года, послѣдовалъ Высочайшій указъ объ основаніи военнаго поселенія въ Бобылецкомъ старостве Климовецкаго повѣта Могилевской губерніи. Устройство этого поселенія вышло неудачно, но такъ какъ вскорѣ пришлось готовиться къ борьбѣ съ Наполеономъ, то заняться ими было некогда, почему вновь принялись за ихъ устройство уже съ 1814 года. Если бы идея, руководящая созданіемъ военныхъ поселеній, вполнѣ осуществилась, и они уцѣлѣли, то можетъ быть вся Россія обратилась бы въ военное сословіе съ режимомъ того времени, но къ счастію ужасъ этотъ миновалъ Россію. Бытія поселеній насчитывается (со всѣми ихъ внутренними видоизмѣненіями) пятьдесятъ шесть лѣтъ, одинъ мѣсяцъ и двадцать два дня [1]). Самымъ тяжелымъ временемъ было для поселеній время подъ начальствомъ Аракчеева. Интересно поэтому приподнять уголокъ завѣсы, скрывающей именно этотъ періодъ прошлаго, и заглянуть, что тамъ творилось. Сдѣлать это я намѣренъ съ помощью обозрѣнія приказовъ графа Аракчеева по военнымъ поселеніямъ, но чтобы можно было читателю лучше уяснить себѣ нѣкоторыя выраженія, встрѣчающіяся въ приказахъ, предпосылаю краткія свѣдѣнія о военныхъ поселеніяхъ съ терминологіей того времени.

Образованіе военныхъ поселеній относится къ тому времени, когда служба солдатская продолжалась почти цѣлую жизнь. Рек-

---

[1]) Съ 9 ноября 1810 г. по 1 января 1867 г.

рутъ (по-нынѣшнему—новобранецъ) по пріемѣ его на службу считался уже умершимъ для семьи, — онъ уходилъ изъ дома, покидая все родное, все близкое сердцу на цѣлыя 25 лѣтъ и если не складывалъ косточки свои на поляхъ битвъ, то здоровье свое большею частію утрачивалъ въ невзгодахъ безпрерывныхъ походовъ и обращался въ инвалида. Не удивительно поэтому, что страшною и ненавистною была для населенія военная служба, что попавшій въ солдаты тяготился ею и тосковалъ по родномъ уголкѣ... Чѣмъ ближе былъ конецъ срока службы, тѣмъ тяжелѣе становилось на душѣ солдата: къ тоскѣ примѣшивалось раздумье о томъ, что онъ найдетъ на родинѣ и какъ будетъ доживать свою старость, для которой не могъ ничего припасти за время своей службы, а крутыя горки ужъ укатали бурку... Многіе, придя домой, находили вмѣсто родныхъ людей, которые пригрѣли бы ихъ, родныя могилы...

Принимая рѣшеніе образовать военныя поселенія, имѣли въ виду слѣдующую цѣль: пріобрѣсти возможность, средствами военныхъ поселеній, постоянно комплектовать армію милліоннаго состава и содержать ее въ мирное время. По приведеніи этой системы въ исполненіе предполагалось окончательно отмѣнить рекрутскіе наборы съ остальной массы населенія и возложить всѣ расходы по содержанію войскъ исключительно на средства военныхъ поселеній. Для осуществленія этой цѣли предполагалось поселить на западныхъ и южныхъ окраинахъ Россіи не менѣе пяти милліоновъ душъ мужескаго пола съ ихъ семьями.

Цѣль эта была такъ заманчива, что ее упорно преслѣдовали двадцать съ лишкомъ лѣтъ, несмотря на неблагопріятныя послѣдствія, выражавшіяся въ неудовольствіи поселянъ, а потомъ и въ бунтѣ ихъ во время холерной эпидеміи 1831 года, — усмиреніе котораго, безгранично и неумѣренно жестокое, лежитъ кровавымъ пятномъ на памяти Аракчеева... На особомъ счету стоитъ оно, конечно, какъ крупное кровавое пятно, такъ какъ мелкимъ кровавымъ брызгамъ нѣсть числа на фонѣ жизни многострадальныхъ обитателей военныхъ поселеній.

Послѣ бунта военныя поселенія были преобразованы въ округа пахотныхъ солдатъ, а затѣмъ, послѣ временнаго возрожденія на югѣ Россіи и на Кавказѣ, они были окончательно упразднены къ 1 января 1867 года.

Устройство военныхъ поселеній шло такимъ путемъ. Особымъ каждый разъ Высочайшимъ повелѣніемъ назначались для одного полка, поименно, столько селеній, сколько было нужно по заранѣе составленному разсчету. Селенія эти избирались изъ числа эконо-

мическихъ или государственныхъ и со всѣми принадлежащими имъ угодьями (землею, лѣсами, рыбными ловлями и т. п.) передавались изъ вѣдѣнія губернскихъ властей въ вѣдомство военное, образуя округъ подъ наименованіемъ: „округъ военнаго поселенія такого-то полка“. Если въ предѣлахъ округа попадались помѣщичьи, или вообще частныя, чрезполосныя владѣнія, то ихъ старались купить въ казну или вымѣнять на другіе участки, внѣ предѣловъ округа лежащіе. Когда владѣнія для новаго округа были приняты, то совершался вводъ полка въ военное поселеніе, но не сразу: сначала отдѣлялся отъ полка одинъ баталіонъ, получавшій названіе *поселеннаго*, которому собственно и предстояло вынести на своихъ плечахъ устройство поселенія для себя и остальныхъ частей полка. Этотъ именно баталіонъ назначался и впредь для хозяйственныхъ работъ въ округѣ и получалъ право никогда никуда не быть посылаемымъ изъ округа, другіе же два баталіона полка предназначались для разныхъ строевыхъ дѣйствій, почему и назывались *дѣйствующими*. Поселенный баталіонъ не просто отдѣлялся отъ полка, а выбирался. Брались солдаты, бывшіе до службы земледѣльцами, прослужившіе не менѣе шести лѣтъ и преимущественно женатые. Поступившіе въ составъ баталіона получали наименованіе *военныхъ поселянъ-хозяевъ*, а когда полкъ квартировалъ въ своемъ округѣ, то солдаты двухъ дѣйствующихъ баталіоновъ размѣщались по два у каждаго хозяина и назывались *постояльцами*. Старые жители этихъ мѣстностей переписывались съ раздѣленіемъ на четыре разряда: 1, малолѣтнія дѣти не старше 7-лѣтняго возраста; 2, дѣти возраста средняго—отъ 7 до 12 лѣтъ и большаго — отъ 12 до 18 лѣтъ; 3, люди способные для службы — отъ 18 до 36 лѣтъ и отъ 36 до 45 лѣтъ; 4, старики 45 лѣтъ и неспособные по тѣлеснымъ недостаткамъ къ службѣ. Главное значеніе для поселенія имѣли люди 3-го разряда: если изъ числа солдатъ поселяемаго полка оказывалось недостаточно подходящихъ для выполненія плановъ поселенія, то изъ всѣхъ жителей, которые именовались *коренными*, выбирались люди 3-го разряда, преимущественно женатые, и зачислялись въ разрядъ поселянъ подъ названіемъ *военный поселянинъ-хозяинъ изъ коренныхъ жителей*, получая права и обязанности хозяевъ... Болѣе впрочемъ послѣднихъ, чѣмъ первыхъ.

Дѣти поселянъ оказывались тоже въ особомъ положеніи. Высочайше утвержденныя 11-го мая 1817 года правила о переводѣ коренныхъ жителей округовъ въ военныя поселенія лишали родителей, послѣ зачисленія въ военное сословіе, права распоряжаться судьбою своихъ дѣтей: они были „освобождены“ отъ всякаго попе-

ченія о воспитаніи дѣтей, которыя считались „собственностью“ казны... Даже по названію не существовало въ военныхъ поселеніяхъ „ребенка“ мужскаго пола, а былъ „военный кантонистъ“ съ минуты рожденія. При родителяхъ дозволялось оставаться кантонистамъ только до семи лѣтъ, а затѣмъ отбирались они въ школы. Дѣвочки же выращивались, какъ увидитъ читатель изъ приказовъ по поселенію, или для приплода или для изгнанія изъ поселенія при „безполезности“... Горькая участь!

Численный составъ поселенія и его расквартированіе опредѣлялось строевымъ разсчетомъ и приспособливалось къ нему. Основной единицей устройства военнаго поселенія по внутреннему порядку являлась *рота*. Она составляла особый поселокъ со своимъ *ротнымъ штабомъ*. Поселенная рота, за исключеніемъ нѣсколькихъ особо назначаемыхъ нижнихъ чиновъ (музыкантовъ, мастеровыхъ), считавшихся „непоселенными“, имѣла въ поселкѣ хозяевами 12 унтеръ-офицеровъ и 216 рядовыхъ. Это число раздѣлялось въ каждой ротѣ на 4 отдѣленія или *капральства* по 3 унтеръ-офицера и 54 рядовыхъ въ каждомъ. Капральство дѣлилось на 3 *десятка*, въ каждомъ по 1 унтеръ-офицеру и 18 рядовыхъ.

На это число поселянъ строилось: на 1 десятокъ—5 домовъ, на капральство—15, на роту—60.

Дома для поселянъ строились по Высочайше утвержденному плану... Чуть не каждую строчку, предназначаемую для проведенія въ жизнь поселеній, подносилъ Аракчеевъ на утвержденіе Государя, думая можетъ-быть отклонить отъ себя нареканія и отвѣтственность... Но не ушелъ онъ отъ суда людского, какъ не уйдетъ отъ Божьяго суда! Посмотримъ теперь, какъ устраивались дома. Каждый домъ раздѣлялся на двѣ половины, совершенно одна отъ другой отдѣльныя. Поселялись въ домѣ по 4 хозяина, кромѣ домовъ, занимаемыхъ совмѣстно съ поселенными унтеръ-офицерами,—въ такомъ домѣ унтеръ-офицеръ занималъ цѣлую половину, а на другой жили два хозяина—рядовыхъ. Каждый домъ имѣлъ верхній этажъ, приспособленный для постояльцевъ всѣхъ четырехъ хозяевъ, полагая на каждаго по два, т. е. на 8 человѣкъ. Въ это помѣщеніе вело особое крыльцо.

Всѣ дома поселковъ строились въ одну линію съ строго размѣренными промежутками, на которыхъ разсаживались деревья также по строго намѣченнымъ точкамъ. Улица селенія образовала геометрически-прямую линію и содержалась въ образцовой чистотѣ.

„Воинскіе чины поселенныхъ войскъ надѣлялись отъ казны землею, домами, земледѣльческими орудіями, домашнимъ скотомъ и упряжью; довольствовались жалованьемъ и обмундированіемъ; полу-

чали въ первые годы поселенія провіантъ на себя, женъ и дѣтей своихъ, на которыхъ сверхъ того отпускалось особое пособіе. Поселенныя войска избавлялись отъ походовъ, но должны были находиться постоянно нераздѣльно съ своими семействами, обезпеченные здоровою пищею и другими житейскими удобствами. Все пріобрѣтенное ими честнымъ трудомъ отъ разведенія скота и улучшенія хлѣбопашества составляло ихъ неотъемлемую собственность"... Такъ гласили параграфы Положенія, а на самомъ дѣлѣ никакой собственности у поселянъ не было: домъ, поля, скотъ, земледѣльческія орудія находились лишь „въ пользованіи" хозяина, „обязаннаго" содержать ихъ въ добромъ порядкѣ и исправности. О продажѣ хозяиномъ своего имущества и рѣчи быть не могло; даже за небрежное отношеніе къ этой „собственности" могъ полковой комитетъ отобрать ее и передать другому хозяину. Здѣсь кстати скажу, сколько начальства было у поселянъ: десяточный ефрейторъ, капралъ, фельдфебель, ротный командиръ съ ротнымъ комитетомъ при немъ и помощниками младшими офицерами, батальонный, полковой командиръ съ полковымъ комитетомъ при немъ, бригадный командиръ, начальникъ дивизіи и надъ всѣмъ этимъ Главный Начальникъ надъ военными поселеніями графъ Аракчеевъ, вѣнчавшій это хитрое строеніе управленія военными поселеніями, имѣвшій при себѣ Штабъ отдѣльнаго корпуса военныхъ поселеній.

Все это начальство было направлено для наблюденія за поселянами и ихъ подбадриванія. „Если разсчитать росписаніе занятій офицеровъ, какъ они опредѣлены разными положеніями, разработанными Аракчеевымъ, то выходитъ, что 365 дней въ году и 24 часовъ въ сутки положительно не хватало на добросовѣстное выполненіе всего росписанія. Графъ Аракчеевъ, обладая феноменальною работоспособностью, мѣрялъ всѣхъ по-своему и при распредѣленіи работы не принималъ въ соображеніе силъ обыкновеннаго нормальнаго человѣка. Въ отношеніи офицерскаго состава такой взглядъ не принесъ особаго вреда. Офицеры, не исполнивъ всего, *отписывались отчетами, представлявшими все исполненнымъ*. Но наибольшая тяжесть отъ такого взгляда графа на людей выпадала на поселенцевъ.

Если составить разсчетъ требовавшейся отъ нихъ работы, то фактически 24 часовъ въ сутки не хватало, *а такъ какъ они находились подъ надзоромъ многочисленнаго начальства*, то и происходило надрываніе силъ, которое красною чертою проходитъ черезъ всѣ описанія очевидцевъ поселенческаго быта" [1]).

---

[1]) Стол. Воен. Мин.—Оч. Гл. Инж. Упр. стр. 570, примѣч. 1.

Сдѣланная выписка доказываетъ, что количество работъ, возлагавшихся на военнаго поселянина-хозяина, при обязательности ихъ и срочности, несомнѣнно требовало имѣть помощниковъ. При такомъ положеніи дѣла постояльцы, которые были работниками за пищу при работахъ по инструкціямъ и за небольшую долю платы, назначаемую имъ при работахъ оплачиваемыхъ (такія тоже были въ военномъ поселеніи), являлись безусловно необходимыми. Приходилось иногда исполнять мелочныя инструкціи въ ущербъ дѣлу, несравненно болѣе важному, напримѣръ: сохнетъ трава на корню, рожь сыплется, а поселянина заставляютъ бѣлить избу или подновлять загородку,—тутъ-то и нужна замѣна; или только-что пришелъ хозяинъ утомленный съ поля, гдѣ трудился цѣлый день въ потѣ лица своего, получаетъ приказаніе сейчасъ же идти чистить улицу,—какъ обойтись безъ замѣны, когда силы не хватаетъ, а исполнить приказаніе надо обязательно...

Даже во внутреннемъ убранствѣ домовъ требовалось особою таблицею отъ поселянокъ-хозяекъ точное распредѣленіе по мѣстамъ предметовъ домашняго обихода подъ страхомъ наказанія... Во всемъ и всюду на первый планъ выдвигалась „обязанность“, а доброй волѣ ни въ чемъ мѣста не было: обязанъ жениться, обязанъ учиться, обязанъ работать... И на свѣтъ-то Божій появляться было обязательно, кантонисты нужны были... Да и помирать зачастую было обязательно: какъ проведутъ по „зеленой улицѣ“ [1]), черезъ 1.000 человѣкъ нѣсколько разъ, такъ трудно было живымъ остаться! Если къ написанному добавить еще, что Аракчеевъ въ „Положеніи“ указывалъ солдату-поселянину, что онъ „долженъ быть попечительный отецъ дѣтей и родственниковъ, добрый мужъ и надежный другъ и сотоварищъ“, а то... И въ чувствахъ значитъ свободы не было! Въ самое „святая святыхъ“ души человѣческой залѣзало „Положеніе“ и принуждало къ тому, что никогда не было мыслимо

---

[1]) „Зеленой улицей“ называли одно изъ страшнѣйшихъ тѣлесныхъ наказаній военныхъ стараго времени. Выстраивали полкъ, баталіонъ или прямо опредѣленное число людей полка, въ двѣ линіи, лицомъ одна къ другой, на разстояніи такомъ, чтобы не доставать отъ одной линіи до другой длинными, гибкими прутами (почти въ палецъ толщины), которые назывались шпицъ-рутенами. Осужденнаго на наказаніе привязывали къ двумъ ружьямъ за руки, на нихъ положенныя, при чемъ обнажали до пояса. Затѣмъ два унтеръ-офицера брали въ руки ружья и вели осужденнаго. На ходу его ударяли шпицъ-рутеномъ по очереди всѣ стоящіе солдаты черезъ одного такъ, что били правой рукой одни, когда вели впередъ и другіе, когда вели назадъ. Если осужденный падалъ безъ чувствъ, его приводили въ сознаніе и вели до конца этой гибельной улицы, но многіе умирали, не дойдя до конца.

по принужденію, по заказу, безъ естественно возродившагося искренняго чувства... Въ концѣ концовъ невольно сознаешься, что вся эта „Аракчеевщина“ была дѣйствительно казнь египетская и погубила сама себя.

Одной изъ крупныхъ фигуръ на фонѣ русской исторіи является графъ Аракчеевъ. Имя его извѣстно почти всѣмъ мало-мальски знакомымъ съ исторіей.

Устныя о немъ преданія современниковъ и старо-служивыхъ людей, а также неоднократное описаніе дѣйствій его въ военныхъ поселеніяхъ привели къ тому, что въ сознаніи народномъ онъ является жестокимъ, несправедливымъ временщикомъ.

Для тѣхъ случаевъ, когда хотятъ однимъ словомъ опредѣлить характеръ человѣка, облеченнаго властью и при этомъ упрямаго, безсердечнаго, не имѣющаго въ душѣ ничего святаго и поэтому готоваго буквально „на все“ для достиженія своихъ цѣлей, ему даютъ нарицательное имя—„Аракчеевъ“.

Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ происходилъ изъ дворянъ Новгородской губерніи. Родился 23 сентября 1769 г.—умеръ 21 апрѣля 1834 года. Былъ приближеннымъ двухъ Императоровъ: Павла I и Александра I. Къ Императору Павлу I съумѣлъ онъ войти въ довѣріе въ бытность Его Великимъ Княземъ. Въ чинѣ капитана онъ былъ назначенъ начальникомъ артиллеріи Гатчинскихъ войскъ, какъ артиллерійскій офицеръ, окончившій курсъ въ артиллерійскомъ и инженерномъ шляхетномъ корпусѣ.

Проявленіями своей неутомимой дѣятельности и желѣзной энергіи [1]) онъ заслужилъ особое довѣріе Великаго Князя Павла Петровича. Это легло въ основаніе его движенія впередъ по службѣ, которое до 6 ноября 1796 года было значительнымъ, а далѣе—необычайнымъ.

Къ означенному дню, дню кончины Императрицы Екатерины II, онъ достигъ чина подполковника и должностей: коменданта города Гатчины и начальника всѣхъ сухопутныхъ войскъ Наслѣдника. На слѣдующій же день воцаренія Императора Павла онъ сразу сдѣлалъ большой шагъ впередъ: 7 ноября онъ былъ назначенъ комендантомъ С.-Петербурга. 8 ноября былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, 9 въ маіоры л.-гв. Преображенскаго полка, а 12 пожалованъ орденомъ Св. Анны 1-й степени. Но какъ нѣтъ розъ безъ терній, такъ не было ровнаго движенія впередъ по служеб-

---

[1]) Онъ производилъ ученья, продолжавшіяся по 12 часовъ въ день, не сходя при этомъ съ поля. На глазахъ Павла Петровича онъ разражался бранью и палочными ударами, отъ которыхъ многіе поплатились жизнью. (Столѣтіе Воен. Министерства, томъ IV, стр. 224).

ному поприщу тѣмъ, кто состоялъ на службѣ при Императорѣ Павлѣ. Послѣдствіямъ капризовъ его причудливаго характера подвергались всѣ безъ исключенія,—испыталъ ихъ на себѣ и Аракчеевъ 5 апрѣля 1797 года, въ день коронаціи, онъ былъ возведенъ въ баронское достоинство, награжденъ орденомъ Св. Александра Невскаго и назначенъ генералъ-квартирмейстеромъ, а черезъ годъ... былъ удаленъ отъ службы, хотя и съ производствомъ въ слѣдующій чинъ. Черезъ четыре мѣсяца снова былъ принятъ на службу на прежнюю должность. Въ 1799 году получилъ назначеніе командиромъ л.-гв. артиллерійскаго баталіона, инспекторомъ всей артиллеріи, пожалованъ командиромъ ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго и возведенъ въ графское достоинство Россійской Имперіи, а 1 октября того же года... отставленъ отъ службы „съ воспрещеніемъ въѣзда въ столицу“.

При Императорѣ Павлѣ такъ и остался онъ болѣе не у дѣлъ, когда же восшелъ на престолъ Императоръ Александръ I, который не только хорошо зналъ Аракчеева, но даже удостоивалъ его своею дружбою, графъ Алексѣй Андреевичъ снова былъ приближенъ: 14 мая 1803 года онъ былъ принятъ на службу, получилъ прежнія должности и уже все это царствованіе возвышался безостановочно. Чѣмъ онъ съумѣлъ заслужить безграничное довѣріе и привязанность Александра Благословеннаго, не выяснено до сихъ поръ исторіей...

Можно бы искать разгадку въ гербѣ, ему пожалованномъ и носящемъ на себѣ надпись: „безъ лести преданъ“, да современники говорили, что эту надпись надо бы нѣсколько измѣнить, написавъ „бѣсу лести преданъ“.

Откуда взять примѣровъ для выясненія отношенія Аракчеева къ людямъ?

Главнѣйшимъ и самостоятельнымъ его учрежденіемъ являлись знаменитыя военныя поселенія, которыя заведены были „для блага Россіи“.

На созданіе и поддержаніе поселеній было обращено многіе годы все вниманіе Аракчеева. Посмотримъ же въ „Приказахъ“ его по военному поселенію, какія мѣры онъ принималъ для этого, и въ нихъ найдемъ, можетъ быть, отвѣтъ на вопросъ,—какъ онъ относился къ людямъ, если предположимъ, что каждый приказъ носитъ на себѣ отпечатокъ характера и духа того, кто его составлялъ.

Начну съ приказа, направляющаго начальниковъ части къ сохраненію экономіи и объявленіе за это благодарности. Форма приказа, отданнаго по этому поводу, вмѣщающая въ себѣ похвалу, смѣшанную съ замѣчаніемъ, настолько любопытна, что привожу его

цѣликомъ: „похваляя поступокъ баталіоннаго командира маіора Веймарна [1]), означающій попеченіе его о ввѣренныхъ ему нижнихъ чинахъ, обязываюсь ему сказать, что онъ еще болѣе заслужитъ благодарности, есть-ли сохраняя казенныя вещи въ баталіонѣ и находя ихъ могущими служить болѣе положеннаго срока, не будетъ ни въ натурѣ ихъ требовать, ни деньгами за оныя изъ казны получать, и показывая тѣмъ примѣръ въ сбереженіи казенной аммуниціи, сократитъ и Государственныя издержки, къ уменьшенію которыхъ каждый гражданинъ, а тѣмъ болѣе военный чиновникъ, обязанъ споспѣшествовать. Сего требуетъ отъ насъ усердіе къ службѣ Монаршей, и я надѣюсь онаго отъ каждаго изъ начальниковъ отдѣльнаго корпуса военныхъ поселеній" [2]).

Приказъ въ подобномъ тонѣ (соединеніе похвалы и нахлобучки), не рѣдкость.—11 мая 1821 года объявляетъ Аракчеевъ приказъ по поселенной 1-й Гренадерской дивизіи за № 106: „сего числа освящены знамена, Всемилостивѣйше пожалованныя Государемъ Императоромъ Гренадерскому графа Аракчеева полку, съ изображеніемъ ордена Святаго Великомученика и Побѣдоносца Георгія, въ награду отличнаго мужества и храбрости, оказанныхъ имъ въ минувшую достославную войну противу Французскихъ войскъ. Для принятія сей лестной Монаршей награды весь полкъ былъ собранъ и, въ первый еще разъ послѣ соединенія своего въ округѣ поселенія, сдѣланъ ему былъ парадъ въ полномъ составѣ его. Отдавая полку сему мою благодарность, мнѣ пріятно изъявить оную въ особенности бригадному и полковому командирамъ: генералъ-маіору Петрову и полковнику фонъ-Фрикену, а нижнимъ чинамъ въ строю бывшимъ предписываю произвести винную порцію въ три воскресныхъ дня и именно: 22 и 29 маія и 5 іюня. Порцію сію принять въ поселенія роты отъ временнаго члена комитета полковаго управленія полковника Мевеса и отпустить хозяевамъ съ ихъ постояльцами и непоселеннымъ чинамъ.

Здѣсь же обязанностью считаю объявить и погрѣшности сего парада, и тѣмъ надѣюсь предупредить оныя на будущее время"... Перечисливъ затѣмъ погрѣшности, онъ объявляетъ кому слѣдуетъ замѣчанія [3]). Подобныя замѣчанія объявлялъ Аракчеевъ иногда и въ формѣ прямо-таки юмористической, какъ напримѣръ: „Софійскій баталіонъ *имѣетъ то преимущество, что между худыми баталіо-*

---

[1]) Истребовалъ 620 р. на вещи и по случаю исправности старыхъ записалъ деньги въ артельную солдатскую сумму на улучшеніе пищи.

[2]) Библ. М. О. О. А. Г. Ш. № 2875, прик. 28 іюля 1821 г. № 192.

[3]) Тамъ же кн. 2875, Прик. 11 мая 1821 г. № 106.

нами можетъ быть худшимъ и баталіонному командиру—маіору Гоголь-Яновскому, даю нерадѣніе его на замѣчаніе и дѣлаю выговоръ, какъ за худое состояніе его баталіона, такъ и за то, что не умѣетъ ѣздить верхомъ, управлять своею лошадью и тѣмъ самымъ разстраиваетъ фронтъ [1])"...

„Фронтъ" былъ для того времени плацпарадовъ и шагистики, доводимыхъ до высшей степени совершенства, главнѣйшей цѣлью, къ достиженію которой стремилось вообще все начальство. Аракчеевъ въ этомъ отношеніи былъ требователенъ до крайности, и ученье сливалось на столько тѣсно у военныхъ поселянъ съ работой, что просвѣта совершенно не было и это страшно ихъ отягощало. Нѣкоторое освобожденіе отъ строевыхъ занятій, т. е. маршировки, ружейныхъ пріемовъ и ломки фронта, а также (важнѣйшій пунктъ) церемоніальныхъ маршей, получали поселяне только съ наступленіемъ времени полевыхъ работъ по уборкѣ хлѣба, въ которое „хозяева" болѣе прочаго должны были заниматься своимъ хозяйствомъ, а „постояльцы" имъ помогать [2]). Въ это время ученье дѣлалось только въ день вступленія въ караулъ, безъ обычныхъ репетицій наканунѣ, но ужъ въ эти дни доставалось имъ знатно: по „усмотрѣнію" баталіонныхъ командировъ производилось ученье и по-одиночкѣ, и по-ротно и въ составѣ разсчета баталіоннаго, а на закуску разводъ съ церемоніальнымъ маршемъ... И все-таки Аракчеевъ именовалъ время это въ своихъ приказахъ „каникулами [3])"!

Для надлежащей красоты строя требовалось однообразіе и строгая выдержанность всѣми въ установленной формѣ обмундированія, почему забота объ этомъ шла рядомъ съ заботой объ ученьи. Неисполненіе инструкцій, данныхъ по этому поводу, влекло иногда за собою очень непріятныя послѣдствія: командующій бригадою резервныхъ Артиллерійскихъ ротъ 5-й артиллерійской дивизіи капитанъ Стоговъ за неосмотръ людей и незаботливость отданъ былъ подъ судъ и обойденъ чиномъ „доколѣ не заслужитъ особеннымъ къ службѣ усердіемъ „права на повышеніе" [4]). Нижнимъ же чинамъ и особенно денщикамъ—арестъ былъ легчайшею наградою за нарушеніе формы, а денщикамъ было даже установлено особое наказаніе: „на мѣсяцъ на работу [5])".

[1]) Тамъ же кн. 2876, Прик. по отряду отдѣльн. корпуса воен. посел. въ Новгородской губ. расположен. 5 октября 1821 г. № 262.

[2]) Хозяева—воен. поселяне, постояльцы—солдаты дѣйствующихъ баталіоновъ.

[3]) Тамъ же, прик. по округу Гренадер. графа Аракчеева полка 29 іюня 1821 г. № 156.

[4]) Тамъ же кн. 2881, Прик. 11 февраля 1823 г. № 49.

[5]) Тамъ же кн. 2875, Прик. 16 іюля 1821 г. № 173.

Отдавая подобные приказы, Аракчеевъ руководился сознаніемъ, что онъ дѣйствуетъ въ предѣлахъ законности и правды и дѣйствуя въ какомъ бы то ни было случаѣ, онъ потому именно творилъ волю свою безповоротно, что самъ твердо вѣрилъ въ свою правоту. Читая иной приказъ его, подумаешь: „ну, ужь это черезчуръ!" А вдумаешься поглубже и видишь, что мѣра была принята дѣйствительно цѣлесообразная. Для фактическаго подтвержденія такого вывода выписываемъ изъ анналовъ военныхъ поселеній слѣдующій приказъ: „Бывшій командиръ втораго баталіона Астраханскаго Гренадерскаго полка маіоръ Евдокимовъ, переведенный Высочайшимъ приказомъ 6 іюня 1820 года во Владимирской пѣхотный полкъ, не сдалъ еще того баталіона назначенному на мѣсто его маіору Полю, уклоняясь отъ сдачи подъ видомъ болѣзни. Отрядный командиръ генералъ-маіоръ Угрюмовъ, доводя объ ономъ до моего свѣдѣнія, испрашиваетъ разрѣшенія арестовать Евдокимова, взять къ баталіону и тѣмъ принудить къ скорѣйшей сдачѣ онаго. Утверждая представленіе отряднаго командира, я предоставляю ему маіора Евдокимова, какъ уже *другой годъ* уклоняющагося отъ сдачи бывшаго въ командованіи его Астраханскаго Гренадерскаго баталіона, содержать подъ арестомъ до того времени, пока совершенно не окончитъ всѣ разсчеты съ баталіоннымъ командиромъ маіоромъ Полемъ и не пополнитъ всѣхъ тѣхъ неисправностей и недостатковъ, какіе открылись и въ коихъ окажется виновнымъ, о чемъ отъ меня донесено и Государю Императору [1])"...

Упоминаемое въ этомъ приказѣ представленіе рекомендуетъ соотвѣтственно одного изъ подвижниковъ Аракчеева, генерала Угрюмова; такихъ именно онъ и выбиралъ, и выдвигалъ,—Угрюмовыми держалось военное поселеніе!

Всюду и вездѣ проникалъ глазъ Аракчеева, да видѣлъ-то онъ многое превратно, мѣрялъ видѣнное на свою мѣрку и давалъ послѣдствія отрицательнаго характера...

Но продолжу, не отвлекаясь, выборку документальныхъ доказательствъ, письменныхъ памятниковъ его дѣяній.

Служилъ въ 1-мъ Морскомъ полку благополучно подпоручикомъ нѣкто Федоринъ. Вздумалось Федорину почему-то, а почему, такъ и не узналось никогда, отлучиться отъ баталіона, назвать себя ложно по фамильной отпускной крестьяниномъ, а на-послѣдокъ, попавшись, бродягою не помнящимъ родства. Судили его. Присудили къ лишенію чиновъ и дворянства и къ написанію въ

---

[1]) Тамъ же, кн. 2875, Приказъ по отд. корпусу воен. поселен. 28 іюля 1821 г. № 190.

рядовые безъ выслуги съ опредѣленіемъ на службу въ Сибирскій отдѣльный корпусъ,—„Макару помогать телятъ гонять", какъ говоритъ пословица. Утвердилъ Государь приговоръ. Кончилось дѣло Да у Аракчеева по этому дѣлу опять виноватые нашлись: судьи; показалось, что судили они долго, и за это усадилъ онъ ихъ подъ арестъ. Срокъ ареста опредѣлилъ законно по старшинству: презуса и двухъ ассесоровъ, т. е. по нынѣшнему предсѣдателя и двухъ членовъ суда—на трое сутокъ каждаго, аудитора—подводившаго законы и задержавшаго докладъ, на недѣлю, а оберъ-аудитора отряднаго,—за то, что не усмотрѣлъ за аудиторомъ, на двое сутокъ. Да при томъ еще, какъ двое изъ нихъ оказались въ отставкѣ, то ихъ велѣно было посадить куда слѣдуетъ съ помощью гражданскаго начальства... Вездѣ доставала рука властная [1]).

Въ упоеніи властью, увлекаясь иногда далеко за границы справедливости и давши подъ вліяніемъ минутныхъ порывовъ не мало жертвъ Сибири, Аракчеевъ въ то же время проявлялъ возможную заботливость, чтобы усердные подчиненные его въ свою очередь не увлекались, и немедленно охлаждалъ ихъ усердіе не по мѣсту.

Проѣзжая однажды по своему государству въ государствѣ, каковымъ являлись военныя поселенія, увидѣлъ онъ въ округѣ военнаго поселенія Гренадерскаго Его Величества короля Прусскаго полка, что поселяне перевозили на себѣ провіантъ. Моментально послѣдовалъ приказъ [2]): „какъ въ каждомъ баталіонѣ и артиллерійской ротѣ имѣются подъемныя лошади и слѣдственно средство довольно достаточное къ сбереженію солдатъ отъ таковой *не должной* работы, то и вмѣняю въ обязанность г.г. бригаднымъ командирамъ наблюдать, дабы ни подъ какимъ предлогомъ люди провіанта на себѣ не возили. Въ противномъ случаѣ, какъ бригадные, такъ и баталіонные командиры и командиры артиллерійскихъ ротъ подвергнутъ себя строгой отвѣтственности, а въ пользу каждаго солдата, возившаго провіантъ, взыскано будетъ каждый разъ по одному рублю съ баталіоннаго командира и командира артиллерійской роты".

Заботясь о томъ, чтобы солдатъ не обременяли подобными „не должными работами", онъ въ то же время издалъ такую массу мелочныхъ инструкцій, относящихся до работъ общаго характера, что онѣ опутали поселянина густою непроницаемою сѣтью; точное ис-

---

[1]) Тамъ же, кн. 2882. Прик. по отд. корп. воен. поселен. 11 мая 1823 г. № 135.

[2]) Тамъ же, кн. 2882. Прик. по отд. корп. воен. поселен. 11 мая 1823 г. № 164.

полненіе этихъ инструкцій такъ, какъ этого требовалъ Аракчеевъ, не давало поселянину ни одной свободной минуты... А исполнять надо было,—иначе грозила жестокая кара за малѣйшую оплошность. Инструкціи, правила, положенія, наставленія и тому подобное подъ разными наименованіями, которымъ числа не было, являлись страшнѣйшимъ гнетомъ надъ поселяниномъ. Въ одномъ изъ своихъ приказовъ Аракчеевъ писалъ, что, по мнѣнію его, нѣтъ ничего легче, какъ быть исправнымъ поселяниномъ: „все ему указано какъ дѣлать, только надо стараться въ точности исполнять“... Но вотъ здѣсь-то и крылся весь ужасъ жизни поселянина: каждый шагъ, каждый взглядъ, каждый вздохъ были росписаны, и горе было тому, кто осмѣливался чихнуть не по „инструкціи“.

Любопытнымъ примѣромъ того до какой степени глубоко вникалъ Аракчеевъ въ каждое маленькое отступленіе отъ нормы и какъ стремился немедленно зарегистровать его и подвести подъ законную „мѣрку“, служитъ приказъ „о продовольствіи въ госпиталяхъ... грудныхъ младенцевъ“. Въ исполненіе этого приказа [1]) составлена была и поднесена на утвержденіе Его Сіятельства табель „на продовольствіе матерямъ тѣхъ больныхъ кантонистовъ, которые, состоя въ младенчествѣ, питаются грудью“. Табель эта, какъ дающая казнѣ при довольствіи по ней младенцевъ отъ одного до трехъ лѣтъ экономію на $^2/_3$ противъ обыкновенной госпитальной порціи, передана была Аракчеевымъ на разсмотрѣніе Комитета Министровъ, который согласился конечно съ проектомъ всесильнаго временщика, а затѣмъ Аракчеевъ поднесъ и на Высочайшее утвержденіе. Для болѣе подробнаго ознакомленія съ этой замѣчательной табелью привожу ее цѣликомъ.

ТАБЕЛЬ

О продовольствіи матерей, питающихъ грудью больныхъ кантонистовъ въ военныхъ госпиталяхъ.

Названіе порціи.	Воскрес.	Понедѣльн.	Вторникъ.	Четвергъ.	Суббота.	Во что обходится порція одного больного въ сутки.
Во время мясоѣда:						
Для матери здоровой кормящей своего младенца грудью.						
Хлѣба ржанаго	3 ф.	3 ф.	3 ф.	3 ф.	3 ф.	Изъ казен. пров.
Мяса свѣжаго	$^3/_4$ ф.	—	—	$^3/_4$ ф.	$^3/_4$ ф.	$12^3/_7$ коп.

[1]) Тамъ же, кн. 2997. Приказъ по отд. корп. воен. поселен. 17 сентября 1825 г. № 14.

Названіе порціи.	Воскрес.	Понедельн.	Вторникъ.	Четвергъ.	Суббота.	Во что обходится порція одного больного въ сутки.
Солонины	—	—	3/4 ф.	—	—	9 коп.
Сала свинаго	—	9 зол.	—	—	—	2 1/2 коп.
Крупъ гречневыхъ. . .	1/2 ф.	1/2 ф.	1/2 ф.	1/2 ф.	1/2 ф.	Изъ казен. пров.
Капусты	1/4 кр.	1/4 кр.	1/4 кр.	1/4 кр.	—	2 коп.
Гороху	—	—	—	—	3/30 г.	9 коп.
Луку.	1 4/30 г.	—	—	—	1 4/30 г.	1/4 коп.
Соли.	8 з.	8 з.	8 з.	8 з.	8 з.	1/4 коп.
						Въ сложности 7 1/2 к.

Во время поста и мясоѣда по Средамъ и Пятницамъ.

Хлѣба ржанаго	3 ф.	Изъ казеннаго провіанта.
Крупъ гречневыхъ	1/2 ф.	Изъ казеннаго провіанта.
Снятковъ	8 з.	2 1/4 коп.
Масла постнаго	4 з.	1 коп.
Луку	1 2/30 з.	1/2 коп.
Соли	8 з.	1/2 коп.
		4 1/4 коп.

Табель эта даетъ еще новую черточку для характеристики графа Алексѣя Андреевича: выдѣленіе постныхъ дней показываетъ въ данномъ случаѣ, что онъ дѣйствовалъ въ духѣ религіозномъ тѣмъ же форменнымъ порядкомъ, какъ и въ другихъ частяхъ дѣятельности своей. Но табель эта даетъ только черточку, а среди „инструкцій" Аракчеевскихъ имѣется имъ составленный и преосвященнымъ Серафимомъ, митрополитомъ Новгородскимъ и С.-Петербургскимъ одобренный „Уставъ, какъ должно прилагать о воинствѣ на эктеніяхъ при богослуженіи въ Церквахъ Военнаго Поселенія"... Это уже картина: особыя молитвы для военнаго поселенія! [1])

---

[1]) *Примѣчаніе:* Въ какое положеніе ставилъ себя Митрополитъ къ Аракчееву, видно изъ копіи слѣдующаго документа:

„Отношеніе Преосвященнаго Серафима Митрополита Новгородскаго и С.-Петербургскаго къ Главному надъ военными поселеніями Начальнику, Генералу отъ Артиллеріи графу Аракчееву, отъ 20 Апрѣля 1822 года за № 90.

Въ числѣ оставшихся послѣ кончины предмѣстника моего, покойнаго Преосвященнаго Митрополита Михаила, не рѣшенныхъ дѣлъ, найдено мною безъ исполненія письмо Вашего Сіятельства къ нему Преосвященному, отъ 22 Генваря 1821 года, при которомъ препроводивъ Вы, Милостивый Государь, на разсмотрѣніе его положеніе о церквахъ, Священни

Кромѣ того среди разсматриваемыхъ мною приказовъ имѣется „перлъ" по этой части: приказъ 1-го сентября 1825 года № 278-й, который даетъ полную картину того, какъ водворялъ незабвенный графъ въ умы подчиненныхъ сознаніе о необходимости исполнять требованія религіи. Вотъ что гласилъ приказъ. — „Замѣчая изъ представляемыхъ мнѣ ежегодно Дивизіоннымъ Начальникомъ 1-й Гренадерской дивизіи Генералъ-маіоромъ Угрюмовымъ общихъ сводовъ о бывшихъ и не бывшихъ на исповѣди и у Святого Причастія въ святую Четыредесятницу людяхъ, что долгъ сей, къ коему призываетъ насъ православная Вѣра наша, не всѣми выполняется, не смотря на ежегодныя подтвержденія въ отдаваемыхъ мною приказахъ, дабы воинскіе чины, ихъ жена и дѣти исполняли сей долгъ. Доказательствомъ сему служитъ представленная нынѣ Дивизіоннымъ Начальникомъ вѣдомость, по которой не бывшихъ у исповѣди и Святого Причастія сего 1825-го года по 1-й гренадерской дивизіи разныхъ возрастовъ людей показано: мужескаго пола—3.562 чел.; женскаго пола—2.541. Я приказалъ исключить изъ сего числа дѣтей, не имѣющихъ 8-ми лѣтняго возраста, но и за всѣмъ тѣмъ, по донесенію ко мнѣ Благочиннаго церквей — 1-й Гренадерской дивизіи, число не бывшихъ на Исповѣди и у Святого Причастія составляетъ: мужескаго пола—607 чел., женскаго пола—290. Желая постановить надлежащую преграду дальнѣйшему по столь важному предмету упущенію, предписываю къ исполненію по 1-й Гренадерской дивизіи:

1. Со всѣхъ не бывшихъ сей годъ на Исповѣди и у Святого Причастія г.г. Штабъ и оберъ-офицеровъ, какъ за нихъ самихъ, такъ за ихъ женъ и дѣтей, сдѣлать вычетъ изъ жалованья на осно-

---

кахъ и ихъ причтѣ въ округахъ военнаго поселенія пѣхоты состоящихъ,— изволили просить Его Преосвященство, чтобы онъ по разсмотрѣніи возвратилъ то положеніе къ Вашему Сіятельству съ своими замѣчаніями. Въ слѣдствіе чего, возвращая при семъ означенное положеніе къ Вашему Сіятельству, честь имѣю увѣдомить васъ, Милостивый Государь, что я разсматривалъ его, *и нашелъ во всѣхъ частяхъ довольно основательнымъ* и существующему порядку не противнымъ, а особливо на первый разъ: ибо въ послѣдствіи времяни обстоятельства сами собою откроютъ, что будетъ нужно въ немъ убавить или дополнить.

Съ истиннымъ моимъ *къ особѣ вашей высокопочитаніемъ* и совершенною преданностію честь имѣю быть *на всегда* Вашего Сіятельства Милостиваго Государя покорнѣйшій слуга и богомолецъ (подпись)".

Принимая во вниманіе строгое разграниченіе въ то время, кому какъ писать и подписывать, письмо это весьма показательно въ смыслѣ вліянія Аракчеева на всѣ вѣдомства и даже на такое независимое, какъ духовное.

ваніи 4-го пункта Указу 1765 года Сентября 30-го дня, именно: съ каждаго Штабъ-офицера по 10 рублей за жену, съ мужа по 10-же рублей, а за дѣтей ихъ, не имѣющихъ ранговъ, по 2 р. 50 коп.; съ каждаго оберъ-офицера по 5 руб. за жену, съ мужа по 5-ти же рублей и за дѣтей ихъ, не имѣющихъ ранговъ, по 1 руб.

2. Съ нижнихъ чиновъ, какъ-то: унтеръ-офицеровъ, рядовыхъ и необмундированныхъ коренныхъ жителей вычесть съ каждаго по 50 коп. за жену, съ мужа по 50 коп., за ихъ матерей, отцовъ и дѣтей мужского пола по 25 коп.

3. Четвертую часть всѣхъ сихъ взысканныхъ денегъ отдать въ доходъ священникамъ, а три части обратить въ церковную сумму.

Въ предостереженіе, дабы и по прочимъ отрядамъ не могло случиться подобнаго упущенія по сему христіанскому долгу, я объявляю по отдѣльному корпусу военныхъ поселеній".

Блюдя паству, не упускалъ онъ изъ вида и пастырей, какъ можно судить по слѣдующему документу [1]):

Положеніе для военныхъ поселеній: сколько священно и церковнослужители, за исправленіе требъ, отъ военныхъ поселянъ, ихъ прихожанъ, получать могутъ, какъ единственно для кого-либо отправляемыхъ, такъ и для цѣлой роты.

Постановлено 15 декабря 1818 года.

I. Частныя: за крещеніе младенца 50 коп.; за молитвы женщинамъ въ 1-й день по рожденіи младенца и по прошествіи сорока дней по 10 к.; за вѣнчаніе и при ономъ за обыскъ—1 р.; за погребеніе возрастныхъ безъ выноса—1 р.; за погребеніе младенца—25 к.; за выносъ тѣла изъ роты до церкви, оставляется на произволъ хозяина.

За служеніе литургіи за упокой—1 р., за панихиду въ церкви и за молебенъ по 10 коп.

II. Общія: а) въ одномъ домѣ отправляемыя: за хожденіе по домамъ со святою водою, какъ-то въ Крещеніе и храмовые праздники, съ хозяина по 10 к.; въ недѣлю Пасхи съ хозяина за молебенъ въ домѣ—10 к. Священнику за молитву и на 1 недѣлю поста и прочія—5 к. О Рождествѣ Христовѣ съ хозяина: священнику 5 к., діакону 3 к., дьячку 2 к. и пономарю 2 к. *Итого всѣмъ вообще—12 коп.*

б) въ ротѣ отправляемыя по часовнямъ: 1) за ротную всенощную 1 р., за ротный молебенъ 1 руб.

Кѣмъ подсказана необходимость изданія этого обоюдоостраго „Положенія", опредѣлить впрочемъ трудно.

Слѣдомъ за наблюденіемъ со стороны религіозной, естественно шло и наблюденіе со стороны житейско-нравственной. Круто расправлялся графъ съ совершающими, по выраженію его, „неприличія". „Въ слѣдствіе представленія ко мнѣ Отряднаго Командира Гене-

---

[1]) Тамъ же, кн. 2870. При приказѣ отъ 22 декабря 1818 г. № 53.

ралъ-Маіора Угрюмова", пишетъ графъ [1]), „о неприличныхъ поступкахъ Воронежскаго пѣхотнаго полка 2-го баталіона ротнаго командира Штабсъ-Капитана Кутюкова, которой будучи на зимовыхъ квартирахъ 19-го февраля сего года, собравъ песельниковъ, ѣздилъ съ ними ночью въ деревню Зарѣчье и тамъ въ домѣ одной вдовы, когда песельники пѣли и плясали, склонялъ несовершенно-лѣтнюю дѣвку на удовлетвореніе его желанія и, за несогласіе ея, билъ по щекамъ и приказалъ сѣчь розгами, предписываю его Кутюкова, равно и изъ числа бывшихъ при немъ въ песельникахъ фельдфебеля Ермолая Михѣева предать Военному Суду, а дѣло, по немедленномъ окончаніи онаго, Отрядному Командиру Генералъ-Маіору Угрюмову представить мнѣ на конфирмацію; Каптенармуса же Михайлу Федорова и унтеръ-офицера Власа Иванова, бывшихъ въ числѣ же песельниковъ разжаловать въ рядовые".

Длинный рядъ такихъ приказовъ доказываетъ, что никакіе страхи не могли убить въ крѣпкихъ людяхъ стараго времени жажды жизни, и кипѣла она, какъ бурный потокъ, увлекая въ своемъ теченіи многое множество жертвъ.

Не всегда однако донесенія о такихъ поступкахъ оканчивались криминально. Бывало, что Аракчеевъ, разобравшись въ дѣлѣ, ограничивался легкимъ наказаніемъ виновнаго. Подобный случай былъ съ подпоручикомъ артиллеріи Шемякинымъ, котораго хотѣли съ корыстной, какъ оказалось, цѣлью обвинить въ обольщеніи дѣвицы и подговору ея къ побѣгу, при чемъ она яко-бы снесла къ нему отъ отца 1796 руб. 10 коп.

Когда былъ доказанъ только фактъ пріѣзда къ нему дѣвушки по ея желанію, то графъ велѣлъ арестовать Шемякина на однѣ сутки и отдать подъ особое наблюденіе баталіоннаго командира, „дабы онъ впредь отъ подобныхъ неприличныхъ офицеру поступковъ остерегался"; жалобщиковъ же велѣлъ предать гражданскому суду...

Доставалось иногда только виновникамъ, а иногда попадало и всѣмъ сестрамъ по серьгамъ,—не увертывались и виновницы: не смущай...

Такое возмездіе за принесенную божку любви жертву получила жена рядового Акулина Григорьева, которой графъ приказалъ отпустить „100 ударовъ розгами при собраніи всѣхъ женъ оной роты" (въ которой служилъ ея мужъ) за то, что „въ домѣ у нея найденъ былъ въ ночное время Подпоручикъ Ивановъ, а онаго Подпоручика

---

[1]) Тамъ же, кн. 2875. Приказъ 17 мая 1821 г. № 114.

„на двѣ недѣли на гоубтвахту съ прописаніемъ штрафа въ формулярномъ спискѣ“,—не пакостничай [1])!

Всѣ эти примѣры невольно заставляютъ вспомнить поговорку одного почтеннаго сельскаго батюшки, который, не будучи въ состояніи подавать хорошій примѣръ своимъ прихожанамъ, говаривалъ имъ: „дѣти мои! живите такъ, какъ я учу, а не такъ, какъ я живу“! Аракчеевъ съ успѣхомъ могъ примѣнять эту поговорку, такъ какъ по показанію военныхъ исторіографовъ [2]) онъ былъ чуждъ основнымъ понятіямъ о высокомъ значеніи семьи и жилъ въ незаконномъ бракѣ съ мѣщанкой Настасьей Минкиной, которая была достойной его подругой по характеру: она истязала женскую прислугу Грузинскаго имѣнія всячески, за что ее въ концѣ концовъ и зарѣзали. О немъ самомъ пишетъ бывшій его адъютантъ капитанъ Мартосъ [3]), что характеръ его былъ „мерзокъ, мстителенъ“, что авторъ записокъ имѣлъ случай узнать „всю коварность и злость Его Сіятельства, превышающія всякія понятія человѣка, образъ домашней жизни, безпрепятственное сѣченіе дворовыхъ людей и мужиковъ, у коихъ по окончаніи всякой экзекуціи графъ самъ осматривалъ спины, не ради того чтобы придти на помощь для облегченія страданій наказаннаго, а на горе наказывавшихъ, ежели находилось мало кровавыхъ знаковъ“...

Свѣжо преданіе, но вѣрится съ трудомъ!

Однако это было такъ.

Во всемъ Аракчеевъ проявлялъ свои самостоятельные взгляды и мнѣнія и безъ церемоніи проводилъ ихъ въ жизнь. На женщинъ также онъ имѣлъ особый взглядъ: онѣ существовали въ его глазахъ исключительно для прироста военнаго поселенія, попутно обязываясь помогать въ веденіи хозяйства. Согласно этого взгляда въ военномъ поселеніи могли существовать только женщины полезныя въ этомъ отношеніи, а прочія были безжалостно удаляемы. Онъ настолько тѣснилъ ихъ, что достигъ возможности написать во всеподданнѣйшемъ докладѣ отъ 7 ноября 1821 г. [4]), что „вдовы, имѣющія однѣхъ дочерей, которыя по довольному числу дѣвокъ у зажиточныхъ хозяевъ безнадежно чтобы взяты въ замужество военными

---

[1]) Тамъ же, кн. 2881. Приказъ по отд. корп. воен. посел. 10 генваря 1823 г. № 11.

[2]) Стол. Воен. Мин—ва.—Истор. очеркъ. Главн. Инженерн. Управл., стр. 515.

[3]) Тамъ же, стр. 498.

[4]) Стол. Воен. Мин—ва.—Истор. Очеркъ. Главн. Инженерн. Управл., стр. 579.

поселянами, сами чувствуютъ свою *безполезность* и изъявили желаніе перемѣститься за округъ, безъ всякаго на то отъ казны пособія. Какими способами доводились означенныя въ докладѣ Государю женщины до изъявленія „желанія" уйти изъ военныхъ поселеній, ясно свидѣтельствуетъ весьма „вразумительно" написанный Аракчеевымъ приказъ по поселенной пѣхотѣ отъ 11 февраля 1821 г. № 28-й [1]): „значительное число въ поселенныхъ баталіонахъ дочерей военныхъ поселянъ и вдовъ на казенномъ продовольствіи даетъ поводъ къ заключенію, что баталіонные Командиры и проч. ихъ начальники не обращаютъ на сей предметъ должнаго вниманія и не заботятся о сокращеніи казенныхъ издержекъ. По сему подтверждая Приказы мои 22 февраля № 16 и 28 ноября (1820 г.) № 186, отданные, дабы дочерямъ военныхъ поселянъ, получающимъ дачу провіанта, коль скоро исполнится 16-ти лѣтній возрастъ, тотчасъ производство онаго прекращать и означать въ мѣсячныхъ рапортахъ;—о вдовахъ обязываюсь предписать къ непремѣнному исполненію слѣдующее Правило. „Вдовамъ, которыя еще въ такихъ лѣтахъ и въ такомъ положеніи, что могутъ впослѣдствіи выйти замужъ за военныхъ поселянъ, *какъ до того времени безполезнымъ*, провіанта не выдавать до вступленія ихъ въ таковой бракъ"... Что оставалось дѣлать послѣ такого приказа, когда предусмотрительно приказано было и работницами брать только тѣхъ, на которыхъ хозяева-поселяне имѣли въ виду жениться [2])? Ясное дѣло не умирать съ голода, а уходить по своему „желанію".

Въ этомъ же 1821 году отданъ былъ приказъ о женщинахъ, которыя были выписываемы по Высочайшему повелѣнію (и конечно вслѣдствіе доклада Аракчеева) къ мужьямъ на казенный счетъ изъ мѣстъ жительства, гдѣ онѣ оставались послѣ пріема мужей на службу, а по смерти мужей оставались въ поселеніи. Прежде чѣмъ привести содержаніе этого приказа, необходимо отмѣтить, что многія изъ этихъ бѣдныхъ женщинъ были „насильно доставлены къ своимъ мужьямъ, вовсе не желавшимъ имѣть ихъ при себѣ" [3]), просто въ силу того, что Аракчеевъ яко бы хотѣлъ сдѣлать ихъ счастливыми по приказу, не спрашивая, какъ они сами понимаютъ свое счастье, а вѣрнѣе же, какъ было выше сказано, для прироста военнаго поселенія, къ которому графъ стремился для осуществленія основной идеи: комплектовать каждый полкъ людьми своего округа,—и болѣе

---

[1]) Библ. Моск. От. О. Ар. Гл. Шт. № 2874.

[2]) Библ. Моск. От. О. Арх. Глав. Шт. кн. № 2875. Приказъ по поселен. 1-й гренадер. дивизіи отъ 12 іюня 1821 г. № 168.

[3]) Стол. Воен. Министерства Историч. оч. Главн. Инженерн. Управленія, стр. 519.

ни съ чѣмъ не соображался.—Такъ вотъ относительно этихъ горемыкъ написалъ онъ три правила [1]):

1) Вдовъ, кои по лѣтамъ своимъ могутъ вступить еще въ замужество, равнымъ образомъ и тѣхъ, кои имѣютъ при себѣ малолѣтнихъ дѣтей мужеска пола, оставлять въ округахъ военнаго поселенія, производить имъ провіантъ и первыхъ изъ нихъ *отпускать на прежнее жительство въ такомъ только случаѣ, ежели никто изъ нижнихъ чиновъ, по взаимному согласію, на нихъ жениться не пожелаетъ.*

2) Вдовъ, кои имѣютъ дочерей не моложе 14-ти лѣтъ и сами не способны уже къ замужеству, отпускать по желаніямъ ихъ на прежнее жительство, *но не прежде какъ по выдачѣ ими дочерей своихъ въ замужество...*

3) Вдовъ, которыя по лѣтамъ своимъ, или другимъ причинамъ, не могутъ уже быть въ замужествѣ, не имѣютъ дѣтей мужескаго пола и взрослыхъ дочерей, *и слѣдственно безполезныхъ для военнаго поселенія* отпускать по желаніямъ ихъ на прежнее жительство".

Большой ясности и опредѣленности правила трудно выдумать: нѣтъ сына, который по законамъ числился кантонистомъ, „принадлежащимъ" военному поселенію, или нѣтъ дочери „годной" для военнаго поселянина въ цѣляхъ скорѣйшаго „прироста" населенія, „не способна" сама для выбора поселяниномъ,—и убирайся вонъ, иначе провіанта не дадутъ и умирай съ голода.

Нельзя сказать впрочемъ, чтобы графъ не принималъ мѣръ для содѣйствія вдовамъ къ устройству ихъ судьбы: онъ предписалъ „чтобы въ тѣхъ округахъ военнаго поселенія, гдѣ есть вдовы-солдатки, которыя не пристроены еще и остаются безъ работы, не позволять военнымъ поселянамъ-хозяевамъ нанимать себѣ постороннихъ работницъ до того времени, пока всѣ тѣ вдовы способныя къ работѣ, не будутъ помѣщены въ работницы" [2]). Этимъ путемъ, понятно, могло быть иногда невольно достигнуто сближеніе, затѣмъ замужество, и женщина могла получить права „полезной для военнаго поселенія"...

Великое качество служебное имѣлъ Аракчеевъ: онъ упорно и неуклонно требовалъ исполненія своихъ приказовъ, и отъ наказанія за нарушеніе ихъ не спасались ни низшіе, ни высшіе: нашелъ онъ въ деревнѣ Холыньи престарѣлаго хозяина, имѣющаго только „дочь дѣвку" и больше никого; моментально баталіонный командиръ очутился на

---

[1]) Библ. Моск. От. О. Главн. Шт. кн. № 2875. Приказъ по поселенію 1-й Гренадер. дивизіи отъ 3 августа 1821 г., № 201.

[2]) Библ. Моск. От. О. Арх. Гл. Шт. кн. № 2875. Приказъ по поселенной 1-й Гренадер. дивизіи, отъ 12 іюня 1821 г., № 168.

гаубтвахтѣ подъ арестомъ за то, что „не позаботился *и не понудилъ* хозяина избрать себѣ зятя" [1]). Если мы теперь сравнимъ приказъ „о вдовахъ" съ этимъ приказомъ, то увидимъ, что въ первомъ изъ нихъ говорится „о взаимномъ согласіи" на бракъ (т. е. значитъ „добровольно", по обыкновенному разсужденію), а во-второмъ „о понужденіи"... Является въ головѣ вопросъ: какимъ же порядкомъ устраивались браки въ военномъ поселеніи? Отвѣтъ на это логически вытекаетъ изъ того, что намъ уже извѣстно о взглядѣ Аракчеева на женщинъ и приростъ населенія: „составлялись списки, кому пора жениться и выходить замужъ; въ назначенный день собирали тѣхъ и другихъ; свернутые билетики съ именами жениховъ и невѣстъ кидали въ двѣ капральскія шапки и производился розыгрышъ, кому кто доставался... Просто и не хлопотливо [2])!

Это сказалъ историкъ, а посмотримъ мы сами, еще что найдется въ приказахъ на счетъ браковъ. Изъ нихъ мы видимъ, что Аракчеевъ, для соединенія паръ, не желающихъ соединяться, прибѣгалъ сначала къ мягкимъ мѣрамъ, какъ-то: обѣщаніямъ строить особые дома для женатыхъ [3]), обѣщаніямъ относиться къ женатымъ съ особымъ уваженіемъ и внушеніи холостымъ выгодъ, съ женитьбою сопряженныхъ [4]); когда же мирныя увѣщанія не помогали, то обращался къ угрозѣ: уклоняющихся отъ женитьбы переводить въ дѣйствующія части, гдѣ жизнь была еще тяжелѣе [5]).

Ближайшій сотрудникъ графа по Новгородскому поселенію генералъ Угрюмовъ идетъ откровенно въ приказѣ своемъ по поселенной 1-й гренадерской дивизіи еще далѣе.—Онъ пишетъ 5 сентября 1821 г. [6]): „находится 56 человѣкъ, которые *намѣрены* жениться; дабы столь полезное рѣшеніе ихъ не осталось подъ какимъ-либо предлогомъ неисполненнымъ, нахожу необходимымъ подтвердить баталіонному командиру, что онъ долженъ *вразумить* уклоняющихся отъ брака, какъ мужчинъ, *такъ и женщинъ*, что они отдаляютъ отъ себя собственную свою пользу, и я надѣюсь, что по *истолкованіи* каждому приказовъ Его Сіятельства не останется холостыхъ хозяевъ.... И дѣйствительно по „вразумленіи" и „истолкованіи" парочки являлись къ вѣнцу, заявляли объ обоюдномъ согласіи,

---

[1]) Тамъ же кн. 2885. Прик. по отд. кор. воен. поселен. 5 августа 1824 г. № 263.

[2]) Стол. Воен. Мин-ва. Очеркъ Главн. Инженерн. Упр., стр. 579.

[3]) Библ. Моск. От. О. Арх. Гл. Шт., кн. № 2875. Прик. 12 іюня 1821 г., № 169.

[4]) Тамъ же, кн. 2871. Прик. 29 дек. 1819 г., № 185.

[5]) Тамъ же, кн. 2874. Приказъ 11 февраля 1821 г., № 27.

[6]) Тамъ же, кн. 2993, прик. № 50.

представя священнику объ этомъ письменное, по формѣ, удостовѣреніе, засвидѣтельствованное начальствомъ, сочетались и.... дѣлались несчастными, такъ какъ счастіе по приказу никогда не было достижимо.

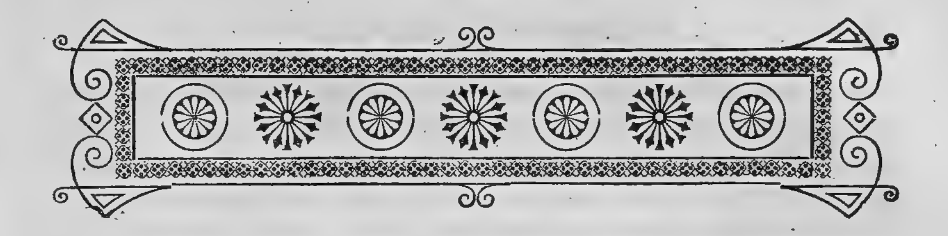
Объявленіе формы свидѣтельства, о которомъ только что сказано, сдѣлано приказомъ, начало котораго свидѣтельствуетъ о поразительномъ несоотвѣтствіи между словомъ и дѣломъ у рачительнаго хозяина военныхъ поселеній. Отчетливо ознакомленный съ закулисною стороною дѣйствій начальниковъ поселенныхъ частей войскъ по вопросу о приведеніи поселянъ къ „желанію" сочетаться бракомъ, онъ смѣло пишетъ все-таки: [1]) „до свѣдѣнія моего дошло, что сочетаютъ бракомъ нижнихъ чиновъ съ *нѣкоторымъ* (это когда семь шкуръ спустятъ!) принужденіемъ къ тому невѣстъ; принимая сіе *съ неудовольствіемъ*, какъ дѣяніе несоотвѣтствующее брачному таинству, которое каждый во всякомъ случаѣ обязанъ свято сохранять, подтверждаю строго по корпусу поселенныхъ войскъ: сочетать бракомъ не иначе, какъ по обоюдному согласію жениха и невѣсты"... Написалъ и правъ!

Такимъ образомъ дѣйствуя, съумѣлъ Аракчеевъ удержаться на высотѣ своего положенія во все царствованіе Императора Александра Павловича. Много разъ старались открыть глаза Государю, но оттирая всѣхъ и фокусничая, какъ только возможно, Аракчеевъ остался правымъ до конца царствованія, и звѣзда его закатилась при новомъ Императорѣ Николаѣ Павловичѣ. Въ апрѣлѣ 1826 года онъ уже сходитъ со сцены, гдѣ игралъ первенствующую роль, не имѣя никакихъ нравственныхъ данныхъ, кромѣ безграничной лживости, изворотливости и беззастѣнчивости, — которыя затмеваютъ въ глазахъ потомства его служебныя качества: энергію и трудоспособность, размѣнявшіяся на мелочь и несоотвѣтственно имъ направляемыя. По качествамъ служебнымъ народъ не въ состояніи судить его, а творитъ народъ судъ свой по тѣмъ качествамъ души, которыя смогли оставить слѣдъ въ умѣ и сердцахъ современниковъ и потомковъ. Великою властью былъ облеченъ Аракчеевъ отъ Государя: могъ казнить, могъ и миловать. Широко пользовался онъ дарованными ему правами, но такъ какъ творилъ онъ по натурѣ своей больше худого, чѣмъ хорошаго, то и создалъ себѣ худую память... „Воздвигъ онъ памятникъ себѣ нерукотворенный..." Да на особый ладъ!

В. П. Федоровъ.

---

[1]) Тамъ же, кн. 2871. Приказъ 2 октября 1819 г. № 125.

Воспоминанія стараго педагога [1]).

IV.

Увольненіе изъ Лицея. Переходъ въ Кіевскій университетъ. Поступленіе въ университетъ. Первый годъ пребыванія въ университетѣ. Арестъ Костомарова. Поступленіе на профессорское содержаніе.

Мой курсовый экзаменъ прошелъ блистательно. Мнѣ объявили, что я признанъ эминентомъ или кандидатомъ на 12-ый классъ при окончаніи курса Лицея. Несмотря на это, тогдашнее лицейское образованіе меня не удовлетворяло; я жаждалъ высшей науки. Тѣмъ не менѣе я отправился послѣ вакацій 1846 г. въ Нѣжинъ, надѣясь, что буду принятъ на казенное содержаніе, какъ обѣщалъ мнѣ директоръ Экебладъ. Но надежды мои не оправдались. По пріѣздѣ въ Нѣжинъ я явился къ директору и получилъ категорическій отказъ по неимѣнію вакансій. Тогда я рѣшился во что бы то ни стало перебраться въ Кіевъ, въ университетъ. Трудная однако была эта задача. Деньги, какія мы привезли съ братомъ, были по уплатѣ за квартиру брата израсходованы. У меня въ карманѣ не было ни гроша. Тогда братъ придумалъ что-то заложить изъ одежи и досталъ всего два рубля. Съ этими деньгами я рѣшился пѣшкомъ отправиться въ Кіевъ и оттуда домой, т. е. сдѣлать всего около 300 в., такъ какъ лекціи въ университетѣ должны были начаться не раньше, какъ чрезъ три недѣли. Собравши въ Нѣжинѣ справки о времени начатія университетскихъ лекцій, я составилъ планъ, прибывъ въ

---

[1]) См. „Русская Старина", январь 1911 года.

Кіевъ, подать прошеніе о принятіи меня въ университетъ, а затѣмъ отправиться домой въ Золотоношу, запастись средствами по крайней мѣрѣ на первое время. Въ концѣ іюля я подалъ прошеніе объ увольненіи меня изъ Лицея. Напрасно Экебладъ чрезъ профессора исторіи Паевскаго старался убѣдить меня остаться въ Лицеѣ, я устоялъ на своемъ и на третій день послѣ подачи прошенія получилъ свидѣтельство и свои бумаги на руки. 30 іюля я двинулся въ путь, взявши извощика до ближайшаго села—Дѣвицы. Такъ желалъ братъ, чтобъ не посрамить своего дворянскаго достоинства; и я, далеко не раздѣлявшій его убѣжденій въ этомъ отношеніи, подчинился его желанію единственно для того, чтобы не желалъ огорчать брата, любившаго почваниться своимъ помѣщичьимъ званіемъ. Выѣхавъ изъ города, я однако отпустилъ извощика и, надѣвши котомку на плеча, отправился по образу пѣшаго хожденія. Погода стояла прекрасная; весело я шелъ по столбовой дорогѣ и скоро миновалъ большое мѣстечко Носовку. Между тѣмъ насталъ вечеръ, начало темнѣть, вдали чернѣлся лѣсъ, а возлѣ него засверкалъ огонекъ, не вдали отъ дороги. Я свернулъ съ дороги, пошелъ прямо по полю на огонь и нашелъ возлѣ него цѣлую артель рабочихъ мужчинъ и женщинъ, возлѣ которыхъ и устроился на ночлегъ, положивши котомку подъ голову. На другой день чуть свѣтъ я отправился въ дальнѣйшій путь. Не буду описывать всѣхъ подробностей моего путешествія, ни того страшнаго утомленія, которое я почувствовалъ къ вечеру второго дня вслѣдствіе непривычки къ ходьбѣ. Скажу только, что на третій день, и то благодаря крестьянину, подвезшему меня отъ с. Семиполокъ по сыпучимъ пескамъ тогдашней еще не шоссированной дороги, я прибылъ въ Кіевъ по наводному мосту и остановился въ дешевомъ трактирчикѣ на Печерскѣ. Печерскъ въ то время еще кипѣлъ жизнію. По всему направленію Никольскихъ лавокъ двигались толпы людей, куда-то спѣшившихъ и сновавшихъ то взадъ, то впередъ, точь въ точь какъ теперь на Крещатикѣ. Кое-какъ я пробрался въ Липки и оттуда спустился на Крещатикъ, тогда еще окруженный плохими домишками, построенными въ дворахъ и отгороженными отъ улицы штакетами.

На воротахъ и на штакетахъ красовались вывѣски. Только не много домовъ каменныхъ были выдвинуты на улицу и составляли, можно сказать, зачатки нынѣшняго великолѣпія этого кіевскаго проспекта. Здѣсь я встрѣтился съ двумя студентами университета, которые, какъ оказалось, были казеннокоштными и жили въ самомъ университетѣ. Они пригласили меня въ свою камеру, дали бумаги, и я написалъ прошеніе попечителю округа о принятіи меня въ

университетъ. На другой день я явился попечителю, возлѣ дома котораго на Крещатикѣ встрѣтился со студентами наканунѣ. Попечитель генералъ Траскинъ довольно внушительнаго вида и еще болѣе внушительной тучности, величественно принялъ отъ меня прошеніе и сказалъ: „хорошо, будете приняты“. Я понялъ эти слова такъ, что я буду принятъ безъ экзамена, и рѣшился поскорѣе отправиться домой, пока не начнутся университетскія лекціи. Къ этому меня побуждала и совершенная пустота въ карманѣ. Изъ взятыхъ мною изъ Нѣжина 2 руб. оставалась самая малость. Я разсчитался съ хозяевами, пошелъ на базаръ, купилъ хлѣба и большую селедку, приговорилъ мужичка, возвращавшагося съ торгу, чтобъ онъ подвезъ меня до Дарницы, чрезъ сыпучіе пески около 7-ми верстъ отъ Кіева. Съ нимъ подъѣхалъ я къ квартирѣ, забралъ свою котомку и отправился въ путь. Мой попутчикъ оказался весьма добрымъ человѣкомъ. Онъ за 20 коп. подвезъ мою котомку не только до Дарницы, но чрезъ весь боръ. Мы съ нимъ однако шли по большей части пѣшкомъ возлѣ воза, который тащила медленно пара воловъ. И какое было пріятное путешествіе. Лѣтнее солнце едва показалось изъ-за горизонта, бальзамическій запахъ сосны, пріятная прохлада среди вѣковыхъ деревьевъ, добрая и искренняя рѣчь крестьянина, разсказывавшаго про свое житье-бытье у богатаго помѣщика. Все это производило на душу пріятное впечатлѣніе. Въ Дарницѣ мы съ моимъ возницей подкрѣпились пищей. Попивая воду изъ баклажки, мы, наконецъ, проѣхали боръ. Но тутъ, къ сожалѣнію, я долженъ былъ разстаться съ своимъ попутчикомъ, свернувшимъ въ сторону, въ свою деревню. Я, взваливши на плечи свою котомку, поплелся дальше своей дорогой на Бариспoль, дошелъ до Бариспoля, прошелъ это мѣстечко и вышелъ опять на столбовую почтовую дорогу къ Рогозову. Но, пройдя верстъ пять, шесть, почувствовалъ страшную усталость. Выбившись изъ силъ, я усѣлся подъ вербою и уныло смотрѣлъ на заходящее солнце. Долго я думалъ тяжелую думу и рѣшилъ заночевать подъ вербою. Положеніе мое было отчаянное: въ карманѣ ни гроша, хлѣба ни куска, а между тѣмъ предстояло еще пройти болѣе ста верстъ до дому. Я долго обдумывалъ свое положеніе и рѣшительно не зналъ, какъ выйти изъ него. Приходилось такъ, что хоть протягивай руку за милостыней. Вдругъ раздалось гиканье балагульщика еврея, возвращавшагося, какъ оказалось послѣ, изъ Кіева порожнякомъ. Я вскочилъ на ноги и выбѣжалъ на средину дороги, прося еврея остановиться. Скоро мы сторговались съ нимъ. Онъ согласился довезти меня домой за четыре рубля, съ условіемъ получить деньги на мѣстѣ.

Я влѣзъ въ балагулу, положилъ котомку подъ голову и заснулъ

сномъ праведника, убаюкиваемый стукомъ колесъ и гиканьемъ моего возницы. Тройка коней шла крупной рысцой налегкѣ въ теченіе цѣлой ночи. Къ утру едва взошло солнце, мы уже подъѣзжали къ мѣсту моего первоначальнаго ученія, къ г, Переяславу. Еврей объяснилъ мнѣ, что онъ живетъ въ Переяславѣ, что три недѣли онъ уже въ разъѣздѣ и не перемѣнялъ бѣлья.

Онъ просилъ меня остановиться въ городѣ на полдня. Я согласился не безъ тайнаго удовольствія: авось, евреи помогутъ мнѣ, думалъ я, утолить страшно мучившій меня голодъ. И дѣйствительно, я не ошибся. Добрые евреи усадили меня за обѣдъ, и я въ первый разъ въ жизни попробовалъ еврейской стряпни. Помню, что обѣдъ состоялъ изъ щуки, сваренной съ картофелемъ, съ достаточнымъ количествомъ перцу. Подкрѣпившись обѣдомъ, мы отправились дальше. Прошло много лѣтъ, а и теперь я живо вспоминаю добраго еврея, своего возницу, и его миловидную и еще очень молодую жену, радушно угостившую меня своей рыбой. А вѣдь и евреи тоже люди—человѣки, и они имѣютъ сердце, несмотря на то, что ихъ презираютъ и гонятъ. Но всю жизнь я сохранилъ гуманный взглядъ на этотъ народъ, хотя, признаюсь, всегда побаивался ихъ недостатковъ.

Въ концѣ августа 1846 г. я съ двумя завѣтными червонцами, которые покойница мать моя успѣла приберечь, отправился въ Кіевъ на своихъ лошадяхъ, вмѣстѣ съ братомъ Михаиломъ, который въ томъ году окончилъ Минскую гимназію и пріѣхалъ также для поступленія въ университетъ; но долженъ былъ ожидать своихъ документовъ, которые его директоромъ были отправлены въ Казань, по случаю заявленнаго братомъ желанія поступить на казенное содержаніе въ Казанскій университетъ.

Пріѣхавъ въ Кіевъ, мы съ братомъ остановились на Подолѣ, на постояломъ дворѣ, а вечеромъ отправились гулять на Крещатикъ, съ тѣмъ, чтобы на другой день съ утра отправиться на поиски для найма квартиры. На Крещатикѣ случайно мы встрѣтили университетскаго педеля, который разыскивалъ меня для предъявленія повѣстки, что я долженъ явиться на экзаменъ. Это неожиданное извѣстіе привело меня въ большое смущеніе. Цѣлый годъ не занимался я гимназическими предметами и успѣлъ все порядочно перезабыть. Промучившись всю ночь, я на другой день отправился рано утромъ въ университетъ. По пути я встрѣтилъ студента Горыгорецкаго Института, знакомаго по Нѣжину. Онъ хотѣлъ перейти въ университетъ, но не выдержалъ экзамена и наговорилъ мнѣ немало ужасовъ про строгости экзаменаторовъ, которыми въ то время были профессора университета. Напу-

ганный и совершенно обезкураженный, я въ отчаяніи явился въ университетъ съ цѣлію взять свои документы обратно. Въ университетѣ меня направили къ секретарю тогдашняго синдика Глушановскаго. Отправляюсь, меня принялъ юный секретарь, едва только окончившій университетъ и еще даже не снявшій студентской формы — нѣкто Витковскій. Я объяснилъ ему мое горе и просилъ возвратить документы. Витковскій сказалъ, что мои документы переданы въ экзаменаціонную комиссію, сталъ уговаривать меня не бояться экзамена и идти смѣло экзаменоваться. Я послушался. Прихожу въ экзаменаціонную комнату. Профессоръ Ѳедотовъ-Чеховскій задалъ тему: „О вліяніи Монгольскаго ига". Въ полчаса я прямо на-чисто написалъ отвѣтъ; онъ началъ разсматривать его и показывать прочимъ членамъ коммиссіи мое лицейское свидѣтельство. Меня подозвали къ столу и объявили, что мой экзаменъ одна формальность, и, дѣйствительно, экзаменъ мой сошелъ весьма благополучно.

Въ первыхъ числахъ сентября меня позвали къ инспектору студентовъ, которымъ въ то время былъ полковникъ Сычуговъ, впослѣдствіи кіевскій старшій полицеймейстеръ. Мнѣ объявили, что я принятъ въ число студентовъ юридическаго факультета, и выдали матрикулъ. Между тѣмъ я успѣлъ найти за 3 р. 50 к. въ мѣсяцъ квартиру со столомъ на такъ-называемыхъ въ шутку студентами „хуторахъ отчаянія", гдѣ нынѣ Златоустовская улица, а въ то время мѣстность эта носила названіе Солдатской слободки. Она отдѣлялась громаднымъ пустыремъ отъ университета. Далеко приходилось ходить на лекціи. Ходилъ я обыкновенно, не держась дороги изъ Кіева на Борщаговку, крайне узкой и неудобной, а по большей части отправлялся небольшой тропинкой, проложенной чрезъ овраги, которая значительно сокращала путь. Приходилось, выйдя изъ зданія университета, прежде всего пройти большую площадь, гдѣ нынѣ построенъ Владимірскій соборъ, и проходятъ улицы: Гимназическая, Нестеровская, Пироговская и Тимоѳеевская. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь анатомическій театръ, приходилось спускаться въ оврагъ, посрединѣ котораго протекалъ довольно глубокій ручей, гдѣ нынѣ Мало-Владимірская улица; такъ что въ весеннее время, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ можно было по колѣна попасть въ воду. Бредешь, бывало, пока не взберешься на взгорье, гдѣ нынѣ Ивановская и Бульварно-Кудрявская улицы. И на этомъ-то самомъ мѣстѣ, гдѣ приходилось становиться отдыхать послѣ трудной переправы чрезъ канаву, пришлось мнѣ теперь доживать свой вѣкъ, но не въ своей хатѣ, а въ хатѣ зятя...

Но я забѣжалъ впередъ. Недаромъ я стремился въ универси-

тетъ; не даромъ я смотрѣлъ на него, какъ на обѣтованную землю, гдѣ въ потѣ лица могъ трудиться и неустаннымъ трудомъ, въ которомъ находилъ величайшее удовольствіе, пробивать себѣ дорогу въ жизни. Съ поступленіемъ въ университетъ открылось мнѣ широкое научное поприще. Я посѣщалъ лекціи не только юридическія, которыхъ на первомъ году было не болѣе 12-ти въ недѣлю, но и лекціи лучшихъ профессоровъ другихъ факультетовъ. Съ особенною любовью я слушалъ лекціи по исторіи всеобщей—Шульгина, по философіи — Новицкаго, по химіи — публичныя лекціи Фонберга, по физикѣ—лекціи Кнора, по анатоміи—публичныя лекціи Вальтера. Посѣщалъ даже анатомическій театръ, который тогда находился на Тарасовской улицѣ въ небольшомъ домѣ, вовсе не приспособленномъ для этой цѣли. Въ восемь часовъ утра я отправлялся изъ своей квартиры по совершенно пустыннымъ мѣстамъ, гдѣ нынѣ кипитъ жизнь и тянутся ряды трехъ-этажныхъ каменныхъ домовъ. До трехъ часовъ я оставался въ университетѣ, переходя съ лекціи на лекцію. Собственно юридическихъ лекцій было не болѣе трехъ часовъ въ день, а иногда даже не болѣе двухъ часовъ: а именно: профессоръ Ѳедотовъ-Чеховскій читалъ римское право и гражданскіе законы. Профессоръ Богородскій—государственные законы. Адъюнктъ, профессоръ Цвѣтковъ—энциклопедію законовѣдѣнія. Независимо отъ того, для студентовъ юридическаго факультета, вмѣстѣ съ словесниками, преподавались: Законъ Божій — протоіереемъ Скворцовымъ, русская словесность — профессоромъ Солинымъ и русская исторія — профессоромъ Костомаровымъ. Въ особенности посѣщались и происходили въ самой большой первой аудиторіи лекціи Солина, который славился своимъ краснорѣчіемъ. Краснорѣчіемъ этимъ восхищались въ особенности студенты-поляки. Но замѣчательны были въ особенности лекціи профессора Костомарова, чуждыя всякой мишуры и блестковъ краснорѣчія, но простыя и весьма содержательныя. Число слушателей его было громадно. Бывало биткомъ набита громадная аудиторія. Ходили уже слухи, что начальство не довѣряетъ Костомарову; но это только больше подзадоривало насъ, и мы недоумѣвали, чѣмъ могъ возбудить недовѣріе человѣкъ науки, которую онъ, можно сказать, исповѣдывалъ предъ своею аудиторіею. И дѣйствительно, начальство, въ лицѣ помощника попечителя Юзефовича, по-временамъ появлялось въ аудиторіи. Это, повидимому, крайне смущало Костомарова. По крайней мѣрѣ, онъ краснѣлъ, часто поправлялъ очки и, видимо, волновался. Въ это время онъ все вниманіе свое обращалъ на тетрадь, наклонившись къ каѳедрѣ, и излагалъ обыкновенно лекцію крайне сухо и монотонно. Должно быть уже что-то

недоброе приготовлялось въ жизни нашего любимаго наставника. И дѣйствительно, въ концѣ свѣтлаго праздника Пасхи, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1847 г., разразилась надъ его бѣдною головою гроза. Костомаровъ и преподаватель рисованья въ университетѣ Шевченко внезапно были арестованы и внезапно отправлены въ С.-Петербургъ. Увезены также и нѣкоторые студенты словеснаго факультета, въ томъ числѣ изъ болѣе извѣстныхъ въ послѣдующее время студенты 4-го курса Посяда и Маркевичъ. Никто изъ насъ не зналъ, какая причина такого ужаснаго несчастія съ любимымъ нашимъ профессоромъ, у котораго мы собирались присутствовать на вѣнчаніи, такъ какъ въ городѣ ходилъ уже слухъ о его женитьбѣ. Разсказывали всякія небылицы, но никто не зналъ настоящей правды. Переполохъ былъ общій и постоянно поддерживался обысками у студентовъ. Усердіе тогдашнихъ субъ-инспекторовъ не знало мѣры, а одинъ даже дотого отличился, что отобралъ при обыскѣ у одного студента всѣ его книги и въ томъ числѣ лексиконы; и все это представилъ на благоусмотрѣніе начальства. Говорили однако, что начальство не похвалило такого усердія не по разуму и велѣло возвратить книги по принадлежности.

Между тѣмъ приближалось время полугодичныхъ экзаменовъ, производившихся для казеннокоштныхъ студентовъ и для тѣхъ, которые желали поступить на казенное содержаніе. Я еще предъ Рождествомъ выдержалъ такое испытаніе; но результатовъ никакъ не могъ добиться. Надѣясь поступить на казенное содержаніе, я не хотѣлъ просить денегъ у матери и искать уроковъ, а между тѣмъ мои червонцы давно уже испарились. Успѣлъ уже прожить и еще сорокъ рублей, присланныхъ матерью. Безденежье ужасное; такъ что хозяинъ уже не разъ приходилъ объявлять мнѣ и товарищамъ, что обѣда не будетъ. Только благодаря великодушной хозяйкѣ, мы кое-какъ питались и въ эти злосчастные дни. Тайкомъ отъ мужа она покупала для насъ булки. Такъ мы перебивались, пока не находилась у кого-нибудь сумма денегъ, чтобы уплатить хозяину малую толику. Тогда опять появлялась у насъ на столѣ горячая пища. Великое дѣло молодость! Въ критическія минуты мы были веселы и не мало хохотали и дурачились. Разъ однако эти шутки дошли между двумя литвинами до драки или лучше до взаимнаго оскорбленія. Одинъ студентъ изъ пановъ, т. е. изъ шляхты, назвалъ другого—изъ крестьянъ „хлопомъ“ и такъ этого послѣдняго разобидѣлъ, что тотъ отвѣчалъ пощечиной. Дошло дѣло до дуэли. Два пѣтуха начали готовиться къ смертельному бою; все затрудненіе въ недостаткѣ оружія. Но мы употребили всѣ усилія, чтобы уговорить товарищей помириться. Живо помню наше вол-

неніе и безпокойство, а затѣмъ и всю комическую сцену примиренія. Мы, свидѣтели всей этой сцены, вмѣстѣ напрягали всѣ усилія, чтобы не разсмѣяться, а главное какимъ-либо неосторожнымъ словомъ или жестомъ не подать новаго повода къ вспышкѣ.

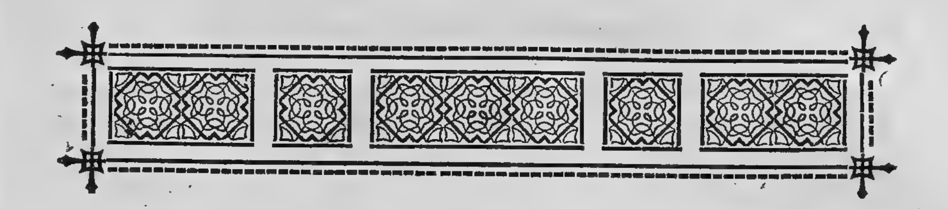
Но среди хлопотъ по приготовленію къ экзамену и въ веселой компаніи товарищей я серьезно началъ подумывать о томъ, какъ я могу дожить до конца учебнаго года. Оставалось еще два мѣсяца. Мои костюмы поизносились, а главное, сапоги настоятельно требовали починки.

Въ это время вдругъ приходитъ педель и объявляетъ, что я принятъ на профессорское содержаніе и могу перебираться на безплатную квартиру въ заведеніе несостоятельныхъ студентовъ, которое молодежь въ шутку прозвала штраухгаузомъ, т. е. домомъ наказанія; прокутится кто, жить не на что; онъ подаетъ прошеніе и до поправленія обстоятельствъ перебирается на жительство въ штраухгаузъ какъ бы ввидѣ наказанія. Но что для людей состоятельныхъ было наказаніемъ, для меня показалось раемъ. Вблизи университета былъ нанятъ прекрасный каменный двухъэтажный домъ, принадлежавшій тогда Петрову, въ которомъ на одномъ этажѣ помѣщались спальни и столовыя, а вверху комнаты для занятій, прекрасныя свѣтлыя комнаты. Какое приволье послѣ тѣсной полумрачной квартирки изъ одной маленькой комнаты, въ которой приходилось ютиться вмѣстѣ съ товарищемъ. Я занялъ рубль, кое-какъ ремонтировался и перешелъ въ домъ наказанія съ удовольствіемъ. Благополучно я выдержалъ экзаменъ на казенное содержаніе. Мои профессора, принимавшіе во мнѣ живое участіе, обѣщали принять всѣ мѣры къ замѣщенію меня на казенное содержаніе.

А. Ѳ. Андріяшевъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Изъ архива князя Л. А. Ухтомскаго [1].

Но вотъ пріѣхала семья, молчаливая усадьба ожила, а князь углубился въ безконечный пасіансъ—и недавнихъ воспоминаній какъ ни бывало: снова передо мною—суровой наружности, одинокій скиталецъ по городу Смоленску, нелюдимый и боящійся пускать кого-либо въ тайники своей души, человѣкъ...

Помню, какъ, оставшись ночевать въ „Васьковѣ", я, рано утромъ, спустился безшумно въ гостиную и принялся разсматривать изданія, лежавшія на столѣ. Вдругъ въ комнатѣ появляется князь въ утреннемъ дезабильѣ, идущій совершать туалетъ свой въ ванную. Надо было видѣть, съ какой природной граціею настоящаго вельможи драпировался онъ въ халатъ, поклонился мнѣ, извиняясь за „костюмъ"...

Кстати замѣтить, что въ движеніяхъ покойнаго вообще сквозило само достоинство хорошо воспитаннаго, военнаго человѣка былыхъ временъ, не дающаго себѣ опускаться въ отставкѣ, при томъ безъ признаковъ рисовки, жеманства... Такъ и вѣяло въ иныя минуты сношеній съ покойнымъ эпохами Императоровъ Александра I, Николая Павловича, извѣстныхъ намъ по портретамъ предковъ, на которыхъ, что ни мужчина, то—орелъ, что ни поза—то картина...

Князь умѣлъ молчать въ обществѣ, особенно при дамахъ, даже скучать, раскладывать свои пасіансы, выслушивать собесѣдника съ особой, естественною граціей, которая заставляла забывать недостатки его наружности.

---

[1]) См. „Русская Старина" январь 1911 г.

Живо представлялись мнѣ это спокойствіе, эта грація—среди ужасовъ Севастопольскихъ штурмовъ, въ свитѣ Нахимова, на Малаховомъ Курганѣ... И въ подобныя минуты, я, незамѣтно для князя, имъ любовался...

Черезъ нѣсколько дней, еще разъ пріѣхавъ въ „Васьково", я увезъ съ собою въ Смоленскъ подаренный мнѣ княземъ архивъ, копію съ послужного списка князя и новыя данныя къ его біографіи, почерпнутыя изъ личныхъ съ нимъ разговоровъ. По поводу мемуаровъ покойнаго у насъ даже завязалась съ нимъ переписка.

Въ одномъ изъ писемъ (отъ 14 іюня 1908 года, изъ „Васькова"), онъ сообщилъ мнѣ слѣдующее—относительно подаренныхъ бумагъ:

„Недавно получилъ Ваше письмо и очень польщенъ Вашею похвалою, какъ авторъ. Очень Вамъ благодаренъ за то, что берете на себя трудъ—напечатать кое-что изъ моихъ воспоминаній. Прошу, по изданіи ихъ, выслать мнѣ 10 экземпляровъ, для раздачи пріятелямъ. Что касается до того, были ли печатаемы мои воспоминанія объ оборонѣ Севастополя, сообщу вамъ слѣдующее:

Въ концѣ обороны я далъ маленькую замѣтку моему пріятелю А. Е. Влангали, когда онъ уѣхалъ изъ Севастополя въ С.-Петербургъ, и она была напечатана въ одной изъ Петербургскихъ газетъ, но въ какой—не припомню. Смыслъ замѣтки былъ тотъ, что впослѣдствіи наши потомки будутъ приходить на развалины Севастополя и благоговѣйно вспоминать его славныхъ защитниковъ. Въ 1855 и 1856 годахъ, находясь въ Николаевѣ, я привелъ въ порядокъ свой Севастопольскій дневникъ и просилъ моего товарища Я. И. Коростовцева передать мою полную рукопись въ редакцію „Морского Сборника", гдѣ она и затерялась. Когда вышла исторія обороны Севастополя Тотлебена, меня просили написать кое-что отъ моряковъ. Тогда я написалъ нѣсколько словъ въ „Морскомъ Сборникѣ". Отзывъ этотъ былъ непріятенъ Тотлебену. Затѣмъ, въ послѣднее время, т. е. лѣтъ шесть тому назадъ, лейтенантъ Бѣлавенецъ писалъ мнѣ изъ Севастополя и просилъ написать что-либо объ адмиралѣ Нахимовѣ, для біографіи послѣдняго. Я кое-что написалъ, но въ печати ничего не было. Еще раньше я отправилъ въ Севастопольскій музей мой черновикъ дневника обороны. Вотъ и вся исторія моихъ замѣтокъ о Севастополѣ. Такъ что вы смѣло можете печатать, гдѣ хотите".

Тогда же въ 1908 году, увлеченный разсказами, рукописями престарѣлаго адмирала, принялся я набрасывать о немъ статью, обращался къ князю за поясненіемъ морскихъ терминовъ, встрѣчающихся въ его бумагахъ. Но житейскія тревоги, болѣе срочныя литературныя работы, борьба моя за Смоленскія святыни,

наконецъ, переѣздъ изъ Смоленска въ Вильну—все это разрушило мои планы—и я отложилъ на время начатую уже работу.

Исполняю лишь теперь обѣщаніе, данное почившему, увѣренный, что въ эту минуту, когда я сижу надъ тетрадями его дневниковъ, оно духовно со мною, меня вдохновляетъ, меня благословляетъ...

Итакъ, начну съ оффиціальной части біографіи князя Ухтомскаго—съ его послужного списка, такъ какъ безъ этой казенной суши не обойдешься—разъ пишешь біографическую замѣтку о русскомъ дѣятелѣ, да еще выдающемся по служебному прошлому.

Князь Л. А. Ухтомскій родился 30 октября 1829 года, происходя изъ стариннаго дворянскаго рода Калужской губерніи, воспитывался въ Морскомъ корпусѣ, куда поступилъ кадетомъ 9 октября 1842 года; произведенъ въ гардемарины 5 августа 1845 года, а въ 1847 году произведенъ въ мичманы съ назначеніемъ въ 44-й флотскій экипажъ.

Пропустивъ мелкія подробности службы князя, упомянемъ здѣсь только о главныхъ событіяхъ его жизни во флотѣ.

Въ началѣ Крымской кампаніи покойный находился на фрегатѣ „Коварна", затѣмъ былъ въ Севастополѣ во время обороны послѣдняго. Въ апрѣлѣ 1855 года его назначили старшимъ адъютантомъ штаба командира Севастопольскаго порта, въ слѣдующемъ году — старшимъ адъютантомъ штаба завѣдывавшаго морскими силами въ Николаевѣ, а въ ноябрѣ того же (1856 г.) онъ былъ отчисленъ отъ должности адъютанта съ назначеніемъ въ 36-й флотскій экипажъ. Затѣмъ, князь Ухтомскій послѣдовательно командовалъ яхтою „Людахъ", пароходомъ „Ординарецъ", служилъ въ 1-мъ Черноморскомъ сводномъ экипажѣ, въ 14-мъ флотскомъ экипажѣ, командовалъ винтовой лодкою „Лукъ", такой же лодкой „Сѣкира", будучи въ 1863 году переведенъ въ 8-й флотскій экипажъ, командовалъ послѣдовательно пароходами „Лоцманъ", „Фонтанка" и броненосной лодкою „Стрѣлецъ" (съ переводомъ въ 11-й флотскій экипажъ). Будучи переведенъ, затѣмъ, въ 6-й флотскій экипажъ, онъ получилъ назначеніе начальника Астрабадской станціи. Въ 1867 году князь удостоился особаго Монаршаго благоволенія, какъ сказано въ его послужномъ спискѣ, „за благоразумныя распоряженія по освобожденію двухъ матросовъ, находившихся въ плѣну у Туркменъ съ 1859 года".—Далѣе, мы видимъ покойнаго переведеннымъ изъ „Каспійской флотиліи" въ Балтійскій флотъ съ зачисленіемъ въ 8-й флотскій экипажъ (въ 1869 году), прикомандированнымъ (въ 1871 году) къ конторѣ надъ С.-Петербургскимъ портомъ, командиромъ Архангельскаго порта, директо-

ромъ Бѣломорскихъ маяковъ (въ 1875 году), а въ 1881 году—директоромъ Архангельскаго попечительнаго о тюрьмахъ комитета, съ оставленіемъ въ занимаемой имъ должности. Въ 1885 году князь назначается директоромъ маяковъ и лоціи Каспійскаго моря и командиромъ Бакинскаго порта, съ каковой должности, будучи произведенъ въ вице-адмиралы, по прошенію, онъ въ октябрѣ 1889 года выходитъ въ отставку съ мундиромъ и огромной пенсіей—въ 5 тысячъ рублей.

Кромѣ Севастопольской обороны князь Ухтомскій участвовалъ въ разныхъ другихъ боевыхъ экскурсіяхъ и дѣлахъ по Черному, Каспійскому, Балтійскому и Бѣлому морямъ, былъ контуженъ въ голову во время осады Севастополя, имѣлъ много знаковъ отличія, между прочимъ (за оборону Севастополя) золотое оружіе съ надписью „За храбрость", орденъ Св. Владимира 4 ст. съ мечами и бантомъ, серебряную медаль на Георгіевской лентѣ, а изъ другихъ орденовъ и знаковъ отличій—бронзовую медаль въ память войны 1853—1856 г.г., свѣтло-бронзовую за усмиреніе польскаго мятежа, Анну 1-й степени; изъ иностранныхъ же—Персидскій орденъ Льва и Солнца 1-й степени и Шведскій—Св. Олафа Командорскаго креста 2-й степени.—Князь Ухтомскій былъ трижды женатъ, въ послѣдній разъ на дочери губернатора Коніара. Отъ второго брака послѣ него осталась въ живыхъ дочь, отъ третьяго—сынъ и двѣ дочери.

А вотъ перечень литературно-научныхъ трудовъ покойнаго, въ разное время напечатанныхъ имъ въ „Морскомъ Сборникѣ":

1) „Переходъ на купеческомъ бригѣ въ 1853 году изъ Севастополя въ Редутъ-Кале. Извлечено изъ записокъ лейтенанта К. Л. У." (напечатано было въ „Морскомъ Сборникѣ", сентябрь 1854 г.). 2) „Сайменскій каналъ и озеро Сайма. (Изъ практическаго плаванія въ финляндскихъ шхерахъ въ навигацію 1861 года)". 3) „Очерки Дуная". („Морской Сборникъ" 1861 года, №№ 6 и 7). 4) „Критическая замѣтка по поводу „Описанія обороны Севастополя", составленнаго гр. Тотлебеномъ". 5) „Отъ Петербурга до Астрахани рѣчнымъ путемъ. Изъ дневника въ навигацію 1862 г." („Морской Сборникъ" 1863 г., №№ 8 и 9). 6) „Нѣсколько дней на заводахъ г. Мальцева". („Морской Сборникъ" декабрь 1857 г.). 7) „Поѣздка рѣчнымъ путемъ отъ Петербурга до Архангельска въ навигацію 1863 года". 8) „Путевыя замѣтки при обзорѣ состоянія Мурманскихъ рыболовныхъ промысловъ въ 1872 году". („Морской Сборникъ" 1874 г.). 9) „Критическія замѣтки объ атласѣ Волги, изданномъ въ 1861 году". 10) „Устья р. Волги и Каспійское море. Путевыя замѣтки. Продолженіе статьи „Отъ Петербурга до Астрахани".

Кромѣ перечисленныхъ крупныхъ статей (собранныхъ княземъ въ особый, довольно объемистый томъ, хранящійся въ его семьѣ), въ 1883 году было выпущено имъ отдѣльнымъ изданіемъ довольно объемистое сочиненіе „Новая Земля“,—этнографическій этюдъ, которое подарилъ онъ мнѣ самъ съ любезной надписью.

Кстати будетъ замѣтить, что всѣ напечатанныя произведенія покойнаго отличаются прекраснымъ литературнымъ языкомъ, яркими картинами природы, рисуя самого автора, какъ образованнаго, любящаго морское дѣло, наблюдательнаго и симпатичнаго человѣка. Въ свое время, они были встрѣчены сочувственно и обществомъ, и заинтересованными сферами. Теперь, конечно, труды эти—библіографическая рѣдкость; они устарѣли, хотя и до сихъ поръ читаются съ большимъ интересомъ.

Когда я обратился письменно къ покойному князю съ вопросомъ, за какія отличія получены имъ были въ Севастополѣ боевыя отличія, князь (въ письмѣ отъ 25 іюня 1908 г.) мнѣ отвѣчалъ:

„Сколько помню, въ февралѣ 1855 г. я получилъ назначеніе старшаго адъютанта штаба Севастопольскаго порта, при адмиралѣ Нахимовѣ. (Онъ былъ назначенъ передъ тѣмъ командиромъ порта и помощникомъ начальника Севастопольскаго гарнизона). Такъ я и продолжалъ эту должность—до конца обороны.

О заслугахъ, награжденіи меня орденами во время обороны могу сообщить слѣдующее:

Кажется, въ концѣ февраля предпринята была постройка Волынскаго и Селенгинскаго редутовъ (такъ назывались они по именамъ полковъ, которые ихъ строили). Эти редуты должны были съ фланга помогать Малахову Кургану. Новыя укрѣпленія очень не понравились непріятелю, и только что они были окончены, какъ на нихъ былъ направленъ сильный огонь, орудія на нихъ сбиты и посланы были войска, чтобы ихъ уничтожить. Но французы были прогнаны. И вотъ для защиты этихъ укрѣпленій были посланы отряды съ Малахова Кургана, гдѣ былъ и я, какъ командиръ роты 44 флотскаго экипажа.

Въ день нашего прихода туда все было спокойно, и мы лишь навѣстили командира Волынскаго редута лейтенанта Скарятина, сильно контуженнаго и плакавшаго на развалинахъ своей батареи.

Эти укрѣпленія больше и не возобновлялись, какъ весьма удаленныя отъ Малахова Кургана.

Вотъ за прикрытіе вновь построенныхъ Волынскаго и Селенгинскаго редутовъ я и получилъ орденъ Владиміра 4 ст., что было для меня очень лестно, такъ какъ я до того времени не имѣлъ никакого знака отличія.

Слѣдующіе ордена, съ мечами—Станислава 2 ст., Анну 2 ст. и золотую саблю съ надписью „За храбрость“ я получилъ за разныя порученія по службѣ, которыя теперь и не припомню“.

Отвѣтивъ еще на много моихъ вопросовъ по спеціально морской терминологіи, кн. Ухтомскій такъ заканчиваетъ свое длинное письмо:

„Кажется, на все отвѣтилъ. Спрашивайте еще, что нужно: отвѣчу, что помню. Только временемъ торопитесь: намъ, старикамъ, уже недолго жить. Вѣдь мнѣ 79 лѣтъ!—Когда слѣдишь по газетамъ за стариками, умирающими, то видишь, что всѣ ушли раньше этого возраста“.

Покойный кн. Ухтомскій, въ свое время, недаромъ считался знатокомъ нашего Сѣвера и Юга.

Въ бумагахъ его сохранился набросокъ статьи (очевидно подготовлявшейся къ печати), въ которомъ имѣется слѣдующее автобіографическое вступленіе:

„Служебныя дѣла надолго приковали меня къ Сѣверному краю. Такъ, въ 1862 году мнѣ поручено было доставить воднымъ путемъ канонирскую лодку „Сѣкиру“ изъ Петербурга въ Астрахань, и тогда я въ третій разъ познакомился съ Маріинскою системой.

Въ 1863 году я имѣлъ счастье командовать отрядомъ разныхъ судовъ, на которомъ блаженной памяти Его Императорское Высочество Государь Цесаревичъ Великій Князь Николай Александровичъ, совершая путешествіе по Россіи, осмотрѣлъ Маріинскую систему. На обратномъ пути въ Петербургъ, я имѣлъ возможность проѣхать воднымъ путемъ въ Архангельскъ.

Въ 1870 году, по порученію Министра Путей Сообщенія, я былъ командированъ на Маріинскую же систему, какъ членъ комиссіи, которой поручено было выяснить нужды судоходства.

Въ 1871 году меня назначили командиромъ Архангельскаго порта, гдѣ имѣлъ возможность познакомиться съ Поморьемъ, съ Мурманскимъ берегомъ и съ архипелагомъ Новой Земли.

Въ Архангельскѣ я прожилъ безвыѣздно 14 лѣтъ.

Нынѣ, по случаю перевода моего въ Каспійское море, именно весною 1885 года, я надолго покинулъ Сѣверъ; но счастливая случайность дала мнѣ возможность еще разъ обозрѣть его, такъ какъ я имѣлъ счастье находиться въ свитѣ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Владиміра Александровича во время путешествія его лѣтомъ 1885 года по Сѣверному Краю.

Такое продолжительное пребываніе на Сѣверѣ сроднило меня, какъ съ людьми Сѣвера, такъ и съ его природою и дало мнѣ смѣлость сдѣлать рядъ описаній нѣкоторыхъ мѣстностей“.

Послѣ этого вступленія слѣдуетъ изложеніе княземъ путешествія, совершеннаго имъ съ женою въ 1883 году отъ Вологды до Архангельска, которое мы пропускаемъ, какъ не имѣющее непосредственной связи съ настоящей статьею.

II.

Обратимся теперь къ дневникамъ князя Ухтомскаго, въ которыхъ описываются событія изъ его жизни, предшествовавшія участію его въ оборонѣ Севастополя.

Тутъ, въ этихъ выцвѣтшихъ тетрадяхъ изъ грубой бумаги, молодость бьетъ ключемъ. Князь Ухтомскій—вѣчно неудовлетворенъ собою, своимъ скромнымъ общественнымъ, служебнымъ положеніемъ, вѣчно рвется къ новымъ впечатлѣніямъ, въ путешествія, къ опасностямъ. Личныя воспоминанія автора мемуаровъ чередуются съ выписками на французскомъ языкѣ изъ Жанъ-Жака-Руссо и другихъ авторовъ, съ научными замѣтками, записями спеціально морского характера и т. п.

Служба упорно не удовлетворяетъ князя, общество тоже. Но, хотя онъ и пытается подражать въ жизни разнымъ знаменитостямъ, напримѣръ, Франклину, тѣмъ не менѣе, по нѣкоторымъ признаніямъ разочарованнаго молодого человѣка, вы угадываете, что, въ сущности, онъ сибаритъ офицеръ „съ лѣнцой", умѣющій при случаѣ взять радости у жизни, что живется ему не только недурно, но подчасъ и весело, что у него есть и пріятели-товарищи, и интересующіе его люди изъ общества, что едва ли онъ, съ его барскими замашками и лѣнью, находка для начальства... Эти противорѣчія, бросающіяся въ глаза въ дневникахъ князя, не отнимаютъ у послѣднихъ искренности, непосредственности! Князь, въ каждую данную минуту, увлеченный, страстный, жаждущій наслажденій, въ самомъ дѣлѣ и страдаетъ, и умѣетъ убѣдить себя въ томъ, что онъ не понятъ окружающими, что онъ судьбою призванъ къ иному, болѣе высокому, назначенію въ жизни. Характерной чертою этой части прошлаго князя является его влюбчивость. И кого только онъ не „обожалъ", къ кому только не пылалъ молодымъ сердцемъ!... Одна страсть смѣняетъ другую, при чемъ чаще всего—въ воображеніи, не доходя до серьезной развязки, не удовлетворяя, а лишь дразня, разжигая, отрывая отъ дѣйствительности. У князя—привычка—всѣ свои любовныя ощущенія и надежды, въ мельчайшихъ подробностяхъ, заносить въ дневникъ, а затѣмъ, давать эти записи на просмотръ предмету увлеченія. Дневники возвращаются къ нему порой испещренные то ядовитыми, то насмѣшливыми замѣтками этихъ

„предметовъ“ увлеченія молодости. И вотъ—новый мотивъ для страданій, для ламентацій на послѣдующихъ страницахъ мемуаровъ...

Въ одномъ изъ подобныхъ дневниковъ князя (эпохи его молодости) мною найдена слѣдующая характеристика автора „журналовъ“, сдѣланная по-французски, женской рукою:

„Гороскопъ, составленный для князя Ухтомскаго.

Голова. Глубокій мыслитель.

Типъ. Сократа.

Взглядъ. Лукавый.

Глаза. Зеленые глаза, которыхъ никогда не забудешь.

Рѣчь. Осторожная и серьезная, всегда со злой, задней мыслью.

Выраженіе. Открытое, но презрительное.

Волосы. Онъ былъ бы очень радъ, если бы вернулась мода—пудрить волосы.

Сердце. Жестокое и твердое, какъ мраморъ; но то, что начертано въ немъ, не стирается никогда.

Характеръ. Донъ-Жуана, недовѣрчивый и скрытный.

Страсть. Поддразнивать каждаго.

Любовь. Это—его стихія.

Радость. Всегда довольный, всегда радостный.

Огорченія. Всегда недоволенъ самимъ собою, въ особенности послѣ разговора съ дамами.

Умъ. Серьезный и созерцательный—тонкій и насмѣшливый.

Недостатки. Безпечный, равнодушный.

Качества. Онъ пользуется своей силою только для того, чтобы защищать слабыхъ; скромность, доходящая до наивности.

Занятія. Онъ ищетъ побѣдъ.

Что говорятъ о немъ? Каждый старается высказать ему свою привязанность,

Дружба. Онъ не понимаетъ ее, но онъ оцѣнитъ ее когда-нибудь.

Желанія. Не имѣютъ границъ.

Каковы его вкусы? Онъ предпочитаетъ умъ всѣмъ другимъ качествамъ.

Что онъ любитъ?—Лакомства, черные глаза, варенья и особъ, которыя производятъ впечатлѣніе ихъ полнотою.

Дрожащей рукою я приподнимаю занавѣсъ будущаго.

Женится ли онъ? Его женятъ.

---

1) На ней, видимо, позднѣйшая надпись, по-французски, тоже женской, хотя уже другой рукою: „мнѣ трудно узнать въ этомъ портретѣ любезнаго философа, котораго я знаю“.

Каково будетъ это супружество? Онъ будетъ вызывать зависть здѣсь, на землѣ; оно будетъ благословенно на небеси.

Будетъ ли онъ счастливъ? Ничего не будетъ недоставать для полноты его счастья.

Какое будущее? Сердце пустое, потухшіе огни.

Что скажетъ о немъ свѣтъ? Онъ будетъ въ модѣ.

Каково будетъ о немъ мнѣніе его первой страсти? Она сохранитъ противъ него вѣчную досаду.

Осуществится ли то, чего онъ желаетъ? Пусть надѣется.

Любитъ ли его особа, о которой онъ думаетъ? Какъ придется.

Поѣдетъ ли онъ за границу? Никогда, но чужіе края не будутъ ему чужды.

Свидится ли онъ съ особою, которую желаетъ видѣть? Надо побѣдить много препятствій для того, чтобы ее увидѣть.

Какова будетъ его карьера? Блестяща, если онъ будетъ храбръ и вѣровать въ свою нравственную силу.

Будетъ ли онъ богатъ? Онъ найдетъ богатство въ любви тѣхъ, кто его окружаетъ.

Будетъ ли онъ долго жить? Онъ будетъ свидѣтелемъ кончины міра.

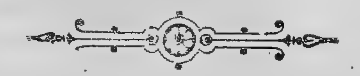
Что будетъ радостью его старости? Цвѣты и тотъ изъ внуковъ его, который будетъ носить его имя.

Сибилла X.“

Но, пропустивъ любовный бредъ молодости, которымъ изобилуютъ дневники князя Ухтомскаго, того времени, сдѣлаемъ изъ нихъ только выписки, характеризующія и самого автора ихъ, и ту среду—служебную, общественную—гдѣ онъ вращался.

Сообщ. А. В. Жиркевичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Генералъ-лейтенантъ А. А. Іедлинскій.

(Изъ далекаго прошлаго Кавказа) [1].

Когда въ 1860 году Іедлинскій былъ назначенъ начальникомъ военнаго Осетинскаго (нынѣ Владикавказскаго) округа, и объѣзжалъ послѣдній, въ одномъ аулѣ его встрѣтилъ мѣстный приставъ, грузинъ Чхеидзе, сильно заикавшійся отъ роду, а тутъ, при встрѣчѣ начальства, отъ волненія почти совершенно утратившій способность къ членораздѣльной рѣчи.

— И-и-и-им-м-ѣ-мѣ-ю че-че-честь до-до-ло-жи-жи-жить...

Іедлинскій, желая облегчить бѣдному приставу его рапортъ, перебиваетъ его.

— Какъ ваша фамилія?

— Чхе-чхе-чхе-идзе выпаливаетъ тотъ наконецъ.

— Будьте здоровы, лукаво улыбается Іедлинскій: я васъ спрашиваю какъ ваша фамилія?

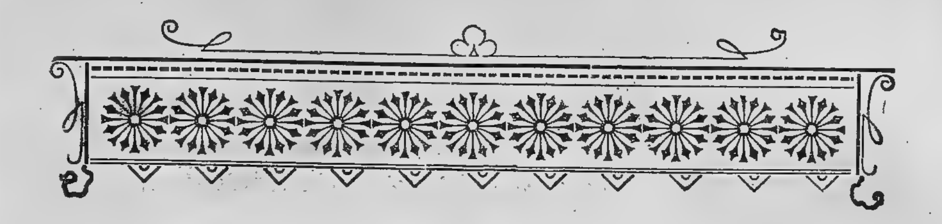
— Э-э-э-это ма-ма-ма-я фам-ам-ам-милія!

— Ахъ, очень пріятно!

Сообщ. Вл. Марковъ.

[1]) См. „Русскую Старину" февраль 1911 г.

Сибирская казачья дивизія въ походѣ противъ Японіи въ 1904 и 1905 годахъ [1]).

(Дневникъ участника съ 2 февраля 1904 года по 30 іюля 1905 года).

3-го марта Кокчетавъ.

26-го февраля пріѣхалъ въ Омскъ командующій Сибирской казачьей дивизіей генералъ-маіоръ Симоновъ. Генералъ Чириковъ, войсковой старшина Калачевъ (5 Сиб. каз. полка) и я встрѣтилъ его ночью на станціи. Николай Алексѣевичъ высокаго роста, строенъ, хотя и слегка полонъ; немного напоминаетъ мнѣ генерала Н. А. Орлова. У него небольшая борода, отличные каштановые волосы и очень зоркіе сѣрые глаза. Въ своей папахѣ на бекрень онъ производитъ очень внушительное впечатлѣніе; вмѣстѣ съ тѣмъ Николай Алексѣевичъ очень внимателенъ ко всѣмъ; къ подчиненнымъ онъ доводитъ свое вниманіе до сердечности и глубоко заглядываетъ въ ихъ душу. Оно и естественно: онъ такъ хорошо и давно всѣхъ ихъ знаетъ.

Наша первая встрѣча была сердечна и радостна; она носила тотъ характеръ задушевности, которая могла бы свидѣтельствовать о нашемъ давнишнемъ близкомъ знакомствѣ.—Днемъ, на докладѣ, выяснилось, что отсрочкой отправленія дивизіи на театръ войны рѣшено воспользоваться въ цѣляхъ сплоченія всѣхъ частей, строевой подготовки сотенъ и полковъ, а также для тактическихъ занятій офицеровъ.

Я засѣлъ за работу и подготовилъ приказъ по дивизіи о занятіяхъ, которымъ придалъ извѣстную систему; служба дозоровъ,

---

[1]) См. „Русская Старина“ январь 1911 г.

летучая почта, служба разъѣздовъ, сторожевая служба (сотенъ); тактическія ученія сотенъ и полковъ (лава); бригадныя ученія... виды атакъ (лава)... Подготовилъ также приказъ о тактическихъ занятіяхъ офицеровъ.

На другой день генералъ Симоновъ былъ у генерала Сухотина и докладывалъ о дѣлахъ дивизіи. Командующій войсками приказалъ командировать капитана Посохова и меня въ Кокчетавъ, Петропавловскъ и Прѣсновскую для веденія тактическихъ занятій съ офицерами. Ѣхать надо было сегодня же, почему я спѣшно покончилъ дѣла въ штабѣ и ночью же отправился въ дорогу—въ Кокчетавъ и Петропавловскъ, а капитану Посохову поручено вести эти занятія въ Омскѣ, а затѣмъ въ Прѣсновской.

Я уже веду занятія въ Кокчетавѣ.

Отъ Омска до Петропавловска доѣхалъ по желѣзной дорогѣ. Пока устраивался съ лошадьми, чтобы ѣхать уже дальше въ кибиткѣ, остановился въ гостиницѣ. Здѣсь засталъ командующаго 8 Сиб. каз. полкомъ войскового старшину Алексѣева. Плотный и видный мужчина. Видимо лихой казакъ, но некомандирскаго направленія. Посмѣялся онъ надъ моимъ одѣяніемъ для предстоящей зимней поѣздки степью. Казалось, я одѣтъ былъ основательно: во всемъ тепломъ бѣльѣ, на ногахъ пуховые чулки выше колѣнъ и бурочные сапоги, пальто на мѣху, папаха, рукавицы и зимняя николаевская шинель. Не успѣлъ я одѣться въ такой видъ, какъ казалось, долженъ былъ свариться отъ жары, а природные сибиряки меня засмѣяли: „это все годится лишь для прогулокъ по Невскому проспекту". Не убѣдилъ ихъ и мой доводъ, что тамъ я ходилъ на зимніе парады въ лѣтнемъ пальто, а на ногахъ кромѣ нитяныхъ носокъ, никогда и въ заводѣ не имѣлъ, да и сапоги одѣвалъ всегда самые легкіе. Пришлось согласиться съ ихъ опытностью и, ко всему моему зимнему одѣянію, прибавить огромное баранье одѣяло, въ которомъ могли свободно завернуться двое. Безъ такого одѣяла здѣсь по степи зимой никто не ѣздитъ.

Выѣхалъ я изъ Петропавловска около 5-ти часовъ дня. Было тихо; солнце уже низко; 10° морозу. Посмотрѣлъ на карту, взглянулъ на горизонтъ, куда надо было держать путь-дорогу, и завернулся въ шинель. За ночь предстояло отмахать на перекладныхъ 180 верстъ. Часовъ въ 12 дня 28-го февраля разсчитывалъ быть уже въ Кокчетавѣ.

Скоро стало темно совершенно. Ямщикъ татаринъ, или киргизъ, посвистывалъ да покрикивалъ на свою тройку коней, отчаянно подпрыгивалъ на своемъ деревянномъ сидѣньѣ, скрипѣли полозья... Время точно остановилось, такъ казалось медленно оно стало идти;

мысли о новыхъ лицахъ, новой обстановкѣ, о новыхъ встрѣчахъ, вереницей смѣняли другъ друга; переносились внезапно домой и, казалось, я вижу всѣхъ мнѣ близкихъ среди ихъ обычныхъ занятій и среди насъ крѣпко засѣвшихъ въ памяти предметовъ родного гнѣзда; вотъ даже голоса ихъ слышишь и отвѣчаешь имъ на вопросы... Оказывается, это я отвѣчаю совершенно неудачно на зычное покрикиванье ямщика, который даже ко мнѣ и не обращался съ вопросомъ. Я задремывалъ и приходилъ въ сознаніе отъ болѣе сильныхъ толчковъ своей кибитки, которая неистово ныряла изъ ухабы въ ухабу, точно утлая ладья на волнахъ. Гдѣ и куда я ѣду, про то знаетъ ямщикъ, да привычные кони, которые отлично бѣгутъ, торопясь скорѣе къ знакомому пристанищу... пикету. На пикетахъ мѣняли лошадей, перекладывали мой несложный багажъ, на облучекъ вскакивалъ другой такой же ямщикъ-киргизъ, и мы катили дальше по „невѣдомой дорожкѣ, средь невѣдомыхъ степей"... Было совершенно темно, подулъ вѣтеръ, шелъ небольшой снѣгъ. На одной изъ остановокъ поглядѣлъ на градусникъ и удивился, было 22° морозу. Теперь мнѣ стали понятны совѣты и настоятельная необходимость взять это баранье одѣяло въ дорогу. Я даже завернулся въ него основательнѣе; хотѣлъ дремать, даже уснуть, но проклятые ухабы и эти постоянные ритмичные удары передней части полозьевъ такъ ударяли по головѣ, такъ неумолимо трясли, что пришлось бросить всѣ мечты не только о снѣ, но даже о минутѣ покоя. Эта тряска къ 100 верстѣ такъ исколотила меня, что я пересталъ даже сопротивляться ей: принялъ лежачее положеніе и только ждалъ съ тоскою и нетерпѣніемъ спасительнаго пикета. Тамъ хоть полчаса можно провести безъ этихъ ударовъ и тряски, которые такъ мучительно отражались на моихъ мозгахъ. Я не испыталъ морской болѣзни, но эти ощущенія вѣроятно имъ сродни: аппетита я лишился совершенно, о пищѣ противно было думать; два раза пытался пить чай, но больше одного стакана одолѣть не могъ. Часовъ въ 10 утра былъ крайне обрадованъ, когда старикъ казакъ на пикетѣ сказалъ мнѣ, что до Кокчетава остался лишь одинъ перегонъ, да и дорога лучше. На счетъ дороги согласиться я не могъ съ нимъ, но что это послѣднія терзанія, то это оказалось вѣрнымъ. Около 12 часовъ дня я выѣхалъ въ широкую улицу, миновалъ базаръ, который легко было узнать по рядамъ его лавокъ, и остановился у дома станичнаго атамана. Мнѣ сейчасъ же указали недалеко домъ казачки Лазаревой, у которой мнѣ было отведено помѣщеніе.—Маленькій одноэтажный домикъ, общій видъ котораго такъ напоминаетъ домики окраинъ нашихъ уѣздныхъ городовъ центральной Россіи, пріютилъ меня подъ своей кровлей. Черезъ дворъ и сѣнцы меня провели въ

свѣтлую довольно помѣстительную комнату въ два окна. Образа съ лампадкой, олеографіи, фотографическія карточки на стѣнахъ, на окнахъ герань и занавѣски, комодъ и столы накрыты вязанными узорчатыми скатертями, диванъ и мягкіе стулья составляли обстановку этой комнаты. Чистота всей обстановки комнаты, половики и дорожки, яркое освѣщеніе солнечнымъ свѣтомъ, властно врывавшимся въ оба окна комнаты, придавали ей пріятный и уютный видъ. Такое же симпатичное и привѣтливое впечатлѣніе произвела на меня и сама хозяйка этого домика, казачка Лазарева. Женщина за 40 лѣтъ, вдова, опрятно и просто одѣтая, она хранила въ себѣ всѣ черты русской женщины: скромная, но полная сознанія своего достоинства, открыто привѣтливая, но далекая отъ докучливости, она проникнута тѣмъ чувствомъ гостепріимства, которое невольно располагаетъ къ ней всякаго человѣка, который волею судебъ попадаетъ подъ ея кровъ и покровительство. Она охотно взяла на себя труды и заботы о моемъ продовольствіи и, такимъ образомъ, я оказался у нея на полномъ пансіонѣ. И какимъ мастеромъ своего дѣла она оказалась, я узналъ только тогда, когда увидѣлъ у себя на столѣ и горячіе пирожки, и ватрушки, и коробочки изъ хвороста и заливное изъ дичи, и паровую рыбу, и кулебяку, разное соленье, варенье, жаркія и т. п. Масло, сливки, творогъ она подавала такихъ удивительныхъ качествъ чистоты, бѣлизни и вкуса, что я не могъ себѣ и представить, что эти продукты бываютъ такими. Не обошлось дѣло и безъ блиновъ и пельменей. Что меня поразило, такъ это то, что утромъ въ 7—8 часовъ, за утреннимъ чаемъ у меня уже красовались горячіе пирожки, коржики, эти коробочки... Искусница хозяйка успѣвала все это уже приготовить и, вмѣстѣ съ самоваромъ, все это уже появлялось на столѣ. Оказывается, что это сибирскій обычай: утромъ надо „заправиться и основательно горячимъ“. . . . .

Съ непривычки, да еще послѣ этой тряски въ дорогѣ, къ глубокому огорченію моей хозяйки, я буквально не могъ рѣшиться первые дни даже попробовать „эти прелести“ кулинарнаго искусства; но потомъ я оцѣнилъ ихъ по достоинству...

Вообще жизнь моя въ домѣ этой удивительной женщины казачки Лазаревой въ Кокчетавѣ полна того отраднаго мира и тишины, которые могутъ создать только такія чисто русскія натуры, какъ эта казачка Лазарева. Вотъ гдѣ хранится колыбель русской души, нетронутая вѣками исторической жизни Россіи, вотъ гдѣ можно видѣть эту душу во всей чистотѣ, въ силѣ и неодолимой прелести. Какъ сильно должны мы ненавидѣть всю эту культуру Запада, которая такъ губительно вліяетъ на чистоту міровоззрѣнія и самую жизнь

коренного русскаго народа и его быта. Да, только здѣсь, безъ этихъ желѣзныхъ дорогъ, куда еще недавно надо было „три года скакать и то не доскачешь“, эта чистота ею только и сохранилась и именно въ женщинѣ. Спасибо казакамъ: лучше устроить меня въ Кокчетавѣ они не могли. Какъ могъ только, но отъ души поблагодарилъ Лазареву за всѣ ея заботы и хлопоты.

Въ первый же день въ Кокчетавѣ познакомился съ семьей командующаго дивизіей, съ командующимъ 4 Сибирскимъ казачьимъ полкомъ, войсковымъ старшиной Калачевымъ, съ командующимъ 7-мъ Сиб. казачьемъ полкомъ, войск. старш. Старковымъ, помощниками командировъ этихъ полковъ, войсковымъ старшиной Н. А. Водопьяновымъ и есауломъ Водопьяновымъ, побывалъ въ хозяйственномъ правленіи 1-го отдѣла и назначилъ время веденія занятій съ офицерами. Здѣсь собраны сотни 4-го Сибирскаго казачьяго полка—3, 4, 5 и 6 сотни, и 7 Сибирскаго казачьяго полка—3, 4, 5 и 6-я сотни. На сегодня назначилъ занятіе съ 5 часовъ дня, а въ послѣдующіе дни съ 10 часовъ утра до 1-го часу дня и съ 5 до 8 часовъ вечера. 4 марта я долженъ былъ ѣхать уже въ Петропавловскъ. 5 дней занятій—срокъ крайне незначительный, но увеличить его было рискованно: надо было успѣть хотя бы столько же дней удѣлить на занятія въ Петропавловскѣ, а неопредѣленность срока задержки полковъ дивизіи могла не позволить выполнить даже и этотъ планъ занятій; посадку ждали со дня на день. Впервые я увидѣлъ офицеровъ полковъ дивизіи; впервые мою аудиторію составляли офицеры спеціальнаго рода оружія; впервые я сознавалъ, что каждое мое слово, каждый пріемъ и указаніе должны найти себѣ примѣненіе въ дѣйствительной боевой обстановкѣ... Занятія начались... Замѣтно стихъ говоръ 30 съ лишнимъ офицеровъ, у многихъ въ рукахъ появились тетради; всѣ дѣлали чертежи, помѣтки; записывались вопросы, отвѣты, разборъ ихъ и моихъ замѣчаній. Многочисленныя задачи рѣшались при разныхъ условіяхъ обстановки, вырабатывались основы рѣшеній, записывались, запоминались... Часы проходили незамѣтно: вмѣсто 8 часовъ вечера занятія окончились послѣ 11 часовъ вечера. И такъ каждый день. Никто изъ офицеровъ не пропустилъ ни одного часа занятій. Офицеры, казалось, жадно впитывали въ себя тѣ знанія, то освѣщеніе ихъ, которое имъ было необходимо для разрѣшенія сомнѣній, для ихъ увѣренности въ предстоящей работѣ. Я, по истинѣ, былъ изумленъ тѣмъ энтузіазмомъ, который царилъ съ неослабнымъ напряженіемъ, въ теченіе этихъ крайне длительныхъ занятій; проявленный офицерами интересъ и усердіе въ данномъ случаѣ достойны глубокаго вниманія; во мнѣ залегла полная вѣра, сильная и безграничная, въ офицерскій составъ

Сибирской казачьей дивизіи: работа ихъ будетъ на высотѣ самыхъ серьезныхъ требованій современнаго боя и похода. 3 марта вся наша компанія оживленно поужинала послѣ занятій и долго, долго еще вела бесѣду... Я вернулся домой въ третьемъ часу ночи: пустынныя улицы Кокчетава были тихи, а полная луна, на безоблачномъ небѣ, заливала ихъ своимъ бѣлымъ свѣтомъ, далеко отбрасывая черныя тѣни домовъ. Такъ ясно, тихо и покойно бываетъ на душѣ у человѣка, когда сомнѣніямъ и тревогамъ нѣтъ мѣста въ ней, когда вся жизнь, съ ея разсчетами и суетою, покрыта этой непроглядной тьмой. Кто знаетъ жребій свой? Но счастливъ тотъ, кто въ бой идетъ со спокойною и съ чистою душой. Во время перерыва между занятіями днемъ я взобрался на гряду высотъ, которая съ запада окаймляетъ Кокчетавъ. Эта гряда невольно привлекаетъ къ себѣ вниманіе среди этой безбрежной ровной степи. Вершины этихъ холмовъ обнажили свои каменныя наклонныя напластованія и точно хребетъ какого-то невѣдомаго чудовища, почернѣвшаго и поросшаго мхами, они рѣзко обрисовываются на фонѣ безоблачнаго неба. Сидишь здѣсь, поудобнѣе примостившись на камняхъ и завернувшись въ шинель; солнце пригрѣваетъ, а Кокчетавъ разстилается внизу со всѣми своими широкими улицами, незатѣйливыми домиками, часто убогими и даже безъ крышъ и соломы на нихъ. Впечатлѣніе невеселое: бѣдно и неуютно. Подъ самой горой, гдѣ сижу,—большое озеро, частью еще подо льдомъ; вода въ немъ солоноватая; изъ него змѣйкой выбѣгаетъ ручеекъ и гдѣ-то исчезаетъ въ степи въ сѣверо-восточномъ направленіи. Церковь и минаретъ высоко подымаются надъ всѣмъ Кокчетавомъ и, вѣроятно, видны издали. Отсюда же виденъ базаръ, домъ, гдѣ живетъ семья генерала Симонова, хозяйственное правленіе І-го отдѣла, острогъ съ бревенчатымъ высокимъ заборомъ и, кажется, единственное каменное зданіе въ Кокчетавѣ—грандіозныя изъ краснаго кирпича постройки склада „монопольки". Въ далекой синевѣ на югѣ виднѣются очертанія горъ: это, говорятъ, горы съ чуднымъ сосновымъ лѣсомъ, съ озерами и ручьями чистѣйшей воды, съ тихой покойной жизнью, солнцемъ, прохладой и кумысомъ—„Боровое", самой природой устроенная санаторія.

Такова столица 1-го отдѣла Сибирскаго войска Кокчетавъ. Въ настоящее время она переполнена еще семьями казаковъ, которыя всѣ собрались сюда провести послѣдніе дни и проводить своихъ отцовъ, мужей и братьевъ въ далекій походъ. Здѣсь, какъ и въ Омскѣ, я вижу грудныхъ дѣтей на рукахъ у казачекъ, малышей мальчугановъ въ папахахъ съ краснымъ верхомъ, подростковъ... Они подолгу стоятъ у воротъ своихъ помѣщеній и тихо ведутъ бесѣду... О содержаніи ея догадаться не трудно: какъ справиться съ хозяй-

ствомъ этимъ казачкамъ однѣмъ... придется ли дождаться радостной встрѣчи...

Придется ли и мнѣ когда-либо увидѣть въ жизни Кокчетавъ, покидая который я отъ души долженъ сказать ему родное спасибо.

6-го марта. Петропавловскъ.

5-го марта, совершивъ вторично 180 верстъ путешествія по степнымъ „волнамъ“, я былъ уже въ Петропавловскѣ. Мнѣ отвели квартиру въ домѣ бывшаго купца-киргиза Баязидова. Это уже даже не домъ, а настоящій дворецъ. Надо видѣть эти огромнѣйшихъ размѣровъ бревна, изъ которыхъ сложенъ домъ, чтобы имѣть правильное понятіе о лѣсныхъ богатствахъ Сибири. А какая работа, прочность и чистота. Огромныя окна, масса свѣта, высота потолковъ вызываютъ удивленіе и говорятъ о вкусахъ и правильныхъ взглядахъ на строительное искусство. Планировка же дома ясно свидѣтельствуетъ, что здѣсь былъ гаремъ, повидимому, для трехъ женъ ихъ повелителя. У каждой жены было помѣщеніе изъ двухъ комнатъ совершенно отдѣльныхъ, и только общій корридоръ объединялъ эту часть дома въ одно цѣлое помѣщеніе.

Помѣщенія самого повелителя сохранили обстановку строго восточныхъ вкусовъ, и только раздвижной обѣденный столъ, да кровать съ пружиннымъ матрацемъ дисгармонировали съ этими коврами, войлоками, низкими широкими диванами, крашеными сундуками и горками съ посудой и утварью.

Гдѣ самъ владѣлецъ этихъ богатствъ, почему такъ опустѣлъ его домъ, прекратились радости гаремной жизни, я точно узнать не могъ...

Сегодня уже были занятія съ офицерами 5 и 8-го Сиб. казачьихъ полковъ. Организовалъ ихъ такъ же, какъ и въ Кокчетавѣ. Присутствовали командующій дивизіей и генералъ Чириковъ.

Отношеніе офицеровъ къ занятіямъ и здѣсь достойно той же выдающейся лестной оцѣнки, какъ и въ полкахъ 1-й бригады. При такихъ условіяхъ легко было работать и по десяти часовъ въ день. Занятія ведутся въ городскомъ собраніи; помѣщеніе небольшое, но очень достаточное и удобное.

10-го марта.

Сегодня послѣдній день занятій. Онъ закончился общимъ завтракомъ, на которомъ присутствовалъ и генералъ Симоновъ. Не обошлось дѣло и безъ рѣчей. Я съ жадностью слушалъ рѣчь Николая Алексѣевича; просто и ясно высказывалъ онъ свои взгляды на необходимость обдуманной работы въ бою, на согласованіе знаній съ умѣніемъ примѣнить ихъ къ обстановкѣ; въ выносливости и

лихости своихъ казаковъ онъ не сомнѣвался и чрезвычайно образно обрисовалъ традиціонную отличительную черту конныхъ атакъ Сибирскихъ казаковъ (въ Туркестанѣ): тамъ они работали всегда „чисто", т. е. въ такихъ атакахъ противникъ ложился подъ шашками и пиками казаковъ до послѣдняго, да и отказа въ атакахъ казаки не знали. Я не могъ удержаться и отъ души изложилъ своимъ новымъ товарищамъ, съ которыми судьба посылала меня идти въ бой, навѣянную мнѣ моими думами „легенду о стремленіи Ермака Тимофеева дойти до водъ Тихаго океана"... и пожелалъ вмѣстѣ съ ними нынѣ осуществить эту великую задачу скорѣйшимъ занятіемъ Сеула и Фузана.

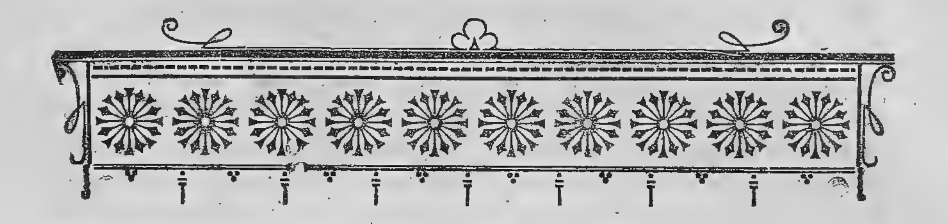
Вечеркомъ былъ на станціи и, въ разговорѣ съ начальникомъ станціи „Петропавловскъ", узналъ, что посадка Сибирской казачьей дивизіи возможна не ранѣе 5-го апрѣля.

Много грустныхъ думъ навѣяла эта новость: помириться съ нею не находилъ въ себѣ силъ, и въ головѣ неотвязно сидѣла мысль: нѣтъ, такъ воевать нельзя даже съ китайцами. Эта неопредѣленность заставляетъ все дѣлать торопливо; даже тактическія занятія рѣшено было покончить въ двѣ недѣли съ переѣздами. Оказывается еще цѣлый мѣсяцъ въ нашемъ распоряженіи, а использовать это время въ какой-либо системѣ нельзя, ибо каждый день ждемъ своей посадки въ вагоны и каждый день засыпаемъ съ мыслью и надеждой, что „завтра" принесетъ намъ это распоряженіе. Во всемъ сказывается какая-то душу возмущающая безсистемность и необдуманность. Вѣдь если правда, что посадку нельзя произвести ранѣе начала апрѣля, то и мобилизацію въ Сибири и въ войскѣ слѣдовало объявить лишь въ половинѣ марта, а не въ концѣ января; страшно подумать: на полтора-два мѣсяца всѣхъ взбудоражили раньше времени, да и денегъ сколько зря потрачено. Лучше бы эти деньги въ свое время отпустили на болѣе основательное приведеніе въ порядокъ всего имущества казаковъ, да на ту же артиллерію и пулеметы, которыхъ въ войскѣ даже и вовсе нѣтъ. А теперь фантазируемъ, какъ бы ихъ создать изъ какого-то старья...

Тяжело все это сознавать и видѣть эти измученныя семьи казаковъ.

Г. А. Даниловъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Матеріалы для исторіи русской литературы 20-хъ и 30-хъ годовъ XIX в. [1]).

Письма П. А. Катенина къ Н. И. Бахтину.

14.

30-го марта (11-го апрѣля) 1824 г. Шаево.

Если мои письма изъ Кологрива доставляютъ вамъ, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, нѣкоторое удовольствіе, посудите сколько ваши должны мнѣ быть пріятны здѣсь. За новости сообщаемыя вами должно бы платить тѣмъ же, но тутъ выйдетъ по неволѣ мѣна Діомида съ Главкомъ: онъ далъ оружіе мѣдное за золотое [2]). Писалъ ли я уже къ вамъ о Петербургскомъ театрѣ, о томъ, что Варвара Семеновна перевела комедію: le Legs, а послѣ и les fausses Confidences [3]). Первую играли очень хорошо и съ пребольшимъ успѣхомъ; Жуковскій охотникъ до всего нѣмецкаго, тотчасъ перевелъ слѣпую Валерію, Колосова ее играла; но наша публика болѣе Парижской знакомая со слезными драмами [4]) приняла и сію весьма

---

[1]) См. „Русская Старина" ноябрь 1910 г.

[2]) Иліада, пѣсня VI, ст. 119—135.

[3]) Комедія въ 3-хъ д. Мариво, которую впослѣдствіи Катенинъ перевелъ подъ заглавіемъ „Обманъ въ пользу любви" (Спб. 1827 г.), предст. въ 1-й разъ въ Спб. 8-го ноября 1826 г.

[4]) О слезныхъ комедіяхъ см. мои „Очерки изъ Исторіи Европейской драмы": 1) Англійская комедія конца XVII и половины XVIII, Спб., 1897 и 2) Французская слезная комедія. Воронежъ, 1901.

равнодушно, въ Гамлетѣ собрала Колосова болѣе девяти тысячъ рублей, а Каратыгинъ особенно отличился игрою; Шаховскаго Фингалъ и Розкрана въ стихахъ не понравились, а комедія его: Ты и Вы, гдѣ главное лицо Вольтеръ (Сосницкій) напротивъ очень полюбилась; театральными дѣлами управляетъ вновь учрежденный комитетъ: Милорадовичъ, К. Долгоруковъ [1]), Гр. Кутайсовъ [2]), Майковъ [3]) и Кн. Шаховской. Майковъ подалъ въ отставку и прочь идетъ. Слышно, что разныя затѣи есть, какіе-то призы, жетоны для раздачи въ концѣ года отличившимся актерамъ: оно бы хорошо, но будетъ ли судъ безпристрастный? а буде нѣтъ, то это фарса. Еще хотятъ они дорогою платою приманивать, а по ихнему анкуражировать Авторовъ; ихъ у насъ такъ не много, что господа Меценаты должны ихъ всѣхъ лично знать, и врядъ ли для человѣка съ дарованіемъ первая вѣщь деньги, о которыхъ надо еще хлопотать, ибо Шаховскому поручено разсматривать поступающія на театръ піэсы. Все это очень жалко, надо надѣяться что какъ нибудь сама собою эта вѣщь продержится, а впрочемъ точно дѣлаютъ все къ ея разрушенію. Хорошо Лавиню жить въ землѣ, гдѣ любятъ поэзію, гдѣ много любителей, гдѣ... многое бы можно приплести къ этому слову всякой всячины, какъ Грессетовыхъ длинныхъ періодахъ въ его „*Chartreuse*". Сожалѣю о кончинѣ Ланглеса, а еще болѣе о томъ что шайки авторскія водятся въ Парижѣ не лучше нашего; есть однако разница, и все въ ихъ пользу: у нихъ нѣсколько шаекъ, одна съ другою споритъ, стало ни одна истинна въ спорѣ не пропадетъ; у насъ же одна шайка, и всякой честной человѣкъ кто совѣстится изъ угожденія имъ лгать и врать, est livré aux bêtes [4]).

По желанію вашему посылаю къ вамъ при семъ двѣ Державинскія бездѣлки: Хариты и побѣда Красоты [5]); я обѣ давно началъ, и обѣ кончилъ на этой недѣлѣ имянно для удовлетворенія вашего желанія. Дѣлайте съ ними что хотите, но я васъ предувѣдомляю, что

---

[1]) Кн. Вас. Вас. Долгоруковъ, старшій членъ Театральнаго Комитета, шталмейстеръ, род. въ 1787 г., ум. въ 1858 г.

[2]) Графъ Пав. Ив. Кутайсовъ, р. въ 1782 г., ум. въ 1840 г. Съ 1822 по 1832 г. членъ Театральн. Ком.

[3]) Аполлонъ Александровичъ Майковъ въ должности директора театровъ состоялъ съ 1821 г. по 31 авг. 1825 г.

[4]) „Отданъ на растерзаніе дикимъ звѣрямъ".

[5]) Стихотвореніе Державина, перев. Катенинымъ на франц. языкъ (Mercure du XIX-e siècle, 1824, въ статьѣ Бахтина).

не имѣя въ книгахъ своихъ Державина, я переводилъ на память, и легко могъ въ Харитахъ что нибудь пропустить; кажется однако что вѣрно. Что вы пишите объ Я. Н. Толстомъ очень забавно: какихъ онъ нашелъ русскихъ философовъ?[1]) и что ему за охота бумагу марать? и что ему за радость лгать, какъ онъ самъ признается? я этихъ пигмеевъ парнасскихъ ни въ чемъ понять не могу. Но Тюфякинъ еще гораздо болѣе тѣшитъ французовъ[2]): спасибо ему что такъ поддерживаетъ честь имени русскаго; есть у насъ и еще забавнѣе того гуси; чтобы имъ туда же отправиться? пусть бы себѣ тамъ мазурку выпрыгивали, хоть вдвѣ пары, хоть въ четыре. Но Богъ съ ними: поговоримъ-ко о чемъ нибудь по лучше. Марсъ я знаю давно: это чудо природы, это движущееся совершенство: но если строго во всемъ ее судить, можно точно укорить ее въ лишней привязанности къ дурнымъ новымъ полу-французскимъ, полунѣмецкимъ драмамъ, и въ лишней безпечности или пренебреженіи хорошихъ комедій, коль скоро въ нихъ нѣтъ ей первенствующей роли. Узнайте тамъ, играютъ ли Кампистронова: le Jaloux désabusé [3])? слышно что Андрей Андреевичъ сбирается перевести: l'ecole des vieillards [4]), давай богъ! какія три новыя Messeniennes [5]) написалъ Лавинь? у меня есть ихъ всѣхъ восемь, сирѣчь три первыхъ, двѣ объ Орлеанской дѣвѣ, наконецъ: молодой Діаконъ, Партенопа и Развалины древней Греціи. Буде объ нихъ вы и пишите,

---

[1]) Я. Н. Толстой въ 1824 г. издалъ на франц. яз. брошюру подъ заглавіемъ: „Quelques pages sur l'Anthologie Russe pour servir de réponse à une critique de cet ouvrage insérée dans „Le Journal de Paris“, въ которой онъ выступилъ противъ P. Baour-Lormian, усмотрѣвшаго въ баснѣ Крылова: „Сочинитель и воръ“ намеки на Вольтера. Толстой полагалъ, что Крыловъ направилъ стрѣлы не на Фернейскаго философа, а „на какого-нибудь русскаго философа или даже не имѣлъ въ виду отдѣльнаго лица“ (Б. Л. Модзалевскій op. cit., стр. 25—26).

[2]) Кн. П. И. Тюфякинъ, уволенный въ 1821-мъ г. отъ должности директора театровъ и поселившійся въ Парижѣ, часто подвергался насмѣшкамъ въ мелкихъ парижскихъ журналахъ, какъ напр, въ „Miroir“, за то, что показывался всюду съ своей подругой M-lle Irma.

[3]) Комедія въ 5 д. (1709 г.) соч. Кампистрона (род. въ 1656 г., ум. въ 1723 г.).

[4]) „L'école des Vieillards“, ком. Казимира Делавиня, предст. въ Парижѣ 6-го дек. 1823 г.

[5]) Такъ называлась серія стихотвореній Делавиня на современныя политическія темы, выходившія въ свѣтъ съ 1818 по 1827. Три новыя Messeniennes появились въ 1824 г. (Tyrtée aux grecs, le Voyageur, à Napoléon).

что онѣ тѣхъ же щей да по жиже, то я согласенъ только на счетъ первой; а въ тѣхъ двухъ много поэтическихъ красотъ: начало Партенопы мнѣ однако не нравится, отрывистый, частью надутый разговоръ во вкусѣ Альфіери. Къ слову объ Альфіери, какъ я на него сердитъ! я здѣсь недавно прочелъ съ большимъ удовольствіемъ хорошую и дѣльную англинскую книгу: жизнь Лаврентія Медицейскаго by W. Roscoë [1]). Какъ смѣлъ Альфіери этого великаго и добродѣтельнаго человѣка, въ которомъ соединились Аристидъ и Периклъ, честь и красу Италіи, вывести на сцену въ холодной трагедіи: La Congiura dei Pazzi [2]), въ видѣ какого-то кровожаднаго Тиверія и варварскими стихами заставить его говорить какъ у Сумарокова:

Я къ ужасу привыкъ, злодѣйствомъ разъяренъ,
Упитанъ варварствомъ и кровью обагренъ [3]).

Не глупо ли со стороны M-me de Staël говорить что если Альфіеріевы трагедіи и не суть de belles tragédies, то ихъ надо почитать какъ de belles actions [4])? Первое: въ этой фразѣ много шарлатанства; а сверьхъ того, хорошо ли дѣло очернять память великаго человѣка, благодѣтеля своихъ согражданъ? Перейти отъ романтиковъ къ Мольеру значитъ то же что выплыть изъ воды на берегъ. Я всегда былъ на его счетъ почти одного мнѣнія съ вами; только не забудьте что Tartuffe не только лучшая его комедія, но единственная, и что отъ нее до любой изъ другихъ большой скачекъ. Пиронъ [5]), который и по уму и по комическому дару достоинъ былъ вполнѣ понимать и цѣнить Мольера, почти до безумія восхищался Тартюфомъ; у него спросили отъ чего онъ уже ставитъ его такъ слишкомъ высоко надо всѣми театральными произведеніями? Отъ того отвѣчалъ Пиронъ, что всѣ другія могли бы рано или поздно появиться, но эта комедія, еслибъ Мольеръ ее не написалъ, еслибъ Людовикъ XIV ее не защитилъ, еслибъ она не вышла тогда, намъ бы и потомству ее никогда не дождаться. Будетъ ли

---

[1]) Англійскій историкъ, р. въ 1753 г., ум. въ 1831 г. Его сочиненіе: „The Life of Lorenzo di Medici. London. 1796." 2 vol. in 4 было переведено на франц. языкѣ Thurot (Paris 1799—1800 2 vol. in 8).

[2]) 1783 г.

[3]) „Дмитрій Самозванецъ". Д. I, явл. 1.

[4]) „Corinne ou l'Italie", (1807), livre VII, chap. 2.

[5]) Alexis Piron, драмат. писатель, авторъ извѣстной комедіи: „La Métromanie" (1738), р. въ 1689 г., ум. въ 1773 г.

она когда либо по русски играна? опять: давай богъ [1])! Тальма заслуживаетъ болѣе всѣхъ актеровъ на свѣтѣ тотъ укоръ, что онъ большой охотникъ до дурныхъ трагедій, лишь бы ему въ нихъ было чѣмъ пощеголять: лучше кабы онъ придерживался Расина. Жуи не имѣетъ ни дара трагическаго, ниже хорошихъ правилъ, онъ принадлежитъ къ вольтеровой школѣ, Альфіеріемъ и революціею еще изковерканной; вообще всѣ новыя трагедіи совсѣмъ не трагедіи, а разговоры о политикѣ, перемѣшанные съ оперными или балетными великолѣпными спектаклями. Вы хвалите: les Templiers [2]), сожалѣю что не могу съ вами согласиться: мало того что исторіи тѣни нѣтъ, мало того что дѣло не такъ было, а та бѣда что оно такъ быть не могло, что нигдѣ благоразумный Государь, какимъ авторъ выводитъ Филиппа не велѣлъ бы пытать и жечь добродѣтельныхъ героевъ и вѣрныхъ слугъ, какими авторъ выводитъ храмовыхъ рыцарей за бездѣлицы, за пустяки, за несогласіе въ койкакихъ церемоніяхъ, за то на чемъ Сумароковъ основалъ Семиру; великій магистръ выгоденъ на сценѣ для актёра шарлатана; но есть ли въ немъ натура? вся роль его не одна ли декламація съ доски до доски? есть стихи безподобные, вотъ по моему мнѣнію главное достоинство, или паче единственное, этой трагедіи. Извините что спорю, но вы знаете какой я другъ правды въ разговорахъ, и натуры въ трагедіяхъ. Смерть храмовыхъ рыцарей можно было на три манеры въ драмѣ вывести: либо они герои и правые люди, а король Филиппъ и папа злодѣи; либо Король и папа за дѣло казнятъ еретиковъ и бунтовщиковъ; либо (какъ и было дѣло) обѣ стороны не безъ грѣха: тогда участія будетъ мало, но вѣрности исторической, поученія много; какимъ же образомъ всѣ они хороши, всѣ добры и всѣ другъ друга губятъ, не понимаю. Я такъ заговорился объ этомъ что и листъ къ концу: правда отселѣ не много

---

[1]) Знаменитая комедія Мольера, въ переводѣ Ивана Кропотова („Тартюфъ, или Лицемѣръ") была представлена въ первый разъ въ Петербургѣ въ ноябрѣ 1757 г. (Драматич. словарь 1787 г., стр. 136). Въ 1809 г. въ Москвѣ появилась передѣлка „Тартюфа" на русскіе нравы, принадлежащая Алексѣю Михайловичу Пушкину („Ханжеевъ или Лицемѣръ", комедія Мольера въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, вольный переводъ), поставленная на сценѣ Московскаго театра въ 1810 г. Послѣ длиннаго перерыва „Тартюфъ" появился на Московской сценѣ только 3 января 1836 г. въ передѣлкѣ А. С. Норова („Фарисеевъ или Лицемѣръ"). Переводъ же пьесы Мольера, исполненный Н. И. Хмельницкимъ и одобренный къ представленію въ 1828 г., былъ данъ въ первый разъ въ Петербургѣ 15 декабря 1841 г. (В. Родиславскій „Мольеръ въ Россіи". „Русскій Вѣстникъ" 1872 № 3, ст. 38—96).

[2]) Трагедія François-Just-Marie Raynouard (1761—1836) представл. въ первый разъ въ Comédie Française въ 1805 г.

найдется о чемъ и писать: ждемъ весны, птицы уже нѣкоторыя прилетѣли, но рѣки еще стоятъ и снѣга глубоки. Пользуйтесь, милый Николай Ивановичъ, пользуйтесь благословеннымъ небомъ, но не забывайте и тѣхъ кто живетъ въ Кологривѣ.

Павелъ Катенинъ.

Къ письму приложены два стихотворенія Державина, переведенныя Катенинымъ на франц. языкѣ:

Les Graces.

Jaloux de marcher sur les traces
De l'amoureux Anacréons,
Je voulais celebrer les Graces.
En courroux le Dieu d'Hélicon
Vint et me dit: „Que veux-tu faire?
Où sont ta raison et tes sens?
Ose comparer, téméraire,
Aux immortelles tes accens!
Mortel! as tu gravi la cime
De l'Olympe, séjour dex Dieux?
Ton oeil, que tant d'audace anime,
Soutiendra-t-il l'éclat des cieux?
As tu vu les Graces modestes,
Jeunes et brillantes d'appas,
Au doux son des lyres célestes
Cadencer leurs jeux et leurs pas?
Leur démarche est tantôt sévère,
C'est l'oiseau brillant de Junon;
Leur danse tantôt est legère,
C'est la colombe du vallon.
Leur front dissipe les alarmes,
Leur aspect bannit les douleurs:
Dans tous leurs pas de secrets charmes
Touchent et captivent les coeurs.
As-tu vu ces robes flottantes,
Ces beaux yeux où se peint l'azur,
Ces chevelures ondoyantes,
Ce regard si tendre et si pur?

As-tu vu le coeur des déesses,
Et Pallas au divin séjour
Les accabler de leurs caresses
Et les baiser avec amour?
As-tu vu la beauté divine,
Et les Graces, filles du ciel?"
Je répondis: „De Catherine
„J'ai vu les nièces". — L'Immortel
Doucemert daigna me sourire,
Il mit sa lyre à mes côtés,
Je m'en saisis dans mon délire,
Et je chantai mes Déités.

Le Triomphe de la beauté.

Lorsqu' Athènes, pour prix de l'olivier fertile,
Au belliqueux Neptune eut préféré Pallas,
Un lion s'approcha de la naissante ville,
Et la crainte et la mort marchaient devant ses pas.

On ne vit point alors la déesse irritée
De sa lance homicide armer son bras puissant;
Hébé, quittant des dieux la demeure enchantée,
Vint à sa voix dompter le monstre rugissant.

Se couvrant aussitôt de l'immortelle égide,
Minerve la conduit sous son arbre sacré;
Elle pressa en ses bras cette vierge timide
Qui baisse en rougissant un oeil mal assuré,

Cependant le lion parcourait le rivage,
Et devant lui fuyaient les troupeaux effrayés.
Il voit Hébé: soudain il perd tout son courage,
Il hésite, il chancelle, il se couche à ses pieds.

Ses yeux pleins de langueur contemplent son amante [1]);
D'un feu brûlant et doux son coeur est consumé,
Il baise cette main légère et caressante,
Il courbe un front soumis, repentant, désarmé.

---

[1]) Ceci fait allusion à une princesse russe qui devait épouser un roi de Suède (прим. въ Mercure du XIX siècle).

Il implore Pallas; la déesse d'Athènes
Lit dans son coeur, sourit, l'écoute avec bonté;
De myrtes, et de fleurs lui présente des chaines
Et livre son captif aux mains de la beauté.

Сообщилъ А. Чебышевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

По поводу статьи „Воспоминанія гр. К. К. Бенкендорфа о кавказской, лѣтней, экспедиціи 1845 г.“ [1])

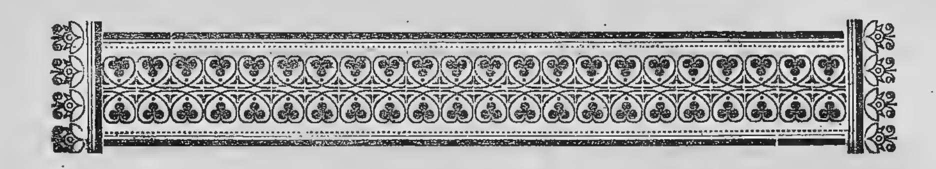
Въ ноябрьской книжкѣ „Русской Старины“ за 1910 г. помѣщены воспоминанія графа К. К. Бенкендорфа о Кавказской лѣтней экспедиціи 1845 г., гдѣ, между прочимъ упоминается о генералѣ Лабынцевѣ, съ указаніемъ, что онъ былъ сынъ бѣднаго священника, солдатъ съ раннихъ годовъ своей жизни и проч.

Въ видахъ возстановленія истины, считаю необходимымъ исправить эту неточность. Родъ Лабынцевыхъ, къ которому принадлежалъ упоминаемый гр. Бенкендорфомъ Иванъ Михайловичъ Лабынцевъ, мой отецъ, происходитъ изъ дѣтей боярскихъ и записанъ въ 6-й части родословной дворянской книги по Тульской губерніи. На это имѣются доказательства въ дворянскихъ грамотахъ и въ послужномъ спискѣ, при семъ прилагаемыхъ.

Екатерина Ивановна Клингенбергъ, рожденная Лабынцева.

[1]) Статья эта препровождена съ приложеніемъ упоминаемыхъ въ статьѣ документовъ, при письмѣ на имя редактора. *Ред.*

М. И. Драгомировъ во время Австро-Прусской войны[1].

(Изъ воспоминаній).

* * *

Говоря о томъ, что, по заведенному въ Пруссіи или народившемуся силою обычая, традиціонному порядку, согласно которому, при неудачномъ исходѣ боя, исключается возможность безпричинныхъ за это нападокъ на кого-либо изъ участниковъ,—Мих. Ив. Драгомировъ въ этомъ случаѣ подъ участниками разумѣлъ высшихъ отвѣтственныхъ начальниковъ; при этомъ онъ говорилъ: „большая слава той арміи, въ которой это такъ сложилось", благодаря установившейся въ ней строжайшей исполнительности всѣхъ и каждаго въ отношеніи долга чести.

Оставаться безъ отвѣта за свои распоряженія нельзя, но установленіе отвѣтственности за нихъ безъ разбора того, насколько они дѣйствительно повели къ неудачѣ, ведетъ за собой отнятіе у военачальника всякой вѣры въ себя и въ свои силы.

Довольно и той отвѣтственности, которую каждый,—при условіи идеальной, твердой и неотступной исполнительности,—несетъ передъ своей совѣстью.

Какъ здраво, толково и спокойно можно, ведя военныя операціи, дѣлать свое высокое дѣло въ бояхъ, когда знаешь, что за простую случайность не придется попусту отвѣчать и что нѣтъ надъ тобой высшаго, но, по существу, мелкаго суда, руководства котораго не чужда и простая придирчивость, и нелѣпая подозрительность, и, главное, всесильная завистливость.—И развѣ, вѣчно висящій надъ военачальникомъ и съѣдающій его самостоятельность Дамокловъ мечъ не помогаетъ склонять ходъ каждаго боя, а затѣмъ, и исходъ всей кампаніи въ сторону вражеской побѣды!

О себѣ въ этомъ отношеніи пруссаки даже и не говорятъ; до

---

[1]) См. „Русскую Старину" январь 1911 г.

такой степени они съ этимъ сроднились, освоились, до такой степени въ нихъ это вкоренилось, — войдя въ плоть и кровь ихъ арміи.

За время движенія отъ границы и до самаго побѣдоноснаго завершенія кампаніи подъ Кёниггрецемъ, разсказывалъ М. И. Драгомировъ, случалось быть свидѣтелемъ полученія извѣстій о частныхъ неудачахъ; объ нихъ всѣ инстанціи, стоявшія надъ потерпѣвшими военачальниками, выслушивали подробныя донесенія, разсуждали, давали указанія, но безъ малѣйшей тѣни „осужденія, а въ особенности безъ забраковки изъ-за мелочи всего прошлаго въ заслугахъ и начальника, и частей, ему подчиненныхъ; все рѣшалось быстро, серьезно; ни злорадству, ни иному постороннему чувству никогда при этомъ не было мѣста"; и ни одинъ изъ начальниковъ, имѣвшихъ неудачу, не былъ ни смѣщенъ, ни отставленъ: въ каждомъ изъ нихъ высшая власть была увѣрена;—увѣренность эта въ Пруссіи съ полнымъ безпристрастіемъ пріобрѣтается въ мирное время, когда каждаго начальника съ полной, серьезной добросовѣстностью изучаютъ вдоль и поперекъ; въ мирное время армія и очищается отъ тѣхъ, съ которыми въ другой странѣ пришлось бы возиться при боевой обстановкѣ, въ ущербъ дѣлу; въ интересахъ войны, а слѣд. въ чаяніи пользъ государства, на войну не долженъ проскакивать ни одинъ начальникъ сомнительный въ отношеніи способностей и военныхъ знаній, коими онъ обладаетъ.

* *
*

Пруссаки вообще, въ каждый моментъ хода кампаніи, были хорошо, до мелкихъ подробностей, освѣдомлены обо всемъ, что творилось у непріятеля; они всегда имѣли возможность видѣть, въ какой степени у него политика нападокъ на начальниковъ, переживавшихъ мелкія неудачи, и практика осрамленія ихъ постоянно вредила тамъ общему ходу всего дѣла; они видѣли у себя какое счастье для сути этого дѣла заключалось въ томъ, что у нихъ не практиковалась та слѣпая злоба, которая у австрійцевъ пагубно играла въ руку лишь врагу,—въ данномъ случаѣ имъ, пруссакамъ,—при чемъ убивала духъ „поднадзорныхъ" начальниковъ частей, мѣшала имъ вѣрно думать, вѣрно дѣйствовать, отнимая возможность быстро усматривать свой промахъ, во-время его поправлять, идти смѣло, беззаботно впередъ, думать лишь о стоящемъ передъ ними внѣшнемъ врагѣ и совершенно забывать о внутреннемъ, сидящемъ далеко и высоко въ видѣ судилища, скашивающаго всякую вѣроятность успѣха.

Еще великій нашъ Суворовъ, по словамъ М. И. Драгомирова, говаривалъ: „Господь съ нимъ съ гофкригсратомъ, онъ весь и созданъ у австрійцевъ въ угоду ихъ врагамъ, только имъ постоянно

„и приноситъ пользу; сколько онъ сметаетъ такихъ начальниковъ, „съ которыми непріятелю считаться бы да считаться, а ихъ замѣ- „няютъ ничего несмыслящими грошовками“.

Относительно вѣры, съ которою въ прусской арміи высшія военныя власти смотрѣли на своихъ подчиненныхъ, водившихъ части войскъ въ бой, „генералъ Драгомировъ не зналъ, кому отдать предпочтеніе: начиная съ короля Вильгельма и продолжая кронпринцемъ Фридрихомъ, генераломъ Мольтке, принцемъ Фридрихомъ-Карломъ, военнымъ министромъ фонъ Рономъ,—всѣ одинаково свято хранили этотъ завѣтный обычай, если и незаведенный Фридрихомъ Великимъ, то въ самомъ началѣ имъ твердо поддержанный; всѣ на немъ стояли, всѣ помнили, сколь преступно связывать волю полководца, насколько велика честь развязывать ему свободу и тѣмъ самымъ помогать побѣдамъ своей арміи. Умѣнье сохранять за каждымъ военачальникомъ полную самостоятельность высоко цѣнилось въ Пруссіи и дававшими ее и въ особенности, конечно, получавшими. Это пруссаки умѣли дѣлать, ставя однако съ полнымъ искусствомъ, вообще, на первый планъ суровость въ строгости взысканій за всякія упущенія, кои являются результатомъ „халатности по отношенію къ высшему долгу“. Въ Пруссіи, говорилъ Мих. Ив. Драгомировъ, еще не родился тотъ человѣкъ, который отважился бы даже подумать о томъ, чтобы такая халатность, при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ, могла остаться безъ жестокой кары.—Крупное все карается, а мелочь не всегда и разбирается. „Въ этомъ отношеніи все точно разграничено зоркостью каждаго начальника и идеальною опредѣленностью его взглядовъ“.

* * *

Оглядываясь во всѣхъ отношеніяхъ на кронпринца Фридриха, М. И. Драгомировъ подчеркивалъ то обстоятельство, что онъ получилъ свое воспитаніе и образованіе, какъ научное, такъ и военное, всецѣло подъ руководствомъ своей умной матери,—знаменитой Августы [1]); причемъ какъ бы заимствовалъ отъ нея кротость, добросердечіе и точность (пунктуальность) во всемъ; отъ отца въ его натурѣ утвердилось мужество съ энергіей и „съ полной безпритязательностью“.

---

[1]) Августа находилась съ 1829 года въ супружествѣ съ принцемъ прусскимъ Вильгельмомъ; впослѣдствіи, онъ, пребывая въ этомъ счастливомъ бракѣ, сдѣлался королемъ прусскимъ, а затѣмъ и императоромъ германскимъ. Она была дочь Карла-Фридриха Саксенъ-Веймарскаго и великой княгини Маріи Павловны, дочери Имп. Павла, сестры Императора Николая Павловича. Міровую извѣстность въ 1870 году имѣли телеграммы, ежедневно посылавшіяся Вильгельмомъ ей съ театра военныхъ дѣйствій, въ особенности изъ Версаля и изъ Парижа,—въ минуты развязки этой громоносной кампаніи.

Когда Фрицъ заканчивалъ свое образованіе въ боннскомъ университетѣ, его не покидали ни попечительныя заботы матери, ни вліятельное руководительство его учителя-наставника Курціуса, котораго онъ полюбилъ со всею нѣжностью своего мягкаго, хорошаго сердца.

Продолжительное, предпринятое въ юношескихъ годахъ, путешествіе по Италіи, съ одной стороны дало принцу много хорошихъ минутъ жизни, а съ другой—указало массу хорошихъ направленій его мыслямъ, чувствамъ, знаніямъ и убѣжденіямъ. Самъ онъ всю свою жизнь давалъ большую цѣну путешествію своему по Россіи съ Мольтке и продолжительному въ ней съ нимъ пребыванію. Служба рядовымъ въ гвардейскомъ гренадерскомъ полку дала ему возможность оглянуться на все то, что онъ за годы своего ученья усвоилъ себѣ по части военной.—Его товарищи-сослуживцы, предаваясь воспоминаніямъ о томъ времени, когда принцъ вошелъ въ ихъ среду, на перерывъ, одинъ передъ другимъ, выставляли—сколько такту было проявлено имъ въ сношеніяхъ съ ними, сколько дорогой простоты при полномъ отсутствіи какого бы то ни было къ тому старанія,—часто болѣе обиднаго для среды простыхъ смертныхъ, чѣмъ даже заносчивое, нескрываемое высокомѣріе.—У принца, ставшаго съ той поры, и для офицеровъ и для солдатъ „уважаемымъ Фрицомъ", все проявлялось совершенно натурально, видно было, что ему нисколько не приходилось подавлять въ себѣ какое-либо чувство, которое не только окружающимъ, но и ему самому могло бы напоминать объ его высокомъ происхожденіи и положеніи. Привѣтливость, ласка, доброжелательность—все выливалось само собой.

„Этого нельзя достигнуть, минутно задавшись задачею къ тому; это является результатомъ врожденнаго благородства и укрѣпляется благородными вліяніями воспитанія".

Большою общею любовью пользовался кроткій принцъ также въ ту пору, когда ему, по обстоятельствамъ политическаго характера, пришлось, въ началѣ царствованія его отца, удалиться отъ дѣлъ, покинуть Берлинъ, а затѣмъ сдѣлаться правителемъ Помераніи и командиромъ расположеннаго тогда въ ней корпуса.

Но болѣе всего чувства трогательной любви и безпредѣльнаго уваженія къ нему развились въ періодъ датской войны 1864 года; въ этой войнѣ онъ собственно участвовалъ не въ качествѣ самостоятельнаго военачальника, но имѣлъ случай проявить чисто военныя способности и возбудилъ къ себѣ въ арміи чувства всеобщаго расположенія и уваженія, главнымъ образомъ тѣмъ, что дѣлилъ съ солдатами буквально всѣ труды зимней походной и боевой жизни.

Никто въ арміи,—отъ генерала до солдата,—не стремился идеализировать это, но каждой видѣлъ принца въ огнѣ, въ стужѣ, въ лишеніяхъ и чувствовалъ, что онъ совершенно отдавался тогда всему тому, чему отдавался отъ мала до велика каждый въ этой спартански-закаленной арміи.

М. И. Драгомировъ, возвращаясь при каждомъ удобномъ случаѣ къ разсказамъ о возбуждавшемъ въ немъ такую массу симпатіи принцѣ, не разъ говорилъ: „очень часто я разговариваю о кронпринцѣ, но сколько бы я ни вспоминалъ о немъ, никогда не придется ни сказать, ни подумать, чтобы этого было черезъ чуръ много".

* * *

Когда кронпринцъ со 2-й арміей совершилъ одинъ изъ самыхъ трудныхъ походовъ, проведя свое излюбленное дѣтище полнымъ бездорожьемъ черезъ множество горныхъ ущелій и, съ большимъ стратегическимъ умѣньемъ, къ моменту Кёниггрецскаго боя перелетѣлъ отъ Кёнигсгофа къ Хлуму, а затѣмъ также быстро вступилъ въ бой, давши такимъ образомъ нежданный перевѣсъ и рѣшительную побѣду пруссакамъ,—король Вильгельмъ тамъ же, на полѣ битвы, собравъ ближайшія части побѣдоносной арміи своей и начальниковъ частей, торжественно сказалъ: „трудно брать на себя оцѣнку заслугъ сына и награжденіе его, но въ данный моментъ мнѣ еще труднѣе было бы воздержаться отъ этого; справедливость должна заглушить во мнѣ всякую мнительность"; при этомъ онъ съ гордымъ видомъ возложилъ на побѣдителя знаки ордена „pour le mérite".

Кронпринцъ, не промедливъ ни минуты, обратился къ королю-отцу съ просьбой,—наградить неотложно всѣ части его арміи: „тогда только можетъ, сказалъ онъ, установиться та справедливость, о которой ты вообще думаешь и говоришь и которую всегда во всемъ привыкъ соблюдать". Не надо было обладать особою сентиментальностью для того, чтобы этотъ простой и въ такую минуту естественный порывъ показался трогательнымъ, замѣтилъ Мих. Ив., разсказывая объ этомъ эпизодѣ,—а затѣмъ добавилъ:

Очень живо вспомнилъ я, во всѣхъ подробностяхъ, эту сцену черезъ 11 лѣтъ, когда пришлось присутствовать при награжденіи Государемъ Императоромъ Александромъ Николаевичемъ командира VIII армейскаго корпуса генералъ-лейтенанта Ѳед. Ѳед. Радецкаго [1]) за переправу черезъ Дунай.

[1]) Извѣстно, что въ іюнѣ 1877 года черезъ три дня послѣ совершенія отрядомъ VIII корпуса подъ непосредственнымъ начальствомъ свиты Е. В. генералъ-маіора Драгомирова переправы черезъ Дунай отъ Зимницы къ Систову съ румынскаго берега на турецкій,—Государь со свитой, по наскоро-

* * *

Не мало М. И. Драгомировъ вспоминалъ и разсуждалъ также о командовавшемъ первою арміею принцѣ Фридрихѣ-Карлѣ Прусскомъ [1],—племянникѣ короля Вильгельма. Со своимъ двоюроднымъ братомъ—кронпринцемъ принцъ этотъ находился въ самой тѣсной дружбѣ и вообще въ жизни, своими постоянными близкими съ нимъ сношеніями, оказывалъ на него большое вліяніе. Къ началу кампаніи Фридриху-Карлу исполнилось 38 лѣтъ; молодой, сильный, энергичный, онъ къ этому времени былъ полонъ боевого опыта; уже въ 1848 году—онъ, двадцатилѣтнимъ юношей, состоя при штабѣ своего дяди Вильгельма (впослѣдствіи король и императоръ), который его передалъ въ распоряженіе многоопытнаго, маститаго фельдмаршала гр. Врангеля, онъ принималъ участіе въ походѣ на Шлезвигъ, а затѣмъ въ 1849 г.—въ баденскомъ походѣ, при чемъ былъ раненъ въ плечо на вылетъ.

Получивъ солидное военное образованіе подъ руководствомъ приставленнаго къ нему въ качествѣ наставника, — знаменитаго генерала фонъ-Роона, который впослѣдствіи, т. е именно въ годы войнъ Австрійской и Французской, очень долго (съ 1858 г.) въ Пруссіи занималъ постъ военнаго министра,—принцъ Фридрихъ-Карлъ всю свою жизнь посвятилъ не только службѣ въ войскахъ, но и спеціальному, глубокому изученію военнаго дѣла. Блестящія дарованія, которыя онъ проявилъ, сложили въ войскахъ и въ народѣ о немъ понятіе, какъ о человѣкѣ по военной части изъ ряду выходящемъ; въ особенности подчеркивалась его необычайная твердость; и войска и народъ видѣли въ немъ олицетвореніе „непобѣдимаго героя“.

наведенному войсками мосту, прибылъ въ Систово; объѣзжая на турецкомъ берегу свои войска и высказывая имъ горячую благодарность, Его Величество передалъ Радецкому высокую награду — орденъ св. Георгія 3-ей степени.

— Нѣтъ, нѣтъ, Ваше Величество, посторонившись, смущенно заговорилъ скромный кавказскій герой, это не мнѣ, это Михаилу Ивановичу, онъ совершилъ...

— Возьми, возьми, сказалъ, въ высшей степени добродушно засмѣявшись Государь; успокойся, не будетъ забытъ и твой Михаилъ Ивановичъ; вслѣдъ за тѣмъ Государь обратился къ Драгомирову, подавая ему такой же орденъ: вотъ и тебѣ крестъ, напрасно твой начальникъ подумалъ, что я о тебѣ забылъ; никогда твоя и твоего молодецкаго отряда заслуга забыта не будетъ.

[1]) Сынъ принца Карла, младшаго (третьяго) сына короля Карла Фридриха Вильгельма III, котораго старшій сынъ Фридрихъ Вильгельмъ IV наслѣдовалъ ему (въ 1840 г.), а впослѣдствіи (въ 1861 г.) передалъ престолъ второму сыну—Вильгельму I. Принцъ Фридрихъ Карлъ родился въ 1828 году, ум. въ 1885 году.

Во время „Датской войны“ онъ въ особенности стяжалъ себѣ эту славу или вѣрнѣе довершилъ стяжаніе ея; въ этой кампаніи онъ командовалъ II арміей, и при немъ находился Мольтке. Это многимъ кололо глаза; здѣсь произошло тоже, что впослѣдствіи вышло съ кронприцемъ [1]): завистливые умы приписывали успѣшность дѣйствій принца всецѣло этому, какъ они выражались, „счастливому обстоятельству“; но въ арміи вообще этой праздной и пустой болтовнѣ дана была вѣрная оцѣнка:—самостоятельныя и громадныя заслуги способнаго принца злымъ языкамъ не удалось нисколько умалить.

Принцъ Фридрихъ-Карлъ съ юныхъ лѣтъ усидчиво и старательно занимался военной исторіей; изучая дѣйствія полководцевъ, какъ древнихъ, такъ и новѣйшихъ, онъ въ полныхъ подробностяхъ ознакомился съ походами своего прадѣда — Фридриха II — великаго, нашего славнаго,—не менѣе великаго, Суворова и, главнымъ образомъ, великолѣпнаго [2]) Наполеона.—Впослѣдствіи онъ не только самъ продолжалъ настойчиво изучать военную исторію, тактику, стратегію, но какъ бы поставилъ себѣ задачей привлекать другихъ къ серьезнымъ занятіямъ; у него часто по зимамъ происходили военныя бесѣды, на которыхъ читались и разбирались классическія военныя сочиненія, а также вообще, обращавшія на себя вниманіе, произведенія печати всего міра; ничто спеціально-военное не пропускалось; не пропускались при томъ изъ ряду выходившіе вопросы науки и жизни вообще. М. И. Драгомировъ, при первой же встрѣчѣ съ принцемъ, былъ имъ прямо приглашенъ на обѣдъ и въ тотъ же день вечеромъ имѣлъ удовольствіе присутствовать у него на многолюдномъ собраніи при разборѣ нѣсколькихъ весьма серьезныхъ, военныхъ вопросовъ. Тамъ онъ встрѣтился и познакомился съ нѣкоторыми наиболѣе видными представителями военнаго и ученаго міра. Между прочимъ М. И. не мало подчеркивалъ сдѣланное имъ тогда знакомство съ Вирховымъ [3]).

---

[1]) См. „Русская Старина“, январь, стр. 220 и 225.

[2]) Самъ принцъ его такъ называлъ: „prachtvoll“. Въ этомъ талантливомъ принцѣ замѣчались остатки любви ко всему французскому; начинателемъ этого пристрастія считается Фридрихъ Великій: онъ крайне увлекался французской литературой, много не только читалъ, но и писалъ по-французски; извѣстно, что среди другихъ ученыхъ, у него въ Санъ-Суси прожилъ довольно долго Вольтеръ.

[3]) Спеціалистъ по анатоміи глубокоученый клиницистъ; антропологъ; онъ основалъ „патологію клѣточки“.—Почти со дня вступленія на престолъ Вильгельма I принималъ большое участіе въ занятіяхъ прусской палаты депутатовъ, какъ представитель прогрессистовъ. Впослѣдствіи явился членомъ германскаго рейхстага, въ которомъ много и рѣшительно боролся съ Бисмаркомъ, но напрасно.

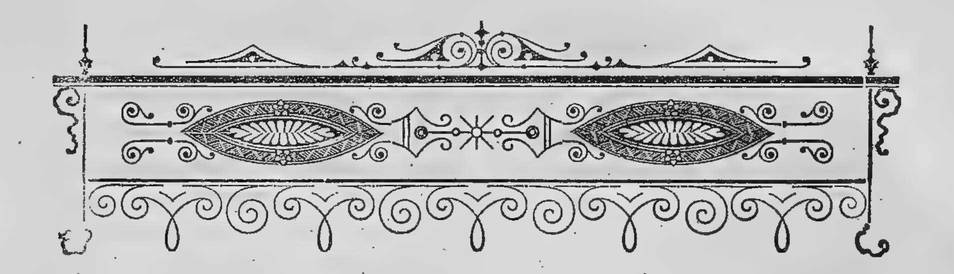
— „Вотъ какъ намъ посчастливилось, говорилъ, возвращаясь съ этого вечера, гр. Голенищевъ-Кутузовъ; принцъ постоянно,—сколько я его помню,—устраиваетъ по два-три раза въ недѣлю такіе вечера; у него собираются избранные имъ, ставшіе ему близкими люди; на этихъ вечерахъ разбираются самые разнообразные вопросы, военные по преимуществу, но не исключительно военные. За нѣсколько лѣтъ моего пребыванія въ Берлинѣ я имѣлъ не разъ честь быть приглашеннымъ на эти серьезные вечера и всегда выносилъ изъ нихъ много поучительнаго".

Еще принцъ былъ очень молодымъ, когда вдругъ обнаружилось, что авторомъ вышедшаго въ Германіи глубоко-научнаго сочиненія подъ заглавіемъ „Военное устройство во Франціи", оказался онъ.— Въ мельчайшихъ деталяхъ, чрезвычайно мѣтко, было имъ разобрано устройство французсихъ войскъ и всей военно-административной части ихъ, съ организаціей, вооруженіемъ, снабженіемъ, тактикой, администраціей; сочиненіе это вызвало много полемики въ прусскихъ военныхъ сферахъ и надѣлало много шуму; раньше чѣмъ имя автора стало извѣстнымъ, оно явилось крайне авторитетнымъ и было признано высоко-талантливымъ; на это сочиненіе дѣлались ссылки, изъ него брались извлеченія, какъ въ самыхъ серьезныхъ случаяхъ, вообще, такъ и при желаніи популяризировать проводившіяся въ немъ знанія и идеи.

Все, что во французской арміи ея свѣтлаго—бонапартовскаго,—періода было, благодаря генію Наполеона, принято тонко-поучительнаго, прусская армія впослѣдствіи усвоила себѣ;—этому могущественно содѣйствовалъ принцъ Фридрихъ-Карлъ, говоритъ въ своемъ оффиціальномъ отчетѣ М. И. Драгомировъ. На мѣстѣ, среди представителей прусской арміи, М. И. слышалъ, что принцъ Фридрихъ-Карлъ былъ въ очень раннихъ годахъ произведенъ въ генералы-отъ-инфантеріи за крайне умѣлое, первенствующее участіе въ преобразованіи арміи.—Кромѣ того, что принцъ самъ весь отдался книжному изученію военнаго дѣла,—онъ съ замѣчательнымъ вниманіемъ предавался всевозможнымъ личнымъ заимствованіямъ въ тѣхъ случаяхъ, когда доводилось ему находиться подъ вліяніемъ и руководствомъ такихъ высокоталантливыхъ военно-ученыхъ, какими были въ свое время фельдмаршалъ графъ Врангель, генералы Мольтке, Роонъ, Фойгтъ-Рецъ и др.

Въ своемъ отчетѣ Мих. Ив. Драгомировъ какъ бы воскликнулъ: „принцъ Фридрихъ-Карлъ въ настоящую эпоху безспорно принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ генераловъ въ Европѣ".

(Продолженіе слѣдуетъ). А. Е. К.

Новыя данныя изъ армянской литературы о Нинѣ Александровнѣ Грибоѣдовой.

(Матеріалы для біографіи А. С. Грибоѣдова) [1]).

Какъ разсказывалъ Агаларъ-ханъ, грамотѣ на армянскомъ и грузинскомъ языкахъ онъ научился въ дѣтствѣ въ Тифлисѣ у протоіерея Дчграшенской церкви отца Петроса Теръ-Петросянца, который—какъ хорошій знатокъ грузинскаго языка — состоялъ у грузинскихъ царей, или лучше сказать, былъ при царскомъ дворѣ придворно-домашнимъ учителемъ; въ то же время былъ письменнымъ толма-

---

[1]) Въ полномъ собраніи сочиненій А. С. Грибоѣдова, т. I, стр. 334, изданномъ въ 1889 году подъ редакціей профессора Ил. А. Шляпкина, а также въ собраніи сочиненій того же автора, стр. 381, вышедшемъ въ 1892 году подъ редакціей извѣстнаго писателя Арс. Ив. Введенскаго, мы находимъ письмо Грибоѣдова изъ Казвина, отъ 24 декабря 1828 года, къ своей супругѣ Нинѣ Александровнѣ—въ то время жившей въ Тавризѣ—которое авторъ комедіи „Горе отъ ума", между прочимъ, заканчиваетъ слѣдующими словами: „Прощай, безцѣнный другъ мой, еще разъ, поклонись Агалобеку, Монтису и прочимъ".

Предметомъ настоящей статьи будетъ выясненіе вопросовъ: кто были этотъ Агалобекъ (или правильнѣе Агало-бегъ) и его жена Гёозала-ханумъ и какую роль они сыграли въ дѣлѣ отъѣзда Нины Александровны Грибоѣдовой изъ Тавриза въ Тифлисъ послѣ звѣрскаго убійства ея супруга въ Тегеранѣ?

Отвѣты на эти вопросы мы находимъ въ книгѣ армянскаго писателя Галуста Шермазаняна.

чемъ армянскаго языка. А персидскій, арабскій и татарскій языки Агаларъ—какъ необходимый долгъ—изучалъ въ домѣ своего отца и, достигнувъ совершеннолѣтія, былъ назначенъ переводчикомъ при дворѣ грузинскаго царевича Георгія. Одинъ изъ грузинскихъ царей отнялъ у Эниколопянцъ [1]) какія-то имѣнія; но старшій братъ Агало-бега мирза-Авраамъ, состоявшій переводчикомъ при грузинскомъ царѣ—послѣднемъ Ираклiѣ, прилагаетъ стараніе и возвращаетъ эти имѣнія, и такъ какъ онъ не даетъ долей другимъ своимъ братьямъ, то между ними выходитъ разладъ; тогда Агало ссорится

Шермазанянъ написалъ книгу подъ заглавіемъ: „Знаменитые армяне въ Персіи". (—Матеріалы для національной исторіи—). Тридцать девятую главу этого сочиненія составляетъ статья подъ заглавіемъ:

„Агало-ага, онъ-же Агаларъ-ханъ Эниколопянцъ". Въ примѣчаніи къ приведенному заглавію Шермазанянъ пишетъ слѣдующее: „съ 1840 года по 1844 годъ въ Тавризѣ я былъ сосѣдомъ Агаларъ-хана; почти каждый день мы бывали другъ у друга, или онъ у меня, или я у него; вмѣстѣ обѣдали или ужинали; тогда я интересовался узнать отъ него не только его біографію, но и біографіи всѣхъ армянъ и грузинъ плѣнниковъ. Покойный обладалъ удивительно хорошею памятью: очень часто говорилъ и годы событій. Онъ былъ веселый разсказчикъ и любилъ каламбуры; его разсказы отличались остроуміемъ и были полны юмора.

Изъ слышаннаго отъ него мною было написано около ста листовъ, изъ коихъ бо́льшая часть пропала, и теперь что я пишу объ Агаларъ-ханѣ, то составляетъ или оставшееся въ памяти или пополнилъ изъ оффиціальныхъ переписокъ".

А въ самой статьѣ подробно излагается жизнь и дѣятельность Агало-бега и его жены сначала на Кавказѣ, а затѣмъ въ Персіи въ связи съ тою ролью, которую они сыграли въ дѣлѣ отъѣзда Нины Александровны изъ Тавриза въ Тифлисъ послѣ убійства ея супруга.

Какъ совершенно новый матеріалъ для будущихъ біографовъ А. С. Грибоѣдова, мы и перевели эту главу изъ книги Шермазаняна—за исключеніемъ той части ея, которая не имѣетъ никакого отношенія къ предмету нашей статьи—и дополнили тѣми разъясненіями, которыя необходимы для русскаго читателя.

Чтобы не повторяться, здѣсь мы считаемъ нужнымъ оговорить, что объ общественной и литературной дѣятельности Галуста Шермазаняна мы уже довольно подробно говорили въ журналѣ „Русская Старина"—за октябрь 1901 годъ (см. нашу статью: „Кончина А. С. Грибоѣдова по армянскимъ источникамъ").

М. Я. А.

[1]) Фамилія Эниколопянцъ дала много знатныхъ лицъ; кромѣ Агаларъ-хана, его братьевъ—Авраама и мирзы-Ростома, о которыхъ рѣчь будетъ впереди, слѣдуетъ отмѣтить Манучаръ-хана, главнаго шахскаго евнуха, который въ 1820-хъ годахъ въ Гиляни при шахскомъ сынѣ Ягъ-Ча-Мирза управлялъ намѣстничествомъ. (Ср. статью „О Гиляни" А. С. Грибоѣдовъ. Полное собраніе соч. Грибоѣдова подъ редакціей профессора Ил. А. Шляпкина. Т. I, стр. 70, СПБ. 1889 г.).

Примѣчаніе переводчика.

съ братьями и уѣзжаетъ въ Ахалцыхъ, гдѣ назначается у мѣстнаго паши переводчикомъ армянскаго, грузинскаго и персидскаго языковъ.

Спустя нѣсколько лѣтъ онъ слышитъ, что русскія войска дошли до Тифлиса и, надѣясь, что теперь въ силу русскихъ законовъ сможетъ что-нибудь сорвать у брата, выдѣлить свою долю наслѣдственныхъ имѣній, оставляетъ Ахалцыхъ и ѣдетъ въ Тифлисъ; но видитъ, что его братъ человѣкъ съ высокимъ положеніемъ, назначенъ переводчикомъ русскаго областного начальника; по этому поводу Агаларъ говорилъ: „съ большимъ шумомъ и трескомъ я ѣхалъ, какъ будто долженъ былъ растерзать или задушить мирзу-Авраама; но, какъ только въѣхалъ въ Тифлисъ, съ одного и съ другого конца началъ знакомиться съ его дѣлами и убѣдился, что нѣтъ, дѣло мое опять дрянь! тогда самъ про себя сказалъ: „Киракосъ, помалкивай, братъ; я и замолчалъ и очень сожалѣлъ, что пріѣхалъ изъ Ахалцыха, но что пользы, когда уже все кончено.

Привезъ съ собою нѣсколько пятаковъ денегъ и тѣ израсходовалъ, остался нищимъ; мыши начали плясать въ карманахъ то лезгинку, то мирзаю [1]); а люди думали, что я привезъ сто тумановъ [2]) денегъ, поэтому въ день пять-шесть моцикуловъ, т. е. свахъ, приходили ко мнѣ съ предложеніемъ жениться. Но какъ было жениться! Чѣмъ я долженъ былъ содержать жену! Одна пришла и сказала: „Ифрумовы хотятъ выдать за тебя свою дочь, которая имѣетъ приданое въ 20 тумановъ.

— Развѣ, услышавшій о двадцати туманахъ, не женился бы?

Въ то время двадцать тумановъ равнялись нынѣшнимъ тысячѣ туманамъ. Я далъ слово, пошелъ въ церковь, посмотрѣлъ Гёозалу (его жена), она мнѣ понравилась и я женился“.

Въ 1804 году начальникъ Грузіи узналъ, что Агало намѣревается тайно уѣхать въ Персію къ грузинскому князю Александру, поэтому приказалъ арестовать его, но когда слѣдствіе выяснило, что этотъ слухъ—клевета, его освободили изъ тюрьмы [3]).

---

[1]) Мирзая и лезгинка—восточные танцы. *Примѣчаніе переводчика.*

[2]) Туманъ того времени равнялся почти 4 рублямъ; а въ настоящее время туманъ въ Персіи равняется двумъ рублямъ и 50 копѣйкамъ.
Примѣчаніе переводчика.

[3]) „Акты собр. Кавказ. арх. III т., стр. 232“. Агаларъ-ханъ говорилъ по поводу этого происшествія слѣдующее: „мы были рады, что избавились отъ грузинской клеветы, но нѣтъ! увидѣли, что клевета русскихъ побольше и опаснѣе“.

Примѣчаніе автора.

Генералъ Несвѣтаевъ [1]), узнавъ, что Агало когда-то былъ въ Ахалцыхѣ и знакомъ съ мѣстнымъ пашою и знатными лицами, въ 1806 году поручилъ ему одну оффиціальную бумагу на имя мѣстнаго паши Селима, чтобы Агало ее доставилъ и передалъ пашѣ кое-какія словесныя порученія; въ то же время просилъ секретно узнать отъ него, для чего идутъ тѣ военныя приготовленія, которыя дѣлаются въ Ахалцыхѣ? Агало это порученіе исполнилъ точно, поэтому Несвѣтаевъ обѣщалъ ему дать какую-нибудь должность; тогда Агало сталъ изучать русскій языкъ. Узнавъ же, что его братъ мирза-Авраамъ дѣлается помѣхою въ полученіи имъ должности, Агало въ 1808 году въ началѣ іюля уѣхалъ въ Эчміадзинъ и оттуда въ Тавризъ къ другому брату мирзѣ-Ростому. Послѣдній представилъ его наслѣднику персидскаго престола Аббасу-Мирзѣ, который назначилъ ему ежегодное жалованье въ двадцать тумановъ персидскими деньгами (шестьдесятъ рублей русскими), подарилъ ему одну лошадь и приказалъ записать его куламомъ въ число своихъ личныхъ всадниковъ, назвавъ его Агаларъ-бегомъ.

Впослѣдствіи, когда Агало-бегъ сдѣлался Агаларъ-ханомъ, онъ съ гордостью повторялъ въ обществѣ: „я вступилъ въ Иранскую землю съ однимъ ружьемъ—кобачи, съ однимъ пистолетомъ, однимъ кинжаломъ, одною коростовою шашкою, одною буркою, съ однимъ исхудалымъ старымъ мериномъ и съ шестью монетами тифлисскихъ абазовъ [2]) и со дня моего вступленія до смерти покойнаго

---

[1]) Генералъ Петръ Даниловичъ Несвѣтаевъ извѣстенъ, какъ герой въ войнѣ съ персами и съ турками. Онъ представляетъ собою типъ генерала, какихъ въ описываемое время было и на Кавказѣ не много. Прежде всего это былъ человѣкъ непомѣрной доброты. Онъ велъ спартанскій образъ жизни, ѣлъ солдатскую пищу, былъ доволенъ самой убогой обстановкой жилья и все, что оставалось у него отъ генеральскаго жалованья, отдавалъ солдатамъ и своимъ беднѣйшимъ офицерамъ. Генералъ Несвѣтаевъ былъ глубоко религіозный человѣкъ. Передъ сраженіемъ онъ нерѣдко обходилъ ряды, крестя готовившихся къ бою солдатъ. Умеръ Несвѣтаевъ въ разгарѣ турецкой войны, 17 іюня 1808 года, отъ желтой горячки. На Кавказѣ онъ носилъ прозвище „горскаго генерала“ и память о немъ надолго оставалась среди осетинъ и лезгинъ. *Примѣчаніе переводчика.*

[2]) Абазъ—двадцатикопѣечная серебряная монета. Послѣдній грузинскій царь Георгій XII часто любилъ одарять своего повара абазомъ; по этому поводу академикъ Н. Ѳ. Дубровинъ въ своемъ сочиненіи: „Георгій XII послѣдній царь Грузіи и присоединеніе ея къ Россіи“, изд. 1897 г. стр. 66, пишетъ слѣдующее: „очевидцы разсказываютъ, что Георгій, будучи уже царемъ Грузіи, сохранилъ свою привычку и страсть хорошо поѣсть. Обыкновенно, если онъ оставался доволенъ обѣдомъ, то призывалъ къ себѣ повара и, доставъ изъ кошелька или изъ длиннаго кисета, висѣвшаго всегда на поясѣ, абазъ, дарилъ его виновнику своего удовольствія“.

Примѣчаніе переводчика.

брата мирзы-Ростома, я велъ себя такъ скромно и жилъ такъ разсчетливо, что послѣ его смерти правительство, питая ко мнѣ большое довѣріе, назначило меня преемникомъ покойнаго брата въ государственныхъ дѣлахъ, и народъ—какъ армяне, такъ и персы считали меня человѣкомъ безвреднымъ.

Представьте—мое годовое жалованье было двадцать тумановъ; если не сказать скупо, то такъ скромно я жилъ, что въ теченіе трехъ лѣтъ собралъ тридцать тумановъ денегъ; взялъ и отнесъ Шермазану-агѣ, чтобы онъ, какъ вкладъ, сохранилъ въ своемъ ящикѣ.

Въ то время среди тавризскихъ армянъ богаче его и съ большей репутаціей, чѣмъ онъ, другого нельзя было найдти. Юноши, я вамъ говорю, слушайте, человѣку безъ средствъ трудно, очень трудно собрать столько денегъ своимъ честнымъ трудомъ; а собравъ, деньги эти сами собою увеличиваются, приращаются, умножаются. Черезъ четыре года я пошелъ къ хранителю своего вклада узнать счетъ постепенно отдаваемыхъ ему денегъ, и увидѣлъ, что изъ всѣхъ отданныхъ ему денегъ на храненіе образовалась сумма въ 180 тумановъ.

А хранитель вклада безъ моего вѣдома мои деньги пустилъ въ торговлю; причитая проценты на проценты образовалъ 240 тумановъ. Теперь вообразите себѣ, какую радость я испытывалъ!

Мы только вдвоемъ знали, что я былъ такъ богатъ! а другіе, глядя на мой скромный образъ жизни, думали, что я имѣю тысячу тумановъ, скрытыхъ, зарытыхъ въ землю. Тѣмъ не менѣе, основываясь на этомъ мнѣніи, какъ самъ Аббасъ-Мирза, такъ и знатныя лица его двора, когда возникало дѣло о какомъ-нибудь спорномъ капиталѣ, дѣло это поручали мнѣ, какъ въ городахъ, такъ и внѣ городовъ. Поэтому, если я кончалъ подобныя дѣла между двумя спорящими сторонами, то десятая доля должна была достаться мнѣ—какъ вознагражденіе—кромѣ моего прокормленія и прокормленія моихъ всадниковъ и моихъ лошадей.

Архіепископъ Нерсесъ [1]) (впослѣдствіи католикосъ) въ началѣ

---

[1]) Въ другомъ мѣстѣ своей книги Шермазанянъ—по поводу убійства А. С. Грибоѣдова—пишетъ слѣдующее: „неизвѣстное лицо въ письмѣ безъ подписи, адресованномъ изъ Тегерана аштаракскому Нерсесу (впослѣдствіи католикосу), описывая это печальное происшествіе, т. е. убійство посла, сообщало, что число убитыхъ достигало 54 человѣка; а русскіе оффиціальные источники показываютъ, что число однихъ пришедшихъ на поиски плѣнниковъ достигало 48 лицъ“.

Примѣчаніе переводчика.

1812 года ѣдетъ въ Тавризъ по дѣламъ Эчміадзинскаго престола и останавливается въ домѣ Агаларъ-хана, съ которымъ затѣмъ представляется персидскому правительству, какъ полномочный повѣренный и представитель Эчміадзина, наблюдатель за монастырями и ихъ недвижимыми имуществами и какъ совѣщательный членъ епархіальныхъ начальниковъ Адербейджана.

Послѣ этого, когда у Эчміадзина возникало какое-нибудь дѣло съ персидскимъ правительствомъ, онъ обращался къ Агало-бегу, который заявлялъ Аббасу-Мирзѣ и, получивъ отъ него приказъ, направлялъ его по принадлежности. Земляки-армяне подчинялись ему—Агало-бегу, какъ покровителю націи, и когда возникалъ какой-нибудь споръ, обращались къ нему, и онъ защищалъ ихъ, то заявляя объ этомъ Аббасу-Мирзѣ, то пославъ письменное увѣдомленіе соотвѣтствующему губернатору. Агаларъ-бегъ разсказывалъ: „каждый разъ, когда я представлялся Аббасу-Мирзѣ по какому-нибудь дѣлу, хотя никогда ему не предлагалъ незаконнаго дѣла, которое тотъ отвергъ бы, тѣмъ не менѣе по моему тѣлу проходила дрожь не отъ страха, а потому, что ему было извѣстно, что я былъ женатъ, и моя жена въ Тифлисѣ, и пока она жива, я не могу жениться; ему было также достовѣрно извѣстно, что на моемъ челѣ не написано вѣроотступничество, поэтому онъ, какъ мусульманинъ, сынъ своего вѣка, когда бы то ни случалось, объявляя какой-нибудь секретъ или давая совѣтъ, имѣлъ право усомниться во мнѣ, тѣмъ болѣе, что очень часто между нами имѣли мѣсто такіе совѣты и секреты, которые касались христіанскихъ государствъ.

Думая обо всемъ этомъ, я самъ себя пугался; не могъ придумать никакого средства, которымъ можно было бы избавить не только его, но и себя отъ кажущагося подозрѣнія, терзавшаго мою душу. Наконецъ, обсудивъ этотъ вопросъ, я попросилъ Аббаса-Мирзу, чтобы онъ написалъ или послалъ человѣка въ Эчміадзинъ къ католикосу Ефрему съ ходатайствомъ передъ начальникомъ Грузіи разрѣшить переселиться моей семьѣ изъ Тифлиса въ Тавризъ; такъ какъ моя жена однажды желала получить паспортъ въ Тифлисѣ, и ей не дали, мотивируя отказъ тѣмъ, что начальникъ края не приказалъ. Когда моя семья пріѣхала въ Тавризъ, я уже избавился отъ подозрѣній; какъ прежде не испытывалъ страха отъ Аббаса-Мирзы, предлагая ему какое-нибудь дѣло, или выслушивая отъ него совѣтъ или какой-нибудь секретъ“.

Дѣйствительно, жена Алагаръ-бега много способствовала поднятію чести и репутаціи своего супруга, тѣмъ болѣе, что Гёозала-ханумъ была умна, краснорѣчива и вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчательная хозяйка, поэтому и Аббасъ-Мирза разрѣшилъ ей свободно и смѣло

входить въ его гаремъ, гдѣ и дамы гарема ее принимали съ большимъ уваженіемъ и почетомъ, такъ какъ она не только умѣла исполнять хорошія рукодѣлія, но знала готовить сласти, чему обучила женщинъ гарема [1]).

Итакъ, когда русскій посолъ Грибоѣдовъ былъ убитъ въ Тегеранѣ, его супруга Нина Александровна [2]), будучи беременной, оставалась въ Тавризѣ. Аббасъ-Мирза былъ ошеломленъ и не зналъ, какъ поступить, чтобы супруга посла отправилась изъ Тавриза въ Тифлисъ и тамъ бы услышала вѣсть объ убійствѣ своего мужа.

Въ этомъ печальномъ дѣлѣ большое участіе принималъ англійскій посолъ Макдональдъ [3]), такъ какъ онъ познакомился съ Грибоѣдовымъ еще въ Тавризѣ и очень уважалъ его супругу.

---

[1]) Здѣсь мы опускаемъ рядъ эпизодовъ изъ персидско-турецкой войны того времени, передаваемыхъ Галустомъ Шермазаняномъ, хотя и интересныхъ, но имѣющихъ мало отношенія къ предмету нашей статьи о Нинѣ Александровнѣ Грибоѣдовой, а лишь характеризующихъ того же Агаларъхана, личность котораго достаточно выяснилась изъ предыдущей части статьи и еще дополнится въ послѣдующемъ изложеніи.

Примѣчаніе переводчика.

[2]) Ольга Крамарева въ своей диссертаціи („Alexandre Sergiéevitch Griboïédov, sa vie—ses oeuvres", Thèse pour le doctorat, présentée à la Faculté des Lettres de l'Université de Paris par Olga Kramareva. Paris. 1907 an.) на стр. 123, такъ характеризуетъ Нину Александровну Грибоѣдову. „Dès 1822, Griboïédov avait fait la connaisance de la famille du prince Alexandre, et était devenu bientôt son ami. Nina vivait et se développait pour ainsi dire sous ses yeux; il était quelquefois son répétiteur de musique. Elle avait de très bons principes, était bonne, très belle, docile, et savait tenir son rang dans la société, quoiqu'elle n'eut pas une instruction qui pût intéresser Griboïédov. Elle était encore tout à fait jeune; elle n'avait même pas seize ans lorsqu'elle captiva le coeur de l'homme de trente—trois ans".

Переводъ: „Съ 1822 года Грибоѣдовъ познакомился съ семействомъ князя Александра и вскорѣ сталъ его другомъ. Нина росла и развивалась, такъ сказать, на его глазахъ; иногда онъ бывалъ ея учителемъ музыки.

Она обладала очень хорошими качествами: была добра, красива, покорна и умѣла поддерживать свое достоинство въ обществѣ, хотя она не имѣла образованія, которое могло бы интересовать Грибоѣдова.

Она была еще совершенно молодая; ей не было даже шестнадцати лѣтъ, когда она плѣнила сердце человѣка тридцати трехъ лѣтъ".

Примѣчаніе переводчика.

[3]) Ср. Ад. Берже. „Смерть А. С. Грибоѣдова"—„Русская Старина" за іюль 1872 года, стр. 173.

Макдональдъ пишетъ графу Паскевичу, между прочимъ, слѣдующее: „Бѣдная г-жа Грибоѣдова, невѣдающая еще о невознаградимомъ несчастіи, которое она понесла съ потерею мужа, имѣетъ пребываніе у насъ, гдѣ, какъ ваше превосходительство, такъ и скорбящіе родители ея могутъ быть увѣрены, не оставятъ приложить всѣ заботы и все вниманіе до устройства будущаго ея положенія".

Потому онъ посовѣтовалъ Аббасу-Мирзѣ, по крайней мѣрѣ, найдти женщину, которая была бы подругою супруги посла и постаралась бы убѣдить ее поѣхать въ Тифлисъ и тамъ разрѣшиться отъ беремени. Аббасу-Мирзѣ уже было извѣстно, что жена Агаларъ-хана (въ то время Агаларъ получилъ титулъ хана) Гёозала-ханумъ, будучи землячкою супруги посла, настолько дружна была съ нею, что онѣ почти все время бывали вмѣстѣ; поэтому Аббасъ-Мирза и Макдональдъ приглашаютъ ее и наставляютъ, какъ имъ, т. е. Гёозалѣ-ханумъ и Агаларъ-хану, слѣдуетъ поговорить съ супругою Грибоѣдова—Ниною и въ заключеніе сказать, что въ Тавризѣ нѣтъ акушера, а потому было бы хорошо, чтобы она поѣхала въ Тифлисъ и тамъ разрѣшилась отъ беремени. Всякій можетъ представить себѣ, какой трудный былъ этотъ вопросъ, такъ какъ Грибоѣдова совершенно не желала безъ приказа ея супруга ѣхать въ Тифлисъ, тѣмъ болѣе, что отъ Тавриза до Тегерана былъ путь отъ 5—6 дней; она хотѣла испросить у супруга разрѣшеніе и потомъ поѣхать, а ей сказали, что посолъ поѣхалъ съ шахомъ въ Хоросанъ. Какъ бы то ни было супруга посла послушалась [1]) совѣта Агаларъ-хана и Гёозалы-ханумъ, подъ условіемъ, чтобы и они также сопутствовали ей до Тифлиса.

Гёозала-ханумъ—по совѣту Макдональда—временно согласилась, но въ моментъ отъѣзда она умышленно притворилась больною и

„Если я буду такъ счастливъ, что успѣю убѣдить ее отправиться вмѣстѣ съ г. Амбургеромъ въ г. Тифлисъ (что въ ея положеніи есть самое спасительное средство, какое она можетъ избрать), то въ предупрежденіе всякой случайности въ теперешнемъ ея положеніи, не оставлю поручить одному изъ состоящихъ при мнѣ медиковъ имѣть за нею неослабное наблюденіе до сдачи ея на руки роднымъ или тѣмъ, кому будетъ поручено озаботиться о доставленіи ея къ нимъ“. *Примѣчаніе переводчика.*

[1]) Ср. Ад. Берже. „Смерть А. С. Грибоѣдова“—„Русская Старина“ за іюль 1872 г., стр. 204. „Удерживая Нину Александровну, писалъ Амбургеръ графу Паскевичу, отъ 10 февраля 1829 года, въ настоящемъ ея невѣдѣніи о ея несчастіи, я съ помощью англійскаго посланника уговорилъ ее ѣхать въ Тифлисъ. Англійскій докторъ, г. Кормикъ, ее сопровождаетъ, и я считаю обязанностью слѣдовать съ нею, о чемъ она меня просила, до нашей границы, гдѣ, я надѣюсь, она встрѣтитъ отца своего, котораго я предупредилъ“.

Сопоставляя письмо Макдональда съ письмомъ Амбургера, а затѣмъ съ изложеніемъ того же факта армянскимъ писателемъ Галустомъ Шерманяномъ, мы предоставляемъ читателю самому судить о томъ, кто сыгралъ большую роль въ дѣлѣ отъѣзда Нины Александровны изъ Тавриза въ Тифлисъ.

Примѣчаніе переводчика.

осталась въ Тавризѣ, а Агаларъ-ханъ поѣхалъ [1]) съ нею въ Тифлисъ, куда, какъ самъ говорилъ: „мнѣ было бы легче предводительствовать цѣлою арміею войска, чѣмъ провожать одну даму, да и то въ интересномъ положеніи, тѣмъ болѣе, что я безъ сна долженъ былъ наблюдать, чтобы никто по глупости, или по невѣдѣнію не объявилъ Нинѣ о такомъ ужасномъ убійствѣ ея супруга“!

Пріѣздъ Агаларъ-хана въ Тифлисъ и его пребываніе тамъ въ теченіе мѣсяца у меня свѣжо въ памяти, такъ какъ онъ нѣсколько разъ былъ приглашенъ въ нашъ домъ; я въ нашемъ экипажѣ, называемомъ дрожками, отправлялся и привозилъ его къ намъ въ полдень къ обѣду.

Когда Макдональдъ узналъ о прибытіи въ Тифлисъ супруги [2]) посла, онъ отправился въ домъ Агаларъ-хана; его женѣ подарилъ бриллiантовый перстень, а Аббасъ-Мирза послалъ ей кашемировую шаль.

---

[1]) Я хорошо помню день въѣзда въ Тифлисъ этой дамы. Я также со своими товарищами отправился навстрѣчу большой толпѣ служащихъ, назначенныхъ отъ персидскаго правительства сопровождать ее, которые были одѣты въ кафтанахъ изъ краснаго сукна.

Помню также, что самъ Грибоѣдовъ, до отъѣзда въ Персію, два раза пришелъ въ Нерсесiанскую школу вмѣстѣ съ архіепископомъ Нерсесомъ, въ то время когда я *) тамъ учился. *Примѣчаніе автора.*

[2]) Какова была дальнѣйшая судьба супруги посла, это уже извѣстно изъ цитированной нами выше статьи Ад. Берже, см. стр. 205, гдѣ графъ Паскевичъ писалъ графу Нессельроде, отъ 6-го апрѣля 1829 года, слѣдующее: „жена Грибоѣдова находится въ положеніи, не менѣе плачевномъ, чѣмъ его мать. Получивъ пагубное извѣстіе о его смерти, она разрѣшилась прежде времени младенцомъ, который жилъ только нѣсколько часовъ.

Такимъ образомъ, потерявъ все и не имѣя никакого средства, она должна испытывать всѣ нужды, съ бѣдностью сопряженныя“.

И дальше, на стр. 206, читаемъ, а что ходатайство графа Паскевича было не безуспѣшное, видимъ изъ слѣдующаго: „въ январѣ слѣдующаго 1830 года получено увѣдомленіе графа Нессельроде о назначеніи вдовѣ и матери Грибоѣдова, каждой по 5.000 р. асс. ежегодно пенсіи и, сверхъ того, единовременно по 30 тысячъ руб. асс. Спустя почти двадцать лѣтъ, а именно: въ августѣ 1849 года, пенсія Нины Александровны, благодаря ходатайству тогдашняго намѣстника кавказскаго кн. М. С. Воронцова, была увеличена на 570 р. 50 к.; такъ что съ этого времени вмѣсто 5.000 р. асс. получала 2.000 р. сер. (письмо гр. Вронченко къ кн. Воронцову, отъ 19 августа 1849 года)“. *Примѣчаніе переводчика.*

---

*) Подъ „я“ подразумѣвается самъ авторъ статьи—Галустъ Шермазанянъ. *Примѣчаніе переводчика.*

Въ 1842—1843 годахъ младшій братъ шаха-Магомета Бехменъ-Мирза былъ назначенъ начальникомъ Адербейджана, который въ теченіе шести мѣсяцевъ испытывалъ своихъ новыхъ подчиненныхъ, поручая имъ разныя дѣла; но увидѣлъ, что всѣ оказались взяточниками и обманывали его. А одинъ только Агаларъ-ханъ нелицепріятно и безпристрастно исполнялъ и докладывалъ ему о положеніи порученныхъ ему дѣлъ, потому Бехменъ-Мирза избралъ его своимъ совѣтникомъ и приказалъ, чтобы каждый день, за исключеніемъ дней—пятницы и воскресенья (въ воскресные дни Агаларъ непремѣнно посѣщалъ церковь) утромъ очень рано Агаларъ-ханъ отправлялся во дворецъ, представлялся ему, когда онъ бывалъ въ своемъ кабинетѣ. Агаларъ—согласно его приказу—приходилъ къ Бехмену-Мирзѣ; они совѣщались отдѣльно довольно продолжительное время и Бехменъ-Мирза ни одного приказа не подписывалъ, не посовѣтовавшись предварительно съ Агаларъ-ханомъ.

Но надо и то сказать, что хотя Агаларъ такъ былъ принятъ у шахзадэ, тѣмъ не менѣе онъ самъ не показывалъ вида, что близокъ съ нимъ, и какъ раньше, такъ и теперь, просто обходился съ окружающими.

Агаларъ-ханъ былъ благоразумный, осмотрительный и дальновидный человѣкъ; вотъ образцы его нѣсколькихъ простыхъ афоризмовъ: „своимъ языкомъ и перомъ себѣ зла я не причинялъ и всегда старался уважать людей не только выше себя положеніемъ, но и ниже,—такъ какъ и они мнѣ подобные люди. Въ разговорѣ во всякое время бывалъ пріятнымъ и мягкимъ, особенно съ иностранцами. Я на свѣтѣ лучше этой жизни не желалъ и не желаю имѣть до своей смерти. Чего ожидалъ въ молодости, слава Богу, теперь на старости лѣтъ полностью достигъ, т. е. подъ старость вести спокойный образъ жизни и передъ старшими пользоваться почетомъ и уваженіемъ.

Большихъ домовъ не строилъ и не воздвигалъ, чтобы другіе не позавидовали. До сихъ поръ двери открытыми не держалъ, расточительно не жилъ, не держалъ излишней прислуги, лошадей, муловъ, чтобы не впасть въ долги.

Взятокъ не бралъ, чтобы не стѣсняться передъ дающими. Когда меня называли жаднымъ, я не обижался; но въ годы молодости жилъ разсчетливо; если чего лишалъ, такъ себя лишалъ, а не другихъ, если собралъ состояніе, то собралъ для старости и пр.“.

Агаларъ-ханъ разсказывалъ, что послѣ окончанія русско-персидской войны, Аббасъ-Мирза послалъ меня къ генералу Панкратьеву [1])

---

[1]) Никита Петровичъ Панкратьевъ, генералъ-адъютантъ, родился въ Москвѣ въ 1788 году. Воспитаніе и образованіе получилъ дома. Восемнад-

по оффиціальному дѣлу. Этотъ послѣдній, узнавъ, что мой братъ Мирза-Авраамъ состоитъ главнымъ переводчикомъ начальниковъ областей и его сынъ Мирза-Ага (Михаилъ) также, во время войны, былъ переводчикомъ Паскевича, предложилъ мнѣ вернуться въ Тифлисъ, гдѣ смогу достичь бо̀льшей славы и почета и вести счастливую жизнь и пр.

Я отвѣтилъ, что у насъ есть поговорка: „кто въ сороколѣтнемъ возрастѣ научится музыкальному искусству, тотъ на томъ свѣтѣ будетъ играть свою музыку [1]). Я почти въ возрастѣ 40—45 лѣтъ, послѣ этого какую выгоду или службу могу сослужить вашему правительству, чтобы удостоился той славы и почета, которые теперь здѣсь имѣю?"

Персидское правительство за мою продолжительную службу обезпечило мое настоящее существованіе, поэтому, если бъ ты былъ на моемъ мѣстѣ, согласился ли оставить эту настоящую счастливую жизнь и поѣхалъ бы въ Россію, разсчитывая на фантастическую будущность?

Послѣ заключенія мира, прибавилъ онъ, мой племянникъ Мирза-Ага сильно настаивалъ, чтобы я поѣхалъ въ Тифлисъ, но я ему повторилъ тѣ же слова, какія высказалъ генералу Панкратьеву.

Спустя нѣкоторое время армянинъ знатнаго происхожденія Лазарь Екимычъ Лазаревъ [2]) совѣтовалъ мнѣ вернуться въ Россію,

---

цати лѣтъ отъ роду, Никита Петровичъ поступилъ волонтеромъ въ дѣйствующую въ Турціи армію; онъ участвовалъ въ сраженіяхъ подъ Рущукомъ и дѣятельное участіе принималъ въ войнѣ съ Персіей и Турціей. Возстаніе поляковъ вызвало фельдмаршала князя Паскевича съ Кавказа, для командованія арміей.

На время его отсутствія, по Высочайшему повелѣнію, управленіе Закавказскимъ краемъ и командованіе войсками было ввѣрено Панкратьеву, по особому ходатайству Паскевича, и вскорѣ затѣмъ онъ былъ назначенъ генералъ-адъютантомъ.

Н. П. Панкратьевъ скончался въ концѣ 1836 года, имѣя всего сорокъ восемь лѣтъ отъ роду. *Примѣчаніе переводчика.*

[1]) Здѣсь Агаларъ-ханъ сказалъ то, что современный знаменитый грузинскій поэтъ Акакій Церетели образно высказалъ въ своей драмѣ „Тамара". См. „Вѣстникъ Европы" за октябрь 1892 г., стр. 580.

„Поздненько, братъ! Кто въ старости начнетъ,
Какъ мальчуганъ, учиться на чонгури,—
Тотъ пѣсенку порядочно сыграть
На томъ лишь свѣтѣ развѣ умудрится!
Я отжилъ вѣкъ! Мѣняться не пристало!"

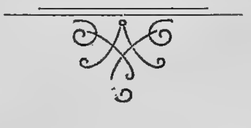
Примѣчаніе переводчика.

[2]) Лазарь Екимычъ Лазаревъ, представитель богатой армянской семьи, переселившейся изъ Персіи въ Россію въ первой половинѣ восемнадцатаго столѣтія; Лазарь былъ родомъ изъ Джульфы; онъ поселился въ Москвѣ съ

но я и ему отказалъ, какъ и другимъ. Агаларъ-ханъ скончался 26 іюля 1846 года и похороненъ передъ старымъ архіерейскимъ домомъ на сѣверной сторонѣ стараго сада въ церковной оградѣ— церкви св. Божьей Матери, находящейся въ крѣпости Тавриза.

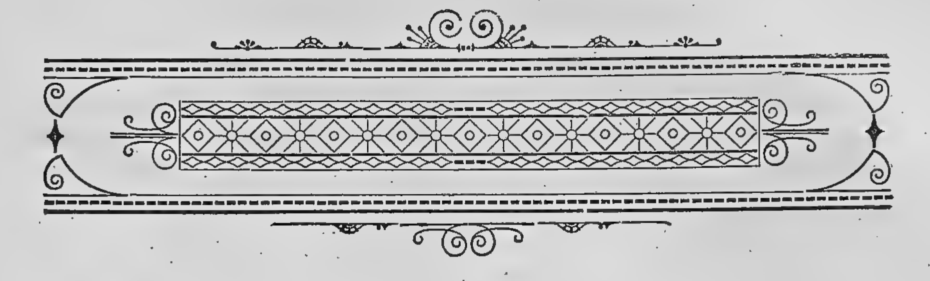
Гёозала-ханумъ умерла отъ холеры 26 октября того же года. Изъ жизни Агаларъ-хана каждый человѣкъ могъ почерпнуть много поучительныхъ словъ и примѣровъ; но повторяю, жаль, что собранное многолѣтними трудами исчезло и пропало.

Сообщилъ съ дополненіями М. Я. Алавердянцъ.

4-мя сыновьями и основалъ торговлю драгоцѣнными камнями; потомъ купилъ село Фряново, въ 60-ти верстахъ отъ Москвы, и завелъ тамъ огромную фабрику, снабжавшую Москву бумажными и шелковыми матеріями. Въ 1826 году на этой фабрикѣ было 800 рабочихъ. Сыновья его Иванъ и Іоакимъ основали въ 1815 году въ Москвѣ „Армянское Лазаревское Училище", которое затѣмъ было преобразовано въ „Лазаревскій Институтъ восточныхъ языковъ" и построили 4 церкви въ столицахъ: 2 въ С.-Петербургѣ и двѣ въ Москвѣ.

Примѣчаніе переводчика.

Воспоминанія жизни Ѳ. Г. Тернера[1].

О профессорѣ Эйхвальдѣ я уже упоминалъ выше по поводу дѣла о Клиническомъ Институтѣ Вел. Кн. Елены Павловны. Я посѣтилъ его незадолго передъ его смертью и бесѣдовалъ съ нимъ довольно продолжительное время, онъ относился къ своему положенію, которое онъ хорошо сознавалъ, съ большою твердостью и спокойствіемъ духа. Это былъ человѣкъ съ удивительною силою характера.

Ѳ. Ѳ. Треповъ, который ко мнѣ всегда былъ очень расположенъ, скончался въ деревнѣ, такъ что я его передъ смертью не видалъ.

Въ этомъ же году внезапно умеръ у насъ на дачѣ нашъ кучеръ Василій; смерть какъ бы касалась личностей всѣхъ сферъ, приходившихъ со мною въ сношенія.

Утромъ онъ меня еще свезъ на парголовскую станцію. Вернувшись изъ города къ обѣду, я былъ удивленъ, не заставъ на станціи моего экипажа, такъ какъ Василій пріѣзжалъ всегда аккуратно во-время за мною. Пріѣхавъ домой, я узналъ, что онъ заболѣлъ и лежитъ въ сараѣ на своей кровати, я немедленно зашелъ къ нему, онъ жаловался на сильное недомоганіе, но не могъ объяснить своего недуга. Я послалъ за земскимъ докторомъ Сочава, очень хорошимъ

---

[1]) См. „Русская Старина“ февраль 1911 г.

медикомъ. Онъ пріѣхалъ подъ вечеръ, нашелъ болѣзнь кучера очень серьезною, прописалъ ему лекарство, но вмѣстѣ съ тѣмъ совѣтовалъ отправить его на другой день въ больницу. Какое же было мое удивленіе, когда мнѣ утромъ пришли сказать, что Василій ночью скончался. Василій былъ очень порядочный человѣкъ, и я искренно сожалѣлъ о немъ. Такъ какъ онъ умеръ у насъ на дачѣ, то пришлось дѣлать рядъ распоряженій, извѣстить его жену, сообщить полиціи, устраивать панихиду и потомъ погребеніе его. Его похоронили на парголовскомъ кладбищѣ, и я впослѣдствіи нѣсколько разъ посѣщалъ его могилу.

Наконецъ остается еще упомянуть объ одномъ смертномъ случаѣ личности, которая ни въ какихъ отношеніяхъ никогда ко мнѣ не находилась, но кончина которой, по сопровождавшимъ ее поразительнымъ обстоятельствамъ, вызвала во всей Европѣ живѣйшій интересъ, я говорю о смерти эрцгерцога Рудольфа, наслѣдника Австрійскаго престола.

Его нашли мертвымъ вмѣстѣ съ его любовницей, дѣвицей графиней Вечéра, — въ загородной виллѣ, которую онъ нанималъ для устройства въ ней свиданій съ графинею Вечéра. Онъ и она, убитые огнестрѣльнымъ оружіемъ, лежали вмѣстѣ на кровати, осыпанные цвѣтами. Было ли это самоубійство или взаимное убійство — никогда не могло быть разъяснено, по крайней мѣрѣ объ этомъ никакихъ свѣдѣній не проникло въ публику. Подобная кончина наслѣдника престола — фактъ никогда до того не бывшій въ исторіи. Разумѣется, это печальное происшествіе вызвало самые разнообразные толки; ходилъ между прочимъ слухъ, что, не имѣя возможности сочетаться бракомъ съ возлюбленной, Рудольфъ рѣшился покончить вмѣстѣ съ нею жизнь самоубійствомъ. Затѣмъ ходилъ другой слухъ, что дѣвица Вечéра, озлобленная отказомъ эрцгерцога развестись со своей женой и жениться на ней, во время его сна совершила надъ нимъ ту же операцію, которую отецъ Елоизы совершилъ надъ Абеляромъ, и что эрцгерцогъ, проснувшись, пришелъ въ отчаяніе отъ такого звѣрскаго насилія и въ изступленіи застрѣлилъ Вечéру, а потомъ и самого себя. Какъ бы то ни было, но это происшествіе, которому не имѣется подобнаго во всей исторіи, остается неразрѣшеннымъ, по крайней мѣрѣ для публики.

Воспоминанія 1889 года носятъ такимъ образомъ какъ бы характеръ нѣкотораго синодика. За исключеніемъ перечисленныхъ печальныхъ моментовъ остается упомянуть въ этомъ году только о двухъ происшествіяхъ другого рода, а именно: о пріѣздѣ въ Петербургъ Персидскаго шаха и о состоявшемся въ этомъ году юбилеѣ Рубинштейна.

Персидскому шаху былъ устроенъ торжественный пріемъ и между прочимъ въ Маріинскомъ театрѣ spectacle gala. Зала театра, наполненнная элегантными туалетами дамъ и блестящими мундирами кавалеровъ, представляла очень эффектное зрѣлище, особенно въ тотъ моментъ, когда при входѣ царской фамиліи всѣ зрители встали. Въ галлереяхъ и въ фойэ были устроены роскошные буфеты. Я упоминаю объ этомъ представленіи потому, что это было послѣднее подобное представленіе.

19-го ноября былъ день юбилей А. Гр. Рубинштейна. Въ этотъ день утромъ состоялся концертъ, затѣмъ торжественный обѣдъ по подпискѣ у Демута, во время котораго юбиляру подносились адреса, говорились поздравительныя рѣчи и т. п. при общемъ энтузіазмѣ присутствовавшихъ, такъ какъ Антонъ Григорьевичъ пользовался всеобщею любовью. На слѣдующій день въ Дворянскомъ собраніи вечеромъ давалась его ораторія „Der Thurm zu Babel“, а 22 числа въ Маріинскомъ театрѣ давали его оперу, кажется „Демона“, сколько помню. Такимъ образомъ чествованіе юбиляра продолжалось три дня.

1890.

Въ началѣ года ко мнѣ зашелъ графъ Н. Д. Татищевъ и, сообщивъ мнѣ, что устраивается опека по дѣламъ его покойнаго брата Сергѣя Дмитріевича, просилъ меня принять въ ней участіе въ качествѣ предсѣдателя. Зная, что дѣла покойнаго были крайне разстроены, и не надѣясь достигнуть сколько-нибудь удовлетворительнаго результата, я сначала рѣшительно отказался отъ принятія на себя этой трудной задачи, но затѣмъ, вслѣдствіе усиленныхъ просьбъ лицъ, близкихъ къ покойному, и въ виду утвержденія, что въ случаѣ моего отказа дѣло вообще не состоится, пришлось окончательно согласиться. Всѣ трудности дѣла, которыя я предвидѣлъ, вполнѣ проявились въ дѣйствительности. Въ теченіе около двухъ лѣтъ пришлось положить не мало труда и заботъ на это дѣло— входить въ переговоры со всѣми кредиторами, выторговывать у нихъ уступки, такъ какъ большинство долговъ было сильно раздуто, закладывать имѣніе въ Дворянскомъ Банкѣ и т. д. Все это, повторяю, вызывало не мало труда и заботъ—но за то удалось ликвидировать дѣло довольно удовлетворительно. За вдовою графа осталось по крайней мѣрѣ ихъ родовое имѣніе село Ретени, хотя и обремененное значительнымъ долгомъ Дворянскому Банку.

Много времени было также положено въ этомъ году на засѣданія Тарифной Комиссіи, которая была учреждена для пересмотра

нашего таможеннаго тарифа съ цѣлью еще большаго его поднятія. При этомъ имѣлось въ виду не только усиленіе покровительства нашей отечественной промышленности, которая и безъ того уже охранялась достаточно высокимъ тарифомъ, но и достиженіе благопріятнаго торговаго баланса, уменьшеніемъ вообще привоза къ намъ изъ-за границы товаровъ. Почти по всѣмъ вопросамъ я подавалъ въ этой комиссіи голосъ съ меньшинствомъ, потому что я не считалъ благоразумнымъ поднимать чрезмѣрно тарифную охрану. Такая политика вызывала до извѣстной степени справедливыя жалобы сельскихъ хозяевъ, что ихъ интересы приносятъ въ жертву интересамъ нашей фабричной промышленности.

Въ этомъ же году праздновался юбилей М. Х. Рейтерна. По этому случаю онъ былъ произведенъ въ графское достоинство. Утромъ этого дня у него состоялся поздравительный пріемъ членовъ Государственнаго Совѣта и другихъ его почитателей. Печально было смотрѣть на юбиляра, который въ это время уже почти совершенно ослѣпъ и вообще представлялъ видъ совершенно больного и отжившаго человѣка. При его видѣ какъ-то особенно ярко возникала мысль о суетности всѣхъ житейскихъ благъ этой жизни. Вотъ человѣкъ, жизнь котораго ознаменовалась обширною и вліятельною государственною дѣятельностью, человѣкъ, достигшій высшихъ почестей—и все это уже не имѣло для него почти никакого значенія, потому что его жизнь приходила къ концу, подъ вліяніемъ тяжкаго недуга.—Когда за тѣмъ въ іюлѣ того же года я посѣтилъ его по дѣламъ въ Царскомъ Селѣ, я былъ пораженъ его слабостью, а 15 августа пришлось опять ѣхать въ Царское Село на его погребеніе.

Зимою въ Петербургъ пріѣхала Мейнингенская труппа и давала рядъ интересныхъ представленій, которыя я посѣщалъ съ большимъ интересомъ. Мейнингенская труппа, пользовавшаяся въ то время заслуженною и выдающеюся репутаціей, носила названіе Мейнингенской, потому что она образовалась при особенномъ покровительствѣ Мейнингенскаго герцога, имѣвшаго страсть къ театру. Благодаря его стараніямъ представленія придворной Мейнингенской труппы были доведены до высокой степени совершенства. Мейнингенскія представленія отличались не только превосходной игрой актеровъ, но и необыкновенно артистической постановкой. Декораціи, костюмы и вся обстановка отличалась замѣчательною историческою точностью,—такъ что зрители всецѣло переносились въ ту эпоху и въ ту среду, въ которой совершалось происшествіе, представляемое на сценѣ. Помню, какъ превосходно давались Валенштейнъ, Юлій Цезарь, die Hermansschlacht. Въ послѣдней пьесѣ, представлявшей

борьбу между римлянами и тевтонами, отдѣльныя сцены мастерски воспроизводили тогдашній бытъ, какъ тѣхъ, такъ и другихъ, и между прочимъ контрастъ между изнѣженными и элегантными римлянами, дошедшими до послѣдняго слова цивилизаціи того времени и грубыми, но полными живой силы германцами.

Лѣтомъ И. А. Вышнеградскій отправился на наши восточныя окраины для личнаго ознакомленія съ положеніемъ нашихъ степныхъ областей и для изученія вопроса—что могло бы быть сдѣлано для дальнѣйшаго развитія хлопковой культуры въ нашихъ Туркестанскихъ владѣніяхъ; развитіе этой важной промышленности могло со временемъ освободить насъ отъ необходимости привоза иностраннаго хлопка и тѣмъ въ нѣкоторой степени возмѣстить тѣ жертвы, которыя несло Государственное Казначейство, на содержаніе нашихъ средне-азіатскихъ пріобрѣтеній. Управленіе министерствомъ, въ отсутствіи Вышнеградскаго, было возложено на меня.

Во время нашей обычной лѣтней виллежіатуры въ Старожиловкѣ, мы часто видѣлись съ С. О. Макаровымъ и его супругой, которые жили по сосѣдству съ нами; могъ ли я тогда предвидѣть, какою трагическою смертью ему суждено умереть.

Описывая наше пребываніе съ покойной женой на берегахъ Женевскаго озера, я упоминалъ объ американскомъ семействѣ Вилльямсъ, съ которымъ мы тамъ познакомились и подружились. Совершенно неожиданно для меня Вилльямсъ съ дочерью пріѣхали въ этомъ году въ Петербургъ и, разумѣется, посѣтили насъ на дачѣ. Встрѣча съ ними, послѣ столькихъ лѣтъ, меня очень обрадовала. Когда мы жили въ гостиницѣ „Байронъ“, около Montreux, дочь Вилльямса, Miss Mary была еще маленькою дѣвочкою, а теперь это была уже вполнѣ взрослая и очень милая и умная барышня. Въ разговорахъ съ нею я былъ пораженъ ея знакомствомъ съ нѣмецкою и англійскою литературой, котораго у американки я никакъ не ожидалъ встрѣтить.

Вилльямсъ былъ заинтересованъ въ дѣлѣ котиковыхъ промысловъ. Онъ былъ однимъ изъ главныхъ участниковъ американской компаніи, которая нѣсколько лѣтъ сряду арендовала у насъ эти промыслы, ведя дѣло порядочно и аккуратно. Срокъ контракта кончался, и возникалъ вопросъ о его продолженіи. Хотя предложенія, которыя дѣлала намъ американская компанія, были совершенно выгодны для русскаго правительства, но американцамъ возникъ конкуррентъ въ лицѣ мѣховщика Гринвальда, предложенія котораго сталъ отстаивать извѣстный дѣлецъ Сущовъ. Былъ пущенъ въ ходъ вопросъ о національности, о патріотизмѣ, утверждали, что такое выгодное дѣло нельзя оставлять въ рукахъ иностранцевъ, а

слѣдуетъ передать русскимъ, и окончательно американцамъ было отказано въ продолженіи контракта, и новый контрактъ былъ заключенъ съ русскимъ, т. е. евреемъ Гринвальдомъ. По поводу предложеній послѣдняго, предсказывали, что онъ совершенно не въ состояніи вести это дѣло, которое требуетъ большой подготовки на мѣстѣ и предварительнаго устройства разныхъ сооруженій, и что вѣроятно дѣло кончится тѣмъ, что Гринвальдъ переуступитъ свой контрактъ тѣмъ же американцамъ за извѣстное вознагражденіе; несмотря на всѣ опроверженія съ его стороны, кажется, именно тѣмъ и кончилось.

Вышнеградскій вернулся изъ своей поѣздки только въ началѣ октября, а потому намъ пришлось въ этомъ году гораздо позже обыкновеннаго отправиться на наше осеннее пребываніе въ Крыму.

Въ декабрѣ скончался въ Парижѣ герцогъ Николай Максиміліановичъ Лейхтенбергскій, мой бывшій ученикъ. По полученіи этого печальнаго извѣстія я зашелъ къ графинѣ А. А. Толстой, близко знавшей покойнаго, желая обмѣняться съ ней мыслями по этому печальному случаю. У нея я засталъ князя К. А. Горчакова, бывшаго друга Николая Максиміліановича, который пришелъ къ ней подъ тѣмъ же впечатлѣніемъ. Мы долго, долго бесѣдовали о покойномъ герцогѣ, котораго мы всѣ любили, и о которомъ мы всѣ сожалѣли. Какъ по своимъ нравственнымъ и умственнымъ качествамъ, такъ и по своему положенію онъ могъ бы принести не мало пользы своему отечеству; вмѣсто того ему пришлось влачить жизнь безъ всякой опредѣленной дѣятельности.

Съ графиней Александрой Андреевной Толстой я познакомился у ея пріятельницы графини Анны Егор. Комаровской, съ которой я былъ близко знакомъ, и у которой я часто бывалъ по вечерамъ. На этихъ вечерахъ у нея нерѣдко происходили разныя чтенія, на которыхъ присутствовалъ обыкновенно Вел. Кн. Константинъ Константиновичъ съ супругой, такъ какъ Анна Егоровна была гофмейстериной его матери и жила въ Мраморномъ дворцѣ.

Графиня Александра Андреевна Толстая была одна изъ самыхъ замѣчательныхъ женщинъ своего времени. По ея уму, сильному характеру и искренне религіозному настроенію духа, при замѣчательной широтѣ воззрѣній, она представляла рѣдкое явленіе въ нашемъ обществѣ. Ив. Захарьинъ (Якунинъ), помѣстившій въ „Вѣстникѣ Европы“ (1904 — 1905) свои о ней воспоминанія, очень вѣрно характеризуетъ эту замѣчательную личность слѣдующими словами, описавъ нѣкоторые факты изъ ея жизни: „это только немногія

черты изъ жизни этой замѣчательной русской женщины минувшаго вѣка, такъ высоко стоявшей и умѣвшей сохранить на этой высотѣ всѣ лучшія духовныя стороны человѣка: выдающійся умъ, разностороннее образованіе и солидную эрудицію; все это у нея соединялось съ неизмѣнною привѣтливостью, безконечною добротою сердца и чуткой отзывчивостью на всѣ скорби родины", и прибавляю, съ искреннимъ глубокимъ христіанскимъ настроеніемъ.

Графиня Ал. Андреевна, сестра бывшаго министра вн. дѣлъ Дмитрія Андреевича Толстого, родившаяся въ 1817 г., находилась постоянно при дворѣ въ качествѣ фрейлины, а затѣмъ камеръ-фрейлины. Она знала Государя Александра Александровича еще въ дѣтствѣ и потому всегда пользовалась особымъ его расположеніемъ. Состоя наставницей-воспитательницей его сестры Маріи Александровны, она оставалась всю жизнь въ перепискѣ съ послѣднею послѣ ея выхода въ замужество, принимая постоянно участіе въ ея семейной жизни.

Графиня А. А. читала, можно сказать, все, что выходило изъ выдающихся сочиненій и потому разговоръ съ нею всегда былъ интересенъ и даже поучителенъ. Она сама нѣсколько занималась литературой. Захарьинъ говоритъ о ея мемуарахъ и разсказахъ о жизни русскаго двора — до сихъ поръ не изданныхъ, которые должны содержать богатый матеріалъ этого времени. Со мною она никогда не говорила о своихъ мемуарахъ. Кромѣ того она писала повѣсти на французскомъ языкѣ, но самый замѣчательный ея трудъ—это ея отвѣтъ на книгу княгини Юрьевской.

Меня съ нею сблизили разные религіозные вопросы, она относилась съ интересомъ къ моимъ статьямъ въ этой области, такъ что на этой почвѣ открывался широкій просторъ для бесѣдъ. Но наши разговоры не ограничивались сужденіями по этому предмету. Она разсказывала мнѣ разные факты изъ ея жизни, изъ ея отношеній ко двору и къ ея прежней воспитанницѣ герцогинѣ Кобургской; но особенно меня интересовали наши разговоры о ея родственникѣ графѣ Л. Н. Толстомъ. Къ уклоненію отъ христіанства графа Льва Николаевича она относилась съ глубокимъ сожалѣніемъ. Его настойчивость въ сохраненіи извѣстнаго направленія она приписывала отчасти его крайнему самомнѣнію. У нихъ иногда происходили дебаты по этому предмету, и послѣ одного изъ такихъ разговоровъ у нихъ произошла даже временная размолвка, сгладившаяся однако въ послѣдніе годы ея жизни. Я съ нею оставался въ сношеніяхъ почти до конца ея жизни, посѣщая ее отъ времени до времени (она занимала во дворцѣ тѣ самыя комнаты, которыя занималъ Вел. Кн. Александръ Александровичъ, будучи наслѣдникомъ,

и въ которыхъ я ему читалъ лекціи), и всегда выносилъ теплое и глубокое настроеніе изъ бесѣдъ съ нею. Только въ послѣдній годъ передъ ея смертью мнѣ не пришлось уже съ нею видѣться, потому что по случаю ея болѣзни ее уже рѣдко можно было видѣть.

Въ этомъ же году я имѣлъ случай познакомиться съ преосвященнымъ Антоніемъ, на обѣдѣ у графа Апраксина. Онъ произвелъ на меня чрезвычайно симпатичное впечатлѣніе — человѣка умнаго, добраго, съ большимъ достоинствомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ отзывчиваго на интересы собесѣдника.

1891.

Финансовая смѣта на 1891 годъ оказалась въ высшей степени благопріятною; не только не предвидѣлось дефицита, но даже оказывался избытокъ поступленія. По случаю столь счастливаго результата четырехлѣтнихъ стараній Министра Финансовъ, А. А. Абаза, который былъ тогда предсѣдателемъ Департамента Государственной Экономіи, устроилъ у себя домашній обѣдъ въ честь Ивана Алексѣевича, на которомъ и я присутствовалъ. Всѣ поздравляли Вышнеградскаго, за бокаломъ шампанскаго, съ достигнутымъ возстановленіемъ нашего финансоваго положенія, всѣ были въ самомъ пріятномъ настроеніи духа, всѣ собесѣдники находились подъ впечатлѣніемъ, что—это начало новой эры финансоваго благополучія. А между тѣмъ, какъ я уже выше о томъ упоминалъ, суждено было случиться прямо противоположному. Съ этого момента, по крайней мѣрѣ въ судьбѣ Вышнеградскаго, начался поворотъ въ обратную сторону; одно за другимъ послѣдовали: неурожай, болѣзнь Вышнеградскаго, оставленіе имъ министерства и его кончина.

Такого неурожая, какъ въ 1891 году, Россія давно не испытывала; не только хлѣбъ не уродился въ большей части Россіи, но и травы засохли, такъ что не хватало корма для скота. Лошадей и коровъ пришлось продавать на убой, ихъ отдавали за стоимость одной шкуры. За какіе-нибудь семь рублей можно было купить корову или лошадь. Народное бѣдствіе, потребовавшее многомилліоннаго пособія изъ Государственнаго Казначейства на прокормленіе голодающихъ, глубоко отозвалось на благосостояніи народа. Хотя хорошіе урожаи послѣдующихъ годовъ и помогли нѣсколько крестьянамъ оправиться, но пришлось вновь заводиться скотомъ, поправлять разстроенное хозяйство и т. п. Къ тому же, въ противность мнѣнію Вышнеградскаго, Комитетъ Министровъ рѣшилъ пріостановить вывозъ хлѣба изъ Россіи. Несчастная мысль нисколько не облегчила снабженіе хлѣбомъ неурожайныхъ мѣстностей, а между тѣмъ губительно отозвалась на нашей внѣшней торговлѣ и на на-

шемъ торговомъ балансѣ. Одинъ этотъ годъ отбросилъ насъ опять далеко назадъ.

Несмотря на надвигавшееся бѣдствіе, которое впрочемъ до весны еще нельзя было и предвидѣть,—теченіе нашей общественной жизни шло своимъ обычнымъ чередомъ. Въ началѣ зимы въ Петербургъ пріѣхала знаменитая пѣвица Мельба, и весь Петербургъ ею восхищался. Я ее слышалъ между прочимъ въ одной изъ главныхъ ея ролей, въ оперѣ „Ромео и Жульетта". Мельба, какъ извѣстно, была въ связи съ принцемъ Наполеономъ, который повсюду сопровождалъ ее въ ея tournée d'artiste. Онъ съ нею пріѣхалъ и въ Петербургъ, и каждый вечеръ, когда она играла, его можно было видѣть въ первомъ ряду креселъ.

Говоря объ итальянской оперѣ, какъ-то естественно вспоминаешь первыя ея зачатки у насъ въ сороковыхъ годахъ; — эти первые годы были вмѣстѣ съ тѣмъ самыми блестящими. Такого emsemble первоклассныхъ артистовъ — Віардо-Гарція, Рубини, Тамбурини—наша итальянская опера впослѣдствіи уже не видала. Были отдѣльныя выдающіяся личности—Бозіо, Маріо, Тамберликъ, Мазини, но такой совокупности выдающихся талантовъ мы уже болѣе не видѣли на сценѣ. Рубини отличался вмѣстѣ съ тѣмъ удивительной игрой, я помню еще его въ драматической его роли въ „Lucie de Lamermoor", въ которой онъ достигалъ высшей степени драматичности.

Сороковые годы были вообще у насъ эпохой развитія драматическаго искусства, не только на итальянской, но и на русской сценѣ—Самойловъ, Максимовъ, Мартыновъ, Сосницкій, Бурдинъ — остаются незабытыми. То же можно сказать и о французскомъ театрѣ сороковыхъ годовъ. Bressan, Berton, Louisa Mayer — составляли славу нашего Михайловскаго театра, со сцены котораго артисты переходили даже на сцену Comédie Française, какъ напр. Bressan. Итальянская опера была тогда Императорскою оперою, и обходилась очень дорого Министерству Двора; несмотря на высокія цѣны ложъ и креселъ, расходъ на нее не окупался. Вотъ почему впослѣдствіи содержаніе Императорской оперы прекратилось. Одновременно съ этимъ прекратилось и содержаніе нѣмецкаго Императорскаго театра, хотя нѣмецкій театръ былъ почти единственнымъ театромъ, который хорошо окупался, но подъ вліяніемъ господствовавшаго тогда квасного патріотизма, было признано неумѣстнымъ содержать нѣмецкую труппу на казенныя деньги.

По поводу лѣтняго препровожденія времени, считаю не безынтереснымъ сказать нѣсколько словъ объ экскурсіи въ пограничную финляндскую мѣстность „Лиственичное", потому что эта мѣстность

имѣетъ историческое значеніе, о которомъ очень не многіе знаютъ. Верстахъ въ десяти отъ станціи Терріоки, на берегу рѣчки, кажется, „Черной“, находится замѣчательный и необыкновенно красивый лѣсъ изъ породы лиственныхъ деревъ. Высокіе прямые стволы этого красиваго дерева, расположенные почти правильными рядами, дѣлаютъ впечатлѣніе какой-то естественной величественной колоннады, какого-то грандіознаго сооруженія. По сосѣдству въ той мѣстности нигдѣ болѣе такихъ лѣсовъ не существуетъ, хотя лиственница изрѣдка и попадается. Оказывается, что лиственичный лѣсъ былъ разведенъ на этомъ мѣстѣ по приказанію Петра Великаго (какъ идетъ молва), который заботился о заготовленіи запаса мачтоваго лѣса, для потребностей сооружавшагося имъ флота. Этотъ лѣсъ, по-видимому, заботливо сохраняется, ибо я не видалъ въ немъ ни одной порубки. Онъ представляетъ чудную и величественную картину.

Подъ вліяніемъ воспоминаній, вынесенныхъ изъ первой моей поѣздки на Кавказъ, я рѣшился въ этомъ году вновь посѣтить эту грандіозную мѣстность, вмѣстѣ съ сестрами, и пригласилъ кромѣ того съ собою двухъ пріятелей В. П. Лобойкова и И. Ф. Ціонглинскаго.

Лобойковъ—племянникъ покойнаго И. А. Вышнеградскаго; я познакомился съ нимъ однако не въ Петербургѣ, а въ Ялтѣ, гдѣ онъ проводилъ лѣто одновременно съ нами. Человѣкъ умный и пріятный, съ большимъ тактомъ, онъ скоро пріобрѣлъ наши симпатіи и сдѣлался близкимъ другомъ нашего семейства и постояннымъ нашимъ посѣтителемъ. Въ настоящее время онъ состоитъ секретаремъ Академіи Художествъ, куда онъ поступилъ вслѣдъ за назначеніемъ графа И. И. Толстого (съ которымъ онъ очень дружилъ) вице-президентомъ Академіи.

И. Ф. Ціонглинскій, живописецъ, пользующійся въ настоящее время большою извѣстностью, человѣкъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ высшей степени умный и образованный. Прежде чѣмъ сдѣлаться художникомъ, онъ окончилъ курсъ по медицинскому факультету въ Варшавскомъ университетѣ. Онъ давалъ уроки живописи моей младшей сестрѣ и вскорѣ близко подружился со всѣми нами. Его этюды и картины, привезенные имъ изъ своихъ путешествій по Испаніи, Марокко, Іерусалиму и Египту, обращаютъ на себя вниманіе особенно тонкостью и живостью колорита. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ замѣчательный портретистъ. Обладая выходящимъ изъ ряда вонъ талантомъ, онъ принадлежитъ къ новой школѣ plen'air'а и пользуется заслуженною извѣстностью въ рядахъ первыхъ нашихъ живописцевъ.

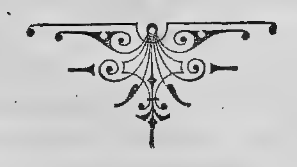
Въ Петербургѣ скончалась наша добрая тетушка Екатерина Ѳедоровна Фольбортъ, сестра моей покойной тетушки. Е. Ѳ. была

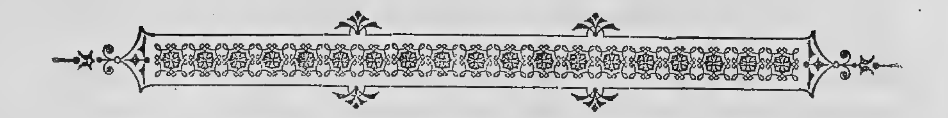
добрая и благожелательная старушка, сохранившая до старости всю свою воспріимчивость и всегда сохранявшая ровное расположеніе духа. Она была предана намъ до глубины сердца и дѣлила съ нами всѣ радости и печали. Смерть ея вызвала печальную пустоту въ нашемъ семействѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы порвалось послѣднее звено, связывавшее насъ съ покойной матушкой. Со смертью тетушки никого изъ старшаго поколѣнія нашихъ родственниковъ уже не оставалось въ живыхъ. Сознаніе, что окончила земное существованіе личность, которая была связана съ нами такою живою, глубокою и истинною родственною любовью, которой мы уже ни отъ кого болѣе ожидать не можемъ, естественно вызывало чрезвычайно грустное настроеніе въ нашей семьѣ.

Вѣра въ загробное существованіе часто колеблется сомнѣніями вслѣдствіе невозможности составить себѣ какое-либо представленіе о существованіи души, отрѣшенной отъ тѣла, въ неизвѣстномъ пространствѣ. Но въ моментъ душевнаго потрясенія, любовь является сильнѣе вѣры, заявляя безусловную потребность соединиться вновь когда-либо и гдѣ-либо съ тѣми, съ которыми насъ на землѣ связывали теплыя чувства привязанности.

Коснувшись этого предмета, не могу не сказать, что отъ времени до времени до меня доходили отзывы объ интересѣ, возбуждаемомъ моими религіозными сочиненіями, что мнѣ всегда доставляло большое удовлетвореніе,—такъ, между прочимъ, и по пріѣздѣ въ Петербургѣ разъ на обѣдѣ у графини Апраксиной, она говорила мнѣ, что ихъ священникъ рекомендовалъ ея дочерямъ чтеніе моего перевода Ecce Homo.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Исторія съ Ксендзомъ.

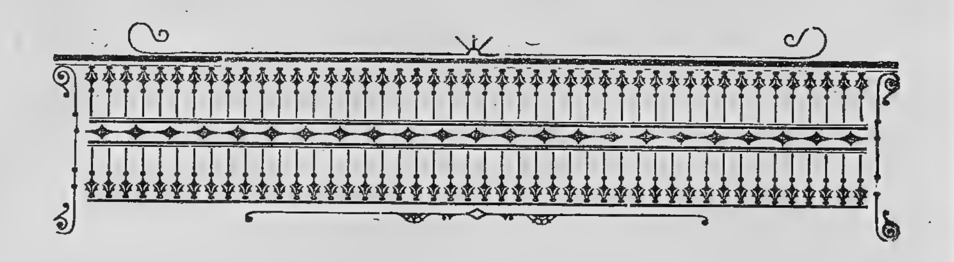
Послѣ сдачи Севастополя, въ которомъ пришлось пробыть безъ мала годъ, при самыхъ крайнихъ лишеніяхъ, меня одолѣлъ сильный ревматизмъ, отъ котораго я лѣчился въ симферопольскомъ военномъ госпиталѣ. Тамъ я познакомился съ поручикомъ Васильевымъ, который разсказалъ мнѣ интересную исторію съ ксендзомъ. Лѣтомъ 1855 года, настоятель севастопольскаго костела отправился на позицію для совершенія требъ. Между тѣмъ было дознано, что онъ, живя у самаго 4-го бастіона, сообщалъ непріятелю, съ помощью свѣчей на окнѣ, о нашихъ вылазкахъ, и вообще о происходившихъ въ горнизонѣ эволюціяхъ. Васильеву поручено было пригласить ксендза, якобы въ Евпаторіи къ умирающему генералу, въ сущности же отвести его въ Перекопъ, для сдачи генералу Богушевскому. Ксендзъ собрался ѣхать налегкѣ, безъ всякихъ вещей, въ надеждѣ возвратиться на другой день; но Васильевъ урезонилъ его взять съ собой кое-что на всякій случай. На 3-ей станціи отъ Симферополя—Трехъ-аблаты, дорога въ Евпаторію поворачиваетъ влѣво, между тѣмъ наши спутники продолжаютъ ѣхать прямо. Ксендзъ поднялъ тревогу, что не туда ѣдутъ, но В. успокоилъ его, что ѣдутъ туда, куда нужно. Ксендзъ смекнулъ, что дѣло не ладно, и сталъ добиваться—куда его везутъ? В. сказалъ, что онъ не вправѣ сообщить ему объ этомъ, и проситъ спокойно продолжать путь. Остановились на какой-то станціи для отдыха и подкрѣпленія силъ. Ксендзъ предлагаетъ выпить по рюмкѣ, потомъ по другой, третьей и, полагая, что В. послѣ третьей рюмки предастся кейфу, вышелъ изъ станціи и пустился бѣжать. В. замѣтивъ, что ксендза не видно, сталъ его искать; но его и слѣдъ простылъ. Такъ какъ станція стояла въ степи, то В. взобрался по лѣстницѣ на крышу, и сталъ разсматривать, не увидитъ-ли своего спутника. И дѣйствительно замѣтилъ, что ксендзъ, поднявъ полы своей сутаны удираетъ по

степи во всѣ лопатки. Тогда онъ сѣлъ на коня, взявъ съ собой двухъ верховыхъ и настигъ ксендза.

— А хорошо такъ, батюшка, дѣлать, вѣдь безъ вины васъ вѣрно не везутъ: за что же меня безвиннаго вы подвергаете отвѣтственности?

Взяли ксендза на веревку и повели къ станціи. При отправленіи В. ему дали изящный маленькій ящикъ, объявивъ, что еслибы ксендзъ покушался на бѣгство, то въ этомъ ящикѣ найдутся приспособленія для укрощенія его замысла. В. нашелъ въ ящикѣ легкіе, стальные кандалы и наручники, которые и велѣлъ надѣть на ксендза. Ксендзъ усовѣщевалъ В., что не подобаетъ такъ поступать съ духовной особой, но В., въ свою очередь, замѣтилъ ему, что тѣмъ паче не подобаетъ духовной особѣ спасаться бѣгствомъ и подвергать его отвѣтственности. Въ Перекопѣ онъ сдалъ его генералу Богушевскому, и о дальнѣйшей его участи не слыхалъ.

К. Н. Добровольскій.

Депутатъ отъ Россіи.

(Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Новиковой) [1].

Не безъинтересно привести вкратцѣ первое письмо Ольги Алексѣевны ко мнѣ и также вкратцѣ мой отвѣтъ. Г-жа Новикова пишетъ изъ Лаго ди Комо 11-го сентября.

„Было бы въ обоюдныхъ интересахъ Россіи и Англіи идти рука объ руку, имѣя одинаковое великое призваніе въ Азіи. Но Ваши государственные люди и писатели такъ боятся упрека въ пристрастіи и такъ рѣдко рѣшаются высказать истину, что нельзя не удивляться исключеніямъ изъ этого правила дѣланнаго Вами. Г-нъ Фриманъ, герцогъ Аргальскій, г-нъ Гладстонъ болѣе сдѣлали, чтобы успокоить наше негодованіе, чѣмъ всѣ угрозы Вашего премьера и его низкой, презрительной, клеветнической партіи. Честное объявленіе войны меньше бы повредило нашему соглашенію, чѣмъ пошлая вульгарность и несправедливость англійскихъ дебатовъ и статей.

Надѣюсь быть въ Лондонѣ (Symond's Hotel Brook-Street) въ серединѣ октября. Для меня было бы большимъ удовольствіемъ познакомиться съ Вами. Ваши усилія служить истинѣ смѣлы и умны".

2-го октября я отвѣчалъ:

„Какъ англичанинъ я должникъ всякаго русскаго, съ которымъ прихожу въ соприкосновеніе, долгъ этотъ, увы, я никогда сораз-

---

[1]) См. „Русская Старина" февраль 1911 г.

мѣрно не уплачу, потому что ничто не можетъ искупить ужасныхъ бѣдствій, причиняемыхъ Россіи англійской политикой. Въ темнотѣ этихъ осеннихъ ночей мнѣ слышится вопль женъ, рыданіе матерей въ далекихъ селеніяхъ Россіи, оплакивающихъ дорогихъ ихъ сердцу, которые не вернутся назадъ, и Вамъ, Милостивая Государыня, какъ единственной русской женщинѣ, къ которой могу отнестись, я выражаю стыдъ и горе, съ которыми я смотрю на результаты работы Биконсфильда".

Эти двѣ выдержки звучатъ уже той дружбой, которая, начиная съ 1877 года, не прерывалась до настоящаго дня.

Одинъ старый другъ мой, сэръ Вемиссъ Райдъ коснулся этого въ своихъ мемуарахъ:

„Это было въ то время, когда онъ (Стедъ) подпалъ подъ вліяніе г-жи Новиковой, которая по уполномочію или безъ него, но считалась всѣми у насъ, какъ неоффиціальная представительница Россіи. Она была и есть очень талантливая и вліятельная женщина, имѣвшая необыкновенное вліяніе на многихъ знаменитыхъ политическихъ дѣятелей. Я не хочу сказать, что Стедъ вдохновился русской политикой исключительно благодаря г-жѣ Новиковой, во всякомъ случаѣ въ то время онъ ничего не писалъ въ „Сѣверномъ эхо", что бы не получило живѣйшаго одобренія г-жи Новиковой. Въ ея лицѣ онъ пріобрѣлъ себѣ властнаго друга". (Мемуары Райда, стр. 314).

Хорошо, что сэръ Вемиссъ Райдъ не говорилъ того, что можетъ быть опровергнуто фактами.

Я былъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ искреннимъ защитникомъ англо-русскаго соглашенія, и въ этомъ смыслѣ г-жѣ Новиковой не пришлось ничего мѣнять относительно моего анти-турецкаго направленія. До 1877 года я не встрѣчалъ ея.

Съ этой минуты начинаются мои личныя воспоминанія о г-жѣ Новиковой и о начавшейся съ тѣхъ поръ работѣ. Эта книга не есть только собраніе переписки и воспоминаній г-жи Новиковой, она также должна изобразить ту благородную и въ концѣ концовъ успѣшную борьбу, во главѣ которой она стояла для соглашенія между Россіей и Англіей. Г-жа Новикова до 1876 года вела кампанію преимущественно въ двухъ столицахъ. Моя болѣе скромная роль вращалась въ сферѣ провинціальной журналистики. Но въ высокой или низкой сферѣ мы безсознательно сотрудничали въ одномъ и томъ же правомъ дѣлѣ. Въ печати я началъ дѣятельность раньше ея. Первый разъ ея голосъ къ англійской публикѣ въ печати появился въ 1876 г. Съ 1877 г. Ольга Алексѣевна начинаетъ настоящую кампанію за Англо-Русское соглашеніе; мои попытки начались, по крайней мѣрѣ, лѣтъ шесть раньше. Не

рѣчи, а сочиненія Кобдена въ моей молодости произвели на меня впечатлѣніе полной убѣжденности, что послѣ уничтоженія пагубнаго раскола между двумя англійскими великими народами, не было болѣе серьезной политической задачи, какъ удалить чувства злобы и зависти, существовавшія между Россіей и Англіей. Бросая теперь взглядъ назадъ на мою сорокалѣтнюю дѣятельность журналиста, я могу честно заявить, что съ начала до конца я ни минуты не колебался въ служеніи этимъ двумъ великимъ идеямъ. Во время хорошихъ, а въ особенности дурныхъ отношеній, когда надвигались тучи, и сердца людей замирали отъ страха войны, мои статьи служатъ доказательствомъ непоколебимой вѣрности, съ которой я силился поощрять лучшее пониманіе между Россіей и моей родиной.

Эта неусыпная работа въ пользу Россіи въ англійской печати, съ любовью предпринятая мною съ юности моей, никогда не привела бы меня къ знакомству съ г-жей Новиковой, или съ кѣмъ-нибудь изъ выдающихся русскихъ, такъ равнодушны они къ тому, что говорятъ или пишутъ о нихъ за границей, если бы Восточный кризисъ не обратилъ бы внезапно вниманія на то, что когда между Россіей и Англіей существуютъ недоразумѣнія, не можетъ быть мира и свободы на востокѣ. Какъ только началось возстаніе въ Герцоговинѣ, я воспользовался случаемъ провозгласить энергично приближающееся освобожденіе славянъ. Я побуждалъ Англію принять участіе въ этомъ освобожденіи. Едва-ли Аксаковъ и московскіе панслависты говорили съ бо́льшимъ усердіемъ и пыломъ, чѣмъ я, о необходимости положить конецъ Оттоманскому владычеству въ Европѣ, гораздо ранѣе, чѣмъ Гладстонъ произнесъ свою рѣчь о Берлинскомъ меморандумѣ, которая предшествовала нѣсколькими мѣсяцами его статьѣ о Болгарской рѣзнѣ. Въ противо-турецкомъ волненіи сѣверъ Англіи на много опередилъ югъ. Привожу слова Фримана:

„Съ перваго дня, что взоры Западной Европы вновь обратились къ правдамъ и неправдамъ юго-восточной, Ваша газета стояла непоколебимо на сторонѣ справедливости. Ни одной газеты, столь твердой, я не знаю. Теперь въ модѣ смотрѣть на народное неудовольствіе союзомъ съ Турціей, какъ на дѣло рукъ Гладстона. Это далеко отъ истины. Онъ далъ движеніе дѣлу, которое стало неотразимо, но раньше, когда образовывалось общественное мнѣніе по этому вопросу, многіе изъ насъ направляли свои взоры къ Хардену. То же дѣлали Ирландскіе Home rulers въ началѣ 1883 г. Какъ распространитель вѣсти о Болгарскихъ жестокостяхъ прежде кого бы то ни было, я могу говорить объ этомъ авторитетно. Я прекрасно помню, съ какимъ нетерпѣніемъ болѣе пылкіе умы раз-

дражались медленностью между открытіемъ кампаніи и публичнымъ принятіемъ начальства надъ собой нашего великаго лидера".

Я спросилъ у Фримана, кто такая г-жа Новикова?

Онъ отвѣчалъ 1-го октября.

„Г-жа Новикова—сестра Кирѣева, перваго русскаго офицера, павшаго въ Сербіи въ прошедшемъ году, и о которомъ создались легенды три мѣсяца послѣ его смерти, какъ о настоящемъ героѣ".

Въ отвѣтъ на мое письмо, въ которомъ я коснулся ея брата, Ольга Алексѣевна мнѣ пишетъ:

„Я глубоко благодарна за Ваше доброе сочувствіе къ памяти моего брата. Да, онъ былъ самый великодушный, рыцарскій человѣкъ, какой можетъ существовать, и вліяніе его на окружающихъ не прекратилось послѣ его смерти. Бездѣтная вдова его, рожденная княжна Анна Несвижская, очень красивая и изящная женщина, состоитъ сестрой милосердія при арміи въ настоящую минуту. Какъ мать и жена, я менѣе свободна, я не могу послѣдовать ея примѣру, все же желая содѣйствовать цѣлямъ брата, я начала писать статьи въ двухъ нашихъ Московскихъ газетахъ славянофильскаго направленія.

„Но многіе русскіе умерли такъ же благородно, хотя безъ того блеска, но на долю брата выпалъ самоотверженный починъ этого благороднаго дѣла".

„Я поѣхалъ въ Лондонъ, чтобы видѣть г-жу Новикову, говоритъ Стэдъ. Со дня нашей встрѣчи въ Саймонъ-Отелѣ въ октябрѣ 1877 г. мы работали вмѣстѣ съ величайшей энергіей въ дѣлѣ мира и справедливости. Прочность дружескихъ отношеній, тогда пріобрѣтенныхъ, замѣчательна тѣмъ, что во многомъ г-жа Новикова и я два противоположныхъ полюса. Она ярая православная, аристократка и отократка по убѣжденію. Я англійскій сектантъ, сынъ народа и радикалъ по характеру и убѣжденію.

Помочь двумъ націямъ все понять, значитъ,—помочь имъ все простить, поэтому я никогда не колебался помогать, по мѣрѣ моихъ силъ, г-жѣ Новиковой выставлять русскую точку зрѣнія на всѣ текущіе вопросы даже тогда, когда откровенно говорилъ ей, что нахожу, что русскіе ошибаются; конечно было не важно, что она или я думаемъ, существенно важно было, чтобы наше обоюдное воздѣйствіе дало возможность ясно понимать, что думаютъ русскіе и англичане въ обѣихъ этихъ странахъ.

Такое отношеніе подвергло меня большимъ недоразумѣніямъ и обвиненіямъ, меня обвиняли въ вѣроломствѣ, въ поощреніи тираніи и въ измѣнѣ священному праву свободы, потому что я всегда старался сдѣлать самый благопріятный выводъ для русскаго правитель-

ства въ его борьбѣ, какъ съ сосѣдями, такъ и со своими подданными. Упреки эти не трогали меня. Дѣятельность моя въ пользу свободы человѣчества въ Россіи и всюду была слишкомъ разнообразна и постоянна, чтобъ обращать вниманіе на такіе укоры. Я не нахожу разумнымъ, если Вы сочувствуете жертвѣ правительства не дать этому послѣднему правъ защищаться,—право, которымъ обладаетъ самый послѣдній преступникъ, это право несомнѣнно должно принадлежать каждому правительству, располагающему судьбой милліоновъ людей. Роковая опасность для націй, которыя осуждаютъ поступки правительства другой націи, заключается въ неспособности признавать, что какъ бы ни была ошибочна его политика, ее создаютъ не дьяволы, а такіе же люди, какъ мы. Выслушавъ, мы можемъ все-таки произнести сужденіе. Бей, но выслушай, должно быть правиломъ для націй, какъ и для отдѣльныхъ лицъ. Я горжусь тѣмъ, что по мѣрѣ силъ могъ помочь г-жѣ Новиковой сдѣлать понятнымъ моимъ соотечественникамъ дѣло русскаго правительства.

Послѣ этого отступленія, необходимаго, чтобы объяснить, какъ я достигъ чести сотрудничать съ г-жей Новиковой и имѣю теперь преимущество издать ея воспоминанія, я возвращаюсь къ перепискѣ".

Г-нъ Форбсъ былъ по обыкновенію воинственъ. Послѣ второй неудачи подъ Плевной онъ говоритъ г-жѣ Новиковой: „мы были въ страшномъ уныніи короткое время, теперь все идетъ къ лучшему". Онъ оплакиваетъ недостатокъ рыцарскихъ газетъ въ Лондонѣ, „Daily News" двоедушенъ, „Spectator", хотя очень хорошъ, но ужасно скученъ и торжественъ. Онъ много писалъ, въ августѣ и октябрѣ преимущественно на счетъ гнусности мнимаго нейтралитета и разрѣшенія Гобарту, Бекеру и другимъ сражаться на сторонѣ турокъ, но ему скучно воевать одному. Ни одна душа не откликнулась на обвиненіе въ „Contemporary" Гобенъ Гобарда и Лейярда. Все, что „Spectator" могъ сказать, стоитъ прочитать—это цѣлый обвинительный актъ.

Въ октябрѣ Ольга Алексѣевна получила нѣсколько писемъ отъ Гладстона.

10-го октября 1877 г.

„Дорогая г-жа Новикова, мнѣ жаль, что долженъ отвѣтить Вамъ второпяхъ, но за то я посылаю Вамъ для прочтенія необыкновенно интересное письмо д-ра Зимана и еще одно изъ Вѣны, которое стоитъ Вамъ прочитать. Мы не ѣдемъ къ Эджертонамъ, мы ѣдемъ въ будущую среду въ Ирландію и можемъ быть въ отсутствіи три недѣли. Какъ только я возвратился въ Лондонъ, мнѣ объявили о Вашемъ посѣщеніи. Я пока не собираюсь въ Лондонъ, дѣла меня

задерживаютъ въ деревнѣ. Сочувствую Вамъ глубоко въ Восточномъ вопросѣ. Секретовъ у меня нѣтъ. Но многіе меня дѣлаютъ отвѣтственнымъ за все. Вы, можетъ быть, не видѣли мою статью объ Египтѣ, которую прилагаю. Въ одномъ будьте увѣрены: молчу ли я, или нѣтъ, гдѣ бы я ни былъ, слышите ли Вы обо мнѣ или нѣтъ, ничто не измѣнитъ моего направленія, и хотя туркофильство громко заявляетъ о себѣ среди насъ, и мнѣ стыдно за нѣкоторую часть моихъ соотечественниковъ, тѣмъ не менѣе меня радуетъ, что въ Нотингамѣ, двѣ недѣли тому назадъ, я говорилъ десятитысячной толпѣ и находилъ ее здравомыслящей, какъ всегда.

Я убѣжденъ въ вѣроятномъ окончаніи войны и смотрѣлъ на турецкіе успѣхи, какъ на несчастье для Турціи. Вѣрьте искренней моей преданности.

Гладстонъ".

Вслѣдъ за этимъ Гладстонъ снова пишетъ Ольгѣ Алексѣевнѣ:

Хаварденъ 16-го октября 1877 г.

„Дорогая г-жа Новикова, письмо д-ра Тиннера прекрасно и интересно. Онъ касается благоразумно и деликатно Польши. Помните, что между нами произошло по этому поводу прошедшій годъ. Я послалъ Вамъ письмо Зимана не какъ евангеліе, но какъ любопытный отчетъ его впечатлѣній о Константинополѣ.

„Я ѣду въ Ирландію, и Богъ дастъ переселюсь туда недѣли на три въ уединеніе, насколько могу. Этотъ восточный вопросъ сдѣлалъ меня извѣстнымъ болѣе, странно сказать, чѣмъ во время моего премьерства.

„Мнѣ будетъ жаль, если Вы не поѣдете къ лэди Эджертонъ. Мнѣ бы хотѣлось знать, получило ли Ваше посольство сообщеніе отъ меня касательно письма Вашего Военнаго Министра, написаннаго имъ вслѣдствіе того, что я считаю самымъ безсердечнымъ подлогомъ, посланнымъ ему отъ моего имени. Я только хотѣлъ бы это знать при случаѣ и больше ничего. Вѣрьте искренней преданности моей къ Вамъ

Гладстонъ".

„Я не думаю, чтобъ разсудительный человѣкъ, какихъ бы мнѣній онъ ни былъ, могъ вѣрить, что Вы стараетесь анексировать славянскія провинціи".

22-го октября 1877 г.

„Дорогая г-жа Новикова, — Ваше письмо я получилъ сегодня утромъ. Дай Богъ, чтобы блестящая побѣда (надъ Мухтаръ-пашей

при Аладжѣ [1]) ускорила окончаніе страшной войны. Спѣшу отвѣтить на Вашъ вопросъ о г-нѣ Картрайтъ. Онъ очень умный, образованный человѣкъ, и за его правдивость можно поручиться.

„Вамъ можетъ быть интересно будетъ прочитать прилагаемую пѣсню. Авторъ ея г-нъ Стевенъ де Росъ, ирландецъ. Говорятъ: на этомъ островѣ царствуетъ туркофильство, но мнѣ лично его не высказываютъ.

Вашъ искренно Гладстонъ".

„Можете снять копію съ пѣсни, если найдете, что стоитъ. Мнѣ жаль, что не могъ Васъ убѣдить поѣхать въ Татонъ".

Его преподобіе Дентонъ писалъ г-жѣ Новиковой 25-го октября:

„Гладстонъ думаетъ, что если не случится какое-нибудь особенное несчастье, напримѣръ, попытка перейти изъ сомнительнаго нейтралитета во враждебныя дѣйствія противъ Россіи, или къ активной помощи Турціи, лучше отложить всякія публичныя собранія до момента открытія парламента. Могутъ однако возникнуть обстоятельства, по которымъ желательно будетъ ускорить митингъ".

Въ слѣдующемъ своемъ письмѣ изъ Ирландіи Гладстонъ также касается этого предмета.

30-го октября 1877 г.

„Дорогая г-жа Новикова, боюсь, что нѣтъ вѣроятія поѣздки моей въ Лондонъ до 10-го ноября или даже вскорѣ послѣ, но я ничего новаго сказать не могу касательно всепоглощающаго вопроса. Мои мысли похожи на поступки человѣка, живущаго въ стеклянномъ ульѣ (какъ въ сказкѣ говорится). Огорченіе, съ которымъ я гляжу на политику, насильно навязываемую правительствомъ моей странѣ, никогда не пройдетъ и не уменьшится.

„Эта политика была подлая, другого слова не подберешь. Въ этомъ смыслѣ я все время говорилъ о ней публично, такъ долженъ и продолжать.

„Для меня весьма деликатный вопросъ—выборъ подходящаго случая для публичныхъ рѣчей, и естественно я дѣлаюсь судьей многихъ. Я не вижу вреда отъ митинга такого, какъ предлагаетъ г-нъ Дентонъ, но я не думаю, чтобы это былъ для меня подходящій моментъ выступить".

Гладстонъ снова пишетъ г-жѣ Новиковой:

„Повидимому, надъ Турціей опять нависли мрачныя тучи. Я все-

---

[1]) Битва при Аладжѣ произошла въ Арменіи 14, 15-го октября. Русскіе подъ предводительствомъ Великаго Князя Михаила Николаевича окончательно разбили турецкую армію подъ командой Мухтаръ-паши, захвативъ 32 пушки и 10.000 плѣнныхъ.

время считалъ ея успѣхи не выгодой, а новымъ несчастьемъ для нея же самой. Вы, Русскіе, смотрите на войну, какъ на вопросъ чести. Это я сказалъ на дняхъ вице-королю Ирландіи, единственному человѣку, заговорившему со мной объ этомъ предметѣ съ тѣхъ поръ, какъ я у здѣшнихъ береговъ". Наша политика была гнусной, обратите вниманіе на вашу! Я твердо вѣрю, что вашъ императоръ не уклонится отъ дѣла Европейскаго освобожденія, предпринятаго имъ. Ему нужна сверхъ-человѣческая мудрость. Да внушитъ ее ему Богъ! Я часто говорилъ, что если вы находите удобный моментъ, чтобы дѣйствовать на мнѣніе англичанъ, вамъ слѣдуетъ, подобно туркамъ, вліять на прессу и черезъ нее. Я также вамъ говорилъ, какъ отзовутся здѣсь не получившія опроверженія польскія обвиненія.

Я себѣ представляю, если бъ кто-нибудь сказалъ мнѣ: „не говорите про Россію и Польшу; подумайте объ Англіи въ Индіи, Ямайкѣ и проч.". Я бы отвѣтилъ: всякому, кто указалъ бы міру на наши проступки, я лично былъ бы очень благодаренъ. Съ лучшими пожеланіями Вамъ здоровья и благополучныхъ путешествій, преданный Вамъ

Гладстонъ".

„Мы ѣдемъ къ герцогу Лейстеру въ концѣ недѣли".

Побѣды твердо установились теперь на сторонѣ Россіи. До битвы при Аладжѣ турецкіе партизаны были увѣрены, что русскіе будутъ побѣждены. Гладстонъ никогда не вѣрилъ этому. Когда положеніе русскихъ казалось въ самомъ мрачномъ видѣ, онъ мнѣ писалъ:

„Неудача была бы теперь такимъ несчастьемъ для Россіи, что ея нравственный долгъ упорствовать. Относительно окончательнаго успѣха положеніе очень сходно съ Американской войной 1861—65 гг. Мнѣ всегда казалось слѣпымъ турецкое ликованіе при успѣхахъ. Они должны бы цѣнить окончательный успѣхъ".

Вскорѣ и на частичные успѣхи турки не имѣли надежды. Карсъ былъ взятъ штурмомъ 18-го ноября, а 16-го декабря [1]), когда Османъ-паша сдалъ Плевну, ясно было самому ярому оптимисту изъ туркофиловъ, что игра проиграна.

Но было не менѣе ясно, что разъ Турція побита, и русскія войска приближаются къ Константинополю, возрастаетъ опасность войны между Англіей и Россіей. Обсуждая это съ г-жей Новиковой, я предлагалъ ей написать серію писемъ съ русской точки зрѣнія, что для свѣдѣнія англійской публики было бы очень полезно. Она

---

[1]) Дата чиселъ по новому стилю. *Ред.*

колебалась. Я просилъ совѣта у Фримана. Какъ видно изъ его письма, онъ не особенно увлекся.

„Что касается г-жи Новиковой, она была бы чрезвычайно полезна для сообщенія фактовъ, такъ какъ она имѣетъ доступъ въ самыя высокія сферы Россіи, но я бы не довѣрялъ ей, какъ корреспонденту, т. е. для печатанія ея писемъ. Конечно, ея точка зрѣнія, какъ русской, иная, чѣмъ наша, но она по-временамъ бываетъ чрезмѣрно восторжена“.

По моему убѣжденію, самый нужный элементъ былъ именно искренній неэгоистичный энтузіазмъ. Г-жа Новикова согласилась, и результатъ превзошелъ мои ожиданія. Ея письмо съ описаніемъ двухъ Россій, оффиціальной и неоффиціальной, Петербургской и Московской, произвело неизгладимое впечатлѣніе на англійскіе умы. Ничто не могло появиться болѣе своевременно и болѣе кстати. Самъ г-нъ Фриманъ не замедлилъ признать услуги, оказанныя такимъ доблестнымъ союзникомъ въ войнѣ, которую мы всѣ пытались вести противъ Биконсфильда.

Въ день избранія новаго лорда-мэра, по обыкновенію, премьеръ говорилъ рѣчь, но сравнительно съ 1876 г. слово лорда Биконсфильда было смиренно. Въ письмѣ отъ 11 ноября Фриманъ отмѣчаетъ разницу:

„Еврей былъ менѣе необузданъ, чѣмъ я предполагалъ. Но Грекъ! Навѣрное, измѣнники, продающіе себя, чтобы лгать за дьявола и его агентовъ, хуже тѣхъ, кто продаетъ себя, чтобы сражаться за нихъ. Гобартъ не то, что Мусурусъ, помогающій снять оковы съ своего народа, и я увѣренъ, что эта тварь принята въ высшемъ Лондонскомъ обществѣ, сдѣлавшемся, повидимому, чисто сатанинской синагогой“.

Грекъ, о которомъ Фриманъ упоминаетъ въ такихъ сильныхъ выраженіяхъ, былъ Мусурусъ-паша, въ то время турецкій посолъ при Сентъ-Джемскомъ дворѣ.

Гладстонъ былъ еще въ Ирландіи, но собирался въ обратный путь. Слѣдующее письмо его помѣчено:

Говардъ 13 ноября.

„Дорогая г-жа Новикова, я возвратился вчера изъ замѣчательно интереснаго посѣщенія Ирландіи. Море было ужасно. Я не могу ничего сказать про ирландское мнѣніе о Восточномъ вопросѣ, такъ какъ оно существуетъ только у самыхъ высокообразованныхъ людей, но я не нашелъ здѣсь ни свирѣпаго антирусскаго, ни туркофильскаго настроеній и не встрѣчалъ ничего похожаго на ядовитую турецкую прессу столицы.

„Вчера утромъ, сойдя на берегъ, я долженъ былъ говорить въ собраніи Холихеда и не преминулъ, насколько могъ, послѣ качки, ввернуть два или три своевременныхъ намёка.

„Избави Богъ бѣдныхъ турокъ отъ ихъ друзей, такъ какъ они навлекли на нихъ борьбу, въ которой они терпятъ пораженіе. Надѣюсь, что Россія будетъ справедлива и умѣренна, но было бы нелѣпо ожидать, что за всѣ свои усилія и жертвы она не потребуетъ никакого вознагражденія. Я ни минуты не предполагалъ, чтобы она уклонилась отъ своего покровительства Европейскимъ и въ особенности Болгарскимъ славянамъ. Славная геройская маленькая Черногорія. Да благословитъ Господь ея процвѣтаніе.

„Я съ особеннымъ интересомъ прочиталъ присланную Вами статью и надѣюсь, что Вы мнѣ ее разрѣшили оставить у себя. Прекрасная статья: она доказываетъ, что вы занимались прекраснымъ дѣломъ въ Россіи.—Блаженны миротворцы, но между нами многіе стараются, надѣюсь безсознательно, наоборотъ, творить работу дьявола.

„Благослови Васъ Богъ.

Гладстонъ“.

„Что означали слова лорда Б. въ Гильдчхоль, что Вашъ Императоръ обязался не увеличивать территоріи? Я этого не понимаю! Каноникъ Лидонъ написалъ мнѣ интересное письмо, отъ 15-го ноября, изъ Оксефорда, объ отношеніи англиканскаго духовенства къ Восточному кризису:

„Милостивый Государь. Я вмѣстѣ съ Вами согласенъ оплакивать путь, по которому шла значительная часть духовенства въ Восточномъ вопросѣ. Мнѣ ясно, что они, какъ бы ни было безсознательно, но предпочли пожертвовать нравственными соображеніями, которыя для насъ болѣе, чѣмъ для кого другого, должны имѣть вѣсъ, требованіямъ политической партіи. Изъ моихъ друзей большинство, я думаю, болѣе или менѣе согласно со мной, но нѣтъ сомнѣнія, что большинство высшаго духовенства поддерживало лорда Биконсфильда. Я имѣлъ удовольствіе видѣть г-жу Новикову на-дняхъ, когда она была въ городѣ. Она оказывала большую услугу, объясняя своимъ соотечественникамъ, что не вся Англія сошла съ ума, и есть меньшинство, достаточно сильное, чтобы не допустить никакого дѣйствія противъ Россіи въ защиту турокъ. Я очень радъ, что она будетъ писать въ „Сѣверномъ Эхо“, и буду Вамъ очень благодаренъ за присылку его мнѣ.

„Сколько я слышу, несмотря на желанія премьера, ему не удастся вовлечь насъ въ войну съ Россіей даже, если защита Турціи въ Бол-

гаріи также провалится, какъ въ Арменіи. Мы не можемъ объявить войну безъ союзника, а единственно возможный союзникъ Австрія, но несмотря на сильное давленіе въ Пештѣ, австрійское правительство все болѣе и болѣе склоняется къ союзу съ Берлиномъ, что при теперешнихъ обстоятельствахъ значитъ къ Петербургу. Я не долженъ назвать источники этихъ свѣдѣній, но Вы можете, я думаю, считать ихъ точными. Подозрѣніе въ этомъ замѣтно по отчаянной злобѣ такихъ газетъ, какъ Pall-Mall и Morning Post".

Отношенія Ольги Алексѣевны къ госпожѣ Гладстонъ были всегда самыя сердечныя. Я уже приводилъ письмо г-жи Гладстонъ, увѣдомляющее объ изданіи „Болгарскія жестокости". Теперь помѣщаю другое, писанное той же дружеской рукой потому, что выраженіе въ немъ г-жи Гладстонъ „великое извѣстіе", говоря о паденіи Карса, доказываетъ, какъ искренно семья Гладстоновъ сочувствовала русскому дѣлу.

20-го ноября 1877 г.

„Дорогая г-жа Новикова. Какъ мило съ Вашей стороны подумать о чудномъ русскомъ чаѣ. Тысячу благодарностей. Будемъ вспоминать о Васъ, сидя у камина и наслаждаясь имъ. Сегодня такой день, въ который я особенно рада Вамъ писать. Какое великое извѣстіе! Дай Богъ, чтобы все теперь шло прекрасно. Мы съ большимъ интересомъ и удовольствіемъ читали Ваше письмо въ „Сѣверномъ эхо". Такое прекрасное и умное. Мужъ поѣдетъ въ Лондонъ 3-го или 4-го декабря на нѣсколько дней. Здоровье его очень хорошо. Лучшія пожеланія, дорогая г-жа Новикова. Ваша отъ всего сердца

Екатерина Гладстонъ".

Извѣстіе о взятіи Карса дошло въ Англію 20-го ноября. Черезъ три дня Гладстонъ писалъ:

23-го ноября 1877 г.

„Дорогая г-жа Новикова. Возвращаю Вамъ корректуру; читалъ сегодня Ваше замѣчательно умное письмо о статьѣ Форбса, присланное мнѣ издателемъ „Сѣвернаго Эхо". Я желаю, чтобы оно пріобрѣло то вниманіе, котораго оно заслуживаетъ. Надѣюсь уѣхать изъ Лондона 3-го и могу быть въ Вашемъ распоряженіи въ этотъ день въ половинѣ пятаго

Вашъ искренно Гладстонъ".

„Странно, что я самъ готовлюсь въ 7 ч. вечера читать лекцію о Форбсѣ".

Странно можетъ быть, но довольно естественно, чтобы два такихъ проницательныхъ защитника одной и той же идеи одновременно

задумали отражать непріятельскія нападки. Г-нъ Форбсъ былъ извѣстный военный корреспондентъ „Daily News“, который, возвратясь съ мѣста военныхъ дѣйствій, написалъ статью въ „Nineteenth Century“, возбудившую негодованіе въ славянофильскомъ лагерѣ.

Не слѣдуетъ забывать, что антитурецкое движеніе было всецѣло скорѣе нравственнымъ, чѣмъ политическимъ. Это очень хорошо объяснено г-мъ Шельдонъ Амосъ въ письмѣ къ г-жѣ Новиковой:

„Сопротивленіе войнѣ не должно быть основано на отвлеченномъ, миролюбивомъ принципѣ, или просто на принципѣ корысти или политики. Такія основанія падутъ передъ возрастающей лихорадкой войны и обманчивыми разсчетами на цѣлесообразность, представляющуюся другой стороной. Единственное безопасное, общее и вѣрное основаніе, на которомъ люди должны остановиться то, что становится нравственнымъ беззаконіемъ—продолжать политику, которая такъ долго поддерживала Турцію, несмотря на ея доказанную неспособность на порядочное управленіе, ея гнилую нравственность и ненасытную злость,—только потому, что надо воздвигнуть стѣну, изъ матеріаловъ какихъ угодно, между Россіей и Британской Индіей.

Письма г-жи Новиковой, или какъ ихъ называли, письма „О. К.“, подписывались ея дѣвичьими иниціалами, чтобы не раздражать ея зятя, Евгенія Петровича Новикова, тогдашняго посла въ Вѣнѣ, они печатались въ „Сѣверномъ Эхо“ и привлекали такое вниманіе своей силой, добродушіемъ и острымъ умомъ, что она была принуждена выпустить новое изданіе, что и было исполнено.

Это была откровенно высказанная защита народной русской точки зрѣнія, оживленная многими блестящими нападками на непріятельскій лагерь. Нѣкоторые критики называли ихъ раздражающими, и несомнѣнно они не были сладкорѣчивы. Г-жа Новикова описывала, впослѣдствіи, мою книгу „Правда о Россіи“, какъ „бочку меда съ ложкой дегтя“. Ея джингоистскіе критики жаловались, что въ ея книгѣ пропорція была обратная [1]).

По мѣрѣ того, какъ русская армія разбивала турокъ, негодованіе джингоистовъ дѣлалось все громче. Въ 1876 г. на конференціи въ Сентъ-Джемсъ-Холь г-жа Новикова видѣла кульминаціонный пунктъ анти-турецкаго направленія; это было наканунѣ

---

[1]) Вотъ содержаніе: Ошибается ли Россія? (Is Russia wrang?), изданное Hodder and Stoughton, появившееся въ двухъ изданіяхъ: „Тайныя общества и война“. „Двѣ Россіи: Москва и Петербургъ“. „Вознагражденіе за жертвы“, „Условія мира“, „Возможныя и невозможныя“, „Нѣкоторые англійскіе предразсудки“. „Традиціонная политика“, „Русскіе въ Средней Азіи“, Статья г-на Форбсъ. Катковъ и „Московскія Вѣдомости“.

Константинопольской конференціи. Въ 1877 г. она видѣла конецъ угрюмаго нейтралитета, преобладавшаго отъ объявленія войны до паденія Плевны. Ей удалось вызвать приговоръ англійской публики въ пользу Россіи въ тотъ самый моментъ, когда сдерживаемый потокъ джингоистскихъ страстей готовъ былъ вырваться на свободу. Ея первая книга Is Russia wrang? „Ошибается ли Россія?" появилась въ то время, когда русскія войска стремились на югъ, къ Константинополю, а лордъ Биконсфильдъ готовился послать англійскій флотъ въ Дарданеллы, когда непріятельскія силы собирались нанести ударъ, г-жа Новикова стала на защиту и въ краткій промежутокъ тишины передъ бурей, она обратилась съ воззваніемъ къ народу, готовому, казалось, воевать. Это былъ храбрый пріемъ, онъ былъ безпримѣрный, какъ были безпримѣрны обстоятельства, въ которыя обѣ націи были поставлены.

У нея не было вѣрительной грамоты, она дѣйствовала по собственной инициативѣ, полагаясь на знаніе русскаго народа и на довѣріе лицъ, къ которымъ она обращалась. Г-нъ Фрудъ написалъ предисловіе къ „Is Russia wrang?", которое сильно не понравилось ея друзьямъ холодностью и умѣренностью его тона. Кинглекъ два раза говорилъ объ этомъ въ своихъ письмахъ: „Если Фрудъ будетъ писать только о войнѣ, вмѣсто того, чтобы оцѣнить Васъ по достоинству, такъ я приду къ заключенію, что, изучая характеръ королевы Елизаветы, онъ самъ обратился въ старую дѣву".

Нѣсколько дней спустя Кинглекъ писалъ: „Великій оракулъ Хардена опять говорилъ мнѣ и очень энергично о силѣ и превосходствѣ Вашихъ сочиненій. Дѣло въ томъ, что Вы выражаете много мнѣній, которыя самъ онъ имѣетъ привычку внушать. Онъ съ неудовольствіемъ говоритъ о предисловіи Фруда, обвиняя его въ холодности. Для меня необыкновенно странно, что, предпринявъ написать предисловіе (котораго его никто не заставлялъ писать), онъ упустилъ изъ вида самое главное въ этой задачѣ—указаніе цѣнности и качества того произведенія, которое онъ представлялъ публикѣ".

Фрудъ загладилъ вполнѣ свою ошибку предисловіемъ къ другой книгѣ Ольги Алексѣевны „Russia and England".

Но книга не нуждалась въ предисловіи. Она говорила сама за себя, она была съ восторгомъ принята либеральной прессой, нуждавшейся въ то время въ сильномъ и рѣшительномъ направленіи. Наоборотъ отъ джингоистской партіи она навлекла на г-жу Новикову гнѣвные доносы. Газета „Міръ" „The World" называла ее русскимъ развѣдчикомъ, прибавляя: „авторъ, платный агентъ русскаго правительства, занятіе котораго состоитъ въ возбужденіи

интереса къ этой странѣ, одурачивая вліятельныхъ политическихъ стариковъ и вывѣдывая отъ нихъ полезныя свѣдѣнія".

(„Is Russia wrong?" опубликована наканунѣ Рождества 1877 г. Плевна сдалась 19-го. Ольга Алексѣевна, дождавшись появленія своей книги, уѣхала изъ Лондона въ Петербургъ).

ГЛАВА III.

Англо-русское освѣдомительное бюро.

Шесть мѣсяцевъ послѣ появленія „Is Russia wrong?" продолжался кризисъ, воспоминаніе о которомъ до сихъ поръ меня преслѣдуетъ. Полгода двѣ великія націи грозили другъ другу войной, на сушѣ и на морѣ, безполезной, ненужной войной—и за что? Вспоминая это тяжелое время, единственное, что могло бы объяснить, но не оправдать воинственную политику англійскаго правительства и бѣшеное волненіе печати, это Македонія. Возвратъ къ рабству этой несчастной провинціи былъ единственнымъ плодомъ антирусской политики Биконсфильда. Вся суета и хлопоты, все глупое бѣснованіе лондонской биржи, всѣ прогулки броненосцевъ, увеличившія раздраженіе между двумя народами, которыхъ дружба необходима для мира въ Азіи, все это имѣло практическимъ результатомъ возвратъ македонцевъ, освобожденныхъ по Санъ-Стефанскому договору, подъ власть султана и его башибузуковъ. Утѣшительно то, что Македонія стала съ той поры кошмаромъ англійской дипломатіи, постоянной угрозой европейскому миру. И несмотря на молодую революцію въ Турціи, мы все еще въ потемкахъ на счетъ ея.

Вспоминая страхи того безумнаго времени, трудно себѣ представить, чтобы дѣйствующія лица этой фантасмагоріи сами вѣрили въ серьезность своего дѣла.

Цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ Европа была насторожѣ. Опасность безконечной войны висѣла, какъ Дамокловъ мечъ, надъ человѣчествомъ. Въ то же время преступники, хвастливая политика которыхъ произвела эту тревогу, доказывали міру, что сами они не вѣрили въ эту борьбу; ибо гдѣ же были приготовленія къ ней? Народъ, затратившій 250 милліоновъ ф. на войну съ 60.000 фермерами Южной Африки, можетъ только удивляться правительству, которое, готовясь къ войнѣ съ великой державой, ограничивается займомъ въ 6.000.000 ф. Г-нъ Гаторнъ, одинъ изъ самыхъ воинственныхъ замѣстителей лорда Биконсфильда, заявилъ открыто, что,

если возникнетъ война, потребуется не 6, а 600 милліоновъ ф.; но кромѣ этого займа министры не сдѣлали ничего. Они старательно заявляли, что никакихъ прибавокъ въ морскомъ вѣдомствѣ не происходитъ, и что флотъ даже на мирномъ положеніи прошлаго года способенъ противостоять всякой могущей возникнуть случайности.

Опасность грубой хвастливости въ политикѣ та же, которая случилась съ Чемберленомъ въ 1899 году: „Васъ могутъ заставить привести въ исполненіе вашу угрозу", замѣтили ему. Къ счастью Англіи и человѣчества, русское правительство было терпѣливѣе президента Крюгера, и войны не было. Однако никто не зналъ, что принесетъ съ собой слѣдующій день, царило лихорадочное волненіе, терялась всякая надежда на миръ.

Въ теченіе шести мѣсяцевъ между появленіемъ въ свѣтъ „Is Russia wrang" и Берлинскимъ трактатомъ, Ольга Алексѣевна почти одна вела блестящую, хотя иной разъ безнадежную борьбу въ пользу мира. Проповѣдуя терпѣніе въ Москвѣ, она въ то же время внушала англійскимъ друзьямъ мира поддерживать съ непреклонной смѣлостью борьбу противъ воинственной политики Биконсфильда. Она все время была душой той группы людей, которая отказывалась отчаяваться въ мирѣ. Событія оправдали эту вѣру.

Важность ея участія въ дѣлѣ не получила должной оцѣнки; да съ перваго взгляда оно кажется невозможнымъ, но при минутномъ размышленіи всякій пойметъ, какъ настойчиво было ея посредничество между обѣими странами. Въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" она одна отстаивала политику Гладстона. Она вѣрила въ искрепность англійскихъ лидеровъ, получая каждый день статьи, могущія удостовѣрить русскихъ въ томъ, что Биконсфильдъ не могъ, если бы и хотѣлъ, втянуть Англію въ войну съ Россіей. Она упорно писала свои статьи въ этомъ смыслѣ. Позднѣе Катковъ, въ блестящей руководящей статьѣ, отдалъ должное безстрашной, самостоятельной политикѣ Ольги Алексѣевны.

Въ Англіи важно было убѣдить лидеровъ, противниковъ джингоитской партіи, что русскіе имѣли честныя намѣренія, что не могло быть нарушенія торжественныхъ договоровъ, и что цѣль русской политики ограничиться предѣлами, начертанными до начала войны. Будучи въ постоянныхъ и близкихъ сношеніяхъ съ гладстоновцами въ Англіи, а также съ печатью и правительствомъ въ Россіи, ясно, что О. А. пользовалась большими преимуществами.

Туркофильскія газеты смотрѣли съ подозрѣніемъ на сношенія г-жи Новиковой съ гладстоновцами, и выражали это болѣе или менѣе гнѣвно, но даже среди самой гладстоновской партіи почти никто

не зналъ, какую существенную помощь имъ оказывала сестра Николая Кирѣева. Я могу говорить съ увѣренностью, такъ какъ большая часть сообщеній обо всемъ, что касается неоцѣнимыхъ заслугъ г-жи Новиковой, прошла чрезъ мои руки; она успѣшно разстраивала воинственные планы джингоистовъ и поддерживала бодрость въ друзьяхъ мира обѣихъ сторонъ.

Вопросъ, въ правѣ ли вы, если ваше правительство грозитъ несправедливой войной, войти въ союзъ съ гражданиномъ государства, могущаго сдѣлаться врагомъ, былъ разрѣшенъ утвердительно въ 1876—1878 г. 30-го января 1878 г. Гладстонъ сказалъ въ клубѣ Пальмерстона въ Оксфордѣ: „съ прискорбіемъ и даже съ отвращеніемъ, но какъ убѣжденный старый политикъ, я могу за послѣдніе полтора года быть признанъ агитаторомъ. Но цѣль моя состояла въ томъ, чтобы изъ всѣхъ силъ, днемъ и ночью, недѣля за недѣлей, мѣсяцъ за мѣсяцемъ, противодѣйствовать тому, что я считалъ замыслами лорда Биконсфильда“. — Въ теченіе этихъ восемнадцати мѣсяцевъ и больше всего, когда кризисъ дошелъ до апогея, Гладстонъ былъ радъ найти въ Ольгѣ Алексѣевнѣ сотрудницу, могущую оказать ему дѣйствительную помощь въ самую нужную минуту.

Въ 1877 г., когда г-жа Новикова покинула Лондонъ, джингоистскій духъ присмирѣлъ. Партія мира въ кабинетѣ успѣла внушить свою волю Биконсфильду. Туркофилы видимо потеряли бодрость. Результатъ выборовъ оказалъ несомнѣнный приливъ либерализма, который дошелъ до апогея въ 1888 г.

Успѣхъ войны былъ, несомнѣнно, на сторонѣ Россіи. Въ Средней Азіи и на Балканахъ турецкая армія бѣжала. Гладстоновцы ликовали надъ предстоящимъ освобожденіемъ Болгаріи. Болѣе пылкіе смѣялись надъ идеей, что лордъ Биконсфильдъ осмѣлится повести разъединенную націю на помощь шатающейся Оттоманской имперіи.

Изъ друзей Ольги Алексѣевны одинъ Фрудъ падалъ духомъ.

Я не раздѣлялъ его предсказаній. Жилъ я на сѣверѣ Англіи, откуда, какъ неоффиціальный помощникъ Гладстона, я имѣлъ возможность выражать публичный энтузіазмъ въ пользу освобожденія славянъ.

Естественно, что я былъ болѣе довѣрчивъ, чѣмъ житель Лондона, который, когда происходила рѣзня, имѣлъ глупость быть туркофиломъ. Состоя корреспондентомъ г-жи Новиковой, я внушилъ ей мое убѣжденіе, что лорду Биконсфильду не позволятъ заставить Англію воевать за турокъ.

Не тайно, но и не публично существовала организація для того, чтобы лидеры противотурецкаго движенія имѣли постоянныя сношенія другъ съ другомъ, для болѣе успѣшнаго противодѣйствія

намѣреніямъ Биконсфильда. Необходимо было парализовать Оттоманское владычество въ Европѣ. Самыми дѣятельными, хотя и не слишкомъ явными представителями этого движенія были г-жа Новикова въ Москвѣ и я въ Дарлингтонѣ. Ольга Алексѣевна жила въ Москвѣ, въ центрѣ славянскаго движенія. Она постоянно встрѣчалась съ Катковымъ, самымъ грознымъ журналистомъ въ Россіи, и съ Аксаковымъ, предсѣдателемъ Славянскаго комитета, которые вначалѣ чуждались ея взглядовъ. Она сотрудничала въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ", въ „Руси" и въ „Современныхъ Извѣстіяхъ". Она была дѣйствительнымъ членомъ Краснаго Креста по его московскому отдѣлу, и ея семейное и общественное положеніе ставило ее въ болѣе или менѣе близкія отношенія съ наиболѣе вліятельными людьми въ Россіи, начиная отъ кн. Горчакова и кончая Достоевскимъ.

Она поддерживала постоянную переписку со многими вліятельными людьми въ Англіи и была корреспондентомъ „Сѣвернаго Эхо". Я былъ назначенъ издателемъ этого журнала въ 1871 г., когда мнѣ было двадцать два года. Съ своего появленія, газета была воинствующимъ органомъ передового либерализма и во многомъ, благодаря ей, сѣверъ Англіи остался вѣрнымъ своему либерализму.

Послѣ избранія цѣлой фаланги либераловъ „Сѣверное Эхо" привлекло на себя вниманіе своей необыкновенной горячностью и симпатіями къ славянамъ. Его вліяніе, какъ органа новыхъ крестоносцевъ, распространилось далеко за предѣлы его обычной сферы. Гладстонъ, Брайтъ, Фриманъ и др. одобряли его труды, а потому онъ получилъ возможность входить въ сношенія съ ними или личныя или письменныя. Когда г-жа Новикова начала присылать мнѣ свои корреспонденціи изъ Москвы, я сталъ разсылать означенныя копіи газетъ съ ея письмами двумстамъ лидерамъ противотурецкой партіи. Такимъ образомъ „Сѣверное Эхо" сдѣлалось путемъ сообщенія между всѣми стоящими во главѣ антитурецкаго движенія. Оно было больше этого: оно стало нѣчто въ родѣ главнаго штаба, освободительнымъ бюро антитурецкой кампаніи.

Когда г-жа Новикова возвратилась въ Москву, я былъ назначенъ англійскимъ корреспондентомъ „Московскихъ Вѣдомостей". Къ несчастью, статьи мои наполняли гораздо болѣе корзину для ненужныхъ бумагъ г. Каткова, чѣмъ страницы его газеты. Ольга Алексѣевна давала мнѣ свѣдѣнія изъ Россіи, а я ей изъ Англіи.

Я писалъ ей ежедневно, посылая выдержки изъ писемъ, вырѣзки изъ газетъ и краткій перечень ежедневныхъ новостей. Иногда въ крайнемъ случаѣ, я даже телеграфировалъ ей.

Наша переписка того времени подтверждаетъ мои слова.

Моими корреспондентами были: лордъ Дерби и лордъ Карнавонъ, послѣ выхода ихъ изъ кабинета, Гладстонъ, Брайтъ, Фостеръ, герцогъ Аргайль, Гренфель, лордъ Кортней, лордъ Розбери, Чемберленъ, серъ Джемсъ Стансфельдъ, Фриманъ, Фрудъ, каноникъ Лидонъ, Динъ Черчъ, серъ Джорджъ Коксъ и проч. Не знаю, сколькимъ изъ нихъ было извѣстно, что, обращаясь ко мнѣ, они писали къ конфиденціальному корреспонденту г-жи Новиковой, но такъ какъ многіе изъ нихъ узнали меня черезъ нее, очень вѣроятно, что они подозрѣвали, что я дѣлюсь извѣстіями съ нею. Нѣкоторые даже прямо просили меня посылать ихъ письма въ Москву. Другіе, какъ Гладстонъ и Фостеръ, увѣдомлялись мною обо всемъ, что я дѣлалъ, и пользовались мною, какъ посредникомъ для передачи намековъ, предостереженій и внушеній въ Московскую антитурецкую главную квартиру.

Я сказалъ Фостеру, что посылаю донесенія г-жи Новиковой, онъ отвѣчалъ, что я дѣлаю умно, но не долженъ допускать, чтобы объ этомъ было извѣстно въ публикѣ.

Предостереженіе г. Фостера, на счетъ этой тайны освѣдомительнаго бюро, было безполезно. Я и самъ вполнѣ сознаЛъ эту необходимость, но Гладстонъ очень цѣнилъ тогда и впослѣдствіи открытый путь для обмѣна сообщеній между двумя народными лидерами.

Несомнѣнно, что, будь извѣстно тогда это соглашеніе, страшный вопль поднялся бы со стороны джинговъ и даже жалобный пискъ ужаса со стороны слабыхъ между либералами. Замѣчателенъ слѣдующій фактъ: все время восточнаго волненія ни одинъ либеральный издатель не рѣшался упомянуть о дружбѣ Ольги Алексѣевны съ Гладстономъ. Единственные намеки на эту дружбу встрѣчаются въ джингоистскихъ газетахъ, которыя дѣлали это въ полной увѣренности, что ничѣмъ не могли болѣе повредить дѣлу Гладстона, но нашъ безстрашный лидеръ этимъ не смущался. Какъ мы видѣли, послѣ Сенъ-Джемской конференціи, онъ, какъ бы напоказъ всему свѣту, гордился своей дружбой съ г-жей Новиковой. Что касается его переписки съ ней, онъ не только не скрывалъ ее, но въ присутствіи другихъ и моемъ сказалъ г-жѣ Новиковой, что онъ ничего не имѣетъ противъ напечатанія даже въ „Таймсъ“ каждаго его письма къ ней. Очень немногіе изъ послѣдователей Гладстона не боялись злословія враговъ.

Періодъ между Рождествомъ 1877 г. и срединой лѣта 1878 г. полонъ интереса для историка и государственнаго человѣка. Большинства изъ дѣйствующихъ въ этой драмѣ лицъ нѣтъ въ живыхъ. Немногіе оставшіеся находятся подъ бременемъ лѣтъ или нездоровья, какъ султанъ и Чемберленъ. Большинства тѣхъ, чьи имена

играли роль въ этой исторіи, уже не существуетъ. Но великіе результаты того времени далеко не всѣ изгладились; необходимость добрыхъ отношеній между Россійской и Британской имперіями не менѣе важна теперь, чѣмъ была тридцать лѣтъ тому назадъ. Судьба Балканскаго полуострова все еще колеблется; путь, избранный Гладстономъ, чтобы противодѣйствовать лорду Биконсфильду, былъ совершенно тотъ же, какъ возбудившій бурю негодованія противъ сторонниковъ буровъ во время Южно-африканской войны. Любопытенъ вопросъ, насколько же можетъ оппозиція разсчитывать на народную поддержку, какъ на противодѣйствіе правительству, склонному къ войнѣ? и какими фибрами нравственными и политическими обладаетъ англійская демократія? На эти интересные вопросы пролито много свѣта перепиской, находящейся въ архивахъ англо-русскаго освѣдомительнаго бюро въ Москвѣ и Дарлингтонѣ.

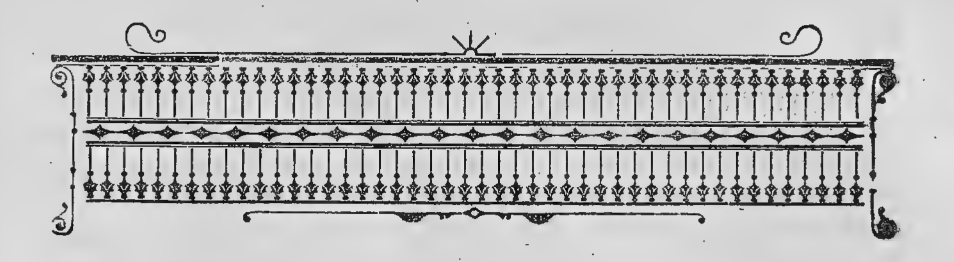
Главное для русскаго правительства было въ томъ, заставитъ ли англійское правительство своимъ вмѣшательствомъ снова объявить войну, чтобы лишить Россію и покровительствуемыхъ ею плодовъ побѣды, или нѣтъ. Всякое мелкое указаніе было огромной важности. Русскіе, подобно англійскимъ либераламъ, глубоко не довѣряли Биконсфильду. Они думали, что если бы онъ могъ, онъ не затруднился бы вмѣшаться въ концѣ концовъ. Но былъ ли лордъ Биконсфильдъ хозяиномъ даже въ своемъ кабинетѣ? Былъ ли его кабинетъ довольно силенъ, чтобы пренебречь оппозиціей, которую гладстоновцы ручались предъявить каждой воинственной попыткѣ? Насколько Россія могла надѣяться на единство либеральной партіи? Будь она увѣрена, что оппозиція предотвратитъ вторую войну, ей не нужно было бы дѣлать такія обширныя военныя приготовленія, какія ея казна развернула между февралемъ и іюнемъ. Очевидно: въ этомъ былъ для нея вопросъ жизни и смерти, ей необходимо было тоже знать: готовиться къ нападенію Британской арміи и флота, съ поддержкой Австріи или безъ нея? Какъ показали обстоятельства, единственной заботой русскихъ было избѣжать новой принудительной войны.

Выдержки изъ переписки Ольги Алексѣевны доказываютъ, съ какой твердостью ея англійскіе друзья приводили доводы за политику надежды, терпѣнія и увѣренности.

Сообщено Е. С. М.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Къ біографіи Л. А. Мея.

Левъ Александровичъ и Софья Григорьевна Мей, ихъ родные и знакомые.

(Семейная хроника).

Глава I.

Происхожденіе Льва Александровича, его дѣтство и лицейская жизнь.

Левъ Александровичъ Мей родился въ Москвѣ 16 февраля 1822 года. Дѣдъ его, Иванъ Карловичъ Мей, былъ остзейскій дворянинъ, давно поселившійся въ Москвѣ совершенно и обрусѣвшій, ученый и зажиточный человѣкъ. У него была большая библіотека: впослѣдствіи онъ обратилъ ее въ книжную лавку и помѣстилъ въ зданіи Московскаго Воспитательнаго Дома, съ той стороны, которая выходитъ на набережную Москвы-рѣки. Сдѣлавшись поставщикомъ книгъ и учебныхъ пособій Воспитательнаго Дома, Мей заключилъ съ нимъ условіе, по которому Воспитательный Домъ обязывался уплатить ему разные перечисленные убытки. Объ одномъ только не упоминалось въ условіи—о наводненіи, такъ какъ его никогда не бываетъ въ Москвѣ. Но въ одну весну Москва-рѣка такъ широко разлилась, что затопила всю набережную Воспитательнаго Дома и книжную лавку Мея. Книги и все, что тамъ находилось, было унесено волнами и льдинами.

Мей просилъ уплатить ему за понесенные убытки, но Воспитательный Домъ отказалъ ему въ этомъ.

Тогда Императрица Марія Ѳеодоровна, лично знавшая Мея,

желая вознаградить чѣмъ-нибудь его пострадавшее семейство, старшаго сына Ивана Карловича Мея, Петра Ивановича, бывшаго въ то время ея секретаремъ, сдѣлала директоромъ С.-Петербургскаго Воспитательнаго Дома, хотя Петръ Ивановичъ былъ еще очень молодъ. Онъ пробылъ въ этой должности почти всю остальную жизнь, которая была очень продолжительна, но въ послѣдніе годы своей службы, Петръ Ивановичъ назывался главноначальствующимъ всего Воспитательнаго Дома. Это былъ безукоризненно честный и добрый человѣкъ.

Второй сынъ Ивана Карловича Мея, Александръ Ивановичъ, отецъ Льва Александровича, былъ военный. Онъ воспитывался въ первомъ Московскомъ кадетскомъ корпусѣ; выпущенъ въ офицеры въ началѣ отечественной войны; дѣлалъ кампанію двѣнадцатаго года и на Бородинскомъ полѣ былъ раненъ въ грудь на вылетъ. Сперва считали эту рану смертельною, но молодость и сильный организмъ помогли выздоровленію. Продолжать военную службу Александръ Ивановичъ уже не могъ. Онъ сдѣлался компаньономъ какого-то частнаго общества и черезъ нѣсколько лѣтъ нажилъ небольшое состояніе. Въ 1821 году Александръ Ивановичъ женился на московской дворянѣ, Ольгѣ Ивановнѣ Шлыковой. Высокая, стройная брюнетка, съ великолѣпными темными глазами и такою же роскошной косою, она была замѣчательно красива. Александръ Ивановичъ влюбился въ нее, бракъ былъ по страсти.

Они имѣли уже троихъ дѣтей, когда Александръ Ивановичъ пожелалъ купить имѣніе. Дѣло было совершенно покончено, оставалось заплатить деньги. Взявъ съ собой шестьдесятъ тысячъ руб., Александръ Ивановичъ съ женою отправились въ путь. На дорогѣ у него открылась старая рана, остановились въ первой деревушкѣ. Черезъ нѣсколько часовъ онъ истекъ кровью и умеръ. Ему не было еще и 35 лѣтъ.

Молодая женщина обезумѣла отъ горя и лишилась чувствъ, а когда она очнулась и въ состояніи была что-нибудь сообразить, денегъ уже не было. Ихъ украли, но кто, осталось тайной навсегда.

Петръ Ивановичъ Мей принялъ самое сердечное участіе въ осиротѣвшей семьѣ брата, помогъ ей и на всю жизнь остался ея покровителемъ. Дядя замѣнилъ отца, и Левъ Александровичъ очень многимъ обязанъ Петру Ивановичу.

Двадцати-четырехъ лѣтняя вдова, съ тремя маленькими дѣтьми, изъ которыхъ старшему—Льву, едва минуло четыре года; мать Ольги Ивановны, Аграфена Станиславовна, и старшая, незамужняя дочь, Елисавета Ивановна Шлыковы поселились въ Москвѣ, въ

небольшомъ деревянномъ домѣ священника, въ приходѣ Николы—въ Хамовникахъ.

Управленіе хозяйствомъ и воспитаніе дѣтей приняла на себя Елисавета Ивановна, какъ самая сильная и энергичная въ семьѣ. Внезапная потеря страстно любимаго мужа и почти всего состоянія отозвалась на здоровьѣ Ольги Ивановны. Она вынесла тяжелую болѣзнь, отъ которой долго не могла оправиться, и навсегда уже осталась слабою, болѣзненно-впечатлительною и нервною. Добрая и нѣжная, она сосредоточила всю любовь свою на дѣтяхъ. Но въ особенности она любила старшаго своего сына Левеньку, какъ она его называла, похожаго на нее и нравомъ, и отчасти лицомъ. Блѣдный, худенькій, слабый, онъ туго росъ, тогда какъ сестра и братъ его были высоки и сильны. Скоро они его переросли. Маленькіе товарищи поддразнивали его и смѣялись надъ нимъ, что очень огорчало бѣднаго мальчика, но въ немъ рано сказались его блестящія способности. На седьмомъ году онъ самъ, безъ посторонней помощи, выучился читать.

Ему не было еще и девяти лѣтъ, когда онъ написалъ первые стихи. Они назывались „*Брань Тетки*". Страсть къ чтенію была въ немъ такъ велика, что куда бы онъ ни приходилъ въ гости, пока другія дѣти играли и танцовали, онъ отыскивалъ какую-нибудь книгу, забивался въ уголъ и читалъ. Воспитанный женщинами, Левъ Александровичъ былъ мягкосердъ и сострадателенъ не только къ людямъ, но и ко всѣмъ животнымъ, которыхъ очень любилъ, въ особенности собакъ. Левъ Александровичъ съ раннихъ лѣтъ усвоилъ себѣ честность, трудолюбіе и гостепріимство своей родной семьи и сохранилъ ихъ на всю жизнь. Мать оставила ему въ наслѣдство свои карія очи, нервный и страстный темпераментъ, мягкій, уживчивый характеръ и безпредѣльную любовь ко всему Божьему міру. Левъ Александровичъ говорилъ всегда, что онъ соединяетъ въ себѣ четыре національности: по отцу онъ нѣмецъ; по матери — татаринъ, такъ какъ Шлыковы происходятъ отъ татаръ; по бабкѣ—полякъ; а самъ по себѣ настоящій русскій человѣкъ, потому, что предки его давно обрусѣли, и что онъ коренной москвичъ еще и потому, что онъ любилъ Россію всѣмъ сердцемъ, зналъ ея исторію и языкъ, какъ мало кто знаетъ, и былъ православнымъ въ полномъ значеніи слова.

На двѣнадцатомъ году, съ помощью дяди П. И. Мея, Левъ Александровичъ поступилъ въ Московскій дворянскій институтъ и сталъ тамъ первымъ ученикомъ. Ему было четырнадцать лѣтъ, когда, по приказанію Императора Николая Павловича, вызывались въ Царскосельскій лицей лучшіе ученики всѣхъ казенныхъ заведеній Россіи; Левъ

Александровичъ попалъ въ ихъ число. Тяжело ему было разставаться съ матерью и семьей. Это было его первое сердечное горе.

Въ Петербургѣ дядя Петръ Ивановичъ принялъ его, какъ родного сына. Царское Село съ его садами и прудами, гдѣ плавали черные лебеди, пышность тогдашняго двора и близость къ нему лицеистовъ, самый лицей и вся новая обстановка произвели на Льва Александровича чарующее впечатлѣніе. Ему показалось все это какимъ-то волшебствомъ, одною изъ тѣхъ сказокъ, какія онъ слыхалъ въ младенчествѣ, и онъ чувствовалъ себя героемъ этой волшебной сказки. Все, на что большинство изъ его товарищей не обращало никакого вниманія, глубоко врѣзывалось въ его душу и способствовало развитію его поэтическаго таланта.

Въ лицеѣ такъ же, и въ дворянскомъ институтѣ, Левъ Александровичъ учился отлично. Но, кромѣ научныхъ занятій, онъ усердно началъ заниматься гимнастикою, Левъ Александровичъ стыдился своей физической слабости и рѣшился побороть ее. Дѣйствительно впослѣдствіи онъ сдѣлался очень силенъ. Это былъ уже юноша. Вмѣстѣ съ силою въ немъ пробудились молодечество и удаль. Лицейскія стѣны становились ему тѣсны. И когда, подъ праздникъ, тайкомъ отъ начальства[1]), вмѣстѣ съ товарищами-лицеистами онъ мчался на лихой тройкѣ Колчина въ Петербургъ подъ звукъ колокольчика и пѣсни ямщика, мысли и чувства уносили его, быстрѣй бѣшеной тройки, въ безпредѣльную даль.

Каждый разъ, когда Левъ Александровичъ пріѣзжалъ въ Петербургъ, онъ всегда бывалъ у дяди Петра Ивановича Мея; тамъ встрѣчали его ласки и радушіе родной семьи. Эти поѣздки освѣжали его и давали ему новыя силы для серьезныхъ умственныхъ занятій.

Поэтическая дѣятельность Льва Александровича началась еще въ лицеѣ. Тамъ онъ уже участвовалъ въ двухъ журналахъ, издававшихся лицеистами, и стихи его были тогда уже замѣчены.

Настала пора любви, сердце его страстно забилось, и Китайская-Деревня, гдѣ жили молодыя фрейлины Императрицы, освѣтилась новымъ блескомъ и сдѣлалась источникомъ мукъ и наслажденій. „*Въ Италію уѣхала она*“, вѣроятно, и не подозрѣвая, что между смотрѣвшими на нее лицеистами былъ тотъ, кто въ то время отдалъ бы жизнь за одну ея ласку.

Но ни лицей, ни товарищи, ни идеальная любовь не могли уменьшить его любви къ матери, Левъ Александровичъ боготворилъ ее. Да и вообще все, что относилось къ его родной семьѣ, было для

---

[1]) Лицеистамъ строго запрещалось ѣздить въ Петербургъ.

него священно, не исключая и няни Перфильевны, которая всѣхъ ихъ вынянчила и дожила въ домѣ до глубокой старости, оставаясь лучшимъ другомъ и преданнѣйшею служанкою всего семейства.

Тотчасъ по выходѣ изъ Лицея Левъ Александровичъ пріѣхалъ въ Москву. Старый домъ, гдѣ онъ провелъ младенческіе годы, сгорѣлъ. Вмѣсто него былъ выстроенъ новый, гораздо обширнѣе. Половину занималъ его штабный докторъ Никотинъ. Онъ былъ вдовецъ; два его сына, Иванъ и Ѳедоръ Екимовичи, были въ то время студентами Московскаго университета, а сестра ихъ[1]), Екатерина Екимовна находилась еще въ пансіонѣ, но спустя нѣсколько лѣтъ, вышла замужъ за младшаго брата Льва Александровича, Вячеслава Александровича Мея. Оба семейства жили очень дружно и составляли какъ бы одну семью. Бабушку свою Аграфену Станиславну Львъ Александровичъ уже не засталъ въ живыхъ; мать и тетка постарѣли; сестра выходила изъ пансіона и сдѣлалась красивою дѣвушкой; братъ кончалъ въ 1-мъ Московскомъ кадетскомъ корпусѣ, гдѣ воспитывался его отецъ, и года черезъ два былъ выпущенъ офицеромъ въ драгунскій полкъ, стоявшій въ Оренбургѣ. Это былъ высокій, стройный юноша съ вьющимися бѣлокурыми волосами, очень красивый, но нисколько не похожій на Льва Александровича. На своемъ ворономъ конѣ онъ напоминалъ старинныхъ нѣмецкихъ рыцарей.

Левъ Александровичъ поступилъ на службу въ канцелярію московскаго генералъ-губернатора и началъ каждый день ходить изъ Хамовниковъ на Тверскую. Канцелярскія дѣла мало его занимали, больше всего онъ любилъ бывать въ семьѣ Полянскихъ. Они принадлежали къ хорошему московскому кругу, жили въ то время на Тверской, въ собственномъ домѣ, не далеко отъ канцеляріи генер.-губ., и Левъ Александровичъ сдѣлался у нихъ почти ежедневнымъ посѣтителемъ.

Глава II.

Полянскіе и Архаровы.

Полянскіе состояли въ родствѣ съ Шлыковыми еще до рожденія Л. Ал. и до замужества его матери. Они никогда не прерывали дружескихъ отношеній къ семьѣ его и были спутниками почти всей жизни поэта.

Михаилъ Карповичъ Полянскій былъ тамбовскій дворянинъ, служилъ въ милиціи и ходилъ на Пугачева. Средняго роста, широко-

[1]) Стихотвореніе *„Катѣ Мей“* относится къ тому времени.

плечій, онъ обладалъ громадною силой. Одинъ съ рогатиной ходилъ на медвѣдя и всегда оставался побѣдителемъ. Мих. Карп. женился на дочери богатаго тамбовскаго помѣщика, на Еленѣ Семеновнѣ Давыдовой, и у нихъ было много дѣтей. Ближайшими ихъ сосѣдями были [1]) Архаровы, пользовавшіеся при Дворѣ большою извѣстностью. Николай Петровичъ Архаровъ былъ самымъ усерднымъ исполнителемъ распоряженій императрицы Екатерины Второй по внутреннему управленію. Иванъ Петровичъ Архаровъ былъ настоящимъ представителемъ русскаго барина старыхъ временъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Замѣчательнѣйшимъ временемъ въ жизни Архаровыхъ было царствованіе Императора Павла. Государь былъ отмѣнно милостивъ къ Ивану Петровичу, приказалъ одному полку называться Архаровскимъ и назначилъ И. П—ча московскимъ военнымъ губернаторомъ. Но въ концѣ 1800 г. Архаровыхъ постигло несчастіе: они получили повелѣніе немедленно выѣхать изъ Москвы. Десять мѣсяцевъ Архаровы прожили въ тамбовскомъ помѣстьѣ своемъ, селѣ Разсказовѣ.

Въ это-то время съ ними познакомился и подружился Михаилъ Карповичъ Полянскій. Умный, веселый, балагуръ, отличный наѣздникъ и стрѣлокъ, славный охотникъ, онъ пришелся по сердцу Архаровымъ. При немъ они забывали свое горе и не чаяли въ немъ души.

Николай Петровичъ не былъ женатъ, но Иванъ Петровичъ былъ женатъ на Екатеринѣ Александровнѣ Римской-Корсаковой. У нихъ было нѣсколько дочерей. Когда всемилостивѣйшій манифестъ Императора Александра Павловича возвратилъ Архаровыхъ въ Москву, Ив. Петр. и Екат. Алек., передъ отъѣздомъ изъ Разсказова, просили Полянскихъ отпустить съ ними ихъ старшую дочь, Екатерину Михайловну, которая подружилась съ ихъ дочерьми и очень имъ нравилась. Ей было тогда пятнадцать лѣтъ, и она была хороша, какъ майскій день. Въ большомъ свѣтѣ ее звали „Тамбовскою розою“.

По пріѣздѣ въ Москву Архаровы снова поселились въ Пречистенскомъ домѣ своемъ, на углу нынѣшняго Мертваго переулка, который тогда назывался Архаровскимъ. Въ ихъ домѣ собиралось избранное общество. Кромѣ лицъ знатныхъ и почетныхъ лучшіе люди того времени: Карамзинъ, Дмитріевъ, графъ Ѳ. В. Ростопчинъ и др., были постоянными посѣтителями ихъ дома, который зимою каждое воскресенье открывался для многочисленныхъ знакомыхъ [2]).

---

[1]) Некрологъ Александры Ив. Васильчиковой. Б. Бартеньевъ № 113 „Московскія Вѣдомости“ 1855 г.

[2]) „Московскій Альманахъ“ на 1826 г., ст. 272.

„Туда съѣзжались люди пожилые и заслуженные; тамъ почитали за честь быть всѣ извѣстные иностранные путешественники, а для молодыхъ людей лучшимъ одобреніемъ въ обществахъ московскихъ служило то, что они были приняты въ ихъ домѣ".—Лѣтнее время Архаровы проводили въ селѣ Иславскомъ, верстахъ въ 40 отъ столицы, на прекрасномъ луговомъ берегу Москвы-рѣки, по Звенигородской дорогѣ.

Когда братъ Екатерины Михайловны, Григорій Михайловичъ Полянскій, подросъ, его тоже прислали родители въ Москву, къ Архаровымъ, и онъ много лѣтъ у нихъ прожилъ. Какъ только ему минуло шестнадцать лѣтъ, его записали на какую-то гражданскую службу. Въ домѣ Архаровыхъ Полянскій познакомился и сошелся со многими молодыми людьми его возраста и въ особенности онъ подружился съ графомъ Матвѣемъ Александровичемъ Мамоновымъ. Когда насталъ двѣнадцатый годъ, графъ Матвѣй Александровичъ Мамоновъ вмѣстѣ со своимъ другомъ, Григорьемъ Михайловичемъ Полянскимъ, сформировалъ извѣстный казацкій полкъ, „мамоновцевъ", какъ называли его современники. Графъ былъ шефомъ полка, а Полянскій—его адъютантомъ, казначеемъ, квартирмейстеромъ и аудиторомъ. Въ то время каждому изъ нихъ было по 22 года, и они были неразлучны.

Въ четырнадцатомъ году они вмѣстѣ, побѣдоносно, входили въ Парижъ. Въ походной шкатулкѣ Полянскаго хранилось на милліонъ рублей звонкой монеты, для личныхъ расходовъ гр. Мамонова.

Послѣ кампаніи Мамоновскій полкъ былъ раскассированъ. Въ Москвѣ, за Нескучнымъ садомъ, на Воробьевыхъ горахъ, былъ построенъ великолѣпный дворецъ, съ огромнымъ садомъ.

Графъ Матвѣй Александровичъ Мамоновъ былъ туда отвезенъ и объявленъ сумасшедшимъ. Надъ нимъ и надъ его колоссальнымъ состояніемъ назначена была опека. Графа окружили огромнымъ штатомъ, но кромѣ докторовъ и опекуновъ, къ нему никого не пускали. А Полянскій поспѣшилъ уѣхать изъ Москвы въ Калужскую губ., въ село Писковацкое.

Глава III.

Домъ Паниныхъ.

Имѣніе, въ которое пріѣхалъ Григорій Михайловичъ Полянскій, принадлежало Ѳедору Александровичу Панину. Это былъ типъ богатаго русскаго помѣщика старыхъ временъ. Громаднаго роста, съ важной осанкой, онъ казался недоступнымъ. Въ молодые годы Панинъ служилъ въ гвардіи, вышелъ въ отставку, женился и безвы-

ѣздно поселился въ своемъ родовомъ имѣніи, въ селѣ Писковацкомъ. Панины держали дворню въ триста человѣкъ. Тутъ были: повара, кучера, псари, лакеи, сапожники, портные, парикмахеры, столяры, садовники и пр. Множество горничныхъ, прачекъ, швей, кружевницъ, портнихъ и т. д. У Паниныхъ были двѣ дочери: Анна и Олимпіада Ѳедоровны, и сынъ Александръ, гораздо моложе сестеръ. Когда онъ родился, ему прислали изъ Петербурга званіе камеръ-пажа.

У Ѳедора Александровича былъ другъ, Иванъ Николаевичъ Лыковъ, женатый на Кирѣевской. Она умерла, оставя ему двухъ дочерей, и года черезъ два послѣ нея Иванъ Николаевичъ Лыковъ тоже умеръ. Но передъ смертью онъ позвалъ Ѳедора Александровича Панина, сдѣлалъ его своимъ душеприказчикомъ и опекуномъ своихъ дочерей. Ѳедоръ Александровичъ далъ обѣтъ своему умирающему другу любить ихъ и заботиться о нихъ, какъ о собственныхъ дѣтяхъ и послѣ похоронъ отца увезъ ихъ съ собой въ Писковацкое. Старшей, Поленькѣ, было восемь лѣтъ, а второй, Анютѣ, четыре года. Но кромѣ нихъ, у Паниныхъ жили еще нѣсколько воспитанницъ, приживалокъ и учителей. Ѳедоръ Александровичъ и жена его Руфина Ивановна Панины никогда ни къ кому не ѣздили, но у нихъ бывала вся губернія, начиная съ губернатора и архіерея. Старшая дочь Паниныхъ, Анна Ѳедоровна, вышла замужъ за Шварца, онъ командовалъ Семеновскимъ гвардейскимъ полкомъ и былъ такъ жестокъ, что семеновцы взбунтовались. Младшая Панина, Олимпіада Ѳедоровна, была помолвлена за Николая Петровича Демидова. Она страстно его любила, но родители не допустили этого брака, потому что у Демидова былъ дурной характеръ. Олимпіада Ѳедоровна вышла замужъ за Алекс. Ѳед. Щулепова и черезъ годъ умерла въ чахоткѣ, а Демидовъ женился на ея двоюродной сестрѣ, знаменитой тогдашней красавицѣ, Вѣрѣ Егоровнѣ Паниной. Дочь ихъ, Александра Николаевна, была замужемъ за графомъ Алк. Густ. Армфельдомъ, министромъ Финляндіи. А дочери Анны Егоровны Паниной, вышедшей за Беринга: Меропа Александровна была за Новосильцевымъ, впослѣдствіи московскимъ гражданскимъ губернаторомъ и посаженнымъ-отцомъ Льва Алек. Мея, вторая же, Вѣра Александровна, за Абрамомъ Сергѣевичемъ Норовымъ, бывшимъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія.

Григорій Михайловичъ Полянскій пріѣхалъ въ Писковацкое со своимъ другомъ, а вскорѣ и зятемъ Панина, Александромъ Ѳедоровичемъ Щулеповымъ, которому въ то время удалось спасти одного молодого человѣка Шнейдера, отъ ярости народа, хотѣвшаго растерзать его за то, что онъ иностранецъ, не умѣвшій говорить ни слова по-русски; его приняли за шпіона. Щулеповъ скрылъ его

въ своемъ домѣ, а ночью вмѣстѣ съ Полянскимъ они уѣхали въ Писковацкое. Дорогой Щулеповъ выдавалъ Шнейдера за своего камердинера и оставилъ его у Паниныхъ въ качествѣ гувернера ихъ маленькаго сына Саши. Шнейдеръ былъ такъ хорошъ собой, что барышнямъ не позволялось у него учиться, чтобы онѣ въ него не влюбились. „Покажи намъ твоего розана!“ говорили барыни-старухи Руфинѣ Ивановнѣ, когда пріѣзжали въ гости къ Панинымъ. Этотъ розанъ много лѣтъ спустя былъ профессоромъ римскаго права въ Петербургскомъ университетѣ и училищѣ Правовѣдѣнія и директоромъ 3-й Петербургской гимназіи.

Глава IV.

Женитьба Г. М. Полянскаго и село Графченки.

Проживъ у Паниныхъ довольно долгое время, Полянскій вернулся въ Москву и поступилъ на службу въ почтовое вѣдомство.

Тамъ онъ подружился съ однимъ изъ своихъ молодыхъ сослуживцевъ, Ѳедоромъ Ивановичемъ Прянишниковымъ. Они служили въ одномъ отдѣленіи, но Полянскій, въ то время, занималъ мѣсто выше Прянишникова. Впослѣдствіи Прянишниковъ былъ почтъ директоромъ, что равняется теперешнему министру почтъ. Онъ сдѣлался масономъ, женился на воспитанницѣ князя Голицына, который помогъ его служебному возвышенію. Но Прянишниковъ остался до конца жизни другомъ Григорія Михайловича Полянскаго и перенесъ эту дружбу и участіе на его дѣтей.

Года черезъ четыре Полянскому снова пришлось быть у Паниныхъ. Когда онъ вторично пріѣхалъ въ Писковацкое, старшая Лыкова, Пелагея Ивановна, была уже замужемъ за мещевскимъ помѣщикомъ Иваномъ Петровичемъ Есауловымъ, а младшей, Аннѣ Ивановнѣ, только что минуло восемнадцать лѣтъ. Повыше средняго роста, съ греческимъ профилемъ, съ высокой грудью и пышными плечами, она была чрезвычайно бѣла и свѣжа, какъ только что распустившаяся роза. Въ большихъ свѣтлыхъ глазахъ и во всей ея особѣ выражалась дѣвственная чистота. Густые, свѣтло-русые волосы кольцами падали ей до колѣнъ. Она перетягивалась въ рюмочку и танцовала, какъ Терпсихора. Въ Калугѣ жили плѣнные турки. Когда Панины дѣлали праздники, турки пріѣзжали къ нимъ въ гости. Одному пашѣ очень хотѣлось купить Анну Ивановну Лыкову, но ему растолковали, что въ Россіи дворянки не продаются. Григорій Михайловичъ Полянскій, любившій все прекрасное, полюбилъ и ее. Свадьба ихъ была въ Писковацкомъ.

Послѣ свадьбы Полянскій, съ молодою женой, вернулся въ Москву и нѣкоторое время продолжалъ еще служить, но вскорѣ вышелъ въ отставку, купилъ имѣніе въ Тульской губерніи, Каширскаго уѣзда, не далеко отъ Каширы, по большой Зарайской дорогѣ. Сперва это село называлось Грабченки, потому что тамъ грабили проѣзжихъ, но Григорій Михайловичъ назвалъ ихъ Графченки. Онъ началъ съ того, что перенесъ всю деревню за полторы версты и переселилъ крестьянъ на большую дорогу, а землю, гдѣ находилась прежняя деревня, доходившая почти до господскаго дома, взялъ подъ фруктовые сады и цвѣтники. Онъ вытянулъ деревню въ ленту, на далекое пространство. Между каждыми двумя домиками былъ садикъ и огородъ; въ каждой избѣ одна чистая комната для проѣзжающихъ, для деревенскихъ праздниковъ и свадебъ.

Всѣ домики были выкрашены въ красную краску съ зелеными крышами. Но не успѣлъ онъ отстроиться, какъ крестьяне сожгли новую деревню. Какъ хищные звѣри, они привыкли жить въ трущобѣ и разбойничать, имъ не понравилось открытое мѣсто и свѣтъ.

Но Полянскій былъ человѣкъ съ желѣзной волей. Онъ еще разъ выстроилъ деревню, и она уже больше не сгорала.

Скоро крестьяне привыкли къ своему новоселью, и оно стало имъ нравиться. Каждый хозяинъ, кто только пожелалъ, имѣлъ постоялый дворъ: такъ какъ деревня была построена на большой дорогѣ, между Каширой и Зарайскомъ, то проѣзжающихъ помѣщиковъ и обозовъ было очень много. Крестьяне стали богатѣть, а черезъ нѣсколько лѣтъ, многіе изъ нихъ сдѣлались капиталистами. Зимою они торговали рыбой. Покупали ее по дешевымъ цѣнамъ въ Каширѣ, которая стоитъ на Окѣ, и возили продавать въ Москву. Полянскій всячески способствовалъ благосостоянію своихъ крестьянъ. Онъ завелъ винокуренный и уксусный заводы; по Зарайской дорогѣ ежедневно проходили въ Москву гурты воловъ; Григорій Михайловичъ выстроилъ у самой дороги скотный дворъ на сто головъ, гдѣ останавливались гурты для отдыха и ночлега, что способствовало удобренію земли. Осенью и зимою, когда курился винный заводъ, бардой отпаивали господскій и крестьянскій скотъ, а остальную продавали гуртовщикамъ. Для облегченія народнаго труда Полянскій выписывалъ всѣ новыя машины: молотилки, вѣялки и пр. Черезъ нѣсколько лѣтъ земля была такъ хорошо обработана, что въ Графченкахъ не бывало неурожайныхъ годовъ, а земля, гдѣ съ незапамятныхъ временъ находилась старая деревня, оказалась превосходною для фруктовыхъ и ягодныхъ садовъ. Въ Графченкахъ было болѣе пяти тысячъ яблонь, самыхъ отборныхъ сортовъ. Въ урожайный годъ вывозили по сту возовъ яблокъ, кромѣ тѣхъ

которыя оставались для хозяйства. Яблони отдавались на аренду и приносили хорошій доходъ. Цѣлыя куртины превосходныхъ вишень, сливъ, грушъ, дуль, бергамотъ; цѣлые отдѣльные сады со всевозможными ягодами. Явились парники и теплицы; разрыты были огромные пруды и насажена рыба, которую нѣсколько лѣтъ не ловили, пока она не расплодилась. Вездѣ прорѣзались дорожки, тѣнистыя липовыя и кленовыя аллеи; высокій курганъ оканчивался розовымъ павильономъ; по всему обширному саду разбросаны были: боскеты, грибки, сюрпризы; прохладный гротъ украшался изображеніемъ плещущихъ Наядъ, а передъ нимъ, окруженный цвѣтами и каменьями, высоко билъ фонтанъ. Подъ тѣнью столѣтняго вяза, широко раскинувшаго вѣтви, красовалась двухъ-ярусная бесѣдка съ надписью: „Solitude de mon aimable Annette". Стѣны этого уединенія любезной Анны украшались миѳологическими изображеніями и мягкими диванами. Верхній ярусъ бесѣдки окруженъ былъ открытой галлереей для музыкантовъ, а передъ бесѣдкой разстилался гладко выструганный полъ, обнесенный рѣшеткой съ фонарями; въ лѣтнее время тамъ танцовали. Отъ самой террасы дома на четверть версты шелъ роскошный цвѣтникъ. Тамъ красовались: піоны, нарцисы, ирисы, тюльпаны, мальвы, гвоздики, лиліи, колокольчики, красная барская спѣсь, кусты бѣлыхъ и алыхъ розъ, сирень и пр. Цвѣтникъ доходилъ до пруда, откуда на паромѣ переѣзжали въ церковь.

Домъ былъ перестроенъ заново. Вызванные изъ Москвы художники украсили потолки и карнизы изображеніемъ богинь, амуровъ и цвѣтовъ. На яркихъ стѣнахъ появились картины въ золоченыхъ рамахъ, зеркала и гравюры. Въ бытность свою за границей, а также и въ Москвѣ Григорій Михайловичъ пріобрѣлъ очень много хорошихъ вещей. Онъ любилъ ихъ и зналъ въ нихъ толкъ. Когда онъ уѣхалъ изъ Москвы, всѣ онѣ оставались въ домѣ сестры его, Екатерины Михайловны Шлыковой, но какъ только отстроился Графченскій домъ, Полянскій перевезъ туда всѣ свои драгоцѣнности, такъ что цѣлый рядъ комнатъ превратился въ маленькій эрмитажъ.

Каменные погреба фундамента наполнились запасами: вареній, соленій, копченій, маринованій и всего, что прежніе помѣщики заготовляли въ огромномъ количествѣ, для принятія гостей.

Въ отдѣльномъ погребѣ хранились вина, водки, наливки и шипучки, приготовленныя дома.

Какъ бывшій кавалеристъ, Полянскій очень любилъ хорошихъ лошадей и экипажи.

Кромѣ надворныхъ строеній, было построено нѣсколько флигелей. Одинъ изъ нихъ назначался для музыкантовъ. Какъ только

Полянскій купилъ имѣніе, онъ прежде всего выбралъ мальчиковъ изъ дворовыхъ и крестьянъ: одного изъ нихъ послалъ въ Москву, въ Англійскій клубъ, учиться поваренному дѣлу; нѣсколько мальчиковъ опредѣлилъ въ садовники, подъ надзоръ садовника-нѣмца, а изъ другихъ составилъ оркестръ музыкантовъ и послалъ ихъ къ Панинымъ въ Писковацкое, учиться музыкѣ. А когда они вернулись, для нихъ былъ нанятъ въ Тулѣ семинаристъ, онъ училъ ихъ грамотѣ и закону Божію, кромѣ того выписанъ изъ Москвы хорошій капельмейстеръ. Черезъ нѣсколько лѣтъ у Полянскаго былъ прекрасный оркестръ; нѣкоторые изъ музыкантовъ вышли очень талантливые люди, такъ что впослѣдствіи давали концерты въ Москвѣ, и большая часть изъ нихъ поступили въ театральный оркестръ.

Полянскій обратилъ особое вниманіе на нравственность крестьянъ: искоренилъ пьянство и разбои, выгналъ изъ своего имѣнія кабакъ, притонъ всѣхъ грабежей; не позволялъ мужикамъ бить своихъ женъ, такъ же какъ не позволялъ старостѣ давать беременнымъ и слабымъ женщинамъ тяжелыхъ работъ.

Онъ заново отстроилъ церковь и поновилъ иконостасъ. Самъ съ семействомъ бывалъ каждый праздникъ въ церкви, и всѣ крестьяне обязаны были ходить къ обѣднѣ и каждый годъ говѣть. Послѣ литургіи священникъ говорилъ имъ проповѣди и поученія.

Когда у крестьянина падала лошадь или корова, ему сейчасъ же покупали новую, но производилось слѣдствіе, отъ чего она пала? Григорій Михайловичъ былъ покровителемъ животныхъ и не могъ переносить жестокаго съ ними обращенія и также, какъ Левъ Александровичъ Мей, не любилъ охоты.

Въ Графченкахъ былъ такой обычай: когда крестьянинъ женился, то на другой день молодые приходили на поклонъ къ господамъ. Новобрачная получала въ подарокъ красный кумачный сарафанъ, обшитый галунами; а новобрачный кафтанъ, тоже съ галунами. Черезъ нѣсколько лѣтъ этихъ сарафановъ развелось такъ много, что они переходили къ сестрамъ и дочерямъ, и когда молодыя крестьянки работали въ саду, онѣ, какъ красный макъ, мелькали въ густой зелени. Черезъ нѣсколько лѣтъ, изъ разбойничьей трущобы, Графченки превратились въ уголокъ земного рая. Современники называли Г. М. Полянскаго „маленькимъ Наполеономъ". Это былъ умный, добрый, энергичный человѣкъ, съ эстетическими стремленіями. На Графченкахъ выразился вкусъ времени.

Глава V.

Анна Ивановна.

А пока Григорій Михайловичъ устраивалъ свое имѣніе, что же дѣлала Анна Ивановна? Она пѣла подъ свой аккомпаниментъ романсы; декламировала цѣлыя тирады изъ Расина и Корнеля; знала наизусть всѣ поэмы Пушкина и баллады Жуковскаго; очень хорошо знала греческую миѳологію; читала романы, на чувствительныхъ мѣстахъ плакала; принимала гостей и танцовала. Когда въ Графченкахъ дѣлались праздники, гости пріѣзжали наканунѣ и раньше.

Тогдашніе помѣщики ѣздили въ большихъ высокихъ каретахъ—цугомъ, съ форейторомъ, двумя лакеями, съ горничной, съ дѣтьми и гувернантками.

Изъ Каширы, гдѣ всегда стоялъ какой-нибудь армейскій полкъ, пріѣзжалъ полковой командиръ со своими офицерами. Гости жили по нѣскольку дней.

Анна Ивановна любила природу, цвѣты, поэзію и музыку. А мужъ любилъ ее и баловалъ, какъ ребенка. Онъ звалъ ее „Annette“, а она его „Mon mari“. Она любила этикетъ и приличія. При всякомъ нескромномъ разговорѣ краснѣла и не допускала въ своемъ присутствіи никакихъ вольностей.

Первые годы у Полянскихъ не было дѣтей, и когда родился первый сынъ Михаилъ, появленіе на свѣтъ было принято съ восторгомъ. Когда мальчикъ немного подросъ, отецъ развелъ новый садъ, построилъ тамъ мавзолей, въ верхней части его красовался гербъ Полянскихъ, съ девизомъ: „Dum spiro—spero“, а въ низу была надпись: „Jardin de mon fils Michel“. Но послѣ этого первенца у нихъ было еще очень много дѣтей, большая часть изъ нихъ умирали въ самомъ раннемъ возрастѣ. Когда родилась старшая дочь, отецъ назвалъ ее Софіей, въ память своей первой, юношеской любви къ Софьѣ Ивановнѣ Шлыковой, родной сестрѣ матери Льва Александровича Мея. Софья Ивановна умерла въ расцвѣтѣ лѣтъ. Л. А. упоминаетъ о своей теткѣ въ стихотвореніи „Покойнымъ“:

„Какъ нѣжны очерки лица и шеи бѣлой,
Какъ горделивъ погибъ у этой брови смѣлой,
Какъ молодая грудь легко округлена!“

Анна Ивановна очень мало занималась хозяйствомъ, для этого были ключницы и экономки. Въ кухню и людскую она никогда не ходила, это считалось неприличнымъ. Анна Ивановна не могла переносить никакой распущенности: она строго соблюдала всѣ приличія, любила этикетъ; въ домѣ порядокъ, чистоту, изящную обста-

новку. Для своихъ швей и кружевницъ она рисовала и составляла узоры и сама очень хорошо вышивала гладью. Съ ранней весны, какъ только появлялись первые подснѣжники и ландыши, ея дорогія фарфоровыя вазы ежедневно наполнялись свѣжими цвѣтами. Анна Ивановна жила въ какомъ-то идеальномъ мірѣ, не желая узнавать худой, въ особенности грязной стороны жизни. Она до преклонныхъ лѣтъ сохранила моложавый видъ, идеальный вкусъ. „Мама все букеты собираетъ“ говорилъ ей старшій сынъ, подсмѣиваясь. А Левъ Александровичъ Мей говорилъ о своей тещѣ, что онъ никого не знаетъ добрѣе ея.

Глава VI.

Михаилъ Карповичъ и Елена Семеновна Полянскіе.

Михаилъ Карповичъ и Елена Семеновна, продавъ свое тамбовское имѣніе, переѣхали въ Графченки. Для нихъ выстроили отдѣльный флигель, и они стали жить отдѣльною жизнью.

Въ большомъ домѣ вставали и ложились поздно; лакеи служили во фракахъ и бѣлыхъ нитяныхъ перчаткахъ; постоянно были гости; каждый день играла музыка и очень часто танцовали.

Старые господа вставали въ четыре часа утра, круглый годъ. Два часа они молились: Михаилъ Карповичъ читалъ вслухъ очередное евангеліе, псалтырь, каноны и все, что относилось къ денному богослуженію. Въ шесть часовъ они кушали чай, въ двѣнадцать обѣдали. Послѣ обѣда два часа отдыхали; въ пять опять пили чай и въ 8 ужинали. Послѣ чего еще часъ молились и въ девять часовъ были уже въ постели. Они соблюдали всѣ посты и за трапезой не разговаривали.

По праздникамъ Михаилъ Карповичъ читалъ всегда апостола въ церкви. Въ хозяйство сына онъ не вмѣшивался, но любилъ ходить на заводъ или на постройки, и самъ принималъ въ нихъ участіе, особливо когда былъ случай выказать свою молодецкую силу. Вообще, онъ цѣлые дни что-то точилъ, рубилъ и стругалъ; иногда ходилъ на охоту, съ ружьемъ и своей лягавой собакой.

Въ большомъ домѣ старые господа рѣдко бывали, но къ нимъ ежедневно приходилъ сынъ, невѣстка и дѣти.

Михаилъ Карповичъ любилъ пчелъ, и какъ только начиналась весна, онъ выбиралъ въ саду какое-нибудь возвышенное мѣсто, тамъ ему расчищали площадку, переносили его пчелиные ульи и разбивали вокругъ цвѣтники для пчелъ, а шалашъ онъ строилъ себѣ собственноручно. Въ шалашъ переносилась его постель, по стѣнамъ

его онъ развѣшивалъ свои ружья и охотничьи доспѣхи; бралъ нѣсколько священныхъ книгъ и на все лѣто переселялся туда, со своей собакой. Два лѣта сряду Михаилъ Карповичъ никогда не жилъ на томъ же мѣстѣ, но всегда выбиралъ такое, гдѣ было много липъ. Но онъ ежедневно, по нѣскольку разъ приходилъ въ свой флигель, чтобы молиться и трапезовать вмѣстѣ съ Еленой Семеновной. Перваго августа онъ присылалъ, въ подарокъ, сыну и внучатамъ собственнаго меда. Замѣчательно, что пчелы никогда его не кусали, онѣ какъ-будто знали его. Когда внучата подросли, они любили бѣгать къ дѣдушкѣ на пчельникъ, или зимой, усѣвшись съ ногами на теплую лежанку, слушали о томъ, какъ живали въ старину: о Пугачевѣ, о разбойникахъ, дѣдушка училъ ихъ пословицамъ и загадкамъ. „Мы столбовые дворяне", говорилъ онъ своей восьми-лѣтней внучкѣ, показывая длинные и узкіе, какъ ленты, куски толстой исписанной бумаги. „Это все наша родословная. Мы записаны въ шестой дворянской книгѣ".

Одинъ разъ, его маленькая внучка простудилась и заболѣла. Послали въ Каширу за полковымъ докторомъ. Михаилъ Карповичъ, узнавъ объ этомъ, пришелъ въ большой домъ, вывелъ на крыльцо дѣвочку, поставилъ ее лицомъ къ лѣсу и велѣлъ повторять за собой: „лѣсъ, лѣсъ, съѣмъ тебя, проглочу тебя, съ корнями, вѣтвями, листами" и пр. Послѣ чего приказывалъ три раза дунуть и плюнуть. Продержавъ ее на открытомъ крыльцѣ, съ четверть часа въ одномъ коротенькомъ платьѣ и легкихъ туфляхъ, въ трескучій морозъ, онъ привелъ ее домой. А когда пріѣхалъ докторъ, она была уже совершенно здорова.

„Съѣла ты моего Алешу", говорилъ онъ своей невѣсткѣ, когда умеръ его любимый внукъ. Онъ былъ убѣжденъ, что Алеша умеръ оттого, что мать его сглазила. Каждую субботу Мих. Кар. ходилъ въ баню. Ее такъ натапливали, что рѣдко кто могъ выносить такой жаръ, но онъ взбирался на потолокъ и заставлялъ себя парить, послѣ чего выходилъ на дворъ и на снѣгу приказывалъ обливать себя холодною водой, онъ называлъ это:—освѣжиться, и снова возвращался въ баню. Боленъ онъ былъ только одинъ разъ, и всю жизнь это помнилъ. „Былъ я тогда, говорилъ онъ, очень молодъ, еле-еле первый усъ сталъ пробиваться, и приключилась со мною горячка, вотъ и далъ мнѣ докторъ какое-то „*олимъ-оливаримъ*". Въ медицину онъ не вѣрилъ и насмѣхался надъ докторами. Не вѣрилъ такъ же, что можно счесть звѣзды небесныя и измѣрить глубину морскую. Мих. Карп. не любилъ, когда у него спрашивали, сколько ему лѣтъ? — „Много, батюшка, отвѣчалъ онъ съ неудовольствіемъ, и не сочтешь!" Онъ былъ широкъ и мускулистъ; свѣжъ и

румянъ лицомъ; вокругъ небольшой лысины вились густые, серебряные волосы; изъ подъ нависшихъ сѣдыхъ бровей бойко и насмѣшливо смотрѣли голубые глаза. Ходилъ онъ скоро и твердо, а бѣгалъ такъ шибко, что никто изъ ребятишекъ не могъ перегнать его въ горѣлки, хотя, какъ полагали, лѣтъ ему было въ ту пору около восьмидесяти. Въ свое время едва-ли кто могъ съ нимъ сладить, да и тогда еще ни одинъ парень не вывертывался изъ подъ руки его. А какой онъ былъ балагуръ, какой весельчакъ! На каждое слово у него была своя поговорка, или пословица.

„Дѣдушка, вы были влюблены въ бабушку"? Насмѣшливо спросилъ его одинъ разъ старшій внукъ.

— Я любилъ и уважалъ твою бабку", отвѣчалъ онъ ему строго. „Въ наше время въ благородныхъ дѣвицъ не влюблялись, это считалось непристойнымъ, но ихъ любили и уважали".

Пока Мих. Кар. охотился и пировалъ съ сосѣдями, въ своемъ Тамбовскомъ имѣніи, Елена Семеновна занималась воспитаніемъ дѣтей и вела не только домашнее, но и сельское хозяйство[1]). Ея свѣтлый умъ, твердость воли, благочестивая жизнь и необычайная доброта пріобрѣли ей любовь и уваженіе, не только ея дѣтей и родныхъ, но всѣхъ. кто знавалъ ее. Ел. Сем. разсказывала, какъ она выходила замужъ. Жениха ей выбрали батюшка съ матушкой; по тогдашнимъ обычаямъ, невѣста не должна была видѣть его до самой свадьбы, но ей такъ хотѣлось взглянуть на своего суженаго, что она рѣшилась подсмотрѣть его въ замочную скважину. Женихъ ей понравился, онъ былъ очень красивъ, но она думала, что совершила ужасное преступленіе. Ее такъ мучила совѣсть, что она рѣшилась покаяться во всемъ своему духовнику, и только тогда успокоилась, когда получила отъ него разрѣшеніе своего тяжкаго грѣха.

Ел. Сем. дожила до восьмидесятилѣтняго возраста, и, уже слѣпая, такъ тонко и ровно пряла на самопрялкѣ, что могла поспорить съ лучшей пряхой. Въ семьѣ ничего серьезнаго не совершалось безъ совѣта и согласія Мих. Кар. и Ел. Сем., на которую еще заживо смотрѣли какъ на святую. Мих. Кар. былъ гораздо старше своей жены, но пережилъ ее на много лѣтъ. Когда Григ. Мих. продалъ Графченки и переселился на житье въ Москву, Мих. Кар. не пожелалъ съ нимъ ѣхать, но перешелъ въ домъ священника, стояв-

---

[1]) Разсказъ Л. А. Мея „*Батя*" такъ правдивъ, что могъ бы служить біографіей для описанныхъ въ немъ: Мих. Карп. и Елены Сем. Полянскихъ, только сына ихъ, разсказывающаго про *Батю*, звали не Карпомъ, а Григоріемъ Михайловичемъ.

шій въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ церкви, возлѣ которой былъ семейный склепъ Полянскихъ. Онъ въ продолженіе многихъ лѣтъ проводилъ нѣсколько часовъ на дорогихъ ему могилахъ. Въ остальное время читалъ духовныя книги, молился и бесѣдовалъ со священникомъ. Только одинъ разъ во все время онъ пріѣзжалъ въ Москву, повидаться съ сыномъ и внучатами. Это было зимою, поднимаясь какъ-то по лѣстницѣ, онъ поскользнулся, упалъ и вывихнулъ въ плечѣ ключицу. Его посадили въ карету и отвезли въ городскую больницу. Всѣ бывшіе тамъ доктора собрались смотрѣть и дивиться желѣзному складу этого столѣтняго старика. Мих. Карп. требовалъ, чтобы ему растопили мѣди, что онъ ее выпьетъ и запаяетъ себѣ плечо. Мѣди ему не дали, но недѣли черезъ двѣ онъ совершенно оправился и уѣхалъ опять въ Графченки. Возвратясь къ священнику, онъ пожертвовалъ всѣ свои образа и книги въ церковь, собственноручно построилъ себѣ хижину на семейномъ склепѣ и сталъ жить отшельникомъ, но вскорѣ умеръ на прахѣ своей жены, дѣтей и внучатъ. Его положили рядомъ съ Еленой Семеновной.

Глава VI.

Екатерина Михайловна Шлыкова и Софья Григорьевна Полянская.

Екат. Мих. Полянская была красавица и умница. Она очень нравилась въ большомъ свѣтѣ. Между многими искателями ея руки были очень богатые и знатные люди, но тогда былъ романическій вѣкъ: богатствомъ и знатностью она увлекалась, но желала выдти замужъ по любви. Въ числѣ посѣщавшихъ домъ Архаровыхъ былъ молодой офицеръ: Александръ Алексѣевичъ Шлыковъ, онъ понравился Екат. Мих., и она вышла за него замужъ. Это былъ двоюродный братъ Ольги Ив. Шлыковой, матери Льва Алек. Мея.

Въ двѣнадцатомъ году семейство Ив. Петр. Архарова оставило Москву за два дня до вступленія въ нее непріятеля и принуждено было поселиться на время въ Нижнемъ Новгородѣ, куда собралось тогда почти все высшее общество Москвы. По изгнаніи французовъ, Архаровы уже не могли жить по-прежнему въ Москвѣ: домъ ихъ со всѣмъ убранствомъ и пожитками сгорѣлъ. Подмосковное имѣніе—Иславское было разорено, и они переселились въ Петербургъ. Тамъ въ скоромъ времени, одинъ за другимъ умерли Ив. Петр. и Никол. Петровичъ Архаровы. Главою семейства осталась Екатерина Александровна. Она была кавалерственная дама и пользовалась особыми милостями и уваженіемъ Царскаго семейства. Самъ Госу-

дарь Александръ Павловичъ нерѣдко удостоивалъ ее своимъ посѣщеніемъ и запросто проводилъ у нея вечера. Обѣ дочери Ек. Алек. были уже давно замужемъ: старшая Софья Ивановна вышла за графа Александра Ив. Соллогуба, отца извѣстнаго писателя Владимира Алек., а младшая—Александра Иванов. за Алексѣя Васильевича Васильчикова, внука гетмана Разумовскаго.

Екатерина Мих. Шлыкова очень рано овдовѣла. Она пріѣхала въ Графченки. чтобы въ родной семьѣ найти утѣшеніе своему горю, и прожила съ родными нѣсколько лѣтъ, принимая участіе въ воспитаніи дѣтей. Въ то время Ек. Ал. Архарова дѣлалась уже очень стара. Она просила Ек. Мих. пріѣхать къ ней и провести съ нею послѣдніе годы ея жизни. Ек. Мих. пріѣхала въ Петербургъ, но, проживя тамъ года съ два, начала тосковать по своимъ. Дѣтей у нея не было, а она желала имѣть кого-нибудь близкаго-родного. Чтобы удержать при себѣ Ек. Мих., Ек. Алекс. Архарова предложила ей взять къ себѣ старшую племянницу, обѣщаясь позаботиться объ ней и отдать ее въ институтъ своей пансіонеркой. Ек. Мих. обрадовалась, тотчасъ же написала объ этомъ брату и невѣсткѣ. Полянскіе, снарядивъ наскоро старшую дочь ихъ Софью, отвезли ее сперва въ Москву, къ теткѣ, второй сестрѣ ея отца, Натальѣ Михайловнѣ Оголиной, а черезъ нѣсколько времени, съ благонадежнымъ попутчикомъ, отправили въ Петербургъ.

Въ то время Ек. Ал. Архарова жила на углу Караванной и Итальянской улицъ, въ домѣ Голубцова. Она занимала одну половину бель-этажа, а въ другой помѣщалась старшая дочь ея Софья Ив. съ мужемъ графомъ Алек. Ив. Соллогубомъ, а сыновья ихъ: Левъ Алек., тогда Измайловскій офицеръ, и Владиміръ Алекс., окончившій курсъ въ Дерптскомъ университетѣ, жили въ томъ же домѣ, внизу.

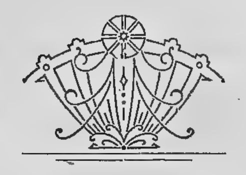
Екатер. Мих. была несказанно рада пріѣзду своей маленькой племянницы и крестницы, которая стала называть ее мамою. Старушка Архарова и всѣ домашніе полюбили Сонюшку и начали ее баловать: ей дарили затѣйливыя игрушки, книжки, лакомства. Ек. Мих. нарядила свою крестницу, какъ куклу. Въ институтъ поступать оказалось еще слишкомъ рано—не по лѣтамъ, такъ что для подготовки пригласили учителей, а французскимъ языкомъ занялась съ ней жившая у Ек. Алек. воспитанница Смольнаго монастыря, Анна Николаевна Симевская. Ек. Ал. Архарова не разставалась съ своими дочерьми: зимой, какъ было сказано, она жила вмѣстѣ съ графиней С. Ив. Соллогубъ, а лѣтомъ на дачѣ, въ Павловскѣ съ Алекс. Ив. Васильчиковой. Эта дача построена была въ видѣ покоя, по сторонамъ тянулись одноэтажные флигеля; одинъ изъ нихъ за-

нимала Ек. Ал. съ своимъ штатомъ, а другой семейство Васильчиковыхъ. Соединявшая ихъ поперечная галлерея съ стеклянными рамами и выходившая въ чудный цвѣтникъ, служила общимъ мѣстомъ сборища. Дальше раскинулся садъ съ прудомъ, а за нимъ лугъ, на которомъ устроены были качели, гимнастика; тамъ, когда собиралось много дѣтей, играли въ „*бары*“ и пр.

Наконецъ, пришло время поступать въ казенное заведеніе. Отслужили молебенъ, Ек. Алек. сама торжественно отвезла свою воспитанницу въ Екатерининскій институтъ.

А. Г. Полянская.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

РУССКАЯ СТАРИНА въ изд. 1911 г.

ТОМЪ СТО СОРОКЪ ПЯТЫЙ

ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ, МАРТЪ.

Записки и воспоминанія. СТРАН.

Изслѣдованія.—Историческіе и біографическіе очерки.—Переписка.—Разсказы.—Матеріалы и замѣтки.

СТРАН.

Портреты:

Приложенія:

Библіографическій листокъ.

9. С. В. Шульгинъ. Изъ дагестанскихъ преданій о Шамилѣ и его сподвижникахъ. Тифлисъ. 1910 г. Н. Л. (тамъ же).

10. Перечень въ алфавитномъ порядкѣ книгъ, поступившихъ съ 18-го по 25-е ноября 1910 г. (тамъ же).

11. Опись документовъ и дѣлъ, хранящихся въ Сенатскомъ Архивѣ. (На оберткѣ мартовской книги).

12. Сенатскій архивъ. Т. XIV. Спб. 1910 г. (тамъ же).

13. Труды Саратовской Ученой Архивной Комиссіи. Выпускъ 26-й Саратовъ 1910. (тамъ же).

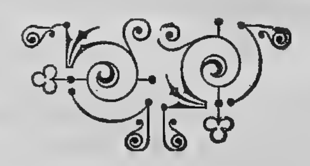
14. І. И. Иллюстровъ. Жизнь русскаго народа въ его пословицахъ и поговоркахъ. Сборникъ русскихъ пословицъ и поговорокъ. Изданіе 2-е, Спб. 1910. (тамъ же).

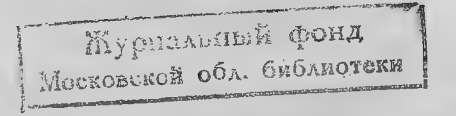
15. Уральцы. Очерки быта уральскихъ казаковъ. Полное собраніе сочиненій І. И. Желѣзнова. Изданіе 3-е, подъ редакціей Н. А. Бородина. Томъ I—III. Спб., 1910. (тамъ же).

16. Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Т. 129-й. Памятники дипломатическихъ сношеній Московскаго государства съ Шведскимъ государствомъ. Т. I. 1556—1586 г.г. Спб. 1910. (тамъ же).

17. Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ архивѣ Святѣйшаго Правительствующаго Синода. Т. XXXIX (1759 г.). Спб. 1910. (тамъ же).

18. Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Т. 130-й. Бумаги кабинета министровъ Императрицы Анны Іоанновны. Т. X. Юрьевъ. 1909. (тамъ же).

Поправки. Въ февральской кн. № 2. Въ статьѣ „Письмо депутата перваго призыва", на стр. 347, 23 стр. сверху напечатано: Мы будемъ, слѣдуетъ читать—Мы не будемъ; стр. 358, въ отмѣткѣ Государя на поляхъ напечатано: *главный конецъ*, слѣдуетъ читать—*главный конёкъ*.

Редакторъ-издатель **П. Вороновъ.**

